

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕсяТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХУ.

1884.

СЕНТЯБРЬ.

235

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЪЯВЛЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.	1
Дружининъ. О житіи Корнелія Выгопустинскаго, написанномъ Пахоміемъ.	1
А. Н. Веселовскій. Въ вопросу объ источникахъ сербской Александрии. V—VIII (Окончаніе).	16

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Левницкій. Боярская дума древней Руси. В. Ключевскаго. М. 1883.	86
И. А. Бозеко. Введеніе христіанства въ Лифляндію. Г. Трусмана. С.-Пб. 1884.	132
А. И. Соболевскій. Къ исторіи звуковъ ново-болгарскаго языка .	155
В. П. III. Древности вавилоно-ассирійскія. Н. Астафьева. С.-Пб. 1882.	160
К. С. Мережковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи .	177
И. П. Минаевъ. Великій русскій миссіонеръ	219
Н. И. Петровъ. Вліяніе церковнаго ученія и духовной письменности на міросозерцаніе Русскаго народа. А. Попова. К. 1883 .	227
Е. Н. А. Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. А. Федорова. С.-Пб. 1884	233
— Die Stundenpläne für Gymnasien, Realgymnasien und Realschulen Deutschlands. Von Uhlig. H. 1884	236
— Наша учебная литература (разборъ двухъ книгъ) . . .	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Московскій публичный и Румянцевскій музеи съ 1879 по 1882 годъ	1
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.	10

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. В. Никитскій. Одна изъ неизданныхъ надписей Олимпіи (со снимкомъ)	1
Э. Л. Радловъ. Этника Аристотеля. III (продолженіе).	16
Э. М. Шульце. Новыя раскопки на Делосѣ.	38

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (продолженіе) .	193
--	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го сентября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХУ.

1884.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

P Slav 318.10

~~Славянск.~~

~~P Slav 318.10~~

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Екатерин. Каналъ, д. № 78.
2688.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (1-го мая 1884 года). По положенію объ Александровскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ въ гор. Киржачѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по положенію объ Александровскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ въ Киржачѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи положенія для Александровскаго женскаго двухкласснаго училища въ гор. Киржачѣ, мнѣніемъ положилъ:

Проектъ положенія объ Александровскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ въ гор. Киржачѣ поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

2. (6-го іюля 1884 года). Объ утвержденіи проекта устава пенсіонной кассы главнаго нѣмецкаго училища св. Петра въ С.-Петербургѣ.

Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи проекта устава пенсіонной

кассы главнаго нѣмецкаго училища св. Петра въ С.-Петербургѣ, в принимая во вниманіе, что со стороны министра внутреннихъ дѣлъ не встрѣчается препятствій къ увеличенію, впредь на десять лѣтъ, пособія пенсіонной кассѣ главнаго нѣмецкаго училища изъ церковныхъ суммъ прихода св. Петра до восьми тысячъ руб. въ годъ, положила:

1) Разрѣшить проектированныя церковнымъ совѣтомъ прихода св. Петра измѣненія въ порядкѣ назначенія изъ пенсіонной кассы главнаго нѣмецкаго училища означеннаго прихода пенсій за службу въ этомъ учебномъ заведеніи, а также отпускъ изъ церковныхъ суммъ того же прихода впредь на десять лѣтъ, сверхъ четырехъ тысячъ руб., назначаемыхъ на усиленіе средствъ вышеупомянутой кассы, дополнительнаго на тотъ же предметъ пособія въ размѣрѣ четырехъ тысячъ руб. въ годъ; и

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія утвердить выработанный церковнымъ совѣтомъ прихода св. Петра и одобренный имъ проектъ устава вышеназванной пенсіонной кассы.

Государь Императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го іюля 1884 года). Положеніе о стипендіи имени Констанціи Ѳедоровны Гросвальдъ при Тверской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Тверской Маріинской женской гимназій учреждается одна стипендія имени Констанціи Ѳедоровны Гросвальдъ, на проценты съ пожертвованнаго для этой цѣли Тверскою городскою думою капитала въ пятьсотъ рублей.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ билетѣ государственнаго казначейства IV выпуска за № 10903, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ означеннаго капитала обращаются на уплату за

право обученія стипендіатки, а весь могущій производти отъ этой уплаты остатокъ присоединяется къ основному капиталу.

4) Право выбора стипендіатки принадлежитъ Констанціи Федоровнѣ Гросвальдъ, а затѣмъ переходитъ къ Тверской городской думѣ, по соглашенію съ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, при чемъ стипендіатками могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

5) Стипендіатка, оказывающая при хорошемъ поведеніи удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія стипендіею до окончанія полнаго курса ученія въ гимназій или до выхода изъ оной по какимъ-либо другимъ причинамъ; за малоуспѣшность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія, или за неодобрительное поведеніе, стипендіатка, согласно опредѣленію почетельнаго совѣта гимназій и по соглашенію съ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, можетъ быть лишена права пользованія стипендіею и ранѣе окончанія курса ученія или выхода изъ заведенія.

6) Пользованіе настоящею стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

2. (17-го іюля 1884 года). Правила о преміи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Рахманинова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Учреждается премія въ 500 руб. съ цѣлью способствовать самостоятельной дѣятельности воспитанниковъ университета св. Владиміра. Она выдается такимъ образомъ: золотая медаль приблизительно въ 200 руб. и 300 руб. деньгами.

2) Премія выдается каждые два года за лучшее самостоятельное руководство или научное изслѣдованіе, написанное въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ по предметамъ, входящимъ въ область наукъ физико-математическаго факультета. Премія можетъ быть также выдана за открытіе или изобрѣтеніе, имѣющее научное значеніе.

Примѣчаніе. Сочиненія могутъ быть представлены какъ печатныя, такъ и рукописныя, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если сочиненіе будетъ одобрено, то премія выдается только послѣ напечатанія его.

3) Премія можетъ быть выдана только лицу, получившему образование въ университетѣ св. Владиміра. Студенты университета Св. Владиміра могутъ быть также удостоиваемы преміи, если ихъ сочиненія, открытія и изобрѣтенія будутъ признаны самостоятельными и заслуживающими награды или поощренія.

4) Премія, не выданная въ одномъ году, можетъ быть выдана въ слѣдующемъ. Премія же, не выданная въ два года, присоединяется къ капиталу для увеличенія преміи.

5) Премія присуждается опредѣленіемъ физико-математическаго факультета, которое должно быть утверждено совѣтомъ университета св. Владиміра.

6) Для соисканія преміи сочиненія представляются ректору университета св. Владиміра, но физико-математическому факультету предоставляется право присудить премію и сочиненію, не представленному на соисканіе преміи, если оно будетъ удовлетворять условіямъ, изложеннымъ въ пунктахъ 2 и 3.

7) Срокъ подачи сочиненій для соисканія первой преміи назначается 1-го августа 1885 года, а присужденіе преміи должно послѣдовать не позже 1-го января 1886 года. Тѣ же числа и мѣсяцы остаются постоянными и для всѣхъ послѣдующихъ премій. Выдача преміи должна производиться во время торжественнаго акта университета св. Владиміра.

3. (18-го іюля 1884 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Пермскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 18-го іюля 1884 года, учреждается при Пермскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, на проценты съ пожертвованнаго иногороднымъ торгующимъ на Ирбитской ярмаркѣ купечествомъ, капитала въ шесть тысячъ рублей, одна стипендія, съ наименованіемъ оной „Александровскою“, въ ознаменованіе 25-тилѣтія царствованія Императора Александра II-го.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ Пермскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіаты набираются изъ сыновей бѣднѣйшихъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ преимущественно города Ирбита.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежать Ирбитской городской думѣ.

§ 5. Проценты съ капитала расходуются подъ непосредственнымъ контролемъ педагогическаго совѣта училища на плату за право ученія стипендіата, на его содержаніе и на приобрѣтеніе для него учебныхъ пособій и другія надобности, причемъ деньги на содержаніе стипендіата выдаются ежемѣсячно въ опредѣленной суммѣ.

§ 6. Отчеты о расходахъ стипендіальныхъ суммъ, а также свѣдѣнія объ успѣхахъ, вниманіи, прилежаніи и поведеніи стипендіата, ежегодно сообщаются педагогическимъ совѣтомъ Ирбитской городской думѣ.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ содержанія стипендіата или употребляются въ слѣдующіе годы пребыванія его въ училищѣ на необходимые расходы, или же выдаются ему по окончаніи курса въ училищѣ.

§ 8. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время ученія въ Пермскомъ реальномъ училищѣ, но въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія можетъ быть лишенъ стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 10. Еслибы по учрежденіи означенной стипендіи, послѣдовало преобразование училища, или упраздненіе, за учрежденіемъ вмѣсто онаго другаго типа учебнаго заведенія, то и настоящая стипендія должна быть перечислена въ спеціальныя средства того учебнаго заведенія, которое откроется вмѣсто Пермскаго Алексѣевскаго реальнаго училища.

4. (18-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. почтителямъ учебныхъ округовъ о выпискѣ третьяго прибавленія къ Почтовому дорожнику, изданіе 1880 года.

Въ настоящее время главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ издано третье прибавленіе къ Почтовому дорожнику изданія 1880 года, объ измѣненіяхъ въ направленіи почтовыхъ трактовъ и платѣ прогоновъ, послѣдовавшихъ съ 1-го февраля 1883 по 1-е марта текущаго года.

Сообщая о вышеназложенномъ, министерство внутреннихъ дѣлъ

просить министерство народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ подвѣдомственные сему министерству учрежденія и должностныя лица, обязанныя руководствоваться дорожникомъ при назначеніи прогонныхъ денегъ, приобрѣли означенное прибавленіе, которое можно получать изъ исполнительской части главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, по 15 коп. за экземпляръ, не иначе, какъ по представленіи квитанцій во взносѣ означенныхъ денегъ въ С.-Петербургское губернское казначейство. Иногородныя учрежденія и лица за означенное прибавленіе должны вносить въ мѣстныя казначейства по 26 коп. за экземпляръ, считая въ томъ числѣ пересылку; квитанціи же, полученныя изъ казначействъ во взносѣ денегъ, доставлять въ исполнительскую часть главнаго почтоваго управленія, съ точнымъ указаніемъ адреса, по которому должно быть выслано прибавленіе.

О вышезложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, въ дополненіе къ циркулярному предложенію моему отъ 30-го марта минувшаго года за № 4256, для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ, милостивнй государь, учебному округу.

5. (18-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей „Стѣнной классной таблицы“ К. А. Шмидта.

Надворный совѣтникъ К. А. Шмидтъ издалъ „Стѣнную классную таблицу“ (цѣна 25 коп., съ пересылкою 30 коп.), популярно излагающую, какъ слѣдуетъ правильно сидѣть, стоять и ходить, не обременяя излишне своего организма, каковая таблица въ минувшемъ году была допущена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрена какъ пособіе для заведеній, въ которыхъ преподается педагогика.

Признавая распространеніе означенной таблицы между учащимся юношествомъ весьма полезнымъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній на названное изданіе, на случай выписки онаго для фундаментальныхъ бібліотекъ этихъ заведеній.

6. (24-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о содѣйствіи духовенству въ дѣлѣ церковно-приходскихъ школъ.

Въ министерство народнаго просвѣщенія препровожденъ, для свѣдѣнія, изъ святѣйшаго правительствующаго синода указъ отъ 24-го

іюня настоящаго года, въ коемъ сообщается, что Государь Императоръ, въ 13-й день іюня сего года, Высочайше соизволилъ утвердить правила о церковно-приходскихъ школахъ. При чемъ Его Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшей запискѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода по этому предмету Собственноручно начертать: „Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“.

Святѣйшій синодъ, въ вышеозначенномъ указѣ, повторяя сіи священныя слова Государя Императора, налагаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Державная воля возлюбленнаго Монарха подтверждаетъ нынѣ православному духовенству возложенную на него долгомъ званія обязанность учительства къ просвѣщенію народа въ истинахъ православной вѣры и въ правилахъ благочестія. Слово Монарха, обращенное къ пастырямъ и учителямъ церкви, послужить для нихъ возбужденіемъ къ ревности въ священномъ ихъ служеніи, дабы совокупнымъ ихъ трудомъ и примѣромъ собственной жизни воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій, преподавать имъ знаніе вѣры, всецѣль въ сердца ихъ любовь къ Св. Церкви и преданность Царю и Отечеству. Святѣйшій синодъ возлагаетъ на епархіальныхъ архіереевъ особое попеченіе какъ о поддержаніи существующихъ, такъ и объ устройствѣ, по мѣрѣ возможности, новыхъ церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ никакихъ училищъ не имѣется, при чемъ указываетъ, что надлежитъ прилагать заботу не только объ умноженіи школъ, но въ особенности о томъ, чтобы обученіе повсюду, гдѣ есть школы, происходило старательно и правильно. Въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, духовенство должно открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи преосвященнаго съ подлежащимъ начальствомъ, такъ какъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію сему дѣлу. На должность наблюдателей за церковно-приходскими школами должны быть назначаемы преимущественно тѣ изъ священниковъ, кои извѣстны своимъ усердіемъ и опытностію въ дѣлѣ учительства и народнаго образованія. Вниманіе преосвященныхъ должно быть обращено и на привлеченіе къ сему дѣлу просвѣщенныхъ и благочестивыхъ мірянъ, извѣстныхъ прежнимъ своимъ усердіемъ къ устройству церковно-приходскихъ школъ и способныхъ личнымъ трудомъ и попеченіемъ или

матеріальною помощію оказать свое содѣйствіе: участіе въ трудахъ епархіального совѣта и въ наблюденіи за школами людей благочестивыхъ и преданныхъ церкви поможетъ духовенству въ усовершеніи дѣла, на него возложеннаго. Святѣйшій синодъ питаетъ надежду, что архипастыри Всероссійской церкви со тщаніемъ и любовью приложатъ трудъ свой къ утвержденію въ народной школѣ церковнаго начальнаго образованія въ духѣ благочестія, что священники, руководствуясь 10-мъ правиломъ седьмаго Вселенскаго собора, будутъ помнить, что имъ „диче всего подобаеъ учить отроковъ, читая имъ Божественное писаніе, ибо для сего и священство получили“, и что вообще всѣ члены клира, служа по мѣрѣ силъ народному просвѣщенію, оправдаютъ то высокое довѣріе къ православному духовенству, которое Государь Императоръ благоволилъ выразить при утвержденіи правилъ. Призывая благословеніе Господне на всѣхъ трудящихся въ церковно-приходскихъ школахъ, святѣйшій синодъ уповаеъ, что школы сіи будутъ истинными разсадниками христіанскаго просвѣщенія въ православномъ народѣ“.

Церковно-приходскія школы, вѣроятно ближайшему вѣдѣнію и руководству православнаго духовенства, которое съ первыхъ временъ основанія Русскаго государства стояло во главѣ распространенія образованія въ народѣ, несомнѣнно окажутъ весьма полезное вліаніе среди сельскаго и городскаго населенія нашего обширнаго отечества.

Министерство народнаго просвѣщенія вполнѣ сознаеъ, что развитіемъ и совершенствованіемъ народныхъ училищъ Россія и за послѣднее время во многомъ обязана духовенству, потому что до начала 60-хъ годовъ священно-и церковно-служители были почти единственными учителями сельскихъ школъ; они не только учили дѣтей, но и поддерживали школы своими скудными средствами. Духовенство и словомъ, и дѣломъ старалось распространять въ народѣ довѣріе къ училищамъ, открываемымъ на средства земствъ и городскихъ обществъ и учреждаемымъ на суммы казны. Многія образцовыя одноклассныя и двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія возникли благодаря почину и живому участію священниковъ, слово которыхъ оказываеъ почти всегда дѣйственное вліаніе на паству. Министерство можеъ указать на многихъ духовныхъ лицъ, которыя состоятъ доселѣ почетными блюстителями и попечителями сельскихъ училищъ, поддерживая ихъ нравственно и помогая матеріально. Сотни училищъ открыты только потому, что прежде

священно и церковно-служители обучали у себя на дому дѣтей и тѣмъ подготовляли грамотное населеніе. Въ виду всего этого, министерство всегда относилось съ особымъ сочувствіемъ къ дѣятельности духовенства на поприщѣ народнаго образованія, и не дагѣе, какъ въ 1879 г. бывшій министр народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, въ циркулярѣ, разосланномъ по дирекціямъ народныхъ училищъ, выражалъ, „что духовенство, призываемое на означенное поприще и долгомъ пастырства, и волею Монарха, и историческимъ значеніемъ православной церкви въ судьбахъ отечественнаго просвѣщенія, всегда можетъ и по своему умственному развитію и по близости къ народу, оказывать въ семъ отношеніи тѣмъ большія услуги, чѣмъ благоприятнѣе будутъ условія для народообразовательной дѣятельности самого духовенства и чѣмъ полнѣе будетъ готовность помогать ему на этомъ поприщѣ со стороны какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ и сословныхъ учреждений. Питая, продолжаетъ графъ Д. А. Толстой, такую увѣренность и, въ видахъ обезпеченія надлежащаго направленія сего образованія, проникаясь мыслью о необходимости дѣятельнѣйшаго въ ономъ участія со стороны православнаго духовенства, я считаю непремѣнною обязанностью вѣреннаго мнѣ министерства всѣми зависящими способами содѣйствовать духовенству въ такомъ участіи и располагать его къ оному, будучи убѣжденъ, что труды, подлежащія духовенству на поприщѣ школьнаго образованія народа, не останутся впредь безъ матеріальнаго въ соотвѣтственной мѣрѣ постояннаго вознагражденія въ суммѣ казны“.

Вѣрное своимъ преданіямъ и своему назначенію, министерство народнаго просвѣщенія съ радостью приметъ настоящему призыву духовенства къ усиленію его дѣятельности въ трудахъ учительства, возложеннаго на него самимъ Божественнымъ Основателемъ Церкви. Уже по этому одному министерство увѣрено, что органы его по управленію народными училищами—попечители учебныхъ округовъ, директора, инспекторы, уѣздные и губернскіе училищные совѣты—отнесутся съ особымъ вниманіемъ къ церковно-приходскимъ школамъ и всегда будутъ готовы оказывать духовенству содѣйствіе къ открытію, совершенствованію и размноженію сихъ школъ. Народныхъ училищъ такъ мало сравнительно съ населеніемъ и пространствомъ обширной имперіи, что возникающія церковно-приходскія школы восполняютъ потребность въ обученіи народа, который охотно будетъ

вѣрять дѣтей школъ, устроеной подъ сѣнію церкви. Всѣ призваніе служить высочайшей цѣли просвѣщенія народа должны быть первыми доброжелателями, самыми искренними друзьями и пособниками школы, которая руководится непосредственно іерархами и пастырями православной церкви.

Я не сомнѣваюсь, что чины министерства народнаго просвѣщенія, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ управленій, въ сознаніи необходимости полнаго единодушія въ дѣлѣ просвѣщенія народа, будутъ содѣйствовать духовенству въ его благихъ начинаніяхъ всѣми зависящими отъ нихъ способами. Школа—естественная союзница церкви, и въ святомъ дѣлѣ ея веденія не можетъ быть ни розни, ни пререканій; всякое недоразумѣніе, еслибъ оно гдѣ-нибудь и по какому-либо случаю возникло, должно быть разрѣшаемо въ духѣ христіанской любви и мира, съ устраненіемъ всѣхъ разчетовъ тщеславія, гордости и себялюбія, которыя въ каждомъ дѣлѣ предосудительны, а въ настоящемъ были бы и прямо преступны. Всякій, болѣе или менѣе причастный къ дѣлу народнаго образованія, пусть постоянно имѣетъ въ виду, что и нынѣ существующія училища, и возникающія церковно-приходскія должны стремиться къ одной общей цѣли—къ обученію и просвѣщенію подрастающаго поколѣнія на неизблемыхъ основахъ вѣры и въ духѣ всецѣлой преданности престолу и отечеству.

7. (26-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей изданнаго Настюковымъ „Альбома фотографическихъ группъ волостныхъ старшинъ, бывшихъ на Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ“.

Московскій фотографъ Высочайшаго двора М. Настюковъ издалъ въ текущемъ году Альбомъ фотографическихъ группъ волостныхъ старшинъ, въ первый разъ призванныхъ со всей Россіи для участванія въ торжествахъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Цѣна съ пересылкою: альбома большаго размѣра 75 руб. и малаго 50 руб.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ подвѣдомственныхъ вамъ, милостивый государь, среднихъ учебныхъ заведеній на означенное изданіе, на случай выписки онаго для бібліотекъ сихъ заведеній.

8. (14-го августа 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о сношеніяхъ предварительно открытія училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ церковно-приходская школа, съ мѣстными преосвященными архіереями.

Святѣйшій синодъ въ указѣ своемъ отъ 27-го іюня текущаго года, за № 1407, при коемъ разосланы правила о церковно-приходскихъ школахъ, между прочимъ разъяснилъ синодальнымъ конторамъ и епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, духовенство должно открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи преосвященнаго съ подлежащимъ начальствомъ.

Принимая во вниманіе такое постановленіе святѣйшаго синода, и съ своей стороны, въ виду достиженія потребнаго въ семъ дѣлѣ единушія между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ просвѣщенію народа, признаю необходимымъ предложить къ исполненію, чтобы мѣстныя начальства вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, предварительно разрѣшенія на открытіе въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждена церковно-приходская школа, какъ образцовыхъ министерскихъ начальныхъ училищъ, такъ и школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ и содержимыхъ на средства обществъ, земствъ или частныхъ лицъ, каждый разъ входили о семъ въ сношеніе съ мѣстными преосвященными.

Имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книги протоіерея Петра Смирнова, законоучителя Московской 2-й гимназіи:

„Священная исторія Ветхаго Завѣта въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1882“, и

„Священная исторія Новаго Завѣта въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1882“—одобрить для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебныхъ руководствъ по священной исторіи.

— Книгу: „Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ П. Смирновскій. Часть первая (выпуски 1 и 2). Древній и средній періоды. Изданіе 4-е, вновь обработанное. М. 1884. Цѣна 1 р. 25 к.“—одобрить какъ пособіе при изученіи исторіи русской словесности въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ.

— Книгу: „Методическая русская хрестоматія для V, VI, VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье III-го тома Русской хрестоматіи, вновь дополненное. Составилъ Левъ Поливановъ. Удостоена малой преміи Императора Петра Великаго. Въ двухъ частяхъ: Часть I—для изученія стилистики и теоріи прозы. Часть II—для изученія теоріи поэзіи. М. 1883. Цѣна 2 р. 50 к.“—одобрить какъ пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности и при упражненіи въ сочиненіяхъ учениковъ V, VI, VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русская хрестоматія. Составилъ Левъ Поливановъ. Часть II. Для III и IV классовъ средне-учебныхъ заведеній. Изданіе 6-е. М. 1884. Цѣна 1 р. 20 к.“—одобрить какъ пособіе при обученіи русскому языку въ III и IV классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, то-есть, гимназій (мужскихъ и женскихъ) и реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 10-е. М. 1884. Цѣна 70 к.“—рекомендовать какъ учебное пособіе для употребленія въ гимназіяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Учебникъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Часть I. Русская и церковно-славянская этимологія. Изданіе 7-е. М. 1881. Цѣна 1 р. 20 к.“—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткій учебникъ русской грамматики (Синтаксисъ и Этимологія) для учениковъ трехъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Левъ Поливановъ. Изданіе 8-е. М.

1882. Цѣна 50 к.—одобрить какъ учебное руководство для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. О работѣ малолѣтнихъ и женщинъ на фабрикахъ. Магистранта полицейскаго права А. Федорова. С.-Пб. 1884. Стр. 402 въ 8-ку. Ц. 2 р. 75 к.“—одобрить для основныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

— Книгу „Законъ Вожей для русскихъ народныхъ школъ. Выпускъ первый. Молитвы, символъ вѣры, десятословіе и заповѣди о блаженствахъ, съ присоединеніемъ рассказовъ о главнѣйшихъ праздникахъ. Протоіерея Іоакима Романова. Изд. 7-е. С.-Пб. 1882 г. Въ 16 д. л., 143 стр. Ц. 20 к.“—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу „Жизнь и ученіе Іисуса Христа. Евангельскіе рассказы. Съ 27 рисунками. Изд. редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. С.-Пб. 1882 г. Въ 8 д. л., 262 стр.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу „Книга для назидательнаго чтенія. Изъ журнала „Воскресное чтеніе“, издаваемого при Кіевской духовной академіи. Кіевъ 1869 г. Въ 6. 8 д. л., 488 стр.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу „Для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ „Воскреснаго чтенія“, выходящаго при Кіевской духовной академіи. Изд. 2-е. Кіевъ 1870 г. Въ 8 д. л. 210 стр.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу „Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Протоіерея Петра Смирнова. Изд. 2-е. М. 1882 г. Въ 8 д. л. 92 стр. Цѣна 30 коп.“—одобрить къ употребленію въ городскихъ и равныхъ съ ними училищахъ.

— Книгу „Наставленіе въ Законъ Вожіемъ. Трехгодичный курсъ народнаго училища, послѣдовательно изложенный по новой программѣ. Протоіерея Петра Смирнова. М. 1883 г. Въ 8 д. л. 85 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Книгу „Вѣнчаніе Русскихъ государей на царство. Съ 217 рисунками. Изд. Германа Гоппе. С.-Пб. 1882 г. Въ листъ, 283 стр. Цѣна въ бумажкѣ 10 руб., въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями и золотымъ обрѣзомъ 14 руб.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Краткая отечественная географія, составленная подъ редакціею преподавателя географіи И. Михайлова. Съ приложеніемъ 20 географическихъ картъ, 4 плановъ важнѣйшихъ русскихъ городовъ и большой карты Европейской Россіи. Изд. 2-е. С.-Пб. 1883 г. Въ 6. 8 д. л., 96 стр. Цѣна 60 коп.“—одобрить какъ руководство для городскихъ училищъ.

— Книгу „Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Составилъ А. Гердъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 158 стр. Цѣна 80 коп.“—одобрить какъ руководство для городскихъ училищъ.

— Составленные Н. Бунаковымъ книги: 1) „Азбука и уроки чтенія и письма. Изд. 29-го и 30-го. Спб. 1884 г. Въ 8-ю д. л. 28 стр.“ Цѣна 25 к. 2) „Книжка-первипка. Чтеніе послѣ азбуки. Изд. 5-е и 6-е. С.-Пб. 1884 г.“ Въ 8-ю д. л., 48 стр. Цѣна 15 к.“ 3) „Въ школѣ и дома. Книга для чтенія. Часть I, курсъ втораго года начальной школы. Изд. 13-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ю д. л. 110 стр. Цѣна 35 к.“—4) „Въ школѣ и дома. Книга для чтенія. Часть II, курсъ третьяго года начальной школы. Изд. 10. С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ю д. л., 207 стр. Цѣна 65 к.“—5) „Грамматическія и орографическія упражненія въ начальной народной школѣ. Приложение 1-й и 2-й части книги для чтенія „Въ школѣ и дома“. С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ю д. л., 38 стр. Цѣна 15 коп.“—одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ. 6) „Въ школѣ и дома. Часть 3-я хрестоматія для городскихъ училищъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1883 г. Въ 8-ю д. л., 173 стр. Цѣна 70 коп.“—одобрить для употребленія въ городскихъ училищахъ.

— Книгу „Книга для чтенія, примѣненная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по „Родному слову“ К. Ушинскаго. Составилъ А. Варановъ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1884 г.“ Въ 6. 8-ю д. л., 143 стр. Цѣна 45 коп.“—одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ какъ классное пособіе.

— Книгу „Картофель. Какую онъ приноситъ пользу и какъ надо съ нимъ обращаться. Составилъ В. Д. Кренке. Изд. С.-Пб. Комитета грамотности. С.-Пб. 1884 г.“ Въ 16-ю д. л., 20 стр. Цѣна 5 к.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу „Методика обученія письму въ народной школѣ, съ

критико-библиографическимъ обзорѣиемъ методическихъ руководствъ и пособій для обученія письму. Составилъ С. Миропольскій. Изд. 5-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ю д. л., 99 стр. Цѣна 65 коп.“—одобрить для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу „Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Составилъ Н. Бунаковъ. Изд. 9-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 6. 8-ю д. л., 196 стр. Ц. 1 р.“—одобрить для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ.

— Изданія редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ“: 1) „О земной жизни Пресвятой Богородицы. С.-Пб. 1872 г. Въ 8-ю д. л., 51 стр. Цѣна 20 коп.“—2) „Преподобный Исаакій Далматскій. С.-Пб. 1870 г. Въ 8-ю д. л., 6 стр.“—3) „Житіе св. преподобномученика и исповѣдника Θεодора. С.-Пб. 1870 г. Въ 8-ю д. л., 9 стр.“—4) „Житіе св. великомученика Пантелеймона. С.-Пб. 1876 г. Въ 8-ю д. л., 14 стр. Цѣна 7 коп.“—5) „Жизнь и страданіе св. мученика Михаила кн. Черниговскаго. С.-Пб. 1873 г. Въ 8-ю д. л., 14 стр. Цѣна 7 коп.“—6) „Житіе св. мучениковъ Адриана и Наталіи. С.-Пб. 1876 г. Въ 8-ю д. л., 11 стр. Цѣна 7 коп.“—7) „Объясненіе всемогущаго бдѣнія. Изд. 5-е. С.-Пб. 1881 г. Въ 8-ю д. л., 24 стр. Цѣна 7 коп.“—8) „Христіанскій подвигъ солдата. С.-Пб. 1880 г. Въ 8-ю д. л., 31 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу „Жизнь преподобнаго Θεодосія Печерскаго. Составилъ И. Вѣляевъ. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1865 г. Въ 16-ю д. л., 60 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу „Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго. Сочиненіе И. Ремизова. Изд. 2-е. С.-Пб. 1881 г. Въ 16-ю д. л., 68 стр. текста и 26 стр. примѣчаній. Цѣна 10 коп.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу „Митрополитъ Филиппъ Т. Толмачевой. М. 1875 г. Въ 32 д. л., 64 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу „Для народнаго чтенія. О Кіевской старинѣ. Чтеніе 1-е. Составилъ В. Щербина. Кіевъ. 1884 г. Въ 32 д. л., 30 стр. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ г. Кіева и его окрестностей, а также для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ: 1) „Церковь Христа
часть сохххv, отд. 1.

со времянъ апостоловъ. Два чтенія: I. Св. апостолы. Св. мученики. Свящ. Опато вича. II. Св. отцы и учителя церкви. Св. первоучители славянскіе Кирилль и Меѳодій. Раздѣленіе церкви на восточную (православную) и западную (католическую). А. Бочетова. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 88 стр. Цѣна 20 к.^а—2) „Соловецкій монастырь. С. Маѳимовъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 44 стр. Цѣна 12 к.^а—3) „Нашествіе Татаръ и князь Михаилъ Тверской. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 36 стр. Цѣна 10 к.^а—4) „Какъ изъ сѣмечка вырастаетъ растение, какъ оно питается, какъ живетъ и чѣмъ полезно человеку. Кн. В. М. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 83 стр. Цѣна 25 к.^а—5) „Весѣда о флотѣ. Д. Шишмарева. Съ рисунками и краткимъ морскимъ словаремъ. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 64 стр. Цѣна 25 к.^а—6) „Мореходъ Никитинъ. Пересказъ повѣсти Марлинскаго. С.-Пб. 1884 г. Въ 32 д. л., 48 стр. Цѣна 5 к.^а—7) „Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ смѣѣ. С.-Пб. 1884 г. Въ 32 д. л., 71 стр. Цѣна 5 к.^а—одобрить для ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданія Киевскимъ отдѣломъ Россійскаго Общества покровительства животнымъ книги подъ заглавіями: 1) „О вредѣ разоренья дѣтими птичьихъ гнѣздъ. Пастырская бесѣда съ прихожанами священника Іоанна Граціанскаго. Киевъ. 1883 г. Въ 8 д. л., 16 стр. Цѣна 2 к.^а и 2) „Для народнаго чтенія. Изъ бесѣды о любви къ животнымъ. (Стихотворенія Пушкина, Кольцова и Некрасова). Киевъ. 1884 г. Въ 16 д. л., 19 стр. Цѣна 3 к.^а—допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) открыть, съ начала 1884—1885 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при V классѣ Могилевской гимназій, съ установленіемъ размѣра платы за ученіе во вновь открываемой параллели по 40 р. въ годъ съ каждаго ученика; 2) закрыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Ставропольской мужской гимназій и открыть таковое же съ начала 1884—1885 учебнаго года, при IV классѣ этой гимназій, а также сохранить параллельное отдѣленіе при III классѣ этой гимназій; 3) закрыть, съ начала 1884—1885 учебнаго года, параллельныя отдѣленія

при III и VI классахъ Новгородсѣверской гимназiи и открыть, взаимѣнъ оныхъ, таковыя же отдѣленія при IV и I классахъ названной гимназiи; 4) закрыть, съ наступающаго 1884—1885 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при I классѣ Воронежской гимназiи и, взаимѣнъ онаго, открыть таковое же отдѣленіе при II классѣ названной гимназiи; 5) открыть, съ наступающаго 1884—1885 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Лубенской гимназiи и увеличить въ помянутомъ заведеніи размѣръ платы за ученіе: въ приготовительномъ классѣ съ 14-и до восемнадцати р. и въ остальныхъ классахъ съ 20 до двадцати пяти р. въ годъ съ cadaго ученика; 6) закрыть параллельное отдѣленіе при V классѣ Виленской I гимназiи и открыть, взаимѣнъ онаго, съ начала 1884—1885 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при IV классѣ этой гимназiи, съ установленіемъ платы за ученіе во вновь открываемой параллели по шестидесяти р. въ годъ съ cadaго ученика; 7) закрыть параллельное отдѣленіе при IV классѣ Одесской 3-й гимназiи и открыть, взаимѣнъ онаго, съ начала 1884—1885 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при 5-мъ классѣ названной гимназiи; 8) увеличить съ начала 1884—1885 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Киевской четвертой гимназiи, въ приготовительномъ классѣ съ 30 р. до сорока р.: а въ остальныхъ классахъ съ 40 до пятидесяти р. въ годъ съ cadaго ученика; 9) установить въ Бѣлоцерковской гимназiи съ 1884—1885 учебнаго года размѣръ платы за ученіе: въ приготовительномъ классѣ по тридцати р. а въ остальныхъ по сорока р. въ годъ съ cadaго ученика; 10) увеличить съ начала будущаго 1884—1885 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Острожской прогимназiи: въ приготовительномъ классѣ съ 15 до двадцати р. и въ остальныхъ классахъ съ 20 до тридцати р. въ годъ съ cadaго ученика; 11) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Тульской гимназiи, съ начала 1884—1885 учебнаго года: въ приготовительномъ классѣ съ 16 до двадцати-пяти р., а въ остальныхъ съ 30 до тридцати-пяти р. въ годъ съ cadaго ученика, и 12) увеличить, съ начала 1884—1885 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Кутаисской четырехклассной прогимназiи: въ приготовительномъ классѣ съ 10 до шестнадцати р. и въ остальныхъ классахъ съ 12 до двадцати р. въ годъ съ cadaго ученика.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено преобразовать Александровское двухклассное городское училище (Вла-

днірской губерні) въ трехклассный составъ, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію третьяго класса на средства городского общества.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 3-го текущаго августа послѣдовало открытіе однокласнаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ с. Великомъ-Раковцѣ, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи, при 41 учащихся.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, признавъ необходимымъ составленіе „Учебника по всеобщей географіи для низшихъ четырехъ классовъ гимназій и прогимназій“, предлагаетъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, составленіе такого учебника на соисканіе премій Императора Петра Великаго, назначивъ для сего трехгодичный срокъ, именно 1-е ноября 1887 года.

О ЖИТИИ КОРНИЛІЯ ВЫГОПУСТЫНСКАГО, НАПИСАННОМЪ ПАХОМІЕМЪ.

Въ первоначальной исторіи раскола изслѣдователю приходится встрѣчаться преимущественно съ двумя типами расколуучителей. Къ одному принадлежатъ горячіе поборники его ученій, готовые за древніе обряды идти на мученія и пытки, въ которыхъ видятъ средство войти въ Царство Небесное; таковы, на примѣръ, протопопъ Аввакумъ, поцъ Лазарь, инокъ Епифаній. Къ другому типу принадлежатъ отшельники, дѣль которыхъ состоитъ въ сохраненіи своихъ вѣрованій помощію удаленія отъ міра. Тѣ и другіе стремятся пропагандировать свое ученіе; но первые дѣлаютъ это открыто, не смотря на запрещенія со стороны верховной власти, и стараются даже убѣдить послѣднюю оставить „новини“; вторые же ведутъ пропаганду тайно, привлекая своимъ строгимъ подвижничествомъ окрестныхъ жителей, которыхъ и совращаютъ въ расколъ. Изъ этой группы расколуучителей можно назвать Іова Тимофеева, бѣжавшаго на Донъ, гдѣ онъ и основалъ Чирскую пустынь, Данила Викулина, братьевъ Денисовыхъ. Къ этому типу принадлежитъ и инокъ Корнилій, съ житіемъ котораго мы намѣрены познакомить читателей.

Расколуучители перваго типа оставили по себѣ яркій слѣдъ въ исторіи: уцѣлѣли ихъ сочиненія и слѣдственные дѣла о нихъ. Расколуучители же втораго типа, едва ли не болѣе первыхъ поработавшіе для распространенія и утвержденія раскола, остались по большей части малоизвѣстными. Ихъ подвиги помнили лишь ближайшіе ученики самихъ подвижниковъ, и только въ XVIII вѣкѣ ревностные историки раскола стали записывать сохранившіяся въ памяти учениковъ ихъ.

никовъ свѣдѣнія о жизни и дѣлахъ учителей. Но они записывали кратко, и притомъ не все, а лишь самое выдающееся и имѣющее ближайшее отношеніе къ предмету ихъ повѣствованія ¹⁾. Поэтому многія преданія исчезли со смертью учениковъ подвижниковъ, которые сохраняли эти преданія о своихъ учителяхъ. Существовали, вѣроятно, и записи этихъ нѣкоторыхъ учениковъ, подобно тому, какъ въ древней Руси были черновыя монастырскія записки о богѣ выдающихся подвижникахъ, и по этимъ запискамъ позднѣйшіе писатели составляли свои витиеватыя житія ²⁾. Естественно, что эти послѣднія житія, содержашія въ себѣ много назидательнаго элемента, охотнѣе читались, чѣмъ сухой пересказъ событій изъ жизни того или другаго подвижника, и потому охотнѣе переписывались и богѣ распространялись, чѣмъ ихъ источники, которые, вслѣдствіе незначительнаго числа списковъ, въ большинствѣ случаевъ исчезли. Очевидно, что эти „памяти“ и „первичныя редакціи“—такъ называетъ г. Некрасовъ эти монастырскія записки—въ случаѣ написанія ихъ при жизни или вскорѣ по смерти подвижника, могли бы дать весьма цѣнный историческій и историко-литературный матеріалъ. Особенно важны были бы такіе первоисточники для исторіи раскола, такъ какъ позднѣйшіе его историки отличаются пристрастіемъ и изобиліемъ вымысловъ; поэтому, чтобы пользоваться ихъ трудами, необходима большая предварительная кри-

¹⁾ Напримеръ Иванъ Филипповъ, въ своей „Исторіи Выговской пустыни“, записываетъ не все, что онъ знаетъ о ея подвижникахъ, а лишь выборку изъ бывшаго въ его распоряженіи матеріала. Такъ на стр. 277 (по изданію Кожанчикова. С.-Пб. 1862) онъ говоритъ: „Многіе благіе мужи, живущіи по всей Выговской пустыни благимъ добрымъ пустыннымъ житіемъ, христіанскою кончиною и к Богу отъидоша. Точно объявляю въ сей исторіи отъ части самыхъ малыхъ, въ обонхъ обителяхъ, о которыхъ ниже сего повѣствуется, а прочіихъ оставляю продолженіи ради самому Богу вѣдуще судбами своими в книгахъ животныхъ написатися молвѣя“. Объ устныхъ источникахъ его „Исторіи“ *ibid.* стр. 219, — говоритъ объ Андрѣ Денисовѣ: „сіе тако слышавъ и написахъ“. Еще—о смерти инока Ермолая на стр. 298: „Преставленіе же его сицево бысть, яко слышахъ бо азъ отъ нѣкоего мужа, а онъ слыша отъ преставляшагося Луки Θεодорова, а Лука слыша отъ Ісаіи Евоніева отъ его вложныхъ оустъ“.

²⁾ О такихъ „черновыхъ“ запискахъ см. подробно у г. Некрасова, *Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси. Одесса. 1870, вып. I.* Авторъ полагаетъ (на стр. 13), что подобныя записки (памяти) составляли исключительно монастырскую собственность и не пускались въ народъ въ цѣломъ своемъ видѣ, а лишь отдѣльныя ихъ части (на стр. 14) могли случайно попадать въ сборники. Объ этихъ же запискахъ см. у г. *Ключевскаго, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва. 1871, гл. VIII (стр. 412).*

тическая работа надъ ними. Къ сожалѣнію, малое количество изданныхъ памятниковъ раскольничьей литературы много препятствуетъ такой работѣ, и потому сообщеніе этихъ первоисточниковъ является весьма желательнымъ. Мы, съ своей стороны, имѣемъ въ виду обратить вниманіе изслѣдователей на одинъ изъ нихъ; на него мимоходомъ уже ссылались изслѣдователи, но до настоящаго времени онъ подробно не описанъ. Мы разумѣемъ житіе инока Корнилія, написанное ученикомъ и келейникомъ его—Пахоміемъ. Не вдаваясь въ критическое изслѣдованіе этого памятника, мы изложимъ нѣкоторыя наши соображенія относительно его редакцій и времени ихъ написанія. Считаемо не лишнимъ сказать при этомъ нѣсколько словъ о самомъ инокѣ Корниліѣ и о его дѣятельности на основаніи его житія.

Кононъ—такъ звали Корнилія до постриженія—родился въ предѣлахъ Великаго Устюга на рѣкѣ Тотмѣ, въ крестьянской семьѣ. Пятнадцать лѣтъ остался онъ сиротой. Еще въ дѣтствѣ любилъ онъ посѣщать церковныя службы, а выучившись грамотѣ, увлекся житіями святыхъ. Особенно онъ полюбилъ житіе св. Іоанна Кущника и преподобнаго Архипа ¹⁾. Почувствовавъ склонность къ иноческому житію, онъ сталъ разпрашивать о немъ монаховъ и, наконецъ по наущенію нѣкоторыхъ изъ нихъ, направился въ Ветлужскіе лѣса къ отцу Капитону, съ тѣмъ чтобы постричься у него. Капитонъ однако не исполнилъ его желанія, найдя Конона слишкомъ юнымъ, а пребываніе въ своемъ монастырѣ—слишкомъ тягостнымъ для молодаго человѣка. Онъ посоветовалъ ему отправиться въ монастырь Корнилія Комельскаго. Тутъ Конона, дѣйствительно, приняли и черезъ годъ, послѣ искуса, постригли, нарекли ему имя Корнилія и отдали на послушаніе старцу. Здѣсь пробылъ Корнилій 24 года, до смерти своего наставника. Затѣмъ, съ благословенія настоятеля, отправился Корнилій странствовать по монастырямъ, „хотя видѣти, како отцы подвизаются“. Побывалъ онъ въ Тронце-Сергіевомъ монастырѣ, въ Кирилловомъ и въ другихъ, но долѣе жилъ въ Чудовомъ. Нѣсколько разъ предлагали ему священство, но онъ считалъ его бременемъ, которое ему не по силамъ, и отказывался отъ него. Изъ Чудова монастыря взялъ его патріархъ Іоасафъ (1634—1640 гг.) къ себѣ въ пекаря. Пробывъ въ этой должности около двухъ лѣтъ, Корнилій отправился въ Новгородъ, обшелъ его окрестные монастыри, а потомъ поступилъ

¹⁾ Житія эти—чисто аскетическаго характера: оба святые прославились благодаря умерщвленію плоти и воздержанію отъ житейскихъ благъ.

къ Новгородскому митрополиту Афеонію (1635—1649 гт.), тоже въ лекаря. По удаленіи Афеонія на покой, Новгородскую кафедру получилъ Никонъ (1649—1652 гт.). Корнилій зналъ его еще простымъ монахомъ, а потому остался и при немъ въ той же должности лекаря. Въ это время сошелся Корнилій съ соловецкимъ діакономъ Пименомъ и Тихвинскаго Весѣднаго монастыря игуменомъ Досноеемъ: они замѣтили, что Никонъ началъ вводить въ богослуженіе новшества и стали удалаться отъ него ¹⁾. Поэтому, черезъ нѣсколько времени, Корнилій ушелъ въ Москву. Здѣсь патриархъ Іосифъ (1642—1652 гт.) далъ ему службу въ соборѣ Архангельскомъ надсмотрѣніе надъ попами и дьяками, ковать и смирять за нѣкоторыя преступленія²⁾. Какъ видно, Корнилій сумѣлъ пріобрѣсть большое довѣріе патриарха. Но, не смотря на это довѣріе, онъ тяготился исполненіемъ своей новой обязанности и считъ необходимымъ удалиться въ Чудовъ монастырь, гдѣ прожилъ до возведенія Никона на патриаршій престолъ (1652 г.). Когда же начались гоненія на державшихся древнихъ обрядовъ, многіе друзья Корнилія—Аввакумъ и другіе выступили ярми защитниками этихъ обрядовъ и противниками нововведеній патриарха, за что и пострадали. Корнилій считъ за лучшее укрыться отъ преслѣдованія и бѣжалъ съ Досноеемъ на Донъ, гдѣ скрывался три года, и затѣмъ отправился въ Кирилловъ монастырь, а оттуда въ Нилову пустынь, гдѣ все еще соблюдались древніе обряды. Здѣсь онъ пробылъ двѣнадцать лѣтъ. Однако, новшества проникли и туда, а потому Корнилію, побуждавшему инокѡвъ твердо держаться старинны, послѣ рукопашной схватки съ водворявшими никоніанство, пришлось бѣжать и изъ этой пустыни. Онъ направился на сѣверъ, въ Пудожскіе предѣлы гдѣ и оставался до самой своей смерти. Строгимъ подвижничествомъ, начитанностью ³⁾ и поученіями снискалъ онъ здѣсь всеобщее уваженіе и извѣстность. Его стали посѣщать многіе приверженцы старинны, которыхъ онъ укрѣплялъ въ вѣрѣ отцовъ и благословлялъ на подвиги. Такъ, благословилъ онъ и Даніила Викулина съ Андреемъ Денисовымъ на основаніе общежитія, которое впоследствии получило такое значеніе не только на сѣверѣ, но и во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Но кромѣ раскольниковъ, стекались къ Корнилію, послушать его поученій, и мѣстные православные жители,

¹⁾ Это указаніе на начало реформъ Никона не справедливо. См. *Александра Б. Опис. раскольн.* соч. С.-Пб. 1862 г. I, стр. 180.

²⁾ „Самъ книга баше“, говоритъ о немъ біографъ.

которыхъ онъ легко совращалъ въ расколъ. Умеръ Корнилій въ глубокой старости, 125 лѣтъ отъ роду. Онъ канонизованъ ¹⁾ раскольниками и до сихъ поръ они особенно высоко чтутъ его ²⁾.

По воззрѣніямъ своимъ, кромѣ общихъ всѣмъ расколоучителямъ несогласій съ православною церковью, Корнилій является сторонникомъ перекрещиванія, которое могъ совершать и простолюдинъ „по нужди не сущу іерею“ ³⁾. Убѣждая своихъ слушателей въ превосходствѣ старой вѣры передъ новою, онъ старался склонять ихъ къ дѣвственному иноческому житію.

Насколько намъ извѣстно, специально житію Корнилія были посвящены двѣ статьи, обѣ вышедшія въ 1861 году. Первая изъ нихъ принадлежитъ о. Александру В. и помѣщена въ 1-й части его Описанія нѣкоторыхъ сочиненій, писанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола (С.-Пб. 1861 г., стр. 166—182). Авторъ составилъ подробное описаніе житія по позднѣйшей, литературной редакціи, которая, по его догадкѣ, принадлежитъ перу Семена Денисова. Написана она въ 1731 году ⁴⁾.

Вторая статья, посвященная житію Корнилія—г. Максимова; она находится въ его „Разсказахъ изъ исторіи старообрядчества по раскольничьимъ рукописямъ“ (С.-Пб. 1861 г., стр. 5—38). Это просто пересказъ житія, составленный по редакціи Пахомія, послужившей Семену Денисову источникомъ для его литературной редакціи. Къ сожалѣнію, разказъ г. Максимова не исчерпываетъ всего содержанія житія и не даетъ яснаго и отчетливаго понятія ни о характерѣ Корнилія, ни о его дѣятельности. Заслуга г. Максимова состоитъ въ томъ, что онъ первый указалъ на существованіе той редакціи житія ⁵⁾, которая извѣстна была лишь по ссылкѣ на нее Семена Денисова.

Два списка этой первичной редакціи житія, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія и имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ позднѣйшею (Семена Денисова), находятся въ сборникахъ Им-

¹⁾ *А. Поповъ*, Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати бібліотеки А. И. Хлудова. Москва. 1872 стр. 582. рик. № 303 (XIX вѣка): Службы раскольниковъ новозявленнымъ святымъ. л. 25. Мѣсяца марта въ 30 день преставленіе преподобнаго отца нашего Корнилія Выгопустынскаго. л. 41 об. Молитва преподобн. отцу Корнилію.

²⁾ *Максимовъ*, Разказы изъ исторіи старообрядчества. С.-Пб. 1861 г. стр. 37.

³⁾ Житіе Корнилія, написанное Пахоміемъ, л. 167 об.—168.

⁴⁾ Описаніе нѣк. соч. I, стр. 166 и 168.

⁵⁾ Разказы изъ лет. старообрядчества стр. 5 и 38.

ператорской Публичной Библиотеки Q. I. № 401 и O. I. № 153. Наиболѣе исправный изъ нихъ первый; имъ-то, какъ мы уже выше сказали, мимоходомъ пользовались исследователи ¹⁾. Сборникъ ²⁾, въ которомъ

¹⁾ Профессоръ Барсовъ въ полемической запискѣ „Нѣсколько словъ по поводу изданія въ свѣтъ раскольниковыхъ рукописей“ (*Церковный Вѣстникъ* 1876 г. № 20 стр. 4); профессоръ Нилскій въ своемъ возраженіи г. Барсову (*ibid.* въ № 39) и г. Жмаинъ—въ книгѣ: Митрополитъ Давидъ и его сочиненія, стр. 457 прим. 4-е. Они указываютъ на существованіе этого текста, при чемъ первые два исследователя пользовались имъ по вопросу о возврѣщеніяхъ Корнилія на бракъ, а г. Жмаинъ пользовался статьями, помѣщенными послѣ житія, которыя онъ, безъ всякаго основанія, приписалъ Пахомію (объ этомъ скажемъ ниже).

²⁾ Вотъ составъ его: Л. 1—Миніатюрныя святцы; л. 2, по 15 об.—Копія съ указовъ 1722—1723 гг. объ увѣщаніи Олонецкихъ раскольниковъ и о посылкѣ къ нимъ іеромонаха Неофита; л. 18 (ошибочно обозначенъ 15-мъ)—Списокъ съ епископін что былъ Галичанинъ посаджой человекъ Степанъ Троишниковъ Нечаевъ юродивый и его рукописаніе какъ пошелъ юродствовать, нач.: „Доблему читателю о Господѣ радоватися. Авъ грѣшный прощу и колю твою любовь...“; л. 33—„Сей св. и бл. Степанъ погребенъ въ Галичѣ“ (Копія съ надписи на образѣ его); л. 35—Письмо того же Степана къ дядѣ его Гаврилу Самсоновичу. Всѣ эти статьи писаны скорописью и полууставомъ XVIII вѣка; л. 36 об. 72—Молитвы съ крестами и безъ крестовъ XVII вѣка; на л. 57—“ дѣта 7170(1662) году... покаянны сія творихъ“, а на л. 48 об. „дѣта 7176 (1667) году мѣа апрѣля въ 6 день сей покаянный изложилъ“; л. 72—Списокъ святыхъ русскихъ по городамъ со указаніемъ на время преставленія (списокъ XIX вѣка), нач.: „Градъ Кіевъ во благочестіи святыхъ въ немъ и въ пещерахъ...“; л. 112—Писаніе страдальца Феодора Діакона о Антихристовой прелести нестрообразной, нач.: „Посланіе старца отъ христіанъ ведущаго божественное писаніе...“ (первыхъ строкъ нѣтъ въ печатномъ изданіи—Матеріалы для исторіи раскола т. VI, стр. 79); л. 123 об.—130 об.—Выписки изъ св. отцовъ; л. 131—Соловецкая челобитная сентября 176 (1667) года, нач. „Благовѣрному и благочестивому и въ православіи пресвѣтло сіяющему“... Напечатана въ Матер. для исторіи раскола т. III стр. 213; л. 147—Выписки изъ в. Петра Дамаскина и другихъ книгъ; л. 157—174 об.—Житіе Корнилія, нач. „Сей отецъ нашъ Корнилій родился на Тотмѣ рѣцѣ...“; л. 174 об.—177—Статья о патріархѣ Никонѣ, слышанныя и записанныя учениками Корнилія отъ него; л. 177— Шаки не Никоню волцѣ и хищницѣ и богоотступницѣ достовѣрное свидѣтельство, нач.: „ Иже пастырь бысть во овчей кожѣ“...—сочиненіе діакона Феодора (см. *Субботина*, Матер. для истор. раск. т. VI, предисловія стр. XXVI), напечатано въ Приложеніяхъ къ VI тому Матеріаловъ для истор. раск. подъ № 1. Нашъ списокъ полнѣе. На л. 183 помѣтка: „Списано въ Архангелскѣ марта въ 6-й день 1778 года“; л. 184—189 об.—Письмо къ Константину Сергѣевичу отъ 3 Іюля 1701 года (о вѣрѣ); л. 190—214.—XIII глава Апокалипсиса съ толкованіями, направленными противъ „напортниковъ и записныхъ“ раскольниковъ; л. 214.—Слово Архимандрита Московскаго Боголюбленскаго монастыря Спиридона Потемкина, нач.: „Благочестивымъ и христіюлюбивымъ людемъ,

списокъ этотъ находится, сплетенъ изъ нѣсколькихъ тетрадокъ, писанныхъ различными почерками и въ разное время. Наше житіе занимаетъ въ немъ мѣсто отъ л. 151 по л. 174 об. и составляетъ съ слѣдующими за нимъ статьями о патріархѣ Никонѣ какъ бы отдѣльную тетрадь; написана она въ Архангельскѣ въ 1778 году. Въ этой редакціи житіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Повѣсть душеполезна о житіи и о жизни преподобнаго отца нашего Корниліа. На Выгу рѣцѣ, близъ озера Онѣга“ ¹⁾. О доброкачественности нашего списка свидѣтельствуетъ слѣдующее его послѣсловіе: „Сію же повѣсть житіе и жизнь писалъ изъ самыхъ устъ отца Корниліа слышати, сожитель, келейникъ его инокъ Пахомій живый со отцемъ Корниліемъ на Выгу рѣцѣ идѣже преставися, отъ негоже и пострижеса въ иночество 12 лѣтъ отъ юности, і еже слышахъ сіе и написахъ, тако отъ самаы истинны въ ползу слышачимъ и чтущимъ во спасеніе душамъ и въ наследіе живота вѣчнаго. Азъ же грѣшный писавши сіе повѣствованіе, съ самага руки отца Пахомія инока въ животѣ его суца понеже сей отецъ Пахомій знаемъ ми бысть и любовенъ зѣло и оное писаніе вручи мнѣ, і имѣхъ у себе много лѣта неперисано, нынѣ же сего настоящаго или текущаго 7270-го (1762) года, потщахся молитвами преподобнаго общаго отца нашего Корниліа на ползу слышачимъ и внимающимъ, сицевымъ убогимъ тщаніемъ написати, и богъ мира буди со всѣми нами. Аминь“ ²⁾.

Второй списокъ житія, писаннаго Пахоміемъ, находится въ сборникѣ in 8° (О. I, № 153) ³⁾; имъ еще не пользовались изслѣдова-

однимъ православнымъ вѣрмъ сопричастникамъ...“; на л. 229 помѣтка: „Списано въ Архангельскъ 20 Маія 1773 году“; л. 230—252 об.—Выписки изъ Номоканона; л. 253—258 об.—Мученіе старцевъ Петра и Евдокима, нач.: „Въ лѣто 7177 году, мѣца Февраля въ 17 день на память св. великомученика Феодора Тирона...“—сочиненіе, ложно приписываемое Феодору Діакону (Матер. для ист. раск. т. VI, предисловія стр. XXVII.); оно напечатано въ Матер. для исторіи раскола, т. VI, въ Приложеніи подъ № 2; на л. 258 об. помѣтка: „Списано въ Архангельскѣ, марта 11 дня 1778 году“. Начиная съ 112 листа, за исключеніемъ выписокъ изъ Номоканона, все писано однимъ почеркомъ и преимущественно скорописью, съ сохраненіемъ удареній, придыханій, буквъ *омѣ*, *омѣи* и титлъ. Всего въ сборникѣ 258 листовъ.

¹⁾ Мы сохраняемъ по возможности правописаніе, открывая при этомъ титлы и замѣняя буквы «омѣга» и «отъ» буквами «о» и «от».

²⁾ У г. *Максимова* (на стр. 5 и 38) приведены части этого послѣсловія; оно, по видимоу, разнится отъ нашего.

³⁾ Вотъ составъ сборника: л. 1—Повѣсть душеполезна о житіи преподобнаго отца нашего Корниліа на Выгу рѣцѣ близъ озера Онѣга, нач.: «Сей отецъ нашъ

тели. Списокъ этотъ уступаетъ въ достоинствѣ первому. Въ немъ нѣтъ вышеприведеннаго послѣсловія; увѣщаніе Корнилія, сказанное братіи, два раза переписано. По всей вѣроятности, этотъ списокъ писанъ не Пудожаниномъ, такъ какъ въ географическихъ названіяхъ, относящихся къ Пудожской волости, встрѣчаются ошибки. Такъ на примѣръ, „Курженскую обитель“ переименовываетъ онъ въ „Пуржскую“; вмѣсто „близъ Волды рѣки“ пишетъ онъ „близъ воды рѣки“. Въ этомъ спискѣ нѣсколько распространено описаніе собора, бывшаго у расколуучителей въ Москвѣ по поводу никоніанскаго крещенія самна постановленія богѣ обоснованы выписками изъ святыхъ отцовъ. Подробности эти не представляютъ, впрочемъ, ничего существеннаго.

Мы видѣли, что въ послѣсловіи авторомъ житія названъ Пахомій, ученикъ и велейникъ Корнилія. Извѣстіе это подтверждается еще и тѣмъ, что въ этомъ житіи Пахомій часто говоритъ о самомъ себѣ въ первомъ лицѣ („азъ Пахомій“). Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что житіе это писано имъ. Подтверждается также указаніе на устный источникъ житія — разказы самого Корнилія. Этимъ устнымъ источникомъ и можно только объяснить хронологическія неточности, встрѣчающіяся въ житіи. Такъ, на примѣръ, пріѣздъ патріарха Іерусалимскаго въ Москву Пахомій относитъ къ 1612 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ патріархъ пріѣхалъ въ 1619 году¹⁾.

Этимъ-то житіемъ и пользовался Семенъ Денисовъ, о чемъ можно заключить изъ сличенія текстовъ обѣихъ редакцій житія. Для большей убѣдительности, мы приведемъ отрывки изъ той и другой редакціи о пребываніи Корнилія въ Кирилловомъ монастырѣ. Въ редакціи, писанной Пахоміемъ, говорится: „Не могохъ же азъ (то-есть, Корнилій) умолити отца Капитона, во еже пріяту ми быти; испросивъ же отъ него благословеніе, и поиде въ путь свои, и пріидѣ во вратомъ Корниліева монастыря, вопрошенъ отъ вратника, и сказа ему откуду, и что ради пріиде, вратникъ же повѣда игумену. Игумень же призва вопрошаше его глагола. Коего града, коея веси, и чесо ради пріидѣ. Онъ же о себѣ все повѣда, яко и первіе сказахомъ; и припадѣ къ ногама игумена глагола: желаю инокъ быти, молю тя

Корнилія, родися на Тѣмѣ рѣце; л. 21 — Мѣсяца іюня въ 12 день — Житіе при. отца нашего Ануѣрія пустычника, нач.: «Во единѣ отъ днѣи труда быти сотворихъ...» Писанъ скорописью XVIII вѣка.

¹⁾ Высокопр. Макарій, Исторія Русской Церкви, т. XI, стр. 3.

честный отче да приютѣши мя ко избранному стаду и спасеши душу мою; на се бо придохъ; видевъ же игуменъ произволеніе і теплоту его, повѣле искуситься въ монастырскихъ службахъ, черезъ два лѣта. По единомъ же лѣтѣ постриже его во святѣи иночески образъ и нарече его Конона, Корниліи; и вручи его старцу добродѣтелну именемъ Корнилію же. Пребывъ же у старца въ послушаніи двадцать и четыре лѣта, отсѣвая всякую свою волю подражая отца своего добрыхъ нравовъ. По времени же некоемъ, пономарскую службу вручиша, отецъ же его келейной Корниліи, въ старости глубоцѣ по многихъ трудѣхъ ко Господу отъидѣ¹⁾. Теперь посмотримъ, какъ перефразируетъ это мѣсто Семенъ Денисовъ:

„По семъ же испросивъ у отца Капитона благословеніе и молитву, такожде и оу братіи и оустремися къ Вологдѣ въ Корниліевъ монастырь: и по нѣкоемъ времени доиде Корниліева монастыря, и вратника просивъ, предъ лице игумену предста. Вопросенъ же отъ игумена коего града и чесо ради прииде. Кононъ же градъ и вся по раду повѣда, таже слезъ очеса исполнивъ, паде къ ногамъ игумена, хошу, рече, инокъ быти, честный отче, молю всеусердно святѣи твою и да причтеши мя ко избранному твоему стаду, сего бо ради придохъ ко святѣи вашей обители. Игуменъ же видѣвъ пламенное желаніе и благое произволеніе Кононово, повелѣваетъ ему искуситься въ трудѣхъ монастырскихъ, въ хлѣбнѣ, въ поварнѣ и въ прочихъ чрезъ два лѣта, и понеже видѣ его игуменъ зѣло преспѣвающа во всѣхъ службахъ, сего ради судивъ достойно по единомъ лѣтѣ постриже Конона во иноческой образъ, преименовавъ Корниліемъ, вручи подъ начальна оучитися иноческому чину иноку нѣкоему въ добродѣтелехъ сіяющу именемъ Корниліюже заповѣдавъ ему новопостриженнаго инока Корнилія наказати добрѣ, и попеченіе о немъ имѣти отечески и по воли своей творити не поущати никакоже. Корниліи же по отъятіи власовъ не точію волю свою отсѣче, но и всякое плотское мудрованіе до конца отвержи, и потече всеусердно по стопамъ владыки Христа, и бѣ повинуася отцу своему яко и самому игумену, творяше заповѣданная безъ прекословія. Текіи тощю подражая оучителя своего; чюдно бѣ зрѣти млатъ біющъ и желѣзо обращаемо; послушаше и не отвѣщеваше, тако Корниліевъ оучитель оученика наказоваше не служа, Корниліе же послушаше не отвѣщая: и тако пребысть преспѣвая и превосходя отъ силы въ силу, и отъ

¹⁾ л. 153 и 153 об.

славы въ славу, проходилъ службы монастырскія, въ хлѣбѣ хлѣбъ пеки, и въ поварни вареніе варил и въ портомойнѣ свиты трин и въ купѣ рещи во всѣхъ службахъ всеусердно труждайся. Отсюда же притяжа себѣ предивное нѣкое притяжаніе, вси оубо Корнилія яко священіе нѣкое во обители вмѣняху всѣмъ во всякое дѣло благопотребенъ бываше, вси чредници въ своя чреди желателно пріяти тщахуса: и по времени нѣкоемъ добрии обители пастырь Корнилію пономарскую службу вручаетъ уже Корниліи пріемъ добръ предстоитъ не мало время усердствуя послуже. Тоѣ же отецъ Корниліевъ иже того иноческаго о Христѣ возрожденія наставленіемъ породивъ по многѣхъ доблественныхъ трудѣхъ ко Господу отыде¹⁾. (Далѣе нѣсколько словъ о погребеніи его, которыхъ нѣтъ у Пахомія)⁴⁾.

Объ авторѣ житія инока Пахомія, мы распространяться не будемъ, такъ какъ все, что о немъ извѣстно, привелъ въ своей книгѣ отецъ Александръ Б.²⁾ Считаемо не лишнимъ упомянуть, что Пахомій былъ келейникомъ Корниліи и по постриженіи болѣе не покидалъ его.

Вопросъ о томъ, въ какое время Пахомій составилъ житіе Корниліи, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣшенъ лишь приблизительно. Въ 1731 году, оно, очевидно, должно было существовать, какъ какъ въ этомъ году житіемъ, написаннымъ Пахоміемъ, пользовался Семенъ Денисовъ. Далѣе, въ пророчествахъ Корниліи мы встрѣчаемъ ясныя указанія на событія, относящіяся ко времени отъ 1706 по 1723 годъ, и на основаніи этихъ указаній и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, можно съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что житіе Корниліи получило окончательную обработку подъ перомъ Пахомія не позже 1727 года. Такъ, Корнилія общаетъ пустынножителѣмъ „описи и дани отъ царя“³⁾, которыя, по словамъ Семена Денисова, и воспо- слѣдовали въ 1706 году⁴⁾. Общаетъ Корнилія и голодъ, имѣющій постигнуть Выговскую пустыню⁵⁾ и голодъ этотъ дѣйствительно былъ въ 1715 и 1716 годахъ⁶⁾. Наконецъ, Корнилія предупреждаетъ

¹⁾ Житіе инока Корниліи, по редакціи Денисова, ркп. Публичной Библиотекы. О. I. № 121, л. 15 об.—18; XVIII вѣка.

²⁾ Описаніе раск. соч. т. I, стр. 166—167.

³⁾ Житіе, написанное Пахоміемъ, л. 172 об.

⁴⁾ Описаніе раск. соч. Александра Б. т. I, стр. 178.

⁵⁾ Житіе, написанное Пахоміемъ, л. 172 об.

⁶⁾ Описаніе раск. соч. Александра Б. т. I, стр. 177.

Андрея Денисова, что будутъ „спросы и вопросы отъ царя“, чтобы онъ постарался „за благочестіе отвѣщать и за церковныя законы, и отеческія преданія постоять“¹⁾. Хотя это пророчество и опущено у Семена Денисова, но нельзя въ немъ не видѣть указанія на знаменитые вопросы іеромонаха Неофита и вызванные ими Поморскіе отвѣты, поданные раскольниками въ 1723 году. Одно пророчество оказалось, однако, неудачнымъ: именно—о пожарѣ. Корнилій обѣщалъ, что „горенія“²⁾ не будетъ въ общежителствѣ, а по Исторіи Выговской, пустыни Филиппова, въ 1727 году, случился пожаръ въ женской обители, на Лексѣ³⁾. Не потому ли и умалчиваетъ объ этомъ предсказаніи Семенъ Денисовъ? Сопоставляя всѣ эти данныя, можно принять за крайніе предѣлы времени написанія житія 1723 и 1727 года. Нѣкоторое подтвержденіе этой приблизительной даты написанія житія можно видѣть и въ неточности обозначенія дня смерти Корнилія. Неточность эта могла произойти отъ того, что житіе было написано долгое время спустя по смерти его. Пахомій запомнилъ день смерти и мѣсяцъ, въ которомъ она случилась, но спуталъ число мѣсяца. Онъ считаетъ днемъ смерти Корнилія—четвергъ на Страстной недѣлѣ, совпавшій будто съ 30-мъ марта 1695 года. Но по вычисленію⁴⁾, четвергъ на Страстной недѣлѣ въ 1695 году падаетъ на 21-е марта, что и исправилъ въ своемъ житіи—Семенъ Денисовъ.

За житіемъ Корнилія, въ той-же тетради помѣщено еще нѣсколько статей о патриархѣ Никонѣ. Изъ нихъ три первыя записаны со словъ Корнилія, но не Пахоміемъ⁵⁾, какъ полагаетъ г. Жмакинъ. Всѣ онѣ содержатъ клеветы на патриарха. Первая сообщаетъ о поддѣлкѣ Фи-

¹⁾ Житіе, написанное Пахоміемъ, л. 173.

²⁾ По списку Q. I. № 401, л. 172 об.: «И многія нужды, напасти и на волости будутъ, горенія же у васъ не будетъ, но отъ слабости житія разореніе примутъ». Въ спискѣ O. I. № 153, послѣ словъ «у васъ» прибавлено «о богахъ»; мы предпочитаемъ первое чтеніе, дающее лучший смыслъ: горенію противопоставляется союзомъ «но»—разореніе; для втораго чтенія вмѣсто «но» необходимо—«и».

³⁾ Истор. Выговской пустыни, гл. XL, стр. 191.

⁴⁾ Мы пользовались Археологическимъ календаремъ *Горбачевскаго*. Вильна. 1869.

⁵⁾ Мы не видимъ никакихъ указаній на принадлежность этихъ статей перу Пахомія. Въ житіи, поминая о себѣ, Пахомій всегда приводитъ и свое имя «азъ Пахомій» въ единственномъ числѣ. Здѣсь же—«Повѣда намъ тойже отецъ Корнилій»—и «Повѣдаше отецъ Корнилій яко слыша отъ Соловецкихъ старцевъ»—и «Еще отецъ Корнилій самъ слыша и намъ повѣда чадомъ своимъ».

липѣ, котораго будто оскорбилъ Никонъ; вторая о томъ, будто игумень Анзерской пустыни Елеазаръ видѣлъ, какъ во время богослуженія, совершаемаго Никономъ въ монастырѣ, при чтеніи Евангелія, змѣй обвился вокругъ шеи Никона ¹⁾. Третья сообщаетъ разказъ какого то Дмитрія съ Волги о бесѣдѣ Никона съ бѣсами. Затѣмъ помѣщено сочиненіе діакона Феодора Иванова „о богоотъникѣ Никонѣ“ ²⁾, которымъ и пользовался г. Жмакинъ, принявъ его за сочиненіе Пахомія.

Житіе Корнилія написано Пахоміемъ простымъ языкомъ безъ риторическихъ украшеній. Разговоры передаются обыкновенно въ диалогической формѣ; кромѣ того, Корнилій говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Задача Пахомія состояла въ томъ, чтобы записать разказы и воспоминанія его учителя Корнилія о самомъ себѣ и оставить, такимъ образомъ, память о его жизни и подвигахъ въ назиданіе потомкамъ. Эту то задачу авторъ выполнилъ весьма добросовѣстно и вставилъ въ изложеніе свое большіе эпизоды о лицахъ, имѣвшихъ хотя бы и самое малое соприкосновеніе съ Корниліемъ. Таковы его разказы о Гуріѣ Хрипуновѣ, объ инокѣ Виталіѣ и другихъ; они особенно интересны въ историческомъ отношеніи, такъ какъ передаютъ свѣдѣнія, записанныя со словъ очевидца.

Кромѣ біографическаго значенія, житіе весьма интересно и по тѣмъ общенсторическимъ даннымъ, которыя попутно приводитъ Пахомій. Сюда относятся свѣдѣнія о способѣ заселенія сѣверныхъ пустынь раскольниками и объ иноческомъ бытѣ этихъ послѣднихъ.

Приходилъ въ дикое мѣсто раскольникъ одинъ, иногда съ ученикомъ, и останавливался обыкновенно у озера или рѣки. Они рубили кругомъ себя лѣсъ и строили кельи. Питались они преимущественно овощами и хлѣбомъ; въ „указные“ же дни употребляли рыбу и коровье масло. Всѣ эти припасы, до прекращенія гоненій и заведенія прочной осѣдлости, доставляли имъ христіяне. Въ опасные же періоды преслѣдованій и въ неурожайные годы жизнь становилась тяжела. Приходилось питаться осиновою корой, такъ какъ хлѣба не было, а рыба разрѣшалась уставомъ только по

¹⁾ Любопытно, что подобное же обвиненіе заводилось и на Константинопольскаго патріарха Фотія (857—867 гг. и 877—886 гг.); передаютъ, будто, когда онъ вынесъ крестъ при богослуженіи, змѣй обвился вокругъ его рукъ. См. Chronicon Symeon. Magistri ed. Vonnae. § 33. p. 671.

²⁾ См. выше—описаніе сборника Публ. Вѣд. Q. I. № 401.

праздникамъ. И вотъ кору эту „вымора въ трехъ водахъ и высуша, толкли и мѣсили по ржаному раствору.“ Какъ только устраивали они себѣ пристанище, тотчасъ же начинали сноситься съ окрестными старцами, посѣщали другъ друга и такимъ образомъ передавали другъ другу свѣдѣнія и о предстоявшихъ гоненіяхъ и о новыхъ мученикахъ. Въ келіи старца стекались бѣжавшіе отъ преслѣдованія ревнители старины, а часто также и мѣстные жители, и поселялись въ келіи у старца; когда становилось тѣсно, они ставили рядомъ съ этой келіей новую. Когда же число иноковъ было значительно, старецъ ставилъ имъ часовню, а самъ уходилъ отъ нихъ и поселялся отдѣльно, недалеко отъ своихъ учениковъ. Такимъ образомъ явилось множество небольшихъ, отдѣльныхъ скитовъ-колоній. Главнымъ занятіемъ иноковъ были, конечно, молитва и чтеніе Св. Писанія; затѣмъ необходимо было работать, чтобы пропитать себя; наконецъ, нужно было заготовлять матеріалъ для построекъ и отопленія. Но полевныя и лѣсныя работы могли быть только лѣтомъ. Зимой же, когда келіи завосило снѣгомъ, старцы поучали учениковъ своихъ, толковали имъ Св. Писаніе и укрѣпляли ихъ въ вѣрѣ предковъ.

Сравнительно съ редакціей Семена Денисова, житіе, написанное Пахоміемъ, гораздо пространнѣе; авторъ вноситъ въ него все, что слышалъ „изъ устъ Корнилія“, и поэтому не только описываетъ событія изъ жизни своего учителя, но приводитъ иногда и размышленія его. Благодаря этому, личность Корнилія весьма ярко и полно очерчена.

Иначе относится къ дѣлу Семенъ Денисовъ. Онъ хочетъ написать „житіе мужа, иноческимъ образомъ отложена во благочестіи свѣтло просіявша“¹⁾ который былъ первымъ „насадителемъ“ или „насадникомъ“ Выгорѣцкой пустыни. Но описаніе жизни Корнилія уже было и, какъ мы видѣли, весьма подробное; и вотъ Семенъ Денисовъ указываетъ на него какъ на источникъ, которымъ онъ воспользовался, но съ оговоркой. Онъ называетъ житіе составленное Пахоміемъ, „написаннымъ въ кратцѣ простою народною бесѣдою“. На основаніи всего вышесказаннаго, этому отзыву Семена Денисова довѣрять нельзя. Въ немъ нужно видѣть лишь риторическую фигуру, заимствованную изъ древнихъ житій, гдѣ писатели, дѣйствительно, имѣли основаніе для такихъ отзывовъ о своихъ источникахъ. Нашего же автора, очевидно,

¹⁾ Александръ Б. Описаніе вѣк. соч. I, стр. 166 и 167.

интересовало не столько фактическое содержаніе житія, сколько его форма. Ему нужно было вложить матеріалъ въ извѣстныя реторическія рамки, чтобы получить произведеніе, принятое называть житіемъ. Онъ дѣлитъ, матеріалъ на главы, выдѣляетъ нѣкоторыя чудеса изъ разказа и приводитъ ихъ подъ отдѣльными заглавіями въ концѣ житія. Мы позволимъ себѣ, поэтому, усомниться, въ томъ, что авторъ исполнилъ свое обѣщаніе, высказанное имъ въ предисловіи къ житію: „не о себѣ на сіе (то-есть, на писаніе) прозыти дерзаво (но по просьбѣ Пахомія) по силѣ моей, паче же да истинствуя явлюся доблести точію мужа славуя, но не похвалу панигирически соплетая“¹⁾.

Вышеуказанная реторическая точка зрѣнія автора сказалась, конечно, и на самомъ житіи. Пишетъ онъ напыщеннымъ слоюзомъ и приводитъ лишь событія изъ жизни Корнилія и мучениковъ за вѣру, опускаая разсужденія Корнилія по поводу разныхъ событій изъ его жизни и нѣкоторые эпизоды о лицахъ, мало соприкасавшихся съ Корниліемъ, которые такъ бережно сохранилъ Пахомій.

За то, отдѣлъ чудесъ Семенъ Денисовъ пополнилъ, прибавивъ три чуда—о ловлѣ рыбы, объ исцѣленіи Пахомія и о помощи, оказанной Пахомію по молитвѣ его, обращенной къ Корнилію—при переходѣ черезъ рѣку²⁾. Благодаря такимъ приемамъ Семена Денисова, имъ написанное житіе Корнилія далеко уступаетъ и въ историческомъ и въ біографическомъ отношеніи житію, написанному Пахоміемъ.

Кромѣ сокращенія разказовъ Пахомія, Семенъ Денисовъ иногда нѣсколько иначе передаетъ и нѣкоторыя событія. Такое разногласіе является, напримѣръ, въ разказѣ объ основаніи Данилова общежитія. Пахомій говоритъ, что Даниилъ Викулинъ и Андрей Денисовъ пришли на мѣсто, гдѣ жилъ инокъ Захарій, и поселились вмѣстѣ съ нимъ. Сюда стало стекаться множество народа. Корнилій часто приходилъ поучать ихъ, потомъ поставилъ братіи часовню въ честь Богоявленія. Умирая, онъ назначилъ Даниила отцомъ и наставникомъ братіи, а Андрея—судьей и правителемъ общежительства.

¹⁾ Житіе инока Корнилія, Семена Денисова, по ркп. Публичной Библіотеки О. I. № 121, л. 3.

²⁾ Въ отдѣлъ чудесъ помѣстилъ Семенъ Денисовъ и извѣстіе о соборѣ раскольниковъ въ Москвѣ по поводу крещенія; вѣроятно, онъ не могъ опредѣлить времени когда состоялся соборъ, чтобы ввести этотъ эпизодъ въ ходъ событій самаго житія. Въ ркп. Публичной Библіотеки О. I. № 121—нѣтъ этого разказа. О немъ см. *Александра Б.* Описаніе нѣкот. сочин. I. стр. 178.

Семень Денисовъ передаетъ дѣло иначе. Пришли отъ моря къ Корнилію Даниль Вивулинъ и Исаакій, и первый изъ нихъ, послѣ долгихъ бесѣдъ о паденіи вѣры, предложилъ Корнилію собрать общежительство. Корнилій благословилъ его, и Даниль поставилъ келіи у озера Криваго, но пожаръ истребилъ ихъ. Тогда Даниль переселился на Выгъ, гдѣ и остался; тамъ построилъ онъ храмъ, мужскую и женскую обители. Корнилій часто посѣщалъ и поучалъ братію. О назначеніи Данила и Андрея руководителями общежитія Семень Денисовъ не упоминаетъ.

Любопытно, что историкъ Выговской пустыни Филипповъ, имѣвшій въ рукахъ житіе инока Корнилія, ¹⁾ пользовавшійся еще и мѣстными преданіями, сообщаетъ еще нѣкоторыя данныя объ основаніи общежительства. Онъ говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ оно потомъ было основано, поселился инокъ Захарій и сталъ звать къ себѣ Данила и Андрея съ братіей. Сами они, однако, не пошли, а послали 12 человекъ изъ братіи испытать мѣсто. Тѣмъ временемъ пожаръ истребилъ келіи Данила съ братіей, и они рѣшили переселиться къ Захарію, вмѣстѣ съ которыми задумали основать общежительство. За совѣтомъ обратились къ Корнилію, который и благословилъ ихъ начинаніе. Тогда всѣ братія и сестры перешли къ Захарію и вмѣстѣ съ Корниліемъ, въ 694 году, послѣ Покрова, положили начало общежитію. Корнилій часто посѣщалъ ихъ и поучалъ; онъ же „пророчески прогласилъ про Андрея“, что будетъ онъ „наставникъ и учитель и древнему лагочестію проповѣдникъ;“ а про Данила, — что онъ будетъ „собиратель братству“ ²⁾.

Мы не вдаемся въ разборъ степени достовѣрности, какъ этихъ звѣстій, такъ и вообще всего сообщаемого житіемъ Корнилія, написаннымъ Пахоміемъ: это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Намъ небольшою замѣткой мы только желали обратить вниманіе излѣдователей на этотъ важный, по нашему мнѣнію, памятникъ раскольничьей литературы XVIII вѣка.

В. Дружининъ.

¹⁾ Исторія Выговской пустыни, стр. 123. По всей вѣроятности, Филипповъ пользовался житіемъ, написаннымъ Пахоміемъ; но утверждать этого не беремся, такъ какъ не можемъ разграничить заимствованное изъ житія отъ заимствованнаго изъ преданій.

²⁾ Истор. Выговской пустыни стр. 101—106.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СЕРВСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ ¹⁾.

V.

Гермій—Иеремія.

Хожденіе Зосимы привело насъ къ нагомудрецамъ сербской Александрии; но оно связано еще и другою стороною съ судьбами этого памятника.

Имя Иеремія было популярно въ переводной литературѣ апокрифовъ, напримѣръ, изъ Повѣсти о Пльненіи Иерусалима ²⁾, въ талмудическихъ источникахъ которой я не встрѣчалъ до сихъ поръ по этическаго эпизода о семидесятилѣтнемъ снѣ Варуха и Авнемелеха легенды, становящейся въ рядъ многихъ другихъ разказовъ о вѣковомъ успеніи ³⁾. Сказаніе объ Иереміи, о Рехавитахъ-рахманахъ моглѣ

¹⁾ *Окончаніе*. См. июльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Тихонравова*, I. с. I, стр. 273 и слѣд.

³⁾ Сл. *Wünsche*, *Bibl. gabb.* Lief. XIX, стр. 158 и слѣд.; XIII, стр. 21 и сл. XIV, стр. 106; *Ehrmann*, I. с., стр. 19—20, № 16; *Gaster*, *Literatura populara româna*, стр. 340 и слѣд.; *Dezamaea Ierusalimului și legenda prorocului Ieremi: ego je*, *Beiträge zur vergleichenden Sagen und Märchenkunde* (Bukarest, 1883) с. XI, р. 79 и слѣд. Въ славянскомъ текстѣ разказывается, что предвидя взятіе Иерусалима, Иеремія молилъ Господа объ Авнемелехѣ: „не хочу его да видѣть погубель града и оустрашитѣ яко молодщѣнь ѣ. И рѣ Гі послѣ его в винограѣ Агриповѣ и сѣнию горкою покрыю его, дондеже хотѣ людѣе возвратити ѿ пленения“. Тамъ Иеремія и поступаетъ

сблизить имя Иереминъ съ содержаніемъ Александрии: этимъ скорѣе, чѣмъ замѣной созвучныхъ именъ, можно было бы объяснить себѣ пророка Иеремію, играющаго такую роль въ ея сербской рецензій и, вѣроятно, въ ея подлинникѣ.

Имя Иеремія есть, такъ-сказать, показатель этой рецензій; въ немъ образно выразились христіанскія идеи, проникающія западные пересказы стараго романа и, если я не ошибаюсь, дѣлающія для насъ особенно привлекательнымъ типъ средневѣковаго Александра: гинъ герой въ цвѣтѣ силъ и стремленій, не знающаго границъ тому и другому, тогда какъ рядомъ неустанно слышится одна и та же грустная нота, звучащая и въ вступленіи Альбериховой Александрии: что все въ жизни суета суеть.

Dit Salomon al premier pas
Quant de son libre mot lo clas:
Est vanitatum vanitas
Et universa vanitas.

Прослѣдимъ появленіе Иереминъ въ нашемъ текстѣ.

выходя изъ города вмѣстѣ съ другими плѣнниками, онъ еще разъ проситъ Господа сохранить Авимелеха и Варуха: „Варухе изше внѣ града прѣвѣи сѣда на гробъ и Авимелехъ набравъ смокви и сліцію воснѣвнпю иелми припекъ шю, обрѣ древо сѣде по сѣвию ѣго почити мало, и шрекльнъ главу свою на кошемъ оуспе“. Засыпаетъ и Варухъ; оба очнулись черезъ 70 лѣтъ: одинъ, какъ сидѣлъ на гробѣ, другой подъ деревомъ: „и ѡкрывъ смокви и видѣ и еще млеко каплющее тако на близѣ бранымъ быти имъ“ (*Тихонравова*, 1. с., стр. 277 и слѣд.). Мусульманскіе писатели разказываютъ нечто подобное о Иереміи, котораго отождествляютъ съ Эадрой—Озаиръ: будто бы, отведенный въ Вавилонъ Навуходоносоромъ и чудеснымъ образомъ освобожденный изъ плѣна, онъ остановился не вдалекѣ отъ разрушеннаго тогда Иерусалима, въ деревнѣ Diar-ânap (мѣсто виноградника), гдѣ нашелъ смоковницы и лозы, отягченныя плодами, которыхъ набралъ. Изъ этой мѣстности ему видны были развалины города и храма; сѣтуя объ ихъ участи, онъ часто помышлялъ, что имъ никогда не подняться. Тогда Господь навелъ на него вѣковую сонъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Навуходоносора, Персидскій царь Носекъ велѣлъ возстановить Иерусалимъ и его храмъ, и когда это было исполнено по прошествіи тридцати лѣтъ, Господь воскресилъ и Эадру, которому сто лѣтъ показались однимъ днемъ.—Замѣтимъ, что мусульманское преданіе, согласно съ нашимъ апокриомъ, заславляетъ Иеремію умереть въ Иерусалимѣ. См. *D'Herbelot*, Bibliothèque orientale, a. v. Irmia и Ozair. Θεοδοσίη указываетъ на «lucum florum Ammon, ubi dormivit Abimelech annis quadraginta sex». *T. Tobler et J. Molinari*, Itinera Hierosolymitana, p. 67.

Мы видѣли, что сербская рецензія, опирающаяся на редакцію Псевдокаллисоена особаго типа, помѣстила эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (и Египта) до пораженія Дарія. Этотъ распорядокъ, свойственный не одному лишь сербскому изводу, обусловленъ, быть можетъ, библейскимъ освѣщеніемъ старой легенды, которое редакторъ усилилъ, предоставивъ Іереміи роковую роль въ своемъ романѣ.

Онъ начинается такимъ образомъ: „Бысть великои божіен прѣмоудрости създавши храмъ себѣ и седмици сего оутвѣрдивша стлпы, въ петотысоуштное же лѣто сего стоианы, и царствоуштоу великаго Рима Тарвинню царю, начедствоуштоу же іисраилитскимъ людемъ, еувренскомуу господствоу, Годае архіереоу (далѣе: Іуда) и Іеремію пророкоу, господствоуштоу же вѣсточнымъ странамъ Дарію сыноу Куроусовоу“ и т. д. Въ вѣнскомъ текстѣ упоминается въ Іерусалимѣ лишь αὐθεντικὸς εἰς τοὺς Ἰουδαίους ὁ προφήτης Ἰερემίας (Карр, стр. 49).

Филиппъ былъ на войнѣ, когда родился Александръ. Объ этомъ событіи онъ извѣщенъ во снѣ явленіемъ бога Аммона; въ одномъ вариантѣ сербскаго текста вмѣсто него названъ „Еремиа прѣршкъ“.

О мирномъ пришествіи Александра въ Іерусалимъ и его бесѣдахъ съ іереями коротко говоритъ Pseudocall. С. III с. 25. Иначе сербскій текстъ: въ Іерусалимѣ обладаютъ еврейскими сонмищами пророкъ Іеремія и іерей именовъ Іуда; въ вѣнскомъ текстѣ у Каппа, стр. 66 и греческой народной книгѣ р. 67: ὁ προφήτης Ἰερემίας: болгарская народная книга: „Архіепископъ пророкъ Іеремій, р. 54. Вѣстники Евреевъ говорятъ Александру, что они подручны Дарію, и ему не войдти въ городъ, пока онъ не побѣдитъ ихъ властителя; Александръ отвѣчаетъ, что не пойдетъ на него, не поклонившись великому въ Іерусалимѣ, и обѣщаетъ освобожденіе отъ персидскаго ига. Іеремія также указываетъ своимъ на Александра, какъ на грядущаго освободителя и, явившись ему во снѣ въ одеждѣ Аарона, побуждаетъ его: „иди въ Іерусалимъ, и тоу, поклонивъ се великому Богу Саваооу, на Дарія иди, и сего побѣдивъ, Персомъ господишь наречешися“ (сл. Карр, стр. 67 и греч. нар. кн., стр. 69: δυνατὸν Ἀλεξάνδρῳ). Вступивъ въ Іерусалимъ и исповѣдавъ великаго Бога, Александръ отправляется въ Египетъ; Іеремія провожаетъ его до полудня, открываетъ ему пророчества Даніила и говоритъ: „помощь Бога Саваооа призываши, и силу пер'скоу побѣдиши, и вративъ се, Іегуи'тъ приимъши и Фора великаго оубикъши...., и вьсамоу отъ

востокъ и до запада царь наречеши се, и когда сіа вѣса съвръшиши, тогда близоу рая доидеши, и тоу чловѣку надеши, иже не живоуть дебелистю плетьскою обрѣмененни, якоже мыи, нь мир'но нѣ- како живоуть, бливъ бо аггельскаго житіа соуть. Сіа блаженн наре- коуть се отъ Бога" (сл. Карр, стр. 69; греч. нар. кн., стр. 71). Іеремія проситъ Александра принять дары отъ Іерусалимлянъ: „и повелѣ Іеремія принести камень лх'нитарь на немъ же бѣ писан'но име Господа Бога Саваога, коже на хел'мѣ ношаше Ісоусъ Навиовъ, когда на бои исхождааше на иноплемен'ники, и повеле принести мечь Голіата иноплемен'ника, коже оуби на рати Давидъ, царь іеврѣиский, и повелѣ принести хел'мъ крѣп'каго Сам'псона съ змѣ- кви ноу'ти, и копіе Сам'псоново адаман'тово, комоуже не стоимше ни- кдино оружіе, и принесоме комоу штить отъ аків'та гвоз'діа, комоу- же не можеть коснути се никдино железо, кои бѣше билъ Ана- сана, сына Саоулова" (Нов. II, гл. 1; сл. Карр, стр. 69, греч. нар. кн. 71—72). Приведу по вѣнской рукописи перечень подарковъ, поднесенныхъ Александру: ἤφεραν λεθαρόπουλον λυχιντάρη καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχιντάρη ἦτον γραμμάνο τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ· καὶ αὐτὸ το λιθαρό- πουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα τοῦ ὁ υἱὸς τοῦ Ναοῦ (греч. нар. кн. ὁ Ἰησοῦς τοῦ Ναοῦ), δταν ὑπάγαινε νὰ πολεμίσει με ἀλλόφυλα ἔθνη· ἤφε- ραν τοῦ καὶ τὸ σπαθὶ τοῦ Γολιάθ τοῦ Ἑλληνοσ¹⁾, ὅπου τὸ ἐτρόπωσεν ὁ Δα- ριδ τῶν Ἑβραίων· ἤφεραν τοῦ καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διχαλὴν τοῦ ἀνδρει- ωμένου τοῦ Σαμφῶν με τὸν ὀφιδίον τὰ ὀνόχια κολυμένη (греч. нар. кн.: με τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνόχια κοσμημένη; сл. 164: με τῆς ἀσπίδος τὸ περὶ κολλημένας); ἤφεραν τοῦ καὶ τὸ κοντάρη τοῦ Σαμφῶ, ἀδαμάντινον το ξίφος, ὅπου κανένα αἶδερο οὐδὲν ἤμπορεῖ τὸ κρατήσῃ· καὶ ἤφεραν τοῦ σκουτάρη πιδερέϊνον ὅκου εἶχεν γένει τοῦ Γίωπανθάνου τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαοὺλ τοῦ βα- ριέας.

Таковы первыя упоминанія Іеремія въ Сербской Александріи: онъ вступилъ въ права первосвященника Іаддуа у Іосифа Флавія (XI, 8)²⁾, разказъ котораго о посѣщеніи Іерусалима Александромъ несомнѣнно послужилъ источникомъ для соотвѣтствующаго эпизода нашего текста,

¹⁾ Болг. нар. кн. р. 58: Голіаѣъ влинекій—буквальный переводъ съ новореческаго, гдѣ Флиняъ означаетъ вообще богатыря и въ этомъ смыслѣ является съ одной трапезундской пѣснѣ эпитетомъ царя Константина.

²⁾ Другіе разказы о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (въ вавилонскомъ Галлудѣ, у Іосиппона и Абульараджа) см. у *Henrichsen*, *Das Verhältniss der Juden zu Alexander dem Grossen*, *Theolog. Studien und Kritiken*, 1871, стр. 473—478.

какъ и для другаго пересказа Псевдокаллисоена въ архивскомъ спискѣ и эллинскомъ лѣтописцѣ.—Можетъ быть, сербскій текстъ сохранилъ и память о Iaddua—въ іереѣ Іодаѣ-Іюдѣ, являющемся рядомъ съ Іереміей; *Historia de preliis* удержала имя Iaddus, Iadelus.—Какъ Евреи не хотятъ впустить Александра въ Іерусалимъ изъ боязни Дарія, такъ у Pseudocall. I, 48 Абдериты, а въ *Vocados de ogo жители Qulla* ¹⁾.

Въ книгѣ II гл. 6 сербскаго текста Іеремія является во снѣ Александру и ободряетъ его къ битвѣ противъ Дарія: носи на головѣ камень съ именемъ великаго Бога Саваоа, который я далъ тебѣ въ Іерусалимѣ, и призывая Господне имя, иди въ бой: ты побѣдишь. Сл. Карр, стр. 70, греческ. нар. кн. стр. 81—82—болг. нар. кн. стр. 67.

Соотвѣтствія этому эпизоду у Псевдокаллисоена я не встрѣтилъ, но для главы 13-й оно есть, и чрезвычайно характерное: у Псевдокаллисоена II, гл. 13 Аммонъ, явившись Александру во снѣ въ образѣ Гермія (ἐν οὐχηματι Ἑρμοῦ), велитъ ему самому отправиться къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посла; Александръ идетъ, взявъ съ собою сатрапа, именемъ Эвила или Эрвила. Въ сербскомъ текстѣ это передано такъ: „Александрю же въ тоу ношть яви се пророкъ Іеремія съ философомъ Іерусалимскимъ“. Сл. Карр, стр. 70, греч. нар. кн. стр. 90—91—болг. нар. кн. стр. 76 (одинъ Іеремія), и выше Іеремію, какъ вариантъ къ Аммону.

Въ III-й книгѣ, послѣ эпизода съ Кандакой, гл. 14 (сл. Pseudocall. III, 24, C), Александръ возвращается въ „Персиду“ и оттуда въ Вавилонъ; снова является ему въ сновидѣніи пророкъ Іеремія и въ пространной рѣчи готовитъ его къ близкой смерти (гл. 17). Сл. греч. нар. кн. стр. 167—168; болг. нар. кн. стр. 144.

Въ III гл. 29, въ день, когда отравленъ былъ Александръ, іереи изъ Іерусалима принесли ему „шаторъ великъ зѣло“ и вѣсть о смерти Іеремія, сильно опечалившую царя. Въ то же время ему докладываютъ, что въ Александріи невозможно жить отъ великихъ змѣй, исходящихъ изъ Нила и уязвляющихъ людей. Александръ говоритъ: „идете въ Іерусалимъ и кости иврейскаго пророка Икраникъ возьмите и на крестъ сихъ оу градъ оузигнете (оу зѣдъ), того бо молитва къ змиинъ исцѣляеть. И отъ толѣ и до дньсь оу

¹⁾ Сл. издание *Klust*, I. с., р. 286, 438—439.

Александринъ змиа чловѣка оухапажити не можетъ⁴. Этой подробности нѣтъ ни въ вѣнскомъ текстѣ, ни въ новогреческой народной книгѣ и ея болгарскомъ (и сербскомъ?) переводѣ.

Разумѣется, мы не въ правѣ заключить изъ этого обстоятельства, что ея не было и въ томъ болѣе подробномъ текстѣ, съ котораго былъ сдѣланъ древнѣй переводъ Александринъ сербскаго извода, подерживаемый, въ данномъ случаѣ, и старымъ румынскимъ пересказомъ. Я полагаю, напротивъ, что эпизодъ этотъ существовалъ уже въ оригиналѣ: онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ его общимъ планомъ, съ характеромъ его особыхъ источниковъ. Мы видѣли, что роль въ земѣ Іереміи опредѣлилась вліяніемъ апокрифической литературы; тѣмъ яснѣе это вліяніе для интересующей насъ подробности. Приведемъ доказательства.

Въ Пасхальной хроникѣ¹⁾ помѣщена статья о пророкахъ, приписываемая то Дороею, то Епифанію, епископу Кипрскому, восходящая, вѣроятно, ко второй половина V вѣка, воспринятая въ лѣтопись Симеона Логовета и въ наши прологи²⁾. Статья Епифанія была не разъ издана; Минъ³⁾ воспроизвелъ текстъ Петавія и напечаталъ статью еще по двумъ спискамъ Коаленовой бібліотеки, №№ СХХ и ССХХІV, десятаго вѣка. Слѣдующій эпизодъ жизнеописанія Іереміи сообщается по первой рукописи:

Іερεμίας ἦν ἐξ Ἀναθῶθ, καὶ ἐν Τάφναις τῆς Αἰγύπτου λίλοις βληθεὶς ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἀποθνήσκει· κείται δὲ πλησίον τῆς οἰκίας Φαραῶ, οὗ οἱ Αἰγύπτιοι ἐδόξαζαν αὐτὸν εὐεργετηθέντες δι' αὐτοῦ· ἠῤῥξαντο γάρ, καὶ αἱ ἀσπίδες αὐτοῦς ἔασαν καὶ τῶν ὑδάτων οἱ θῆρες, οὓς καλοῦσι οἱ Αἰγύπτιοι μενεφῶθ, Ἕλληνας δὲ χροχοδαίλους, οἱ ἦσαν αὐτοῦς θανατοῦντες· καὶ εὐξαμένον τοῦ προφήτου ἐκυλύθησαν ἐκ τῆς γῆς ἐκείνης τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ ἴσαύτως τὸ ἔνεδρον τῶν θηρίων· καὶ ὅσοι εἰσὶν πιστοὶ Θεοῦ, ἕως τοῦ νῦν εὐχονται ἐν τῷ τόπῳ ὅπου κείται, καὶ λαμβάνοντες τοῦ

¹⁾ Ed. *Dindorf*, Bonn, I, стр. 274 и слѣд., II прим. къ стр. 274 и слѣд.

²⁾ Профессоръ *Петровъ*, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога, стр. 19, говоритъ, что въ проложной біографіи пророка Іереміи вставлена замѣтка объ Александрѣ Македонскомъ, вѣроятно, замѣстованная изъ „Слова сказательна о велицѣмъ Іереміи пророцѣ, о кончинѣ его и о принесеніи мощей его царемъ Александромъ Македонскимъ отъ Египта въ Александрію“ (Опш. рип. Толстова I № 34, стр. 20). Но это слово—переводъ Епифаніевой статьи.

³⁾ *Migne*, Patrol. gr. v. XLIII, p. 393 слѣд. Сл. *Fabricii* Cod. pseudepigr. V. Testam. p. 1110 sqq.

χοδς τοῦ τόπου, δῆγματα ἀσπίδων θεραπεύουσιν, καὶ τὰ θηρία τοῦ ὕδατος φυγαθεύουσιν. Ἡμεῖς δὲ ἤκούσαμεν ἐκ τῶν παιδῶν Ἀντιγόνου καὶ Πτολεμαίου γερόντων τινῶν, ὅτι Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδῶν ἐπιστάς τῃ τάφῳ τοῦ προφήτου καὶ ἐπιγνοὺς τὰ εἰς αὐτοῦ μυστήρια, εἰς Ἀλεξάνδρειαν μετέστησεν αὐτοῦ τὰ λείψανα, περιστείλας αὐτὰ ἐνδόξως (ρεκ. ССХХІV, согласно съ текстомъ Паскальной Хроникѣ и Симеономъ Логоветомъ: περιθεις αὐτὰ ἐνδόξως κόχλῳ)· καὶ ἐκολόθη ἐκ τῆς γῆς τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ τὰ θηρία.

Рукопись ССХХІV прибавляетъ вслѣдъ за этимъ такую подробность: καὶ τότε ἐνέβαλε (Ιερемία) τοὺς ὄφεις τοὺς λεγομένους ἀργολαίους, ὃ ἐστὶν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργου τοῦ Πελασγικοῦ, ὅθεν καὶ ἀργολαῖοι καλοῦνται, τούτέστιν Ἄργου ἀριστεροί· λαῖον γὰρ λέγουσιν πᾶν εὐώνυμον. Согласно съ этимъ въ выпискахъ у Свидѣи (Ἀργόλαι οὖν ἐκ τοῦ Ἄργου λαοί; τοῦ Πελασγοῦ) и Симеона (οὗτος τοὺς λεγομένους Ἀργόλας, ὃ ἐστὶν ὀφιομάχους, εἰς τὴν γῆν Αἰγύπτου, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργου τοῦ Πελασγικοῦ· ὅθεν καὶ Ἀργόλαι καλοῦνται, τούτέστιν Ἄργου εὐώνυμον· λαῖον γὰρ πᾶν τὸ εὐώνυμον, τὸ δὲ Ἄργος ἐστὶν ἀνατολικόν). Иначе въ текстѣ Паскальной Хроникѣ: καὶ οὕτως ἐνέβαλεν τοὺς λεγομένους ἀργολάους, ὃ ἐστὶν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργου τοῦ Πελοποννησιακοῦ, ὅθεν καὶ ἀργόλαιοι καλοῦνται, τούτέστιν Ἄργου; δεξιο· λαλιάν δὲ ἔχουσιν ἡδυτάτην καὶ πανωνόμων (?).

Текстъ рукописи СХХ продолжаетъ: Οὗτος ὁ προφήτης σημεῖον δέδωκε τοῖς ἱερεῦσιν Ἀιγύπτου, ὅτι δεῖ σεισθῆναι τὰ εἰδῶλα αὐτῶν καὶ συμπέσειν τὰ χειροποίητα αὐτῶν, ὅταν ἐπιβῆ ἐν Ἀιγύπτῳ παρθένος λοχεύουσα βρέφος θεοειδές (см. Ιερем. гл. 43, стр. 12, 13). Διὸ καὶ ἕως νῦν τιμῶσιν παρθένον λοχοῦν καὶ βρέφος ἐν φάτνῃ τιθέντες προσκονοῦσιν· καὶ Πτολεμαῖοι τῷ βασιλεῖ πυνθανομένῳ τὴν αἰτίαν ἔλεγον, ὅτι Πατροπαράδοτον ἡμῖν ἐστὶ μυστήριον, ὑπὸ οὐοῦ προφήτου τοῖς πατράσιν ἡμῶν παραδοθέν, καὶ ἐκδεχόμεθα τὸ πέραс τοῦ μυστηρίου ἡμῶν.

Οὗτος δὲ πρὸ τῆς ἀλώσεως τοῦ ναοῦ ἤρπασεν τὴν κιβωτὸν τοῦ νόμου καὶ τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ ἐποίησεν αὐτὰ καταποθῆναι ἐν πέτρῳ, λέγων τοῖς παρεστῶσιν· Ἀπεδήμησεν Κύριος ἐκ Σιών εἰς οὐρανὸν, καὶ πάλιν ἐλεύσεται ἐν δυνάμει· καὶ σημεῖον ὑμῖν ἔστω τῆς παρουσίας αὐτοῦ, ὅτε ξύλον πάντα τὰ ἔθνη προσκονήσωσιν· τὴν δὲ κιβωτὸν ταύτην οὐδεὶς ἐκβάλλει εἰ μὴ Ἀπαρών· καὶ τὰς ἐν αὐτῇ πλάκας οὐδεὶς ἀναπτύσει ἱερῶν ἢ προφητῶν εἰ μὴ Μωσῆς ὁ ἐκλεκτός τοῦ Θεοῦ, καὶ ἐν τῇ ἀναστάσει πρῶτον ἢ κιβωτός τοῦ Θεοῦ ἀναστήσεται καὶ ἐξελεύσεται ἐκ τῆς πέτρας, καὶ τεθήσεται ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ τότε πάντες οἱ ἅγιοι συναχθήσονται ἐκεῖ ἐκδεχόμενοι τὸν Χριστόν. Ἐν δὲ τῇ πέτρῳ ἐσφράγισεν τῷ δακτύλῳ αὐτοῦ τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ καὶ γέγονεν ὁ

κόπος ὡς γλοφὴ σιδήρου, καὶ νεφέλη ἐσκέπασεν τὸ ὄνομα, καὶ οὐδεὶς νοεῖ τὸν τόπον ἕως τῆς συντελείας. Καὶ ἔστιν ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ τῶν δύο ἰσραὴλ ἐν οἷς κεῖται Μωσῆς καὶ Ἀαρών· καὶ ἐν νυκτὶ νεφέλη ὡς πῦρ γίνεται κατὰ τὸν τόπον τὸν ἀρχαῖον, ὅτι οὐ μὴ παύσῃται ἡ δόξα τοῦ Θεοῦ ἐκ τοῦ κόπου αὐτοῦ. Καὶ ἔδωκεν ὁ Θεὸς τῷ Ἱερεμίᾳ χάριν, ἵνα τὸ τέλος τοῦ μνησίου αὐτοῦ αὐτὸς ποιήσῃ, ὅπως γένηται κοινωδὸς Μωϋσέως ¹⁾.

Нѣкоторыя подробности Епифаніевой легенды повторены, съ любупытными отиѣнами и развитіями, въ отреченной повѣсти „о плачѣ и о риданіи пророка Іереміи и о запусѣніи Іерусалима“, извѣстной свѣ по русскимъ спискамъ ²⁾ и Всеобщей исторіи Дороея, митрополита Монеμβасійскаго ³⁾.

¹⁾ Въ статьѣ о семидесяти ученикахъ І. Христа, напечатанной въ Именемъ (Дороея Тирекаго въ приложеніи VIII къ Пасхальной Хроникѣ (ed. *Dindorf*, II, гр. 120 и слѣд.), встрѣчаются подробности объ Іереміи, напоминающія Епифаніевскую статью. Сл. стр. 138: Εὐρομεν καὶ ταῦτα ἐν τοῖς ιστορικῶις συγγράμασι τοῦ εὐθέντος θαίου ἀνδρὸς Δωροθέου... ὅτιπερ ὁ Ἱερεμίας ἱερεὺς ὦν καὶ προφήτης ἐῖπε πνεύματι προθεωρήσας καὶ τὴν τῆς Ἱερουσαλὴμ αἰχμαλωσίαν, μετὰ τὴν τελευταίην ἰσείου τοῦ Βασιλέως Ἰουδαίας, ἄρας τὴν σκηνὴν τὴν Μωσαϊκὴν, καὶ τὴν κιβωτὸν τῆς μαθήτης, καὶ πάντα τα ἅγια τὰ ἐν αὐτῇ καὶ πάντα τὰ σκεύη ἃ Μωσῆς κατασκεύασεν, λθὼν εἰς τὸ ὄρος Ναβίου ἐνθα ὁ Μωσῆς αὐτὸς ἐτάφη, εὗρεν σπήλαιον, κακεῖ πάντα κέθητο, καὶ ἤθετο εὐχὴν, ὥστε μὴ φανερωθῆναι αὐτά, ἕως συντελείας τοῦ αἰῶνος. Καὶ ἔκτοτε ὁ τόπος ἀγνωρίστος ἐγένετο καὶ αὐτοῖς τοῖς ἱερεῦσι αἶμα τῷ Ἱερεμίᾳ ἀποκρμένοις αὐτά. Слѣдуетъ непосредственно (стр. 138—140) преданіе объ Иродиадѣ, о которомъ мнѣ пришлось говорить въ Разысканіяхъ VII, стр. 221—222 и 429 — 430; къ свидѣтельству Никифора Каллиста слѣдуетъ присоединить теперь и слѣдующее: (Σὺν οἷς καὶ ταῦτα εὐρήκαμεν) ἐπὶ ὑπατείας Γάλβου καὶ Σύλλα, καὶ τούτῳ τῷ ὑπάτῳ ὑπὸ κρύους παρωθείσης τῆς λίμνης Γενησαρέτ, ἡ θυγάτηρ τῆς Ἡρωδιάδος κατὰ τέρψιν ἐκὶ τοῦ πάγου ἀπέβαιναν. Τοῦ δὲ πάγου διατροβέντος, τὸ ὄμα αὐτῆς κατεπόθη ὑπὸ τοῦ πάγου ἀνωθεν ἐμφύοντος. Ἡ δὲ Ἡρωδιάς ἐκὶ τῶν ονάντων αὐτῆς ἀποθεμένη τὴν κεφαλὴν τῆς θυγατρὸς, κλαίουσα, ὁμολογεῖ διὰ τοῦ ἰτήσασθαι αὐτὴν τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ τοῦτο ὑπέμειναν. Иродъ и Иродиада и нхъ четыре сына умирають, объяденные червими; вѣтъ рѣчи о антигастической пласкѣ отрѣзанной головы, о которой говоритъ Каллистъ. Въ книгѣ и подобныя „ивановскія“ легенды и пытался привязать нѣкоторыя свѣрны и обряды на Ивановъ день. Сл. теперь *Pistré, Archivio I, 2, стр. 327: ella notte di S. Giovanni i contadini del Napoletano mettevano fuori una secchia piena d'acqua per vedervi passare Erodiade e sua madre, che si rinfacciavano a icende l'uccisione del Battista.*

²⁾ *Тыкоправоє*, Пам. отр. русск. лит. I, стр. 273—84 (по списку XV вѣка), 38—97 (изъ Маварьевскихъ мнѣй). Цитую по древнѣйшему тексту.

³⁾ Βιβλίον ιστορικὸν περιέχον ἐν συνόψει διαφορὸς καὶ ἀξιακούστους ιστορίας ... συλλεχθέν ... παρὰ τοῦ ἱερωτάτου Μητροπολίτου Μονεμβασίας κυρίου Δωροθέου· и т. д. «Евѣтиси, Афѣгъ». Соответствующія эпизоды пересказаны у *Gaster*,

Передъ плѣненіемъ Іерусалима Іеремія молитъ Бога: „Се, ГИ познѧ ѧко предаѣши гра в роуцѣ врагъ его. пойти ѧмоу людѣ тво в вавилонъ да како ѧмамы дѣти стѣнѧ сосуды. и рѣ бѣ предаи землн. гѧ слыши земле гѧ създавашаго та. и ѧтвердившаго та верх горъ. знаменавашаго та сѣмю печатми. в сѣмѣ временѣ. и по сѣмь возметь твою красоту. съхрани сосуды слоужбныѧ даже и до собраниѧ возлюбленнаго“. Іеремія отправляется въ Вавилонъ съ плѣбными Израильтянами, которыхъ по прошествіи семидесяти лѣтъ снов выводитъ въ Іерусалимъ. Здѣсь однажды во время молитвы „взат бѣи дшѧ его изъостави тѣло мртво въ жертвеницѣ“. Варухъ и Авимелехъ, стоявшіе вмѣстѣ съ нимъ въ алтарѣ, начинаютъ горько плакать о смерти пророка, но голосъ съ неба вѣщаетъ, что онъ живъ и не велитъ погребать его. Черезъ три дня онъ очнулся и начинаетъ пророчествовать о Христѣ¹⁾; „и възваша людѣ всѣ, сѣ соуглѣи ѧхже древле ѧсайѧ бесѣдоваше къ ѡцѣмъ нашимъ. ѧко видѣ бѧ и сѣѧ его и ѡубинша его древанѣи трезубѣ растергавше. прїидѣи ѡубо сегѣ камнеиѣмъ побиеиѣмъ“. Іеремія велитъ Варуху и Авимелехъ принести большой камень и молится: гѣ, сотвори камень сѣи по моѣмъ побію, и да побіють его людѣ. дондеже исповѣ братиѧ моѣи ѧѧ видѣ и слышѧ. тогда повелѣниѣмъ бжѣимъ, прїимъ камень побіи прѣче и биемъ бываше камнеиѣмъ въ мѣсто прѣрка. и провъзвѣстившииѣмъ всѧ ѣлика слышѧ и видѣ, и съврѣшити хотѧ также ѡ немъ ѡ правленая, прїиде посредѣ людѣи, и повелѣниѣмъ бжѣимъ, прїимъ ки

Beiträge zu vergleichenden Sagen- und Märchenkunde, p. 81 слѣд., указавша на существованіе той же легенды въ одной румынской хроникѣ начала XVII в. Интересна замѣтка Гастера (p. 82—80), что тотъ же разказъ находится въ греческихъ печатныхъ Минейхъ и въ ихъ румынскомъ переводѣ, подъ 4-мъ ноябр. Проф. Дестунисъ сообщаетъ мнѣ, что въ греческихъ Минейхъ Лейнского изданіи Іеремія помѣщенъ лишь подъ 1-мъ мая, но что въ старинномъ изданіи Житіи Святыхъ (Венеція, 1685 г.) о немъ говорится и подъ 4-мъ ноябрѣ (ветхозавѣтная исторія) и подъ 1-мъ мая (по легендѣ Епифанія).

¹⁾ Мак. Миней: „прїидѣ древо живота посредѣ раѧ саженое, сотворить да всѧ древа неплоднаѧ сотворятъ плодъ, и возрастуть прозабнуть, и прозабшаѧ и величающаѧса и глщаѧ: вдахомъ пл свои на весноу сотворить а исхнути съ выотою вѣтвѣихъ, и сотворить та соудитеса древо оутверженое и оучервѣеное бѣло боудетъ и снѣгъ почернѣетъ, и сладкыя воды сланы боудоутъ въ велицемъ свѣте веселѧ бжѣѧ, блгвѣитъ ѡстрова да сотворятъ плодъ словомъ оустъ его, самъ видѣть и изидѣть и избереть себѣ .Ві. апѧ, да блвѣать и всѧ ѧзыци. Его же азъ видѣхъ оукрашена ѡца его гра дущаго в миръ“.

мень члѣсьскыи глѣ и въз'пи глѣ: ѿ буродивнѣи сѣнове і'йлѣви, почто мене бѣте мнаще іако азъ есмь і'ереміа, тому посредѣ васъ столющу. тогда іако ѿ пѣанства истрезвившеса, видѣша стаго и вземше каменіе текоша къ нему и побіенъ бы ѿ плѣненнѣи его іереміа въ іерлѣмѣ; ѿ иже побаше ему миловану быти, и не впрѣкы рѣ ниже прогнѣваса, но толнко приймаше каменное лукани іако и капла съ нбси сходащѣа іакоже снми на нбса възходи⁴.

Варухъ и Авимелехъ погребаютъ пророка, камень положили на его гробъ, написавъ на немъ слова: «Сн камень помощникъ і'ереміа. сщєн'ныя же съсуды, иже положи і'ереміа по повелѣнію бжѣю въ камени и запечатан пер'стомъ своимъ има бжѣе и іако желѣзнымъ звѣаннемъ бы мѣсто ѿблаку присѣнающю камень, знѣему ради тому быти. Естьже камень в пустыни. идѣже первѣе ковчегъ со инѣми положиса. и сѣ рѣ і'ереміа: на нбса гѣ ѿ сиѡна взиде, но пакыи прѣидеть посѣтити сѡна, пришествіа хѣа боудеть знаменіе, егда вси іазыцы древу поклонатса славаще и бѣваще ба іако тому слава въ вѣкы аминь⁴».

Преданіе о сокрытіи Іереміею Іерусалимскихъ святынь, встрѣченное нами и у Елифанія, основано, несомнѣнно, на Маккав. II гл. 2, ст. 4—8¹⁾; что же касается легенды, упоминаемой уже блж. Іеронимомъ (Ad Jovin. II 37: Ieremias captivitate nuntians lapidatus a populo) и Тертуллианомъ (Adversus gnosticos 8: Ieremias lapidatur): о побіеніи пророка камнями, то она слажилось, по всей вѣроятности, на основаніи слѣдующаго мѣста его пророчествъ, гл. 43, стр. 8—13: И было слово Господне къ Іереміи въ Тафнисѣ: Возьми въ руки свои большіе камни, и скрой ихъ въ смятой глинѣ при входѣ въ домъ Фараона въ Тафнисѣ, предъ глазами Іудеевъ, и скажи имъ: такъ говоритъ Господь Саваоѣъ, Богъ Израилевъ: вотъ, Я пошлю и возьму Наву-

¹⁾ Было также въ писаніи, что сей пророкъ, по бывшему ему божественному откровенію, повелѣлъ скинни и ковчегу слѣдовать за нимъ, когда онъ восходилъ на гору, съ которой Моисей, восшедши, видѣлъ наслѣдіе Вошіе. Пришедъ туда, Іеремія нашелъ жилище въ пещерѣ и внесъ туда скиннию и ковчегъ и жертвенникъ каменный, и заградилъ входъ. Когда потомъ пришли нѣкоторые изъ сопутствовавшихъ, чтобы зайти въ входъ, то не могли найти его. Когда же Іеремія узналъ о семъ, то, упрекая ихъ, сказалъ, что это мѣсто останется неизвѣстнымъ, доколѣ Богъ, умилосердившися, не соберетъ сонма народа. И тогда Господь покажетъ его, и явится слава Господня и облако, какъ явилось при Моисеѣ и т. д. Объ этой горѣ говоритъ Титмаръ, Thietmari Peregrinatio ed. Laurent, p. 36.

ходоносора, царя Вавилонскаго, раба Моего, и поставлю престолъ его на этихъ камняхъ, скрытыхъ Мною, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и прійдетъ и поразитъ землю Египетскую: кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти; и кто въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ; и кто подъ мечъ, подъ мечъ. И зажгу огонь въ капищахъ боговъ Египтянъ; и онъ сожжетъ оныя, а ихъ плѣнить, и одѣнется въ землю Египетскую, какъ пастухъ надѣваетъ на себя одежду свою, и выйдетъ оттуда спокойно. И сокрушитъ статуи въ Беосамисѣ, что въ землѣ Египетской, и капища боговъ Египетскихъ сожжетъ огнемъ.

Библейское пророчество, бывшее въ Тафнѣ, указываетъ и на поводъ къ приуроченію смерти Іереміи въ этой мѣстности не только въ статьѣ Епифанія, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Такъ у Ефрема Сирина въ толкованіи на Іеремію¹⁾, въ Лугѣ Духовномъ Іоанна Мосха: Іоаннъ и Софроній идуть въ дому философа Стефана: ἔμενε δὲ εἰς τὴν ἁγίαν Θεοτόκον, ἣν φηδομήσαν ὁ μακάριος πάπας Εὐλόγιος, τὴν ἐπονομαζομένην τῆς Δωροθέας. Они находятъ его спящимъ, а Іоаннъ говоритъ Софронію: Ἀγωνῶν ἐν τῇ Τετραπόλῃ, κακεῖ μένωμεν ἔστιν δὲ ὁ τόπος τοῦ Τετραπόλου πάνυ σεβάσιμος παρὰ τοῖς Ἀλεξανδροῖσι λέγουσι γάρ, ὅτι τὰ λείψανα Ἱερεμίου τοῦ προφήτου ἀπὸ Αἰγύπτου Ἀλέξανδρος ὁ κτίστης τῆς πόλεως ἐκεῖ αὐτὰ κατέθετο. На Тетрапилѣ указываетъ въ дѣяніяхъ седьмаго собора (act. 4) іерусалимскій архіепископъ Софроній, по поводу чудесъ Іоанна и Кира: εἰσαλθε γοῦν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ἐν τῇ μεγάλῃ Τετραπόλῃ νῆστῆς καθεύδησον²⁾.

У Синкелла (ed. Bonn. p. 426) Іудеи „εἰδολοατρῆσαντες ἐν Αἰγύπτῳ ἐλεγχόμενοι τε ὑπὸ τοῦ μεγάλου Ἱερεμίου ἐλιθοβόλησαν αὐτόν“.

Минологіи императора Василія³⁾ повторяетъ извѣстный намъ разказъ о сокрытіи Іереміеи скинии завѣта, его пришествіи въ Египетъ, его пророчествахъ о Дѣвѣ и младенцѣ въ ясляхъ, побіеніи въ Тафнахъ и погребеніи вблизи Фараонова дворца. О перенесеніи его останковъ Александромъ нѣтъ рѣчи.

¹⁾ «Hieremia Propheta ex Anathoth, in Pharo (?) Aegypti lapidibus obrutus a populo, sepultus fuit in sepulcro Pharaonis, eo quod Aegyptii in summo eum honore habent propter accepta ab eo beneficia. Ossa ejus ab Alexandro Rege Alexandriam translata, et ingenti eum pompa ibidem condita fuerunt». *Assemani*, *Bibl. Orient.* t. I, p. 72 a.

²⁾ *Migne*, *Patrol. graec.* t. LXXXVII, pars. III, p. 2929—32 (с. LXXXVII); *Patrol. lat.*, t. LXXIV, p. 156; сл. p. 241, прим. 18.

³⁾ *Migne*, *Patrol. graec.* t. 117, стр. 432.

Западные историки пятаго Крестоваго похода помѣщаютъ мучение ереми не въ Тафнѣ=Дафнѣ¹⁾, а неподалеку отъ Даміаты, къ востоку отъ нея, именно въ Tanis (Thanis, Taphnis, Tarnis, Themise, Thenis, Taus, Camrotaneos; у Жуанвилля Tenis; Tenez въ провансальскомъ разсказѣ о взятіи Даміеты, изд. Р. Мейер) на рукавѣ Нила, носившемъ то же названіе²⁾. Взятіе этого города крестоносцами въ 1218 году подробно описано въ продолженіи къ письмамъ Оливерія Схоластика³⁾:

Non minori miraculo, immo maiori, donavit dominus Christianis astrum Thanis mense Novembri in festo Clementis qui habet habitaculum suum in mari. Nam missi sunt exploratores numero quasi mille tri in naviculis per parvum fluvium, qui fluvius Thanis appellatus est, ut de casualibus tollerent sibi victualia, et situm loci praedicti diligenter explorarent. Saraceni qui erant in praesidio castris, visis christianis, putantes totum exercitum adventare, seratis portis fugerunt. Castris vero solum Christum capitaneum ibidem habentes, erumpentes laustra intraverunt castrum. Testati sunt nobis redeuntes se nunquam a plano fortius vidisse castrum. Septem tures habet firmissimas testuinas insuper per gyrum, duplici fossato et utroque murato cingitur, habens antimurale. Lacus se diffundit in latum per circuitum in tantum, ut aditus equitibus hieme sit impossibilis, aestate difficilis adeo, ut per nostrum exercitum obsidione nunquam caperetur. Lacus piscosus est valde, de cujus piscariis soldano Babilonie solvebatur annuatim quatuor millia marcarum argenti, sicut a senioribus indicatum est no-

¹⁾ О Даміѣ см. *Maspero*, Geschichte der morgenländischen Völker, übers. v. *Vetschmann*, Reg. a. v. Daphne, и тамъ же карту.

²⁾ Древній Tanis лежалъ между себенитскими и пелузійскими рукавами Нила (См. *Ebers*, Durch Gosen zum Sinai, Reg. a. v. Tanis; *Maspero*, l. c. p. 25; *Matromère*, Mémoires sur l'Égypte I, 284 и слѣд.; его же: Description de l'Égypte, , 99 и слѣд.; *Champollion*, l'Égypte sous les Pharaons, II, 101—104; *Pauly*, Realencyclopädie, a. v. Tanis); по ту сторону пелузійскаго, между Ниломъ и пустыней, полагають городъ Таі, который Врунгъ не прочь отождествить съ Tanis *Maspero*, p. 25, прим. 1); но около Таія находилась и Даміа (l. c. p. 484).

³⁾ Объ исторіи текста Оливерія см. *Zarncke*, Ueber Oliver's Historia Damiatina und das sogenannte dritte Buch der Historia Orientalis des Jacob von Vitry, въ *Abhandlungen der k. sächs. Gesellschaft d. Wiss.*, philos. hist. Cl. 1875, p. 138—141. Разсказъ о взятіи Таниса, воспроизведенный нами по изданію *Eckhard* (Corpus Historiae medii aevi, Lips. 1823, 2-й томъ), внесенъ (съ пропусками) въ описанію Винценція изъ Бове (Specul. Hist. l. XXXI, cap. XCI: De captione haniae et opulencia ipsius ac fortitudine) и въ хроники *Wendower's* и *Matthaei* армянскаго. См. *Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani Chronica majora*, l. *Luard*, v. III, Preface, p. VIII—IX и стр. 55—56, ad. a. 1219.

bis; avibus insuper et salinis habundat. Casalia multa per circuitu serviebant ei. Civitas ante castrum maior Damiatata olim famosa, nunc autem ruïnosa, magnitudinem testatur edificiorum. Haec est Tanis cujus campi meminit propheta: Coram pat(ribus) e(orum) f(ecit) m(iracula ¹⁾, Ysaïas: stulti principes Taneos, sapientes consiliarii Pharaonis consilium insipiens dederunt ²⁾. Haec est Thanis in qua lapidatus asseritur Ieremi: Destructa enim Ierosolyma a Babilonis et Gotholia ab Hismahele infecto, reliquiae populi contra consilium Ieremiae profectae sunt in Aegyptum Ieremiam secum ducentes, qui mansit cum eis in Thanis. Et factus est sermo Domini ad Ieremiam in Thanis: Sume lapides grandes et absconde eos in cripta quae est sub muro latericio Domus Pharaonis etc. Postmodum locutus est eis Ieremias: Hoc dixit Dominus Ego juravi in nomine meo magno, quia omnes viri Iuda, qui sunt in terra Aegypti, gladio et fame peribunt, donec penitus consumentur. Ii insurrexerunt populi adversus Ieremiam et lapidaverunt cum lapidibus quos absconderat sub muro latericio. Aegyptii vero honoraverunt prophetam, sepelientes eum juxta tumulum regum, memores beneficiorum quae praestitorat Aegypto. Oratione enim sua fugaverat bestias aquarum, quas Graeci cocodrillos appellant. Alexander autem Macedo, veniens ad sepulchrum prophetae, cognoscens loci mysterium transtulit ipsum in Alexandriam et sepelivit gloriose.—Сл. въ Libellorum... Domini: „quingagesimus nonus articulus.... habet quatuor conclusiones: prima de captione Thannis cum lacu habundante piscibus avibus et palmis (?), in quo fuit lapidatus et sepultus Ieremias, post ab Alexandro in Alexandriam translatus; et de natura cocodrillorum“ ³⁾.

О церкви пророка Іереміи на островѣ передъ Даміатой говоритъ Іаковъ de Vitry: insula ante Damiatam, quae sita est inter Nilum fluvium et mare prope ecclesiam S. Ieremiae prophetae qui defunctus est in Aegypto (Epist. II. p. 290); въ 3-мъ своемъ посланіи онъ называетъ этотъ островъ: Campus Taneos (p. 295).

Иныя воспоминавія привязываетъ къ этому острову (inter mare fluvium Paradisi, qui dicitur Gion) Memoriale potestatum Reggenisium

¹⁾ Псал. 77, 12: Онъ предъ глазами отцовъ ихъ сотворилъ чудеса въ землѣ Египетской, на полѣ Цоанъ; 43: сотворилъ въ Египтѣ знаменія свои и чудеса свои на полѣ Цоанъ.

²⁾ Ис. XIX, 13: Обезумѣла князь Цоанскіе, обманулся князь Мемфисскіи и совратили Египетъ съ пути главы племень его.

³⁾ Archives de l'Orient latin, t. I (Paris, 1881), p. 301.

in qua insula propheta Jeremias natus fuit; et quod hoc sit verum et redibile, potest cognosci, quia domus ejus usque in presentem diem apparet, quae Jeremiae prophetae domus est dicta ¹⁾.

Чудо, напроороченное Иеремией въ легендѣ у Епифанія—объ идолахъ, имѣющихъ сокрушиться въ Египтѣ съ пришествіемъ Богоматери и Божественнаго Младенца,—разказывается, какъ совершившееся въ той же мѣстности, въ отреченномъ евангеліи псевдо-Матвея ²⁾: gaudentes et exultantes (то-есть, святое семейство) devenerunt in finibus Hermopolis et in unam ex civitatibus Egypti quae Sihenen Sotinen, Sotrina) ³⁾ dicitur intraverunt; et quoniam nullus in ea erat eis iotus apud quem hospitarentur, templum ingressi sunt, quod capitolum ejusdem civitatis ab Egyptiis vocabatur. In quo templo trecenta sexaginta idola posita erant, quibus singulis diebus honor deitatis a sacrilegis impendebatur. Factum est autem, ut ingressa Maria templum cum infantulo, universa corruerunt simulacra et omnia ipsa idola iacentia in faciem nihil se esse evidentius perdocerent. Tunc adimpletum est Vaticinium illud Esalae dicentis: Ecce dominus sedet super nubem levem et veniet in Egyptum, et commovebuntur idola manufacta Egyptiorum a facie ejus et cadent in terram (Esalae 19, 1).

Эта апокрифическая легенда попала позднѣе къ путешественникамъ, между прочимъ, въ романъ - путешествіе Іоанна Witte de Hese (1889 г.), называющаго Гермополь—„capitalis civitas Aegypti, ubi beata virgo septem annis morabatur cum filio suo, domino nostro“. Онъ описываетъ крылатыхъ рыбъ и змѣй Чермнаго моря; изъ нихъ послѣднія ядовиты, „contra quos habetur cinis de palma combusta, crescens ibidem et in terra sancta, et etiam quaedam herba, Coral nuncupata, crescens in mari rubro in loco, per quem Moyses perduxit populum Israheliticum. Et ille locus seu via agnoscitur per quatuor magnos lapides nigros stantes in ripa maris, duo ab una parte maris et duo ab alia parte.—Et in civitate Hermopolensi praedicta est ortus, in quo morabatur beata virgo.... Ecliam in civitate praedicta est una ecclesia mirae magnitudinis, constructa in honore sanctae Trinitatis et gloriosae virginis, quae prius fuit templum ydolorum, in quod cum

¹⁾ Muratori, Script. Rer. Ital. VIII, 1085; сж. Iohannes de Tulbia въ Publications de l'Orient latin. Série historique, II: Quinti belli sacri scriptores minores, ed. Röhrich, p. 119.

²⁾ Tischendorf, Evangelia apocrypha, p. 85—86, с. XXII—XXIII; Schade, Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris (1869), p. 40.

³⁾ Сж. Schade, l. с., p. 40, примѣч. 236.

beata virgo primo venit ex metu Herodis in Aegyptum fugiendo, daemones fugierunt, et ceciderunt ydola in templo ¹⁾.—Совоменъ (Hist. eccles. V, 21) помѣщаетъ этотъ Гермополь въ Фивандѣ: καὶ δένδρον δὲ τῆς καλουμένης Περίδος ἐν Ἐρμούπολει τῆς Θηβαίδος φασὶ πολλῶν ἀπελάσαν τὰς νόσους, κάρρος ἢ φύλλον ἢ τοῦ φλοιοῦ μικρὸν τι κάμνουσι προσαιπτόμενον. Δέγεται γὰρ παρ Αἰγυπτίους, ἥνικα διὰ τὸν Ἡρώδη ἐφογεν ὁ Ἰωσήφ. παραλαβὼν τὸν Χριστὸν καὶ Μαρίαν τὴν αγίαν Θεοτόκον ἐλθεῖν εἰς τὴν Ἐρμούπολιν. Ἄμα δὲ εἰσιόντι παρὰ τὴν πόλιν μὴ ἐναγκὸν τοῦτο τὸ δένδρον μέγιστον ὄν τοῦ Χριστοῦ τὴν ἐπιδημίαν, ἐκὶ τὸ ἔδαφος κλίνας καὶ προσκυνῆσαι.

Подъ Гермополемъ въ Фивандѣ, нерѣдко упоминаемымъ въ житіяхъ ²⁾, разумѣется Негмороліс magna, древн. Sesuppi, градъ восьми боговъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Египтѣ, съ храмомъ Тота = Гермеса ³⁾. Но едва ли здѣсь не произошло смѣшеніе одного Гермополя съ другимъ. Средневѣковый путешественникъ Филлиппъ ⁴⁾, разсказывая эпизодъ о преклонившейся пальмѣ, называетъ Гермополь, но разумѣеть, очевидно, Гелиополь, въ 1½—2 часахъ пути отъ Каира, въ сосѣдствѣ съ нынѣшней деревней Materieh = Matagea арабскаго Евангелія о дѣтствѣ Христа (гл. 24), Матарія нашего Гогарн ⁵⁾. Двойственность обозначеній: града солнца (Гелиополь) или Гора—и града Гермеса (Гермополь), еще разъ встрѣчающаяся въ древнемъ Египтѣ, даетъ мнѣ поводъ къ вопросу: не отвѣчаетъ ли апокрифическій Sihenen „in finibus Негмороліс“—нижне-египетскому ному Sehem, греч. Προσωλίτης, къ западу отъ канобскаго рукава Нила, области Гора, „властиеля Сехема“ ⁶⁾? Такая двой-

¹⁾ Zarncke, Der Priester Iohannes, 2-е Abhandlung, p. 162—163. О звѣздахъ Чермнаго моря см. Herod. II, 75—6. Сл. аллегорическое толкованіе слѣпой летучей звѣзи, окунающейся въ Черномъ морѣ, въ Grand St. Graal, ed. Hucher, v. II, p. 521 и слѣд.

²⁾ Тамъ, напримѣръ, въ житіи Онурія (Migne, Patrolog. lat. t. LXXXIII, p. 213 и 220, прим. 8); у Палладія, въ житіи Хривостома, онъ названъ, по имени епископа, градомъ Діоскора.

³⁾ Сл. Maspero, l. c., Reg. a. v. Негмороліс, и тамъ же карту Египта; Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, p. 201.

⁴⁾ Ed. Neumann. Wien, 1872, p. 71.

⁵⁾ Сахаровъ, Оказанія, кн. VIII, стр. 115.

⁶⁾ Brugsch, Eine geographische Studie, Zs. für ägypt. Sprache etc., VIII Jahrg. (1879), стр. 23 слѣд. За указанія на интересовавшую меня литературу по египтологіи принимаю мою благодарность консерватору азіатскаго музея Имп. Академіи Наукъ, г. Лемму.

ственность встрѣчается при имени нынѣшняго Damahour, городка къ западу отъ канобскаго (нынѣ Розетскаго) рукава Нила, на желѣзной дорогѣ въ Александрію, въ 25 километрахъ на западъ отъ древняго Саиса. Damahour — древнее demai-en-Hur = городъ Гора, то-есть, юнаго солнца; иначе Behud; demai-(t)-enti-se-Hur и Behud были также древнимъ обозначеніемъ Эдфу, у Грековъ Arollinopolis magna, что понятно изъ отождествленія Гора = Аполлона, — тогда какъ сомнительный городъ нижняго Египта они называли Heropolis magna ¹⁾. Это наименование, которое Вругшъ находитъ загадочнымъ, объясняется, быть можетъ, изъ тѣсной связи Тота-Гермеса съ Горомъ-солнцемъ въ легендѣ о борьбѣ послѣдняго съ исчезае́мъ Сета-Тифона, обыкновенно являющимся въ образѣ крокодиловъ и змѣй, естественнымъ врагомъ которыхъ былъ ибисъ, символъ Тота. По свидѣтельству Плутарха, самъ Тифонъ убѣжалъ отъ Гора, принявъ личину крокодила, почему жители Аполлинополя = Эдфу истребляютъ и поѣдаютъ крокодиловъ, что подтверждается и показаніемъ Страбона. Надпись въ храмѣ Эдфу разказываетъ намъ о борьбѣ Гора съ вражьи́мъ отродьемъ: онъ сражается съ ними, обратившимися въ крокодиловъ и гиппопотамовъ, и побиваетъ ихъ въ виду города. Тотъ радуется побѣдѣ: „Ликуйте, боги неба и земли! Юный Горъ вернулся въ мирѣ, совершивъ необычайное въ своемъ походѣ, какъ сказано въ книгѣ о побѣдѣ надъ гиппопотамомъ“ (= Тифономъ). Въ заключеніе Горъ обращается въ солнечный, крылатый дискъ, приобщивъ къ себѣ „богинь юга и сѣвера, въ образѣ двухъ змѣй, дабы онѣ (своимъ огненнымъ дыханіемъ) сжигали живьемъ враговъ“, обратившихся въ крокодиловъ и гиппопотамовъ ²⁾.

Въ другихъ памятникахъ, за которыми Шабастъ ³⁾ призналъ значеніе талисмановъ или амулетовъ противъ ядовитыхъ гадовъ и вредныхъ животныхъ, Тотъ является дѣйствительнымъ помощникомъ Гора въ его побѣдоносной борьбѣ. Изображеніе представляетъ юнаго

¹⁾ См. *Brugsch*, Dictionnaire géographique de l'Ancienne Égypte, p. 86 и слѣд. aurī-ḥa), 521 (demai-en-Hur), 540 слѣд. (Behud), 1269 (Behud-); его же *Mélanges l'archéologie égyptienne et assyrienne*, t. III, p. 107; *Dümichen*, Geschichte des alten Aegyptens (Berlin, 1879), p. 251.

²⁾ *Brugsch*, Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe. Göttingen, 1870.

³⁾ *Chabas*, Horus sur les Crocodiles, въ *Zs. für ägyptische Sprache etc.* /I. Jahrg. (1866), p. 99—106. См. ib. стр. 135 замѣтку *Pierret*, и XVIII (1880), гр. 54—56, замѣтку *Эберса*.

бога Гора, нерѣдко стоящаго на крокодилѣ; въ рукахъ онъ держитъ змѣй, скорпионовъ, льва или гиппопотама, либо газель — представительницу рогатыхъ звѣрей. Одна изъ молитвъ-заклинаній, сопровождающихъ изображеніе, обращается къ Гору и богу Тоту. Сообщая отрывки ея содержанія по тексту такъ-называемой „Меттерниховской стелы“¹⁾. Она открывается типическимъ воззваніемъ къ солнцу, вѣчно юному и древнему. „О старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ, обращающійся въ юношу! Да придетъ Thuti (Тотъ) на мой зовъ и отвратитъ отъ меня чудовище Nehahir (гѣроятно, эпитетъ, Апописа; иногда переводится въ значеніи змѣя, либо крокодила, съ головою, обращенною къ хвосту)... Прочь отсюда, водные жители!... Ра да запретъ вашу пасть, Seht да запретъ глоту, Thuti пусть отрѣжетъ вамъ языкъ, Нека ослѣпнѣтъ глаза“.

Изъ другихъ надписей Меттерниховской стелы остановимся на легендѣ, географическая сторона которой мастерски объяснена Вругшемъ²⁾. Сеть убилъ Осириса, а Изиду заперъ; Тотъ даетъ ей совѣтъ удалиться и тѣмъ спасти и себя, и своего сына Гора, которымъ она была беременна: когда опъ возмужаетъ и окрѣпнетъ, онъ вернется, воссадетъ на престолъ отца и воцарится надъ верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Она выходитъ вечеромъ: семь скорпионовъ (Tefen, Befen, Mestet, Mastetef, Petet, detet, Matet) провожаютъ ее и показываютъ путь въ нижній Египетъ. Вругшъ опредѣлилъ мѣстности, куда направилась богиня: онѣ лежали между западнымъ, канобскимъ рукавомъ Нила и западными берегами озера Буто, нинѣ Brulos, въ области, гдѣ преобладалъ культъ крокодила и его божества Sebek. Изида принята недружелюбно: въ городѣ Teb жена правителя, завидѣвъ ее приближавшуюся, испугалась ея спутниковъ-скорпионовъ и затворила передъ нею двери своего дома. Бѣдная женщина пріютила у себя богиню, а скорпионы порѣшили отмстить за нанесенное ей оскорбленіе; одинъ изъ нихъ, Tefen, пробравшись въ домъ строптивой жены, смертельно укусилъ ея сына. Мать въ отчаяніи, безуспѣшно блуждаетъ по городу, ища помощи; но Изида сжалилась надъ нею и, возложивъ руки на бездыханнаго, произноситъ заклатіе (обращенное

¹⁾ Die Metternichstele in der Originalgrösse, zum ersten Mal hrg. von W. Golenischeff. Lpz., стр. 6—7.

²⁾ Brugsch, Eine geographische Studie. Zs. f. ägypt. Sprache, XVII. Jahrg. 1879, стр. 8 слѣд.

къ каждому изъ скорпионовъ въ отдѣльности), и мальчикъ оживаетъ. Вскорѣ богиня родила Гора на одномъ островѣ болотистаго озера и спрятала его, изъ боязни, чтобъ онъ не былъ укушенъ; но въ ея отсутствіе случилось то, чего она опасалась. Изида предается горю, окрестные жители приходятъ съ выраженіемъ своего сочувствія, но помочь не могутъ. Она молится. Солнце останавливается въ своей ладѣ, является Тотъ и говоритъ: „Никакого зла не приключится дѣтяи Гору, ибо его благо зависить отъ ладьи Ра (солнца). Я сегодня прибылъ въ челнѣ солнца съ того мѣста, гдѣ оно вчера стояло. Если и царствуетъ тьма, свѣтъ побѣдитъ, чтобъ нагнѣчить Гора для его матери Изиды“.

Легенда эта интересна своею локализациею: какъ Изида, прійдя въ окрестности озера Буто, родить здѣсь Гора на островѣ и прачетъ его отъ возможныхъ напастей, такъ классическіе писатели разсказывали о Латонѣ, что она воспитывала Аполлона, укрывая его отъ преслѣдованія враговъ, на островѣ, въ болотахъ, въ окрестностяхъ именно Буто. Къ этой параллели, указанной Вругшемъ, я присоединю и отреченное евангеліе псевдо-Матеѣа, давшее намъ поводъ къ этому отступленію и снова возвращающее насъ къ Гермополю: Дѣва Марія также удаляется въ Египетъ, скрывая божественнаго младенца отъ преслѣдованій Ирода; драконы преклоняются передъ Иисусомъ, львы и леопарды указываютъ путь Святому семейству (гл. XVIII—XIX), какъ скорпионы странствующей Изидѣ; есть и чудо съ змѣей, хотя оно совершается за предѣлами Египта: мальчикъ Христосъ исцѣляетъ брата Іакова, укушеннаго ехидной (гл. XII); арабское Евангеліе Дѣтства Христова присоединяетъ къ этому чуду (гл. XLIII) и другое, подобное (гл. XLII). Послѣ этого возможенъ вопросъ: не слѣдуетъ ли искать Гермополя апокрифической повѣсти въ той же мѣстности, гдѣ издавна приурочено было дѣтство Гора-Аполлона? Страбонъ, I. XVI, с. 1, § 18, говоря о Бутѣ, прибавляетъ: *περὶ δὲ τὴν Βούτον καὶ Ἑρμοῦ πόλις ἐν νήσῳ κειμένη ἐν δὲ τῇ Βούτῃ Ἀητοῦς ἴσα ματαῖον*. Еще, стало бытъ, мѣстность, освященная памятью Гора, нѣкоторымъ образомъ его городъ, носящій имя Гермія.

Меттерниховская стела, найденная въ Александріи, восходитъ къ 378—360 гт. до Р. X., ко времени перваго царя послѣдней (XXX-й) египетской династіи: *Nect-Neq-ḥeb'a* = греч. *Nektavέβης*. Самъ онъ изображенъ на лицевой сторонѣ памятника въ актѣ поклоненія солнечному диску, тогда какъ по другую сторону стоитъ Тотъ-Гермій. Послѣднимъ царемъ той же династіи былъ *Nachtnebef*, греч. *Nekta-*

νέβης, Νεκτάναβις ¹⁾), Νεκταναβῶ Псевдокаллисѳена, дѣлающаго его отцомъ Александра Македонскаго. Онъ удалется изъ Египта въ виду вражескаго нашествіи; ὁ δ' ἐν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σαρακείου θεῶς αὐτῶν (то-есть, Египтянъ) λεγόμενος ἐχρησοδότησεν αὐτοῖς εἰκῶν· „οὗτος ὁ φογῶν βρασιλεύς ἦξει πάλιν ἐν Αἰγύπτῳ, οὐ γηράσκει, ἀλλὰ νεάζει, καὶ τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν Πέρσας ὑποτάξει (Pseudocall. I, 3). Онъ дѣйствительно возвращается не старимъ, а молодымъ, въ видѣ сына своего Александра—какъ солнце „старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ обращающійся въ юношу“; какъ Горъ онъ водворяется въ отцовскомъ наслѣдїи; у Гора помощникъ Тотъ-Гермїи; Александру является, наставляя его, Аммонъ, принявшій образъ Гермїи. Александрийская легенда объ Александрѣ была послѣднимъ выраженіемъ древняго мифа.

Мы вернулись къ Псевдокаллисѳену и остановимся еще на первой его книгѣ—на разказѣ объ основанїи Александріи.

Въ вн. I, гл. 31 читаемъ: ἀπὸ οὖν τῆς Πανδόσεως μέχρι τοῦ κελουμένου Ἑρακλειωτικοῦ στόματος τὸ μῆκος τῆς πόλεως Ἀλέξανδρος ἐχωρογράφησε· τὸ δὲ πλάτος ἀπὸ τοῦ Βενιδειοῦ μέχρι τῆς μικρᾶς Ἑρμοπόλεως οὐ καλεῖται δὲ Ἑρμούπολις, ἀλλὰ Ὀρμούπολις, ὅτι πᾶς ὁ κατερχόμενος ἐκεῖ προσορμαῖ. — Pseudocall. A (и Julius Valerius) прибавляютъ: ἀπὸ δὲ τῆς γῆς ἐπὶ τῆς θαλάσσης νῆρόν τινα ἐθεάσατο (Александръ) καὶ πυθάνετο τίς καλεῖ τὴν νῆσον. Οἱ δὲ ἐγχώριοι εἶπον· Φάρον Προτεύς· αὕτη δὴ κατοίκησις τὸ μνῆμα τοῦ Προτέως ἐστὶν τὸ παρ' ἡμῖν θρησκουόμενον· ἐπὶ τινος ὑψηλοτάτου θρόνου ἤνεγκαν αὐτὸν εἰς τὸ νῦν κελούμενον ἥρῳον καὶ ἐπέδειξαν τὴν λάρνακα· Θύσας δὲ τῷ ἥρῳ ἐποπτεύει, καὶ ἰδὼν ἀπὸ τοῦ χρυσοῦ (στόλου?) καταπεπτοκὸς τὸ μνῆμα ἐκέλευσε αὐτὸ ταχέως ἀνορθῶσαι. — Въ гл. 32 редакція A (и Julius Valerius) продолжаютъ: Ἦρξαντο δὲ οἰκοδομεῖν τὴν Ἀλεξάνδρειαν ἀπὸ μέσου πεδίου, καὶ ἔσχε ὁ τόπος τὴν προσωνομίαν ἄχρι νῦν διὰ τὸ ἀπ' ἐκεῖθεν ἀρξασθαι τὴν τῆς πόλεως οἰκοδομήν· τὴν δὲ περὶ αὐτὸν τρεπομένην δράκων σύνηθος (εἰσίνετο δς?) παραγεγόμενος ἐξεφόβει τοὺς ἐργαζομένους· καὶ ἐκκοπήν ἐποιοῦντο τοῦ ἔργου διὰ τὴν τοῦ ζώου ἐπέλευσιν. Μετεδόθη δὲ τῷ Ἀλεξάνδρῳ τοῦτο. Ὁ δὲ ἐκέλευσε τῇ ἐπερχομένη ἡμέρᾳ ὅπου ἂν καταληφθῆ χειρώσασθαι, ἐνὸς εἰργάζοντο (sic). Καὶ δὴ λαβόντες ἐπιτροπήν παραγεγόμενου τοῦ θηρός κατὰ τῆς νῦν καλουμένης Στοᾶς, τούτον περιεγέροντο καὶ ἀνείλον· ἐκέλευσε δὲ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκεῖ τὸ τέμενος γενέσθαι, καὶ θάψας κατέθετο. Καὶ πλησίον ἐκέλευσε στεφάνους στεφῆσθαι εἰς μνήμην τοῦ ὀφθέντος

¹⁾ Масpero, l. c. p. 562.

ἀγαθοῦ δαίμονος: ἐκέλευσε δὲ μηδαμοῦ ἀλλαχοῦ βάλλεσθαι τὴν ὄρυγὴν τῶν θεμελιῶν εἰ μὴ εἰς ἓνα τόπον· καὶ ἐστὶν ἕως ἄρτι ὄρος μεταφαινόμενος, δ καλεῖται Κοπρία.

Далѣе тексты сходятся: Θεμελιώσας δὲ τὸ πλεῖστον μέρος τῆς πόλεως Ἀλέξανδρος καὶ χωρογραφήσας, ἐπέγραψε γράμματα πέντε. Α. Β. Γ. Δ. Ε. τὸ μὲν Α Ἀλέξανδρος, τὸ δὲ Β βασιλεὺς, τὸ δὲ Γ γένος, τὸ δὲ Δ Διός, τὸ δὲ Ε ἔκτισε πόλιν ἀείμνηστον... ἰδρομένου δὲ τοῦ Πυλῶνος τοῦ ἱεροῦ (Α: τοῦ ἥρφου), ἐξαίφνης πλάτ μεγίστη ἐξέπεσεν ἀρχαιοτάτη πλήρης γραμμάτων, ἐξ ἧς ἐξῆλθον ὄφεις πολλοὶ, καὶ ἐρπύζοντες εἰςῆλθον εἰς τὰς ὁδοὺς τῶν ἤδη θεμελιωμένων οἰκιῶν... ὅθεν τούτοος τοὺς ὄφεις σέβονται οἱ θυρωροὶ ὡς ἀγαθοῦς δαίμονας εἰσόντας εἰς τὰς οἰκίας· οὐ γάρ εἰσιν ἰοβόλα ζῷα; Α прибавляет: ἀλλὰ καὶ τὰ δοκοῦντα εἶναι ἰοβόλα ἀπελαύουσι· καὶ θυσία τελεῖται αὐτῷ τῷ ἥρωι. Мюллеръ предлагаетъ читать: αὐτοῖς ἐν τῷ ἥρφῳ.

Соберемъ нѣкоторыя подробности разказа: городская черта Александрии начинается отъ малаго Гермополя, то-есть, города Гермия (и Гора), къ сторонѣ Египта; при началѣ постройки показывается драконъ; мѣсто, гдѣ его убили и похоронили, считается священнымъ (τέμενος) и послѣ называлось Стоа; когда сооружаютъ храмъ герою (ἥρφου), являются змѣи, распозаваясь по домамъ: жители чувствуютъ ихъ, какъ безвредныхъ, онѣ прогоняютъ ядовитыхъ; а герою (въ храмѣ) приносятъ жертвы.

Передъ нами основныя черты легенды объ Ιερεμiа и змѣяхъ-арголахъ, которыя переводятся словомъ ὄφιομάχος; вѣроятно, и арголы ничего иного не означаютъ, какъ именно: отгоняющіе (ἐλαύνω) змѣи (ἀργηῆς Πίρροςг.: родъ змѣи), какъ Et. Magn. толкуетъ ἀργειφόντης при Аполлонѣ въ значеніи убійцы змѣи; ἀργειφόντης и διάκτορος (прогоняющій, преслѣдующій)—извѣстные эпитеты Гермiа. Гробницѣ Ιερεμiа отвѣчаетъ у Псевдокаллисѳена ἥρφου, имя Ιερεμiа связано съ городомъ Гермiа, то-есть, Гермiа-Тота староегипетскихъ заклинаній, отгоняющаго ядовитыхъ гадювъ, помогающаго Гору въ борьбѣ съ ними, тогда какъ богини сѣвера и юга, въ образѣ двухъ змѣи (арголовъ Ιερεμiной легенды) палятъ ихъ огнемъ. Съ гробницей Ιερεμiа я не прочь сблизить позднѣйшія арабскія свидѣтельства о гробницѣ Гермiа въ одной изъ пирамидъ Гизэ, либо въ зданіи Каира, носившемъ названіе Abu-Hermes ¹⁾. Уже авторъ Климентиновскихъ Гомилій (Hom. V,

¹⁾ Hermes Trismegistos nach ägyptischen, griechischen und orientalischen Ueberlieferungen dargestellt von D-r. R. Pietschmann (Leipzig. 1875), p. 49, 54.

с. 23), доказывая, что языческіе боги были простыя смертныя, 'тираны, ссылаются на существованіе ихъ гробницъ: Сатурна, на Кавказѣ и т. д., 'Ερμού δὲ ἐν 'Ερμούπολει.

Всѣ это бросаетъ свѣтъ не только на сложеніе александрійской легенды объ Іереміи, но и на ту среду, въ которой составленъ былъ, вѣроятно, подлинникъ сербской Александрии. Послѣдовательность, съ какою анонимный ея редакторъ провелъ къ своему пересказу роль пророка, не указываетъ ли на мѣстный интересъ къ александрійскимъ преданіямъ о немъ? Ими онъ воспользовался своеобразно. Взявъ въ основу тотъ пересказъ Псевдокаллистеена, типа С, который выдвинулъ на первый планъ эпизодъ Іерусалима, онъ сдѣлалъ Іеремію современникомъ Александра, пророчащимъ не о немъ, а ему самому, при первой встрѣчѣ въ городѣ, гдѣ первосвященникъ Ядлу Іосифа Флавія сократился въ іерея Іуду, а на первое мѣсто выступилъ ветховавѣтный пророкъ. Напутствуемый имъ Александръ отправляется на войну съ Даріемъ; во снѣ и на яву Іеремія продолжаетъ наставлять Александра, при чемъ для одного эпизода редакторъ пользуется созвучіемъ именъ Гермія—Іеремія, чтобы ввести въ разказъ любимое имя. Іеремія умираетъ въ Іерусалимѣ, и Александръ велитъ перенести его прахъ въ Александрію, чтобы быть ей защитникомъ отъ змѣй и крокодиловъ.

Тѣсное сплоченіе Александровой и Іереміиной легенды въ сербской Александрии дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе вопроса объ источникахъ, знакомыхъ редактору ея оригинала. Смерть Іеремія въ Іерусалимѣ принадлежитъ ли такому источнику, въ родѣ, напримѣръ, нашего апокрифа, или же явилась самостоятельно, какъ результатъ новаго внутренняго плана, по которому расположилось содержаніе Александрии? Обращу вниманіе лишь на одну черту: Александру приносятъ изъ Іерусалима „шаторъ великъ зѣло“. Это не шатеръ ли библейскаго пророчества: „и раскинетъ онъ (Навуходоносоръ) надъ нимъ (надъ престоломъ, поставленнымъ на камняхъ Іереміи) великолѣпный шатеръ свой?“

Въ александрійской же легендѣ о пророкѣ слѣдуетъ искать и источника южно-славянскихъ вѣрованій на 1-е мая: о Іереміи, какъ гонителѣ змѣй. На тожество относящихся сюда пѣсенъ и обрядовъ съ соответствующимъ эпизодомъ Александрии указалъ уже Новаковичъ (I. с. стр. XXXI—II); я расхожусь съ нимъ лишь въ ихъ объясненіи.

„У Грбљу онај који је рад да му онога љета змије не досађују, на Јереміјев дан (1-го мая) у јутру лупајући око куће у просуљу говори:

Јереміје у поље
А све змије у море».

(Карачи), Рјечн. а-в. Јереміјев дан). Миличевичъ говоритъ о существованіи того же обычая въ восточныхъ областяхъ: Сѣницѣ, Зайчарѣ, Подибрѣ, Конаонигѣ: сельская молодежь, собравшись около какого-нибудь дома въ срединѣ деревни, начинается справа обходъ жилищъ и полей, при чемъ бьютъ въ тазы и котлы, звонятъ въ колокольчики и поютъ слѣдующую пѣсню:

Јереміје из поље,
Важте змије у море!
Коя змија остала,
Очи своје избола
На два трна глогова,
На четири шинова.

(Гласникъ, XII, 96; XXVII, 117—118).

Въ западной Болгаріи кладутъ огонь на рѣжено-тъ (родъ кочерги съ круглой лопаткой на концѣ), а въ огонь подсыпаютъ сѣру, ударяютъ щипцами по рѣжено-тъ и приговариваютъ:

Бѣгай, бѣгай, Еремия,
И то ти је гандурия,
Ке ти мотатъ черева-та
Сосъ жельзна мотовила.

Дѣлается же это для того, чтобы въ домѣ не было змѣй. Въ другихъ мѣстахъ приговариваютъ иначе:

Бѣгай, бѣгай, поганина
Ето ти го Еремия
Съ святаго Николая....

(Каравеловъ, Памятники, стр. 221; то же у Качановскаго, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсень, стр. 11). Такъ и въ рукописномъ сборникѣ Пулевскаго: „спроти Еремия деца свекое во лѣва рока къя земетъ саанче, а въ десна кључъ жельзень, та къя метаетъ возъ нивѣ, градинѣ и ливагѣ, та на суштнихъ саанчинья со кључотъ, чужаешти емъ викаешти слѣдуюштнихъ зборови вельать говорать:

Бегай, бегай, поганино,
Ете ти го Еремия
Со святаго Танасия
Подъ потъ къртъ,
Надъ потъ къртъ,
У горе къртъ,
У долу къртъ.

Бегай, бегай, гадорня,
 Ете ти го Еремія,
 Со копыните краставо,
 Со сабыните исабено,
 Къа те сачать, къа те колыать,
 Да не рнешъ лывагъ, градинъ и вивъ,
 Да не сушишь тревъ¹⁾.

Представленіе о Іереміи, отгоняющемъ змѣй и гадовъ, могло проникнуть въ южно-славянскую обрядность изъ проложнаго житія (Епифанія), но легко допустить и посредничество Александрія сербскаго типа. Ея популярность на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣснѣ²⁾; почему бы и не въ суевѣрной примѣтѣ? Хорошимъ доказательствомъ этой популярности можетъ служить слѣдующая проповѣдь на Іереминъ день, являющаяся пересказомъ Александрія. Она произнесена была македонскимъ священникомъ и заимствована нами изъ рукописнаго сборника Пульевскаго:

„Братіе миряни! Денешенъ день помяните е за това, оту уште отъ по потопотъ послѣ као што сакалъ Господъ и Богъ нашъ. Мие какво сме се находиле отъ Ное та и отъ неговахъ синови; та черезъ греотъ нашъ Господъ по потопотъ послѣ 700 години зыците ни и раздѣли на неколку строки какъ би еденъ со други да се не разбираме. Та као што не зборуваме еденъ иносикахъ за да се разбираме меѓу себе. Таке наши дедовци и предедовци со друго зычници ни то еденъ Богъ не верувалѣ, току сѣкой зыкъ за себе Богъ си ималъ и верувалъ.

„Мие овое најблизу до наша Македонія иносзичници сме имали Ельемени, та нашите верували Бога Амона, а Ельемените верували Бога Аполона; спроти реченихъ богови познаваме (се), оту со Ельемените несме еденъ народъ. Евреи и суштихъ се иносзичници, току Евреи уште отъ старо врѣме тие верували Бога Израилева, Бога Аврамова, Бога Исакова. Току Евреи живували на югвосточнихъ страни въ Азия, далеку отъ насъ.

„Оволу 348 льето предъ Христа, во врѣмѣ вельякаго царя нашего

¹⁾ Пѣсня на Іеремію сл. еще у *Милоевича*, Песне и обычаи укупног народа сербског (у Београду, 1869), стр. 171—173.

²⁾ Сл. *Новаковича*, l. c., стр. XXVII и слѣд.; *Doson*, Rapports sur une mission littéraire en Macédoine, (Paris, 1873), стр. 38 (Александръ — царь Драмъ; цѣль утесовъ—исли его коня).

Александера, спроти као што ни казувать скавания, по краля Филипа и Демостена, као наследникъ, заступи надъ Македония великий Александеръ да повелать; та царъ Александеръ нашъ со едно одеljenje войска го испрати Византа на Босфоръ, Вуюгъ-дере, да чувать да не би напагъали Персияни овамо. Византъ штомъ отиде со войската да чувать Босфоръ, тамо основа градъ Византия, денешенъ Койстантинополъ илии Стамболъ. А самъ царъ Александеръ со другихъ воеводи и со войската науми да нападне на Римъ за да го повладать. Штомъ Александеръ приближи конъ Римъ, та Римяни въ место да му се противать суштыхъ со найголемъ честь го пречекае и му се предаде подъ негови повельба. Великий Александеръ штомъ повладать Римъ, го суредилъ, истокмилъ и наметилъ западенъ край Илйрски. Потомъ образува войска. Оту до Александрово и въ Александрово врѣмя тольку имаше во Македония и въ полгостровъ Валкански само три различни язици: први языкъ горянски, втори языкъ готски, трети языкъ елемеенски, а комуни живувае Брашово, Вуковина, Ердель.

„Александеръ штомъ западни край суредцемъ управи, потомъ се заврѣте та цървинъ нападна на Елемеените, ги повлада емъ ги суреди, оту и тие се дели на три дѣла: Шпарта, Атина и Кандия.

„Великий Александеръ штомъ ги повлада Елемеените, потомъ премина въ Египетъ. Току Египтяни отъ многу боеви съ Персияни, оту бее отъ Персияните растроени, лѣсне ги повлада.

„Штомъ нашъ царъ Александеръ Египтянихъ повладать та потомъ на вчасъ тѣргна со сета войска за Юдея въ престолни юдейски градъ Ерусалимъ. Во время оно бивши патриархъ юдейски пророкъ Еремия безъ никакво противљение, уште не дойде къ велики Александеръ, му испрати апостоли, оту безъ никакво противсловие къ се поклонетъ и предадатъ.

„Штомъ великий Александеръ со войската се приближи близу Ерусалимъ, а патриархъ Еремия со све множество свяштеническо ги ковчеже позлатено го изнесоє та со свя святость го пречекае и му се поклоние и предаде безъ никакво противљение.

„Штомъ великий Александеръ ступи въ Ерусалимъ, бивши патриархъ Юдейски пророкъ Еремия Александру изяви му за Бога Аврамова, Исакова емъ Израилъева со свихъ чудотворенихъ спроти стари завѣтъ, као што е писано, Та великий Александеръ и сета войска македонска, као што имъ исповѣда пророкъ Еремия, сви завѣрувае Бога Саваота.

„Та за това денешенъ день пророка Еремію празнуваме, оту сущти пророкъ нашему царю и нашимъ во врѣмя оношнихъ живущихъ дедовцамъ казалъ, та заверували Бога Творца небо и земля“.

Вся Александрія прошла передъ нами въ этой странной проповѣди, въ широкихъ очеркахъ и въ освященіи македонско-болгарскаго патриотизма. Забытъ лишь послѣдній эпизодъ: о Іереміи и змѣяхъ; здѣсь на смѣну проповѣди явился знакомый намъ народный обрядъ, котораго я не нашелъ ни у Румынъ, ни у Грековъ ¹⁾, между тѣмъ какъ его слѣды въ русскихъ повѣрьяхъ еще довольно ясны.

Обычно у насъ представленіе пророка „запрягальникомъ“ или „запашникомъ“, такъ какъ обыкновенно около дня его памяти начинается посѣвъ и пахота. Можетъ быть, побочнымъ поводомъ къ такому представленію послужило созвучіе имени Іереміи — съ ярмомъ и отчасти то обстоятельство, что онъ, по повелѣнію Божію, во дни своихъ пророчествъ носилъ на своей выѣ узы древани и влады ²⁾. Важнѣе для насъ присловье, относящееся къ началу и концу посѣва: „Еремія подни сѣтево“ (1-го мая) и „Еремія опусти сѣтево“ (31-го мая ³⁾). Во второмъ случаѣ разумѣется Еремій „распрягальникъ“, то-есть, мученикъ Ермій или апостолъ (изъ числа 70-ти) Ерма, памятуемне 31-го мая, вмѣсто которыхъ древніе синаксари помѣщаютъ пророка Іеремію, тогда какъ, на оборотъ, другіе упоминаютъ мученика Ермія 29-го апрѣля, можетъ быть, также по смѣшенію съ Іереміей весеннимъ, 1-го мая. Интересно при этомъ другое смѣшеніе, встрѣчающееся въ синаксарахъ подъ 31-мъ мая: Ермія съ Исаакіемъ (30-го мая ⁴⁾) — въ связи съ русскимъ повѣрьемъ, что на память св. Исаакія бываетъ змѣиный праздникъ: змѣи свопляются, идутъ поѣздомъ на змѣиную свадьбу, ходятъ по лѣсамъ станицю ⁵⁾. Я склоненъ отнести это повѣрье на счетъ отождествленія Ермія съ

¹⁾ На мои вопросы о существованіи Іереміина повѣрья въ новой Греціи отвѣтили отрицательно профессоръ Дестунисъ и Легранъ (послѣдній изъскажемъ отъ 8-го марта н. ст., 1884 г.).

²⁾ *Калискій*, Церковно-народный мѣсяцесловъ, подъ 1-мъ мая, стр. 399.

³⁾ *Петрушевичъ*, Обще-русскій дневникъ, подъ 1-мъ мая, стр. 45.

⁴⁾ Сл. *Martinov*, Annus Ecclesiasticus Graecorum, подъ 29-го апрѣля, 1-го и 31-го мая. Сл. тамъ же подъ 8-го марта (Нермас), Acta Sanctorum подъ 8-го апрѣля (Нермас) и 31-го марта (Ермѣас) и *Nilles*, Kalendarium Manuale (Oeniponti, 1879) подъ 31 мая, 8 апрѣля и 4 ноябля.

⁵⁾ *Петрушевичъ*, l. c., стр. 49.

Іереміей, отразившемся, быть можетъ, въ Ерусалѣ Лазаревичѣ малорусскаго заговора ¹⁾: ему подвластны всѣ ядовитныя змѣи; отъ него ожидаютъ, что онъ будетъ „із жовтої кости зуба вивимати“, какъ въ другихъ заклинаніяхъ отъ „змѣи-скорпиѣ“ требуютъ, чтобъ она нашла ту змѣю, что укусила раба Вожьаго ²⁾, а по малорусскому повѣрью въ вѣрей принимаютъ лишь змѣй, никого не укусившихъ за дѣто. Это напоминаетъ арголовъ Іереміиной легенды. Изъ вѣрѣя вся тварь, а съ ними и гадюки, выходятъ весною, „на Варуха, якъ земля руха“, и исчезаютъ на „Хреста“, то-есть 14-го сентября ³⁾. Варухъ извѣстенъ намъ въ сопоставленіи съ Іереміей; была ли ему народная память весною? Церковь поминаетъ его 28-го сентября и 15-го ноября ⁴⁾; 4-го и 5-го ноября греческая церковь поминуетъ апостола Ермія; не потому ли въ старыхъ греческихъ сборникахъ житій святыхъ статья объ Іереміи помѣщается по сосѣдству, то-есть, 4-го ноября?

Я полагаю, что рядъ приведенныхъ мною календарныхъ совпадений достаточно указываетъ на существованіе и въ русскихъ повѣрѣяхъ представленія о Іереміи, гонителѣ змѣй. Воспоминаніе ли это христіанизованной Александрии, вліяніе проложнаго житія, или отраженіе южно-славянскаго повѣрья—я не знаю.

Къ сходнымъ источникамъ восходятъ, во всякомъ случаѣ, юнорусскіе разказы о „рахманахъ“.

Рахманы—христіане, живутъ гдѣ-то далеко, за далекими морями, подъ землею; они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца. Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, „крашонокъ“, которыя доплывають къ Рахманамъ на Преполовеніе, и Рахманы тогда только празднуютъ пасху, „рахманьскій великдень“. Въ этотъ день церковь соединяетъ воспоминаніе объ освященіи ангеломъ купели Силоамской съ воспоминаніемъ ученія Іисуса Христа о водѣ живой (Іоанн. 7,

¹⁾ *Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, 1. с. стр. 30; сл. *Явичъ*, Archiv, VII, стр. 512.

²⁾ *Майковъ*, Великорусскія заклинанія, ММ 178, 182, 186.

³⁾ *Драгомановъ*, 1. с. стр. 11; *Петрушевичъ*, 1. с., стр. 70, подъ 12 и 14 сентября (на Артамона змѣи уходятъ въ лѣса и вертепы).

⁴⁾ *Martínov*, 1. с. а. d.

38), при чемъ молится Господу о напоеніи всѣхъ жаждущихъ спасенія водами благочестія. На Руси освящаютъ воду на рѣкахъ и колодцахъ и существуетъ присловье: „въ Преполовеніе Богородица Волгу переплыла“¹⁾.

Въ Хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію надпись Александра гласить: всѣ воды мира приходятъ съ лѣвой стороны; кто хочетъ выйти на свѣтъ, пусть пойдетъ на лѣво, то-есть, вверхъ по теченію; на право, стало быть, идя внизъ по теченію, доберешься до страны Брахмановъ къ пещерѣ Макарія. Крапанки, пущенныя въ воду, приплывутъ необходимо къ Рахманамъ. Замѣтимъ, что Рахманы Зосимы идутъ, слѣдуя указанію ангела, къ странѣ, гдѣ они и селятся; идутъ по теченію рѣки: „аможе идетъ вода, идѣте и вы“. Это — тотъ же образъ; Рахманы Зосимы не „знаютъ числа лѣтамъ, ни годамъ, ни мѣсяцамъ, ни днямъ, но яко же единъ день, тако вси суть“; о наступленіи поста, они узнаютъ потому, что деревья перестаютъ давать плодъ и съ неба падаетъ магна на пицу блаженнымъ; когда же деревья снова принесутъ добровонный плодъ, они разумѣютъ, что наступило „новое лѣто“ и приблизился день Воскресенія Господня.

Въ современномъ южно-русскомъ вѣрованіи и обрядѣ легко видѣлить образы, навѣянные не народнымъ, а древнимъ литературнымъ преданіемъ.

На западѣ повѣрій и заклинаній, сходныхъ съ южно-славянскими майскими, и притомъ съ именемъ Іереміа, я не встрѣчалъ²⁾. Въ Си-

¹⁾ *Убинскій*, Труды этнограф.-стат. экспед. въ западн. Русскій край. Юго-западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, стр. 220; III, стр. 24 и 29; *Купчанко*, Пѣсни Вуковичскаго народа, стр. 356; *Лавинская*, Поэтическія возрванія II, 141; III, 278; *Калинскій*, I. с. стр. 467—468; *Петрушевичъ*, I. с. стр. 48.

²⁾ Сходная обрядность встрѣчается въ Германіи, но съ другимъ календарнымъ приуроченіемъ. «In der untern Ortenau (Grossherz. Baden) besteht noch folgender Branch: Am Vorabend von Petri Stuhlfeier (22 Febr.), ... gehen die Knaben mit einer Schelle oder... mit einem andern klingenden Gegenstande versehen von Haus zu Haus mit dem Gesuche, die Schlangen und Kröten jagen zu dürfen. Nach gegebener Erlaubnis.... springen dieselben dreimal um das bezügliche Haus herum unter stetem Rufen: «Schlangen und Kröten zum Tor hinaus!... Für diese Mithewaltung erhalten die Knaben vom Eigentümer ein kleines Stück Geld oder auch eine Gabe Brod (*Bauer*, Schlangen und Krötenjagen, въ *Zs. f. deutsche Philol.* IV, стр. 70—1). Сл. *Wuttke*, Der deutsche Volksaberglaube, стр. 22, 79; сл. 118.

цели, въ день 1-го мая, собирають златоцвѣтъ (*chrysanthemum*), *ciuri li maju*, полезные противъ клоповъ, при чемъ поютъ:

*Ciuri di maju cõgghiu
Cimici a la me' casa nu'nni võgghiu;
Ciuri di maju cõgghiu a la campia,
Foga li cimici di la casa mia.*

Въ этотъ день черти выходятъ изъ своихъ логовищъ, возбуждая бурю и непогоду; противъ нихъ существуетъ такое заклинанiе:

*Santu Fulppu e Japicu biati,
Apostoli putenti e putintati,
Agnisdei, Agnisdei, Agnisdei,
L'ariu binidiciti ed annittati ¹⁾.*

Свв. апостолы Филиппъ и Иаковъ памятуются западною церковью 1-го мая. Не лишне будетъ замѣтить, въ связи съ майскими поверьями объ Иеремии, что отреченныя дѣянiя апостола Филиппа въ Героцолѣ наполнены его чудесами надъ змѣями и особливо надъ ехидною, которой поклонялись жители Офиоримы.

Съ чередованiемъ Иеремии и апостола Филиппа въ памятахъ 1-го мая слѣдуетъ сравнить подобное же чередованiе въ мѣстной Александрийской легендѣ: рядомъ съ Иеремией является другой палладиумъ города — гробница св. Марка, охраняющая его, по словамъ Проконiя Хартофилакса, отъ всякихъ бѣдъ, эпидемiй и варварскаго разгрома.

VI.

Война съ Порогъ.—Амазонки и Бандака.

Эпизодъ о Иеремии, существенный для всего плана сербской Александрии, отвлекъ насъ отъ послѣдовательнаго разбора ея содержания, къ которому мы и возвращаемся — а именно къ войнѣ Александра съ Порогъ, непосредственно слѣдующей въ нашемъ текстѣ за походомъ въ невѣдомны страны (сл. выше гл. II).

Поргъ или Форъ? Обѣ формы одинаково употребляются въ славянскомъ текстѣ; слѣдуетъ ли объяснить это особенностью его языка, въ которомъ *ф* въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ часто смѣняется въ *п*: Фригiя—Придiя, финикъ—пиникъ, Фарижъ (*φάριον*)—

¹⁾ *Pitrè, Archivio*, II, 3, стр. 422—4.

Парижъ? Замѣтимъ однако, что обратнаго перехода — и въ *φ* — не видно: Парижъ (Paris), Перлеоушь (Peleus), а не Фарижъ и т. д.: между тѣмъ Форъ, рядомъ съ Поромъ. Интересно при этомъ, что въ старыхъ славянскихъ повѣстяхъ объ увозѣ Соломоновой жены похититель зовется Поромъ, въ нѣмецкой поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ — Phago = Форъ? Въ вѣнской рукописи и новогреческой народной книгѣ Πόρος—Πῶρος Псевдокаллисѣена.

Въ сравненіи съ разказомъ послѣдняго (С. III, 1—4) сербская Александрія представляетъ, помимо нѣкоторыхъ измѣненій послѣдовательности, новую роль Филона и письмо Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, содержаніе котораго приведено было нами отчасти уже выше (сл. гл. II).

У Pseudocall. С, III, 3, Филонъ названъ лишь однажды, по случаю измѣны, готовившейся въ войскѣ, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. Сербск. текстъ Новак. III, 3 = Ягичъ I. с. стр. 290 и новогр. нар. кн., стр. 128, называютъ въ этомъ эпизодѣ вмѣсто Филона—Итломея; Александръ держитъ рѣчь, послѣ которой Македоняне каются, сваливая замыселъ предательства на невѣрныхъ и трусливыхъ Персовъ, которыхъ Александръ наказываетъ своеобразно: „въ женске свитѣ облѣсти ихъ повелѣ и платна женская на главахъ носить повелѣ“ (Сл. Ягичъ, I. с., стр. 291; у Каппа нѣтъ; сл. новогр. нар. книгу, р. 130: ἐνδουσαν τοὺς γυναικίαις ῥοῦχά, τολίγωντας τὰ κεφάλια τοὺς μὲ κόκκινα μανθῆλια, τὰ ὅποια φοροῦσι ἕως τῆν σήμερον οἱ Πέρσαι).

Это черта лишняя противъ Псевдокаллисѣена, какъ и вся роль Филона. Онъ сопровождалъ Александра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ; дойдя до предѣловъ Индіи Александръ посылаетъ его въ Персію (Нов. III, 1, Ягичъ, I. с. р. 287), властителемъ которой онъ былъ ранѣе того назначенъ, и туда уже пишетъ ему (въ новогр. нар. кн. стр. 130: ему и Селевку) письмо, вызывая его къ себѣ на помощь съ войскомъ, съ которымъ онъ (новогр. нар. кн.: и Селевкъ) и является, бьется съ Поромъ на рѣкѣ Алфіонѣ (новогр. нар. кн. стр. 132: Ἀλφειός) и идетъ къ нему поклоняремъ, съ посланіемъ Александра и вызовомъ на единоборство (Нов. III, 4—5, Ягичъ, I. с. стр. 291—295). Сл. новогр. нар. кн. стр. 130 и слѣд.; объ этомъ посольствѣ Филона говорится и въ пересказѣ у Каппа, стр. 71.

Что же касается посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Нов. III, 2=Ягичъ, I. с., стр. 288—290; нѣтъ у Каппа и въ новогр. нар. кн.), то, какъ мы видѣли выше, оно отвѣчаетъ по плану такому же посланію Pseudocall. С, II, 23 и слѣд., содержаніе котораго,

лишенное своей эпистолярной формы и нѣсколько измѣненное, пришло въ сербской Александрии форму разваза (сл. гл. II). Приведу здѣсь начало посланія для характеристики сентиментальности, свойственной нашему роману и особливо крѣпнущей, чѣмъ ближе подвигается развязка. Вотъ уже четыре года, пишетъ Александръ матери и учителю, — отъ нелиже вашему не въ вѣстисмо срьдолюбству, и о семь васъ много жалити м'ню, и многими за васъ обьдрѣжми ксмо скрѣбми. И ви доушею болите много, м'ню, и мыслями мнозѣми обоуреваемн ксте; также и корабъ нѣжми вльнами обоуреваемъ, тако и срьдца потоплена соутъ жалостию за насъ. Многаштѣ бо въ с'иѣ васъ видѣхъ и къ вамъ срьдчнима очима влѣкомъ бѣхъ, и жалостнѣхъ васъ и радостнѣхъ видѣхъ. Оумъ въ с'иѣ многаа обьтечеть зрѣти и далеч'наа мѣста. И тако отъ сна встанѣ и лжно мчтаннѣ поустивъ, и жалостнѣ бывахъ о семь, также въ гавѣ растаѣ се съ вами мне. Се тебѣ страдати мати! Многаштѣ бо въ с'нѣ зриши ме, и съ мною веселешти се радост'на кси, и пакы отъ сна вставши, прѣлѣст'наа оузнавши, не мало скрѣбиши. Тако бо и в'си страждоуть, яже срьдчноую любовь имѣють. Вѣмъ бо те, мати, неизречен'ноую любовь имѣти къ кѣдиородномуу сыноу, а въ дал'нихъ земляхъ соуштоу; тако бо и всѣмъ матеремъ подобаѣтъ за сынове свое болети. И твою любовь, юже къ мнѣ, моѣ извѣстуетъ срьдце; срьдце бо срьдцоу жалость и радость оуказуѣтъ. Да о в'сѣмъ овемъ сьгрѣшению милостива боуди, и сьгрѣшениѣ намъ прости; не бо отъ нелюб'ве вамъ писати сьгрѣшихомъ, нѣ пропуштати къ вамъ к'нигы не могохомъ; съ в'стока бо доидохомъ и въ Ин'дїе ксмо. Ин'дїа насъ въвѣсти, да, кѣлика намъ придоучише се, в'са кѣпистолиа вамъ тази въвѣстити, и вса, также о насъ, кажетъ. Вѣсте бо, также прѣжде писасмо, како Пер'сидѣно царство прѣехомъ" и т. д. (сл. 2-ю главу, стр. 168—9 и посланіе къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Новак. II, 16).

За вычетомъ этой эпистоли и всего эпизода о Филонѣ, соответствіе съ Псевдокаллисеевомъ, не дословное, а содержательное, представляется для нашего отдѣла въ слѣдующемъ:

1. Посланіе Фора къ Александру и отвѣтъ послѣднаго (Нов. III, 1=Ягичъ, 1. с., стр. 287—8, греч. нар. кн. стр. 126—8) = Pseudocall. C, III, 2. Сл. конецъ Александровой эпистоли: онъ пишетъ Пору: Παρ' ἐμοῦ κατασχεθεὶς τοῖς ἐν σοὶ ἐξουθενωθήσῃ καὶ παραμφθήσῃ θεοῖς, οὐκ ἐν μακάρων χωρᾷ, ἀλλ' ἐν Ἄδῃ συναῖναι Πλοῦτωνι καὶ Πρωτόφονῃ=сербск. т.: не въ магарон'ски отокъ послати те имамъ, идеже боги твоѣ мниши быти, нѣ въ адѣ дол'ни съ земльними моу-

чти се, тамо бо суть они въ геене, *ἴσως* мнѣ *Ἰσφάντῃ* макарон'ски царь сказа (Нов. I. с. стр. 95); греч. нар. книга стр. 128: *θάλας ὑπάγει μὲ τοὺς θεοὺς σοο ἄνταμα νὰ κολλάσασαι εἰς τὰ καταχθόνια σοο ἄδσο.*

[2. Послание Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, Нов. III, 2=Ягичъ I. с. стр. 288—290; о немъ см. выше стр. 44—45].

3. Поръ собираетъ войско, „и обрѣте .н. тисоушть львовъ, иже бѣхоу на брань насучени“ (вар. : войска „осам тисуѣ тисуѣи и десет тисуѣ лавов). Въ войскѣ Александра готовится измѣна, о которой Александръ узнаетъ черезъ Птолемея. [Онъ считаетъ свои силы : „.з. тисоушть тисоушть“, и пишетъ Филону въ Персію, съ требованіемъ помощи]. Бой съ Поромъ: „Поръ .і. тисоушть напръдъ поустн львовъ. Александръ же прѣмо ихъ тисоуштоу биволь посла неоученехъ; львове же съ ними съразише се, и опять вратише се оу свою войску“. И Поръ и Александръ дѣлятъ свои рати на три части; у перваго убитыхъ „.о. (вар. в.) тисоушть люди, а отъ Александровехъ .ле. тисоушть, и отъ Македонцанъ .е. сътъ“. Во второй разъ Поръ высылаетъ въ дѣло „.р. тисоушть клефантъ“, „пиргове на нихъ дрѣвѣне сътвори, на коемъ ждо пиргоу .е. оруженникъ постави, и тако на бои на Александръ поустн. Александръ прѣма ихъ на бои пошьдъ вокъ же .с. тисоушть.... поведе пешьць, и вѣсемъ прапорце (вар. прибавляетъ: на коне поставити) носити рече, и ноги слоноушъ подефцати, слонове же, прапорць звекъ не видѣвши оуплашише се, побѣгоше. И тоу одъ Поровехъ Александръ оуби тисоуштоу и четири ста и .н. (вар. тис. тисоушть; четири ста тисуѣ), а одъ Александровехъ тисоушта и .s. (вар. тисоушть .s.) моужь“. Нов. III, 3 — 4 = Ягичъ I. с. стр. 290—292. Сл. греч. нар. кн. стр. 128—132 : войска у Пора 50 миллионъ, львовъ десять хиліадъ— послѣдняя цифра и у Карр'а, стр. 71; Александръ напускаетъ „*τέσσαρες χιλιάδες βοοβάλια καὶ βοῖδια ἀμάθητα. Ἐσμίχθησαν οἱ λέοντες μὲ τὰ βοοβάλια καὶ βοῖδια, καὶ ἐκνίγονταν*“—тогда какъ въ вѣнскомъ текстѣ львы просто удаляются, насытившись мясомъ быковъ; *ἐσκολώθησαν ἀπὸ τοῦ Πόρου τὸ φουσατόν διακόσαις χιλιάδες, καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀλεξάνδρου χιλιάδες εἴ ἡμισυ*. Слѣдуетъ та же подробность о слонахъ съ башенками; Александръ велитъ *κάθε καβαλλάρην νὰ βάλῃ κοδοῦνια εἰς τὸ ἄλογόν του. Εἶχε καὶ πεζοὺς ἀρματωμένους διακόσαις χιλιάδες, τοὺς ὁποῖους ἐπρόσταξε νὰ κόψουν τὰ ποδάρια τῶν ἐλεφάντων*, которые, утрашенные звономъ колокольцевъ, пускаются бѣжать. Изъ войска Порова убито *χιλιάδες τριάντα*, изъ Александрова всего двѣнадцать.

За исключеніемъ подробности о Филонѣ (помѣщенной нами въ

скобкахъ), все остальное встрѣчается, съ вариантами и въ нѣсколько иномъ порядкѣ, въ Pseudocall. C, III, 3: Поръ собираетъ войско, множество слоновъ и иныхъ звѣрей (лишнее: Александръ идетъ извучникомъ въ станъ Пора); бой съ Поромъ : его звѣрямъ Александръ противопоставляетъ мѣдныя, раскаленные статуи; тогда Индійцы выводятъ слоновъ, съ башенками и вооруженными людьми на нихъ. Македоняне утрашены, у нихъ является замыселъ измѣны; Филонъ докладываетъ объ этомъ Александру, который держитъ къ войску рѣчь, а на другой день, когда показались слоны, велитъ своимъ гоплитамъ ἐμπροσθεν αὐτῶν ἀκοντίσαι σιμχρότατα χοίρων βρέφη, крика которыхъ слоны пугаются и бѣгутъ.

Замѣтимъ, къ генеалогіи редакціи C : Вугефаль погибаетъ въ битвѣ—согласно съ текстомъ B; а далѣе, въ той же главѣ онъ же выноситъ Александра изъ сѣчи и умираетъ лишь при смерти своего хозяина, какъ въ сербскомъ изводѣ. Редакція C свела внѣшнимъ образомъ показанія B и того другого текста (C'), который и былъ источникомъ разбираемой нами рецензіи.

4. Форъ удаляется за рѣку „Алѳионъ“; между тѣмъ Филонъ привелъ изъ Персіи вспомогательное войско и принесъ Александру „диадимому многоцѣнному и стѣмому многоцѣнному одъ Роксаиде царице, и тисоуштоу товаръ злата кѣсодуу спенѣзе“ (вар. ездоу и спензоу; екъодоу и спензы; сл. новогр. нар. книгу, стр. 133 : τριάντα χιλιάδες χαμῆλια φορτωμένα χρυσάφι διὰ ἔξοδου). Онъ проситъ Александра— „Великимъ хонкіаре и анасаре (вар. хокиаре и насаре) Александре!“— дозволить ему вступить въ бой съ Поромъ; на его замѣчаніе, что рѣка Алѳионъ непроходима, онъ говоритъ: „македонскимъ конемъ ни кдина рѣка не стонтъ нарокомъ твоимъ, Александре, ни гори не стоктъ, ни рѣкы, ни лоугове“. Конница переправляется черезъ Алѳионъ, каждый всадникъ взялъ съ собою по пѣхотинцу; нападеніе было сдѣлано въ расплохъ, когда войско Пора обѣдало; слѣдуетъ сѣча и бѣгство Пора, который изъ Индиополя шлетъ посланіе „къ окоинимъ кзыкомъ“, прося ихъ помощи. „Се же кзыци слышавше, вси иже на северной странѣ, вси къ Форуу на помощь придоше“. Нов. III, 4 = Ягичъ I. с. стр. 292 — 294; новогр. нар. кн. стр. 182—183: рѣка Алфей; Поръ удаляется въ Геліополь].

[5. Войска Пора и Александра стоятъ другъ противъ друга; Александръ шлетъ Филона къ Пору съ посланіемъ, въ которомъ предлагаетъ ему рѣшить битву поединкомъ. Какъ эпистолія, такъ и бесѣда Пора съ Филономъ полны общихъ мѣсто. Поръ предлагаетъ

Филону четвертую часть Индіи и руку дочери, если онъ откажется отъ Александра; Филонъ отвѣчаетъ смѣло и на упрекъ Индійцевъ говоритъ: „сиѣна господина воінь поклицарь и вѣрнъ слоуга соуини не имать“; также почти отвѣчаетъ персидскимъ вельможамъ самъ Александръ, пробравшійся подъ видомъ посла ко двору Дарія.— Когда Филонъ вернулся, Александръ спрашиваетъ его: „Каковъ внакъ есть Форъ? Онъ же къ нѣмоу глаголаше тако: Тѣла оубо велика кѣсть и дебела, тако оубо вело, нь гнила“ (вар. тѣла велика е, висок шест лакот, и дебела ника да гнила; Pseudocall. С, III, 4: τὴν γὰρ. Πόρος πηχέων πάντε). Сл. Pseudocall. С, III, 3, въ эпизодѣ, не воспроизведенномъ въ нашемъ текстѣ: объ Александрѣ—лазутчикѣ въ бесѣдѣ съ Поромъ, къ которому его привели: Πῶς ἔχει Ἀλέξανδρος; ὁ δὲ εἶπεν ζῆ καὶ ὑγιαίνει, καὶ ἐπιθωμαὶ ἰδεῖν τὸν τοιοῦτον βασιλέα Πόρον; Нов. III, 5=Ягичъ, I. с. стр. 294—295; греч. нар. книга, стр. 135—137 (разговоръ Пора съ Филономъ кратко; τὸ κομὶ τοῦ εἶναι μέγα κα. χοντρὸν, ἀμὴ τὸ κρέας τοῦ εἶναι σάπιον).—Всеми этому отвѣчаетъ у Псевдокаллистеена С, III, 4 лишь небольшое посланіе Александра къ Пору съ предложеніемъ единоборства.

6. Единоборство Александра и Пора, Нов. III, 5=Ягичъ I. с. стр. 295; греч. нар. книга, стр. 137 и слѣд. только болѣе развито противъ Pseudocall. С, III, 4. Въ греч. нар. кн. εἰς τοῦ Πόρου τὸ φοροάτον γίνεται θόροβος (Pseudocall. I. с. θόροβος οὖν γίγνεται ἄρνω εἰς τὸ τοῦ Πόρου στρατόπεδον), онъ оборачивается, а Александръ пользуется этимъ, чтобъ нанести ему ударъ. Иначе въ сербск. Александрин, гдѣ Александръ обманно спрашиваетъ Пору: „такова ли вера твоя есть, Поре, вонска бо твои на помостѣ ти и деть?“, что и заставляеть обернуться противника. Въ единоборствѣ участвуетъ и Букефалъ: „Доучипаль же кона Порова зоуби за вратъ похвативъ, къ земли притиште“ (= новогр. нар. кн.).

Александръ ἐκέλευσε τὸν βασιλέα Πόρον θάπτεσθαι βασιλικῶς, ὡς καὶ τὸν Δαρεῖον... ὡς δὲ τοῖς βασιλείοις Πόρου ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέδω, τὰ τίμια πάντα τοῦ παλατίου αὐτοῦ παρέλαβε (Pseudocall. С, III, 5). Это указаніе такъ развито въ нашей Александрин: „Тѣло же Форова вѣзмь, на златѣ одрѣ положи, и въ стоіиши градъ въ Индію принесе. Царица же ѣго Клятимиштра (вар. Клетимишта), власе до земліе распустивши и крѣзно многоцѣнною на себе раздрѣши, и съ десеть тисоуштами индійскихъ владыкъ, съ плачемъ велицѣмъ и риданиѣмъ тѣло Форова срѣтоше ѣ жалостно оплакаше. Алесендръ же поставити его на поли (поставити) повеле на златомъ одроу, и стемоу великоу на главоу ѣго; и тако съ чьстною оукопати

его повеле. И тоу .vi. дни прѣстоавъ, Александръ же въ Индиполь отиде. Въведоше его въ царствіа Форова, и толика тоу въноутрь видѣ, таже око не видѣ и оухо не слыша. Полата его бѣ велика на .д. стрѣлами дълга (вар. прибавляетъ: и широка), златѣ мѣ стѣнѣ бѣхоу, и покровѣ, златѣ вѣсь, и стлѣпове вѣси злати, съ бисеромъ и каменнѣмъ многоцвѣтнимъ оукрашенны бѣхоу, .vi. мѣсець оу чловѣчехъ образѣхъ; кждо по своѣмоу подобію, оу златоу свѣтеше се извагани бѣхоу; всѣхъ же великихъ царь боюве и .vi. добродѣтели чловѣчскихъ (вар. прибавляетъ: женскими) образи оу злати извагани бѣхоу, и всако по своѣмоу подобію; часовникъ месечны и имена лууннаа (вар. мина луна) врѣхъ полате тен^а. Слѣдуетъ описаніе другихъ Поровыхъ драгоценностей, напоминающее сходныя, но развѣ встрѣчающіяся въ нашемъ текстѣ.—Нов. III гл. 5=Ягичъ, I. с., стр. 295—296. Сл. греч. нар. книгу, стр. 138—139: тѣло Пора доставлено въ Гелиополь; его оплакиваетъ жена его Κλεμνήστρα... μὲ δέκα χιλιάδας ἀρχοντίσσαις τῆς Ἰνδίας; изъ описанія дворца: εἶχεν ἱστορισμένους εἰς τὸ παλάτι τοὺς κολέμοις τῶν βασιλέων ὀλονῶν, τοὺς δάδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἀνθρώπινα εἰμορφα κατὰ τάξιν ἕσπεσαν ὀλόγουρα τοῦ παλατίου μαυροῦλια ἕκαστον ὀλόχροα καὶ πάντοτε ἀναμμένα (сл. Карр, стр. 72).

Описание Порова дворца встрѣчается а) въ *Epistola Alexandri Magni Macedonis ad Aristotelem magistrum suum de itinere et de situ Indiae* ¹⁾ (изданія этого памятника, попадающагося въ рукописяхъ IX вѣка, я не имѣлъ подъ руками); б) въ *Historia de preliis архипресвитера Льва* ²⁾. Слѣдующими выписками изъ страсбургскаго изданія (Argentine, 1486) и старониталианскаго перевода (Venezia, 1477), но экземплярамъ Британскаго музея, я обязанъ любезности бывшаго моего слушателя, Р. О. Ланге.

Alexander vero castrametatus est ibi. fecitque diis suis victimas. et precepit tam indos et persas quam macedones sepeliri. altera autem die expugnavit ipsam civitatem Pori et apprehendit eam. Ingressus Alexander palacium Pori invenit ibi que incredibilia humanis sensibus videntur, scilicet quadringentas columnas aureas cum capitellis aureis preparatas. Et

Alexandro messe li el suo campo e fece che li suoi feno sacrificii ali dei, e comando che li Indi e Medi e Persi fosseno sepelidi. E l'altro zorno combate la zita de Porro e si la prese. Intro in el palazzo de Poro e trovoll cose che no parave credere li sentimenti humani, cioè quatrocento colonne d'ore cum tutti suoi capitelli et intra queste columpne una vigna

¹⁾ Сл. *Zacher*, *Pseudocallisthenes*. стр. 151.

²⁾ *Kiesel*, I. с., р. 22.

inter istas columnas uve auree cum foliis aureis dependebant. Erantque racemi in ipsa vinea cristallini, alii vero de margaritis et alii de smaragdīs et alii onichimata quae naturaliter videretur ibi esse. Parietes vero ipsius palatii erant de laminis aureis coperti, quae incidentes Macedones ad instar unius digiti inveniabant et atrahebant. Erantque ipsi parietes ornati ex margaritis, unionibus, carbunculis, smaragdīs et amatistis, parietes in portis et porte ipsius palatii erant eburnee, laquearia ebena et camere de lignis cipressinis erant constitutae. Et in aula ipsius palatii erant statue auree constitutae, inter quas stabant platani aurei, in quarum ramis multa avium consistebant genera, et unaquaeque avis secundum proprium suum colorem depicta erat, rostra vero et ungulae ex auro purissimo erant. Haec itaque aves quotiens volebat Pors melodicantes secundum artem magicam concinebant. Et invenit in ipso palatio vasa aurea, gemmae et cristallina omni genere facta, pauca vero argentea comparebant. Et inde amoto exercitu venit ad portas Caspiae et ibi castrametatus est.

d'oro con tutte le sue foglie d'oro, e li grappi erano altri de cristallo, altri de smeraldi, altri de margarite e diverse prede preziose. E la parete de quel palazzo erano ceperate cum lame d'oro si che tagliate parevano che fosseno grosse un dedo. Et erano le ditte parete ornate da prede preziose cioè de margerite, de carvoncoli, de smeraldi et ametisti. E le porte del ditto palazzo erano de avolio: le camere de ligni de cipresso. E nela sala de quel palazzo era statue d'oro fatte, intro le quale era platani d'oro, in li rami de le quale erano ucelli de molte generacione. E zashadun de quelli ucelli era depento secundo el suo natural color, li bechi e le unge si erano tutte d'oro finissimo. E quelle ucelle dognora che voleva Porro cantavano dolcemente per arte musica, e caschadun faceva el verso secundo la sua natura. E trovò en el dito palazzo vasi d'oro innumerabili e gemme cristaline de ogni generatione fatte, pochi ne appa. reva de argento. E mosso lo suo exercito venne alle porte Caspie.

Ekkehardus Uraugiensis въ своей хроникѣ пересказалъ содержаніе *Historia de preliis* и описаніе Порова дворца въ сходномъ съ нею текстѣ, но въ иной связи, а именно — въ посланіи Александра къ Аристотелю. Совершилось ли это подѣ влияніемъ упомянутой выше *Epistola Alexandri Magni Macedonis*, также описывающей дворецъ Пора, я рѣшить не могу за неимѣніемъ текста эпистолин. Рядомъ съ выдержкой изъ Эккарда ¹⁾ я сообщаю тождественный эпизодъ изъ Посланія пресвитера Іоанна, по редакціи D ²⁾, съ цѣлью указать на одинъ изъ ея источниковъ.

¹⁾ *Monumenta Germaniae historica*, t. VIII, *Script.* t. VI, p. 70.

²⁾ *Zarncke*, *De epistola quae sub nomine presbyteri Iohannis fertur*, p. 46.

Ekkehardus Uraugiensis.

Apprehendit enim (sc. Alexander) civitatem ipsius Pori et domum ejus magnificam, in qua fuerunt quadringenta columnae aureae cum capitellis aureis, et parietes domus erant vestiti laminis aureis, quae erant grossae in spissitudine sicut est digitus hominis, vinea quoque aurea et racemi cristallini, quibus interpositae erant gemmae ignitae et smaragdineae. Omnes etiam mansiones quae inerant ei, ornatae erant de margaritis et unionibus et carbunculis et jannaе habebant de ebore albo, et laquearia subfixa de ligno quod dicitur ebenum et est nigrum, nasciturque in India et Ethiopia, et camerae erant factae de cypressis. Foris autem extra domum erant statuae de auro positae et platani aureae et inter illas erant multa genera aucellarum varii coloris et habebant ungulas et rostra inaurata, et in auriculis pendebant margaritae et uniones. Multa quoque vasa gemmea et cristallina et aurea invenit ibi, argentea vero pauca.

Epistola.

(Habemus aliud pallacium, quod fuit Pori, regis Indorum...). Ibi sunt columnae et vites aureae dependent inter istas columnas, habentes folia aurea et ramos alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis, et parietes ejus sunt vitreae laminis aureis ligatae, quae sunt grossae quemadmodum humani digiti, qui parietes ejus sunt ornati ex margaritis et omni lapide precioso. Fores enim pallacii sunt eburneae et laminis aureis ligatae undique. Camerae nostrae sunt de lignis echim et omni opere, quod unquam potest fieri in auro et argento, et omni lapide precioso ornatae. In aula huius pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter.

Описание Порова дворца въ сербской Александріи значительно разнится отъ сообщеннаго: я обращаю вниманіе на аллегорическія изображенія добродѣтелей и мѣсяцевъ ¹⁾, напоминающія таковыя же въ средне-греческой повѣи о Ливистрѣ и Родамнѣ:

801. Καὶ εἰς τὸ πλευρὸν τὸ ἀριστερὸν τὸ πρὸς τὴν πόρταν, μέρος εἶδα τὰς δώδεκα ἀρετὰς ἐκτὶ λατομημένας.
τὸ ἕναν χεῖριν τοῦ καθενὸς χαρτίν μετὰ γραμμάτων,
καὶ ὅλας τοὺς ἦτον εἰς τὸ σχῆμαν τῆς καθεμιᾶς φεδοῦλας.

¹⁾ Относительно послѣднихъ см. статью D'Ancona, J. Dodici mesi dell' anno nella tradizione popolare, у Pitrè, *Archivio*, II 3, стр. 261 слѣд.

²⁾ W. Wagner, *Trois poèmes grecs du moyen âge inédits*, p. 264—5, 267.

879. Καὶ εἰς τὸ ἄλλον κάλε τὸ πλεονὸν τῆς πόρτας τὸ ἀπέχει
τοὺς δώδεκα καὶ ἴστανται μῆνας λατομημένους,
χαρτῖα καὶ ἀκείνοι νὰ κρατοῦν ὅλοι μετὰ γραμμάτων.

Поръ-Форъ убитъ, но съ его призракомъ Александръ еще встрѣ-
тится въ эпизодѣ о Кандакѣ, снѣхъ которой, женатый на дочери
индійскаго царя, напрасно пытается отмстить на Александрѣ смерть
своего тестя. Я попытаюсь связать съ этимъ объясненіе одного ста-
рофранцузскаго выраженія: *vengier Forré*, или *la mort Forré, Fourgé,*
Fourgé. Вездѣ оно означаетъ нѣчто несбыточное, неисполнимое, что
выражалось также оборотомъ: *vengier Artu*. Такъ издѣваются горо-
жане надъ бѣдно одѣтымъ и плохо вооруженнымъ *Aiol*:

959. Vous vengerez Fourre, quant tant en iert.

2518. Chis vengera anqui le mor Fourre.

2607. Vos parens est Fores, queque nus die,
Devant Paris fu mors par estouchie ¹⁾.

Сл. еще *Octavian* (ed. *Vollmöller*), v. 2277; въ *Gaydon* старикъ
Niol, обращаясь къ Карлу, такъ смѣется надъ его недостойнымъ
любимцемъ, *Thibaut*, побѣжденномъ въ судебномъ поединкѣ: Вонъ
лежить твой пріятель и защитникъ, приголубь же его,

Vostre oriflambe portera en esté
Quant vos irez vengier la mort Forré.

Тоблеръ указываетъ то же выраженіе въ *Vengeance de Raguidel*,
v. 4074, и въ *Hist. des Ducs de Normandie* p. 32 (цит. у *Michel*,
Ch. Sax. II, 204), полагая, что въ основѣ его лежитъ разказъ, со-
храненный въ *Karlamagnussaga* и у *David Aubert*: о *Fourgé*, царѣ
*Nobles'*я или *Noples'*я, котораго Карлъ хотѣлъ взять въ плѣнъ жи-
вымъ, но *Роландъ* убилъ его противъ воли императора, за что и по-
лучилъ пощечину отъ дяди. Въ хроникѣ *Турпина* с. XVII (и со-
гласно съ ней у *Phil. Mousket*) *Forré*—, *princeps Navarrogum*, пора-
женный *ad montem Garizim*; но *Gui de Boufgoigne* (p. 1) и *Chanson*
des Saxons *Боделя* (II, 81) самъ Карлъ, взявъ *Nobles*, убилъ царя
Forré.—Но при чемъ тутъ выраженіе: *vengier Fourgé? Fourgé* Карло-

¹⁾ *Aiol et Mirabel* ed. *W. Foerster*, въ примѣчаніяхъ къ тексту, а также
введеніе стр. XXVI. Слѣдующіе дальѣ примѣры въ замѣткѣ *Tobler'a*, *Götting. Ge-
lehrte Anz.* 1875, p. 1081.

виггсаго эпоса не проливаетъ на него никакого свѣта, съ тѣмъ принужденъ согласиться отчасти и Тоблеръ. Я пытаюсь сблизить Fouré, Fogé (прям. пад. Fourges Fores) съ Форомъ (=Phago Соломона и Морольфа) Александровой саги, убитымъ Александромъ— и не отомщеннымъ, хотя месть казалась легкой, и возможною—какъ то представляется въ эпизодѣ о сынѣ Кандаки. *Vengier la mort Fogé* означало бы въ такомъ случаѣ: самоувѣренно обѣщать что-нибудь, разчитывая на несомнѣнную удачу—и неожиданно обчитаться.

Отдѣлъ Псевдокаллистоена С, слѣдующій за разказомъ о смерти Пора, обвиняетъ: 1) небольшой отрывокъ изъ письма Александра къ Аристотелю о чудесахъ Индіи, III, 17 (вѣщающія деревья солнца и луны), который является дублетомъ къ С, II, 44; въ первомъ случаѣ С согласенъ съ АВВ, во второмъ съ подлинникомъ сербской Александріи=C'; 2) эпизодъ о Кандакѣ (С, III, 18—24) и 3) объ Амазонкахъ, Евримитрѣ и заключеніи нечистыхъ народовъ (С, III, 25—26); 4) часть письма Александра къ Олимпіадѣ (С, III, 27—29), вѣроятно, не находившагося въ С', слѣдствіемъ чего явилось въ гл. 29 повтореніе разказаннаго въ § 3: о заключеніи нечистыхъ народовъ.—Тексты сербской Александріи не знаютъ §§ 1 и 4 и обусловленныхъ тѣмъ дублетовъ, а §§ 2 и 3 представляютъ въ обратномъ порядкѣ: Амазонки и—Кандака. Нѣчто подобное даютъ изданія *Historia de Preliis*. (Kinzel, l. c. стр. 22 слѣд.), при чемъ необходимо имѣть въ виду особенности ея разказа о войнѣ съ Поромъ. Последовательность здѣсь такая: пораженіе Пора (=Pseudocall. III, 3); Поръ бѣжитъ, Александръ велитъ похоронить павшихъ—и на другой день вступаетъ въ его столицу, что у Псевдокаллистоена и въ сербск. Александріи онъ дѣлаетъ лишь по смерти Пора. „*Ingressus Alexander palacium Pori invenit ibi que incredibilia humanis sensibus videntur*“ (слѣдуетъ описаніе), „*Et inde amoto exercitu venit ad portas Caspiae et ibi castrametatus est. Erat autem ipsa terra valde bona, sed in ea multa genera serpentium consistebant. Deinde scripsit epistolam ad Talifridam (var. Talistridam, Calistridam) reginam Amazonum.*—Слѣдуетъ дальнѣйшій походъ Александра на Пору, поединокъ съ нимъ; затѣмъ, согласно съ Pseudocall. АВ, эпизодъ о Брахманахъ и посланіе къ Аристотелю—и Кандака.—Въ *Epistola Alexandri Magni* Поръ, разбитый Александромъ, бѣжитъ (описаніе дворца и сокровищъ); Александръ направляется къ *portae Caspiae*; слѣдуетъ позже вторичное пора-

женіе Пора, который показываетъ Александру свою казну и, щедро одаривъ его и его войско, сопровождаетъ его въ его Холденіи по чудесамъ Индіи.

Какъ въ *Historia*, такъ и въ *Epistola*, эпизодъ о Порѣ, сжатый въ разказѣ Псевдокаллисоена и въ сербск. Александриѣ, является развитымъ. Если удалить эту особенность, зачѣнивъ первое изображеніе Пора его смертью, то получится раскорячокъ, одинаковый для *Historia* и для сербской Александриѣ—либо ея источника (С): смерть Пора—Амазонки—Кандака.

Сообщаю содержаніе двухъ послѣднихъ эпизодовъ по Псевдокаллисоену С.

а) Кандака. Александръ намѣревается отправиться ἐκί τῆς Σαυρά-
μεος βασιλεία, въ Βερόη, гдѣ царяла прекрасная Кандака. Его письмо къ ней; дружественный отвѣтъ и подарокъ Кандаки (III, 18). Она посылаетъ греческаго живописца тайно снять портретъ съ Александра, у котораго сынъ Кандаки, Кандавлъ, проситъ помощи противъ Эвагрида, царя Бебриковъ, похитившаго его жену. Александръ велитъ Птоломею назваться его именемъ, а самъ, явившись подъ именемъ Антигона, получаетъ отъ мнимаго царя приказаніе пойти войной противъ Эвагрида (III, 19). Война противъ Эвагрида; развитый, онъ убиваетъ себя. Кандавлъ, исполненный благодарности къ Антигону-Александру, проситъ Александра-Птоломея отнестись съ нимъ къ матери того, кому обязанъ освобожденіемъ своей жены. На пути къ Кандакѣ Кандавлъ уязвляетъ Антигону-Александру на θεῶν μοῖαι (гл. 20). Войдя туда Александръ „ὄρᾳ ὀμίχλην ἀστεροφεγγῆ καὶ στίλβουσαν καὶ φαντασίαν εἰδῶλον.... ὄρᾳ δὲ ἑστίαν καὶ τνας ἀνδρας ἀνακειμένους ἀκαστράκτοντας ἐκ τῶν ὀφθαλμῶν ὡς λοχνοφεγγεῖς“. Одинъ изъ нихъ называетъ себя Сезонксомъ: „βασιλεὺς ὁ κοσμοκράτωρ, ὃς τῆ κατ' ἐμοὶ δυνάμει ἐκαρθεῖς θεὸν ἐμαυτὸν ἀνόμισα, καὶ τῆ οὐρανῶ ἐκίβηται στουδάσας τὴν τοῦτοιο ἐζήτουσ ἀκράσειαν. ἐλθὼν δὲ εἰς χώραν ἀγρίων ἀνθρώπων, ἐκάνισταντο ἐπ' ἐμὲ κλήθει κολλὰ, καὶ κατεδιέσαν μέχρις ὀπισθο φέγγος οὐκ ἦν ἡμέρας, καὶ κολλὰ κλήθη τοῦ οὐν ἐμοὶ ἀνέilon στρατοῦ. Μόλις δὲ τοῦτοιο διαφρογῶν τὴν λίμνην ἦν ἐώρακα κατέλθρον, καὶ τῆ ἀθρομίᾳ σοσχεθεῖς, θανασίμῃ περιέπεσον νόσφ, καὶ τοῦ ζῆν ἄκων ἐστερήθη. Ἐνταῦθα δὲ παρακέρμηθην δέσμιοι, τοῖς ἐρήμοις κλανᾶσθαι τόποις. ὦδε γάρ εἰσι πάντας οἱ θεοὺς ἐαυτοὺς ὀνομάσαντες, τὴν ἡτομιασμένην ἀπεκδεχόμενοι παρὰ θεοῦ δίκην“. „Твое имя безсмертно“—говоритъ даже Сезонксъ — „τι ποκορησὶ весь миръ, κτίσας τὴν περικόθητον ἐν Αἰγύκτῃ Ἀλεξάνδρειαν πόλιν. ἀλλ' εἰσελθε ἔνδον, ἵνα θεᾶσῃ τὸν προστάτην ἡμῶν“.

Александръ видитъ дагѣ Сераписа, который даетъ ему уклончивый отвѣтъ относительно его судьбы и пророчитъ славу Александрии. Кандавлъ радостно встрѣчаетъ вернушагося Антигона-Александра; оба идутъ дагѣ въ Амастриду, гдѣ Кандавлъ велитъ матери любовно принять его спасителя (гл. 21).—Описаніе роскошныхъ палатъ Кандаки, которая узнала Александра по портрету, но обѣщаетъ сохранить его тайну, дабы ея второй сынъ, женатый на дочери Пора, не причинилъ зла его убійцѣ (гл. 22). Кандака предлагаетъ Кандавлу и его женѣ ("Аркосоа) наградить Антигона-Александра, но другой сынъ Кандаки, Дорифъ (πρὸς Δορήφ τὸν καὶ Θεάντα καὶ Φόρμαν χαλούμενον), хочетъ убить его, въ отместку за Пору, сраженнаго Александромъ. Братья вступаютъ другъ съ другомъ въ споръ, готовы сразиться, но Антигонъ-Александръ миритъ ихъ: имъ нѣтъ пользы въ его смерти, и онъ предлагаетъ привлечь къ нимъ самаго Александра. Кандака, удивленная его мудрою находчивостью, отпускаетъ его съ дарами (гл. 28).

в) Амазонки. Вернувшись къ войску, Александръ идетъ къ Амазонкамъ, извѣщая ихъ напередъ о мирныхъ цѣляхъ своего прише- ствія. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи онѣ описываютъ ему свой образъ жизни: εὐνὴ δὲ πολυμίῳν κρατήσωμεν ἢ πάλιν φύγωισιν, αἰσχρὸν αὐτοῖς καταλείπεται εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον ὄνειδος, εὐνὴ δὲ ἡμᾶς νικήσωσιν, ἔσονται γυναῖκας νεκικήσασα (с. 25). Во второмъ письмѣ къ Амазонкамъ Александръ требуетъ отъ нихъ дани, какую онѣ положатъ, и ежегодно извѣстное количество вооруженныхъ всадниковъ. Второе отвѣтное посланіе Амазонокъ: онѣ обѣщаютъ ежегодно платить сто талантовъ золотомъ и посылать пятьсотъ всадницъ: побѣдителя мужей не подобаетъ обогряться кровью женщинъ; ἀδύνατα τὰ τῆς πόλεως συναντήματα, καὶ μήκω τὸ περιζήτητον τῶν ἀνδραγαθημάτων σου ἐν γυναικείᾳ ἀκολούθια μάχῃ. Онѣ просятъ Александра прислать имъ свое изобра- женіе. Онъ дивится ихъ красотѣ и силѣ и посылаетъ имъ свое копье: ἔστιν ὁμῖν τοῦτο αὐτὸ Ἀλεξάνδρου. Война противъ Евримитра, царя Бебриковъ или Вельсировъ; Александръ преслѣдуетъ пораженныхъ „μέχρι ὁρέων δύο τῶν μεγάλων ἐν τῇ ἀφνειῇ κόσμῳ, ἃ προσήγορασαν μαζοῦς τοῦ Βορρᾶ“. По молитвѣ Александра онѣ сходятся и запираютъ за соборъ нечистые народы (с. 26) [сс. 27—29: письмо Александра къ Олимпіадѣ о своихъ подвигахъ: отъ хожденія къ Амазонкамъ— до эпизода о нечистыхъ народахъ; по въ этихъ границахъ, отвѣчаю- щихъ сс. 25—26, содержаніе другое: Амазонки, страна чудовищъ,

городъ солнца, Низейская поляна, дворець Кира и Ксеркса—и горы сѣвера].

Главное отличіе соответствующаго отрывка сербской Александрии отъ редакціи Pseudocall. С заключается въ перестановкѣ а и в: къ Амазонкамъ Александръ попадаетъ раньше, чѣмъ къ Кандакѣ. Такъ и въ новогреч. народн. книгѣ (стр. 140 и слѣд.).

а) Амазонки называются „амастронскими женами“, несомнѣнно подѣ влияніемъ сосѣдней съ ними „Амастронской царицы“ Кандаки, живущей въ Амастридѣ (Pseudocall. III, с. 21). Оставивъ Антиоха въ Индіи, Александръ идетъ войной на Амазонокъ; ихъ эпистолія къ Александру: „Вестъ нѣкаа въ оуши наши приде, о миродръж'че, велики цароу Алексен'дре, тако весь прикъмъ свѣтъ и съ жен'скими плькомъ бити се хоштеши. Да сикъ намъ невѣр'по мнѣти се, тебе толико моудра знаюште. Не подобають тебе съ нами бити се; не вѣси бо ч'то прилоучитъ ти се. Аште бо насъ разбиши, малую чьсть обрѣштеш; аште ли ми тебѣ разбишь, то велика срамота тебѣ боудеть. Да молимо се тебѣ, мол'бе наше не прѣзри, нъ образъ свой оуписаь къ намъ допусти, тако да намъ мѣсто тебе царствоукъ“. Онѣ посылають ему дары, вѣнецъ свой царицы Клитеры (вар. Плин'тер'ва, Плитрева) и „дѣвиць р. прѣкрас'ныхъ“, красотѣ которыхъ дивится Александръ. Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ: „Да не подабаше вамъ женъ благообраз'ныхъ къ нама послати. Мы бо все моуже земельскы побѣдихомъ, како отъ женъ побѣдити се хотѣхомъ? Дахъ копикъ моѣ вамъ, тако да мегю вами царствукъ мѣсто мене, и л. тисоуште женъ мене на помощь пош'лите, имамъ бо ити на мер'сил'скога цара Евромитра (вар. Евримитра), моимъ не хотешта повинути се властемъ“. Потоломен же тоу стакъ воквода, глоуме се Алексен'дроу рече: цароу Алексен'дре, дай ми женами онеми царствовати; аште ли ми царство ихъ не даси, дай ми, да и овехи р., да ихъ въ царство ихъ провогю! Алексен'дръ же, насмѣивъ се, рече кмоу: аште и воквода силѣ моѣи кси, кдина отъ нихъ одолѣти ти имать. Потоломѣи же къ Алексен'дроу рече: ты векъ оубогаь се кси, него ли азъ, кре ихъ цѣлехъ домоу поустилъ кси „(Новак. III гл. 6—7). Слѣдуетъ война противъ Евримитра (ib. III гл. 8; гр. нар. кн. 144); „іезици же северныѣ страны слышав'ше, оубогаше се, и къ сѣвер'ной побѣгоше странѣ“, гдѣ Александръ запираеть ихъ за „сѣвер'ными холмами“ (Нов., ib. гл. 9; греч. нар. кн. 144—5).—У Псевдокаллистоена царица Амазонокъ не названа; у Клитарха fr. 9 и его отраженіяхъ ея имя Thalestris; такъ и во французскомъ романѣ (ed.

Michelant) и у Fazio degli Uberti, Dittamondo l. IV с. 2: Talestri; въ источникѣ Intelligenza, строфа 225: Altalistre; въ Libro de Alejandro, строфа 1701: Calceatrix; въ италянскои Александрии (ed. Grion . 113): Calistra. Клитерва сербскаго текста не восходитъ ли къ какой-нибудь подобной же формѣ имени? (греч. нар. книга не даетъ мени).

В. Кандава (гл. 10—14; греч. нар. кн. стр. 146 и слѣд.). Царица амастронская (она царить въ Мастридѣ-Амастридѣ) посылаетъ зографа списать портретъ съ Александра: „Алексен'дрово бо оухитреникъ разоумѣла бѣше, како самъ све градове сходить, и землю, окласарь творе се, обхождаше“. У Pseudocall. С. царица названа Кандакой, то-есть, просто титуломъ¹⁾; въ сербскои редакци: Кандакя Клеофила (Клеопила; греч. нар. кн. Κανδάκη); въ ит. романѣ: geofile Candacia; такъ было, вѣроятно, и въ его французскомъ оригиналѣ, и въ Historia de prellis, судя по тексту, напечатанному Gagnier: Cleophilis Candacis, Клеофила въ связи съ Александромъ находится же у Orosia (Adv. Pag. 3, 19, 1): regnum Cleophilis reginae expugnavit (scil. Alexander), quae cum se dedisset concubitu regnum remisit²⁾.

Имя одного сына, согласно съ С, Кандавлъ (Кандавльсь; греч. ср. кн. Κωνταυλοβους), другого, женатаго на дочери Пора: Дорифъ аг. Дорифоръ; греч. нар. книга: Δοροφόρος) и Караторъ, какъ въ istoria de Prellis (Carator), италянскомъ романѣ (Grion, l. с. p. 152: arator) и у Лампрехта (Caracter, Karater, Krater)³⁾. Въ общемъ изводѣ о Кандакинъ разказанъ согласно съ Pseudocall. С; мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя частныя отличія. Въ С Евагридѣ упадаетъ на Кандавла въ то время, когда тотъ съ женой и не-

¹⁾ О такомъ значеніи „Кандаки“, то-есть, „царицы-матери“ въ Θεσιονίη, сл. *Tiedeman*, l'Éthiopie au temps de Tibère et le trésorier de la reine Candace, въ *Asiatick Researches*, t. III, № 1, p. 117 и слѣд.; сл. *Ed. Drouin*, Deux chroniques éthiopiennes, *ibid.* t. III, № 2 (1884 г.) стр. 254. Въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, 8, 27 слѣд., апостола Филиппъ престити εὐνοῦχος δυναστῆς, назначая царицу Кандакя; въ греческихъ Минеехъ подъ 14-мъ ноября Кандака обратилась въ πόλις ἐν Κανδάκῃ.

²⁾ *Christensen*, Beiträge zur Alexandersage (1883), p. 37. См. *ibid.* указание разказъ Курція и Юстина (восходящій къ Клитарху) о Cleophris, царицѣ египетской. См. *Faure* l. с. II, p. 75 прим. (Клеопила въ Кельнской хроникѣ — изъ Orosia ли?).

³⁾ *Ed. Massmann*, v. 6229 и passim; *Werner*, Die Basler Bearbeitung von Lamprichts Alexander vv. 3880, 3909 и passim.

большой свитой отправлялся ἐναύσιον μοστήριον τελέσει παρὰ τὰς Ἄρα ζώνας (III, 19); въ сербскомъ текстѣ „Агримски царь, Кандаки, царице сынъ, Каяндавьсь именовъ,... отъ царствія своего побегъ съ женою и съ матерью ея, отъ Александрова страха къ матери своей Клеопили Кандаки оу Мастридуу бегаше“; въ это время и напалъ на него Эвагридъ (см. греч. нар. вѣн., стр. 146). Избѣгая одного зла отъ, такимъ образомъ, печально попалъ въ другое и, отвѣчая Антигону - Александру, можетъ примѣнить къ себѣ притчу, наиболѣе извѣстную по пересказамъ романа о Варлаамѣ и Иосафѣ—о чловѣкѣ спасшемся на дерево отъ льва и увидѣвшемъ надъ собою вѣдоущаго змѣя *).—Разказъ о посѣщеніи Александромъ пещеры боговъ наполненъ христіанскими мотивами, согласно съ характеромъ нашего текста:

„Въшьдшоу же емоу вьноутрь, мьчтаніа нека зверообразна срѣ тоше его. Онъ же име бога Саваоаа призвавъ, безъ страха бивъ чюдна же и нека и дивна въ пештери тое видѣ: чловѣкообразни зпери и чловѣки многи свезани опако роукама видѣ. Тоу Аракли и Аполона позна, и Круна и Ерміа, ихъ же Елини боге имахоу. Сихъ Александръ видевъ, свезанни бо бехоу вьси веригами. Александръ же къ единому отъ нихъ пристоупилъ, о чюднихъ оныхъ виденихъ оупрашаше его. Свезани же царь они къ нему рече: Александрѣ цароу, царие сие, ихъ же ти зриши, ти бехоу въ вьселенноу царие, ѣкоже ти дньсь, и за гръдиноу великоу и поностьство боге небесному оуподобише се, и на сихъ богъ разгневи се, свезаньнихъ въ пештероу сию рече привести; зде доуше ихъ моучати се имоут

*) Текстъ этой притчи сербской Александрій и нѣсколько объясненій къ нему см. въ моей замѣткѣ: О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама Иосафа, *Зап. Имп. Ак. Наукъ* 1879, т. XXXIV, II.—Греч. нар. книга, стр. 146, поддеживааетъ, противъ кириллобѣловерскаго списка, редакцію аполога, представляемую текстами Ягича и Новаковича: ἐπάθα ὡσαν ἑκαίνοσ ὁ ἀνθρώποσ, ὁ ὁποίοσ φεύγωντο ἐπὶ τὸν λέοντα, νὰ μὴ τὸν φάγη, ἐβρηχεκα δένδρον ὑψηλόν, καὶ ἐνέβη ἐπάνω, καὶ λέων ἐστάθη εἰς τὴν ῥίζαν τοῦ δένδρου, τὸ ὁποῖον εἶχεν εἰς τὴν ἀκρὰν λίμνην. Ἄπ τὸν φόβον τοῦ λέοντοσ νὰ μὴ τὸν βλέπη, ἐκύτταξεν ἐπάνω εἰς τὴν κορυφὴν τοῦ δένδρου καὶ εἶδεν ὄφιν μέγαν, ὁποῦ ἤρχετο ἐπάνω του. ἐτρόμαξε καὶ ἐστράφη νὰ ἰδῆ εἰς τὴν λίμνην καὶ εἶδεν εἰς τὴν ἀκρὰν τῆσ λίμνησ κροκόδειλον, ὁποῦ ἔχασκε τότε νὰ κατέβη κάτω νὰ τὸν καταπίη. Τότε εἶπε μὲ τὸν λογισμόν του· τί νὰ κάμω ὁ φτωχοσ; εἰάν κ' ἐτίβω εἰς τὴν γῆν, ὁ λέων θέλει μὲ καταφάγει ζωντανόν, εἰάν σταθῶ εἰς τὸ δένδρον, ὄφισ μὲ θέλει καταπίει ἀπὸ ὀλίγον ὀλίγον· κάλλιόν νὰ πηδήσω εἰς τὴν λίμνην, καὶ ἰ με καταπίη ὁ κροκόδειλοσ διὰ μίαν, παρὰ νὰ βασανίζωμαι ζωντανόσ. Τότε ἐπήδησεν εἰς τὴν λίμνην, καὶ ἐφαγώθη ἀπο τὸν κροκόδειλον.

о скончаніа вѣка. Скончавъшимъ се седмимъ вѣкомъ, въ тарьтар-
соуоу гееноу имоуть поити, и тамо въ бесконьчнн вѣкъ моучити се
моуть. Александръ же къ нему рече: мноу, ꙗко негдѣ видехъ те.
нѣ же къ нему рече: аште на дивнн чловѣки ходиль еси, тоу на
сѣне образъ мой видель еси. Александръ же къ нему рече: и како
ме тебѣ есть? Онъ же къ нему рече: Азь есмь Сьньхось индискн
црь, иже некогда всь приехъ светъ, и грѣдинею прѣвзнесохъ се,
на вьстокъ на край земле вьскотехъ поити; и вьсташе на ме дивн
човѣци, и воинскоу мою вьсоу оубише, и мене тоу погоубише.
ггели же дошдыше, и доушоу мою свезаше, и въ снѣ ме пеш-
роу приведоше. И здѣ моучити се имамъ, ꙗко за мое безоумное
рѣвзнесеннн; да пази и ты, Александре, ꙗко да не прѣвзнесь се,
ти zde приведенъ боудешн⁴. Далѣе Александръ узнаеть Даріа,
вторнй говоритъ ему между прочимъ: „о прѣмоудри въ чловѣцехъ
лександре, отъ коле богомъ годе бити, ꙗко да вьса незнаема оу-
иашеши, почекан мало, и скажоу ти дивна нека и чюдна, ꙗже при-
лучитъ ти се хотеть на поути. Вѣдомо да есть тебе, ꙗко Кандакн
леофила амастридоньска царица образъ твои прѣписала есть, и тако
знати те имать, ноу походи, не соумни се; богъ бо, въ него же
эроуеши, отъ роукоу ее избавити те имать, и крѣсмати же ты
эмон⁴. Онъ разпрашиваеть Александра о Персіи, о Роксантѣ, ука-
иваеть на Фора, находящагося далѣе въ той же пещерѣ. „О велики
ндискнн Форе⁴, обращаетъ къ нему Александръ, „како некогда
гомоу подоблмаше се, нынн же ꙗко кдинь отъ хоуднхъ чловѣкъ
оучнши се! Форъ же къ ннмоу рече: тако страдати имоуть вьси, иже
рѣвзнесоме се земльскоу славою; нѣ блуди и ты, Алексейдре,
ко да не и ты, прѣвзнесь се, свезанъ здѣ приведенъ боудешн. И
не поменуувъ, чьсть жене моек Клитемиштре съблуди. Алексейдръ
е къ ннмоу рече: боуди печалокъ мрѣтвнн, а о живннхъ не пыци
“. Жилище боговъ обратилось въ обитель наказанія за земнуу
рднню (сл. греч. нар. кн., стр. 153—156).

Александръ спасается отъ угрозы второго сына Кандаки такоу
з хитростью, какъ и въ Pseudocall. С. Кандавлъ и Караторъ про-
жають его до ожидавшей его стражи, гдѣ онъ объявляетъ нчь,
о онъ и есть — Александръ. Если такъ, „то мы оумрли кѣмо“,
ворять они, но онъ успокоиваеть ихъ и отпускаеть съ почетомъ.

Кстати замѣтка къ текстамъ Псевдоваллисена: въ III 26 С Але-
андръ, воюя съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ-Вельсировъ, дохо-
ить до сѣверннхъ горъ, за которми заключаетъ нечистые народы;

мы видѣли, что письмо къ Олимпіадѣ (ib. гл. 27—9) также кончается эпизодомъ о горахъ; В присоединяетъ: Δισχώρησα δὲ ἀνὰ μέσοι Τούρκων καὶ Ἀρμένων..., καὶ ἀπέκτεινα ἐν ῥομφαίᾳ ἅπαντας αὐτοὺς καὶ τὶ αὐτῶν βασιλεῖα, καὶ ἐσχόλασα τὰ μέλαθρα αὐτῶν, τοῦ καλουμένου Κάνου καὶ ἐπέβη εἰς τὰ αὐτοῦ βασίλεια, гдѣ освобождаетъ плѣнненныхъ—Кандавля и его жену! Кандавлъ разказываетъ: Πρὸς θῆραν ἐτέλλθον, εὐθραθῆναι βουλόμενος σὺν τῇ ἐμῇ γυναίκεῖ ἐπὶ χώρας ὀδεύοντας, ἔχων μετ' αὐτοῦ πενταχοσίους παῖδας μετὰ λεοντοπάρδων καὶ κυνῶν καὶ ἰσράκων; здѣсь он и былъ схваченъ.—Я полагаю въ этомъ эпизодѣ рядъ смѣшеніи Турковъ съ нечистыми народами за горами сѣвера, ихъ хана—с Евримитромъ, царемъ Бебриковъ, войско котораго, преслѣдуемс Македонянами, заходитъ именно за эти горы; наконецъ Евримитр (=Хана) съ Евагридомъ, также царемъ Бебриковъ, похитившимъ, как мы видѣли, жену Кандавля. Въ италіанскомъ романѣ, въ эпизодѣ Кандакѣ, Кандавлъ говоритъ, что его жена похищена царемъ Бебриковъ (Brebic; var. Atibeci), когда онъ „uscì fuori della città coll moglie e con alquanti di suoi fidel cavallieri per andarsi diportand coi falconi per la contrada (Grion. p. 146). Сл. Hist de Prel.: Can deolus exivit cum uxore et paucis suis militibus ut eorum animi gratularentur ¹⁾.

VII.

Dicta Alexandri. — Его кончина.

Въ Pseudocall. С, III, 30, говорится, что, по возвращеніи Александра въ Вавилонъ, рожденіе чудовищнаго ребенка было истолковано, какъ знаменіе скорой смерти Александра и судьбъ, предстоящихъ его царству. Непосредственно затѣмъ разказывается объ его отравленіи.

Сербская Александрія представляетъ здѣсь совсѣмъ особое развитіе. Сл. греч. нар. кн., стр. 165 и слѣд.

Вельможи Александра встрѣчаютъ его радостно по его возвращеніи отъ Кандаки, просятъ вернуться въ Персію, и тамъ раздѣлить „господство“—„по достоинству и по подобію“ (Нов. III гл. 15) Возвращеніе въ Персиду (на пути греч. нар. книга, стр. 166—167.

¹⁾ Harcsyk, Zs. für deutsche Philologie, IV, p. 169—170.

азказываетъ объ испытаніи Александромъ морской глубины) и развѣтъ власти (послѣдняго эпизода нѣтъ въ греч. нар. книгѣ), послѣ его Александръ въ теченіе года пробылъ съ Роксаной „съ великою зселостію и радостию“ (гл. 16). Онъ идетъ въ Вавилонъ; явленіе во нѣ Іереміи, который вѣщаетъ ему о близкой смерти; смущеніе Александра, котораго напрасно пытаются утѣшить и развлечь его вельожи (Нов. гл. 17—19; греч. нар. кн., стр. 167—168). На пути къ Вавилону, онъ приходитъ въ поле, „нарицаемое Синарь, и въ землю ювому Ав’сидіа, идеже правед’ныи Іовъ богатіи жилъ бѣше, и тоу ганомъ своимъ ста; и си’нникъ кго воиске по томъ полю падоше. елмоужикъ же Алексен’дрови, Алексен’дра скръб’на зрѣште и жалости го измѣнити хотеште, и на гороу кго високоу въ’зведоше, и, сръдце го обвеселити хотеште, воисцѣ оруожати се повелеште, и на кудиномъ бстѣ на поли ономъ сбрати се рекоше, и сихъ позрѣв’ше къ Алексен’дрову рекоше: Алексендре цароу, си’ннии господине, видиши ли? о ч’то скръбію сръдце свок потапнжши? Зриши ли колицемъ люэмъ дньсь сѣтвори те богъ цара, да подобно кстѣ тебе веселити и радовати зѣло. Алексен’дръ же, просльзвивъ се и главою поклавъ, рече: зрите ли сихъ всѣхъ, и по.н. лѣтѣхъ вси подѣ землю шкоуты!“ (греч. нар. кн. стр. 168—169). Власти и князя съ востока и запада, сѣвера и юга приходятъ къ Александру съ многобнними дарами (гл. 20), приходитъ съ посланіемъ отъ Олимпиады Аристотель. Александръ принимаетъ его съ честію, разпрашиваетъ о матери, о Македонской землѣ (гл. 21). На торжественномъ прѣ Аристотель подноситъ Александру и Роксанѣ подарки, приванные Олимпиадой, и ея письмо, въ которомъ она проситъ сына дать и повидать себя, либо самому вернуться въ Македонію, либо дозволить ей приидти къ нему (гл. 22). Сл. греч. нар. кн. стр. 169—171.

Прочтя эпистолю, Аристотель садится на свое мѣсто, Александръ всѣдаетъ на высокомъ престолѣ Фора, и начинается тотъ отдѣлъ, который далъ намъ поводъ назвать весь слѣдующій эпизодъ текста: *dicta Alexandri: dѣло идетъ, очевидно, о мудрыхъ изрѣченіяхъ—сукъ Александра: Δόροι Ἀλεξάνδρου* (греч. нар. кн. стр. 171—174).

а) *Dicta Alexandri. 1.* „Въ тѣ днь чловѣкъ нѣкни оукраде роин’чоу златоу (греч. нар. кн. 171: *ἕνα κανάτι χρυσόν*). Алексен’дръ синышавъ, рече: кто любо ромен’чоу украде, где годе боудеть, Алексен’дрово се км звати, а не оукрадшаго.

2. „И’ тогда Аристотель Алексен’дра выпрашаше, глаголю: како з’може’ толикаа сѣтворити, клика никудинъ чловѣкъ сѣтворити мо-

жеть? Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: трии друзи на снѣ съспѣш'ници быше мѣ: роука подат'лива и вѣра непотвор'на и соу'правъ" (греч. нар. кн. стр. 171—172: τέσσαρα κατὰ ἥσαν εἰς ἐμὲν πρῶτον, καλὸν χαρέρημα· δεύτερον, ἀλήθεια, τρίτον, ἀπὸ τὸν λόγον μὴ νὰ μὴν εὐγαίνω· τέταρτον, ἡ κρίσις μου νὰ εἶναι δικαία, καὶ νὰ πιστεύω τὸ Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὅπου ἐπλασε τὰ πάντα).

3. „Тогда кмоу сповѣдати начеть в'са, клика по зем'ли видѣль бѣш и како сил'ныхъ царь господства раздроуши. Сиа слышавъ Аристоель, дивляше се, и къ Алексен'дрѹ глаголаше, оупрашае: го соу'т великаа скровишта, таже по землѣхъ събраа? Алексен'дръ и властеле позрѣвъ, рече: любими мои друзи, си соу'т мои скровиши царска бо скровишта въ чловечьскыхъ живоуть срьдцихъ.

4. „Аристоель же къ нѣмоу рече: потышти се, Алексен'дре, че сътворить, тако да Македонанномъ по сьмрѣти память оставиш Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: не имамъ вамъ оставити сына, и остав'лю вамъ великыи мок подвиги и добраа мои дѣла.

5. „Тогда пристоупи къ Алексен'дрѹ нѣк'то отъ любимыхъ, и рече: добро ксть царѹ царство обогатити. Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: Криси лидон'скога цара ничто не пол'зова сребро и злат много бо злата събралъ бѣше, нь друзи того кр'досаше. Онъ и къ Алексен'дрѹ рече: пользно к царѹ векк даани отъ зем'ле въз мати. Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: ни врьтара, не люб'лю ис к рѣне велик истръзаюшта (нѣтъ въ греч. нар. книгѣ).

6. „И тоу Алексен'дрѹ Пер'сенина нѣкомго: стара оузрѣвъ, и брадоу вап'саль бѣше, тако да младъ чловѣкомъ оузвратъ се. Видѣвъ же кго Алексен'дръ рече: о любими мои Меликы'сире, аште пол'отъ вап'сала хоптеть бити, колене ногоу своѣю вап'сан, да оукрѣпе се; аште ли вап'саломъ старости оукрѣпити не можеш, не вап'се себе, тако да вап'сало тебѣ не прѣварить и, мне себе млада, въ старости напрасно оумреши. И о семь властеле смѣляше се много (греч. нар. кн. стр. 172: ὃ ἡγαπημένε μου Μελιχροάσρα).

7. „Други же моужь великы, кмоуже и томоу име бѣше Алексен'дѹ страшивъ же бѣше сѣя зѣлю и сѣ в'сакого бога бѣгаше, Алексен'дѹ же къ нѣмоу рече: чловѣче, или име из'мѣни, или дѣло; мок бо и тобою срамот'но есть.

8. „И въ ть дньхъ къ Алексен'дрѹ приведоше тисоуптоу гоусарь и рекоше къ нѣмоу властеле обѣшти ихъ. Онъ же къ нимъ рече: отъ коле лице мок видѣли соу'т, не имать никднѣ отъ нихъ оумрети; соудіамъ бо дан'но ксть оубивати, царѹ же дан'но ксть мил

лати. И сотвори ихъ Алексен'дръ лов'це себѣ (греч. нар. кн. стр. 173: κλέτακ).

9. „И въ тѣ дньи приведоше къ Алексен'дрю чловѣка Ии'дианна трѣлца кго глаголаху в'сегда бити [яко скрозе прѣстень в'сегда трелоу прометати емоу]. Алексен'дръ стрѣлити кмоу повеле. Онъ же не в'схоте стрѣлити. [И паки емоу повеле. Онъ же не в'схоте. I вси кго ноудише много, да стрелить. Онъ же не в'схоте]. Алексен'дръ же главоу кмоу повеле отѣштити. Ведомоу же, и нѣкомуу мек'шоу кмоу: по ч'то, о чловѣче, за кдино стрѣленикъ животь свои оудде? Онъ же къ кмоу рече: I, дньи имамъ лоука не похвативъ и лубогахъ се, яко да прѣдъ царемъ не цогрѣшивъ, прѣв'нега мога часа не изгоуб'ю. Се же Алексен'дръ слышавъ, и захвали кмоу много, и съ чьстїю кго отпоусти.

10. „И тоу Алексен'дрю нѣкьи одъ воиникъ (греч. нар. кн. стр. 173: τοῦς), пристоупивъ, рече: великьи царю Алексен'дре, дьштеръ единородноу имамъ и дньсь омоужити ю коштоу, помози ми при-іомъ. Алексен'дръ же тисоуштоу таланть повеле дати кмоу злата; онъ же къ кмоу рече: много ми ксть, царю. Алексен'дръ же къ кмоу рече: царскаа даанъ многа трѣбоуѣтъ се“ (гл. 23).

Одаривъ Аристотеля и поставивъ его „василопатеромъ“, онъ отправляетъ его въ Македонїю съ порученїемъ привести „Олим'бїадоу дарицоу на стан'къ кмоу, въ Іегуп'тъ великьи въ Палестин'скоу зем'ли; самъ же тоу оста“ (гл. 24), здѣсь позже (гл. 31) и умираеть.

Гл. 25 разказываетъ о нахожденїи какимъ-то чловѣкомъ сокровища урѣки Тигра, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. „Возьми себѣ; не мнѣ, а тебѣ дано оно Богомъ“, говоритъ Александръ. „Я взялъ, что мнѣ на потребу, возьми себѣ остатокъ“. Александръ находитъ громадное сокровище. „Не отъ Даріева ли?“ спрашиваетъ онъ себя. Все войско беретъ себѣ волю, „Алексен'дрю же сто коли отъ кго оста“ (греч. нар. кн. стр. 174—175).—Слѣдуетъ (гл. 26) описанїе горжественной встрѣчи Олимпїады, празднисть и игрищъ. Въ греческой народной книгѣ ничего не говорится ни о порученїи Александра Аристотелю привести мать, ни о пришествїи послѣдней.

Ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ Александрий не представляетъ въ ообщенномъ эпизодѣ романа подробностей, знакомыхъ нашему тексту: ни одна не знаетъ о прибытїи Олимпїады и Аристотеля, являющагося какъ бы затѣмъ, чтобы своимъ присутствїемъ оттѣнить мудрость Александра. Нѣкоторыя изъ изреченїй, которыя ему приписаны и въ которыхъ, очевидно, лежитъ главный интересъ всего этого

эпизода, встрѣчаются и въ другихъ источникахъ, съ его именемъ и неизбежными разночтеніями. Такъ съ нашимъ № 5 (въ концѣ) можно сблизить Курція, De reb. gestis Alexandri Magni, l. VII, c. VIII: Александръ готовится къ походу противъ Скеневъ; послѣдніе приходятъ въ македонскій лагерь и произносятъ передъ царемъ рѣчь порицая его властолюбіе и совѣтъя ему не злоупотреблять своимъ счастьемъ. „Igitur unum ex his (scil. legatis) maximum natu locutum acceperimus: „... Quid? tu ignoras arbores magnas diu crescere, una hora extirpari? Stultus est qui fructus earum spectat, altitudinem non metitur. Vide, ne dum ad cacumen pervenire contendis, cum ipsi ramis, quos comprehenderit, decidas. Leo quoque aliquando minimarum avium pabulum fuit, et ferrum rubigo consumit. Nihil tam firmum est cui periculum non sit etiam ab invalido.

Нѣсколько афоризмовъ Александра собрано у Стобея, Florilegium 5, 36: 'Αλέξανδρος προτροπομένων τινῶν αὐτὸν ἰδεῖν τὰς Δαρείου θογατέρας καὶ τὴν κάλλι διαφέρουσαν εἰς γυναῖκα λαβεῖν. 'Αισχρὸν, ἔφη, τοῦ ἄνδρα νικησάντα ὑπὸ γυναικῶν ἠττάσθαι (Сл. выше нѣчто подобное въ эпизодѣ объ Амазонкахъ).

7, 52: 'Εν 'Ιλίῳ θύοντι τῷ 'Αλεξάνδρῳ ἔφη ὁ ἱερεὺς δεῖξαι τὴν Πάριδολόραν· ὁ δὲ τὴν 'Αχιλλέως, εἶπεν, εἰ ἔχεις, δεῖξον, καὶ πρὸ γε τῆς λύρα τὴν μελίαν.

21, 15: 'Αλέξανδρος νοσήσας μακρὰν νόσον, ὡς ἀνέρρωσεν, Οὐδὲν, ἔφη διατεθῆναι χεῖρον· ὑπέμνηος γὰρ ἡμᾶς ἢ νόσος μὴ μέγα φρόνειν, ὡς θνητοὺς ὄντας.

54, 48: 'Αλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ὑπὸ τινος πῶς ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ τῆς οἰκουμένης ἐχορίζουσεν, εἶπε

Βουλή καὶ μύθοισι καὶ ἠεροπηδί τεγγυή.

(Сл. нашъ № 2).

67, 12 (можетъ быть, изъ Эврипидова „Александра“):

ταπεινὸν ἀρετῆς ἐστὶ γυναικία γυνή.

Въ греческой рукописи Моск. Синодальной библиотеки № 298 (по Маттею № 285), въ которой проф. Васильевскій открылъ Записки византийскаго боярина, помѣщенъ списокъ Псевдокаллистонова романа, а съ листа 109 об. и слѣд.: 'Αποφθέγματα καὶ γνῶμαι διαφόρων φιλοσόφων ὡν 'Αλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ. Приводимъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя приписаны Александру (л. 109 v.—110 v.): 'Αλέξανδρος ὁ βασιλεὺς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα

ἐπεμφεν Διογένη τῷ κοινῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λάβων εἶπεν· κοινὸν μὲν τὸ βρῶμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δόρον.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν τὸν αὐτὸν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίθῳ, εἶπεν· ὦ πίθε μαστὲ φρενῶν. Ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς εἶπεν· ὦ βασιλεῦ μέγιστε, θέλω τύχης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίθον, οἷς μὴ παροῦσι δυστυχοῦσιν αἱ φρένες (Замѣтимъ, по поводу этого и предыдущаго изреченія, особу роль Диогена въ афинскомъ эпизодѣ сербской Александрии, въ ея первой, здѣсь не разобранной части).

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ ἀξίοντι ποτὲ ἐπὶ πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· περιμένειν τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας εἰς αὔξησιν τοῦ σώματος, καὶ τότε πολεμεῖ· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἔφη· φοβούμαι μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος τόλμαν ἀπολέσω.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις, ἔφη· οὐ βασιλικὸν ἐστὶν κλέψαι τὴν νίκην. Сходно у Плутарха, vita Alexandri, с. 31; согласно, съ разночтеніями, у Boissonade, Anecdota graeca: Γνωμικά τινα, т. III, р. 468: οὐ βασιλικὸν τὸ κλέπτειν νίκην¹⁾).

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας στρατεύσασθαι εἶπεν· νικᾶν γυναικας αἰσχρὸν, νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχρότερον. Сл. у Boissonade l. с. (съ указанием на Стобея, б, 36): Αἰσχρὸν ἐστὶ τὸ τὸν ἄνδρα νικῆσαντα ὑπὸ γυναικῶν ἠττηθῆναι²⁾).

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ εἰπόντος τινὸς ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας ἀνδρῶν εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· εἰς μάγειρος οὐ φοβῆται πολλὰ πρόβατα.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ τοῦ κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ πλείωνας εἶναι τοῦ Δαρείου, εἶπεν· καὶ τὰ πρόβατα πλείονα ὄντα ὑφ' ἐνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται (Сл. Нов. II, 5: ви же знаете тако перси овце наричуют се, Македонциане же вълци, и прѣдъ ѿдинемъ вълкомъ много овце бегаштъ; 6: много коуч' се мѣд' вѣда тераштъ, нѣ малѣ оукдають).

Ἀλεξάνδρῳ τῷ τῶν Μακεδόνων εἰπόντος αὐτῷ τινὸς ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονας παρέχειν προσόδους, ἔφη· καὶ κηπουρὸν μισῶ τὸν ἐκ ριζῶν ἐκτέμνοντα λάχανα. Сл. нашъ № 5.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτιθεὶς ποῖος βασιλεὺς ἄριστος ἔφη· ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς διὰ τῶν εὐεργεσιῶν φιλοποιούμενος.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτιθεὶς ποῦ οἱ θησαυροὶ αὐτοῦ εἰσιν, ἐπιδαίξας τοὺς φίλους ἔφη· ἐν τούτοις. Сл. нашъ № 3.

¹⁾ Признаніе прое. Г. С. Дестунка.

²⁾ Прии. прое. Дестунка.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν ποτὲ ἐν τῷ πολέμῳ ὁμόνομον αὐτοῦ στρατιώτην ὁμαλῶς καὶ παρακμαστικῶς ¹⁾ μαχόμενον, εἶπεν· νεανίσκα, ἢ τοὺς τρόπους ἄλλαξον, ἢ τὸ ὄνομα. См. нашъ № 7.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτᾷ τις πῶς τοσοῦτων ἐθνῶν ἐν ὀλίγοις χρόνοις ἐκράτησεν, εἶπεν· μηδὲν εἰς αἴριον ἀναβαλλόμενος.

(Л. 112 v.). Ἀλέξανδρος ὁ τῶν Μακεδόνων βασιλεὺς παράγγελμα ἔλαβεν εἶπαι· εἰ δὲν δύνη ὀδεῦσαι, μὴ πλεύσεις· καθ' ἑκάστην ἡμέραν διατίθει· γυναικὶ ἀπόρρητα μὴ θαρρήσης καὶ εἰ δὲν ὀργισθῆς κατὰ τινος, μὴ ποιήσεις ἐπαξί- (λεοσιν) ²⁾ πρὶν ἀπαγγεῖλαι τὰ κδ. στοιχεῖα τοῦ ἀλφαβήτου.

Въ концѣ XI или началѣ XII вѣка арабскій врачъ и философъ Abu'l Wafa Mobaschir Ibn Fatik составилъ сборникъ апофтегмъ, извѣстный въ латинскомъ, старо-испанскомъ и цѣломъ рядѣ другихъ переводовъ ³⁾. Авторомъ перваго названъ въ одной рукописи Іоаннъ изъ Прочиды, что отнесло бы насъ въ Палермо, во времени Фридриха II. Къ XIII же вѣку относятся испанскій пересказъ того же памятника, извѣстные Vocados de Oro. Приведемъ нѣсколько изреченій Александра ⁴⁾, чтобы указать на сходство ихъ типа съ изреченіями сербской Александрии.

Et circumstantes dixerunt ei: „In exercitu Darii sunt trecenta milia hominum“. Quibus respondit Alexander: „Bonus cocus multis gregibus non terretur“. — Et intrantes ad eum quidam sui patriarche dixerunt ei: „Ex quo vos Deus ampliavit in regnis ad hoc quod filios habeatis adquiratis uxores“. Quibus respondit: „Non decet a mulieribus vinci qui homines superavit“. — Et introivit quidam cum ruptis vestibus ad eum bene loquens et ad interrogata bene respondens. Cui dixit Alexander: „Si sicut tua ratiocinacio sic tuus esset vestitus, quod juris esset, in ornamentis tuo corpori impendisses sicut anime quod meruit de sciencia contulisti“. Cui respondit: „O domine rex, ratiocinacionem adipisci valeo ex me ipso, vos tamen potestis vestimenta concedere“. Et precepit dare ei aliquid ad vestitum. — Introduxerunt coram eo quendam latronem quem suspendi precepit, ad quem latro: „Me dolente quod egi commisi“. Ad quem Alexander: „Te propterea te dolente suspendent“. Et introivit ad eum quidam dicens: „O rex,

¹⁾ Рѣч. παρακμας; поправка Деестуниса.

²⁾ Дополнено В. К. Ерштедтомъ.

³⁾ Сл. Kunst, Mittheilungen aus dem Eskurial (141ste Publication d. lit. Vereins in Stuttgart), p. 560 sqq., 576.

⁴⁾ Kunst, l. c. p. 307 sqq., p. 480 sqq.

[jubeatis] michi dari decem millia morabatinorum“. Cui respondit: „Non meritus es“. Dixit ei: „Si meritus non sum habere, vos dare mere-mini“..... Et dixit ei patriarcha: „Plures habemos captivos, tuos ser-vos“. Respondit: „Nolo servorum dominus esse qui dominus liberorum existo“..... Et quesiverunt ab eo quare sic juvenis existens tante (fuit) potencie. Respondit: „Quia conatus sum semper multos habere amicos et inimicis conferre, et taliter dominando factus sum potens“..... Et dixerunt Nichomacho: „Quomodo tam celeriter facti sunt homines obedientes Alexandro?“ Respondit (eis): „Propter id quod vixit in eo justicie et bone conversacionis et regiminis vite excellentis“..... Et dixerunt (quidam ex suis): „Quomodo in etate tam tenera potuisti tot regna perquirere?“ Respondit: „Quia reconcilians inimicos amicos feci et amicis beneficiis satisfeci“¹⁾.

Въ Vocados de Oro, какъ и въ латинской редакціи Изреченій, особая глава отведена мудрымъ изреченіямъ Гермеса²⁾; въ текстѣ, откуда взяты приведенные выше отрывки, весь отдѣлъ объ Алексан-дрѣ приписанъ тому же Гермесу: „De rege Alexandro et ejus origine, ex libro Hermeri de dictis philosophorum descripta; Dicta Alexandri ex libro ejusdem Hermeri“³⁾. Это, быть можетъ, Гермесъ Трисмегистъ; въ сосѣдствѣ Александра онъ невольно напоминаетъ мнѣ Гермеса-Іеремію нашей Александрии.

В. Кончина Александра. Pseudocall. III, 31: τοῦ δὲ Ἀντίπατροῦ ἐκνασταντος Ὀλυμπιάδι τῇ μητρὶ Ἀλεξάνδρου, ἐποίησεν εἰς αὐτὴν διαρ ἄβουλετο· καὶ τῆς μητρὸς Ἀλεξάνδρου πλεονάκις γραφούσης αὐτῷ περὶ τοῦ Ἀντίπατροῦ (ἤχθετο γὰρ ὡς μήτηρ περὶ Ἀλεξάνδρου), καὶ βουλομένης αὐτῆς λελθεῖν εἰς τὴν Ἦκερον, διακώλοσεν αὐτὴν ὁ Ἀντίπατρος. Александръ узнать объ этомъ изъ писемъ матери, а Антипатръ, боясь отвѣт-ственности, рѣшается отравить царя и посылаетъ съ своимъ сыномъ

¹⁾ Эта „податливая рука“ Александра (сербск. текстъ) — основная тема цюхаль, расточаемыхъ ему средневѣковыми поэтами—авторами староеранц. Александрии (ed. *Michelant*) и трубадурами. См. *Bérch Hirschfeld*, Ueber die Ica provena. Troubadours des XII—XIII Jhrs bekannten epischen Stoffe (1878), . 18 и слѣд. (passim). См. *P. Meyer*, Études, p. 243:

Encor fait on au siecle por lui maint paiaage,
Et donne maint avoir et rachate maint gage;

p. 283:

Ne onques ne fu rois plus larges de doner.

²⁾ См. *Kleist*, p. 87 и слѣд.

³⁾ Ib. 569—570.

ядъ Александрову чашнику Юллу (Ἰόλλος, Ἰούλλος), котораго тотъ незадолго передъ тѣмъ обидѣлъ, ударивъ его жезломъ по головѣ. Юллъ сговаривается съ другимъ обиженымъ, Мидіемъ (Μήδιος), который приглашаетъ Александра къ себѣ на пиръ, гдѣ Юллъ подаетъ ему чашу съ отравой.

с. 32 (C) καὶ εὐθὺς ὁ ἀπὸ ἐμελανοῦτο, καὶ οἱ ἀστέρας τὸ πραχθὲν μὴ φέροντες βλέπειν τὴν ἑαυτῶν ἡμβλοναν λαμπρότητα· ἄγνοκῶς δὲ Ἀλέξανδρος τὸ εἰς αὐτὸν πραχθὲν, οἰμῶξας σὺν δάκρυσιν ἔφη τοῖς συνανακειμένοις· Ἄνάστητε, λέγων, ὦ φίλοι μου, λοιπὸν τοῦ καθεῦδειν οὐκέτι Ἀλέξανδρος μετ' ὑμῶν, οὐκέτι τῆς φωνῆς μου ἀκούσατε, οὐκέτι λοιπὸν σὺν ἐμοὶ ἔσθε οἶμοι, πρὸς ἄβην καταπίεγομαι φθάσαι. Καὶ, ὦ Ρωξάνη, ἔφη, μικρὸν ἐμοὶ χάρισαι σεαυτὴν. Καὶ ὅπ' αὐτῆς καταχόμενος κατακλίθη εἰς τὸ καλάτιον αὐτοῦ. Ταῦτα Μακεδόνες ὡς ἤκουσαν, τοῦ δεῖπνου εὐθὺς ἐξάνισταντο, καὶ τὸν θρήνον ἐκ πολλοῦ πόνου ἐλπειῶς ἐποίουν, καὶ „ὦ οἷόν τι γέγονεν, ἔλεγον, καὶ τίς ἡμῶν ἔσβεσε τῆς ἡμέρας τὸν λύχνον; τίς τὴν τῶν Μακεδόνων καταλαβεῖν ἠθέλησε δύναμιν; τίς δὲ καὶ τὴν ἡμῶν χαρᾶν εἰς πένθος μετέστρεψε; Διὰ τί δὲ καὶ ἡ ἑσπέρα ταύτη γέγονεν ἡ παγκράτιστη, ἡ φονεύτρια; Διὰ τί δὲ ὁ ταῦτα κατατολμήσας παραχρῆμα ἀνάρπαστος οὐκ ἐγεγόνει, ἀλλὰ τελευτήσαντος Ἀλεξάνδρου, αὐτὸς τοῖς ζῶσι συναῖ;“ Плачь Македонявъ; на другой день Александръ велитъ призвать къ себѣ Пердикку, Птолемея и Лизимаха; всѣ Македоняне проходятъ мимо ложа, поставленнаго на возвышеніи; одинъ изъ нихъ обращается къ царю съ хвалебною рѣчью; Александръ подаетъ ему руку.

с. 34 (C) Καὶ ταῦτα εἰπόντος τοῦ Ἀλεξάνδρου ὁ Βουκίφαλος ἵππος μέσον πάντων δρομαῖος εἰσῆλθε καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρου ἐπιστάς ἤρξατο τοῖς δάκρυσι καταλούειν τὴν κλίνην. — Посланіе Александра къ Олимпіадѣ (повторяющее вкратцѣ предыдущія) и раздѣлъ власти: Птолемею-Филиппу онъ назначаетъ Египеть, Филону-Визу Македонію; ему же онъ поручаетъ отвести Роксану и ея мать къ его матери Олимпіадѣ. — Александръ прощается со всѣми Македонянами; молодой Хармидъ, сынъ Поликрата, бросается къ нему на шею съ плачемъ. Распорядившись, чтобы тѣло его перенесено было въ Александрію, Александръ обращается съ прощальною рѣчью и къ Букефалу, который, схвативъ приближавшаго въ то время Юлла, убиваетъ его на глазахъ хозяина, и самъ падаетъ мертвымъ. Слѣдуютъ чудесныя знаменія, появленіе большой звѣзды и т. п.; когда она скрылась, Александръ испустилъ духъ свой.

с. 35. Персы и Македоняне спорятъ о томъ, гдѣ скоронить тѣло Александра; оракулъ вавилонскаго Зевса велитъ отвезти его въ Мем-

фистъ, откуда первосвященникъ Мемфисскаго храма направляетъ его въ городъ, имъ созданный. Εὐθέως οὖν ὁ Πτολεμαῖος ἄγει αὐτὸν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ποιεῖ τάφον ἐν τῇ ἱερῇ τῇ καλουμένῃ Σῶμα [= Σῆμα] Ἀλεξάνδρου κακῆ! τὸ σῶμα τὸ λείψανον Ἀλεξάνδρου καθίδρυσεν. — с. 36 говоритъ о числѣ годовъ жизни и царствованія Александра, о народахъ, имъ покоренныхъ, Александрияхъ, имъ созданныхъ, о днѣ рожденія и смерти.

У Юлія Валерія разказъ объ отравленіи Александра сокращенъ; причина непріязни Антипатра передается иначе: „occasio moriendi talis fuit. Mater ejus ad eum scripserat super Antipatri et Divinopatri (?) simultatibus, petebatque ut ob id ipsum ad Epirum ire contenderet. Sed enim Alexander cum ad viroгum jurgium deduci vellet, statuit Antipatrum ad sese venire ex Macedonia“ и т. д. (Müller, Pseudocall. p. 144—145). Французскій романъ (ed. Michelant) удерживаетъ имена обоихъ измѣнниковъ, злоумышлявшихъ противъ Александра и вызванныхъ имъ вслѣдствіе извѣщенія матери. Въ интерполяции французскаго текста, вслѣдъ за Хожденіемъ въ рай, разказывается: Александръ обѣщаетъ подарить Граціану два города, по его выбору. Онъ указываетъ на Тиръ и Сидонъ, которыми владѣли измѣнники, Divinuspater и Antipater. Александръ предлагаетъ имъ въ обмѣнъ всю Халдею; они просятъ сроку на размышленіе, но въ тайнѣ негодуютъ и затѣваютъ отравить царя, который, вернувшись въ Вавилонъ, получаетъ посланіе Олимпіады ¹⁾. У Lamprecht'a (сл. базельскій текстъ, изд. Werneg, v. 4390 и слѣд.) и въ италіанскомъ текстѣ (Grion, стр. 169) и ихъ обоюдныхъ французскихъ источникахъ, какъ и въ старопечатномъ французскомъ прозаическомъ романѣ (Weissmann, l. c. II, p. 401), Антипатръ посылаетъ отраву съ своимъ сыномъ Кассандромъ для врученія Jobal (Lampg.) или Globas (Grion), Jobas (Weissmann) = Ἰόλλας Pseudocall., который оказывается братомъ Кассандра. Эти подробности, восходящія къ Historia de Preliis (Jobas и Cassander — братья) и болѣе согласныя съ историческимъ преданіемъ ²⁾, чѣмъ разказъ Псевдокаллистеена, приближаютъ насъ къ сербской рецензії, также говорящей о двухъ братьяхъ, но ихъ имена другія; Антипатра нѣтъ, причиной Александровой смерти является женщина,

¹⁾ P. Meyer, Etudes, p. 24—25.

²⁾ Q. Curtius, 10, 10, 17; сл. Droysen, Alexander der Grosse, 88. Въ сирійскомъ переводѣ Псевдокаллистеена (Woolsey, l. c. p. 369) Александръ отравленъ Антипатромъ и Кассандромъ.

мать Левкадуша и Вринеуша. Откуда взялись эти имена — я не знаю, преданіе могло колебаться относительно ихъ. Въ отрывкахъ одного латинскаго стихотворенія объ Александрѣ, напечатаннаго по веронской рукописи и относимаго къ IX вѣку ¹⁾, читаемъ:

Fere morte dolus magnus — luctusque miserabilis,
at Spanus et Ginneus inierunt consilium
grifus prendidit altum ascensum, viditque mirabilia.

Цахеръ такъ предлагаетъ восстановить испорченный текстъ:

Fertur modo dolus magnus ludusque mirabilis;
iniit consilium, ut in sporta juncea
gryphis prendat altum ascensum: vidit mirabilia.

Опытъ исправленія, очевидно, мотивированъ тѣмъ, что слѣдующая строфа (Nec in altum subiit) говоритъ о попыткѣ Александра вознестись на небо; но уже Царнке замѣтилъ, что въ строфѣ Н говорится объ одномъ грифѣ, а не о двухъ, какъ въ F; кромѣ того, между строфами F и Н выпала средняя — G (стихотвореніе принадлежитъ къ роду аббедаріевъ-акростиховъ). Въ виду этого полезнѣе воздержаться отъ излишней ломки текста, можетъ быть, сохранившаго въ своихъ испорченныхъ стихахъ случайные отрывки забытаго преданія. Въ самомъ дѣлѣ, первые два стиха строфы F, очевидно, говорятъ о злоумышленіи противъ Александра; Spanus и Ginneus напоминаютъ братьевъ сербской Александрин.

Двое братьевъ-Македонянъ, Левкадушъ и Вринеушъ, смолоду воспитывались у Александра: первый былъ „конюшкн челникъ“, второй служилъ у него въ чашникахъ. Много лѣтъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ не видали они своей матери Минервы ²⁾, которая часто вызывала ихъ въ Македонію; „они же любве Алексѣйдрове оттрыгнути се не можаху“. И вотъ она „дѣло чудно сътвори и достойно: отровныи кдъ съ оухишт' реникмъ оу гликиз' мо примѣси, кже наричетъ се реф'не“,

¹⁾ Zarncke, Ueber das Fragment eines lateinischen Alexanderliedes in Verona, въ *Berichte über die Verhandlungen d. k. sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig*. Philol.-hist. Classe, 1877, I—II, p. 56—69; сл. p. 67.

²⁾ Сл. греч. нар. книгу стр. 175: ὁ Λευκαδοῦσης ἦτον παρατάτορας τῶν ἀλόγων τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὁ Βρυνούσης ἦτον καρνάτορας, ὅπου ἐκέρνα μὲ τὸ χεῖρι τοῦ τὸν Ἀλεξάνδρου. Мать не названа. Въ рукописной румынской Александрин (рук. П. А. Сырку), согласно съ сербскимъ текстомъ: Intr' asea vrême era la Macedonia o mière pre nume *Venerca*, si era ré fórta, si avia doâ feciorâ, unul pre nume Vreonus, si Levcadus.

и послала сыновьямъ; въ письмѣ къ нимъ она писала: „вѣдомо да естъ вама, сына моя, яко всако богатство и слава въ своихъ сладко, въ чуждыхъ же вамъ соупгнѣмъ злато ваше мртво лежить. Да клетвою заклинаю васъ въ млеко, иже въздохъ васъ, яко да придѣте видѣти ме. Аште ли Алексендръ не поуститъ васъ, гликизѣмо вамъ реѣне оудахъ; и отъ сего Алексендроу вькоусити данте, и въ тѣ часъ васъ поуститъ“. Получивъ посланіе, Вринеоушь, не слушая отговоровъ брата, сохранилъ ядовитое зелье; былъ онъ „лоукавъ и невѣрнъ на сердци своимъ Алексендроу царю. Просилъ бѣше Алексендрова отъчства Македонію многашти. Алексендръ же къ никому рече: в'соу вьселен'ноу раздѣлити имамъ, Македонію же никому не дамъ; до смърти мои имамъ владати самъ: по смърти же мои да владати номъ, комоу да богъ Алексендровъ нарокъ и крѣикоу десницоу и остри мьчъ“. Шестъ лѣтъ онъ таятъ про себя свою злобу, но красота Александра удерживала его отъ совершенія преступленія. Левкадушъ убѣждалъ брата, но донести на него не рѣшился (гл. 27). „Такъ кдѣна отъ лоукавыхъ женъ велико оубиство створи такоже и древлѣ раискимъ пиште Іев'ви ради оулипиномъ се“ (приводятся примѣры Соломона, Самсона, Іосифа).—Однажды на пиру Вринеоушь по неосторожности разбилъ дорогую чашу „самотвор'ноу отъ ан'драк'са камена“, за что Александръ покаралъ его немного, и тѣмъ еще сильнѣе возбудилъ его злобу; еслибы не Левкадушъ, онъ тотчасъ бы отравилъ Александра. „Тако бо си лоукавъ и грѣдѣливъ бѣше и алазоникъ Вринеоушь, яко помиш'ляше въ себе глаголк: яко аште Алексендра отроуоу, царь в'семоу свѣтоу быти имамъ“ (гл. 28).—Въ греческой народной книгѣ (стр. 175 слѣд.) весь этотъ разказъ сильно сокращенъ: мать вызываетъ къ себѣ обонхъ сыновей, но мысль объ отравленіи является не у ней, а у Вринуса, оскорбленнаго тѣмъ, что Александръ его ударилъ; о томъ, что Вринусъ просилъ у него Македонію, нѣтъ и рѣчи; этотъ мотивъ извѣстенъ вѣнскому тексту (Карр. 72): имъ открывається, послѣ большого пропуска, разказъ о смерти Александра. Въ славянскомъ переводѣ Вринеушь дважды обращается къ царю съ одной и той же просьбой, и лишь по вторичномъ отказѣ рѣшается на преступленіе. Легко предположить, что соответствующій эпизодъ вѣнской рукописи относится ко второму отказу.

Изъ Іерусалима приносятъ въ это время вѣсть о смерти Іереміа, котораго Александръ велитъ погребсти въ Александриі (нѣтъ ни въ Вѣнской рукописи, ни въ Греческой народной книгѣ).

Въ тотъ же день какая-то жена приходитъ къ Александру съ жалобой на мужа, за то, что бьётъ ее много. „Алексендръ рече: всакой жене глава ксть моужь, мене нѣсть дано жене соудити прѣдъ моужемъ. А она же си моужа на оубинство поноудити хотеше, рече: о цароу, мене же бить, тебѣ же невѣр'нь ксть. Алексендръ же рече: нѣсть ти дано моужоу соудити; въ царствѣ бо момь жены моужемъ не соудеть, горе бо, рече, землѣ, въ нѣи же жена обладаеть, жена бо на кдиноу потрѣбу [отъ Бога сътвори се дѣтородства ради], моужоу потрѣба ксть и подроуч'на. И се рекъ Алексендръ кзника кѣ оурезати повеле“. (Нѣтъ ни въ Вѣиск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ).

Въ тотъ же день приступилъ къ Александру „двородръжца кговь Дан'дароушь“ и говорить, что ему подобало бы отпуститъ своихъ владетелей домой, гдѣ они не были въ теченіе долгихъ лѣтъ. Александръ отпускаетъ ихъ съ честью и подарками (гл. 29; нѣтъ ни въ Вѣиск. рукоп., ни въ греч. нар. книгѣ).

Тогда же пришелъ къ Александру и Вринеушь съ прежней просьбой: дать ему въ господство Македонію. Тотъ отказываетъ, предлагая ему въ замѣнъ того другія владѣнія: „нѣ въз'ми себѣ Ливію и Кілікію в'соу и великоу Антиохію“. Вринеушь рѣшается дѣйствовать и, растворявъ адъ, даетъ его Александру. Почувствовавъ вліяніе ада, Александръ обращается къ помощи врача Филиппа, тогда какъ Левкадушь, услышавъ о злодѣяніи брата, бросается на свой мечъ (о смерти Левкадуша греч. нар. книга ничего не знаетъ). Филиппъ не въ силахъ помочь Александру, онъ въ состояніи сдѣлать лишь одно, „яко да .г. дѣни живь боудеши, доудеже вса царствіа оуредиши“. Горькія сѣтованія Александра, размышленія о суетности человѣческой славы, обращеніе къ Македонянамъ: „аште възможно ви ксть сьмртью отети се дньсь, да сь вамъ в'сегда боудоу, за мене дньсь (сь) сьмртью бите се, похитити бо ме отъ васъ пришла ксть“. Это возможно одному лишь Богу, отвѣчаютъ они: „нѣ ты на землѣ добръ пожилъ кси, и сьмрть твою поч'тена ксть. Бол'ша ксть нег'ли мномоу животь. Походи оубо, Алексендре, походи, на оуготован'номъ тебѣ отъ бога м'сто, на землѣ бо добръ царствовалъ кси, и тамо рага наслѣдити имаши“ (гл. 30).

Филиппъ продляетъ жизнь Александра, посадивъ его въ разсѣченную имъ „мьскоу“ (сл. Карр, 73, греч. нар. книга 180). Александръ дѣлаетъ послѣднія распоряженія, поручая Олимпиаду и Роксану Птоломею и Филону (такъ и у Карр, 73; въ греч. нар. книгѣ

р. 181: Пердикка) и повелѣвая похоронить себя въ Александрии. „Вѣдомо да есть вамъ, говоритъ онъ, тако на послѣднихъ летомъ Першьане Македонани обладаи нмоутъ, якоже и мин Персьидомъ обладамо дньсь“¹⁾. Прощаніе съ Роксаной. Александръ велить привести Дучипала, который, увидѣвъ умирающаго своего господина, „многжелно повништа [и много поръзавъ], ногама землю копанъ, Александровъ облюбизаше одръ“. Обращеніе къ Вринеушу: „о любими мои Вринеушоу, не вѣси ли, колика благаа сътворихъ тебѣ? По что [зло за добро въздаль ми кси, по что] отравнога кда напоилъ ме кси? Нъ проклетъ да ксть господарь, кои храни господскога оубицоу и блондника господске коужк; проклетъ да ксть, кѣто хранить градоиздавчию. Нъ зла оуби, да се зло прѣкрати“. Дучипалъ убиваетъ измѣнника, а Александръ говоритъ: „попи, брате Вринеушоу, чашоу юже ми послужилъ кси. Потоломен же пѣсомъ расъсепти кго повеле“ (сл. Карр, 73—74; греч. нар. кн., 183—184). Простившись съ своими вельможами, Александръ умираетъ: „оумрѣ въ земли нарицаеме Герсемѣ, въ странѣ Халдѣисцѣи, близоу Егупта, въ земли Мѣгюрѣции Сирсции, на рѣцѣ Нилѣ, на мѣсте идѣже Іосифъ прѣврасни. в. житницъ Фараону царю сътворилъ бѣше“. Греческая народная книга ничего не говоритъ объ Египтѣ въ этой связи; но что разумѣется именно эта мѣстность, намеки на то встрѣтились намъ и раньше: Александръ поручалъ Аристотелю привезти къ нему Олимпиаду „въ Егуптѣ великыи въ Палестинской землѣ“ (Нов. Ш, сл. 24). Вѣнскій текстъ сходится здѣсь съ славянскимъ: ἐξέψυξεν, ὁποῦ ὀνομάζεται Γῆπ Σέρ εἰς τὸν τῶν Χαλδαίων, κοντὰ εἰς τὴν Αἴγυπτου, εἰς τὸ κατάμ τῆς Συρίας, ὁποῦ ὀνομάζεται χρυσός Νεῖλος αὐτοῦ, ὁποῦ εἶχεν ποιῆσαι ἀπὸ ὀρισμὸν τοῦ Φαραοῦ Ἰωσήφ ὁ πάγκαλος ὄρις τοῦ Φαραοῦ διαγένημα (Карр, стр. 74). Герсемъ, Гѣп Сѣр = Гесем Ягичева текста (стр. 328), библи. Goshen (въ греч. текстѣ: Γεσὸν и Γεσῶν): область Египта между Себеннитскимъ рукавомъ Нила и пустыней, гдѣ поселился Іаковъ съ своимъ родомъ (Книга Бытія, гл. 45, ст. 10; гл. 46, ст. 28 слѣд. и далѣе). О Гесемѣ сл. Іудеѣ I, 8—10: до рѣки Египетской и Тафны и Рамессы и во всей землѣ Гесемской, до входа въ верхній Танисъ и Мемфисъ“. Tergam Ges-

¹⁾ Въ греческихъ текстахъ пророчества нѣтъ; сл. румынскій (Сырку): *ără seită, fratiloră, că în vecul de apoi voră luăa Turcii Macedonia și voră fi Macedonia robii Turciloră*.

sen et campos Taneos упоминаетъ Peregrinatio Sanctae Paulae (T. Tobler et Aug. Molinier, Itinera Hierosolymitana, Genavae, 1879, p. 39); позднѣе (въ концѣ XIII вѣка) Вуркгардъ говоритъ о Даміатѣ: hec est terra Jesse, in qua olim filii Israel morabantur Pharaoni in luto et latere servientes. In hac etiam postea lapidatus est Ieremias (Laurent, Peregrinatores, p. 94). Александръ умираетъ, такимъ образомъ, въ той самой мѣстности, которую легенда связала съ памятью о смерти Іереміа: западную границу Гесема Эберсъ (Durch Gosen zum Sinai, p. 73) простираетъ къ сѣверу до Таниса, къ югу до Гелиополя = Гермополя Филиппа.—Тѣло царя переносить въ Александрію, εἰς τὴν Ἀλεξανδρίαν (Карр, стр. 73), либо: εἰς τὴν Παλαιστίνην καὶ εἰς τὸ κάστρον τὴν Ἀλεξανδρίαν (ib. стр. 74), что отвѣчаетъ приблизительно опредѣленію славянскаго текста: „въ Іегупѣ велики въ Палестинской землѣ“. Надъ нимъ плачетъ Олимпиада, причитаетъ Роксана и, „парамахеръ (Карр, 75, греч. нар. кн. 186: παραμάχαρον) Алексѣй дровъ взявши и на нь налегши, врѣхъ Алексѣя оубоде се“. Птоломей и Филонъ положили ихъ тѣла въ золотомъ ковчегѣ, въ великомъ столбѣ, который сооружаютъ посреди Александріи, „идеже и до днѣсь тоу стоить“. Въ Александріи воцаряется Птоломей—„по смърти же Алексѣя дрове на четири ста царствія раздѣлише се и землк. И никому, о человеце, сы свѣтъ не боуди оу вѣкъ, да блюди се да не замѣнишь за покои трудъ“! (Нов. III, гл. 31).

Нельзя не призвать въ послѣдней части сербской Александріи, то-есть, въ разказѣ о смерти Александра, сознательной стройности плана. Александръ отказывается отъ борьбы съ Амазонками: побѣдитель мужей не желаетъ быть побѣжденнымъ женщинами—а въ бесѣдѣ съ Птоломеемъ говоритъ ему, что одна изъ нихъ въ состояніи его одолѣть (II, гл. 7). И женщина является впоследствии причиной гибели македонскаго героя. Замѣтимъ въ концѣ романа искусное накопленіе знаменательныхъ эпизодовъ въ одинъ и тотъ же день: Ври-неушъ замышляетъ убійство; приходитъ вѣсть о кончинѣ Іереміа, духовнаго руководителя Александра; эпизодъ о женѣ снова даетъ Александру поводъ высказаться о „женской злобѣ“; Дандарушъ и Ври-неушъ какъ бы нарочно сопоставлены передъ сценой отравленія.

Я попытался указать на художественныя стороны лишь одного небольшого отрывка сербскаго текста; но я полагаю, что и взятый въ цѣломъ, онъ смѣло можетъ стать на ряду съ прославленными Александриями запада, съ поэмой Лампрехта и Libro de Alejandro.

VIII.

Эти достоинства плана должны быть, разумѣется, вмѣнены подлиннику сербскаго текста. Что этотъ подлинникъ былъ греческій, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнiе сближенiе съ греческими, дошедшими до насъ пересказами Александрии того же типа. Къ подобному выводу уже раньше пришелъ г. Ягичъ, опираясь на гречизмы славянскаго перевода. Нѣкоторыя изъ его объясненiй упрочиваются либо видоизмѣняется при помощи отрывковъ, напечатанныхъ Каппомъ. См. у Ягича I. с. стр. 214: «терьѣха нѣкогко надъ ними постави а, етiарха б, етеринахарѣа т—, i to je grčka riječ etariárχης?»; у Новиковича, стр. 42 вариантъ т: етериархоу; Карр. р. 66: τὸν τερεάρχην (bis); греч. нар. книга стр. 62: ἐταριάρχης.—Jagić, I. с., объясняя темное выраженiе: подѣ ккпазѣмомъ коркодиловемъ (вар. хакизмомъ, хакизмомъ, кепазмомъ, кеназномъ; Jagić, Opisi I, 24. Нов. 33: вар. халкизмомъ)—указываетъ на греч. χαλκισμός; сл. Карр., 59: μὲ τοῦ κροκοδαίλου τὸ σκεπάσμα, и тамъ же: ἄλογα.... σκεπασμένα, μὲ ὀβόχρῶσα (?) σκεπάσματα ἕμορφα¹⁾.—Jagić I. с. (о городѣ, основанномъ Александромъ): „и нарекоше име его ѡсноносъ“ а, елiкардиѡсь еносилъ б, ѡснонос с, кнiькаръдиѡсь еносилъ т, еньградиѡсь еносисъ у, енкардинос носиса рудницаго текста, енкардиѡсь еносисъ болгарской рецензии (Jagić, Opisi, I, стр. 22), К. Вѣлозерск. сп. л. 62 л.: едино еносисъ—что должно означать: единни станакъ, единносрѣдни състанькъ, всесрѣдни станькъ, свесрѣди станькъ, въсесрѣди станокъ (Jagić, I. с. 247 и прим.; Opisi, I. с. 23; Нов., р. 37 и прим.); К. Вѣлос. сп.: сстанокъ. Г. Ягичъ толкуеть, несомнѣнно вѣрно: ἐγκάρδιος ἐνωσις, что подтверждаетъ и текстъ Карр'a р. 62, указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не онъ служилъ подлинникомъ для славянскаго переводчика: городъ названъ мiа хардiа, какъ и въ новогреч. нар. книгѣ; стр. 57.—Странное названiе для города: Филипусъ (Jagić р. 234), Филипоустъ (Нов. р. 21), не что иное какъ Асс. Plur. Φιλίππου; Карр. 54 εἰς τοὺς Φιλίππου; сл. 49 μὲ τοὺς Φιλίππου καὶ μὲ τὴν Φιλίππολιν.—Вѣнская рукопись позволяетъ намъ

¹⁾ „Коркодилова, *korcodilova* кожа встрѣчается не разъ въ описанiи вооруженiя; разумѣется, вѣроятно, не крокодилъ, а носорогъ, персид. *kerkodon*, арабск. *karkadan* (Zacher, Psendocall, стр. 158). Циты изъ кожи слона и носорога въ употребленiи у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

удалить изъ обращенія вкравшееся въ славянскій текстъ собственно имя: Нов., стр. 40: „и изнесоме кмоу вѣиць кстриве госпогк“; варианты вмѣсто кстриве: кхере, тежде, теhere (сл. Jag. 250); можетъ быть: ктере? Карр. р. 64: Βασιλίσσης ἐκείνης?

Въ словарѣ вѣнскаго текста попадаются, рядомъ съ реченіями славянскаго корня (прободѣω, р. 54, 69=Нов. 21 послю; ζαχόνα р. 58=Нов. 32 законы; βοηβοτάδες, р. 61=Нов. 36: воеводу), средне вѣковыя латинскія: πρωτοκαβαλλαρατοι 52=Нов. 15 витези; φοοάτο 5: и passim=Нов. 20 войско; σκουτάρια 53=Нов. 20 штиты; κάστρι passim; τὸ παγόνιου τὰ κτερά 63=ravonis, Нов. 39 паоуновоу ...περίη, Jag., 249 id.; и, несомнѣнно, италіанскія: μπαρμπούται р. 5 (barbuta)=Нов. 21 шлемови; τόρτζα 59 (torcia)=Нов. 38 свѣште; κοίβερτιομένα р. 65=Нов. 42 ккпазма (=σκέπασμα); τέντα 65=Нов. 4 шаторъ; φλορί 66=Нов. 32: златица; τάβλα 66=Нов. 42 трапеза Jag., 251 столъ; φαλτζία 67 (falsia); ζούστρα 71 (giostra).—Эти латинизмы и италіанизмы не совпадаютъ съ встрѣчающимися въ текстахъ сербской Александрии, особливо въ изданномъ г. Ягичемъ: таблица мештръ (р. 228; Нов. р. 12: на кседесь, ваг. кенъдосе, дьсде; дядо скаль), мештар (Jag., 222; Нов. 5: майстор), турнати се (Jag., р. 230 Нов. 15; сл. выраженія для башни: Jag., р. 242 у турне=Нов. р. 3 оу коулоу; Jag., 292 турне=Нов. р. 100 пиргове), балиштра (Jag. 241 ваг. банестра, чага. Сл. Нов. 29; К. Вѣл. л. 49 об. венетре Jag. Ор., I, 24 бенестра), вертуды (Jag., 244, Нов. 33 дѣйствиа), ба руни (Jag., р. 268; ib., 270=Нов. 67 властели), штенгати (Jag., 306 Нов. 119 крѣмати), шпия (Jag., 312=Нов. р. 135 на сходу), шка лина (Jag., 319=Нов. 135 степень) и друг. Италіанизмы рудницкаго текста, изданнаго г. Ягичемъ, должны быть отдѣлены отъ того явления, замѣченнаго нами въ греческомъ подлинникѣ, какъ фактъ болѣе поздній и мѣстный.

Особая соображенія вызываетъ географическій и личный словарь греческой повѣсти по отношенію къ ея славянскому переводу.

Ἀπὸ τὴν Ἐγκλιτέραν, Карр, р. 52=неглиторскій Нов., стр. 15 τῆς Ἐγκλιτέρας р. 61 (ново-гр. нар. книга, р. 55 εἰς τὴν Ἰγλητέραν)=Нов., р. 36 въ Неглиторви, Jag., 246: у Инглитеру. Загадочна „лакмиія“ (такъ въ лакмиахъ твоихъ конь чюдитъ роди се“ Нов. 13 Jag., р. 229: у свирепцахъ твоихъ, сл. Jag., р. 213) оказывается названіемъ мѣстности: Labinia (Карр, 54), ново-гр. нар. кн. стр. 1 εἰς τὴν Λακινίαν; Сивила Нов. 33, Jag., 244, (у Ягича: южская па рица) = Карр., 59: τῆς βασίλισσας τῆς Σοβιλίας (сл. Marsobilia=Св

знала италянскою народною поэмою ¹⁾. Когда Александръ является въ Римъ, его встрѣчаютъ вѣстители τῆς Ταροίας καὶ τῆς Λακεδαίμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως ἔθλον καὶ τῆς Πουλίας ἔθλον :ὀ ῤηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ἔθλοι (Карр, 58); греч. нар. кн. 48: τῆς Λακεδαίμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ἔθλον τὸ 'Ριακὸν (?=ῤηγάτον) καὶ ἡ Γόλθη sic) ἔθλη; Нов. 32: царь тракіиский и поуіиский и дамаіиский и 'отѣиский и тринаіиский; var. m: тракисци и лакемедоньсци и моуренсци и дальмацисци и трилисисци и поульсци; Jag., 248: цари тракиски и македонски и сићелииски и мурииски и пулииски и гонитански и тривалииски; а читаетъ (см. тракііискіе): кнези таръ-ииски.—Фригія: Φραγγία, Φρουχία, Φρουγγία; πρὸς τῆς Φραγγίας п. 62 Карр=Нов. 37 къ стране придіиской (=Jag. p. 248). См. мою замѣтку въ Южно-русскихъ былинахъ, V. p. 80—1; Φρουγία=Φραγγία, можетъ быть, какъ отзвукъ преданія о троянскомъ (фригіискомъ) происхожденіи Франковъ? Я высказалъ давно тому назадъ ²⁾ мнѣніе, что это преданіе, распространенное въ западной Европѣ со времени Фредегара (послѣ 658 г.), восходитъ къ какому-нибудь византійскому источнику. Фредегаръ разказываетъ намъ о царѣ Фригѣ, при которомъ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву Македонскаго царя, тѣснимаго сосѣдями. Въ благодарность за оказанныя услуги, они получили осѣдлость въ Македоніи, и еще лодвиги Филиппа и Александра Великаго продолжали служить свѣдѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ Троянъ, смѣшавшихся съ Македонянами. Между тѣмъ, главная часть Троянскаго народа, назвавшаяся, по имени короля, Фригіядами, потянулась по Азіи и Іліада, наконецъ, на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ Франсіо и назвалась Франками; другая осталась на берегахъ Дуная между Фракіей и Океаномъ и получила, отъ имени царя Turshot или Torquot, названіе Turci или Torqui.

Эта связь Фриговъ-Франковъ-Троянцевъ съ Македоніей и Александромъ Великимъ повторяется и въ эпизодѣ нашей Александрии: объ Александрѣ Македонскомъ, посѣщающемъ Фригію-Фраугію-Троаду и умиляющемся надъ гробницами троянскихъ героевъ,—хотя самъ онъ сродни Ахиллу. Такъ говорятъ ему филозофы, Менелай и Аристотель, Карр 65: ὁ 'Αχιλλέας καὶ ἡ βασιλεΐα

¹⁾ См. мою Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I, стр. 249.

²⁾ Новый взглядъ на Слово по Полю Игореву, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, августъ, стр. 297 и слѣд.

σοο εἶσταν ἐνοῦ πατρὸς, καὶ διὰ τῶν Ἑλλήνων τὸν θεὸν τοοσ τὸν Ἀμμὼν εἶσταν οἰοὶ καὶ ἡμεῖς οἱ δύο τιμηκώτερα θέλομεν γράφει τὰ ποιήματα σοο παρὰ τὸν Ὀμοφον τῆς Φραγγίας". См. Нов. 41: Се же слышав'ше философи (т : Менандръ и Аристоклей; рум. текстъ : Менандар и Ариштотил) и къ Алексен'дроу рекосе: великни царю Алексен'дре, Ацилеша, Пер'леоуша сынъ, по отъци брать ти ксть (рудн. текстъ: од Амона бога и Тетиде жене родил се е. И ти, Алексен'дре царю) отъ Амона бо бога и Олим'биади царице родилъ се кси, и по прилице яко единого отъца кста, да аште сьмрьть прилоучить ти се, о царю, бол'шими похвалами и подвиги царство твою наважемъ и похвалимъ, нежели въ Омири Фригінской и кл'ин'скихъ царь (рудн. текстъ: него Омвр придних царев и еленских витези. Придних—придінскихъ). См. Jagić, p. 250.—У Юлія Валеріа (Müller, Pseudocall. p. 48) приводится стихотворная генеалогія Александра отъ Эака, Ахилла и до Чагорус:

Hic Mōlossorum

Regni potitus auctor exstitit stirpis nostrae.

Интересно, что Менелай, названный въ славянскихъ текстахъ царемъ лакедемонскимъ (Нов. 38, Jag. 248), является въ греческихъ съ опредѣленіемъ ἐκ τῆν Μορέαν (Карр, 62; греч. нар. кн. p. 58). См. выше: тоѿ Μορέας=моурейски, мурийски. Въ особомъ пересказѣ троянской притчи, напечатанной Сырку, царь Сіонъ = Менелай, мужъ Егилуды = Елены, царитъ въ Аморин, Амореѣ, Мореѣ, гдѣ властвуетъ и его братъ, Іогъ¹⁾; Морея греческой Александрии осложнилась воспоминаніемъ о библейской Амореѣ.

Имена старой троянской Саги, пересказанной въ эпизодѣ Александрии (въ греч. текстѣ): Ἑλένη, Μενελάος, Πριάμος, Ἀχιλλεύς и др.—сохранены въ обычной греческой формѣ, какъ и цѣлый рядъ другихъ. Но рядомъ съ этимъ являются странныя написанія: Καταρχοῦσης (Карр, p. 54, 71; новогреч. вар. кн. Καταρχοῦσης p. 33)=Нов. p. 21 Кан'дар'хоушь, 70 Карданьвоушь, Jag. 235 Кандаркус, 272 Кандракус;—Ἀρχηδοῦσης, p. 55=Нов. p. 25 Кархидонъ, Jag. 238; Πολοκρατοῦσης p. 55=Нов. 25 Полоукратоушь, Jag. 238; Καλιστερνοῦσης p. 52=Нов. p. 15 Калистеноушь, Jag. 230; Ἀρισθανοῦσης p. 71=Нов. p. 70 Ариз'вар'нь, Jag. 272; Βριονοῦσης p. 72=Врикноушь, Вривеушь, Врионушь Нов. p. 148, Jag. 326; Сугус: род. надежъ тоѿ Κηρίσοо (Карр, 49), сыноу Куроу-

¹⁾ См. мой отчетъ объ издавнѣхъ г. Сырку въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., январь, p. 76—77.

овоу (Нов. стр. 1). — Я не иначе объясняю себѣ эти формы, какъ латинскимъ, либо романскимъ прототипомъ греческаго подлинника, которому могли принадлежать и такія имена, какъ Караторъ, Минерва, и такія, какъ: *Candargchus, *Polycratus, *Callisthenus, *Brionus (?). Сл. Febusso : Breusso въ старо-италианской поэмѣ того же имени; собственныя имена въ Intelligenza: Bucifalasso, Erculesse, Accilles и Accillesse, Detes и Oettesse, Ulissesse, Elinusso и др. Греческому переводчику принадлежать окончанія на ης: Candargchus—ης, Policratus—ης и т. п., что сохранила греч. народная книга: Βρωνοόης, Λευκαδοόης, тогда какъ лавянской текстъ представляетъ: Вринеушь, Врикноушь, Левкадоушь; румынскій: Vreonus, Leucadus ¹⁾. Ясно, что въ подлинникѣ лавянскаго перевода и зависимаго отъ него румынскаго, это искаженіе еще не совершилось: Врикноушь, Левкадоушь, какъ Меллаоушь (Нов. 62, Jag. 248)=Menelaus, Μενελάος, Карр, 62; Прѣльмоушь, Прѣмоушь, Приамушь (Нов. 38, 39; Jag. 249)=Priamus, Πριάμος, Карр, р. 63; *Candargchus=Кандархоушь; *Polycratus = Поликратоушь и друг.; лат. конечное *z* передается через *s*, *m* (Поликратоушь; Ацилешъ Нов. 38, Jag. 249=’Αχιλλεύς, Карр, 63) и *u* (Парижъ Нов. 38, Jag. 248=Πάρις, Карр, 63); по аналогіи (?): Глѣноуша Нов. стр. 38, Елена Jag. 248=’Ελένη, Карр, 62, какъ и отъ Helenus? См. Кашантуша (Xanthus), Веноуша (Venus), Тетиса (Thetis) въ Троянской притчѣ, стоящей на одномъ уровнѣ съ сербской Александріей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастике. Сл. арматосати, фарижь, хоро,—и тента, кагель, габилота;—us,—es,—is,—as: Прѣймоушь, Меллаоушь, Теоушь (и Тебоухъ); Нептенабоушь = Nertupus, при чемъ повліяла, вѣроятно, память о Νεκτέναβος Александріи, въ сербск. текстѣ: Нектеавъ; Анцидешъ, Ацилешъ; Парижь, Калкашь и друг.—Г. Ягичъ указалъ мнѣ въ южнославянскомъ переводѣ Григорія Двоеслова (рек. III вѣка Имп. Публ. Библ.) форму: адвокатоушь=advocatus.

Заключу указаніемъ на одно загадочное для меня выраженіе, свѣщающее отчасти исторію славянскихъ переводовъ Александріи. Въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои вѣнскій текстъ (не одержанный въ данномъ случаѣ греч. народн. книгой) переходитъ къ гибели столькихъ героев изъ за одной жены къ общимъ воспоминаніямъ (Карр, 63): ὁ κρεκάροος μας ’Αδάμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη

¹⁾ Gaster, 1. с. р. 25; см. р. 13; въ спискѣ г. Смыку: Вревшнуш (Фекъдуш).

τῆς τροφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμφῶν ὁ θαυμαστός καὶ ἀνδρειωμένος διό γυναικα κικῆ ἐχάθη, ὁ Σολομῶν ὁ θαυμαστός καὶ πανφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναικα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸ βασιλέα καὶ ἐξέπεσε. Какому это Адану послѣдовалъ Соломонъ? Преданія о послѣднемъ не отвѣчаютъ на вопросъ. Тотъ же царь Аданъ или Анданъ, на этотъ разъ безъ связи съ Соломономъ, встрѣчается въ греч. народн. книгѣ, въ эпизодѣ, недостающемъ въ вѣнскомъ текстѣ. Въ бесѣдѣ съ Александромъ Эвантъ говоритъ ему (р. 118): Ἀλέξανδρε ὀλοῶν ἢ κεφαλῇ, ὅταν θέλεις πάραι τὸν κόσμον ὅλον, θέλεις ἀκολουθήσει τὸν Ἀντάνην, что болгарская нар. книга передаетъ дословно: ще наслѣдитъ Андана. Старый сербскій текстъ переводитъ въ первомъ случаѣ: пръвѣк бо Адамъ женою прѣльштени бысть и паде, великын и крѣп'кын Самп'сонъ женою погибе, и прѣмоудрын въ чловѣцѣхъ Соломонъ жены ради адъ наслѣдиди (Нов. р. 38, Јаг. 249); во второмъ: радуи се вьсѣхъ главъ главо кгда бо вьсь примени мирь, и своко кь тому не видиши отьчства; нъ кгда земльнаа вьса приобрѣштени, тогда и ада наслѣдиди (Нов. 86, Јаг. 283). Ἀκολουθεῖν τὸν Ἀντάνην переведено: ада на-слѣдити; созвучіе несомнѣнно; но съ какой стороны было недоразумѣніе—вотъ вопросъ.

Въ предыдущемъ разборѣ источниковъ того типа Александринъ который я продолжаю называть сербскимъ, я не разъ обращался къ Псевдокаллисеену С, какъ къ такому тексту, къ которому всегдѣ ближе примыкаетъ интересующая насъ редакція (=с'). Мнѣ кажется теперь можно точнѣе опредѣлить исторію и пути ея развитія. Греческій источникъ сербской рецензій, очевидно, не непосредственно работался на греко-византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдокаллисеена С; послѣдовательное употребленіе романизмомъ и латинскій обликъ собственныхъ именъ указываютъ на посредство или влияние какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ *Historia de praellis* ¹⁾, пересказанной по-гречески, какъ пересказанъ былъ, по одной изъ позднѣйшихъ европейскихъ передѣлокъ, византійскій романъ о Floire и Blanceflor, утраченный въ подлинникѣ, но сохранив-

¹⁾ Еслибы въ латинскомъ или романскомъ текстѣ авторъ сказалъ намъ что Александръ—имя греческое и такого-то значенія, мы нашли бы это вполне естественнымъ; въ написанномъ первоначально по гречески такое толкованіе невольно поражаетъ. Сл. Карр, 49; ἐκονόμασαν τὸ ὄνομα... Ἀλέξανδρον βραβικά Нов. стр. 2; и нарече же ему Александръ, по греческому языку глаголетъ с набранъ мужь.

иіся въ старо-французской поэмѣ. Старые греческіе и византійскіе отрывы и повѣсти, унесенные на Западъ, возвращались на родину въ ономъ освѣщеніи. Взятіе Латинянами Константинополя (1203 г.), открывшее пути западному литературному вліянію, взятіе Даміэтты (1220 г.), обновившее память мѣстныхъ преданій о пророкѣ Іереміи, грающемъ столь видную роль въ сербской Александріи—таковы этніи а quo сложенія и греческаго пересказа ея подлинника. Другую хронологическую грань представляютъ списки старо-славянскаго еревода, восходящіе къ XV вѣку; въ XIV—XV вв. могъ быть сдѣланъ и самый переводъ, что отнесло бы время составленія греческаго подлинника къ XIII—XIV столѣтіямъ.

Нѣкоторыя подробности могли бы дать поводъ къ ближайшему хронологическому опредѣленію. Я разумѣю эпизодъ о Куманахъ, ойна противъ которыхъ составляетъ одинъ изъ первыхъ бранныхъ одвиговъ Александра. Куманы сербской Александріи замѣнили собою киевовъ Pseudocall. C; греческіе тексты (вѣнскій и ново-греческая одна книга) присоединяютъ къ Куманамъ еще и Сакулатовъ (вѣнскій текстъ: Сакулаты=Сколоты—царскіе Скивы?) и Аламановъ, οἱ Κομάνοι ἢ Ἀλαμανίαις (греч. нар. кн. стр. 44), то-есть, какъ я толкую, изъ Аламаніи, какъ называли страну Кумановъ арабскіе писатели.—Новиковичъ (I. с. стр. XXVI) видитъ въ имени Кумановъ хронологическое предѣленіе: Куманы могли попасть въ нашъ текстъ лишь въ XIII вѣкѣ, тогда, удалившись изъ Валахій и Молдавіи передъ напоромъ Татаръ, они поселились въ западной Болгаріи и сѣверо-восточной Македоніи. Говоря такимъ образомъ, Новиковичъ имѣлъ въ виду исключительно славянскіе тексты Александріи, ища въ нихъ отраженія вѣстныхъ историческихъ отношеній, тогда какъ они извѣстны и греческому подлиннику, предполагающему иные интересы. Кромѣ того, куманы сербской Александріи являются не осѣдлыми гдѣ-нибудь по извести, а нападающими съ „сѣверной стороны“. Извѣстны ихъ маждебныя отношенія къ Византіи, окончившіяся ихъ окончательнымъ пораженіемъ въ 1095 году при Малой Никее подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя Комнина, послѣ чего они изъявили готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору—какъ Куманы, пораженные Александромъ, принимаютъ отъ него царя и даютъ ему вспомогательное войско.

Другимъ terminus a quo, нѣсколько загадочнымъ, является „троскій“ эпизодъ нашей Александріи. Александру показываютъ древня памяти павшихъ подъ Троею героевъ, причемъ вкратцѣ говорятъ ооxxxу, отд. 2.

рится и о нихъ самихъ. Убіеніе Ахилла Парисомъ-Александромъ указываетъ на Дарета и Диктиса, вѣроятно, на какой-нибудь посредствующій источникъ, изъ него заимствованный и ближе пока не опредѣлимый (сл., между прочимъ, средне-греческую Ахилліаду изд. Саеой и Вагнеромъ). Интереснѣе слѣдующія выраженія въ исаго текста, (Карр, 63: ἤφρασαν καὶ τῆς Βρουσιᾶδος τὸ μαντεῖο δλο μὲ χρουομάργαρον πολλὰ τετραήμερο, ὅπου ἐξίστη πάσα ἀνθρώπος ἀπὸ τῆ ἐμορφᾶδα ὅπου εἶδεν, ὅπου ἀγάπα ὁ Τροῖλος τοῦ Καλκᾶ τῆς θυγατρὸς. О любви Троила и Бризенды говоритъ впервые въ половинѣ XII вѣка Benoit de Sainte-More; послѣ него и по его слѣдамъ Guid de Columna въ своей Historia destructionis Trojae (оконч. въ 1287 г. Непосредственно за приведенными словами слѣдуетъ въ вѣнскомъ спискѣ: καὶ ὁ Ἀχιλλεύς ὁ θαυμαστός ἐσκοτώθη διὰ τὴν θαυμαστὴν Πελοῦσινην εἰς τὸν ναὸν τοῦς, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. В соотвѣтствующемъ отрывкѣ славянскаго перевода Троила вовсе не упомянуть, и вмѣсто Бризенды является Кассандра: „Изнесоме мю на иконѣ написанъ образъ Минерве кралице (т. господе Минервы) на нѣ възирашти тронскаго краля дъшти (т. Кашандра) вѣса кльинскаа Троию градоу прилоучша се разоумѣваше (т. вѣса елика о Трои прорече). И изнесоме мюу крзьно Поликсеник госпожк, дъштере краля Црѣмоуша, коже прѣстеноваль бѣше Ацилешь Пер леоушевики, кгда од Грькь отвьрже се, и къ Трои пристоупи, коже оубише братіа въ полат на вечери лоукавствомъ; т. и тоу его оубише братіа ее съ доукавствомъ на вери въ храмѣ Аполона трьнога дельфильскога, оубже его Александръ и Дивоушь (сл. Нов. кн. I, гл. 24, стр. 39) Jag. I. с. стр. 249: и ту га убише братѣ не Париж и Дивуш влхавством у прикви Аполона Пебуша, на вери Приамуша краля Сл. Daretis Phrygii, De excidio Troiae historia, ed. Meister, XXXIV Ахиллъ убитъ Александромъ-Парисомъ in fano Apollinis Thymbraei (слав. трьнога?); у Диктиса (Dictys Cretensis, ed. Meister, X—XI мѣстность та-же, но въ убіеніи Ахилла участвуетъ, кромѣ Александра, и Денфобъ (слав. Дивуш?).

Въ описаніи троянскихъ воспоминаній и старинъ, которыя пока зываютъ Александру, славянскій текстъ подробнѣе и связнѣе въ исаго, особенно неяснаго въ отрывкѣ, нами приведенномъ. Очен можетъ быть, что въ подлинникѣ славянскаго перевода не было по дробности о любви Троила и Бризенды, либо что послѣдній эпизодъ выпалъ послѣ упомннанія Кассандры, что представляется мнѣ невѣроятнымъ.

Страннымъ въ нашей гипотезѣ о западномъ источникѣ греческаго подлинника сербской Александрии представляется то обстоятельство, что до сихъ поръ между европейскими пересказами романа не встрѣглось ни одного съ характерными признаками нашей редакціи. Что въкоторыя изъ ея отличительныхъ признаковъ извѣстны были и на Западѣ, я склоненъ заключить изъ слѣдующихъ указаній. Въ старопечатномъ французскомъ романѣ объ Александрѣ о немъ говорится, что при построеніи Александрии онъ велѣлъ перенести сюда изъ другой мѣстности Египта останки св. Иеронима и поставить на городской стѣнѣ съ той же цѣлью, которой служатъ и мощи Иереміи въ эпифаніевской легендѣ и сербскомъ романѣ. Для меня несомнѣнно смѣшеніе: Jérôme и Jérémie. Болѣе значенія я готовъ придать роману объ Ugo d'Alvernia, отрывокъ изъ котораго мы сблизили выше (см. IV гл., стр. 192—194) съ соотвѣтствующими эпизодами сербской Александрии и Макаріева житія. Я не далекъ отъ предположенія, что авторъ утраченнаго французскаго подлинника, изъ котораго пошли знакомые намъ франковенеціанскіе и тосканскіе тексты, имѣлъ передъ собою какую-нибудь христіанизованную Александрію, въ родѣ той, какую предполагаетъ легенда о Макаріи. Мы видѣли выше, что ея чистилищныя видѣнія (сл. эпизодъ о райскихъ птицахъ) и земной рай лежатъ по ту сторону столба, поставленнаго Александромъ: иноки видятъ его, ступая въ область чудесъ и не минуютъ, выходя изъ нея. Въ Ugo l'Alvernia Андреа da Barberino распределеніе нѣсколько иное; но интересно-двойное появленіе столба съ надписью: въ первый разъ на границѣ земнаго рая (сл. выше 1-ю статью, гл. IV, стр. 193, и ed. Zambrini e Vaschi Della Lega, v. II, p. 36) и вторично передъ входомъ въ область ада, при чемъ Уго говоритъ: „Sarei io venuto dove fu Alessandro magno? certo sì, quelle lettere credo che dichino, che alcuno non vadia più innanzi“. Онъ находитъ „quattro mostri e uccelli. Questi feciono grande danno a Alessandro e sua gente (ibid., I, p. 66—67). Страна чудесъ, гдѣ Уго находитъ и земной рай, и мученія ада, локализована въ Египтѣ; но путь, по которому онъ добивается туда, у Андреа da Barberino несомнѣнно спутанъ: изъ Рима въ Апулію и Калабрию, затѣмъ моремъ въ Attene, оттуда въ Іерусалимъ и—въ Ливію. Весь военный эпизодъ объ Іерусалимѣ (I. c. v., стр. 145—174) представляется мнѣ повдвѣйшей вставкой: первоначально путь могъ идти изъ Апуліи въ Танисъ: Attene изъ а Tene, м. Tenez провансальскаго текста о взятіи Даміаты; оттуда—въ Ливію. И. надписаніе гл. XIV: come Ugone si parte dal Para e trova una

galea, passata la Puglia, per ire Atena (I. c. I, p. 137); въ текстѣ in Attene, verso Attene и т. д.. Тавиць—мѣсто, освященное памятью Іереміи, гонящаго змѣй и чудовищъ; въ этой связи я обращаю вниманіе на одинъ эпизодъ романа, находящійся въ другой его части Уго, преслѣдуя невиданное чудовище, скрывающееся отъ него въ море восклицаетъ: Per santo Geremia, che se io ti posso giungere, ch'io t' menegò con meso (I. c. II, стр. 48). Совпаденіе, едва ли случайное и получающее особое значеніе въ связи съ другими мотивами Александровой саги, указанными нами въ романѣ.

Но возвратимся къ сербской Александріи.

Для опредѣленія мѣстности, гдѣ составленъ былъ славянской переводъ, важны въ особенности личныя имена на-оушь =лат. us встрѣчаясь въ группѣ памятниковъ (Сербск. Александрія, Троянская притча, Григорій Двоесловъ), они указываютъ на установившійся приемъ, грамматическую манеру—и возможность западнаго вліянія. Что до остальныхъ латинизмовъ и романизмовъ текста, то для рѣшенія о его древнемъ характерѣ они важны лишь въ тѣхъ случаяхъ когда совпадаютъ другъ съ другомъ въ различныхъ его спискахъ. Сопоставленія, предложенныя нами выше, указываютъ, что списки здѣсь наиболѣе расходятся: мештаръ (Jag. 222), майстор (Нов. 5) Кир. Бѣл. сп. л. 23 об.: волхвъ; баруни (Jag. 268, 270), властели (Нов. 67), волможи (Кир. Бѣл. л. 95 об.), вельмжжѣ (Jag. Opisi: II, p. 22); balistra, balestra сохранилось, съ искаженіями, въ цѣломъ рядѣ списковъ.—На шпину хodeh (Jag. 312) на сходу (Нов. 125), на посолства ходиши (Кир. Бѣлос. л. 164 об.) и т. д. Иные италянизмы рудницкаго текста могутъ принадлежать позднѣйшему переписчику, но отсутствіе ихъ въ известныхъ случаяхъ можетъ быть и слѣдствіемъ замѣны однимъ реченіемъ другого, менѣе понятнаго. Такое подновленіе касалось и другихъ сторонъ лексигона и шло параллельно съ искаженіемъ текста, казавшагося темнымъ. Въ томъ и другомъ отношеніи Кириллобѣлозерскій списокъ XV вѣка представляетъ убѣдительные образцы. Сл. Карр, 4: σὸνορίτης=Нов. 3 краишѣникъ (Jag. 221)=КВ: 21 л. вѣстникъ.—Нов. 4: Нектанебъ ,въ полатоу царскоу вышьдъ вльшьбноуу лека номать (λεκανοράντεια) начеть творити, златоу роукомию водналивъ* (Jag. 222)=КВ. л. 22 об.: внидѣ в полатоу волшебноюу декомантїю терти начать златоуу, роусимею рекше локанъ наливъ води.—Нов. 8: Нектанебъ говоритъ Олимпіадѣ: пождавши махдондеже небесние планите на оустави станоуть и стихие прѣстоу-

ланъ, цара царемъ родниш; Jag. 225 докле небеске планите на уставу стану истмих преступани (vag. b: прелети небески на уставу стану гихне приступа); КВ. л. 23 об. Ябнїи планити стануотъ оустѣхвѣ и тихнетъ (sic). — Нов. 11: дидаскаль, Jag. 227 учител, КВ. 29 об. оучитель.—Нов. II: фернире Алексендре, Jag. френире = φρενίρης сл. Jag. 213), КВ. л. 29 об.: господине.—Нов. 13: въ акиміахъ, Jag. свирепицах; КВ. л. 30 об. стадехъ.—Нов. 17: накарады, Jag. 232 накарате (nacchere), КВ. 35 об. органы и т. д.

Передъ нами исторія искаженія текста, являющаяся въ то-же время и исторіей его движенія съ юга на сѣверъ, съ попытками мѣстнаго, народнаго приуроченія. Потому же пути послѣдовала, вѣроятно, и сказка о Бовѣ Королевнѣ.

Дополненія къ первой статьѣ, стр. 156—157: Разказъ Элиада о козлѣ Дана въ Деіопіи и о Веле-Мосче подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, свѣдѣніями о современныхъ абиссинскихъ Falascha, исповѣдующихъ еврейство (сл. Richard Andree, Zur Volkskunde der Juden, p. 81—8). Они по преимуществу земледѣльцы, но знакомы и съ ремеслами и нерѣдко поступаютъ оброчельно въ абиссинское войско. Точно исполняя правила очищенія и соблюдая субботній день строже другихъ евреевъ, они не придаютъ большого значенія праздничнымъ днямъ и жертвоприношеніямъ и не имѣютъ никакого понятія ни о Мессіи, ни о Талмудѣ. Ихъ этническое названіе Falascha означаетъ: пришельцы; другое: Каїла—не переходы, то-есть, черезъ рѣку, чего они никогда не дѣлаютъ въ субботній день. Искаженіе—ли источникъ повѣрья о рѣкѣ Саббатіонъ?

Къ стр. 180. Восточное преданіе о дѣтахъ Онеа см. у D'Herbelot, Biblioth. Orient. II; 117: Зная отъ Адама о благѣ, которое онъ вкушалъ въ емномъ раю, дѣти Онеа, удалились на гору Эрмонъ, гдѣ и проводили жизнь съ дѣломудрїи и страхъ Божиимъ, отчего ихъ и прозвали сынами Божиими. Отъ нихъ ведетъ свое начало монашество; позднѣе, впавъ въ искушеніе, они оединились съ дочерями потомства Каина; съ тѣхъ поръ они снмвуть ечестивыми.

Александръ Веселовскій.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Воярская дума древней Руси. В. Ключевскаго. Изданіе второе. Москва. 1883

Книга эта принадлежит къ числу замѣчательныхъ сочиненій по русской исторіи, вышедшихъ за послѣдніе годы; занимательности предмета, обширная ученость автора и особенность многихъ его воззрѣній даютъ ей видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Авторъ избралъ темой для своего изслѣдованія предметъ очень важный, хотя и мало до сихъ поръ разработанный, и сумѣлъ развити эту тему съ рѣдкимъ историческимъ талантомъ. Къ тому же авторъ не ограничился собственно думою, но касается и многихъ другихъ вопросовъ русской исторіи, не имѣющихъ примаго отношенія къ предмету его изслѣдованія. Все это придаетъ труду г. Ключевскаго особенную цѣну и дѣлаетъ его заслуживающимъ внимательнаго разбора ¹⁾. Приступая къ этому, мы считаемъ нужнымъ предупредить

¹⁾ Первоначально сочиненіе г. Ключевскаго печаталось въ журналѣ *Русская Мысль* (1880—1881 гг.), и на введене и первыя три главы помѣщеннаго здѣсь изслѣдованія появилась рецензія г. Владимірскаго-Буданова въ «Сборникъ государственныхъ знаній» (т. VIII). Г. Ключевскій отвѣчалъ Владимірскому-Буданову (*Русская Мысль* 1881 г., кн. 1). Въ 1882 году изслѣдованіе г. Ключевскаго вышло отдѣльною книгою, а въ 1883 появилось уже вторымъ изданіемъ. Изданно отдѣльною книгою, сочиненіе г. Ключевскаго во многомъ развито отъ изслѣдованія его, помѣщеннаго въ *Русской Мысли*. Кромя статьи г. Владимірскаго Буданова, сочиненіе г. Ключевскаго вызвало небольшія замѣтки гг. Яковайскаго и Иконникова (*Русская Старина*, 1882 г., декабрь), а г. И. В. передалъ содержаніе «Воярской думы» въ журналѣ *Историческій Вѣстникъ* (1883, январь).

то остановимся преимущественно на тѣхъ отдѣлахъ сочиненія Ключевского, гдѣ онъ говоритъ собственно о боярской думѣ.

Нельзя не пожалѣть, что г. Ключевскій не предпослалъ своей книгѣ обзора источниковъ и литературы своего предмета. Мало этого: автора ни слова не сказано о прежнихъ писателяхъ, которые трудились надъ даннымъ предметомъ. Мы нигдѣ не найдемъ у него (даже упоминанія, даже простого перечня сочиненій, въ которыхъ говорится о боярской думѣ. Правда, если не считать сочиненія г. Захарьина („Исторія права Московскаго государства“, выпускъ второй: „Дума боярская“), до настоящаго времени мы не имѣли спеціальнаго изслѣдованія о боярской думѣ; но отсюда еще не слѣдуетъ, что тотъ предметъ совершенно не былъ затронутъ нашею литературою. Ключевскій въ своемъ сочиненіи излагаетъ исторію боярства, а боярство, какъ извѣстно, имѣетъ у насъ довольно богатую, хотя и стривочную литературу. Только въ двухъ-трехъ мѣстахъ мы встрѣаемъ у г. Ключевского опроверженіе мнѣній прежнихъ или современныхъ изслѣдователей, да и эти рѣдкія исключенія авторъ допустилъ въ свою книгу какъ будто не хотя. А между тѣмъ г. Ключевскій затрогиваетъ въ своемъ сочиненіи такіе вопросы, относительно которыхъ были высказаны самыя противоположныя мнѣнія. Такъ, напримеръ, авторъ утверждаетъ, что подъ „старцами градскими“ нужно разумѣть городскихъ военныхъ старшинъ; но убѣдятся ли въ этомъ изъ его книги всѣ тѣ, которые считаютъ ихъ стариками, земскими боярами и т. д.? Едва ли. Въ разбираемой нами книгѣ едва сдѣланъ намекъ на то, что нѣкоторые считаютъ „градскихъ старцевъ“ социальными, если не генеалогическими потомками тѣхъ царьковъ или миларховъ, о которыхъ упоминаютъ византійскіе писатели. Далѣе, вторъ, по нашему мнѣнію, правъ, относя начало торговли Славянъ къ иноземцами къ до-варяжскому періоду,—правъ, конечно, съ важными оговорками относительно развитія и значенія этой торговли. Но что скажутъ тѣ, по мнѣнію которыхъ внѣшняя торговля у насъ авязалась лишь съ призваніемъ князей? Вѣдь въ книгѣ г. Ключевского не только не упоминается о ихъ доводахъ, но и самыя доказательства, приводимыя авторомъ въ пользу своего мнѣнія, вызываютъ съ ихъ стороны кое-какія возраженія. Относительно вопроса—какія условія требовались для полученія званія боярина, были указаны два мнѣнія: одни утверждаютъ, что боярство обязано своимъ происхожденіемъ не пожалованію, а естественному преобладанію ольшихъ людей, словомъ — боярство было лишь фактическимъ со-

стояніемъ; другіе, напротивъ, держатся того мнѣнія, что боярствъ жаловалось. Къ послѣднему мнѣнію присоединяется и г. Ключевскій и въ подтвержденіе своего взгляда приводитъ извѣстныя слова Владимира Мстиславича: „а се будутъ мои бояре“. Но это мало, и доводы, приводимыя сторонниками перваго мнѣнія, отъ этого нисколько не пошатнулись. Возьмемъ еще вопросъ о причинахъ паденія Московскаго боярства. Паденіе бояръ обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что ихъ старинныя права шли въ разрѣзъ съ тѣми цѣлями, къ которымъ, начиная съ Іоанна III, стремились Московскіе государи, вслѣдствіе чего между обѣими сторонами завязалась борьба, изъ которой побѣдителями вышли Московскіе государи. Такого мнѣнія держатся напримѣръ, гг. Костомаровъ, Вѣляевъ, Загоскинъ и другіе. Г. Ключевскій иначе объясняетъ, почему боярство пало, и автору слѣдовало бы указать и опровергнуть доводы, которые приводятся означенными учеными въ подтвержденіе своего мнѣнія, такъ какъ безъ этого все такъ трудно рѣшить, чье объясненіе удовлетворительнѣе. Чтобы отвѣтить на тѣ вопросы, относительно которыхъ въ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, г. Ключевскій допустилъ въ своемъ сочиненіи не мало догадокъ. Но относительно тѣхъ же вопросовъ были высказаны догадки и другими учеными, и въ этомъ случаѣ автору слѣдовало упомянуть о нихъ и указать, почему онъ считаетъ эти догадки не основательными. Почему, напримѣръ, мы должны считать справедливымъ мнѣніе г. Ключевскаго о „боярцахъ“, а не мнѣніе Карамзина. Почему слѣдуетъ согласиться съ авторомъ, что „погосты“ были центрами торговли („гостыбы“), а не мѣстами княжеской стоянки („погостить“) для суда и сбора дани, какъ предполагаютъ другіе ученые. На какомъ основаніи должны принять объясненіе г. Ключевскаго, а не Соловьева, о покореніи городовъ Олегомъ (одни города подчинились добровольно, для подчиненія другихъ пришлось вести упорную борьбу)? Когда-то Погодинъ сдѣлалъ упрекъ молодымъ ученымъ, что они „не обращаютъ никакого вниманія на чужія мнѣнія о предметахъ ихъ разсужденій: какъ будто бы ихъ и не было, и какъ будто они начинаютъ только говорить о предметахъ, пропущенныхъ ихъ предшественниками“. Этотъ же упрекъ можно сдѣлать и г. Ключевскому. Судя по его книгѣ, можно бы подумать, что, кромѣ г. Ключевскаго никто и не касался тѣхъ вопросовъ, которые авторъ изслѣдуетъ въ своемъ сочиненіи.

Невниманіе г. Ключевскаго къ предшествовавшей литературѣ по занимающему его вопросу тѣмъ болѣе поражаетъ читателя, что въ

книгѣ нашего автора находится много посторонняго матеріала, не имѣющаго отношенія къ предмету изслѣдованія, и много очень подробныхъ объясненій и гипотезъ по вопросамъ, которые уже давно выяснены въ наукѣ. Мы не будемъ сѣтовать на г. Ключевского за то, что онъ такъ подробно останавливается на вопросахъ гдѣ засѣдала дума въ Москвѣ и въ какое время происходили эти засѣданія, хотя эти вопросы довольно подробно разработаны г. Загоскинымъ, не будемъ сѣтовать потому, что это непосредственно относится къ предмету его изслѣдованія. Но зачѣмъ, напримѣръ, автору понадобилось такъ подробно доказывать, что въ удѣльное время въ сѣверо-восточной Россіи княжеское владѣніе сложилось по типу частной земельной вотчины, представляя собою смѣшеніе правительственныхъ и частныхъ правъ, державныхъ и вотчинныхъ? Это положеніе уже давно мастерски разработано Соловьевымъ въ его сочиненіи „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“. Автору достаточно было просто сослаться на это сочиненіе. Какая также была надобность подробно останавливаться на причинахъ происхожденія удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія, установившагося въ XIII—XV вв. въ сѣверо-восточной Россіи? Авторъ доказываетъ, что эти причины были не генеалогическія, а географическія и этнографическія. И эта мысль давно въ ходу, хотя впрочемъ г. Ключевскій первый рассматриваетъ эти причины весьма подробно, отчетливо и со всѣми своими необходимыми послѣдствіями.

Наконецъ, въ числѣ общихъ недостатковъ сочиненія г. Ключевского нельзя не замѣтить еще одного, именно, что у автора проглядываетъ иногда желаніе натянуть факты по извѣстной готовой мысли, истолковать ихъ какъ-нибудь особенно. Въ жертву любимой мысли отдается все: одни факты забываются, другіе перетолковываются по своему, въ доказательство приводятся извѣстія, которыя могутъ быть понимаемы такъ или иначе, и т. д. Примѣры этихъ натяжекъ мы представимъ ниже, въ частномъ разборѣ отдѣльныхъ частей его сочиненія.

I.

Ближайшими правительственными сотрудниками князя, съ которыми онъ совѣтовался о дѣлахъ военнаго и земскаго управленія, были бояре. Послѣ принятія христіанства подлѣ князя являютя новые совѣтники, епископы. Рядомъ съ боярами и епископами въ со-

ставъ думы Владиміра присутствовалъ еще третій элементъ—старцы градскіе, которые упоминаются въ разказѣ начальной лѣтописи еще раньше принятія христіанства княземъ. Что это за старцы? Чтобы отвѣтить на этотъ любопытный и недостаточно изслѣдованный вопросъ, г. Ключевскій обращается къ исторіи нашего древняго города.

Въ VII и VIII вв., говоритъ онъ,—совершилось передвиженіе Славянъ съ Карпатскихъ горъ на сѣверо-востокъ къ Днѣпру. Въ то же самое время (съ конца VII в.), на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ, утвердилось владичество Хозарской Орды, которому и подчинились Славяне. Хозарская столица на устьяхъ Волги стала сборнымъ торговымъ пунктомъ. Днѣпровскіе Славяне рано втянулись въ торговые обороты. Къ VIII в. надо отнести возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси: Ладоги, Новгорода, Смоленска, Любеча, Кіева, Переяслава южнаго, Чернигова и Ростова. Возникавшіе по преимуществу на главныхъ торговыхъ путяхъ по большимъ рѣкамъ, древніе города постепенно выросли въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Но въ первой половинѣ IX в. изъ-за Волги, сквозь хозарскія поселенія, проникаютъ къ Днѣпру Печенѣги. Они отрѣзываютъ Днѣпровскую Русь отъ приморскихъ рынковъ, куда собственно и направлялись Русскіе съ своими товарами. Лишившись безопасности, какою пользовались днѣпровскіе города до этихъ поръ, они становятся на военную ногу, вооружаются, чтобы защитить себя и свои торговые пути отъ новыхъ обитателей степей. Переходъ на военную ногу, вынужденный внѣшними обстоятельствами IX в., сдѣлалъ большіе промышленные города политическими центрами областей. Такое политическое значеніе, въ свою очередь, создало въ большихъ городахъ новый правительственный классъ. Вооруженіе города, оборона торговыхъ путей, расширеніе области и укрѣпленіе власти надъ нею, все это создало большому правительственному городу много заботъ. Все это были дѣла правительственныя; но они были тѣсно связаны съ торговыми оборотами, и потому руководителями ихъ прежде всего стали люди, въ чьихъ рукахъ сосредоточивались эти обороты. Одно внѣшнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усиливъ его пришлымъ элементомъ. На сѣверѣ поселенія Славянъ появились новые пришельцы, Норманны. Они появились на Волковѣ больше для того, чтобы отсюда Днѣпромъ проникнуть въ Византію. На этомъ пути Варяги встрѣчали большіе города, военно-торговныя нужды которыхъ доставляли имъ выгодныя занятія. И значительная часть ихъ осаживалась,

а сходство занятій и интересовъ сближало пришельцевъ съ туземными руководителями промышленности по большимъ городамъ. Такимъ образомъ правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговныя дѣла областныхъ городовъ, составилъ изъ двухъ элементовъ: изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Этотъ классъ взялъ въ свои руки управление городомъ и его областью и создалъ въ большихъ городахъ то военно-промышленное управление, которое много вѣковъ оставалось господствующимъ типомъ городского устройства на Руси. Все вооруженное народонаселеніе города раздѣлялось на десять ротъ или сотень, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на десятки; такимъ образомъ весь городъ составлялъ полкъ или тысячу. Тисячей командовалъ тысяцкій, ему подчинены были сотскіе и десятскіе. На эти должности выбирались лица изъ военно-торговой аристократіи города (стр. 18—31).

Все, что здѣсь говоритъ г. Ключевскій, очень любопытно, если бы только его выводы были подтверждены ясными доказательствами. Но ихъ нѣтъ. Замѣтимъ, что авторъ затрогиваетъ здѣсь такіе вопросы, о которыхъ еще до сихъ поръ спорятъ, такъ какъ о докняжеской эпохѣ въ источникахъ сохранились скудныя и неопредѣленныя извѣстія. „Всѣ знанія наши объ этомъ времени“, замѣчаетъ одинъ ученый,— „не суть знанія того, что и какъ было, а знаніе разныхъ системъ и мнѣній о томъ, что и какъ могло быть“. И въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать „исторію городовъ“ г. Ключевскаго на основаніи тѣхъ данныхъ, какія даютъ намъ источники, то она не выдерживаетъ критики: здѣсь мы на каждомъ шагу наталкиваемся на всякаго рода догадки, вѣроятія, произвольныя объясненія. Если же, однако, разсматривать ее только какъ научную гипотезу, то она заслуживаетъ полнаго вниманія. Г. Ключевскій остается вѣренъ принятому разряду взгляду, который проводитъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ; доводы, которыми онъ обставилъ свою теорію, наталкиваютъ на серьезныя размышленія, и хотѣлось бы вѣрить, что все у насъ было именно такъ, какъ говоритъ авторъ. Но невольно являются сомнѣнія. Авторъ, напримѣръ, относитъ возникновеніе древнѣйшихъ главныхъ городовъ къ VIII вѣку. Гдѣ тому доказательства? Наши лѣтописи ничего не говорятъ о времени ихъ появленія; писатели и лѣтописцы восточные, византійскіе и западно-европейскіе VI—X вв. свидѣтельствуютъ о существованіи городовъ на Руси за долго до появленія Варяжскихъ князей, но при этомъ ограничиваются или простымъ указаніемъ, что у Славянъ было много большихъ городовъ

(Массуди, Ибнъ-Дада), или же только перечисляютъ города (Константинь Багрянородный). Опредѣлить точно не только годы, но даже вѣка появленія древнихъ городовъ на Руси нѣтъ никакой возможности. Изъ нашей начальной лѣтописи мы знаемъ, что города Новгородъ, Кіевъ и Смоленскъ возникли до призванія Варяговъ; Ростовъ былъ уже во второй половинѣ IX в., а Лубечь, Черниговъ и Переяславль южный—въ началѣ X в. Но существовали ли эти города въ VIII в., объ этомъ не сохранилось прямыхъ извѣстій. Г. Ключевскій указываетъ на развившееся въ то время торговое движеніе среди Славянъ, что и послужило толчкомъ къ созданію большихъ городовъ: „Эти города возникли какъ сборныя мѣста русской торговли, пункты склада и отправления русскаго вывоза“. Не знаемъ, на сколько правъ авторъ, дѣлая такой выводъ. Древнѣйшіе города имѣли характеръ сторожевыхъ пограничныхъ пунктовъ. Они являлись по преимуществу въ такихъ мѣстностяхъ, которымъ грозила постоянная опасность отъ нападенія непріателей. Такъ, на сѣверѣ Россіи, благодаря большому оборонительному значенію района лѣсовъ и болотъ, было меньше городовъ, и наоборотъ—на югѣ, въ районѣ черноземномъ и степномъ, чувствовалась большая необходимость въ искусственныхъ средствахъ обороны, въ устройствѣ городовъ. Г. Ключевскій указываетъ также на географическое положеніе древнѣйшихъ городовъ: „Ихъ географическое размѣщеніе довольно наглядно показываетъ, что они были созданіемъ того торговаго движенія, которое съ VIII в. пошло среди восточныхъ Славянъ по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова на югъ и по ея вѣтвямъ на востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ“ (стр. 21). Если большіе города и были расположены по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова и по ея вѣтвямъ, то отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что они возникли, какъ сборные пункты торговли. Рѣки, бывшія обыкновенно колонизаціонными путями, въ то же время служили главными проводниками для проникновенія вражескихъ силъ внутрь страны. Вотъ почему, гдѣ протекало много рѣкъ, и слѣдовательно, было много путей для враговъ, тамъ должны были рано появиться города. Мы не отрицаемъ существованія на Руси городовъ въ значеніи торговыхъ поселеній; но держимся того мнѣнія, что первоначально города носили военный характеръ, были укрѣпленіями съ цѣлью предохранить значительные пункты народнаго поселенія отъ нападеній непріателя. Вотъ почему желательно было бы видѣть доказательства, что Новгородъ, Ладога, Смоленскъ,

Любечъ, Кіевъ, Переяславль южный, Черниговъ и Ростовъ возникли, какъ сборныя мѣста торговли. Но доказательства у автора мы не нашли, да ихъ и вовсе нѣтъ. Сохранилось лѣтописное извѣстіе, что какъ только Славяне появились на берегахъ озера Ильмена, то „сдѣлаша градъ и нарекоша его Новгородъ“. Первою ихъ потребностью, когда они появились на новыхъ мѣстахъ для постоянного жительства, была потребность оградить занятія мѣстности отъ внѣшнихъ нападеній, и съ этою цѣлію они построили „градъ“. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, что едва Ильменскіе Славяне поселились въ предѣлахъ Россіи, какъ тотчасъ же завязали торговыя сношенія, и Новгородъ возникъ, какъ торговый пунктъ. Повторяемъ, нужно было сначала удержать за собою занятую мѣстность, для чего и строился городъ-укрѣпленіе, а потомъ уже можно было и торговать. А у г. Ключевского на оборотъ: сначала города—торговые пункты, а затѣмъ уже, съ появленіемъ Печенѣговъ на Днѣпрѣ, они укрѣпляютъ и вооружаются: „Въ первой половинѣ IX в. Печенѣги, появившись на Днѣпрѣ, отрѣзали Днѣпровскую Русь отъ приморскихъ рынковъ, куда собственно направлялись Русскіе съ своими товарами. Лишившись безопасности, какой пользовались днѣпровскіе города подъ покровомъ хозарскаго владычества, они вооружаются, чтобы защитить себя и свои торговые пути отъ новыхъ обитателей степей“ (стр. 21). Однако Ятвиги, Авары и другіе сосѣдніе народы еще раньше Печенѣговъ тревожили Славянъ своими набѣгами. Нельзя также сказать, чтобы и Славянскія племена жили между собою въ согласіи: Древляне, напримѣръ, обижали Полянъ („быша обидима Древлянами, нѣми окольними“); на усобицы между Славянами указываютъ Масуди, Идриси и византійскіе писатели ¹⁾. Можно ли говорить, что лишь въ IX в. города лишились безопасности? Напротивъ, есть основаніе утверждать, что въ IX в. Россія пользовалась спокойствіемъ на берегахъ Днѣпра (Соловьевъ, Истор. Россіи, I, 123).

Что касается того, дѣйствительно ли Печенѣги появились на Днѣпрѣ еще раньше княженія Игоря, то это вопросъ спорный, и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, на него можно отвѣтить скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. „Лѣтописецъ“, замѣчаетъ авторъ, — „перечисляя народы, нашествію которыхъ подвергались Славяне,

¹⁾ *Махушевъ*, Сказ. иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ, 147, 174; *Соловьевъ*, ст. въ *Арх. ист.-юрид. сообщ.* I, 19.

прямо послѣ Обровъ ставитъ Печенѣговъ, отчетливо отмѣчая, что послѣдніе пришли раньше Угровъ, а Угры, по свидѣтельству той же лѣтописи, прошли мимо Кіева въ 898 году" (22, прим.). Но самому же автору невыгодно ссылаться на означенное мѣсто лѣтописи для подтвержденія того, что Печенѣги еще раньше X в. появились на югѣ нынѣшней Россіи, такъ какъ, сопоставляя мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о нашествіи тѣхъ или другихъ народовъ на Славянскія племена, мы получимъ слѣдующее: сначала пришли Обры, послѣ нихъ Печенѣги, затѣмъ Угры, а затѣмъ уже и Хазары, такъ какъ о Хазарахъ лѣтописецъ упоминаетъ послѣ Печенѣговъ и Угровъ. И выйдетъ, что сначала Славяне подвергались частымъ нападеніямъ враговъ, и только потомъ, подъ покровомъ хазарскаго владычества, приобрѣли безопасность.

Лѣтописецъ упоминаетъ о Печенѣгахъ прежде своего разказа о призваніи князей, но отсюда еще нельзя выводить заключенія, что Печенѣги уже тогда, въ до-варяжскую эпоху, отрѣзали Дѣвипровскую Русь отъ приморскихъ рынковъ. „По сихъ же (Обри) придоша Печенѣзи; пакы идоша Угры черніи мимо Кіева, послѣ же при Ользѣ" (П. С. Р. Л., I, 4). Здѣсь мы имѣемъ повидѣннѣе вставку, какъ думаетъ объ этомъ Шлецеръ (Несторъ, I, 207), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые списки (Ипатіевскій, Воскресенскій) въ первый разъ упоминаютъ о Печенѣгахъ только подъ 915 годомъ. Лѣтописецъ указываетъ на послѣдствія прихода Хазаръ, Аваровъ (Обри), но ничего не говоритъ о томъ, что произошло послѣ того, какъ „придоша Печенѣзи"? О Хазарахъ упоминается въ княженіе Рюрика и Олега, а о Печенѣгахъ ничего не слышно до 915 года, когда они пришли „первое на Русскую землю, и сотвориша миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю" (П. С. Р. Л., I, 18). Какъ на доказательство, что Печенѣги появились на Дѣвирѣ еще въ первой половинѣ IX вѣка, авторъ указываетъ на извѣстіе Бертинской лѣтописи: въ 839 году русскіе послы жаловались въ Константинополь на то, что сношенія Руси съ Византіей затруднены „варварскими свирѣпыми народами". Но прежде всего, г. Ключевскому слѣдовало доказать, что эти послы добрались до Константинополя по извѣстному пути „изъ Варягъ въ Греки". Послы, назвавшись Россами, увѣрили, что они прошли черезъ области, населенныя варварскими и свирѣпыми народами, не упоминая ни о названіи странъ, ни о имени народа. Почему же непременно мы должны думать, что эти загадочные Россы прошли

по областямъ Днѣпровской Руси? ¹⁾ Затѣмъ, нужно также доказать, что подъ варварскими народами они разумѣли ни кого другого, какъ только Печенѣговъ ²⁾. Въ 839 году (по мнѣнію другихъ—въ 840) Хазары просили императора Теофила прислать имъ водчихъ для построения крѣпости Саркель, которая могла бы служить защитой ихъ владѣній отъ Печенѣговъ. Эта крѣпость была построена на берегу рѣки Дона; слѣдовательно, Печенѣги въ это время бродили по ту сторону Дона. Въ 894 году, по извѣстію Константина Багрянороднаго, Хазары, соединившись съ Узами, напали на Печенѣговъ. Послѣдніе двинулись съ своихъ земель на западъ, вытиснули Мадьяровъ съ береговъ Дона, а сами заняли ихъ страну, называвшуюся Лебедьей. Такимъ образомъ и въ 894 году мы еще не видимъ Печенѣговъ на Днѣпрѣ. Авторъ ссылается еще на извѣстіе Никоновской лѣтописи, по которому Аскольдъ и Диръ „избиша множество Печенѣгъ“. Но это уже будетъ во второй половинѣ IX вѣка. Кромѣ того, къ этому извѣстію Никоновской лѣтописи мы должны отнести подозрительно, такъ какъ не находимъ его ни въ одномъ изъ древнихъ списковъ лѣтописи ³⁾.

Управление городомъ и его областью, по словамъ г. Ключевского, сосредоточивалось въ рукахъ особаго военно-торговаго класса. Классъ этотъ составляли туземцы, руководившіе торговыми оборотами, и заморскіе пришельцы—Варяги. Варяги сначала появляются на сѣверѣ Россіи, а отсюда, по извѣстному пути „изъ Варягъ въ Греки“, направились въ Византію; но на этомъ пути они встрѣчали большіе города, и значительная часть ихъ осаживалась (стр. 28). Очень возможно, что появленіе Варяговъ въ предѣлахъ Россіи относится къ глубокой древности. Имъ давно былъ извѣстенъ путь „изъ Ва-

¹⁾ Шлецерь (Несторъ, I—321), утверждаетъ, что эти послы пришли въ Константинополь сухимъ путемъ; Шаевникъ же (Слав. древн., т. I, кн. 3, стр. 112) предполагаетъ, что послы прошли путемъ, означеннымъ у Нестора „изъ Варягъ въ Греки“.

²⁾ По мнѣнію Шаевника, Карамзина, Погодина и другихъ, эти свирѣпыя народы—Славяне.

³⁾ Слова Шлецера: „Тотъ глупо сдѣлалъ, кто приписалъ, что Аскольдъ и Диръ уже въ 867 г. дрались съ Печенѣгами“. (Несторъ, III—21). По поводу этихъ словъ Максимовичъ высказываетъ догадку, что въ Никоновской лѣтописи говорится не о нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Аскольдовомъ ихъ побѣдѣ, которое могло быть и наступательное, и не близъ Кіева (Собр. сочин., I, 38).

рягъ въ Греки⁴⁾: не даромъ мы находимъ описаніе этого пути на первыхъ страницахъ „Повѣсти“, прежде разказа о знаменитомъ событіи 862 года; но едва ли Варяги осаживались въ городахъ, встрѣчавшихся на этомъ пути. Скорѣе можно допустить, что до прибытія Аскольда и Дира въ Кіевъ Варяги не селились въ приднѣпровскихъ городахъ. Что могло бы побуждать ихъ осаживаться въ этихъ городахъ? Авторъ говоритъ, что „военно-торговныя нужды этихъ городовъ доставляли имъ выгодыя занатія“. Когда Варяги спускались по Волхово-Днѣпровскому пути на югъ Россіи, то при этомъ имѣли въ виду цѣль—искать службы при дворѣ Византійскаго императора или же опустошать окрестныя страны Чернаго и Азовскаго морей; но торговныя занатія не особенно привлекали ихъ вниманіе. Всѣ извѣстія, какія сохранились о Варягахъ, изображаютъ ихъ разбойниками, рыскающими безпрестанно изъ страны въ страну для присканія славы и добычи. Достаточно припомнить хищническіе набѣги Варяговъ на прикаспійскія страны, о чемъ разказываютъ Массуди, Ибнъ-Эль-Эсиръ и Мухаммедъ⁵⁾. Вѣрованіе, что богъ Одинъ въ свою свѣтлую обитель, Валгаллу, допуститъ только храбрыхъ, возбуждало воинственный духъ въ Варягахъ, и мысль о пиратъ и удовольствіяхъ послѣ смерти въ жилищѣ Одина, а равнымъ образомъ суровая родина, мало представлявшая средствъ къ жизни, устремляли Варяговъ въ далекія предпріятія, для приобрѣтенія славы и добычи, а не для мирной и спокойной торговли. Послѣ призванія, дѣятельность Варяговъ въ Россіи была точно такая же, какъ и вездѣ, куда только они появлялись: тотчасъ же, по прибытіи они начинаютъ воевать всюду, облагаютъ данью сосѣднія племена и долго не могутъ утвердиться на одномъ мѣстѣ. Мы сомнѣваемся, чтобы торговля вліяла на сближеніе Варяговъ съ Славянами. Правда, Варяги посѣщали Россію для покупки товаровъ; но всего вѣроятнѣе, что они и здѣсь дѣйствовали такъ же, какъ вездѣ: сначала заключали перемиріе съ жителями для торга, а по окончаніи сдѣлокъ и положеннаго для того срока, миръ прекращался, и за торговлею слѣдо-

⁴⁾ См. статью *В. Гуморьева* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1835 г., февраль, стр. 235—239 и 251—255, а также *Дорна*: *Каспій*, стр. 5. Г. Ключевскій считаетъ эти набѣги „вооруженными рекогносцировками русскаго купечества съ цѣлю прочистить засорившіеся пути русскою торговли и открыть доступъ къ приморскимъ рынкамъ“ (стр. 34). Не съ тою же ли цѣлю это „купечество“ посѣщало Исландію, Францію, Англію, южную Италію, Египтъ, Кипръ и другія страны?

вала война. Если Норманны для торговых дѣлей осаживались въ приднѣпровскихъ городахъ, то между жителями этихъ городовъ и пришельцами должны были происходить постоянныя войны. А это обстоятельство должно было препятствовать тому сближенію между Варягами и Славянами, о которомъ говоритъ авторъ. А затѣмъ, Приднѣпровье въ IX в., какъ мы уже замѣтили, пользовалось спокойствіемъ; слѣдовательно, Славянскимъ племенамъ не было необходимости въ услугахъ „браннолюбивыхъ“ Варяговъ.

Какія же однако доказательства приводитъ г. Ключевскій въ пользу своего мнѣнія, что Варяги осаживались въ городахъ, расположенныхъ по варяго-греческому пути? А вотъ какія: „Аскольдъ и Диръ могли набрать въ Кіевѣ столько Варяговъ, что отважились напасть на самый Царьградъ“ (стр. 34). Да, они могли набрать здѣсь много Варяговъ, такъ какъ пришли въ Кіевъ не одни, а съ родомъ своимъ; а вслѣдъ за ними сюда направились и другіе Варяги, на что указываетъ и лѣтописецъ: „многи Варяги скуписта“ Легко допустить, что „на двоустахъ корабляхъ“, вмѣстѣ съ Аскольдомъ и Диромъ, отправились въ Царьградъ и Кіевляне. Но можно ли на основаніи этого лѣтописнаго извѣстія утверждать, что Варяги еще до призванія князей селились въ приднѣпровскихъ городахъ? „Въ XI в. Варяговъ представляли густымъ, наноснымъ слоемъ въ составѣ русскаго населенія, который уже въ IX в. распространился по главнымъ городамъ тогдашней Руси и въ нѣкоторыхъ даже закрылъ собою туземцевъ, „первыхъ насельниковъ“: Новгородцы, прежде бывшіе Славянами, вслѣдствіе прилива Варяжскихъ „находниковъ“, стали людьми „отъ рода Варяжска“, а по одному лѣтописному сказанію, Кіевъ будто бы и основанъ Варягами, его первыми „насельниками“ (стр. 29). Варяжскіе князья, какъ извѣстно, прибыли къ намъ „съ роды своими“ (въ нѣкоторыхъ спискахъ „съ дружиною“) и „попаша по себѣ всю Русь“; а затѣмъ, и самъ авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что въ дружину Кіевскаго князя вступали преимущественно соотчичи, приливъ которыхъ продолжался весь X вѣкъ (стр. 41). Безъ помощи Варяговъ, до самого Ярослава, у насъ не происходило ни одного сколько-нибудь значительнаго дѣла. За ними посылали Игорь, Владиміръ, Ярославъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ XI вѣкѣ могли представлять Варяговъ „густымъ наноснымъ слоемъ“. Мѣсто лѣтописи, что „Новгородцы отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни“, непонятно; въ Воскресенской лѣтописи это мѣсто передается гораздо проще: „Новгородстѣи людѣ и до члостъ осххху, отд. 2.

нынѣшняго дня, бѣ бо Рюрикъ отъ рода Варяжска, а прежде, бо бѣша Словѣни до Рюрика нарекошася" (П. С. Р. Л., VII, 268).

Вяриги блуждали по обширнымъ равнинамъ земли Славянской (сохранились извѣстія о посѣщеніи ими Гардарика, Віармія); Кіевъ могъ служить имъ мѣстомъ остановки во время ихъ путешествія къ берегамъ Чернаго моря; но, чтобъ они селились въ городахъ, встрѣчавшихся на этомъ пути, относительно этого у насъ не имѣется ясныхъ свидѣтельствъ.

Но, по словамъ г. Ключевскаго, Вяриги не только селились въ русскихъ городахъ, а какъ видно, и вступали въ такой тѣсный союзъ съ туземцами, захватившими въ свои руки торговые обороты, что вмѣстѣ съ ними образовали особую военно-торговую аристократію. При этомъ авторъ ссылается на одно извѣстіе Бертинской лѣтописи. „Присутствіе Варяговъ“, говоритъ г. Ключевскій,—замѣтно на Руси въ первой половинѣ IX в., при чемъ они являются не простыми прохожими, а исполнителями порученій туземной власти: люди, которые въ 839 году, по разказу Бертинской лѣтописи, въ Константинополѣ объявили себя послами народа Руси, пришедшими „ради дружбы“, оказались потомъ Шведы“ (стр. 29).

Странно, что г. Ключевскій ссылается на источникъ, который былъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и, по вѣрному замѣчанію Неймана, „представляетъ безконечную матерію для всякаго рода возможностей, но не историческое показаніе“. Вотъ что мы находимъ въ Бертинской лѣтописи:

„Въ 839 году греческій императоръ Теофілъ вмѣстѣ съ послами своими отправилъ къ Людовику Благочестивому людей, называвшихъ себя Россами, а короля своего—хаканомъ; эти люди пріѣзжали въ Константинополь для заключенія дружественнаго союза съ имперіей. Теофілъ просилъ Людовика, чтобъ онъ позволилъ имъ возвратиться въ ихъ отечество чрезъ его области, такъ какъ страны, чрезъ которыя они прошли въ Константинополь, населены варварскими и свирѣпыми народами. Людовикъ почему-то заподозрилъ этихъ Руссовъ, и по внимательномъ изслѣдованіи оказалось, что это были Свеоны“¹⁾.

Прежде всего замѣтимъ, что такъ какъ до сихъ поръ не рѣшенъ вполне вопросъ о происхожденіи Варяговъ, то, говоря о Варягахъ, не зачѣмъ сюда приплетать непременно Шведовъ. Г. Ключевскаго,

¹⁾ Текстъ этого извѣстія Бертинской лѣтописи см. у Карамзина, „Ист. Рос., I, прим. 110.

по видимому, соблазнило название Rhos. Может быть, Свеоны, называя себя Россами, обманывали и Грековъ, и Франковъ. Послѣдователи норманнской школы не соглашаются съ этимъ, такъ какъ стараются доказать, между прочимъ, и на основаніи этого извѣстія Бертинской лѣтописи скандинавское происхождение Варяго-Руссовъ; но все-таки возраженіе, что со стороны Шведовъ здѣсь могъ быть и обманъ, не опровергнуто вѣскими доводами. Впрочемъ, для насъ интереснѣе вопросъ: откуда пришли эти загадочные Свеоны въ Константинополь? Г. Ключевскій говоритъ, что они явились исполнителями порученій туземной власти. Во главѣ управленія надъ городомъ и его областью авторъ ставитъ особую военно-торговую аристократію. Слѣдовательно, эта аристократія одного изъ русскихъ городовъ отправила въ 839 году къ Византійскому императору посольство для заключенія дружественнаго союза ¹⁾. Допустимъ, что авторъ правъ. Спрашивается: почему же аристократія отправила въ Константинополь послами именно Шведовъ? Вѣроятно всего—потому, что Шведы были извѣстны ей за опытныхъ и отважныхъ дружинниковъ. Изъ приведеннаго извѣстія Бертинской лѣтописи не видно, чтобы Зараги (если даже и признать, что Свеоны-Rhos и Варяги одно и то же) селились въ русскихъ городахъ и вступали въ ряды военно-торговаго класса. Но дѣйствительно ли послы явились въ Константинополь представителями одного изъ русскихъ городовъ, напримеръ, Кіева? Они заявили, что прибыли къ императору Теофилу отъ „Хакана“ (quos rex illogum Chasanus vocabulo). Чтò вѣрнѣе: понимать ли подъ словомъ Chasanus-гех цѣлый классъ (военно-торговый), или отдѣльную личность—кагана, хана, короля?

Мы держимся того мнѣнія, что Варяги не селились въ русскихъ городахъ (есть основаніе допустить, что даже и на сѣверѣ Россіи Зараги не селились, не смотря на то, что они нѣкоторое время влали и брали дань съ тамошнихъ племенъ, для чего или пріѣзжали съ-за моря, или оставляли сборщиковъ), а тѣмъ болѣе не сблизались съ туземцами-торговцами до того, что вмѣстѣ съ ними состав-

¹⁾ Хотя г. Ключевскій выражается неопредѣленно «отъ туземной власти», о, имѣя въ виду все, что авторъ говоритъ на стр. 27—31, мы сдѣлали, кажется, вѣрное заключеніе, что эта «туземная власть», исполнителями порученія отъ которой явились Свеоны-Rhos, была военно-торговая аристократія города. Въ противномъ случаѣ была бы непонятна мысль автора на вышеозначенное мѣсто Бертинской лѣтописи. Въ другомъ мѣстѣ авторъ прямо называетъ Свеоновъ усекими послами.

ляли особый правительствующій классъ ¹⁾). Трудно допустить подобное сближеніе, когда Славяне и до призванія варяжскихъ князей, и послѣ этого призванія, испытывали на себѣ своеволие, хищничество и насиліе Варяговъ,—все равно, призваны ли были къ намъ тѣ же Варяги, которые до 862 года собирали дань съ сѣверныхъ племенъ, или другіе. „Иже живяху у конхъ Варязи“—говорить лѣтописецъ— „или даньщяки тѣхъ, тѣхъ насилія велика дѣяху Новгородцемъ, Кривичемъ, и Меряномъ, и Чуди“; въ княжескую эпоху: „Варязи бяху мнози у Ярослава, и насиліе творяху Новгородцамъ и женамъ ихъ“ ²⁾, и Славяне нерѣдко возмущались противъ пришельцевъ. Если въ до-княжескую эпоху и существовалъ у насъ военно-торговой классъ, то „заморскій элементъ“ не имѣлъ въ немъ мѣста.

Можетъ быть, найдутъ, что мы слишкомъ увлекаемся. Почему бы въ самомъ дѣлѣ не допустить, что еще до призванія князей Варяги селились у насъ и вступали въ ряды военно-торгового класса? Но почему же въ такомъ случаѣ не допустить то же самое и по отношенію къ Хазарамъ? Вѣдь и Хазары съ давнихъ поръ посѣщали славянскія земли, и если не были на столько воинственны, какъ Варяги, за то ужъ дѣйствительно любили торговать.

Но дѣйствительно ли существовалъ въ до-княжескую эпоху особый военно-торговой классъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась власть надъ городомъ и его областью? Нѣтъ, не существовалъ; это—чистый вымыселъ автора, потому что основанъ на однихъ голыхъ предположеніяхъ. Пусть г. Ключевскій подерѣпитъ свое положеніе хоть однимъ доказательствомъ, и мы ему повѣримъ. Источники о древнѣйшемъ періодѣ извѣстны на перечень; нѣтъ въ нихъ ни одного слова, которое не было бы объяснено критически лучшими изслѣдователями русской старины. Но мы нигдѣ не найдемъ ни одного намека на существованіе у насъ особаго правящаго класса военно-торгового. Источники сохранили очень скудные извѣстія о политиче-

¹⁾ Г. Ключевскій считаетъ Варяговъ Норманнами; а эти Норманны были на столько страшны жителямъ Западной Европы, что у этихъ послѣднихъ существовала даже особая молитва: «a furore Normannorum libera nos, Domine!» А у насъ Норманны, по словамъ автора, не только мирно торгуютъ и воюютъ вмѣстѣ съ славянскими племенами противъ иноплеменцевъ, но даже вступаютъ въ ряды торгового класса.

²⁾ П. С. Р. Л., V—I; I—61; Никон., подъ 863 г.: «оскорбишаа Новгородцы глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его».

скомъ бытъ Славянъ въ до-варяжскую эпоху. Первоначально, до призванія Рюрика, лѣтописецъ указываетъ намъ племена независимыя другъ отъ друга, такъ какъ каждое племя имѣло свое княженіе: „по сихъ братьи (то-есть, Кія, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое въ Полотѣ, иже Полочане“; сохранилось темное сказаніе о князѣ Вадимѣ; Гостомыслъ называется то старѣйшиною, то княземъ. Что князья были у восточныхъ Славянъ еще до прибытія Варяговъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства Византійцевъ и Арабовъ. Но какого рода были эти князья—мы не знаемъ; не знаемъ также, куда дѣвались они послѣ призванія Рюрика ¹⁾. Но едва ли есть какіе нибудь положительныя признаки, по которымъ можно было бы заключить о существованіи въ древнѣйшемъ періодѣ особаго правящаго класса военно-торговаго. Только съ водвореніемъ въ Россіи варяжскихъ князей мало по малу образовался обширный классъ людей, извѣстный подъ именемъ дружины, который имѣлъ свою спеціальную обязанностью защиту государства отъ внѣшнихъ нападений и значительно вліялъ на развитіе торговли и промышленности.

Затѣмъ, если допустить существованіе особаго военно-торговаго класса, именно съ тѣмъ значеніемъ, какое придалъ ему г. Ключевскій, то необходимо доказать самое широкое развитіе внѣшней торговли еще въ до-княжескомъ періодѣ, собственно активной торговли, такъ какъ смыслъ автора на монетные клады, находимые въ предѣлахъ Россіи, свидѣлствуетъ скорѣе о существованіи пассивной торговли, а не активной. А какимъ образомъ это доказать? Въ томъ-то и бѣда, что трудно. Напротивъ, основываясь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, мы скорѣе можемъ заключить, что въ древнѣйшую эпоху внѣшняя торговля велась у насъ въ незначительныхъ размѣрахъ. Условія, въ какихъ находилась до конца IX вѣка Россія по варяго-греческому пути, едва ли допускали сильное торговое движеніе: раздоры между славянскими племенами, частыя вторженія неприятелей въ славянскія земли, все это должно было въ сильной степени препятствовать торговымъ сношеніямъ Славянъ съ чужезем-

¹⁾ «Не имѣху надъ собою общаго обладателя, или князя, но токмо каждо надъ своимъ родомъ владаху: иныи князь бѣ въ Новѣгородѣ... Но каковы обладатели, или какое строеніе тогда въ нихъ бѣ, не можно есть вѣдати, пошемо писанія не имѣху», П. С. Р. Л., II—234.

ными странами. Если вѣшняя торговля велась въ широкихъ размѣрахъ, если она была „господствующею силой въ хозяйствѣ восточныхъ Славянъ“, то не понятно, почему же потомъ, въ болѣе близкія къ намъ времена, она перестала быть этою силой, перестала процвѣтать.

Далѣе, если тогда вѣшняя торговля была дѣйствительно „господствующею силой въ хозяйствѣ восточныхъ Славянъ“, то слѣдовательно, всѣ жители должны были принимать участіе въ ея дѣятельности, и о какомъ нибудь военно-торговомъ классѣ, который забралъ бы въ свои руки торговые обороты, не можетъ быть и рѣчи. Допустивъ существованіе въ до-варяжскую эпоху военно-торгового класса, мы натолкнемся на нѣсколько вопросовъ, на которые едва ли подыщемъ отвѣты. Торговая аристократія, по мнѣнію г. Ключевского, до прибытія князя съ дружиною имѣла важное значеніе, властвовала надъ городомъ и его областью. Неужели вся сила подобной аристократіи могла заключаться въ торговыхъ капиталахъ? Какую роль играли тѣ князья, которіе были у насъ до призванія Варяговъ? Куда также дѣвалось вѣче, которое, по заявленію лѣтописца, существовало на Руси „изначала“?

Мало того, что военно-торговый классъ, по словамъ г. Ключевского, существовалъ въ до-варяжскую эпоху, ему же Русское государство обязано своимъ происхожденіемъ. Дѣло, по его мнѣнію, было вотъ какъ: Такъ какъ Кіевъ имѣлъ громадное торговое значеніе, то торговая аристократія промышленныхъ городовъ готова была поддерживать и издавна поддерживала всякаго вождя, направлявшагося къ Кіеву, чтобы отсюда возстановить старыя пути русской торговли. Вотъ почему Аскольдъ и Диръ безъ борьбы утвердились въ Кіевѣ; шедшаго по ихъ слѣдамъ Олега днѣпровскіе города Смоленскъ и Любечъ и тотъ же Кіевъ также встрѣтили безъ замѣтной борьбы. Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. Отсюда соперничество между конунгами за этотъ городъ: Олегъ за него погубилъ Аскольда, Владиміръ погубилъ кіевского князя Ярополка. Руководившая городскими областями, военно-торговая аристократія поддержала самаго сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговые сношенія съ приморскими рынками. Та же аристократія помогла Кіевскимъ князьямъ распространить свою власть изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется не одинаковый успѣхъ въ

подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ военно-торговый классъ былъ сосредоточенъ въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ напимѣръ, въ Кіевѣ, Смоленскѣ и Любечѣ, вся область безъ борьбы, или послѣ легкой борьбы подчинялась Кіевскому князю, увлекаемая своею старшиной, тянувшею къ нему по единству интересовъ и частью даже по племенному родству. Напротивъ, Древланъ или Вятичей, у которыхъ, при отсутствіи центрального властнаго города, этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, Кіевскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ долгою и упорною борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была самою дѣятельною силой въ созданіи политическаго единства Руси, которое тѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды Кіевского князя. Династія Владимира, „утвердившись въ Кіевѣ и пользуясь экономическимъ его значеніемъ, постепенно станула въ свои руки разрозненныя дотогѣ части Русской земли. Такъ первый опытъ политическаго объединенія Русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, дѣломъ внѣшней русской торговли“. Выходитъ, что наше государство возникло на торговыхъ основаніяхъ. Это нѣсколько странно. Г. Ключевскій это сознаетъ самъ и потому спѣшитъ прибавить: „Можетъ показаться страннымъ такое торговое происхожденіе Русскаго государства. Въ другихъ европейскихъ странахъ государства создавались либо естественнымъ сближеніемъ прежде разрозненныхъ частей одного племени, либо насильственнымъ соединеніемъ разплеменныхъ элементовъ посредствомъ завоеванія. Тотъ и другой процессъ былъ испытанъ и при образованіи двухъ первыхъ политическихъ формъ, возникшихъ на Руси: въ исторіи той и другой уцѣлѣли слѣды и насильственнаго, и добровольнаго соединенія славянскихъ и финскихъ племенъ подъ одною властью. Однако ни ту, ни другую форму нельзя назвать Русскимъ государствомъ. Русское государство прежде всего есть государство Русскаго народа. Но этого народа въ тѣ вѣка еще не было, а были только элементы славянскіе и не славянскіе, изъ которыхъ онъ потомъ сложился медленнымъ и труднымъ процессомъ. Необходимо отличать процессъ созданія известной политической формы отъ интереса, который ее создаетъ. Русское государство, образовавшееся позднѣе, было дѣломъ національнаго интереса; но и въ его созданіи участвовали какъ завоеваніе, такъ и мирное соглашеніе. Государство первыхъ Кіевскихъ князей не было

дѣломъ такого интереса, какъ не было его дѣломъ и городовныя области, въ которыхъ это государство составилось. Оно потому и разложилось уже въ XI в. на свои составныя элементы, городовныя волости, что интересъ, его создавшій, не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его надолго. Это былъ временный интерес*. Вышняя торговля стала господствующею силой въ хозяйствѣ восточныхъ Славянъ, и потому во главѣ общества стали элементы населенія, ею руководившіе, наиболѣе заинтересованные въ ея безопасности и успѣхахъ. Киевское княжество, какъ и городовныя волости, ему предшествовавшія, имѣло не національное, а социальное происхожденіе, создано было не какимъ-либо племенемъ, а классомъ, выдѣлявшимся изъ разныхъ племенъ" (34—37).

Эта теорія г. Ключевского очень интересна и красива, но и только. Долго останавливаться на этой теоріи мы не будемъ, такъ какъ о такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ вопросъ о происхожденіи Русскаго государства, трудно говорить въ нѣсколькихъ словахъ. Не говоря уже о томъ, что двѣ главныя вещи, на которыхъ основана вся эта теорія—широкое развитіе вышней торговли въ древней Руси и существованіе особаго военно-торговаго класса—подлежать большому сомнѣнію, всѣ положенія, которыми авторъ обставилъ свою теорію, основаны на догадкахъ, предположеніяхъ, а не на бесспорныхъ историческихъ фактахъ. На какомъ, напримѣръ, основаніи авторъ утверждаетъ, что Любечъ и Смоленскъ, область Сѣверянъ и Кривичей, подчинились Киевскому князю безъ борьбы, или послѣ легкой борьбы? Еслибы лѣтописецъ прямо сказалъ, что Любечъ и Смоленскъ были взяты Киевскимъ княземъ безъ борьбы, или послѣ легкой борьбы, а другіе города оказали сильное сопротивленіе, то тогда еще было бы основаніе остановиться на вопросѣ: почему это такъ случилось; но изъ лѣтописи нельзя узнать, какъ достались Олегу эти города, долженъ ли онъ былъ употребить силу, или покорились они ему добровольно, а потому соображенія автора о покореніи этихъ городовъ не убѣдительно и произвольны. О присоединеніи области Сѣверянъ къ Киевскому княжеству лѣтописецъ говоритъ: „оттуда (изъ Смоленска) поиде (Олегъ) внизъ и взя Любечъ, и посади мужъ свой. Иде Олегъ на Сѣверяны и побѣди Сѣверяны и возложи на нь дань легку, и не дастъ имъ Казарамъ дани платити, рекъ: азъ имъ противень, а вамъ нечему" (П. С. Р. Л., I, 10). Слова „взя" и „побѣди" указываютъ на то, что между дружиной Олега и Сѣверянами произошла борьба, но какая, легкая, или упорная—трудно сказать.

Согласимся съ г. Ключевскимъ, что здѣсь произошла легкая борьба; что же, военно-торговая аристократія Любеча и Чернигова (городъ Сѣверянъ) помогла Олегу безъ труда покорить Сѣверянъ? Не проще ли и не вѣроятнѣе ли въ такомъ случаѣ предположить, что Сѣверяне потому не оказали особеннаго сопротивленія этому князю, что для нихъ все равно было—платить ли дань Олегу или Хазарамъ. Смоленскъ, городъ Кривичей, сдался Олегу, кажется, безъ сопротивленія, чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу: „приде къ Смоленску съ Кривичи“. Странно, что военно-торговая аристократія вездѣ поддерживала Олега и подчиняла его власти Славянскія племена, а между тѣмъ въ новгородской аристократіи Олегъ не нашелъ себѣ поддержки и счелъ за лучшее убраться изъ этого города. Не понятно также, почему военно-торговый классъ большихъ городовъ „тянулъ“ къ Кіевскому князю, а гдѣ этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, какъ у Древлянъ и Вятичей, подобнаго влеченія не существовало, и съ Древлянами и Вятичами пришлось вести долгую и упорную борьбу. Гдѣ тѣ данныя, на основаніи которыхъ г. Ключевскій утверждаетъ, что, напримѣръ, у Вятичей и Угличей, съ которыми также пришлось вести долгую и упорную борьбу, военно-торговый классъ (если допустить его существованіе) былъ разбитъ на мелкія общества? Если Кіевскимъ князьямъ приходилось долго бороться съ Вятичами, то потому только, что сама природа ихъ края помогала жителямъ защищаться отъ князей. Область Радимичей, судя по лѣтописи, Олегъ присоединилъ безъ борьбы. Между тѣмъ, у Радимичей мы не видимъ существованія центральнаго властнаго города.

Что касается Кіева, то Аскольдъ и Диръ утвердились здѣсь безъ борьбы вѣроятнѣе всего потому, что Поланамъ гораздо выгоднѣе было имѣть собственнаго князя, чѣмъ подчиняться хазарскому хану, хотя бы это подчиненіе ограничивалось исключительно платою дани. Напротивъ, Олегъ опасался отпора и сопротивленія со стороны Кіевлянъ, что можно заключить изъ убіенія Аскольда и Дира хитростью, а не открытою силою.

Далѣе: объясненіе автора, почему Олегъ погубилъ Аскольда и Дира, а Владиміръ Ярополка, неубѣдительно, потому что произвольно. У Олега явилось желаніе княжить въ Кіевѣ, а потому ему необходимо было избавиться отъ двухъ соперниковъ—Аскольда и Дира. Но почему Олегъ предпочелъ остаться въ Кіевѣ, а не въ другомъ городѣ,—мы не знаемъ. Можетъ быть, пріятность климата и красавица

мѣстоположенія привлекли Олега къ Кіеву; можетъ быть, онъ имѣлъ желаніе быть ближе къ Константинополю—для походовъ военныхъ и торговыхъ; можетъ быть, онъ принялъ въ расчетъ выгодное положеніе Кіева для торговыхъ операцій; можетъ быть, этотъ князь руководствовался военными соображеніями: Кіевъ могъ служить главной защитой владѣній Олега со стороны степей; вотъ сколько догадокъ можно допустить, такъ какъ лѣтописецъ не сообщалъ намъ тѣхъ мотивовъ, какими руководствовался Олегъ при занятіи Кіева. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ разказывать фактъ просто, какъ что было, не вдаваясь въ какія-либо объясненія. Мнѣніе автора, что Владиміръ погубилъ Ярополка изъ желанія захватить городъ Кіевъ и такимъ образомъ держать въ своихъ рукахъ нити русской промышленности не вѣрно. Война была предпринята Владиміромъ противъ Ярополка въ защиту князей противъ великокняжескихъ насилій. Вотъ слова Владиміра Блуду: „Не азъ бо начахъ братью бити, но онъ; азъ же того убоявся, придохъ на нь“ (П. С. Р. Л., I, 32). Еслибъ Ярополкъ не убилъ Олега, то Владиміръ спокойно продолжалъ бы княжить въ Новгородѣ; но, услышавъ объ убійствѣ брата, „убоявся“ чтобъ и съ нимъ Ярополкъ не поступилъ такъ же, какъ и съ Олегомъ „объѣжа за море“. Но почему же Владиміръ, погубивъ Ярополка, не вернулся въ Новгородъ, а остался въ Кіевѣ? Просто потому, что Кіевъ считался первымъ, старѣйшимъ, главнымъ городомъ („се буди мати градомъ русскимъ“) ¹⁾. Къ тому же князья чувствовали себя въ Новгородѣ стѣсненными въ своей власти. Уже въ 970 г. не одинъ князь не хотѣлъ княжить въ этомъ городѣ, такъ что Святославъ, котораго Новгородцы просили прислать къ нимъ на княженіе одного изъ своихъ сыновей, говоритъ: „еслибы захотѣлъ кто итти къ вамъ!“. Ярополкъ и Олегъ отказались; Владиміръ отправился княжить въ Новгородъ, и то благодаря старанію Добрыни.

Въ желаніи г. Ключевского доказать торговое происхожденіе Русскаго государства мы видимъ увлеченіе. Увлечемся на минуту гмы: допустимъ широкое развитіе внѣшней торговли въ древней Руси и существованіе особаго военно-торговаго класса. Все-таки положеніе автора, что Русское государство возникло на торговыхъ основа-

¹⁾ Святославъ и Мономахъ, призывая Святославичей, говорятъ имъ: «Придѣта къ Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшій градъ въ землѣ во всей Кіевъ; ту достойно саятися и порядъ положити» (П. С. Р. Л., I, 98).

ніяхъ, слишкомъ смѣло. Мы нигдѣ не найдемъ примѣра, чтобы какое-либо государство возникло благодаря торговлѣ, чтобы въ его созданіи участвовалъ какой-либо классъ. Прежде всего необходимо предположить слишкомъ большую солидарность между членами нашей торговой аристократіи; необходимо допустить, что она вполнѣ ясно сознавала, что борьба со степными варварами, отрѣзавшими славянскіе города отъ приморскихъ рынковъ, будетъ гораздо успѣшнѣе, если она сплотится около одного вождя. А если подобная солидарность и существовала между членами торговой аристократіи и военно-торговыми классами всѣхъ промышленныхъ городовъ, то должно было произойти соглашеніе между вождемъ и военно-торговыми классами—соглашеніе, по которому послѣдніе обязывались поддержать этого вождя, укрѣпить его въ Кіевѣ и распространить его власть изъ этого города, а вождь, съ своей стороны, обязывался „прочистить засорившійся торговый путь“. Въ такомъ случаѣ городовыя области должны были подчиниться власти этого вождя безъ всякой борьбы, такъ какъ правящимъ классомъ въ этихъ областяхъ была та же аристократія. Но ничего подобнаго, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, не было. Вотъ какимъ образомъ лѣтопись повѣствуетъ объ образованіи Кіевского княжества: Въ 864 году Аскольдъ и Диръ прибыли въ Кіевъ, въ землю Полянъ, которые платили дань Хазарамъ; они освободили Полянъ отъ этой зависимости и стали здѣсь княжить. Не задолго передъ этимъ на сѣверѣ Россіи появился князь, который былъ призванъ установить нарядъ въ землѣ, взволнованной усобицами. Установленіе наряда среди сѣверныхъ племенъ, сосредоточеніе ихъ около одного вождя дало имъ силу. Этою силою объединенныхъ племенъ князь пользуется для того, чтобы подчинить своей власти и остальные племена, обитавшія въ нынѣшней средней и южной Россіи. Такъ всегда было въ древности: лишь только вождь какаго-нибудь народа чувствовалъ перевѣсъ силы на своей сторонѣ, какъ тотчасъ же старается подчинить своей власти другой народъ, менѣе сильный, при чемъ этотъ послѣдній или оказываетъ ему сопротивленіе, желая сохранить свою независимость, или же подчиняется ему добровольно, сознавая превосходство противника. Вотъ почему и у насъ одни племена оказывали сопротивленіе Олегу, а другіе и не сопротивлялись. Затѣмъ, вождь Олегъ не „прочистилъ засорившіеся торговые пути“, такъ какъ лѣтопись ничего не говоритъ о борьбѣ его съ Печенѣгами или другими степными народами; слѣдовательно, той цѣли, ради которой, по словамъ автора,

военно-торговая аристократія поддержала этого конунга, на самом дѣлѣ не существовало. Трудно представить себѣ, чтобы въ созданіи государства лежалъ какой-либо интересъ, такъ какъ тѣ народы которые выходятъ изъ прежняго порядка вещей, сами не ясно сознають свои новыя стремленія. Теорія г. Ключевского, какъ бы сама она ни понималъ ее—такъ ли, какъ мы ее понимаемъ, или иначе—представляется зданіемъ, построеннымъ на пескѣ: она не имѣетъ прецедентовъ въ исторіи другихъ государствъ и не можетъ бытъ подтверждена фактами изъ исторіи Россіи.

Жаль, что авторъ только вскользь, мимоходомъ высказалъ свои мнѣнія о причинѣ разложенія Кіевского княжества въ XI в.: Этo княжество — по мнѣнію г. Ключевского — разложилось въ XII в. и свои составные элементы, городовыя волости, потому, что интересъ его создавшій, то-есть, внѣшняя торговля, не былъ достаточно силенъ чтобы поддержать и укрѣпить его на долго. Любопытно было бы знать доводы г. Ключевского, заставившіе его высказать такую новую, оригинальную и неправдоподобную мысль.

Ничто столь же неправдоподобное содержится и въ слѣдующемъ разсужденіи: „Въ X в. военно-торговый классъ „долженъ былъ дѣлиться выгодами власти съ соперникомъ, созданію котораго самъ болѣе всего способствовалъ. Это былъ князь съ своею дружиною, выдѣлившіеся изъ той же военно-торговой аристократіи большихъ городовъ. Ходъ этого выдѣленія можно представить въ такихъ общихъ чертахъ. Тамъ, куда усиленно приливали вооруженныя компаніи изъ-за моря пришлый элементъ въ составѣ правительственнаго класса получалъ перевѣсъ, а гдѣ притомъ и внѣшняя опасность чувствовалась сильнѣе тамъ военные интересы брали верхъ надъ интересами мирнаго промысла. Тогда городъ... изъ центрального рынка превращался въ постоянный укрѣпленный лагерь... вождь города изъ выборнаго тысяцкаго... превращался въ военнаго властителя, въ варяжскаго конунга... Въ IX в. встрѣчаемъ четыре такихъ варяжскихъ княжествъ: Рюриково въ Новгородѣ, Труворово въ Изборскѣ, Синеусово въ Вѣлозерской землѣ, Аскольдово въ Кіевѣ; въ X в. являются еще два: Рогволодово въ Полокѣ и Турово въ Туровѣ“ (стр. 32—33).

Странно читать такія вещи, выдаваемыя авторомъ за истину между тѣмъ какъ онѣ лишены всякой опоры. Оказывается, что насъ сначала были „вождями города“ тысяцкіе. Когда какому-нибудь городу грозилъ внѣшняя опасность, то эти тысяцкіе „превращались въ князей. Напримѣръ, въ Новгородѣ прибыла изъ-за моря „воору-

женная компанія", въ числѣ которой былъ и Рюрикъ. Эта „компанія" вступила въ ряды военно-торговаго класса, но какъ пришлый элементъ, она „получила перевѣсъ въ составѣ правительственнаго класса", то-есть, военно-торговой аристократіи Новгородѣ; Рюрикъ былъ избранъ въ тысяцкіе. Но Новгороду стала грозить внѣшняя опасность; тогда Рюрикъ изъ тысяцкаго „превратился" въ князя и началъ „воевать всюду". Или еще: хотя лѣтописецъ сообщаетъ, что въ Кіевѣ, съ самаго основанія этого города, были наслѣдственные славянскіе князья („и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъ въ Поляхъ"), но это, по мнѣнію г. Ключевскаго, невѣрно: до 862 года управленіе надъ городомъ и его областью сосредоточивалось въ рукахъ военно-торговой аристократіи. Въ 864 г. въ Кіевъ прибыли Аскольдъ и Диръ съ заморской компаніей; здѣсь также произошло вступленіе пришельцевъ въ ряды городской аристократіи; Аскольдъ былъ избранъ въ тысяцкіе (а Диръ?). Кіеву начала грозить внѣшняя опасность, и Аскольдъ изъ тысяцкаго превратился въ князя. Точно такъ же и въ Полоцкѣ: сначала Рогволодъ былъ тысяцкимъ, а когда Полоцку стала грозить внѣшняя опасность, то Рогволодъ изъ тысяцкаго превратился въ князя. Не извѣстно однако, откуда могла грозить Полоцку опасность во второй половинѣ X вѣка? Почему только въ означенныхъ шести городахъ произошло превращеніе тысяцкихъ въ князей, а въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Черниговѣ, подобнаго превращенія не было? Вѣдь Черниговъ недалеко отстоялъ отъ днѣпровскихъ степей, слѣдовательно, и ему грозила внѣшняя опасность. Нѣкоторые ученые отвергаютъ фактъ призванія князей, находя, что вся обстановка и подробности призванія вполнѣ соответствуютъ понятіямъ или представленіямъ позднѣйшимъ, которыя могли быть перенесены на первоначальную исторію. Г. Ключевскій, какъ видно, принадлежитъ къ норманнской школѣ; но у послѣдователей этой школы фактъ призванія князей составляетъ краеугольный камень. Нашъ же авторъ отрицаетъ этотъ фактъ и предлагаетъ новую систему для объясненія того, какимъ образомъ появились у насъ варяжскіе князья. Но во всякомъ случаѣ, чтобъ имѣть право говорить такъ утвердительно, что наши князья „выдѣлились изъ военно-торговой аристократіи большихъ городовъ", однихъ апріорныхъ выводовъ мало: нужны несомнѣнные историческіе факты, которые ясно доказывали бы положеніе или, по крайней мѣрѣ, дѣлали бы его весьма вѣроятнымъ, правдоподобнымъ.

Вообще вся „исторія городовъ", какъ мы ее находимъ у г. Ключ-

чевскаго, вызываетъ много возраженій. Намъ невольно приходится на мысль слова Болтина, что „возводить нашу исторію далѣе Рюрика и терять время въ тщетныхъ розысканіяхъ и разбирательствахъ вещей, до насъ непринлежащихъ, есть не меньше трудно, сколь и бесполезно“. Эпоха, которой коснулся г. Ключевскій—самый неблагоприятный предметъ въ русской исторіи. Источники о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи очень скудны, отрывочны и неопредѣленны. Они указываютъ на мѣста поселеній Славянскихъ племенъ; о существованіи у нихъ какихъ-то князей; о построеніи тремя братьями городка Кіева, сообщаютъ кое-что о семейномъ бытѣ Славянъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ, и только. Все остальное такъ сглажено, что самые важные вопросы остаются и, по видимому, должны остаться нерѣшенными. Попытка „восполнить недостатокъ прямыхъ историческихъ указаній“ всякаго рода догадками и предположеніями, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, не можетъ быть ничѣмъ оправдана, ибо лишена всякихъ основаній.

Какъ скудость и спорность источниковъ, такъ и разнообразіе высказанныхъ учеными мнѣній обо всемъ, что касается древнѣйшей исторіи Россіи, особенно бытовой, налагаютъ на г. Ключевскаго обязанность отнестись критически къ затронутой имъ первоначальной исторіи городовъ. Но критики у автора мы не найдемъ, и свои выводы онъ не доказываетъ, а какъ бы требуетъ, чтобы читатели приняли ихъ на вѣру. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются доказательства, но или очень сомнительнаго свойства, или допускающія всевозможныя толкованія (извѣстіе Бертинской лѣтописи).

Пора, наконецъ, обратиться къ вопросу о томъ, кто были „старцы градскіе“¹⁾, участвовавшіе въ думѣ князя Владиміра. Авторъ разбираетъ мнѣніе Соловьева о старцахъ градскихъ, приводитъ мнѣнія Эверса, Рейца и г. Иловайскаго. Мы, съ своей стороны, приведемъ еще нѣсколько мнѣній: г. Сергѣевичъ считаетъ старцевъ градскихъ просто стариками, старшихъ по возрасту; къ этому мнѣнію присоединяется г. Загоскинъ, хотя въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что это были „лучшіе земскіе люди“; Тюринъ упоминаетъ о старцахъ градскихъ, какъ объ особомъ сословіи; г. Владимірскій-Будановъ говоритъ, что это были земскіе бояре, въ противоположность служилымъ боярамъ, княжескимъ; того же

¹⁾ Лѣтописи безразлично употребляютъ выраженіе «старцы градскіе» и «старцы людскіе», что видно изъ сличенія параллельныхъ мѣстъ,

нѣнія держится г. Яблочковъ. Большинство историковъ не рѣшается высказать свое мнѣніе о старцахъ.

Какъ мы уже видѣли, власть надъ городомъ и его областью, по нѣнію г. Ключевского, сосредоточивалась въ рукахъ военно-торговой аристократіи. Впослѣдствіи изъ этого правительственнаго класса выдѣлился соперникъ—князь съ дружиною. При первыхъ Киевскихъ князьяхъ соперничество обонихъ классовъ смягчалось памятью объ ихъ недавнемъ товариществѣ, о близкомъ социальномъ родствѣ. Въ в. между княжеской дружиной и городской торговой аристократіей не было значительнаго разстоянія ни экономическаго, ни политическаго. Эта близость двухъ господствующихъ классовъ обозначилась присутствіемъ городской старшины въ совѣтѣ князя Владиміра рядомъ съ княжескою дружиною, городскихъ старцевъ рядомъ съ боярами. Тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ и другихъ управителей, выходившихъ изъ торгово-аристократическаго класса, глѣтописъ и называетъ „старцами градскими“, а торговую аристократію города обозначаетъ словами „нарочитые мужи“. Такимъ образомъ, въ бояромъ совѣтѣ Киевскаго князя X в. еще сидѣли представители класса, равнающаго обществомъ раньше князя съ его боярами.

Послѣднее положеніе автора не выдерживаетъ критики, такъ какъ онъ не доказалъ существованія въ древней Руси особаго военно-торговаго класса, который управлялъ бы городомъ и его областью, есть кое-какія доказательства противъ него. Мы отбросимъ жажую въ основаніи мнѣнія о „старцахъ“ не доказанную гипотезу и ограничимся лишь вопросомъ: дѣйствительно ли глѣтописецъ называетъ „старцами градскими“ тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ? Не знаемъ, на сколько правъ г. Ключевскій, дѣлая такой выводъ. Тамъ, гдѣ объясняемый предметъ извѣстенъ только по имени, скрывается широкій просторъ фантазіи, догадкамъ, а это такой путь, на которомъ легко поскользнуться. Въ подобныхъ случаяхъ можно повременить, выждать открытія новыхъ источниковъ. Вотъ почему мы воздерживаемся отъ всякихъ операцій надъ выраженіемъ глѣтописи „старцы градскіе“ и только спросимъ г. Ключевского: если „старцы градскіе“ означаютъ тысяцкихъ, сотскихъ и десятскихъ, то почему глѣтописецъ, разказывая о пирахъ Владиміра и перечисляя лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, не ограничивается общимъ выраженіемъ „старцы градскіе“, а отдѣльно упоминаетъ сотскихъ и десятскихъ? „Се же творящу (Владиміръ) людямъ своимъ по всѣмъ дѣламъ уставн на дворѣ во гридници пиръ творити бояромъ, и

гридемъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и нарочитымъ людямъ" (П. С. Р. Л., I, 54). Между тѣмъ, нѣсколько выше, разказывая о „праздникахъ“, которые даны были Владиміромъ по случаю сооруженіи церквей Богородичной и Преображенской, лѣтописецъ употребляетъ общее выраженіе „старцы градскіе“ и „старѣйшины по всѣмъ градомъ“. Авторъ указываетъ на то, что Лаврентьевская лѣтопись въ разказѣ о крещеніи Руси соединяетъ бояръ и городскихъ старѣйшинъ подъ однимъ общимъ названіемъ „дружины“, которымъ обозначались собственно служилые люди князя. Но въ такомъ случаѣ мы можемъ сослаться на Суздальскую и Воскресенскую лѣтописи, гдѣ въ томъ же самомъ мѣстѣ „городскіе старѣйшины“ названы „нарочитыми мужами“.

Впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на желаніи во что бы то ни стало опровергнуть мнѣніе г. Ключевского о старцахъ градскихъ. Древніе памятники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ: кто были бояре, смерды, закупы; но если собрать все, что говорится о нихъ въ этихъ памятникахъ, то мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленіе о боярахъ, смердахъ, закупкахъ. Что касается старцевъ градскихъ, то этимъ названіемъ обозначаются какія-то лица принимавшія участіе на вѣчѣ и въ думѣ князя Владиміра, и большаго о нихъ нигдѣ ни слова. Мы привели мнѣніе г. Владимірскаго-Буданова о старцахъ: онъ считаетъ ихъ земскими боярами и свое мнѣніе обставляетъ нѣкоторыми доводами¹⁾. Но чье мнѣніе о старцахъ справедливѣе, г. Ключевского или г. Владимірскаго-Буданова, — на этотъ вопросъ нельзя дать положительнаго отвѣта по недостатку данныхъ.

Едва ли можно согласиться съ авторомъ и въ томъ, что торговую аристократію города лѣтописецъ называетъ „нарочитыми мужами“. Въ первый разъ это слово упоминается въ лѣтописяхъ подъ 945 годомъ слова Ольги Древланамъ: „Да аще мя просите право, то пришлите мужи нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не ну стаять мене людѣ кievстѣи“. „Се слышавше Древлане, избраша лучшіи мужи (въ Ипатіевской лѣтописи „всю старѣйшину свою“, въ Софійской — „нарочитыхъ мужъ 50“), иже державу Древланскую землю, и послаша по ню“ (П. С. Р. Л., I, 24); этихъ же „лучшихъ мужей“ Древлане называютъ „дружиною“. Изъ разказа лѣтописца о ссорѣ

¹⁾ Сборникъ государств. знаній, VIII.

Ярослава съ Новгородцами, гдѣ также упоминаются „нарочитые мужи“, видно, что такъ названы знатные Новгородцы, принимавшіе участіе въ военныхъ походахъ князя (ibid., 61). Какъ мы уже указали, лѣтописецъ въ одномъ мѣстѣ называетъ „нарочитыми“ старцевъ градскихъ (П. С. Р. Л., V, 117). Зачѣмъ же непременно утверждать, что „нарочитыми мужами“ лѣтописи называютъ людей торговаго класса? Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что выраженіе „нарочитые мужи“ не имѣло спеціальнаго значенія, а употреблялось для обозначенія разряда лицъ выдающихся, знатныхъ.

Съ XI вѣка старцы градскіе не упоминаются въ лѣтописяхъ. Вотъ какимъ образомъ авторъ объясняетъ причину этого: Весь X в. князь съ дружиною и городская знать дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую, вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства. Но съ половины XI вѣка обѣ эти общественныя силы расходятся. Княжеское правительство, устроившись и укрѣпившись въ административномъ и военномъ отношеніи, стало меньше нуждаться въ содѣйствіи городского управленія и городовыхъ полковъ. Княженіе Владиміра, когда городскіе старѣйшины такъ часто появлялись въ княжескомъ дворцѣ рядомъ съ боярами, было временемъ самой напряженной борьбы съ степью. Но страшное пораженіе, нанесенное Ярославомъ Печенѣгамъ въ 1036 году, на нѣкоторое время развязало руки правительству съ этой стороны. Въ то же время стало замѣтно расширяться политическое и экономическое разстояніе между княжескою дружиною и городскою аристократіей. Появленіе у бояръ привилегированной собственности, признаки которой становятся замѣтными съ XI вѣка, далеко удалило этотъ классъ отъ городского общества, владѣвшаго торговыми капиталами. Къ тому же городова старшина, то-есть, тѣ высшіе сановники, тысяцкіи съ сотскими, которые сидѣли въ думѣ князя Владиміра, теперь назначались княземъ изъ его дружины, а такое назначеніе лишало ихъ характера городскихъ старцевъ (стр. 40—45).

Дѣйствительно, при Владимірѣ шла безпрестанная борьба съ степными варварами. Но въ XI вѣкѣ началась борьба князей между собою. Во всѣхъ своихъ передвиженіяхъ и пріобрѣтеніяхъ волостей князья дѣйствовали помощью своей дружины, которая была первою опорой княжеской власти. Народъ хладнокровно смотрѣлъ на перемѣны князей и старался возможно менѣе принимать участія въ ихъ спорахъ. Однако же, перевѣсъ силы почти всегда оставался за тѣмъ

часть соххху, отд. 2.

княземъ, который дѣйствовалъ не одними дружинниками, но и пользовался помощью народонаселенія волости. Тамъ, гдѣ дружина успѣвала крѣпко сблизиться съ народомъ, власть князя была прочнѣе (Смоленское княжество). Затѣмъ, въ томъ же столѣтїи мѣсто Печенѣговъ заняли Половцы. „Много зла сотвориша ти окоянніи Половцы Русской землѣ“, отъ нихъ „бысть плачь, а не радость“; дружина говоритъ князю Владимиру Переяславскому, что Половцы „губятъ землю Русскую и кровь христіанскую проливаютъ безпрестанно“; Владимиръ и Святополкъ выражаются о нихъ, какъ „о паганныхъ, иже погубили суть землю Русскую“¹⁾. Но не съ одними Половцами приходилось бороться Руси: въ то же время на сѣверо-западѣ и востокѣ происходила борьба Русскихъ съ другими варварами—Ятвягами, Латышами, Мордвою, Чудью. Вотъ когда княжеское правительство также нуждалось въ услугахъ городской старшины и городовыхъ полковъ, и пожалуй, даже больше, чѣмъ во времена борьбы съ Печенѣгами. И мы дѣйствительно видимъ нерѣдкое участіе городовыхъ полковъ въ княжескихъ походахъ (см., напримѣръ, Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1043, 1060, 1093, 1136, 1169 гг.). А между тѣмъ, по словамъ г. Ключевского, съ XI в. князья уже не нуждались въ содѣйствїи городского управленія и городовыхъ полковъ. Авторъ считаетъ отличительнымъ признакомъ княжеской думы X вѣка присутствіе старцевъ градскихъ въ совѣтѣ князя вмѣстѣ съ боярами. Совершенно вѣрно. Но если старцы градскіе суть тысяцкіе съ сотскими, то мы не видимъ, чѣмъ отличается княжеская дума X вѣка отъ думы XI и XII вв. Тысяцкіе принимаютъ участіе въ думѣ князя и въ XI и въ XII вв. Какъ же быть? Г. Ключевскій даетъ дѣлу такой оборотъ: до XI в. тысяцкіе избирались самими горожанами, въ XI—XII вв. тысяцкаго назначалъ самъ князь изъ членовъ своей дружины, а такое назначеніе лишало ихъ характера городскихъ старцевъ“. И дальше: „назначая тысяцкаго изъ среды городской знати, князь могъ поручить эту должность и члену своей дружины, но съ согласія города“ (стр. 39—40). Это—противорѣчіе. Мы не нашли въ лѣтописяхъ ни одного мѣста, гдѣ было бы видно, что тысяцкіе избирались горожанами²⁾. Напротивъ, тысяцкїй, бывшій предводителемъ

¹⁾ Соловьевъ насчитываетъ 37 значительнѣйшихъ половецкихъ нападений. Ист. Росс., III, 41.

²⁾ Карамзинъ также говоритъ, что «тысяцкіе, кажется, избирались горожанами» (Ист. Гос. Росс., изд. 2-е, V, 38 и 373), но и онъ не приводитъ ни одного доказательства въ пользу своего мнѣнія.

лежъ городского войска и, кромѣ того, имѣвшій важное гражданское значеніе, назначался княземъ, и притомъ изъ членовъ дружины, преимущественно изъ бояръ. Только въ Новгородѣ, начиная съ XII вѣка, когда князья стали избираться Новгородцами и управлять Новгородомъ „на всей волѣ его“, должность тысяцкаго сдѣлалась выборною. Если званіе тысяцкаго и воеводы въ началѣ отождествлялись, то первое извѣстіе о назначеніи тысяцкаго княземъ сохранилось отъ 1045 года: „воеводство поручи (Ярославъ) Вышатѣ“. Назначался ли тысяцкій до этого времени княземъ, или онъ тогда избирался горожанами, — не извѣстно. Нѣтъ также въ лѣтописяхъ ни одного намека, чтобы князь, назначая тысяцкаго, испрашивалъ согласіе народа.

Что касается послѣдняго довода автора о причинѣ отсутствія старцевъ градскихъ въ думѣ князя въ XI в., то онъ также шатокъ, какъ и первые два. Признаемся, мы никакъ не можемъ понять, почему появленіе привилегированной собственности у бояръ могло повліять на удаленіе изъ княжескаго совѣта городскихъ старцевъ, то-есть, тысяцкихъ съ сотскими, когда самъ авторъ утверждаетъ, что въ XI в. тысяцкій назначался княземъ и принадлежалъ къ „великимъ боярамъ“? Слѣдовательно, никакого экономическаго различія между дружиной и городовою старшиной не было. Справедливо ли, что городская аристократія владѣла только торговыми капиталами и не имѣла поземельной собственности? На первыхъ порахъ вопросъ о поземельной собственности не занималъ нашихъ князей. Варяги, покоривъ себѣ Славянскія и другія племена теперешней Россіи, обложили ихъ данью и водили съ собою на войну. Не видно, чтобы они отдѣлили себѣ часть земли у покоренныхъ народовъ. Добыча, золото, и не земля, прельщали ихъ. Слѣдовательно, въ варяжскую эпоху земля не могла быть собственностью князей. Тѣмъ болѣе не могла она быть собственностью дружинниковъ. Кто же у насъ тогда были землевладѣльцами? Только черные люди? Такъ ли это? Ни одинъ свободный классъ не устранялся отъ права обладать поземельною собственностью, и мы не можемъ утверждать, чтобы члены городской аристократіи не владѣли этою собственностью¹⁾. И что это за аристократія, если вся сила ея заключалась въ торговомъ капиталѣ?

Въ концѣ концовъ, если и согласиться съ авторомъ, что „старцы градскіе“—тысяцкіе, сотскіе и десятскіе, то его доводы, почему лѣ-

¹⁾ См. К. Невский, Сочиненія, IV, стр. 130.

топись съ XI вѣка не говоритъ о городскихъ старѣйшинахъ; не убѣдительно.

Впрочемъ, и самъ авторъ окончательно не убѣжденъ, что дѣйствительно съ XI в. люди городского класса перестаютъ принимать участіе въ княжескомъ совѣтѣ. На стр. 125 читаемъ: „На удѣльномъ сѣверо-востокѣ встрѣчается случай, напоминающій тѣ времена старой Кіевской Руси, когда социальное разстояніе между обѣими аристократіями, служилою и торговою, не успѣло значительно раздвинуться, и люди послѣдней часто переходили въ первую, становились боярами. Случай этотъ: нижегородскій купецъ Тарасій Петровичъ Новосильцевъ былъ пожалованъ въ бояре. Изъ этого случая, по крайней мѣрѣ, можно вывести то заключеніе, что въ XIV в. высшій служилый чинъ боярина былъ доступнѣе для людей, поднимавшихся изъ среды городского промышленнаго класса, чѣмъ сталъ впоследствии“. Послѣдній выводъ справедливъ, такъ какъ въ Москвѣ только лица извѣстнаго разряда получали званіе боярина. Но при чемъ тутъ социальное разстояніе между служилою и торговою аристократіями — не понимаемъ. Въ дружину князя былъ открытъ доступъ всѣмъ лицамъ свободнаго званія, годнымъ на ратное дѣло. Тѣ изъ нихъ, которые, состоя на службѣ князя, успѣвали разбогатѣть, дѣлались боярами. Люди городского класса не составляли въ этомъ случаѣ исключенія. Если бы даже у нихъ не было поземельной собственности, то во всякомъ случаѣ въ рукахъ городской аристократіи сосредоточивались торговые капиталы, слѣдовательно, люди этого класса были богатыми. Ничто не мѣшало имъ, если только ихъ привлекала военная служба, вступать въ ряды старшей дружины князя дѣлаться его совѣтниками. Если были бояре изъ „племени смерды“, то почему же не могло быть бояръ изъ „городской промышленной аристократіи“? Мы можемъ указать на Новгородъ: тамъ средствомъ къ возвышенію служила, между прочимъ, и торговля; разбогатѣвшіе купцы вступали въ ряды новгородскихъ бояръ. Одно мѣсто лѣтописи заставляетъ нѣсколько сомнѣваться, чтобы „старцы градскіе“, начиная съ XI в., перестали участвовать въ совѣтѣ князя: подъ 1096 годомъ мы встрѣчаемся съ „людьми градскими“, которые въ Ипатіевской лѣтописи названы „старцами“ (П. С. Р. Л., II, 280). Подъ 1177 г. находимъ слѣдующее: „всташа бояре и купцы, рѣкуще (Всеволоду Юрьевичу): княже, мы тебѣ добра хотимъ, и за тебя головы свои складываемъ, а ты держишь вороги своя просты; а се ворози твои и

наши, Суздальцы и Ростовцы, либо ихъ казни, либо слѣпи, али дай намъ". Здѣсь взглядъ г. Ключевскаго непримѣнимъ.

„Вытѣсненная изъ городского управленія княжескою дружиной, аристократія большихъ городовъ не утратила своего значенія, но это значеніе ея высказывалось не въ думѣ княжеской (прибавимъ отъ себя: хотя о совѣщаніи князя съ городскими старцами лѣтопись говоритъ всего только три раза), а на вѣчѣ. Городская аристократія руководила вѣчемъ и часто являлась посредницею между княземъ и вѣчемъ" (стр. 45). Имѣла ли какое-либо значеніе эта аристократія на городскомъ вѣчѣ до XI в.? Этотъ вопросъ, по видимому, затруднялъ автора. Чтобы отдѣлаться отъ него, онъ заявляетъ, что сначала на Руси „совѣтъ князя былъ единственнымъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ; съ XI в. онъ долженъ былъ считаться съ вѣчемъ, дѣятельность котораго до этого времени не оставила замѣтныхъ слѣдовъ въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ нашей исторіи" (стр. 44). Но это не вѣрно. Не говоря уже о томъ, что лѣтописецъ прямо свидѣтельствуетъ о существованіи у насъ вѣча „изначала", можно указать на отдѣльныя вѣчевыя сходки, бывшія до XI в. Есть также извѣстіе, что въ X вѣкѣ старцы градскіе не только одни присутствуютъ на вѣчѣ, но даже имѣютъ власть перемѣнить рѣшеніе предыдущаго вѣча (П. С. Р. Л., I, 55).

Наконецъ замѣтимъ, что свидѣтельства лѣтописи о старцахъ собраны авторомъ не всѣ. Упомянуты старѣйшины града при описаніи мѣстн Ольги надъ Древлянами, при описаніи осады Вѣлгорода Печенѣгами.

На стр. 65 г. Ключевскій перечисляетъ вопросы, которые обсуждались на княжескомъ совѣтѣ. Но это перечисленіе далеко не полное. Автору слѣдовало бы высказаться положительно: собиралась ли княжеская дума для обсужденія всѣхъ вообще предметовъ тогдашняго управленія, или же предметомъ совѣщаній служили лишь тѣ вопросы, какіе князь находилъ нужнымъ обсудить съ дружиною, то-есть, предметы зачатой думы исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя. И то, и другое мнѣніе имѣетъ въ литературѣ сторонниковъ.

Имѣла ли дума обязательный для князя и рѣшающій голосъ, или же она была только совѣщательнымъ собраніемъ, къ которому князь обращался за справкой, когда хотѣлъ, оставляя за собою рѣшающее слово? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ не вполне ясно. То онъ говоритъ, что не считалось возможнымъ рѣшить какое-либо дѣло безъ согласія бояръ, князь долженъ былъ являть имъ свою думу, и бояре

считали себя въ правѣ отказать князю въ своемъ содѣйствіи, если дѣло задумано безъ ихъ вѣдома; князь, вообще, не могъ остаться безъ совѣтниковъ; то, напротивъ, заявляетъ, что для князя не было обязанностью совѣщаться съ боярами и это совѣщаніе не составляло политическаго права бояръ, князь могъ не принимать мнѣнія своихъ совѣтниковъ, имѣлъ право многое дѣлать совсѣмъ безъ совѣта съ боярами; совѣтоваться съ боярами было лишь практическою необходимостью какъ для князя, такъ и для бояръ (стр. 54—55, 73—74). Мы держимся того мнѣнія, что князь обязанъ былъ совѣтоваться съ дружиною, а дружина имѣла право требовать, чтобы князь заручался ея согласіемъ въ каждомъ дѣлѣ. Правда, относительно этого не сохранилось какого-либо опредѣленнаго постановленія, особаго положенія закона; не знаемъ также, выговаривали ли себѣ дружинники, когда они поступали на службу къ князю, право требовать отъ этого послѣдняго, чтобы онъ, предпринимая какое-либо дѣло, спрашивалъ ихъ согласія. Но сама жизнь, обстоятельства, самое положеніе князей требовали, чтобы они не таили своей думы, своихъ предпріятій отъ дружины, въ особенности отъ старшей. Всѣ наши свѣдѣнія о княжеской думѣ основываются на случайныхъ, частныхъ указаніяхъ лѣтописныхъ источниковъ. Но стоитъ только собрать эти разбросанныя, случайныя указанія, и мы увидимъ, что дружинники смотрѣли на совѣщаніе съ ними, какъ на свое неотъемлемое право, и князя, если иногда и не считали себя обязанными совѣтоваться съ дружиною, то въ концѣ концовъ должны были почувствовать эту обязанность. О думѣ съ дружиною Владиміръ Мономахъ говоритъ, какъ о явленіи постоянномъ, обыденномъ, стоящимъ въ порядкѣ теченія княжескихъ занятій. Думу съ дружиною онъ ставитъ на первомъ планѣ: „сѣдше думати съ дружиною,“ а затѣмъ уже: „или люди отправляти, или на ловъ ѣздити“ и т. д. (П. С. Р. Л., I—103). Тому же Владиміру Мономаху „вложи Богъ мысль благу поити на Половцевъ.“ Когда эта мысль у него возникла, Владиміръ передалъ ее дружинѣ, князьямъ, между прочимъ, и Святополку. Святополкъ тотчасъ же сообщаетъ объ этомъ своей дружинѣ, но дружина не согласилась. Вслѣдствіе того Святополкъ приглашаетъ Владиміра на сѣздъ: „да быхомъ ся сняли и да подумали съ дружиною“. Такимъ образомъ ни Владиміръ, ни Святополкъ не считаютъ себя въ правѣ предпринять походъ безъ согласія дружины. Правда, князь могъ задумать какое-нибудь предпріятіе, не спросивъ согласія дружины; но въ такомъ случаѣ задуманное оставалось одной лишь мечтой. „Особѣ еси,

княже, замыслилъ" (отнять Кіевъ у Мстислава Изяславича), говоритъ дружина Владиміру Мстиславичу, — „а не ѣдимъ по тебѣ, мы того не вѣдали: не поидемъ по тебѣ.“ Не смотря на это, Владиміръ Мстиславичъ не отказался отъ задуманнаго имъ предпріятія и отправился къ Верендичамъ. Эти послѣдніе, увидѣвъ Владиміра „одного ѣдаща, рѣша ему: ты намъ тако молваше: „братьи вси со мною суть; а кое есть Андреевичъ Володимеръ, и Ярославъ и Давыдъ? но се ѣдиши одинъ и безъ мужей своихъ, а на прельстивъ, а намъ лучше въ чужю голову нежели въ свою,“ — и начаша въ нь пуцати стрѣли“ (П. С. Р. Л., II—97). Пришлось Владиміру Мстиславичу пожалѣть, что допустилъ такую несправедливость по отношенію къ своей дружинѣ, — не посовѣтовался съ нею. „Князы“ говоритъ дружина Мстиславу Изяславичу, — „тебѣ безъ насъ нельзя было ничего ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьи“. Такимъ образомъ, изъ отвѣта дружины Владиміру и Мстиславу ясно, что князь ничего не могъ задумать безъ дружины. Случалось, что князь что-либо предпринималъ не посовѣтовавшись съ дружиною, но тогда общество осуждало князя и относилось къ нему съ недоувѣріемъ. Если даже князь предпринималъ дѣло посовѣтовавшись только съ младшею дружиною, или съ кѣмъ нибудь изъ своихъ любимцевъ, „не повѣдавъ мужамъ своимъ лѣпшимъ думы своя,“ то и подобные случаи лѣтописецъ отмѣчалъ, какъ необычайное и неправильное явленіе: разказывая о дурномъ поступкѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, лѣтописецъ замѣчаетъ: „Святославъ сдумавъ съ княжею своею и Кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣдавъ сего мужамъ своимъ лѣпшимъ думы своя“ (ibid., 122); точно также, разказывая о неправильномъ захватѣ Юріемъ Береста, лѣтописецъ прибавляетъ, что Юрій такъ поступилъ „по совѣту безумныхъ своихъ бояръ молодыхъ и коромольниковъ Берестанъ“; въ 1093 году Половцы прислали къ Святополку пословъ для заключенія мира; Святополкъ „не сдумавъ съ большею дружиною отнею и строя своего, но совѣтъ сотвори съ пришедшими съ нимъ, изънимавъ слы всажа и въ истобку“; Половцы начали воевать, и дѣло кончилось тѣмъ, что „побѣгоша наши предъ иноплеменники, подаху явлены предъ враги нашима, и мнози погибоша мертви“; Святополкъ прибылъ въ Кіевъ самъ третій только, и въ городѣ „бысть плачь, а не радость“ (ibid., I, 93); Всеволодъ, сынъ Ярослава, „нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ сотвори съ ними; си же начаша завидѣти и негодовати дружины своя первыя, и людемъ не доходите

княже правды, начаша тиунн грабити, людей продовати, сему (Всеволоду) не вѣдущю въ болѣзняхъ своихъ" (ibid., I, 93). Самы князья сознавали, что они не могутъ не совѣтоваться съ дружиною, и тѣхъ изъ нихъ, которые лучше сознавали свои обязанности, всегда и во всемъ совѣтовались съ боярами. Какъ мы уже видѣли, дружина отказалась помочь Владиміру Мстиславичу отнять Кіевъ у Мстислава Изяславича, такъ какъ онъ „особе еси замыслилъ" это предпріятіе. Чтобы и въ другой разъ не пришлось выслушать подобнаго отвѣта, Владиміру Мстиславичу оставалось дѣйствовать безъ „думы" съ боярами; однако онъ не рѣшился на это, но, взглянувъ на дѣтскихъ, сказалъ: „а се будутъ мои бояре". Если бы для князя было только практической необходимостью совѣтоваться съ боярами, то подобныя совѣщанія ограничивались бы только дѣлами внѣшней политики (съ дружиною князь добывалъ „сребро и злато," съ нею онъ добывалъ волости и защищалъ свои владѣнія отъ чужихъ притязаній, съ дружиною князь „оборонялъ Русскую землю отъ поганыхъ"); между тѣмъ князья совѣтуются съ дружиною и „о строѣ земельмъ и уставѣ земельмъ", издають новые законы, дѣлають предсмертныя распоряженія; боярскій совѣтъ вмѣшивается даже въ семейныя дѣла князя: бояре посовѣтовали Владиміру не казнить Рогнеду, а „вовдвигнуть отчину ей". Очень многіе князья охотно лишили бы дружинниковъ права совѣщаться съ ними о дѣлахъ, но обычай такихъ совѣщаній былъ на столько силенъ, что всякая попытка князя къ ограниченію правъ дружинниковъ въ этомъ отношеніи влекла за собою не только неудовольствіе со стороны ихъ, но нерѣдко и полный разрывъ между княземъ и дружиною. Даже такому сильному князю, какъ Андрей Боголюбскій, пришлось заплатить жизнью за подобную попытку. Галицкій князь Владиміръ Ярославичъ „бѣ бо любезенъ питію многуму" и любилъ покидать чужихъ женъ и дочерей, но за то „думы не любяшеть съ мужми своими" (П. С. Р. Л., II, 136). Этими словами самъ лѣтописецъ указываетъ, что о дѣлахъ княжества князь обязанъ „думать съ мужами"; не сказалъ лѣтописецъ, что князь не радѣлъ о дѣлахъ княжества или что либо въ родѣ этого, а сказалъ: думы не любяшеть съ мужми своими". Укажемъ еще на одно мѣсто, откуда видно, какою важнымъ значеніемъ пользовалась дружина князя: князь Изяславъ считаетъ нужнымъ оправдаться предъ дружиною, что онъ ни сколько не причастенъ въ убіеніи Кіевского князя Игоря; дружина успокаиваетъ его: „Богъ вѣдаетъ и вси люди, яко не ты его убилъ".

Когда князь жилъ дома, совѣтъ собирался при немъ ежедневно. „Поученіе Владимира Мономаха“ указываетъ и на время собиранія думы княжеской—утро; съ этимъ согласно и одно мѣсто, находящееся въ житіи св. Феодосія (Чтен. въ общ. ист. и древн. росс., 1858 г., III, отд. 3, стр. 15).

На стр. 70—72 г. Ключевскій указываетъ на особенность Галицкаго княжества, гдѣ боярство стремилось поставить князя въ такое положеніе, чтобъ онъ только княжилъ, а не правилъ, отдавъ дѣйстви-тельное управленіе страню въ руки бояръ. Авторъ однако не объясняетъ, почему въ Галичѣ бояре составляли таковой могущественный классъ и имѣли такое значительное вліяніе на дѣла княжества; онъ только замѣчаетъ: „вѣроятно, какъ областные правители, они имѣли при себѣ свои полки, съ которыми возставали противъ князей“. Дѣйствительно, въ лѣтописяхъ есть указанія, что галицкіе бояре имѣли „свои полки“, но то же самое было и въ другихъ княжествахъ; а между тѣмъ только въ одномъ Галичѣ дѣло доходило до того, что бояре вѣшали князей, а бояринъ Володиславъ самъ „воскняжился“. Совершенно вѣрно говорить г. Ключевскій, что галицкіе бояре не были представителями народа (стр. 72), такъ какъ они преслѣдовали свои личныя интересы, ради которыхъ не разъ продавали интересы народныя чужеземцамъ; да и самое народонаселеніе городовъ было сбродное и иноземнаго происхожденія. Но и вездѣ бояре дѣйствовали только изъ личныхъ выгодъ, а не изъ выгодъ своего класса или народа. Нельзя ли видѣть основаніе могущества галицкихъ бояръ въ томъ, что они были богатыми землевладѣльцами? Г. Ключевскій сомнѣвается, чтобы въ Галичѣ бояре сильны были землевладѣніемъ; Соловьевъ и Бѣляевъ, напротивъ, считаютъ ихъ богатыми землевладѣльцами. И кажется, послѣднее мнѣніе справедливѣе. Въ то время, какъ въ другихъ княжествахъ происходили постоянныя перемѣщенія князей, при чемъ и дружина слѣдовала за своимъ княземъ изъ одной волости въ другую, Галицкая волость, ставъ особымъ владѣніемъ Ростиславичей, не перемѣняла своихъ князей, а потому и боярамъ галицкимъ была возможность прочно установиться въ странѣ, получить важное земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ. При переходѣ дружинника отъ одного князя къ другому, при изгнаніи князя изъ волости, дружина лишалась своихъ поземельныхъ владѣній; галицкимъ же боярамъ не представлялось необходимости переходить изъ одной волости въ другую, да подобныя переходы галицкихъ бояръ и незамѣтны, вслѣдствіе чего имъ и не приходилось

лишаться своихъ поземельныхъ владѣній. Сами князья способствовали усиленію могущества своихъ бояръ, раздавая имъ города и села (П. С. Р. Л., II, гг. 1234, 1287). Будучи богатыми землевладѣльцами и областными правителями, бояре въ Галичѣ и приобрѣли то важное значеніе, предъ которымъ „никнетъ“ княжеское достоинство.

VI-ю и VII-ю главы своего сочиненія г. Ключевскій посвятилъ разсмотрѣнію боярской думы въ удѣльномъ періодѣ—въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ. Если вообще о боярской думѣ у насъ писали очень мало, то боярскую думу въ удѣльную эпоху совсѣмъ не затрогивали. Вотъ почему эта часть сочиненія г. Ключевского представляетъ особенный интересъ; мы встрѣчаемъ здѣсь много новыхъ мыслей; есть и повныя, весьма удачныя соображенія. Но прежде чѣмъ говорить о боярской думѣ на сѣверо-востоки Россіи, авторъ знакомитъ насъ съ характеромъ удѣльнаго княжескаго владѣнія, объясняетъ причины его происхожденія; указываетъ на тотъ фактъ, что общество удѣльнаго княжества на сѣверѣ становится болѣе сельскимъ, чѣмъ оно было прежде на югѣ, но что оно было бѣднѣе и проще южнорусскаго; знакомитъ съ удѣльнымъ управленіемъ, при чемъ подробно объясняетъ, что нужно понимать подъ словами „путь“ и „судъ боярскій“. Все это г. Ключевскій разсматриваетъ въ III-й, IV-й и V-й главахъ своей книги. Этотъ отдѣлъ ея свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ историческомъ и критическомъ талантѣ автора, о большомъ трудолюбіи и терпѣніи, такъ какъ авторъ тщательно свелъ въ одно цѣлое множество свидѣтельствъ, относящихся къ удѣльному періоду, однообразныхъ и утомительныхъ своими безконечными повтореніями. Кромѣ того, здѣсь мы находимъ удачныя и вѣрныя замѣчанія, которыя, если не ошибаемся, еще никѣмъ не были сдѣланы печатно. Но такъ какъ этотъ отдѣлъ сочиненія г. Ключевского не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ главному предмету его изслѣдованія, то мы и не будемъ подробно останавливаться на немъ. Ограничимся лишь нѣсколькими указаніями на особенно важное.

Различіе между сѣверо-восточною и юго-западною Россіей г. Ключевскій видитъ въ томъ, что въ сѣверо-восточной княжескія владѣнія обратились въ собственность, въ вотчинныя владѣнія князя на правѣ частномъ, чего въ юго-западной Россіи не было. Удѣльное княжеское владѣніе стало вообще считаться полною частною собственностью владѣльца, и князь, не имѣя другихъ ближайшихъ родственниковъ, могъ передать свой удѣлъ или часть его князю-сосѣду, женѣ и даже дочери (стр. 79). Авторъ однако не показываетъ связи удѣль-

ной эпохи съ предыдущею, такъ что она у него выходитъ какъ-то сама по себѣ, что противорѣчитъ историческому развитію. Еще въ юго-западной Россіи началось обращеніе владѣній въ собственность князей; уже здѣсь появляются завѣщанія (хотя распоряженіе князя о своемъ владѣніи было въ нихъ второстепенною, а не главною статьею); князья стараются удержать за собою отцовскіе удѣлы; дѣлежи владѣній происходятъ большею частію на основаніи вотчиннаго начала; князья иногда передаютъ части удѣловъ своимъ женамъ: такъ, Владиміръ отдалъ Рогнѣдѣ Полоцкѣ; Владиміръ Галицкій завѣщалъ „княгинѣ своей, по своему животѣ, городъ свой Кабрынь, и съ людьми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ дають княгинѣ моеѣ. Иже далъ ей село свое Городень“ и пр. (Ипат., 595). Но вообще говоря, что только началось на юго-западѣ, окончательно вошло въ обычай на сѣверо-востокѣ.

„Мысль о личной собственности у сѣверныхъ князей выростала изъ взгляда на свое княженіе, подобно тому, какимъ хозяинъ смотритъ на свой домъ, имъ же построенный. Юрій Долгорукій, такъ усердно обзаводившій свою волость новыми городами и деревнями, не успѣлъ еще усвоить этотъ взглядъ и отрѣшиться отъ наслѣдственной привязанности, которая влекла его къ Киеву. Въ дѣтахъ его этотъ взглядъ становится очень замѣтенъ. Въ немъ надо видѣть истинный источникъ отчужденія Андрея Боголюбскаго отъ южной Руси и его стремленія обособить отъ нея свою сѣверную волость въ политическомъ и даже церковномъ отношеніи. Андрей прожилъ всю жизнь на сѣверѣ и видѣлъ, какъ при отцѣ его оживалъ этотъ край и выростала въ немъ новая Русь. По смерти отца онъ могъ сказать, что это они съ отцомъ сдѣлали Суздальскую Русь, и не имѣлъ охоты вводить ее въ кругъ общаго родоваго владѣнія князей“ (95).

Видѣть отчужденіе Андрея Юрьевича отъ южной Руси только въ томъ, что о своемъ Суздальскомъ княжествѣ онъ могъ сказать: „это мое, я его устроилъ“,—недостаточно. Андрей еще при жизни отца оставилъ южную Русь, понимая, что обладаніе Киевомъ и на будущее время останется предметомъ споровъ и, давая какое-то сомнительное право на старѣйшинство, не давало дѣйствительной власти утвердить это право. Вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ князей за Кіевъ, Кіевское княжество было опустошено и лишено силъ и средствъ къ возрожденію; вокругъ Кіева усилились княжества Галицкое, Смоленское и Черниговское, владѣтели которыхъ были сильнѣе великаго князя Кіевского, а вслѣдствіе частыхъ пере-

мѣнь князей въ Кіевѣ, народъ кіевскій привыкъ къ своевольству и присвоилъ себѣ право располагать судьбою престола. Кромѣ того, Андрей Юрьевичъ видѣлъ, что его семья не пользуется на югѣ расположеніемъ народа: въ день похоронъ отца Андрея Кіевляне разграбили имущество Юрія и перебили Суздальцевъ, которыхъ Юрій привелъ съ собою въ Кіевъ. Андрей и остался въ Суздальскомъ краѣ, менѣе людномъ и образованномъ, чѣмъ южная Русь, но спокойномъ и привольномъ, гдѣ народъ не являлъ мятежнаго духа, и гдѣ власть и правительственная дѣятельность князя не встрѣчали никакихъ преградъ.

По мѣнню г. Ключевского, съ обычными правами собственника удѣльный князь соединялъ и настоящія государственныя права; но эти послѣднія такъ слились съ владѣльческими, вытекавшими изъ поземельной собственности, что и сами разсматривались, какъ статьи простого поземельнаго ховяйства. Князь и поступалъ съ ними, какъ съ послѣдними: дробилъ ихъ, отдавалъ въ частное пользованіе цѣликомъ или частями. Хотя весь удѣлъ былъ наслѣдственной собственностью его князя, но послѣдній раздѣлялъ дѣйствительное владѣніе имъ съ другими частными вотчинниками. Впрочемъ, появленіе въ удѣлѣ земли, принадлежавшей другому владѣльцу, не мѣшало князю считать себя собственникомъ своего удѣла, такъ какъ тотъ и другой различались между собою не свойствомъ правъ, которыя въ сущности были финансовыя, ховяйственныя, а ихъ количествомъ. Частные землевладѣльцы отбывали ратную службу въ пользу князя, обязательную или необязательную. Служилый человѣкъ, имѣвшій вотчину въ удѣлѣ одного князя, могъ состоять на службѣ у другого, не теряя ничего изъ своихъ вотчинныхъ правъ. Но это обстоятельство противорѣчило стремленію князей замкнуться, обособиться другъ отъ друга политически. Хотя землевладѣніе теперь все болѣе и болѣе становилось основой общественнаго положенія, однако бояре и вольные слуги одни продолжали поддерживать чистотыя отношенія къ князю. Съ этой стороны они выдѣлялись изъ состава удѣльнаго гражданскаго общества. Такимъ образомъ, этотъ классъ бояръ и вольныхъ слугъ въ значительной степени былъ соціальнымъ и политическимъ анахронизмомъ. Право выбора службы теперь стало несвоевременнымъ: бояре и вольные слуги продолжали и на сѣверѣ оставаться ходячими представителями политическаго порядка, уже разрушеннаго, продолжали служить соединительною нитью между частями земли, которыя уже не составляли цѣлаго.

Вотъ почему въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ, которыя признавали за боярами и вольными слугами право служить въ одномъ княжествѣ, оставаясь землевладѣльцами въ другомъ, запрещалось пріобрѣтеніе земель въ чужомъ удѣлѣ и держать тамъ закладней и оброчниковъ (81—99).

Причины появленія подобныхъ грамотъ лежали гораздо глубже. Если въ какомъ-либо княжествѣ появлялись осѣдлые бояре, то это упрочивало князя, а покупка ими земель въ чужомъ удѣлѣ пролагала дорогу власти ихъ князя въ этомъ удѣлѣ. Отсюда и стремленіе не допускать въ свои владѣнія чужаго князя, бояръ его и вольныхъ слугъ въ качествѣ частныхъ землевладѣльцевъ. Но преимущественно это ограниченіе распространялось на князей и не касалось частныхъ лицъ, не связанныхъ съ княземъ службой. Это еще болѣе убѣждаетъ насъ въ вѣроятности высказаннаго нами мнѣнія.

„Теперь землевладѣніе получило важное политическое значеніе въ судьбѣ служилаго князя и съ теченіемъ времени измѣнило его положеніе и при дворѣ князя, и въ мѣстномъ обществѣ. И въ Киевской Руси прежняго времени были въ дружинѣ люди, владѣвшіе землей. Но, вѣроятно, боярское землевладѣніе тамъ не достигало значительныхъ размѣровъ, или закрывались другими интересами дружины, такъ что не производили замѣтнаго дѣйствія на ея политическую роль“ (101).

Существованіе поземельной собственности у бояръ въ древнѣйшія времена весьма вѣроятно. Когда древнія историческія извѣстія начинаютъ упоминать о ней, боярская собственность уже существовала. Первые извѣстія объ обыкновеніи бояръ пріобрѣтать недвижимыя имущества сохранились отъ XII в. Но были ли значительны эти имущества, или нѣтъ, трудно рѣшить по недостатку статистическихъ данныхъ; но нѣтъ основаній отрицать, что уже тогда, въ Киевскомъ періодѣ, боярское землевладѣніе было значительно. Совершенно справедливо, что землевладѣніе играло важную роль въ судьбѣ служилаго класса, хотя „въ древнѣйшія времена“, по замѣчанію Неволлина, „права вотчинника были не только тѣсныѣ, а напротивъ еще обширнѣе, чѣмъ они были во времена позднѣйшія“ (Поли. собр. соч., IV, 150—151). Но какъ въ Киевской Руси, такъ и въ послѣдующее время, интересъ службы бояре ставили выше интереса землевладѣнія, чѣмъ и можно объяснить службу бояръ не въ томъ удѣлѣ, гдѣ находились ихъ поземельныя владѣнія (это, конечно,

было не общимъ явленіемъ), а также безостановочный наплывъ служилого класса въ Москву, ко двору Московскаго князя.

Если бы главы III-я и IV-я появились въ печати лѣтъ сорокъ назадъ, онѣ имѣли бы интересъ новости. Г. Ключевскій только повторилъ вѣдь то, что давно уже извѣстно. Но недостатокъ новизны въ общемъ ни сколько не уменьшаетъ достоинства этихъ главъ: и въ нихъ не мало весьма удачныхъ частныхъ замѣчаній.

Чтобы облегчить себѣ изученіе боярской думы, какою она является при удѣльныхъ и великихъ князьяхъ на сѣверѣ съ XIII в., г. Ключевскій представляетъ въ общихъ чертахъ механизмъ, посредствомъ котораго управлялось удѣльное княжество тѣхъ вѣковъ. Въ административномъ управленіи удѣльнаго княжества дѣйствовали рядомъ три учрежденія: дворцовое вѣдомство, администрація частныхъ привилегированныхъ вотчинниковъ и администрація намѣстниковъ и волостей. Сосредоточеніемъ перваго порядка удѣльныхъ учрежденій былъ дворецъ князя, предметомъ управленія котораго были, во-первыхъ, дворцовыя земли, села, деревни и различныя угодья, и вторыхъ, дворцовые слуги и дѣловые люди съ ихъ разнообразными службами и издѣліями на дворецѣ. Въ этомъ вѣдомствѣ дворцоваго хозяйства надо различать два отдѣла: дворецъ въ тѣсномъ смыслѣ, состоявшій подъ управленіемъ дворецкаго, и дворцовые пути.

Авторъ прекрасно объясняетъ, что нужно понимать подъ „путями“. Сколько намъ извѣстно, еще никто до г. Ключевского не рассматривалъ „пути“ съ той точки зрѣнія которую принялъ авторъ, хотя и есть намеки на нее. Его мысль, въ короткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ: Пути были дворцовыя вѣдомства, между которыми была раздѣлена эксплуатація принадлежавшихъ княжескому дворцу хозяйственныхъ угодій. Но эти вѣдомства касались и не дворцовыхъ земель. Пути не составляли промысловыхъ регалій, такъ какъ князь удѣльный или великій, передавая свою землю въ руки частнаго собственника, обыкновенно вмѣстѣ съ нею передавалъ и право пользованія находившимися на ней промысловыми угодьями, передавалъ ее, по обычному выраженію грамоты, и „съ мѣстомъ и со всеми угодьями“. Администрація каждаго пути слагалась изъ двухъ главныхъ управленій: она завѣдывала эксплуатаціей извѣстнаго хозяйственнаго угодья на дворцовыхъ земляхъ князя и взиманіемъ извѣстныхъ налоговъ и повинностей, падавшихъ на недворцовыя земли, если они не были освобождены отъ того особыми льготными грамотами. Были ли пути, какъ отдѣльныя дворцовыя хозяйства, подчинены дворец-

кому, какъ главному управителю дворца, на это не даютъ прямого отвѣта ни удѣльные, ни позднѣйшіе памятники. Всего вѣроятнѣе, что пути были самостоятельныя вѣдомства, и вѣдомство дворецкаго само считалось однимъ изъ путей. Дворецкій завѣдывалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, а управители путей — дворцовыми промыслами (стр. 106—115).

Все, что говоритъ авторъ о путяхъ, очень любопытно, особенно, когда видишь, что почти каждый выводъ обставленъ убѣдительными доводами и подтвержденъ ясными доказательствами.

За то объясненіе „боярскаго суда“ у г. Ключевскаго не полно. Онъ говоритъ, что это былъ судъ „по боярскимъ дѣламъ“, слѣдовательно, въ терминѣ указывается на объектъ суда, а не на судью, который производилъ этотъ судъ. „Боярскимъ“ назывался судъ о холопствѣ. Первоначально въ удѣльномъ управленіи всѣ намѣстники и волостели „съ боярскимъ судомъ“. Но съ развитіемъ боярскихъ землевладѣльческихъ привилегій и „боярскій судъ“ намѣстниковъ и волостелей подвергся ограниченію: онъ остался за нѣкоторыми высшими или болѣе довѣренными областными правителями, а для остальныхъ введенъ былъ „докладъ“ (стр. 120—123). Вѣрно, что только намѣстники и волостели съ „боярскимъ судомъ“ имѣли право выдавать полныя и докладныя грамоты, а правыя и бѣглыя съ „докладу“; равнымъ образомъ и отпущенныя имѣли силу только тогда, когда онѣ написаны собственною рукою отпускающаго господина, или явлены тому судѣ, за которымъ было „кормленіе съ судомъ боярскимъ“ (Судебн. 1497 г., статья 18-я). Все это—дѣла о холопствѣ. Но относительно намѣстниковъ и волостелей „безъ боярскаго суда“ было постановлено, что они „тата и душегубца не пустити и всякаго чихаго чловѣка безъ доклада ни продати, ни казнити, ни отпустити“ (ibid., ст. 43-я). Слѣдовательно, только судьямъ „съ судомъ боярскимъ“ было предоставлено право постановлять приговоры по дѣламъ уголовнымъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ опредѣленію состава боярскаго суда въ удѣльныхъ княжествахъ.

По общему правилу, постоянно подтверждавшемуся договорными грамотами, служилый чловѣкъ отбывалъ ратную службу въ пользу того князя, которому служилъ, хотя бы его вотчина находилась въ другомъ княжествѣ. Но это общее правило знало исключеніе—случай „городовой осады“. Повинность „городовой осады“ временно отдавала служилаго чловѣка въ распоряженіе чужаго

князя, того, въ чьихъ владѣніяхъ была вотчина слуги: въ случаѣ непріятельскаго нашествія онъ долженъ былъ защищать городъ, въ уѣздѣ котораго владѣлъ землею. Отъ этой повинности были освобождены бояре введенные и путные. Отсюда слѣдуетъ, что существовала какая-то связь, привязывавшая такихъ бояръ къ князю тѣснѣе, чѣмъ остальныхъ, не позволявшая имъ отрываться отъ личной службы для несенія ратной поземельной повинности. Введенные бояре были управителями отдѣльных вѣдомствъ дворцовой администраціи, или дворцоваго хозяйства, дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ и пр. Путными назывались всѣ дворцовые чиновники, высшіе и низшіе, получавшіе за службу дворцовыя земли и доходы въ путь или въ кормленіе. Бояринъ введенный былъ вмѣстѣ и путнымъ, потому что обыкновенно пользовался такимъ жалованьемъ; но какъ большій бояринъ, онъ возвышался надъ простыми путниками, которые не были главными управителями отдѣльных вѣдомствъ дворцоваго хозяйства. Изъ этихъ бояръ введенныхъ собственно и состояла дума боярская удѣльнаго времени. Къ нимъ можно присоединить казначея съ печатникомъ ¹⁾, да тысяцкаго съ намѣстникомъ, гдѣ они были (стр. 126—133).

Однако доказательства, представленныя авторомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, нисколько не убѣждаютъ насъ въ томъ, что только введенные бояре участвовали въ княжескомъ совѣтѣ удѣльнаго времени: Когда извѣстное дѣло рѣшалось самимъ княземъ съ его боярами, въ грамотѣ обыкновенно обозначались имена бояръ присутствующихъ на совѣтѣ. При этомъ указывались должности какія занимали участвовавшіе въ дѣлѣ совѣтники князя, и мы чаще всего встрѣчаемъ окольничаго, стольника, чашника, иногда казначея а это, по мнѣнію автора—все введенные бояре (стр. 136). Но вѣдъ въ большинствѣ случаевъ не отмѣчалось, занимали тѣ или другіе бояре какія-нибудь должности, или нѣтъ. Такъ, въ жалованной грамотѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на селѣ Арестово, гдѣ подтверждались права монастыря на владѣніе погостами, землями и угодьями, данными этой обители предками означеннаго князя и боярами, сказано, что эту грамоту Олегъ пожало

¹⁾ На сколько можно судить изъ грамоты Смоленскаго князя Федора Ростиславича, печатникъ не принималъ участіе въ совѣщаніяхъ князя съ боярами и роль его ограничивалась лишь тѣмъ, что онъ печаталъ, какъ insect—только писалъ. С. Г. Гр. и Д., II, № 3.

валъ „сгадавъ съ своимъ отцемъ съ владыкою Василиемъ и съ своими боярами (а бояре со мною были: Софоній Антикулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ, Микита Андреевичъ, Тимошъ Александровичъ, Манасѣя дядько, Юрій окольниковичъ, Юрій чашникъ, Семенъ Микитичъ съ братьею, Павелъ Соробичъ)“. Въроятнѣе всего, что Софоній Антикулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ и другіе не занимали никакихъ должностей, а были простыми боярами, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, были бы указаны ихъ должности, какъ указаны должности обоихъ Юріевъ. Рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ выдалъ жалованную грамоту Солотчинскому монастырю „поговоря съ дядей своимъ Григоріемъ Ивановичемъ“; при этомъ присутствовали: бояринъ Прокофій Ѳедоровичъ, стольникъ Яковъ Ивановичъ и чашники: Семенъ Глѣбовичъ и Ѳедоръ Юрьевичъ (А. И., I, № 36). Опять не извѣстно, занималъ ли бояринъ Прокофій Ѳедоровичъ какую-нибудь должность. Мѣновая грамота князя Александра Ѳедоровича съ Спасо-Каменскимъ монастыремъ на земли въ Закубенской волости была заключена при боярахъ: Давыдъ Матвѣевичъ, Алексѣй Ярославичъ и Александръ Александровичъ; послѣдній упоминается также въ жалованной грамотѣ означеннаго князя тому же монастырю на пустоши въ Закубенской волости (Д. къ Акт. Ист., I, № 14 и 15). Издѣсь не сказано, были ли Давыдъ Матвѣевичъ, Алексѣй Ярославичъ и Александръ Александровичъ должностными боярами. Укажемъ еще на мѣновую грамоту Вологодскаго князя Андрея Васильевича на промѣнъ Спасо-Каменскому монастырю деревни Пантѣлеевской на деревню Леонтьевскую, гдѣ князь Иванъ Александровичъ просто названъ бояриномъ (ibid., № 18). Изъ множества грамотъ удѣльнаго періода можно привести всего только двѣ-три, гдѣ указаны должности всѣхъ понемпованныхъ въ нихъ бояръ. Не лучше ли въ такомъ случаѣ допустить, что въ удѣльное время князь приглашалъ къ себѣ на совѣтъ не только введенныхъ, но и другихъ бояръ?

Объясненіе автора, кого нужно понимать подъ „введенными боярами“, очень интересно. Но только трудно сказать, на сколько оно вѣрно, и должно ли оно завершить собою рядъ различныхъ рѣшеній вопроса о введенныхъ боярахъ. Памятники не даютъ намъ прямого объясненія ихъ значенія. Мы знаемъ только, что они стояли ближе къ князю, чѣмъ простые бояре, и въ извѣстныхъ случаяхъ назначались для суда. Если бы была возможность прослѣдить, что такіе-то

боляре въ однихъ актахъ названы стольниками, чашниками, казначеями¹⁾ а въ другихъ актахъ они же названы введенными боярами, т. конечно, тогда и спору не могло бы быть. Если стольники, чашники вообще всѣ должностные бояре были введенными боярами, слѣдовательно, большими, болѣе близкими къ князю, то нѣсколько трудно понять, почему въ грамотахъ, въ которыхъ обозначались имена бояръ присутствовавшихъ по известному дѣлу на совѣтѣ князя, стольники и чашники упоминаются послѣ недолжностныхъ бояръ. Замѣтимъ также, что введенные бояре были и у княгини (А. Эксп., I, № 120). Разбирая мнѣніе Соловьева о введенныхъ боярахъ, г. Кавелин замѣтилъ, что „объясненіе г. Соловьева гипотетическое; оно очень важно, но требуетъ доказательствъ“. То же самое нужно сказать относительно объясненія г. Ключевского.

„Совѣтъ князя не имѣлъ ни опредѣленнаго круга дѣлъ, ни постояннаго состава. При томъ и весь дворъ князя разбивался послѣ его смерти. Но гдѣ жизнь устраивалась, тамъ утверждалось, разчленилась, и управление: текуція дѣла, усложняясь, распадалась на отдѣльныя постоянныя вѣдомства; случайныя и измѣнчивыя порученія превращались въ постоянныя приказы, пока еще въ смыслѣ постоянныхъ правительственныхъ должностей, а не сложныхъ правительственныхъ канцелярій. Съ образованіемъ вѣдомствъ, съ превращеніемъ порученій въ постоянныя должности, въ кругу думныхъ людей при дворѣ князя, располагавшаго значительнымъ боярствомъ, должны были обозначиться два элемента: должностныя лица и бояре, не занимавшіе постоянныхъ должностей. Эти послѣдніе, кажется, преимущественно получали назначеніе въ областной администраціи; имъ, надобно думать, поручались при дворѣ текуція дѣла, которыя не нашли себѣ постояннаго мѣста въ существующихъ центральныхъ учрежденіяхъ и велись путемъ прежнихъ временныхъ порученій. Указаннымъ переменными въ центральномъ правительствѣ обозначился второй моментъ въ развитіи боярскаго думы. Она оставалась совѣтомъ князя по чрезвычайнымъ дѣламъ, по прежнему не имѣла опредѣленнаго числа членовъ, по прежнему не возникало вопроса о политическомъ значеніи численнаго состава; но теперь получаетъ значеніе административный подборъ этого состава для каждаго засѣданія. Чрезвычайно

¹⁾ Къ введеннымъ боярамъ авторъ относитъ и окольного (стр. 272). Соловьевъ полагаетъ не безъ основанія, что окольный въ удаленное время приваляжалъ къ путнымъ боярамъ (Моск. Вѣдом. 1851 г., № 81, стр. 735).

чайшими дѣлами были теперь тѣ, которыя превышали компетенцію отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ или касались многихъ изъ нихъ. Для рѣшенія такихъ дѣлъ князь призывалъ управителей вѣдомствъ, которыхъ оно касалось, и къ нимъ присоединялъ иногда другихъ недолжностныхъ бояръ, епископа, архимандрита, присутствіе которыхъ почему либо князь считалъ нужнымъ" (стр. 157—160).

Сознаемся, мы здѣсь нѣсколько не понимаемъ автора. Сначала онъ утверждаетъ, что совѣтниками князя были только должностные бояре, введенные, а теперь говоритъ, что и недолжностные приглашались княземъ для рѣшенія чрезвычайныхъ дѣлъ. Когда же, съ какого времени начался „второй моментъ въ развитіи боярской думы“? Самая древняя изъ дошедшихъ до насъ грамотъ отъ удѣльнаго періода — это жалованная грамота Рязанскаго князя Олега Ивановича Ольговому монастырю: князь пожаловалъ означенному монастырю село Арестовское, посовѣтовавшись съ епископами и боярами, должностными и недолжностными. Хотя авторъ и много рассуждаетъ о „моментахъ въ исторіи удѣльной думы“, но слишкомъ туманно, запутано.

Выставивъ общее положеніе, что дума въ удѣльномъ княжествѣ была совѣтомъ введенныхъ бояръ, авторъ говоритъ, что при рѣшеніи какого нибудь дѣла князь призывалъ на совѣтъ управителей вѣдомствъ которыхъ оно касалось, и къ нимъ иногда присоединялъ недолжностныхъ бояръ. Если изъ нѣкоторыхъ грамотъ и можно вывести подобное заключеніе, то въ большинствѣ случаевъ трудно объяснить, почему при рѣшеніи извѣстнаго дѣла присутствовали такіе-то, а не другіе бояре. Въ одной купчей грамотѣ Рязанскаго князя упоминаются только недолжностные бояре — Яковъ Ивановъ и Назарей Юрьевичъ (Пискаревъ, Древн. гр. и акты Ряз. края, № 4). Если мы возьмемъ духовныя завѣщанія удѣльныхъ князей — и тамъ то же самое: нигдѣ нѣтъ и помину о стольникахъ, чашникахъ, ключникахъ и другихъ должностныхъ боярахъ.

Свое изслѣдованіе о княжеской думѣ въ удѣльное время авторъ заканчиваетъ указаніемъ на нѣкоторыя особенности, какія уже въ это время получила боярская дума въ Москвѣ.

Вообще весь этотъ отдѣлъ сочиненія г. Ключевскаго прекрасенъ и обличаетъ въ авторѣ живой взглядъ на эпоху. Здѣсь мы найдемъ разрѣшеніе многихъ вопросовъ, оставшихся до сихъ поръ безъ отвѣта, а на другіе предложены новыя рѣшенія, если и не всегда вполне удовлетворительныя, то во всякомъ случаѣ очень любопытныя. Какъ на одно изъ выдающихся мѣстъ, прекрасно разработанныхъ

г. Ключевскимъ, можно указать на его характеристику роли боярина въ удѣльномъ княжествѣ. Жаль только, что нѣкоторая неясность въ изложеніи, частая длиннота и множество ненужныхъ вставокъ ослабляютъ интересъ при чтеніи этого отдѣла книги и легко могутъ спутать читателя, который пожелалъ бы по сочиненію г. Ключевского уяснить себѣ особенности удѣльной эпохи, въ частности—боярской думы въ удѣльныхъ княжествахъ на сѣверо-востокѣ Россіи.

А. Левинцкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Введеніи христіанства въ Ливляндіи. *Георгіа Трусмана*. С.-Пб. 1884.

Судьба народовъ, которые были и остаются древнѣйшими насельниками Прибалтійскаго края, весьма интересна и поучительна, а изученіе этой судьбы крайне необходимо для русскаго общества. Къ сожалѣнію однако, для удовлетворенія этой потребности у насъ сдѣлано весьма мало. Немного знаемъ мы о прошломъ обитателей этого края, и немного сдѣлано у насъ для уразумѣнія настоящаго ихъ положенія и для руководства въ помощи и содѣйствіи этимъ народностямъ, жаждущимъ освобожденія изъ-подъ вѣковой неволи. Еще о не давнемъ прошломъ въ жизни этихъ народностей намъ извѣстно кое-что изъ сочиненій Самарина и Меркеля; но что знаемъ мы о болѣе далекомъ прошломъ? Будемъ отвѣчать словами занимавшихся этимъ прошлымъ Прибалтійскаго края. Въ 1882 г. печатались достойные вниманія „Очерки исторіи Прибалтійскаго края“ М. П. Соловьева. Въ своемъ введеніи г. Соловьевъ, говоря о необходимости изученія мѣстной исторіи каждаго племени и народности, входящихъ въ составъ Русскаго государства, замѣчаетъ, что у насъ исторіей окранныхъ занимаются. Исторіи Финляндіи, Прибалтійскаго края, Польши и Литвы, Грузіи и Арменіи для Россіи, говоритъ г. Соловьевъ, еще не существуетъ. „Всего удивительнѣе кажется намъ“, продолжаетъ онъ, — „отсутствіе въ русской исторической литературѣ историческихъ свѣдѣній о Прибалтійскомъ краѣ, при той жизненности и важномъ интересѣ, которое остзейскій вопросъ имѣетъ для русской публики при тѣхъ многочисленныхъ напоминаніяхъ о себѣ, которыя постоянно дѣлаетъ остзейская интеллигенція, при томъ значеніи, которое захватили себѣ нѣмецкіе элементы этого края въ русскомъ служиломъ

соловіи. Между тѣмъ нельзя жаловаться на недостатокъ источниковъ¹⁾. Точно также и г. Трусманъ въ первыхъ строкахъ своего изслѣдованія, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой статьи, говоритъ слѣдующее: „Судьба обитателей Прибалтійскаго края до прибытія Нѣмцевъ находится во мракѣ неизвѣстности“... Древнѣйшая исторія этихъ народовъ до сихъ поръ весьма мало разъяснена, полна противорѣчивыхъ взглядовъ и толкованій, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ претендовать на несомнѣнную вѣрность (стр. 1)... Изученіе религіи Латышей встрѣчаетъ неодолимыя преграды (стр. 19) и проч. Читая вышеприведенныя слова, нельзя не спросить себя: на сколько извѣстна намъ исторія самаго Русскаго народа, сложное развитіе его внутренней жизни, на сколько извѣстна древнѣйшая исторія Россіи? Все ли у насъ сдѣлано для разъясненія самыхъ важныхъ научныхъ вопросовъ, всѣ ли изучены и приведены въ извѣстность уцѣлѣвшіе памятники и источники? Работы много, но трудниковъ мало, хотя и людей много. А оттого, что работа не всякому легко дается, не легко спорится. Указываютъ на нашихъ учителей Нѣмцевъ. Прибалтійскій край близокъ вѣдь сердцу Нѣмцевъ. Каковы же ихъ ученые плоды въ этомъ отношеніи? Заимствуемъ отвѣтъ у г. Трусмана: „До сихъ поръ въ области лифляндской исторіи ученые (разумеется, главнымъ образомъ, нѣмецкіе) трудятся пока болѣе надъ собраніемъ и группировкой сыраго матеріала, чѣмъ надъ выводомъ и объясненіемъ изъ него общаго теченія своеобразной прибалтійской исторіи. Эта послѣдняя работа, по справедливости можно сказать, еще только начинается“ (стр. XXVII). Г. Трусманъ называетъ исторію Прибалтійскаго края своеобразною. Вполнѣ можно согласиться съ этимъ эпитетомъ, часто прилагаемымъ и другими учеными къ исторіи Прибалтійскаго края. Да, трудно найти въ Европѣ другую страну, въ которой соединились бы столь противоположныя стремленія ея жителей, гдѣ разнообразныя черты жизни и быта католическо-нѣмецкой средневѣковой жизни получили бы благопріятную почву для своего развитія. Въ Ливоніи оказалось всему тому мѣсто, что было въ католической западной Европѣ, все имѣло здѣсь свой миниатюръ: и стремленія непобѣдимаго Германца къ владычеству надъ всѣмъ міромъ и надъ всѣми народами, и стремленія папства, желавшаго управлять совѣстію всѣхъ народовъ, и феодализмъ съ его крѣпостничествомъ, и рыцарствъ со всѣми его уродливыми проявленіями; явились сюда и купече-

¹⁾ Живописное Обзорніе 1882 г., августъ.

ство, и горожане, и кулачное право и проч. Все это принесено было въ Финнамъ и Латышамъ подъ священнымъ знаменіемъ креста и душеспасительнаго христіанства. Чтѣ же за народы жили на территоріи устроеннаго нѣмецкими миссіонерами духовно-рыцарскаго государства, и какъ они жили до появленія своихъ всемогущихъ, столь богатыхъ различными дарами, господъ? Чтѣ получили завоеватели за распространеніе свѣта ученія Христа, и на сколько этимъ свѣтомъ просвѣтились туземцы? Свободно ли уступили туземцы свою территорію для поселенія на ней пришельцевъ, добровольно ли отказались отъ прежней вѣры и свободы? Первые ли Нѣмцы открыли еще коснѣвшихъ во мракѣ язычниковъ на берегахъ Балтійскаго моря, и не было ли знакомства у туземцевъ со своими ближайшими сосѣдами? Какъ отнеслись эти сосѣды къ появившимся Нѣмцамъ, и каково было положеніе Нѣмцевъ въ новозавоеванной землѣ, окруженной могущественными и для того времени народами? Какія сложились и развились отношенія между завоевателями и завоеванными, между новоустроеннымъ государствомъ и тѣми защитниками и покровителями, которые своимъ авторитетомъ и матеріальными средствами поддерживали просвѣтителей среди языческихъ Ливовъ, Эстовъ, Латышей и др.? Съ другой стороны, въ какія отношенія стало монашеско-рыцарское государство къ сосѣднимъ государствамъ? Отчего въ началѣ быстро росло и развивалось это государство? Отчего начала развиваться внутренняя испорченность среди главныхъ его общественныхъ классовъ, и отчего при столкновеніи съ Московскимъ государствомъ оно разбилось на части? Наконецъ, гдѣ причины живучести его преданій, его обычаевъ, привычекъ и широкаго самоуправства послѣ потери политической самостоятельности?

Не легко и не сразу можно отвѣтить на эти вопросы; ясно лишь, что своеобразность имѣетъ свои глубокія и сложныя причины. Не легко изучить взаимнодѣйствіе столь разнообразныхъ явленій въ жизни маленькаго государства по объему и численности его жителей. Большею эрудиціей долженъ владѣть человекъ, приступающій къ изслѣдованію своеобразной ливонской исторіи. Какимъ условіямъ долженъ удовлетворять такой ученый, на это можно отвѣтить словами много и долго занимавшагося исторіей Ливонскаго ордена Фр. Банемана: „Aber der Kenntnissnahme derselben stellen sich Schwierigkeiten entgegen, wie in keiner anderen deutschen Landschaft“. И далѣе объясняетъ эти трудности: „Das Studium der Geschichte unseres vielsprachigen und eigengestalteten Landes erfordert eine ungleich

größere Summe sprachlicher und rechtshistorischer Kenntnisse, als irgend ein anderes; dazu eine Bekanntschaft mit der Geschichte der Nachbarstaaten, wie sie in Deutschland sich nur der Specialist erwirbt¹⁾. Можетъ быть, въ этихъ требованіяхъ и заключается причина медленной разработки лифляндской исторіи, а равно и причины того, что, по замѣчанію г. Трусмана, „сочиненія по исторіи Прибалтійскаго края носятъ характеръ монографическій, касаются только круга личностей или явленій и отдѣльныхъ областей и почти не переступаютъ за XIII вѣкъ“.

Такимъ образомъ, изученіе исторіи Прибалтійскаго края, представляющее много трудностей, только что начинается, и громадное количество источниковъ, при сдѣланныхъ уже опытахъ изученія ихъ и пользованія ими, должно наконецъ дать возможность „вникнуть глубже въ общій характеръ и нить событій“ прибалтійской исторіи и привести къ болѣе ясному уразумѣнію этой своеобразной исторіи. Книга, заглавіе которой выше написано, представляетъ собою такого рода попытку. Г. Трусманъ, не смотря на всѣ выше указанныя трудности, удѣлился заняться исторіей распространенія христіанства среди древнихъ обитателей Прибалтійскаго края. Въ своемъ изслѣдованіи онъ руководится главнымъ образомъ стремленіемъ найти руководящіе идеи лифляндской исторіи, а потому не довольствуется группировкою событій, но вникаетъ въ общій характеръ и теченіе ихъ. Книга г. Трусмана въ русской исторической литературѣ является первымъ самостоятельно обработаннымъ опытомъ изученія столь отдаленнаго періода Прибалтійской исторіи и уже поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы представимъ обзоръ ея содержанія, а потомъ предложимъ нѣсколько замѣчаній по поводу высказанныхъ г. Трусманомъ сужденій.

Имѣя въ виду главную задачу прослѣдить исторію распространенія христіанства среди обитателей Прибалтійскаго края, г. Трусманъ считалъ необходимымъ изучить вообще жизнь этихъ обитателей, ихъ вѣрованія и бытъ до принятія ими христіанства и до завоеванія ихъ Нѣмцами, а также тѣ отношенія туземцевъ Прибалтійскаго края, которые были у нихъ съ народами западными и восточными, и ту борьбу, которую пришлось вести имъ со своими завоевателями Нѣмцами. Изучивъ все это предварительно, г. Трусманъ остановился на обращеніи туземцевъ Прибалтійскаго края въ христіанство и на борьбѣ

¹⁾ *Biemann Fr.*, Aus Balt, Vorzeit. 1877.

различныхъ интересовъ новыхъ завоевателей, указывая при этомъ тѣ формы, которыя приняла ихъ жизнь. Въ заключеніе своего изученія г. Трусманъ дѣлаетъ выводы, указывая цѣли и результаты, которыхъ достигли завоеватели Прибалтійскаго края. Среди разнообразныхъ явленій лифляндской исторіи за первый періодъ ея г. Трусманъ въ своемъ изслѣдованіи находитъ главными и руководящими идеями—экономическую и сословную. „Центръ тяжести этихъ идей“, говоритъ онъ,—„падаетъ на господствующія сословія—дворянство и духовенство“ (стр. XXVIII). Таково въ общемъ содержаніе изслѣдованія г. Трусмана.

Два племени, Литовское и Финское, дали насельниковъ восточному берегу Балтійскаго моря; раздѣляясь и развѣтвляясь здѣсь, эти племена сдѣлались впоследствии извѣстными подъ разными именами. Не смотря на изслѣдованія о времени и мѣстѣ расселенія названныхъ племенъ, г. Трусману не представилось возможнымъ опредѣлить дѣйствительное мѣсто и болѣе приблизительное время этого расселенія. Причиной этой трудности служитъ отсутствіе древнихъ свидѣтельствъ; сохранились же лишь позднѣйшія извѣстія, а имъ довѣрять вполне нѣтъ возможности. Тѣ же трудности и препятствія встрѣтилъ г. Трусманъ при своей попыткѣ возстановить религиозныя вѣрованія, общественный и семейный бытъ туземцевъ Прибалтійскаго края до прибытія сюда Нѣмцевъ. Трудно устранить затрудненія являются при изученіи религиозныхъ вѣрованій Латышей. Эти затрудненія заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что всѣ древнѣйшіе писатели, касавшіеся исторіи народовъ Литовскаго племени, не касались религиозной жизни ихъ, такъ какъ она не привлекала ихъ вниманія, а скорѣе вызвала у нихъ отвращеніе. Позднѣйшіе же писатели XVI и XVII вв. обратили вниманіе и на религиозную жизнь народовъ Литовскаго племени, представивъ при этомъ цѣлыя системы религиозныхъ вѣрованій этихъ народовъ. Г. Трусманъ считалъ своею обязанностью провѣрить существующіе взгляды ученыхъ и ихъ отношеніе къ источникамъ. Провѣрка этихъ взглядовъ привела его къ тому убѣжденію, что не всѣ ученые одинаково относятся къ источникамъ и не всѣ одинаково довѣряютъ позднѣйшимъ писателямъ, подробно изображающимъ религиозную жизнь Литовскаго племени. Въ то время, какъ одни изъ ученыхъ относятся къ позднѣйшимъ извѣстіямъ съ полнѣйшимъ скептицизмомъ и не придаютъ имъ никакого значенія, другіе, на основаніи этихъ извѣстій, дѣлаютъ заключеніе о высокомъ развитіи религіи Литовскаго племени и ука-

зываютъ даже ступени этого развитія религіозной системы. Съ своей стороны г. Трусманъ не видитъ никакой возможности прійти къ вполне опредѣленнымъ выводамъ, за отсутствіемъ изслѣдованія остатковъ языческихъ вѣрованій Литовскаго племени. Трудно разрѣшимымъ представляется вопросъ и о распространеніи литовской религіи между другими сосѣдними племенами, и о всеобщности ея среди Литовцевъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ. По мнѣнію г. Трусмана, въ данномъ случаѣ мало приложимъ и сравнительный методъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что большую помощь при изслѣдованіи религіи Литовскаго племени оказала бы постановка религіозныхъ вопросовъ въ тѣсную связь съ общественнымъ бытомъ народа, географическими и климатическими особенностями страны; но тутъ же самъ г. Трусманъ указываетъ на непреодолимыя преграды, препятствующія отъ взаимодѣйствія здѣсь язычества и католичества, продолжавшагося на пространствѣ пяти вѣковъ, при чемъ могли смѣшаться элементы однихъ вѣрованій съ другими. Разсматривая главнѣйшіе вопросы, касающіеся литовской религіи, г. Трусманъ подвергаетъ критикѣ существующія въ наукѣ мнѣнія, напримѣръ, вопросъ о языческомъ первосвященникѣ Криве, о существованіи или несуществованіи этого сана у Литовцевъ.

Существуютъ доказательства за и противъ существованія этого сана. Г. Трусманъ признаетъ и тѣ, и другія слишкомъ слабыми и считаетъ невозможнымъ признать ихъ. Самъ же онъ указываетъ на дѣйствительное зерно, которое послужило основаніемъ для разказовъ о Криве: оно находится въ Лифляндской рѣмованной Хроникѣ (Трусм., стр. 23). На это мѣсто ни одинъ ученый не обращалъ должнаго вниманія вслѣдствіе того, что упоминаемый здѣсь верховный жрецъ не носитъ названій Криве. Пользуясь свидѣтельствомъ Лифляндской рѣмованной Хроники, г. Трусманъ разбираетъ свидѣтельства П. Дусбурга, Длугоша и др. Сопоставивъ всѣ данныя, онъ не отрицаетъ существованія сана Криве, но считаетъ сомнительнымъ вліяніе Криве на Лифляндію въ XII и XIII вв. При этомъ онъ совершенно отвергаетъ мнѣніе о готскомъ происхожденіи достоинства Криве и о заимствованіи вообще Литовцами религіозныхъ вѣрованій у Германцевъ. Далѣе г. Трусманъ разсматриваетъ отношеніе свѣдѣній о религіи Пруссковъ въ широкомъ смыслѣ и религіи Литовцевъ къ свѣдѣніямъ о религіи Латышей. Не смотря на то, что свѣдѣнія о религіи Латышей находятся у писателей XVI и XVII вв., нельзя, сопоставляя эти свѣдѣнія съ остаткомъ религіозныхъ вѣро-

ваній Литовцевъ, придти къ заключенію о тождествѣ между ними; на сколько же было сходства—рѣшить этотъ вопросъ не позволяютъ данныя. Сдѣлавъ краткій очеркъ мифологическихъ представленій Латышей (стр. 39—50), г. Трусманъ заключаетъ о значительной древности этихъ представленій, такъ какъ они носятъ характеръ первичной ступени развитія: въ нихъ нѣтъ еще разграниченія между злымъ и добрымъ началомъ; гуманныхъ элементовъ въ нихъ оказывается весьма незначительное количество. Болѣе опредѣленные представленія о религіи Латышей возможны, такимъ образомъ, только послѣ разрѣшенія предварительныхъ и трудныхъ вопросовъ.

О религіи древнихъ Эстовъ можно узнать нѣсколько болѣе, чѣмъ о религіи древнихъ Латышей; но это возможно благодаря извѣстной эстонской поэмѣ „Калевичъ“, записанной въ началѣ второй половины настоящаго столѣтія. Эта поэма даетъ понятіе о религіозныхъ воззрѣніяхъ древнихъ Эстовъ, на сколько они еще сохранились въ памяти народа. Г. Трусманъ, сопоставляя свѣдѣнія, сохранившіяся въ древнемъ эстонскомъ эпосѣ, съ эпосомъ Финновъ, рисуетъ картину вѣрованій древнихъ Эстовъ (стр. 64—134), подробно описывая религіозную жизнь этого народа, его боговъ, полубоговъ и героевъ, а также представленія о загробной жизни, священныя мѣста, предметы, жертвы, праздники и обряды. „Языческая религія древнихъ Эстовъ“, по словамъ г. Трусмана,—„подобно религіи Латышей, не знала борьбы между двумя началами, добрымъ и злымъ. Эти начала далеко не были развиты у нихъ. Эстъ мало чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ. Доброе начало представлялось ему не грознымъ, страшнымъ карателемъ за тѣ или другія предписанія; нѣтъ, оно имѣло свою особую сферу дѣйствій, вело жизнь, мало или только изрѣдка соприкасающуюся съ человѣческой дѣятельностію; оно выѣшивалось въ теченіе жизни только тогда, когда со стороны человѣка было выражаемо на это желаніе. По поэтическому представленію Эста, дѣдушка (такъ называетъ онъ высшее существо) до мірозданія обиталъ на высокомъ небѣ; въ его преддверіи красовалось величественное солнце. Онъ создалъ героевъ, чтобы пользоваться ихъ совѣтами, мудростію и силою. Старшій между ними былъ Ванемуйне. Онъ былъ созданъ старымъ съ сѣдыми волосами и бородою и надѣленъ мудростію старости, но сердце у него было молодо, и онъ имѣлъ даръ поэтическаго творчества и пѣнія. Дѣдушка пользовался его мудрымъ совѣтомъ, и когда заботы омрачали его чело, Ванемуйне игралъ предъ нимъ на своей чудесной арфѣ и распѣвалъ ему свои любимыя пѣсни. Остальные герои—

Пльмариненъ, Лэммекуне, Вибоане и др., также помогали дѣдушкѣ своимъ совѣтомъ. Ихъ жилищемъ былъ Кальёвальдъ (область скалъ)? Когда дѣдушка задумалъ создать міръ, то онъ обратился къ совѣту этихъ героев, которыхъ онъ называлъ своими дѣтьми; герои вполне согласились съ нимъ, сказавъ: „Что ты въ своей мудрости порѣшилъ, то не можетъ быть дурно“. Создавъ міръ въ грубомъ видѣ, дѣдушка заснулъ отъ усталости, но въ это время герои украсили небо всеми прелестями. Полный радости, схватилъ Ванемуйне свою арфу, задумалъ торжественную пѣсню и спрыгнулъ на землю; за нимъ послѣдовали пѣвчія птицы. Гдѣ его пляшущая нога коснулась, тамъ выростали цвѣты; гдѣ онъ пѣлъ, сиди на камнѣ, тамъ выростала дѣвья, на которыя садились пѣвчія птицы и аккомпанировали его пѣнію. Лэммекуне веселился въ лѣсахъ и на холмахъ, а Вибоане пробовалъ свой лукъ. На ихъ веселье проснулся дѣдушка и порѣшилъ довершить твореніе другихъ существъ, при чемъ онъ обѣщалъ создать человѣка слабымъ, чтобы онъ не могъ славиться своею крѣпостью, и приказалъ героямъ подружиться и смѣшаться съ людьми, чтобы промзвести родъ, не такъ легко покоряющійся злу. „Зла и не огу и не въ состояніи уничтожить“, говорилъ онъ, — „ибо оно есть бѣда и жало добра“. Дѣдушка, однако, самъ еще управлялъ развитіемъ міра, пока міръ былъ въ ходу. Каждый человѣкъ есть членъ въ живеніи, побуждающій и побуждаемый, и каждый человѣкъ есть ворецъ собственнаго бытія. Дѣдушка живымъ болѣе не является на землю и не вмѣшивается непосредственно въ теченіе вещей; но человѣкъ никогда не можетъ жаловаться, что онъ оставленъ, ибо дѣдушка вѣдь вдунулъ въ чело каждого своего духа, такъ что онъ можетъ избѣгать зла. А кто покорится судьбѣ, тому это не будетъ оставлено въ виду; доселѣ еще судьба желѣзною поступью бродитъ кругомъ, и никто, застигнутый ею, не радъ, а многіе и совсѣмъ обнуть¹⁾. „Злое начало или, вѣрнѣе, владыка царства тѣней, столь же мало касалось живущихъ вѣд предѣловъ этого царства; онъ распоряжался въ своемъ царствѣ, какъ зажиточный и властительный хозяинъ земель. Такимъ образомъ Эстъ не былъ ограничиваемъ и стѣсняемъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ свои дѣйствія высшихъ силъ; мѣломъ его дѣятельности служило только обычное право, отличающееся мягкимъ характеромъ его поэтической природы“ (Трусманъ, р. 134).

¹⁾ Сага эта записана Крайцвальдомъ

Г. Трусманъ отвергаетъ существованіе рабства у туземцевъ Прибалтійскаго края: „Мы имѣемъ всё основаніа“, говоритъ онъ, — „признавать всѣхъ свободными, съ тѣмъ однако различіемъ, что бѣднѣйшіе находились въ услуженіи у богатыхъ за извѣстную плату или только пищу“.

Несомнѣнно, что еще въ отдаленныя времена начались столкновенія у туземцевъ Прибалтійскаго края съ народами, жившими на востокѣ и западѣ. Въ скандинавскихъ сагахъ упоминается о столкновеніяхъ викинговъ съ обитателями Прибалтійскаго края въ VIII и IX вв. Къ позднѣйшему времени относятся походы въ Лифляндію Датскихъ и Шведскихъ королей; здѣсь впоследствии были у нихъ владѣнія. Въ XI в. Датскій король Свендъ Эстридсонъ (1047—1078 гг.) пытался ввести христіанство въ Куроніи, въ XII в. Реймссійскій аббатъ Петръ дѣлалъ попытку миссіи въ Эстляндіи, но она не удалась. Въ 1-й главѣ II-й части своего изслѣдованія г. Трусманъ дѣлаетъ очеркъ тѣхъ столкновеній, которыя были у туземцевъ Прибалтійскаго края со Швеціей, Норвегіей и Даніей, и пользуется собранными свѣдѣніями, возбуждаетъ вопросъ: чтó сдѣлало западное католичество до прибытія Нѣмцевъ для ознакомленія съ христіанствомъ народовъ, живущихъ по восточному побережью Балтійскаго моря? „Результаты“, отвѣчаетъ онъ, — „достигнутыя католичествомъ въ этомъ отношеніи, самыя ничтожныя, если не сказать болѣе“. Походы Шведовъ и Датчанъ, въ продолженіе трехъ вѣковъ, сравнительно рѣдкіе, сначала имѣли характеръ грабительскій, а съ теченіемъ времени пріобрѣли мстительный и завоевательный характеръ: стремленіе къ завоеванію происходило изъ-за желанія не допустить другой державы завоевать извѣстную часть побережья. При этомъ совершавшіе походы не руководились стремленіемъ искоренить язычество и распространить христіанство. Попытки ознакомленія туземцевъ съ христіанствомъ принадлежали отдѣльнымъ лицамъ—королямъ, епископамъ, монахамъ, которые не встрѣчали сочувствія въ своемъ дѣлѣ со стороны общества. Г. Трусманъ приходитъ къ тому выводу, что туземцы Прибалтійскаго края еще до прибытія Нѣмцевъ познакомились съ католичествомъ во время грабительскихъ столкновеній съ Датчанами и Шведами, „но“, говоритъ онъ, — „болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ они приняли это христіанство и исповѣдали его на родинѣ“ (стр. 162).

Съ незапамятныхъ временъ были столкновенія у обитателей Прибалтійскаго края и со Славянами—Русскими. Территоріальныя и экономическія интересы, рано привели въ столкновеніе два сосѣдніе на-

рода. Г. Трусманъ не находитъ достовѣрныхъ данныхъ объ отношеніяхъ Русскихъ къ туземцамъ Прибалтійскаго края до времени Ярослава Владиміровича. Онъ не отвергаетъ того, что еще до времени Ярослава могли принадлежать Русскимъ укрѣпленныя мѣста по Двинѣ, Кокенгаузенъ и Герсике; но онъ думаетъ, что Ярославъ во время своего похода занялъ уже прежде существовавшій замокъ Дерить и значительно укрѣпилъ его; постройку же православной церкви въ Юрьевѣ г. Трусманъ совершенно отрицаетъ. Съ православіемъ познакомились туземцы, по мнѣнію г. Трусмана, во время постепенно развивавшихся торговыхъ сношеній между Новгородомъ и Готландомъ. Въ существованіи этихъ торговыхъ сношеній г. Трусманъ видитъ лучшее доказательство подданства, если не всѣхъ, то части туземцевъ русскому владѣтельству во время Ярослава. При потомкахъ Ярослава совершались частые походы Русскихъ князей въ Лифляндію. Они предпринимались для удержанія туземцевъ въ зависимости, которая выражалась въ платежѣ дани. Во время своихъ походовъ Русскіе князья не обнаруживали стремленія вполне овладѣть страной и ассимилировать ее, а довольствовались только исправнымъ платежомъ дани. Находя непосредственныя и непрерывныя сношенія обитателей Прибалтійскаго края съ Русскими, г. Трусманъ заключаетъ о болѣе близкомъ знакомствѣ Лифляндцевъ съ христіанствомъ въ формѣ православія и находитъ возможнымъ утверждать, что значительная часть туземцевъ Прибалтійскаго края гораздо лучше знакома была съ христіанствомъ въ формѣ православія, чѣмъ въ формѣ католичества, „хотя бы“, говоритъ онъ, — „у насъ и не доставало прямыхъ историческихъ данныхъ для этого утвержденія“.

Свои теоретическія соображенія г. Трусманъ старается подтвердить филологическими данными, указывающими на знакомство Латышей и Эстовъ съ православіемъ. Относительно существованія церкви православныхъ въ Дерптѣ, свидѣтельства объ этомъ относятся къ позднѣйшему времени, когда уже существовалъ Ливонскій орденъ. По словамъ г. Трусмана, „распространеніе православія въ Прибалтійскомъ край со времени завоеванія его Нѣмцами шло регрессивно, будучи мало по малу искореняемо, пока впоследствии подъ русскимъ владѣтельствомъ оно вновь не ожило, периодически распространяясь и сокращаясь соотвѣтственно свободному вѣронсповѣдному сознанію туземцевъ“ (стр. 183). До завоеванія Нѣмцами Лифляндіи христіанство не было здѣсь утверждено, хотя туземцы были знакомы и съ католичествомъ и православіемъ. Такимъ образомъ завоеваніе тузем-

цевъ Прибалтійскаго края ознаменовалось утверженіемъ среди нихъ христіанства въ формѣ католичества. Какимъ же образомъ произошелъ это завоеваніе и распространеніе христіанства среди туземцевъ Г. Трусманихъ исторіи утверженія Нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ посвящаетъ большую половину своего изслѣдованія (стр. 184—437) четыре отдѣльныя главы: III-я—завоеваніе Нѣмцами Лифляндіи, IV-я—внутренняя жизнь и отношенія лифляндскихъ господъ, V-я—церковныя учрежденія, и VI-я—туземцы и церковь составляютъ главную часть труда г. Трусмана.

Относительно вопроса о времени открытія нѣмецкими купцами Ливоніи, г. Трусманъ соглашается съ мнѣніемъ Гельбаума, который полагаетъ, что это знакомство началось со времени установленія прочной торговли съ Ливоніей между 1164—1180 или 1170 годами такимъ образомъ извѣстное указаніе Генриха Латыша на 1158—1159 г. отрицается.

Нѣ Бременскій архіепископъ Гартвигъ (1184—1207 гг.), на купцы по мнѣнію г. Трусмана, не имѣли въ виду миссіонерскаго дѣла, и вся инициатива миссіи въ Ливоніи принадлежала Мейнгарду, священнику ордена блаженнаго Августина въ Зигеборской обители. Для точнаго опредѣленія времени, когда прибылъ въ Ливонію Мейнгардъ и когда возникла у него мысль объ обращеніи Ливонцевъ, нѣтъ данныхъ. Для проповѣди среди Ливонцевъ Мейнгарду необходимо было позволеніе Полоцкаго князя Владиміра, которому этотъ народъ, а также Зелонъ и Летты, были подвластны.

Въ деревнѣ Искюль была построена церковь и учрежденъ конвентъ для распространенія христіанства среди туземцевъ. Скоро была выстроена и другая церковь на островѣ Гольмѣ. Во время успѣшной миссіонерской дѣятельности, между сооруженіемъ двухъ замковъ въ Искюль и Гольмѣ, Мейнгардъ былъ посвященъ Бременскимъ архіепископомъ во епископы Искюля. Въ 1188 г. папа Климентъ III подчинилъ Искюльскую епископію Бременскому архіепископу, а скорѣ послѣ этого въ буллѣ къ Ливонскому епископу разрѣшилъ отъ грѣховъ всѣхъ, кто пожелаетъ проповѣдывать Евангеліе язычникамъ въ Ливоніи. Не долго проповѣдь Мейнгарда была успѣшною: начались возстанія туземцевъ противъ пришельцевъ-миссіонеровъ, и Мейнгарду грозила большая опасность. Не находя достаточной помощи отъ Бременскаго архіепископа, Мейнгардъ въ 1193 году обратился къ папѣ чрезъ своего сотрудника Теодориха. Папа въ своей буллѣ далъ обѣщаніе защитить Ливонскую церковь и позволилъ проповѣдывать

крестовный походъ въ Лифляндію, предлагая отпущеніе грѣховъ каждому, кто возложитъ на себя крестъ для возстановленія новоучрежденной церкви. Мейнгардъ не дождался обѣщанной ему папою помощи: онъ умеръ въ 1195 году.

Въ томъ же 1195 г. въ преемники Мейнгарду былъ посвященъ аббатъ Локумскаго монастыря Вертольдъ, который только въ 1197 г. явился въ Лифляндію и прибылъ туда безъ войска, надѣясь управлять мирнымъ образомъ. Поборы Вертольда вызвали скорое возстаніе туземцевъ, и онъ долженъ былъ искать помощи у папы. Въ слѣдующемъ году Вертольдъ былъ убитъ въ сраженіи. Побѣдители Ливы немедленно разграбили имущество духовныхъ лицъ въ Икскюлѣ и постановили умертвить всякаго духовнаго, который останется на ихъ землѣ послѣ Пасхи; той же участи должны были подвергнуться и нѣмецкіе купцы. Таково было начало миссіонерской дѣятельности Нѣмцевъ среди туземцевъ Прибалтійскаго края. Но положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось въ самомъ непродолжительномъ времени, когда преемникомъ Вертольду былъ избранъ Альбертъ Аппельдернъ. Въ 1200 г. прибылъ онъ въ Ливонію, въ сопровожденіи 23 кораблей съ пилигримами, которыхъ успѣлъ наwerbовать на Готландѣ, въ Саксоніи, Вестфалин, Магдебургѣ и другихъ мѣстахъ Германіи. Со времени появленія Альберта въ Лифляндію дѣло распространенія христіанства получаетъ здѣсь прочныя основы; но вмѣстѣ съ этимъ начинается и та тяжелая судьба туземцевъ, слѣды которой не изгладились до настоящаго времени. Въ лицѣ Альберта нельзя не признать одного изъ выдающихся людей своего времени: онъ является выразителемъ главнѣйшихъ стремленій, которыми богаты были XII и XIII вв. въ западной Европѣ. Въ своей дѣятельности Альбертъ выказываетъ необыкновенную энергію и пользуется всѣми средствами, какія только были ему доступны. Въ самое непродолжительное время онъ утверждаетъ нѣмецкое владычество въ Лифляндіи и совершаетъ скорое обращеніе туземцевъ-язычниковъ въ христіанство. Въ 1201 году, возвратившись изъ Германіи съ новымъ войскомъ, Альбертъ начинаетъ постройку города Риги, куда затѣмъ переводитъ конвентъ изъ Икскюля; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ раздавать въ ленъ Нѣмцамъ земли, принадлежавшія обращаемымъ туземцамъ. Въ это время уже возникаетъ мысль объ учрежденіи монашеско-рыцарскаго ордена въ Ливоніи. Не успѣвъ еще прочно утвердиться здѣсь, Альбертъ приводитъ въ исполненіе свою мысль объ учрежденіи ордена: онъ убѣждается, что помощь приходящихъ на время пилигримовъ не прочна и не достаточна, а потому и спѣшитъ

учрежденіемъ ордена, какъ постояннаго вспомогательнаго отряда для поддержанія своей власти въ Лифляндіи. Ближайшіе сосѣди туземцевъ—Русскіе спѣшатъ воспрепятствовать утвержденію Нѣмцевъ въ томъ краѣ, гдѣ туземцы до того времени платили имъ дань. Князья Полоцкій, Герсикскій и Кукейносскій совершаютъ свои нападенія на Нѣмцевъ. Во время этого столкновенія Русскіе князья узнаютъ о большихъ силахъ Нѣмцевъ и, не смотря на просьбы самихъ туземцевъ о помощи противъ Нѣмцевъ, не могутъ осилить пришельцевъ, прочно утверждавшихся въ новозавоеванныхъ земляхъ. Кромѣ Русскихъ, и Датчане пытаются мѣшать Нѣмцамъ и стремятся утвердиться на островѣ Эзелѣ. Не смотря на всѣ внѣшнія противодѣйствія и внутреннія возстанія, къ началу 1207 года вся Ливонія была крещена, и Альбертъ разослалъ священниковъ по всей Ливоніи. Власть Альберта, опиравшаяся на пилигримовъ, достигла высшей степени могущества. Кукейносскій князь Вячко, вида опасность совершенно потерять свои владѣнія, рѣшается самъ добровольно уступить половину своихъ земель Альберту съ тѣмъ, чтобы удержать другую въ своихъ рукахъ. Завоеванная Ливонія немедленно раздѣлена была между братьями-рыцарями и епископомъ. Теперь обратился Альбертъ къ завоеванію Эстоніи и сталъ стремиться окончательно вытѣснить Русскихъ изъ Лифляндіи, что было крайне необходимо для прочнаго утвержденія здѣсь Нѣмцевъ. Уже въ 1208 году было уничтожено Кукейносское княжество: жители его сами сожгли и бѣжали вслѣдствіе неудачнаго нападенія на Нѣмцевъ во время отъѣзда Альберта въ Германію. Въ 1209 году Альбертъ двинулся противъ Герсика. По взятіи замка, Альбертъ принудилъ князя Всеволода отдать свой замокъ въ вѣчный даръ Пресвятой Дѣвѣ Маріи и затѣмъ получить его въ ленъ отъ Альберта. Вскорѣ возгорѣлась упорная и продолжительная борьба между Эстами и Нѣмцами; въ этой борьбѣ приняли участіе и другіе туземцы Прибалтійскаго края; часто вторгались сюда Новгородцы и Псковичи. Датчане и Шведы желали также воспользоваться благоприятными обстоятельствами для завоеванія себѣ земель и при этомъ крестили туземцевъ. Благодаря тому вся Эстонія къ началу 1221 года была окрещена. Русскіе хотя и вмѣшивались въ борьбу, происходившую въ Лифляндіи, но вмѣшательство ихъ не имѣло большого значенія, хотя обстоятельства Нѣмцевъ въ это время весьма благоприятствовали успѣхамъ Русскихъ. Внутреннія дѣла на Руси не давали возможности князьямъ соединенными силами обратиться противъ Нѣмцевъ. Во время своихъ по-

ходовъ Русскіе не обнаруживали стремленія овладѣть Лифляндіей, и это было весьма важно для Нѣмцевъ, которые усердно хлопотали объ окончательномъ вытѣсненіи Русскихъ, въ коихъ видѣли опасныхъ себѣ соперниковъ. Еще послѣ паденія Кувейноса и Герсика, Русскіе держались въ Юрьевѣ, но въ 1224 году они были вытѣснены и отсюда. Русскій лѣтописецъ ограничился краткою замѣткой объ этомъ событіи: „того же (6732) лѣта убиша князя Вячка Нѣмци въ Гюргевѣ, а городъ взяша“¹⁾. Между тѣмъ Генрихъ Латышъ подробно описываетъ взятіе Юрьева, и изъ его описанія нельзя не видѣть важнаго значенія для Нѣмцевъ побѣды, одержанной надъ Русскими въ Юрьевѣ. Когда былъ взятъ замокъ, разказываетъ Генрихъ, всѣ защитники его, около тысячи Эстовъ и двухъ сотъ Русскихъ, вмѣстѣ съ Вячко, были перебиты; остался только живъ одинъ слуга великаго князя Суздальскаго. Его Нѣмцы посадили на лучшаго коня и отправили въ Новгородъ и Суздаль извѣстить о случившемся. Новгородцы въ Псковѣ узнали о паденіи Юрьева и повернули назадъ. Нѣмцы праздновали свою побѣду торжественными играми на музыкальныхъ инструментахъ. Съ паденіемъ Юрьева окончательно вытѣснены были Русскіе, и Эсты потеряли теперь надежду на сохраненіе своей свободы и независимости; они поспѣшили отправить своихъ пословъ въ Ригу съ подарками и данью. Послѣ того, по словамъ Генриха, успокоилась вся земля, и страхъ предъ Рижанами и Нѣмцами напалъ на всѣ сосѣднія земли и на всѣ окрестные народы. По завоеваніи Ливоніи и почти всей Эстоніи явился сюда легатъ папы Вильгельмъ, бывший Моденскій епископъ. Въ непродолжительное время дѣятельности миссіонеровъ успѣли уже возникнуть разныя затрудненія въ новозавоеванномъ краѣ; особенно труднымъ было установить правильныя отношенія между различными властями, а также много споровъ возникло при раздѣлѣ земель. Вильгельму пришлось быть примирителемъ и посредникомъ между духовенствомъ и орденомъ. Хотя ему и удалось достигнуть успѣшныхъ результатовъ, но въ этихъ несогласіяхъ заключались сѣмена будущей вражды между духовенствомъ и орденомъ. По завоеваніи Эстоніи предстояло еще завоевать Земгалию и Куронію; въ это же время выступилъ противъ Нѣмцевъ Литовскій князь Миндовгъ. Особенно труднымъ было подчинить Земгалию: борьба тянулась долго и сопровождалась большими опустошеніями. Многіе

¹⁾ П. С. Р. Л., III, 39.

изъ Землягаловъ предпочитали оставить свою страну и переселялись въ чужія земли, страна же ихъ была превращена въ пустыню. Годные, полуголые туземцы, по словамъ лѣтописца, съ плачевными пѣснями оставляли свои замки—наслѣдіе предковъ, предпочитая лучше лишиться всего, только бы сохранилась личная свобода и религія предковъ (Трусманъ, стр. 251). Къ концу XIII вѣка Лифляндія, Эстляндія и Курляндія были совершенно завоеваны и такъ или иначе обращены въ христіанство. „Возникаетъ вопросъ“, говорятъ г. Трусманъ,— „чѣмъ объяснить такой быстрый успѣхъ незначительнаго количества чужестранцевъ въ борьбѣ съ инородцами, сумма которыхъ простиралась, можетъ быть, до двухъ сотъ тысячъ, и которые находили себѣ опору въ сосѣднихъ Русскихъ князьяхъ, выставившихъ противъ Нѣмцевъ болѣе многочисленное войско, чѣмъ туземцы?“ (стр. 271). Причины столь быстрого успѣха весьма разнообразны. Г. Трусманъ видитъ ихъ въ замѣчательной тактикѣ и проницательности руководителя завоеванія, епископа Альберта, который стремился къ постепенному покоренію, начиная отъ болѣе слабыхъ туземцевъ и доходя до болѣе сильныхъ; при этомъ Альберту удавалось разъединять разныя племена и ссорить ихъ между собою. Немаловажное вліяніе имѣла искусная политика Альберта въ отношеніи сосѣднихъ Русскихъ князей. Приглашая на помощь пилигримовъ, Альбертъ всегда умѣлъ заинтересовать ихъ въ покореніи туземцевъ. При этой замѣчательной тактикѣ Альберта самыя обстоятельства весьма благоприятствовали успѣху завоеванія: пражда между туземцами, отсутствіе политической дальновидности, политическія неурядицы Русскихъ князей и отвлеченіе ихъ вниманія отъ своихъ бывшихъ данниковъ. Несомнѣнную услугу успѣхамъ завоеванія оказалъ орденъ. Являясь на помощь новоучрежденной церкви, братья рыцари скоро приобрѣли большія права и владѣнія и стали даже тяготиться зависимостью отъ духовной власти. Владѣнія ордена, по исчисленію Бунге, въ концѣ XIII вѣка во всей Лифляндіи составляли 730 квадратныхъ географическихъ миль земли. Внѣшняя опасность и внутреннія неурядицы заставили соединиться Ливонскій орденъ съ Тевтонскимъ въ 1237 году. Черезъ это соединеніе образовалась сила, которой трудно было противостоять туземцамъ, и этимъ безвозвратно предрѣшалась ихъ будущая судьба. Съ этого времени главными владѣтелями Прибалтійскаго края сдѣлались Нѣмцы; они стали господами туземцевъ и собственниками ихъ территорій. Постепенно складывался и развивался своеобразный государственный бытъ въ новозавоеванномъ краѣ, выяснились и различныя

отношеніи между главными сословіями монашеско-рыцарскаго государства. На первомъ планѣ стояло церковное устройство среди новообращенныхъ, но съ этимъ устройствомъ связывались и чисто матеріальные интересы распространителей христіанства. Уже въ 1225 году, при первомъ посѣщеніи папскаго легата Вильгельма, насчитывалось пять епископій въ Лифляндіи. Первое мѣсто занимала Рижская епископія. Еще Альбертъ стремился пріобрѣсти титулъ архіепископа, но только въ 1251 году городъ Рига сдѣлался кафедрой архіепископа. Кромѣ Рижской, возникли епископіи: Эстонская, Эзельская, Зелонская и Куронская. Епископіи основывались затѣмъ въ областяхъ язычниковъ, еще не обращенныхъ и не подчиненныхъ, и потому утвержденіе епископій требовало предварительнаго завоеванія области. Владѣнія лифляндскихъ епископовъ были очень обширны, и епископы имѣли надъ ними полное господство, такъ какъ были возведены въ имперское княжеское достоинство. Содержаніе духовенства лежало на туземцахъ, которые платили десятину. Духовенство дѣлилось на два класса: орденскіе братья, жившіе въ замкахъ и участвовавшіе въ походахъ, и обыкновенные священники при сельскихъ церквяхъ. Всѣ духовныя лица въ духовныхъ дѣлахъ находились подъ юрисдикціей мѣстнаго епископа. Нѣкоторыя особенности въ церковной организаціи существовали въ Эстляндіи вслѣдствіе бывшаго тамъ владычества Датчанъ. По мѣрѣ распространенія христіанства возникали новыя церкви, и устраивались приходы и монастыри; возникали также и школы. Найдя указаніе на существованіе школъ въ Ригѣ, на Эзелѣ, въ Гапсалѣ, г. Трусманъ предполагаетъ, что и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были кафедральныя церкви, могли быть школы. О состояніи этихъ школъ г. Трусманъ приходитъ однако къ тому заключенію, что школьное дѣло стояло въ Лифляндіи весьма низко, будучи задерживаемо частію спорами изъ-за права обученія, происшедшими между соборнымъ капитуломъ и епископами, съ одной стороны, монастырями и горожанами — съ другой, частію же нерадѣніемъ руководителей школъ, а также и недостаткомъ книгъ. Что же касается приходскихъ церквей, то, по мнѣнію г. Трусмана, едва ли при нихъ и могли существовать школы. Каково же стало положеніе туземцевъ, обращенныхъ въ христіанство подъ опекою новыхъ ихъ господъ Нѣмцевъ, и какихъ результатовъ достигли новые владѣтели Прибалтійскаго края? Миссіонерская задача мало по малу отодвигалась на задній планъ: происходило, по словамъ нѣмецкаго ученаго Гильдебранда, „великое, часто жестокое разрушеніе“, „и одно за другимъ рушились

несовершенныя образованіи... но какіе же плоды для цивилизаціи и гуманности выросли потомъ на этой пропитанной кровію почвѣ?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ другой нѣмецкій ученый, Вилеманъ: „Событія первоначальной лифляндской исторіи изображаютъ глубоко заложенное основаніе, на которомъ было сооружено зданіе нѣмецкой государственности. Въ болотистую почву туземцевъ, которые, будучи неспособны къ самостоятельному развитію, не могли жить и не умѣли умирать, были вогнаны мощныя балки нѣмецкой народности, разрушительныя почвенныя воды были слущены, поверхность почвы укрѣпилась, ближе прикнула къ стволамъ, и послѣдніе стали прямѣе и плодоноснѣе... Охраненіе бассейна Остзейскаго моря для нѣмецкихъ интересовъ было національною задачею, привлеченіе далекаго Востока въ область европейской культуры было всемірно-историческою задачею этого побережья и его обитателей“ (цитата у Трусмана, стр. 392). Самъ г. Трусманъ отказывается дѣлать общее заключеніе о событіяхъ лифляндской исторіи, касающихся судьбы новообращенныхъ, и только указываетъ результаты, къ которымъ ходъ событій привелъ.

„Уже заранѣе“, говоритъ г. Трусманъ,— „можно было предвидѣть, къ чему поведетъ упорная борьба разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ народовъ, отстоящихъ другъ отъ друга не только на значительномъ разстояніи, но и имѣющихъ свою особую культуру, народовъ, изъ которыхъ одна часть—побѣдителей—гордилась высотой своей религіи и была фанатизирована величіемъ и полезностью задачи распространенія этой религіи—насилъно или добровольно, все равно— между невѣжественными туземцами-язычниками, а другая часть, будучи изгнана изъ отечества за разныя преступленія или не имѣя возможности жить въ немъ по другимъ обстоятельствамъ, и потому едва ли пытавшая въ себѣ высшія, болѣе или менѣе благородныя цѣли при завоеваніи себѣ новаго мѣстожительства, смотрѣла на туземцевъ и ихъ страну какъ на удобное средство для удовлетворенія всѣхъ своихъ прихотей, не опасаясь вновь подвергнуться ostracismу или намечь на себя другую какую-либо кару за нарушеніе законовъ правильнаго человѣческаго общежитія“ (стр. 393). При этомъ нужно принять во вниманіе бывшую рознь между епископами и орденомъ и преслѣдованіе орденомъ своихъ особыхъ цѣлей и интересовъ. Г. Трусманъ приводитъ отзывъ лѣтописца Альберика, относящійся къ 1232 году, объ орденскихъ братьяхъ: „Хотя они и признаютъ себя принадлежащими къ ордену тамплиеровъ, однако ни въ чемъ не подчиняются

тамплиерамъ и, будучи купцами и богачами, которые были изгнаны нѣкогда изъ Саксоніи за злодѣянія, они возгордились до того, что думали жить безъ закона и царя" (Тр., стр. 281). Изъ жалобъ папѣ на орденъ можно узнать, „что онъ всецѣло стремится въ приобрѣтенію свѣтскаго права и расширенію собственной власти, пренебрегаетъ подавленіемъ язычниковъ, иногда даже притѣсняетъ христіанъ ливонскихъ и православную вѣру при помощи невѣрныхъ и преслѣдуетъ ихъ, какъ враговъ, что магистръ и братья со времени соединенія орденовъ совершали большіе грабежи, похищенія, вымогательства, возмущенія, нестерпимо оскорбляли и тиранили новообращенныхъ и разграбляли ихъ имущество; что въ частяхъ братьевъ рыцарства не только прекратилось совершенно распространеніе христіанства, но что даже во многихъ мѣстахъ и у многихъ народовъ вѣра христіанская потерпѣла невознаградимыя потери" (Тр., стр. 282). Въ современныхъ памятникахъ сохранился цѣлый рядъ такихъ жалобъ на насилія рыцарей: они пренатствовали братьямъ проповѣдникамъ и миноритамъ и другимъ благочестивымъ людямъ и свѣтскимъ клирикамъ предлагать въ своихъ владѣніяхъ слова спасенія или проходить черезъ нихъ для проповѣди язычникамъ и невѣрнымъ; они всячески притѣсняли не окрѣпшихъ еще въ вѣрѣ новообращенныхъ, возлагая на нихъ тяжелое и нестерпимое бремя и низводя ихъ нѣкоторымъ образомъ въ рабство, не позволяя сооружать для нихъ церкви, молитвенные дома или капеллы. „Если“, говоритъ г. Трусманъ,—„даже допустить, что въ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ кое-что преувеличено, что очень возможно, то и тогда все же на рыцаряхъ остается неизгладимое пятно средневѣковаго кулачнаго права, занесеннаго ими въ чужой край (стр. 283).

Еще нѣкоторое время туземцы удерживали за собою право на поземельную собственность, хотя и были въ это время обременены тяжелыми поборами и военною службою. Но и это право удерживалось до тѣхъ поръ, пока туземцы имѣли возможность защищать свои владѣнія съ оружіемъ въ рукахъ, иначе права туземцевъ подвергались постояннымъ нарушеніямъ и ограниченіямъ. Въ XIV в. въ актахъ не встрѣчается указанія на существованіе въ странѣ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ изъ простыхъ туземцевъ. Оставались таковыми только принадлежавшіе къ туземнымъ старшинамъ, и то они владѣли небольшими клочками и на ленныхъ правахъ. „Когда“, говоритъ г. Трусманъ,—„туземцы потеряли права собственности на недвижимыя имущества и были отягощены всякими повинностями

въ пользу своихъ господъ, то до рабства оставался только одинъ шагъ. Посредствующія ступени къ рабству, прикрѣпленіе къ помѣстью, перемѣщенія на другія помѣстья и отчужденіе черезъ дареніе, закладъ и продажу были пройдены слишкомъ скоро, и можно сказать, онѣ почти одновременны захвату населенной земли рыцарями и вассалами. Уже при раздѣлѣ земель жители, переходя вслѣдъ съ землею къ тому или другому Нѣмцу, представлялись прикрѣпленными къ землѣ... Самымъ вѣрнымъ показателемъ положенія туземцевъ въ Лифляндіи въ XIV и XV вв. служитъ фактъ повсемѣстнаго безвозвратнаго бѣгства ихъ въ другія сосѣднія страны (стр. 416). Духовная пища, предложенная завоевателями покореннымъ туземцамъ, оказалась крайне скудною во всѣхъ отношеніяхъ: самі священники оказывались часто вполне невѣжественными, не говоря уже о незнаніи ими языка туземцевъ. Не удивительно—говоритъ г. Трусманъ,—что изъ язычества и христіанства составилъ хаосъ, изъ котораго трудно было бы выдѣлать первоначальные элементы. Если духовенство ограничивалось немногимъ для обученія новообращенныхъ христіанской вѣрѣ, за то оно сумѣло развить въ туземцахъ къ себѣ крайнее раболѣпство и низкопоклонничество. Единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни этихъ туземцевъ рабовъ служила надежда, которою они льстили себя: это загробное господство въ томъ мірѣ надъ своими здѣшними властелинами. „Ступай, несчастный, изъ этого міра, гдѣ надъ тобою господствовали Нѣмцы, въ лучший міръ, гдѣ уже не они надъ тобою, но ты будешь господствовать надъ ними“ (стр. 433). Такими словами сопровождали умершаго туземца. О дальнѣйшей жизни господъ, а также и о положеніи туземцевъ, хорошо извѣстно изъ позднѣйшихъ ливонскихъ хроникъ.

Приведемъ цѣликомъ заключительныя слова изслѣдованія г. Трусманова: „Если теперь въ заключеніе всмотрѣться въ общій смыслъ совершившагося переворота въ судьбахъ Лифляндіи, то легко замѣтить, что обращеніе туземцевъ въ католичество носитъ вполне насильственный характеръ, что оно совершилось въ полномъ смыслѣ огнемъ и мечомъ; съ другой стороны, обращеніе это представляется по видимому совершеннымъ въ сравнительно очень короткій промежутокъ времени, одновременно съ завоеваніемъ страны и покореніемъ жителей; но на самомъ дѣлѣ оно продолжалось нѣсколько вѣковъ. Это, однако, не значитъ, что туземцы столь упорно и продолжительно отстаивали свою религію. Напротивъ, мы имѣемъ примѣры ихъ безразличнаго отношенія къ исповѣдуемой формѣ

религіи. Центр тяжести борьбы туземцевъ долженъ, слѣдовательно, падать главнымъ образомъ на то положеніе, которое создавалось ихъ покореніемъ. И если къ послѣднему присоединятся еще религіозное невѣжество, то намъ легко понять отсутствіе въ Лифляндіи національнаго вѣроисповѣданія и неустойчивое равновѣсіе религіознаго сознанія, представляющее одну изъ отличительныхъ чертъ всей лифляндской исторіи. То обстоятельство, что черта эта выступала, хотя и очень рѣдко, еще въ то время, когда Лифляндія не была завоевана Нѣмцами, заставляетъ перенести часть причинъ неустойчивости религіознаго сознанія лифляндскихъ туземцевъ на ихъ прежнее религіозное и общественное развитіе. Но удивительно быстра и неправильна колебанія ихъ религіознаго сознанія въ послѣдующее время подъ владычествомъ Нѣмцевъ и сосѣднихъ государствъ уполномочиваютъ изслѣдователя искать причинъ этого трагическаго явленія главнымъ образомъ въ характерѣ обращенія ихъ Нѣмцами* (стр. 437).

Таковы были результаты дѣятельности распространителей католичества среди прибалтійскихъ язычниковъ. Но мы не должны забыть еще и о замыслахъ миссіонеровъ Ливоніи распространить свою дѣятельность за предѣлы этой страны, между прочимъ и въ Россіи. Уже при завоеваніи Ливоніи неизбѣжнымъ было столкновеніе католичества съ православіемъ. Скоро во время борьбы съ Русскими завоеватели язычниковъ обратили свое вниманіе на Водьскую Землю и Корелію; Дерптскій епископъ принялъ на себя миссіонерскую роль въ Водьской землѣ. При обнаружившихся стремленіяхъ Нѣмцевъ Русскимъ пришлось бороться со своими новыми сосѣдями и изъ-за религіозныхъ интересовъ. Благодаря успѣхамъ Александра Невскаго и Довмонта Русскимъ удалось дать отпоръ и не допустить Нѣмцевъ овладѣть Водью и Корелами; миссіонерскіе планы просвѣтителей Финновъ и Латышей на этотъ разъ оказались безуспѣшны. Извѣстно, сколько усилій было употреблено папами для распространенія католичества въ Лифляндіи, въ сосѣднихъ съ нею земляхъ, а также и среди Русскихъ. Желая вознаграждать свои неудачи относительно завоеванія Корелии и Воды, прибалтійскіе Нѣмцы стали мѣшать торговлѣ Русскихъ и обратились съ просьбой къ любскимъ и другимъ купцамъ не возить своихъ товаровъ Русскимъ въ Новгородъ. Вражда между сосѣдями усиливалась постепенно. „Вырвавъ“, говоритъ г. Трусманъ, — „въ XIII в. у Русскихъ нѣкоторую часть края, Нѣмцы простирали свои виды еще далѣе на востокъ, въ самую Русь, но здѣсь потеряли

уронъ. Съ другой стороны, и Русскіе пытались возстановить свой прежній авторитетъ въ краѣ, но оказались для этого безсильными. Въ будущемъ, безъ сомнѣнія, выяснится въ русской исторіи то мѣсто и значеніе, которое занимаетъ борьба за Ливонію для Россіи въ прошлыхъ судьбахъ ея.

Содержаніе книги г. Трусмана знакомитъ насъ съ прошлыми туземцевъ Прибалтійскаго края, и мы не можемъ не удивляться той тяжелой судьбѣ, которая выпала на долю этого народа. Безъ сомнѣнія, были причины, благодаря которымъ совершился столь насильственный переворотъ въ судьбахъ Лифляндіи. Гдѣ же коренятся причины его? Попытаемся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, не входя въ подробный разборъ изслѣдованій г. Трусмана, но предложивъ съ своей стороны нѣкоторыя возраженія касательно его главныхъ выводовъ и воззрѣній.

Собирая факты лифляндской исторіи и указывая результаты дѣятельности миссіонеровъ Нѣмцевъ въ Лифляндіи, г. Трусманъ не высказываетъ своего взгляда на цѣль, которою руководились эти миссіонеры-завоеватели, а между тѣмъ убѣждаетъ въ томъ, что главными руководящими идеями лифляндской исторіи были—сословная и экономическая. Нѣмецкіе историки указываютъ на великія заслуги миссіонеровъ Прибалтійскаго края для цивилизаціи и для интересовъ Германскаго народа. Г. Трусманъ приводитъ взгляды гг. Гильдебранда и Бинемана, но не рѣшается критически разсмотрѣть эти взгляды; самъ же онъ говоритъ, что миссіонерская задача Нѣмцевъ невыяснима. Не выяснивъ главной задачи, которою руководились завоеватели трудно—кажется намъ—и самыя явленія прибалтійской исторіи группировать около идей, указываемыхъ г. Трусманомъ. Узнавъ, что руководящими идеями лифляндской исторіи были сословная и экономическая, „читатель“, по мнѣнію г. Трусмана, „перестаетъ удивляться пустотѣ и простотѣ лифляндской исторіи, ибо онъ пришелъ къ убѣжденію, что такова уже сущность самой исторіи Лифляндіи, и винить здѣсь изслѣдователей можно гораздо менѣе, чѣмъ какъ онъ прежде предполагалъ“ (стр. XXVIII). Не знаемъ, всякій ли согласится съ этими словами. Выше уже сказано было о необыкновенномъ разнообразіи явленій въ лифляндской исторіи, о взаимодѣйствіи ихъ и о трудности изучить эти явленія. Г. Трусманъ постигъ сущность лифляндской исторіи и успокоиваетъ другихъ относительно пустоты и простоты ея. Но изъ чего же заключаетъ г. Трусманъ о пустотѣ лифляндской исторіи? Неужели она бѣдна содержаніемъ? Въ книгѣ

Трусмана собрано много драгоценных фактовъ, которые свидетельствуютъ объ отсутствіи пустоты и простоты. Оторванная отъ великаго народа, горсть Нѣмцевъ является среди свободныхъ язычниковъ въ той странѣ, гдѣ не было еще ни вліянія Рима, ни Византіи, гдѣ не было ни феодализма, ни рыцарства, но гдѣ уже начали распространять свою власть не Нѣмцы. Для чего же другого является эта горсть Нѣмцевъ въ Прибалтійскій край, какъ не для того, чтобъ овладѣть, еще не подчиненною вполне другими, территоріей и подчинить себѣ живущій народъ? Такимъ образомъ руководящею цѣлью этого прихода завоевателей служить общераспространенная цѣль завоеванія въ средніе вѣка, какъ это видно и изъ подобныхъ же явленій въ другихъ странахъ. Поселившись въ ново-завоеванной странѣ, завоеватели спѣшатъ проявить всѣ свои стремленія и осуществить свои идеалы, также общезвѣстные въ средніе вѣка, то-есть, создаютъ государство со всѣми формами и условіями, которыя соответствовали бы ихъ духу и потребностямъ. Какими средствами пользуются завоеватели для подчиненія страны и народа? Крестомъ и мечемъ. А развѣ это не обычное средство завоеванія въ тѣ времена? Постепенно развивается новоустроенное государство, перенесенныя формы жизни не могутъ вполне правильно прилагаться въ новозавоеванномъ краѣ, окруженномъ враждебными осѣдами, изъ которыхъ нѣкоторые являются соперниками, и притомъ опасными. Къ бывшимъ уже стремленіямъ присоединяются новыя: уземцы также вызываютъ на борьбу, и вотъ явленія въ жизни Прибалтійскаго края становятся сложнѣе и разнообразнѣе. Можно ли съ эти разнообразныя явленія группировать около двухъ только идей—сословной и экономической? И Крестовые походы, и борьба папъ съ свѣтскою властью, и внутренняя борьба въ средне-вѣковыхъ государствахъ, конечно, имѣли причины въ сословной и экономической идеяхъ; но эти ли только идеи были руководящими? Намъ кажется, то необходимо вспомнить событія среднихъ вѣковъ, чтобы понять стремленія, принадлежавшія этимъ вѣкамъ, а затѣмъ уже указать руководящія идеи. Нужно найти начало нити, а не брать ея со редины и тѣмъ болѣе не обрывать ея намѣренно. Едва ли кто рѣшится оспаривать самую тѣсную связь исторіи Ливонскаго ордена съ исторіею западной Европы, какъ по формѣ явленій, происходившихъ въ монашеско-рыцарскомъ государствѣ, такъ и по содержанію ихъ. Возьмемъ самый незначительный примѣръ изъ книги г. Трусмана относительно походовъ Датчанъ и Шведовъ въ Лифляндію, г. Трус-

манъ замѣчаетъ: „Завоевательная черта этихъ походовъ зависѣла не столько отъ непосредственнаго прямого намеренія покорить себѣ известную часть Лифляндіи, сколько обуславливалась ревностію, чтобы другая держава не овладѣла этою частію“. Не обычное ли это явленіе того времени? А чѣмъ вызывалось это стремленіе, это соперничество въ завоеваніи? Цѣлый рядъ другихъ явленій можетъ убѣдить насъ еще болѣе въ этой связи и родствѣ исторіи Лифляндіи съ исторіей другихъ западныхъ народовъ. Таковы: развитіе феодальнаго строя, постоянно обращеніе завоевателей къ авторитету папы и императора, самыя способы обращенія язычниковъ въ христіанство, полное невниманіе къ положенію подчиненныхъ, всевозможное обремененіе ихъ и проч. Г. Трусманъ рисуетъ намъ печальную картину обращенія въ христіанство Финновъ и Латышей и говоритъ о религіозномъ сознаніи которое не можетъ установиться у нихъ, но причинъ послѣдняго не выясняетъ. Причины этого, равно какъ и вообще бѣдственнаго положенія туземцевъ Прибалтійскаго края, едва ли всецѣло проистекаютъ изъ указанныхъ г. Трусманомъ идей: помимо стремленій сословныхъ и экономическихъ, завоеватели-Нѣмцы не руководились ли и другими идеями? Не исключительно же сословные и экономическіе интересы влекли Нѣмцевъ далѣе на востокъ, хотя, конечно, и эти интересы не упускались изъ виду. Точно также и славные герои русской исторіи Александръ Невскій и Довмонтъ, защищали не одни матеріальныя интересы Русской земли, давая отпоръ Нѣмцамъ. Выдающійся дѣятель Ливоніи, Альбертъ Аппельдернъ, и его продолжатели были выразителями не мѣстныхъ только ливонскихъ интересовъ и личныхъ стремленій, но шли гораздо далѣе: ихъ дѣятельность имѣла значеніе политическое, религіозное и національное. Вообще г. Трусманъ обнаруживаетъ слишкомъ суровое отношеніе къ дѣятельности нѣмецкихъ миссіонеровъ въ Лифляндіи, и забываетъ, что эта дѣятельность принадлежала людямъ XII и XIII вв. Затѣмъ на судьбу Финновъ и Латышей не имѣло ли вліянія и географическое положеніе ихъ страны, которая оказалась между территоріями двухъ историческихъ враждебныхъ племенъ Славянскаго и Германскаго, между послѣдователями Рима и послѣдователями Византіи? Послѣднее условіе частію напоминало о себѣ и въ дальнѣйшей исторіи. На томъ же восточномъ берегу Балтійскаго моря Русскіе приходили въ столкновеніе съ народами заморскими; этотъ берегъ исторически долженъ былъ принадлежать той территоріи, на которой поселился Русскій народъ: это своего рода Малая Азія Грековъ, вызвавшая стремленіе Персовъ

изгнать оттуда Греков; это та же Финикия, которая должна была поступить во власть сосѣднаго государства. Можно было ожидать отъ г. Трусмана гораздо большаго очерка отношеній Русскихъ къ туземцамъ Прибалтійскаго края, чѣмъ тотъ, который онъ даетъ въ своемъ изслѣдованіи. Мало также г. Трусманъ объясняетъ причины слабаго распространенія православія среди Финновъ и Латышей. Не выясняя въ достаточной степени зависимости туземцевъ Прибалтійскаго края отъ Русскихъ, г. Трусманъ, однако, смѣшить объявить, „что послѣдующія притязанія Русскихъ князей и царей, особенно Іоанна Грознаго, на Лифляндію не могутъ быть во всей полнотѣ оправданы исторіей. Когда, напримѣръ, Іоаннъ Грозный, называя Лифляндію своею отчиной, утверждалъ, что Лифляндія отъ начала міра принадлежала великимъ московскимъ князьямъ и имѣвала себя наследственнымъ владыкою, то онъ преувеличивалъ историческую дѣйствительность“. Можетъ г. Трусманъ удивляться притязаніямъ Грознаго, но онъ долженъ вспомнить, что Грозный, имея хорошо предшествующую исторію Россіи, умѣлъ въ лѣтописяхъ находить историческія основанія для не менѣе историческихъ притязаній.

Есть отдѣльныя мѣста въ книгѣ г. Трусмана, которыя могутъ подать поводъ къ возраженіямъ; есть въ ней мнѣнія, съ которыми не всякій согласится, но тѣмъ не менѣе авторъ „Введенія христіанства въ Лифляндію“ заслуживаетъ полной признательности за избранный имъ предметъ изслѣдованія и за свое сочувственное отношеніе къ туземцамъ Прибалтійскаго края. Книга г. Трусмана должна бы имѣть распространеніе въ русскомъ обществѣ, мало знакомомъ съ исторіею Прибалтійскаго края; но къ сожалѣнію, она отпечатана въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ. Въ заключеніе нельзя не пожелать Трусману успѣховъ въ дальнѣйшихъ его занятіяхъ, направленныхъ къ ознакомленію русскаго общества съ судьбами Финновъ и Латышей.

И. Козмо.

Еъ исторіи звуковъ ново-болгарскаго языка.

ERSCHEINTE DER LAUTBEZEICHNUNG IM BULGARISCHEN. Von Dr. *Frans Miklosich*.
Wien. 1883.

Брошюра Миклошича даетъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе: мы находимъ въ ней изслѣдованіе о звукахъ ново-болгарскаго языка

въ ихъ отношеніи къ звукамъ языка церковно-славянскаго и о способахъ изображенія ихъ на письмѣ въ болгарскихъ памятникахъ XVII—XVIII вв. и въ современныхъ болгарскихъ изданіяхъ.

Новый трудъ Миклошича, имѣя всѣ тѣ достоинства, которыми отличаются сочиненія вѣнскаго ученаго, страдаетъ однимъ недостаткомъ, весьма важнымъ и крупнымъ: въ немъ обращено слишкомъ мало вниманія на такъ-называемые средне-болгарскіе памятники, изъ которыхъ иные, какъ признаетъ и самъ Миклошичъ, заключаютъ въ себѣ слѣды современнаго болгарскаго языка и потому въ высшей степени важны для объясненія фонетическихъ особенностей и исторіи этого языка. Вслѣдствіе невниманія къ средне-болгарскимъ памятникамъ является у Миклошича рядъ ошибокъ.

Говоря о ново-болгарскомъ *з* и его звуковомъ значеніи, Миклошичъ указываетъ на то, что эта буква иногда произносится какъ *о* (стр. 7), и въ качествѣ примѣровъ такого произношенія приводитъ слова сон, кумо-т и т. п. Хотя въ числѣ ново-болгарскихъ говоровъ есть нѣкоторые, знающіе болѣе или менѣе частое произношеніе *з* какъ *о* (*о* нѣхъ Миклошичъ не упоминаетъ), по имѣя въ виду приведенныя слова, нельзя говорить о произношеніи *з*-ра; въ нихъ *о* ведетъ свое начало отъ древнаго *о*, являющагося нерѣдко въ памятникахъ не только средне-болгарскихъ, но даже и церковно-славянскихъ; сравн. сонъ въ Синайскомъ Требникѣ ¹⁾, лакоть въ Ассеманіевомъ и Маріинскомъ Евангеліяхъ ²⁾, миро-сь, рабо-ть, домо-ть и др. въ тѣхъ же Евангеліяхъ. *О* въ сонъ, лакоть, миро-сь церковно-славянскихъ памятниковъ одного происхожденія съ *е* въ словахъ день, дѣне-сь и т. п., встрѣчающихся въ тѣхъ же памятникахъ и сохраняющихся донныѣ въ ново-болгарскихъ ден, днес; оно принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ болгаризмовъ.

Встрѣчая въ ново-болгарскомъ языкѣ въ исходѣ словъ рядомъ и *е*, и *о*: ключе-т и ключо-т, мъже-т и мъжо-т и т. п., Миклошичъ изъ этихъ двухъ звуковъ признаетъ за болѣе древній звукъ *о*, который онъ выводитъ изъ праславянскаго *јз*; такимъ образомъ онъ считаетъ ново-болгарское ключо-т образовавшимся непосредственно изъ праславянскаго ключъ-ть (стр. 8). Это объясненіе совершенно ошибочно: *о* въ ключо-т и т. п. образовалось на болгарской почвѣ изъ *е*.

¹⁾ На сонъ грядѣще. Geitler, Euchologium, стр. 69.

²⁾ Приложити тѣлесн своему лакоть единъ. Črnčić, Assemanovo Evangelije. стр. 45; Яичъ, Маріинское Евангеліе, стр. 17.

которое тождественно съ *e* въ дѣне-сь и произошло изъ *ъ*; это *o* (рядомъ съ *e*) мы нерѣдко видимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ въ флексіяхъ послѣ шипящихъ; наиримѣръ, въ Погодинской Псалтыри читаемъ: избавляющему, бѣдѣющему, сѣющему (Срезневскій, Памятники пророкаго письма, введеніе, стр. 57), въ Охридскомъ Апостолѣ: съдавшому, въскресьшому, сѣющему и др. (ib., стр. 97), въ Слѣвиченскомъ Апостолѣ: стригѣющему, вѣтъщо, мѣньшому и др. (ib., стр. 114), въ Вѣлградскомъ Евангеліи: нищому, отемѣющему, нищѣющему (Ламанскій, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Вѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, стр. 4¹). Съ *o* въ ключо-т, вѣроатно, одного происхожденія и *o* въ денѣо-т, огнѣо-т, деверѣо-т и др.; этимъ *o* вызвано появленіе *o* въ краѣо-т, горниѣо-т и др.

При разсмотрѣніи способовъ передачи на письмѣ ново-болг. *ъ* = церк.-слав. *ѣ*, Миклошичъ допускаетъ нѣсколько неточностей. Онъ говоритъ, что въ болгарскихъ печатныхъ изданіяхъ звукъ *ъ* иногда изображается буквами *e*, *и*, *o* (стр. 12) и приводитъ въ примѣръ формы *се*, *сет* = церк.-слав. *сѣтъ*, *бидеш*, *бидет*, *бидѣтъ* = церк.-слав. *бѣдѣши* и т. д., *еднош* = церк.-слав. *единѣшти*. Но въ приведенныхъ словахъ слышится не звукъ *ъ*, а звуки *e*, *и*, *o*; изъ нихъ первый правильно образовался изъ *ѣ*, получившаго въ свою очередь начало отъ *ѣ* и иногда встрѣчающагося въ средне-болгарскихъ памятникахъ, наиримѣръ, въ Троицкой Исторіи, изданной самимъ Миклошичемъ: *сѣ* = *сѣтъ*; второй — *и* — не находится ни въ какой генетической связи съ древнимъ *ѣ* и ведетъ свое начало отъ древняго *и*; онъ явился въ формы *бидеш* и др. = *бидѣши* изъ неопредѣленнаго наклоненія *бѣти* и причаст. *бѣтъ*; наконецъ, *o* въ *еднош* происходитъ не изъ *ѣ*, а изъ древняго *o*, того самого, который мы находимъ въ русск. единожды, одиожды. Касательно *ъ* въ единѣ *сѣботѣ* *ѣν μᾶ τῶν σαββάτων*, Ассеманіево Евангеліе, который Миклошичъ, кажется, считаетъ замѣною *ѣ*-са (стр. 10), надо замѣтить, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ *ѣ*, и что форма *единѣ* есть вполне правильная форма вин. пад. ед. муж. рода; при ней подразумѣвается существительное *дѣнь*, точно также, какъ при греч. *μᾶ* подразумѣвается существительное *τῆρας*.

Объясняя ново-болг. *e*, соответствующее церк.-славянскому *ѣ*, Миклошичъ предполагаетъ между ново-болг. *e* и ц.-слав. *ѣ* въ ка-

¹) Съ средне-болгарск. *o* въ приведенныхъ формахъ сравн. ново-болг. *o* въ *чолѣкъ*, *јоште* и т. п.

чествѣ посредствующей ступени ѣ (стр. 18); такимъ образомъ, и его мнѣнію, ново-болг. формы 1-е и. ед. ч. наст. вр. деле, чин образовались изъ ц.-слав. формъ дѣль, чинѣ при посредствѣ формъ дѣльѣ, чинѣѣ. Почтенный ученый здѣсь дѣлаетъ ошибку. Средне-болгарскіе памятники цѣлымъ рядомъ примѣровъ указываютъ вполне ясно, что посредствующей ступенью между е и ѣ былъ ѡ: Болонская Псалтырь: възвеселѡсѡ=ц.-слав. възвеселѣсѡ, поставѡ, убѣлѡсѡ (Срезневскій, Памятники юсоваго пис., стр. 357, 361, 363) Зографское Евангеліе 1805 года: любѡ, любѡлѡ=ц.-слав. любьѣ, любьѣлѣ, глагола (ib., стр. 348) и др. ¹⁾ Сравни. ново-болг. формы 3-го л. мн. ч. наст. вр. нарѣчае, чекает=ср.-болг. нарѣчайтъ, чекайтъ, ц.-слав. нарѣчайтъ, чекайтъ.

Рефлексомъ ц.-слав. неударяемаго а въ ново-болгарскомъ языкѣ Миклошичъ считаетъ ѣ (стр. 14). Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылается, между прочимъ, на имена женскаго рода, имѣющія въ исходѣ какъ не ударяемый, такъ и ударяемый ѣ: платѣ = ц.-слав. плата, водѣ = ц.-слав. вода, слѣзѣ, тлѣкѣ, хора-тѣ. Онъ здѣсь впадаетъ въ ошибку. Церковно-слав. неударяемое а рефлексивируется черезъ ѣ только въ немногихъ ново-болгарскихъ говорахъ, и то далеко не всегда; въ другихъ говорахъ оно постоянно рефлексивируется черезъ а. Тотъ ѣ, который мы видимъ въ формахъ женскаго рода въ родѣ платѣ, водѣ, ведетъ свое начало не отъ древняго а, а отъ древняго ѡ, и указанныя формы суть собственно формы не именит. п., а винит. п. ед. ч. Въ средне-болгарскихъ памятникахъ встрѣчаются случаи смѣшенія падежей, мало по малу приведшаго болгарскій языкъ къ совершенной утратѣ склоненія, и между ними мы находимъ случаи смѣшенія имен. и винит. п. ед. ч. женск. рода; напримѣръ, въ записи Хлудовскаго Паремейника 1294—1320 г. читается: написасѡ книгѣ сѡлѣ (Срезневскій, Пам. юсов. письма, стр. 224), гдѣ книгѣ сѡлѣ есть правильная средне-болгарская форма вин. п. ед. употребленная въ значеніи имен. ед.; въ Евангеліи Шафарика читается: въ гора, въ Вианіа (Воскресенскій, Славянскія рукописи

¹⁾ Что средне-болг. ѡ изъ древнѣйшаго ѣ былъ первоначально носовымъ звукомъ, на это указываетъ сохранившая этотъ звукъ седмиградско-болгарская форма біхѣт=средне-болг. биѣтъ, ц.-слав. биѣтъ (сравни сѣди-болг. бандѣ=средне-болг. и ц.-слав. бадеть, шамка=средне-болг. и ц.-слав. мѣка), въ которой буква е передаетъ звукъ е, а не звукъ ѣ, какъ почему-то думаетъ Миклошичъ (стр. 10).

въ заграничныхъ бібліотекахъ, стр. 17), гдѣ гора, Виваніа — формы имен. ед., употребленныя въ значеніи вин. ед. Рядомъ съ формами древняго вин. п. ед. женск. рода, оканчивающимися теперь на ѣ, ново-болгарскій языкъ сохраняетъ и формы древняго имен. п. ед. на а: жена, сестра, свиниѣа и др., которыя Миклошичъ совершенно напрасно считаетъ загадочными исключеніями.

Ново-болгарскія формы женск. рода на е въ родѣ вечере, душе, земе, о которыхъ говоритъ Миклошичъ на стр. 15, суть также не что иное, какъ формы древняго вин. п. ед., и форма вечере происходитъ изъ ц.-слав. формы вечерѣъ чрезъ посредство средне-болгарской формы вечера, точно также, какъ форма 1-го л. ед. деле происходитъ изъ ц.-слав. формы дѣльѣ. Сравни. въ средне-болгарскихъ памятникахъ формы имен. ед. женск. рода на ѣ, напримѣръ, въ Октоихѣ Южно-славянской академіи, описанной профессоромъ Ягичемъ: земѣ, бурѣ (Archiv für Slavische Philologie, III, стр. 348), въ Сказаніи Іоанна Богослова: матица (матица лозная родить тищаца грозновъ, Срезневскій, Памятники юсов. пис., стр. 407); эти формы — собственно формы вин. ед., употребленныя въ значеніи именительнаго.

Также, какъ е въ деле, вечере, произошло, между прочимъ, е въ ноште и дене = ср.-болг. ноштѣа и денѣа, ц.-слав. ноштѣѣ и дѣнѣѣ. Отъ него надо отличать я въ ноштѣ и денѣ и въ я = сам (вин. п. ед.), которому Миклошичъ (стр. 13) не даетъ надлежащаго объясненія. Этотъ звукъ есть не иное что, какъ ударяемый ѣ, разившійся на болгарской почвѣ изъ средне-болг. ѣ и тождественный ѣ тѣмъ ѣ, который мы находимъ въ Маринскомъ Евангеліи: съвъ-лавъше, грѣди, сѣдѣштемъ (Ягичъ, Маринское Евангеліе, стр. 424), въ Клоцовомъ Глаголитѣ: распѣъ = распѣа (Kopitar, Glagolita Nozianus, стр. 13), въ Октоихѣ Южно-славянской Академіи: славѣ, въ = средне-болг. славѣа, авѣа, ц.-слав. славѣѣ, авѣѣ, тѣчѣ (имен. п. ед. вин. мн. Archiv für Slav. Philol., III, стр. 339, 343); на мѣстѣ ѣ въ ѣ, ѣѣ мы видимъ иногда также и а, напримѣръ, въ Октоихѣ Южно-слав. Ак.: поѣща (вин. мн. муж.), мирносица (им. мн.), ошча (вин. мн. = коньца, ib., стр. 344).

Въ приложеніи къ брошюрѣ Миклошичъ издалъ отрывки изъ болгарскихъ памятниковъ XVII—XVIII в. и ново-болгарскихъ печатныхъ изданій; между ними онъ напечаталъ также открытія профессора Кочубинскаго въ Пештскомъ музеѣ Cantilenae Bulgaricae — солиты на нарѣчій вымершихъ уже седмиградскихъ Болгаръ, записанныя въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія и составляющія, вмѣ-

стѣ съ изданными прежде Миклошичемъ такими же молитвами весь имѣющійся у насъ матеріалъ для знакомства съ этимъ нарѣчіемъ.

А. Соболевскій.

Древности Вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ, составилъ ординарный профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института Н. Астафьевъ. С.-Пб. 1882.

Цѣль издателя состояла въ общедоступномъ изложеніи любопытныхъ открытій ассиріологін, этой новой науки, какъ онъ выражается, возникшей въ послѣдніа сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ. Онъ не опредѣляетъ съ точностью ея объема. Обыкновенно къ ея области причисляютъ всѣ эпиграфическіе памятники, составленные клинообразнымъ письмомъ, въ томъ числѣ персидскія надписи Ахеменидовъ, послужившія ей основаніемъ, и надписи Сузіанъ, и надписи такъ-называемыа Ванской системы, изъ которыхъ многія встрѣчаются въ предѣлахъ Россіи, въ нашемъ Закавказьѣ. Г. Астафьевъ сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на Ассиріи. Въ составъ его книги вошли его статьи о томъ же предметѣ, напечатанныя въ 1876—1881 гг. въ Журн. Мин. Народн. Просв. и въ Вѣстникѣ Европы, частью переработанныя, частью дополнены новыми данными; извлеченіе изъ нихъ было предметомъ трехъ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1880 году.

Иностранная литература по ассиріологін въ настоящее время разрослась до весьма значительныхъ размѣровъ, въ особенности въ Англіи, Франціи и Германіи. Кромѣ капитальныхъ, дорогихъ изданій Ботты, Пласа, Лайярда, Томсона (Thompson, Brit. Mus.), Опперта (Expédition de Mésopotamie), многихъ путешествій и отчетовъ о произведенныхъ раскопкахъ Лайярда, Раулинсона, Рича, Тейлора, Лофтуса, Смита, кромѣ разныхъ извлеченій и сокращеній изъ этихъ отчетовъ и путевыхъ записокъ, появилось множество монографій, касающихся отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, событій и личностей, отдѣльныхъ вопросовъ или найденныхъ документовъ ¹⁾. Множество сообщений и

¹⁾ The Times of Abraham; Revers de plaques; Documents juridiques; Inscr. de Hammourabi; La Magie des Chaldéens; Fragments de Bérose; Babylonian Literature; Mérodachbaladan un patriote Babylonien au VIII s. avant notre ère; Die Höllenfahrt der Istar *Шрадера* 1874 г. и т. п.

статей разбросано въ журналахъ ¹⁾), издаются журналы спеціально по ассириологіи, появились сборники, заключающіе подлинныя тексты найденныхъ эпиграфическихъ памятниковъ (*The Cuneiform Inscriptions of Western Asia 5 m. in-f*) и точные ихъ переводы (*The Records of the Past*, 12 томовъ), а также грамматика, элементарная грамматика и руководство къ начальному чтенію (Опперта, Менана, Ленормана въ *Lettres Assyriologiques*, Сейса, Гаупта, Шрадера), христоматіи, избранные тексты, словари и силлабаріи ²⁾), а между тѣмъ раскопки не прекращаются: послѣдними открытіями мы обязаны Рассаму и де-Сарзеку; укажемъ на богатые результаты изслѣдованіе вновь найденнаго дворца въ Tello, въ низовьяхъ Тигра и Евфрата, на роскошное изданіе Библейскаго археологическаго общества „Бронзовыя ворота Валавата“, на лѣтопись эпохи паденія Вавилона, лѣтопись Кира, царя Персіи и Сузіяны, или лѣтопись Набонна, послѣдняго царя Вавилонскаго ³⁾). Объ этихъ новѣйшихъ открытіяхъ, къ сожалѣнію, г. Астафьевъ въ своей книгѣ не упоминаетъ.

Кажется, миновало то время, когда дозволено было сомнѣваться въ выводахъ ассириологіи, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается главныхъ чертаній быта древнихъ народовъ и историческихъ событій. Каждое слово ассирійскихъ надписей и лѣтописей, за немногими исключеніями, читается и разбирается теперь по строгимъ законамъ лингвистики и филологіи; сомнѣнія возникаютъ вслѣдствіе недостаточно яснаго смысла самой надписи или ея испорченности отъ времени и разрушенія. Ассириологія, какъ справедливо замѣчаетъ г. Астафьевъ, не мало содѣйствовала къ возстановленію историческаго авторитета Вибліи, этого краеугольнаго камня христіанства, въ достовѣрности которой не разъ уже сомнѣвались, укрѣпила авторитетъ и Геродота, отца исторіи, разказамъ котораго не всегда

¹⁾ *Journal Asiatique, Muséon, Athenaeum, Zeitschrift der Morgenländ. Gesellsch., Journal of the Roy. Asiat. Society, of the Geogr. Soc., Proceedings and Transactions of the Soc. of Biblical Archaeology, Revue Archéologique* и т. д.

²⁾ Упомянемъ извѣстный обширный силлабарій Менана въ 2 томахъ, словарь Норриса, вновь опубликованный словарь Фр. Делюча, Ленормана: *Les Syllabaires cunéiformes, Assyrische Lesestücke Делюча, Budge's Assyrian Texts select. and arrang. with Philological Notes, Assyriologische Bibliothek Делюча и Гаупта.*

³⁾ *Pinches, Proceed. of Soc. Bibl. Arch.* 7-го сентября 1882 г., *Trans.* VII, 1, 139, *H. Rawlinson, Journ. of Asiat. Soc.* XII, 1, 70, *Rawl. и Pinch.* въ концѣ того же года *W. A. I. V.*, 35.

вѣрили, и многое разъяснила въ историческихъ преданіяхъ, казавшихся совершенно не понятными. Намъ открылся доступъ къ подлиннымъ документамъ, извлеченнымъ изъ государственныхъ архивовъ Ассиріи и сосѣднихъ странъ болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ историкъ не въ правѣ игнорировать сдѣланныя открытія, обнародованные документы; всякій образованный человѣкъ обязанъ болѣе или менѣе ознакомиться съ обширною областью новыхъ открытій, имѣть о ней понятіе, и при такомъ обиліи матеріала, какой обнаруженъ изслѣдователями, при томъ богатствѣ иностранной литературы по этому предмету, какое указано нами выше, у насъ на русскомъ языкѣ еще очень мало издано свѣдѣній касающихся этой отрасли знанія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не благодарить г. Астафьева за изданіе книги, предназначенной пополнить указанный нами недостатокъ и удовлетворить насущной потребности русскихъ читателей. Въ руководители онъ избралъ себѣ преимущественно Іоахима Менана (*Écritures cunéiformes* 1864 г., *Annales des rois d'Assyrie* 1874 г., *La Bibliothèque du Palais de Ninive* 1880 г.), Ленормана (его *Man. d'Hist. Anc. de l'Orient*, изд. 1869 г.) Масперо (*Hist. Anc. des peuples de l'Orient* 1875 г.); авторитетъ столѣтнихъ уважаемыхъ ученыхъ ручается за дѣльность составленной имъ книги. Въ видахъ ближайшаго ознакомленія съ нею, изложимъ въ короткихъ словахъ ея содержаніе, указывая въ то же время и на нѣкоторые факты, по нашему мнѣнію, въ нее включенные не совсѣмъ правильно или сомнительнаго характера.

Первую главу г. Астафьевъ посвящаетъ топографіи памятниковъ и раскопокъ. Онъ описываетъ по Геродоту великолѣпные Вавилона, необычайное плодородіе въ древности долины Тигра и Евфрата, перерѣзанной безчисленными каналами, изъ которыхъ многіе служили для сообщенія на лодкахъ, судахъ и плотахъ, для перевозки тяжестей и товаровъ, а другіе для орошенія полей. Онъ указываетъ на выгодное мѣстоположеніе Вавилона, и въротивную причину его продолжительнаго благосостоянія, на его находженіе между морями Каспійскимъ, Средиземнымъ и Индійскимъ океаномъ, въ центрѣ всемірной торговли и главныхъ торговыхъ путей. Совсѣмъ иной историческій характеръ имѣла Ниневія, обязанная своимъ блескомъ и богатствомъ не столько торговымъ сношеніямъ, сколько военной силѣ стремительнымъ набѣгамъ своихъ царей и грабежамъ. Описывая ея могущество, г. Астафьевъ приводитъ слова пророка: „Ниневія была какъ прудъ полный водою“, то-есть, изобиліемъ: изреченіе, какъ ми

полагаемъ, намекающее на имя города Нуніа или Нинуа, означавшее „городъ рыбъ“ и въ то же время „городъ царскій, городъ владычества“ (игра словъ и звуковъ: нун значить „рыба“ на еврейскомъ и ассирійскомъ языкахъ, Ни н—„владыка, царь“ на священномъ языкѣ древнихъ Вавилонянъ — аккадійскомъ) ¹⁾. Затѣмъ, изображается современное намъ запустѣніе той же мѣстности: каналы засорились и обратили почву въ смрадные, вредныя болота; дикіе звѣри—львы, тигры, шакалы, разгуливаютъ по стогнамъ, нѣкогда наполненнымъ народомъ, да снуютъ по нимъ бездомныя и хищныя Арабы. Ниневія, разрушенная союзными царями Мидіи и Вавилона въ 606 или 626 г. до Р. Х., такъ быстро исчезла, что Ксенофонтъ, 200 лѣтъ позднѣе проходившій мимо, не замѣтилъ даже ея слѣдовъ. Г. Астафьевъ приводитъ противорѣчивыя показанія о мѣстѣ, гдѣ находился этотъ городъ, Діодора, Страбона и Плинія, писателей I в. до Р. Х. и I в. по Р. Х., а во II вѣкѣ Лукіанъ пишетъ: „Ниневія уже разрушена, и не сказать тебѣ, гдѣ она находилась“. Постепенное разрушеніе Вавилона началось со времени построенія Ктезифона и Селевкии и продолжается до настоящаго времени, такъ какъ жители сосѣднихъ городовъ и деревень и въ наши дни производятъ систематически организованное добываніе камня и кирпича, для своихъ построекъ и для продажи, изъ многочисленныхъ бугровъ и холмовъ, наполненныхъ строительнымъ мусоромъ и срывающихъ величавыя зданія знаменитаго древняго города.

На стр. 8, 14 и др. г. Астафьевъ упоминаетъ о колоннахъ, найденныхъ въ развалинахъ Вавилона, а также о колоннахъ ассирійскихъ дворцовъ. Мы позволимъ себѣ усумниться въ справедливости такого показанія. Развалины Ассиріи и Халден отличаются замѣчательнымъ отсутствіемъ этого архитектурнаго элемента. Только по найденнымъ барельефамъ мы можемъ догадываться, что колонна была въ употребленіи въ Ниневіи въ весьма ограниченномъ количествѣ. Найденныя случайно въ Хорсабадѣ и Кууджикѣ шарообразныя украшенія похожи на базы колоннъ, но такое ихъ назначеніе не доказано. Реставраціи Фергюссона и извѣстныя картины Мартина „Пиръ Валтасара“, „Разрушеніе Вавилона“, по множеству изображенныхъ въ нихъ колоннъ и столбовъ совершенно произвольнаго очертанія считаются знатоками дѣла за невѣжественное искаженіе истины или

¹⁾ Странное сочетаніе звуковъ *Ниніуа* (Астафьевъ, стр. 8, 9) едва ли встрѣчается въ надписяхъ.

слишкомъ сильное умозаключеніе. Больше подробное изслѣдованіе этого вопроса помѣщено въ недавно появившемся изданіи Перро и Шипье (*Hist. de l'Art. dans l'Antiquité*, ч. 2-я: *Chaldée et Assyrie*, 1884 года, стр. 141, 208 и слѣд.), весьма добросовѣстно составленномъ, и на которое мы будемъ имѣть случай не разъ сослаться. Оно обратило на себя вниманіе специалистовъ; его поспѣшили перевести на нѣмецкій языкъ.

Другую загадку или задачу, неразъясненную ассиріологами, составляетъ отсутствіе гробницъ въ Ассиріи. Г. Астафьевъ упоминаетъ на стр. 11 о найденныхъ будто бы саркофагахъ со скелетами. Какъ ни старались изслѣдователи, въ особенности Лайардъ, они не могли до сихъ поръ открыть въ ассирійскихъ развалинахъ ни одного подобнаго предмета, дѣйствительно относящагося къ эпохѣ существованія Ассиріи, какъ государства. Гдѣ хоронили Ассирійцы своихъ покойниковъ—остается не извѣстно. Это странное обстоятельство подало поводъ Лофтусу высказать гипотезу, что люди состоятельные отправляли умершихъ хоронить въ Халдею, на священную территорию между Варкой (древн. Эрехъ), Нипуромъ или Нифферомъ (древн. Аккадъ) и Мугенромъ (древн. Уръ или Халне). Тамъ найдены саркофаги съ полуисгнѣвшими скелетами, нагроможденные въ нѣсколько рядовъ, въ такомъ безчисленномъ количествѣ, какого не встрѣчается ни въ Египтѣ, ни въ какой-либо странѣ міра. Простонародье, по мнѣнію Лофтуса, хоронило своихъ мертвецовъ гдѣ-либо въ окрестности жилищъ, безъ особыхъ памятниковъ и убранства ¹⁾).

Довольно подробно описываетъ составитель разбираемой нами книги обстоятельства, сопровождавшія первыя попытки Ботты, а потомъ Лайарда, разыскать мѣстопахожденіе древней Ниневин; затѣмъ, упомянувъ объ открытіи дворца Саргона въ окрестностяхъ этого города (Дур-Саркинъ, Хорсабадъ), дворца Сеннахерима въ самой Ниневин (Кууджикъ), древнихъ городовъ: Калахъ (Нипрудъ), Ревенъ (Селаміе), Элассаръ (Кала-Шергатъ), а также о послѣдующихъ работахъ Опперта, Пласа, Раулинсона, Сита, онъ въ подробности знакомитъ съ устройствомъ и способомъ сооруженія найденныхъ дворцовъ и съ украшавшими ихъ барельефами.

Между прочимъ г. Астафьевъ называетъ ассирійскіе дворцы одноэтажными; въ залахъ надъ мраморными барельефами онъ помѣщаетъ изразцы; упоминаетъ о куполахъ, сводахъ, плоскихъ потолкахъ, во-

¹⁾ *Perrot et Chipiez*, l. c. pp. 348, 349 sqq.

торыхъ балки на конпахъ покрыты будто бы были металлическими листами; упоминаетъ зубцы стѣны со ступенями, обращенными внутрь, а также объ изображенныхъ на барельефахъ—евнухахъ (стр. 13—16). Эти свѣдѣнія мы находимъ недостаточно точными. Отъ ассирійскихъ дворцовъ сохранились только стѣны перваго этажа и не во всю ихъ высоту; поэтому, мы никакъ не можемъ опредѣлить, чѣмъ они были перекрыты—сводомъ или плоскимъ потолкомъ, существовалъ ли надъ ними второй этажъ и какимъ способомъ были комнаты освѣщены. О томъ, что надъ первымъ этажемъ возвышались не рѣдко надстройки, можемъ догадываться по барельефамъ, изображающимъ строенія, и по извѣстнымъ греческихъ писателей о многоэтажныхъ домахъ Вавилона, которые, вѣроятно, были очень похожи на ассирійскія постройки. Самъ г. Астафьевъ, въ противорѣчіе ранѣе сказанному, на стр. 35 замѣчаетъ, что бібліотека Ассурбанипала помѣщалась „вѣроятно, въ верхнемъ этажѣ дворца“. Надъ барельефами на стѣнахъ встрѣчается живопись по штукатурной обмазкѣ, какъ правильно замѣчаетъ Астафьевъ на стр. 15, а не цвѣтные изразцы, какъ онъ полагаетъ на стр. 13 ¹⁾. Изразцы найдены внизу стѣны и на сводахъ городскихъ воротъ. Кирпичная кладка стѣнныхъ зубцовъ дѣйствительно образуетъ уступы, но только съ боковъ, а не внутрь. Французскіе ученые называютъ евнухами вообще всѣ безбородыя фигуры, изображенныя на ассирійскихъ барельефахъ, но едва ли они могутъ чѣмъ-либо доказать, что изображены дѣйствительные кастраты; скорѣе надо полагать, что въ безбородыхъ служителяхъ, оруженосцахъ, музыкантахъ ассирійскихъ картинъ мы видимъ молодыхъ людей, юношей, какими, напримѣръ, были взяты въ Вавилонскому двору, при Навуходоносорѣ—Даніилъ, Апанія, Азарія и Мисаилъ, тотъ контингентъ двора и войска, память о которомъ сохранилась и у другихъ народовъ въ терминахъ: русскомъ—молодцы, славянскомъ—юнаки, нѣмецкомъ—юнкеръ или гезель, греческомъ—ἀιζυοί. Вообще же изображеніе дворцовой архитектуры Ассирійцевъ сдѣлано г. Астафьевымъ довольно обстоятельно и подробно.

Вторую главу авторъ посвящаетъ исторіи постепенной дешифровки и чтенія надписей. Весь интересъ ассиріологии заключается въ убѣжденіи, что надписи читаютъ правильно, и лучшимъ средствомъ убѣдить въ томъ профана ассиріологи всегда считали простой, незатѣйливый разказъ о томъ, какъ они дошли до ихъ че-

¹⁾ По крайней мѣрѣ намъ не извѣстно тому примѣра.

... пришли результатамъ. Извѣстно, что основаніемъ ... послужили трехъязычныя надписи Ахеменидовъ. Умная догадка Гротефенда, высказанная въ 1802 г., открыла доступъ къ чтенію перваго ихъ отдѣла, который оказался ... при помощи азбуки, весьма не мудреной, заключающей въ себѣ не болѣе 34 буквъ, на языкѣ древне-персидскомъ, имѣющемъ сходство съ санскритскимъ и зендскимъ языками и принадлежащемъ къ вѣдическимъ индо-европейскимъ. При помощи перваго отдѣла стали добираться и до чтенія двухъ другихъ, начавъ разборъ чертъ самеченіе транскрипціи въ нихъ собственныхъ именъ перваго отдѣла. Облегченіемъ къ разбору послужили особые знаки (детерминативы), которыми въ ассирійскомъ текстѣ надписей обозначены имена царей и вождей, названія странъ и городовъ. Когда же, при помощи найденныхъ буквъ, стали разбирать промежуточные слова, то убѣдились, что вторая система надписей Ахеменидовъ составлена на языкѣ, принадлежащемъ къ числу агглютинирующихъ (склеивающихъ, накопляющихъ), какъ и языки урало-финскіе. Г. Астафьевъ (стр. 28) утверждаетъ, что имъ говорили народы, извѣстные въ древности подъ общимъ названіемъ Туранцевъ или Скиновъ. Хотя надписи второй системы прочтены и грамматически разобраны, но по странной случайности, намъ остается не извѣстнымъ, какой именно народъ говорилъ на языкѣ, въ нихъ обнаруженномъ. Оппертъ доказывалъ, что имъ говорили древніе Мидійцы туранскаго происхожденія ¹⁾. Делатръ опровергаетъ Опперта, называя языкъ второй системы надписей языкомъ Сузіанъ или части Сузіанъ ²⁾: гипотеза, по нашему мнѣнію, еще менѣе вѣроятная. Какимъ языкомъ говорили Скины—никому не извѣстно; покойный проф. Григорьевъ ихъ считалъ Арійцами по происхожденію. Третій отдѣлъ надписей Ахеменидовъ оказался составленнымъ на языкѣ семитическомъ, похожемъ на языки арабскій, арамейскій и древне-еврейскій. Надписи, найденныя Боттою въ Ниневіи, начертаны тѣми же письменными знаками (буквами) и на томъ же языкѣ. Разборъ ассирійскихъ надписей представлялъ несравненно болѣе трудностей, нежели чтеніе древне-персидскаго текста, потому, что составлены онѣ алфавитомъ совершенно своеобразнымъ — силлабическимъ и заключаютъ болѣе 500 различныхъ знаковъ или фи-

¹⁾ Le peuple et la langue des Mèdes, 1879.

²⁾ A. Delattre, Le peuple et l'empire des Mèdes, Mém. couronné par l'Acad. Roy. de Belgique, 1883.

гурь; но и тутъ особенно посчастливилось трудолюбивымъ изслѣдователямъ: случайно Лайардомъ была найдена въ мусорѣ Кунд-жика дворцовая бібліотека одного изъ послѣднихъ царей Ассиріи, Ассурбанипала, состоящая изъ глиняныхъ дощечекъ, высушенныхъ и обожженныхъ. Между ними попадаются грамматическія упражненія и такъ-называемые силлабаріи, длинныя списки письменныхъ знаковъ съ объясненіемъ ихъ произношенія и значенія, въ лѣвомъ отъ нихъ столбцѣ на языкѣ—аккадійскомъ, а въ правомъ—на ассирійскомъ ¹⁾. Какъ прежде основаніемъ дешифровки служили надписи Ахеменидовъ, такъ со времени этого замѣчательнаго открытія основаніемъ всякихъ дальнѣйшихъ работъ надъ ассирійскими текстами стали служить подлинныя ассирійскія силлабаріи. Изданіе ихъ съ переводами и объясненіями на русскомъ языкѣ предпринято г. Никольскимъ ²⁾.

Третью главу своей книги г. Астафьевъ посвящаетъ подробному описанію упомянутой выше, бібліотеки Ассурбанипала, заключающей въ себѣ, кромѣ лексикографіи и грамматики, много свѣдѣній, касающихся и другихъ наукъ: миеологіи, хронологіи, исторіи, географіи, зоологіи, законовѣдѣнія, математики, астрологіи и т. д. Предполагаемаго составителя этой обширной бібліотеки, Ассурбанипала, г. Астафьевъ называетъ Сарданапаломъ. Намъ не извѣстно, какою смертью окончилъ свою жизнь Ассурбанипалъ, но по характеру своихъ дѣяній онъ вовсе не похожъ на греческаго Сарданапала, сластолюбца, погибшаго въ развалинахъ зажженнаго имъ дворца. Нѣкоторые ученые, такъ напримѣръ, Куперъ (Cooper), секретарь Лондонскаго Библейскаго Общества, въ своемъ справочномъ лексиконѣ ³⁾, относятъ греческое имя Сарданапала къ послѣднему царю Ассиріи,

¹⁾ На стр. 32 г. Астафьевъ называетъ языкъ древнихъ Аккадовъ халдейскимъ и причисляетъ его къ семьѣ енискихъ нарѣчій. Точнѣе было бы выразиться: алтайскихъ, урало-енискихъ или татаро-енискихъ и назвать языкъ древне-халдейскимъ. Въ надписяхъ ассиріологовъ не встрѣчается указаній на близкое его средство съ енискими сѣверными нарѣчійми Европы, а тотъ халдейскій языкъ, которымъ написаны Таргумны и нѣкоторыя главы книгъ Давида и Ездры, принадлежатъ къ семьѣ семитическихъ языковъ.

²⁾ Ассирійскія клинообразныя тексты съ транскрипціей и подстрочнымъ русскимъ переводомъ, Москва. 1-й вып. 1883 г. Второй выпускъ того же изданія появился въ 1884 г.

³⁾ An Archaic Dictionary, biographical, historical and mythological, from the Egyptian, Assyrian, Etruscan monuments and papyri, 1876. Въ хронологическихъ смыслахъ имъ слѣдуетъ тому же словарию Купера.

Ассурбанивалову сину, котораго ими читають: Ассур-ебли-или. Можетъ быть, его произносили въ видѣ болѣе полной молитвенной формулы: Ассур-данну-ебли-или (Ассуръ великій, властнуй надъ богами), изъ чего Греки исказили—Ассур-дан-ебли, Асар-дан-абал, или Сар-дан-анал.

Вообще слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, обращаться осторожно съ тѣми гипотезами, подобными вышеприведеннымъ и еще не доказанными, которыхъ въ ассириологии остается не мало, не доказанными собственно потому, что для нихъ удовлетворительнаго разрѣшенія недостаетъ документовъ.

Коснувшись литературы ассирійской и древне-халдейской, г. Астафьевъ излагаетъ болѣе подробно, въ главѣ IV-й, вавилонскую версію нашихъ библейскихъ преданій, о сотвореніи міра, грѣхпадении, борьбѣ со змѣей, о потопѣ, о столпотвореніи и т. д. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что таблицы, въ которыхъ написаны эти легенды, дошли до насъ въ обломанныхъ кускахъ, съ большими недостатками; во многихъ случаяхъ трудно по нимъ составить себѣ ясное понятіе о повѣствуемомъ, и выводы, сдѣланные по нимъ ассириологами, часто составляютъ игру воображенія самихъ ученыхъ исследователей, не вытекающая непосредственно изъ смысла подлинника. Такъ, напримѣръ, въ глинѣ покаяннѣ (стр. 49), долженствующей, по мнѣнію г. Астафьева, изображать сознаніе въ грѣховности человѣческой природы, безпристрастный читатель не найдетъ ничего подобнаго. Этотъ глинъ, мы полагаемъ, не болѣе, какъ заклинаніе надъ больнымъ или страдающимъ отъ дурнаго глаза, который съ обычнымъ язычку многословіемъ умоливаетъ какое-то божество простить ему вину, за которую наказанъ, и исцѣлить его. Въ заклинательной формулѣ, вычеканной на стр. 47 (Да будетъ онъ побѣжденъ... желаніе его да останется не исполненнымъ...), едва ли возможно усматривать проклетіе, изрекаемое противъ всего человѣчества по случаю грѣхпадения, о которомъ въ этомъ отрывкѣ вовсе не упоминается. Въ некоторыхъ мѣстахъ найденные фрагменты представляютъ, впрочемъ несомнѣнное сходство съ библейскими преданіями, но вѣсть съ тѣмъ и великое отъ нихъ отличіе: различіе въ томъ заключается, что легенды Вавилона переполнены баснословіемъ, иногда чудовищнымъ, тогда какъ повѣствованіе Библии отличается простотой изложенія и послѣдовательностью, носить на себѣ отпечатокъ исторической достоверности. Не Богъ создаетъ міръ по вавилонскимъ преданіямъ, но боги; о первородномъ грѣхѣ, объ искушеніи прародителей змѣей итдѣ

ли слова; Ксиуерусъ или Хасисадра, Ной древне-халдейскій, строитель ковчега, спасшійся отъ потопа, является дѣйствующимъ лицомъ въ любовномъ романѣ, и его разказъ о великомъ катаклизмѣ составляетъ эпизодъ, совершенно случайный въ сказкѣ о сошествіи Иштары (богини любви) въ преисподнюю. Объясненіе значенія въ религіи (Астафьевъ змія или дракона увлекло бы насъ слишкомъ далеко; Астафьевъ касается этого мѣста только слегка, упоминая о первобытной Тіамат (стр. 51). Нѣкоторое сходство преданій не должно насъ изумлять: оно объясняется общимъ происхожденіемъ обѣихъ культуръ, еврейской и вавилонской, изъ одной мѣстности: изъ Ура въ Халденъ вышелъ Авраамъ со всѣмъ своимъ домогъ; здѣсь же возникла и отсюда распространилась образованность Ассиріи, Вавилона и, вѣроятно, всей Палестины съ Финикіей. Нѣтъ надобности, для объясненія сходства столь древнихъ преданій, приводить гипотезу о заимствованіи, по нашему мнѣнію невозможномъ, съ той или другой стороны, въ эпохи болѣе позднія, напримѣръ, во время плѣненія вавилонскаго.

Наиболѣе напоминаютъ повѣствованіе Библии тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились въ эпиграфическихъ памятникахъ Ассиріи и Вавилона о смѣшеніи языковъ и построеніи башни, преданія, которыя ассиріологи относятъ къ величавому сооруженію, называемому мнѣ мѣстными жителями Вирсъ-Нимрудъ, отчасти уцѣлѣвшему въ реневнѣхъ предмѣстіи Ворсиппа, въ западномъ углу квадрата, образуемаго стѣнами Вавилона. То была громадная пирамида уступами, пирившаяся головою въ небеса. Мы полагаемъ, что не будетъ большой ошибки, если скажемъ, что въ Ассиріи и Халдеѣ не воздвигалось храмовъ такого вида, какіе сооружались въ Египтѣ, Греціи, Римѣ и Финикіи; ихъ замѣняли пирамиды уступами того же типа, какъ башня языковъ, ихъ называли зикурать (памятникъ). На стр. 61 своей книги г. Астафьевъ помѣстилъ рисунокъ барельефа, найденнаго въ Курджигѣ, утверждая, будто онъ изображаетъ Вавилонъ и Вавилонскую башню, но откуда заимствовалъ онъ эту любопытную догадку—не поясняетъ. Лучшимъ образцомъ подобныхъ пирамидальныхъ построекъ слѣдуетъ считать тотъ памятникъ, который былъ открытъ Пласомъ въ Хорсабадѣ при дворцѣ Саргона, удачно сохранившійся до пятаго этажа и прекрасно реставрированный талантливымъ архитекторомъ Томасомъ въ рисунокѣ, приложенномъ къ изданію Пласа, со всѣми яркими красками, золотомъ и серебромъ, нѣкогда его по-

кривавшими. По странной случайности г. Астафьевъ вовсе о немъ не упоминаетъ.

Изложеніе исторіи Ассиріи г. Астафьевъ начинаетъ съ ея хронологіи (глава V). Событія, составляющія исторію Ассиріи, опредѣляются слѣдующими основными датами: взятіе Самаріи по Библии относится къ 721 г. до Р. X. Осада города начата была Салманасаромъ и докончена Саргономъ, который о томъ упоминаетъ въ своихъ анналахъ. Кромѣ гѣтописей царскихъ, сохранившихся на плитахъ, каменныхъ и металлическихъ, на барельефахъ, цилиндрахъ, призмахъ (prismes, barils, barillets), въ которыхъ иногда приведены годы царствованія или походы по порядку („въ 1-й мой походъ, во 2-й, въ 5-й“... и т. д.), до насъ дошли такъ-называемые списки Лиму. Это были сановники-эпонимы, по именамъ которыхъ считались годы, нѣчто въ родѣ греческихъ архонтовъ и римскихъ консуловъ. По такимъ спискамъ, обнимающимъ періодъ времени за 228 лѣтъ, довольно точно опредѣляется хронологія событій съ 892 по 664 г. до Р. X. Сеннахерибъ, сынъ Саргона, царствовавшій съ 705—681 г., вырѣзалъ надписи на скалахъ Вавіана, въ которой упоминаетъ, что вавилонскій царь Мардук-идин-ахи ¹⁾ 418 л. до него, при Тиглапаласарѣ, увезъ боговъ Вина и Салу; онъ же, Сеннахерибъ, ихъ возвратилъ въ ассирійскіе храмы—экали (Ekalî значитъ „храмъ“). По этому извѣстію опредѣляется время царствованія Тиглапаласара I (1120—1100 до Р. X.). Тиглапаласаръ въ своихъ надписяхъ упоминаетъ о возобновленіи имъ древняго храма, построеннаго царемъ Самси-биномъ 641 г. до него. По такому указанію и по найденнымъ надписямъ Исмидагана и его сына Самси-Вина или Самси-Рамману, царствованіе перваго изъ нихъ опредѣляется приблизительно за 1800 л. до Р. X. Оппертъ и Сейсъ, хотя придерживаются нѣсколькимъ иному исчисленію, приходятъ приблизительно къ тому же результату (Rec. of Past III 25, VII 22). Болѣе древнее существованіе Ассиріи г. Астафьевъ доказываетъ выраженіемъ, включеннымъ въ одну изъ надписей царя Саргона: „370 царей до меня правили землею Ассирійскою“; но Саргонъ владѣлъ и Вавилономъ, и нижнею Халдеею, которыя причислялъ, какъ и Греки позднѣе, къ землямъ ассирійскимъ. Эти же земли въ началѣ своего историческаго существованія были раздроблены на многія отдѣльныя владѣнія. Полный списокъ всѣхъ ихъ правителей могъ составить общее число 370, но такое число не

¹⁾ Его имя нѣкоторые ассиріологи читали: Мардук-идин-усуръ.

можетъ служить само по себѣ доказательствомъ древности Ассиріи, какъ отдѣльнаго государства.

Было время, когда Ассирія не носила этого названія. Надписи вавилоніи, древнѣйшія, придавали ей болѣе неопредѣленное названіе Гутіумъ (еврейское гоим)—, народы^а. Подтвержденіе этого обстоятельства, о которомъ г. Астафьевъ умалчиваетъ, ассиріологи находятъ въ Библии, называющей въ числѣ союзниковъ Кедор-Лагомера, во времена Авраама, Ондала царя народовъ (Тидекал мелек гоим). Первые правители этой страны, вѣроятно, также раздѣленной на нѣсколько младшій, носили имя Патеси, имѣли жреческій характеръ и власть болѣе духовную, нежели свѣтскую. Трудно возстановить послѣдовательность ихъ именъ, указанныхъ надписями, найденными въ разныхъ мѣстахъ, въ развалинахъ древнихъ храмовъ, дворцовъ и городовъ. Только съ 1450 г. начинается непрерывный ихъ списокъ и болѣе точное опредѣленіе годовъ каждаго царствованія; подробныя же царскія лѣтописи первый намъ оставилъ упомянутый выше Тиглаепаласаръ. Изъ предшественниковъ его отличались своими подвигами и сооруженіями: Виннирари или Вулнирари, значительно раздвинувшій предѣлы своей монархіи (1330—1300 гг.), его сынъ Салманасаръ I, удачно воевавшій съ Египтомъ (1300—1271 гг.) и внукъ Тиглаепаласаръ, завладѣвшій Вавилономъ (1271—1240 гг.). Къ тому же времени относится Адарпаласаръ (1220—1200 гг.), котораго Тиглаепаласаръ называетъ основателемъ своей династіи и первымъ устроителемъ своей земли (а не основателемъ царства Ассирійскаго, какъ сказано на стр. 71). Г. Астафьевъ приводитъ имена этихъ царей, не распространяясь о ихъ дѣяніяхъ, но подробно описываетъ блистательные походы Тиглаепаласара I, великаго строителя и возобновителя храмовъ, большаго любителя охоты на дикихъ звѣрей (онъ закололъ до 120 львовъ). Только къ концу своего царствованія онъ потерпѣлъ неудачи, и его завоеванія были утрачены при двухъ слабыхъ его преемникахъ.

Могущество Ассиріи снова начинается съ воцареніемъ Ассурдана II (930—913 гг. до Р. Х.). Изъ жизни послѣдующихъ царей г. Астафьевъ преимущественно описываетъ дѣянія Ассурнацир-габала (885—860 гг. до Р. Х.), котораго портретъ хранится у насъ въ эрмитажѣ, подвиги его сына Салманасара II (860—825 гг.), въ лѣтописяхъ котораго упоминаются библейскія имена: Ахава и Інуа, царей Израильскихъ, Амврія, основателя Самаріи, Венадада, Азаила, ца-

рей Дамасскихъ ¹⁾. При Биннирари III (812—783 гг.) Ассирія является слитою съ Вавилоніей въ одно государство; нѣкоторые ассиріологи приписываютъ это соединеніе брачному союзу, заключенному упомянутымъ государемъ съ принцессою Саммураматъ (Семирамидою). Ленорманъ уподобляетъ эту царственную пару Испанскимъ — Фердинанду и Изабеллѣ. Найденное случайно имя супруги Биннирари не исключаетъ возможности отыскать со временемъ болѣе древнюю Семирамиду, къ которой и могутъ быть отнесены баснословныя о ней преданія Передней Азіи. Въ Тиглаопаласарѣ II (745—727 гг. до Р. Х.) г. Астафьевъ узнаетъ покорителя царства Израильскаго, упоминаемаго въ Библии. Онъ былъ основателемъ новой династіи послѣ значительныхъ государственныхъ смуть, о которыхъ не сохранилось подробнаго повѣствованія. Недостатокъ точныхъ данныхъ за время безпорядковъ подалъ поводъ Опперту и Ленорману высказать гипотезы о какомъ-то первомъ разрушеніи Ниневіи, о временномъ прекращеніи хронологическаго списка Лиму, о необходимости вставить 45 лѣтъ для согласованія хронологіи ассирійскихъ лѣтописей и Библии. Напрасно, какъ намъ кажется, считаетъ г. Астафьевъ первое разрушеніе Ниневіи „въ всякаго сомнѣнія“ (стр. 98). Онъ не приводитъ ни одного положительнаго факта въ подтвержденіе этого событія; его ссылка на Геродота (I, 106) указываетъ на эпоху болѣе позднюю — Кіаксара; не всѣ ассиріологи согласны съ гг. Оппертомъ и Ленорманомъ, и Саргонъ не называетъ города разрушеннымъ, какъ полагаетъ г. Астафьевъ. Второй вопросъ, о хронологической вставкѣ, г. Астафьевъ справедливо считаетъ еще не разрѣшеннымъ „въ ожиданіи новыхъ данныхъ“, но и не представляющимъ собою существенной важности для исторіи Ассиріи.

Остальныя страницы (101—156), около трети всей книги, г. Астафьевъ посвящаетъ царствованію Тиглаопаласара II и его преемниковъ: Салманасара IV (по его счету V-го), Саргона, Сеннахериба, Ассуррахидна (Эсаргадона) и Ассурбанипала (всего за 100 л., съ 727 по 626 г. до Р. Х.). Приводимыя имъ выписки изъ лѣтописей, если позволено такъ выразиться, рельефно характеризуютъ госу-

¹⁾ Г. Астафьевъ называетъ Ассирійскаго царя Салманасаромъ III. Въ изслѣженіи Салманасаровъ историка путаются и сбиваются: Ленорманъ считаетъ Салманасаромъ II преемника царя Велкатирасу или Велитара (1070 л. до Р. Х.), а Смитъ и Сейсъ его называютъ—Самсибинъ III; Салманасаромъ III Ленорманъ считаетъ преемника царя Асуръ-вадди-ахи, а Смитъ и Сейсъ его называютъ—Асурирари и т. д.

царственный бытъ Ассиріи и нравы того времени, образцовое устройство войска, значительно усовершенствованную военную тактику, ежегодные походы въ видѣ стремительныхъ, неотразимыхъ набѣговъ, сопровождающія ихъ казни, насилія, жестокости, пышность царскаго двора, грандіозныя сооруженія, любовь къ образованію научному и книжному, набожность, устойчивую преданность единому Богу, создателю міра, Ассуру, съ примѣсью, однако же, въ значительной степени халдейскаго многобожія и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ суевѣрій. Вліяніе на государственныя дѣла сонныхъ вѣдѣній становится особенно замѣтнымъ при Ассурбанипалѣ.

Ошибка правителей Ассиріи заключалась въ томъ, что они не умѣли удерживать за собою завоеванныхъ провинцій, которыя одна за другою непрерывно возмущались. Жизнь Ассирійскихъ царей проходила въ усмирении бунтовъ, въ наказаніи мятежниковъ, и наказанія были ужасающія. Наибольше дѣйствительнымъ средствомъ порабощенія, по видимому, считалось переселеніе массами покоренныхъ племенъ въ Ассирію и въ другія завоеванныя провинціи; значительная часть переселяемыхъ, вѣроятно, присоединялась и къ войску въ видахъ увеличенія его численности; но массы озлобленныхъ и педовольныхъ въ центрѣ государства и среди войска постепенно ослабляли власть Ассиріи. Этимъ объясняется внезапное ея исчезновеніе изъ исторіи послѣ продолжительнаго и блестящаго существованія.

Очень краткое повѣствованіе въ книгѣ г. Астафьева объ окончательномъ паденіи Ассиріи и Ниневіи (стр. 155, 157) объясняется недостаткомъ лѣтописныхъ документовъ и преобладаніемъ въ изслѣдованіяхъ ассиріологовъ, касательно того времени, проблематическихъ выводовъ и соображеній, еще не доказанныхъ основательно. Сказанія ассирійскихъ лѣтописей о событіяхъ царствованій Салманасара, Саргона и ихъ преемниковъ Астафьевъ сличаетъ съ разказами еврейскихъ лѣтописей, сохранившимися въ соответствующихъ мѣстахъ Библии.

Дополнимъ общій обзоръ разбираемаго нами изданія слѣдующими отдѣльными замѣчаніями.

На стр. 25 сказано, что имя Дарія Гистаспа въ надписяхъ въ настоящее время читается *Daryuscus* (Даріейшъ), при чемъ сдѣлана ссылка на *Inscriptiones Palaeopersicae* Коссовича и имя Дарія напечатано клинообразнымъ шрифтомъ. Звукъ е, заключающагося въ приведенной здѣсь транскрипціи, въ персидской клинообразной азбукѣ

вовсе не существуетъ ¹⁾. Буква, которую г. Астафьевъ принялъ за произносится ва. У Коссовича имя Дарія напечатано въ транскрипціи Dār(a)uavus и Dār(a)uavahus; его можно читать Дариавуш (Дарьявуш) или Дариавгуш (Дарьявхуш), такъ какъ а короткое весьма часто не произносится, произношенія же Дарейшъ у Коссовича не встречается.

На слѣдующей стр. 26 напечатано тѣмъ же клинообразнымъ шрифтомъ имя Ксеркса—Хшиарша и, по недосмотру, пропущена 2-я буква этого имени ш. Въ точности этой поправки можно удостовѣриться сличеніемъ съ упомянутымъ изданіемъ Коссовича и съ фотографіями, снятыми въ 1878 г. на мѣстѣ въ Персеполисѣ, изданнымъ докторомъ Штольце.

На слѣдующей стр. 27 то же имя Ксеркса напечатано египетскимъ іероглифическимъ шрифтомъ два раза, въ картушѣ, то-есть въ рамкѣ, изображающей скарабея (жучка), и въ развернутой линіи. Въ первомъ случаѣ имя напечатано вѣрно и читается Хшиаршъ въ звукахъ, близко подходящихъ къ надписи клинообразной (а и Книгарша, какъ полагаетъ г. Астафьевъ); но во второмъ примѣрѣ въ развернутой строкѣ, буквы поставлены неправильно: іероглиф читаются обыкновенно на встрѣчу изображенныхъ фигуръ и животноныхъ, въ чемъ ссылаемся на грамматики Бругша, Лепажъ-Ренуфа вообще на всѣхъ египтологовъ; въ книгѣ же г. Астафьева ихъ приходится читать съ хвоста; притомъ же, первая буква, числительный знакъ 1000, читается ха, а не к, какъ обозначено у него; третья буква, два ножа, читается і, а не һ, и четвертая буква—орелъ такъ дурно изображена, что ее можно принять за сову (копчика которая читается ем).

Звукъ ш Французы передаютъ въ своей азбукѣ сочетаніемъ сl Англичане sh, Нѣмцы sch; во избѣжаніе сбивчивости нѣкоторые французскіе ассириологи стали употреблять англійскую транскрипцію Ленорманъ въ своемъ послѣднемъ изданіи Origines de l'Histoire отдастъ предпочтеніе нѣмецкой. Это обстоятельство, по видимому, ввело въ заблужденіе г. Астафьева, который звукъ ш и въ русско-транскрипціи передаетъ буквами sx и такимъ образомъ искажаетъ названія городовъ, мѣстечекъ и историческихъ именъ: изъ названіи

¹⁾ Въ персидскихъ надписяхъ Ахеменидовъ употребляются только 3 гласныя буквы: а, и, у.

²⁾ Т. II, 2-е изд. 1882 г.

Кала-Шергать (древній городъ Элассаръ), изъ имени Увахшатаръ (Koašārṣ) у него выходятъ трудно произносимыя—Калаг-Схергхатъ, Увахх-схатара и т. п. (стр. 69, 71, 157).

Звукъ ха Нѣмцы передаютъ сочетаніемъ ch, которое Французы произносятъ ша, Англичане че (cheese, church и т. д.). Избѣгая сбивчивости въ этомъ случаѣ, ассиріологи передаютъ звукъ ха въ транскрипціи сочетаніемъ kh; нѣкоторые французскіе ученые, однако же, придерживаются болѣе правильной транскрипціи при помощи греческой буквы χ. Г. Астафьевъ, подражая иностранцамъ, пишетъ и въ русской транскрипціи: Кхалди, Кхамани, Кхазакіау, Кхатти, Кхилакгу, Кхумри, Эрекхъ, Урукхъ, Синакхіерибъ¹⁾; но въ семитическихкихъ языкахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ ассирійскій, отдѣльнаго звука кха не существуетъ, какъ мнѣ лично недавно пояснилъ проф. Хвольсонъ. Не существуетъ и звука тха: иностранное th соотвѣтствуетъ нашей буквѣ т или е, поэтому Beith-El мы пишемъ Веэиль, théâtre пишемъ театръ; Ugarthu я полагаю правильнѣе писать Урарту, а не Урартху (стр. 166), писать Вит-Іакинъ, а не Бетх-іакинъ (стр. 110). Попадаются и другія неправильныя транскрипціи: Накси-Рустамъ, вм. Накш-и-Рустамъ (стр. 21), Пельгви вм. Пехлеви и т. д. Название Кардуниасъ носитъ въ надписяхъ городъ Вавилонъ, а не Харацена въ южной Вавилоніи, какъ полагаетъ г. Астафьевъ (стр. 161).

На стр. 81 указаны развалины пирамиды въ Калахъ, „служившей, вѣроятно, гробницею царей Ассирійскихъ“. Башни-пирамиды уступами Ассиріи не имѣли характера гробницъ, какъ не имѣютъ его и пирамидальныя башни уступами Индіи, обыкновенно называемыя Европейцами пагодами, а туземцами—вимана и гѣпура. Ни историческія свидѣтельства, ни раскопки не подтверждаютъ высказанной г. Астафьевымъ гипотезы, и примѣръ египетскихъ пирамидъ не даетъ намъ права считать зигураты Ассиріи за памятники надгробныя.

На той же стр. 81 описывается найденная статуя Ассурнацирпала: „Царь изображенъ съ косою въ одной рукѣ и булавою въ другой“. Инструментъ, который держитъ царь, скорѣе похожъ на серпъ, которымъ жнутъ хлѣбъ, на кривой ножъ Кроноса ἀρτῆ, чѣмъ

¹⁾ Халди (Халден), Хамау (гора Аманусъ), Хати (Хетеп), Хилау (Кликиа), Си-ахи-рбу (Синахеримъ), Хазаки (Езекиа, царь Іудейскій), Хумри (Амвріа, царь Иранскій), Эрекхъ, Урукхъ.

на косу, и напоминаетъ подобный же символъ въ египетской скульптурѣ на статуяхъ Озириса; вѣроятно, онъ изображалъ пастырскій жезлъ, обозначая имъ царскую власть.

На стр. 88 упоминается указанное будто бы въ ассирійскихъ лѣтописяхъ „золото и серебро въ слиткахъ и монетахъ“. Въ упомянутомъ выше изданіи Перро и Шинье читаемъ слѣдующее: „Ассирія и Халдея, также, какъ Египеть, не знали употребленія монеты“. Издатели ссылаются на Ленормана ¹⁾, поясняя, что торговля отъ того не страдала; закупы товара производились при помощи нѣсколагаго торга или на драгоценные металлы въ слиткахъ, въ кольцахъ по цѣнѣ, опредѣляемой на вѣсъ. Древніе города Месопотаміи вели обширную торговлю и изобрѣли, какъ утверждаютъ, впервые употребленіе торговаго векселя.

На стр. 88 въ числѣ ассирійскихъ божествъ упоминается Нисрукъ, Салманъ-Нисрукъ или Нисрохъ. Имена Нисрукъ ни въ одной ассирійской надписи не встрѣчается. Нисрохъ Библии (4 Цар XX, 37), по другому чтенію Асарахъ, вѣроятно то же божество, что Асуръ ²⁾.

На стр. 159 Асуръ отождествляется съ божествомъ „Вель“, или „Вааль“ на томъ основаніи, что Велтисъ именуется иногда спутницею (женою) того и другаго бога. Какъ верховнаго божества—одинъ Ассирія, другой Халдея, эти божества могутъ быть до нѣкоторой степени уподобляемы другъ другу; но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать и сливать въ одно представленіе. Доказательствомъ, что они составляли два различныя лица, служитъ упоминаніе объ обонхъ въ одной и той же надписи рядомъ, на примѣръ, въ приведенныхъ г. Астафьевымъ на стр. 134 и 145.

На стр. 119 напечатано: мечеть Наби-Іунесъ — „гробница Іоны“. Слово Наби, Неби, значитъ „пророкъ“, а не „гробница“, хотя по преданію мечеть и построена дѣйствительно на мѣстѣ упокоенія пророка Іоны.

На стр. 117 упоминается рѣка Тигулти, вѣроятно, названіе одного изъ рукавовъ р. Тигра. Diglath, Tuklat или, какъ иногда пишутъ, Tigulti, еврейск. Хиддекекъ, означаетъ рѣку Тигръ и по смыслу,

¹⁾ *Perrot et Chigies* l. c. II v. p. 776; *Lenormant*, *La monnaie dans l'antiquité* I гл. III и стр. 113—122.

²⁾ Подробности объ этомъ см. статью «Малтаи и Бавіанъ», въ *Ж. М. Н. Др.* 1880 г.

вѣроятно, то же, что древн. персидск. Tigrá— „стрѣла“, стремительное бурное теченіе воды.

На стр. 114 и 119 г. Астафьевъ утверждаетъ, что украшавшіе ниневійскіе дворцы крылатые быки были символическимъ изображеніемъ бога Ассура. Надписи этого обстоятельства не подтверждаютъ и называютъ упомянутыя изваянія: алапу, ламассу, шеду, то-есть, быками, колоссами, духами или геніями. Они изображали не божество, но служебныхъ духовъ, геніевъ-покровителей, какъ правильно они названы въ другомъ мѣстѣ той же книги г. Астафьева, на стр. 116.

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ указанныхъ нами сомнительныхъ данныхъ принадлежатъ не издателю разбираемой книги, но тѣмъ источникамъ, которыми онъ пользовался. Ассириология не болѣе, какъ десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ стала на твердую научную почву или основу; въ ея литературѣ пользуются авторитетомъ до настоящаго времени такія капитальныя изданія, опубликованныя за двадцать, тридцать лѣтъ, въ которыхъ еще высказывались смѣлыя догадки, поздиѣ отвергнутыя или не подтвердившіяся. Эти-то гипотезы, отжившія свой вѣкъ, иногда еще вводятъ въ заблужденіе составителей популярныхъ изложеній и историческихъ учебниковъ.

Въ заключеніе выразимъ сожалѣніе, что издатель „Древностей Вавилоно-Ассирійскихъ“ ограничился исторіей одной Ассиріи, мало касаясь Вавилона и южной Халдеи, отъ чего до нѣкоторой степени нарушается единство представленія и полнота картины. Въ исторіи оба государства, Ассирія и Вавилонъ, постоянно находились въ неразрывной связи между собою; то преобладало одно, то другое царство, то на равныхъ правахъ они являются въ тѣсномъ союзѣ, то ведутъ ожесточенную борьбу. Халдея, какъ государство, обособилась нѣсколько ранѣе Ассиріи и заканчиваетъ свое существованіе поздиѣ, когда Ассирія пала, и слѣдъ ея исчезъ. Въ сущности Ассирія составляла только осколокъ государства Вавилонскаго по племенному составу и по культурѣ.

В. III.

Антропологическія изслѣдованія въ Россіи.

Овъ ввороддахъ Амурскаго края. Сочиненіе Л. Шрема. С.-Пб. 1883.

I.

Замѣчательное развитіе, которое антропология приняла въ послѣдніе года, нине склонны приписать временному увлеченію модною частью ооxxxу, отд. 2.

12

наукомъ, какъ они ее иногда называютъ не безъ легкаго насмѣшливаго оттѣнка. Не знаемъ, на сколько это предположеніе вѣрно, но думаемъ, что еслибы дѣло было и такъ, если бы въ числѣ причинъ увлеченія этою молодою наукою во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ и входилъ элементъ модности, то и тогда можно бы только радоваться и сочувствовать этому увлеченію и поддерживать то обаяніе, которое антропологія удалось возбудить въ образованномъ обществѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, антропологія поставлена въ совершенно исключительныя условія въ ряду другихъ естественныхъ наукъ, благодаря тому, что самый объектъ ея—человѣческія расы и племена—подвержены быстрому исчезновенію какъ самостоятельныя единицы, отчасти вслѣдствіе ихъ вымиранія и еще въ большей мѣрѣ вслѣдствіе постоянно усиливающейся нивелировки человѣчества, ведущей къ сліянію низшихъ расъ съ высшими и къ потерѣ первыми ихъ отличительныхъ этнографическихъ и даже физическихъ признаковъ. Поэтому въ то время, какъ дѣятели остальныхъ наукъ могутъ спокойно, не спѣша, разрабатывать свой предметъ, антропологамъ приходится торопиться, и всякая просрочка является для нихъ невознаградиomoю потерей.

Уже многое безвозвратно потеряно для науки, многіе племена и народы исчезли, многіе нравы оставшихся народовъ потеряли свой первобытный характеръ, не будучи занесены въ лѣтописи науки. Прочтите описаніе какого-либо первобытнаго племени, и въ большинствѣ случаевъ вы найдете заявленіе, что племя это вымираетъ. Это справедливо по отношенію не только къ дикарямъ отдаленныхъ странъ, но и къ первобытнымъ, инородческимъ племенамъ, заселяющимъ Европейскую Россію и Сибирь. „Этнографія какъ будто пишетъ некрологъ этого вымирающаго племени“¹⁾—фраза, часто встрѣчающаяся въ описаніи племенъ.

За примѣрами подобнымъ образомъ исчезнувшихъ или вымершихъ народностей нѣтъ надобности ходить далеко. Въ Сибири ихъ вдоволь. Буда дѣлса, на примѣръ, многочисленный и богатый нѣкогда народъ Омсковъ, жившій между Яною и Колымою, и о которомъ говаривали нѣкогда, что на берегахъ Колымы болѣе омковскихъ огнищъ, нежели въ ясную ночь звѣздъ на небѣ. Чтò стало съ одновременно исчезнувшими Шелагами, о которыхъ гласитъ преданіе, что они когда-то,

¹⁾ А. Бодановъ, Антропологическая выставка въ Москвѣ, т. II, стр. 130 (bis), въ *Извѣст. Моск. Общ. Любит. Естество., Антр. и Этногр.*

осенью, сошлись съ Омоками на большомъ озерѣ, въ такомъ числѣ, что подъ ними треснулъ ледъ полуаршинной толщины, и многіе изъ нихъ погибли? Каково нынѣ положеніе Юкагировъ? Экспедиція Майделя (1868—1870 гг.) встрѣтила между ними лишь нѣсколько лицъ, еще знавшихъ языкъ своихъ предковъ. Объ Анаулахъ, коренномъ племени на Анадырѣ, съ которыми въ 1649 г. воевалъ казакъ Семень Дежневъ, говорится, что оно, вслѣдствіе своей малочисленности и упорнаго сопротивленія, въ короткое время было совершенно истреблено. Всѣ соплеменные Енисейскимъ Остякамъ народы, какъ-то: Аринь или Аринцы, Ассаны, Котты, уже исчезли или же близки къ тому, чтобъ исчезнуть. Изъ всего племени Коттовъ Кастренъ засталъ въ живыхъ только пять человекъ, которые и доставили ему возможность изучить ихъ языкъ. Положеніе нынѣшнихъ Енисейскихъ Остяковъ не лучше судьбы вышеупомянутыхъ народовъ. Правда, они сохранились до нашего времени, но вслѣдствіе постоянныхъ и близкихъ сношеній съ Русскими, свойственный имъ національный отпечатокъ изгладился, и самое тщательное изслѣдованіе врядъ ли могло бы доставить точное понятіе о первобытномъ ихъ состояніи. Въ какое короткое время и съ какою силою совершился, напримѣръ, процессъ разложенія Камчадаловъ, не смотря на отдаленность и изолированность ихъ полуострова! Если бы Крашенинниковъ и Стеллеръ не набросали картину ихъ жизни и быта, мы теперь не могли бы сказать о нихъ ни полъ-слова. Чтò здѣсь разъ упущено, того уже не возможно восполнить впоследствии.

Инородцы Амурскаго края въ настоящее время находятся въ подобномъ же процессѣ разложенія, и оно, надо полагать, пойдетъ у нихъ еще быстрѣе, вслѣдствіе того, что за колонизацію въ Амурскомъ краѣ взялись энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Сибири.

Вотъ почему намъ, Русскимъ, слѣдуетъ спѣшить съ антропологическимъ изученіемъ народовъ, населяющихъ наше обширное отечество, если мы дорожимъ честью русской науки, если мы не желаемъ, чтобы впоследствии на насъ не палъ упрекъ въ томъ, что мы, по нашему нерадѣнію, нежеланію или неумѣнію не выполнили лежащей на нашей обязанности задачи сохранить для науки цѣнный отечественный научный матеріалъ.

Съ этой точки зрѣнія трудъ академика Л. И. Шренка является дорогимъ приобрѣтеніемъ для науки, и его цѣнность увеличивается еще и оттого, что свое путешествіе г. Шренкъ совершилъ уже давно (въ 1854—1857 гг.) и данныя, имъ собранныя,

относительно инородцевъ Амурскаго края относятся къ тому времени, когда мы только что заняли этотъ край, и когда, слѣдовательно, русскій элементъ и его вліяніе на инородцевъ были еще очень незначительны. Но если, съ одной стороны, отдаленность эпохи, въ которую г. Шренкомъ собраны его матеріалы, представляетъ преимущество, то съ другой стороны эта отдаленность имѣла своимъ результатомъ то, что въ его трудѣ оказываются пробѣлы весьма существенныя, при теперешнихъ требованіяхъ антропологическихъ изслѣдованій. Надо впрочемъ замѣтить, что самого автора нисколько нельзя винить въ этомъ. Пробѣлы этотъ состоятъ въ полномъ отсутствіи точныхъ измѣреній, сдѣланныхъ на живыхъ (даже измѣреній роста), которыя явились бы въ подтвержденіе тѣхъ выводовъ о физическомъ строеніи изученныхъ г. Шренкомъ народовъ, къ которымъ онъ приходитъ на основаніи простаго сужденія на глазъ. Повторяю, что этотъ пробѣлъ, который въ настоящее время былъ бы совершенно непростительнъ, въ вину автору, производившему свои разслѣдованія болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, поставить трудно: въ то время антропология только что зарождалась, Парижскаго антропологическаго Общества, столь много содѣйствовавшаго развитію антропологии, еще не существовало, и Брокъ еще не надалъ своихъ инструкцій. Трудно было поэтому путешественнику производить антропометрическія изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что и требованія въ то время были совсѣмъ иныя. Впрочемъ, съ точки зрѣнія г. Шренка этотъ пробѣлъ не долженъ являться существеннымъ, въ виду того, что, по его мнѣнію, физическимъ (анатомическимъ и морфологическимъ) признакамъ нельзя придавать особаго значенія при опредѣленіи сродства племенъ, или по крайней мѣрѣ имъ нельзя придавать первенствующаго значенія, такъ какъ лучшимъ и болѣе надежнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ является языкъ. Къ этому мнѣнію, съ которымъ мы совершенно несогласны, мы еще вернемся въ концѣ нашей статьи и постараемся показать, что оно идетъ въ разрѣзъ съ современнымъ направленіемъ антропологии и съ чисто естественно-историческими задачами, которыя она должна преслѣдовать.

Главныя народности, которыя изучены г. Шренкомъ, суть Гиляки, Ольчи (Мангуны) и Гольды. Къ этому присоединяется описаніе Айновъ и различныхъ народностей Тунгусской расы, которыхъ онъ изучилъ менѣе подробно. Свой трудъ онъ раздѣляетъ на двѣ части. Въ первой части онъ разсматриваетъ географическо-историческія свѣдѣнія, относящіяся до каждаго изъ этихъ народовъ, и здѣсь онъ

передаетъ какъ свои собственныя наблюденія, такъ и данныя, собранныя имъ въ литературѣ. Этотъ отдѣлъ, который занимаетъ больше половины всей его книги, нельзя не назвать вполне удовлетворительнымъ; благодаря хорошему знакомству съ литературой, строго критическому отношенію къ показаніямъ другихъ авторовъ и личной опытности, основанной на почти трехлѣтнемъ пребываніи въ Амурскомъ краѣ, г. Шренкъ бросаетъ яркій свѣтъ на довольно запутанныя отношенія различныхъ племенъ, его заселяющихъ, опредѣляетъ съ большою точностью границы ихъ распредѣленія и, какъ результатъ всего этого, даетъ этнографическую карту, которая несомнѣнно гораздо лучше и подробнѣе всѣхъ имѣющихся картъ того края. Вторая часть, антропо-этнологическая, занимается описаніемъ инородцевъ въ физическомъ отношеніи, и хотя мы и тутъ находимъ много цѣнныхъ наблюденій, но, какъ мы уже замѣтили, собственно антропологическая часть, вслѣдствіе отсутствія измѣреній живыхъ и бѣдности краниологическаго матеріала, не совсѣмъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ антропологіи, и потому эта часть значительно уступаетъ по достоинствамъ первой.

При изложеніи результатовъ, содержащихся въ трудѣ г. Шренка, мы будемъ придерживаться нѣсколько иного порядка, нежели самъ авторъ; мы постараемся дать краткую, но по возможности полную характеристику каждой изъ народностей Амурскаго края въ отдѣльности, а затѣмъ представимъ тѣ выводы, къ которымъ можно прийти на основаніи сравненія этихъ народовъ между собою, и которые затрогиваютъ чрезвычайно важные и интересные вопросы о древнѣйшихъ обитателяхъ Сибири и вытѣсненіи однихъ расъ другими. При этомъ мы будемъ пользоваться не только данными, заключающимися въ самомъ трудѣ г. Шренка, но также нѣкоторыми литературными указаніями, пропущенными авторомъ или появившимися въ самое послѣднее время, послѣ выхода его труда, наконецъ—собственными наблюденіями надъ черепами сибирскихъ инородцевъ, сдѣланныхъ нами какъ за границей, такъ и здѣсь.

Начнемъ съ описанія Гиляковъ.

II.

Гиляки.

Гиляки есть руссифицированное названіе Киле, Киленгъ, которымъ Тунгусы обозначаютъ этотъ народъ; сами же себя Гиляки

называютъ Нибахъ, что значитъ „человѣкъ“. Впервые названіе Гиляковъ встрѣчается у Витсена ¹⁾ и въ донесеніи Пояркова (1644 г.), начальника казацкаго отряда, отправленнаго для завоеванія Амурскаго края. Но лишь позже мы находимъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ въ описаніяхъ путешествій Ла-Перуза (1787), Крузенштерна (1805), Брефтона (1787) и у японскихъ писателей *Mamia Rinso* (1809) и *Magami Tok'naï* (1785). Изъ болѣе новыхъ авторовъ этою народностью занимались Клапротъ ²⁾, который однако смѣшалъ Гиляковъ съ Айнами и Курильцами — ошибка, которую потомъ повторяли и многіе другіе писатели: Маакъ ³⁾, Миддендорфъ ⁴⁾, Вальби, Риттеръ ⁵⁾ и Ф. Мюллеръ. Краткія извѣстія о нихъ мы находимъ у русскихъ путешественниковъ Пермикина ⁶⁾, Свербѣева ⁷⁾, Сгибнева ⁸⁾, Невельскаго ⁹⁾ и др., болѣею частью смѣшавшихъ Гиляковъ съ Тунгусами. Лишь въ самое послѣднее время появились обстоятельныя изслѣдованія этого народа, какъ въ этнографическомъ (Зеландъ) ¹⁰⁾, такъ и въ физическомъ отношеніи (Иковъ) ¹¹⁾. Укажемъ еще на превосходный очеркъ Гиляковъ, составленный Деникеромъ ¹²⁾ на основаніи послѣднихъ данныхъ и съ приложеніемъ оригинальныхъ рисунковъ, изображающихъ гиляцкіе типы.

¹⁾ *Witsen, Noord en Oost Tartarje etc. Amsterdam, 1707*; французскій переводъ 1785 года.

²⁾ *Klaproth, Mémoires relatifs à l'Asie. Paris vol. I et III 1824—1828; Asia polyglotta. Paris, 1823.*

³⁾ *Маакъ, Путешествіе на Амуръ. С.-Петербургъ. 1859.*

⁴⁾ *Middendorff, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. 1859.*

⁵⁾ *Ritter, Землеузданіе Азии, т. I.*

⁶⁾ *Пермикинъ, Путев. журн. плаванія по р. Амуру. Записки Сиб. Омд. Геогр. Общ. Кн. II. С.-Петербургъ. 1856.*

⁷⁾ *Свербѣевъ, Описание плаванія по рѣкѣ Амуру. Экспедиц. ген.-губ. Вост. Сиб. Зап. Сиб. Омд. Геогр. Общ. Кн. III. С.-Петербургъ. 1857.*

⁸⁾ *Сгибневъ, Древняя и Новая Россія. 1878 г.*

⁹⁾ Статьи Невельскаго, Бошняка, Пещурова въ *Морскомъ Сборникѣ* за 1858, 1860 и 1864 гг., Максимовича въ *Изв. Геогр. Общ.* 1861, Буссе въ *Вѣстн. Евр.* 1871.

¹⁰⁾ *Seeland D-r, Die Ghiliaken. Eine ethnographische Skizze. Russische Revue XI, N. 8 u. 9. St. Petersburg. 1882.* О сочиненіи этомъ г. Шренкъ не упоминаетъ.

¹¹⁾ *Иковъ* въ Протоколахъ Одесскаго съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей. Одесса. 1883.

¹²⁾ *Deniker, Des Ghiliaks. Revue d'Ethnographie. 1884.*

Районъ, занимаемый Гиляками, рѣзко отличается отъ района сосѣдей ихъ—Тунгусовъ; въ то время какъ послѣдніе распространены на обширномъ пространствѣ отъ Енисея и до Охотскаго и Японскаго морей, занимая сплошь весь почти Амурскій край разными своими племенами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, Гиляки какъ бы приперты къ морю, сосредоточиваясь на незначительномъ уголкѣ при самомъ устьѣ Амура. На сѣверѣ или, вѣрнѣе, сѣверо-западѣ они доходятъ до Ульбанскаго залива и въ своихъ перекочевкахъ добираются даже до Тугурскаго залива въ Охотскомъ морѣ; на югѣ ихъ селенія простираются приблизительно до села Богородскаго (Тенча) на Амурѣ, а по берегу Японскаго моря еще нѣсколько южнѣе до деревни Чоми. На этомъ пространствѣ ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ различныя Тунгусскія племена въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ сѣвера и идя къ югу: оленные кочевые Тунгусы, потомъ Негидальцы (долина Амгуна), Самагирцы (долина Гарина) и съ юга Ольчи. Кромѣ клочка материка Азіи, Гиляки занимаютъ еще сѣверную половину Сахалина, начиная отъ 50° с. ш. (дер. Пиля-во) на западномъ берегу и 51° с. ш. на восточномъ (дер. Чамр-во) и предоставляя южную часть Сахалина Айнамъ.

Численность Гиляковъ трудно опредѣлить съ точностью, но во всякомъ случаѣ она не велика: на Сахалинѣ ихъ насчитываютъ не болѣе 3000, а у устья Амура около 5000, слѣдовательно, всего 8000. По Зеланду однако, это число ниже дѣйствительности, такъ какъ онъ насчиталъ въ девяти деревняхъ 900 человекъ, а число такихъ гиляцкихъ деревень простирается до 100.

Что касается физическихъ особенностей и анатомическаго строенія Гиляковъ, то въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени мало было извѣстно. Г. Шренкъ самъ недѣлалъ измѣреній и изъ череповъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 4 ¹⁾. Поэтому его указанія въ этомъ отношеніи страдаютъ неполнотою, легко извиняемою отдаленностью той эпохи, въ которую онъ производилъ свои изслѣдованія. Еще другая причина объясняетъ отсутствіе у г. Шренка измѣреній Гиляковъ: каждой попыткѣ такого рода Гиляки упорно сопротивлялись, очевидно, говоритъ онъ,—изъ боязни сдѣлаться жертвою колдовства. Сначала они не позволяли даже снимать съ себя портреты, страшась, чтобы, вмѣстѣ съ ихъ изображеніями, не приобрѣтена была власть надъ ихъ жизнью и здоровьемъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію,

¹⁾ Одинъ, кромѣ того, находится въ Москвѣ.

стояло только разорвать портретъ, чтобы лишить ихъ того или другаго. Къ счастью, по отношенію къ другимъ изслѣдователямъ Гиліаки показали себя менѣе неприступными, благодаря чему мы имѣемъ довольно подробныя указанія о ихъ ростѣ, формѣ ихъ головы и другихъ анатомическихъ особенностяхъ.

Зеландъ даетъ данныя относительно роста, который онъ опредѣляетъ въ среднемъ для 12 мужчинъ равнымъ 1 м. 62 стм. и для 8 женщинъ 1 м. 50 стм. Къ этому можно прибавить ростъ скелета, изученнаго Шренкомъ, равный 1 м. 53 стм. Такой ростъ есть ниже средняго, опредѣляемый Топинаромъ ¹⁾ въ 1 м. 650 мм. При этомъ однако Гиліаки коренастаго, крѣпкаго тѣлосложенія, болѣе крѣпкаго, чѣмъ ихъ сосѣди—Тунгусскія племена и Айны. Все тѣло ихъ жилисто-мускулисто, худощаво; тучные между ними попадаются столь же рѣдко, какъ и высокіе. Шея обыкновенно короткая, плечи довольно широкія, грудная клетка объемистая, но особенно поразительна, по словамъ г. Шренка, малая величина рукъ и ногъ—черта, по его мнѣнію, общія для нихъ съ сосѣдями Гиліаковъ—Айнами и Тунгусами. По г. Миддендорфу ²⁾, маленькая нога служитъ даже болѣе общою и постоянною типичною чертою для всѣхъ сибирскихъ инородцевъ, въ особенности же для Самоѣдовъ и Тунгусовъ, чѣмъ различная форма головы. Фактъ этотъ, еслибъ онъ былъ провѣренъ измѣреніемъ, а не основывался лишь на общемъ, часто очень обманивомъ впечатлѣніи, былъ бы очень интересенъ. Замѣтимъ однако, что имѣющіяся въ настоящее время данныя мало подтверждаютъ это предположеніе: такъ, по измѣреніямъ г. Зографа ³⁾, длина ступни у 15 взрослыхъ Самоѣдовъ мужчинъ равняется 249 милл., что крайне мало отличается отъ средней длины ноги у бѣлой расы, опредѣленной Гульдомъ ⁴⁾ въ 255 милл. (для 10.876 человекъ); едва ли разница въ 6 миллиметровъ можетъ быть замѣтна просто на глазъ, безъ посредства измѣреній. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что вообще инородцы сѣверной Сибири отличаются небольшимъ ростомъ, и потому нѣсколько меньшая абсолютная величина ногъ и рукъ

¹⁾ *Topinard, Etude sur la taille—Revue d'Anthropologie. 1876.*

²⁾ *Миддендорфъ, Путешествіе и проч., ч. II, стр. 639.*

³⁾ *Зографъ, Антропологическій очеркъ Самоѣдовъ. Антропол. выставка въ Москвѣ, т. II, стр. 61 (bis).*

⁴⁾ *Gould, Investigations in the military and anthropological statistics of american Soldiers. New-York 1869. У Негровъ (2020 чел.) длина ступни равняется 269 милл.*

должна быть для нихъ нормальнымъ явленіемъ. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ остается открытымъ впредь до болѣе точныхъ исследованийъ.

Цвѣтъ кожи у Гиляковъ всегда болѣе или менѣе желтоватый, часто довольно темный, желтовато-бурый. У мужчинъ и стариковъ Шренкъ нашелъ его болѣе темнымъ, чѣмъ у женщинъ и дѣтей; дѣти и взрослые дѣвушки тѣломъ довольно бѣлы и часто даже краснощеки. Относительно волосъ Гиляки занимаютъ нѣкоторымъ образомъ среднее мѣсто между тунгусскими, монгольскими и другими сибирскими инородцами, съ одной стороны, и Айнами—съ другой, причемъ однако къ первымъ подходятъ гораздо ближе, чѣмъ ко вторымъ: у нихъ вообще больше волосъ, чѣмъ у первыхъ, но значительно меньше, чѣмъ у послѣднихъ. Ростъ волосъ на лицѣ хотя у Гиляковъ и значительно, чѣмъ у Тунгусовъ, но ихъ борода никогда не можетъ сколько-нибудь сравниться съ длинною и густою бородою Айновъ. Вообще волосы Гиляковъ гладки, жестки и совершенно черны.

Обратимся теперь къ измѣреніямъ. Опредѣленіе формы головы является, конечно, наиболѣе интереснымъ, но въ этомъ отношеніи мы не находимъ у автора никакихъ указаній. Къ счастью, насъ выручаютъ въ этомъ отношеніи Зеландъ и г. Иковъ. Послѣдній сдѣлалъ на послѣднемъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей любопытное сообщеніе о Гилякахъ, въ которомъ онъ приводитъ измѣренія 20 челоуѣкъ. Какъ оказывается изъ этихъ измѣреній, голова у Гиляковъ большая и брахикефалическая, то-есть, округлая. Какъ извѣстно, Ретціусъ, а послѣдствіемъ еще точнѣе Брокъ, подраздѣлили всѣ челоуѣческія расы по формѣ головы на длинноголовыхъ или долихокефаловъ (ширина ниже 77,77, принимая длину равною 100), среднеголовыхъ или мезокефаловъ (отъ 77,78—80,00) и круглоголовыхъ или брахикефаловъ (выше 80,01). Изъ 20 Гиляковъ круглую голову имѣли 80% (при чемъ 70% имѣло головной указатель выше 83); остальные принадлежали къ среднеголовымъ или мезокефаламъ, а длинноголовыхъ даже вовсе не оказалось. Впрочемъ, что у Гиляковъ—народа, какъ оказывается, несомнѣнно брахикефалическаго—есть небольшая примѣсь какой-то иной, длинноголовой расы (мы увидимъ ниже, что это Аины), явствуетъ изъ тѣхъ не многихъ череповъ, которые имѣются въ краниологическихъ собраніяхъ; изъ нихъ 4 черепа измѣрены и описаны самимъ г. Шренкомъ, и одинъ описанъ г. Богдано-

внмъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, г. Шренкъ брать измѣренія по методу Игеринга, который не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ, и за исключеніемъ лишь очень немногихъ антропологовъ, не принимается даже въ Германіи; поэтому мы сочли нужнымъ измѣрить ихъ вновь по общераспространенному методу Брокá. Присоединяя къ этимъ измѣреніямъ данныя, заимствованныя у г. Богданова, мы получимъ слѣдующій рядъ индексовъ: 70,97, 73,37, 74,33, 78,5 и 83,15, указывающихъ на то, что гилляцкіе черепа далеко не всѣ безъ исключенія круглоголовы. Первые 3 черепа принадлежатъ даже къ крайне выраженнымъ долихоцефаламъ, слѣдующій къ мезоцефаламъ и лишь послѣдній черепъ относится къ круглоголовымъ. Изъ этихъ фактовъ видно, между прочимъ, какъ осторожно нужно приступать къ выводамъ, когда приходится имѣть дѣло съ небольшимъ количествомъ измѣреній и череповъ: судя по черепамъ, можно было бы считать Гилляковъ за преимущественно длинноголовый народъ, и такъ это до сихъ поръ и принималось; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось изъ данныхъ, опубликованныхъ г. Иковымъ, наоборотъ круглоголовость есть явленіе, преобладающее у этого народа (80%).

Изъ другихъ признаковъ укажемъ еще на одну анатомическую особенность, свойственную, впрочемъ, не однимъ Гиллякамъ, но также и Айнамъ: это—короткія сравнительно съ длиннымъ туловищемъ и особенно верхними конечностями ноги—особенность, впрочемъ, характеризующая вообще низшія расы. Если принять длину нижнихъ конечностей (бедро + большая берцовая кость) за 100, то длина верхнихъ конечностей (плечевая + лучевая кость) выразится слѣдующей величиной:

У Гилляка	76,3.
„ Айна {	
мужчина	71,3.
женщина	77,7.
„ Европейцевъ	67,8.

Какъ видно изъ этой таблички, у Европейцевъ верхнія конечности гораздо короче, нежели у вышеупомянутыхъ расъ; въ этомъ отношеніи Гилляки и Айны занимаютъ среднее положеніе между

¹⁾ *Богдановъ*, Черепа сибирскихъ инородцевъ. Антропологическая выставка въ Москвѣ. Т. II. 1879. Шестой черепъ, долго считавшійся за гилляцкій (см. *Ruzer-Beu, Bullet. d. l. soc. anthr. d. Paris. 1867* и *Quatrefages et Hamy, Organ. ethnica*, p. 428) по Шренку принадлежитъ къ Орочамъ.

Европейцами и Неграми, у которыхъ отношеніе длины рукъ и ногъ выразится еще большимъ числомъ.

Изъ изученія формы головы и черепа мы видѣли, что Гиляки представляютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое разнообразіе: бѣльшая ихъ часть оказалась брахикефалами, но къ этому преобладающему типу присоединяется въ небольшомъ количествѣ элементъ долихокефалической. Это различіе въ формѣ головы, быть можетъ, соответствуетъ различію, которое замѣчено относительно фізіономіи Гиляковъ. Г. Шренкъ замѣчаетъ, что въ чертахъ лица Гиляковъ выражается вообще такъ-называемый монгольскій типъ: круглое, плоское лицо, низкій лобъ, выдающіяся скулы, косой разрѣзъ глазъ, короткій, немясистый носъ, и ко всему этому, вышеупомянутая рѣдкая борода и желтоватый цвѣтъ кожи. Но, замѣчаетъ онъ далѣе,—какъ въ отдѣльныхъ чертахъ ихъ лица, такъ и въ общемъ складѣ его, встрѣчаются столь частыя и значительныя уклоненія, что для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о строеніи лица у Гиляковъ, необходимо различать между ними нѣсколько типовъ. По мнѣнію г. Шренка, между ними видѣляются въ этомъ отношеніи три ясно различающіеся типа: два—нѣкоторымъ образомъ крайніе, однако нисколько не ограничивающіеся отдѣльными, исключительными случаями, а повторяющіеся довольно часто, и потому справедливо могущіе считаться типами; третій же—средній между ними. Въ первыхъ двухъ выражается весьма замѣтная близость, съ одной стороны, къ Айнамъ, а съ другой—къ Тунгусамъ, то-есть, къ двумъ сосѣднимъ съ Гиляками племенамъ. Поэтому-то г. Шренкъ называетъ одинъ типъ айнско-гиляцкимъ, а другой—тунгусско-гиляцкимъ. Третій типъ, который онъ называетъ среднимъ или собственно гиляцкимъ, есть, по его словамъ, не что иное, какъ уже намѣченный выше монгольскій типъ, но сравнительно съ чисто-монгольскими народами значительно смягченный и намѣненный примѣсью айнскихъ оттѣнковъ.

Въ лицахъ айнско-гиляцкаго типа монгольскія черты почти совершенно исчезаютъ: лицо, въ этомъ случаѣ, не кругло, а продолговато или овально, лобъ не имѣетъ ската назадъ, скулы не выдаются особенно замѣтнымъ образомъ; корень носа, подобно и всему носу, довольно возвышенъ; глаза поставлены почти прямо, а иногда даже и совсѣмъ прямо; брови рѣзко обозначены, борода довольно большая. Какія лица можно, пожалуй, принять за кавказскія. Вышеупомянутый типъ лица у Гиляковъ можно объяснить себѣ ихъ долготѣннымъ и значительнымъ смѣшеніемъ съ ихъ южными сосѣдями, Айнами.

Совершенно иное строеніе лица у тунгусско-гиляцкаго типа. Монгольскія черты лица, свойственныя этому племени, вполне выказываются здѣсь: лицо кругловато, лобъ узокъ (?) и покатымъ назадъ; скулы сильно выдаются, глаза имѣютъ видъ узкой, косой щели, вслѣдствіе опускающейся у внутреннего угла складки верхняго вѣка; брови едва замѣтны; корень носа вдавленъ и почти совсѣмъ плосокъ, хребетъ его чуть выдается; самый носъ широкъ и немаслистъ; все лицо безъ волосъ. Этотъ типъ объясняется весьма просто тѣмъ фактомъ, что Гиляки, за исключеніемъ морского берега и пограничной черты съ Айнами, повсюду окружены тунгусскими племенами, и смѣшанные браки между обоими племенами—вещь самая обыкновенная.

Наконецъ, что касается третьяго типа, то г. Шренкъ замѣчаетъ, что въ немъ общее строеніе лица имѣетъ также монгольскій характеръ, но значительно смягченный и съ нѣкоторыми айнскими оттѣнками. Вообще этотъ третій типъ нѣкоторымъ образомъ занимаетъ лишь среднее мѣсто между двумя вышеназванными. Тѣмъ не менѣе, лица этого типа, по мнѣнію г. Шренка, нельзя отнести ни къ тому, ни къ другому изъ первыхъ двухъ, но почему—этого изъ фактовъ, приведенныхъ авторомъ, видѣть нельзя.

На гиляцкихъ женщинахъ различіе въ чертахъ лица по тремъ вышеупомянутымъ типамъ далеко не такъ замѣтно, какъ на мужчинахъ. Этому существенно способствуетъ уже то обстоятельство, что у нихъ объ одномъ признакѣ, особенно характеристичномъ для айнско-гиляцкаго типа, а именно о болѣе или менѣе сильномъ ростѣ бороды, не можетъ быть рѣчи.

Къ нѣскольکو иному выводу относительно подраздѣленія Гиляковъ на типы приходитъ г. Иковъ. По его мнѣнію, дѣйствительно среди этого народа можно различить два типа, которые онъ, согласно г. Шренку, называетъ айнско-гиляцкимъ и тунгусско-гиляцкимъ. Второй имѣетъ чисто-монгольское строеніе, какъ относительно черепа (круглоголовость) и лица (широкоскулость), такъ и относительно формы глазъ и отсутствія волосъ на лицѣ и на тѣлѣ. Другой, гораздо менѣе многочисленный типъ, отличается напротивъ удлинненнымъ лицомъ, болѣе европейскими глазами и довольно большимъ обиліемъ волосъ на лицѣ; по мнѣнію г. Икова, этотъ второй типъ обуславливается примѣсью айнскаго элемента, который въ данномъ случаѣ отразился главнымъ образомъ на лицѣ, оставляя собственно черепъ почти безъ видоизмѣненія, то есть, брахикефалическимъ. Что же касается третьяго, промежуточнаго типа, то г. Иковъ совсѣмъ его отрицаетъ и, по нашему мнѣнію, со

вершено основательно. Мы видѣли дѣйствительно, что онъ является описаннымъ у г. Шренка крайне туманно и неопредѣленно; по его же собственнымъ словамъ, онъ занимаетъ лишь среднее мѣсто между двумя другими типами и характеризуется тѣми же особенностями, какъ и тунгусско-гиляцкій типъ, лишь смягченный въ своихъ монгольскихъ признакахъ айнскимъ оттѣнкомъ. Нельзя поэтому не согласиться съ г. Ивовымъ, что этотъ третій типъ совершенно искусственный. По всѣмъ видимостямъ, слѣдовательно, Гиляки представляютъ не что иное, какъ результатъ смѣшенія Тунгусовъ съ Айнами, съ преобладаніемъ у однихъ (большинства) перваго элемента, у другихъ — втораго; при этомъ, конечно, долженъ былъ получиться цѣлый рядъ промежуточныхъ, переходныхъ типовъ, которые г. Шренкомъ и соединены въ его третій или собственно гиляцкій типъ. Но если это такъ, то мы приходимъ къ тому любопытному заключенію, что собственно-гиляцкаго типа нѣтъ, иными словами, что отдѣльной антропологической единицы, которой можно бы дать названіе Гиляковъ, нѣтъ: Гиляки, какъ самостоятельная раса, вовсе не существуютъ, такъ какъ въ нихъ мы не могли найти ничего иного, кромѣ тунгусскаго элемента, съ одной стороны и айнскаго — съ другой. Существуетъ Гиляцкая народность въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи, но не существуетъ расы въ смыслѣ антропологическомъ. Результатъ этотъ совершенно не согласуется съ тѣмъ, къ которому можно придти на основаніи языка Гиляковъ; по своему языку Гиляки не стоятъ ни въ какомъ родствѣ ни съ своими сосѣдами Айнами или Тунгусскими племенами, ни съ какимъ-либо изъ народовъ Сибири, сѣверо-восточной Азии и сѣверо-западной Америки. Подобно Камчадаламъ, Алеутамъ, Чукчамъ и Корякамъ, они стоятъ совершенно особнякомъ. Этотъ случай очень наглядно указываетъ на все громадное значеніе физическихъ признаковъ въ дѣлѣ установленія сходства племенъ и ихъ классификаціи. Въ самомъ дѣлѣ, къ какому бы мы пришли ложному заключенію относительно сродства Гиляковъ съ сосѣдними народами, если бы, какъ это совѣтуетъ дѣлать г. Шренкъ, мы приняли во вниманіе прежде всего ихъ языкъ, оставляя физическія особенности на второмъ планѣ?

Откуда пришла Гиляцкая народность? На этотъ вопросъ нѣкоторый отвѣтъ даетъ намъ изученіе ихъ языка. При всей самостоятельности гиляцкаго языка, въ немъ встрѣчается однако не мало тунгусскихъ названій животныхъ; за исключеніемъ одной лишь собаки, таковы именно названія всѣхъ домашнихъ животныхъ: лошади, рога-

таго скота, овцы, свиньи, кошки. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ это все животныя, бывшія первоначально чуждыми Гилякамъ, и съ которыми она познакомились чрезъ Тунгускія племена; но болѣе интересно, что всѣ животныя, встрѣчающіяся одновременно и на материкѣ, и на островѣ Сахалинѣ, имѣютъ не тунгусскія, а свои, чисто-гиляцкія названія, въ то время какъ для обозначенія животныхъ, какъ косуля, лось, барсукъ, которыя встрѣчаются лишь на материкѣ, названія заимствованы отъ Тунгусовъ. Упомянутые факты свидѣтельствуютъ въ пользу того, что нѣкогда родиной Гиляковъ былъ одинъ только Сахалинъ, и что только впоследствии они перешли оттуда на близъ лежащую часть материка, гдѣ до того времени жили лишь одни бродячіе Тунгусы. Здѣсь, слѣдовательно, впервые познакомились они чрезъ Тунгусовъ съ тѣми животными, которыя не водятся въ ихъ отечествѣ, и удержали для нихъ тунгусскія названія.

III.

Айны.

Подъ именемъ Айновъ (или, какъ ихъ называютъ нѣкоторые—Айносовъ) извѣстно племя, населяющее часть самой отдаленной восточной окраины Азіи, именно островъ Иессо, часть Сахалина и острова Курильскіе. Это племя обратило на себя особенное вниманіе антропологовъ и этнографовъ въ послѣднее время, когда оно почти одновременно было описано многими путешественниками, и когда вслѣдствіе того особенности его типа сдѣлались болѣе извѣстны въ Европѣ. Причина же, почему оно обратило на себя особенное вниманіе, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что его типъ представляетъ, по видимому, многія отличія отъ типа окружающихъ народовъ монгольской расы и выказываетъ скорѣе приближеніе къ типу бѣлой или такъ-называемой кавказской расы, и притомъ приближеніе часто настолько рѣзкое, что въ то время, какъ прежніе этнографы находили обыкновенно болѣе естественнымъ причислять Айновъ къ монгольской расѣ или соединять, вмѣстѣ съ Камчадалами, Коряками, Алеутами и другими племенами сѣверо-восточной Азіи (и сѣверо-западной Америки), въ особую гиперборейскую расу, нѣкоторые изъ новѣйшихъ считаютъ на оборотъ болѣе рациональнымъ причислять ихъ прямо къ кавказской расѣ (Катрфажъ).

Первыя свѣдѣнія объ Айнахъ были получены Европейцами въ XVI

столѣтій изъ Японіи вскорѣ послѣ ея открытія Португальцами, отъ проникшихъ туда миссіонеровъ-іезуитовъ. Одно изъ самыхъ первыхъ, если не самое раннее извѣстіе, принадлежитъ іезуиту Людовику Фроэсу ¹⁾. Въ XVII столѣтій другой миссіонеръ Де-Анжелисъ ²⁾ и голландская экспедиція Фриза ³⁾ значительно дополняютъ эти свѣдѣнія. Въ XVIII вѣкѣ начинаютъ знакомиться съ Айнами и Русскіе; изъ донесенія казака Атласова, покорителя Камчатки, и подробнѣе изъ извѣстнаго сочиненія Крашенинникова ⁴⁾ мы знакомимся съ курильскими Айнами. Въ это же время экспедиціи Ла-Перуза ⁵⁾ и Брэфтона ⁶⁾ знакомятъ насъ съ сахалинскими Айнами. Любопытно привести здѣсь го благопріятное впечатлѣніе, которое Аины произвели на Ла-Перуза: „Для насъ было верхомъ удивленія“, говоритъ онъ, — „найти у такого полудикаго народа охотниковъ и рыбаковъ, столько достоинства и приличія въ обхожденіи и столько смѣтливости въ объясненіяхъ и отвѣтахъ. Смѣло можно сказать, что ихъ развитіе стоитъ никакъ не ниже развитія низшаго класса европейскаго населенія“. Такое же совершенно впечатлѣніе они произвели и на другого путешественника, посѣтившаго ихъ немного позже — Крузенштерна ⁷⁾: „Всѣ эти относительно рѣдкія качества, которыми они обязаны не утонченной цивилизаціи, но единственно своему природному характеру, произвели на меня такое впечатлѣніе, что я считаю Аиновъ лучшимъ изъ всѣхъ народовъ, съ которыми мнѣ когда-либо приходилось встрѣтаться“.

Во всю первую половину настоящаго вѣка появилось объ Айнахъ мало издающагося; Клапротъ и Зибольдъ ⁸⁾ познакомили насъ съ японскими писателями Маміа-Ринзо, Могами Токнаи и др., говорящими и объ Айнахъ. Затѣмъ появляется цѣлый рядъ работъ англійскихъ (Вудъ ⁹⁾,

¹⁾ *Epistolae Japonicae de multorum gentilium etc.* Lov. 1569.

²⁾ *Wissen, Noord en Oost Tartarije.* Amsterdam, 1692, гдѣ помѣщено письмо с-Анжелисса.

³⁾ *Wissen*, l. c.

⁴⁾ *Крашенинниковъ*, Описание земли Камчатки. С.-Петербургъ, 1755.

⁵⁾ *La-Pérouse, Voyage autour de Monde, publié et redigé par Millet-Mureau.* Paris, 1798.

⁶⁾ *Broughton, Voyage des découvertes dans la partie septentrionale de l'Océan arctique pendant les années 1795—1798.* Paris, 1807.

⁷⁾ *Krusenstern, Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806.* St.-Petersburg, 1811.

⁸⁾ *Siebold, Nippon*, особенно т. I и VII.

⁹⁾ *Wood, The Hairy Men of Jesso. Transactions of the Ethnological Soc. of Lond.* n. S. vol. IV.

Викморъ ¹⁾, Бёскъ ²⁾, Дэвисъ ³⁾, С. Джонъ ⁴⁾, Голландъ ⁵⁾), нѣмцевъ (Брандтъ ⁶⁾, Вирховъ ⁷⁾, Дѣницъ и Гильгендорфъ ⁸⁾, Г. Зибольдъ ⁹⁾, Шеубе ¹⁰⁾), польскихъ и русскихъ (Коперницкій ¹¹⁾, Римскій-Корсаковъ ¹²⁾, Буссе ¹³⁾, Венюковъ ¹⁴⁾, Добротворскій ¹⁵⁾, Анучинъ ¹⁶⁾, Поляковъ ¹⁷⁾ и др.).

Если мы обратимся къ китайскимъ и японскимъ источникамъ, то найдемъ свѣдѣнія объ Айнахъ, восходящія до глубокой древности. По нимъ можно заключить, что они первоначально жили на Ниппонѣ; затѣмъ, тѣснимые съ юга Японцами, все болѣе и болѣе подвигались на сѣверъ, переходя на близъ лежащія сѣверные острова. По показа-

¹⁾ *Bickmore*, Some notes on the Ainos, тамъ же, v. VII, 1869.

²⁾ *Busk*, тамъ же, v. VI.

³⁾ *Davis*, Description of the Skeleton of an Aino Woman and of three Skulls of Men *Memoirs read before the Anthropol. Soc. of Lond.*, vol. II, 1870.

⁴⁾ *St. John*, Notes on the east, northeast and west coast of Jesso. *Proceed of the Roy. Geogr. Soc.*, vol. XVII.

⁵⁾ *Holland*, On the Ainos. *Journ. of the Anthropol. Instit.* 1873.

⁶⁾ *Brandt*, Ueber die Ainos. *Zeitschr. f. Ethnologie.* Berlin, т. IV, 1872.

⁷⁾ *Virchow*, Ueber einen Aino-Schädel. *Zeitschr. f. Ethnologie*, т. V, 1873; см. id. т. XII, 1880.

⁸⁾ *Dönitz*, Bemerkungen über Ainos. *Mittheil. der Deutsch. Gesellsch. für Natur- und Völkerkunde Ostasiens's.* Yokohama. 6 Heft. Dec. 1874. Тамъ же статья *Hilgendorf*.

⁹⁾ *Siebold*, Heinr. v. Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Yesso. 8°. Berlin, 1881.

¹⁰⁾ *Scheube*, Die Ainos. *Mittheil. d. Deutsch. Gesellsch. f. Natur- und Völk. Ostasiens.* Heft 26, 4°. 1882, и его же: Der Baerencultus und die Baerenfeste der Ainos, тамъ же, т. III.

¹¹⁾ *Kopernicki*, J., O kościach i szczątkach Ainoów, 4°. Krakowie, 1881.

¹²⁾ *Римскій-Корсаковъ*, Случай и замѣтки на шкунѣ «Востокъ». *Морск. Сборн.* 1858, № 5.

¹³⁾ *Буссе*, Островъ Сахалинъ и экспедиція 1852 г. С.-Пб., 1872 (также въ *Вѣстн. Европы* за 1871 г.).

¹⁴⁾ *Венюковъ*, Обзоръ Японскаго Архипелага. Берлинъ и С.-Пб., 1871. См. еще *Полонскій*. *Курилы*, *Зап. Геогр. Общ. по отд. этногр.*, т. IV, 1871, и *Головинъ*, Обзоръ русскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. С.-Пб., 1860. р. 28.

¹⁵⁾ *Добротворскій*, Извѣстія и Ученныя Записки Имп. Казанскаго университета, 1875 г., № 2. Приложіе. См. еще *Аллустиновичъ*, Жизнь Русскихъ и шородцевъ на островѣ Сахалинѣ. С.-Пб., 1874.

¹⁶⁾ *Анучинъ*, Матеріалы для Антропосгіи восточной Азии. I. Племя Аиновъ. Извѣстія Москов. Общ. любит. естествозн. антроп. и этногр. Москва, 1876.

¹⁷⁾ *Поляковъ*, *Изв. Геогр. Общ.* 1883—1884 г.

нію Зибольда, еще до 600 л. до Р. X. весь Ниппонъ былъ заселенъ Айнами, которыхъ Японцы называли „восточными дикарями“ (Асума Тебису), и въ сѣверной части этого острова они оставались до начала IX вѣка.

Въ настоящее время Айны заселяютъ островъ Іессо (Матсмай), южную часть Сахалина вплоть до 49° с. ш., на западномъ и немного сѣвернѣе на восточномъ берегу (около Найоро); ихъ отдѣляетъ отъ Гиліковъ, занимающихъ сѣверную часть Сахалина, безлюдная полоса. Наконецъ, подъ названіемъ Курильцевъ, Айны занимаютъ всѣ Курильскіе острова до Парамушира (2-й островъ) включительно ¹⁾.

Названіе Айновъ заимствовано отъ слова айна или айну, что значитъ на ихъ языкѣ „человѣкъ“ (куру — тоже человѣкъ, отсюда Курилы). Что касается численности ихъ, то, по даннымъ, собраннымъ Шеубе, всѣхъ Айновъ, обитающихъ на островѣ Іессо, имѣется 17,000. На Сахалинѣ, по Добротворскому, ихъ не болѣе 2,050 человѣкъ, а въ настоящее время вѣроятно еще меньше. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ обитающими на Курильскихъ островахъ, ихъ насчитывается не болѣе 20,000 человѣкъ, но въ прежнее время численность ихъ была гораздо значительнѣе. Разныя болѣзни, особенно оспенныя эпидеміи и небольшая плодовитость (по Добротворскому, на женщину приходится 3—5 дѣтей) являются причиной ихъ вымиранія.

Обращаясь къ характеристикѣ физическаго склада Айновъ, мы находимъ въ книгѣ г. Шренка еще менѣе данныхъ, нежели относительно Гиліковъ. Самъ авторъ говоритъ: „Я самъ мало встрѣчался съ ними, не знаю ихъ языка, видѣлъ лишь немногихъ изъ нихъ и не имѣлъ случая производить измѣренія надъ хорошо сохранившимися айнскими черепами“. Поэтому, вмѣстѣ съ авторомъ мы будемъ руководствоваться показаніями другихъ изслѣдователей, отчасти и своими собственными изслѣдованіями.

Большинство путешественниковъ говоритъ объ Айнахъ, какъ о народѣ средняго, даже низкаго роста. Ла-Перузъ приписываетъ имъ ростъ въ 1,620 миллим., Дѣницъ для 5 впрочемъ не взрослыхъ Айновъ нашелъ его равнымъ 1,518 миллим., наконецъ, въ послѣднее время, Шеубе для 7 взрослыхъ даетъ цифру 1,564, которая пока можетъ считаться самой достовѣрной. Впрочемъ, по словамъ де-Рони ²⁾, въ

¹⁾ Первый островъ заселенъ Камчадалами или Ительменами, но съ извѣстною примѣсью Айновъ.

²⁾ *De Rossu*, Congrès des Orientalistes à Paris, 1873, стр. 241.

этомъ племени можно различать два типа, отличающіеся другъ от друга между прочимъ и своимъ ростомъ, именно одинъ — низкаго коренастаго роста, рѣдко достигающаго 1,600 мм., и другой — сравнительно высокаго роста, варьирующаго отъ 1,600 до 1,720 мм. Какъ видно, точное опредѣленіе ихъ роста остается еще сдѣлать. При относительно небольшомъ ростѣ Айны обладаютъ однако же, в большинствѣ случаевъ, крѣпкимъ и пропорциональнымъ сложеніемъ.

Ни одна изъ сторонъ физическаго склада Айновъ не подвергалась столькимъ противорѣчивымъ показаніямъ, какъ цвѣтъ ихъ кожи. Просматривая весь рядъ этихъ показаній, мы встрѣчаемъ всѣ оттѣны цвѣта, начиная съ „почти чернаго“ — бурый, мѣдный, красноватый, бронзовый, желтый, желтоватый—до „бѣлаго“. По г. Шренку и большинству новѣйшихъ изслѣдователей, цвѣтъ ихъ кожи можно назвать смугло-желтоватымъ, не отличающимся отъ цвѣта кожи Гилеков и даже Японцевъ, хотя по Зибольду ¹⁾ съ болѣе красноватымъ оттѣнкомъ, чѣмъ у послѣднихъ. По словамъ Дѣница, бѣлокъ глазъ Айновъ нѣсколько пигментированъ.

На сколько расходятся показанія относительно цвѣта кожи у Айновъ, на столько согласны они въ отношеніи роста у нихъ волосъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного описанія Айновъ, какъ кратко бѣгло оно ни было бы, въ которомъ не упоминалось бы о сильномъ развитіи у нихъ волосъ, какъ о самой выдающейся чертѣ ихъ иррегулярности, рѣзко отличающей ихъ отъ остальныхъ сѣверо- и центрально-азиатскихъ народовъ. Въ вѣломъ возрастѣ почти всѣ Айны мужчины имѣютъ густыя брови, иногда сросшіяся на переносѣ, носятъ длинныя бороды и усы; особенно густая и длинная борода придаетъ имъ мужественный видъ и не разъ была поводомъ того что Айновъ сравнивали съ русскимъ мужикомъ, находя между ними большое сходство. Всѣ волосы Айновъ вообще прямые, жесткіе и чешуйчатые, что особенно замѣтно на волосахъ головы, гдѣ они обыкновенно цвѣта ворона крыла, лоснящіеся, съ синеватымъ оттѣнкомъ. Большою частью мужчины подстригаютъ ихъ или брѣютъ на лбу темняи, а на затылкахъ отпускаютъ косами, или подстригаютъ кружокъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ волоса, какъ показавъ Гильбердорфъ, представляются нѣсколько сплюснутыми ²⁾.

¹⁾ Siebold, H. Ethnolog. Studien über die Aino. 1881, p. 9.

²⁾ Впрочемъ г. Амундизъ нашелъ, что волосы Айновъ съ Сахалина имѣютъ поперечномъ разрѣзѣ почти совершенно круглую форму и почти такую же величину, какъ волосы Русскихъ (Амундизъ, стр. 131).

Точно также, какъ Айны рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей по обилію волосъ, они выдѣляются и строеніемъ глазъ, которые обыкновенно бывають расположены совершенно горизонтально. Къ этому можно прибавить еще толстыя губы, прямой, выдающійся, хотя нѣсколько широкой носъ, довольно массивное лицо и узкій лобъ.

Обратимся теперь къ формѣ головы или черепа Айновъ, какъ самому важному признаку для физической характеристики данной расы. До сихъ поръ немного было извѣстно череповъ и еще менѣе сдѣлано было измѣреній на живыхъ. Только въ самое послѣднее время, благодаря нашему извѣстному путешественнику г. Полякову, краіологическая коллекція Академіи Наукъ обогатилась замѣчательною серіей въ 37 айнскихъ череповъ съ острова Сахалина, которую мы, благодаря любезности г. Шренка, могли изучать. Соединяя данныя, добытыя при изученіи этой коллекціи, со всѣми другими доселѣ извѣстными въ литературѣ ¹⁾, мы получимъ слѣдующее распредѣленіе черепныхъ индексовъ (то-есть, отношеній ширины при длинѣ принятой за 100) для 63 Айновъ:

	Мужчинам и женщинам.	Въ процен- тахъ:
ниже 70	1	1,0 %
отъ 70—72	6	9,0 %
„ 72—74	13	20,0 %
„ 74—76	18	28,0 %
„ 76—78	13	20,0 %
„ 78—80	9	14,0 %
„ 80—82	1	1,0 %
„ 82—84	1	1,0 %
выше 84	1	1,0 %

63

Большинство случаевъ приходится, какъ видно, на индексы между 74 и 76 (28,0%). Если мы распредѣлимъ эти индексы по группамъ

¹⁾ Для вышеприведенныхъ табличекъ я воспользовался, кромѣ собственныхъ наблюденій (35), измѣреніями Анучина (3), Дыбоваго (8), Вѣска (1), Дэвиса (4), Вирхова (3), Флоуера (1 Flower Osteological Catalogue p. 120), Дэвица (1), Шеубе (7). При этомъ я не ввѣлъ въ расчетъ 5 измѣреній Дэвица на живыхъ, такъ какъ не имѣлъ его работы въ рукахъ. Что касается измѣреній Шеубе, также сдѣланныхъ на живыхъ, то согласно общепринятому правилу, я вычелъ изъ его индексовъ по 2 единицы для полученія черепнаго индекса.

длинноголовыхъ, среднеголовыхъ и круглоголовыхъ по системѣ Броу (см. выше), то получится слѣдующая табличка

	Длинноголовые		Мезокефалы	Круглоголовые	
	настоящіе	субдолихокефалы		суббрахицефалы	настоящіе
абсол. число	30	18	12	2	1
въ %	47,°/о	28,°/о	19,°/о	3,°/о	1,°/о

Изъ разсмотрѣнія этихъ табличекъ явствуется, что Айны су народъ крайне длинноголовый: въ 63 череповъ 30 или 47,°/о имѣют форму черепа настоящихъ длинноголовыхъ, а вообще долихоцефалог даже 76,°/о, круглоголовыхъ же имѣется лишь самое незначителное число, то-есть, всего 3 черепа изъ 63 или 4,8°/о и такъ какъ чис. данныхъ, на которыхъ основывается этотъ выводъ, достаточно велики то его можно признать за окончательный. Въ этомъ отношеніи, слѣд вательно, какъ и въ отношеніи волосъ, глазъ и языка, Айны рѣз отличаются отъ Гилаковъ, у которыхъ брахицефалия является столько же преобладающею, на сколько у первыхъ преобладаетъ до хцефалия. Такая крайняя удлинненность головы Айновъ показывает между прочимъ, что племя это не имѣетъ ничего общаго съ Монг ламы, и что если и принимать у нихъ присутствіе монгольской пр имѣси, то она должна быть въ самой лишь незначительной степен Во всякомъ случаѣ, не въ черепѣ надо искать проявленій этой пр мѣси, а въ лицевыхъ костяхъ и въ общихъ чертахъ фзисіономі Обратимся поэтому къ разсмотрѣнію Айновъ въ этомъ отношеніи.

Какъ по развитію волосъ, такъ и по строенію лица, Айны сильн выдѣляются изъ ряда инѣйшихъ сѣверо-азиатскихъ народовъ. Однак въ этомъ отношеніи между ними замѣчаются довольно сильныя в ріаціи, и ихъ лица указываютъ на присутствіе различныхъ типов Если разобрать подробнѣе имѣющіяся описанія, то отбросивъ мелк разногласія, можно подмѣтить у Айновъ два совершенно различн типа: одинъ существенно приближается къ европейскому, другой— монгольскому строенію лица. Это подраздѣленіе Айновъ по фзисіо мій лица на два типа встрѣчается уже у де-Рони¹⁾. Одинъ изъ ни съ долихоцефальнымъ²⁾ типомъ головы и слѣдующими характеристич

¹⁾ *De-Rosny*, Congrès des Orientalistes à Paris. 1873.

²⁾ Надо замѣтить, что де-Рони, давая этимъ типамъ названіе долихоцефа льныхъ и брахицефальныхъ, основывается не на измѣреніяхъ, а на общемъ в чатлннн.

кими чертами: высокій, широкій лобъ, горизонтально расположенные, широко открытые глаза, съ густыми, идущими по прямой линіи бровями, носъ около корня и далѣе возвышенный, правильный, иногда аже заостренный, умѣренный, не выдающіися скулы и, ко всему тому, упомянутое выше сильное развитіе волосъ на щекахъ, на подбородкѣ и вокругъ губъ. Другой типъ—брахикефальный, съ низкимъ, ало развитымъ лбомъ, маленькими, нѣсколько суженными глазами, легка восо расположенными, съ толстыми вѣками, съ широкими скулами, толстымъ, но мало выдающимся, иногда даже приплюснутымъ осомъ, широкимъ ртомъ, отвороченными губами, съ далеко не такой устой бородой—какъ у перваго типа.

Подобное раздѣленіе на два типа,—что касается по крайней мѣрѣ лица, по видимому, соотвѣтствуетъ дѣйствительности и указываетъ на о, что къ Айнамъ примѣшанъ какой-то монгольскій элементъ. Но изъ того не слѣдуетъ думать, что первый типъ въ самомъ дѣлѣ близокъ къ авказскому, онъ только, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шренкъ, лишь ольѣ или менѣе приближается къ нему. У большинства грубыя и гловатныя черты лица, толстыя губы и носы, нѣсколько выдающіися кулы, низкіе лбы, плоское темя и особенно виски—все это позволяетъ легко отличить ихъ отъ Европейцевъ. Съ другой стороны, и ризнаки втораго типа никогда не бывають развиты въ такой значительной степени, чтобъ его можно было прямо назвать монгольскимъ: тутъ мы имѣемъ только большее или меньшее приближеніе къ монгольскому типу. Что касается преобладанія того или другаго типа, то несомнѣнно, что приближающійся къ европейскому типу начительно распространеннѣе другаго.

Изъ вышеприведенной характеристики племени Аиновъ видно, то оно чрезвычайно своеобразно. Откуда же это племя взялось, гдѣ лижайшіе его родичи? Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что этотъ интересный вопросъ весьма трудно поддается разрѣшенію, и до сихъ поръ а него отвѣчали самымъ разнообразнымъ образомъ, приходя часто ъ совершенно противоположнымъ результатамъ. Причина этому заключается въ недостаточности матеріала, на которомъ основываются ри рѣшеніи этого вопроса. Правда, само племя Аиновъ (да и то олько въ недавнее время) стало болѣе или менѣе хорошо извѣстно ъ своихъ главныхъ чертахъ; но для рѣшенія задачи о происхожденіи Аиновъ необходимо еще полное знакомство съ антропологіей, собенно доисторической, континента Азии, особенно Китая, а это сть вполне дѣло будущаго. Мы говоримъ: особенно доисторической

антропологін, потому что при изолированности положенія Айновъ ихъ рѣзкомъ отличіи въ физическомъ строеніи отъ всѣхъ сосѣднихъ расъ, намъ кажется, что родичей Айновъ нужно искать не между нынѣ живущими расами, а между самыми древними обитателями Азіи, оставившими свои останки въ почвѣ азіатскаго материка, которыя они, вѣроятно, гдѣ-то сами занимали, будучи затѣмъ вытѣснены на острова теперешнимъ населеніемъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, въ настоящее время приходится довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами, которыя не лишены иногда интереса и правдоподобности. Поэтому рассмотримъ здѣсь наиболѣе солидные изъ нихъ.

Очень распространенное мнѣніе, которое въ большинствѣ случаевъ впрочемъ, не выдается за иное, какъ простое личное мнѣніе, состоитъ въ томъ, что Айны—индо-европейскаго происхожденія. Уже Ла-Перузъ придерживался этого взгляда (*Voyage aut. du monde* p. 88, 114), в самомъ рѣшительномъ образомъ высказавъ и отстаивавъ свое мнѣніе объ индо-европейскомъ происхожденіи Айновъ Бикморъ (*The Ainu or Hairy men of Jesso, Amer. Journ. of Sc.* 1868 p. 8, 9, 21, 24). Онъ говоритъ, что Айны, по чертамъ лица, особенно по горизонтальному разрѣзу своихъ широко раскрытыхъ глазъ, по нѣсколькимъ (?) выдающимся скуламъ и по сильному росту волосъ, не имѣютъ ничего общаго съ окружающими ихъ азіатскими народами, Японцами, Китайцами, Корейцами, Манчжурами, Гиляками и Камчадалами, а напротивъ, напоминаютъ собою „бородатыхъ русскихъ мужиковъ Славянскаго племени“¹⁾. Поэтому онъ смотритъ на нихъ, какъ на „вѣтвь нашей собственной арійской семьи“. Бикморъ полагаетъ, что между тѣмъ какъ одни индо-европейскія племена двинулись съ вышины центральной Азіи, черезъ Иранъ, къ западу, а другія именно Персы и Индусы, къ югу, одна вѣтвь того же племени направилась на востокъ и достигла до острововъ, составляющихъ нынѣшнюю Японію, гдѣ мы въ настоящее время встрѣчаемъ ее подъ именемъ Айновъ.

Это мнѣніе, по видимому, раздѣляется и такими серьезными антропологами, какъ Катрфажъ и Амн²⁾. „Можно“, говорятъ они,—„изъ

¹⁾ Еще Головинъ (*Записки о приключ. въ плѣну у Яп. Сиб.* 1816) и Бринъ (*Изв. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. кн.* XII, Иркутскъ 1864 p. 14) говорили, что Айны, по своимъ чернымъ усамъ и бородѣ, очень похожи на русскихъ крестьянъ.

²⁾ *Quatrefages et Hamy, Crania ethnica* p. 429. Paris 1882.

разсмотрѣнія фотографической коллекціи, изданной въ Японіи, выдѣлитъ совершенно различныя типы. Одинъ изъ этихъ типовъ несомнѣнно монгольскій, съ выдающимися скулами, монгольской складкой глазъ и проч.; другой, напротивъ, представляетъ типъ Московитовъ почти съ такою же ясностью, съ какою онъ проявляется въ центральной Россіи“.

Что касается самаго этого сравненія Айновъ съ русскими крестьянами, то оно не выдерживаетъ критики и основывается на поверхностномъ сходствѣ, едва ли не исключительно на присутствіи бороды. Но такую же бороду, такіе же прямые волосы на головѣ и обиліе на тѣлѣ, такое же горизонтальное положеніе глазъ мы наблюдаемъ и у Австралійцевъ, у которыхъ, кромѣ того, черепъ также долихоцефальный, болѣе походитъ на айнскіе черепа, нежели послѣдніе на русскіе. Известно, что русское населеніе имѣетъ черепъ брахикефалической, тогда какъ у Айновъ мы нашли его въ высокой степени долихоцефаличнымъ, и уже одно это обстоятельство уничтожаетъ всякую возможность сравненія Айновъ съ русскими мужиками, какъ бы бороды тѣхъ и другихъ не были похожи.

Не лучше и то мнѣніе, по которому Айны—семитическаго происхожденія. Англійскій пасторъ въ Гонконгѣ, д-ръ Грей, полагаетъ именно, что они—не болѣе, какъ племя Евреевъ, заброшенное на нынѣшніе Японскіе острова; никакихъ серьезныхъ основаній для этой гипотезы онъ однако не приводитъ.

Подобно тому, какъ одни искали родичей Айновъ на дальнемъ западѣ Стараго свѣта, другіе отыскивали ихъ далеко на востокѣ, въ Новомъ свѣтѣ. Германскій министръ-резидентъ въ Японіи, фонъ-Брандтъ, замѣтилъ, по собственнымъ наблюденіямъ, такое сходство между Айнами и разными Индѣйскими племенами сѣверной Америки, а именно Ютами и Шошонами, что не сомнѣвается въ ихъ племенномъ родствѣ.

Гораздо важнѣе и любопытнѣе взглядъ Вивьена де-Сенъ-Мартена ¹⁾ на происхожденіе Айновъ. Онъ причисляетъ ихъ къ особой расѣ, которую онъ называетъ океанической. По предположенію Вивьена, Великій Азіатскій архипелагъ, отъ Суматры до Целебеса и Филиппинскихъ острововъ, былъ первоначально заселенъ особою расою, занимавшею промежуточное положеніе между желтыми племенами восточной и черными—юго-западной Океаніи. Раса эта—бѣлая, съ чертами,

¹⁾ L'année géographique, IX-e et X-e année (1870—1871). Paris 1872 p. 93—97.

почти, если не совершенно, кавказскими, съ волосами черными, гладкими, густыми, обильно растущими какъ на головѣ, такъ на лицѣ и по тѣлу, съ носомъ прямымъ или слегка орлинымъ, съ глазами совершенно европейскими, съ обликомъ лица овальнымъ. Эти характеристическія черты мы встрѣчаемъ въ настоящее время у всѣхъ племенъ, населяющихъ внутреннія части большихъ острововъ архипелага—у Баттовъ Суматры, у Далковъ Борнео, у Тагаловъ Люцона, у Визавъ Минданао, и т. д.: фактъ, доказывающій очевидно общность ихъ происхожденія. Что касается собственно Малайской расы; такъ-сказать, наслоенной въ настоящее время на первичныя племена Великаго архипелага, то, по мнѣнію Вивьена, это—раса смѣшанная, образовавшаяся уже въ древнія времена, отъ смѣшенія желтыхъ племенъ восточной Азіи съ Океаническою расою, первоначально населявшею архипелагъ.

Существованіе этой особой, Океанической расы, отличной отъ Малайской, было замѣчено уже давно, на большихъ восточно-азиатскихъ островахъ: Юнгуль ¹⁾ и въ повѣйшее время Катрфажъ и Ами ²⁾ отличаютъ ее на основаніи краниологическихъ данныхъ (длинноголовость, отсутствіе прогнатизма и проч.) отъ сосѣднихъ расъ, и послѣдніе даютъ ей даже особое названіе—Индонезійской расы. Однако, Вивьенъ впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что она вовсе не ограничивается этими островами, а разошлась отсюда и дальше, двумя вѣтвями: одна вѣтвь распространилась на сѣверъ, по всѣмъ островамъ, окаймляющимъ восточный берегъ Азіи отъ Формозы до Камчатки, а другая пошла на востокъ, по всѣмъ, заключеннымъ между тропиками, архипелагамъ Великаго Океана, откуда она доходитъ на юго-востокъ до Новой Зеландіи.

Первый фактъ, именно распространеніе первичной расы Великаго Азіатскаго архипелага по всѣмъ восточнымъ островамъ азіатскаго материка (отдѣльныя группы ея существуютъ также и на нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ самаго материка, какъ напримѣръ, племя Мои въ горахъ Кокхинины), подтверждается существованіемъ на всѣхъ этихъ островахъ, на Формозѣ, на Гайнанѣ, на островахъ Ликейскихъ, на островѣ Ниппонѣ и другихъ Японскихъ, на Иессо и островахъ Курильскихъ (Айны) первобытнаго населенія, имѣющаго черты и сложеніе такія же, какъ у внутреннихъ племенъ Суматры, Борнео и

¹⁾ *Junghuhn*, Die Battaländer auf Sumatra 6^e, Berlin 1847 т. II стр. 6—7.

²⁾ *Quatrefages et Hamy*, Crania ethnica 4^e. Paris 1882 p. 454.

Филиппинскихъ острововъ, то-есть, представляющаго явственное сходство съ европейскими націями. На островахъ Ликейскихъ и въ Японіи, тамъ, гдѣ нѣтъ примѣси китайской крови, кавказская физіономія является даже поразительною, въ особенности вслѣдствіе ея контраста съ монгольской физіономіей континентальныхъ народовъ восточной Азіи. На островѣ Іессо и въ южной части острова Сахалина туземцы, го-есть, Айны, какъ мы видѣли, обратили на себя вниманіе развитіемъ бороды и волосатостью тѣла. Но эта же особенность, образующая такой контрастъ съ отсутствіемъ или слабымъ ростомъ бороды у Маньчжуровъ, Китайцевъ и другихъ восточныхъ народовъ, констатирована также неоднократно у Даяковъ и родственныхъ имъ племенъ Великаго архипелага.

Распространеніе первобытной бѣлой расы азіатскихъ острововъ къ востоку по всѣмъ архипелагамъ Полинезіи кажется Вивьену фактомъ не менѣе очевиднымъ. Онъ указываетъ по этому поводу на свидѣтельство многихъ путешественниковъ, описывающихъ болѣе чистыя племена островитянъ, какъ поражающія красотой своего лица, пропорціональностью своего сложенія, вышиною роста, длиною черныхъ, гладкихъ или волнистыхъ волосъ, сопровождаемыхъ часто великолѣпною бородою. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ здѣсь племена, приближающіяся по своему физическому типу къ племенамъ Кавказской расы. Съ другой стороны, такъ какъ извѣстно, что языкъ Полинезійцевъ, по своему грамматическому строю родственъ языкамъ малайскимъ, между тѣмъ какъ физическій типъ островитянъ отличенъ отъ малайскаго, то необходимо допустить, что они ведутъ свое происхожденіе отъ первобытнаго населенія Великаго архипелага, смѣшанную вѣтвь котораго представляютъ сами Малайцы. Короче сказать, по мнѣнію Вивьена, всѣ извѣстные по сию пору этнографическіе факты указываютъ на существованіе—до сихъ поръ оставшейся незамѣченной—великой первобытной расы, первоначальное мѣсто обитанія которой составляли, по видимому, острова Азіатскаго архипелага, гдѣ она еще и по настоящее время имѣетъ своихъ неизмѣнныхъ представителей. Эта раса представляетъ два главнѣйшія развитленія: одно, направившееся къ сѣверу, черезъ Формозу и Японію, до Іессо и Курильскихъ острововъ (сюда и принадлежатъ Айны), и другое—распространившееся на востокъ и заселившее всѣ архипелаги Полинезіи. Характеристическая черта этой расы та, что она встрѣчается только на островахъ; въ этомъ отношеніи ее по справедливости можно назвать Океаническою.

Такова теорія Вивьена де-Сенъ-Мартена. Но какъ бы она ни была остроумна и хорошо обставлена доводами, ее нельзя признать вполне убѣдительною. Правда, въ послѣднее время она нашла себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ краниологическихъ изслѣдованіяхъ Катрфажа и Ами, которые нашли въ Индонезіи особую, отличную отъ Малайской расу, характеризующуюся длинноголовостью и нѣкоторымъ приближеніемъ къ европейскому строенію черепа; но, во первыхъ, распространеніе ея только отчасти согласуется съ теоріей Вивьена. Такъ, на востокъ вышеупомянутые ученые могли прослѣдить ее до Полинезій, на сѣверъ же не далѣе Юннана. Повторныхъ сходство Индонезійцевъ Индійскаго архипелага, на примѣръ, Баттаковъ, съ Айнами на столько проблематично, что устанавливать происхожденіе первыхъ отъ вторыхъ или общность ихъ происхожденія едва ли возможно.

Гораздо большее сходство замѣчается между Айнами и типичными Австраліяцами. Не говоря уже объ общей для нихъ долихоцефалии, мы замѣчаемъ у обѣихъ расъ одинаковое обиліе прямыхъ, черныхъ волосъ на головѣ, на тѣлѣ и особенно на лицѣ, толстыя губы, нависшія надъ глазами брови и глабеллу (надпереносицу), придающія обѣимъ сходственное выраженіе лица, нѣсколько выдающіяся скулы и довольно массивное, грубоватое строеніе лица. Не смотря на кажущуюся невѣроятность сближенія двухъ столь далеко другъ отъ друга отстоящихъ народностей, это мнѣніе, кажется, заслуживающимъ вниманія не меньше остальныхъ предположеній. Нашли же такіе авторитеты въ наукѣ, какъ Гэксли и Ами, возможнымъ произвести часть древняго населенія Европы отъ Австралійцевъ, слѣды которыхъ они находятъ въ промежуточныхъ странахъ, какъ на примѣръ, въ Индіи; недалеко отсюда до допущенія, что одна вѣтвь этого первобытнаго населенія южной Азіи отправилась на сѣверъ, занимая не заселенныя мѣста, и здѣсь въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ видоизмѣнилась подъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ условій, потеряла свой черный цвѣтъ кожи, смягчила свои признаки первобытной расы, характеризующія Австралійцевъ (прогнатизмъ и др.), оставивъ безъ измѣненія длинноголовость и обиліе волосъ. Конечно, это предположеніе можно будетъ считать доказаннымъ лишь тогда только, когда по пути слѣдованія этой вѣтви на сѣверъ найдены будутъ слѣды ея въ видѣ череповъ, похожихъ на австралійскіе или составляющихъ переходъ отъ нихъ къ айскимъ.

Остается выяснить мнѣніе самого автора разбираемаго нами сочиненія относительно происхожденія Айновъ.

На сѣверо-востокѣ Азіи есть цѣлый рядъ такихъ народовъ, которые по языку стоятъ совершенно особнякомъ; таковы Гиляки, Айны, Ительмены или Камчадалы, Коряки, Чукчи, Юбагиры, Енисейскіе Остяки и почти исчезнувшіе или отатарившіеся Котты, Арины и Ассаны. Совершенно подобные же народы, стоящіе особнякомъ по языку, встрѣчаются и въ другихъ частяхъ свѣта: въ Европѣ или вообще на западѣ стараго свѣта, напримѣръ, нѣкоторые Кавказскія племена, Баски и вымершіе нынѣ Гуанчи, въ Америкѣ—Алеуты, Тлинкиты и т. д. Въ географическомъ отношеніи, съ перваго взгляда бросается въ глаза то обстоятельство, что почти всѣ подобные народы живутъ по краямъ или окружности материковъ, на выступающихъ изъ нихъ полуостровахъ или на окружающихъ ихъ островахъ. Особенно въ восточной Азіи, берега которой почти всюду имѣютъ такое очертаніе, тянется до крайняго сѣвера непрерывный рядъ изолированныхъ по своему языку народовъ. Таковы именно—оставляя въ сторонѣ нѣсколько подобныхъ народовъ на югѣ Азіи—Гиляки, Айны, Камчадалы, Коряки и Чукчи, Юбагиры, Чуванцы и, вѣроятно, исчезнувшіе нынѣ Омоки и Шелаги. Съ географической точки зрѣнія всѣ подобные народы можно назвать краевыми народами.

Если принять во вниманіе изолированность языка подобныхъ народовъ, размѣщеніе ихъ по краямъ материковъ или вообще обширныхъ географическихъ или этнографическихъ областей, небольшое распространеніе, наконецъ, малую и постоянно уменьшающуюся ихъ численность, то невольно возникаетъ мысль, что это—лишь остатки нѣкогда болѣе многочисленныхъ, распространенныхъ и развѣтвленныхъ племенъ, такъ-сказать, выходы пластовъ болѣе древней этнографической формации, надъ которою, вслѣдствіе неоднократно повторявшихся наплывовъ, отложились новыя формации. Такъ какъ прежнее распространеніе и развѣтвленіе этихъ народовъ, безъ сомнѣнія, происходило въ Азіи ближе къ центру материка, то ихъ можно бы съ историко-географической точки зрѣнія соединить въ одну группу, подъ названіемъ палеазиатскихъ или, говоря точнѣе, сѣверныхъ или сѣверовосточныхъ палеазиатскихъ народовъ. Надо полагать, что подъ наплывомъ и напоромъ болѣе сильныхъ и живучихъ народовъ, большая часть этихъ древнихъ племенъ была постепенно поглощаема и наконецъ исчезла, и что сохранились лишь немногіе, даже только единичные представители ихъ. Постепенное вытѣсненіе сѣверныхъ палеазиат-

скихъ народовъ другими, финскими или урало-алтайскими, тюрко-татарскими, монгольскими и тунгусскими племенами; вѣроятно, началось въ весьма отдаленныя времена и продолжалось долго, происходя то медленнымъ, то временно ускореннымъ образомъ. Нѣкоторыя волны этихъ движеній видны и въ историческія времена, ниня проявляются даже въ недавнемъ прошломъ. Такъ, въ XIV столѣтіи произошло движеніе Вуратовъ къ Байкальскому озеру, Якутовъ внизъ по долинѣ Лены и Тунгусовъ на западъ, къ Енисею и на востокъ. На востокъ тунгусскія племена Ороки и Ламути волной наплы на Палазіатовъ, первые на Айновъ, вторые на Коряковъ и Камчадаловъ, все болѣе и болѣе оттѣсня ихъ къ краю материка. Но на Тунгусовъ, въ свою очередь, напираетъ съ запада другая волна—Якуты, движеніе которыхъ изъ долины Лены на востокъ продолжается донынѣ также, какъ шло въ прежнія столѣтія и, по свидѣтельству многихъ, распространяется все глубже и глубже въ область Тунгусовъ.

И такъ, по мнѣнію г. Шренка, Айны являются представителями древнихъ обитателей сѣвера Азии—Палазіатовъ; онъ, впрочемъ, оговаривается (стр. 255), что причисляемые имъ сюда народы не связаны племеннымъ сродствомъ, то-есть, иными словами, что и древніе Палазіаты уже состояли изъ нѣсколькихъ расъ: одна изъ нихъ и составляла племя Айновъ.

IV.

Тунгусы.

За исключеніемъ Гиляковъ и Айновъ, всѣ остальные племена, населяющія подъ разными названіями Амурскій край, суть ни что иное, какъ развѣтвленія тунгусской расы; на это указываетъ и сходство языка, которымъ говорятъ всѣ эти племена, и сходство ихъ внѣшнихъ, физическихъ признаковъ. Поэтому, прежде чѣмъ коснуться этихъ народовъ, полезно будетъ вкратцѣ охарактеризовать тунгусскую расу вообще; тогда различія, представляемая разными ея племенами, обнаружатся съ большею наглядностью.

Кромѣ собственно Тунгусовъ, населяющихъ Сибирь, къ этой же расѣ причисляются, правда, пока больше на основаніи лингвистическихъ данныхъ, также и Маньчжуры, занимающіе Маньчжурію. Благодаря этому, свѣдѣнія о Тунгусахъ въ широкомъ значеніи слова

относятся къ довольно отдаленному времени. Сами Маньчжуры называютъ своихъ предковъ Ютчи или Ниутчи (Дучеры Русскихъ)—имя, которое встрѣчается въ старинныхъ памятникахъ маньчжурской исторіи¹⁾. По свидѣтельству Маньчжуровъ, это было охотничье племя, жившее къ сѣверу отъ Корейскаго полуострова въ горахъ Shan-Alin или Shagan-Alin (то-есть, Длинная Вѣлая гора), вслѣдствіе чего и можно принять гористую Маньчжурію за родину Тунгусовъ, откуда они разошлись по всей почти Сибири. Ниутчи съ X в. были подчинены царству Лiao (Khitai), но въ 1125 г. сами покорили это царство и съ тѣхъ поръ не переставали распространять свое вліяніе на сосѣднія тунгусскія племена. Въ XIII вѣкѣ еще именовъ Маньчжу называлось лишь одно племя; но въ это время одному изъ вождей этого племени удалось создать изъ разрозненныхъ тунгусскихъ племенъ одно цѣлое и заставить ихъ всѣхъ принять названіе Маньчжу. Образовавшееся такимъ образомъ ханство достигло такого могущества, что въ 1644 г., какъ извѣстно, покорило Китай, гдѣ съ тѣхъ поръ и царствуетъ Маньчжурская династія.

Изъ этого центра, въ которомъ, какъ видно, тунгусская культура достигла извѣстной высоты, такъ какъ Тунгусы являются основателями обширнаго государства, по всѣмъ вѣроятіямъ, и распространилось по Сибири все тунгусское населеніе, которое теперь ее занимаетъ на обширномъ пространствѣ, и къѣ надо думать, это разсѣяніе началось въ очень отдаленное время. Отдѣльными племенами, потерявшими въ лѣсахъ, разсыпанными на обширномъ пространствѣ и оторванными отъ своихъ прародителей, мало по малу одичали, понизились въ культурномъ отношеніи и такимъ образомъ превратились въ тѣхъ дикарей-охотниковъ, какими мы ихъ теперь наблюдаемъ. Но нѣкоторыя особенности ихъ жизни и находимыя въ ихъ странѣ желѣзные предметы (кольчуги), позволяютъ намъ заключить о томъ, что дикарь этотъ нѣкогда обладалъ болѣе высокою культурой. Начиная однако съ перваго съ ними знакомства Русскихъ (Ермака Тимофѣева), мы уже находимъ ихъ въ той же самой степени дикости, въ какой они пребываютъ и до сегодня.

Первыя научныя свѣдѣнія о сибирскихъ Тунгусахъ мы находимъ у Голландцевъ, получившихъ ихъ во время пребыванія въ Москвѣ (Massa 1609, Witsen 1666). Описаніе же по личнымъ наблюденіямъ на-

¹⁾ *Platz*, Geschichte der Mandschurei и *v. Gabelentz*, Geschichte der grossen Liao. S. Petersburg, 1877.

чинается лишь съ Исбранта Идеса ¹⁾ и Бранда ²⁾. снаряженныя при Петрѣ I экспедиціи Мессершмидта ³⁾, большая Камчатская экспедиція ⁴⁾ и особенно экспедиція Палласа и Георги ⁵⁾ въ царствованіе Екатерины II значительно увеличили наше знакомство какъ съ Тунгусами, такъ и вообще съ сибирскими инородцами. Въ XIX столѣтіи особенно выдаются работы Маака ⁶⁾ и Миддендорфа ⁷⁾; кромѣ того, Венюкова ⁸⁾, Свербеева ⁹⁾ и др.; въ недавнее время вышла книжка Гнѣиша ¹⁰⁾, въ которой авторъ собралъ многое, относящееся главнымъ образомъ до этнографіи Тунгусовъ. Изъ собственно краниологическихъ работъ имѣются кромѣ прежнихъ изслѣдованій Блуменбаха ¹¹⁾ и Бара ¹²⁾, работы Велькера ¹³⁾, Прунеръ-Бей и Дэвиса ¹⁴⁾, Вирхова ¹⁵⁾, Малиева ¹⁶⁾, Богданова ¹⁷⁾, Катрфажа и Ами ¹⁸⁾ и Тенъ-Ката ¹⁹⁾.

¹⁾ *Yssbrant Ides. Dreyjährlige Reise nach China. Hamburg. 1698.*

²⁾ *Brand, Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise. Frankfurth. 1697.*

³⁾ *Pallas, Neue nordische Beiträge. Bnd. III, p. 109 и др.*

⁴⁾ *Fischer, Sibirische Geschichte. S. Petersburg. 1768 и его же: Der allerneueste Staat von Sibirien... Nürnberg. 1720.*

⁵⁾ *Георги, Описание всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. С.-Петербургъ. 1799.*

⁶⁾ *Маакъ, Путешествіе на Амуръ. С.-Петербургъ. 1859.*

⁷⁾ *Миддендорфъ, Путешествіе по Сибири. С.-Петербургъ.*

⁸⁾ *Венюковъ, Обзорніе рѣки Уссури.—Выстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, ч. XXV, 1859, отдѣлъ II и его же: Путешествіе по окраинамъ Русской Азіи. С.-Петербургъ. 1868.*

⁹⁾ *Свербеевъ, Описание плаванія по рѣкѣ Амуру, эконед. ген.-губ. Вост. Сиб.—Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., кн. III. Сиб. 1857. См. также Герстфельдъ, О прибор. жителей Амура.—Выстн. Импер. Русск. Геогр. Общ. ч. XX, 1857. Отд. II и работы Бюородскаго, Паршина, Сарычева, Мордвинова и др.*

¹⁰⁾ *Hickisch. Die Tungusen. Eine ethnologische Monographie. 8°. Dorpat. 1882. 2-е изд.*

¹¹⁾ *Blumenbach. Decas tertia coll. suae cran. Göttingae. 1795.*

¹²⁾ *Baer. Nachrichten über die Ethnogr.-craniol. Samml. d. K. Akad. d. Wiss. zu St. Petersburg. Bull. de la cl. phys.-mathem. de l'Acad. Imp. v. XVII. 1859 г.*

¹³⁾ *Welcker, Krianiologische Mittheilungen. Arch. f. Anthropologie Bnd. I, 1866.*

¹⁴⁾ *Pruener-Bey, Bullet. d. l. Soc. Anthropol. de Paris. 2-е Ser. t. II, Davis, Mem. read bef. the Anthropol. Soc. vol. III. и Thesaurus craniorum Supplement p. 36.*

¹⁵⁾ *Virchow. Zeitschrift für Ethnologie etc. Berlin. Bnd. V. 1873. (4 Гольда)*

¹⁶⁾ *Малиевъ, Н. Матеріалы для антропологии восточнаго края Россіи. Труды Казанскаго Общ. естествоиспытателей. т. IV. Казань. 1874.*

¹⁷⁾ *Богдановъ, Черепа сибирскихъ инородцевъ. Антропол. выставка въ Москвѣ, т. II. Москва. 1879.*

¹⁸⁾ *Qatrefage et Hamy, Crania ethnica. 4°. Paris. 1882.*

¹⁹⁾ *Ten Kate, Zur Craniologie der Mongolen. 8°. Berlin. 1882.*

Территорія, занимаемая Тунгусами, чрезвычайно обширна. Она простирается отъ сѣверо-восточныхъ горъ, окаймляющихъ центральную-азиатскую плоскую возвышенность, вплоть до береговъ Ледовитаго океана. На западѣ границу ихъ распространенія составляетъ Енисей, хотя мѣстами, въ среднемъ его теченіи, Тунгусы перешли и на лѣвый берегъ рѣки; на востокъ они доходятъ до Охотскаго моря, занимая почти сплошь Амурскую область и отчасти, подъ именемъ Ороковъ, островъ Сахалинъ. На этомъ обширномъ пространствѣ они сталкиваются на западѣ съ Самоѣдами и Остяками, на югѣ съ Татарскими племенами, Вурятами, Китайцами, на востокѣ съ Коряками и Чукчами, а обширная центральная область по среднему и нижнему теченію Лены занята Якутами, перемѣшанными однако съ Тунгусами.

Не смотря на такое широкое распространеніе Тунгусовъ, численность ихъ, за исключеніемъ Маньчжуровъ, очень незначительна. Прежніе путешественники насчитывали въ среднемъ всего около 60,000 собственно сибирскихъ Тунгусовъ, что совпадаетъ и съ болѣе новыми показаніями, по которымъ численность ихъ опредѣляется въ 64,000 ч. ¹⁾

Любопытно, что при этомъ женщинъ насчитывается значительно менѣе, нежели мужчинъ: фактъ довольно распространенный у низшихъ расъ. Если принять во вниманіе тѣ невыгодныя условія, въ которыхъ женщина поставлена у дикаря, обремененіе ея работой, которую она не оставляетъ даже въ періодъ беременности, то такое непропорціональное отношеніе половъ сдѣлается намъ понятнымъ.

Сами себя Тунгусы называютъ воје, что значитъ „человѣкъ“. Подобное же происхожденіе названія народа мы видѣли у Айновъ (айну, куръ—человѣкъ) и у Гиляковъ (инбахъ—человѣкъ). Названіе же Тунгусовъ дано имъ Татарами. Объясненіе этого названія очень различно. По Клапроту, это названіе встрѣчается еще до Р. Х. у Китайцевъ, называвшихъ ихъ Tung-shu. Другіе производятъ это слово отъ якуско-татарскаго слова tongus, что значитъ—свинья; Тунгусы приносили это животное, считаемое Татарами нечистымъ, въ жертву своимъ богамъ, и послѣдніе въ насмѣшку назвали именемъ этого животнаго Тунгускій народъ. Какое изъ этихъ мнѣній справедливо—трудно рѣшить.

Что касается физическаго строенія сибирскихъ Тунгусовъ, то оно можетъ быть характеризовано слѣдующимъ образомъ: они средняго или даже малаго роста, съ сравнительно довольно большою головою,

¹⁾ Ethnographie Russlands. Petermanns Mittheilungen. Ergänzungsheft 1878 г. № 54, стр. 20.

широкими плечами, немного короткими конечностями и маленькими руками и ногами. Какъ всё сѣверные кочевники, они по тѣлосложенію худощавы, сухи, мускулисты, жилисты; тучныхъ между ними не бываетъ; цвѣтъ кожи у нихъ болѣе или менѣе желтовато-бурый. глаза каріе, волосы черные, прямые, толстые и густые; борода, усы баки очень рѣдкіе и короткіе; брови обыкновенно рѣзко очерчены и иногда сильно дугообразно-приподняты къ верху. Голова и лицо несомнѣнно-монгольскаго типа, хотя и не особенно выдаются въ этомъ отношеніи. Лицо обыкновенно нѣсколько вытянуто въ длину, широко въ щекахъ и суживается по направленію ко лбу; скулы выступаютъ впередъ, хотя и не такъ сильно какъ у настоящихъ Монголовъ. Глазницы большія, глаза узкіе, съ космимъ разрѣзомъ; промежутокъ между ними широкій. Носъ около корня широкій, плоскій, часто нѣсколько вдавленный, дальше къ низу слегка выпуклый, небольшой и тонкій. Губы тонкія, верхняя губа довольно длинная; подбородокъ округлый, челюсти слегка prognathны. Обыкновенное выраженіе лица—добродушное, лѣнивое, безпечное.

Обыкновенно Тунгусовъ раздѣляютъ на сѣверныхъ или сибирскихъ и на южныхъ или маньчжурскихъ. Это дѣлается однако только на основаніи языка; на сколько такое дѣленіе оправдывается также различіемъ въ строеніи—это можно будетъ рѣшить лишь тогда, когда мы будемъ имѣть больше матеріала, чѣмъ имѣется до сихъ поръ.

Изъ племенъ тунгусской народности, заселяющихъ Амурскій край г. Шренкъ различаетъ, опять-таки на основаніи различій въ языкѣ 1) Ороковъ, 2) Ольчей, 3) Негидальцевъ, 4) Самагирцевъ, 5) Килей 6) Гольдовъ, 7) Орочей, 8) Орочонъ, 9) Манегирцевъ, 10) Вираровъ 11) Дауровъ, 12) Солонувъ, 13) Маньчжуровъ.

Разсмотримъ вкратцѣ мѣстообитаніе и отличительныя особенности въ физическомъ строеніи, правда очень неопредѣленныя, свойственныя каждому изъ этихъ племенъ.

1. Ороки живутъ на Сахалинѣ; это—народъ полукочевой, и по стоянныя мѣстообитаній у него почти нѣтъ, поэтому онъ является разбросаннымъ среди Гиляковъ по преимуществу въ сѣверной и средней части острова; дальше къ югу отъ устья Пороная они не встрѣчаются. У Ороковъ, не смотря на ихъ близость къ Айнамъ и Гилякамъ, г. Шренкъ не могъ замѣтить въ строеніи лица или въ тѣлосложеніи ничего такого, чѣмъ они отличались бы отъ амурскихъ Ольчей и то же самое подтверждаетъ Шмидтъ (Beitr. z. Kenntn. des Russ. Reich., XXV, p. 121). Точно также и по языку обѣ народности предъ

ставляют большое сходство, такъ что можно предположить, что Ороки составляютъ только вѣтвь Ольчей, переселившурся на Сахалинъ, тѣмъ болѣе, что сами Ороки сознаютъ свое родство съ Ольчами.

2. Ольчи живутъ по нижнему Амуру между Гиляками на сѣверѣ, Ямагирцами на востокѣ и Гольдами и Ороками на югѣ; самое сѣверное ихъ селеніе на Амурѣ—Тенча (Вогородское) и Ухтръ, самое южное—Ади и Кульгу; они занимаются почти исключительно рыболовствомъ, какъ и Гольды. Названіе Ольчей такого же происхожденія, какъ и Орочей, которые, какъ мы видѣли, составляютъ лишь вѣтвь Ольчей, недавно переселившурся на Сахалинъ. Сходство этихъ названій выяснится, если принять во вниманіе частое смѣшеніе Тунгусами звуковъ р и л; названіе Ольча можно поэтому считать однозвучнымъ съ названіемъ Орча или Ороча. Это названіе любопытно въ томъ отношеніи, что оно можетъ дать намъ нѣкоторыя указанія относительно доисторической судьбы и прежняго быта этихъ народностей. Въ самомъ дѣлѣ, этимологія названій разныхъ тунгусскихъ племенъ (Ольча-Орча, Ороки, Ороchonы, Орочи) одинакова, и вездѣ повторяется логъ ор. Слово же оро или орончъ на тунгусскомъ языкѣ значитъ лень, и преимущественно домашній. Поэтому всѣ вышеупомянутыя названія означаютъ „Оленный народъ“ или „оленеводы“. Хотя въ астоящее время подобное названіе примѣнимо лишь къ двумъ амурскимъ народамъ, къ Ороchonамъ на крайнемъ западѣ этого края и къ Орокамъ на крайнемъ его востокѣ, однако уже тотъ фактъ, что по удѣлѣло и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ, служитъ доказательствомъ, что эти племена когда-то также кочевали съ оленями и лишь послѣ потери своихъ оленей, поселившись на Амурѣ и на морскомъ берегу, сдѣлались рыболовами. На основаніи этой этимологіи можно считать болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Ольчи, въ былыя времена, кочевали съ оленями въ горахъ, расположенныхъ къ западу, подобно тому, какъ одинъ родъ ихъ, Ороки, и доннѣ кочуетъ на Сахалинѣ. То же самое повторялось, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, со многими другими тунгусскими племенами Сибири. Въ физическомъ строеніи Ольчей обнаруживается вообще типъ эрвоначально тунгусскій, но существенно измѣненный во многихъ отношеніяхъ вслѣдствіе примѣси къ нему постороннихъ элементовъ. ни по своей вѣншности близко подходятъ къ Гилякамъ, и нѣкоторымъ образомъ занимаютъ среднее мѣсто между ними и Тунгусами.

Шренкъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ даже, что ихъ нѣтъ возможно-часть соххху, отд. 2.

сти отличить отъ Гиляковъ. Они обыкновенно болѣе плотнаго и массивнаго тѣлосложенія, чѣмъ послѣдніе, съ болѣе грубыми чертами лица, мало выдающимися скулами, менѣе косымъ разрѣвомъ глазъ и болѣе густою бородою. Разумѣется, между ними есть также и лица съ чисто тунгусскимъ типомъ—съ широкими скулами, плоскимъ носомъ, косымъ разрѣвомъ глазъ и безъ бороды.

3. Негидальцы (Нейдальцы) живутъ въ бассейнѣ рѣки Амгуни, самомъ сѣверномъ притока Амура, впадающемъ съ лѣвой стороны близъ его устья; они граничатъ на сѣверѣ съ оленными Тунгусами, на западѣ съ Гиляками и на югѣ съ Самагирцами и Килими. Въ физическомъ отношеніи они схожи съ Ольчами и какъ и послѣдніе рядомъ съ чисто тунгусскими фizioноміями, представляютъ по временамъ типы, въ которыхъ нельзя не признать гиляцкихъ чертъ.

4. Самагирцы занимаютъ бассейнъ рѣки Горина (лѣвый притокъ Амура) и тянутся на сѣверо-востокъ вдоль лѣваго берега Амура (не доходя впрочемъ до самого берега) вплоть до области, занимаемой Гиляками. Самагирцы имѣютъ въ физическомъ отношеніи наиболѣе сродства съ Гольдами, съ которыми они находятся въ частыхъ сношеніяхъ; по тѣлосложенію и строенію лица они стоятъ гораздо дальше отъ Гиляковъ, нежели Ольчи.

5. Кили живутъ на рѣкѣ Курѣ, третьемъ лѣвомъ притока Амура. „Ни объ одномъ изъ инородческихъ амурскихъ племенъ“, говоритъ Шренкъ, „не имѣется до такой степени скудныхъ свѣдѣній, какъ о Килияхъ“.

6. Гольды. На сколько область, занимаемая Ольчами мала, не столько, напротивъ, обширна территория ихъ южныхъ сосѣдей—Гольдовъ. Эти послѣдніе занимаютъ побережье Амура отъ южныхъ границъ Ольчей до Сунгаря, праваго притока Амура, и кромя того, они встрѣчаются и по всему теченію Усури. У Гольдовъ тунгусскій типъ обнаруживается вообще сравнительно чисто и сильно, и типичны: тунгусскія фizioноміи встрѣчаются очень часто. Однако, рядомъ съ этими лицами столь же часто встрѣчаются другія, въ которыхъ ширина скулъ меньше, глаза расположены менѣе косо, носъ выше, выпуклѣе, мясистѣе, губы толще, но бороды, какъ и въ первомъ случаѣ, все-таки нѣтъ, или, если она имѣется, то лишь въ видѣ рѣдѣнькихъ усомъ и такой же бородки. Второй типъ подходит нѣсколько къ маньчжурскому, тогда какъ первый приближается къ сѣвернымъ Тунгусамъ; Гольды, такимъ образомъ, занимаютъ какъ б

реднее мѣсто между сѣверными Тунгусами и Маньчжурами. Нзрѣдка стрѣчаются между ними также черты, напоминающія Гиляковъ.

7. Орочи живутъ по берегу моря къ югу отъ Ольчей и простираются далеко на югъ до р. Суйфунъ, впадающей въ Амурскій заливъ. Здѣсь они приходятъ въ соприкосновеніе съ Китайцами (Манями), вслѣдствіе чего чистота ихъ типа значительно утратилась; жнхъ Орочей даже называютъ особымъ именемъ — Тавани. Особенно неопредѣленна западная граница, гдѣ они граничатъ съ Гольями. Орочи большею частью бродячіе охотники и только при случаѣ занимаются рыболовствомъ. Что касается ихъ физическаго строенія, то о нихъ можно напередъ сказать, что они должны имѣть въ различныхъ частяхъ обширнаго, заселяемаго ими пространства весьма различное строеніе лица и тѣлосложеніе. Причина тому та, что въ сѣверной части, въ дебряхъ береговыхъ горъ и на негостепримномъ орскомъ берегу, они почти совершенно изолированы и лишь нзрѣдка стрѣчаются съ своими сосѣдями по правымъ притокамъ Амура ольдами и Ольчами, или же съ приходящими къ нимъ иногда въ заливъ де-Кастри Гиляками; въ южной же части, напротивъ, они еремѣшаны съ многочисленными Китайцами, постоянно живущими между ними и пользующимися ихъ женами и дочерьми. Орочи среднего роста, скорѣе малаго, чѣмъ большого, около 4-хъ футовъ и 9 или 10 дюймовъ (1448—1473 милл.) женщины даже рѣшительно малаго роста; тѣлосложенія они слабаго, тонкаго, голова у нихъ равнительно велика, конечности малы. Цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у Айновъ, на покрытыхъ одеждою частяхъ тѣла даже почти бѣлый, или (по Ла-Перузу) оливковый, какъ бы налакированный отъ вѣдствія жира и дыма. По г. Шренку, цвѣтъ лица буровато-желтый. Волосы у нихъ длинны, но не такъ густы, какъ у Айновъ, черны или буры; бороды и усы почти вовсе нѣтъ, брови мало замѣтны. Лицо плоско и почти четырехугольно, лобъ малъ, узокъ, округленъ, отступаетъ нѣсколько назадъ; скулы широки и значительно выступаютъ; глаза маленькіе, узкіе, съ косымъ разрѣзомъ; носъ широкъ, малъ, приплюснутъ, у корня чуть замѣтенъ; ротъ большой и толстоушный; подбородокъ мало выдается.

8. Орочоны обитаютъ по верхнему Амуру и по его лѣвымъ и правымъ притокамъ, но къ западу простираются и за предѣлы собственно такъ-называемаго Амурскаго края въ Даурію и за Становой ребетъ, въ систему рѣки Лены, до Олдоя и еще далѣе (Орловъ, Амурскіе Орончоны. Вѣстн. Геогр. Общ. Ч. XXI, 1857, отд. II).

Орочоны малаго, нерѣдко средняго роста; они некрасивы, голова ихъ круглая, лобъ низкій, волосы черные, цвѣтъ лица смуглый; глаза маленькіе, съ косыми разрѣзами, каріе или черные, брови рѣдкія, лицо большое, съ выдающимися скулами; носъ плоскій, борода очень рѣдкая. Вообще они по своимъ физическимъ признакамъ непосредственно примыкаютъ къ русско-сибирскимъ Тунгусамъ и вслѣдствіе своей изолированности и отдаленности отъ Монголовъ, Маньчжуровъ и Китайцевъ сохранили въ значительной степени свою расовую чистоту (Гиллеръ—*Zeitschrift f. Ethnol.* VI, 1874, p. (77)).

9. Манегирцы (Манегры, Молягры) заселяютъ мѣстность по Амуръ отъ рѣки Олдоя (лѣвный притокъ Амуре) до Зен, а также большую часть этой послѣдней съ ея притоками. Они, по показанію г. Маака, большею частью—средняго или даже довольно большаго роста, крѣпкаго и хорошаго тѣлосложенія; по строенію лица можно различать между Манегирцами два типа: у однихъ лицо широкое, чисто монгольское, съ маленькимъ носомъ и выдающимися скулами, чѣмъ выеазывается ихъ сродство съ Орочонами; у другихъ—и такіе попадаются не рѣдко—лицо овальное, черты благороднѣе, скулы весьма пропорціональны, носъ длинный, прямой и немного горбатый, что можно приписать примѣси маньчжурской крови (г. Маакъ) и даурской (г. Шренкъ).

10. Вирары занимаютъ главнымъ образомъ бассейнъ рѣки Бурей а также пространство отъ р. У до Амуре. Они по физическому строенію мало отличны отъ Маньчжуровъ, на которыхъ они во всякомъ случаѣ, благодаря отсутствію сильно развитыхъ скулъ, болѣе походятъ чѣмъ на Орочоновъ (Маакъ, Путеш. на Амуръ, стр. 110).

11. Дауры наиболѣе густо заселяютъ область по рѣкѣ Нонни и нѣкоторымъ изъ ея притоковъ, но вообще они живутъ очень разбросанно, такъ что трудно опредѣлить ихъ настоящія границы. Уже старинные миссіонеры восхваляли ихъ высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе. Въ строеніи же лица у нихъ замѣчается много разнообразія, такъ какъ они въ теченіе времени не мало смѣшивались съ Маньчжурами, Китайцами и съ своими южными и юго-западными сосѣдями, Монголами. Вслѣдствіе того между ними попадаются совершенно различныя лица: — то съ грубыми, какъ у Монголовъ, тѣ съ положительно тонкими чертами, иногда съ почти четырехугольною, монгольской формою и т. д., но всегда съ косымъ разрѣзомъ глазъ и жидкою бородою.

12. Солонны. Много Солонцовъ состоятъ въ качествѣ чиновны

ровъ или солдатъ на службѣ китайскаго правительства и попадаютъ сюда, гдѣ только находятся китайскія войска или правительственныя учрежденія. Что же касается до не состоящихъ на службѣ Союзовъ, занимающихся свободными промыслами, земледѣіемъ, скотоводствомъ, охотой или торговлей и платящихъ нашему правительству подать, то въ этомъ отношеніи всѣ показанія согласны, что они живутъ по рѣкѣ Нонни; но гдѣ именно живутъ, и какъ далеко простираются по ней, едва ли возможно опредѣлить по имѣющимся даннымъ.

Таковы тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя имѣются объ этихъ народахъ; они, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могутъ удовлетворить антрополога, такъ какъ основываются исключительно на субъективныхъ впечатлѣніяхъ, а не на точныхъ измѣреніяхъ, которыя одни позволяютъ установить на твердой почвѣ соотношенія разныхъ этихъ племенъ. Г. Шренкъ попытался сгруппировать ихъ на основаніи языка, пришелъ къ слѣдующей ихъ группировкѣ: 1) Дауры и Солонны—унгусскія племена съ сильною монгольской примѣсью; 2) Маньчурцы, Гольды, Орочи; 3) Ороchonы, Манегирцы, Бирары, Или (на Курѣ); 4) Ольчи, Ороки, Негидальцы, Самагирцы. Въ первыхъ группахъ составляютъ южную или маньчжурскую вѣтвь унгусскаго племени, двѣ другія обнимаютъ отрасли его сѣверной или сибирской вѣтви, простирающейся до Енисея, Ледовитаго моря и Амнатки.

Но, такая классификація можетъ развѣ удовлетворить лингвиста, о никакъ не антрополога, потому, что она классифицируетъ не народы и племена, а языки; поэтому вездѣ, гдѣ у г. Шренка стоятъ слова: раса, племя, слѣдовало бы замѣнить ихъ словомъ: языкъ. Не рочи и Гольды ближе сродственны Маньчжурамъ, нежели другимъ племенамъ, а ихъ языки. Въ какомъ же отношеніи стоятъ сами народы, ихъ физическое строеніе—объ этомъ мы пока ничего почти не знаемъ и ничего положительнаго утверждать не можемъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, классификація антропологическая не будетъ совпадать съ лингвистическою, и тѣ границы, которыя мы находимъ обозначенными на картѣ г. Шренка, мѣстами сольются, мѣстами обозначатся новыми. Самъ авторъ приходитъ впрочемъ къ тому выводу, что группировка народовъ, основанная на физическихъ свойствахъ, „въ некоторыхъ случаяхъ расходится“ съ тою, которая имъ принята за основу, то-есть, съ лингвистическою. Самая карта, приложенная къ труду Шренка, и подсылающая распредѣленіе разныхъ Орочей, Ороchonъ,

Манегирцевъ и Негидальцевъ, есть, по нашему мнѣнію, не столько антропологическая, сколько лингвистическая карта, показывающая распредѣленіе разныхъ нарѣчій тунгусскаго языка. Не въ упрекъ конечно, автору дѣлаемъ мы это замѣчаніе, такъ какъ подобныя изслѣдованія нарѣчій и ихъ распредѣленій не менѣе важны, чѣмъ всякія другія; наша цѣль—обратить вниманіе на ту разницу, которая существуетъ между лингвистическимъ направленіемъ и чисто-антропологическимъ и въ то же время выяснитъ тѣ задачи, которыя представляются теперь антропологу съ біологическимъ направленіемъ, желаящему подвинуть впередъ изученіе антропологии Амурскаго края вообще Восточной Сибири. Прежде всего надо выяснитъ, на основаніи точныхъ измѣреній значительнаго количества живыхъ субъектовъ физическій типъ тунгусской расы вообще; затѣмъ, нѣтъ этотъ типъ для сравненія, приступить къ выясненію значенія всѣхъ этихъ названій Ороchonъ, Манегирцевъ, Негидальцевъ и т. д. И къ этому слѣдуетъ приступить не съ предвзятою цѣлью о самостоятельности обособленности группъ, носящихъ эти названія, въ антропологическомъ отношеніи, какъ бы они ни были обособлены и рѣзко вычлены въ лингвистическомъ отношеніи, а поставить себѣ вопросъ: существуютъ ли въ самомъ дѣлѣ такія анатомическія или морфологическія основы, которыя оправдываютъ вышеприведенную классификацію, или антропологическая классификація здѣсь расходится и въ такомъ случаѣ насколько она расходится отъ лингвистической. Когда относительно каждаго племени будетъ собрано около сотни или больше подробно и точно измѣренныхъ представителей каждаго племени и изучено соответственное количество ихъ череповъ, тогда рѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ вполне достижимо.

Въ виду этого является крайне желательнымъ снаряженіе экспедиціи съ спеціальною цѣлью антропологическаго изслѣдованія инородцевъ Восточной Сибири, и въ виду вымиранія и быстрого сибшеніа племенъ между собою, нельзя не пожелать, чтобы такая экспедиція осуществилась въ возможно скорѣйшемъ времени. Недалеко то время когда уже будетъ поздно. „О быстромъ исчезновеніи самобытности этихъ народовъ“, говоритъ г. Шренкъ, — „несомнѣнно уже свидѣлствуютъ показанія бывшихъ послѣ меня въ Амурскомъ краѣ путешественниковъ. За исключеніемъ сравнительно небольшой полосы теченію Амура, между устьями рѣкъ Зен и Бурен, съ китайскимъ городомъ и маньчжуро-китайскими селеніями, да двухъ-трехъ только что заложенныхъ русскихъ военныхъ постовъ, весь Амурск

край въ 50-хъ годахъ, когда я съ нимъ познакомился, имѣлъ видъ еще вовсе не тронутой страны, гдѣ туземцы-рыболовы и охотники безмятежно занимались своими промыслами. Теперь же по всему Амуру и Усури, чрезъ каждыя 20—30 верстъ, можно встрѣтить то почтовыя станціи, то поселенія казаковъ или вольныхъ колонистовъ; на главной рѣкѣ заложены или построены города, на морскомъ берегу—гавани; пароходы снуютъ по Амуру, и даже телеграфная проволока пересѣкаетъ прежнюю пустыню“. Все это очень утѣшительно для русскаго гражданина, но мало утѣшительно для русскаго антрополога. А что будетъ глѣзъ черезъ десять или двадцать?

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу крайне важнаго вопроса — о преимуществѣ языка или физическихъ признаковъ въ дѣлѣ классификаціи народовъ и установленія ихъ сродства. Академикъ Шренкъ горячо защищаетъ преимущество языка и нерѣдко руководствуется излюбленнымъ имъ методомъ въ своемъ почтенномъ трудѣ. Мѣсто не позволяетъ намъ подробно разобрать этотъ вопросъ, но нѣсколько соображеній по этому поводу высказать необходимо.

Человѣкъ проявляется не въ одной виѣшней матеріальной оболочкѣ: онъ проявляется и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, а потому и языкъ, и этнографическія особенности подлежатъ изученію наравнѣ съ его признаками анатомическими и фізіологическими. Вопросъ яшъ въ томъ, какимъ признакамъ дать предпочтеніе, когда хочешь установить разновидности человѣческаго рода, въ видѣ ли расъ, или въ видѣ болѣе мелкихъ группъ, подрасъ, племенъ, родовъ и т. п. Если вопросъ поставленъ такимъ образомъ, то мы этимъ самымъ становимся на общебіологическую почву и должны, слѣдовательно, поступать, какъ поступилъ бы натуралистъ, напримѣръ, зоологъ, изучающій разновидности какого-нибудь животнаго. Если человѣка можно разсматривать съ чисто естественно-исторической точки зрѣнія, то слѣдуетъ пользоваться въ этомъ случаѣ и общебіологическимъ методомъ. Натуралистъ при изученіи сродства различныхъ расъ какого-нибудь животнаго, безъ сомнѣнія, станетъ руководствоваться прежде всего не нравами и обычаями или другими проявленіями психической природы животныхъ, а предпочтетъ чисто-анатомическія особенности ихъ и на основаніи ихъ и будетъ строить систему этихъ расъ и опредѣлять ихъ взаимное сродство. Точно такимъ же образомъ и антропологъ-натуралистъ долженъ поступать по отношенію къ человѣческимъ расамъ, оставляя языкъ и этнографическія особенности на второмъ планѣ. Но помимо этого общаго основанія можно

привести еще нѣсколько специальныхъ, которыя точно также указываютъ на необходимость подчинить признаки лингвистическіе признакамъ чисто-анатомическимъ. Перечислимъ ихъ вкратцѣ:

1) Существуютъ народы, несомнѣнно принадлежащіе къ одной и той же расѣ и тѣмъ не менѣе говорящіе на совершенно различныхъ языкахъ, между которыми лингвисты не могутъ найти ничего общаго. Это вѣрно для многихъ низшихъ расъ, изстари живущихъ на значительныхъ пространствахъ, племена которыхъ, благодаря своей изолированности въ теченіе многочисленнаго ряда вѣковъ, на столько видоизмѣнили свой языкъ, что общаго между ними ничего болѣе не имѣется. Въ виду примѣра можно указать на разныя австралійскія племена. Возможно ли въ этомъ случаѣ брать за основу языкъ, и не ясна ли тутъ необходимость руководства прежде всего краниологическими и другими анатомическими особенностями?

2) Существуютъ расы, которыя говорятъ одинаковымъ или очень близкими языками, и которыя въ то же время существенно отличны другъ отъ друга въ анатомическомъ отношеніи. Таковы, напримѣръ, Фризы и Кельты; языкъ которыхъ принадлежитъ къ одной и той же семьѣ индо-европейскихъ языковъ, и которыя тѣмъ не менѣе по строенію головы и другимъ особенностямъ представляютъ двѣ крайности: Фризы имѣютъ крайне-удлиненную форму головы, тогда какъ Кельты принадлежатъ къ брахикефаламъ (напримѣръ, Оверньята). Въ Бретани, гдѣ языкъ одинъ, существуютъ, какъ доказалъ Брокъ, двѣ совершенно самостоятельныя расы; Славяне Пруссіи по языку болѣею частью уже не Славяне, многія Финскія племена въ Россіи по языку вполне обрусѣли, и такихъ примѣровъ можно привести очень много. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ предпочтеніе языка анатомическимъ признакамъ могло бы или не привести ни къ какимъ результатамъ, или привести къ заключеніямъ совершенно ложнымъ.

3) Исторія показываетъ, что многія расы, нисколько не видоизмѣняясь въ физическомъ отношеніи въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, могутъ совершенно видоизмѣнить свой языкъ или самобытно, или путемъ заимствованія чужаго языка. Какъ въ первомъ случаѣ, который указываетъ на большую измѣняемость языка сравнительно съ гораздо большимъ постоянствомъ анатомическихъ признаковъ, такъ и во второмъ, руководство языкомъ далеко не можетъ считаться безошибочнымъ; мало того — такой методъ долженъ неизбѣжно привести къ ряду ошибокъ. Какъ на примѣръ быстрой измѣняемости языка при постоянствѣ анатомическихъ признаковъ, можно указать

на нѣкоторыя племена Индійцевъ сѣверо-западной части Сѣверной Америки, которыя на нашихъ глазахъ на столько видоизмѣнили свой языкъ, что черезъ какіе нибудь десятка два или три лѣтъ эти племена перестаютъ понимать другъ друга.

Правда, на этотъ аргументъ обыкновенно возражаютъ, что переимѣна языка возможна лишь въ томъ случаѣ, когда народъ, не имѣющій культуры или мало развитой, вступаетъ въ продолжительное соприкосновеніе съ другимъ народомъ, далеко превосходящимъ его по своему развитію, образованности и политическому могуществу, и притомъ покоренъ, поработенъ и придавленъ этимъ послѣднимъ. Если же переимѣна языка можетъ произойти лишь при столкновеніи первобытнаго народа съ культурнымъ, то историческія данныя всегда дадутъ возможность избѣгнуть ошибки и узнать, гдѣ было перенятіе языка, и гдѣ нѣтъ, по той причинѣ, что гдѣ культура — тамъ и исторія.

Но утверждающіе это забываютъ, что въ глубоко отдаленныя отъ насъ времена, такія, о которыхъ исторія хранитъ полное молчаніе, могло происходить совершенно подобное же столкновеніе болѣе развитой расы, хотя и не дошедшей еще до исторической — если такъ можно выразиться — культуры съ еще менѣе культурною расой, чѣмъ она, и такимъ образомъ навазать послѣдней свой языкъ. Еслибъ эти двѣ расы сохранились въ такомъ положеніи до нашего времени, и если бы по сходству ихъ языка мы заключили о ихъ близкомъ родствѣ, то мы впали бы въ грубую ошибку, избѣгнуть которой мы могли бы только руководствуясь физическими признаками.

4) Мы уже упомянули, что при благоприятныхъ условіяхъ языкъ можетъ совершенно самобытно видоизмѣниться въ очень короткое время. Между тѣмъ, нѣтъ ни одного вполнѣ достовѣрнаго указанія на то, чтобы даже въ громадныя промежутки времени расы значительно видоизмѣнили свои физическія признаки. Обратныхъ же примѣровъ можно привести не мало. Такъ напримѣръ, теперешніе Египтяне-феллахи, по словамъ Гартмана, до поразительности схожи съ изображеніями древнихъ Египтянъ; Айнъ такими, какими ихъ описывали Китайцы и Японцы до Р. Х., остались и до нашего времени; доисторическіе типы Cro-Magnon, Neanderthal и др. встрѣчаются (первый даже въ изобиліи), въ современномъ населеніи Франціи (Quatrefages), Бельгіи (Houzé) и Германіи (Schaffhausen). Все это указываетъ на значительную устойчивость человѣческихъ расъ, не то, что для существеннаго измѣненія въ анатомическомъ строеніи чело-

вѣка требуется гораздо большій промежутокъ времени, нежели для измѣненія языка. Всѣ же замѣчаемыя нами рѣзкія видоизмѣненія въ физическомъ строеніи прежнихъ жителей относительно нынѣшнихъ обусловлены смѣшеніемъ коренныхъ обитателей съ новыми, принятыми элементами. Если же физическіе признаки болѣе постоянны, чѣмъ языкъ, то имъ и слѣдуетъ отдать предпочтеніе; это — истина, неоспоримая для всякаго натуралиста.

5) Существуетъ цѣлый рядъ племенъ, языкъ которыхъ стоитъ совершенно особнякомъ, не показывая никакого сродства со всѣми остальными языками. Возьмемъ для примѣра Айновъ: какимъ образомъ мы станемъ искать положеніе ихъ въ системѣ расъ и опредѣлять ихъ сродство съ другими расами на основаніи языка, когда ихъ языкъ не имѣетъ никакого сродства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ языковъ? И въ этихъ случаяхъ, какъ и въ прежнихъ, является вполне законнымъ и даже неизбѣжнымъ методъ естественно-историческій, основывающійся главнымъ образомъ и прежде всего на физическихъ признакахъ.

6) Не маловажнымъ неудобствомъ принципа классификаціи расъ по языку представляють, наконецъ, до-историческія расы, не сохранившія и слѣдовъ языка.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ тому выводу, что хотя языкъ, и играетъ большую роль при опредѣленіи естественныхъ отношеній между расами и племенами, но орудіемъ этимъ нужно пользоваться съ большою осторожностью, и лишь по стольку, по скольку результаты, къ которымъ приводятъ лингвистическія сопоставленія, согласуются и не противорѣчатъ результатамъ, основаннымъ на изученіи физическаго строенія тѣла. „Лингвистика“, говоритъ знаменитый французскій антропологъ Брокъ, — „не даетъ антропологѣ признаковъ перваго порядка. Тамъ, гдѣ между ея показаніями и показаніями анатоміи есть противорѣчіе, мы не должны сомнѣваться: если двѣ расы, говорящія однимъ и тѣмъ же языкомъ или двумя близкими языками, рѣзко отличаются въ физическомъ строеніи, мы ихъ не смѣшаемъ въ одну и ту же расу; и на оборотъ, если два народа, схожіе во всѣхъ своихъ физическихъ признакахъ, будутъ существенно различаться по языку, мы отъ этого не перестанемъ признавать ихъ расовое единство“.

К. Мерзиковскій.

Великій русскій миссіонеръ.

И. Барсуковъ. Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій. Москва. 1883.

Сынъ пономаря въ Ангинскомъ селѣ Иркутской епархіи, рожденный и воспитанный среди нужды и горя, Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, былъ великою и свѣтлою личностью, дорогою всякому Русскому. „Имя его“, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ уважаемый его біографъ, — „сдѣлалось славнымъ и почтеннымъ, какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ. Не только всякій Русскій, ревнующій о чести и славѣ своего отечества, но и всякій образованный человѣкъ, Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, Американецъ, кто только уважаетъ науку и человѣчество, почтительно преклоняется предъ величавою личностію нашего камчатскаго и алеутскаго апостола“.

Заграничнымъ ученымъ почившій Московскій архипастыръ извѣстенъ главнымъ образомъ какъ лингвистъ и отчасти какъ этнографъ; но Русскіе люди должны цѣнить его выше, не только изумляться его работамъ по языковѣдѣнію или мастерскимъ этнографическимъ описаніямъ, но и разгадать въ его величавой миссіонерской дѣятельности такое проявленіе народнаго духа, которымъ мы по всей справедливости можемъ гордиться.

Авторъ біографіи высокопрфосвященнаго Иннокентія, издавъ свой объемистый трудъ, оказалъ великую услугу не только современной церковной исторіи или исторіи русскихъ успѣховъ въ области лингвистики и этнографіи, но и далъ въ собранныхъ имъ матеріалахъ не мало цѣнныхъ данныхъ для объясненія русской народной исторіи на далекомъ азиатскомъ Востокѣ. Всякому изучающему эту исторію книга г. И. Барсукова должна непременно показаться исполненною высокаго интереса. Его вниманіе будетъ приковано не только къ величественному центральному образу, ради котораго написана книга, но въ повѣствованіи о жизни Камчатскаго апостола, въ матеріалахъ, сообщаемыхъ авторомъ, онъ въ обиліи найдетъ не мало частныхъ, драгоценныхъ для уясненія исторіи Русскихъ въ Азіи.

Великій іерархъ былъ миссіонеромъ по призванію; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть его безыскусственный, но исполненный глубокой вѣры въ Промыселъ и высокой поэзіи разказъ о томъ, какъ родилось у него желаніе ѣхать къ Алеутамъ. „Слышалъ я“, говоритъ отецъ І. Веніаминовъ, — „о миссіонерахъ, о дальнихъ ихъ

путешествіяхъ для просвѣщенія лѣнчиновъ, но никогда на это дѣло не обращалъ особеннаго вниманія" (стр. 11). Пришлось ему столкнуться съ однимъ выходцемъ изъ Америки, и вотъ однажды этотъ бывалый человекъ сталъ при немъ разказывать объ усердіи Алеутовъ къ молитвѣ и къ слушанію слова Божія. „Я вдругъ“, говоритъ намъ великій миссіонеръ въ своихъ воспоминаніяхъ,— „и можно сказать, весь загорѣлся желаніемъ ѣхать къ такимъ людямъ“ (стр. 13). „Получаю я“, продолжаетъ онъ далѣе,— „вмѣстѣ съ другими отъ епархіальнаго начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскихъ островахъ. Только прочтала я его,—какъ будто бы что-то поворотилось въ моей груди, и я тутъ же объявляю своимъ домашнимъ: я ѣду! Ни слезы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ, ни описанія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній, ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горѣлъ въ моей душѣ, и я легко расстался съ родиной“, и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія“..... „Видѣе всего“, пишетъ въ другомъ мѣстѣ отецъ Веніаминъ,— „оказалась воля Божія о мнѣ при переѣздѣ моемъ изъ Иркутска въ Увалашку, то-есть, въ Америку.... Могу ли же послѣ этого я, говоря по всей справедливости, винить себя въ заслугу или считать за какой-нибудь подвигъ, то, что я поѣхалъ въ Америку?“

Но подвигъ былъ великій. Онъ начинался чуть ли не съ самаго выѣзда изъ Иркутска и продолжался во весь путь оттуда до Охотска, отъ Охотска до Ситхи, отъ Ситхи до Увалашки и во все время пребыванія тамъ. Съ глубокимъ интересомъ прочтутся эти красно-рѣчивыя страницы въ книгѣ г. Барсукова.

Въ Увалашкѣ отецъ Веніаминъ попалъ въ страну, гдѣ царствуетъ вѣчная осень, гдѣ лѣтомъ рѣдко бываетъ жарко, а зимою морозы доходятъ до такой степени, что иногда обмерзаютъ птицы. Въ этой суровой странѣ, обдѣленной всѣми дарами природы, среди Алеутовъ, креоловъ и отчасти Русскихъ, поселился отецъ Веніаминъ. „Отецъ Веніаминъ“, говоритъ его биографъ,— „сильный вѣрою въ Промислъ Божій и одаренный крѣпкою волею, дальновиднымъ умомъ, необыкновенною находчивостью и всегдашнею готовностью къ самоотверженію, не унадалъ мощнымъ духомъ“.

А уасть духомъ было отъ чего: кругомъ пустынно, мрачно и холодно; жить приходилось въ убогой землянкѣ, да еще съ семьей. Отецъ Веніаминъ не былъ первымъ насадителемъ вѣри Христовой въ этихъ отдаленныхъ краяхъ. Христіанская вѣра перешла на берега Аме-

рики вмѣстѣ съ первыми пришельцами русскими, поселившимися въ тѣхъ мѣстахъ. Разказываютъ, напримѣръ, что казакъ Андреянъ Толстухъ, около 1748 года, открывшій острова, известные подъ именемъ Андреяновскихъ, вѣроятно, первый началъ крестить тамошнихъ жителей. Мѣщанинъ Иванъ Глотовъ, открывшій острова, известные подъ именемъ Лисскихъ, въ 1759 году, первый окрестилъ малолѣтняго сына одного изъ родовыхъ начальниковъ Лисскихъ Алеутовъ. Послѣдователи этихъ первыхъ миссіонеровъ преслѣдовали однако же не всегда высокія цѣли, а дѣйствовали съ расчетомъ на мірскія выгоды. Крестили Алеутовъ съ тѣмъ, чтобы приобрѣтать себѣ работниковъ. Окрещенные Алеуты, уважая воспріемниковъ своихъ, какъ отцовъ, служили имъ исключительно и усердно, и никто другой изъ Русскихъ не могъ приманить къ себѣ чужихъ крестниковъ. Желаніе Русскихъ приобрѣсти себѣ большія выгоды, послужило средствомъ къ распространенію начала христіанства между Алеутами и облегчило дѣло для послѣдующихъ миссіонеровъ. Но и гораздо позднѣе, даже во времена отца Веніамінова, міряне крестили Алеутовъ (см. стр. 43). Не смотря однако же на видимое расположеніе нѣкоторыхъ дикарей принимать христіанство, дѣло русскихъ миссіонеровъ было не легкое. И нѣкоторые изъ этихъ подвижниковъ кончали свою жизнь трагически. (см., напримѣръ, разказъ объ отцѣ Ювеналіѣ, стр. 23). Среди всякаго рода трудностей и лишеній отецъ Веніаміновъ прожилъ на островѣ Уналашкѣ десять лѣтъ. Жилъ онъ тамъ сначала въ землянкѣ, а потомъ въ скромномъ деревянномъ домикѣ. Домикъ этотъ отецъ Веніаміновъ выстроилъ собственными руками, и его же руками была сдѣлана вся домашняя утварь и даже сооружены были стѣнные часы. Отецъ Веніаміновъ, по словамъ своего біографа, по нуждѣ былъ и плотникъ, механикъ и часовщикъ, а иногда и дѣлатель свѣтъ (стр. 48). Даже восковыя свѣчи для церкви отецъ Веніаміновъ отливалъ собственноручно вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Въ эти десять лѣтъ отецъ І. Веніаміновъ докрестилъ всѣхъ островитянъ и устроилъ для нихъ, кромѣ церкви, еще часовню, то-есть, особенный молитвенный домъ на подобіе церкви. Затѣмъ онъ открылъ училище для мальчиковъ. И не только онъ обучалъ ихъ лично, но и всѣ учебники для нихъ составилъ самъ. И если припомнить, среди какихъ физическихъ трудностей ему приходилось дѣйствовать, путешествуя или вѣшномъ, или на байдаркахъ, душегубкахъ тоже, или странствуя на собакахъ зимою по снѣгамъ, а лѣтомъ по болотамъ, то нельзя не изумляться, гдѣ онъ находилъ время для своихъ литературныхъ ра-

ботъ и для цѣнныхъ научныхъ владовъ. Здѣсь онъ составилъ прекрасную для того времени грамматику алеутскаго языка и написалъ превосходныя записки объ островахъ Уналашвинскаго отдѣла.

Та же усиленная кипучая миссіонерская дѣятельность продолжается при переходѣ отца Веніамина на Ситку. Здѣсь мы находимъ его проповѣдывающимъ слово Божіе среди Калошей, которые слыли за народъ звѣрскій и кровожадный.

Среди неутомимыхъ трудовъ и неуспѣшныхъ заботъ о распространеніи христіанства между дикими, отецъ Веніамина не пропускалъ ни одного случая, ни одного дня, чтобы хотя часть заняться изслѣдованіемъ языковъ калошенскаго и кадьякскаго; а когда выдавались дни, свободные отъ миссіонерскихъ дѣлъ, то онъ окончательно погружался весь въ эти занятія (стр. 92). Плодомъ этихъ занятій явилось изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Замѣчанія о колошенскомъ и кадьякскомъ языкахъ и отчасти о прочихъ нарѣчіяхъ въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ съ присовокупленіемъ русскаго словаря“. Описывая эту разнообразную пятнадцатилѣтнюю дѣятельность великаго русскаго миссіонера, біографъ его весьма краснорѣчиво сравниваетъ ее съ подвижничествомъ св. Стефана Пермскаго среди Зырянъ (стр. 101 и сл.). По истеченіи пятнадцати лѣтъ, неутомимая миссіонерская дѣятельность отца І. Веніамина прерывается на нѣкоторое время. Въ интересахъ своего святаго дѣла онъ отправляется въ С.-Петербургъ хлопотать объ умноженіи въ колоніяхъ числа церквей, объ образованіи на сѣверѣ Америки постоянной миссії, назначеніи клира и миссіонеровъ и т. д. Въ главахъ, описывающихъ пребываніе отца І. Веніамина въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, съ необыкновенною рельефностью выступаетъ величавый въ своей простотѣ образъ будущаго Московскаго митрополита.

Назадъ въ Ситку отецъ Іоаннъ вернулся епископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ. Передъ нимъ открылось широкое поле для излюбленной, святой дѣятельности. Онъ сталъ во главѣ того самаго дѣла, которому ревностно и успѣшно служилъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. „Духа его не угашайте вашими камилавками и шапками“, писалъ о преосвященномъ Иннокентіѣ одинъ изъ знавшихъ его современниковъ. Но духъ ангинскаго уроженца былъ не изъ тѣхъ слабыхъ, которыхъ можно затушить, привести въ бездѣятельность вѣшними соблазнами. Поставленный въ лучшія условія, онъ развилъ свою мощь во всю ширь и глубину. Читая повѣсть о его двадцатисемилѣтнемъ служеніи миссіонерскому дѣлу, всѣ не знавшіе доселѣ о

всемъ этомъ невольно преклонятся передъ величественнымъ характеромъ православнаго американскаго апостола.

Новый епископъ, весьма скоро по прибытіи въ свою епархію, задумалъ объѣхать ее. Что за прелесть описаніе этихъ странствій, изложенное въ книгѣ г. Варсукова словами очевидцевъ! Главы, въ которыхъ разказаны первые годы пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ Камчаткѣ и его переѣзды, полны не только біографическаго интереса, но и богаты цѣнными этнографическими данными. Масса этнографическихъ данныхъ, разсѣянныхъ въ письмахъ преосвященнаго къ разнымъ лицамъ, по истинѣ изумительна. Укажемъ, какъ на образецъ, примѣчательное письмо къ Московскому митрополиту Филарету о дикихъ (стр. 203). „Чѣмъ болѣе“, пишетъ преосвященный Иннокентій, — „знакомлюсь я съ дикими, тѣмъ болѣе люблю ихъ и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мы, съ нашимъ просвѣщеніемъ, далеко, далеко уклонились отъ пути къ совершенству, почти не замѣчая того; ибо многіе такъ-называемые, дикіе гораздо лучше многихъ такъ-называемыхъ просвѣщенныхъ въ нравственномъ отношеніи. Напримѣръ: во всей Камчатской епархіи, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ ни воровства, ни убійства; по крайней мѣрѣ, почти не было примѣра, чтобы собственно Тунгусъ, или Камчадалъ, или Алеутъ были подѣ судомъ за сін преступленія. Но кромѣ сего, между дикими есть много примѣровъ и добродѣтелей; напримѣръ, первый Тунгусъ, съ которымъ мнѣ случилось видѣться и говорить (въ Гижигѣ), удивилъ и утѣшилъ меня своею вѣрой и преданностью Богу. Послѣ разказа его объ ихъ житьѣ-бытьѣ, можно сказать, полубѣдственномъ, когда я сказалъ ему: „за то вамъ тамъ будетъ хорошо, если вы будете вѣровать Богу и молиться Ему“, тогда онъ, видимо измѣнившись въ лицѣ своемъ, съ сильнымъ чувствомъ сказалъ: „Тунгусъ всегда молится, Тунгусъ знаетъ, что все Богъ даетъ. Убью ли хоть куропатку? Я знаю, что Богъ мнѣ далъ, и я молюсь Богу и благодарю Его. Не убью? Значитъ, Богъ мнѣ не далъ; значитъ, я худой... Я молюсь Ему“.

Это характерное письмо и во истину христіанское отношеніе къ иноподданамъ рисуютъ передъ нами не только нравственный обликъ великаго миссіонера, но и даютъ ключи къ объясненію успѣха его дѣла. Съ такою именно христіанскою любовью, съ какою преосвященный Иннокентій описываетъ Тунгусовъ, или съ тою нѣжностью, съ какою онъ всегда говорилъ о своихъ излюбленныхъ Алеутахъ, и слѣдуетъ выступать на святое дѣло; тогда только можно надѣяться, что трудъ не пропадетъ даромъ, и успѣхъ вѣнчаетъ его.

Масса матеріаловъ, сообщенныхъ г. И. Барсуковымъ въ его книгѣ, придаетъ ей разнообразный интересъ. Само собою разумѣется, что миссіонерская дѣятельность преосвященнаго Иннокентія въ настоящемъ прекрасномъ трудѣ изложена съ тою полнотою и отчетливостію, которыя требовались характеромъ и важностію описываемаго дѣла. Ученымъ трудамъ покойнаго іерарха отведено также надлежащее мѣсто въ книгѣ. Но въ книгѣ уважаемаго автора мы находимъ, кромѣ того, нѣсколько литературныхъ произведеній, имѣющихъ не мало значенія для практической жизни, напримѣръ, письмо къ графу Протасову о народномъ образованіи (стр. 222—233), или замѣчательная записка о значеніи Амурскаго края для Россіи (стр. 380—405). Въ этихъ страницахъ преосвященный Иннокентій рисуется намъ съ новой и также привлекательной стороны, какъ человѣкъ истинно русскій, богато одаренный отъ природы и практически прозорливый. Эта практичность нашего американскаго апостола, посвятившаго всю свою жизнь служенію высокой идеѣ, сказывалась при разныхъ случаяхъ его жизни и кажется въ высшей степени изумительною читателю его біографіи.

Вотъ онъ прѣзжаетъ въ Охотскъ, объѣхавъ передъ тѣмъ пять тысячъ верстъ на собакахъ. „А вы все еще здѣсь въ Охотскѣ?“ говоритъ преосвященный Иннокентій В. С. Завойко, — „а я чаю гостить у васъ въ Аляскѣ и, пожалуй, на Амурѣ“. В. С. Завойко отвѣчалъ, что для этого требуется ему лично съѣздить на Аляску, а сдѣлать этого нельзя: бухгалтеръ выѣхалъ, магазинеръ и конторщикъ — пьяница, оставить имущества компаніи не на кого. На это преосвященный сказалъ: „И только то вы имѣете препятствіе? Такъ это еще слава Богу, я вамъ пособлю, и вамъ бухгалтера службу справлю; пожалуйста ключи, я буду кассиромъ, магазинеромъ и самолично буду ходить съ ключами, и какія закажете работы, я съ матросами справлюсь и всѣ работы сумѣю справиться; а васъ благословляю въ путь для исполненія важнаго дѣла Россіи“.

Черезъ два дня В. С. Завойко отъѣхалъ моремъ на шлюпкѣ и вслѣдствіе совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ не прибылъ въ срокъ назадъ. „Иннокентій“, продолжаетъ свой разказъ В. С. Завойко, — проводилъ дни на плацу съ трубой, а подъ конецъ и ночи; а море разбушевалось, понеслись горы ледяныя, и затерло льдинами море: и наконецъ онъ же первый замѣтилъ меня на льдинѣ и самолично распорядился матросами, спасъ меня, изжогеннаго представлялъ семьѣ моей и сказалъ: „Теперь я пойду помолюсь Богу, а

какъ вы переодѣнетесь, прошу на общій молебень, и потомъ вы въ баню, а я—спать: я уже нѣсколько ночей не спалъ на караулѣ и сокрушался* (стр. 202).

Вотъ опять тотъ же преосвященный Иннокентій является намъ въ другой обстановкѣ: „Пять дней“, рассказываетъ его дочь, — „плыли мы къ острову Еловому. хорошо: дулъ попутный вѣтеръ.... „На пятны сутки случилось землетрясеніе, затѣмъ скоро подули вѣтры противныя и сильныя, съ морозомъ; море зашѣвилось и забурлило, судно закачало и подбрасывало... 28 дней и ночей выдало по волнамъ утлое судно и такъ сильно качало, что не было возможности ходить, а ползкомъ ползали или сиднемъ сидѣли, ноги у всѣхъ ошатакали. Высидѣть 28 дней во тьмѣ кромѣшной, да еще почти безъ пищи и питья, было крайне тяжело, особенно безъ привычки. Даже сухарей не было, осталась одна пыль отъ нихъ; воды также не доставало, голько полбутылки въ сутки отпускали на четверныхъ; наконецъ и совсѣмъ не было воды, — тогда мы воду выжимали изъ парусовъ и пили ее. Солонину варили въ морской водѣ и отпускали пассажирамъ по маленькому кусочку. Всѣ заболѣли. Послѣ бурной погоды, вѣтеръ наконецъ сталъ тише и тише; потянули вѣтры попутныя, небо прояснилось, и къ вечеру увидали берегъ; но капитанъ не хотѣлъ приближаться къ нему, а напротивъ, рѣшилъ удалиться въ открытое море, опасаясь перемены благопріятнаго вѣтра опять въ противный. Команда же отъ голода, жажды и болѣзней воспротивилась. Владыка сталъ примирителемъ команды и командира, уговаривалъ и уговорилъ плыть къ берегу: „Если вы боитесь“, сказалъ наконецъ владыка, не безъ горечи, капитану, „такъ я самъ буду править судномъ“. Капитанъ принялъ увѣщаніе, и направились къ берегу. Владыка все время стоялъ на палубѣ, распорядился, и не доильвая близко къ берегу, по настоянію его, бросили якорь, стали палить изъ пушекъ и подняли морскіе знаки, давая тѣмъ знать, что пассажиры нуждаются въ водѣ и провизіи. Вскорѣ послѣ того, доставили на судно воду и провизію взнемогающимъ плователямъ“ (стр. 172). То было по истинѣ чудесное спасеніе судна и всѣхъ плывшихъ на немъ.

Этотъ іерархъ и апостолъ, разъѣзжающій верхомъ по тундрамъ, пускавшійся въ океанъ на байдаркѣ, въ юрты на собакахъ, проѣхавшій нѣсколько тысячъ верстъ, лингвистъ, этнографъ, зорко слѣдившій за русскими интересами на крайнемъ Востоку, въ то же время находилъ досугъ заниматься плотничествомъ и другими реме-

слами. Проживая на островѣ Ситхѣ, отецъ І. Веніаминъ устроивалъ органы, и эти органы проникли въ Калифорнію, къ іезуитскимъ миссіонерамъ.

Русскія суда снабжали іезуитовъ, проживавшихъ въ Калифорніи европейскими товарами и новостями. Однажды эти іезуиты завели Русскимъ свое горе, что у нихъ нѣтъ органа, игра на которомъ могла бы привлекать дикарей въ церковь, да и купить негдѣ. Русскіе, въ утѣшеніе имъ, объявили, что въ Ситхѣ есть органный мастеръ, тамошній православный священникъ: если угодно, онъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ органъ; іезуиты были рады. Сдѣлавши по заказу іезуитовъ органъ, отецъ Веніаминъ самъ отправился съ нимъ, на компанейскомъ суднѣ, въ Калифорнію. Сначала отецъ Веніаминъ завелъ валъ съ духовными пѣснями: іезуиты похвалили по особеннаго удовольствію не изъявили; завели другой валъ: при первыхъ звукахъ веселыхъ, плясовыхъ русскыхъ пѣсень, іезуиты пришли въ восхищеніе; жали отъ радости руку отцу Веніамину. Безирекословно внесли за органъ требуемую сумму и поставили его въ церковь. При воспоминаніи о семъ отецъ І. Веніаминъ, смѣясь, говаривалъ: „По всей вѣроятности, іезуиты и доселѣ продолжаютъ молиться Богу подъ звуки нашихъ веселыхъ, плясовыхъ пѣсень“ (стр. 101).

Эта практичность въ характерѣ великаго миссіонера, русская сноровка и смѣлка, конечно, не въ такой степени развитія, встрѣчаются и у другихъ русскихъ дѣателей на крайнемъ Востокѣ. В той же книгѣ г. Барсукова есть весьма любопытный разказъ о дѣятельности среди Камчадаловъ отца Стефана Веніаминова, брата митрополита Иннокентія: какъ онъ самъ построилъ церковь, распланировалъ селеніе, научилъ своихъ прихожанъ-дикарей дѣлать кирпичъ, складывать печи и хлѣбъ печь. Отецъ Стефанъ, говоритъ намъ авторъ, — былъ и часовой мастеръ, и маляръ, и отличный портной, и сапожникъ, и хлѣбопекъ. Изготовляя своими руками для себя и сына своего платье и обувь, онъ пекъ хлѣбъ и для служенія литургіи просфоры (стр. 166).

Двадцать-восемь лѣтъ трудился Иннокентій на славномъ поприщѣ просвѣтителя равноплеменныхъ обитателей Сибири. И не настало еще время по достоинству оцѣнить его великій подвигъ и великія заслуги передъ Россіей!

Подъ конецъ своего пребыванія въ Сибири пресвященный какъ бы сталъ ощущать если не упадокъ силъ, то желаніе покоя. Въ

книгѣ приведено письмо его къ митрополиту Московскому Филарету (стр. 547), въ которомъ это желаніе выражено вполне ясно. Митрополитъ Филаретъ, какъ это также ясно изъ его отвѣтнаго посланія, не вполне сочувствовалъ желанію Иннокентія. „Опасайтесь оскудѣнія вашего зрѣнія!“ писалъ митрополитъ Филаретъ,— „Господь свѣта да сохранитъ свѣтъ очей вашихъ; но и при оскудѣніи сего видимаго свѣта, онъ можетъ свѣтитъ чрезъ васъ не менѣе, не только словомъ назиданія, но и дѣломъ управления... Не думаю затворять отъ васъ Москву“, говоритъ Московскій архипастырь, — „но по нераздѣльной любви къ вамъ и къ церкви, желаю, чтобы ваша паства не потеряла лишенія“. Такъ писалъ отъ 19-го сентября 1867 года митрополитъ Филаретъ, а черезъ два мѣсяца послѣ того, 19-го ноября, онъ преставился. „Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь“.

5-го января слѣдующаго года архіепископъ Иннокентій высочайшею волею былъ призванъ на кафедру Московской митрополіи. Послѣднія главы книги г. Варсукова посвящены описанію управленія высокопресвященнымъ Иннокентіемъ Московской митрополіей.

Управленіе Московской митрополіей продолжалось до великаго американскаго просвѣтителя (21-го марта 1879) — десять лѣтъ. Эти страницы изъ современной исторіи прочтутся въ прекрасномъ изложеніи г. Варсукова, конечно, многими съ живѣйшимъ интересомъ; содержанія ихъ мы не считаемъ нужнымъ касаться въ настоящей замѣткѣ, цѣль которой была показать, какой богатый и разнообразный матеріалъ собранъ въ почтенномъ трудѣ біографа преосвященнаго Иннокентія—матеріалъ, важный не только для исторіи Русской церкви, но и для этнографа, а также для историка русской мысли и русскаго дѣла на Востокѣ.

И. Шинкаевъ.

Вліяніе церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе Русскаго народа и въ частности на народную словесность въ древній до-Петровскій періодъ. Сочиненіе *Алексаѣя Попова*. Казань. 1883.

Книга г. А. Попова имѣетъ задачей представить обзоръ народнаго русскаго міросозерцанія и въ частности устной народной словесности и древне-русской духовной письменности, на сколько эта послѣдняя входила въ столкновеніе съ народнымъ міросозерцаніемъ,

съ точки зрѣнія богословской. Задача очень широкая. Правда, избранная г. Поповымъ богословская точка зрѣнія до известной степени ограничиваетъ обширность этой задачи, ибо требуетъ известнаго выбора изъ всей массы древне-русской письменности и устной народной литературы; но, во первыхъ, этотъ выборъ предполагаетъ все-таки широкое и основательное знакомство съ тою областью, изъ которой нужно выбрать, а во вторыхъ, богословская точка зрѣнія, при недостаточной разработкѣ частныхъ, можетъ казаться, да и дѣйствительно представляется иногда предзанятою идеей, подъ которую авторъ не безъ насилия подгоняетъ собранные имъ факты. Къ чести автора нужно замѣтить, что онъ самъ понялъ крайнюю трудность своей задачи при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, и высказалъ это въ своей рѣчи предъ защитой своей диссертациі ¹⁾.

Предзанятою мыслию отзываются уже первыя строки въ книгѣ г. Попова: онъ старается опровергнуть здѣсь древне-русскихъ и новѣйшихъ писателей, обвинявшихъ Русскій народъ въ двоевѣріи и язычествѣ, и доказать, что со времени принятія христіанства, Русскій народъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ по пути своего религіознаго и нравственнаго образованія. „Правда“, говоритъ онъ, — „въ міросозерцаніи Русскаго народа мы найдемъ не мало элементовъ языческихъ; но это только жалкіе остатки стараго язычества, въ большинствѣ случаевъ уже утратившіе свой прежній смыслъ, и за нихъ въ настоящее время (а въ прежнее?) нельзя обвинять Русскій народъ въ язычествѣ: они—неизбѣжная переходная ступень къ чистому христіанству“. Какимъ же образомъ народъ, будучи неграмотнымъ, могъ усвоить истины христіанскія, проводившіяся въ древне-русской духовной письменности? Главную роль въ религіозномъ воспитаніи народа, по словамъ автора, играли духовенство и монашество, которымъ въ этомъ благомъ дѣлѣ оказывала содѣйствіе княжеская сначала, а потомъ царская власть. Религіозно-нравственное просвѣщеніе народа совершалось или путемъ наученія частнаго въ училищахъ и при домашней бесѣдѣ, или путемъ общественаго наученія въ храмахъ, гдѣ народъ знакомился съ истинами христіанскими изъ богослуженія и проповѣди. На сколько и въ какомъ видѣ народъ Русскій усвоилъ христіанское ученіе, это можно видѣть въ произведеніяхъ народной словесности, въ которыхъ выразилось все міросозерцаніе

¹⁾ Рѣчь напечатана въ *Православномъ Собесѣдникѣ* за февраль настоящаго года.

народа. „Произведенія русской словесности, обрисовывая духовную физиономію Русскаго народа“, говоритъ г. Поповъ,—показываютъ въ то же время и самый процессъ образованія личности, показываютъ историческій ходъ народнаго міросозерцанія, форманціи и наслоенія въ народныхъ воззрѣніяхъ. Какую бы форму народныхъ произведеній мы ни взяли, загадку ли, пословицу ли, пѣсню, сказку,—мы вездѣ найдемъ, кромѣ настоящихъ воззрѣній народа, указаніе и на прошедшія. На ряду съ христіанскими воззрѣніями во всѣхъ народныхъ произведеніяхъ обрисовываются тѣни и вѣрованій прошедшихъ“. Старыя вѣрованія долго не умираютъ; они сливаются съ новыми, сначала уподобляя ихъ себѣ, а затѣмъ видоизмѣняются сами. Что касается усвоенія христіанскихъ понятій, то старыя воззрѣнія языческія также владутъ на нихъ рѣзкій отпечатокъ, лишь постепенно уступая мѣсто новымъ воззрѣніямъ. Такимъ образомъ, въ силу времени шло непрерывное развитіе и измѣненіе народныхъ воззрѣній, а слѣдовательно, и произведеній народной словесности. Христіанство несло съ собою цѣлую массу новыхъ понятій, и потому, при усвоеніи его, должно было дать громаднѣйшій толчокъ народной мысли. Дѣйствительно—говоритъ авторъ—въ словесныхъ произведеніяхъ Русскаго народа мы находимъ остатки того интереснаго процесса, какой совершался при наплывѣ въ языческое міросозерцаніе христіанскихъ понятій—понятій съ совершенно новымъ духомъ и характеромъ; замѣчаемъ даже и тѣ ступени, по которымъ народъ восходилъ до чистоты и вѣрнаго пониманія христіанскихъ истинъ.

Частные пункты изслѣдованія г. Попова опредѣляются готовыми системами догматическаго и нравственнаго богословія. Изъ нихъ оцѣнивалось рубрики догматическаго ученія о Богѣ и святыхъ, о дѣволѣ, ангелахъ и челоувѣкѣ, и нравственнаго ученія—о назначеніи челоувѣка и его обязанностяхъ къ Богу, самому себѣ и ближнимъ и о загробномъ состояніи челоувѣка. Уже самою этою системою устраняется изъ области изслѣдованія все то, что въ міровоззрѣніи Русскаго народа носитъ на себѣ явные слѣды нехристіанскаго происхожденія и характера и не подходитъ подъ эту систему. Да и въ частныхъ пунктахъ изслѣдованія авторъ выбиралъ изъ круга народнаго міровоззрѣнія и народной словесности только такія черты, которыя болѣе или менѣе подходили подъ извѣстныя готовыя богословскія рубрики, хотя, быть можетъ, эти черты и не принадлежатъ всему народу и имѣютъ частный, случайный характеръ. Разсматривая изслѣданный пунктъ составленной имъ (по курсу богословія) системы на-

роднаго міровоззрѣнія, авторъ сначала приводитъ выдержки изъ загадокъ, пословиць, пѣсенъ, сказокъ и т. н., касающихся этого пункта; потомъ показываетъ видоизмѣненіе народныхъ воззрѣній относительно извѣстнаго предмета подъ вліяніемъ церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности, и при этомъ очень часто пользуется духовными стихами, хотя эти послѣдніе и не могутъ быть признаны общенародными. Понятно, что при такихъ приемахъ изслѣдованія міровоззрѣніе древне-русскаго человека представляется у автора почти всецѣло христіанскимъ, вопреки увѣренію древне-русскихъ писателей, которые обличали нашихъ предковъ въ двоевѣрія и язычествѣ.

Въ концѣ своей книги г. Поповъ излагаетъ результаты своего изслѣдованія въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ, отрицать подлинный характеръ христіанской религіозности Русскаго народа въ до-Петровскій періодъ нельзя. Правда, усвоеніе церковно-библейскаго ученія совершалось въ народѣ Русскомъ медленно, переходило множество градаций, прежде, чѣмъ восходило на высоту надлежащаго пониманія предметовъ вѣры; но за то христіанское ученіе дошло въ сознаніи народа глубоко и въ самомъ существѣ проникало все народныя воззрѣнія. Памятники народнаго творчества, заключающіе въ себѣ духовное богатство народа, его думы, вѣрованія, убѣжденія, чаянія и идеалы, во многихъ экземплярахъ представляютъ собою выраженіе тѣхъ или другихъ христіанскихъ понятій народа, выраженіе, вполне проникнутое русскимъ духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне согласное съ духомъ библейскимъ. Библейское ученіе—выразился хотя нѣсколько грубо, но образно,—не клиномъ врѣзалось въ народное міросозерцаніе и стало въ немъ особнякомъ, а привилось къ народу послѣ продолжительнаго процесса переработки народныхъ воззрѣній, усвоилось народомъ, сдѣлалось неотъемлемою и, пожалуй, существенною частію его духовной природы. Языческія воззрѣнія не затемнили свѣта ученія христіанскаго; напротивъ, христіанское ученіе прогнало мракъ языческихъ суевѣрій и заблужденій и пролило свѣтъ на всю область народныхъ воззрѣній. Правда, и доселѣ высокія христіанскія понятія въ народномъ міросозерцаніи переплетаются съ удѣлѣвшими остатками языческихъ воззрѣній и какъ будто отъ этого теряютъ свою чистоту; но, повторяемъ, внимательное изученіе памятниковъ народнаго творчества показываетъ, что христіанскій духъ и главныя христіанскія воззрѣнія усвоены Русскимъ народомъ, а языческія представленія являются не болѣе, какъ жалкими, утратившими свой смыслъ остатками старины, мракъ которыхъ нисколько не подавляетъ и не ту-

шить свѣта христіанскаго ученія. Къ міросозерцанію Русскаго народа до-Петровскаго періода вполне примѣнны евангельскія слова: „и свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объять“.

Пожалуй, можно бы и согласиться съ авторомъ въ этомъ выводѣ, еслибъ его характеристика міросозерцанія Русскаго народа относилась къ настоящему времени. Но вѣдь авторъ имѣетъ въ виду русскаго человѣка въ его исторической жизни отъ начала христіанства въ Россіи до Петра I. Въ теченіе этого времени Русскій народъ проходилъ нѣсколько стадій развитія, начиная съ остатковъ грубаго язычества, двоевѣрія и суевѣрій и доходя до болѣе чистыхъ воззрѣній христіанскихъ. Эту то послѣдовательность въ усвоеніи христіанскихъ понятій Русскимъ народомъ и нужно было автору показать исторически, на основаніи разновременныхъ письменныхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ устной народной словесности; но именно такого послѣдовательнаго движенія мы и не видимъ въ книгѣ г. Попова. Правда, онъ говоритъ, что усвоеніе церковно-библейскаго ученія совершалось въ народѣ Русскомъ медленно, переходило множество градацій, прежде, чѣмъ восходило на высоту надлежащаго пониманія предметовъ вѣры, но не отмѣчаетъ этихъ градацій исторически и только указываетъ ихъ внутреннюю, психическую преемственность, и притомъ на основаніи личныхъ, субъективныхъ соображеній.

Лучшую и наиболѣе капитальную часть изслѣдованія составляетъ объясненіе памятниковъ устной народной словесности изъ памятниковъ древне-русской письменности. Кромѣ памятниковъ общезвѣстныхъ, авторъ пользовался рукописными сокровищами Соловецкой бібліотеки и отсюда извлекъ нѣсколько новыхъ данныхъ для объясненія происхожденія нѣкоторыхъ произведеній устной народной словесности. Такъ, въ стихахъ о страшномъ судѣ и о великой грѣшницѣ перечисляются такіе грѣхи, которые даже по формѣ своей напоминаютъ собою вопросы въ чинѣ исповѣди по одной соловецкой рукописи и являются какъ бы отвѣтомъ на эти вопросы. Чинъ исповѣди спрашиваетъ: „отрочате у себе не уморила ли еси?“ Грѣшная душа отвѣчаетъ: „я въ утробѣ младенца спагубливала, во бѣлыхъ грудяхъ я его засыпывала“. Въ чинѣ исповѣди читаемъ: „не разлучила ли еси жену съ мужемъ, или остудила мужа отъ жены, или жену отъ мужа?“ Въ стихѣ народномъ находимъ: „мужа съ женой я паразаживала, золотые вѣнцы поразлучивала“. Въ чинѣ исповѣди:

„не ѣдала ли еси скромно въ постные дни?“ Въ стихѣ: „среди и пятницы я не пащивалась, и никакова ль я говѣница не сдерживала“ и „великаго говѣнья не гавливалась“. Въ чинѣ исповѣди: „или сварился еси съ кѣмъ и не простился?“ Въ стихѣ: „а я съ утра душа да бранилася, а я у вечера душа да не прощалася“. Въ чинѣ исповѣди: „или сотворилъ еси пиръ съ смѣхотвореніемъ и плясаніемъ и слушалъ еси скомороховъ и гусельникъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія, или слушалъ еси иныхъ поющихъ?“ Въ стихѣ: „по игрищамъ душа много хаживала, подъ всякія игры много плясывала, самого сатану воспотѣшивала“. Въ чинѣ исповѣди: „или осудилъ еси іерея или діакона въ чтеніи и пѣніи или иномъ въ чемъ?“ И Господь въ стихѣ о страшномъ судѣ говоритъ: „поповъ и дьяковъ ни по что чли“. Въ чинѣ исповѣди: „или помышлялъ еси невѣріе на святую Божію?“ Въ стихѣ: „Писанію Божію не вѣровали“ (стр. 354 и 355).

Впрочемъ, и при объясненіи книжнаго происхожденія произведеній устной народной словесности нерѣдко встрѣчаются у автора пробѣлы и ошибки, объясняемыя широтой избраннаго предмета и невозможностью ориентироваться въ его подробностяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ пробѣловъ и ошибокъ. Сказавъ, что при лихорадкахъ народъ обращается за помощію къ св. Сиснію, авторъ замѣчаетъ, что въ Прологѣ нѣтъ основанія для признанія этого святаго цѣлителемъ лихорадокъ (стр. 147); между тѣмъ этотъ вопросъ разрѣшенъ И. Д. Мансветовымъ въ статьѣ „Византійскій матеріалъ для сказанія о 12-ти трысавицахъ“ въ „Древностяхъ“ Московскаго Археологическаго Общества за 1881 годъ. На стр. 156 ошибочно сказано, что избавленіе Почаевской обители отъ Турокъ произошло въ 1675 году въ настоятельство Іова, тогда какъ преподобный Іовъ скончался еще въ 1651 году. Въ иныхъ мѣстахъ не приняты въ расчетъ монументальныя или живописныя памятники, послужившіе источникомъ для народныхъ сказаній, напримѣръ, изображенія страшнаго суда. Въ одномъ изъ легендарныхъ малорусскихъ сказаній говорится, что Самсонъ отличался необыкновенною силою: встрѣтившись на Днѣпрѣ со львомъ, онъ разорвалъ пасть его и вмѣстѣ со львомъ окаменѣлъ. Это довольно позднее сказаніе, не объясненное у г. Попова, очень просто объясняется тѣмъ, что въ Кіевѣ на Самсоніевскомъ рынкѣ стоитъ очень извѣстная въ народѣ статуя Самсона, раздирающаго пасть льва, изъ которой струится вода. Объяс-

ненія нѣкоторыхъ иныхъ подробностей народныхъ приведеній, на-
примѣръ, описанія рая (стр. 377), нужно искать не въ письменныхъ
памятникахъ, а въ бытовой обстановкѣ Русскаго народа.

Н. Пестровъ.

**Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. О работѣ мало-
лѣтнихъ и женщинъ на фабрикахъ. Магистранта полицейскаго права
А. Федорова. С.-Пб. 1884.**

Въ этой книгѣ, посвященной „друзьямъ человѣчества“, г. Фе-
доровымъ собрано очень много данныхъ по означенной отрасли
фабричнаго законодательства, при чемъ авторъ въ 1-й части („Соци-
ально-экономическое значеніе фабричнаго законодательства“), сдѣлавъ
краткій очеркъ цеховаго устройства, указываетъ на развитіе машин-
наго производства, съ большимъ участіемъ при этомъ женщинъ и
малолѣтнихъ, и на вредъ, скоро обнаружившійся отъ того для фи-
зическаго и нравственнаго развитія рабочаго класса, а затѣмъ
излагаетъ существующія постановленія и собственные выводы по
вопросамъ: 1) о продолжительности рабочаго дня, 2) о женскомъ
фабричномъ трудѣ, 3) о дѣтскомъ фабричномъ трудѣ, 4) о санитар-
ныхъ условіяхъ работы, 5) о ночной работѣ, 6) о горнозаводской
работѣ, 7) о предупрежденіи опасности со стороны машинъ, 8) о
юскресной и праздничной работѣ, 9) о рабочихъ жилищахъ, 10) о
фабрично-полицейскомъ надзорѣ, 11) объ организаціи учрежденій для
помощи и призванія рабочихъ, 12) объ условіяхъ введенія постано-
вленій фабричнаго законодательства, 13) о сферахъ примѣненія фа-
бричнаго законодательства и, наконецъ, 14) о результатахъ его при-
мѣненія (стр. 1 по 87). Во второй части (стр. 91—402) собрано
много данныхъ о постепенномъ развитіи законодательства въ раз-
ныхъ государствахъ по означеннымъ вопросамъ. Эта часть, которую,
удя по объему, слѣдуетъ считать главною, представляетъ во всей
книгѣ наиболѣе интереса, потому что здѣсь въ подробности приве-
дены и мотивы разныхъ мѣропріятій, и самыя законодательныя мѣры
и ихъ послѣдовательномъ развитіи, а нерѣдко и съ такою же
подробностью разныя проекты, еще не осуществленные. Историче-
скую часть труда г. Федорова можно считать положительнымъ
пріобрѣтеніемъ для нашей литературы, хотя нельзя не замѣтить;
то эта историческая часть обработана не по подлиннымъ актамъ
и документамъ, а по сочиненіямъ другихъ авторовъ, составляетъ
часть соххху, отд. 2.

компиляцію изъ нихъ, и г. Федоровъ ограничивается только тѣми указаніями, какія находятъ въ избранныхъ имъ источникахъ. Многіе проекты могли бы быть значительно сокращены безъ ущерба дѣлу, тѣмъ болѣе, что авторъ книги, нами рассматриваемой, не поясняетъ, что именно заключается въ нихъ наиболѣе существеннаго, и представляеть читателю рыться въ утомительныхъ подробностяхъ. Часто сравненіе не только проектовъ, но и изданныхъ законовъ, затруднено тѣмъ, что не всѣ проекты или законы приведены съ одинаковою подробностью; такъ, напримѣръ, нельзя опредѣлить, когда возрастъ подростковъ въ Англіи съ 18 лѣтъ (1833 г.) пониженъ до 16 (съ 1844 или 1845 г.). Фактическое изложеніе дѣйствующихъ законовъ едва ли кого-либо удовлетворитъ, такъ какъ нерѣдко авторъ ограничивается только перечнемъ ихъ и общимъ означеніемъ ихъ содержанія по параграфамъ, а не изложеніемъ сущности постановленій; таковы, напримѣръ, на стр. 140, §§ 33—37; стр. 144—§ 68 (права инспекторовъ), стр. 145 (о Шотландіи и Ирландіи) и т. д. Приводя, довольно произвольно, только нѣкоторые параграфы законовъ и устраняя другіе, авторъ между прочимъ выкинулъ статьи англійскаго закона, дающія опредѣленія (кто называется подросткомъ, что такое—дѣти, женщины), необходимыя въ виду приводимыхъ ниже §§ 26 и 29 (свидѣтельство о годности до 16 лѣтъ), при чемъ не сдѣлано никакой оговорки, и позволительно даже усумниться, не ошибся ли авторъ въ цитатахъ; такъ, напримѣръ, на стр. 184, опредѣляя возрастъ подростковъ въ 14—18 лѣтъ, онъ не обратилъ вниманія на чрезвычайно важную и характерную для англійскаго законодательства черту, что дѣти могутъ считаться подростками уже съ 13 лѣтъ, если получаютъ извѣстное образованіе.

Еще болѣе отрывочно изложено германское законодательство; совершенно не выяснена сфера дѣйствія германскаго закона (простирающагося на фабрики и мастерскія); совершенно невѣрно опредѣлена роль германскихъ инспекторовъ на стр. 196 и 72, гдѣ сказано только, что полиція обязана оказывать имъ содѣйствіе, между тѣмъ какъ на дѣлѣ въ Пруссіи существуетъ обратное отношеніе: за исполненіемъ фабричныхъ законовъ слѣдитъ полиція; а инспектора наблюдаютъ за ея дѣйствіями, что опять весьма характерно для Германіи. Пропущено такое постановленіе, какъ, напримѣръ, заключающееся въ § 106, по которому лишенные почетныхъ гражданскихъ правъ не могутъ имѣть рабочихъ до 18 лѣтъ, и затѣмъ представляется крайне страннымъ, что авторъ, въ виду вѣлагаемыхъ ниже

весьма энергических мѣръ, принимаемыхъ германскими инспекторами для огражденія нравственности и здоровья рабочихъ, въ виду обязательнаго посѣщенія школъ дѣтьми и подростками, въ началѣ своей статьи о Германіи упрекаетъ это государство въ томъ, что у него нѣтъ разработаннаго законодательства объ интересахъ здоровья и умственнаго развитія рабочихъ,

Прекрасными отчетами германскихъ фабричныхъ инспекторовъ авторъ совсѣмъ не воспользовался, а о французскихъ мѣстныхъ комиссияхъ, тоже не знакомый, очевидно, съ ихъ дѣятельностью, онъ говоритъ, что онѣ оказались въ большинствѣ случаевъ почти совсѣмъ бесполезными; онъ могъ бы сказать, что коммисіи эти не вездѣ еще учреждены, но въ Сенскомъ департаментѣ, гдѣ онѣ дѣйствуютъ, тамъ раздаются жалобы развѣ на ихъ слишкомъ энергическую дѣятельность.

Обращаясь къ собственнымъ выводамъ автора въ первой части, находимъ положенія въ высшей степени странныя. Такъ напримѣръ, на стр. 75 говорится, что сферой примѣненія такого законодательства должны быть только фабрики, а не ремесленные и не кустарныя мастерскія, гдѣ, по мнѣнію автора, контроль и не особенно важенъ; между тѣмъ къ совершенно противоположному убѣжденію пришли и въ Англии (стр. 119, 122), и во Франціи (стр. 236), какъ генеръ приходитъ и въ Германіи. „Наложеніе штрафа (за несоблюденіе закона) не должно быть обусловлено предварительнымъ напомниманіемъ“ (стр. 54), а между тѣмъ французскіе и германскіе инспектора убѣдились, что лучше всего дѣйствовать, не штрафами, но убѣжденіями и частыми осмотрами или строгимъ надзоромъ.

Минимальный возрастъ для поступленія на работу г. Федоровъ, по слову Эрисмана, полагаетъ съ 15 лѣтъ или же, по мнѣнію Вѣка, съ наступленія половой зрѣлости и говоритъ, что такое ограниченіе не можетъ быть вредно и въ экономическомъ отношеніи (стр. 45); между тѣмъ германскіе фабричные инспекторы уже принуждены хлопотать о томъ, чтобы уволенныхъ дѣтей опять принимали на фабрики, въ виду нищенства, бродяжничества и воровства, которое развивается по случаю ихъ распущенія.

Неосновательно говоритъ авторъ и во введеніи, что прежде, чѣмъ хлопотать о развитіи умственнаго образованія, нужно позаботиться объ условіяхъ, при которыхъ оно можетъ быть достигнуто... и т. д. (стр. II). Автору слѣдовало бы проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, которое компетентныя лица Англии и Франціи вынесли изъ опыта,

что одновременно съ ограниченіемъ дѣтской работы необходима организація школъ, въ которыхъ принимались бы дѣти въ свободные отъ занятія часы. Опытъ Англіи уже достаточно великъ, чтобы указать плодотворность упрѣжденной работы, идущей одновременно съ обученіемъ въ школѣ (стр. 82). На стр. 50 авторъ совершенно невѣрно утверждаетъ, что изъ организацій обязательнаго первоначальнаго образованія для фабричныхъ дѣтей собственно и развился принципъ общаго обязательнаго образованія для дѣтей извѣстнаго возраста: этотъ принципъ былъ введенъ въ законодательство Германіи гораздо ранѣ изданія фабричныхъ законовъ, въ Англіи же и до сихъ поръ онъ не введенъ.

На стр. 47 находится важный недосмотръ, касающійся Россіи: именно, говорится, что работа дѣтей запрещена до 12 лѣтъ, между тѣмъ какъ при самомъ изданіи закона 1-го іюня 1882 г. предположено, что въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности могутъ быть допущены и 10-ти лѣтніе.

Другихъ недосмотровъ и оmissions можно найти не мало; напримѣръ, на стр. 114 говорится, что температура хлѣбопекарной печи достигаетъ часто 75—90°, тогда какъ при такой низкой температурѣ хлѣба печь нельзя. О ткацкой промышленности говорится то, что относится къ прядильной или прядильно-ткацкой, напримѣръ, на стр. 92, 94, 107.

Изложеніе книги г. Федорова вездѣ свободное, безъ громкихъ фразъ и декламаций и, не смотря на большіе въ ней недостатки, книгу эту нельзя не признать вообще весьма полезною.

Е. А.

Die Stundenpläne für GYMNASIEN, REALGYMNASIEN UND LATEINLOSE REALSCHULEN IN DEN BEDeutENDSTEN STAATEN DEUTSCHLANDS. Zusammengestellt von G. Uhlig. Heidelberg. 1884.

Небольшая книжка, заглавіе которой здѣсь написано, заключаетъ въ себѣ сжатое сопоставленіе учебныхъ плановъ гимназій и реальныхъ училищъ разныхъ категорій въ Германіи.

До сихъ поръ свѣдѣнія, относящіеся до устройства учебной части въ разныхъ частяхъ Германіи нужно было отыскивать въ различныхъ официальныхъ изданіяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ различныхъ сборникахъ; теперь же, благодаря труду Улига, планы эти соединены въ одной книжкѣ. Притомъ, составитель не ограничился

простой перенечаткой нынѣ дѣйствующихъ учебныхъ плановъ, но и прибавилъ къ нимъ рядъ таблицъ, значительно облегчающихъ сравненіе этихъ различныхъ плановъ. Эти сравнительныя таблицы относятся до всего количества еженедѣльныхъ уроковъ, назначенныхъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ категорій по отдѣльнымъ классамъ и по отдѣльнымъ предметамъ преподаванія. Въ концѣ же книжки помѣщены выводы изъ этого статистическаго матеріала. Тутъ авторъ показываетъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ среднія учебныя заведенія въ государствахъ Германіи относительно всего числа уроковъ, по разнымъ категоріямъ училищъ, по разнымъ классамъ и по разнымъ предметамъ преподаванія. Эти выводы весьма любопытны: такъ, напримѣръ, относительно древнихъ языковъ поражаетъ громадное различіе назначенныхъ для нихъ уроковъ. Для латинскаго языка въ вертембергскихъ гимназіяхъ назначено наибольшее число, именно 102, или, если не считать первый классъ, 90, а въ сосѣднихъ баденскихъ почти наименьшее, именно 72; для греческаго же языка максимумъ и минимумъ колеблется между 46 и 36 часами (въ прусскихъ отъ 77 до 40 часовъ). Вообще книжка Улига можетъ быть весьма полезна всякому, кто пожелаетъ ознакомиться со внутреннимъ устройствомъ учебной части среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾

Эпизодическій курсъ исторіи. Вововщяя исторія. Курсъ III и IV класса мужскихъ гимназій. Составилъ преподаватель Новочеркасской мужской гимназій А. Кузнецовъ. Новочеркасскъ. 1888.

Наша учебная литература представляетъ такъ мало руководствъ и учебныхъ пособій для преподаванія эпизодическаго курса исторіи, что нельзя не порадоваться появленію каждаго новаго учебника или пособия, составленнаго съ этою цѣлью, особенно если этотъ учебникъ или пособіе чѣмъ-либо выгодно отличается отъ существующихъ руководствъ и пособій, представляетъ какое-либо улучшеніе въ отношеніи выбора, распредѣленія или изложенія матеріала. „Эпизодическій курсъ исторіи“ г. Кузнецова на первый взглядъ и производитъ впечатлѣніе такого весьма желательнаго руководства. И нельзя не признать, что опытъ г. Кузнецова заслуживаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одобренія и предпочтенія предъ другими учебниками по всеобщей исторіи, составленными для III-го и VI-го классовъ гимназій. Авторъ „Эпизодическаго курса исторіи“ задался, очевидно, цѣлью выбрать изъ всей исторіи лишь самыя выдающіеся моменты, познакомить учащихся лишь съ самыми выдающимися явленіями и личностями, но за то дать о каждомъ изъ этихъ явленій и о каждой личности обстоятельный разказъ, который произвелъ бы впечатлѣніе на ученика, а не взглянулся бы изъ памяти его такъ быстро, какъ содержаніе тѣхъ руководствъ, кои вслѣдствіе крайней сжатости и безцвѣтности изложенія не оставляютъ въ головахъ учениковъ почти ни-

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

какого слѣда. Г. Кузнецовъ не заботится о связи между различными эпизодами и объ ознакомленіи учащихся съ второстепенными явленіями. Считаю, очевидно, эту связь и послѣдовательность событій непонятною для учащихся III-го и IV-го классовъ. Такъ, изъ всей средневѣковой исторіи имъ взяты лишь слѣдующія явленія: 1) Паденіе Западной Римской имперіи и возникновеніе германскихъ государствъ, 2) Арабы и Магометъ, 3) Франкская монархія при Карлѣ Великомъ и распаденіе Карловой монархіи, 4) Борьба папъ съ императорами въ лицѣ Григорія VII и Генриха IV, 5) Крестовые походы, изложеніе которыхъ ограничивается разказомъ о первомъ Крестовомъ походѣ и указаніемъ слѣдствій Крестовыхъ походовъ, 6) изъ исторіи славянства только разказъ о Кириллѣ и Мефодіѣ и о раздѣленіи церкви, и наконецъ 7) паденіе Восточной Римской имперіи. Но о нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій говорится даже, пожалуй, болѣе подробно, чѣмъ въ нѣкоторыхъ руководствахъ для старшаго возраста. Особенно удачными были разказы о Магометѣ, о борьбѣ Григорія VII съ Генрихомъ IV и о первомъ Крестовомъ походѣ, и эти разказы могли бы быть прочтаны учениками не безъ удовольствія. Въ отдѣлѣ новой исторіи всѣ разказы сгруппированы въ четыре главы 1) Великія изобрѣтенія и открытія, 2) Церковные реформаторы 3) Противодѣйствіе реформаціи и 4) Сѣверо-Американская война. И въ этомъ отдѣлѣ есть нѣкоторые разказы, написанные очень живо какъ наприимѣръ, о Колумбѣ и объ открытіи Америки, о Іоаннѣ Гусѣ, объ Игнатіи Лойолѣ.

Сочувствуя мысли, руководившей автора „Эпизодическаго курса исторіи“ при выборѣ матеріала, мы однако далеки отъ того, чтобы считать этотъ выборъ вполне удачнымъ. Такъ, въ отдѣлѣ исторіи Востока мы находимъ небольшую главу объ Индусахъ, гдѣ авторъ старается дать ученикамъ понятіе о браминизмѣ и о буддизмѣ, пониманіе которыхъ врядъ ли по силамъ ученикамъ III-го и IV-го классовъ даже въ болѣе удачномъ изложеніи, чѣмъ въ руководствѣ г. Кузнецова. Между тѣмъ въ отдѣлѣ средней исторіи, недостаетъ вовсе разказа о Юстиніанѣ Великомъ, тогда какъ въ главѣ о Крестовыхъ походахъ говорится о положеніи Византійской имперіи, объ основаніи Латинской имперіи и затѣмъ въ отдѣльной главѣ—о паденіи Византіи. Нельзя, конечно, считать правильнымъ опущеніе, хотя бы и въ эпизодическомъ курсѣ средней исторіи, всего, что относится къ феодализму и рыцарству. Авторъ, вѣроятно, исходилъ изъ той точки зрѣнія, что происхожденіе и развитіе феодальной системы—слишкомъ сложное явленіе, непосильное дѣ-

скому уму; но, не касаясь генезиса феодализма и его послѣдовательнаго развитія, можно бы все-таки и въ эпизодическомъ курсѣ дать вѣрное понятіе о феодальномъ устройствѣ того или другаго изъ западно-европейскихъ государствъ, преимущественно Франціи, связавъ изложеніе этого матеріала съ біографіей такой выдающейся и свѣтлой личности, какъ Людовикъ IX Святой. Развѣ разказъ о правленіи Октавіана Августа или о причинахъ возвышенія папства можетъ считаться матеріаломъ гораздо болѣе доступнымъ, чѣмъ очеркъ феодальнаго устройства Франціи въ самыхъ крупныхъ его чертахъ? Не понятно также, почему въ отдѣлѣ новой исторіи вовсе не говорится о такихъ выдающихся дѣятеляхъ, какъ Фридрихъ Великій, Наполеонъ и нѣкоторые другіе? Послѣ Тридцатилѣтней войны мы находимъ только одинъ разказъ—о Сѣверо-Американской войнѣ. Неужели изъ всего богатаго матеріала съ половины XVII вѣка г. Кузнецовъ не считалъ возможнымъ выбрать хоть нѣсколько выдающихся эпизодовъ или біографій? Или, можетъ быть, авторомъ „Эпизодическаго курса исторіи“ руководили какія-либо особныя соображенія? Тогда слѣдовало бы выяснитъ ихъ въ предисловіи къ учебнику; но такого предисловія авторъ вовсе не предпослалъ, и потому о мотивахъ, руководившихъ имъ, можно говорить только предположительно.

Всѣ эти пробѣлы и пропуски авторъ однако могъ бы легко восполнить въ слѣдующемъ изданіи своего эпизодическаго курса; но не какъ-то легко будетъ исправить массу грубыхъ ошибокъ, которыми переполнена разбираемая нами книга, и происхожденіе которыхъ обусловливается, очевидно, недостаточною научною подготовкою автора, поверхностнымъ знакомствомъ съ предметомъ, а также явною небрежностью къ задачѣ, имъ на себя принятой. Всего болѣе встрѣчается такихъ грубыхъ ошибокъ и недосмотровъ въ отдѣлѣ древней исторіи, особенно въ разказахъ изъ исторіи Греціи и Рима. Въ разказахъ изъ исторіи Востока грубыхъ ошибокъ мало, но и тутъ есть много невѣрнаго и не меньше пробѣловъ. Возьмемъ небольшую главу о Египтянахъ, стр. 5—8. Впервые, говоря о религіи Египтянъ, авторъ не упоминаетъ ни словомъ объ обоготвореніи солнца. Озирисъ является лишь олицетвореніемъ Нила, между тѣмъ какъ обоготвореніе солнца въ различныхъ фазахъ видимаго движенія его, и притомъ въ различныхъ частяхъ Египта подъ различными именами, есть самая характерная черта религіи древнихъ Египтянъ: солнце обоготворялось и подъ именемъ Аммона, и подъ именами Фта, Ра, Озирисъ, Горъ, Кенеръ и. т. п. Конечно, въ эпизодическомъ курсѣ нѣтъ надобности сообщать всѣ

эти подробности, но нѣтъ также основанія вовсе игнорировать культъ солнца. Повторныхъ, не упоминается ни словомъ о различіи между вѣрованіями массы народа и жрецовъ. Втретыхъ, вѣрованія о загробной жизни характеризуются какъ „весьма странныя“. Не указано вовсе на вѣру въ возмездіе за добрыя и дурныя дѣла, на вѣрованіе въ судъ Озириса. Вчетвертыхъ, причины почитанія животныхъ объяснены невѣрно. Впятыхъ, о балзамированіи говорится невѣрно. Вшестыхъ, безъ всякаго основанія авторъ утверждаетъ, что царя выбирались преимущественно изъ жреческаго сословія, и только рѣдко изъ корпораціи воиновъ. Вседьмыхъ, говоря о памятникахъ египетскаго искусства, авторъ не упоминаетъ ни объ обелискахъ, ни о сфинксахъ, ни о грандіозныхъ храмахъ и дворцахъ. Ввосемьмыхъ, не упоминается вовсе о іероглифахъ. Мы не считаемъ нужнымъ также подробно разбирать остальныхъ разказовъ изъ исторіи Постока, хотя и въ нихъ встрѣчается много невѣрнаго. Но считаемъ необходимымъ указать на одинъ существенный пробѣлъ: говоря объ Ассиріанахъ и Вавилонянахъ, о Финикіанахъ, о Мидянахъ и Персахъ, авторъ ни слова не говоритъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ этихъ народовъ, между тѣмъ какъ всего важнѣе знать изъ исторіи восточныхъ народовъ именно ихъ религіозныя вѣрованія, вліяніе которыхъ нигдѣ такъ сильно не отражалось во всѣхъ сферахъ жизни, какъ на Востокѣ. И тѣмъ объяснить такой крупный пробѣлъ? Можетъ быть, авторъ съ уисломъ пропустилъ все то, что касается религіозныхъ вѣрованій упомянутыхъ народовъ, считая матеріалъ этотъ слишкомъ труднымъ или недоступнымъ для учениковъ III-го и IV-го классовъ. Но развѣ религіозное ученіе Зороастра труднѣе постигнуть 13-ти или 14-лѣтнему мальчику, чѣмъ религіозное ученіе браминновъ, а между тѣмъ говоритъ же авторъ о браманизмѣ и буддизмѣ и пытается объяснить сущность пантеистическаго мировоззрѣнія, хотя и крайне неудачно. Вотъ какъ авторъ объясняетъ различіе между религіозными воззрѣніями Египтянъ и Индусовъ: „Египтяне воздавали божескія почести только нѣкоторымъ предметамъ и явленіямъ природы; Индусы, напротивъ, обоготворили всю природу, почему и религія ихъ была не многобожіемъ, а всебожіемъ“ (стр. 12). Не говоря ужъ о томъ, что такое объясненіе само по себѣ крайне поверхностно и невѣрно, что поймутъ изъ этого объясненія ученики III-го и IV-го классовъ, для которыхъ предназначается руководство г. Кузнецова. Далѣе Брама называется „творцомъ всего существующаго“, что и свидѣтельствуетъ о крайней сбивчивости понятій самаго автора о пантеистическомъ ученіи браминновъ, въ силу котораго міръ является не созданіемъ Брами, а лишь эманацией его.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію разказовъ изъ исторіи Греціи и Рима, представляющей вообще болѣе благодарный матеріалъ для энциклопедическаго курса, чѣмъ исторія Востока.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи Греціи, мы вовсе не находимъ главы о религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Грековъ. Но это нельзя считать особенно ошутительнымъ пробѣломъ, такъ какъ въ довольно подробно разказанныхъ сценахъ изъ Илиады и Одиссеи опытный преподаватель найдетъ, разумѣется, достаточно матеріала для того, чтобы въ катехизической бесѣдѣ по поводу участія боговъ въ борьбѣ Грековъ съ Троянцами выяснить ученикамъ характеристическія особенности религіозныхъ воззрѣній древнихъ Грековъ. Гораздо болѣе бросается въ глаза то, что авторъ вовсе не считаетъ нужнымъ дать понятіе ученикамъ, для которыхъ составлена его книга, объ общенациональныхъ учрежденіяхъ Грековъ, связывавшихъ различныя племена греческія въ одинъ народъ: авторъ не даетъ ни объясненія о Дельфійскомъ оракулѣ, ни описанія Олимпійскихъ игръ и т. п. Но наиболѣе слабою стороною въ учебникѣ г. Кузнецова оказывается объясненіе политическихъ учрежденій Греціи и Рима. Тутъ авторъ сплошь и рядомъ обнаруживаетъ недостаточное знаніе дѣла и непростительную небрежность въ изложеніи. Остановимся подробнѣе на разсмотрѣніи разказовъ о Ликургѣ и о Солонѣ и на тѣхъ главахъ, изъ исторіи Рима, гдѣ авторъ говоритъ о патриціяхъ и о плебейхъ, объ оптиматахъ и пролетаріяхъ. Приступая къ объясненію законодательства Ликурга, авторъ считаетъ почему-то нужнымъ выдвинуть на первый планъ заботы Ликурга объ улучшеніи положенія рабовъ. „Прежде всего“, говоритъ г. Кузнецовъ, — „Ликургъ позаботился объ облегченіи положенія рабовъ. Рабы объявлены были собственностью государства, которое отдавало ихъ господамъ только во временное пользованіе; поэтому господинъ не могъ распорядиться рабомъ какъ какою нибудь вещью, то-есть, не могъ ни продать его, ни заложить. Рабы имѣли право вступать въ бракъ, приобрѣтать имущество, и отношенія ихъ къ господамъ сводились главнымъ образомъ къ тому, что они платили въ пользу послѣднихъ извѣстный оброкъ“ (стр. 42). Указавъ такимъ образомъ, какъ на одну изъ главныхъ заслугъ Ликурга, на улучшеніе имъ положенія рабовъ, г. Кузнецовъ страннымъ образомъ заканчиваетъ главу о Ликургѣ слѣдующими словами: „Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, законы Ликурга имѣли и свои недостатки. Они клонились прежде всего къ выгодѣ привилегированнаго класса, и весьма мало облегчили положеніе другихъ классовъ,

въ особенностъ рабовъ. Съ какими пресрѣщеніемъ относились Спартянцы къ рабамъ, показываютъ слѣдующіе примѣры: рабовъ заставляли не въ мѣру пить вино и въ нетрезвомъ видѣ водили вокругъ общественныхъ столовъ, дабы внушать юношамъ отвращеніе къ пьянству; съ тою же цѣлью рабы, въ присутствіи юношей, были оскорбительны для нравственнаго чувства гѣсами и пускались въ смѣшныя и неприличныя пляски. Но самымъ безчеловѣчнымъ обычаемъ, существовавшимъ въ Спартѣ, была критія. Она состояла въ томъ, что молодые Спартянцы, вооруженные книжалами и мечами, расходились по странѣ и устраивали на рабовъ настоящую охоту. Подобная рѣзня, по мнѣнію Спартянцевъ, пріучала юношей къ крови, а главное—предупреждала размноженіе того класса людей, который никогда не переставалъ тяготиться своимъ положеніемъ" (стр. 46 и 47). Здѣсь что ни слово, то совершенная неправда. Если автору и невзвѣстенъ взглядъ знаменитаго англійскаго историка на критію, то во всякомъ случаѣ этимологическое значеніе греческаго слова критія должно было предостеречь автора отъ истолкованія этого термина въ смыслѣ настоящей охоты на рабовъ. Но и помимо того, странно было автору не замѣтить того грубаго противорѣчія, которое такъ рѣжетъ глаза, когда сопоставляешь то, что говорится о законахъ Ликурга относительно рабовъ въ началѣ и въ концѣ одной и той же главы. Указавъ на улучшеніе Ликургомъ положенія рабовъ, авторъ слѣдуетъ указаніемъ на „заботы его объ улучшеніи быта жителей покоренныхъ городовъ". Слѣдуя давно уже отвергнутому указанію Плутарха на аграрныя реформы Ликурга, г. Кузнецовъ выдвигаетъ заслугу его въ уничтоженіи „якощественнаго неравенства между населеніемъ Лаконіки, слишкомъ рѣзко бросающагося въ глаза": „Въ то время, какъ одни утопали въ богатствѣ и роскоши (?), другіе владѣли самымъ жалкимъ существованіемъ. Чтобы положить конецъ такому несправедливому распредѣленію богатствъ между гражданами, Ликургъ объявлялъ всю землю государственною собственностью, а затѣмъ раздѣлилъ ее на 39,000 участковъ, при чемъ Спартіаты получили большіе участки, чѣмъ жители городовъ, покоренныхъ Доріанами; за то каждый участокъ достигалъ такихъ размѣровъ, что владѣлецъ его могъ безбѣдно просуществовать въ теченіе года". Характеризуя роль и дѣятельность политическихъ учрежденій Спарты, г. Кузнецовъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношеніе народнаго собранія Спарты къ герузіи: „Самые важныя государственныя вопросы

подлежали вѣдѣнію герузій, на примѣръ, объявленіе войны, заключеніе мира, наданіе законовъ и т. д. Рядомъ съ герузіей Ликургъ поставилъ народное собраніе. Въ народномъ собраніи заслушивались проекты, составленные геронтами; но народъ не имѣлъ права обсуждать ихъ, а только простымъ да или нѣтъ принималъ ихъ или отвергалъ. Самая вліятельная роль въ Спартѣ принадлежала такимъ образомъ геронтамъ. Ликургъ возлагалъ на герузію самыя широкія надежды. Это учрежденіе должно было служить связующимъ звеномъ между царями и народомъ и тѣмъ предупреждать въ странѣ смуты, которыя происходили отъ столкновеній между царями и ихъ подданными" (стр. 43). Что самая вліятельная роль въ Спартѣ принадлежала герузіи—это неоспоримо; что же касается заслушивания народнымъ собраніемъ проектовъ, составленныхъ геронтами, то это—измышленіе г. Кузнецова: на самомъ дѣлѣ герузія не занималась выработкою проектовъ закона, а издавала законы, которые были предлагаемы на утвержденіе періодически созывавшемуся народному собранію. Также невѣрно и то, что говорится о назначеніи герузій предупреждать въ странѣ тѣ смуты, которыя происходили отъ столкновеній между царями и ихъ подданными. Совершенно невѣрно то, что въ Спартѣ дѣтей слабыхъ и болѣзненныхъ сбрасывали съ вершины Тайгета (стр. 44). Невѣрно все то, что говорится о мѣрахъ Ликурга для устраненія роскоши. Говорить въ настоящее время какъ о дѣйствительномъ фактѣ объ изгнаніи Ликургомъ изъ употребленія золотой и серебряной монеты и о замѣнѣ ея желѣзною совершенно неумѣстно. Извѣстно, что золотая и серебряная монета въ IX в. до Р. X., къ которому относятъ законы Ликурга, не были еще въ употребленіи не только въ Спартѣ, но и во всей Греціи: серебряную монету первый началъ чеканить на островѣ Эгинѣ правитель Аргоса Фидонъ, жившій около ста лѣтъ послѣ Ликурга. Между тѣмъ, г. Кузнецовъ нашелъ нужнымъ распространиться относительно послѣдствій введенія Ликургомъ въ обращеніе желѣзной монеты, при чемъ говоритъ много лишняго и даже несообразнаго. „Легко понять (?), что отъ введенія въ обращеніе желѣзной монеты число преступленій въ Спартѣ должно было значительно уменьшиться. Введеніе въ обращеніе желѣзной монеты повело и къ другимъ послѣдствіямъ: иностранные купцы, пріѣзжавшіе въ Лаконику, вовсе перестали посѣщать эту страну, потому что не хотѣли получать за свои товары тяжеловѣсными деньгами. Съ того времени предметы роскоши и удовольствій, которые

привозились въ Спарту изъ чужихъ земель, стали выходить изъ употребленія" и т. д. (стр. 46). О мѣрахъ Ликурга для уменьшенія частныхъ сношеній Спартянцевъ съ чужеземцами, г. Кузнецовъ выражается также весьма странно. „Ликургъ", говоритъ г. Кузнецовъ, — „воспретилъ Спартянцамъ посѣщать безъ особенной надобности чужія страны; а иностранцевъ, прїѣзжавшихъ въ городъ (?) безъ полезной цѣли, онъ изгонялъ самымъ безцеремоннымъ образомъ".

Законы Солона изложены въ руководствѣ г. Кузнецова лучше, чѣмъ законы Ликурга, но все-таки съ большими погрѣшностями; дающими невѣрное понятіе о предметѣ. Говоря объ отиѣнїи царской власти въ Аѣнахъ и объ учрежденіи аристократически-республиканской формы правленія, г. Кузнецовъ замѣчаетъ, что перемѣна эта произошла по желанію не всего народа, а лишь богатыхъ и зажиточныхъ классовъ общества (стр. 47). Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Кузнецова, названіе класса эвпатридовъ тождественно съ выраженіемъ „богатые и зажиточные классы общества". Говоря объ улучшеніи положенія рабовъ, благодаря законамъ Солона, г. Кузнецовъ утверждаетъ, что положеніе рабовъ Солонъ улучшилъ тѣмъ, что воспретилъ господамъ бить ихъ (?) (стр. 49). Далѣе, переходя къ дѣленію Солономъ всѣхъ гражданъ на четыре класса по имуществу, авторъ говоритъ, что „Солонъ раздѣлилъ весь народъ на четыре класса и сообразно съ количествомъ имущества гражданъ распредѣлилъ между ними права и государственныя повинности" (ibid.). Здѣсь двѣ ошибки: во-первыхъ, выраженіи граждане и народъ употребляются какъ тождественныя выраженія относительно Аѣнской республики; во-вторыхъ, Солонъ принималъ во вниманіе не количество имущества гражданъ, а доходъ каждаго гражданина съ принадлежавшей ему земли, такъ что самые богатые капиталисты, не владѣвшіе землей, принадлежали къ четвертому классу, наравнѣ съ оетами. Характеризуя судебную дѣятельность ареопага, г. Кузнецовъ говоритъ: „Свои приговоры судьи писали на дощечкахъ и клали ихъ или въ мѣдную урну милосердія, или въ деревянную урну смерти. Въ случаѣ, въ той и другой урнѣ оказывалось одинаковое количество дощечекъ, бросалась еще одна дощечка въ урну милосердія, и подсудимый считался оправданнымъ" (стр. 51). Говоря о воспитаніи въ Аѣнахъ по законамъ Солона, г. Кузнецовъ утверждаетъ, что „дѣти аѣнскихъ гражданъ росли дома, на попеченіи родителей, и только на 16-мъ году начинали посѣщать общественныя школы" (ibidem).

Въ разказахъ изъ исторіи Рима, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается политическихъ учреждений или сословныхъ отношеній, мы встрѣчаемъ въ „Эпизодическомъ курсѣ исторіи“ не менѣе грубая ошибки. Вотъ какъ объясняетъ авторъ происхождение класса всадниковъ, а также сословій патриціевъ и плебеевъ: „Особу цара (то-есть, Ромула) охраняли 300 тѣлохранителей, набранные изъ людей сильныхъ и отважныхъ: потомки ихъ составили классъ всадниковъ. Изъ самыхъ знатныхъ и опытныхъ людей Ромулъ составилъ сенатъ, который, сообщая съ нимъ, занимался обсужденіемъ текущихъ государственныхъ вопросовъ; потомки сенаторовъ образовали господствующій классъ патриціевъ. Простые граждане, не получившіе доступа въ сенатъ, стали называться плебеями“ (стр. 80). Правда, вопросъ о происхожденіи плебеевъ и патриціевъ до настоящаго времени не выясненъ окончательно въ исторической наукѣ и представляетъ еще много спорнаго, но врядъ ли въ какомъ-либо серьезномъ научномъ трудѣ можно найдти объясненіе, подобное тому, какое мы находимъ въ разсматриваемомъ эпизодическомъ курсѣ. Уясненіе борьбы плебеевъ съ патриціями авторъ считаетъ, очевидно, совершенно недоступнымъ для учениковъ III-го и IV-го классовъ гимназій и потому довольствуется относительно этого вопроса лишь нѣсколькими строками объ уравненіи въ правахъ патриціевъ съ плебеями. Но развѣ такіа общія указанія, какія заключаются въ этихъ строкахъ, легче понять начинающимъ учиться исторіи, чѣмъ живой образной разказъ объ отшествіи плебеевъ на Священную гору и объ учрежденіи должности народныхъ трибуновъ, или разказъ о децемвирахъ и выдачіи ими законовъ XII-ти таблицъ? Смѣемъ думать, что такого рода разказы гораздо легче будутъ восприняты учениками 13—14 лѣтъ, чѣмъ сухія, отвлеченныя указанія на уравненіе въ правахъ патриціевъ съ плебеями.

Объясняя послѣдствія завоеваній, сдѣланныхъ Римлянами въ періодъ Пуническихъ войнъ, и указывая какъ на одно изъ самыхъ важныхъ послѣдствій—на возникновеніе пролетаріата, г. Кузнецовъ даетъ совершенно невѣрное объясненіе происхожденія этого класса общества: „Проводя почти всю жизнь внѣ дома, среди непрерывныхъ военныхъ походовъ, римскіе граждане лишены были возможности заботиться о поддержаніи и улучшеніи своихъ хозяйствъ; возвращаясь же въ свои разоренныя помѣстья, они оказывались совершенно неспособными вести хозяйственныя дѣла, потому что война отучала ихъ отъ мирныхъ занятій. Утративъ такимъ образомъ умѣнье извлекать изъ часть сохху, отд. 3.

земли и равныхъ угодій надлежащую пользу, римскіе граждане вынуждены были продавать ихъ за безцѣнокъ людямъ богатымъ и переходили въ классъ безземельныхъ людей или пролетаріевъ" (стр. 97). На главнѣйшую причину, обусловливавшую возникновеніе пролетаріата, на быстрое увеличеніе въ Италіи, вслѣдствіе завоеваній, массы работъ, руками которыхъ обрабатывались поля оптиматовъ, вслѣдствіе чего римскіе крестьяне не могли конкурировать съ крупными землевладѣльцами-оптиматами, нѣтъ и намѣка въ „Эпизодическомъ курсѣ исторіи“.

Желая объяснить переходъ отъ республиканской формы правленія къ монархической въ Римѣ, г. Кузнецовъ указываетъ на то, что „республиканская форма правленія одинаково не удовлетворяла ни пролетаріевъ, ни провинціаловъ“ (стр. 98) и потому должна была уступить мѣсто монархіи. Но развѣ можно сопоставлять положеніе пролетаріевъ въ послѣдній періодъ Римской республики съ положеніемъ провинціаловъ? Послѣдніе не пользовались рѣшительно никакими правами и стонали подъ страшнымъ произволомъ и гнетомъ римскихъ намістниковъ, тогда какъ пролетаріи пользовались всѣми правами полного римскаго гражданства и утѣшались въ утратѣ своихъ земельекъ возможностью получать даромъ „*panem et circenses*“.

Помимо этихъ грубыхъ ошибокъ, въ книгѣ г. Кузнецова встрѣчаются нерѣдко и второстепенныя погрѣшности, свидѣтельствующія о томъ, что авторъ эпизодическаго курса черпалъ матеріалъ для него не изъ серьезныхъ научныхъ трудовъ, а нерѣдко изъ плохихъ руководствъ. Такъ, говоря о мѣрахъ, которыми Октавіанъ старался привлечь къ себѣ массу пролетаріевъ, авторъ говоритъ: „Руководясь примѣромъ Цезаря, онъ не щадилъ денегъ на увеселеніе народа зрѣлищами, на даровую раздачу хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ; мало того: онъ открылъ для бѣдныхъ безплатныя купальни и даже нанялъ для нихъ цирюльниковъ“ (стр. 109).

Въ разказахъ изъ исторіи средней и новой встрѣчаются также тамъ и сямъ ошибки, хотя въ общемъ разказы эти все-таки обработаны гораздо болѣе тщательно, и находящіяся въ нихъ погрѣшности не такъ рѣжутъ глаза, какъ по самому характеру ошибокъ такъ и по числу ихъ. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ ошибокъ исправленіе коихъ особенно желательно въ слѣдующихъ изданіяхъ разбираемаго учебника:

- 1) Слѣдуя рутинному объясненію происхожденія романскихъ язы-

ковъ, авторъ утверждаетъ, что языки эти произошли отъ смѣшенія латинскаго языка съ германскими нарѣчіями (стр. 129).

2) Напрасно утверждаетъ авторъ, что Англо-Саксы, какъ и Франки, съ самаго начала приняли христіанство по католическому обряду, что облегчило сліяніе ихъ съ туземцами католиками (стр. 128). Извѣстно, что Англо-Саксы не тотчасъ послѣ утвержденія въ Британіи приняли христіанство, а лишь полтора столѣтія спустя, именно начиная съ 596 года и затѣмъ въ теченіе почти всего VII столѣтія, и что утвержденіе Англо-Саксовъ въ Британіи, начиная съ 449 года, сопровождалось не быстрымъ сліяніемъ съ туземнымъ населеніемъ, а истребленіемъ Бриттовъ цѣлыми массами или вытѣсненіемъ ихъ изъ покоренной территоріи.

3) На стр. 174 читаемъ, что Мурадъ I, утвердивъ свою столицу въ Адрианополь, занялся прежде всего покореніемъ Болгаріи и Сербіи. „Сначала онъ устремился на Болгарію, завоевалъ ее и обратилъ въ турецкую провинцію, а затѣмъ двинулся на Сербовъ“. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Кузнецова, покореніе Болгаріи Османскими Турками и обращеніе ея въ турецкую провинцію предшествовало Коссовской битвѣ 1389 г. На самомъ же дѣлѣ Болгарія покорена Османскими Турками отчасти при содѣйствіи самихъ Сербовъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Коссовской битвы, именно въ 1393 году.

Мы сказали въ самомъ началѣ нашего разбора эпизодическаго курса г. Кузнецова, что изложеніе его вообще довольно живо и въ нѣкоторыхъ наиболѣе удачныхъ разказахъ можетъ произвести на учениковъ впечатлѣніе. Но и въ отношеніи изложенія автору не достаетъ желательной выдержки и ровности: кое-гдѣ встрѣчаются у него очень высокопарныя и туманныя для юныхъ учениковъ выраженія. Чтобы указаніе наше не казалось голословнымъ, приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры:

Стр. 69: „Въ основу воспитанія Александра Аристотель положилъ изученіе безсмертныхъ твореній Гомера, считавшихся въ то время источникомъ политической и гражданской мудрости“.

Стр. 113 и 114: „Возлюбите ближнихъ вашихъ, какъ самихъ себя“, сказалъ Христосъ, и въ этихъ не многихъ словахъ впервые открылъ ту цѣлебную силу, которая могла уврачевать язвы, присущія человѣческимъ обществамъ“.

Стр. 147: „Путемъ предпринятыхъ реформъ Григорій, УЦ думалъ привести духовенство къ полному подчиненію царской власти и заставить его служить интересамъ церкви, а не интересамъ свѣтскихъ властей“ и т. д.

Кромѣ высокопарныхъ или туманныхъ фразъ, совершенно неумѣстныхъ въ элементарномъ руководствѣ, въ немъ встрѣчается много неправильныхъ выраженій и образовъ, которыхъ особенно слѣдуетъ избѣгать въ книгахъ, назначенныхъ служить для учащихся образцами изложенія. Странно встрѣтить, на примѣръ, въ руководствѣ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: 1) Имъ (то-есть, Спартамцамъ) воспрещено было держать пышныя постели и столы (стр. 45). 2) Римляне во главѣ съ Ромуломъ (стр. 81). 3) Фабіи устроилъ засады (стр. 92). 4) Германцы разоряли города и села, которыя лежали имъ на пути (стр. 120). 5) Сельджуки грабили христіанъ въ дорогахъ (стр. 158). 6) Слава и почести, на которыя могъ разчитывать Кирилль, по своему положенію и блестящему образованію, были ему совершенно чужды (стр. 168). 7) Гнѣвъ императора не миновалъ и Фридриха V (стр. 222).

Пособіе для рисованія въ школѣ и дома. Этюды русскаго пейзажа. Художника Н. А. Мартинова, выпускъ I. Москва. 1884. 10 л. рис. и 1 стран. текста.

Этотъ выпускъ „Пособія“ г. Мартинова состоитъ изъ 10 листовъ литографій, на которыхъ изображены цвѣтки, листья, ягоды, грибы, скалы, пни, избы и пр. Цѣль изданія, какъ объясняетъ въ предисловіи къ нему авторъ,—состоитъ въ томъ, чтобы „развить и выработать въ учащемся умѣніе рисовать съ природы окружающую его русскую природу и предметы русской жизни“, то-есть, умѣнье рисовать русскіе пейзажи съ обычными аксессуарамъ. Между тѣмъ цѣль рисованія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ, между прочимъ, какъ видно изъ того же предисловія, авторъ предназначаетъ свое изданіе,—совершенно другая. Задача обученія рисованію въ названныхъ училищахъ состоитъ въ правильномъ развитіи глазомѣра и руки ученика и въ обученіи его сознательно и правильно передавать графически несложные предметы видимаго міра. Для достиженія этой цѣли оригиналы, о которыхъ ведется рѣчь, совершенно непригодны: они могутъ только умножить собою уже безъ того богатый матеріалъ для безсознательнаго, рабскаго копированія данныхъ штриховъ и тушевки и для поддѣлки

рукой руки и манеры, но несколько не могут способствовать умственному развитію ученика, какъ это требуется въ настоящее время отъ всякаго сколько-нибудь толковаго преподаванія рисованія въ школахъ.

Многолѣтній опытъ лучшихъ иностранныхъ и русскихъ учителей рисованія доказалъ—на что впрочемъ наводитъ и здравый смыслъ, нѣкоторое размышленіе, — что наилучшіе предметы для первоначальнаго упражненія въ рисованіи суть не грибы и цвѣтки, е ягоды и стволы деревъ въ перспективѣ, а простѣйшія основныя формы предметовъ внѣшней природы, именно: основныя геометрическія фигуры, а затѣмъ и геометрическія тѣла, на которыхъ самымъ нагляднымъ образомъ можно ознакомить ученика съ главнѣйшими правилами перспективы. Если же, напротивъ того, начать упражненія въ рисованіи съ копированія налитографированныхъ цвѣткѣвъ, грибовъ, кадокъ, горшковъ, елокъ, скалъ и т. п., то можно зрочно убедиться, что ученикъ, даже весьма усердно скопировавшій всѣ дѣталь таблицы этого перваго выпуска „Пособія“ г. Мартынова, не будетъ въ состояніи только нарисовать съ натуры хотя бы только одну тебѣжку съ бочкой, изображенную на перерисованномъ имъ оригиналѣ.

9. Разумнымъ и полезнымъ можно признать только такой курсъ рисованія, который дѣйствительно выучиваетъ ученика, прошедшаго отъ курса, правильно рисовать съ натуры всякіе узоры и предметы, учивъ его, по оригиналамъ или моделямъ, сознательно и вѣрно рисовать основныя геометрическія фигуры и тѣла. Къ числу такого рода курсовъ рисованія собраніе оригиналовъ г. Мартынова, къ сожалѣнію, нельзя причислить въ виду того обстоятельства, что въ немъ кроется желаніе обойти изученіе азбуки рисованія болѣе веселымъ на первыхъ порахъ копированіемъ налитографированныхъ грибовъ и такъ-называемыхъ легкихъ пейзажей, которое ведетъ, въ концѣ концовъ, только къ потерѣ ученикомъ драгоцѣннаго школьнаго времени къ приученію ученика заниматься рисованіемъ, какъ праздною за-
ною.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ СЪ 1879 ПО 1882 ГОДЪ ¹⁾.

Виднымъ событіемъ въ жизни соединенныхъ музеевъ, въ періодъ 1879—1882 годовъ, составляетъ то, что 28-го мая 1881 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія Румянцевскаго музея. По волѣ въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича повелѣно было праздновать этотъ достопамятный юбилей; но ужасное событіе 1-го марта 1881 года заставило отложить мысль о какомъ бы то ни было торжествѣ, и только годъ спустя, 28-го мая 1882 года, могло состояться празднованіе пятидесятилѣтія учрежденія, которое обязано своимъ существованіемъ патріотическому пожертвованію графа Н. П. Румянцева. При этомъ случаѣ г. директоръ музеевъ удостоился получить всемилоствѣйшее поздравленіе Его Императорскаго Величества, переданное телеграммой г. министра народнаго просвѣщенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Директору Румянцевскаго музея. Государь Императоръ всемилоствѣйше повелѣть соизволилъ поздравить наше высокопревосходительство, какъ представителя Румянцевскаго музея, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія его существованія и пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія этого полезнаго учрежденія. Дедаювъ“.

¹⁾ Извлечено изъ „Отчета Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1879—1882 г.“ (М. 1884).

По случаю этого юбилея музеями изготовлены были слѣдующія изданія: 1) „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцевскаго музея“, выпускъ I-й ¹⁾; 2) „Собраніе рукописей П. И. Сивастьянова“, А. Викторова; 3) „Собраніе рукописей И. Д. Вѣллева“, его же; 4) „Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Вѣллева“ Д. П. Лебедева, и 5) „Матеріалы для историческаго описанія Румянцевскаго музеума“, сочиненіе бывшаго бібліотекаря К. И. Кестнера.

Въ составѣ лицъ, принадлежащихъ къ числу чиновъ музейевъ, послѣдовали, въ теченіе отчетнаго періода, значительныя перемены: скончались, между прочимъ, извѣстный знатокъ старинной письменности и печати, хранитель рукописнаго отдѣленія музейевъ А. Е. Викторовъ и помощникъ его И. Д. Вердниковъ. Должность хранителя отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ занялъ Д. П. Лебедевъ, уже состоявшій помощникомъ А. Е. Викторова въ послѣдніе годы его жизни. Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія уже былъ помѣщенъ некрологъ А. Е. Викторова; но и здѣсь нельзя не сказать, что кончина его составляетъ великую утрату для музейевъ: отличный археографъ и бібліографъ, обладавшій обширнѣйшими познаніями и неутомимымъ трудолюбіемъ, онъ былъ преданнѣйшій слуга музейевъ, и въ особенности его постояннымъ заботамъ рукописное и старопечатное отдѣленіе музейевъ обязано тѣми замѣчательными приобрѣтеніями по этой части, которыя дѣлаютъ его однимъ изъ важнѣйшихъ хранилищъ рукописей и произведеній славянской старопечати въ нашемъ отечествѣ ²⁾. На-

¹⁾ Содержаніе этого сборника слѣдующее: I) Опытъ нравственной характеристики Румянцева, *Е. Ф. Корша*; II) Румянцевъ, собиратель книжныхъ сокровищъ, его же; III) Нумизматическій кабинетъ графа Н. П. Румянцева, *Е. К. Герца*; IV) Минералогическое собраніе Румянцева, *Г. А. Траутшольда*; V) О значеніи графа Н. П. Румянцева въ этнографической наукѣ, *Е. В. Барсова*; VI) Этнографическое отдѣленіе Румянцевскаго музея, *Е. И. Ренара*; VII) Передача Румянцевскаго музея въ министерство народнаго просвѣщенія, по особеннымъ документамъ, *А. Е. Викторова*; VIII) Графъ Н. П. Румянцевъ, какъ археологъ-собратель, *Г. Д. Филлимова*.

²⁾ Въ виду этихъ общепризнанныхъ заслугъ Викторова предъ русскою наукой, представляется совершенно непонятнымъ высказанное на стр. 95 отчета сожалѣніе, что до сихъ поръ бѣдшая часть скудныхъ денежныхъ средствъ музейевъ, въ ущербъ отдѣлу печатныхъ книгъ, шла на приобрѣтеніе богослужебныхъ и другихъ церковныхъ рукописей. Изъ прежнихъ отчетовъ легко убѣдиться напротивъ, что составъ рукописныхъ собраній, приобрѣтенныхъ для музейевъ по указанію Викторова, отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ и

добно надѣяться, что не смотря на кончину Викторова, обогащеніе музеевъ по этому отдѣлу будетъ дѣятельно продолжаемо на пользу науки.

Обращаясь затѣмъ къ обзору собственно состоянія и дѣятельности музеевъ за періодъ съ 1879 по 1882 годъ включительно, мы расположимъ нашъ очеркъ по отдѣламъ, соответственно отдѣленіямъ, существующимъ въ музеяхъ.

Отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ обогатилось слѣдующими коллекціями памятниковъ этого рода:

1) Собраніе рукописей, оставшееся по смерти извѣстнаго нашего ученаго Андрея Попова, скончавшагося 30-го мая 1881 года, небольшое по объему, но отличающееся замѣчательно строгимъ подборомъ. Онъ заключаетъ въ себѣ рукописи почти исключительно содержанія историческаго и историко-литературнаго. Самъ отличный знатокъ старой русской письменности, А. Н. Поповъ, умѣлъ дѣлать выборъ; поэтому каждая почти изъ принадлежавшихъ ему рукописей имѣетъ научную цѣнность; въ его коллекціи нѣтъ двухъ списковъ памятника одной редакціи, и если есть нѣсколько рукописей весьма обыкновенныхъ и часто встрѣчающихся въ другихъ собраніяхъ, то экземпляръ Попова всегда или рѣдкой, интересной редакціи, или же отличается значительными вариантами. Всѣхъ рукописей въ этомъ собраніи 185; изъ нихъ 50 номеровъ относятся къ исторіи и литературѣ, около 100 касаются собственно исторіи церкви и русской (уковой) литературы, болѣе 20 номеровъ суть сочиненія, направленные въ пользу или въ опроверженіе раскола въ Русской церкви, только остальные рукописи представляютъ значеніе преимущественно палеографическое. Памятниковъ, писанныхъ на пергаменѣ,

все не относится къ области одной церковной письменности. Самый же сантъ обогащенія рукописнаго и старопечатнаго отдѣленія музея крупными коллекціями составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ важнѣйшихъ заслугъ управленія музея со времени его открытія въ Москвѣ. Прибавимъ къ этому, что полная, цѣльная и притомъ скорая каталогизація вновь поступающихъ собраній, тогда весьма значительныхъ, всегда была предметомъ особенной заботливости покойнаго Викторова и также составляетъ одну изъ видныхъ его заслугъ, тѣмъ болѣе достойныхъ уваженія, что замедленія въ каталогизаціи составляютъ весьма слабую сторону ученой работы во многихъ музеяхъ и библіотекахъ, и въ ихъ числѣ въ книжномъ отдѣленіи Московскаго публичнаго музея (ср. между прочимъ, въ отчетѣ 1879—1882 гг., стр. 103—104).

всего пять: одинъ полный и четыре въ отрывкахъ; есть нѣсколько рукописей на бомбицинѣ. Древнѣйшіе памятники принадлежатъ XIV — XV вѣкамъ. Особенную цѣнность придаетъ коллекціи отдѣлъ такъ-называемыхъ сборниковъ, общее число которыхъ составляетъ болѣе трети всего количества рукописей: одни изъ этихъ сборниковъ имѣютъ содержаніе историческое, другіе богословское (напримѣръ, сборникъ статей для противо-лютеранской полемики), третьи литературное и т. д.; почти всѣ представляютъ значительный интересъ. Не входя въ дальнѣйшія подробности, упомянемъ лишь, что въ собраніи Попова оказалось нѣсколько такихъ памятниковъ древне-русской письменности, которые вовсе не встрѣчаются въ другихъ коллекціяхъ. Таковы: а) Посошкова—Отеческое завѣщаніе къ сыну своему, рукопись современная автору и, можетъ быть, автографъ его; б) Отвѣтъ царя Ивана Васильевича Яну Рокитѣ, члену общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ, 1570 г., рукопись конца XVI или начала XVII в. (оба эти памятника изданы были самимъ Поповымъ, по означеннымъ спискамъ), в) Увѣщаніе духовный, полемическое сочиненіе противъ протестантовъ, начала XVII в. г) поученіе къ попомъ Новгородскаго владыки, принадлежащее, какъ можно судить по содержанію, архіепископу Иліи въ схиѣ Іоанну (Святому, 1165—1186 гг.), памятникъ важный и въ каноническомъ отношеніи, писанный, судя по языку, въ Псковѣ, въ спискѣ XVI в., и проч.

II) Двѣ небольшія, но интересныя по своему составу коллекціи рукописей, приобретенныя отъ книгопродавческой фирмы В. Г. Готье. Въ этихъ собраніяхъ въ сложности заключается 85 рукописей, изъ коихъ 63 принадлежали извѣстной бібліотекѣ П. П. Дурова въ С.-Петербургѣ, въ составъ которой вошло много рукописей изъ коллекціи А. Сулакадзева, собирателя начала нынѣшняго столѣтія. По содержанію многія изъ этихъ рукописей относятся къ русской исторіи, другія—къ византійской словесности, третьи—къ обрядовой и правоучительной масонской литературѣ и проч. Особенно замѣчательны слѣдующія рукописи: а) дѣла секретнаго комитета о раскольникахъ. 1827—1855 гг., въ двухъ томахъ, въ томъ числѣ собственноручная записка императора Николая Павловича, доклады съ его же собственноручными резолюціями, записка митрополита Филарета и проч. б) реестры и отчасти подробныя описанія рукописей гѣтописнаго содержанія, отправленныхъ въ 1778 и 1791 гг. изъ разныхъ церковныхъ и монастырскихъ бібліотекъ въ св. синодъ, въ 3-хъ тетрадяхъ

документъ, который былъ неизвѣстенъ Д. В. Полѣнову при составленіи имъ статьи „О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. синода“ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. IV); в) записки А. Сулакадзева, 1826—1827 гг.; г) Лифляндская экономія, неизвѣстный доселѣ переводъ М. В. Ломоносова, сдѣланный въ 1747 году, въ спискѣ 1760 года.

III) Собраніе собственноручныхъ сочиненій и бумагъ А. С. Пушкина, въ ознаменованіе торжественнаго дня открытія ему памятника въ Москвѣ переданное въ музей на вѣчныя времена для общественнаго пользованія сыномъ поэта, А. А. Пушкинымъ. По разборкѣ этихъ бумагъ, онѣ распределены на 33 отдѣльные нумера, главную часть которыхъ составляютъ записныя книги поэта, куда онъ вносилъ черниѣ свои произведенія, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Книги эти начинаются 1819 годомъ и продолжаются до послѣднихъ годовъ жизни Пушкина; большая часть этихъ сочиненій находится въ первоначальныхъ, а многія и въ нѣсколькихъ редакціяхъ; но есть и произведенія, переписанныя на бѣло. Кромѣ этихъ рукописей въ музей переданы А. А. Пушкинымъ письма поэта къ своей супругѣ Н. Н. Пушкиной и собраніе писемъ разныхъ лицъ къ А. С. Пушкину. Эти драгоценныя бумаги, описанныя вкратцѣ въ отчетѣ музея, болѣе подробно описаны В. Е. Якушкинымъ въ Русской Старинѣ 1882 и 1883 годовъ, а извлеченія изъ нихъ изданы П. И. Бартоновымъ въ Русскомъ Архивѣ 1881 г. и отдѣльно.

IV) Переписка и бумаги Ал. и С. Андр. Ивановыхъ. Это драгоценное, оставшееся послѣ знаменитаго нашего живописца А. А. Иванова наслѣдство, состоящее изъ его рисунковъ и бумагъ, было завѣщано братомъ его, архитекторомъ С. А. Ивановымъ, Московскому публичному музею, какъ учрежденію, которому принадлежитъ важнѣйшее произведеніе А. А. Иванова, картина „Явленіе Христа народу“. Сюда входятъ письма А. А. Иванова въ количествѣ 700, записки его путешествія по Италіи, его записныя книжки, письма и официальные бумаги, имъ полученныя, переписка С. А. Иванова, письмо Н. В. Гоголя къ А. А. Иванову и многія сочиненія автора „Мертвыхъ Душъ“ въ черновыхъ рукописяхъ, автографахъ самого сочинителя или же въ копіяхъ чужой руки и въ печатныхъ экземплярахъ, но съ поправками автора.

V) Собраніе собственноручныхъ лекцій академика Ѡ. И. Буслаева, читанныхъ имъ въ бытность профессоромъ Московскаго университета. Курсы эти посвящены исторіи всеобщей средневѣковой и древней русской литературы и сравнительному изученію народной словесности.

Вмѣстѣ съ лекціями, г. Буслевымъ переданы въ музей собранные имъ матеріалы для сравнительно-исторической хрестоматіи и не наданный трудъ его молодости, переводъ „Основаній общей грамматики“ Сильвестра де-Сася, сдѣланный съ нѣмецкаго Фатерова перевода и снабженный примѣчаніями, какъ нѣмецкаго, такъ и русскаго переводчика.

VI) Собственноручныя ученныя работы, переписка и другія бумаги А. Ѡ. Вельтмана и его супруги Е. И. Вельтманъ.

VII) Коллекція славянскихъ церковно-печатныхъ книгъ, 1525—1725 гг., въ числѣ 46 номеровъ, полученная музеями изъ Императорской Публичной Библіотеки въ обмѣнъ на музейные дублеты раскольничьихъ церковно-печатныхъ изданій и значительно пополнившая музейное собраніе книгъ церковной печати.

VIII) Коллекція славянскихъ церковно-печатныхъ книгъ, изъ 9 номеровъ, также не имѣвшихся въ музеѣ, полученная изъ Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря въ обмѣнъ на новыя богослужебныя книги.

IX) Собраніе масонскихъ и другихъ рукописей, припесепное въ даръ музею П. В. Шаповымъ, въ количествѣ 44 номеровъ. Кромѣ разныхъ рукописей мистическаго и правоучительнаго содержанія, здѣсь находятся дневникъ П. И. Сафонова съ 1776 по 1828 г., переписка П. И., Н. И. и Н. П. Сафоновыхъ, разные ихъ сочиненія и нѣсколько рукописей историческаго и литературнаго содержанія.

X) Коллекція масонскихъ рукописей 1810—1830 гг., принадлежавшихъ А. И. Сафонову и большею частью имъ писанныхъ или же исправленныхъ и дополненныхъ собственноручно. Эта коллекція, пожертвованная Е. П. Соковниной, составляетъ дополненіе предшествовавшей.

XI) Рукописи, переданныя изъ музейной библіотеки печатныхъ книгъ и найденныя между таковыми въ разныхъ пожертвованныхъ музеямъ собраніяхъ, а также переданныя изъ канцеляріи музейевъ. Въ этой группѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ переписка и библиографическія работы С. Д. Полтарацкаго, матеріалы для биографіи А. А. Саблукова, нѣсколько рукописей юридическаго содержанія изъ библіотеки графа В. Н. Панина и 14 томовъ разныхъ документовъ, составлявшихъ архивъ собственно Румянцевскаго музея.

XII) Собраніе фотохромолитографированныхъ и другихъ изданій Общества любителей древней письменности, за 1879—1882 гг., по-

ступившее изъ состоящаго при музеяхъ Общества древне-русскаго искусства.

Кромѣ этихъ цѣнныхъ коллекцій, въ отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ поступило еще значительное количество различныхъ единичныхъ пожертвованій и прибрѣтеній въ видѣ славянскихъ и русскихъ рукописей, автографовъ, старинныхъ актовъ, книгъ церковной печати, гравированныхъ и литографированныхъ изданій. Въ общемъ итогѣ приращенія отдѣленія, въ періодъ 1879 — 1882 гг., представляютъ слѣдующія цифры: рукописей 590, актовъ и автографовъ 60, славянскихъ церковно-печатныхъ изданій 99.

Библиографическія работы, произведенныя въ отдѣленіи покойнымъ его хранителемъ А. Е. Викторовымъ и его помощникомъ а послѣ преемникомъ въ этой должности Д. П. Лебедевымъ, въ теченіе 1879 — 1882 годовъ, были весьма значительны. Работы А. Е. Викторова состояли въ каталогизаціи вновь поступившихъ прибрѣтеній, напечатаніи описанія принадлежащихъ музею рукописей П. И. Севастьянова и И. Д. Бѣляева, составленіи статьи о передачи Румянцевскаго музея въ министерство народнаго просвѣщенія и въ обработкѣ обширнаго систематическаго указателя церковно-печатныхъ книгъ отъ начала церковной печати по 1725 годъ. Д. П. Лебедевымъ также производилась каталогизація новыхъ прибрѣтеній, имъ же составлено и отпечатано описаніе актовъ, собранныхъ И. Д. Бѣлевымъ и вывѣ принадлежащихъ музею, и начаты составленіемъ общіе указатели ко всѣмъ хранящимся въ музеяхъ рукописямъ, куда войдутъ указатель личный и алфавитный указатель всѣхъ отдѣльныхъ статей въ рукописяхъ, съ выписками, гдѣ нужно, начала текста.

Что касается пользованія отдѣленіемъ, то оно лучше всего видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ теченіе отчетнаго періода посѣщали его болѣе 400 лицъ, рукописей было вытребовано для чтенія болѣе 3000, и славянскихъ старопечатныхъ книгъ 600.

Болѣе скудными, чѣмъ отдѣленія рукописей, представляются прибрѣтенія другихъ отдѣловъ соединенныхъ музеевъ. Ограниченность средствъ, которыми обладаетъ управленіе музеевъ, не даетъ ему возможности пополнять разныя отдѣлы этого учрежденія систематически. Поэтому приращенія дѣлаются главнымъ образомъ изъ пожертвованій, и тѣмъ не менѣе они представляются вообще довольно значительными.

Библіотека печатныхъ книгъ въ періодъ 1879—1882 годовъ обогатилась на 38,948 томовъ и сверхъ того получала до 270 пе-

рiодическихъ изданiй. Книги, издающіеся въ Россіи, поступали чрезъ цензурное вѣдомство; въ отчетный періодъ изъ этого источника поступило 16,884 тома и 173 номера атласовъ, картъ, нотъ и пр. Если покупка иностранныхъ книгъ для библіотеки ограничивалась весьма небольшимъ числомъ сочиненiй, за то въ даръ ею получены очень значительныя собранія; такъ въ нее поступила библіотека графа В. Н. Панина, богатая, кромѣ русскихъ книгъ, и иностранными, касающимися историческаго развитiя Россіи; библіотека А. Ф. Гамбургера, со многими сочиненiями по международному праву, исторiи и изящной словесности, а также со многими періодическими изданiями; библіотека князя П. И. Цицiанова, содержащая въ себѣ книги по математикѣ, естествовѣдѣнію, исторiи и географіи. Кромѣ того, поступили болѣе мелкія собранія книгъ, но весьма разнообразнаго состава, отъ разныхъ лицъ, какъ-то: отъ книжны Е. А. Черкасской (165 томовъ), отъ В. С. Муравьева, отъ архимандрита Сергія (144 тт.), отъ И. Е. Бецкаго, М. И. Жихарева и другихъ лицъ. Выдающимся приобрѣтенiемъ представляются 35 сочиненiй по славистикѣ, принесенныхъ въ даръ отъ г. директора музея В. А. Дашкова и происходящихъ изъ библіотеки покойнаго О. М. Бодянскаго.

Пользованіе библіотекой печатныхъ книгъ въ теченіе отчетнаго періода опредѣляется выдачею въ чтеніе 180,000 сочиненiй.

Кромѣ отдѣленія рукописей и библіотеки печатныхъ книгъ, въ составъ соединенныхъ музеевъ входятъ еще отдѣленія: 1) изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей, 2) доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, 3) Дашковскiй этнографическiй музей, 4) отдѣленіе иностранной этнографіи и 5) минералогическiй кабинетъ. Съ прискорбіемъ должно сказать, что приращенія всѣхъ этихъ отдѣловъ въ теченіе отчетнаго періода были весьма малочисленны. Тѣмъ не менѣе нельзя не упомянуть о поступленіи въ художественный отдѣлъ трехъ картинъ звѣстнаго московскаго живописца В. А. Тропинина и портрета Англійскаго короля Карла I, работы Ванъ-Дейка, а также копій, въ натуральную величину, съ фресокъ Керченской катакомбы, открытой 4-го іюля 1872 г. на сѣверной покатоности Митридатовой горы. По доисторическимъ древностямъ музей обогатился нѣсколькими вещами изъ Анаваньскаго могильника, близъ г. Елабуги, въ Вятской губерніи, по христіанскимъ—десятью иконами старо-италіанской живописи, а по русскимъ—коллекціей копій съ древне-русскихъ памятниконъ живописи и скульптуры (кальки со старинныхъ иконостасныхъ изображенiй, собраніе старинныхъ изразцевъ и т. п.).

Посвященный русской этнографіи Дашковскій музей приобрѣлъ полный женскій нарядъ изъ окрестностей Смоленска, женскій головной уборъ изъ Костромской губерніи и части мужскаго костюма Теткицевъ. Въ отдѣленіе иностранной этнографіи поступили преимущественно различные предметы изъ Японіи. Наконецъ, въ минералогическій кабинетъ поступила значительная коллекція минераловъ, пожертвованная Н. А. Плечко.

Почти всѣ эти отдѣлы музеевъ подверглись, въ теченіе отчетнаго періода, перемѣщенію, и потому потребовалась значительная работа для новаго ихъ устройства и распредѣленія, а равно и для болѣе правильной классификаціи и каталогизаціи хранящихся въ нихъ предметовъ. Не смотря на это обстоятельство, означенные отдѣлы усердно посѣщались публикой, а картинная галлерея постоянно привлекала къ себѣ художниковъ, занимавшихся копированіемъ находящихся въ ней прекрасныхъ произведеній русскихъ художниковъ.

Въ Музеевѣ во время отчетнаго періода были приняты следующие предметы:

Изъ Дашковскаго музея: 1) женскій нарядъ изъ Смоленска, 2) женскій головной уборъ изъ Костромской губерніи, 3) часть мужскаго костюма Теткицевъ, 4) японскіе предметы, 5) минералы, пожертвованные Н. А. Плечко.

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ВЪ 1883 ГОДУ.

Въ 1883 году преподающихъ въ институтѣ и руководящихъ занятіями слушателей его состояло 72 лица, а именно: 13 профессоровъ, 1 законоучитель, 1 инспекторъ работъ механическихъ мастерскихъ, 38 преподавателей, 1 механикъ, 1 химикъ, 1 лаборантъ, 2 бібліотекаря, 4 наблюдателя и 10 лаборантовъ и мастеровъ механическихъ мастерскихъ, по найму.

Сверхъ исполненія служебныхъ обязанностей по институту, нѣкоторые изъ преподающихъ въ ономъ исполняли еще слѣдующіе труды: П. А. Аванасьевъ написалъ статью „Объ усилии и работѣ при образованіи стружекъ, печатавшуюся въ Извѣстіяхъ института; Ф. Ф. Вейльштейнъ, по порученію Русскаго технического Общества, занимался изслѣдованіемъ приемовъ контроля надъ продажей керосина и устроилъ приборъ, предназначенный для этой цѣли; сверхъ того, вмѣстѣ съ Е. Г. Вигандтомъ, произвелъ три химическія изслѣдованія, свѣдѣнія о которыхъ напечатаны въ Извѣстіяхъ института; В. Т. Вылежинскій, по предложенію С.-Петербургской городской думы, выработалъ условія для технического контроля газоваго освѣщенія, организовалъ службу этого контроля и устроилъ для него двѣ наблюдательныя станціи; Х. С. Головинъ написалъ статью „Начало наименьшей работы въ приложеніи къ расчету рѣшетчатыхъ системъ“, напечатанную въ Инженерномъ Журналѣ; И. А. Евневичъ приготовлялъ къ печати „Курсъ прикладной механики“ и написалъ статью подъ заглавіемъ „Опытъ установленія основныхъ началъ кинематики

какого тѣла", которая будетъ напечатана въ Извѣстіяхъ института; Л. Кирпичевъ изготовилъ статью „Приложеніе теоремы лорда Эйлера къ вопросамъ строительной механики" и производилъ въ механической лабораторіи института испытанія матеріаловъ и приборовъ по порученію частныхъ лицъ и разныхъ учреждений; М. А. Кросовскій занимался разработкою вопроса о приложеніи теоріи вѣроятностей къ кинетической теоріи газовъ и о весьма малыхъ колебаніяхъ матеріальныхъ системъ; Л. К. Крупскій, по порученію министерства императорскаго двора, занимался разсмотрѣніемъ мѣръ, необходимыхъ для улучшенія состоянія Императорскаго стекляннаго завода, производилъ анализы различныхъ фарфоровыхъ глинъ, употребляемыхъ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, занимался опытами по составу и формовкѣ мѣловыхъ глиняныхъ массъ и производилъ изслѣдованія съ изобрѣтеннымъ имъ сварядомъ для опредѣленія воспламеняемости керосина (нафтометромъ); Р. Э. Ленцъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Des résistances du mercure, épuré des différentes manières", приступилъ къ печатанію статей: а) „De l'influence de la température sur la résistance du mercure", б) „Recherches sur l'influence, exercée par les surfaces des électrodes sur la résistance d'un étalon à mercure", началъ изслѣдованіе слѣдующихъ вопросовъ: а) о сопротивленіи ртути въ абсолютныхъ мѣрахъ, б) вліяніе толщинъ трубокъ на удѣльное сопротивленіе ртути, в) сопротивленіе латинно-иридіевыхъ проволокъ, и изслѣдовалъ способъ передачи показаній термометра на разстоянія помощью телефона; Н. П. Петровъ напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Трѣніе въ машинахъ" и занимался разсмотрѣніемъ различныхъ изобрѣтеній и предложеній, представляемыхъ Русскому Техническому Обществу; В. И. Альбицкій подготовилъ къ печатанію: а) сочиненіе подъ заглавіемъ „Руководство по техническому черченію" и б) второе дополненное и исправленное изданіе своей брошюры: „Испытаніе зрѣлости"; В. В. Векъ приступилъ къ составленію нѣмецко-русскаго словаря техническихъ терминовъ, употребляемыхъ въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, продолжалъ химическое изслѣдованіе минераловъ изъ русскихъ мѣстороженій, при чемъ изслѣдованіе нефритовъ довелъ до конца и результаты его изложилъ въ статьѣ „Ueber Nephrit und seine Lagerstaeten", напечатанной въ Запискахъ Минералогическаго Общества; А. В. Григорьевъ редактировалъ Извѣстія Русскаго Географическаго Общества; С. М. Гуржеевъ напечаталъ сочиненіе „Прикладная механика въ объемѣ курса реальныхъ училищъ"; П. В. Еремѣевъ по-

иѣстиль въ Запискахъ Минералогическаго Общества статью объ открытыхъ имъ въ Россіи чрезвычайно-рѣдкихъ кристаллахъ кале донита и линарита, а также нѣсколько сообщеній о своихъ изслѣдованіяхъ надъ различными русскими минералами, и занимался изслѣдованіемъ кристаллическихъ минераловъ собранія музея Горнаго Института, съ цѣлію составленія научнаго описанія упомянутого собранія; Н. А. Юсса, по порученію министерства Императорскаго Двора, составилъ докладъ о настоящемъ положеніи заводовъ Алтайскаго горнаго округа и о способахъ для улучшенія ихъ производства, занимался изученіемъ способовъ обезсеребренія рудъ, и въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ сдѣлалъ сообщеніе по вопросу о бессемерованіи купферштейна, напечатанное въ Запискахъ этого Общества; П. В. Котурницкій напечаталъ въ Извѣстіяхъ института двѣ статьи: а) „О кулиссѣ Гакворта“ и б) „Замѣтки о регуляторахъ прѣмаго дѣйствія“; А. А. Курбатовъ занимался изслѣдованіемъ казаской нефти; Н. И. Макаровъ приготовлялъ къ печати первый томъ своего сочиненія „Приложеніе начертательной геометріи“ и помѣстилъ въ Извѣстіяхъ института статью „Построеніе перспективъ фигуръ, находящихся на наклонныхъ плоскостяхъ“; А. М. Самусъ напечаталъ статьи: въ Горномъ Журналѣ — „Отливка латуни“ и въ Извѣстіяхъ института — „О выдѣлкѣ листовой латуни“ и „Замѣтки объ установкѣ приводнаго вала“; Н. И. Тавилдаровъ подготовлялъ къ печати учебникъ химической технологіи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; Л. Ю. Явейнъ занимался изслѣдованіемъ камали и продуктовъ окисленія ацетона, составлялъ отчеты о работахъ русскихъ химиковъ для журналовъ *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft* и *Chemischer Zeitung*, а также рефераты для Журнала Физико-Химическаго Общества.

Преподаваніе положенныхъ по уставу института учебныхъ предметовъ производилось въ 1883 году въ слѣдующемъ порядкѣ: Въ общемъ курсѣ—богословіе (историческій обзоръ христіанскихъ вѣроисповѣданій) слушателямъ православнаго исповѣданія—двѣ лекціи въ недѣлю; высшая математика (аналитическая геометрія, дифференціальное исчисленіе и начало интегральнаго) — шесть лекцій въ недѣлю и репетиціи по четыре часа еженедѣльно; начертательная геометрія—три лекціи въ недѣлю и репетиціи по четыре часа; физикъ (дополнительный курсъ общей физики) — три лекціи и репетиціи по четыре часа; химія неорганическая (металлоиды)—три лекціи и репетиціи по четыре часа; теоретическая механика—четыре лекціи и репе-

гигиену по четыре часа; иностранные языки: французскій, нѣмецкій и англійскій (чтеніе, переводъ, разборъ съ грамматическими объясненіями отрывковъ изъ замѣчательныхъ иностранныхъ писателей)—въ теченіе перваго полугодія, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю по каждому изъ языковъ; въ теченіе же втораго полугодія преподаваніе, сохраняя прежній характеръ, уже не приурочивалось только къ первымъ двумъ курсамъ и, при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, происходило такъ, что въ занятіяхъ языками могли принимать участіе и слушатели прочихъ курсовъ; черченіе линейное, съ распредѣленіемъ слушателей курса на шесть группъ, при шести часахъ въ недѣлю для каждой изъ пяти группъ и семи часахъ—для шестой группы; одинъ изъ преподавателей черченія, сверхъ того, по четыре часа еженедѣльно, помогалъ профессору въ производствѣ репетицій по высшей математикѣ; рисованіе (орнаментовъ съ гипсовыхъ фигуръ), съ распредѣленіемъ слушателей на четыре группы, при четырехъ часахъ въ недѣлю для каждой группы и столькихъ же преподавателяхъ. Во II курсѣ: интегральное исчисленіе (интегрированіе уравненій) и теоретическая механика на механическомъ отдѣленіи — при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю и репетиціяхъ по шести часовъ еженедѣльно; физика (о теплотѣ) на обоихъ отдѣленіяхъ — по три часа въ недѣлю и репетиціяхъ по три часа; химія неорганическая (металлы)—на обоихъ отдѣленіяхъ при двухъ лекціяхъ и трехъ часахъ репетицій еженедѣльно; минералогія и геогнозія — на механическомъ отдѣленіи при трехъ лекціяхъ въ недѣлю; сопротивленіе матеріаловъ и построеніе деталей машинъ—на обоихъ отдѣленіяхъ при четырехъ лекціяхъ и трехъ часахъ репетицій въ недѣлю, и въ механической лабораторіи—опыты надъ прочностію строительныхъ матеріаловъ; прикладная механика общій курсъ) — на обоихъ отдѣленіяхъ при четырехъ лекціяхъ и трехъ часахъ репетицій еженедѣльно; строительное искусство — на обоихъ отдѣленіяхъ по три лекціи въ недѣлю; низшая геодезія—на обоихъ отдѣленіяхъ по двѣ лекціи еженедѣльно, въ теченіе втораго полугодія; архитектура — на обоихъ отдѣленіяхъ по двѣ лекціи въ недѣлю; на преподавателя этого предмета возложено было общее наблюденіе за преподаваніемъ орнаментнаго рисованія, архитектурнаго черченія и проектированія; иностранные языки, въ теченіе перваго полугодія, на обоихъ отдѣленіяхъ — по двѣ лекціи въ недѣлю по каждому изъ трехъ языковъ; черченіе частей механизмовъ — въ обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ слушателей на четыре группы, по четыре часа въ недѣлю для каждой группы; черченіе архитектур-

ное—на обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ слушателей на двѣ группы по четыре часа еженедѣльно для каждой группы. Въ III курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: механическая теорія тепла—по четыре лекціи въ недѣлю въ теченіе полугодія; геодезія (низшая)—по двѣ лекціи въ теченіе перваго полугодія; технологія металловъ (свойства и ручная обработка металловъ)—по двѣ лекціи въ недѣлю; б) на механическомъ отдѣленіи: приложеніе механической теоріи тепла къ термометрическимъ, а въ особенности къ паровымъ двигателямъ—по четыре лекціи еженедѣльно въ теченіе полугодія; теорія вѣроятностей—одна лекція въ недѣлю (необязательно для слушателей); устройствъ подъемныхъ машинъ и графическая статика—по одной лекціи еженедѣльно для каждого предмета; устройство паровыхъ котловъ, гидравлика и устройство гидравлическихъ двигателей, устройство паровыхъ машинъ и металлургія—по двѣ лекціи въ недѣлю для каждого изъ сихъ четырехъ предметовъ; проектированіе деталей машинъ и подъемныхъ механизмовъ—по восьми часовъ еженедѣльно каждымъ изъ двухъ преподавателей; проектированіе частей зданій—по восьми часовъ въ недѣлю; кромѣ того, преподаватель, въ началѣ учебнаго года, производилъ со слушателями осмотръ нѣкоторыхъ изъ строящихся въ Петербургѣ зданій; в) на химическомъ отдѣленіи: химія аналитическая—двѣ лекціи, химія органическая—три лекціи въ недѣлю; технологія минеральныхъ веществъ—пять лекцій въ недѣлю; сверхъ того, профессоръ съ слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ химическихъ, а также Императорскихъ стекляннаго и фарфороваго заводовъ близъ Петербурга; технологія органическихъ веществъ (производство бумаги)—одну лекцію въ недѣлю; анатомія и физиологія растений—по двѣ лекціи еженедѣльно, при чемъ слушатели раздѣленные на двѣ группы, занимались, подъ руководствомъ преподавателя, упражненіями въ микроскопическихъ наблюденіяхъ; проектированіе частей зданій и цѣлыхъ зданій—по три часа въ недѣлю преподаватель, сверхъ того, въ началѣ учебнаго года, производилъ со слушателями осмотръ нѣкоторыхъ изъ строящихся въ Петербургѣ зданій; практическія занятія въ химической лабораторіи по качественному анализу происходили, подъ руководствомъ заведывающей лабораторіей профессора и при помощи химика и лаборанта, еженедѣльно два раза по три часа въ день и одинъ разъ—полный день. Въ IV курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: электротехника (необязательно для слушателей)—по двѣ лекціи въ недѣлю, при чемъ, подъ руководствомъ профессора и при помощи одного изъ преподавателей

происходили практическія занятія слушателей въ физическомъ кабинетѣ; отопленіе и вентиляція — по двѣ лекціи въ недѣлю; механическая технологія волокнистыхъ веществъ (необязательно для слушателей механическаго отдѣленія желѣзнодорожнаго отдѣла) — по четыре лекціи въ недѣлю, при чемъ преподаватель неоднократно производилъ осмотръ нѣкоторыхъ изъ находящихся въ Петербургѣ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ; устройство мукомольныхъ мельницъ — одна лекція въ недѣлю; б) на механическомъ отдѣленіи: теорія упругости (необязательно для слушателей) — по двѣ лекціи; строительная механика — по двѣ лекціи въ недѣлю въ первое полугодіе и по три — во второе; механическая технологія (литейное дѣло и машинная обработка металловъ) — по четыре лекціи въ недѣлю въ теченіе втораго полугодія; механическая технологія (устройство заводскихъ машинъ и обработка дерева) — по четыре лекціи и, сверхъ того, неоднократно, подъ руководствомъ профессора, осмотръ нѣкоторыхъ изъ находящихся въ Петербургѣ и внѣ его механическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ; теорія и устройство паровозовъ (необязательно для механическаго отдѣленія фабрично-заводскаго дѣла) — по три лекціи; проектированіе гидравлическихъ и паровыхъ двигателей: однимъ преподавателемъ — по шести часовъ, а другимъ, который занимался съ двумя классами: по 12-ти недѣльныхъ часовъ въ первомъ полугодіи и по 10-ти такихъ же часовъ въ теченіе втораго полугодія; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей производились: на механическихъ, желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводахъ — подъ руководствомъ и наблюденіемъ профессора Леонасьева, а на вагонномъ и паровозномъ заводѣ — преподавателя Цуккина; сверхъ того, нѣкоторые слушатели фабрично-заводскаго отдѣла отправляемы были для практическихъ занятій въ теченіе лѣта на прядильныя и ткацкія фабрики, лѣсопильныя и мукомольныя мельницы, а желѣзно-дорожнаго отдѣла — на нѣкоторыя изъ желѣзныхъ дорогъ; в) на химическомъ отдѣленіи: технологія органическихъ веществъ — по четыре лекціи и, сверхъ того, профессоръ производилъ со слушателями неоднократно осмотръ стеариноваго, маслянаго, клеваренныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ, газовыхъ заводовъ, находящихся въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ его; технологія питательныхъ веществъ — по пяти лекцій въ недѣлю въ первое полугодіе и шесть — во второе и, сверхъ того, неоднократно съ профессоромъ осмотръ рафинадосахарнаго, пивоваренныхъ и дрожжевыхъ заводовъ въ С.-Петербургѣ; технологія красильныхъ веществъ и красильное

производство — по четыре лекціи въ недѣлю и осмотръ съ профессоромъ ситцевой фабрики близъ С.-Петербурга; составленіе проектовъ заводовъ химическихъ, стеклянныхъ, керамическихъ — по четыре часа въ недѣлю въ теченіе перваго и по три недѣльныхъ часа — во второмъ полугодіи. Въ V курсѣ: а) на фабрично-заводскомъ отдѣлѣ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ заводовъ механическихъ и желѣзодѣлательныхъ, водопроводовъ и мукомольныхъ мельницъ — по четыре часа, прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ — по два часа въ недѣлю; б) на желѣзно-дорожномъ отдѣленіи: составленіе проектовъ паровозовъ — по два часа въ недѣлю для каждаго изъ двухъ профессоровъ; в) на обоихъ отдѣлахъ механическаго отдѣленія механическая технологія (литейное дѣло и машинная обработка металловъ) — по четыре лекціи въ недѣлю; составленіе проектовъ по строительной механикѣ — по пяти часова въ недѣлю для каждой изъ двухъ группъ, на которыя раздѣлены были слушатели; изученіе систематическаго курса слесарно-токарныхъ, кузнечныхъ и литейныхъ работъ и исполненіе цѣльныхъ механизмовъ слушателями механическаго отдѣленія въ мастерскихъ института происходили, подъ руководствомъ и наблюденіемъ завѣдывающаго этими мастерскими инспектора работъ и механика, по четыре часа каждый день въ теченіе $\frac{1}{2}$ года и восьми часовъ въ день въ теченіе $\frac{1}{3}$ года г) на химическомъ отдѣленіи: составленіе проектовъ заводовъ газовыхъ, смологонныхъ, керосинныхъ, кожевенныхъ, пивоваренныхъ, винокуренныхъ, несочносахарныхъ, крахмальныхъ и фабрикъ: писчебумажныхъ, красильныхъ, ситцевыхъ и отбѣльныхъ — по три часа каждымъ изъ трехъ преподававшихъ профессоровъ; изученіе практическое нѣкоторыхъ производствъ въ технической лабораторіи, выскурнѣ и красильнѣ производилось при неопредѣленномъ числѣ часовъ. Среднимъ числомъ слушатели каждаго изъ четырехъ первыхъ курсовъ института обязательно имѣли въ недѣлю по 20-ти лекцій и по 7-и часова графическихъ занятій. Въ V курсѣ лекцій не читается, и занятія учащихся ограничиваются составленіемъ проектовъ и работамъ въ механическихъ и техническихъ мастерскихъ. Число учебныхъ дней въ году было 157 (не включая въ это число времени для экзаменовъ).

Независимо отъ вышеуказанныхъ работъ, въ лабораторіяхъ института были произведены научныя работы двумя лицами, не принадлежащими къ составу учебнаго персонала института, а именно: въ химической лабораторіи В. Р. Тизенгольдъ занимался изслѣдова-

нѣмъ продуктовъ окисленія ароматическихъ нитросоединеній, а также изслѣдовалъ составъ и свойства разныхъ смазочныхъ материаловъ и разныхъ сортовъ каменнаго угля, а докторъ П. О. Смоленскій производилъ анализы водъ р. Невы, Шуваловскаго озера и колодець, а также молока; въ механической лабораторіи С. И. Ламанскій занимался изслѣдованіемъ законовъ тренія, при употребленіи различныхъ смазывающихъ веществъ.

Въ теченіе 1883 года были пересмотрѣны и переработаны программы всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ институтѣ, при чемъ оказалось необходимымъ ввести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, а для приведенія въ исполненіе вновь выработанныхъ программъ понадобилось измѣнить число лекцій, назначенныхъ для чтенія различныхъ предметовъ преподаванія. Главнѣйшія, введенныя при этомъ улучшенія въ преподаваніи заключаются въ слѣдующемъ: а) Число лекцій, назначенныхъ на I курсѣ для высшей математики, увеличено съ 5 на 6, чтобы получить возможность болѣе подробно излагать главные вопросы науки, останавливаясь на разъясненіи излагаемыхъ теорій приведеніемъ и рѣшеніемъ значительнаго числа вопросовъ и задачъ. б) Число лекцій, назначенныхъ на I курсѣ для преподаванія механики, увеличено съ 3 на 4, такъ какъ было признано необходимымъ вмѣсто прежняго элементарнаго курса, составлявшаго какъ бы введеніе въ курсъ механики, преподаваемой на II курсѣ механическаго отдѣленія, установить на I курсѣ полное систематическое изложеніе всѣхъ главныхъ законовъ и теоремъ этой науки. в) Въ III курсѣ механическаго отдѣленія, вмѣсто 4-хъ часовъ, назначавшихся для чтенія механической теоріи тепла и курса паровыхъ машинъ, назначено 6 часовъ, изъ которыхъ 4 часа предназначаются на изложеніе механической теоріи тепла, съ ея приложеніями къ термическимъ и особенно паровымъ двигателямъ, а остальные два часа опредѣлены на изложеніе спеціальнаго курса объ устройствѣ паровыхъ машинъ какъ заводскихъ, такъ и пароходныхъ. Такое измѣненіе программы вызвано значительнымъ распространеніемъ паровыхъ машинъ въ нашей промышленности и въ особенности замѣчательнымъ въ послѣднее время развитіемъ у насъ изготовленія паровыхъ машинъ, что заставляетъ институтъ озаботиться подготовленіемъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ конструкторовъ. г) Изложеніе вопросовъ графической статки было выдѣлено изъ курса сопротивленія материаловъ и образованъ особый самостоятельный курсъ графической статки, для чтенія котораго, вмѣстѣ съ практическими занятіями, часть соххху, отд. 4.

необходимым для усвоения этого предмета, назначена на III курсъ механическаго отдѣленія одна годовая лекція. Такое измѣненіе вызвано было недостаткомъ времени, назначеннаго для изложенія курса сопротивленія матеріаловъ совмѣстно съ графическою статикою и построениемъ деталей машинъ на II курсѣ, такъ какъ при четырехъ недѣльныхъ часахъ не представлялось возможности изложить въ надлежащей полнотѣ всѣ существенные вопросы этихъ основныхъ и столь важныхъ для будущихъ техникумовъ предметовъ; съ обособленіемъ же курса графической статики становится возможнымъ расширить преподаваніе этого предмета введеніемъ практическихъ по нему занятій, которыя особенно полезны въ виду важности графическихъ приемовъ рѣшенія различныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ техникѣ. д) Въ IV курсѣ механическаго отдѣленія число лекцій, назначенныхъ для чтенія строительной механики, увеличено съ двухъ на три, что было вызвано значительнымъ расширеніемъ программы строительной механики, вслѣдствіе признанной необходимости ввести въ нее статьи объ арочныхъ стропилахъ и арочныхъ мостахъ, въ виду частаго употребленія этихъ конструкций въ настоящее время, и статью о давленіи земляныхъ насыпей на подпорныя стѣны, отсутствіе которой представляло существенный пробѣлъ курса, а также подробный разборъ конструктивныхъ деталей мостовыхъ и стропильныхъ фермъ, и болѣе подробное развитіе вопроса объ устойчивости сводовъ, не ограничиваясь, какъ это было прежде, случаемъ устойчивости только цилиндрическихъ сводовъ, а рассматривая также своды крестовые и купольные, часто примѣняемые въ водопроводныхъ сооруженіяхъ. е) Въ III курсѣ предметъ „теорія и устройство паровыхъ котловъ“ сдѣланъ обязательнымъ и для слушателей химическаго отдѣленія, въ виду того, что паровые котлы составляютъ существенно-необходимые аппараты почти всѣхъ безъ исключенія химическихъ производствъ, и основательное знакомство съ ихъ конструкціей и смазкою на столько же необходимо для слушателей химическаго отдѣленія, какъ и для слушателей отдѣленія механическаго; для надлежащаго же усвоенія указаннаго предмета химиками введены на IV курсѣ практическія занятія, то-есть, составленіе проекта пароваго котла. ж) Число лекцій, назначенныхъ на IV курсѣ обихъ отдѣленій для чтенія технологіи волокнистыхъ веществъ, увеличено съ трехъ на четыре, по причинѣ невозможности изложить съ надлежащею полнотою всѣ разнообразныя операціи прядильнаго

и тѣхъ дѣла, въ примѣненіи къ различнымъ волокнистымъ веществамъ, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю. 3) Число лекцій, назначенныхъ на IV курсѣ химическаго отдѣленія для чтенія технологій питательныхъ веществъ, увеличено съ пяти на шесть, такъ какъ признано необходимымъ расширить программу названнаго предмета введеніемъ въ нее двухъ, прежде не налагавшихся, статей: 1) о техническихъ приемахъ очищенія воды, въ виду особой важности этихъ приемовъ для большинства производствъ, относящихся къ области технологій питательныхъ веществъ, и 2) объ искусственномъ приготовленіи льда, имѣющемъ первостепенное значеніе при пивовареніи въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи; кромѣ того, постановлено при изложеніи курса технологій питательныхъ веществъ подробно разобрать вопросъ о питательномъ значеніи разныхъ продуктовъ, изготовленіе которыхъ разсматривается въ курсѣ.

Къ 1-му января 1883 года слушателей въ институтѣ было 586; въ теченіе 1883 года вновь поступило 199; въ теченіе года выбыло 109 (по окончаніи курса съ дипломами 62, по разнымъ причинамъ до окончанія курса 47); затѣмъ къ началу 1884 года состояло 676, то-есть, болѣе предыдущаго года на 90 человекъ. Вышеозначенные 676 слушателей распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: а) по отдѣленіямъ: химическому 145, механическому 356, остальные 175 находились въ I общемъ курсѣ; б) по курсамъ: на I курсѣ 175, на II-мъ—150 (механич. отд. 98, химическ. отд. 52), на III-мъ—148 (механич. отд. 107, химическ. отд. 41), на IV-мъ—92 (механич. отд. 69, химическ. отд. 23), на V-мъ—111 (механич. отд. 82, химич. отд. 29); в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 379, старообрядцевъ 4, армяно-григоріанъ 13, римско-католиковъ 182, лютеранъ 29, реформатовъ 3, іудеевъ 65, магометанъ 1; г) по сословіямъ: дворянъ 190, штабъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей 149, потомственныхъ почетныхъ гражданъ 26, личныхъ почетныхъ гражданъ 15, синовей священно и церковнослужителей 30, купеческихъ дѣтей 59, мѣщанъ 127, крестьянъ 26, разночинцевъ 42, иностранцевъ 12; д) по образованію: окончившихъ курсъ: въ университетахъ—22, въ классическихъ гимназіяхъ съ аттестатомъ зрѣлости—41, въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ классомъ—543, въ духовныхъ семинаріяхъ 1, въ реальныхъ гимназіяхъ и училищахъ безъ дополнительнаго класса—2, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ—31, въ коммерческихъ училищахъ—10, въ прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—22, представившихъ свидѣтель-

ства классическихъ гимназій о знаніи гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ 4. Изъ числа слушателей, показанныхъ къ 1-му января 1883 года, удостоены перевода въ высшіе курсы: изъ I курса во II—123, изъ II въ III—112, изъ III въ IV—84, изъ IV въ V—101, всего—420. Изъ 676 слушателей стипендіями пользовались 156, въ томъ числѣ 56-ти лицамъ стипендіи назначены въ 1883 г., лишены стипендій 13; размѣръ стипендій—отъ 65 руб. до 430 руб. включительно. Освобождено было отъ платы 55, лишены этой льготы 13 слушателей. Единновременныя пособія изъ институтскихъ суммъ выданы были 106 слушателямъ на сумму 3, 695 руб. Въ порядкѣ учебныхъ занятій, улучшенія со стороны слушателей относились наиболѣе къ посѣщенію лекцій; графическими же и практическими въ лабораторіи и мастерскихъ работами слушатели, за исключеніемъ весьма немногихъ, занимались усердно. Кромѣ замѣчаній по поводу недостаточно исправнаго слушателями обязательныхъ занятій, не приходилось налагать какія либо взысканія на учащихся. Изъ числа окончившихъ въ 1883 году полный курсъ наукъ удостоены: степени инженеръ-технолога—33, званія технолога—29. Кромѣ того, по представленнымъ диссертациямъ и отчетамъ о технической дѣятельности, удостоены степени инженеръ-технолога 5 лицъ выпуска прежнихъ лѣтъ.

Бюджетъ института за 1883 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: Къ 1-му января 1883 года состояло на лицо: а) неприкосновеннаго капитала, составившагося изъ суммъ, пожертвованныхъ разными лицами на учрежденіе стипендій — 118,050 руб., оборотнаго капитала—22,248 руб. 40 коп. Въ теченіе 1883 года поступило всего 289,726 руб. 65 коп. (ассигновано изъ главнаго казначейства на содержаніе института 253,186 руб. 50 коп., получено процентовъ съ капиталовъ, составляющихъ собственность института, 6,815 руб., поступило платы за слушаніе лекцій съ постоянныхъ слушателей 24,170 руб., прислано отъ разныхъ учреждений на выдачу стипендій и пособій слушателямъ института 5,555 руб. 15 коп.); въ теченіе года израсходовано 261,988 руб. 4 коп. (на содержаніе личнаго состава преподавателей и служащихъ при институтѣ 102,789 руб. 14 коп.), на стипендіи и пособія слушателямъ института 49,360 руб., на содержаніе мастерскихъ, лабораторій и физическаго кабинета 37,609 р. 20 коп., на учебныя пособія, на пополненіе бібліотеки, на приумноженіе музея и проч. 6,508 руб. 59 коп., на отопленіе, освѣщеніе, на содержаніе чистоты и опрятности и на архитектурный ремонтъ

45,524 руб. 33 коп., на канцелярскіе расходы, содержаніе прислуги и проч. 11,392 руб. 33 к., на выдачу стипендій слушателямъ института изъ капиталовъ, пожертвованныхъ разными лицами 3,714 руб. 50 коп., на выдачу стипендій изъ капиталовъ, присланныхъ разными вѣдомствами 5,089 руб. 95 коп.); затѣмъ къ 1-му января 1884 года осталось: неприкосновеннаго капитала 127,450 руб. и оборотнаго 21,450 руб. 80 коп., а всего 148,900 руб. 80 коп.

Нѣкоторыя изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій института обращены новыми, немаловажными предметами, помѣщенія другихъ распространены и улучшены. Такъ, бібліотека, кромѣ книгъ, приобрѣтенныхъ институтомъ, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ серія *Annales de Chimie et de Physique* съ 1816 по 1826 годъ,—пополнилась многими книгами, принесенными въ даръ институту какъ отъ правительственныхъ учрежденій, такъ и частными лицами и иностранными учрежденіями. Въ механическихъ мастерскихъ института установлена и приведена въ дѣйствіе новая вертикальная паровая машина, высокаго давленія, безъ охлажденія пара, въ 8 силъ, исполненная слушателями старшаго курса института; машина эта предназначена для приведенія въ движеніе мастерскихъ во время ремонта главной паровой машины, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется привести въ движеніе лишь часть рабочихъ станковъ мастерской, что имѣетъ мѣсто въ началѣ учебнаго года и въ концѣ лѣтнихъ вакацій. Физическій кабинетъ обогатился, между прочимъ, приобрѣтеніемъ періодическаго и универсальнаго гальванометровъ Симменса, нормальнаго элемента Кларка, нормальнаго ома В. Л. и прибора Лоренца для опредѣленія ома, динамо-электрической машины Кремлингера, платиноваго реостата въ 10 единицъ и вибраціоннаго хроноскопа Ветца. Увеличеніе коллекцій химическихъ препаратовъ и приборовъ въ лабораторіи, а также неимѣніе соответственнаго помѣщенія для производства анализовъ спектральнаго и газовъ, вызвали необходимость расширить помѣщеніе химической лабораторіи возведеніемъ втораго этажа надъ одноэтажною частью помѣщенія физическаго кабинета, при чемъ перестроена и бывшая весьма неудобною лѣстница, ведущая въ аудиторію при химической лабораторіи. Волѣ дѣянныя приобрѣтенія въ химической лабораторіи составляютъ: вѣсы Сарторіуса, воздушная баня и печь для нагрѣванія запаянныхъ трубокъ Мейера, приборъ для сгущенія и храненія сѣрнистой кислоты. Помѣщеніе для рабочихъ по технологіи орга-

часть соххху, отл. 4.

ническихъ веществъ значительно расширено, при чемъ для многихъ аппаратовъ устроено шесть новыхъ очаговъ, сдѣланы вытяжные шкафы и разныя другія приспособленія; кромѣ того, въ этомъ помѣщеніи устроивается новое газовое освѣщеніе съ генеральными горѣлками системы Сименса, и устанавливается новый перегрѣватель пара съ генеративною топкою.

ОДНА ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ НАДПИСЕЙ ОЛИМПИИ.

Въ началѣ мая текущаго года я снялъ въ Олимпии копию съ одной до сихъ поръ не изданной надписи, найденной тамъ при нѣмецкихъ раскопкахъ 1875—1881 годовъ, и именно около западной стѣны священнаго округа. Мелкопористый песчаникъ, на которомъ она вырѣзана, сохранился на сторонѣ надписи въ томъ видѣ, въ какомъ представленъ на прилагаемой копии. 40 строкъ въ высоту занимаютъ 0,40 метра; длина первой строки—0,445; длина 21-й—0,525; толщина камня—0,175; высота буквъ—0,007; разстоянiе строкъ—0,003. Вслѣдствiе качества камня, буквы во многихъ мѣстахъ исчезли совершенно, въ нѣкоторыхъ отъ нихъ остались только незначительные слѣды, которые легко смѣшались съ посторонними царапинами, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по видимому, сохранились всѣ буквы, послѣднiя такъ сливаются одна съ другою, что надпись читается съ большимъ трудомъ. Это обстоятельство и было причиной, что надпись нѣсколько лѣтъ оставалась даже не прочитанною; конечно, къ этому присоединилось еще нежеланiе тратить слишкомъ много времени надъ поздней римскою надписью, какою она кажется всякому при взглядѣ только на начертанiе буквъ. Я въ своей копii ограничился главнымъ образомъ тѣми мѣстами надписи, которыя читаются съ нѣкоторою долей вѣроятности, опустивъ почти всю средину, потому что на ней видны слѣды буквъ только изрѣдка, и притомъ весьма сомнительныя. Я отмѣчаю въ копii пунктиромъ тѣ буквы, въ вѣрности чтенiя которыхъ я не убѣжденъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что изъ встрѣчающихся на камнѣ довольно глубокихъ ямокъ нѣкоторыя несомнѣнно существовали еще до вырѣзки надписи (напримѣръ, въ строкахъ 10-й и 11-й, въ копii черные кружки).

Въ чтеніи я ограничиваюсь только наиболѣе вѣроятнымъ и самым краткимъ дополненіемъ, а въ остальномъ отсылаю къ копіи.

На фронтонѣ легко читается слово 'Αλεξῆς. Слѣдствъ другихъ словъ нѣтъ никакихъ.

1. Ἐδοξεν τῇ βουλῇ] καὶ τῷ δήμῳ, εἰσαγγελάντων Εὐδόημος τε τοῦ Ἐπικράτου[ς, ἰε]ρέας Γαῖου Ἰουλίου Καίσαρος, κατὰ τὸ θεῖον
2. τοῦ θεῖου γραμματέως τοῦ δήμου καὶ τῶν τῆς πόλεως στρατηγῶν ἐκ(ε)ῖ
 Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ θεοῦ οἶδς θεὸς [Σεβαστός
3. πάντα τοὺς ἀνθρ]ώπους εὐεργεσίαις ὑπερθετικῶς καὶ τοὺς Ὀλομπίους
 θεοὺς καὶ πᾶσαν μὲν τὴν οἰκουμ[ε]ν[η]ν — —
4. — — φόβου (ἢ φόρου?), τὸν ἐφ' ἑαυτοῦ δὲ βίον καὶ χρόνον εὐδαιμονέστερον ἀπο(δε)δειχῶς, πρότερον τε ἐν τοῖς κοινοῖς — —
5. — — τῆ[ν] ἀ[πό]λαυσιν διὰ τὴν ἐκείνου πρόνοιαν — — πλήθονα τῶν ἄλλων ἐπὶ τῆς Ἀσίας Ἑλλή[νων] — —
6. — — ἡμετέρα πόλει μεγάλη. ἐπισηραγ[ο]μένο[ς] τῆ[ν] κ[α]τὰ τὸ θεῖον διάθεσιν τῆς δὲ τῶν σεισμῶν περιστά[σε]ως — —
7. — — δή[μ]οιο μετὰ τὴν κατὰ θεοῦς — — ὡς ἐπὶ σωτήρα καὶ θεὸν καλινγενεσίαν τοῖς ἀπολωλόσι — —
8. — — κ]αλέσαντος καὶ πρὸς ἑαυτὸν — — σμάνην πατρῶαν μὲν τῆς οἰκίας αὐτοῦ — —
9. — — — — — μὴ περιδ(ε)ῖν[χει?]μένην ἐκ' ἐδάφους — —
10. — — εὐε]ργεσίαις καὶ σὺν τοῖς ἄλλοις καλλιστεόμεσ[τ]ιν(?) . . . μορία κατὰ πάντα τρόπον εἰδρῶκεν καὶ τοῦτ[ο]
11. — μετα —]ς καὶ μεγαλοφροσ[ύ]νης, ὡς, καὶ πρέπει ἢ ΠΤΟ ΠΗΒΥΔΕ ΠΟΔΟΒΗΘΕ] τῷ κολοίστορι καὶ τὰς τῶν ἰσοθέων καὶ θεῶν κηροζων..
12. — — κ]ατρίδ — — — — [ἐ]πὶ τῆς οἰκο(μ)έν[η]ς· κατακολεμῶν δὲ Καντάβροος
13. — — καὶ μέχρι τ. — — — — καὶ τῆς ἐξ ὀνόματος γνώσεως ἄχρι τῆς τοῦ σε-
14. — — — — — πρᾶξ(εις) διὰ χειρὸς ἔχων καὶ προσ[ε]τ[ο]ίμ — — (ἢ προσ[α]γ[ο]ίμ — —)
15. — — μῆσαι τὴν ἀντ — — — — — πο[θ]έσθαι περὶ τῶν τῆς πόλεως ἀτοχημάτ[ων] — —
16. — — πρ]ὸς αὐτὸν τοὺς π[ρ]έσβεις? — — — — ἐπαχθέστατα κατοίχτηεν ὡς οἰκητάτην ἑαυτοῦ
17. πόλιν] — — — — — πρᾶξεων καὶ τῷ τῆς πόλεως — — —
18. — — — — — λαχοδετικῶσι ἐντεύξεως ἐκαλ[θ]ούσης? πλήθονα — —
19. — — — — — τῶν δε[ο]μέν[ω]ν ἐφ[ρ]ασεν τῷ — — — — τὰς εὐχὰς ὑπέφ[ρ]
20. — — — — — αὐτὸν τῆς προνοίας τόπον — — —

завный благосклонности императора (стр. 5), предъ которыми онъ выставилъ на видъ свою преданность его дому еще со времени предковъ (8; cf. 16?).

Относительно императора, который титулуется: *Αὐτοκράτωρ Καίσαρ θεοῦ υἱὸς θεός*, видно, что онъ воевалъ съ Кантабрами (12), и что помощь его данному городу есть только одно изъ безчисленныхъ его благодѣяній (3, 32, 39, 10), оказанныхъ всей вообще Азии и даже всей вселенной, которая при немъ наслаждалась болѣе счастливою жизнью, чѣмъ прежде (3—5); изъ эпитетовъ его можно отмѣтить: *σωτήρ καὶ θεός* (7), *κολοιστῶρ* (11), *μαγαλόφρων* (11) и въ данномъ случаѣ *ἀρχηγέτης* для города (28). Вообще впрочемъ, въ рѣчи объ императорѣ слишкомъ замѣтна лесть (особенно въ стр. 3-й), съ какою мы встречаемся начиная со времени Августа не только въ Азии, но и въ Элладѣ.

Главный мотивъ декрета и составляетъ возстановленіе города послѣ землетрясенія. Последнее случилось, по видимому, одновременно съ походомъ императора противъ Кантабровъ; но, не смотря на эти дѣла (14), императоръ, лишь только узнавъ о несчастіи, постигшемъ городъ (15), тотчасъ допустилъ къ себѣ посольство (16) и сдѣлалъ соответствующія распоряженія о возстановленіи города (21—22). Последнія, однако, кажется, не тотчасъ были приведены въ исполненіе (23), такъ что потребовалось новое его вмѣшательство и помощь деньгами (27), и только тогда народъ снова получилъ свою страну и городъ (37).

Думаю, что о томъ же времени и землетрясеніи идетъ рѣчь у историка Агаѳи, жившаго около 560 года по Р. Х. и описавшаго въ пяти книгахъ семь лѣтъ царствованія Юстиніана (552—558 гг.). Подъ 554 годомъ, въ примѣръ ужасныхъ землетрясеній, отъ которыхъ гибли цѣлыя города и заселялись новыми жителями, онъ приводитъ случившееся при Августѣ. Тогда землетрясеніемъ былъ разрушенъ до основанія городъ Траллы на рѣкѣ Мэандрѣ (на мѣстѣ нынѣшняго *Aidin* или *Güsel-Hissar*); тронутый участіемъ роднаго города, одинъ изъ простыхъ гражданъ, Харемонъ, отправился къ Августу въ Кантабрию, гдѣ послѣдній тогда велъ войну, и сообщилъ о случившемся землетрясеніи. Августъ тотчасъ назначилъ въ Траллы семь *ἑκατοχῶς* изъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ Римлянъ во главѣ колоній; ими и были возстановлены Траллы въ томъ видѣ, въ какомъ продолжали существовать и при Агаѳи, который добавляетъ, что эти Римляне, замѣнявшіе прежнихъ Пеласговъ, стали говорить уже по гречески и

ἀτιμώτερον, благодаря іонійскому сосѣдству. На пьедесталѣ отъ статуи, которой уже не было при немъ, Агаѳіа прочитала и слѣдующую надпись въ честь Хэрмона:

Κλασθείσας πάτρας σεισιμῶ ποτε Κάνταθριν ἐς γὰν
 Χαίρημων ἔπτα, πατρίδα ῥοσόμενος,
 Καίσαρι δ'εὐλιχθεὶς περὶ γούνασι τὰν μεγάλαυχον
 Ἐρωθωσθ Τράλλιν, τὰν τότε κεκλημέναν
 Ἄνθ' ὧν συγγενέες τοῦτο βρέτας, ἔφρ' ἐπὶ βωμῶ,
 οἶα δίκαι κτίσταν, τάνδε φέροιστο χάριν.

Въ то же время пострадали отъ землетрясенія и многіе другіе іонійскіе и эолійскіе города. Агаѳіа при этомъ ссылается еще на ἡ πάτριος ἱστορία города Траллъ (Histor. II, 17 въ Historici Graec. Minores, Teubn. vol. II, p. 207—9).

И по Страбону, въ то время былъ разрушенъ землетрясеніемъ и восстановленъ Августомъ, давшимъ на это средства, не одинъ только городъ Траллы, а также и Лаодикей, при чемъ въ первомъ землетрясеніи было не полное, а только τὸ γυμνάσιον καὶ ἄλλα μέρη συνέπεσον (XII, 8, 18, p. 579); съ этимъ согласно и показаніе Плинія, который еще видѣлъ въ Траллахъ дворецъ Аттала (Nat. Hist. 35, с. 14, § 172). Возможно, что у Агаѳіи разказъ нѣсколько преувеличенъ, какъ у писателя, жившаго 550 лѣтъ послѣ событія. Светоній (Tiber. с. 8) добавляетъ, что Тиберій pro Laodicenis, Thyatirenis, Chitis, terrae motu afflictis orantibus, senatum deprecavit еще до вступленія на престолъ, равно какъ и Archelaum, Trallianos et Thessalos varia quosque de causa Augusto cognoscente defendit (ibid.). Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ несомнѣнно о томъ же землетрясеніи, о которомъ говорятъ и Агаѳіа, и Страбонъ, и я думаю, что и дѣло Траллійцевъ было однородно съ дѣломъ Лаодикий, Хиоса и Фіатиръ, съ тою только разницею, что первые обращались прямо къ Августу (Augusto cognoscente) въ Испанію, гдѣ тогда былъ и Тиберій (который stipendia prima expeditione Cantabrica tribunus militum fecit, Suet., Tib. с. 9, а объ этой Кантабрской экспедиціи κατ' ἔροχὴν см. ниже). И такъ, мы имѣемъ четыре города, разрушенныхъ землетрясеніемъ во время похода Августа противъ Кантабровъ.

Возстаній Кантабровъ при Августѣ было, по Діону Кассію, пять: первое—въ 29 году до Р. X. (51, 20); второе—въ 26 и 25 (53, 25); третье—въ 24 (53, 29); четвертое—въ 21 (54, 5) и пятое—въ 19 (54, 11). Но Августъ принималъ личное участіе только при подавленіи втораго,

Гая Юлія Цезаря диктатора ¹⁾. Наши источники прямо говорятъ о существованіи храмовъ въ честь Гая Юлія Цезаря только въ двухъ городахъ: въ Ефесѣ и Никѣѣ (Dion. Cass. 51, 20; cf. Hertzberg, Gesch. Griech. I, p. 520), которые однако не принадлежатъ къ числу интересующихъ насъ теперь. Это, впрочемъ, вовсе не исключаетъ почитанія Цезаря и въ другихъ городахъ, и кажется, мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобъ утверждать, что это было именно въ Траллахъ. Онѣ при Августѣ уже носятъ еще новое имя *Καίσαρεια* въ честь Цезаря ²⁾, а съ этимъ именемъ обыкновенно соединялось и существованіе одноименныхъ игръ и праздниковъ (Hertzberg, II, p. 11). Затѣмъ въ числѣ предзнаменованій, пророчившихъ Цезарю побѣду въ Фарсальской битвѣ (48 до Р. Х.), приводятся, между прочимъ, и то, что въ Траллахъ въ храмѣ Побѣды статуя богини обратилась лицомъ къ стоявшей (уже тогда) въ сторонѣ храма статуѣ Цезаря, и у пьедестала послѣдней выросла пальма (самъ Цезарь *De Bello Civili* III, 105, 5; Plin. Н. Н. XVII, 25 (38), § 244; Plutarch. Caes. c. 47; Dion. Cass. 41, 61; прочее у Hertzberg, I, 456). Какими благодѣяніями Цезаря была вызвана постановка его статуи въ храмѣ еще до 48 года, опредѣленно сказать нельзя; до этого года мы знаемъ изъ его отношеній къ Азіи только то, что между 76 и 74 годами до Р. Х. онъ, *vastante regiones proximas Mithridate ne desiderare in discrimine sociorum videretur, ab Rhodo—transiit in Asiam, auxiliisque contractis et praefecto regis provincia expulso nutantis ac dubias civitates retinuit in fide* (Sueton. Caes. c. 4), и что въ 59 году имъ былъ проведенъ законъ о соблюденіи правъ свободныхъ городовъ (см. Hertzberg, I, p. 429). И то и другое могло имѣть отношеніе и къ Тралламъ. Главныя же заботы Цезаря объ Азіи относятся ко времени,

¹⁾ Стр. 1; замѣчу, что здѣсь подъ Цезаремъ нельзя разумѣть Калигулу, потому что онъ не имѣлъ имени Юлія, С. I. G. II, 2957=*Le Bas, Voy. Arch. III, № 142*, и по другимъ соображеніямъ (С. I. A. III, 455 adn.), а также и усмотреннаго Августомъ внука Гая Цезаря, который, хотя и носитъ иногда въ греческихъ надписяхъ имя Юлія (*Dittenberger, Sylloge № 275*), но не былъ *divus*.

²⁾ См. *Καίσαρεια Τραλλιανῶν πόλις* въ С. I. G. 2929, гдѣ Бѣкъ относительно времени этого имени ссылается на *Eckhel: Doctr. Numm. tom. III, p. 125*; тоже *Le Bas, Voy. Arch. III, № 1652 a*; *Mittheilungen VIII (1883) p. 317 № 1* и *p. 353 № 13*; прочія имена Траллъ: *Εὐάνθεια, Πολιοάνθεια, Ἀντιόχεια, Σελεύχεια*, Steph. Byz. s. v. *Τράλλεις* et Plinius, Н. Н. V, 29, § 108; cf. *Μουσειῶν καὶ Βιβλ. τ. Εὐαγγ. Σχολῆς τ. Ἐμβόρης, II περ., ἔτος I (1875) p. 112*.

непосредственно слѣдовавшему за Фарсальскою битвой, когда онъ снялъ съ Азии третью часть податей и въ сборѣ ихъ ввелъ новый порядокъ, отиѣнивъ *publicanos* (Dion. Cass. 42, 6; Plut. Caes. c. 48; cf. Dion. Cass. 42, 48; Caes. B. C. III, 33 et 106); именно въ 48 году (второе консульство Цезаря) относится слѣдующая надпись: Ἐφεσίων ἢ βουλή καὶ ὁ δῆμος καὶ αἱ ἄλλαι Ἑλληνικαὶ πόλεις αἱ ἐν τῇ Ἀσίᾳ κα- [τ]ο[κ]οῦσαι καὶ τὰ ἔθνη Γάιον Ἰούλιον Γαίω υἱὸν Καίσαρα, τὸν ἀρχιερέα καὶ αὐτοκράτορα καὶ τὸ δεύτερον ἕπατον τὸν ὑπὸ Ἄρεως καὶ Ἀφροδῆ[ι]της θεὸν ἐμφανῆ καὶ κοινὸν τοῦ ἀνθρωπίνου βίου σωτήρα (C. I. G. 2957=Le Bas, Voy. Arch. III, 142=Dittenb., Syll. № 269). Принимая во вниманіе, что Траллійцы о своемъ *prodigium* немедленно довели до свѣдѣнія Цезаря, считаю весьма вѣроятнымъ, что заботы его не миновали ихъ, а при этомъ до должности жреца Цезаря оставался уже одинъ шагъ.

Вовторыхъ, въ Траллахъ было весьма распространено имя Тиберія Клавдія (C. I. G. II, 2921, 2922, 2930; Mittheilungen VIII, p. 318, № 2 и др.). Это, по моему мнѣнію, объясняется упомянутымъ участіемъ Тиберія въ дѣлѣ Траллъ¹⁾.

Втретьихъ, въ надписи городъ называется большимъ (стр. 6). Это также подтверждаютъ наши свѣдѣнія о Траллахъ изъ Агаѳин (эпиграмма) и Страбона (XIV, 1, 42, p. 648—649). Тацитъ, правда, замѣчаетъ, что въ 26 году по Р. X. изъ одиннадцати городовъ, изъявлявшихъ желаніе строить храмъ Тиберію, разрѣшенный только одинъ на Азію, получили отказъ Нураерени Trallianique Laodicens simul ac Magnetibus, ut *pagum validi*, а также и Иліонъ; другіе шесть городовъ были: Галикарнасъ, Пергамъ, Ефесъ, Милетъ, Смирна, Сарды (Ann. IV, 55). Вѣкъ понимаетъ здѣсь *pagum validi* не о городахъ, а о представленныхъ ими *argumenta* (C. I. G. II, p. 585 adn. ad № 2920); можетъ быть, дѣйствительно выраженіе Тацита не точно: Траллійцы могли получить отказъ и по другимъ причинамъ, какъ Пергамъ, имѣвшій храмъ Августа, Ефесъ — Артемиды, Милетъ — Аполлона (Tacit. *ibid.*). Но съ другой стороны, при Тиберіи и Траллійцы, и Лаодикийцы могли быть *pagum validi*, спустя всего пятьдесятъ лѣтъ послѣ землетрясенія; что же касается предшествоую-

¹⁾ Stierret, издавшій послѣднюю изъ указанныхъ надписей, определяя время ея, руководится тѣмъ соображеніемъ, что упомянутый въ ней Тиберій Клавдій-отецъ могъ родиться только по вступленіи Тиберія на престолъ (14 по Р. X.); по моему мнѣнію, онъ могъ родиться и на 50 лѣтъ раньше.

шаго времени, то тогда, согласно съ другими показаніями, Траллы были несомнѣнно *μεγάλη πόλις*.

Кромѣ того, можно замѣтить еще слѣдующее: Hauvette-Besnault и Marcel Dubois (Bulletin de Congr. Hell. VI (1881) p. 341) по поводу одной Траллійской надписи замѣчаютъ, что ихъ копія дала между прочимъ слѣдующія двѣ поправки сравнительно съ копіей Parra Konstantinou (Μουσ. καὶ Βιβλ. τ. Εἰσαγγ. Σχ. 1880, p. 181): *χαλιματῆς* вм. *χηλι[ε]ματῆς* и *μήνεα* вм. *νήνεα*. Если на камнѣ дѣйствительно стоятъ η и ν, то можетъ быть, это не простая ошибка, а отчасти обусловленная и произношеніемъ въ Траллахъ; ср. подобные случаи въ нашей надписи, стр. 12, 25, 5, 16, 18.

Въ строкѣ 24 мы видимъ *κόλαος τῆς ἀμφοτέρων σωτηρίας*. Подъ *ἀμφοτέροι* здѣсь разумѣются, вѣроятно, прежніе жители (*συγγενέες* въ эпиграммѣ у Агаѳи) и посланные Августомъ Римляне. Въ Траллахъ дѣйствительно съ того времени встрѣчается снова много Римлянъ и съ римскими формами правленія (C. I. G. II, 2927, 2930, 2931 и др.). Римлянъ было много въ Траллахъ еще въ началѣ I вѣка до Р. X., но они были вырѣзаны при Митридатѣ въ 88 году (Arrian. Mithr. 23; Dio Cass. fr. 101 = vol. I, p. 140).

Вѣкъ въ C. I. G. II. 2923 издавъ слѣдующую надпись Тралль:

ἐπιστατοῦν[τος τῆς οἰκοδομίας?
 τοῦ τεύχοος Καλο — — —
 οο τοῦ Μεγαδόμου . . . — — —
 κλείτου τοῦ Κλε[ιτ] — — — τε-
 χ]οος τοῦ λιθ[ι]νου ἀ[πὸ τοῦ ναοῦ τοῦ Ἀπόλ-
 λ]ῆνος? μήχος ἐπὶ — — —
 , . . κοντα, ἡ γενομέ[νη] δαπάνη?
 δ]ραχμαὶ — — —

Эту надпись онъ относитъ къ постройкамъ послѣ землетрасенія 26 года, приводя разказъ Агаѳи. Въ Траллахъ были храмы побѣды, Ὀμονοίας (Arrian. Mithr. 23; Герцбергъ сомнѣвается въ имени послѣдняго, не знаю, на какихъ основаніяхъ (vol. I, p. 345): вѣдь былъ же βωμὸς Ὀμονοίας въ Олимпѣ, Paus. V, 14, 9) и Διὸς Δαραίου (Mitthell. VIII, p. 331, № 11; Le Bas № 604; Strabo XIV, 1, 42, p. 649), но о храмѣ Аполлона упоминаній, кажется, нѣтъ. Дополненіе Бѣка поэтому можетъ казаться сомнительнымъ; тѣмъ не менѣе оно наводитъ на мысль, не былъ ли построенъ храмъ Аполлону при Августѣ и не имѣлъ ли прямаго отношенія къ послѣднему.

Діонъ Кассій (45, 1) и Светоній (Oct. 94) говорятъ, что Аттія родила Августа отъ Аполлона (дракона), что и было однимъ изъ мотивовъ усновленія его Цезаремъ. Самъ Августъ подлѣ своего Никополя на мѣстѣ, гдѣ стоялъ его шатеръ въ битвѣ при Акціумѣ, устроилъ ἱδρυς τῷ Ἀπόλλωνος (Dion. Cass. 51, 1; cf. Sueton. Oct. 96), помимо существовавшаго прежде и расширеннаго при Августѣ храма Аполлона Актійскаго (Strabo VII, 7, 6 p. 325; Dion. Cass. 50, 12, Suet. Oct. 18; Hertzberg I, 493). Къ слѣдующей надписи, найденной около Алабандъ: Ἀπόλλωνος Εὐ[ι]λευθερίου Σε[β]αστο[ῦ] Вѣкъ замѣчаетъ: „Ni fallor, pertinet ad Octavianum Augustum, qui Apollo Liberator vocatus ab Alabandensibus est“ (C. I. G. 2903 f., vol. II p. 1122; ср. объ отношеніяхъ Августа къ храмамъ Аполлона Monumentum Ancus-gaium въ изд. Моммзена стр. LXXIX, LXXXVI и 67 слѣд.).

Наконецъ, Траллы могли сослаться и на преданность свою дому Августа, именно по отношенію къ Цезарю (такой смыслъ я вижу въ 8-й строкѣ надписи). Что же касается болѣе ранней исторіи ихъ отношеній къ Римлянамъ, то относительно 88 года мы знаемъ, что и въ Траллахъ Римляне не были пощажены, хотя все-таки Тралліяци не сами избивали Римлянъ, а поручили это Теофілу Пафлагонцу (App. Mithr. 23; Dion. Cass. fr. 101); а въ 86 году они же въ числѣ не многихъ городовъ, по примѣру Ефеса, успѣли отложиться отъ Митридата (App. Mithr. 48; Oros. VI, 2).

Все это, кажется, можетъ до нѣкоторой степени свидѣтельствовать въ пользу того, что въ нашей надписи рѣчь идетъ именно о Траллахъ.

Теперь, въ виду того пренебреженія, съ какимъ относились къ этой надписи, какъ слишкомъ поздней, остановимся еще на двухъ вопросахъ: объ императорѣ и о шрифтѣ.

Что касается титула: ἀτοκράτωρ Καίσαρ θεοῦ υἱὸς θεός, то краткость его говоритъ о времени первыхъ императоровъ. Къ сожалѣнію, данный титулъ не даетъ возможности опредѣлить, поставлена ли надпись еще при жизни императора, или послѣ его смерти. Диттенбергеръ сдѣлалъ выводъ, что, когда говорится о покойномъ, то θεός ставится какъ граепотен предъ собственнымъ именемъ, съ опущеніемъ императорскихъ титуловъ; когда же рѣчь идетъ о живомъ, то θεός ставится послѣ собственнаго имени, которому предшествуетъ полный титулъ. Но, съ одной стороны, правило это соблюдается только въ аттическихъ надписяхъ и даже тамъ допускаетъ исключенія (Hermes, VII (1873) p. 214. sq.; cf. C. I. A. III, 438 et

55), а съ другой—формула титула нашей надписи уклоняется отъ буквъ только что указанныхъ: θεός—между императорскимъ титуломъ собственнымъ именемъ. Такимъ образомъ мы можемъ воспользоваться только слѣдующимъ замѣчаніемъ Диттенбергера о надписи... τοῦ αὐτοκράτορος Ἀδριανοῦ: „vox θεός hic sine dubio de vivo imperatore usurpata est, nam aliter non adderetur αὐτοκράτορος (С. I. A. I, 519). Кромѣ того, совершенно тождественный съ нашимъ титулъ встрѣчается въ надписи изъ Нурата (С. I. G. № 1774), которую теперь нужно читать согласно съ Диттенбергеромъ слѣдующимъ образомъ: Αὐτοκράτορα [Καίσαρα] θεὸν θεοῦ οἶδν Σεβαστὸν εὐεργέτην, καὶ ὅς οἰοῦς Γάιον (Ἰ)ούλιον Καί(σ)α[ρα καὶ Δεῦκιον] Ἰούλιον Καίσαρα, ἡ γὰρ Ἰπάτα (Syll. Inscr. Gr. № 275); а эта надпись относится ко времени жизни Августа, потому что въ 17 году до Р. Хр. Гай и Луцій были усновлены, а во 2 г. по Р. Х. Луцій уже умеръ.

Но если данный титулъ и возможно примѣнить къ болѣе позднимъ императорамъ, которые не только сами были divi, но и проходили отъ divi (напримѣръ, въ Траяну и первымъ Антонинамъ, Flavi Vopisci Aurelianus, с. 42), то ни къ одному изъ преемниковъ Августа нельзя отнести: Καταπολεμῶν δὲ Κανταβρούς (стр. 12), потому что при немъ возстанія Кантабровъ были послѣднія: Діонъ Кассій говоритъ, что при пятомъ возстаніи (19 года) почти всѣ рослые были избиты, а остальные лишены оружія и переселены на провинціи (55, 11); Аппіанъ (fugit с. 160 р. Ch.) говоритъ, что съ искореніемъ Испаніи Августомъ до его времени Испанія продолжаетъ дѣлиться на три провинціи: двѣ сенатскихъ и одну императорскую (Israp. 101; Justin. 44, 5; 8; cf. Mommsen, Monum. Ancyranum, XXX sq. et adn. p. 71); дѣйствительно, мы не видимъ такой войны и при одномъ императорѣ, кромѣ Августа. При Маркѣ Авреліѣ шла въ Испаніи война, но уже съ Маврами (Juli Capit. M. Anton. illos, с. 21 et 22).

Что касается эпитетовъ и отзывовъ объ императорѣ, то при немъ болѣе легкой лести, которая такъ легко доходила до обоготворенія (ertzb. I. 518 sqq.; II 11 sq.), трудно искать въ нихъ руководящихъ нитей, потому что то, что здѣсь говорится объ императорѣ, можетъ быть отнесено къ каждому изъ императоровъ при его жизни. Если же касается Августа, то относительно его благодѣяній Азіи можно сказать на слѣдующее: Діонъ Кассій говоритъ, что Августъ, тотчасъ послѣ битвы при Акціумѣ, переправившись въ Азію, занялся ея устройствомъ (въ нашей надписи стр. 4: πρῶτον τα ἐν τοῖς κοίνοις etc.), тогда

какъ предъ этииъ Азіа была опустошаема налогами безъ всякаго ряда (Dio Cass. 51, 4; Hertz b. I, 475 sq.); около 81 же года Август писалъ Миласійцамъ, что, узнавъ о непріятельскихъ опустошеніяхъ пожарахъ въ ихъ области, онъ вполне сочувствуетъ имъ и пр. (объ мокъ надписи Dittenb. Sylloge № 271); Діонъ Кассій (54, 23) говоритъ подъ 15 годомъ до Р. Х., что Августъ и прежде помага многимъ городамъ въ несчастіяхъ, такъ что, если говорить обо всемъ то ἀκέρων ἂν ἔργον τῆς συγγραφῆς ἐγένετο; въ Monum. Ancyr. (Monum. p. LXXXVII): δαρεσι—κόλασον ἐν ἐπαρχείας σεισμοῖς καὶ ἐνπορισμοῖς πονηροῖς—ἄκερον κληθῆς. Въ отсутствіи μεγαλοφροσύνη въ этомъ отишеніи упрекали только Марка Аврелія (Dion. Cass. 71, 32).

Πολοίστωρ'омъ Августъ также можетъ быть названъ (ср. нашъ мѣръ Sueton. Octav. c. 85—89), хотя, конечно, этотъ эпитетъ удивѣ бы было примѣнить къ Адриану или Антонинамъ.

Шрифтъ греческихъ надписей императорской эпохи отличается большимъ непостоянствомъ даже въ Атикѣ. Въ С. I. А. III, относительно надписи Ксанеа Ликійскаго Диттенбергеръ замѣчаетъ что она не старше конца II в. по Р. Х., хотя употребленіе форм ω „vel in ipsa Attica“ гораздо древнѣе, а въ Sylloge (№ 379) да объ аттической копіи той же надписи (С. I. А. III, 74) рѣшаетъ сказать только, что *imperatorum Romanorum aetate utique non antiquior titulus*. Словомъ, въ этомъ отношеніи даже въ Атикѣ возможно разногласіе во времени отъ конца I в. по Р. Х. до времени послѣ Діоклетіана (С. I. А. III, 61; cf. adn. ad. № 172). Шрифтъ нашей надписи очень близокъ къ надписямъ собственно Олимпійскимъ, начиная съ 120-хъ годовъ по Р. Х. (напримѣръ, Sylloge Inscr. Gr. № 287 и особенно много похожихъ между надписей жреческой іерархіи отъ 125-й олимпіады и позднѣе), хотя и нихъ характеръ шрифта тѣсно связанъ съ тщательностью работъ. Но наша надпись, вѣроятно всего, привезена изъ Азіи. Въ надписяхъ же не аттическихъ и не олимпійскихъ округлыя формы ω и вверху-открытое ω можно встрѣтить гораздо раньше, даже во II в. до Р. Х. (С. I. G. 2058=Dittenb. Syll. № 248, Ольвійская надпись ср. примѣчаніе 2-е къ ней у Диттенбергера на стр. 364). Въ надписи Сироса (Sylloge № 401) подобный же шрифтъ еще при полномъ отсутствіи *iota mutum* доказываетъ, что надпись вырѣзана только „post Romanorum dominationem“. Определеннѣе говоритъ Ваддингтонъ именно, что такой шрифтъ въ сѣверо-западной Азіи употребляетъ весьма рано, въ монетахъ первыхъ императоровъ почти постоянно

рѣдка въ надписяхъ (по поводу надписи г. Асса, *Voy. Arch.* № 1304, *plis.* p. 265; то же *Fastes*, p. 694—695; кромѣ цитируемыхъ тамъ словъ, сравни у него же въ *Fastes*, № 58, p. 687 монеты времени 8—749 гг. отъ основ. Р. и № 67, p. 692—монеты 764 или 5 года).

Въ правописаніи въ нашей надписи *ei* смѣняется чрезъ *η* (*κλήουα* 18; *οίχρητάτην* 16; *χρηῶν* 22), *ei* чрезъ *ι* (*ἐπι* 2, *κράτις* 14, *περιδίν?* и *ι* чрезъ *αι* (*αἰδροχεν* 10). Смѣна долгаго *iota* чрезъ *αι* возможна (е во время историка Поливія (*Dittenb. Syll.* 243). Вмѣсто *αι*—*η* вмѣсто *ι*—*αι* мы встрѣчаемъ въ одной Византійской надписи времени около Тиберія (C. I. G. 2060=Caues, *Delectus* 111=35); Кауеръ замѣчаетъ, что ея діалектъ есть дорическій *postumo studio antiquitatis redintegratus*; въ ней имѣемъ между прочимъ *χρήας* и *κλήουας*. Можетъ быть, и въ нашей надписи можно отчасти видѣть слѣды диалектическіе. По этому поводу приведу слова Вѣка о Траллахъ: *Tralles, Thracum, a quibus nomen habet, atque Argivorum colonia Tralabo XIV, p. 649) sive ut ait Agathias (Hist. II, 17) Pelasgorum, et alios ut videtur intellegens nisi Argivos antiquitus Pelasgos; unde rissa prope Tralles et Larissaeus Iuppiter Tralibus cultus (C. I. G. I. II, p. 583)*. Не могу сказать опредѣленно о смѣнѣ *αι* чрезъ *ι*. Убыхъ ошибокъ, о какихъ идетъ рѣчь въ C. I. A. III. 171, еще нѣтъ.

Отсутствіе *iota mutum* полное. Въ аттическихъ надписяхъ это говоритъ о времени не раньше Адріана (C. I. A. III, 2 adn. Ditt.). Носительно же другихъ прежде всего можно сослаться на примѣніе Вѣка въ C. I. G. №1841, vol. II, p. 18, что отсутствіе *iota mutum* здѣсь и въ №№ 1843, 1844, 1850 и 2060 можетъ быть приписано не времени, а діалекту. Относительно Сиросской надписи, къ уже мы видѣли (*Sylloge*, № 401), это служить доказательствомъ, что надпись вырѣзана только не раньше римскаго владычества въ Греціи. Въ упомянутомъ письмѣ проконсула къ Хиосцамъ (C. I. G. 2222) въ 4 или 5 года по Р. X. *iota mutum* уже не пишется (тоже надписи, найденной около *Πιον Novum*, въ честь М. Агриппы, *Ditt. II. № 273*; въ Митиленскихъ надписяхъ въ честь Помпея и Θεона, вырѣзанныхъ очевидно вскорѣ послѣ 63 г. до Р. X., *ibid.* № 259 и 260; въ Кизикѣ, *ibid.* № 270; ср. № 261). О встрѣчающихся въ нашей надписи формѣ *ισατοῦ* Диттенбергеръ въ C. I. A. III, 645 говоритъ, что она *Imprimis Augusti aetate frequentata esse*

videtur, и еще болѣе опредѣленно и со многими цитатами въ Syllog № 272, по поводу одной Олимпійской надписи времени Августа.

И такъ, нѣтъ никакого препятствія помѣщать данную надпись между 26 г. до Р. X. и 14 по Р. X.

Остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній къ отдѣльнымъ строкамъ. Относительно стоящаго на фронтонѣ имени 'Αλεξᾶς можно предположить, что оно принадлежит мастеру, вырѣзавшему надпись, хотя мѣсто для этого не совсѣмъ подходящее ('Αλεξᾶς ὁ Λαοδικεὺς, упоминается у Плутарха, но онъ казненъ раньше 27 года, Plu Anton. 72).

Стр. 1. Εἰδῆμος 'Αθηναῖος въ Траллахъ, Bulletin de Corr. VI, p. 343. Странно, что здѣсь не обозначено имя народа, тѣм болѣе, что надпись находится не въ своемъ городѣ; вѣроятно, на концѣ декрета было распоряженіе о постановкѣ копій въ Олимпію.

Стр. 2. στρατηγῶν. Бѣкъ С. I. G. 2060, II, p. 130 (=Cauer, Delect. 111): praetorum mentio hac aetate (Tiberii) in republica gerenda in minem offendet. Нельзя ли здѣсь подъ ними разумѣть упомянутыя Агаѳеѣ семь ἑταίχοις? Стратηγός собственно служить переводомъ латинскаго praetor; возможно, что и въ Траллы были посланы consulares, а praetorii, какъ поступилъ и Тиберій при ужасномъ землетрясеніи 17 г. по Р. X., ne consulari obtinente Asiam aemulati inter pares et ex eo impedimentum oreretur (Tacit. Ann. II, 47). т. е. к. στρατηγῶν здѣсь можетъ третьимъ genitivus subiecti при εἰσενυλάτων.

Стр. 3. ὑπερβατικῶς, обыкновенно Medium въ значеніи превосходного въ чемъ; здѣсь можетъ быть въ нѣсколько иномъ значеніи.

Стр. 4. 4-я буква сомнительна: ο или α.

Стр. 6. ἐπισφραγίσασθαι, cf. ἐπισφραγίσασθαι въ Дельфійской надписи Curtius, Anecd. Delph. № 40=Rangabe, 713=Dittenb. Sylloge I в значеніи assignare, sollemniter tradere aut decernere τ[ῆν]π[ρὸς]ατ[τῆν] я дополнилъ по замѣченнымъ мною слѣдамъ на эстампахъ, впрочемъ весьма сомнительнымъ.

Стр. 7. Κατὰ θεοῦ; у Пиндара (Olymp. IX, v. 42) въ значеніи sine dis; здѣсь можетъ быть и καταθέουσαν.

Стр. 9. Дополненіе καὶ μὲντιν сомнительно, потому что передъ отчасти видно другое μ, и сверхъ того, остается мѣсто для трехъ буквъ.

Стр. 13. Τῆς ἐξ ὀνόματος γινώσκων ἄχρι τῆς τοῦα... Можетъ бытъ подѣть рѣчь о хорошемъ знакомствѣ императора съ имперіей, ч

ΟΥΣ ΓΑΙΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ ΚΑΙ ΣΑΡΟΣ ΚΑΙ
 ΤΩΡ ΚΑΙ ΣΑΡΟΣ ΟΥΥΙΟΣ ΟΣΟ Ο
 ΑΝ ΜΕΝ ΤΗ ΝΟΙΚΟΥΜΕ ΙΜΗ
 ΡΟΤΕΡΟΝΤΕΣ ΝΤΟΙΣ ΚΟΙΝΟΙΣ /
 ΟΝ ΑΛΛΩΝ ΣΤΙΤΙΙ ΣΑΙ ΑΣ ΣΜΗ
 Η ΣΑΕΤΩΝ ΣΣΙΣ ΜΩ ΝΤΣ ΡΙΣ ΤΑΣ
 ΜΤΣ ΝΣΣΙΑΝΤΟΙΣ ΑΤΟ ΛΩ ΛΟΣΙΩΣ
 ΓΡΩ ΑΝ ΜΕΝ ΤΗΣ ΟΙΚΙΛΣ ΑΥΙΟΥ
 Ν ΜΜΣ ΝΗΝ Σ ΠΕΛΙΟΥ ΣΣ ΣΤΙ
 ΠΛΜΑΤ ΤΡΟΠΟΝ ΕΙΔΡΥ ΚΕΝ ΚΑΙ ΤΟΥΤ
 ΤΩΝ ΙΣ ΟΟΣΩΝ ΚΛΙΟΣΩΝ ΚΗΡΥΣ ΣΟΝ
 ΟΥΣ ΚΑΤΑ ΤΟ ΛΣ ΜΩΝ ΔΕ ΚΑΝΤΑ ΒΡΟΥΣ
 ΕΞ ΟΝΟΜΑΤΟΣ ΓΝΩΣ ΕΩΣ ΑΧΡΙ ΤΗΣ ΤΟΥΣ Ε
 ΔΙΑΧΕΙΡΟΣΩΝ ΚΑΙ ΠΡΟΣ ΣΤ Μ
 ΤΗΣ ΤΟ ΛΕΩΣ ΑΥΧΗΜΑΤΩ . ΛΙ
 ΣΤΑΤΑ ΚΑΤΟΙΧΤΙΡΕΝΩΣ ΟΙΚΗ ΟΤΑ ΤΗ ΝΕΝΤΟ Χ
 ΜΤΗΣ ΤΟ ΛΣΩΣ ΣΥΚΛΙΡΗΣ ΣΣ Σ Γ Ι
 ΝΤΕΥ ΞΕΩΣ ΕΠΕΜΟ ΠΛΗΘΟΝΑΤ Λ Λ
 ΙΦΑΣ ΣΝΤΩ ΜΕΤΣ ΟΙΣ ΤΑΣ ΕΥΧΑΣ ΤΕ
 ΠΡΟΝΟΙΑΣ ΤΟ ΠΟΝΤΩΚΥ ΑΣ ΙΙΙ ΟΣΟ ΡΟ
 ΦΒΑΤΩ ΜΟΝΟΣ ΟΙ ΑΙ ΟΣΟ ΣΤΟΝ ΙΙ ΔΕ ΡΟ Π
 ΑΞΕΩΝ ΚΑΙ ΧΡΗΜΑ ΚΑΙ ΕΙ ΚΑΣ ΕΙΣ ΝΗΙ ΕΓ
 ΜΝ ΓΛΩ ΣΟΥ ΕΠΟΛΙΚΤΙΣ Ο ΚΑΜ ΎΣ Ο
 Η ΣΑΜ ΦΟΤΕΡΩΝ ΣΩΤΗΡΑΣ ΣΙΙ
 ΕΙΡΟΝΕΝ Η ΣΤΑΤΡΑ ΟΣ ΣΑ ΠΙΣ ΙΝ
 ΟΙ ΣΑΤΤΑΣ ΙΙ ΠΙΑ ΣΙ ΑΙ ΤΟΙΣ ΟΙΚΟΙ ΕΝ
 ΡΡΩΤΙΑΝ ΣΥΣ ΝΤΣ ΤΟΝ ΚΑΤΑΣ ΚΕ Λ
 ΑΤΑ ΟΣΣΙΝ ΚΑΙ ΓΣ ΝΟΜΣ ΝΟ ΣΑΡΧΗ ΓΕΤΙ
 ΜΑΡΤΥΡΗ ΚΣ Ν ΛΥ ΤΩ ΠΡΟΣ ΤΟ ΛΣ ΑΔ
 ΜΣ ΝΟΙΣ ΠΡΙΑΣ ΙΝ ΕΙ Η ΓΡΛΟ Μ ΤΟΥ
 ΡΙΟΥ ΣΥ ΤΙ Ο Υ ΤΟΝ ΕΥΝΟΙΑ Κ
 ΚΑΙ Ω ΣΑΙ ΤΗ Ν Α ΤΟΥ ΤΕ ΤΕ ΕΥΧ
 ΣΟΥ Σ Η ΣΥ ΠΕΙ ΜΣ ΓΣ Ο ΤΣ
 ΝΟ Σ ΟΥ ΧΕ Ρ Σ ΙΝ ΤΗΣ ΤΟ ΛΣ
 ΝΟ Σ ΑΜ ΛΟ Υ ΔΥΝΑΙ ΕΝ ΟΣ Μ ΟΥ
 ΥΧΑΡΙΣΤΙΑΝ ΣΤΣ Υ ΔΩΝ Σ ΧΡ
 Ν ΚΑΙ Η Ν ΧΩ ΙΑ ΝΑ ΝΑ ΔΕ ΔΕ ΙΧ Ο ΛΙ
 ΠΤΟΜ Σ Η Ν Η ΛΙ ΔΕ ΛΥ ΤΟΥ ΣΥ Ν ΧΩ
 ΤΣ ΣΙΑ ΣΤΑΥ ΤΗ Ν ΑΥ ΤΟΥ ΚΑΤΑ ΤΗ Ν
 ΤΕ

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41

ставилось въ заслугу (Dion. Cass. 69, с. 9 и 5 объ Адрианѣ). Съ другой стороны, возможно дополнить: ἄχρι τῆς τοῦ Σεβαστοῦ, сравнивъ съ упомянутою уже надписью, Saueg, Delectus 111 (35): καὶ μέχρι τὰς τῶν Σεβαστῶν γνώσεως προκόψαντος.

Стр. 16. Κατοίχτιραν очевидно вмѣсто κατῳκτιραν; возможно, что послѣднее и стоитъ на каменѣ; впрочемъ смѣна χ черезъ χ встрѣчается, напримѣръ, Елейская надпись, Saueg, Delectus, 259: ἐν ταχτῆ—ἐν ταχτῆ.

Стр. 17. Послѣ κόλας довольно ясно читается σοχαρησασαα.

Стр. 21. κτῆσαν. Черты буквы η слишкомъ длинны и далеко одна отъ другой.

Стр. 23. συνέρων—συνείρων? (то-есть, λόγος)—continua oratione uti. cf. Lucian. Prometh. с. 5. Мнѣ казалось бы, что здѣсь требуется значеніе: узнавъ или догадываясь.

Стр. 24. ἀμφοτέρων, кромѣ даннаго выше объясненія, можетъ быть, должно быть сопоставлено съ κόλ(ε)ς (23), если здѣсь несомнѣнно pluralis.

Стр. 25. Въ словѣ ε. φρονετης вторая буква можетъ быть τ, ξ, ο (не γ).

Стр. 28. ἀρχηγέτης или какъ основатель города (=κτίστης), или какъ глава рода (ср. слѣд. строку).

Стр. 37. ἀναδεδείχθαι въ смыслѣ dedicari, Strabo IX, 410; Plut. Rompr. 52; мнѣ кажется, что здѣсь вмѣсто ἀναδεδείχθαι.

А. Никитеній.

ЭТИКА АРИСТОТЕЛЯ ¹⁾.

Книга III.

[О свободѣ воли § 1—8].

Имѣя въ виду, что добродѣтель касается аффектовъ и дѣйствій, и что произвольное похвάζεται и порицается, въ то время какъ непроизвольному удѣляется снисхожденіе, а иногда даже сожалѣніе, имѣя въ виду это, необходимо человѣку, рассматривающему добродѣтель, опредѣлить понятія произвольнаго и непроизвольнаго; и законодателямъ это полезно ради почетныхъ наградъ и наказаній.

Кажется, то непроизвольно, что совершается по насилію или незнанію. Принципъ насильственнаго дѣйствія лежитъ внѣ дѣйствующаго лица, и притомъ такъ, что дѣйствующее или страдающее лицо вовсе непричастно самому дѣйствію, напримѣръ, если вѣтеръ или сильные люди, перенесутъ кого-либо. Возникаетъ сомнѣніе—назвать ли произвольнымъ или непроизвольнымъ то дѣйствіе, которое совершается изъ страха большихъ бѣдствій или ради чего-либо прекраснаго, напримѣръ, когда тираннъ, въ рукахъ котораго наши родители и дѣти, прикажетъ совершить что-либо постыдное, исполненіе чего спасетъ ихъ, неисполненіе же погубитъ. Нѣчто подобное случается и во время бури, когда выбрасываютъ имущество за бортъ. Говоря безусловно, ни одинъ человѣкъ произвольно не выброситъ своего имущества, но всякій благоразумный человѣкъ сдѣлаетъ это ради собственнаго спасенія и спасенія остальныхъ. И такъ, подобныя дѣйствія имѣютъ смѣшанный характеръ, но болѣе похожи на про-

¹⁾ Продолженіе. См. майскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

извольныя; во время ихъ совершенія они подлежатъ выбору, но цѣль дѣйствія опредѣлена обстоятельствами [*κατὰ τὸν καιρὸν*] [и не подлежитъ выбору], такъ что во время ихъ осуществленія ихъ можно назвать и произвольными, и непроизвольными. Дѣйствующее лицо всегда дѣйствуетъ произвольно, ибо принципъ, приводящій въ движеніе члены организма, въ подобныхъ дѣйствіяхъ заключенъ въ самомъ лицѣ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда принципъ дѣйствія находится въ самомъ лицѣ, отъ него же зависитъ выборъ—дѣйствовать или нѣтъ. И такъ, и подобныя [смѣшанныя] дѣйствія произвольны; но, рассматривая ихъ безотносительно, придется, пожалуй, назвать ихъ непроизвольными, ибо вѣдь никто самъ по себѣ не выбралъ бы ничего подобнаго. Иногда подобныя дѣйствія хвалятся, напримѣръ, если люди берутъ на себя нѣчто постыдное или сопряженное съ страданіемъ ради великаго и прекраснаго; въ противномъ случаѣ ихъ порицаютъ, ибо только дрянной человѣкъ переноситъ постыднѣйшее безъ какой-либо прекрасной или полезной цѣли. Иногда же подобныя дѣйствія находятъ себѣ не похвалу, но снисхожденіе, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда кто-либо поступаетъ не такъ, какъ слѣдовало бы—при обстоятельствахъ, превышающихъ силы человѣческой природы, при которыхъ никто бы не устоялъ. Но существуютъ такія вещи, которыхъ никакая сила не должна заставить сдѣлать, а скорѣе слѣдуетъ умереть, испытывая страшнѣйшія страданія: такъ напримѣръ, смѣшно утверждать, что Алкмеонъ въ трагедіи Эврипида былъ принужденъ убить свою мать. Трудно иногда бываетъ опредѣлить, какое дѣйствіе изъ двухъ возможныхъ слѣдуетъ выбрать, и какое зло изъ двухъ—перенести, а еще труднѣе держаться того, что признано истиннымъ. Въ большинствѣ случаевъ или человѣка ожидаетъ страданіе, или то, съ чему его принуждаютъ, постыдно, а похвала или порицаніе слѣдуетъ сообразно съ тѣмъ, дозволить ли онъ себя принудить, или нѣтъ. Итакъ, какія дѣйствія должно назвать [вынужденными, *βίαια*], насильственными? Говоря безусловно—тѣ, причина которыхъ заключается во внѣшнихъ обстоятельствахъ, когда дѣйствующее лицо непричастно къ дѣйствию; тѣ же, которыя сами по себѣ и непроизвольны, но въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ подлежатъ выбору, и принципъ которыхъ находится въ дѣйствующемъ лицѣ, эти, будучи сами по себѣ непроизвольными, въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ произвольны. Они болѣе подобны произвольнымъ, ибо дѣйствія всегда имѣютъ дѣло съ частнымъ, а это-то произвольно; но трудно сказать, что чему слѣдуетъ предпочесть,

ибо частное всегда имѣетъ множество различій. Если же кому-либо показалось, что и пріятное, и прекрасное заключаетъ въ себѣ принужденіе (вѣдь и они, будучи внѣ насъ, принуждаютъ насъ), то въ такомъ случаѣ все придется назвать насильственнымъ, ибо эти понятія опредѣляютъ всю дѣятельность людей. Но люди, дѣлающіе что-либо подъ вліяніемъ принужденія и произвольно, испытываютъ страданіе; напротивъ, они испытываютъ наслажденіе, если дѣлаютъ что-либо подъ вліяніемъ пріятнаго и прекраснаго. Смѣшно обвинять вѣшнія условія, а не себя самого въ томъ, что поддался имъ, или приписывать себѣ прекрасныя дѣйствія, а постыдныя извинять пріятностью ихъ. Итакъ, кажется, что то дѣйствіе вынуждено, принципъ коего находится внѣ дѣйствующаго лица, и при всемъ принужденнѣй человѣкъ непричастенъ самому дѣйствію.

§ 2. Что касается дѣйствій по невѣдѣнію (*δι' ἀγνοίαν*), то они въ общей сложности не могутъ быть названы произвольными, но не произвольными лишь тогда, когда они сопряжены съ страданіемъ и раскаяніемъ, ибо тотъ, кто что-либо сдѣлалъ по невѣдѣнію, но не раскаивается въ своемъ дѣйствіи, не дѣйствовалъ произвольно, такъ какъ не зналъ того, что дѣлаетъ, но и не произвольно, ибо онъ не чувствуетъ горести; поэтому кажется, что человѣкъ, дѣйствующій по невѣдѣнію и испытывающій впослѣдствіи раскаяніе, дѣйствуетъ произвольно, а про того, который не испытываетъ раскаянія, мы для различія отъ перваго скажемъ, что онъ не дѣйствовалъ произвольно; такъ какъ онъ отличается отъ перваго, то лучше назвать его особымъ именемъ. Далѣе существуетъ, кажется, различіе дѣйствій по невѣдѣнію отъ того, когда кто-либо дѣйствуетъ не сознавая; такъ, пьяный или разгнѣванный, кажется, не дѣйствуетъ по невѣдѣнію, но все же, по одному изъ указанныхъ мотивовъ, онъ дѣйствуетъ не зная, то есть, не сознавая. Но и всякій дурной человѣкъ не знаетъ, что должно дѣлать и чего избѣгать, и въ силу этой именно ошибки люди становятся несправедливыми и вообще дурными.

Понятіемъ произвольнаго мы не хотимъ сказать того, что кто-либо вовсе не знаетъ полезнаго, ибо вѣдь преднамѣренное незнаніе не есть причина произвольнаго дѣйствія, а причина порочности, вѣдь не незнаніе вообще (за подобное незнаніе людей порицаютъ), а незнаніе частныхъ обстоятельствъ, которыхъ касается и въ которыхъ проявляется дѣйствіе; этими частными обстоятельствами и объясняется сожалѣніе и снисхожденіе. Тотъ, кто не знаетъ одного изъ частныхъ обстоятельствъ, поступаетъ произвольно. Итакъ, мо-

жетъ быть, не дурно опредѣлить эти обстоятельства, каковы они и сколько ихъ, кто именно дѣйствующее лицо, въ чемъ состоитъ самое дѣйствіе, ради какой цѣли и при какихъ условіяхъ лицо дѣйствуетъ. Иногда [полезно знать], чѣмъ совершаетъ онъ свое дѣйствіе, напримѣръ, какимъ инструментомъ, ради чего, напримѣръ, ради собственнаго спасенія, и какимъ образомъ, напримѣръ, спокойно или въ волненіи. Всѣ эти условія развѣ только одному сумасшедшему неизвѣстны. Ясно также, что и дѣйствующее лицо должно быть извѣстно, ибо какъ можетъ быть, чтобы кто-либо себя самъ не зналъ? Можетъ случиться, что кто-либо не знаетъ того, что онъ дѣлаетъ, какъ напримѣръ, говорятъ: „это сорвалось съ языка“, или: „они не знали, что объ этомъ запрещено говорить“ (какъ это случилось Эсхилу по отношенію къ мистеріямъ), или какъ это случилось тому, кто извинялся тѣмъ, что хотѣлъ лишь показать оружіе, а оно выстрѣлило. Можетъ также случиться, что кто-либо приметъ своего сына за врага (какъ это случилось Меропѣ), или заостренное копье приметъ за тупое, или камень приметъ за пемзу. Далѣе можетъ случиться, что кто-либо для собственнаго спасенія, ударивъ противника, убьетъ его, или же наконецъ, что кто-либо, желая показать, какъ слѣдуетъ нападать при фехтованіи, поранить кого-либо. Такъ какъ невѣдѣніе можетъ касаться всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершается дѣйствіе, то произвольное дѣйствіе того, кто не знаетъ одного изъ подобныхъ обстоятельствъ, и какъ кажется, тѣмъ произвольнѣе, чѣмъ важнѣе обстоятельство, [котораго онъ не знаетъ]: самыя же важныя обстоятельства касаются предмета и цѣли дѣйствія, однако для того, чтобы назвать какое-либо дѣйствіе произвольнымъ въ силу невѣдѣнія одного изъ такихъ обстоятельствъ, необходимо, чтобы за дѣйствіемъ слѣдовало страданіе и раскаяніе.

§ 3. Если произвольны тѣ дѣйствія, которыя совершаются по принужденію и по невѣдѣнію, то произвольными, какъ кажется, слѣдуетъ назвать тѣ, принципъ коихъ находится въ самомъ дѣйствующемъ лицѣ, и которыя совершаются, когда всѣ обстоятельства, касающіяся какого-либо дѣйствія, извѣстны дѣйствующему лицу. Кажется, что невѣрно называютъ произвольными дѣйствія, совершаемыя подъ вліяніемъ страсти или сильнаго стремленія: вопервыхъ, потому, что въ такомъ случаѣ ни одно изъ животныхъ, кромѣ человека, ни дѣти не имѣли бы произвольныхъ дѣйствій; во вторыхъ, развѣ ни одного нашего дѣйствія подъ вліяніемъ

страсти и стремленія нельзя назвать произвольнымъ? Или же прекрасныя можно назвать произвольными, а постыдныя непроизвольными? Но развѣ это не смѣшно? Вѣдь причина ихъ одна и та же. Нелѣпо также считать произвольнымъ то, къ чему слѣдуетъ стремиться; а вѣдь нашъ долгъ возмущаться въ извѣстныхъ случаяхъ и стремиться къ извѣстнымъ вещамъ, напримѣръ, къ здоровью или наукѣ. Сверхъ того, кажется, что непроизвольное сопряжено съ страданіемъ, а то, что соотвѣтствуетъ нашему стремленію, сопряжено съ наслажденіемъ. Наконецъ, чѣмъ отличаются проступки, совершаемыя подъ вліяніемъ страсти, отъ совершаемыхъ съ размышленіемъ? И тѣхъ, и другихъ слѣдуетъ избѣгать, и какъ кажется, неразумныя аффекты не менѣе свойственны природѣ человѣка. Въ страсти и стремленіяхъ заключается источникъ человѣческой дѣятельности. Итакъ, подобное опредѣленіе непроизвольнаго нелѣпо.

§ 4. Опредѣливъ понятіе произвольнаго и непроизвольнаго, намъ слѣдуетъ разобрать намѣреніе, ибо оно по преимуществу связано съ добродѣтелью, и по нему лучше судить о характерѣ, чѣмъ по дѣйствіямъ. Намѣреніе есть нѣчто произвольное, однако понятія эти не тождественны: объемъ понятія произвольнаго обширнѣе, ибо въ произвольной дѣятельности участвуютъ и дѣти, и животныя, но не въ намѣреніяхъ; внезапныя дѣйствія мы называемъ произвольными, но не преднамѣренными. Тѣ, какъ кажется, ошибаются, которые называютъ намѣреніе стремленіемъ, или страстью, или волей, или извѣстнаго рода представленіемъ, ибо неразумныя существа не имѣютъ намѣренія, а имѣютъ стремленіе и страсть, и невоздержный дѣйствуетъ подъ вліяніемъ стремленія, но не преднамѣренно, въ то время какъ воздержный, напротивъ, дѣйствуетъ преднамѣренно, но не подъ вліяніемъ стремленія. Далѣе, стремленія противодѣйствуютъ намѣренію, а стремленіе не противодѣйствуетъ стремленію. Наконецъ, стремленіе касается наслажденія и страданія, намѣреніе же не имѣетъ дѣла ни съ страданіемъ, ни съ наслажденіемъ; еще менѣе намѣреніе можетъ быть названо страстью, ибо то, что совершается подъ вліяніемъ страсти, менѣе всего кажется преднамѣреннымъ. Но и волю намѣреніе не можетъ быть названо, хотя оно и кажется родственнымъ ей. Намѣреніе никогда не имѣетъ дѣла съ невозможнымъ, и если бы кто сказалъ, что онъ намѣренъ сдѣлать невозможное, то онъ показался бы дуракомъ. Желаніе [воля] же мо-

жеть касаться невозможнаго, напримѣръ, безсмертія⁴⁾. Воля можетъ далѣе касаться и того, что совершенно не въ нашей власти, напри- мѣръ, [мы можемъ желать], чтобы актеръ или атлетъ одержалъ по- бѣду; но ни у кого не является намѣренія относительно подобнаго, а лишь относительно того, что, какъ онъ думаетъ, въ его власти. Сверхъ того, воля имѣеть болѣе въ виду цѣль, намѣреніе же—сред- ства; такъ, мы хотимъ быть здоровыми, но намѣреваемся дѣлать то, что намъ даетъ здоровье; мы хотимъ блаженства,—такъ вѣдь это и говорится, однако языкъ не дозволяетъ сказать: мы намѣреваемся быть блаженными. Вообще говоря, кажется, что намѣреніе имѣеть дѣло съ тѣмъ, что въ нашей власти (τὰ ἐφ' ἡμῖν). Но и представле- ніемъ (δόξα) нельзя назвать намѣреніе. Вѣдь кажется, что пред- ставленіе можетъ простирается на все, какъ на вѣчное и невозможное, такъ и на то, что въ нашей власти; представленія различаются истинностью и ложностью, а не добромъ или зломъ, намѣреніе же болѣе подходитъ подъ эту послѣднюю категорію; но вѣрно, никто вообще не скажетъ, что намѣреніе тождественно съ представленіемъ; но оно не тождественно и съ какимъ-либо однимъ опредѣленнымъ представленіемъ; ибо нашъ характеръ зависитъ отъ того, на что направлены наши намѣренія, на хорошее или на дурное, а не за- виситъ отъ представленій. Намѣренія наши говорятъ намъ—добы- ваться ли намъ чего-либо, или избѣгать, или нѣчто подобное, а представленія—что такое предметъ, кому и какимъ образомъ онъ полезенъ. Наши представленія не могутъ опредѣлить, чего слѣдуетъ добиваться и чего избѣгать. Намѣреніе хвалить, когда оно сообра- зуется съ долгомъ и съ тѣмъ, что правильно, представленіе—когда оно истинно. Наконецъ, мы намѣреваемся осуществить благо, которое намъ хорошо извѣстно, представленія же мы образуемъ и относи- тельно того, что намъ не извѣстно. Къ тому же кажется, что лучшія намѣренія и лучшія представленія встрѣчаются не у однихъ и тѣхъ же людей, а нѣкоторые имѣють обширный разумъ, но вслѣдствіе порочности характера выбираютъ не то, что должно. Все равно, предшествуетъ ли представленіе намѣренію, или слѣдуетъ за нимъ, ибо не въ этомъ вопросъ, а въ томъ, тождественно ли намѣреніе съ какимъ-нибудь однимъ представленіемъ. Итакъ, какое намѣреніе

⁴⁾ Это предложеніе не должно понимать въ томъ смыслѣ, что Аристотель считаетъ безсмертіе души невозможнымъ. Онъ хочетъ лишь сказать, что без- смертіе независимо отъ нашего желанія.

и каковы его свойства, если оно не подходит ни подъ одну изъ указанныхъ категорій? Во всякомъ случаѣ намѣреніе есть нѣчто произвольное, хотя не все, что произвольно, есть намѣреніе. Можетъ быть, оно есть нѣчто, что человекъ ранѣе взвѣшивалъ въ своемъ умѣ (προβιβουλεόμενον), ибо вѣдь всякому намѣренію свойственны разумъ и размышленіе; на это указываетъ и самое имя προαίρεσις: оно есть нѣчто, что избирается преимущественно предъ другими.

§ 5. Что касается размышленія съ цѣлью выбора, делиберациі¹⁾, то возникаетъ вопросъ: относится ли оно до всего, или же есть нѣчто, не подлежащее делиберациі? Должно замѣтить, что не то подлежитъ делиберациі, о чемъ, можетъ быть, сталъ бы делиберировать глупый или сумасшедшій человекъ, но то, о чемъ делиберируетъ разумный человекъ: о вѣчномъ никто не делиберируетъ, какъ напримѣръ, о строеніи міра или несонзвѣрности діаметра и окружности; не делиберируютъ также и относительно того, что хотя и находится въ движеніи, но такомъ, которое всегда однообразно, все равно, будетъ ли причина однообразія находиться въ необходимости, или въ природѣ, или въ какой-либо иной причинѣ, какъ напримѣръ, въ восходѣ и заходѣ солнца; не делиберируютъ также и о томъ, что совершается разъ такъ, разъ иначе, напримѣръ, засуха и дождь; не делиберируютъ также и относительно того, что случайно, напримѣръ, находка клада. Даже не обо всѣхъ обстоятельствахъ человеческой жизни делиберируютъ, напримѣръ, никто изъ Лакедемонянъ не станеть делиберировать о томъ, какое государственное устройство лучше всего для Спарты, ибо это и тому подобное не зависитъ отъ насъ. Делиберируемъ же мы о томъ, совершеніе чего въ нашей власти, и это-то и остается намъ изслѣдовать. Какъ кажется, существуютъ слѣдующія причины: природа, и необходимость, и случай, и разумъ, и все то, что совершается человекомъ. Люди делиберируютъ о томъ, что можетъ быть выполнено ими. Нѣтъ мѣста делиберациі въ точныхъ и совершенныхъ наукахъ; напримѣръ, о буквахъ мы не споримъ, какъ ихъ слѣдуетъ писать; делиберируемъ же мы о томъ, что совершается нами, и не всегда одинаковымъ образомъ, напримѣръ, о врачебномъ искусствѣ и о финансовомъ; и объ искусствѣ управлять кораблемъ мы болѣе делиберируемъ, чѣмъ о гимнастикѣ, такъ какъ первыя мѣтѣ опредѣленны.

¹⁾ Βουλὴ обозначаетъ у Аристотеля взвѣшиваніе мотива, предшествующее дѣйствию; мы употребляемъ для краткости иностранное слово. 9. P.

То же должно сказать и объ остальных [наукахъ и искусствахъ], но болѣе объ искусствахъ, чѣмъ о наукахъ, такъ какъ мнѣнія относительно первыхъ болѣе расходятся. Делиберация касается того, что часто случается, [но не всегда одинаковымъ образомъ], но исходя чего неясно, и что само по себѣ неопредѣленно. Если дѣло важно, то мы беремъ совѣтниковъ, не довѣряя себѣ и достаточности собственнаго размышленія. Делиберуемъ мы не о цѣляхъ, а о средствахъ, ибо вѣдь врачъ не делиберуетъ о томъ, слѣдуетъ ли ему вылѣчить, или ораторъ—слѣдуетъ ли ему убѣдить, или государственный дѣятель—слѣдуетъ ли ему водворить порядокъ, и вообще никто изъ имъ подобныхъ не делиберуетъ о цѣли, но, положивъ себѣ какую-либо цѣль, они смотрятъ, какимъ образомъ и какими средствами выполнить ее, и если средствъ оказывается нѣсколько, то они смотрятъ, какъ достичь цѣли наименѣе и наилучшимъ образомъ; если же одно средство ведетъ къ цѣли, то они размышляютъ, какимъ образомъ оно дѣйствуетъ, и какъ ее достигнуть, пока не дойдутъ до первой причины, которую изслѣдователь находитъ послѣднею, ибо делиберующій человекъ, какъ видно изъ сказаннаго, изслѣдуетъ и разбираетъ свой предметъ, какъ геометрическую задачу. Однако, не всякое изслѣдованіе въ то же время и делиберация, напримѣръ, математическое; но всякая делиберация есть въ то же время изслѣдованіе, и то, что послѣднее въ анализѣ, первое по генезису. Если при изслѣдованіи причинъ люди наталкиваются на невозможное, то они отказываются [отъ проекта], напримѣръ, если необходимы деньги, и ихъ достать они не въ состояніи; если же [средства] оказались возможными, то приступаютъ къ выполненію. Возможны тѣ средства, найдти которыя въ нашей власти; то, что дѣлается при посредствѣ нашихъ друзей, въ известномъ смыслѣ есть то же, что совершенное нами, ибо принципъ дѣйствія находится въ насъ. Вопросъ при этомъ можетъ касаться или самихъ инструментовъ, или же употребленія ихъ, и точно также по остальнымъ категоріямъ: чѣмъ? какимъ образомъ? кто дѣйствующее лицо? Оказывается, какъ мы сказали, что человекъ — принципъ своихъ дѣйствій, и что делиберация касается дѣйствій, имъ совершаемыхъ, и что дѣйствія [суть средства], предпринимаемыя ради цѣли, отличной отъ нихъ. Итакъ, предметомъ делиберации не можетъ быть цѣль, но лишь средства къ цѣли, а также не можетъ быть имъ и частное и единичное, напримѣръ, хлѣбъ ли это, и испечень ли оны, какъ слѣдуетъ: опредѣляетъ это—ощущеніе. Если бы

кто-либо вѣчно делиберировалъ, то онъ запутался бы въ безконечности [*αἰς ἀπειρον ἤτα*].

Итакъ, намѣреніе и делиберация одно и то же, съ тою лишь разницею, что намѣреніе—нѣчто уже опредѣленное. Намѣреніе—то, на что человѣкъ рѣшился на основаніи делибераций, ибо всякій человѣкъ тогда прекращаетъ изслѣдованіе и приступаетъ къ дѣйствию, когда выполненіе рѣшенія зависитъ отъ него; тогда принципъ дѣйствія становится разумъ, правящій человѣкомъ. Ясно это и на древнихъ государственныхъ устройствахъ, упоминаемыхъ Гомеромъ, ибо въ нихъ цари возглашали народу лишь о томъ, что уже рѣшено. Итакъ, если намѣреніе имѣетъ дѣло съ делиберацией и съ стремленіями къ тому, что въ нашей власти, то намѣреніе можно опредѣлить такъ: оно есть стремленіе, касающееся того, что въ нашей власти, и управляемое делиберацией. Рѣшившись послѣ делибераций, мы дѣйствуемъ по ея указаніямъ. Въ общихъ чертахъ сказано о намѣреніи и о томъ, чего оно касается, и что оно относится лишь къ средствамъ.

§ 6. Что касается воли, то уже сказано, что она имѣетъ въ виду цѣль; однимъ кажется, что эта цѣль—благо, другимъ—кажущееся благо. Выходитъ, по мнѣнію тѣхъ, кто полагаетъ благо цѣлью воли, что тотъ человѣкъ, который неправильно выбираетъ, вовсе не хочетъ того, къ чему онъ стремится, (ибо еслибы онъ хотѣлъ этого, то оно должно бы быть благомъ, а въ данномъ случаѣ оно—зло). А по мнѣнію людей, утверждающихъ, что предметъ воли—кажущееся благо, выходитъ, что воля по своей природѣ вовсе не опредѣлена, а для каждаго цѣль есть то, что ему кажется благомъ. Но одному благомъ кажется одно, другому другое, и можетъ случиться, что противрѣчающее [одному и тому человѣку же покажется благомъ]. Если подобное опредѣленіе неудовлетворительно, то не слѣдуетъ ли признать, что, говоря безусловно и по истинѣ, воля стремится къ благу, но воля каждаго отдѣльнаго человѣка—къ кажущемуся благу, то-есть, воля нравственнаго человѣка стремится къ истинной цѣли, воля порочнаго—къ случайной, подобно тому, какъ для тѣла людей, находящихся въ нормальномъ состояніи, то здорово, что по истинѣ здорово, а для больныхъ—другое; то же самое относится и къ горькому, и къ сладкому, и къ теплomu, и къ тяжелому и т. д. Нравственный человѣкъ объ этомъ судить вѣрно, и то истинно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что ему кажется таковымъ, ибо каждый человѣкъ имѣетъ свое собственное представленіе о прекрасномъ и пріятномъ, и въ томъ, можетъ быть,

и заключается величайшее преимущество нравственного человека, что онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ находитъ истину, будучи какъ бы мѣриломъ и закономъ ея. Наслажденіе же обманываетъ большинство людей, ибо оно, не будучи благомъ, кажется таковымъ; поэтому-то люди выбираютъ пріятное, считая его благомъ, и избѣгаютъ страданія, считая его зломъ.

§ 7. Итакъ, если воля имѣетъ дѣло съ цѣлью, а делиберация и намѣреніе—съ средствами, то дѣйствія, касающіяся послѣднихъ, можно назвать намѣренными и произвольными. Дѣятельность добродѣтелей проявляется именно въ этой сферѣ, слѣдовательно, и добродѣтель въ нашей власти, а точно также и порочность, ибо мы властны дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ властны воздержаться отъ дѣйствія, и вездѣ, гдѣ мы властны сказать „нѣтъ“, тамъ мы властны сказать и „да“. Слѣдовательно, если прекрасныя дѣйствія въ нашей власти, то и постыдныя дѣйствія въ нашей власти, и если въ нашей власти воздержаніе въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно прекрасно, то и дѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они постыдны, въ нашей власти. А если прекрасная и постыдная дѣятельность въ нашей власти, а равно и воздержаніе, и если добродѣтель и порочность именно въ этомъ и заключаются, то значить, въ нашей власти быть нравственными или порочными людьми. Что же касается изреченія: „никто не пороченъ по доброй волѣ, и никто не блаженъ противъ воли“, то оно частью ложно, частью истинно: дѣйствительно, никто не блаженъ противъ воли, но порочность произвольна, или намъ пришлось бы противорѣчить только что сказанному и не признать человека принципомъ и родителемъ, какъ своихъ дѣйствій, такъ и дѣтей. Если же это справедливо, и если мы не можемъ подвести [нашу дѣятельность] подъ иные принципы помимо того, что въ нашей власти, то слѣдовательно, и то, принципы чего въ нашей власти, должно быть въ нашей власти и произвольно. Это подтверждается какъ частною жизнью отдѣльныхъ людей, такъ и дѣятельностью законодателей, ибо они наказываютъ и преслѣдуютъ поступающихъ дурно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти дѣйствуютъ подъ вліяніемъ насилія или по невѣдѣнію, въ чемъ они неповинны, въ то время какъ они [законодатели] награждаютъ почестями поступающихъ прекрасно, для того, чтобъ однихъ вознаграждать, а другихъ устрашить, и никто не побуждаетъ къ тому, что не въ нашей власти и непроизвольно, такъ какъ совершенно бесполезно убѣждать человека не испытывать жара, или не испыты-

вать холода, или не голодать, или вообще что-либо подобное, такъ какъ мы тѣмъ не менѣе будемъ испытывать это. И незнаніе наказуется въ томъ случаѣ, если окажется, что человѣкъ самъ виновенъ въ своемъ незнаніи, какъ напримѣръ, на пьяныхъ налагается двойное наказаніе, такъ какъ принципъ дѣйствія — въ немъ: вѣдь въ его власти было не напиться, а пьянство и есть причина незнанія. Точно также они [законодатели] наказываютъ тѣхъ, кто не знаетъ какого-либо закона, который слѣдуетъ и не трудно знать. Подобнымъ же образомъ они поступаютъ и въ другихъ случаяхъ; въ которыхъ незнаніе, кажется имъ, зависитъ отъ небрежности, такъ какъ во власти людей не быть въ невѣдѣніи, ибо небрежность въ нашей власти. Но можетъ быть, [кто-либо возразитъ], что онъ по своему характеру не способенъ заботиться; но вѣдь люди сами виновны, что стали такими, живя распутно; сами виновны и въ томъ, что они несправедливы или невоздержны, такъ какъ одни проводили жизнь въ преступленіяхъ, другіе въ пьянствѣ и т. п. Вѣдь подъ влияніемъ дѣятельности, имѣющей дѣло съ частными, слагается известный характеръ человѣка. Это ясно и на тѣхъ, которые ревностно заняты какимъ-либо составленіемъ или работой; ибо они все время дѣятельны въ одномъ направленіи. Незнаніе того, что характеръ приобрѣтается дѣятельностью относительно частныхъ явленій, по истинѣ достойно глупца. Нелѣпо также утверждать, что поступающій несправедливо не хочетъ быть несправедливымъ, или что невоздержный не хочетъ быть невоздержнымъ, и если кто не по незнанію совершаетъ несправедливыя дѣла, то онъ — несправедливъ по доброй волѣ. Правда, что несправедливому недостаточно одной доброй воли, чтобы перестать быть несправедливымъ и стать праведнымъ: вѣдь и больной не становится [въ силу одной своей воли] здоровымъ, хотя можетъ случиться, что онъ боленъ по собственной волѣ, въ силу невоздержной жизни и неповиновенія врачамъ. Было нѣкогда время, когда ему было возможно не болѣть; теперь же, когда время пропущено, это болѣе не возможно, точно также, какъ не возможно удержать брошенный камень, однако кинуть или бросить его было въ власти человѣка: принципъ дѣйствія находился въ самомъ человѣкѣ. То же относится и къ несправедливому и невоздержному: сначала былъ въ ихъ власти не становиться таковыми, поэтому-то они таковы произвольно, а какъ скоро они сдѣлались таковыми, то уже не въ ихъ власти перестать быть ими. И не только душевные пороки произвольны, но и у нѣкоторыхъ людей даже и тѣлесные, поэтому-то ихъ и хулятъ; въ

природой обезображенъ, того никто не хулитъ, а только тѣхъ, которые обезображены отъ недостатка тѣлесныхъ упражненій и небрежности; то же относится и къ тѣлесной слабости и искалѣченію: никто не станетъ бранить слѣпаго отъ природы, или отъ болѣзни, или отъ удара, а станетъ сожалѣть его; но всякій станетъ хулить ставшаго слѣпымъ) отъ пьянства или иного вида невоздержности. Итакъ, порицаются тѣ тѣлесные недостатки, которые въ нашей власти; тѣ же, которые не въ нашей власти,—нѣтъ. Если это такъ, то вѣроятно, и остальные порицаемые недостатки въ нашей власти. Но можетъ быть, кто-либо скажетъ, что всѣ стремятся къ кажущемуся благу, и что никто не властенъ въ своихъ представленіяхъ, а что каждый, смотря по качествамъ своего характера, стремится къ тому, что ему кажется благомъ. Но если всякій въ извѣстномъ отношеніи виновникъ собственнаго характера, то онъ въ извѣстномъ отношеніи можетъ быть названъ и виновникомъ своихъ представленій; если же это не такъ, то никто предъ собственнымъ сознаніемъ не виновенъ въ своихъ проступкахъ, но поступаетъ такъ вслѣдствіе незнанія истинныхъ цѣлей, думая достигъ подобнымъ образомъ дѣйствій того, что лучше всего для него. Стремленіе же въ истинной цѣли не подлежитъ личному выбору, а человѣку должно родиться съ этимъ стремленіемъ, какъ съ зрѣніемъ, для того, чтобы хорошо судить и выбрать истинное благо. Тотъ—, благородный человѣкъ " (εὐφυής), кто отъ природы имѣетъ это качество въ совершенствѣ, и такой человѣкъ будетъ славѣть величайшимъ и прекрасѣйшимъ, чего нельзя ни получить отъ другаго, ни научиться, но можно лишь имѣть отъ природы; совершенное и истинное благородство и заключается, вѣроятно, въ томъ, чтобы имѣть эти хорошія и прекрасныя качества отъ природы.

Если все это справедливо, то чѣмъ же добродѣтель произвольна болѣе порока? И тому, и другому, и добру, и злу въ одинаковой мѣрѣ цѣль положена и опредѣлена природой или чѣмъ бы то ни было, и люди, какъ бы они ни поступали, имѣютъ въ виду все же эту цѣль. И если цѣль, какова бы она ни была, не является каждому отъ природы, а зависитъ хотя нѣсколько и отъ самого человѣка, или если цѣль и опредѣлена природой, но все остальное нравственный человѣкъ дѣлаетъ произвольно, тогда добродѣтель произвольна; но вѣроятно, и порокъ не менѣе первой произволенъ, такъ какъ дурной человѣкъ точно также властенъ въ средствахъ, которыми онъ дѣйствуетъ, хотя бы онъ не былъ властенъ въ цѣли. Итакъ, если добродѣтели, какъ признается всѣмъ, произвольны, (такъ какъ мы въ на-

вѣстномъ отношеніи соучастники образованія нашего характера, и такъ какъ мы задаемся цѣлями, сообразными нашему характеру), то и пороки слѣдуетъ признавать произвольными, ибо о нихъ можно сказать то же, что и о добродѣтеляхъ.

§ 8. Итакъ, въ общей сложности нами сказано о добродѣтеляхъ, что онѣ по родовому своему понятію—средина, что онѣ суть пріобрѣтенныя свойства души; далѣе указано, изъ чего онѣ возникаютъ и что онѣ въ той же сферѣ проявляются, изъ которой возникли далѣе, что онѣ въ нашей власти и произвольны, и что онѣ слѣдуютъ указаніямъ истиннаго разума. Но степень произвольности дѣйствій и пріобрѣтенныхъ свойствъ души не одна и та же, ибо дѣйствія съ самаго начала и до конца въ нашей власти, такъ какъ мы всегда знаемъ частное, [съ чѣмъ имѣетъ дѣло дѣйствіе]; пріобрѣтенныя же свойства души произвольны лишь сначала, и мы не замѣчаемъ въ частностяхъ постепеннаго сложенія нашего характера, подобно тому какъ это и въ болѣзняхъ; душевныя свойства потому произвольны что отъ насъ зависѣло—воспользоваться ими такъ или иначе.

[О мужествѣ §§ 9—12].

§ 9. Обращаясь къ каждой отдѣльной добродѣтели, мы разяснимъ природу ихъ, границы и образъ ихъ дѣйствія. вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится и число ихъ. Мы начнемъ съ мужества. Уже ранѣе было сказано, что мужество—средина страха и отважности; страшимся же мы очевидно того, что внушаетъ страхъ, а это, говоры безотносительно, есть зло; поэтому-то и страхъ называютъ ожиданіемъ зла. Мы страшимся всякихъ золъ, напримѣръ, безчестія, бѣдности болѣзни, и страшимся не имѣть друзей, страшимся смерти; но мужество не ко всему этому относится. Вѣдь есть вещи, которыхъ слѣдуетъ бояться, и страшась конхъ, человекъ поступаетъ прекрасно а не страшась—постыдно, напримѣръ, безчестіе: кто страшится его тотъ человекъ хорошій и стыдливый, кто же не страшится—безстыденъ. Правда, и такой называется нѣкоторыми мужественнымъ, но лишь метафорически, ибо онъ имѣетъ нѣчто общее съ мужественнымъ, который въ извѣстномъ смыслѣ тоже безстрашенъ. Кажется бѣдности не слѣдуетъ страшиться, и болѣзни тоже, и вообще не слѣдуетъ страшиться всего того, источникъ чего не есть нравственно зло, и что не во власти самаго человека. Итакъ, не того называютъ мужественнымъ, кто не страшится перечисленныхъ вещей; называютъ

правда, и подобнаго человѣка мужественнымъ въ силу извѣстнаго жадства, ибо случается, что люди, трусливые въ опасности, оказываются щедрыми и бодро переносятъ потерю денегъ. Тотъ еще не грусь, кто боится поруганія дѣтей и жены, или зависти, или чего-либо подобнаго; точно такъ не мужествененъ еще и тотъ, кто спокойно ждетъ бичеванія. Итакъ, въ силу какихъ вещей, возбуждающихъ страхъ, человѣка называютъ мужественнымъ? По отношенію ли къ наиболѣе страшному? Вѣдь никто лучше мужественнаго не перенесетъ страшное. Самое страшное—смерть, она—конецъ, и кажется, что для умершаго нѣтъ болѣе ни блага, ни зла; кажется однако, что не во всѣхъ случаяхъ отношеніе къ смерти опредѣляетъ собою мужественнаго, напримѣръ, на морѣ или въ болѣзняхъ. Въ какихъ же случаяхъ? Не въ самыхъ ли прекрасныхъ? А таковыя на войнѣ, ибо здѣсь величайшая и въ то же время прекраснѣйшая опасность. Въ пользу такого мнѣнія свидѣлствуютъ тѣ почести, которыя воздаются [воинамъ], какъ въ республикахъ, такъ и монархами. Итакъ, въ собственномъ значеніи слова, мужественнымъ называется тотъ, кто безбоязненно идетъ на встрѣчу прекрасной смерти и всѣмъ обстоятельствамъ, ведущимъ къ непосредственной смерти, а таковыя встрѣчаются чаще всего на войнѣ. Конечно, мужественный и на морѣ, и въ болѣзняхъ безстрашенъ, но не такъ, напримѣръ, какъ моряки. Ибо первые въ такихъ случаяхъ отбрасываютъ всякую надежду на спасеніе и негодуютъ на подобную смерть, вторые [моряки] питаютъ надежду на спасеніе вслѣдствіе своей опытности. Сверхъ того, первые привыкли выказывать мужество въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ можно проявить силу, и въ которыхъ прекрасно умереть. Въ указанныхъ случаяхъ ни то, ни другое не возможно.

§ 10. Страшное не для всѣхъ одно и то же; бываетъ страшное, превышающее силы человѣческія: это послѣднее во всѣхъ разумныхъ возбуждаетъ ужасъ. А то, что страшно людямъ, отличается большею или меньшею степенью; то же самое слѣдуетъ сказать и о предметахъ, возбуждающихъ отвагу. Мужественный—непоколебимъ, на сколько это возможно человѣку; поэтому онъ страшится опасностей, но такъ страшится, какъ слѣдуетъ, какъ приказываетъ разумъ и ради прекрасной цѣли; въ этомъ и заключается цѣль добродѣтели. Можно однако страшиться подобнаго вещей то въ большей степени, то въ меньшей; можно даже бояться того, что само по себѣ не страшно. Ошибки здѣсь возникаютъ въ силу того, что человѣкъ страшится того, чего не слѣдуетъ, или не такъ, какъ слѣдуетъ, или не тогда, когда слѣ-

дуетъ, и въ силу тому подобныхъ причинъ. То же самое должно сказать и о томъ, что возбуждаетъ отвагу. Итакъ, тотъ человѣкъ мужественъ, который переноситъ то, что слѣдуетъ, и страшится того, чего слѣдуетъ страшиться, и ради той причины, ради которой слѣдуетъ, и въ то время и такимъ способомъ, какимъ слѣдуетъ. Это же должно сказать и объ отважномъ. Мужественный страдаетъ и дѣйствуетъ соразмѣрно и разумно. Цѣль всякой энергій соответствуетъ прибрѣтенному свойству души человѣка; поэтому мужественному кажется прекрасною храбрость, а ея осуществленіе составляетъ его цѣль. Ради прекраснаго мужественный человѣкъ беретъ на себя и совершаетъ дѣла, требующія храбрости. Человѣкъ, переступающій границы въ безстрашіи, не имѣетъ названія, (мы уже ранѣе замѣтили, что многое не имѣетъ названія), такой походилъ бы на бѣснующагося и безчувственнаго, еслибы онъ не боялся ни землетрясенія, ни бури, какъ это разказываютъ про Кельтовъ. Того же, кто переступаетъ границы отважности, мы называемъ безумно-отважнымъ (*θρασύς*); такой уподобляется хвастуну, и отвага его кажется напускною; онъ желаетъ по отношенію къ опасностямъ слыть тѣмъ, чѣмъ храбрецъ является въ дѣйствительности; онъ, гдѣ можетъ, подражаетъ храбрости: поэтому-то большинство изъ нихъ отважны на словахъ и трусы на дѣлѣ; они храбрятся только, а передъ дѣйствительною опасностью не устоять. Человѣкъ, преступающій мѣру страха, называется трусомъ, ибо такому человѣку свойственно бояться того, чего не слѣдуетъ, и такъ, какъ не слѣдуетъ, и проч.; сверхъ того, онъ слишкомъ мало самонадѣянъ; это особенно проявляется тѣмъ, что онъ не знаетъ границъ печали. Трусъ — въ нѣкоторомъ родѣ „неувѣренный“ человѣкъ, ибо онъ всего боится; ему противоположенъ мужественный, ибо самоувѣренному свойственно быть отважнымъ. Итакъ, трусъ, отважный и мужественный человѣкъ имѣютъ дѣло съ тѣми же самыми предметами, но отношеніе ихъ къ нимъ различное. Двое изъ нихъ переступаютъ границы то въ сторону излишка, то въ сторону недостатка, въ то время какъ третій держится середины и должнаго. Далѣе, отважные слишкомъ поспѣшно и охотно бросаются въ опасности, но не оказываются въ нихъ стойкими; мужественные, напротивъ, быстры въ самихъ дѣлахъ, а передъ тѣмъ спокойны.

§ 11. Итакъ, мужество, какъ сказано, есть середина по отношенію къ тому, что возбуждаетъ отважность и страхъ, и именно въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ упомянуто. Мужество избираетъ середину и

оказывается въ ней стойкимъ, потому что оно прекрасно, и потому что противоположное поворно. Мужественный человѣкъ не умираетъ, чтобъ избѣжать бѣдности или несчастной любви, или инаго чего-либо, сопряженнаго со страданіемъ: это скорѣе дѣло труса. Извѣженный человѣкъ избѣгаетъ трудностей, и идетъ онъ на смерть не потому, что это прекрасно, а потому, что желаетъ избѣжать зла.

Итакъ, мужество есть нѣчто подобное тому, что нами описано; понятіе это употребляется еще въ пяти значеніяхъ: во-первыхъ, въ политическомъ. Политическое мужество болѣе всего походить [на истинное мужество]. Кажется, что граждане потому выносятъ опасности, что законъ полагаетъ съ одной стороны безчестіе и позоръ, съ другой—почести. Поэтому-то тѣ народы—самые мужественные, у коихъ трусы считаются безчестными, а храбрость пользуется почетомъ. Таковыми изображаетъ людей и Гомеръ, какъ на примѣръ, Діомеда и Гектора: „Полидамантъ первый заклеимитъ меня позоромъ“, и Діомедъ [восклицаетъ]: „Гекторъ нѣкогда скажетъ, обращаясь къ Троянцамъ: Діомедъ [отъ меня къ кораблямъ убѣжалъ уstraшенный]“.

Итакъ, этотъ видъ мужества болѣе всего походить на первый, описанный нами, такъ какъ его источникъ—добродѣтель; онъ возникаетъ изъ чувства стыда и стремленія къ прекрасному (то-есть, почести) и отвращенія къ позору, какъ къ дурному. Къ этому же виду можно отнести и [мужество] тѣхъ, которые дѣйствуютъ по принужденію начальниковъ; но ихъ мужество ниже по степени, такъ какъ они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страха и избѣгаютъ не того, что постыдно, а того, что причиняетъ страданіе. Властители ихъ принуждаютъ; какъ, на примѣръ, Гекторъ, [говорящій]: „Кого я увижу вдали отъ битвы, укрывающагося, тому не избѣжать растерзанія собаками“. Также поступаютъ военачальники, которые бьютъ солдатъ, когда они отступаютъ, и тѣ, которые располагаютъ солдатъ передъ врагомъ или передъ чѣмъ-либо въ этомъ родѣ; всѣ они принуждаютъ [къ мужеству], а мужественнымъ слѣдуетъ быть не по принужденію, а потому, что это прекрасно. Какъ кажется, и опытность въ частныхъ есть своего рода мужество; поэтому-то Сократъ полагалъ, что мужество состоитъ въ знаніи; одни люди опыты въ одномъ, другіе—въ другомъ, солдаты же опыты въ дѣлахъ войны; въ войнѣ многое внушаетъ напрасный страхъ, и это отлично извѣстно опытнымъ солдатамъ, поэтому-то они кажутся мужественными тѣмъ, которые не знаютъ этого. Далѣе они особенно въ силу своей опытности умѣютъ

наносить ущербъ и не терпѣть его, такъ какъ они умѣютъ пользоваться оружіемъ и обладаютъ такимъ вооруженіемъ, которое особенно удобно къ нападенію на другихъ и къ защитѣ самаго себя; итакъ, они находятся въ положеніи вооруженнаго, сражающагося съ не вооруженнымъ, или атлета, сражающагося съ человѣкомъ, незнакомымъ съ кулачнымъ боемъ; вѣдь и въ послѣдняго рода составаніяхъ не тѣ суть самые способные съ сраженію, которые наиболѣе мужественны, а тѣ, которые наиболѣе сильны и имѣютъ болѣе крѣпкое тѣло. И наемные солдаты становятся трусами, когда опасность дѣлается слишкомъ великою, и когда они уступаютъ врагамъ численностью и вооруженіемъ. Они первые убѣгаютъ, въ то время какъ ополченіе гражданъ остается на полѣ сраженія и гибнетъ, какъ это случилось на Гермесовомъ полѣ. Гражданамъ бѣгство кажется постыднымъ, и они предпочитаютъ смерть спасенію бѣгствомъ. Наемные же солдаты съ самаго начала лишь въ томъ случаѣ рѣшаются подвергнуться опасности, когда знаютъ, что они сильнѣе противниковъ; замѣтивъ же противное, они убѣгаютъ, страшаясь смерти болѣе позора. Мужественный не таковъ.

Гнѣвъ также причисляютъ къ мужеству; вѣдь и тѣ кажутся мужественными, которые въ гнѣвѣ подобны дикимъ звѣрямъ, издающимъ на раненныхъ ихъ; къ тому же мужественные гнѣвливы [θροσειδής]. Гнѣвъ дѣлаетъ способнымъ подвергаться опасностямъ; поэтому-то Гомеръ говоритъ (Ил. 16, 159): „гнѣвъ далъ ему силы“; (Ил. 15, 510): „возбудилъ въ немъ ненависть и гнѣвъ“; (Од. 24, 318): „и закипѣла въ немъ кровь“. Всѣ эти и имъ подобныя выраженія, кажется, указываютъ на возбужденіе и проявленіе гнѣва. Но мужественные дѣйствуютъ ради прекраснаго, и гнѣвъ имъ лишь помогаетъ, животные же—подъ вліяніемъ боли или подъ вліяніемъ раны или страха, такъ какъ они не нападаютъ на другихъ, находясь въ своихъ лѣсахъ и логовищахъ; но не свойственно мужеству, чтобы боль и гнѣвъ вызвали отпоръ опасности и непредвидѣннымъ ужасамъ, ибо въ такомъ случаѣ и голодающіе ослы мужественны, такъ какъ они, не смотря на удары, не воздерживаются отъ пищи; да и прелюбодѣи подъ вліяніемъ страсти совершаютъ много отважнаго. Но дѣйствія, въ которыхъ боль или гнѣвъ вызываютъ отпоръ опасности, нельзя назвать мужественными. Однако, кажется, что мужество, причина коего заключается въ гнѣвѣ, самое естественное, и если оно сопряжено съ намѣреніемъ и съ цѣлью, то оно, можетъ быть, и есть истинное мужество. Вѣдь люди страдаютъ, пока испытываютъ

гнѣвъ, а мечь доставляетъ имъ наслажденіе; но кто борется изъ такихъ побужденій, тотъ можетъ быть хорошимъ борцемъ, но не мужественнымъ, такъ какъ не прекрасное есть причина его дѣятельности, какъ того требуетъ разумъ, а—страсть. Но нужно здѣсь признать навѣстнаго рода подобіе. Тѣ, которые всегда полны надеждъ [ἀσφάλιδας], тоже не мужественны. Они отважны въ опасностяхъ въ силу того, что часто побѣждали и многихъ побѣдили. Но похожи они на мужественныхъ тѣмъ, что и тѣ, и другіе отважны; однако мужественные полны отваги вслѣдствіе раиѣ указанныхъ причинъ, а эти—въ силу мысли о собственной силѣ; поэтому имъ кажется, что нечего бояться. Также поступаютъ и опьянѣвшіе; они становятся легкомысленными, но если ихъ ожиданія не исполняются, они убѣгаютъ. Напротивъ того, мужественному свойственно переносить то, что дѣйствительно страшно человѣку, или что кажется ему таковымъ и свойственно переносить въ силу того, что это прекрасно, а не перенести позорно. Поэтому-то, кажется, требуется больше мужества для того, чтобы быть безбоязненнымъ и непоколебимымъ во внезапныхъ опасностяхъ, чѣмъ въ предвидѣнныхъ, потому ли, что такое мужество есть въ большей мѣрѣ приобрѣтенное душевное качество, или потому, что оно менѣе зависитъ отъ подготовки. Въ предвидѣнныхъ опасностяхъ человѣкъ можетъ сообразиться съ расчетомъ и разумомъ, во внезапныхъ—съ приобрѣтенными душевными свойствами. Мужественными кажутся также люди, не знающіе [о предстоящей опасности]; они не многимъ отличаются отъ легкомысленныхъ, только они хуже послѣднихъ, такъ какъ не имѣютъ никакого достоинства, эти же имѣютъ его, потому-то они и выдерживаютъ нѣкоторое время, тѣ же, которые обманываются [на счетъ опасности], убѣгаютъ тотчасъ, какъ замѣтятъ, что дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ они полагали: подобное случилось съ Аргивянами, напавшими на Лакедемонянъ, думая, что имѣютъ дѣло съ Сикіонійцами. Итакъ, теперь сказано о томъ, каковы мужественные люди, и каковы тѣ, которые кажутся мужественными.

§ 12. Хотя мужество имѣетъ дѣло съ отвагой и со страхомъ, однако не въ одинаковой мѣрѣ съ тѣмъ и съ другимъ, а болѣе съ возбуждающимъ страхъ, такъ какъ того надо считать болѣе мужественнымъ, кто непоколебимъ при подобныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ того, кто проявляетъ отвагу. Итакъ, нами сказано, что того называютъ мужественнымъ, кто переноситъ страданія; поэтому-то мужество—тяжелая вещь, и поэтому оно похвально, ибо труднѣе вынести страданіе, чѣмъ удержаться отъ удовольствій. И хотя цѣль мужества

кажется пріятною, однако пріятность затмѣвается тѣмъ, что окружаетъ цѣль, какъ это видно и изъ гимнастическихъ составаній, ибо цѣль кулачныхъ бойцевъ, ради которой они борются, вѣнокъ и почести,—пріятны, однако получаютъ удары больно, такъ какъ и ихъ тѣла вѣдь изъ мяса, и непріятно, какъ вообще всякій трудъ и такъ какъ больнаго и непріятнаго весьма много, а пріятнаго, цѣли мало, то это занятіе кажется очень не сладко. Если подобное же можно сказать и о мужествѣ, то очевидно, смерть и раны причиняють мужественному страданія и переносятся ими нехотя, выносить же онъ ихъ потому, что это прекрасно, а противоположное постыдно. И тѣмъ кто-либо добродѣтели и въ цѣломъ счастливы, тѣмъ ему больнѣ умирать, ибо вѣдь подобный человѣкъ болѣе всего достоинъ жизни, и онъ-то сознательно лишается величайшихъ благъ. А это, конечно, больно. Но онъ не только не менѣе мужествененъ, а можетъ быть, и болѣе, такъ какъ онъ предпочитаетъ прекрасное на войнѣ этимъ благамъ. Итакъ, осуществленіе добродѣтели не всегда бываетъ пріятно, если не принимать въ разчетъ цѣли. Но можетъ быть, ничто не мѣшаетъ солдатамъ не быть подобными совершенными людьми, а быть менѣе мужественными и не имѣть никакихъ другихъ добрыхъ качествъ, ибо такіе люди готовы на всякія опасныя предпріятія и продаютъ жизнь свою за малую цѣну. Но достаточно говорено о мужествѣ; не трудно будетъ по сказанному составить себѣ общее представленіе о немъ.

[Благоразумная умѣренность, σωφροσύνη, §§ 13—15].

§ 13. Разсмотрѣвъ мужество, мы будемъ говорить о благоразумной умѣренности, такъ какъ обѣ эти добродѣтели, кажется, принадлежать къ неразумнымъ частямъ души. Нами уже сказано, что благоразумная умѣренность — середина касательно наслажденій; она имѣетъ менѣе отношенія и притомъ не такое же къ страданіямъ. Невоздержанность проявляется въ той же самой сферѣ, въ какой и благоразуміе. Теперь мы опредѣлимъ, съ какаго рода наслажденіями [имѣетъ дѣло благоразумная умѣренность]. Слѣдуетъ различать тѣлесныя отъ душевныхъ; къ послѣднимъ относятся честолюбіе, любовзательность; какъ честолюбецъ, такъ и любовзательный, наслаждаются тѣмъ, къ чему стремятся, хотя не тѣло ихъ испытываетъ наслажденіе, а скорѣе разумокъ. Стремящіеся къ подобнымъ наслажденіямъ не называются ни умѣренными, ни невоздержными; одинаковымъ

образомъ они не называются таковыми въ силу другихъ нетѣлесныхъ наслажденій. Любящихъ разговоры и разказы и проводящихъ дни въ болтовнѣ о случившемся мы называемъ болтунами, а не невоздержными; не называемъ мы такъ и тѣхъ, кто постоянно жалуется на денежные обстоятельства и на друзей. Итакъ, благоразумная умѣренность касается тѣлесныхъ наслажденій, однако и изъ нихъ не всѣхъ, ибо вѣдь мы не называемъ ни умѣренными, ни невоздержными тѣхъ, которые наслаждаются зрѣніемъ, напримѣръ, цвѣтами или формами или картинами, хотя, можетъ быть; и для такихъ людей существуетъ нормальное наслажденіе и избыточное, и недостаточное. То же самое слѣдуетъ сказать и о наслажденіяхъ слуха: никто не назоветъ невоздержными людей, слишкомъ наслаждающихся мелодіями и театральными представленіями, и не называетъ умѣренными тѣхъ, кто наслаждается этимъ въ мѣру. Не называютъ такъ и любителей запаховъ, наслаждающихся благоуханіемъ плодовъ, розъ или курительныхъ травъ, а если и называютъ, то не по существу, а случайно (*κατὰ συμβεβηκός*), и скорѣе (называютъ такъ) тѣхъ, кто наслаждается благовонными мазями или кушаньями, а наслаждаются ими невоздержные благодаря тому, что этимъ путемъ возникаетъ въ нихъ воспоминаніе о предметахъ ихъ страсти. Сверхъ того, можно замѣтить, что и другіе наслаждаются запахомъ пищи, когда они голодны. Но вообще говоря, наслаждаться подобнаго рода вещами свойственно невоздержному, ибо именно такой жаждетъ этихъ наслажденій. И другія животныя не испытываютъ наслажденія отъ этихъ ощущеній, или лишь случайно, ибо собаки не наслаждаются запахомъ зайцевъ, а ихъ растерзаніемъ, а запахъ помогаетъ имъ лишь попасть на слѣдъ; и левъ не удовлетворяется мычаніемъ быка, а съѣденіемъ его, хотя мычаніе даетъ ему знать, что быкъ близокъ и можетъ показаться, что левъ радъ этому; точно также не видъ или находка оленя или дикой козы радуетъ его, а возможность получить пищу.

Итакъ, благоразумная умѣренность и невоздержность касаются такихъ наслажденій, въ которыхъ участвуютъ и остальные животныя, почему и самыя наслажденія кажутся рабскими и животными. Сюда относятся ощущенія осязанія и вкуса. Но кажется, на вкусъ мало или почти нисколько не слѣдуетъ обращать вниманіе. Дѣло вкуса—различеніе соковъ; такъ имъ пользуется тѣ, которые пробуютъ вина и готовятъ кушанья; однако невоздержные очень мало или вовсе не наслаждаются этими ощущеніями, а удовольствіемъ которое всегда возникаетъ изъ осязанія,

какъ при ѣдѣ или при питьѣ и при такъ-называемой любви. Поэтому известный обжора желалъ имѣть шею длиннѣе, чѣмъ у журавля, чтобы наслаждаться проглатываніемъ пищи. Итакъ, невоздержность имѣетъ дѣло съ самымъ низкимъ ощущеніемъ изъ всѣхъ; поэтому-то ее порицать справедливо, такъ какъ она намъ свойственна не по скольку мы люди, а по скольку мы животные. Наслаждаться этими ощущеніями и любить ихъ болѣе всего есть черта животнаго характера. Самые благородныя изъ наслажденій, доставляемыхъ осязаніемъ, напримѣръ, возникающія изъ обтиранія и согрѣванія въ гимназіяхъ, недоступны невоздержному, такъ какъ не осязаніе всего тѣла, а лишь нѣкоторыхъ его частей пріятно невоздержному. Одни стремленія кажутся общими всѣмъ людямъ, другія—индивидуальны и приобретаемы. Такъ стремленіе къ питанію естественно, ибо всякій нуждающійся въ пищѣ стремится къ ней, какъ въ твердомъ, такъ и въ жидкомъ ея состояніи, иногда къ той и другой—вмѣстѣ, и всякій молодой и крѣпкій человѣкъ „стремится“, какъ говоритъ Гонеръ, „къ женѣ“; но именно къ той или другой стремится не всякій, и не всякій всегда къ одной. Итакъ, это опредѣленное стремленіе уже принадлежитъ намъ, индивидуально, хотя въ немъ есть, конечно, нѣчто естественное; одному нравится одно, другому другое, но есть вещи, которыя всѣмъ нравятся болѣе всѣхъ другихъ. Естественныя потребности рѣдко вовлекаютъ людей въ ошибку, а если люди погрѣшаютъ, то всегда въ сторону излишка, ибо ѣсть что полагло и пить до опьяненія значить перейти количественно известную границу. Естественная потребность имѣетъ въ виду уничтожить недостатокъ; потому обжорами называются тѣ, которые наполняютъ желудокъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ; рабскіе люди становятся такими. Многие люди погрѣшаютъ въ индивидуальныхъ наслажденіяхъ и часто погрѣшаютъ. Любителями подобныхъ наслажденій называютъ тѣхъ, которые наслаждаются тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ, или съ излишкомъ, или такъ, какъ это дѣлаетъ толпа, или такъ какъ не слѣдуетъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ невоздержные излишествуютъ. Они или наслаждаются тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ, ибо оно постыдно, или тѣмъ, чѣмъ, можетъ быть, и слѣдуетъ, но въ большей мѣрѣ, и наслаждаются такъ, какъ дѣлаетъ это толпа. Ясно, что невоздержность есть излишекъ въ подобныхъ наслажденіяхъ, что она должна быть порицаема. Что касается страданій, то здѣсь дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ въ мужествѣ, ибо здѣсь благоразумнымъ называется переносящій ихъ, а невоздержнымъ называется тотъ, кто страдаетъ болѣе, чѣмъ должно, когда онъ

не испытываетъ удовольствій, (при чемъ самое наслажденіе и причиняетъ ему страданіе), а благоразумнымъ—тотъ, кто не страдаетъ отъ отсутствія наслажденій и кто въ состояніи воздержаться отъ нихъ.

§ 14. Итакъ, невоздержный жаждетъ всякаго рода наслажденій или по крайней мѣрѣ большинства ихъ; его стремленія влекутъ его такъ, что онъ предпочитаетъ эти наслажденія всему другому; поэтому-то онъ испытываетъ страданіе, какъ въ томъ случаѣ, когда не достигаетъжелаемаго, такъ и во время самаго желанія, ибо всякая страсть сопряжена съ страданіемъ, хотя странно страдать ради наслажденія. Врядъ ли встрѣчаются такіе люди, которые недостаточно наслаждаются и менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, радуются. Такая безчувственность не въ природѣ человѣка; даже остальные животныя различаютъ пищу и одну ѣдятъ охотно, а другую нѣтъ. Если кому-либо ничто не пріятно, и если онъ не различаетъ одно отъ другаго, то такой будетъ далекъ отъ образа человѣка. Подобное существо и не имѣетъ имени, потому что врядъ ли оно встрѣтится. Умѣренный придерживается середины относительно всего этого. Онъ не наслаждается тѣмъ, чѣмъ наслаждается по преимуществу невоздержный, а скорѣе негодуетъ на это; онъ не наслаждается тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ, и вообще ничѣмъ подобнымъ не наслаждается слишкомъ, онъ не страдаетъ и не жаждетъ наслажденій, когда ихъ нѣтъ, или жаждетъ умѣренно, не болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, ни тогда, когда не слѣдуетъ, и вообще въ подобныхъ случаяхъ не дѣлаетъ ничего недолжнаго. Ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ здоровію и благосостоянію и въ то же время пріятно, онъ будетъ стремиться умѣренно и какъ слѣдуетъ. [Онъ будетъ стремиться] и къ остальнымъ пріятнымъ вещамъ, если онѣ не противорѣчатъ выше указанному, не нарушаютъ красоты и не превышаютъ его силъ. Кто не обращаетъ вниманія на это, тотъ придаетъ наслажденіямъ большую цѣну, чѣмъ они имѣютъ; не таковъ умѣренный человѣкъ; онъ слѣдуетъ истинному разуму.

§ 15. Кажется, что невоздержность содержитъ въ себѣ болѣе произвольнаго, чѣмъ трусость; источникъ первой заключается въ наслажденіи, а второй — въ страданіи; къ одному изъ нихъ человѣкъ стремится, а другаго избѣгаетъ; къ тому же страданіемъ измѣняется и ухудшается природа человѣка, одержимаго имъ, наслажденіе же ничего подобнаго не дѣлаетъ, и потому оно болѣе произвольно. Поэтому-то невоздержность постыднѣе. Сверхъ того, легче привыкнуть противостоять наслажденію, ибо подобныхъ состояній въ чело-

вѣческой жизни много, и привыкать къ нимъ безопасно. Совсѣмъ противоположное слѣдуетъ сказать относительно предметовъ, возбуждающихъ ужасъ. Однако, кажется, что не всякая трусость, проявляющаяся въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ одинаковой мѣрѣ произвольна, ибо сама трусость не сопряжена съ страданіемъ, а отдѣльныя ея проявленія возникаютъ изъ страданія, какъ напримѣръ, бросить оружіе или совершить иное какое-либо постыдное дѣйствіе; поэтому-то они и считаются насильственными. У невоздержнаго, на оборотъ, отдѣльныя дѣйствія произвольны, такъ какъ онъ ихъ желаетъ, стремится къ нимъ. Невоздержность же въ цѣломъ менѣе произвольна, ибо никто не желаетъ быть невоздержнымъ. Слово „невоздержность“ мы переносимъ и на прегрѣшенія дѣтей, ибо они имѣютъ нѣкоторое сходство съ невоздержностью. Которое изъ названій заимствовано, которое первоначально—это для насъ въ данномъ случаѣ безразлично, (ясно, что позднѣйшее заимствовано изъ первоначальнаго). Но перенесеніе это не дурно, ибо стремленіе къ дурному, быстро растущее, нуждается въ обузданіи, а таковы по преимуществу страсти и ребенокъ, ибо вѣдь дѣти живутъ подъ вліяніемъ страстей, и стремленіе къ пріятному въ нихъ по преимуществу развито; если это стремленіе не будетъ легко повиноваться правящему началу, то оно значительно возрастетъ; стремленіе къ пріятному безгранично и вліяетъ на безразсуднаго со всѣхъ сторонъ, а осуществленіе страсти только увеличиваетъ прирожденное стремленіе, такъ что страсти, сдѣлавшись сильными, уничтожаютъ рассудокъ. Поэтому-то онѣ должны быть умѣренны и немногочисленны и не противиться разуму. Такое стремленіе мы называемъ покойнымъ и обузданнымъ. Подобно тому, какъ дитя должно жить по указаніямъ воспитателя, такъ и страсти—по указаніямъ разума. Поэтому-то въ умѣренномъ человѣкѣ страсти должны согласоваться съ разумомъ. Цѣль обояхъ—прекрасное; умѣренный человѣкъ стремится къ тому, къ чему слѣдуетъ, и какъ, и когда слѣдуетъ стремиться, а этого и требуетъ разумъ. Этого пусть будетъ достаточно относительно благоразумной умѣренности.

Э. Радловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ РАСКОПКИ НА ДЕЛОСЪ.

Еще въ 1435 году островъ Делосъ былъ посѣщенъ Кириакомъ изъ Анконы, отцемъ археологій, затѣмъ въ 1645 г. Спеномъ и Уэлеромъ (Wheeler) и въ 1804 Ликомъ (Leake); но при всѣхъ этихъ осмотрахъ тамъ не было найдено никакихъ древностей, скрытыхъ подъ землею, кромѣ немногихъ камней съ надписями и обломковъ скульптурныхъ произведеній. Между тѣмъ Делосъ вполне заслуживалъ самаго точнаго изслѣдованія: по вѣрованію Эллиновъ, онъ считался мѣстомъ рожденія Аполлона ¹⁾ и потому служилъ центромъ религіозной жизни Грековъ; нѣсколько времени тамъ хранилась казна Аттическаго союза ²⁾, а въ послѣднее столѣтіе до Р. Х., въ особенности послѣ разрушенія Коринѳа, Делосъ былъ главнымъ складочнымъ пунктомъ торговли между Азіей и Европой. обстоятельное археологическое изслѣдованіе Делоса произведено было французскими учеными въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Намѣреваясь сдѣлать обзоръ этихъ ученыхъ изысканій, мы опредѣлимъ его слѣдующимъ образомъ: сперва скажемъ о мѣстности и найденныхъ тамъ постройкахъ, затѣмъ о произведеніяхъ пластическаго искусства и, наконецъ, о надписяхъ и ихъ важности для культурной и политической исторіи.

Островъ Делосъ въ діаметрѣ имѣетъ 5 километровъ (5¹/₂ версты). Весь югъ его занимаетъ гранитный хребетъ Кинезъ, возвышающійся до 106 метровъ. Сѣверную часть острова занимаетъ менѣе обширный холмъ, такъ что только въ срединѣ остается равнина,

¹⁾ (Hom.) *hymn.* in Apoll. 25.

²⁾ До 454 г. до Р. Х. *Thuc.* I, 96; *Plut. Pericl.* 12.

простирающаяся от востока до запада. Въ этой равнинѣ и находимъ городъ и храмъ Аполлона ¹⁾).

На восточной сторонѣ острова была старая гавань. Остатки мола и набережной еще и теперь видѣются изъ-подъ воды. Непосредственно на берегу встрѣчаются остатки фундаментовъ, которые принадлежали обширнымъ древнимъ товарнымъ амбарамъ. По порученію Дюмона, директора французской Аѳинской школы, Омоль (Th. Homolle) въ 1877 году началъ здѣсь работы ²⁾, которыя нынѣ въ главныхъ частяхъ уже окончены.

На западномъ берегу острова возвышаются пропилеи, при входѣ въ мѣстность, посвященную божеству. Пропилеи эти представляли большое четырехугольное строеніе (21 × 17 метровъ), съ воротами, поддерживаемыми шестью дорическими колоннами. Пройдя ворота, вступаешь въ священную улицу, ведущую къ храмамъ. Вдоль этой улицы по лѣвой сторонѣ находились расположенныя полукругомъ четыре зданія, которыя, вѣроятно, служили для отдѣльныхъ греческихъ государствъ сокровищницами въ родѣ тѣхъ, какія находились въ Олимпіи ³⁾. По правой сторонѣ улицы находился упоминаемый Страбономъ Латоонъ и храмъ Аполлона ⁴⁾, разнѣры и стиль котораго теперь приблизительно извѣстны. Передняя сторона храма имѣла 13½ метровъ и была украшена шестью колоннами; длиною она была 30 метровъ и имѣла 13 колоннъ. Найдены украшенія крыши и львиныя головы, изъ которыхъ изливалась вода. Относительно внутренняго украшенія дадутъ понятіе найденныя тутъ надписи, содержащія въ себѣ подробный ихъ инвентарь. Судя по архитектурѣ, храмъ относится къ IV столѣтію н. э., слѣдовательно, построенъ былъ Аѳинянами до потери господства надъ островомъ, то-есть, до 322 года.

На юго-западной сторонѣ храма Аполлона находился большой портикъ, на архитравѣ котораго, состоявшемъ изъ шести камней, была слѣдующая надпись: Βασίλεως Μακεδόνων Φίλιππος βασιλέως Δημητρίου Ἀπόλλων. Слѣдовательно, портикъ былъ сооруженъ въ то

¹⁾ Strabo X, 485: Ἡ μὲν οὖν Δῆλος ἐν καθίρ κειμένην ἔχει τὴν πόλιν καὶ τὸ ἱερόν τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τὸ Δητῶν ὑπέρχεται δὲ τῆς πόλεως ὄρος φίλον ὃ Κόνθος καὶ τραχύ.

²⁾ *Revue archéologique*. Paris. 1880, стр. 85.

³⁾ См. Ж. М. Н. *Игр.* 1882, № 9, стр. 384.

⁴⁾ *Revue archéologique*. 1880, planche XV.

время, когда Филиппъ, воспользовавшись несовершеннolѣтіемъ Птолемея Филопатора, овладѣлъ Кибладскими островами, и прежде, чѣмъ онъ потерпѣлъ поражение отъ Римлянъ, то-есть, между 205 и 196 гг.

Къ сѣверу отъ храма находилось озеро. Вблизи него, еще внутри мѣстности, принадлежащей божеству, былъ рынокъ, на которомъ нашлось 20 зарытыхъ въ землю амфоръ. Этими объясняется, почему въ надписяхъ часто упоминается о наемной платѣ за рынокъ, *ἐνοίκια τῆς ἀγορᾶς*, какъ о доходѣ храма.

На склонѣ Кяноа, занимающаго, какъ выше сказано, южную сторону острова ¹⁾, нашлись храмы иноземныхъ боговъ—Сераписа и сирійскихъ божествъ—Адада и Атаргатида, и множество надписей, къ нимъ относящихся. Послѣдній храмъ выстроенъ былъ за нѣсколько лѣтъ до Р. X. Объ остальныхъ постройкахъ мы можемъ не распространяться, такъ какъ ни одна изъ нихъ не восходитъ до очень древнихъ временъ.

Итакъ, на островѣ не сохранилось почти ничего, что относилось бы къ времени до аѳинскаго владычества. За то изъ пластическихъ произведеній нашлись остатки глубокой древности и высокаго достоинства. Вблизи пропилей открыта статуя Артемиды изъ пароскаго мрамора, изваянная, безъ сомнѣнія, не позднѣе VII столѣтія до Р. X. Она исполнена совершенно въ стилѣ древнихъ деревянныхъ *ἑβανα*. Богиня стоитъ совершенно прямо; руки ея спускаются вдоль туловища ²⁾. Поясъ обхватываетъ въ станѣ ея платье, почти лишенное складокъ, и изъ-подъ котораго выглядываютъ большія, прямо стоящія ноги. Съ головы симметрично ниспадаютъ на плечи широкіе локоны. Лицо, къ сожалѣнію, совершенно испорчено дѣйствіемъ времени. Къ этому крайне замѣчательному изображенію относится столь же интересная надпись, написанная *βουστροφρόδων*. Двѣ первыя строки ея гласятъ слѣдующее:

Νικάνδρῃ μ' ἀνάθηκον ἔκηβόλε τοχεαίρῃ,
Κόρη Δαιωδίκου τοῦ Ναχταίου, ἑχσοχὸς ἄλλων.

Нѣкоторыя изъ буквъ имѣютъ очень странную форму, тѣмъ не менѣе чтеніе ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Третья строка повреждена. Судя по эпиграфическимъ соображеніямъ, надпись эту слѣдуетъ отнести къ очень древнему времени. Изъ надписи видно,

¹⁾ Раскопками на этомъ мѣстѣ руководилъ Hauvet-Besnault; см. *Bulletin de correspondance hellénique*, Athènes et Paris 1882, VI, planche XI.

²⁾ *Bulletin de corr. hell.*, 1879, III pl. стр. 99.

что статуя есть подарокъ жительницы острова Наксоса, и замѣчательно, что именно жителю Наксоса приписывается изобрѣтеніе искусства обработыванія мрамора ¹⁾.

Второе, столь же архаическое произведеніе отличается совершенно другимъ характеромъ. Между тѣмъ какъ въ статуѣ Артемиды богиня изображена въ совершенно неподвижной позѣ, та фигура ²⁾, о которой мы теперь говоримъ, представлена въ самомъ сильномъ движеніи. Правую ногу она выставила съ такою силой, что платье поднялось до колѣна, а лѣвая нога отстоитъ далеко позади. Но между тѣмъ какъ нижняя часть туловища изображена въ видѣ человѣка, проходящаго мимо зрителя, верхняя часть туловища представлена совершенно en face къ зрителю и не принимаетъ никакого участія въ сильномъ движеніи всей фигуры. Лицо, которое, за исключеніемъ отбитаго носа, сохранилось хорошо, имѣетъ большіе глаза и улыбающійся ротъ. Надо лбомъ волосы расположены правильными кудрями подъ діадемой, и на каждое плечо виспадетъ по четыре локона. Лѣвая рука, какъ видно по лежащей на бедрѣ кисти, опиралась о бокъ. Последнее движеніе женской фигуры обозначалось еще двумя большими крыльями, остатки которыхъ еще видны на плечахъ, и двумя крыльями меньшаго размѣра, придрѣланными къ ногамъ выше щиколодокъ.

Это замѣчательное произведеніе во всякомъ случаѣ должно было бы возбудить вниманіе историковъ искусства, но одно счастливое обстоятельство еще увеличиваетъ его достоинство. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ статуй нашлась надпись съ буквами архаической формы, на принадлежность которой къ статуѣ указали Омоль и А. Фуртвенглеръ ³⁾. Хотя надпись и сильно попорчена, однако возможно полное восстановленіе ея, такъ что не остается никакого сомнѣнія относительно ея смысла. Форма ея, должно быть, была слѣдующая ⁴⁾:

¹⁾ Pausan. V, 10, 3.

²⁾ Она изображена въ *Bulletin de corr. hell.* 1879. pl. VI и VII.

³⁾ *Archäologische Zeitung* 1883, стр. 322 слл.

⁴⁾ Уцѣлѣвшіе остатки тракъ строкъ слѣдующіе:

Μικκι
 Αρχερμης ο
 Οι Χιοι μεγλ

Алеазитъ согласуется во всѣхъ главныхъ пунктахъ съ юническимъ алеазитомъ, какимъ онъ является въ надписяхъ Милета и Тесса изъ времени 80-й—40-й олимпіадъ; ср. *Roché, Inscr. gr. antiquiss.* p. 182.

Μικκιάδης ὁ Μέλανος καὶ
 Ἀρχέρμος ὁ Μικκιάδου
 Οἱ Χῖοι μ' ἔγλυφον

Сохранились имена Миккиада и Арчерма, а также указание на их родство, и это составляет одну из самых счастливых находок, обогативших археологию в новейшее время.

О семействѣ Меласа, занимавшемся в древнее время обработкой мрамора, сохранилось у Плинія предание ¹⁾, по которому, Меласъ имѣлъ сына Миккиада, а послѣдній—сына, по имени Арчерма. Унучками послѣдняго были Аесенидъ и Бупалъ, изъ которыхъ послѣдній извѣстенъ по Горацию ²⁾, какъ врагъ поэта Гиппонакта. (дальше мы узнаемъ ³⁾ изъ Плинія, что на Делосѣ и Лесбосѣ находились произведенія Арчерма. Благодаря точному преданію устраняется даже сомнѣніе и относительно того обстоятельства, кого слѣдуетъ видѣть въ найденной статуѣ — крылатую Артемиду или Горгону. Статуя изображаетъ богиню побѣды, которую Арчермъ снабдилъ крыльями, по словамъ схолиаста ⁴⁾ къ Аристофану.

Итакъ, мы имѣемъ произведение древне-іонической школы, сдѣланное Миккиадомъ и сыномъ его Арчермомъ въ 590—580 гг. до Р. X. Вслѣдствіе этой важной и неожиданной находки направленіе искусства упомянутыхъ художниковъ разомъ намъ выясняется. Мы видимъ, что изъ ихъ рукъ человѣческое туловище выходило еще въ рѣзкихъ и угловатыхъ формахъ, что дальше типической улыбки умѣнье ихъ не простиралось, что быстрое движеніе они умѣли выразить лишь раздвинутыми ногами или многочисленными крыльями. Совершенно иначе поступалъ Пэоній ⁵⁾, изваявшій въ 422 г. въ Олимпіи богиню побѣды, при чемъ онъ изобразилъ эту богиню легко и изящно спускающуюся на землю. Искусство сдѣлало громадный успѣхъ въ продолженіе этихъ 160 лѣтъ.

¹⁾ XXXVI, 5, 11. Cum hi essent, iam fuerat in Chio insula Melas sculptor, lein filius eius Miccladeas, ac deinde nepos Archermus, cuius filii Bupalus et Athenis vel clarissimi in ea scientia fuere Hipponactis poetae aetate, quem certum est LX Olympiade fuisse.

²⁾ Hor. epod. 6, 14.

³⁾ Plin. въ указанномъ мѣстѣ.

⁴⁾ Arist. Aves v. 573. Νεωτερικόν τὸ τὴν νίκην καὶ τὸν Ἐρωτα ἐκτερεῖσθαι. Ἀρχερμον (sic) γάρ φησι [καὶ] τὸν Βοοπάλου καὶ Ἀθηνίδος πατέρα... πτηνὴν ἐργάσασθαι τὴν Νίκην; ср. *Bulletin de corresp. hell.* III, стр. 396 и слѣд.

⁵⁾ Ж. М. Н. Пр. 1882 г., дек., стр. 466.

О другихъ пластическихъ произведеніяхъ, открытыхъ на Делосѣ мы можемъ сказать вкратцѣ. Тамъ открытъ цѣлый рядъ архаическихъ изображеній Артемиды, въ которыхъ неподвижность, свойственная самымъ древнимъ статуямъ, мало по малу уступаетъ большей свободѣ въ движеніяхъ ¹⁾. Къ нимъ примыкаетъ цѣлый рядъ женскихъ фигуръ, которыя по наружности можно принять также за Артемиду, но съ большею вѣроятностью ихъ слѣдуетъ считать за простыхъ женщинъ. По Цецесу ²⁾ извѣстно, что культъ Діониса былъ распространенъ, какъ на островѣ Наксосѣ, такъ и на Делосѣ. Это извѣстіе подтверждается нѣкоторыми вновь найденными надписями. Въ одной изъ нихъ упоминается ³⁾ одна дѣвица въ качествѣ канефоры Діониса въ другой, относящейся къ 290 г. до Р. Х., перечисляются расходъ по заготовкѣ, окраскѣ и украшенію статуи Діониса и на колесницѣ потребовавшуюся для перевозки ея ⁴⁾. Подъ какимъ видомъ Діонисъ поклонялись на островѣ Делосѣ, видно по двумъ головамъ изъ мрамора, найденнымъ на Делосѣ. Онѣ изображаютъ бога съ серьезнымъ выраженіемъ лица. Густая борода окаймляетъ лицо, концы усов спущены внизъ; кругомъ всей головы, включая и лобъ, расположены густые правильные локоны, поддерживаемые широкою повязкой ⁵⁾. Головы названы въ позднѣйшее время, но по хорошему архаическому образцу. Ко времени свободного стиля относятся двѣ мраморныя группы, найденныя на восточной и западной сторонахъ одного святилища, стоящаго параллельно съ храмомъ Аполлона ⁶⁾. Объясненіе эти двѣ группы Фуртвенглеромъ ⁷⁾. Въ сильномъ бородатомъ мужчинѣ, подымающемъ и уносящемъ дѣвущку, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать Борея, похищающаго Орнею. Маленькая лошадка, бѣгущая у ногъ упомянутаго мужчины, обозначаетъ, вѣроятно, быстроту

¹⁾ *Bulletin de corresp. hell.* III, pl. 14, 15, 17; IV, стр. 35—38, pl. 13, 14 V, стр. 276.

²⁾ *Tzetzes ad Lycophr.* 540.

³⁾ *Hawcotte-Besnault—Bulletin de corresp. hell.* VI, 1882 стр. 338. № 41 τῆν αὐτοῦ θυρατῆρα Ἡδῆαν κανηφορήσασαν τῷ Διονύσῳ φ.

⁴⁾ *Bulletin de corr. hell.* 1881. V, стр. 508: ἰργασαμένην τὸ ἔργαγμα Ἀριστοθέλει. γράφαντι Λετιομένη... εἰς κόσμησιν τοῦ ἀγάλματος... τὴν ἀμαξον, ἣ ἀγεται τὸ ἔργαγμα τοῦ Διονύσου θεοφάντεν ἐπιτελευσάντι.

⁵⁾ *Bulletin de corresp. hell.* V, pl. 10.

⁶⁾ *Ibid.* III, pl. X—XII.

⁷⁾ *Archaeol. Zeitung.* 1883, стр. 338 сл.

ога, который, по Гомеру ¹⁾, превратилъ себя однажды въ коня. Провлекомъ къ этому изображенію служить женщина, поднимающая вверхъ мальчика и уносящая его; это—Эосъ, похищающая Кефала; собака же, изображенная у ея ногъ, охотничья собака Лелапсъ ²⁾. Эти изображенія сопровождаются бѣгущими фигурами, на лицахъ коихъ видѣны слугъ похищенія.

Что касается надписей, то онѣ найдены въ громадномъ числѣ при раскопкахъ въ священной мѣстности Делоса. Значительная часть ихъ издана Омолемъ ³⁾, но до сихъ поръ ему не удалось еще правиться со всѣми находками. Однѣ изъ этихъ надписей содержатъ въ себѣ посвященіе или благодарность богу за ниспосланную илюсть, другія—похвалу какихъ-либо заслуженныхъ лицъ, третьи—оговоры, четвертые—храмовые инвентари и документы по управленію храмовыми доходами.

Къ первому разряду относится надпись Никандры, о которой мы говорили выше; ко второму—надпись, въ которой жители острова Делоса присуждаютъ ⁴⁾ лавровый вѣнокъ поэту Демотелу изъ Андроса за то, что онъ воспѣлъ въ своихъ стихотвореніяхъ Делосъ и его вѣстные мины. Этотъ доселѣ неизвѣстный поэтъ жилъ, должно быть, около 250 г. до Р. X. Что касается третьяго разряда надписей, то изъ нихъ нашлись лишь краткіе отрывки; но за то изъ четвертаго, относящагося къ храмовымъ документамъ, составляется чрезвычайно богатый матеріалъ ⁵⁾. Благодаря этимъ надписямъ, мы можемъ подробно изучить управленіе храмомъ подробнѣе даже, чѣмъ это возможно относительно Пареенона. На основаніи этого матеріала и съ помощью очиненія Омоя ⁶⁾, мы можемъ дать здѣсь краткое обзорѣніе храмо-

¹⁾ Н. XX, 224. τῶν (Ἰκκῶν) καὶ Βορέης ἡρώεσσο βοσκομένων, ἵκκῳ δ' εἰσαίμενος πρᾶξιότατο χύανοχαίτην. Отношенія Воря къ Делосу указываетъ Каллимахъ, *hymn. Del.* 292.

²⁾ Ovid. *Met.* VII, 771: Poscor et ipse meum consensu Laelapa magno; ср. *terphani*, *Compte-rendu pour 1872*, стр. 195.

³⁾ *Bulletin de corr. hell.* II, 1878; III, 1879; IV, 1880; V, 1881; VI, 1882.

⁴⁾ *Bullet. de corr. hell.* IV, стр. 348: ἐκείδῃ ... κοιτῆτις ἄν πεκραγματούστατι ἐρί τε τὸ ἱερόν καὶ τὴν πόλιν τὴν Δηλίων καὶ τοὺς μύθοις ἐπιχωρίου γέγραφεν.

⁵⁾ Шесть надписей Делосскаго храма были уже прежде извѣстны; ср. *Boeckh*, *taatshaushaltung der Athener* II, 108, 327, 333. *Corp. Inscr. Att.* I, 283, C. I. G. 58; Французы нашли еще около 400 надписей, между коими есть и очень роstrанныя.

⁶⁾ *Bulletin* VI, 1—167.

ваго причта, недвижимой собственности бога, его доходовъ, хозяйственнаго управленія этимъ имуществомъ и инвентаря его богатствъ, и выстѣ съ тѣмъ и внутренняго украшенія храма.

Въ періодъ съ V в. по 320 годъ надзоръ за Делосскимъ храмомъ былъ въ рукахъ амфикионовъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ Афинянъ. Съ 320 по 166 г. островъ пользовался независимостью, и народъ избиралъ ежегодно четырехъ человекъ для завѣдыванія храмомъ. Избранники эти назывались *ισροκοοί* ¹⁾. Какъ видно изъ ихъ названія, первую ихъ обязанностью было наблюдать за точнымъ исполненіемъ жертвоприношеній и председательствовать во время праздниковъ; кромѣ того, на нихъ возложено было управленіе имуществомъ бога. Суммами имъ дозволено было пользоваться лишь съ разрѣшенія народнаго собранія, и деньги брать изъ сокровищницы они могли только въ присутствіи секретарей сената (*βρολη*) и комиссій, назначаемой на мѣсяць ²⁾. Помощниками ихъ были *ισροκοοί διοικηταί*, которые вели счетъ поступающимъ и расходующимъ деньгамъ и составляли окончательный отчетъ, вырѣзывавшійся на большихъ мраморныхъ плитахъ, изъ конхъ инча, имѣютъ вышнюю почти 2 метра, а шириной 1 метръ. Кромѣ того, храмы имѣли своего отдѣльнаго архитектора и по шести служителей, наблюдавшихъ за чистотой и порядкомъ.

Делосскій Аполлонъ, подобно Дельфійскому, владѣлъ недвижимымъ имуществомъ; сперва отведенъ былъ участокъ земли для постройки храма, а потомъ участокъ этотъ сталъ постепенно увеличиваться вкладами и по завѣщаніямъ ³⁾. Впослѣдствіи къ храму присоединены были и дома, въ числѣ осми. Такъ одинъ домъ поступилъ во владѣніе бога, будучи конфискованъ у владѣльца, который былъ осужденъ за безбожіе и насилія. Кромѣ участковъ и домовъ, богъ

¹⁾ Одна изъ самыхъ пространныхъ надписей, на которую намъ часто приходится ссылаться, есть надпись, сдѣланная при архонтѣ Демарѣ. Она содержитъ въ себѣ почти 500 строкъ и написана около 180 г. до Р. X., такъ какъ въ ней упоминается умершій въ 179 г. Македонскій царь Филиппъ. На одной сторонѣ камня перечисляются доходы и расходы управляющихъ, на другой—инвентарь храма; напечатана она въ *Bulletin* VI, стр. 6—54.

²⁾ Отчетъ Демара, строка 14: κατὰ τὸ ψήφισμα τοῦ δήμου. строка 38: παρόντος ἀρχοντος τοῦ τῆς πόλεως καὶ τῶν γραμματέων καὶ τῶν προτάμεων τῶν κατὰ μῆνα.

³⁾ Изъ участковъ, принадлежавшихъ богу, называются: Ἄγρα Δῆλος, Λεϊμόν, Φυτάλια и другіе.

кладѣлъ также наличнымъ капиталомъ, такъ какъ нерѣдко умирающіе завѣщали часть своего состоянія храму. Эти деньги были отдаваемы въ ростъ, какъ частнымъ лицамъ, такъ и государствамъ. Къ числу храмовныхъ сборовъ относятся: 1) портовые деньги, которыя обаваны были вносить всѣ входящія въ Делосскую гавань суда; 2) рыночныя деньги, получаемыя отъ торговцевъ за право торговли близъ храма; 3) плата за перевозъ ¹⁾ на острова Миконъ и Ренею, составлявшій монополію бога. На островъ Ренею, отстоящій отъ Делоса на 4 стадіи (²/₄ версты), ѣздили очень часто, такъ какъ тамъ находилось кладбище Делосцевъ; на самомъ же Делосѣ, какъ мѣстѣ священномъ, запрещено было хоронить ³⁾.

Относительно финансоваго управленія храмовнымъ состояніемъ ерепоіоі поступали съ большою осторожностію. Они заключали контракты, какъ съ нанимателями домовъ, такъ и съ арендаторами полей и луговъ. Въ контрактахъ этихъ опредѣлялось, чтобъ арендаторъ, желавшій снять, напримѣръ, участокъ земли на десять лѣтъ, представилъ поручителей. Если кто пропускалъ срокъ арендной платы, то отъ него отнималось право пользованія продуктами съ полей, или же отнимался его скотъ и невольники. Только этими строгими условіями, о которыхъ упоминается въ одной еще не изданной надписи ⁴⁾, и объясняется то обстоятельство, что по отчету Демара при годовомъ (ходѣ съ домовъ, доходившемъ до 1711 драхмъ, не получено было только 24 драхмы, а еще большая сумма за аренду была выплачена вся сполна.

Если же изъ наличнаго храмоваго капитала отдавалась какая-либо сумма въ займы, то лишь подъ залогъ всего достоянія должника; даже въ такомъ случаѣ, когда заемъ дѣлало какое-либо государство, долгъ обезпечивался ⁴⁾ его доходами. Обыкновенно взымалось (десять процентовъ, какъ и въ Аѣннахъ. Кромѣ названныхъ четырехъ статей дохода (наемъ, аренда, подати и проценты), упоминаются еще другія статьи, напримѣръ, выручка съ проданной шкуры быка, съ проданнаго голубянаго навоза и непонятная статья, выраженная въ надписи *ἐκ τῆς φιάλης*. Я предполагаю, что подъ этимъ подразумѣ-

¹⁾ λιμήν, ἑλλειμένιον ἐνοίκια τῆς ἀγορᾶς τὸ πορθμεῖον.

²⁾ Ῥήματα, ἔκου τὰ μῆματα τοῖς Ἀηλοῖς ἐστίν. οὐ γὰρ ἔξεστιν ἐν αὐτῇ τῇ Ἀήλῃ ἀπταῖν οὐδὲ καίτιν νεκρὸν. Strabon. X, p. 486.

³⁾ ἰσρά συγγραφῆ, *Homolle—Bulletin VI*, стр. 64.

⁴⁾ Отчетъ Соанеена, строка 120—121.

вается сборная кружка, какъ въ нашихъ церквахъ. Весь доходъ храма въ годъ архонта Демара простирался до 12,637 драхмъ ¹⁾).

Этимъ доходамъ соотвѣтствуютъ и значительные расходы. Одна изъ самыхъ крупныхъ, часто повторяющихся статей суть расходы по постройкамъ ²⁾. Въ году Демара этотъ расходъ доходилъ до 9,703 драхмъ. По рѣшенію народнаго собранія работъ эти отдавались съ подряда гіеропоями вмѣстѣ съ архитекторами и избранными народомъ экспертами, при чемъ точнѣйшимъ образомъ уговаривались относительно надлежащаго матеріала, размѣровъ заказанной работы и срока ея выполнения ³⁾. Плата производилась въ три срока. Другая статья расходовъ вызывалась жертвоприношеніями и необходимыми покупками для достойнаго справленія праздниковъ; для первыхъ надо было главнымъ образомъ покупать дрова, жертвенныхъ животныхъ, емліамъ, или приходилось снабжать участвующихъ въ хоровахъ фаেলাми и платьемъ, а для пропитанія ихъ заботиться о мясѣ, маслѣ и хлѣбѣ.

Нѣсколько разъ надписи упоминаютъ расходы по канцеляріи (χάρται, λοχοφόρα, стр. 81) и вознагражденію должностныхъ лицъ при храмахъ. Архитекторъ ⁴⁾ получалъ ежегодно 720 драхмъ. Векъ ⁵⁾ полагалъ, что во времена Пелопоннесской войны минимумъ суммы, необходимой для содержанія семейства изъ 4 человекъ, было 400 драхмъ; судя по этому, вышеназванной суммы было достаточно для пропитанія семейства на островѣ, не допуская большаго роскоши. Флейщикъ получалъ ежегодно 140 драхмъ, служители при храмѣ—отъ 60 до 120 драхмъ, секретарь 80 драхмъ, а глашатай—60. Въ общемъ расходы по жалованьямъ въ году Демара простираются до 4,103 др., а общая сумма расходовъ—11,553 др., такъ что доходъ превышаетъ расходъ болѣе чѣмъ на 1,000 драхмъ.

¹⁾ ἐνοίκια	1,735
ἐνηρέσια	6,980
τάλη	443
τόχοι καὶ δάνεια	3,250
τὰ λοιπὰ	229
	<hr/>
	12,637

²⁾ εἰς τὰ ἔργα.

³⁾ Отчетъ Гипсокла, строка 44: τάδε ἔργα ἐξεδόκαμεν κατὰ φηφίσματα τοῦ δήμου μετὰ τοῦ ἀρχιτέκτονος καὶ τῶν ἐπιμαλγῶν, οὓς εἶλετο ὁ δῆμος. — Πρώτη δόσις, — δευτέρα δόσις—λοιπῶν.

⁴⁾ *Bulletin*, VI, стр. 83 слл.

⁵⁾ *Staatshaush.* I, 120.

Изъ цѣнъ, существовавшихъ въ 200 г. на Делосѣ, упомянемъ слѣдующія: свинья стоила 4 драхмы, а медимнъ пшеницы 3 драхмы; (эти цѣны тождественны съ цѣнами, существовавшими въ 396 г. въ Афинахъ; Воескh I, 103). Такое же количество пшеницы, 1%о четверика, стоитъ теперь немного болѣе 3 рублей, слѣдовательно, почти втрое дороже. За вырѣзываніе документовъ на мраморѣ платилось очень мало: такъ, за 300 буквъ платили только одну драхму, и слѣдовательно, за очень объемистыя надписи въ 30000 буквъ платилось только 100 драхмъ¹⁾. За то всякія металлическія работы обходились гораздо дороже: за припайку отбитой ручки къ серебряному кратеру заплачено было 2 драхмы²⁾. Что касается до цѣнъ за жилье и аренды, то имѣются свѣдѣнія, что домъ, дававшій при Гипсоклѣ въ 298 г. до Р. X. дохода 51 драхму, при Демарѣ давалъ дохода до 110 драхмъ, и наоборотъ, за участокъ, носившій названіе "Αχρα Δῆλος, платилось 500 драхмъ аренды при Гипсоклѣ; по прошествіи же 118 лѣтъ за тотъ же самый участокъ платилось только 150 драхмъ³⁾. Это объясняется тѣмъ, что чѣмъ большее значеніе получалъ Делосъ въ торговомъ отношеніи, тѣмъ болѣе возрастали цѣны на жилища, между тѣмъ какъ земледѣліе и скотоводство падало.

Касса святилища сохранялась въ ящикѣ, въ которомъ находились запечатанныя кружки, заключавшія въ себѣ наличныя деньги. На каждой кружкѣ было помѣчено, какъ велика сумма, кѣмъ и когда она положена. И только въ присутствіи сенаторской комиссіи гіеропон имѣли право открывать ящикъ съ цѣлью вынуть необходимую для платежей сумму или же вложить поступившія въ кассу деньги.

Въ мѣсяцѣ Посидеонѣ, соответствующемъ аттическому мѣсяцѣ метактеріону или нашему ноябрю-декабрю, касса закрывалась для торжественной передачи гіерополямъ слѣдующаго года⁴⁾.

Обязанность гіеропоевъ состояла не только въ управленіи имуществомъ храма, но и въ надзорѣ за богатымъ инвентаремъ его.

¹⁾ γράφαντι τὴν ἐτήλιον Δεινομένη, τῆς δραχμῆς γράμματα τριακόσια τὰ πάντα γράμματα τριακόρια, μεθὲς δραχμαὶ Η. Отчетъ Гипсенна, строка 118.

²⁾ *ibid.* 101: τοῦ κρατῆρος τοῦ ἀργυροῦ τοῦ ἐνὸς ἐπὶ τοῦ ἐπισκεπτότος κολλησαντι Ἀριστάρχου II.

³⁾ *Bulletin* VI, стр. 60.

⁴⁾ Τότε παραλαμβάνει ἀργύριον ἐν τῷ ναῷ τοῦ Ἀπόλλωνος ἐν τῇ κιβωτῇ τῇ ἱερῇ παροῦσης βουλῆς καὶ τοῦ ἔρχοντος τοῦ τῆς πόλεως Δημάρχου καὶ τοῦ γραμματέως τοῦ τῆς πόλεως. Ποσειδίκου... στάμνον ἐπιγραφὴν ἔχοντα... ἄλλον στάμνον... ἄλλον στάμνον. Démares 2.

Поэтому при своемъ вступленіи въ должность, они не только вѣряли содержаніе кассы, но и составляли инвентарный списокъ цѣнныхъ предметовъ, принадлежавшихъ богу. Эти инвентари, сплона сохранившіеся отъ разныхъ годовъ, даютъ намъ понятіе о томъ, какъ переполненъ былъ храмъ Аполлона предметами, относящимися къ культу бога, и вообще дарами. Количество ихъ было такъ велико, что отъ времени до времени кое-что приходилось выносить изъ храма: воиждствіе чего, при Созисеенѣ въ 260 г. до Р. X. устроенъ былъ „домъ Андросцевъ“, то-есть, кладовая для сбереженія разныхъ принесенныхъ богу въ даръ вещей ¹⁾.

Относительно статуи Аполлона извѣстно по Павзанію ²⁾, что она была сдѣлана Тектаемъ и Ангеліономъ, учениками Дилена (около 160 Олимпіады). На протянутой рукѣ богъ несъ Харитъ. По инвентарю Созисеена мы узнаемъ, что статуя была изъ золотыхъ пластинъ; какъ у Аполлона, такъ и у Харитъ, были на головахъ золотые вѣнки. пожертвованные царицей Стратоникой. На пальцѣ у бога былъ на дѣтъ золотой перстень съ карнеоломъ, въ которомъ было врѣзанъ изображеніе богини побѣды ³⁾. „Это изображеніе бога, обладавшее и другими золотыми вѣнками, а для украшеній въ праздники и шерстяными одѣяніями ⁴⁾, представляло видъ, очень мало соответствующій нашему обыкновенному представленію о вкусѣ Грековъ.“

Храмъ, въ которомъ помѣщалась статуя, имѣлъ видъ музея. Уже въ передней части его стояли треножки и кратеры. Главная часть храма вся была переполнена дарами ⁵⁾. На стѣнахъ, въ равномерномъ разстояніи, висѣло болѣе 40 золотыхъ вѣнковъ. Между колоннами и передъ статуей стояли столы изъ мрамора, бронзы и даже серебра, покрытые дарами. Кромѣ того, къ стѣнамъ придѣланы были этажерки (ρῥοοί) для размѣщенія болѣе мелкихъ предметовъ. Очень мелкіе предметы сохранялись въ ящичкахъ, а золотыя монеты въ вазахъ.

Въ этихъ чрезвычайно длинныхъ инвентарныхъ спискахъ мы

¹⁾ Bulletin VI, стр. 91.

²⁾ II, 32, в. IX, 35, 3.

³⁾ δακτύλιον χρυσοῦν ἔχοντα σάβριον ἐπ' ᾧ ἐκίσηται Νίκη, ὅν ἔχει δ. θεός. Soanthes, 70.

⁴⁾ Hysicles, 62.

⁵⁾ Πρὸς τῇ τοῦτε, Demares 34; κειραμένοι πρὸς τῇ τοῦτε, Hysicles 107.

находимъ: 1) предметы, служившіе для культа: серебряныя чаши въ большомъ количествѣ, гладкія, или же украшенныя рельефами¹⁾; тридцать золотыхъ чашъ, украшенныхъ драгоценными камнями; сосуды для питья разнообразнѣйшихъ формъ, кратеры, между коими одна серебряная вѣситъ 2 пуда 17 фунтовъ²⁾; треножники, подсвѣчники, кадилницы, изъ коихъ одна была куплена на деньги, вырученныя отъ продажи принесеннаго богу въ даръ оленя³⁾; 2) предметы для украшенія; кромѣ вѣнковъ, кольца, камни, печати изъ стекла, браслеты, серьги; между прочимъ показывался браслетъ Эрфилы, извѣстный по Гомеру (Од. XI, 327); 3) изъ произведеній пластики находились въ храмѣ: маленькое изображеніе Аполлона изъ золота и нѣсколько золотыхъ же Эротовъ; бронзовыя змѣи, жезлъ, олень; серебряныя сфинксы и голова грифа; 4) въ храмѣ находились оружіе и другіе предметы: копья, мечи, щиты, якоря, дискъ, серебряный жезлъ глашатая. Сверхъ того, были монеты и золотыя слитки. И сломанныя, поврежденныя и сдѣлавшіяся негодными вещи тщательно сохранялись, какъ видно по спискамъ. Такъ напримѣръ, упоминается о золотой статуѣ Аполлона, у которой неоставало одной ноги⁴⁾.

Намъ остается сообщить то, что мы узнаемъ о судьбѣ острова Делоса по инвентарямъ храма и по другимъ надписямъ:

Въ V в. Афинянинъ Никій, послѣ битвы при Эгоспотамѣ, пожертвовалъ храму вѣнокъ. Спартаецъ Лизандръ выразилъ свою благодарность Богу такимъ же образомъ; спартанское вліяніе продолжалось и въ 397 г., какъ видно по подарку адмирала Фаракса⁵⁾. Послѣ битвы при Книдѣ Афиняне опять получаютъ господство на Делосѣ. Позже значеніе острова пало, что видно по тому, что ни Филиппъ, ни Александръ Великій не посылали на Делосъ никакихъ даровъ. Изъ побѣдителей надъ Афинянами въ Ламійской войнѣ Кратеръ⁶⁾ пожертвовалъ золотой лавровый вѣнокъ. Такъ какъ въ это время могущество Афинянъ было сломлено, то Делосъ, пользуясь

¹⁾ Φιάλας ῥαβδωταί, Demaree 182; φιάλη ἑκτοκον ἑχοῦσα ἄρμα καὶ Νίκη. Hursicles 115.

²⁾ Hursicles 17.

³⁾ Διβανωτίδα... τῆς τιμῆς τῆς ἐλάφου, ἧς ἀνέθηκεν. Demaree 111.

⁴⁾ Καταγότα, κλάσματα, πεποιηκότα, — ἄρχαια. Ἀπόλλων χροσοῦς κνήμην οὐκ ἔχων. Soaiethenes 15.

⁵⁾ Bulletin VI, 153.

⁶⁾ Hursicles 60.

самостоятельностью, сталъ процвѣтать и сдѣлался религіознымъ, а затѣмъ и торговымъ центромъ Книладовъ.

Птолемей, сынъ Лага, еще прежде, чѣмъ сдѣлался царемъ, прислалъ одинъ даръ храму; позже, съ 285 по 248 годъ и онъ, и Береника прислали еще много даровъ. То же самое дѣлалъ городъ Александрія ¹⁾ до 266 г. Такія же доказательства дружескихъ отношеній со стороны Египта продолжались и при Птолемей Филadelphъ; это было то время, когда Калимахъ сочинилъ свой гимнъ Делосу. Въ 266 г. надъ Эгейскимъ моремъ господствовалъ Антигонъ Гонать. Позже Атталъ, Антиохъ, Ахейцы и Филиппъ Македонскій соперничаютъ между собою въ благоволеніи острову. Когда въ 201 г. Филиппъ получилъ первенство вслѣдствіе битвы при Ладѣ, то онъ построилъ на Делосѣ большой портикъ. Статую Антиоха Великаго поставилъ Мениппъ²⁾, ведшій въ 191 г. по порученію царя переговоры съ Римлянами. Съ этихъ поръ все уступаетъ передъ римскимъ могуществомъ. Преторъ А. Атилій Серранъ и Г. Ливій Саллиаторъ³⁾, прибывъ на Делосъ, принесли Аполлону въ даръ вѣнки; подъ Луціемъ и Публиемъ Корнелиями, упомянутыми въ надписи ⁴⁾, слѣдуетъ разумѣть Сципіоновъ, положившихъ конецъ могучеству Антиоха. Въ числѣ вкладчиковъ встрѣчается имя Л. Эмилиа Павла.

Отъ послѣдняго столѣтія до Р. Х. сохранилась надпись отъ имени царя Митридата (Bull. VI, 843): Кроме того, нашлась надпись на латинскомъ языкѣ, въ которой Аеннскій народъ и торгующіе на Делосѣ Италійцы и Греки высказываютъ свою благодарность Л. Лукуллу ⁵⁾. Надпись относится къ тому времени, когда Лукуллъ, въ качествѣ провестора, прежде своего избранія въ эдилы ⁶⁾, дѣйствовалъ въ Азій и въ Архинелагѣ (79 г.). Въ другой надписи Аенн-

¹⁾ Demares 181; Sosisthenes 83—87.

²⁾ Menippus et Hegesianax principes regiae legationis erant. Liv. XXXIV, 57.—XXXV, 32. 50.

³⁾ Liv. XXXV, 10, XXXVI, 2; Demares 86.

⁴⁾ Demares 100, 102.

⁵⁾ Bulletin, 1879. III, стр. 151:

Lucillum proqu
nensis et Italicoi et
Graece i in insula negotiantur.

⁶⁾ Cic. acad. II, 1.

скій народъ еще высказываетъ свое почитаніе Августу ¹⁾, а такъ какъ послѣдній называется при этомъ pontifex maximus, то постановку этого памятника нельзя полагать ранѣе 12 г. до Р. X.

Всворѣ послѣ смерти Александра Великаго Делосъ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ, ибо здѣсь перекрещивались дороги изъ Египта въ Черное море и изъ Малой Азій въ Грецію и Италію. Поэтому нашлись многочисленныя надписи отъ жившихъ тамъ купцовъ и отъ капитановъ кораблей ²⁾, тамъ останавливавшихся. На Делосѣ была корпорація тирскихъ ³⁾ купцовъ, сѣдѣли тамъ и Евреи, равно какъ и Андросцы, Наксосцы и Сирійцы. Тетрарху Ироду ⁴⁾ Аоніяне поставили на островѣ памятникъ, очевидно, за предоставленіе имъ выгодныхъ торговыхъ правъ. Страбонъ (XIV, 668) разсказываетъ, что Делосъ былъ важнѣйшимъ пунктомъ торговли невольниками, и случалось, что въ одинъ день здѣсь продавалось ихъ до тысячи.

Мы уже упомянули въ началѣ статьи о томъ, что вслѣдствіе раскопокъ на склонахъ горы Кинеа ⁵⁾ открытъ былъ храмъ Сераписа, выстроенный при Птоломеяхъ; тутъ же найдены многочисленныя греческія надписи, относящіяся къ Изидѣ, Анубису, Серапису и Гарпократу. Нашлась еще базальтовая статуя, изображающая Нисбасти, играющую на сестрѣ, съ надписью іероглифами. Къ культу египетскихъ боговъ присоединилось потомъ и на Делосѣ почитаніе божествъ восточныхъ: въ 7 г. до Р. X. на Делосѣ былъ основанъ храмъ сирійскимъ божествамъ Ададу и Атаргатидѣ ⁶⁾, и для служенія въ немъ были приглашены жрецы изъ Іерусалима и Лаодикей. Во II столѣтіи послѣ Р. X. островъ все еще продолжалъ быть важнымъ торговымъ пунктомъ, и храмы по прежнему посѣщались толпами набожныхъ, но число жителей острова очень уменьшилось ⁷⁾. О судьбѣ Делоса въ позднѣйшія времена почти ничего не извѣстно. Разва-

¹⁾ *Bulletin*, III, стр. 162. 'Ο δῆμος ὁ Ἀθηναίων Αὐτοκράτορα Καίσαρα θεῶν Σεβαστῶν τὸν ἀρχιερέα μέγιστον.

²⁾ *Bulletin*, III, 371; Ἀθηναίων καὶ Ῥωμαίων καὶ τῶν ἄλλων ἔθνων οἱ κατοικοῦντες καὶ παρεπιδηοῦντες ἐν Δήλῳ ἔμποροι καὶ οἱ ναυκλήροι.

³⁾ ἡ σύνοδος τῶν Τυρίων, *Bulletin* III, 374. C. I. G. 2319 b.

⁴⁾ *Bulletin* III, 365.

⁵⁾ *Bulletin* VI, 1882, pl. XI.

⁶⁾ *Bulletin* VI, стр. 481, 495.

⁷⁾ Pausan. VIII, 33, 2.

лины одной византийской церкви, для постройки которой были употреблены принадлежности древних храмовъ, наводятъ на мысль, что островъ былъ населенъ и въ средніе вѣка. Въ 1826 г. одинъ путешественникъ нашелъ тамъ только двухъ пастуховъ съ ихъ стадами.

Э. Шульце.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Вязьмы“, „Картина ваятія Шлевы“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

4-го СЕНТЯБРЯ вышла и разослана подписчикам IX-я,
СЕНТЯБРЬСКАЯ, книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Вопросы жизни. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. I—VI.—II. Постъ-престъпный Стридомъ Дронинъ въ воспомина-ніяхъ о своей жизни и поэзіи.—III. Алексѣй Петр. Ермоловъ и его кабинетныя жены на Кавказѣ.—IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепишкѣ императора Николая I.—V. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Разсказъ Мохнацкаго.—VI. Императоръ Николай I въ Анатъ 1837 г.—VII. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ на Кавказѣ въ 1850 г.—VIII. Князь М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ 1852—1857 г.—IX. Нижегородскій драгунскій полкъ.—X. Къ исторіи покоренія Аваза.—XI. Воспоминанія о походѣ 1877 г. Очерки В. О.—XII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: его рукописи, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.—XIII. Русскіе и греко-россійскія церкви въ Китаѣ въ XVII—XIX вв.—XIV. Расколъ въ Пермской губерніи, 1857—1866 гг.—XV. Матеріалы и замѣтки: Царина Прасковья.—Д. В. Давыдовъ.—В. А. Жуковский.—Памятникъ А. С. Пушкина въ С-Пб.—Ф. М. Достоевскій.—Юбилей Кіевскаго университета.—XVI. Памятникъ на могилѣ Артемія Вельмскаго, Ерощина и Хруцова.—XVII. Библиографическій листокъ.

Приложенія: Портретъ Николая Ивановича Пирогова, † 23-го ноября 1881 г. Исполненъ въ Мюнхенѣ, съ фотографіи, доставленной А. А. Пироговой.

Вышло второе изданіе первыхъ шести книгъ „Русской Старины“ 1884 года, а потому подписка продолжается, и гг. подписчики получаютъ всѣ двѣнадцать книгъ этого журнала за 1884 г. съ гравюрами и портретомъ А. С. Пушкина, отпечатаннымъ красками.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885 г.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Лица, подписавшіяся на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г. по 1-ое декабря 1884 г., получаютъ за одинъ руб. новое изданіе книги *М. И. Семевского: «ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСЕВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ»* съ пересылкою.

Цѣна этой книги для прочихъ лицъ 2 руб. 50 коп.

Примѣч. Книга «СЛОВО и ДѢЛО» историч. очерки М. И. Семевского разошлась сполна.

Продвуются книги:

1. „Царица Прасковья“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, очеркъ *М. И. Семевского*; цѣна два рубля съ пересылкою; для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ цѣна одинъ рубль.

2. „Записки сельскаго священника“, изданіе исправленное, цѣна одинъ рубль.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТЪ
Императора Александра III,

изданный художникомъ А. И. Авнатовымъ, вышелъ 2-мъ изданіемъ и поступилъ въ продажу; грудной въ натуральн. велич. (овальный) выш. 18, шир. 15 вершк. Цѣна въ листахъ напечатаннаго на скалку 10 руб. съ пересылкой. Наклеенный на холстъ и натанутый на подрамникъ 12 р. За укладку въ ящикъ съ обшивкой 3 руб., итого 15 р.; въ-сомъ отъ 30 до 40 фунт. По пересылкѣ, во сколько таковая обойдется, будетъ высланъ подробный счетъ.

Олеограф. портретъ, поправленный отъ руки масляными красками, отъ 25 до 50 р.

Также принимаю заказы на портреты, писанные на холстъ выше-означенныхъ размѣровъ отъ 50, 75 до 100 р. и во весь ростъ, смотря по величинѣ и работѣ, отъ 200 до 300 р. и дороже. Золотыя рамки для грудн. портретовъ отъ 25 до 50 руб., а во весь ростъ отъ 125 до 200 рублей.

На дняхъ вышли и поступили въ продажу литограф. портреты министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого и министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова. Вышина портр. 15 и шир. 9 вершк. (овальные). Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.—Означенные портреты можно получать и по заказу, наклеенные на картонъ и писанные масл. красками, цѣною 35 р., съ укладкой въ ящикъ и перес. 40 р., а въ золот. рамѣ 50 р. Эти же портреты, писанные на холстъ маслян. красками въ натуральн. величину, грудной 100 р., въ золот. рамѣ 130 р., съ укладкой въ ящикъ и пересылкой 140 руб.

Просить обращаться исключительно только къ самому издателю-художнику, А. Н. Авнатову, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., д. 40—42, кв. 7.

„СОТРУДНИКЪ ШКОЛЬ“.

Москва, Воздвиженка, д. Армантъ.

Поступили въ продажу новымъ изданіемъ книги:

- Рощинъ. Педагогика, методика, дидактика. Од. Уч. Ком., 6-изд., ц. 80 к.
Мей. Курсъ нѣмецкаго языка, ч. III, ц. 60 к.
Дергачевъ. Школьные ступени, ч. II, ц. 40 к.
Опадкѣй. Латинскій синтаксисъ, ц. 1 р. 25 к.
Его же. Сборникъ примѣровъ на правила латинск. синтаксиса, ц. 1 р. 15 к.
Веберъ. По немногу обо всемъ. Од. Уч. Ком., ц. 60 к.
Поповъ. Арифметическія задачи, ц. 40 к.
Созовянъ. Популярный курсъ землѣдѣлія. Од. Уч. Ком., ц. 1 р. 50 к.

УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ: Тетради для самообученія и чистописанія систематич. съ № 1 по № 12, ц. по 8 к., а за полную коллекцію—12-ть тетрадей—85 к.; коллекція предметовъ для нагляднаго обученія въ школь: полная изъ 15 картъ 19 р., сокращенная изъ 11-ти 12 р.

Тамъ же продаюгемъ:

- Староградскій. Задачи на числа первой сотни, изд. 2-е, ц. 15 к.
Его же. Тоже на числа любой величины, ц. 20 к.
Оба выпуска внесены въ каталогъ министерства народнаго просвѣщ.
Корфъ. Наши педагогическіе вопросы, т. I, ц. 2 р. 25 к.

Продажа оптовая и розничная всѣхъ книгъ и учебныхъ пособій.

Къ началу учебнаго года всѣ книги имѣются въ переплетахъ.

Имѣя свою глобусную фабрику и мастерскія учебныхъ пособій, земства и школы, обращающіяся въ „СОТРУДНИКЪ ШКОЛЬ“, имѣють все изъ первыхъ рукъ. Уступка обычная по каталогу, при наличномъ расчетѣ значительная.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній,
выходятъ ежемѣсячными книжками отъ 5 до 8 листовъ каждая.

Въ вышедшихъ номерахъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія
статьи: О вѣкъклассномъ чтеніи произведеній иностранной словес-
ности. *Н. Запольскаю.* — Цѣль и методъ преподаванія географіи. —
Логика математическихъ наукъ. — Анализъ выдающихся драматиче-
скихъ произведеній. *І. Манделштама.* — Духъ дисциплины. Ст. Гре-
ара. — Къ установкѣ критерія для оцѣнки произведеній дѣтской
литературы. *А. Острогорскаю.* — Вольская военная прогимназія. *Д-ра*
Н. Сикорскаю. — Статьи *А. Н. Голденберга, А. А. Леев, М. М. Лит-*
винова и др.

Подписная цѣна: за годъ съ доставкою 5 р.

Подписка принимается: 1) въ редакціи—Вас. О., 5 л., № 36,
кв. 14 и 2) въ конторѣ—кн. маг. Н. Фену, Невскій просп., № 42.

Редакторъ А. Острогорскій.

Иногородные могутъ выписывать черезъ редакцію слѣдующія книги
А. Н. Острогорскаю:

- 1) Матеріалы по методикѣ геометріи. Ц. 1 р. Вѣс. за 1 ф.
- 2) Среди природы. Ц. 1 р. 30 к., (въ папкѣ 1 р. 50 к.) Вѣс.
за 2 фунта.
- 3) Дѣтскій альманахъ. Ц. 1 р. 25 к. Вѣс. за 2 ф.

За началомъ слѣдуютъ условія:

— Посламъ и другимъ ходить въ Новгородъ и въ Нѣмецкую землю и на Готскій берегъ спокойно безъ обиды.

— миръ не нарушается и смѣною князя.

— за убійство посла 20 грив. сер.

— за убійство купца 10 грив. сер.

— за связанье мужа 12 грив. стар. кунъ.

— за удары оружіемъ или коломъ 6 гр. стар.

— если кто ушьхнетъ или раздереть—3 гривны.

— если сорветъ съ головы чужой жены или дочери повой, то 3 гривны стар.

— въ случаѣ безкровной тяжбы, должны быть призваны свидѣтели Русскіе и Нѣмцы, и по жеребью дають присягу и свидѣтельствуютъ.

— въ случаѣ доказательствъ долга 12 свидѣтелей и присяга.

— въ случаѣ тяжбы Новгородцу въ Нѣмецкой землѣ и Нѣмцу въ Русской землѣ, обвиненнаго не задерживать; въ случаѣ неисполненія, явить князю и людямъ и взять свое у гостя.

— если тяжба въ другомъ городѣ, то Новгороду до этого дѣла нѣтъ.

— если самъ хозяинъ не ворочается домой въ своей ладѣ, то даетъ ее кормчему.

— въ тюрьму (погребъ) не сажать гостя; а брать свое.

— за насилье рабы 1 грив.; а за осрамленіе она получаетъ свободу.

— за убійство таля и попа 20 грив. сереб.

Два списка договорной грамоты Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ 1264—1265 г.

Хранятся въ Государственномъ архивѣ. Одинъ списокъ, мнѣ извѣстный по снимку, написанъ на длинномъ кускѣ пергамина длиною въ 10 вершковъ, шириною въ верху въ 5 вершковъ, въ низу въ 4 вершка, и состоитъ изъ 56 строкъ. Письмо довольно широкое, а строки одна отъ другой близко. На послѣднихъ восьми строкахъ почеркъ нѣсколько иной. На пергаминѣ въ низу есть знакъ, что была печать, но печати не сохранилось.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И І К К Л М Н
Ж З

П Р С Т О У Х Ц Ч Ш Ъ Ы Ь Ю Я
Р Ч

Правописаніе Русское, иѣшающее е и ѣ, е и ь, о и ѣ, ч и ц.

Другой списокъ извѣстенъ мнѣ только въ спискѣ.

Время написанія грамоты опредѣляется именами, упомянутыми въ началѣ грамоты:

+ блѣгословенник ѿ влдкы. поклапаник ѿ посадица Михаила. и ѿ тысяцкы Кондрата... къ кнѣзю Ярославу. на семь кнѣже цѣлоу хѣ. къ вѣнѣю Новоугороду. на цѣмь то цѣловали дѣди и ѿци. и ѿць твои Ярославъ. а комоу раздалъ волости братъ твой Александръ. ѿ Дмитрій. съ Новгородци. тебе техъ волостей безъ вины не лишати.

Михаилъ (=Михалко) избранъ посадникомъ въ 1257 г. и оставался до 1268 г., когда убитъ на войнѣ. Въ томъ же году на той же битвѣ подъ Раковоромъ погибъ и Кондратъ тысяцкій. Князь Ярославъ Ярославичъ былъ братъ Александра Ярославича Невского Александръ былъ княземъ Новгородскимъ до отъѣзда въ Орду мѣсто его заступилъ сынъ его Дмитрій, но скоро послѣ смерти Александра (1263) онъ былъ выгнанъ изъ Новгорода (1264), и на мѣсто его приглашенъ Ярославъ. Онъ явился въ Новгородъ какъ князь въ началѣ 1265 г. (января 27). Грамота договорная была написана ранѣе его прихода, даже и утверждена имъ крестнымъ цѣлованіемъ до прихода, какъ стоитъ въ самой грамотѣ: «А на томъ ти княже на всѣмъ хрѣстѣ цѣловати безъ перевода при нашихъ послѣхъ». Написана слѣдовательно или въ 1264, или въ началѣ 1265 г.

Въ ряду договоровъ Новгорода съ князьями своими эта грамота изъ числа сохранившихся есть древнѣйшая; но только изъ числа сохранившихся. Что были такія грамоты и прежде, свидѣтельствуетъ между прочимъ очень ясное упоминаніе о нихъ Новгородской лѣтописи. Въ 1228 г. педовольные своимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, но еще не думая съ нимъ разставаться, Новго

родцы предложили ему условія, на которыхъ онъ можетъ у нихъ остаться, и между прочимъ сказали: «На всеи воли нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, ты нашъ князь, или ты собѣ а мы собѣ (Н. л. 6736). Что это за грамоты Ярослави, и какого Ярослава? Грамоты, безъ сомнѣнія, давали Новгороду права, которыя онъ желалъ удержать. Князь Ярославъ, давшій ихъ, могъ быть и Ярославъ Владимировичъ. (въ Новг: 988—1019). За нимъ, впрочемъ, были въ Новгородѣ князьями: Ярославъ Изяславичъ (1148—1154), Ярославъ Мстиславичъ (1177), Ярославъ Володимировичъ, правнукъ Владимира Мономаха (1182—1184, 1187—1196, 1197—1199). Ко времени послѣдняго относится примиреніе Новгорода съ князьями, по которому «Новгородъ выложиша вси князи въ свободѣ, кдѣ имъ любо тѣ же собѣ князя поимають» (Новг. л. 6704), что, впрочемъ, было правомъ Новгорода всегда, вѣроятно и до прибытія Рюрика. Недовольные княземъ, Новгородцы казали ему путь отъ себя, и искали другого, принимая иногда опять того самого, который былъ прежде изгнанъ. Замѣчательно, что Новгородъ не отказывался и отъ юныхъ и даже малолѣтнихъ князей: Мстиславъ Володимировичъ сдѣлался княземъ Новгородскимъ (1095)—19-ти лѣтъ, Володимиръ Ярославичъ (1036)—16-ти, Давидъ Ростиславичъ (1154) и Константинъ Всеволодовичъ (1205)—14-ти, Всеволодъ Юрьевичъ (1222)—9-ти, Святославъ Всеволодовичъ (1199)—4-хъ лѣтъ. Очевидно, что такіе юные князья какъ же правили и въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ княжествахъ, не сами собою, а при помощи или своихъ дворянъ, или мѣстныхъ властей. Княземъ слабымъ управляли; князю сильному подчинялись цехотя, будучи готовы сказать даже: «кръви не проливаи, пакты си, твои мечъ а наши головы». Если образовывалась довольно сильная сторона противъ князя и его помощниковъ, князю представляли выгоды его и казали путь. Такъ подъ 1136 г. (6644) въ Новг. лѣт. записано, что отпустили Всеволода и взяли сына его Володимера, ставя ему въ вину: 1) не блюдетъ смердъ, 2) хотѣлъ сѣсти Переяслави, 3) ѣхалъ съ полку переди всѣхъ, и къ тому же прежде велѣлъ стоять за Всеволода Черниговскаго, а потомъ велить отступити. Позже подъ 1270 г. (6778) читаемъ въ Новгор. лѣтописи изъ обвинительной грамоты на князя Ярослава: «Чему еси отъялъ Волховъ сокольными ловци, а поле заячьими ловци, чему взялъ еси дворъ Олексинъ Морткинича, чему поималъ еси серебро на Микифоръ Малускиничя, и на др. а иное чему выводилъ отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ... а нынѣ княже—говорили Новгородцы въ заключение—не можемъ терпѣти твоего пасилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ» (выраженіе обычное).

Въ грамотѣ договорной съ Ярославомъ Ярославичемъ означены слѣдующія условія:

— Новгородъ держать въ старинѣ, по пошинѣ.

— Волостями Новгородскими управлять посредствомъ не своихъ, а Новгородскихъ мужей,—и получать только отъ волостей даръ.

— Волостей безъ посадника не раздавать въ управленіе, а розданныхъ безъ вины не лишать.

— Въ Торжкѣ и на Волокѣ виѣстѣ съ княжескимъ тиуномъ долженъ быть и Новгородскій.

— Въ Бѣжицахъ ни князю, ни княгинѣ, ни боярамъ, ни дворянамъ князя селъ не имѣть, не покупать, ни въ даръ не принимать. Такъ и во всей волости Новгородской. Высчитаны волости.

— На охоту звѣриную въ Русу ѣздить только лѣтомъ, а осенью на Озводъ. Въ Ладогу посылать отъ себя осетрика и медовара.

— У Бѣжичанъ и Обонѣжанъ судъ свои на три года, какъ далъ имъ кн. Дмитрій.

— Изъ Бѣжиць и ни изъ какой волости людей въ свою землю не выселять, ни грамотъ имъ не давать, ни заложниковъ не брать ни смерда, ни купца.

— Безъ вины мужа не лишать управленія волостью. Грамотъ прежнихъ не отиѣнять.

— Прежними княжескими пожнями пользоваться, а занятые кн. Александромъ насильно, оставить.

— Насилій, какъ дѣлалъ Александръ, не дѣлать.

— Дворянамъ и тиунамъ княжескимъ брать погоня какъ пошло.

— Мыто въ твоей землѣ и во всей Суздальской брать (съ торговцевъ Новгородскихъ) по двѣ вѣкши отъ лады, отъ воза, отъ короба съ хмелемъ и съ сѣномъ.

— Дворянамъ твоимъ по селамъ у купцовъ повозовъ не брать, кромѣ развѣ по случаю войны ¹⁾.

Договорная грамота Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ
1270 или 1269 г.

Хранится въ Государственномъ архивѣ. Написана на длинномъ лоскутѣ пергамина, шириною болѣе 5 вершковъ, длиною болѣе 13 вершковъ, занимаетъ 70 строкъ.

¹⁾ Въ другомъ спискѣ порядокъ статей не совсѣмъ тотъ, и выраженія въ нихъ нѣтъ нѣсколько иныя, и статьи не совсѣмъ тѣ; отличія впрочемъ не значительныя.

щанію митрополита, Новгородцы писали договорную грамоту Ярославу—неизвѣстно.

Въ грамотѣ этой повторены условія прежнихъ грамотъ и кромя того прибавлено:

— Дворянамъ князя погонѣ получать отъ князя по 5 кунъ и отъ тивуна по 2 куны.

— Свободѣ и мѣтѣ на Новгородской волости не ставить.

— Холопу и рабѣ, если станутъ обвинять господъ, не вѣрять.

— На нѣзу Новгородца не судить ни даней не раздавать.

— Въ Нѣмецкомъ дворѣ торговать при посредствѣ Новгородцевъ; двора не затворять, приставовъ не ставить.

— Гостю Новгородскому гостить по Суздальской землѣ безъ рubeжа по царевѣ грамотѣ.

— Судей слать на Петровъ день, по пошлннѣ.

— Выводовъ между Суздальскою землею и Новгородомъ не дѣлать.

— Всѣхъ простить.

— Закладниковъ отнустить: кто куецеъ того во сто, а кто смердъ, тотъ потягнетъ въ свой погостъ.

Духовное завѣщаніе Новгородца Климента до 1270 г.

Снимокъ напечатанъ Сахаровымъ, но не изданъ. Гдѣ хранится подлинникъ—не знаю. Писанъ повидному въ столбецъ, длиною въ 56 строкъ, шириною въ три вершка безъ малаго. Съ боку у первыхъ девяти строкъ вдоль по столбцу написано слово «рукописанье». Письмо красивое, старательное.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н
А
П р е т ѳ ф х ц у ш щ з ѝ ѡ ѣ ѧ
Л Ч У

Время написанія этой душевной грамоты опредѣляется упоминаніемъ въ ней Юрьевского архимандрита игумена Варлаама. Вотъ начало:

«Въ ния шѣа и сна и сѣо дѣа. Се азъ рабъ бжїи Климѣтъ даю (сюда слѣдуетъ написанное съ боку слово рукописанье) стѣму Гергью. и игоумену Варламу и всей братьѣ.

Игуменъ Юрьевскій Варлаамъ, какъ отмѣчено въ Новгородской лѣтописи, «прѣставися въ 6778»=1270 г.

Этотъ памятникъ XIII стол., будучи и самъ по себѣ важенъ какъ древность, еще болѣе важенъ, какъ древнѣйшій образецъ духовнаго завѣщанія.

Вѣвряя исполненіе своей послѣдней воли игумену Варлааму, Климентъ отдаетъ—монастырю Юрьевскому за 20 гр. серебра, которыя были у него на рукахъ, два села съ обильемъ и съ лошадьми и съ бортью и съ малыми солищи и пень и колода и дернь. а заводникъ сусѣдъ шпань.

Затѣмъ:

Два села, Мокшинское и Салунтовское—наслѣднику Данила и сыну Вонна Андрею за то, что Данила и Воннъ заплатили за него и скупъ Литовскій.

— Дворъ городской женѣ.

— Изъ скота половину женѣ, а половину монастырю, только жеребецъ Данилову сыну Володиславу.

— Изъ вещей щить, доставшійся отъ Вонна, брату его Василию.

— Деньги и все прочее монастырю съ условіемъ отдѣлить женѣ четвертую долю если пострижется, а если не пострижется, то можно дать и меньше.

— Кромѣ того означено, у кого слѣдуетъ взять деньги, сколько у какого должника.

Окончаніе:

«А ты Варламе исправи. того же дѣла написахъ... да не было оу мене брата ни сѣбу. аже кто вѣстоупитъ на сю грамоту да не со мною съ однимъ станеть прѣ Вїѣ. съ всемъ моимъ племенемъ».

Что за племя было у Климента? Дочь и ея дѣти, или вообще родные?

Свидѣтелей не означено.

Книга Евангельскихъ Чтеній 1270 г.

Хранится въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Заключаетъ въ себѣ 167 лл. въ 2 столбца въ 6. четвертку. На 1-й страницѣ послѣ листка съ изображеніемъ Іоанна Богослова подъ заставкой написано киноварью:

Особенностей въ содержаніи этой книги нѣтъ. Во 2-мъ отдѣлѣ книги, гдѣ сообщаются чтенія по днямъ мѣсяцевъ съ календарными замѣтками, отмѣчено только два Русскихъ праздника: подъ 24 іюля св. Бориса и Глѣба, а подъ 26 ноября стб мѣтка Георгія (разумѣя освященіе храма Георгія въ Кіевѣ въ 1037 г.).

Паремейникъ 1271 г.

Хранится въ Имп. Пуб. библиотекѣ. Писанъ въ 2 столбца ¹⁾
Сохранилось 255 л.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И І Я К Л М
Ж З
Н О П Р С Т О Ф Д Ч У Ш Ц Ъ
О
Ѡ
Ъ І Ъ Ы Ю А Ѡ Ѡ Ψ Ξ

На оборотѣ 78 л. въ концѣ 10-й тетради находится запись:

ЗАХАРЬА.

Въ лѣ. 2.Ψ.ѠѠ. написахъ
книгы сна азъ погъ стго Дми
трѣа съ стѣимъ своимъ Матиго
рьцамъ за Волокъ а чтите а
справливающе не кльнуще Бѣ
дѣла. чи кдѣ дѣтина помалъ.
Ѡцъ Ѡалъ до сюду:—

На л. 91 въ концѣ страницы другая запись:

(с) ю парьмью пи
салъ азъ Олоуфе

¹⁾ Писанъ какъ будто не перомъ, а тростью тупою.

Кормчая книга до 1281 года.

Хранится въ Московской Синодальной библиотекѣ. Писана въ л. въ 2 столбца на 631 лл. (л. 1—246 составляютъ 31 тетрадь: на об. 246 л. помѣтка $\bar{л}а$; на лл. 247—462 новый счетъ тетрадей: всего 27, на об. 462 л. помѣтка $\bar{к}з$; на лл. 463—631 опять новый счетъ: 21 тетрадь).

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И І К Л М Н Ѳ Ѳ
А Ж З К Л М
Л
О П Р С Т ОУ Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ю Я Ѳ Ѳ
О Р ОУ Ч У
Ѡ

Запись о времени написанія помѣщена на 1-мъ листѣ.

Въ лѣто. $\bar{л}з$. $\bar{У}$ І
 написанъ быша
 гнигы сѣмъ повѣ
 гвнникъ блговѣ
 рнаго княза Новъ
 городскаго Дмитри
 та, а стажаникъ
 бголюбива (го) архи
 еппа Новгородска
 го Климента, и
 положенъ быша въ
 цркви стѣны Софи

та, на почитаниѣ ¹⁾ спѣникомъ и на послушаниѣ хртѣномъ, и
 любѣ на спсеніи дши, а чи кто възметъ та изъ цркви, а рекъ такъ
 се мнѣ достойтъ взати мок, попинъ ли еппъ или князь, или игоу
 менъ, или дияконъ, или причетникъ | или инъ которыи мирскыи...
 не боуди кмоу наше блгословеніи... на пагоубоу дши, и да боу-

¹⁾ Начиная отсюда запись списана не по строкамъ подлинника.

деть проклатъ стѣми семью сборовъ вселенскихъ... (послѣднія строки отъ знака | списаны по Калайдовичу; самъ я разобрать не могъ).

За двумя первыми цифрными буквами ꙗ̄з̄ (6000) и ѱ (700) видна только палочка, остатокъ или буквы ч (90), какъ полагали, или же буквы п (80), за которою, какъ и за ч, могла быть еще буква.

Въ записи упоминается Новгородскій князь Дмитрій и Новгородскій архіепископъ Климентъ. Климентъ, какъ мы уже видѣли, послѣ поставленія въ санъ архіепископа воротился въ Новгородъ, 2-го авг. 1276 года, и онъ оставался на этомъ мѣстѣ до кончины въ 1299 (6807 г.).

На основаніи современности подъ кн. Дмитріемъ нельзя разумѣть никого другого, кромѣ Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго. Онъ былъ княземъ Новгородскимъ уже въ 1262—1263 г., въ то время, когда Александръ ѣздилъ въ Орду, но скоро по смерти отца былъ изгнанъ изъ Новгорода. Въ 1268 г. Дмитрій былъ опять Новгородскимъ княземъ и вновь уступилъ мѣсто Ярославу; въ 1272 г., по смерти Ярослава, Дмитрій опять призванъ былъ въ Новгородъ, и въ 1273 г. уступилъ мѣсто брату Василю. Въ 1277, по смерти Василя, призвали его вновь и онъ оставался до 1281. Въ 1284 снова занялъ мѣсто. Въ 1293 снова оставилъ Новгородъ и на слѣдующій годъ умеръ. Поэтому книга написана не ранѣе 1276 и не позже 1293=6784—6801; а такъ какъ двѣ первыя цифры въ записи очевидно ꙗ̄ и ѱ (6700), то не позже 6799=1291; а если принять, что третья цифра была п (80), за которою слѣдовала еще какая нибудь, то не позже 6789=1281. Въ перечнѣ лѣтъ, находящемся въ этой же Кормчей л. 575, нѣтъ ничего противорѣчащаго этому: послѣднія данныя, въ немъ отмѣченныя, касаются 1277 года.

На оборотѣ 1-го листа рассматриваемой книги помѣщено заглавіе:

кни
гы глѣмъга
кърмичина рекъ
ше правило зако
ноу. Грецькымъ
языкомъ. номо
ка о Хѣ Слѣтели по
чинамъ. Ги блго
слови оче. стъ ксмъ
всде и вса съвърша
ю. любашимъ ма

при скоро и твърдо
даю оутѣшениѣ.
дѣломъ моимъ стѣмъ .:—

За этимъ оглавленіе, начинающееся словами:

«Изложеніи соуца
го въ книгахъ си
хъ. съчтаниа сше
ныхъ правилъ
стѣ аплѣ и седми
вселенскихъ стѣ
сборъ. не токмо
же тѣхъ. нѣ и помѣ
стныхъ. иже ѿ нѣ
кыхъ стѣ ѿць особъ
но бывшихъ прави
лъ. и посланыхъ стѣ ѿць».

Кормчими книгами (послѣ Кормчею книгой или просто Кормчею) называется доселѣ собраніе правилъ (канонѣвъ) апостольскихъ, соборныхъ и предложенныхъ отцами церкви для общаго и частнаго управленія церкви и народа въ отношеніи къ церкви: иначе называется этотъ сборникъ Номоканонѣмъ.

Древнѣйшее указаніе на существованіе Славянскаго перевода Номоканона находится въ Паннонскомъ житіи пр. Меѣодія (869—885): указывая на переводы книгъ св. Писанія, жизнеописатель отмѣтилъ: «Тогда же и Номоканонѣ, рекше законуу правило преложи». Позже, въ Уставѣ церкви Владиміра (до 1011 г.), находится такое указаніе: «Потомъ (послѣ основанія десятины) разверзше Греческыи Номоканонѣ и ѿбрѣтохомъ въ немъ, аже не подобаетъ сихъ соудовъ и тажъ князю соудити». Подъ именемъ Греческаго еще не непремѣнно нужно понимать Номоканонѣ на Греческомъ языкѣ, а только принятый Греческою церковью ни въ какомъ случаѣ тутъ бы нельзя было сказать о Славянскомъ Номоканонѣ. Въ XVI вѣкѣ ссылались на списки Номоканона, сдѣланные во время Ярослава и Изяслава, слѣдовательно въ XI вѣкѣ. Выписки изъ Номоканона дѣлаемы были писателями нашими въ XII в. Отъ XII в., если еще не отъ болѣе ранняго времени, сохранился списокъ Номоканона (въ Синод. б.—кѣ № 227; обзорѣніе содержанія этой рукописи помѣщено Ундольскимъ въ его Описаніи Слав. рукописей Моск. Типогр. б.—ки № 108, Чтенія въ Общ. Др. 1867 кн. 2-я; подробный разборъ смотри въ соч. А. С. Павлова: Первоначальный Славяно-Рус.

Номоканонъ. 1869: стр. 27 и слѣд.). Къ сожалѣнію, этотъ списокъ не полонъ, и, можетъ быть, потому остался безъ записи, опредѣляющей время написанія. Въ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ спискахъ есть указанія на то, что по желанію Русскаго митрополита Кирилла былъ присланъ ему Номоканонъ отъ Болгарскаго деспота Іакова Святослава въ спискѣ 1262 г.; тутъ онъ названъ Зонарою, то-есть, съ толкованіями Зонары. Въ 1274 г. на Владимирскомъ соборѣ сдѣлано было указаніе на Номоканонъ, или лучше сказать на толкованія церковныхъ правилъ: «Помрачены бѣхъ (эти правила) прежь сего облакомъ мѣдрости Еллинскаго языка... нынѣ же облисташа. рекше. истолкованы быша (Зонарой) и благодатно божію мисо слыють».

Древнѣйшій изъ списковъ Номоканона съ опредѣленнымъ годомъ написанія, и именно толковый, есть тотъ, который теперь разбираемъ.

Значительная часть содержанія этой Кормчей повторяется и въ новой Кормчей, частію почти дословно, частію сокращеніемъ, иногда нѣсколько полнѣе. Въ числѣ статей, не вошедшихъ въ новую Кормчую, есть важныя памятники древности Русской.

За общимъ оглавленіемъ, котораго послѣднія статьи суть Русскія, но не послѣднія въ книгѣ, а только до 546 л. слѣдуютъ:

- л. 4. О всѣхъ стѣхъ сборѣхъ и о врѣмен.
 - л. 8. Титлы правиломъ, съчтаннымъ (по Фотію).
 - л. 32. Правила апостольскія.
 - л. 54. Правила ап. Павла.
 - л. 56. Правила Никейскаго собора 1-го всел. (325 г.).
 - л. 67. Правила Анкирскаго собора.
 - л. 78. Правила Ново-кесарійскаго собора.
 - л. 82. Правила Гангрскаго собора.
 - л. 87. Правила Антиохійскаго собора.
 - л. 97. Правила Лаодикійскаго собора.
 - л. 111. Правила Константинопольскаго собора 2-го всел. (381 г.).
 - л. 115. Правила Ефесскаго собора 3-го всел. (431 г.).
 - л. 119. Правила Халкидонскаго собора 4-го всел. (451 г.).
 - л. 134. Правила Сардикійскаго собора (5-го всел. Конст.).
 - л. 142. Правила Кареагенскаго собора.
 - л. 183. Правила Константинопольскаго собора Трульскаго 6-го всел. (680 г.).
 - л. 231. Правила Никейскаго втораго 7-го всел. (787 г.).
- Второй счетъ тетрадей:
- л. 247. Правила Константинопольскаго 1—2-го собора:

- л. 250. Правила Константи. Соф. собора.
- л. 251 и 287. Правила Василия вел.
- л. 288 и 316. Извлечение изъ повеленій Юстиніана.
- л. 329. Законы Моисея.
- л. 336. Законы суда Константина царя.

За этимъ слѣдуетъ одна статья, которой въ нов. Кормчей нѣтъ:

- л. 342. Козмы Халкид. о женѣ госпожѣ.

Далѣе опять есть.

- 344. О церковномъ соединеніи при Константиѣ и Романѣ.
- л. 353. Посланіе патр. Тарасія.

Нѣтъ въ новой Кормчей:

- л. 353 и 345. Извлечение изъ посланій патр. Геннадія.

Опять то, что есть и въ новой Кормчей:

- л. 355 изъ посланій Аванасія Александрійскаго.
- л. 356. Правила Тимофея Александрійскаго.
- л. 357. Правила Теофила Александрійскаго.
- л. 359. Правила Кирилла Александрійскаго.
- л. 362. Правила Діонисія Александрійскаго.
- л. 362. Молитва надъ кающимся.
- л. 363. Василия вел. о причащеніи и объ епитиміяхъ.
- л. 363. Правила Петра Александрійскаго.
- л. 364. Правила Никиты Студ. объ опрѣснокяхъ.

(Было печатано въ Кормчей и теперь опущено).

Далѣе, л. 369. Три статьи, которыхъ нѣтъ въ печатной Кормчей о бородахъ и волосахъ на головѣ.

- л. 362. О Фрязѣхъ и о проч. Латинѣхъ.
- л. 373. О Яковитахъ.

Далѣе цѣлый рядъ статей не помѣщаемыхъ въ Кормчей печатной.

- л. 374 и 377. Написанія Аванасія мниха къ Панкови о дрѣвѣ добру и злу и о наузѣхъ и о стрѣлѣ громней.
- л. 377. Епифанія Кипр. о еретикахъ.
- л. 391. Θεодота о ереси Месалимской.
- л. 394. Іоанна Трифонта.
- л. 403. О позднѣйшихъ ересяхъ.
- л. 404. О Агарянахъ.
- л. 405. О хрестьяноглагольникахъ и отвергшихъ.
- л. 406. Тимофея пресвитера о различныхъ.
- л. 415. О приходящихъ отъ ереси.
- л. 420. О Мелхиседекіанехъ и др. ер.

— л. 423. Изъ постановленій Юстиніана относительно духовенства.

— л. 428. Изъ Василя великаго.

— л. 434. Изъ Аванасія Александрійскаго.

Слѣдуютъ статьи, находящіяся и въ печатной Кормчей.

— л. 435. Изъ Посланій Аванасія Александрійскаго.

— л. 436. Изъ Григорія Ново-Кесарійскаго.

— л. 437. Изъ Григорія Нисскаго.

— л. 439. Изъ посланій Нила черноризца.

— л. 443. Правила Петра Александрійскаго.

— л. 445. Правила Василя великаго о монахахъ.

За этимъ слѣдуютъ, л. 451 и 455: Толкованія отъ Номоканона молитвъ и символа вѣры, не находящіяся въ печатной Кормчей.

— л. 457. Объ епитимьяхъ.

Далѣе не находящееся въ печатной Кормчей:—457. О поясаніи апостоловъ; л. 458. Вопросы Іоанна мниха; л. 462. О крестѣ иже на земли и на леду пишутъ.

Третій счетъ тетрадей:

— л. 463, 472, 482, 483. О незаконныхъ бракахъ и объ обрученіи—съ прибавленіями непечатаемыми.

— л. 492 и 495. Два пролога «свѣшаго правила» (патр. Фотія, 6391 г.).

— л. 497. Отвѣты Никиты Ираклійскаго.

Слѣдуетъ рядъ статей, непечатаемыхъ въ Кормчихъ.

— л. 500. Бесѣды Діадоха.

— л. 507. Правила Ильи архіепископа Новгородскаго до 1186 г.¹⁾

— л. 508. Правила епископамъ.

— л. 508 об. Правила черноризцамъ.

— л. 510. Правила Іоанна митр. Русскаго до 1089 г.²⁾

— л. 518. Въпрашаніе Кюрияка до 1156 г.³⁾

— л. 539. Правилу Кирилла митр. Рус. до 1274 г.⁴⁾

— л. 546. Сказаніе «о чувствахъ тѣлесныхъ».

— л. 547. Правила о черноризцахъ.

— л. 555. Василя великаго объ епитимьяхъ.

— л. 556. Θεодора Студита о останцѣхъ.

— л. 563. Іоанна Дамаскина о Македонскихъ мѣсяцахъ.

¹⁾ Пам. XII в. 223: ср. еще Ильино въпрощаніе въ Вопр. Кир.

²⁾ Рус. дост. I. 88. Макар. Ист. Рус. Ц. II: 345.

³⁾ Пам. XII в. 173.

⁴⁾ Рус. дост. I. 106. Доп. О. Р. Муз. 221.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современнук лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХV.

1884.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	23
И. А. Тихомировъ. О Лаврентьевской летописи	239
Я. Г. Гуревичъ. Прохождение войны за Испанское наследство и коммерческіе интересы Англій. IX—XI	271
И. А. Смирновъ. Землевлáдіе въ Хорватіи и Далмаціи въ X—XI вѣковъ	306

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ө. И. Успенскій. Сношенія Рима съ Москвою (разборъ трудовъ по русской исторіи о П. Пирлинга) (<i>Окончаніе</i>)	316
В. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа. Вып. III. 1883	340
И. И. Минаевъ. Русскіе помыслы объ Индіи въ старину	349
А. М. Позднѣевъ. Lao-tse's Tao-te-King, bearb. v. <i>Friede</i> . 1884	360
К. И. Вестужковъ-Рюминъ. Chronique dite de Néstor, traduite par <i>L. Leger</i> . 1884	367
И. А. Водуенъ-де-Куртешъ. Новый журналъ по общему языковѣ- дѣнію	380
— Наша учебная литература (разборъ семи книгъ)	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтній юбилей Императорскаго университета Святаго Владимира	23
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	32
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	43

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. П. П—скій. Эпидикъ. Комедія М. А. Плавта	55
---	----

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (<i>продолженіе</i>)	209
---	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXV.

1884.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Книгопр. магаз., д. № 78
2588.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

) приведеніи въ дѣйствіе общаго устава и временныхъ штатовъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

Указъ правительствующему сенату.

Въ непрестанномъ попеченіи объ успѣшномъ ходѣ просвѣщенія Имперіи, блаженной памяти Родитель Нашъ, завершивъ переустройство среднихъ учебныхъ заведеній, обратилъ вниманіе Свое на положеніе высшаго образованія въ Нашемъ отечествѣ. По изслѣдованіи ей стороны учебнаго дѣла, признавъ необходимымъ изыскать належащие способы къ обезпеченію правильнаго развитія университетскаго образованія, соответственно высшимъ потребностямъ государства и народа и въ духѣ истиннаго просвѣщенія, въ Божѣ поившій Императоръ Александръ II повелѣлъ бывшему министру народного просвѣщенія, дѣйствительному тайному совѣтнику графу Толстому, приступить, при содѣйствіи особо учрежденной комиссіи, къ пересмотру общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, изданнаго въ 1863 году.

Составленные, во исполненіе означеннаго повелѣнія, и государственнымъ совѣтомъ разсмотрѣнные проекты новыхъ устава и временнаго штата университетовъ, а также росписанія должностей и докладовъ содержанія по инспекціи въ оныхъ, Мы признали соответствующими намѣреніямъ Нашимъ. Утвердивъ, вслѣдствіе сего, упо-

мянутыя законоположенія и препровождая ихъ въ правительствующій сенатъ, повелѣваемъ:

1) Новый уставъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, временный штатъ сихъ учебныхъ заведеній, равно какъ росписавіе должностей и окладовъ содержанія по инспекціи въ нихъ, ввести въ университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, св. Владиміра (въ гор. Кіевѣ) и Новороссійскомъ (въ гор. Одессѣ).

2) Постановленія сего устава приводятъ въ дѣйствіе съ начала 1884—1885 учебнаго года.

Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Александръ.

Въ Петергофѣ, 23-го августа 1884 года.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Объ общемъ уставѣ и штатѣ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по проектамъ общаго устава и штата Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ общаго устава и штата Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, мнѣніемъ положилъ:

1. Проекты: а) общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ; б) временнаго штата означенныхъ учебныхъ заведеній в) росписанія должностей и окладовъ содержанія по инспекціи въ

университетахъ, и г) Высочайшаго указа правительствующему сенату о приведеніи сихъ законоположеній въ дѣйствіе, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и подписанію.

II. Расходъ, потребный на содержаніе университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, св. Владиміра (въ г. Кіевѣ) и Новороссійскаго (въ г. Одессѣ), всего въ количествѣ двухъ милліоновъ двухсотъ шестидесяти восьми тысячъ семисотъ девяноста рублей, вносить, начиная съ 1-го января 1885 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, обративъ въ счетъ этой суммы кредитъ ассигнуемый на означенный предметъ въ настоящее время.

III. На покрытіе упомянутого въ статьѣ II расхода въ текущемъ 1884 году, по расчету со дня введенія въ дѣйствіе издаваемого закононенія,—обратить кредитъ, ассигнованный по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе означенныхъ университетовъ, а равно сумму, внесенную въ сію смѣту на тотъ же предметъ въ условному отпуску, въ виду предстоящаго преобразованія названныхъ учебныхъ заведеній.

IV. Предоставить министру народнаго просвѣщенія вносить ежегодно въ расходную смѣту вѣреннаго ему вѣдомства, въ размѣрѣ дѣйствительно ожидаемой въ каждомъ году надобности, слѣдующія суммы: а) на усиленіе преподаванія и на установленіе контроля за занятіями студентовъ; б) на вознагражденіе членовъ экзаменаціонныхъ комиссій, и в) на вознагражденіе профессоровъ, которые, прослуживъ по учебной части въ университетахъ не менѣе тридцати лѣтъ, продолжаютъ чтеніе лекцій и занятія со студентами.

V. Впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, приобретаемыхъ окончаніемъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ, предоставить лицамъ, удостоеннымъ ученыхъ степеней, а равно выдержавшимъ окончательное университетское испытаніе, право на утвержденіе при поступленіи въ гражданскую службу въ слѣдующихъ чинахъ: доктору—въ чинѣ VIII класса, магистру—въ чинѣ IX класса, получившему дипломъ первой степени—въ чинѣ X класса, получившему дипломъ второй степени—въ чинѣ XII класса.

VI. Впредь до разрѣшенія общаго вопроса о бесплатной пересылкѣ по почтѣ корреспонденціи правительственныхъ установленій, сохранить за Императорскими Россійскими университетами право отправлять слѣдующіе по дѣламъ ихъ пакеты, посланки и тѣмъ, вѣ-

сомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи, безъ вѣтежа вѣсовыхъ денегъ.

VII. Существующую въ университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, св. Владимира (въ гор. Кіевѣ) и Новороссійскомъ (въ гор. Одессѣ) должность штатнаго доцента упразднить, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія, относительно занимающихъ означенную должность лицъ, принять слѣдующія мѣры: а) тѣхъ изъ нихъ, которыя приобрѣли извѣстность своими учеными трудами и даромъ преподаванія, возвести въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ, не требуя отъ нихъ для сего докторской степени, но обязавъ ихъ приобретениемъ оной для дальнѣйшаго повиновенія въ ordinарные профессоры; б) возлагать на доцентовъ, если преподаваніе ихъ признано будетъ полезнымъ, временное исполненіе обязанностей вакантныхъ профессорскихъ должностей, на указанномъ въ статьѣ 64 новаго устава университетовъ основаніи, возобновляя въ случаѣ надобности и прикосимой пользы, таковое порученіе ежегодно, съ сохраненіемъ притомъ за ними лицами, въ продолженіи всего этого времени, содержанія и служебныхъ преимуществъ, предоставленныхъ доцентамъ по уставу и штату университетовъ 1863 г., и съ распространеніемъ на нихъ дѣйствія статей 23 (п. а), 69, 99 и 111 новаго устава; в) всѣхъ остальныхъ доцентовъ оставить за штатомъ, предоставивъ имъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцентовъ и при этомъ условіи пользоваться, въ теченіе двухъ учебныхъ годовъ, слѣдующихъ за утвержденіемъ настоящаго узаконенія, содержаніемъ и служебными преимуществами, присвоенными должности доцента по уставу и штатамъ 1863 г. и съ распространеніемъ на нихъ дѣйствія приведенныхъ въ предшедшемъ пунктѣ статей новаго устава.

VIII. Правила новаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, касающіяся окончательныхъ испытаній, примѣнять лишь къ лицамъ, поступившимъ въ университеты послѣ изданія настоящаго законоположенія; студентовъ же и слушателей, находящихся нынѣ въ университетахъ, подвергать испытаніямъ на основаніи постановленій устава 1863 года.

IX. Положенную въ Новороссійскомъ университетѣ (въ г. Одессѣ) кафедрѣ исторіи славянскихъ законодательствъ оставить на существующемъ основаніи, впредь до того времени, когда она сдѣлается вакантною.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Бытъ по селу.

Въ Петергофѣ. 23-го августа 1884 года.

ОБЩІЙ УСТАВЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ РОССІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общія положенія.

1) Университеты состоятъ подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества и именуются Императорскими.

2) Каждый университетъ состоитъ изъ факультетовъ, представляющихъ собою составныя части одного цѣлаго.

3) Въ каждомъ университетѣ, находящемся въ полномъ составѣ, полагается четыре факультета: а) историко-филологическій, б) физико-математическій, в) юридическій и г) медицинскій.

Примѣчаніе. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ существуетъ особый факультетъ восточныхъ языковъ.

4) Каждый университетъ, состоя подѣ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется начальству попечителя мѣстнаго учебнаго округа.

5) Непосредственное управленіе университетомъ принадлежитъ ректору, при участіи въ подлежащихъ случаяхъ: а) совѣта, б) правленія, в) собраній и декановъ факультетовъ и е) инспектора студентовъ съ его помощниками.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Управленіе университетомъ.

Глава I.

О попечителѣ учебнаго округа.

6) Попечитель учебнаго округа заботится о благосостояніи университета; наблюдаетъ за ходомъ университетскаго преподаванія и за точнымъ исполненіемъ всѣми принадлежащими къ университету установленіями и должностными лицами правилъ, предписанныхъ закономъ или распоряженіями правительства; пресѣкаетъ всякое укло-

неніе отъ сихъ правилъ; возбуждаѣтъ дѣла объ отвѣтственности виновныхъ и ходатайствуетъ о награжденіи достойныхъ.

7) По дѣламъ, относящимся къ завѣдыванію университетомъ, попечитель дѣйствуетъ чрезъ ректора, совѣтъ, правленіе или собранія факультетовъ университета. Дѣла, превышающія власть университетскихъ установленій, попечитель или разрѣшаетъ самъ, если они не выходятъ за предѣлы предоставленной ему власти, или, въ противномъ случаѣ, представляетъ на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ. Попечитель имѣетъ право, по усмотрѣнной имъ надобности, созывать совѣтъ, правленіе и собранія факультетовъ, а также присутствовать въ засѣданіяхъ сихъ установленій.

8) На попечителя лежитъ обязанность высшаго руководства во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ. Попечитель имѣетъ право, въ разъясненіе и для обезпеченія точнаго исполненія правилъ, изданныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами и требовать допесеній о собственныхъ его распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, попечитель принимаетъ всѣ необходимыя для охраненія порядка мѣры, хотя бы онѣ и превышали его власть, немедленно доводя о сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

9) Всѣ сношенія министерства народнаго просвѣщенія съ университетомъ и представленія послѣдняго въ министерство происходятъ чрезъ попечителя.

Глава II.

О ректорѣ.

10) Ректоръ избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ ординарныхъ профессоровъ университета и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года. По истеченіи четырехлѣтняго срока службы ректоръ можетъ быть оставленъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ той же должности на слѣдующее четырехлѣтіе.

11) Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ въ указанныхъ настоящимъ уставомъ предѣлахъ.

12) Всѣ служащія въ университетѣ и состоящія при немъ лица

обязаны исполнять законныя требованія ректора. Независимо отъ сего секретари совѣта и правленія, лица, служащія по найму въ канцеляріяхъ сихъ установленій, бібліотекаръ, помощники его, секретарь бібліотеки, казначей, бухгалтеръ, архитекторъ, экзекуторъ, архивариусъ и врачъ состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи ректора.

13) Ректоръ наблюдаетъ: а) за правильнымъ ходомъ учебной части въ университетѣ и за полнотою преподаванія въ немъ; б) за надлежащимъ исполненіемъ всѣми служащими въ университетѣ и состоящими при немъ лицами ихъ обязанностей; в) за соблюденіемъ студентами и всѣми посѣтителями университета установленныхъ правилъ и за понужденіемъ ихъ къ тому со стороны должностныхъ лицъ, которымъ непосредственно порученъ надзоръ за этимъ; г) за содержаніемъ въ порядкѣ учебно-вспомогательныхъ установленій университета; д) за правильнымъ расходованіемъ денежныхъ его средствъ, и е) за сохраненіемъ въ цѣлости принадлежащаго университету имущества. Ректору принадлежатъ распоряженія о принятіи въ число студентовъ университета.

14) Должностнымъ лицамъ, служащимъ по учебной и дисциплинарной части, ректоръ имѣетъ право дѣлать указанія, напоминанія и замѣчанія; относительно же всѣхъ остальныхъ служащихъ въ университетѣ лицъ ректоръ пользуется всѣми правами непосредственнаго начальника.

15) Ректору предоставляется производить, во всякое время, обзорѣніе всѣхъ отдѣльныхъ частей управленія университета, лично, либо посредствомъ назначаемыхъ имъ комиссій или отдѣльныхъ должностныхъ лицъ.

16) Ректоръ назначаетъ, открываетъ и закрываетъ засѣданія совѣта и правленія, предсѣдательствуетъ въ сихъ установленіяхъ и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ оныхъ. Въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, ректоръ имѣетъ право предсѣдательствовать въ собраніяхъ факультетовъ.

17) Въ чрезвычайныхъ и не терпящихъ отлагательства случаяхъ ректору предоставляется принимать всѣ необходимыя мѣры для поддержанія порядка и спокойствія въ университетѣ, хотя бы мѣры сія и превышали принадлежащую ему власть. О всѣхъ сдѣланныхъ на этомъ основаніи распоряженіяхъ и побудительныхъ къ нимъ причинахъ ректоръ немедленно доноситъ попечителю, равно какъ сообщаетъ совѣту и правленію университета.

18) Ректоръ разрѣшаетъ отпуска: преподавателямъ — на вака-

ціонное время и виѣ онаго на восемь дней, а непосредственно подчиненнымъ ему лицамъ (ст. 12) — на сроки до двадцати девяти дней. Объ увольненіи тѣхъ и другихъ лицъ въ болѣе продолжительные отпуска, а равно о разрѣшеніи отпусковъ инспектору студентовъ и его помощникамъ, ректоръ входитъ съ представленіемъ къ попечителю.

19) Ходатайства о награжденіи непосредственно подчиненныхъ ректору служащихъ лицъ (ст. 12) восходятъ къ начальству отъ ректора. Предварительно представленія къ наградамъ всѣхъ остальныхъ служащихъ въ университетѣ и состоящихъ при немъ лицъ требуется отъ нихъ отъ ректора.

20) Ректоръ входитъ къ попечителю съ представленіями, а со всѣми посторонними установленіями и властями сносятся отношеніями.

21) Въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора, должность его исправляетъ старшій по службѣ деканъ факультета.

Глава III.

О факультетахъ.

22) Каждый факультетъ (ст. 3) состоитъ изъ декана и всѣхъ профессоровъ, преподающихъ положенные на семь факультетѣ предметы. Сверхъ того, къ факультету причисляются соотвѣтствующіе приватъ-доценты, лекторы и лица, состоящія при учебно-вспомогательныхъ установленіяхъ университета.

23) Каждый факультетъ имѣетъ свои собранія; состоящія подъ предсѣдательствомъ декана, изъ всѣхъ профессоровъ факультета. Сверхъ того, въ собранія факультета приглашаются: а) лица, временно исправляющія должности штатныхъ преподавателей—для участія въ обсужденіи предметовъ, касающихся ихъ преподаванія, съ совѣщательнымъ голосомъ, и для производства испытаній, и б) лекторы—для производства испытаній. Обязанности секретаря факультета исполняетъ одинъ изъ профессоровъ онаго, избираемый въ сію должность деканомъ факультета на четыре года и, по представленію ректора, утверждаемый въ должности попечителемъ учебнаго округа.

24) Деканъ избирается попечителемъ учебнаго округа изъ профессоровъ соотвѣтственнаго факультета и утверждается въ должности на четыре года министромъ народнаго просвѣщенія. По ис-

теченіи четырехлѣтнаго срока службы, деканъ можетъ быть оставленъ, съ разрѣшенія министра, въ должности на слѣдующее четырехлѣтіе.

25) Декану принадлежитъ ближайшее наблюденіе за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ въ своемъ факультетѣ.

26) Въ случаѣ болѣзни или отсутствія декана, обязанности его исполняются старшимъ, по званію, членомъ факультета, а если такихъ членовъ нѣсколько, то тѣмъ изъ нихъ, который прежде назначенъ въ занимаемую должность.

27) Вѣдомству собраній факультетовъ подлежатъ:

§ I. Дѣла, предоставленныя окончательному рѣшенію сихъ установленій:

1) производство испытаній на ученые степени, полукурсовыхъ, повѣрочныхъ, состязательныхъ и вообще имѣющихъ цѣлю обезпеченіе успѣшнаго хода студенческихъ занятій;

2) засчитываніе учащимся полугодій и удостоеніе окончившихъ полный курсъ въ университетѣ выпускныхъ свидѣтельствъ;

3) постановленія о выдачѣ магистрантамъ свидѣтельствъ о выдержаніи ими испытанія на степень магистра, а равно свидѣтельствъ на право чтенія лекцій съ званіемъ приватъ-доцента (ст. 87 и 109, п. 6 и примѣч.);

4) разсмотрѣніе сочиненій, предназначаемыхъ къ наданію на счетъ университета или съ его одобренія;

5) назначеніе ежегодныхъ задачъ студентамъ и постороннимъ слушателямъ для написанія сочиненій;

6) присужденіе студентамъ и постороннимъ слушателямъ медалей и почетныхъ отзывать за написанныя ими сочиненія (п. 5);

7) присужденіе премій за ученые труды на задачи, предлагаемыя къ рѣшенію ученыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда право это предоставлено факультету особыми постановленіями;

8) обсужденіе предложеній ректора о мѣрахъ къ обезпеченію полноты и правильности университетскаго преподаванія и постановленіе по симъ предложеніямъ заключеній;

9) разрѣшеніе профессорамъ читать лекціи и назначать практическія занятія со студентами по другимъ предметамъ, сверхъ преподаванія по занимаемой каждымъ профессоромъ кафедрѣ, если избранный для чтенія предметъ принадлежитъ къ другому факультету;

10) рассмотрение отчетов преподавателей о практических занятиях со студентами;

11) допущение, в подлежащих случаях (ст. 86), докторов иностранных университетов к испытанию на степень магистра, без предварительного испытания в знании полного курса наук факультета.

§ II. Дѣла, вносимыя въ совѣтъ:

1) предложеніе лицъ для замѣщенія вакансій профессоровъ и лекторовъ (ст. 100);

2) удостоеніе ученыхъ степеней лицъ, выполнившихъ установленныя для полученія ихъ условія;

3) ходатайства о возведеніи лицъ, приобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами, въ степень доктора, безъ установленныхъ испытаній на степень магистра и безъ представленія диссертациі;

4) ходатайства о допущеніи лицъ, приобрѣвшихъ извѣстность учеными трудами, прямо къ соисканію докторской степени;

5) ходатайства объ утвержденіи въ степени доктора магистрантовъ, которыми будутъ представлены диссертациі, отличающіяся особенными научными достоинствами;

6) составленіе учебныхъ плановъ и обзорной преподаванія, съ распредѣленіемъ лекцій и практическихъ упражненій по днямъ недѣли и часамъ;

7) предположенія о соединеніи и раздѣленіи кафедръ, о замѣнѣ одной кафедры другою, объ открытіи новыхъ кафедръ и о перенесеніи кафедръ изъ одного факультета въ другой;

8) составленіе предположеній о производствѣ испытаній и объ условіяхъ допущенія къ нимъ (ст. 84);

9) обсужденіе мѣръ къ временному устройству преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ;

10) соображенія о вознагражденіи привагъ-доцентовъ;

11) распредѣленіе суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія факультета, а равно предположенія объ улучшеніи послѣднихъ;

12) дѣла, передаваемыя правленіемъ и совѣтомъ на предварительное обсужденіе собраній факультетовъ.

§ III. Дѣла, вносимыя въ правленіе:

1) предположенія о распредѣленіи университетскихъ помѣщеній

подъ учебно-вспомогательныя установленія и объ измѣненіяхъ въ семъ распредѣленіи;

2) ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и единовременныхъ пособій.

§ IV. Дѣла, по которымъ состоявшіяся рѣшенія представляются на утвержденіе попечителя и сообщаются совѣту, для свѣдѣнія:

1) избраніе лаборантовъ и ихъ помощниковъ, хранителей кабинетовъ и музеевъ, прозекторовъ и ихъ помощниковъ, астронома-наблюдателя, ученаго садовника, механика и препаратора по каедрѣ физики — по представленіямъ профессоровъ, занимающихъ соотвѣтствующія каедры;

2) избраніе на медицинскомъ факультетѣ: ординаторовъ клиникъ — по представленію завѣдывающихъ ими, а также провизора и письмоводителя факультета — по представленію его декана;

3) допущеніе лицъ, имѣющихъ право быть приватъ-доцентами (ст. 110), къ чтенію лекцій въ университетѣ, съ присвоеніемъ имъ лицамъ означеннаго званія;

4) выборъ лицъ, оставляемыхъ при университетѣ, въ качествѣ стипендіатовъ, для приготовленія къ ученымъ степенямъ, а равно предназначаемыхъ къ отправленію за границу на казенный счетъ;

5) вопросы, предлагаемыя попечителемъ для обсужденія въ собраніи факультета.

Глава IV.

О совѣтѣ.

28) Совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ всѣхъ профессоровъ университета.

29) При совѣтѣ состоитъ секретарь, избираемый ректоромъ и утверждаемый въ должности попечителемъ учебнаго округа. На секретаря совѣта возлагается, сверхъ дѣлопроизводства въ совѣтѣ, также производство по дѣламъ ректора.

30) Вѣдомству совѣта подлежатъ:

§ I. Дѣла, предоставленныя окончательному его разрѣшенію:

1) ежегодное опредѣленіе общаго числа медалей, присуждаемыхъ студентамъ и постороннимъ слушателямъ за сочиненія на предло-

женныя задачи и распредѣленіе сего числа между факультетами университета;

2) утвержденіе, отъ имени университета, въ ученыхъ степеняхъ лицъ, выполнившихъ установленныя для полученія ихъ условія;

3) утвержденіе, по ходатайствамъ факультетовъ, въ степени доктора такихъ магистрантовъ, которыми представлены будутъ диссертации, отличающіяся особенными научными достоинствами.

§ II. Дѣла, по которымъ заключенія совѣта представляются на утвержденіе попечителя:

1) обсужденіе, по предложеніямъ попечителя, вопросовъ, касающихся университета или учебнаго округа;

2) избраніе лицъ, представляемыхъ для замѣщенія вакантныхъ должностей лекторовъ;

3) рассмотрѣніе и утвержденіе произведенныхъ собраніями факультетовъ распредѣленій суммъ, назначенныхъ каждому изъ нихъ на учебно-вспомогательныя установленія;

4) назначеніе ежегодно дня для торжественнаго собранія университета.

§ III. Дѣла, по которымъ заключенія совѣта представляются, чрезъ попечителя, на усмотрѣніе или утвержденіе министра народнаго просвѣщенія:

1) избраніе почетныхъ членовъ университета;

2) избраніе лицъ, представляемыхъ для замѣщенія вакантныхъ должностей профессоровъ (ст. 100);

3) предположенія о соединеніи и раздѣленіи кафедръ, о замѣнѣ одной кафедры другою, объ открытіи новыхъ кафедръ и о перенесеніи кафедръ изъ одного факультета въ другой;

4) принятіе мѣръ къ временному обезпеченію преподаванія по вакантнымъ кафедрамъ;

5) предположенія о вознагражденіи привать-доцентовъ;

6) ходатайства объ учрежденіи ученыхъ обществъ при университетахъ;

7) предположенія о распредѣленіи между факультетами суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія университета;

8) предположенія и ходатайства собраній факультетовъ о мѣрахъ къ улучшенію учебно-вспомогательныхъ установленій;

9) допущеніе, по ходатайствамъ факультетовъ лицъ, приобрета-

шихъ: извѣстность учеными трудами, прямо къ соисканію степени доктора;

10) разрѣшеніе ходатайствъ факультетскихъ собраній о возведеніи лицъ, приобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами, въ степень доктора, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертациі;

11) разсмотрѣніе и одобреніе учебныхъ плановъ, составляемыхъ факультетами, а равно предположеній объ измѣненіяхъ сихъ въ планахъ;

12) обсужденіе составляемыхъ факультетами обзорной преподаванія, съ распредѣленіемъ лекцій и практическихъ занятій по днямъ недѣли и часамъ;

13) предварительное обсужденіе проектовъ: инструкціи для инспекціи надъ студентами, а также правилъ: о приѣмѣ студентовъ въ университетъ, допущеніи въ него постороннихъ слушателей, о обязанностяхъ учащихся, порядкѣ, который долженъ быть соблюдаемъ ими въ университетскихъ зданіяхъ, о взысканіяхъ за нарушенія этихъ обязанностей и порядка, о зачетѣ учащимся полугодій, о производствѣ испытаній повѣрочныхъ, состязательныхъ и полукурсовыхъ, о завѣдываніи университетскою библіотекою, приобрѣтеніи для нея книгъ и пользованіи послѣдними и о завѣдываніи университетскими кланьями;

14) разсмотрѣніе составленнаго правленіемъ росписанія доходовъ и расходовъ по университету.

31. Всѣ журналы засѣданій совѣта представляются попечителю.

ГЛАВА V.

О порядкѣ дѣлопроизводства въ собраніяхъ факультетовъ и совѣтѣ.

32. Собранія факультета и засѣданія совѣта происходятъ по мѣрѣ надобности и назначаются: первыя—деканами, по принадлежности, а послѣднія—ректоромъ.

33) Члены совѣтовъ и собраній факультетовъ обязаны присутствовать въ засѣданіяхъ сихъ установлений. Въ случаѣ невозможности съ тому, означенныя лица извѣщаютъ подлежащаго предсѣдателя о причинахъ своего отсутствія, причемъ обстоятельства сія вносятся въ журналъ засѣданія.

34) Неявившіеся въ засѣданіе наличные члены совѣта и собраній факультетовъ теряютъ право голоса по дѣламъ, въ этомъ засѣданіи

рѣшеннымъ. Изъ сего исключаются дѣла объ избраніи служащихъ въ университеты, рѣшаемыя баллотированіемъ; неявившійся къ послѣднему можетъ передать свой шаръ одному изъ присутствующихъ членовъ, письменно извѣстивъ предсѣдателя о такой передачѣ предъ началомъ баллотированія и съ тѣмъ, чтобы уполномоченный располагалъ не болѣе, какъ однимъ шаромъ по довѣренности.

35) Въ учебное время года, собранія факультетовъ и совѣта приступаютъ къ разсмотрѣнію отнесенныхъ къ ихъ вѣдомству дѣлъ только тогда, когда въ засѣданіи присутствуетъ не менѣе двухъ третей всѣхъ наличныхъ членовъ сихъ установленій. Во время ваканцій собранія факультетовъ и совѣта признаются законно состоявшимися даже и при меньшемъ составѣ членовъ, но въ такихъ засѣданіяхъ могутъ быть разрѣшаемы только дѣла, нетерпяція отлагательства, причемъ производство выборовъ въ какія-либо должности вовсе не допускается.

36) Въ каждомъ засѣданіи могутъ быть разсматриваемы и рѣшаемы тѣ только дѣла, которыя назначены къ слушанію въ ономъ.

37) Каждому члену собранія факультета или совѣта предоставляется, съ разрѣшенія предсѣдателя, дѣлать предложенія и возбуждать вопросы по предметамъ, отнесеннымъ къ вѣдомству сихъ установленій, по принадлежности. Обсужденіе такихъ предложеній и вопросовъ отлагается до одного изъ послѣдующихъ засѣданій.

38) Всѣ дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ, а въ случаѣ раздѣленія ихъ поровну — согласно тому изъ мнѣній, которое принято предсѣдателемъ. Въ дѣлахъ, по которымъ постановленія факультета или совѣта подлежатъ утвержденію высшаго начальства, мнѣніе меньшинства членовъ представляется къ представленію.

39) Закрытая подача голосовъ или баллотированіе употребляется только при избраніи должностныхъ лицъ, выборъ которыхъ принадлежитъ собранію факультета или совѣту.

ГЛАВА VI.

О правленіи университета.

40) Правленіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ декановъ всѣхъ факультетовъ и инспектора. Въ составъ правленія Московскаго университета входитъ, сверхъ означенныхъ лицъ, также совѣтники по хозяйственной части.

41) Предметы вѣдомства правленія суть:

§ I. Дѣла, разрѣшаемыя правленіемъ окончательно:

- 1) распоряженіе суммами, назначенными на содержаніе университета по финансовой смѣтѣ;
- 2) производство сверхштатныхъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ университета, въ размѣрѣ не свыше трехсотъ рублей въ годъ на одинъ предметъ;
- 3) заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму не свыше пяти тысячъ рублей, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ;
- 4) распоряженія по напечатанію ученыхъ сочиненій, одобренныхъ собраніями факультетовъ и предназначенныхъ ими къ изданію на счетъ или отъ имени университета;
- 5) разрѣшеніе дѣлъ о приѣмѣ въ число студентовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ признаетъ нужнымъ обсужденіе сихъ вопросовъ правленіемъ;
- 6) дѣла о допущеніи въ университетъ постороннихъ слушателей, о переходѣ студентовъ изъ одного факультета или университета въ другой и объ увольненіи изъ университета, разрѣшаемыя на основаніи правилъ, устанавливаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія;
- 7) разбирательство по студенческимъ дѣламъ, равно какъ наложеніе взысканій на виновныхъ, въ порядкѣ, опредѣленномъ статьями 124 и 125 сего устава;
- 8) опредѣленіе фельдшеровъ студенческой больницы, по представленіямъ университетскаго врача.

§ II. Дѣла, вносимыя въ совѣтъ: составленіе ежегодныхъ росписаній о доходахъ и расходахъ университета.

§ III. Дѣла, по которымъ постановленія правленія представляются на утвержденіе попечителя:

- 1) производство сверхштатныхъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ университета, въ размѣрѣ не свыше тысячи рублей въ годъ, на одинъ предметъ;
- 2) заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму не свыше семи тысячъ рублей, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ;
- 3) предположенія объ улучшеніи хозяйственной части университета;
- 4) назначеніе студентамъ стипендій и денежныхъ пособій, по правиламъ, устанавливаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія, равно какъ ходатайства объ освобожденіи неимущихъ студентовъ отъ платы за ученіе, объ отсрочкѣ или объ уменьшеніи для нихъ оной;
- 5) распределеніе университетскихъ помѣщеній подъ учебно-вспомогательную часть осххлш, отд. 1.

могательныя установленія и подъ квартиры должностнымъ лицамъ, которымъ онѣ присвоены или разрѣшаются къ отводу штатомъ университета, равно какъ измѣненія въ сѣнь распределенія;

6) приглашеніе учителей искусствъ для преподаванія ихъ въ университетѣ и назначеніе симъ лицамъ вознагражденія изъ спеціальныхъ средствъ университета;

7) избраніе бібліотекаря, помощниковъ его, секретаря бібліотеки, секретаря правленія, бухгалтера и помощниковъ сихъ должностныхъ лицъ (гдѣ они положены штатомъ), казначея, архитектора, университетскаго врача, эзекутора и его помощниковъ (въ Московскомъ университетѣ), архиваріуса, эконома-эзекутора клиникъ, писмоводителя ихъ конторы и смотрителя оныхъ (гдѣ таковыя должности положены штатомъ).

Примѣчаніе. Члены университетскаго совѣта имѣютъ право представлять правленію извѣстныхъ имъ лицъ, способныхъ занять должность бібліотекаря.

§ IV. Дѣла, по которымъ постановленія правленія представляются на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія:

1) производство сверхштатныхъ расходовъ изъ спеціальныхъ средствъ университета, въ размѣрѣ свыше тысячи рублей въ годъ, на одинъ предметъ;

2) заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ на сумму свыше семъ тысячъ рублей, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

42) Правленіе распоряжается открытыми на содержаніе университета кредитами, принимаетъ взносы за слушаніе лекцій и другіе доходы университета, хранитъ принадлежащаго суммъ, отвѣтствуетъ за ихъ цѣлость и наблюдаетъ за выдачею профессорамъ и прочимъ преподавателямъ университета вознагражденія, причитающагося имъ изъ взносовъ за слушаніе лекцій и занятіе со студентами.

43) Правленіе имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи все принадлежащее университету имущество и наблюдаетъ за его сохранностью и за исправнымъ веденіемъ оному описей. Непосредственное завѣдываніе хозяйственною частью принадлежитъ: въ Московскомъ университетѣ — совѣтнику правленія по хозяйственной части, а въ остальныхъ университетахъ — эзекуторамъ.

44) Совѣтникъ правленія Московскаго университета по хозяйственной части назначается въ должность министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя.

45) Правленіе имѣетъ засѣданія не менѣе одного раза въ недѣлю и представляетъ всѣ свои протоколы попечителю. Относительно порядка дѣлопроизводства въ правленіи, соблюдаются правила, установленныя для совѣта и факультетовъ.

ГЛАВА VII.

Объ инспекторѣ студентовъ и его помощникахъ.

46) Инспекторъ студентовъ опредѣляется въ должность министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа.

47) Состоя подѣ начальствомъ попечителя, инспекторъ студентовъ подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ ректору и исполняетъ его законныя требованія.

48) Инспекторъ студентовъ имѣетъ ближайшее наблюденіе за исполненіемъ, въ университетскихъ зданіяхъ, какъ студентами, такъ и посторонними слушателями, установленныхъ для нихъ правилъ, надзираетъ за соблюденіемъ сими лицами порядка и благочинія въ означенныхъ зданіяхъ; въ случаѣ нарушенія порядка и благочинія, принимаетъ мѣры къ восстановленію оныхъ, доводя о томъ до свѣдѣнія ректора и испрашивая, въ болѣе важныхъ случаяхъ, согласіе его на предполагаемыя распоряженія. Независимо отъ сего, инспекторъ наблюдаетъ, по мѣрѣ возможности, за поведеніемъ студентовъ также внѣ университетскихъ зданій, слѣдуя въ этомъ отношеніи ближайшими указаніямъ попечителя.

Примѣчаніе. Студенческая больница, если она существуетъ при университетѣ, подвѣдомственна инспектору относительно внѣшняго благоустройства и порядка.

49) Подѣ непосредственнымъ начальствомъ инспектора состоятъ: а) его помощники, число которыхъ опредѣляется сообразно числу студентовъ и расположенію университетскихъ зданій, и б) секретарь по студенческимъ дѣламъ, для дѣлопроизводства по предметамъ вѣдѣнія инспектора. Означенныя лица опредѣляются въ должности попечителемъ, по представленію инспектора, основанному на соглашеніи съ ректоромъ.

50) Для надзора за порядкомъ въ зданіяхъ университета и для исполненія порученій инспектора и его помощниковъ по наблюденію за поведеніемъ студентовъ внѣ означенныхъ зданій, полагаются, въ

случаѣ надобности, служители инспекціи, опредѣляемые по найму самимъ инспекторомъ.

51) Число помощниковъ инспектора и размѣръ ихъ содержанія, не свыше однако нормальнаго оклада, установленнаго для нихъ росписаніемъ должностей и окладовъ содержанія по инспекціи въ университетахъ, равно какъ суммы на канцелярскія издержки оной и на наемъ ея служителей (если въ послѣднихъ встрѣтится надобность), опредѣляются по каждому университету отдѣльно, министромъ народнаго просвѣщенія, распоряженія котораго по симъ предметамъ не должны выходить за предѣлы общей суммы, назначенной штатомъ университетовъ на всѣ вообще расходы по инспекціи. Первоначальныя предположенія объ этомъ составляются инспекторомъ и затѣмъ, по разсмотрѣніи и одобреніи ихъ правленіемъ университета, представляются попечителю учебнаго округа.

52) Инспекторъ студентовъ и его помощники, въ дѣйствіяхъ своихъ, руководствуются инструкціей, данною министромъ народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Устройство учебной части.

Глава I.

Преподаваніе.

53) Для студентовъ православнаго исповѣданія всѣхъ факультетовъ, полагается въ каждомъ университетѣ особая кафедра богословія. Профессоръ богословія, на котораго могутъ быть возложены также обязанности настоятеля университетской церкви, состоитъ членомъ университетскаго совѣта, но ни къ какому факультету не причисляется.

54) Науки, входящія въ составъ университетскаго преподаванія, распредѣляются по факультетамъ и кафедрамъ, на основаніяхъ, опредѣленныхъ въ статьяхъ 55—59.

55) Въ историко-филологическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія кафедры: 1) философія; 2) классическая филологія; 3) сравнительное языковѣдѣніе и санскритскій языкъ; 4) русскій языкъ и русская литература; 5) славянская филологія; 6) географія и этнографія; 7) исторія всеобщая; 8) исторія русская; 9) исторія западно-

европейскихъ литературъ; 10) исторія церкви; 11) теорія и исторія искусствъ.

56) Въ физико-математическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія кафедръ: 1) чистая математика; 2) механика теоретическая и практическая; 3) астрономія и геодезія; 4) физика и физическая географія; 5) химія; 6) минералогія и геологія; 7) ботаника; 8) зоологія, сравнительная анатомія и физиологія; 9) технологія и техническая химія; 10) агрономія.

57) Въ юридическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія кафедръ: 1) римское право; 2) гражданское право и гражданское судопроизводство; 3) торговое право и торговое судопроизводство; 4) уголовное право и уголовное судопроизводство; 5) исторія русскаго права; 6) государственное право; 7) международное право; 8) полицейское право; 9) финансовое право; 10) церковное право; 11) политическая экономія и статистика; 12) энциклопедія права и исторія философіи права.

58) Въ медицинскомъ факультетѣ полагаются слѣдующія кафедръ: 1) анатомія; 2) физиологія; 3) гистологія и эмбриологія; 4) медицинская химія; 5) фармакогнозія и фармація; 6) фармакологія съ рецептурою, токсикологіею и ученіемъ о минеральныхъ водахъ; 7) общая патологія; 8) патологическая анатомія; 9) врачебная діагностика, съ пропедевтической клинкою; 10) частная патологія и терапия; 11) систематическое и клиническое ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ; 12) систематическое и клиническое ученіе о кожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ; 13) терапевтическая факультетская клиника; 14) терапевтическая госпитальная клиника; 15) оперативная хирургія съ топографическою анатоміею и съ упражненіями въ операціяхъ на трупахъ; 16) хирургическая патологія съ десмургіею и съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ; 17) хирургическая факультетская клиника; 18) хирургическая госпитальная клиника; 19) офтальмологія съ клинкою; 20) акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни съ клинками; 21) судебная медицина; 22) гигиена и при ней: эпидемиологія и медицинская полиція, медицинская статистика, ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарная полиція; 23) исторія и энциклопедія медицины.

Примѣчаніе. При кафедрахъ анатоміи, физиологій, гистологій, патологической анатоміи, оперативной хирургіи и судебной медицины полагается по одному провектору и по одному помощнику провектора.

59) Въ факультетѣ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета полагаются слѣдующія кафедръ: 1) санскритская словесность; 2) арабская словесность; 3) персидская словесность; 4) турецко-татарская словесность; 5) китайская и манчжурская словесность; 6) исторія востока; 7) монгольская и калмыцкая словесность; 8) еврейская, сирійская и халдейская словесность; 9) армянская и грузинская словесность.

60) Въ факультетахъ полагается слѣдующее число профессоровъ: а) въ историко-филологическомъ — двѣнадцать ординарныхъ и пять экстраординарныхъ; б) въ физико-математическомъ — двѣнадцать ординарныхъ и пять экстраординарныхъ; в) въ юридическомъ — одиннадцать ординарныхъ и четыре экстраординарныхъ; г) въ медицинскомъ — четырнадцать ординарныхъ и девять экстраординарныхъ, и д) въ факультетѣ восточныхъ языковъ (въ С.-Петербургскомъ университетѣ) — шесть ординарныхъ и три экстраординарныхъ.

61) Число профессоровъ, опредѣленное статьею 60, можетъ быть увеличиваемо, по мѣрѣ надобности и имѣющихся денежныхъ средствъ.

62) Министру народнаго просвѣщенія предоставляется опредѣлять въ университеты сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ, приобрѣвшихъ особую извѣстность своими учеными трудами и удовлетворяющихъ условіямъ для занятія профессорской должности, испрашивая каждый разъ назначеніе необходимой на содержаніе такого профессора суммы, порядкомъ, указаннымъ для производства государственныхъ расходовъ.

63) Для преподаванія иностранныхъ языковъ: 1) нѣмецкаго, 2) французскаго, 3) англійскаго и 4) италіанскаго, во всѣхъ университетахъ полагаются лекторы, причисляемые къ историко-филологическому факультету. Сверхъ того, въ С.-Петербургскомъ университетѣ, на факультетѣ восточныхъ языковъ, полагаются особые лекторы для означенныхъ нарѣчій (не болѣе восьми). Учители искусствъ, въ случаѣ введенія преподаванія послѣднихъ въ университетѣ, приглашаются правленіемъ, съ назначеніемъ имъ вознагражденія изъ специальныхъ средствъ университета, причемъ постановленія правленія по сему предмету представляются на утвержденіе попечителя.

64) Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ кафедръ. Временное исполненіе обязанности по кафедрѣ, сдѣлавшейся вакантною, можетъ быть, въ случаѣ необходимости, поручаемо, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, испрошеннаго попечителемъ,

или по собственному усмотрѣнію министра, свѣдущимъ по этой каедрѣ лицамъ изъ наличныхъ профессоровъ, привать-доцентовъ и вообще имѣющихъ ученые степени, съ назначеніемъ имъ вознагражденія, не превышающаго половины оклада жалованья, присвоеннаго ординарному профессору. Такое временное исправленіе вакантной должности не должно однако продолжаться долѣе одного года.

65) Учебныя полугодія продолжаются: первое—съ 20 августа по 20 декабря, а второе—съ 15 января по 30 мая.

66) Каждый факультетъ въ цѣломъ своемъ составѣ и въ лицѣ отдѣльных своихъ преподавателей, подъ ближайшимъ руководствомъ декана, печется о полнотѣ, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ и принимаетъ всѣ мѣры, чтобы въ каждыя восемь полугодій, а на медицинскомъ факультетѣ—въ теченіе десяти полугодій, студентамъ предоставлена была возможность, въ надлежащемъ порядкѣ и полномъ объемѣ, выслушать всѣ тѣ предметы, которые входятъ въ составъ предстоящихъ каждому изъ нихъ по избранному имъ разряду наукъ испытаній, по окончаніи полного университетскаго курса.

67) Профессоръ обязанъ посвящать преподаванію по занимаемой имъ кафедрѣ достаточное число часовъ въ недѣлю, примѣнительно къ шестичасовой нормѣ.

68) Профессору предоставляется, сверхъ преподаванія по занимаемой имъ кафедрѣ, объявлять курсы и практическія занятія со студентами также и по другимъ предметамъ; причемъ, если избираемый для чтенія предметъ принадлежитъ къ другому факультету, требуется согласіе послѣдняго.

69) Штатные преподаватели обязаны исполнять порученія подлежащихъ факультетскихъ собраній, университетскаго совѣта и попечителя учебнаго округа, находящіяся въ связи съ научными занятіями этихъ лицъ.

70) Каждый факультетъ составляетъ одинъ или нѣсколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ обозначаются какъ науки, подлежащія изученію студентами того факультета, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія. Планы эти, равно какъ и всѣ дальнѣйшія въ нихъ измѣненія, по разсмотрѣніи совѣтомъ университета, представляются на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

71) Факультеты, на основаніи заявленій преподавателей о предполагаемыхъ ими чтеніяхъ и практическихъ занятіяхъ со студентами,

составляютъ обзорѣніе преподаванія на каждую предстоящую половину академическаго года, съ распредѣленіемъ лекцій и практическихъ занятій по днямъ недѣли и часамъ. Обзорѣнія сіи разсматриваются совѣтомъ университета и представляются затѣмъ въ министерство народнаго просвѣщенія, на утвержденіе. Подробныя правила относительно составленія и представленія упомянутыхъ обзорѣній устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія.

72) Каждому студенту предоставляется, сверхъ предметовъ избраннаго имъ факультета, слушать, по собственному желанію, лекцій также по другимъ факультетамъ. Относительно изученія предметовъ своего факультета студентъ обязанъ принять къ руководству одинъ изъ утвержденныхъ надлежащимъ порядкомъ плановъ (ст. 70), причемъ отступленія отъ избраннаго плана допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія декана факультета.

73) Если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ означенныхъ преподавателей, у кого онъ самъ пожелаетъ.

Глава II.

Испытанія.

74) Университетскія испытанія производятся: а) въ особо назначаемыхъ для того при университетахъ комиссіяхъ и б) въ факультетахъ.

А. Испытанія въ комиссіяхъ.

75) Комиссіямъ присвоиваются слѣдующія именованія: а) историко-филологическая; б) физико-математическая; в) юридическая; г) восточныхъ языковъ; д) медицинская. Число комиссій по каждому факультету опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, которыми назначаются ежегодно также предсѣдатели и члены комиссій.

76) Предсѣдатели и члены комиссій получаютъ вознагражденіе, опредѣляемое министромъ народнаго просвѣщенія, по соображенію съ понесеннымъ ими трудомъ, изъ назначаемой на сей предметъ смѣтной суммы и изъ взноса, производимаго испытуемыми.

77) Къ испытаніямъ въ комиссіяхъ допускаются лишь тѣ изъ студентовъ, которыхъ, по опредѣленію ихъ факультетовъ, затчено

установленное для окончанія курса число полугодій: десять—по медицинскому факультету и восемь—по каждому изъ прочихъ факультетовъ, и которые представляютъ въ комиссію выданное имъ въ томъ (выпускное) свидѣтельство.

Примѣчаніе. Выпускныя свидѣтельства подписываются деканомъ и секретаремъ соответственнаго факультета и скрѣпляются секретаремъ совѣта (на медицинскомъ факультетѣ—письмоводителемъ). Дѣлопроизводство по выдачѣ сихъ свидѣтельствъ возлагается на секретаря совѣта (на медицинскомъ факультетѣ—на письмоводителя).

78) Студенту зачитается лишь такое полугодіе, въ теченіе коего онъ исполнилъ обязанности, возложенныя на него правилами для обезпеченія успѣшнаго хода его занятій, какъ-то: а) если онъ выслушалъ число лекцій, не менѣе установленной правилами нормы; б) если онъ подвергался установленнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ; в) если онъ участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ и т. п.

Примѣчаніе. Подробныя правила о зачетѣ полугодій, одинаковыя для всѣхъ университетовъ, издаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, на основаніи соображеній, представляемыхъ факультетами, съ заключеніями совѣтовъ.

79) Желающій подвергнуться испытанію въ комиссіи, подаетъ въ назначенный для того срокъ и въ установленномъ отъ министерства порядкѣ прошеніе, къ коему прилагаетъ выпускное свидѣтельство и другіе требуемыя правилами объ испытаніяхъ документы и двадцать рублей. Освобожденіе отъ обязанности представить выпускное свидѣтельство дается лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Дипломъ иностраннаго университета на степень доктора медицины признается равносильнымъ выпускному свидѣтельству медицинскаго факультета и даетъ доступъ къ испытанію въ медицинской комиссіи.

80) Общія для всѣхъ университетовъ правила испытаній въ комиссіяхъ и изложеніе требованій, коимъ должны удовлетворять испытуемые, утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія и печатаются во всеобщее свѣдѣніе. Измѣненія въ требованіяхъ утверждаются тѣмъ же порядкомъ, причемъ устанавливается и доводится до всеобщаго свѣдѣнія срокъ, съ котораго они должны вступить въ дѣйствіе.

81. Удовлетворившій требованіямъ испытанія получаетъ, соотвѣтственно объему и качеству оказанныхъ имъ познаній, дипломъ первой или второй степени, за подписью попечителя округа, предсѣдателя комисіи и за скрѣпою правителя канцеляріи попечителя. Получившій дипломъ первой или второй степени отъ медицинской комисіи именуется лекаремъ.

В. Испытанія въ факультетахъ.

82) Въ факультетахъ производятся испытанія: а) на ученые степени; б) состязательныя на стипендіи и вспоможенія; в) повѣрочныя, и г) обязательныя только для медицинскихъ факультетовъ испытанія полукурсовыя.

83) Повѣрочныя испытанія производятся для допущенія къ практическимъ занятіямъ, для зачета полугодій и вообще съ цѣлію обезпеченія успѣшнаго хода студентскихъ занатій.

84) Повѣрочныя, состязательныя и полукурсовыя испытанія производятся по особымъ правиламъ, издаваемымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Правила эти составляются на основаніи предположеній, выработанныхъ въ факультетахъ и рассмотрѣнныхъ въ совѣтахъ университетовъ.

85) На всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, полагаются двѣ ученые степени—магистра и доктора, которыя пріобрѣтаются послѣдовательно, одна за другою. Въ исключительныхъ случаяхъ лица, пользующіяся извѣстностью по своимъ ученымъ трудамъ, могутъ быть допускаемы, согласно постановленію совѣта университета и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, къ испытанію прямо на степень доктора. На медицинскомъ факультетѣ полагается одна ученая степень—доктора.

86) Къ испытанію на степень магистра или по медицинскому факультету — доктора, допускаются лица, представившія одинъ изъ установленныхъ статьею 81 дипломовъ. Въ особо уважительныхъ случаяхъ факультетъ можетъ допустить къ испытанію на степень магистра лицо, представившее докторскій дипломъ иностраннаго университета.

87) Отъ ищущаго степени магистра или, по медицинскому факультету, — доктора, требуется устное испытаніе въ факультетѣ и публичная защита одобренной факультетомъ диссертациі. Отъ ищущаго

степени доктора по другимъ факультетамъ требуется лишь публичная защита одобренной факультетомъ диссертации.

88) Во вниманіе къ выдающимся достоинствамъ представленной магистерской диссертации, факультету предоставляется ходатайствовать предъ совѣтомъ о возведеніи магистранта прямо въ степень доктора.

89) Лица, пріобрѣвшія учеными трудами почетную извѣстность, могутъ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, быть возведены въ степень доктора безъ испытанія и представленія диссертации, по ходатайству соотвѣтственнаго факультета, совѣтомъ университета, если въ ихъ пользу подано будетъ не менѣе двухъ третей голосовъ, участвовавшихъ въ постановленіи совѣта.

90) Испытанія на ученны степени производятся въ присутствіи полного состава факультетскаго собранія. Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, если онъ признаетъ нужнымъ, назначать къ присутствованію при сихъ испытаніяхъ лицъ, имѣющихъ ученны степени по тѣмъ отраслямъ наукъ, изъ которыхъ испытанія производятся.

91) Подробныя правила испытаній на ученны степени опредѣляются особымъ положеніемъ, которое утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

92) Удостоенные, по выдержаніи испытанія, одного изъ установленныхъ статьею 81 дипломовъ пользуются, относительно отбыванія воинской повинности правами, опредѣленными въ уставѣ о сей повинности (свод. зак., т. IV, кн. I, изд. 1876 г.). Принадлежація къ мѣщанскому сословію или состоянію сельскихъ обывателей лица, пріобрѣвшія ученны степени или получившія одинъ изъ установленныхъ статьею 81 сего устава дипломовъ, пользуются: первыя—правомъ на причисленіе къ потомственному почетному гражданству, а вторыя—правомъ на причисленіе къ личному почетному гражданству, согласно статьямъ 508 и 506 законовъ о состояніяхъ (свод. зак., т. IX, изд. 1876 г.).

Глава III.

Учебно-вспомогательныя установленія.

93) Опредѣленные штатомъ число и составъ состоящихъ при университетѣ учебныхъ пособій, заведеній и собраній могутъ быть уве-

личиваемы по мѣрѣ надобности и средствъ, по представленіямъ совѣта и попечителя, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія.

94) Библіотека состоитъ въ завѣдываніи бібліотекаря и его помощниковъ. Правила завѣдыванія бібліотекою, приобрѣтенія книгъ и пользованія ими составляются совѣтомъ и утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. Такимъ же порядкомъ устанавливаются правила для завѣдыванія университетскими клиниками.

95) Прочія учебно-вспомогательныя установленія и коллекціи университета поручаются завѣдыванію тѣхъ профессоровъ, къ предметамъ преподаванія которыхъ они относятся. Состоящіе при сихъ установленіяхъ должностныя лица находятся въ подчиненіи означенныхъ профессоровъ. Нижшіе служители при учебно-вспомогательныхъ установленіяхъ опредѣляются завѣдывающими оными.

Примѣчаніе 1. Если одинъ и тотъ же предметъ читается нѣсколькими профессорами и притомъ раздѣленіе учебно-вспомогательнаго установленія представляется неудобнымъ, то вопросъ, кому должно быть поручено завѣдываніе онымъ, разрѣшается попечителемъ, по представленію факультета. Профессоры и приватъ-доценты могутъ пользоваться научными пособиями, принадлежащими тому или другому учебно-вспомогательному установленію, по соглашенію съ завѣдывающимъ онымъ, а приватъ-доценты, кромѣ того, и подъ его наблюденіемъ.

Примѣчаніе 2. Состоящіе при университетскихъ клиникахъ повивальная бабка и фельдшера опредѣляются ректоромъ, по представленію завѣдывающихъ клиниками. Аптекарскихъ учениковъ опредѣляетъ деканъ медицинскаго факультета.

96) При историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ факультетахъ устраиваются практическія упражненія студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ (семинаріи), съ необходимыми притомъ учебными пособиями. Правила, на основаніи которыхъ учреждаются сіи упражненія, устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Личный составъ университета по учебной части.

97) Къ личному составу университета по учебной части принадлежатъ: а) профессора ординарные и экстраординарные; б) приватъ-

доценты; в) лекторы, и г) лица, состоящія при учебно-вспомогательныхъ установленіяхъ.

98) Повышеніе экстраординарнаго профессора въ ординарные производится министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Повышеніе сіе совершается только на открывшіяся вакансіи.

99. Никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора по разряду наукъ, соответствующихъ его кафедрѣ. Сверхъ того, для полученія званія профессора необходимо доказать способность къ преподаванію чтеніемъ лекцій въ продолженіи не менѣе трехъ лѣтъ въ званіи приватъ-доцента университета или преподавателя другаго высшаго учебнаго заведенія. Въ уважительныхъ случаяхъ, срокъ этотъ можетъ быть сокращаемъ министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайствамъ факультетовъ или представленію попечителя. Степень доктора требуется также для полученія званія профессора. Помощниками профессора могутъ быть лица, имѣющія званіе лекаря.

100) При открывшейся вакансіи профессора, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію лицомъ, удовлетворяющимъ указаннымъ въ статьѣ 99 условіямъ, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе. Въ послѣднемъ случаѣ, деканъ соответствующаго факультета немедленно объявляетъ о вакантной кафедрѣ во всеобщее свѣдѣніе, дабы желающіе явиться кандидатами на нее могли заявить о томъ факультету, причемъ члены факультета и совѣта имѣютъ право предлагать извѣстныхъ имъ ученыхъ. Срокъ для такихъ заявленій и предложеній полагается трехмѣсячный, со времени объявленія объ открывшейся вакансіи. Въ случаѣ неимѣнія въ виду кандидата, факультетъ, по истеченіи указаннаго срока, доводитъ о семъ, чрезъ ректора, до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа.

101) По обсужденіи ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ каждаго кандидата, факультетъ подвергаетъ баллотированію всѣхъ кандидатовъ, причемъ тотъ изъ нихъ, который получитъ наибольшее число голосовъ, считается кандидатомъ факультета. Факультетъ представляетъ о немъ совѣту, съ приложеніемъ подробныхъ протоколовъ тѣхъ засѣданій, въ коихъ обсуждалось достоинство кандидатовъ, отдѣльныхъ мнѣній по сему дѣлу, общаго списка кандидатовъ

и количества полученныхъ, каждымъ изъ нихъ, голосовъ при баллотированіи.

Примѣчаніе. Если никто изъ кандидатовъ не получитъ большинства голосовъ, а равно когда голоса раздѣлятся между нѣсколькими кандидатами поровну, то баллотированіе повторяется между кандидатами, получившими сравнительно съ прочими болѣе избирательныхъ голосовъ.

102) Разсмотрѣвъ представленныя факультетомъ документы, совѣтъ даетъ свое заключеніе объ избранномъ въ факультетѣ кандидатѣ посредствомъ баллотированія, и затѣмъ о послѣдствіяхъ онаго представляетъ попечителю округа, съ приложеніемъ какъ всѣхъ документовъ, переданныхъ изъ факультета, такъ и особыхъ мнѣній членовъ совѣта, если таковыя были заявлены. Попечитель представляетъ дѣло, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, министру народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Если кандидатъ факультета не получитъ въ совѣтѣ большинства голосовъ, то баллотированію подвергаются всѣ лица, предложенныя членами факультета и предъявившія свои права на вакантную должность.

103) Утвержденіе въ должности профессора избраннаго совѣтомъ лица зависитъ отъ министра. Въ случаѣ неутвержденія представленнаго кандидата, министру предоставляется назначать профессора изъ числа другихъ кандидатовъ, предложенныхъ въ университетѣ, или замѣстить должность постороннимъ лицомъ, удовлетворяющимъ требованіямъ статьи 99.

104) Для продолженія службы при университетѣ профессорамъ, прослужившимъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, требуются ходатайство о томъ попечителя и разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Для другихъ лицъ по учебной части университета необходимо въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя.

105) По истеченіи тридцати лѣтъ учебной службы, профессоръ не включается болѣе въ число штатныхъ профессоровъ (ст. 60), но, буде пожелаетъ, сохраняетъ званія профессора, члена факультета и совѣта, имѣетъ право читать лекціи, равно какъ можетъ быть опредѣляемъ во всѣ должности по университету и завѣдывать, съ разрѣшенія попечителя, учебно-вспомогательными установленіями. Такому профессору можетъ быть назначено министромъ народнаго просвѣщенія вознагражденіе, срокомъ на пять лѣтъ, въ размѣрѣ тысячи двухъ

сотъ рублей въ годъ. Вознагражденіе сіе производится независимо отъ выслуженной профессоромъ пенсіи и, по истеченіи указаннаго срока, можетъ быть продолжено министромъ на слѣдующее пятилѣтіе.

106) Профессоръ, прослужившій двадцать пять лѣтъ въ должности преподавателя въ университетѣ, удостоивается званія заслуженнаго профессора.

107) Профессоръ богословія назначается министромъ народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ духовнымъ вѣдомствомъ, изъ лицъ, имѣющихъ степень доктора или магистра богословія.

108) Члены академіи наукъ имѣютъ право читать лекціи въ университетѣ. Академикъ, желающій воспользоваться этимъ правомъ, подаетъ въ факультетское собраніе, одновременно съ заявленіями профессоровъ о курсахъ, также и свое заявленіе и затѣмъ приглашается въ засѣданіе, въ которомъ обсуждается распредѣленіе чтеній. Члены академіи, преподающіе въ университетѣ, если они не состоятъ профессорами университета, не участвуютъ въ собраніяхъ факультета и засѣданіяхъ совѣта, а равно не назначаются въ университетскія должности. Относительно вознагражденія ихъ за преподаваніе, къ нимъ примѣняются правила, установленныя для приватъ-доцентовъ.

109) Приватъ-доцентами могутъ быть: а) лица, имѣющія ученныя степени; б) профессора другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также лица, приобрѣвшія извѣстность своими учеными трудами, послѣ пробнаго чтенія, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, и в) лица, выдержавшія испытаніе на степень магистра, но еще не защитившія диссертациі, по полученіи отъ одного изъ университетовъ свидѣтельства на право преподаванія въ званіи приватъ-доцента.

Примѣчаніе. Означенное въ пунктѣ в настоящей статьи свидѣтельство дается факультетомъ на основаніи двухъ пробныхъ чтеній: одного—на тему по собственному избранію кандидата, и другаго—на тему, заданную факультетомъ. Лица этой категоріи не могутъ быть приватъ-доцентами ранѣе трехъ лѣтъ послѣ окончанія университетскаго курса.

110) Желающій вступить приватъ-доцентомъ въ университетъ подаетъ о семъ въ соотвѣтствующій факультетъ прошеніе, съ указаніемъ предмета, который жааетъ преподавать. Въ случаѣ согласія факультета, означенное лицо, по испрошеніи чрезъ ректора разрѣ-

шенія попечителя, принимается въ число привать-доцентовъ университета, о чемъ ректоръ сообщаетъ, для свѣдѣнія, совѣту. Въ случаѣ несогласія факультета, ищущій права преподаванія можетъ обратиться къ попечителю, который, истребовавъ чрезъ ректора объясненія факультета, представляетъ дѣло, съ своимъ заключеніемъ, министру народнаго просвѣщенія.

111) Наблюденіе за преподаваніемъ привать-доцентовъ лежитъ на деканѣ и ректорѣ. Въ случаѣ преподаванія, не соответствующаго достоинству предмета или имѣющаго вредное направленіе, лица сін, по надлежащемъ въ томъ удостовѣреніи, дѣлаютъ привать-доценту напоминаніе, а при неуспѣшности послѣдняго, представляютъ попечителю, который устраняетъ такое лицо отъ преподаванія и доноситъ о семъ министру. Независимо отъ сего, если попечитель самъ усмотритъ, что преподаваніе привать-доцента явно направлено къ распространенію между слушателями вредныхъ воззрѣній, то воспрещаетъ такому лицу чтеніе лекцій немедленно, донося о семъ министру.

112) Привать-доценты получаютъ вознагражденіе изъ особо назначенной на этотъ предметъ штатной суммы. Размѣръ сего вознагражденія опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, на основаніи представленнаго ему, чрезъ совѣтъ и попечителя, ходатайства факультетскаго собранія или по представленію попечителя, или по собственному усмотрѣнію министра.

113) Привать-доцентъ, не преподававшій безъ уважительныхъ причинъ въ теченіе полугодія, считается сложившимъ съ себя званіе; а прекратившій чтеніе до окончанія полугодія утрачиваетъ право на полученіе слѣдующаго ему вознагражденія.

114) При открывшейся вакансіи лектора, деканомъ соответствующаго факультета объявляется о томъ во всеобщее свѣдѣніе, дабы желающіе явиться кандидатами на вакантную должность могли заявить о себѣ факультету. Срокъ для такихъ заявленій полагается трехмѣсячный, со времени объявленія объ открывшейся вакансіи.

115) Заявившіе желаніе занять вакантную должность лектора подвергаются конкурсному испытанію въ факультетѣ, къ которому сія должность причислена. Предпочтенный факультетомъ представляется, чрезъ совѣтъ, на утвержденіе попечителя.

Примѣчаніе. Лица, заявившія себя изданными трудами по своему предмету и педагогическою дѣятельностію, могутъ быть предлагаемы и избираемы факультетами въ лекторы безъ кон-

курса. Избранный баллотируется въ совѣтъ и, по выборѣ, представляется на утвержденіе попечителя. Въ случаѣ неутвержденія представленнаго университетомъ кандидата, попечитель, испросивъ согласіе министра народнаго просвѣщенія, можетъ назначить лектора изъ числа упомянутыхъ лицъ, по собственному выбору.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Объ учащихъся.

116) Въ студенты университета принимаются молодые люди, получившіе отъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости.

Примѣчаніе. Министру народнаго просвѣщенія предоставляется, въ случаѣ совершенной одинаковости курса и испытательныхъ требованій какого-либо учебнаго заведенія съ курсомъ и требованіями вышеозначенныхъ гимназій, признавать за выдаваемыми симъ заведеніемъ свидѣтельствами силу аттестатовъ зрѣлости.

117) Приемъ студентовъ происходитъ одинъ разъ въ годъ, передъ 20 августа, причемъ каждый студентъ обязанъ записаться на одинъ изъ существующихъ въ университетѣ факультетовъ.

118) Переходъ изъ одного Россійскаго университета въ другой разрѣшается правленіемъ того университета, въ который студентъ намѣренъ перейти; вступленіе же въ университеты воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія правленія подлежащаго университета и по представленіи воспитанникомъ аттестата зрѣлости или равносильнаго свидѣтельства.

119) Лица, принятыя въ число студентовъ, пользуются всѣми правами окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, хотя бы до того и не обучались въ сихъ заведеніяхъ.

120) Сверхъ студентовъ, допускаются къ слушанію лекцій и къ другимъ университетскимъ занятіямъ также постороннія лица, имѣющія определенное общественное положеніе или занятіе. Правила о приемѣ постороннихъ слушателей устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія.

121) Студенты и посторонніе слушатели (ст. 120) обязаны соблюдать часть соххху. отд. 1.

дать въ зданіяхъ университета порядокъ, установленный правилами, которыя утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія.

122) Посторонніе слушатели (ст. 120), за нарушение университетскихъ правилъ, могутъ быть временно удаляемы изъ университета, по распоряженію инспектора. Воспрещеніе лицамъ снмъ дальнѣйшаго входа въ университетъ зависитъ отъ ректора.

123) Въ зданіи университета, студенты подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій на общемъ основаніи; но подчиненіе надзору полиціи не освобождаетъ ихъ отъ повинненія своему учебному начальству.

124) О всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентомъ въ университетѣ, полиція немедленно увѣдомляетъ университетское начальство. Въ случаѣ полученія снмъ начальствомъ свѣдѣній о студентахъ, подвергшихся взысканіямъ по приговору суда, ректоръ предлагаетъ каждый разъ на обсужденіе правленія вопросъ о томъ, можетъ ли виновный быть оставленъ въ числѣ студентовъ, или же онъ подлежитъ увольненію или исключенію изъ университета. Равнымъ образомъ, по полученіи университетскимъ начальствомъ свѣдѣній о такихъ, совершенныхъ студентами въ университетѣ, проступкахъ, которне хотя и не повлекли за собою судебного преслѣдованія, но имѣютъ предосудительный характеръ, ректоръ предлагаетъ о снмъ на обсужденіе правленія, для постановленія надлежащаго рѣшенія.

125) Дѣла о нарушеніяхъ студентами установленныхъ министромъ народнаго просвѣщенія правилъ (ст. 121) рѣшаются, по степени важности нарушенія, инспекторомъ, или ректоромъ, или правленіемъ, съ утвержденіемъ постановленія попечителемъ учебнаго округа въ случаѣ наложенія болѣе важныхъ взысканій. Налагаемыя университетскими властями взысканія суть: выговоръ, арестъ (въ карцерѣ), увольненіе и исключеніе.

Примѣчаніе. Подробныя правила о взысканіяхъ за нарушеніе студентами ихъ обязанностей и о порядкѣ ихъ наложенія опредѣляются въ особой инструкціи, утверждаемой министромъ народнаго просвѣщенія.

126) Студентъ, которому не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще увольняется изъ университета.

127) Виды вспоможенія студентамъ суть: а) стипендія изъ средствъ государственнаго казначейства, различныхъ вѣдомствъ, установленій.

обществъ и частныхъ лицъ, соединенныя съ обязательною, по назначенію правительства, земства или городского общественнаго управленія, или же сословнаго общества, службою по окончаніи курса; б) стипендіи, пользование которыми не сопряжено съ означеннымъ обязательствомъ, и в) пособія въ достаточномъ для обезпеченія первыхъ нуждъ жизни размѣрѣ, выдаваемыя впредъ до назначенія стипендіи, подъ условіемъ безукоризненнаго поведенія и успѣшности занятій.

128) Заявія студентовъ, получающихъ стипендіи, находятся подъ особымъ наблюденіемъ и контролемъ, по правиламъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

129) Съ каждаго студента и посторонняго слушателя взимается за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ: а) въ пользу университета—по пяти рублей за каждое полугодіе и б) особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ которыхъ студентъ или слушатель желаетъ пользоваться, въ размѣрѣ примѣнительно къ нормѣ одного рубля за недѣльный часъ въ полугодіе.

130) Точный размѣръ особой платы въ пользу преподавателей, порядокъ взноса какъ сей платы, такъ и платы въ пользу университета и условія освобожденія студентовъ и слушателей отъ денежныхъ взносовъ устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія.

131) Министру народнаго просвѣщенія предоставляется переносить казенныя стипендіи, не присвоенныя исключительно извѣстному университету или опредѣленному факультету и не имѣющія спеціальнаго предназначенія, изъ однихъ университетовъ и факультетовъ въ другіе, сообразно какъ съ дѣйствительными потребностями государства въ тѣхъ или другихъ специалистахъ, такъ равно съ научными силами и средствами, коими располагаютъ тѣ или другіе университеты или факультеты, а также съ числомъ имѣющихся въ нихъ студентовъ.

132) Стипендіи, не соединенныя съ обязательствомъ службы, если въ актахъ объ учрежденіи оныхъ не постановлено особыхъ на сей предметъ правилъ, назначаются по особому состязательному испытанію, которое производится по правиламъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Министромъ издаются также правила, которыми университеты должны руководствоваться при назначеніи стипендіи, соединенныхъ съ обязательствомъ службы.

133) Единовременныя, ни съ какими обязательствами не соеди-

ненныя, пособія изъ штатныхъ и иныхъ суммъ, могутъ быть назначаемы студентамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

134) Для поощренія студентовъ къ научнымъ занатіямъ, факультетскими собраніями ежегодно предлагаются задачи, съ назначеніемъ за удовлетворительныя по нимъ сочиненія, смотря по достоинству ихъ, медали золотой или серебряной, или почетнаго отъѣзда.

Примѣчаніе. Число задачъ устанавливается ежегодно факультетскими собраніями, по принадлежности; общее же число медалей опредѣляется совѣтомъ университета, по разсмотрѣніи заявленій факультетовъ о предложенныхъ ими задачахъ и съ разрѣшенія попечителя.

135) Студенту, успѣшно окончившему полный университетскій курсъ, могутъ, по ходатайству собранія факультета, быть предоставлены способы для приготовленія къ ученой степени, съ соблюденіемъ при этомъ правилъ, устанавливаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ университетовъ. Стипендіи такимъ лицамъ назначаются на два года, но, по ходатайству факультетовъ, онѣ могутъ быть внослѣдствіи продолжены еще на годъ.

Примѣчаніе. Означенные въ сей статьѣ стипендіаты могутъ быть назначаемы ассистентами къ профессорамъ, сверхъ имѣющихся по штату лаборантовъ, помощниковъ прозектора и хранителей кабинетовъ. За труды по званію ассистентовъ, стипендіатамъ разрѣшается выдавать, сверхъ стипендій, вознагражденіе, по усмотрѣнію собраній факультетовъ.

136) Время, употребленное означенными въ статьѣ 135 лицами на приобрѣтеніе ученыхъ степеней, въ случаѣ поступленія сихъ лицъ на учебную службу, зачитается имъ въ дѣйствительную службу, по выслугѣ срока, равнаго тому времени, которое принимается къ зачету.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Права и преимущества университетовъ.

Глава I.

Права, принадлежащія университетамъ.

137. Университеты имѣютъ большую и малую печати, съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: „ИМПЕРАТОРСКАГО (такого-то) университета“.

138) Издавія, выходящія отъ имени университета или съ его одобренія, и все вообще печатаемое отъ имени университета не подлежатъ предварительной цензурѣ.

139) Получаемыя университетами изъ за границы печатныя произведенія, рукописи и учебныя пособія не подлежатъ разсмотрѣнію цензуры и оплатѣ пошлиною. Книжки и ящики съ сими предметами, адресованные въ университеты, въ пограничныхъ таможенныхъ не вскрываются, а только пломбируются и потомъ свидѣтельствуются въ университетахъ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника и завѣдывающаго установленіемъ, для котораго назначается учебное пособіе или библиотекаря, когда получены произведенія печати или рукописи.

140) Университеты имѣютъ право издавать періодическіе труды ученаго содержанія и имѣть собственныя типографіи и книжныя лавки на общемъ основаніи.

141) Университетамъ, въ составъ которыхъ входитъ медицинскій факультетъ, дозволяется содержать собственныя аптеки.

142) Выморочныя имущества, остающіяся послѣ служащихъ въ университетахъ лицъ, обращаются въ собственность сихъ учебныхъ заведеній, на основаніяхъ, указанныхъ въ ст. 1168 законовъ гражданскихъ (св. зак. т. X ч. 1, изд. 1857 г.).

143) Университетамъ предоставляется приобрѣтать, на правѣ полной собственности, движимыя и недвижимыя имущества. Льготы, которыми пользуются университеты относительно платежа пошлинъ, гербоваго и иныхъ сборовъ, а также по отправленію государственныхъ земскихъ и городскихъ повинностей, опредѣляются въ подлежащихъ уставахъ, по принадлежности.

144) Университеты имѣютъ право, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, возводить въ званіе почетныхъ членовъ лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ наукамъ или прославившихся своими дарованіями и заслугами, и выдавать имъ дипломы на это званіе.

145) Университетамъ предоставляется, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, учреждать ученыя общества. Уставы этихъ обществъ утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія.

146) Доходы, приносимые принадлежащими университетамъ имуществами, кромѣ тѣхъ доходовъ, которые отнесены къ спеціальнымъ средствамъ университетовъ, поступаютъ въ казну, на общемъ основаніи.

147) Плата, взимаемая со студентовъ и постороннихъ слушателей

въ пользу университетовъ (ст. 129 п. а.), а равно прочія спеціальныя средства университетовъ, составляютъ неотъемлемую ихъ собственность. Средства сіи могутъ быть употребляемы: а) на пособия учащимся, служащимъ въ университетѣ и семействамъ этихъ лицъ, съ разрѣшенія попечителя; б) на пополненіе суммъ для вознагражденія стипендіатовъ, оставляемыхъ при университетѣ; в) на надержки по напечатанію научныхъ сочиненій, издаваемыхъ отъ имени университета или съ его одобренія; г) на надержки при торжественныхъ собраніяхъ и вообще мелочныя расходы по разнымъ предметамъ, съ разрѣшенія попечителя; д) на командировки профессоровъ и другихъ лицъ, имѣющихъ ученые степени; е) на улучшеніе учебно-вспомогательныхъ установленій университета; ж) на добавленіе къ суммамъ, отпускаемымъ на содержаніе и ремонтъ университетскихъ зданій.

Глава II.

Преимущества лицъ, принадлежащихъ къ университету.

148) Служащіе при университетѣ, считаются, доколѣ состоятъ въ своихъ должностяхъ, въ присвоенныхъ имъ по штату классахъ, пользуются вообще преимуществами, означенными въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.). Профессоры, прозекторы и астрономы-наблюдатели утверждаются въ чинахъ, соответствующихъ классамъ ихъ должностей.

149) Профессоры, лекторы, прозекторы и ихъ помощники, астрономы-наблюдатели, бібліотекари и ихъ помощники, инспекторы и ихъ помощники, лаборанты и хранители кабинетовъ могутъ быть производимы двумя чинами выше класса, присвоеннаго ихъ должностямъ.

150) Приватъ-доцентамъ, въ случаѣ поступленія на государственную службу, время, проведенное въ семъ званіи, засчитывается въ дѣйствительную службу на томъ же основаніи, какъ время, проведенное въ званіи учителя гимназій; при назначеніи же въ профессоры университета, время это зачисляется также въ срокъ выслуги на званіе заслуженнаго профессора.

151) Приглашаемые изъ за границы преподаватели имѣютъ право, при первомъ въѣздѣ въ государство, привозить съ собою или выписывать послѣ того въ теченіе одного года разныя вещи и пожитки безпошлинно, на сумму пошлины девятьсотъ рублей. Въ сію сумму

не включаются пошлины съ такихъ, привезенныхъ самими преподавателями, вещей, которыя подлежатъ беспошлинному при въѣзжающихъ изъ за границы пропуску, а также съ учебныхъ нособій, состоящихъ въ книгахъ, инструментахъ, географическихъ картахъ и проч., которыя разрѣшается, безъ всякаго ограниченія, привозить изъ за границы какъ вызываемымъ въ университеты ученымъ иностранцамъ, такъ и возвращающимся въ отечество русскимъ преподавателямъ университетовъ и вообще лицамъ, командированнымъ правительствомъ въ иностранныя государства для усовершенствованія въ наукахъ.

Глава III.

О пенсіяхъ и пособіяхъ за службу въ университетахъ.

152) Лица, отнесенныя штатомъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ въ разрядъ состоящихъ по учебной службѣ, за исключеніемъ профессоровъ, о которыхъ постановлено особо въ статьѣ 154 настоящаго устава, пользуются, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, правами, опредѣленными въ статьяхъ 342—385 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (св. зак. т. III, изд. 1876 г.).

Примѣчаніе 1. Разчетъ пенсій и пособій дѣлается по окладамъ содержанія, указаннымъ въ новомъ штатѣ; причемъ подъ означенными окладами разумѣется совокупность жалованья, столовыхъ и квартирныхъ денегъ.

Примѣчаніе 2. Полный окладъ пенсій назначается: лаборантамъ—въ шестьсотъ пятьдесятъ рублей, ихъ помощникамъ—въ четыреста рублей и хранителямъ кабинетовъ—въ пятьсотъ рублей.

153) Инспекторъ студентовъ, въ случаѣ оставленія его, по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, на дальнѣйшей службѣ при университетѣ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ допускаетъ совмѣщеніе на службѣ пенсій и жалованья, получаетъ оную сверхъ содержанія, въ размѣрѣ, равномъ половинѣ выслуженнаго имъ пенсіоннаго оклада. Опредѣленными статьєю 363 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ

пособіяхъ прибавками къ пенсіоннымъ окладамъ инспекторъ не пользуется.

154) Профессоры, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, пользуются правами, опредѣленными въ статьяхъ 342—385 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (свод. зак. т. III, изд. 1876 г.), со слѣдующими измѣненіями: а) пенсіи по выслугѣ двадцати пяти и половинныя пенсіи—по выслугѣ двадцати лѣтъ, назначаются по размѣру жалованья, опредѣленнаго новымъ штатомъ; б) если профессоръ, по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, остается на службѣ при университетѣ, то пенсіи сверхъ жалованья не получаетъ; в) находясь на службѣ внѣ университета, въ случаяхъ, когда дѣйствующими постановленіями допускается совмѣщеніе пенсій и жалованья, выслужившій двадцатипятилѣтіе профессоръ получаетъ пенсію сверхъ жалованья, въ размѣрѣ половины выслуженнаго имъ оклада оной; г) послѣ тридцати лѣтъ учебной службы профессоръ получаетъ въ пенсію полный окладъ содержанія по новому штату (полагая въ составѣ содержанія жалованье, столовыя и квартирныя); д) званіе заслуженнаго профессора даетъ преподавателю право сохранить свою пенсію сверхъ жалованья при службѣ внѣ университета; е) единовременныя пособія назначаются, на основаніи дѣйствующихъ постановленій, по размѣру полного оклада содержанія профессора.

Примѣчаніе 1. Пенсіи семействамъ умершихъ пенсіонеровъ назначаются на основаніи дѣйствующихъ постановленій, по размѣру пенсіоннаго оклада умершаго. Пенсіонный окладъ профессора, выслужившаго тридцать лѣтъ, не увеличивается чрезъ пятилѣтія.

Примѣчаніе 2. Служба профессоромъ богословія, при исчисленіи пенсіи и удостоеніи званія заслуженнаго профессора, считается: священническая—наравнѣ съ гражданскою, семинарская—наравнѣ съ гимназическою и академическая—наравнѣ съ университетскою.

155) Профессоры, выходящіе въ отставку по совершенно разстроенному на службѣ здоровью или по приключившейся неизлечимой болѣзни, получаютъ въ пенсію: прослужившіе отъ десяти до двадцати лѣтъ—одну треть оклада, прослужившіе отъ двадцати до двад-

пяти пяти лѣтъ—двѣ трети оклада, прослужившіе двадцать пять лѣтъ и болѣе—полный окладъ причитающейся пенсіи.

156) Профессоры, одержимые тяжкими и неизлѣчимыми болѣзнями, которыя лишаютъ ихъ не только возможности продолжать службу, но и обходиться безъ постоянного посторонняго ухода, получаютъ, при отставкѣ въ пенсію: прослужившіе отъ пяти до десяти лѣтъ—одну треть оклада, прослужившіе отъ десяти до двадцати лѣтъ—двѣ трети оклада, а прослужившіе двадцать лѣтъ и болѣе—полный окладъ причитающейся пенсіи.

157) Лица, отнесенныя штатомъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ въ разрядъ имѣющихъ преимущества медицинской службы, пользуются, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, правами опредѣленными въ статьяхъ 505—533 устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособияхъ (св. зак. т. III, изд. 1876 г.). Всѣ прочія затѣмъ лица, состоящія на службѣ въ университетахъ, получаютъ пенсіи и единовременныя пособія по правиламъ, изложеннымъ въ статьяхъ 1—243 того же устава.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

ВРЕМЕННЫЙ

Императорскихъ Россійскихъ университетовъ

	Число лицъ по университетамъ.					
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.
I. Личный составъ.						
1. По учебной частн.						
Ректоръ	1	1	1	1	1	1
Ему добавочныхъ	—	—	—	—	—	—
Декановъ	4	4	4	4	4	3
Имъ добавочныхъ	—	—	—	—	—	—
Секретарей факультетовъ	4	4	4	4	4	3
Имъ добавочныхъ	—	—	—	—	—	—
Профессоръ богословія	1	1	1	1	1	1
Ординарныхъ профессоровъ	41	49	49	49	49	35
Экстраординарныхъ профессоровъ	17	23	23	23	23	14
Преподавателей восточныхъ языковъ въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ	—	—	—	2	—	—
Астрономъ-наблюдатель	—	1	—	1	1	1
Прозекторовъ	1	6	6	6	6	1
Помощниковъ прозекторовъ	—	6	6	6	6	—
Лекторовъ иностранныхъ языковъ	4	4	4	4	4	4
Лекторовъ восточныхъ языковъ	8	—	—	—	—	—
Ординаторовъ факультетскихъ библиотекъ	—	6	6	6	6	—
Ординаторовъ госпитальныхъ библиотекъ	—	2	3	4	2	—

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«Быть по сему.»

Въ С.-Петербургѣ, 23-го Августа 1884 г.

Ш Т А Т Ъ.

управляемыхъ по общему о нихъ уставу.

Содержаніе въ годъ.				Итого по университетамъ.							Классы и разряды.		
Жалованья.	Слотовыя.	Квартирныя.	Одному.	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владивира.	Новороссійскому.	Всего на шесть университетовъ.	По должности.	По пятю на мундиръ.	По пенсіи.
Р у б л и н.													
1500	—	квар. на н.	1500	1500	1500	2000	1500	1500	1500	9500	IV	IV	По учебной службѣ.
600	—	—	600	2400	2400	2400	2400	2400	1800	13800	V	V	
300	—	—	300	1200	1200	1200	1200	1200	900	6900	V	V	
2400	300	300	3000	3000	3000	3000	3000	3000	3000	18000			
2400	300	300	3000	123000	147000	147000	147000	147000	105000	816000	V	V	
1600	200	200	2000	34000	46000	46000	46000	46000	28000	246000	VI	VI	
1600	200	200	2000	—	—	—	4000	—	—	4000	VI	VI	
1200	150	квар. на н.;	1350	—	1350	—	1350	1350	1350	5400	VII	VII	
1200	150	150	1500	1500	9000	9000	9000	9000	1500	39000	VII	VII	
500	—	—	500	—	3000	3000	3000	3000	—	12000	VIII	VIII	
800	100	100	1000	4000	4000	4000	4000	4000	4000	24000	VIII	VIII	
800	100	100	1000	8000	—	—	—	—	—	8000	VIII	VIII	
480	120	—	600	—	3600	3600	3600	3600	—	14400	VIII	VIII	
480	120	—	600	—	1200	1800	2400	1200	—	6600	VIII	VIII	

по мѣрѣ по учеб. и лекц. службѣ.

	Число лицъ по университетамъ.					
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.
Провизоръ	—	1	1	1	1	—
Аптекарьскихъ учениковъ	—	2	2	2	2	—
Механикъ	1	1	1	1	1	1
Препараторъ по кафедрѣ физики	1	1	1	1	1	1
Библіотекарь	1	1	1	1	1	1
Помощниковъ бібліотекаря	3	5	3	3	4	2
Секретарь бібліотеки	—	1	—	—	1	—
Лаборантовъ	—	—	—	—	—	—
Помощниковъ лаборантовъ	—	—	—	—	—	—
Хранителей кабинетовъ	—	—	—	—	—	—
Чучельниковъ	—	—	—	—	—	—
Садовникъ	1	1	1	1	1	1
2. По хозяйственной части, управленію и дѣлопроизводству						
Совѣтникъ правленія	—	1	—	—	—	—
Секретарь совѣта	1	1	1	1	1	1
Секретарь правленія	1	1	1	1	1	1
Помощникъ секретаря правленія	—	—	—	—	1	—
Экзекуторъ	1	1	1	1	1	1
Помощникъ экзекутора	—	1	—	—	—	—
Врачъ	1	1	1	1	1	1
Казначей	1	1	1	1	1	1
Бухгалтеръ	1	1	1	1	1	1

Содержаніе въ годъ.				Итого по университетамъ.							Всего на шесть университетовъ.	Классы и разряды.		
Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.	По должн.и.		По шитью на мундиръ.	По пенс.и.	
650	150	—	800	—	800	800	800	800	—	3200	X	X		
250	—	—	250	—	500	500	500	500	—	2000			по мед. динской служб.	
450	—	—	450	450	450	450	450	450	450	2700	XIV	X	IX	
400	—	—	400	400	400	400	400	400	400	2400	XIV	X	IX	
1300	300	200	1800	1800	1800	1800	1800	1800	1800	10800	VI	VI		
480	120	—	600	1800	3000	1800	1800	2400	1200	12000	VIII	VIII	по учеб. служб.	
400	—	—	400	—	400	—	—	400	—	800	X	X	VII	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	VIII	VIII		
—	—	—	—	8000	8500	7500	7500	7500	5500	44500	IX	IX		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	IX	IX	по учебной служб.	
600	—	—	600	600	600	600	600	600	600	3600				
1000	500	кварт. въ нѣж.	1500	—	1500	—	—	—	—	1500	VI	VI	III ст. 2	
1200	300		1500	1500	1500	1500	1500	1500	1500	1500	9000	VIII	VIII	III ст. 2
800	200	—	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	6000	VIII	VIII	III ст. 2	
400	—	—	400	—	—	—	—	400	—	400	XII	XII	VIII	
1200	—	кварт. въ нѣж.	1200	1200	1200	1200	1200	1200	1200	7200	VIII	VIII	III ст. 2	
400	—		400	—	400	—	—	—	—	—	400	XII	XII	VIII
400	200	—	600	600	600	600	600	600	600	3600	VIII	VIII	по мед. служб.	
800	200	—	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	6000	IX	IX	VII	
800	200	—	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	6000	IX	IX	VII	

	Число лицъ по университетамъ.					
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.
Помощникъ бухгалтера	—	1	—	—	1	—
Архитекторъ	1	1	1	1	1	—
Архивариусъ	1	1	1	1	1	1
Письмоводитель при медицинскомъ факультетѣ	—	1	1	1	1	—
Экономъ-эксекторъ факультетскихъ клиникъ	—	1	—	—	—	—
Смотритель клиникъ	—	—	1	1	1	—
Письмоводитель конторы факультетскихъ клиникъ . . .	—	1	—	—	—	—
Повивальная бабка	—	1	1	1	1	—
Фельдшеровъ при студенческихъ больницахъ	—	2	2	2	2	—
Фельдшеровъ при клиникахъ	—	6	6	6	6	—
На вознагражденіе привать-доцентовъ	—	—	—	—	—	—
На содержаніе инспекціи	—	—	—	—	—	—
II. Учебно-вспомогательныя установленія и хозяйственные расходы.						
1. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ.						
На кабинеты: астрономическій; механическій, физическій (съ лабораторією), зоологическій, минералогическій, геологическій, палеонтологическій, ботаническій, зоотомическій, агрономическій и физиологическій, а также на лабораторіи: химическую и техническую и на ботаническій садъ	—	—	—	—	—	—
2. Въ Московскомъ университетѣ.						
На обсерваторію и кабинеты: практической механики, физическій (съ лабораторією), зоологическій, минералогическій, геологическій, палеонтологическій, ботаническій, сравнительной анатоміи, технологическій (съ лабораторією) и агрономическій (съ лабораторією), на химическую лабораторію и на ботаническій садъ . . .	—	—	—	—	—	—

Содержаніе въ годъ.				Итого по университетамъ.							Всего на шесть университетовъ.	Классы и разряды.		
Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.	По должности.		По шитью на мундиръ.	По пенсін.	
600	—	—	600	—	600	—	—	600	—	1200	X	X	VIII	
400	200	—	600	600	600	600	600	600	600	3600	IX	X	VII	
500	—	—	500	500	500	500	500	500	500	3000	X	X	VIII	
400	—	—	400	—	400	400	400	400	—	1600	X	X	VIII	
600	—	кварт. въ нат.	600	—	600	—	—	—	—	600	XII	XII	VIII	
400	—	кварт. въ нат.	400	—	—	400	400	400	—	1200	XII	XII	VIII	
400	—	кварт. въ нат.	400	—	400	—	—	—	—	400	X	X	VIII	
400	—	кварт. въ нат.	400	—	400	550	400	400	—	1750				
200	40	кварт. въ нат.	240	—	480	480	480	480	—	1920				
200	40	кварт. въ нат.	240	—	1440	2160	1440	1440	—	6480			по медицинск. своей службѣ.	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60000				
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	93940				
—	—	—	—	22000	—	—	—	—	—	22000				

	Число лицъ по университетамъ.					
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.
На музеи физиологической и патологической анатоміи, лабораторію медицинской химіи, кабинеты: фармацевтический (съ лабораторіею), фармакологическій и судебно-медицинскій, а также на учебныя пособия при клиникахъ	—	—	—	—	—	—
3. Въ Харьковскомъ университетѣ.						
На кабинеты: астрономическій, практической механики физической (съ лабораторіею), физической географіи, зоологическій (съ лабораторіею), зоотомическій (съ лабораторіею), минералогическій, геологическій, ботанический, технологическій (съ лабораторіею) и агрономическій (съ лабораторіею), на химическую лабораторію съ медицинскимъ ея отдѣленіемъ и на ботаническій садъ	—	—	—	—	—	—
На кабинеты: физиологической анатоміи, патологической анатоміи, общей патологіи, физиологическій (съ лабораторіею), гистологическій, судебно-медицинскій, хирургическій, акушерскій, терапевтическихъ клиникъ и электротерапіи и на фармацевтическую лабораторію.	—	—	—	—	—	—
4. Въ Казанскомъ университетѣ.						
На обсерваторіи: астрономическую, метеорологическую и магнитную, кабинеты: практической механики, физической, физической географіи, зоологическій, минералогическій, геологическій, ботанический, зоотомическій, технологическій (съ лабораторіею) и агрономическій, на лабораторіи: химическую, медико-химическую и для занятій студентовъ аналитическую химіею, а также на ботаническій садъ	—	—	—	—	—	—
На музеи: физиологической и патологической анатоміи, кабинеты: физиологическій, гистологическій, по общей патологіи, фармацевтический (съ лабораторіею), фармакологическій, по кафедрѣ гігіены, офтальмологическій, судебно-медицинскій, терапевтическихъ клиникъ, хирургическихъ клиникъ и акушерскій	—	—	—	—	—	—

Содержаніе въ годъ.				Итого по университетамъ.						Классы и разряды.			
Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.	Всего на шесть университетовъ.	По должности.	По штату на мундирѣ.	По пенсіи.
Р у б л и н.													
—	—	—	—	—	5500	—	—	—	—	5500			
—	—	—	—	—	—	13000	—	—	—	13000			
—	—	—	—	—	—	6500	—	—	—	6500			
—	—	—	—	—	—	—	13500	—	—	13500			
—	—	—	—	—	—	—	6750	—	—	6750			

	Число лицъ по университетамъ.				
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владимірскаго Новороссійскому.
5. Въ Университетъ Св. Владиміра.					
На обсерваторіи: астрономическую и метеорологическую, кабинеты: практической механики; физическій (съ лабораторією), зоологическій, минералогическій, ботанический, зоотомическій (съ лабораторією), технологическій (съ лабораторією), и агрономическій, на химическую лабораторію и ботанической садъ . . .	—	—	—	—	—
На кабинеты: физиологической и патологической анатоміи, гистологическій, фармацевтический (съ лабораторією), фармакологическій (съ лабораторією), судебно-медицинскій, при факультетскихъ клиникахъ: терапевтической, хирургической, акушерской и глазной, при госпитальныхъ клиникахъ: терапевтической и хирургической и при дерматологической клиникѣ въ военномъ госпиталѣ, а также на лабораторіи: медицинской химіи, при кафедрѣ гистологіи и эмбриологіи	—	—	—	—	—
6. Въ Новороссійскомъ университетѣ.					
На обсерваторію, кабинеты: практической механики, физическій (съ лабораторією), физической географіи, зоологическій, минералогическій, геологическій и палеонтологическій, зоотомическій, технологическій (съ лабораторією) и агрономическій (съ лабораторією), на химическую лабораторію и на ботанической садъ.	—	—	—	—	—
7. Общіе расходы въ нѣсколькихъ университетахъ:					
На библіотеки, выписку газетъ и журналовъ	—	—	—	—	—
На содержаніе факультетскихъ-клиникъ	—	—	—	—	—
На содержаніе госпитальныхъ клиникъ	—	—	—	—	—
На содержаніе офтальмологической клиники въ Харьковскомъ университетѣ	—	—	—	—	—
На музей древностей и изящныхъ искусствъ и на собраніе монетъ и медалей	—	—	—	—	—

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

71

Содержаніе въ годъ.				Итого по университетамъ.							Классы и разряды.		
Жагованье.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.	Всего на шесть университетовъ.	По должности.	По штыю на мундиръ.	По пенсн.
—	—	—	—	—	—	—	—	13000	—	13000			
—	—	—	—	—	—	—	—	6500	—	6500			
—	—	—	—	—	—	—	—	—	13500	13500			
—	—	—	—	7000	7000	7000	7000	7000	5500	40500			
—	—	—	—	—	15000	10000	10000	10000	—	45000			
—	—	—	—	—	1500	1200	1500	1200	—	5400			
—	—	—	—	—	—	1500	—	—	—	1500			
—	—	—	—	2000	1250	1250	1250	1250	1250	8250			

4*

	Число лицъ по университетамъ.				
	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра Новороссійскому.
На содержаніе православной церкви съ причтомъ	—	—	—	—	—
На содержаніе больницъ для студентовъ	—	—	—	—	—
На отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ, содержаніе въ чистотѣ зданій и на содержаніе нижнихъ служителей	—	—	—	—	—
На наемъ писцовъ, канцелярскіе расходы, печатаніе извлеченій изъ отчета, учебныхъ плановъ и проч.	—	—	—	—	—
III. вспоможеніе учащимся.					
На стипендіи и пособія	—	—	—	—	—
На 100 Императорскихъ стипендій, Всемилостивѣйше пожалованныхъ С.-Петербургскому университету	—	—	—	—	—
На казенныя медицинскія стипендіи	—	—	—	—	—
На стипендіи Св. Кирилла и Меѳодія	—	—	—	—	—
На преміи	—	—	—	—	—
Итого	96	143	136	140	140

П р и м ѣ

1-е. Въ Харьковскомъ университетѣ ректору, повивальной бабкѣ и фельдшеру слѣдующемъ размѣрѣ: ректору — добавочныя пятьсотъ рублей, повивальной бабкѣ —

2-е. Суммы, назначенныя по сему штату на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, суммы на образованіе Императорскихъ стипендій, поступають въ распоряженіе ихъ сообразно дѣйствительной потребности. Сумма, Всемилостивѣйше пожалованная на чительню сему университету.

3-е. Квартиры въ зданіяхъ университетовъ, кромѣ должностныхъ лицъ, кото ления, бухгалтеру, казначею, помощникамъ инспектора, бібліотекаря, архивариуса, состоящимъ при нихъ лицамъ, если обширность означенныхъ зданій и количество

4-е. Число помощниковъ бібліотекаря можетъ быть увеличено при значитель народнаго просвѣщенія сносятся съ министерствомъ финансовъ объ отпускѣ изъ госу бібліотекаря.

Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта,

Содержаніе въ годъ.				Итого по университетамъ.							Всего на шесть университетовъ.	Классы и разряды.		
Жалованье.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	С.-Петербургскому.	Московскому.	Харьковскому.	Казанскому.	Св. Владиміра.	Новороссійскому.	По должности.		По штѣмъ на мундиръ.	По пенсіи.	
				Р	у	б	л	н.						
—	—	—	—	1500	2500	1200	1000	1000	1000	8200				
—	—	—	—	—	2500	1500	1500	2000	—	7500				
—	—	—	—	43000	100000	30300	43000	36000	28000	280300				
—	—	—	—	6500	7500	5500	4500	4500	4500	33000				
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	135876				
—	—	—	—	30000	—	—	—	—	—	30000				
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26400				
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4800				
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6924				
—	—	—	—	311050	409570	327190	342820	332070	218150	2268790				

ч а н і я:

рамы при клиникахъ, вмѣсто квартиръ въ натурѣ, полагаются квартирные деньги въ сто-пятьдесятъ рублей и фельдшерамъ при клиникахъ—по сто-двадцати руб. въ годъ. на содержаніе инспекціи и на вспомоцествованіе учащимся, за исключеніемъ лишь министра народнаго просвѣщенія, который распредѣляетъ оныя по университетамъ, образованіе ста стипендій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, принадлежитъ исклю-

рымъ вложеныя квартиры по штату, могутъ быть отводимы также секретарю прав-архитектору, а также завѣдывающимъ учебно-вспомогательными установленіями и нѣвующихся въ нихъ свободныхъ помѣщеній сіе дозволить.

номъ умноженіи числа книгъ въ университетскихъ бібліотекахъ. Для сего министръ дарственнаго казначейства суммы, потребной на вновь опредѣляемыхъ помощниковъ

генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО, ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ Петергофѣ. 23-го августа 1884 года. *Вытъ по сему.*

РОСПИСАНІЕ

должностей и окладовъ содержанія по инспекціи въ университетахъ.

	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
	Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Одному.	По должности.	По пятю на мундиръ.	По пенсіи.
	Р у б л и.						
Инспекторъ	1500	1500	Квартира въ натурѣ.	3000	V	V	По учебной службѣ.
Помощникъ инспектора	750	750	—	1500	VIII	VIII	
Секретарь по студенческимъ дѣламъ	600	600	Квартира въ натурѣ.	1200	VIII	VIII	
Служители инспекціи и писцы.	П о в о л ь н о м у				н а в ѣ м у.		

Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ *фонъ-Кауфманъ.*

II. ВЪСОЧАЙШІЙ РЕОКРИПТЪ.

Нашему Императорскому университету св. Владиміра.

Полвѣка тому назадъ, въ Возѣ почивающій Дѣдъ Нашъ Императоръ Николай I призналъ за благо учредить въ Кіевѣ разсадникъ высшаго образованія, наименовавъ его университетомъ св. Владиміра. Воздвигнутый у колыбели духовнаго просвѣщенія Россіи, украшенный именемъ великаго просвѣтителя ея, университетъ св. Владиміра, по мысли Державнаго Основателя его, долженствовалъ не только слу-

жить къ подготовленію образованнаго юношества на полезное и вѣрное служеніе Россіи, но и быть проводникомъ духовнаго единенія въ общемъ трудѣ русскихъ умственныхъ силъ на пользу наукъ и русскаго слова. Университетъ св. Владиміра исполнилъ свое призваніе, и въ настоящій торжественный день Мнѣ пріятно вспомнить о заслугахъ бывшихъ и настоящихъ полезныхъ дѣателей сего заведенія и изъявить университету Мое благоволеніе и Мою признательность.

Я увѣренъ, что университетъ св. Владиміра, вѣрный своему прошлому и памятуя великое значеніе, какое Кіевскія учебныя заведенія имѣютъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, будетъ и впредь съ прежнимъ рвеніемъ посвящать труды свои на благо отечественнаго просвѣщенія и въ многочисленныхъ питомцахъ своихъ образовывать людей, твердыхъ въ вѣрѣ и нравственности, преданныхъ Престолу и отечеству, готовыхъ честно трудиться на поприщѣ государственной и общественной дѣятельности.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „Александръ“.

сентября 8-го дня 1884 года.

Любохонецъ

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (13-го іюля 1884 г.) О размѣрѣ пенсій лицамъ русскаго происхожденія, перешедшимъ изъ Имперіи на учебную службу въ губерніи Царства Польскаго, при выходѣ ихъ въ отставку по болѣзни прежде выслуги 5 лѣтъ въ Царствѣ и 3 лѣтъ въ должности.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія о размѣрѣ пенсій лицамъ русскаго происхожденія, перешедшимъ изъ Имперіи на учебную службу въ губерніи Царства Польскаго, при выходѣ ихъ въ отставку по болѣзни прежде выслуги 5 лѣтъ въ Царствѣ и 3 лѣтъ въ должности.

Комитетъ полагалъ:

Въ разъясненіе дѣйствующихъ законоположеній о правахъ на пенсію лицъ русскаго происхожденія, перешедшихъ изъ Имперіи на учебную службу въ губерніи Царства Польскаго, постановить, что правомъ на полученіе пенсій изъ окладовъ, послѣднимъ должностямъ

присвоенныхъ, независимо отъ выслуги установленныхъ ст. 13 правилъ 30-го іюля 1867 г. сроковъ, т. е. 5 лѣтъ въ Царствѣ и 3 лѣтъ въ послѣдней должности, могутъ воспользоваться лишь тѣ изъ помянутыхъ чиновниковъ, кои оставляя службу въ Царствѣ по тяжкимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, подходящимъ подъ дѣйствіе ст. 377 Пенс. Уст. (изд. 1876 г.).

Государь Императоръ, въ 13-й день іюля 1884 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

IV. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(13-го іюля 1884 г. № 7). Утверждаются: почетный мировой судья Елатомскаго округа князь Кудашевъ и потомственный почетный гражданинъ Гадаловъ—почетными попечителями гимназій: первый—Елатомской и послѣдній—Красноярской, оба на три года.

Главный командиръ Кронштадтскаго порта, военный губернаторъ города Кронштадта, вице-адмиралъ Шварцъ и коллежскій ассессоръ Хлѣбниковъ — почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый—Кронштадтскаго и послѣдній—Астраханскаго, оба на три года.

Почетный членъ попечительнаго комитета Кунгурскаго техническаго Губкина училища, потомственный почетный гражданинъ Александръ Кузнецовъ—почетнымъ попечителемъ сего училища.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго университета св. Владимира Казанцеву — по 1-е января 1885 года.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлію: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Гиршгорну — разрѣшенный ему заграничный отпускъ съ 1-го іюля по 1-е сентября сего года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета Трейдосевичъ и Лагоріо—съ 11-го по 25-го сентября сего года.

Экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шмидтъ — на сентябрь мѣсяць сего года.

Старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ Нюрень — на два мѣсяца.

Окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Новосадскій—на два года (Высоч. повелѣніе 12-го іюня 1884 г.).

Увольняются въ отпускъ въ разныя губерніи Россіи: попечитель Харьковскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Максимовскій—на двадцать восемь дней.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Сергіевскій—на два мѣсяца, по болѣзни.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

9. (15-го іюля 1884 г.). Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія начальникамъ учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Оренбургскаго, Дерптскаго и Кавказскаго о порядкѣ приѣма еврейскихъ дѣтей въ учебныя заведенія.

По дѣйствующему закону, Евреи, въ отношеніи избранія мѣста жительства, ограничены въ правахъ сравнительно съ прочимъ населеніемъ, и внѣ тѣхъ губерній, которыя указаны въ ст. 16 уст. о пасп. по прод. 1876 г., для постоянного ихъ жительства, селиться имъ дозволяется не иначе, какъ при соблюденіи извѣстныхъ, точно указанныхъ въ законѣ условій. Этими же ограниченіямъ подлежатъ и дѣти евреевъ.

Между тѣмъ изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, какъ нынѣ мнѣ это министерство сообщило, усматривается, что дѣти лицъ еврейскаго происхожденія принимаются повсемѣстно въ Имперіи въ учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія на общихъ основаніяхъ, существующихъ для приѣма въ означенныя заведенія лицъ прочихъ исповѣданій, безъ соображенія съ тѣмъ; находятся ли эти заведенія въ мѣстности, входящей въ черту еврейской осѣлости, или нѣтъ. Такой порядокъ представляетъ значительныя неудобства, такъ какъ съ одной стороны даетъ еврейскимъ дѣтямъ возможность проживать въ губерніяхъ, гдѣ имъ постоянное жительство воспрещено, а съ другой служить нерѣдко поводомъ къ возбужденію ходатайствъ со стороны родителей и родственниковъ такихъ дѣтей, которыя уже приняты въ указанныя заведенія, о разрѣшеніи имъ совмѣстнаго жительства съ дѣтьми, для

доставленія имъ средствъ къ окончанію образованія. Въ видахъ устраненія столь нежелательныхъ явленій, министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ необходимымъ, приѣмъ еврейскихъ дѣтей въ учебныя заведенія, находящіяся внѣ черты еврейской осѣдлости, обусловитъ представленіемъ ими, вмѣстѣ съ прочими документами, свидѣтельство мѣстнаго полицейскаго начальства о томъ, что имъ въ данной мѣстности жить разрѣшается.

Вслѣдствіе сего, за министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, сенаторъ генераль-лейтенантъ Оржевскій проситъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе.

На основаніи св. зак. т. IX зак. о сост. ст. 966, дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ училищахъ и пансіонахъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ жительство отцамъ ихъ дозволено; а по ст. 967, тѣмъ изъ евреевъ, кои окончивъ гимназическій курсъ, получаютъ аттестатъ и пожелаютъ приобрести высшее образованіе, дозволяется вступать для продолженія наукъ въ университеты, академіи и другія высшія учебныя заведенія по всей Имперіи.

Принимая во вниманіе вышензложенное, я долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь, при приѣмѣ учениковъ, начальства учебныхъ заведеній, руководствуясь приведенною 966 ст. зак. о сост., принимали еврейскихъ дѣтей не иначе, какъ при условіи представленія ими указанныхъ выше свидѣтельствъ отъ полиціи.

10. (21-го іюля 1884 года). Положеніе о стипендіи имени бывшего директора Томской губернской гимназіи и училищъ Томской губерніи, статскаго совѣтника Ивана Кузьмича Смирнова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ пятьсотъ руб., собраннаго по добровольной подпискѣ служащими въ Томской губернской гимназіи, Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ и въ Маріинской женской гимназіи, учреждается при Томской губернской гимназіи одна стипендія съ наименованіемъ оной „стипендія бывшего директора Томской гимназіи и училищъ Томской губерніи Ивана Кузьмича Смирнова“.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ обли-

гаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Томской губернской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность и оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

3) На хозяйственный комитетъ гимназіи возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы упомянутый въ § 1 капиталъ своевременно былъ обмѣниваемъ на выгодныя правительственныя процентныя бумаги.

4) Означенная стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ приходящихъ учениковъ Томской губернской гимназіи и обращается на уплату за право ученія (двадцать рублей) и на учебники (пять рублей въ годъ).

5) Стипендіей этой можетъ пользоваться ученикъ Томской гимназіи, начиная со II-го класса, имѣющій хорошіе успѣхи и отличное поведеніе.

6) Стипендіатъ, оказавшій неудовлетворительные успѣхи или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи и оставленный вслѣдствіе этого на другой годъ въ классѣ, лишается права пользованія этой стипендіею, которая за тѣмъ предоставляется другому, достойному ученику.

7) Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его этой стипендіи, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

8) Могущіе образоваться, по какимъ-либо причинамъ, остатки отъ этой стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

11. (4-го іюля 1884 года). Положеніе о стипендіи имени Марка Аріановича Данцига при Виленской мужской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго умершимъ Виленскимъ нотариусомъ Маркомъ Аріановичемъ Данцигомъ капитала въ тысячу рублей, учреждается при Виленской мужской прогимназіи одна стипендія имени жертвователя.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціи втораго восточнаго займа хранится, въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Виленской прогимназіи, составляя неотъемлемую собственность этой прогимназіи и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Въ случаѣ выхода обеспечивающей стипендію облигаціи восточнаго займа въ тиражъ, капиталъ обращается въ другія соответственныя государственныя процентныя бумаги.

4) Проценты съ капитала употребляются на плату за право ученія и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій для одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Виленской прогимназіи, іудейскаго исповѣданія, преимущественно изъ родственниковъ жертвователя или его жены.

5) Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Виленской прогимназіи.

6) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею доколѣ педагогическій совѣтъ прогимназіи признаетъ успѣхи его удовлетворительными, а поведеніе хорошимъ; въ противномъ случаѣ на стипендію выбирается другой ученикъ прогимназіи.

7) Стипендіату, оставшемуся по уважительной причинѣ въ томъ же классѣ на другой годъ, выдача стипендіи не прекращается, но при условіяхъ, выраженныхъ въ предыдущемъ пунктѣ.

8) Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу на предметъ увеличенія размѣра стипендіи.

9) Въ случаѣ преобразованія Виленской прогимназіи въ гимназію капиталъ остается въ сей послѣдней съ тѣмъ же назначеніемъ; въ случаѣ же совершеннаго закрытія сего учебнаго заведенія капиталъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, въ другое подобнаго рода учебное заведеніе г. Вильны, по назначенію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

10) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (15-го августа 1884 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта, адмирала Козакевича, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени генераль-адъютанта, адмирала Козакевича, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго служащими въ Кронштадтѣ адмиралами, генералами и офицерами морскаго и сухопутнаго вѣдомствъ, должностными лицами, служащими въ учрежденіяхъ Крон-

штадтскаго порта, и гражданами города Кронштадта капитала въ одну тысячу четыреста рублей.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, на одну тысячу четыреста рублей, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ спеціальныхъ средствахъ гимназій.

3) Право избранія стипендіатки принадлежитъ пожизненно генералу-адъютанту Козакевичу и его супругѣ, а по смерти ихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

4) Стипендіаткѣ, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ стипендіи можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназій и при томъ съ согласія адмирала Козакевича и его супруги.

5) Могущія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіатки деньги выдаются на руки родителямъ стипендіатки на учебныя потребности.

6) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ стипендіальной суммы присоединяется къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

7) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ,

13. (18-го августа 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о пособіяхъ законоучителямъ народныхъ школъ.

На основаніи Высочайше утвержденного, 29 мая 1869 г., мнѣнія государственнаго совѣта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія между сельскимъ населеніемъ въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія, ежегодно отпускается изъ казны по финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія по 1500 руб. на каждую губернію на стипендіи тѣмъ изъ назначенныхъ въ священно-служители окончившимъ курсъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, которые будутъ избраны земствомъ или обществами на учительскія должности въ содержимыхъ на ихъ счетъ начальныхъ народныхъ училищахъ:

Нынѣ, съ учрежденіемъ учительскихъ семинарій и открытіемъ педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназійхъ, составъ учителей народныхъ школъ пополняется преимущественно лицами, полу-

чившими образованіе въ сихъ заведеніяхъ, и воспитанники, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, получая назначеніе согласно ихъ образованію и призванію на поприщѣ пастырскаго служенія, составляютъ меньшинство учительскаго персонала въ сельскихъ школахъ, а поэтому помянутыя деньги расходуются преимущественно на награды и пособія учителямъ народныхъ школъ.

Въ настоящее время, при сознаваемой правительствомъ необходимости мѣропріятій къ возвышенію уровня религіозно-нравственнаго воспитанія народа, духовному вѣдомству предстоитъ не легкая задача выискать способы къ достиженію сей цѣли. Вслѣдствіе сего г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода ходатайствуетъ о томъ, что бы означенная сумма впредь была распредѣляема на денежные пособія тѣмъ священно и церковно-служителямъ, которые, находясь въ дѣйствительно бѣдныхъ приходахъ, особенно же въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, содѣйствуютъ посредствомъ школы религіозному и умственному просвѣщенію народа.

Признавая, съ своей стороны, вполне справедливымъ, чтобы указанный кредитъ, сверхъ прямого его назначенія, также былъ расходуетъ на пособія священно и церковно-служителямъ на изложенныхъ г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ основаніяхъ, имѣю честь объ этомъ увѣдомить ваше превосходительство, для руководства по вѣренному вамъ учебному округу.

14. (19-го августа 1884 года). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Ивана Алексѣевича Петровскаго при Зѣньковской женской прогимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 г. при Зѣньковской женской прогимназіи учреждается одна стипендія имени статскаго совѣтника И. А. Петровскаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ семьсотъ шестьдесятъ одинъ руб. девяносто девять коп., собраннаго по добровольной подпискѣ жителями г. Зѣнькова и Зѣньковскаго уѣзда.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Зѣньковскомъ уѣздномъ канцелярствѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ мѣстной женской прогимназіи, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

3) Выборъ стипендіатки изъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію

бѣдныхъ ученицъ принадлежатъ пожизненно статскому совѣтнику Ивану Алексѣевичу Петровскому, а по смерти его, право это переходитъ къ попечительному совѣту Эвънковской женской прогимназіи.

4) Стипендія распределяется слѣдующимъ образомъ: половина получаемыхъ ежегодно съ капитала процентовъ выдается стипендіаткѣ въ теченіе полнаго курса ежегодно для уплаты за право ученія и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, другая же половина процентовъ сохраняется въ Эвънковскомъ уѣздномъ казначействѣ и выдается стипендіаткѣ полностью по окончаніи ею полнаго курса прогимназіи.

5) Выдача стипендіи прекращается: а) за окончаніемъ стипендіаткою курса, б) за смертію, в) исключеніемъ стипендіатки изъ прогимназіи или добровольнымъ оставленіемъ ею учебнаго заведенія и г) за непереходомъ въ слѣдующій классъ по лѣности или нерадѣнію.

6) Во всѣхъ случаяхъ, въ предыдущемъ 5 пунктѣ указанныхъ, замѣна бывшей стипендіатки другою дѣлается тѣми лицами, которымъ предоставлено право избранія стипендіатки. Эти же лица рѣшаютъ вопросъ о томъ, лишается ли стипендіатка права на стипендію при непереходѣ ея въ слѣдующій классъ, по соображеніи причинъ ея неперехода.

7) Каждая стипендіатка, при окончаніи курса, имѣетъ право на полученіе только той суммы, какая образуется изъ ежегоднаго отчисленія половины процентовъ въ положенное по курсу прогимназіи число лѣтъ. Излишекъ же, который можетъ образоваться по причинамъ въ 5 пунктѣ обозначеннымъ или отъ пребыванія стипендіатки въ одномъ изъ классовъ болѣе одного года, не подлежитъ выдачѣ и причисляется къ капиталу.

15. (28-го августа 1884 г.). Положеніе о преміи имени Андрея Штрауса при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23 день августа 1884 г., учреждается при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго въ 1879 году Рижскимъ гражданиномъ Андреемъ Штраусомъ капитала, возросшаго нынѣ до ста шести руб., премія имени жертвователя.

§ 2. Премія выдается одному изъ бѣдныхъ учениковъ Рижскаго городского реальнаго училища, преимущественно изъ числа сыновей гражданъ г. Риги, отличающемуся хорошимъ поведеніемъ и рвеніемъ,

безъ различія вѣроисповѣданія и національности, по назначенію въ концѣ каждаго учебнаго года педагогическаго совѣта означеннаго учебнаго заведенія.

§ 3. Въ случаѣ увеличенія обезпечивающаго премію капитала, который заключается въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ, отъ временной невыдачи преміи или могущихъ быть пожертвованій, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища могутъ быть выданы преміи нѣсколькимъ ученикамъ.

§ 4. Завѣдываніе преміей лежитъ на обязанности педагогическаго совѣта училища, который въ концѣ каждаго года представляетъ отчеты по сему предмету Рижской городской училищной коллегіи.

16. (28-го августа 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго управляющаго Фастовскою желѣзною дорогою барона Оскара Ѳедоровича Гана при Вѣлоцерковской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ собраннаго служащими Фастовской желѣзной дороги капитала въ двѣ тысячи шесть сотъ р. учреждается при Вѣлоцерковской гимназіи одна стипендія имени барона О. Ѳ. Гана.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Вѣлоцерковской гимназіи, составляя неотъемлемую собственность сего заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендія предназначается ученику Вѣлоцерковской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, предпочтительно изъ сыновей бѣднѣйшихъ служащихъ Фастовской желѣзной дороги. Если же дорога эта какъ самостоятельная единица перестанетъ существовать и будетъ присоединена къ сосѣдней, то право на полученіе стипендіи остается при служащихъ на участкѣ Знаменка-Фастовъ, соответствующемъ теперешней Фастовской дорогѣ.

4) Избраніе стипендіата предоставляется барону Гану пожизненно, а потомъ совѣту изъ управляющаго и начальниковъ службъ Фастовской или той дороги, къ которой она будетъ присоединена.

5) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей доколѣ педаго-

гическій совѣтъ гимназіи признаетъ успѣхи его удовлетворительными, а поведеніе хорошимъ, въ противномъ случаѣ на стипендію выбирается другой ученикъ.

6) Въ случаѣ выхода обезпечивающихъ стипендію облигацій восточнаго займа въ тиражъ, капиталъ обращается въ другія, соотвѣтствующія государственныя бумаги.

7) Проценты съ капитала употребляются на плату за право ученія стипендіата, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и другія его нужды.

8) Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

9) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (7-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта, адмирала Козакевича, при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго служащими въ Кронштадтѣ гг. адмиралами, генералами и офицерами морскаго и сухопутнаго вѣдомствъ, должностными лицами, служащими въ учрежденіяхъ Кронштадтскаго порта и гражданами города Кронштадта капитала въ одну тысячу рублей, учреждается при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія на уплату за право ученія приходящаго ученика, съ наименованіемъ таковой: „стипендія генералъ-адъютанта, адмирала Козакевича“.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ перваго восточнаго займа на одну тысячу рублей, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ училища.

3) Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно генералъ-адъютанту Козакевичу и его супругѣ, а по смерти ихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

4) Стипендіату, оставшемуся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ училища и при томъ съ согласія адмирала Козакевича и его супруги.

5) Могущія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіата деньги выдаются на руки родителямъ стипендіата на учебныя пособія.

часть соххху, отд. 1.

5

6) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи остатокъ отъ стипендіальной суммы присоединяется къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

7) Пользованіе этою стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

18. (7-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени генераль-адъютанта, адмирала Козакевича, при Кронштадтской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ — процентовъ съ пожертвованнаго служащими въ Кронштадтѣ гг. адмиралами, генералами и офицерами морскаго и сухопутнаго вѣдомствъ, должностными лицами, служащими въ учрежденіяхъ Кронштадтскаго порта и гражданами гор. Кронштадта капитала въ одну тысячу рублей учреждается при Кронштадтской мужской гимназій одна стипендія на уплату за право ученія приходящаго ученика, съ наименованіемъ таковой: „стипендія генераль-адъютанта, адмирала Козакевича“.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ перваго восточнаго займа на одну тысячу рублей, остается на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ гимназій.

3) Право избранія стипендіата принадлежитъ пожизненно генераль-адъютанту Козакевичу и его супругѣ, а по смерти ихъ право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

4) Стипендіату, оставшемуся въ томъ же классѣ на второй годъ стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназій и притомъ съ согласія адмирала Козакевича и его супруги.

5) Могущія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіата деньги, выдаются на руки родителямъ стипендіата на учебныя пособія.

6) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ стипендіальной суммы присоединяется къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

7) Пользованіе этою стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ.

19. (7-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени дворянки дѣвицы Каролины Петровны Снарской при I Виленской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ завѣщанныхъ дѣвицею Каролиною Петровною Снарскою 1200 руб., составившихъ, по обращеніи въ облигаціи восточнаго займа, капиталъ въ одну тысячу триста руб., учреждается при I Виленской мужской гимназій одна стипендія имени завѣщательницы.

2) Стипендіальный капиталъ хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ I Виленской гимназій, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Означенныя облигаціи, въ случаѣ выхода въ тиражъ, должны быть замѣнены учебнымъ начальствомъ другими правительственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

4) Въ случаѣ преобразования I Виленской гимназій, капиталъ г-жи Снарской передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобнаго рода мужское учебное заведеніе въ г. Вильнѣ, и только въ случаѣ перемѣны подобнаго учебнаго заведенія, въ мужское среднее учебное заведеніе другой мѣстности по соглашенію попечителя Виленскаго учебнаго округа съ Императорскимъ Виленскимъ медицинскимъ обществомъ.

5) Выборъ кандидатовъ на стипендію Снарской изъ числа бѣдныхъ учениковъ Виленской гимназій, отличающихся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, безъ различія исповѣданія и происхожденія, предоставляется Императорскому Виленскому медицинскому обществу.

6) Изъ годоваго дохода $\frac{1}{100}$ отъ капитала Снарской, въ размѣрѣ 15 руб. стипендія выдается избранному стипендіату два раза въ годъ, съ началъ каждаго учебнаго полугодія по 32 руб. 50 к.

7) Могущіе образоваться отъ пезамѣщенія стипендіи остатки причисляются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

8) Избранный стипендіатомъ пользуется стипендіею доколѣ педагогическій совѣтъ гимназій признаетъ успѣхи его удовлетворительными и поведеніе хорошимъ, въ противномъ случаѣ стипендія, согласно 5 положенія, переходитъ къ другому бѣдному ученику.

9) Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10) Если по какому либо случаю существованіе означенной стипендіи прекратится, то капиталъ г-жи Снарской, согласно волѣ завѣщательницы, долженъ быть переданъ учебнымъ начальствомъ въ подлежащее судебное присутственное мѣсто, для возвращенія наследникамъ завѣщательницы Снарской

20. (12-го сентября 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. понечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи въ министерство отчетовъ о народныхъ школахъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія начальствамъ учебныхъ округовъ отъ 21 іюня 1880 года, за № 7519, было отиѣнено установленное циркуляромъ того же министерства отъ 4 ноября 1870 года, за № 10393, и дополнительными къ нему распоряженіями правило о сообщеніи управленіями учебныхъ округовъ, на рассмотрѣніе министерства, отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, представляемыхъ ими по мѣрѣ обзоренія школъ.

Признавая полезнымъ возстановить доставленіе въ центральное управленіе министерства отчетовъ инспекторовъ народныхъ училищъ, съ мѣнѣями по нимъ мѣстныхъ директоровъ народныхъ училищъ и заключеніями окружныхъ начальствъ, я имѣю честь увѣдомить объ этомъ ваше превосходительство для надлежащаго распоряженія по учебному округу, присовокупляя, что 1) не представляется надобности требовать отъ инспекторовъ доставленія отчетовъ послѣ каждаго объѣзда ихъ раіоновъ, какъ требовалось прежде, но достаточно представленія одного отчета въ годъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ окончанія въ училищахъ испытаній на льготу по воинской повинности, и 2) кромѣ упомянутыхъ отчетовъ, должны быть сообщаемы министерству народнаго просвѣщенія также ежегодные отчеты директоровъ учительскихъ семинарій, съ заключеніями по онимъ начальствъ учебныхъ округовъ.

21. (14-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Георгіевича Иващенко при Черниговской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Черниговской мужской гимназіи учреждаются двѣ стипендіи, по 150 руб. каждая, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Георгіевича Иващенко на счетъ процентовъ съ пожертво-

ваннаго для сей цѣли статскимъ совѣтникомъ Михаиломъ Георгіевичемъ Иващенко капитала, заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа на суму шесть тысячъ рублей.

2) Означенный капиталъ хранится въ Черниговскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Черниговской гимназіи, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Въ стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ Черниговской гимназіи преимущественно дѣти бѣднѣйшихъ родственниковъ умершаго Василя Георгіевича Иващенко, хотя бы и не носящихъ фамиліи Иващенко, но доказавшихъ родство съ нимъ. За неимѣніемъ же таковыхъ, право на стипендію должно быть предоставленнымъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, бѣднѣйшимъ дѣтямъ стороннихъ лицъ потомственныхъ и личныхъ дворянъ Черниговской губерніи, по преимуществу круглымъ сиротамъ.

4) Стипендіи назначаются ученикамъ, пробывшимъ въ гимназіи не менѣе одного года и заявившимъ себя, за время пребыванія въ гимназіи, отличнымъ поведеніемъ, стараніемъ и прилежаніемъ въ занятіяхъ науками,

5) Если стипендіатъ, по недостатку усердія и прилежанія, обнаружитъ малоуспѣшность въ наукахъ и дурное поведеніе и вслѣдствіе того не будетъ допущенъ къ переходу его въ слѣдующій высшій классъ, то онъ лишается права на дальнѣйшее пользованіе стипендіей, и на мѣсто его избирается другой стипендіатъ.

Примѣчаніе. Болѣзнь и другія уважительныя обстоятельства, воспрепятствовавшія переходу стипендіата въ старшій классъ, не лишаютъ права на полученіе стипендіи.

6) По усмотрѣнію гимназическаго начальства, выдача стипендіи можетъ быть продолжена стипендіату, окончившему съ успѣхомъ курсъ Черниговской гимназіи, въ университетъ или другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ которое стипендіатъ поступилъ для продолженія образованія, въ окладѣ не превышающемъ того, которымъ онъ пользовался въ бытность его въ гимназіи.

7) Стипендія выдается на руки родителямъ, или родственникамъ стипендіата за полгода впередъ, а стипендіатамъ, которымъ стипендія будетъ продолжена въ высшемъ учебномъ заведеніи, таковая отсылается по полугодію въ управленіе того высшаго учебнаго заведенія, въ которое стипендіатъ поступилъ, для выдачи по принадлежности. При этомъ требуются ежегодно отъ начальства

сказаннаго учебнаго заведенія свѣдѣнія объ оказанныхъ стипендіатомъ успѣхахъ и правило, изложенное въ § 5 сего положенія, всецѣло распространяется и на стипендіатовъ имени г. Иващенко, находящихся въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

8) Деньги, остающіеся свободными за время незамѣщенія стипендій, обращаются въ запасный капиталъ, для выдачи на путевыя издержки при поступленіи стипендіатовъ въ высшее учебное заведеніе.

9) Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Русскія народныя пословицы и пѣсни. Къ курсу русскаго языка и словесности VI класса гимназій. Составилъ Семень Шафрановъ (директоръ Полтавской гимназій). Полтава. 1884 г.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и какъ учебное пособіе при практическихъ упражненіяхъ по русскому языку и словесности въ VI классѣ тѣхъ же заведеній.

— Книгу: „Дм. Байгородовъ. Краткій обзоръ растительнаго царства по климатическимъ поясамъ. Учебное пособіе по ботаникѣ, для городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, женскихъ учебныхъ заведеній и т. п. Съ 65 рисунками. С.-Пб. 1884. Цѣна 70 коп.“—одобрить какъ очень хорошее пособіе по ботаникѣ для реальныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, а также для мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Домашнее воспитаніе. Руководство для родителей и воспитателей къ воспитанію и обученію дѣтей. Составлено по сочиненіямъ Ушинскаго, Водовозова и другихъ педагоговъ. Съ приложеніемъ руководства къ Фребелевскимъ играмъ. С.-Пб. 1883. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—не смотря на указанные въ этой книгѣ недостатки, допустить оную въ фундаментальныя библиотеки учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и женскихъ институтовъ, съ тѣмъ чтобъ въ слѣдующемъ изданіи были исправлены указанныя погрѣшности.

— Книгу: „Концентрической учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ элементарный. Составилъ В. С. Игнатовичъ. Часть I. Изд. 8-е, С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., XVI и 136 стр. Цѣна 40 коп.“— рекомендовать какъ весьма полезное руководство для гимназій, прогимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Климаты земнаго шара, въ особенности Россіи. Съ приложеніемъ 14-ти графическихъ таблицъ и 10-ти картъ. А. И. Воейкова. С.-Пб. 1884 г. Въ 6. 8 д. л., 634 стр. Цѣна 5 руб.“—одобрить для приобретенія въ фундаментальныя бібліотеки гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ, съ тѣмъ, чтобы къ ней приложены были: оглавленіе и вѣрный списокъ графическихъ таблицъ, съ обозначеніемъ страницъ, гдѣ онѣ помѣщены.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Первая часть. Цѣлыя числа. (1380 задачъ и 1021 численн. примѣр.). Составилъ В. А. Евтушевскій. Изд. 22-е. С.-Пб. 1884 г. Цѣна 35 коп.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособия для употребленія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Вторая часть. Дроби (1575 задачъ и 1257 численныхъ примѣровъ). Составилъ В. А. Евтушевскій. Изд. 12-е. С.-Пб. 1883 г. Цѣна 40 коп.“—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ.

— Книгу: „Протоіерей Іоаннъ Исидоровичъ Кумпанъ, бывшій настоятель Свято-Троицкаго собора въ г. Керчи. Составилъ священникъ Дмитрій Говоровъ. Симферополь. 1884 г. Въ 16 д. л., 32 стр.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книги, составленныя священникомъ В. Пѣвцовымъ: 1) „Языческая вѣра до Христа Спасителя и обращеніе ко Христу язычниковъ

трудами святыхъ апостоловъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г. Въ 8 д. л., 29 стр. Цѣна 10 коп.;" 2) „О трудахъ святыхъ апостоловъ въ рас-
пространеніи вѣры Христовой. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г. Въ 8 д. л.,
30 стр. Цѣна 10 коп.;" 3) „Гоненія на христіанъ отъ язычниковъ и
святые мученики. Первое чтеніе. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г. Въ 8 д.
л., 32 стр. Цѣна 10 коп.;" 4) „Гоненія на христіанъ отъ язычи-
ковъ и святые мученики. Второе чтеніе. Изд. 2-е. С.-Пб. 1880 г.
Въ 8 д. л., 26 стр. Цѣна 10 коп."—одобрить для ученическихъ би-
бліотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу для чтенія Н. Бунакова подъ заглавіемъ: „Въ школѣ
и дома", часть I, въ 10-мъ изданіи и часть II въ 8-мъ изданіи,—
одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Книги, составленныя протоіереемъ Гр. Дебольскимъ: 1.
„Попеченіе православной церкви о спасеніи міра. С.-Пб. Въ 8 д. л.
Кн. I—1850 г., 285 стр., кн. II—1872 г., 285 стр., кн. III—1857 г.
400 стр. Цѣна за три книги 3 руб.;" 2) „Дни богослуженія право-
славной церкви. С.-Пб. 1882 г. Въ 6. 8 д. л. Кн. I—689 стр., кн.
II—341 стр. Цѣна за двѣ книги 3 руб.;" 3) „О любви къ отечеству
и трудѣ по слову божію. С.-Пб. 1859 г. Въ 8 д. л., 63 стр. Цѣна
30 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ
учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученія архіепископа
Филарета (бывшаго Черниговскаго). Изд. 4-е. Спб. 1882 г. Въ 16 д.
л., 124 стр. Цѣна 30 коп.;" 2) „Поученія, сказанныя воспитанницамъ
Смольнаго Александровскаго училища. Прот. I. Романова. С.-Пб.
1881 г. Въ 8 д. л., 376 стр. текста и 31 стр. приложений. Цѣна
1 р. 50 коп.;" 3) Слова, бесѣды и поученія архимандрита Макарія.
С.-Пб. 1881 г. Въ 8 д. л., 260 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.;" 4) „По-
ученія на великіе праздники православной церкви и на первую недѣлю
великаго поста. Архимандрита Іосифа. С.-Пб. 1881 г. Въ 8 д. л.,
172 стр. Цѣна 1 р.;" 5) „Катихизическія поученія на символъ вѣры,
молитву Господню, блаженства Евангельскія и на десять заповѣдей
Божіихъ. Свящ. Петра Макарова. С.-Пб. 1882 г. Въ 8 д. л., 284,
стр. Цѣна 1 р. 50 коп.;" 6) „Поученія къ простому народу. Свящ.
Іоанна Архангельскаго. Изд. 5. С.-Пб. 1882 г. Въ 8 д. л., 316
стр. Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ
среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „О терпѣніи скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ, соб-
ранное епископомъ Игнатіемъ (Брянчаниновымъ). Изд. 2. С.-Пб.

1882 г. Въ 8 д. л., 134 стр. Цѣна 75 коп.; 2) „О кончинѣ міра. Три поученія. Его же. Изд. 2. С.-Пб. 1882 г. Въ 8 д. л., 38 стр. Цѣна 20 коп.; 3) „Кающійся грѣшникъ. (Размышленія, взятыя изъ разныхъ духовныхъ сочиненій). С.-Пб. 1882 г. Въ 16 д. л., 99 стр. Цѣна 20 коп.; 4) „Причастникъ святыхъ Христовыхъ Тайнъ. (Размышленія, взятыя изъ разныхъ духовныхъ сочиненій). С.-Пб. 1882 г. Въ 16 д. л., 110 стр. Цѣна 20 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „О священномъ вѣнчаніи православныхъ царей на царство. Е. Тихомирова. Москва. 1882 г. Въ 8 д. л., 29 стр. Цѣна 10 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Книга для чтенія, примѣненная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по „Родному слову“ К. Ушинскаго. Составилъ А. Барановъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 8 д. л., 143 стр. Цѣна 45 коп.“—одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ въ видѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи былъ выпущенъ разказъ Тургенева „Вѣжинъ лугъ“.

— Книгу: „Разказы о землѣ и небѣ. Александра Иванова. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. С.-Пб. 1884 г. Въ 16 д. л., 72 стр. Цѣна 15 коп.“—допустить въ ученическихъ библиотекъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены указанныя ученикомъ комитетомъ недостатки.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) преобразовать Пензенскую мужскую 6-и-классную прогимназію, съ наступившаго учебнаго года, въ полную гимназію, съ открытіемъ въ текущемъ году VII класса, а съ начала 1885—86 учебнаго года VIII класса и съ отнесеніемъ 3 т. руб. изъ числа потребнаго на содержаніе сихъ классовъ расхода, въ количествѣ 5815 р., на жертвуемые къ ежегодному отпуску Пензенскимъ губернскимъ земствомъ 2000 р. и городскимъ обществомъ 1000 р., а остальныхъ 2815 р. на спеціальныя средства названнаго заведенія; 2) увеличить размѣръ платы за ученіе во 2-й Пензенской гимназіи, съ наступившаго учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 16 до двадцати-четырехъ частей соххху, отд 1.

руб. и въ основныхъ классахъ съ 24 до тридцати-шести руб. въ годъ съ каждаго ученика; 3) съ начала 1884—1885 учебнаго года, закрыть параллельное отдѣленіе при I классѣ Бѣлгородской гимназій; 4) закрыть параллельное отдѣленіе при II классѣ Полтавскаго реальнаго училища и открыть въ замѣнъ онаго, съ начала 1884—1885 учебнаго года, таковое же отдѣленіе при III классѣ названнаго училища; 5) закрыть съ начала 1884—1885 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища, и открыть взаимѣнъ онаго, таковое же отдѣленіе при I классѣ, преобразуемой изъ этого училища гимназій; 6) увеличить съ начала 1884—1885 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Каменецъ-Подольской гимназій въ приготовительномъ классѣ съ 20 до тридцати руб. и въ остальныхъ классахъ съ 30 до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика; 7) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Новочеркасской гимназій, съ наступившаго учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ до двадцати руб. и въ остальныхъ классахъ до двадцати-шести руб. въ годъ съ каждаго ученика; и 8) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Плоцкой мужской гимназій, съ наступившаго учебнаго года, во всѣхъ классахъ, исключая приготовительнаго, съ 33 до сорока руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа разрѣшено открыть въ г. Екатеринодарѣ, на средства городского общества, съ начала 1884—1885 учебнаго года, четырехклассную женскую прогимназію съ приготовительнымъ классомъ.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 1-го минувшаго августа послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ селѣ Горячковѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

О ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Изъ числа дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сборниковъ въ настоящее время едва ли не самымъ древнимъ является лѣтописный сводъ, составленный въ 1377 году „Лаврентіемъ мнихомъ“ для Суздальскаго князя Дмитрія Константиновича. Кромѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, сборникъ этотъ во второй своей половинѣ заключаетъ лѣтописныя извѣстія, писанныя въ различныхъ частяхъ Россіи. До половины XII в. извѣстія въ Лаврентьевскомъ сводѣ касаются южной Руси, гдѣ, безъ сомнѣнія, и записаны. Многія изъ извѣстій, вошедшихъ въ послѣдній сводъ, такъ сходны съ извѣстіями, помѣщенными въ южно-русскомъ сводѣ, что первый издатель лѣтописей Я. И. Вередниковъ признавалъ Лаврентьевскій сводъ за сокращеніе Ипатьевского. Но ближайшее и подстрочное сравненіе обоихъ сводовъ, сдѣланное на пространствѣ отъ 1111 до 1169 г. И. Д. Вѣляевымъ, привело его къ слѣдующему результату: „Лаврентьевскій списокъ не есть сокращеніе Ипатьевского, а представляетъ особый самостоятельный сборникъ, составленный болѣею частію по одинакимъ источникамъ съ Ипатьевскимъ сборникомъ, но не по Ипатьевскому сборнику. . . . Составитель Лаврентьевскаго сборника не былъ сокращателемъ Ипатьевского, но только частію пользовался одинакими съ нимъ источниками, имѣя въ то же время подъ руками источники, неизвѣстные составителю Ипатьевского сборника“ (Русскія лѣтописи по Лавр. списку. Временникъ М. Общ. Ист. 1849, II, 2, стр. 26). Свою мысль Вѣляевъ доказываетъ 1) неодинаковостію хронологіи, 2) тѣмъ, что въ Лаврентьевскомъ сводѣ много извѣстій, которыхъ нѣтъ въ Ипатьевскомъ, и 3) тѣмъ, что многія событія въ Лаврентьевскомъ сборникѣ описаны съ другой точки зрѣнія и явно по другимъ источникамъ, а не по тѣмъ, по которымъ тѣ же событія описаны въ Ипатьевскомъ (ib. 2).

часть соххху, отд. 2.

Отступленія Лаврентьевскаго сборника отъ Ипатьевскаго въ этомъ отношеніи уже прежде съ достаточною полнотою были разобраны профессоромъ К. Н. Вестужевымъ-Рюминимъ въ его почтенномъ трудѣ „О составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“ (1868 г.). Поэтому авторъ настоящихъ замѣтокъ, не останавливаясь болѣе на извѣстіяхъ первой половины XII в., вошедшихъ въ Лаврентьевскій сводъ, поставилъ своею задачею сдѣлать краткое обзорніе состава сборника за вторую половину XII и весь XIII вѣкъ.

Лѣтописныя замѣтки о тѣхъ или другихъ происшествіяхъ въ сѣверо-восточной Руси уже давно стали тамъ записываться; нѣсколько такихъ замѣтокъ сохранилось въ первоначальной лѣтописи въ ея позднѣйшихъ сводахъ: въ такъ-называемой Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. XV, 115) находится извѣстіе о построеніи церкви въ Ростовѣ. „Извѣстіе это“, говоритъ Вестужевъ-Рюминъ, — „въ той формѣ, какъ записано въ Тверской (лѣтописи), можетъ быть, относится къ самому времени созданія церкви“ (стр. 66). Въ Ростовѣ же записаны извѣстія о поставленіи на Ростовскую кафедру епископомъ Исая (ib. 166) и смерти его (ib. 181); но несомнѣннымъ остаткомъ Ростовскихъ лѣтописей слѣдуетъ считать извѣстіе о нападеніи Волгарь на Суздаль (Воскр. П. С. Р. Л. VII, 21). „Такимъ образомъ“, говоритъ Вестужевъ-Рюминъ, — „хотя и не сохранилась Ростовская лѣтопись, но существованіе въ Ростовѣ лѣтописныхъ замѣтокъ нельзя отрицать“ (ib. 67). Симонъ, епископъ Владимірскій, указываетъ въ началѣ XIII в. Поликарпу на Ростовскаго лѣтописца, у котораго находился перечень ростовскихъ владыкъ. Въ I-й Софійской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 160) подъ 6660 годомъ находится извѣстіе о построеніи Юріемъ Долгорукимъ церковей въ Суздаль, Владимірѣ и Переяславлѣ, что также, по словамъ г. Костомарова, (Лекція по Р. Истр., 82) должно быть взято изъ мѣстной лѣтописи; но всѣ эти записи и кратки, и не многочисленны. Болѣе систематическій и постоянный характеръ принимаютъ эти записи, начиная со второй половины XII в., когда Андрей Боголюбскій, принявъ титулъ великаго князя, перенесъ свою резиденцію во Владимір; только съ этого времени и начали постоянно записываться лѣтописныя извѣстія въ Ростовско-Суздальской области. При обзорніи Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода мы прежде всего выдѣлимъ тѣ сказанія, отдѣльность которыхъ несомнѣнна, а потомъ займемся разборомъ погодныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

Отдѣльными сказанія, вошедшія въ составъ сборника, слѣдующія:

1) Сказаніе объ убіеніи великаго князя Андрея Боголюбскаго ¹⁾, написано Владимірскимъ жителемъ. „Въ Суздальской лѣтописи, Пушкин. и Троицк.“, говоритъ Карамзинъ, — „не сказано даже того, чтобы Владимірцы оплакивали великаго князя, хотя она сочинена другомъ Андреевой памяти и жителемъ Владимірскимъ“ (И. Г. Р., III, пр. 24).

2) Владимірское сказаніе о распрѣ братьевъ Андрея, во многомъ буквально сходное съ помѣщеннымъ въ Ипатьевскомъ лѣтописномъ сборникѣ ²⁾, хотя составитель послѣдняго имѣлъ подъ руками свои особые источники, изъ которыхъ свѣдѣнія онъ и вставлялъ въ Владимірское сказаніе ³⁾. Сказаніе это прерывается различными посторонними извѣстіями.

3) Сказаніе о походѣ Игоря на Половцевъ короче сравнительно съ вошедшимъ въ южно-русскій сводъ и представляетъ нѣкоторыя отъ него отличія, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ общемъ взглядѣ на событіе ⁴⁾.

4) Сказаніе о битвѣ при Калкѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ сокращено противъ сказаній, помѣщенныхъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ; здѣсь помѣщено начало сказанія—о томъ, кто такіе Татары; кратко сказано о потеряхъ Русскихъ; не сказано даже, гдѣ была битва; но за то говорится о томъ, что южно-русскіе князья предъ битвой просили помощи у Юрія Суздальскаго, посланшаго имъ Василька Константиновича, который, однако, услышавъ о бѣдѣ, постигшей Русскихъ князей, возвратился отъ Чернигова назадъ „храненъ Богомъ, и силою креста честнаго, и молитвою отпа своего Константина и стрія своего Георгія, и видѣ в свой Ростовъ, слава Бога и святую Богородицу“. Судя по послѣднимъ словамъ, авторъ этого сказанія былъ Ростовецъ. Въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ оно сохранилось полнѣе ⁵⁾.

5) Сказаніе о нашествіи Батя въ Лавр. спискѣ помѣщено подъ 6745 г.; тутъ говорится объ опустошеніи Владимірской области, битвѣ при Сити, казни Василька Константиновича съ похвалою ему.

¹⁾ Лавр. сп. лѣт. 348—354.

²⁾ Лавр. 354—366. Ипат. сп. лѣт. 403—411.

³⁾ Объ этомъ сказаніи у *Вестужева-Рюмина*, О составѣ русск. лѣт. 107—111.

⁴⁾ *Вест.-Рюминъ*, 110—115; Лѣт. по списк. Лавр. 376—378; Лѣт. по сп. Ипат. 430—438.

⁵⁾ См. *Вест.-Рюминъ*, 154.

По всей вѣроятности, здѣсь соединены два сказанія: одно—относительно взятія Владиміра, и другое—о погребеніи Василька Константиновича. Первое записано очевидцемъ: точно передается время приступа; Татары прибыли ко Владиміру 2-го февраля; „въ недѣлю мясопустную по заутрени 7-го февраля приступиша к городу“; передается разговоръ Татаръ съ Владимірцами; когда Татары показали послѣднимъ ихъ княжича Владиміра: „О умиленное видѣніе и слезъ достойно!“ говоритъ авторъ,—„Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною своею, и вси гражане плакахуся, зряще Володимера“. „И бѣ видѣти страхъ и трепеть, яко на крестьянскѣ родѣ страхъ и колѣбанье и бѣда упространися“—слова очевидца. Предположеніе г. Костомарова (Лекціи по Р. Ист., 85), что сказаніе это писано въ Ростовѣ, на томъ основаніи, что по извѣстію лѣтописи, во Владимірѣ перебили всѣхъ гражданъ, едва ли можетъ быть принято. Въ лѣтописи сказано: „И убьенъ бысть Пахомъ архимандритъ монастыря Рождества святы Богородица, да игумень Успенскій, Феодосій Спасьскій, и прочии игумени и черница, и пошы и дьяконы, отъ упого и до старца и сущаго младенца, и та вся иссѣкоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразомъ“. Эти слова, конечно, не слѣдуетъ принимать въ буквальный смыслъ; это не болѣе, какъ гипербола. Нужно замѣтить при этомъ, что авторъ сказанія, при описаніи разоренія Владиміра, пользовался Кіевскою записью о разореніи Кіева Половцами; значитъ, онъ не только описывалъ, что видѣлъ и слышалъ, но и сочинялъ, давая волю своей фантазіи или беря краски для своей картины изъ готовыхъ уже матеріаловъ ¹⁾). Другая часть сказанія о погребеніи Василька, очевидно, записана Ростовцемъ; сообщаются такія подробности, какъ, напримѣръ, что Василька, брошеннаго въ лѣсу, видѣла женщина, которая и сообщила объ этомъ „мужу богобоязливу поповичу Андриану“. Похвала ему тоже обличаетъ Ростовца ²⁾).

6) Подъ 6771 г. помѣщенъ отрывокъ изъ повѣсти объ Александрѣ Невскомѣ: повѣсть составлена очевидцемъ и современникомъ подвиговъ героя „понеже слышахъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь въ зрасту его“. О Невской битвѣ авторъ записалъ со словъ самаго Александра; слѣдовательно, онъ былъ лицомъ весьма близкимъ къ нему. „Си же вся слышахъ отъ господина своего вели-

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 397, 398, 440, 441, 214, 215.

²⁾ Объ этомъ сказаніи см. у Бест.-Рюмина, 154—156.

кого князя Александра и отъ нихъ, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи". О ледовомъ побойщѣ авторъ слышалъ отъ самовидца „се же слышахъ отъ самовидца". Въ Лаврентьевскомъ сводѣ эта повѣсть сохранилась не вся; въ ней недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; въ прочихъ сводахъ она разбита по годамъ ¹⁾. Во всѣхъ сборникахъ повѣсть одной редакціи съ небольшими измѣненіями.

Теперь обратимся къ погоднымъ замѣткамъ.

Еще покойный Соловьевъ замѣтилъ, что сѣверная лѣтопись, также какъ и южная, слагается изъ замѣтокъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ; поэтому постараемся опредѣлить, гдѣ писаны замѣтки, вошедшія въ Лаврентьевскій сводъ.

Разсматривая содержаніе Лаврентьевскаго свода отъ избранія себѣ Ростовцами и Суздальцами въ князя Андрея Боголюбскаго до его насильственной смерти (6665—6683 гг.), мы находимъ, что извѣстія записываются по преимуществу во Владимірѣ, гдѣ устроилъ себѣ резиденцію Андрей Боголюбскій; но есть нѣкоторыя извѣстія, записанные въ другихъ городахъ очевидна; есть также много южныхъ извѣстій. Разсмотримъ же теперь, въ какихъ городахъ дѣлались записи въ княженіе Андрея Боголюбскаго. Первое извѣстіе о сѣверной Руси за это время это—объ избраніи Ростовцами и Суздальцами себѣ княземъ Андрея Боголюбскаго очевидно записано въ Ростовѣ; Андрею высказано нѣсколько похвальныхъ словъ; но затѣмъ извѣстія записываются въ другомъ мѣстѣ; извѣстія о заложеніи Андреемъ во Владимірѣ 8-го апрѣля во вторникъ 6666 г. каменной церкви во имя Богородицы по точности нельзя не признать записаннымъ во Владимірѣ ²⁾; тамъ же записано о прибытіи епископа Леона въ Ростовъ, о смерти Бориса Юрьевича 12-го мая и изгнаніи Леона ³⁾. Вслѣдъ за изгнаніемъ Леона во всѣхъ сѣверно-русскихъ сводахъ находятся извѣстія о смерти въ Черниговѣ Киевскаго митрополита Константина, о нападеніи Ияслава Давыдовича съ Половцами на Черниговъ и на Смоленскую область. О смерти Константина, въ позднѣйшихъ сводахъ ⁴⁾, разказывается, что завѣщаніе митрополита не хоронить его,

¹⁾ Пск. II лѣт. П. С. Р. Л. IV, 2—6; Воскр. Ник. Тверск. подъ 6749, 6750, 6755, 6771 годами (П. С. Р. Л. VII, 146—149, 150, 151, 156—164; Ник. III, 9—13, 15—17, 27, 42; Твер. XV, 376—380, 382—384, 385, 393, 394).

²⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 330, 331; Лѣт. по Ипат. сп. 337, почти буквально сходно съ Лавр.—Воскр. П. О. Р. Л. VII, 66, 67.

³⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 331, лѣт. по Ипат. сп. 338, Воскр. П. С. Р. Л. VII, 67.

⁴⁾ Воскр. П. С. Р. Л. VII, 70, 71; Твер. XV, 228, 229; Ник. II, 164—167.

но бросить псамъ на съѣденіе дано было епископу Черниговскому Антошію не устно, а письменно; что покуда тѣло лежало непогребеннымъ, въ Кіевѣ была сильная буря и гроза, а въ Черниговѣ видѣли ночью надъ тѣломъ архипастыря три столба огненныхъ до небесъ. „Се бо грѣхъ ради нашихъ посла Богъ на насъ казнѣ сію“— эти слова не обличаютъ ли въ авторѣ записи южно-Русса. О междоусобіяхъ княжескихъ взято изъ южно-русскихъ источниковъ, но сокращенно.

Извѣстіе подъ 6668 г. о посольствѣ Новгородцевъ къ Андрею съ просьбою дать имъ въ князи своего сына написано во Владимірѣ; это же извѣстіе находимъ и въ южно-русскомъ сводѣ, съ тою только разницею, что по Лаврентьевскому своду Новгородцы были недовольны Святославомъ Ростиславичемъ за то, что отецъ его посадилъ въ погребъ Новгородцевъ; по южно-русскому же своду дѣло представляется иначе: Новгородцы сослали Святослава въ Ладогу; когда вѣсть объ этомъ пришла въ Кіевъ къ Ростиславу, то онъ велѣлъ поковать бывшихъ тамъ Новгородцевъ¹⁾.

Въ Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 13) запись объ этихъ событіяхъ другой редакціи²⁾.

Дальнѣйшія извѣстія: объ окончаніи постройки церкви Богородицы во Владимірѣ, о пожарѣ въ Ростовѣ и о росписаніи Златоверхой церкви во Владимірѣ записаны на сѣверѣ; два во Владимірѣ и одно въ Ростовѣ; первыя два извѣстія дословно встрѣчаются и въ южно-русскомъ сводѣ³⁾. Извѣстіе о пожарѣ въ Ростовѣ, какъ видно по формѣ, записано современникомъ: „сборная дивная и великая церкви святоѣ Богородицѣ (сгорѣ) якое же не было ни будетъ“.

Подъ 6672 годомъ находятся слѣдующія извѣстія, записанныя во Владимірѣ: объ освященіи церкви во Владимірѣ на Золотыхъ воро-

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 333; Лѣт. по Ил. сп. 348, 350; I Сое. (П. С. Р. Л. V, 162).

²⁾ На томъ основаніи, что въ Соейскомъ лѣтописномъ сборникѣ помѣщена дословно редакція Лавр. свода, проф. Вестушевъ-Рюминъ полагаетъ, что подобныя редакціи—новгородскаго происхожденія (О сост. рус. лѣт. 126). Но это едва ли вѣрно: за эти годы въ Соейской лѣтописи есть и другія извѣстія, записанныя на сѣверо-востокѣ: о постройкѣ церкви во Владимірѣ, о пожарѣ въ Ростовѣ, о Леонѣ; это значитъ только, что составитель Сое. I-й лѣтописи имѣлъ подъ руками записки, которыми воспользовался составитель Суздальскаго свода; съ этимъ согласно и мнѣніе Вязьева, который считаетъ это извѣстіе тоже не Новгородскаго (Врем. II, кн. 23).

³⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 333; Лѣт. по Ипат. сп. 350; Воскр. (П. С. Р. Л. VII, 75).

тахъ, о zaloженіи тамъ же церкви св. Спаса, о Леонтианской ереси и походѣ Андрея Боголюбскаго на Камскихъ Болгаръ ¹⁾).

Извѣстіе о ереси Леонтианской записано также и въ южно-русскомъ сводѣ ²⁾), но изъ другаго источника: по южно-русскому своду Леонъ, вмѣстѣ съ братьями Андрея, былъ изгнанъ княземъ потому, что Андрей хотѣлъ „самовластецъ быти всей Суздальской земли“; по Лавр. своду причина изгнанія та, что Леонъ не по правдѣ былъ поставленъ въ Суздаль въ епископы при жизни Суздальскаго епископа Нестера; вина Леона по Лавр. своду лѣтописей заключалась въ томъ, что онъ училъ не ѣсть мяса въ господскіе праздники, на Рождество Христово и Крещеніе, если они случатся въ среду или пятницу; по южно-русскому своду, князь просилъ у него разрѣшенія ѣсть мясо въ среду и пятницу отъ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ; такимъ образомъ по сѣверной лѣтописи является нововводителемъ епископъ, по южной—князь. Леонъ по Лаврентьевскому списку лѣтописи удалился въ Царьградъ, гдѣ его „упрѣлъ“ въ присутствіи царя Адриана, епископъ Болгарскій; по южно-русскому своду Леонъ удалился сначала въ Черниговъ и оттуда въ Кіевъ. Заканчивается это извѣстіе въ Лаврентьевскомъ сборникѣ слѣдующими словами: „се же сказахомъ вѣрныхъ дѣля людей, да не блзнятса о праздницѣхъ Вожьихъ“. Эти слова обличаютъ Владимірца, между тѣмъ какъ извѣстіе, помѣщенное въ южно-русскомъ сводѣ, могло быть записано на югѣ—въ Черниговѣ или Кіевѣ—по слуху, можетъ быть даже со словъ самаго изгнаннаго Леона ³⁾). Кромѣ того въ Лаврентьевскомъ сводѣ о Леонтианской ереси не вставлена ли отдѣльная записъ. Объ этомъ въ немъ записано такъ: „в то же лѣто вста ересь Леонтианская. Скажемъ вмалѣ. Леонъ епископъ не по правдѣ постависа Суждалю...“. Это „скажемъ вмалѣ“ указываетъ на то, что объ этомъ авторъ какъ бы хочетъ говорить съ какою-то особенною торжественностью и подробностью. Во Владимірѣ записано о походѣ Андрея на Болгаръ. Походъ описанъ очевидцемъ: „стояху же пѣшци съ святою Богородицею на полчищѣ

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 334, 335.

²⁾ Лѣт. по Ипат. сп. 356.

³⁾ *Восточная-Роминъ*, 127—129. Въ Воскр. (П. С. Р. Л. VII, 76) помѣщено начало южно-русское извѣстіе, а потомъ сѣверно-русское—отличное доказательство составности лѣтописныхъ сборниковъ. Доказательствомъ того, что извѣстіе, охраненное въ Лавр. свод.—сѣвернаго происхожденія, служатъ также и то, что въ немъ упоминается имя Суздальскаго посла, бывшаго съ Леономъ въ Константинополь: именъ же пословъ Кіевского, Черниговскаго и Переяславскаго нѣтъ.

подъ стѣны; и приѣхавъ до святое Богородици (и до пѣшець) князь Андрѣй... удариша челомъ передъ святою Богородицею"; самый успѣхъ Андрея приписывается Богородицѣ: „се же бысть чудо новое святое Богородици Володимерское, юже взялъ бѣше с собою благовѣрный князь Андрѣй, и принесъ ю с славою, (и) постави ю въ святѣй Богородицѣ Володимери в Золотоверсѣй, идѣже стоять и до сего дня". Извѣстія о смерти Изяслава, сына Андрея, и Ярослава, сына Юрія, записаны во Владимірѣ; показаны числовыя данныя; въ южно-русскомъ сводѣ эти извѣстія повторяются почти дословно; значить, взяты изъ одного источника ¹⁾. Извѣстіе о взятіи войсками Боголюбскаго города Кіева въ 6676 г. въ Лаврентьевскомъ сводѣ передается нѣсколько иначе, чѣмъ въ южно-русскомъ сводѣ; отличія эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) Прежде всего извѣстіе Лаврентьевскаго свода гораздо короче: въ немъ нѣтъ никакихъ подробностей, которыхъ такъ много въ южно-русскомъ сводѣ, гдѣ даже сохранена драматическая форма изложенія. 2) Потому въ Лаврентьевскомъ сводѣ говорится, что жепу и сына Мстислава Изяславича, князя Кіевскаго, и дружину его взяли въ плѣнъ; этого нѣтъ въ Ипатьевскомъ сводѣ. 3) Въ южно-русскомъ сводѣ между князьями, союзниками Андрея, упоминается Всеволодъ Юрьевичъ, въ Лаврентьевскомъ — Дмитрій (впрочемъ, Дмитрій было христіанское имя Всеволода). 4) Въ Лаврентьевскомъ сводѣ не упоминается о воеводѣ Борисѣ Жидиславичѣ. 5) Мстиславу Андреевичу помогли „святая Богородица, и отня и дѣдня молитва" — это черта сѣвернаго лѣтописца. 6) Разказавъ о паденіи Кіева, сѣверный лѣтописецъ замѣчаетъ: „се же здѣяся за грѣхы ихъ [въ южно-русскомъ сводѣ: „снже вся здѣяшася грѣхъ ради нашихъ"; Лѣт. по Ипат. сп., 373], паче же за митрополицію неправду", и затѣмъ разказываетъ, въ чемъ заключалась эта неправда (это, впрочемъ, вставка: „мы же на подлежащее возвратимся"); этого въ южно-русскомъ сводѣ тоже нѣтъ. Эти отличія не позволяютъ намъ согласиться съ мнѣніемъ достоуважаемаго К. Н. Бестужева-Рюмина; который видитъ въ извѣстіи о нападеніи войскъ Боголюбскаго на Кіевъ, сохраненномъ въ Лаврентьевскомъ сводѣ, только сокращенный разказъ изъ южно-русскаго свода; на основаніи этихъ отличій можно утвердительно сказать, что въ Лаврентьевскій сводъ извѣстіе взято изъ другаго

¹⁾ Лѣтоп. по Лаврент. сп. 335; Лѣт. по Ипат. сп. 358, 359; Лѣт. Пер. Суд. 75, 76; Воскр. П. С. Р. Л. VII, 77, 78.

источника, а не изъ того, которымъ пользовался составитель южно-русскаго свода¹⁾.

Подъ 8677 годомъ во второй разъ повторено о посаженіи Мстиславомъ Андреевичемъ въ Кіевѣ дяди Глѣба; извѣстіе это взято изъ того же источника, какъ и помѣщенное подъ предыдущимъ годомъ и повторено вѣроятно писцомъ по ошибкѣ. Подъ тѣмъ же годомъ помѣщено сказаніе о Ѳеодорцѣ, епископѣ Владимірскомъ, буквально сходное въ обихъ сводахъ²⁾. Сказаніе это о Ѳеодорцѣ Соловьевъ принимаетъ официальнымъ актомъ, именно посланіемъ митрополита, которымъ онъ извѣщалъ о преступленіи и наказаніи епископа Ѳеодора; это посланіе съ перемѣною немногихъ формъ занесено въ лѣтопись ея составителемъ; мнѣніе свое Соловьевъ утверждаетъ на сличеніи этого сказанія съ извѣстными посланіями митрополита и другихъ духовныхъ лицъ (Истор. Росс. III, 143 стр.); во всякомъ случаѣ сказаніе это составлено современникомъ и духовнымъ лицомъ, какъ это видно изъ топа разказа и заключительныхъ словъ: „се же списахомъ, да не насакають пѣнци на святительскій санъ, но его же позоветь Богъ“³⁾.

За сказаніемъ о Ѳеодорцѣ помѣщено сказаніе о подвигахъ Михаила Юрьевича противъ Половцевъ, почти дословное въ обихъ сводахъ⁴⁾; сказаніе это, принадлежащее перу современника и человека,

¹⁾ См. также Карацкина Ист. Г. Р. II, примѣч. 424; *Быллель—Временникъ* т. II, 26 стр. Въ Воскр. (П. С. Р. Д. VII, 80—84), по словамъ самаго г. Вестушева-Рюмина, «разказъ южно-русскаго свода соединенъ съ Суздальскимъ» (О составѣ русск. лѣт. 132); а развѣ это въ свою очередь не можетъ служить доказательствомъ того, что въ обихъ сводахъ извѣстія сохранились изъ разныхъ источниковъ?

²⁾ Разница въ слѣдующемъ: въ Ип. св. лѣт. и лѣт. Пер. Суд. сказано: «Богъ бо егда хоцетъ показати челоука, отъиметь у него умъ»; въ Лавр. сп. подчеркнутыя слова пропущены, отчего выходитъ нѣкоторая бессмыслица; въ Ип. сп. лѣт. сказано, что митрополитъ Кіевскій велѣлъ его отвести на Песій островъ, гдѣ и приказалъ его казнить; въ Лавр. св., въ лѣт. Пер. Суд. и Воскр. мѣсто казни не называется (лѣтоп. по Лавр. сп. 337—339. Лѣтоп. по Ип. сп. 377—379; лѣт. Пер. Суд. 76—78); въ Воскр. (П. С. Р. Д., VII, 84—85) изгнаніе прямо приписывается чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери: «изгна бо и сама чудотворная икона пречистые Владычица наша Богородица, иже стоитъ во Златовръѣй церкви въ Владимирѣ».

³⁾ *Вест.-Рюм.*, О соет. Русск. лѣт. 134.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 339—342; Лѣт. по Ип. сп. 379—381; Лѣт. Пер. Суд. 78, 79; Воскр. П. С. Р. Д., VII, 85, 86.

близко знавшаго участвовавшихъ въ походѣ, можетъ быть, даже перу очевидца, писано на лѣвой сторонѣ Днѣпра, можетъ быть, даже въ Переяславѣ: „друзии (Половцы) придоша по оной сторонѣ Днѣпра къ Кіеву и стаха у Корсуня"... „хотящю ему на ону сторону Днѣпра къ Корсуню". При нападеніи на Половцевъ на первый планъ выставляются Переяславцы: „Переяславци же дерви суще поѣхаша напередъ съ Михалкомъ" (Вестужевъ-Рюминъ, 134, 135).

Сказаніе о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ ¹⁾ почти дословно сходное во всѣхъ сводахъ, составлено во Владимірѣ: „Новгородци же затворишася в городѣ съ княземъ Романомъ и бяхуса крѣпко с города, и многи избиша отъ нашихъ". О неудачѣ говорится кратко; неудача приписывается грѣхамъ: „се же бысть за наши грѣхи". Новгородцевъ же Богъ наказалъ за ихъ гордость рукою благовѣрнаго князя Андрея ²⁾. Дальнѣйшія извѣстія: о смерти Владиміра Андреевича въ Кіевѣ взято изъ кіевскихъ источниковъ; о смерти Мстислава Изяславича извѣстіе Волынское (Вест.-Рюм. ib. 135); о рожденіи у Мстислава Андреевича сына Василья—владимірское извѣстіе. Извѣстіе о походѣ Михайла Георгіевича на Половцевъ записано очевидцемъ Суздальцемъ; удержана разговорная форма; битва съ погаными была въ недѣлю; это указаніе также говоритъ въ пользу современности записи; отправившіеся въ походъ называются нашими: „наши Божьею помощю ихъ избиша, и другия извязаша" ³⁾. Извѣстіе о смерти Глѣба Юрьевича въ Кіевѣ, занесенное въ Лавр. сп. лѣт. (345), лѣт. Пер. Сузд. (81) и Воскр. (VII, 87), записано также во Владимірѣ ⁴⁾. Извѣстіе подъ 6680 годомъ о походѣ войскъ Андрея Боголюбскаго на Болгарь, дословное во всѣхъ сводахъ, записано во Владимірѣ; „слышавше бо наши се прославиша Бога". Въ воскресенскомъ сводѣ (П. С. Р. Л., VII, 88), при буквальной

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 341—343; Лѣт. по Ип. сп. 382—383; Лѣт. Пер. Сузд. 79, 80; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 86, 87.

²⁾ Вест.-Рюм., О соет. Русск. лѣт. 135 и 136.

³⁾ Въ Ип. сп. лѣт. 383, 384; Лѣт. Пер. Сузд. 80, 81; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 87, сходно съ лѣт. Лавр. 344, 345.

⁴⁾ Въ Ип. сп. лѣт. 384 извѣстіе объ этомъ подробнѣе: тамъ есть похвала ему, обозначенъ день смерти. Г. Вестужевъ-Рюминъ въ своемъ сочиненіи «О составѣ русскихъ лѣтописей», 136, это извѣстіе, помѣщенное въ южно-русскомъ сводѣ, считаетъ также суздальскимъ извѣстіемъ; едва ли оно могло такъ подробно гдѣ-либо быть записано, какъ въ Кіевѣ; можетъ быть, записано-то его одинъ изъ Суздальцевъ, бывшихъ съ Глѣбомъ, но все-таки въ Кіевѣ.

сходствѣ этого извѣстія съ остальными сводами, видно желаніе стереть указаніе на личность; поэтому вмѣсто словъ: „слышавше бо на ши се“ тамъ читается: „слышавше же христіанскіи полци“. Извѣстіе о смерти Мстислава Андреевича записано во Владимірѣ ¹⁾. Подъ 6682 годомъ записаны извѣстія о посаженіи Андреемъ сына своего Юрія въ Новгородѣ, о борьбѣ Андрея съ Ростиславичами, смерти Святослава Юрьевича 11-го января и Юрія Муромскаго 19-го января; первыя три извѣстія, записаны во Владимірѣ, о смерти Святослава Юрьевича, безъ сомнѣнія, въ Суздали, а послѣднее извѣстіе можетъ быть рязанское ²⁾. Борьба Андрея съ Ростиславичами владимірскаго происхожденія ³⁾. Извѣстіе о борьбѣ Ярослава Луцкаго съ Черниговскимъ княземъ Святославомъ — Кіевское ⁴⁾ и сокращенно взято изъ того же источника, которымъ пользовался составитель южно-русскаго свода (Лѣт. по Ип. сп. 393 и 394). На общій источникъ указываетъ буквальное сходство во многихъ мѣстахъ. Извѣстіе о посольствѣ къ Андрею Ростиславичей съ просьбой дать Кіевъ Роману Ростиславичу, по всей вѣроятности Суздальское; оно находится почти буквально во всѣхъ сводахъ ⁵⁾. Заканчиваются извѣстія объ Андрѣ Боголюбскомъ отдѣльнымъ сказаніемъ объ его убіеніи.

Итакъ, разсмотрѣвъ содержаніе Лаврентьевскаго свода за княженіе Андрея Боголюбскаго, мы видимъ, что главнымъ источникомъ для

¹⁾ Лѣт. по Лавр. списку 346; Лѣт. по Ип. сп. 386; Лѣт. Пер. Сузд. 81; Воскр. VII, 88.

²⁾ *Вест.-Рюм.*, О составѣ Русскихъ лѣтоп. 139.

³⁾ Лѣт. Пер. Сузд. 81, 82; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 88; въ послѣдней вмѣсто словъ: «пришедше же къ Вышегороду съ силою многою... и не успѣвше ничтоже возвратишася вспять», читается: «Князь же Андрѣй Юрьевичъ пришеде съ вои своими... и не хотѣ кровопролитія возвратиши во свояси». Во всемъ остальномъ почти буквально сходно. Въ Лѣт. по Ип. сп. 386—392 извѣстіе, благосклонное къ Ростиславичамъ. О смерти князей во всѣхъ сводахъ буквально сходно.

⁴⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 347, 348; Лѣт. Пер. Сузд. 82 стр.; Воскр. П. С. Р. Л. VII, 89. Погодинъ по поводу словъ лѣтописи: «Ярославъ же слышавъ яко стоить Кіевъ безъ князя», говоритъ («Исслѣд., лекція и замѣч.» IV, 54): «но гдѣ же было сказано, чтобы Святославъ оставилъ Кіевъ? Здѣсь пропускъ.» Этого пропуска нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, Переясл., Воскр. и Ник. лѣтописныхъ сборникахъ, въ которыхъ сказано, что, завладѣвъ Кіевомъ, Святославъ просидѣлъ тамъ только 12 дней (по Ник. 15) и потомъ ушелъ обратно въ Черниговъ.

⁵⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 346; Лѣт. по сп. Ип. 394; Лѣт. Пер. Сузд. 82; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 89.

составителя служили записи, составленныя во Владимірѣ. Ростовскихъ и суздальскихъ извѣстій почти нѣтъ; но довольно много извѣстій, взятыхъ изъ южно-русскихъ источниковъ.

Княженіе Всеволода Юрьевича большею частію описано его сторонникомъ, и при томъ во Владимірѣ. Такъ, походъ Всеволода на Торжокъ въ 6686 году описанъ участникомъ въ немъ; по словамъ лѣтописца дружина Всеволода будто бы говорила: „мы не цѣловать ихъ (Лавр., 366) (Новоторжцевъ) приѣхали; они, княже, Богови лжють и тобѣ! И се рекше, ударивша в конѣ, и взяша городъ“ 8-го декабря. Походъ Всеволода на Рязанскаго князя Романа въ 6688 г. тоже описанъ Владимірцемъ, который и выдаетъ себя. „Сторожеве же Романови, говорится, „перебродилися бяху черезъ Оку, и усрѣтошася с нашими сторожи, и Богъ поможе нашимъ сторожемъ; они же побѣгоша, а наши погнаша и притиснуша ихъ къ рѣцѣ Оцѣ“ (Лѣт. по сп. Лавр. 367, 368). Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ вездѣ мѣстоименіе нашъ замѣнено прилагательнымъ: „Всеволожь“ (Воскр. П. С. Р. Л., VII, 96; Твер. XV, 266. Въ Ник. [II, 240] говорится о пьяномъ состояніи стражи Рязанскихъ князей). Владимірскія также извѣстія о борьбѣ Святослава Всеволодовича Черниговскаго съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и смерти Ольги Юрьевны. „Всеволодь—сказано:—благосердѣ снѣ, не хотя крове проляти, не ѣхананъ [Лѣт. по сп. Лавр. 368]. Въ южно-русскомъ сводѣ [Лѣт. по сп. Ип. 418, 419] замѣтка объ этомъ составлена при помощи владимірской замѣтки¹⁾. Извѣстіе о походѣ Всеволода на Болгаръ описано участникомъ въ немъ. „Пощедшю же князю в поле, узрѣша наши [Воскр. П. С. Р. Л., VII, 96: „Всеволожь“], сторожеве полкъ в поли и мнху болгарскый полкъ“. „Болгары же пондоша... на лодѣъ наши.... наши же.... пондоша противу имъ.... наши погнаша²⁾).

Подъ 6693 годомъ находятся два извѣстія: о поставленіи Луки Ростовскимъ епископомъ и пожарѣ во Владимірѣ; епископу Лукѣ находится похвала, заканчивающаяся словами: „молися за порученное

¹⁾ *Бест.-Рюм.*, 141. Второе извѣстіе находится также въ Ип. сп. лѣт. 422, Твер. П. С. Р. Л., XV, 268 и Ник. II, 242.

²⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 369, 370; въ южно-русскомъ сводѣ есть также извѣстіе объ этомъ походѣ; хотя оно взято изъ другаго источника, но записано тоже очевидцемъ. Лѣт. по Ип. сп. 422, 423, *Бест.-Рюм.* 142. Въ Воскр., Твер. и Ник. извѣстіе взято изъ Владимірской записи П. С. Р. Л., VII, 96, 97, XV, 268, 269; Ник. II, 242—244.

тобѣ стадо, за люди хрестьянскыя, за князя и за землю Ростовскую, иже взираще на въдержанье твое, прославляютъ Бога, нынѣ и присно и в безконечныя вѣки^а; значить это извѣстiе записано при жизни епископа, умершаго въ 6697 г. 10-го ноября, и безъ сомнѣнiя во Владимірѣ, гдѣ епископъ постоянно жилъ и умеръ. О пожарѣ во Владимірѣ 18-го апрѣля въ среду записано во Владимірѣ; за извѣстiемъ о пожарѣ идетъ длинное разсужденiе на тему о причинѣ несчастiй, посылаемыхъ на насъ Богомъ¹⁾.

Походъ южно-русскихъ князей на Половцевъ описанъ въ сводѣ Лаврентьевскомъ приверженцемъ Владиміра Глѣбовича, можетъ быть даже въ Переяславлѣ. Въ южно-русскомъ сводѣ разказъ объ этомъ походѣ изъ другаго источника²⁾.

Подъ 6694 годомъ записаны два событія, отмѣченныя печатью современности: одно—о затмѣнiи солнца 1-го мая въ среду, „страшно бѣ видѣти челоувѣкомъ знаменье Божье“ и о рожденiи у Всеволода сына Константина 18-го мая на память св. мученика Потапія въ субботу; оба извѣстiя, вѣроятно, были записаны во Владимірѣ³⁾. Извѣстiе объ изгнанiи Новгородцами Ярослава Владиміровича записано не въ Новгородѣ: „такъ бо бѣ ихъ обычай“, замѣчаетъ лѣтописецъ. Во Владимірѣ записано о походѣ на Камскихъ Болгаръ. Сторонникъ Всеволода описалъ борьбу его съ Рязанскими князьями: онъ является примирителемъ между братьями; „Всеволодъ же.... правовѣренъ сынъ, бояся Бога и не хотя видѣти кровопролитья въ нихъ

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 370—374; Лѣт. по Ип. сл. 425, 426; *Бесѣд.-Рюм.* 143. Въ Воскр. П. С. Р. Л., VII, 97, Тверск. XV, 270 и Ник. II, 244, 245 похвала и разсужденiя сокращены.

²⁾ Лѣт. по сл. Лавр., 374—376; Лѣт. по Ип. сл. 426, 427; *Бесѣд.-Рюм.* 143, 144. Въ прочияхъ лѣтописныхъ сборникахъ сходно съ Лавр. лѣт. Воскр. П. С. Р. Л., VII, 97, 98, Тверск. XV, 271; Ник. II, 245.

³⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 376; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 98, Тверск. XV, 271; Ник. II, 247. Почтенный издатель Лаврентьевскаго свода вмѣсто слова «Потапія», память котораго совершается 8-го декабря, предлагаетъ читать: *Феодота*; не лучше ли слово Потапій признать поставленнымъ вмѣсто «Патрихій», память котораго празднуется 19-го мая. Примѣры того, что въ прежнее время память нѣкоторыхъ святыхъ совершалась не въ тѣ числа, какъ теперь, мы видимъ въ томъ же сборникѣ часто: такъ, память св. Мартина, папы Римскаго, отнесенная по лѣтописи къ 13-му апрѣля, нынѣ празднуется 14-го апрѣля (Лѣт. по сп. Лавр. 414); память Феодора Стратилата, отнесенная къ 7-му еевраля, празднуется теперь 8-го еевраля (ib., 439); память св. Фомы теперь празднуется 21-го марта; въ лѣтописи день его памяти обозначенъ подъ 19-мъ числомъ (ib., 403); см. такъ же на стран. 394 прим. 3.

посла къ нимъ изъ Володимера слы своя в Рязань⁴. Рязанскіе же князья „вспринимше буй помысль, начаша ся гнѣвати на нѣ“⁴. Посредникомъ между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Рязанскими князьими былъ Черниговскій епископъ Порфирій, который явился „яко перевѣтникъ и ложь“⁴. Всеволодъ же не хотѣлъ схватить его только потому, что „положи упованье на Бога и на Святую Богородицу“⁴. Другія извѣстія за эти годы тоже записаны во Владимірѣ: о рожденіи у Всеволода сына Бориса 2-го мая, о выдачѣ замужъ дочери Всеволода за Черниговскаго князя Ростислава Ярославича: „и бысть радость велика в градѣ Володимери“⁴, о сильной болѣзненности въ краѣ и походѣ Всеволода Юрьевича на Рязань. Извѣстіе же о росписаніи церкви въ Ростовѣ могло быть тамъ и записано¹⁾. Извѣстія, записанныя современникомъ во Владимірѣ: смерть Володимера Глѣбовича 18-го марта въ среду на вербной недѣлѣ²⁾, смерть Бориса Всеволодовича, о посольствѣ Новгородцевъ съ просьбою дать имъ князя Ярослава Владиміровича, громъ 17-го февраля, о выдачѣ замужъ Верхуслavy за Ростислава Рюриковича въ Бѣлгородъ 30-го іюля, о смерти княжича Глѣба 29-го сентабря и епископа Луки 10-го ноября, и о рожденіи у Всеволода сына Георгія; объ освященіи соборной церкви въ Ростовѣ наканунѣ Успенія — Ростовское извѣстіе³⁾. Извѣстія за 6698—7000 гг. всѣ почти записаны во Владимірѣ: о посвященіи Іоанна въ епископы Ростовскіе; Іоаннъ былъ поставленъ 23-го января, въ Ростовъ прибылъ 25-го февраля, въ Суздаль 10-го марта, а во Владиміръ 16-го марта въ пятницу; 8-го февраля родился у Всеволода сынъ Ѳеодоръ.

Подъ 6700 и 6701 гг. находятся слѣдующія извѣстія: о постригахъ Всеволодова сына Юрія 28-го іюля въ Суздаль: „и бысть ра-

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 380—385; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 100, 101; Тверск., XV, 274—278; Ник., II, 250—254.

²⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 385—386. Въ южно-русскомъ сводѣ извѣстіе изъ другаго источника, вѣроятно записаннаго въ Переяславѣ. Лѣт. по сп. Ип., 439; Бест.-Рюм., 144.

³⁾ Въ Ип. сп. лѣт., 443, 444 извѣстіе подѣ 6695 г. о рожденіи Георгія взято изъ другаго источника съ большими подробностями; Георгій родился 26-го ноября; по случаю его рожденія князь устроилъ пиръ; тогда же и Яковъ приѣхалъ изъ Руси, проводивъ Верхославу — послѣднія слова указываютъ на то, что яковъ сдѣлана современникомъ. Въ прочихъ сводахъ извѣстія эти сходны съ Лавр. свод. (Воскр. П. С. Р. Л., VII, 106; Тверск., XV, 278, 279; Ник., II, 254, 255, Лѣт. Пер.-Сузд., 100, 101).

доть велика в градѣ Суздали, ту сущю блажену епископу Іоану¹, обѣ укрѣпленіи Суздали стѣнами—эти извѣстія могли быть записаны въ Суздали; о заложениі церкви Рождества Богородицы 22-го августа записано во Владимірѣ, равно какъ слѣдующее извѣстіе о пожарѣ во Владимірѣ 23-го іюля въ четвергъ, сопровождаемое длиннымъ разсужденіемъ (Лѣт. по сп. Лавр. 387—390). Въ позднѣйшихъ сборникахъ всѣ эти извѣстія есть, но въ сокращенномъ видѣ¹).

Подъ 6702—6704 г. находятся слѣдующія извѣстія: о постригахъ Всеволодова сына Ярослава 27-го апрѣля „и бысть радость велика въ градѣ Володимери“, сказано въ лѣтописи; о заложениі дѣтинца во Владимірѣ 4-го іюня, обѣ обновленіи въ августѣ мѣсяцѣ церкви Св. Богородицы: „и бысть опять аки нова“, замѣчаетъ современникъ; обѣ обновленіи церкви Богородицы въ Суздали, о рожденіи у Всеволода сына 25-го октября Дмитрія, о заложениі крѣпости въ г. Переяславѣ 29-го іюля, о рожденіи у Всеволода сына Гавріила 27-го марта, о заложениі церкви на воротахъ 1-го мая; большинство этихъ извѣстій, безъ сомнѣнія, записано во Владимірѣ; нѣсколько извѣстій безъ числѣ тоже могли быть записаны тамъ же. Только извѣстіе обѣ обновленіи Суздальской церкви Богородицы могло быть записано въ Суздали, какъ это замѣтно по тону и особенному сочувствію лѣтописца къ этому событію; „и то чюду подобно“, замѣчаетъ онъ: „молитвою святое Богородицы и его (епископа) вѣрою, а иже не ища мастеровъ отъ Нѣмецъ, но налѣзе мастера отъ клевереть святое Богородицы и (отъ) своихъ, иныхъ олову лѣяти, иныхъ крыти, иныхъ извѣстью бѣлти“. Извѣстіе же о построеніи Переяславля могло быть записано въ Переяславѣ²).

Непріязненные дѣйствія Всеволода Юрьевича съ Ольговичами (6705 г.) записаны во Владимірѣ; Всеволодъ возвратился домой 1-го октября „и бысть радость велика в градѣ Володимерѣ“³). Даль-

¹) Воскр. П. С. Р. Л., VII, 101, 102; Тверск., XV, 279—281; Ник., II, 255—257.

²) Лѣт. по сп. Лавр. 390—392. Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій попали въ южно-русскій и позднѣйшіе своды, но почти всѣ короче (Лѣт. по Ии. сп. 453, 454; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 106; Тверск., XV, 218; Ник., II, 258—261).

³) Лѣт. по сп. Лавр. 392, 393. Въ южно-русскомъ сводѣ извѣстіе обѣ этомъ записано въ Киевѣ. Лѣт. по Ип. сп., 466—467; Бест.-Рюм., 148, 149. Въ Воскр. П. С. Р. Л., VII, 106; Пер.-Суд. 103, извѣстія сходны буквально съ Лавр.; въ Ник. (II, 267—269) слиты извѣстія обѣихъ лѣтописей съ прибавкой извѣстій изъ Новгородской лѣтописи.

нѣйшія извѣстія за этотъ и слѣдующіе годы 6706 и 6707 носятъ на себѣ явные слѣды записи во Владимірѣ: объ освященіи двухъ церквей во Владимірѣ 27-го октября (Пер.-Сузд. 26-го) и 3-го ноября, о принесеніи „дски“ Дмитрія Солунскаго 10-го января, о рожденіи у Всеволода сына Іоанна 28-го августа, о походѣ Всеволода съ сыномъ Константиномъ на Половцевъ; князья выступили въ походъ 30-го апрѣля, а возвратились 5-го іюня (Пер.-Сузд. 6-го) въ субботу; о пожарѣ во Владимірѣ 25-го іюля въ субботу (25-го іюля приходилось въ воскресенье); другія извѣстія за эти годы безъ чиселъ и касаются предметовъ, близкихъ ко Владимірцамъ, а потому также могли быть записаны во Владимірѣ же: объ изгнаніи Новгородцами Ярослава, княжескаго свояка, о смерти Давида Смоленскаго; Всеволодъ послалъ въ Русскій Переяславль Павла на епископію; о смерти Ярослава Мстиславича въ Русскомъ Переяславлѣ ¹⁾.

Извѣстія подъ 6708 и 6709 гг. о заложеніи княземъ церкви въ монастырѣ 15-го іюля (Пер.-С. 6-го іюля), о просьбѣ Новгородцевъ дать имъ въ князи сына Святослава, который и отправился изъ Владиміра 12-го декабря; о знаменіи въ лунѣ 24-го декабря (Пер.-С. 29-го декабря) и смерти на другой день княгини, свояченицы Всеволода— все это записано во Владимірѣ; извѣстіе же о томъ, что Всеволодъ послалъ сына своего Ярослава въ Переяславль 3-го августа, „тогда сущу великому князю въ Переяславли“, могло быть записано въ Переяславлѣ. „Переяславцы же поидоша с радостью великою, хваляще Бога, и святую Богородицу и святаго Михаила, давшаго имъ князя, его же желаша... и бысть радость велика в градѣ Переяславли“ ²⁾.

Извѣстія подъ 6710—6714 гг. по преимуществу касаются Киевскихъ событій; по всей вѣроятности, они въ Киевѣ и записаны; эти извѣстія слѣдующія: Романъ отнимаетъ Киевъ у Рюрика; походъ Романа на Половцевъ; взятіе Рюрикомъ и Половцами Киева 2-го января; это извѣстіе записано современникомъ: „створися велико зло в Русѣйи земли, якоже зло не было отъ крещенья надъ Киевомъ, напасти были и взятыя, не якоже нынѣ зло се стася“—„то все стася надъ Киевомъ за грехи наша“—слова Киевлянина; походъ Романа на Рюрика подъ Овручъ 16-го февраля записанъ тоже въ Киевѣ;

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 393, 394; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 106, 107; Тверск., XV, 285, 287, 288; Ник., II, 268—271.

²⁾ Воскр. П. С. Р. Л., VII, 107; Тверск., XV, 289, 290; Ник. II, 271, 273; Лѣт. по сп. Лавр., 394—396.

можетъ быть, тамъ же записано и извѣстiе о знаменiяхъ небесныхъ; лѣтописецъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ: „едино же отъ нихъ скажемъ“. Другiя извѣстiя подъ этими годами очевидно записаны на сѣверѣ Россiи: о смерти Черниговскаго князя Игоря и княгини Михалковой 5-го августа—последнее извѣстiе, можетъ быть, записано въ Суздаль, гдѣ княгиня была похоронена; извѣстiе объ освященiи 9-го сентября церкви Успенiя въ монастырѣ, созданномъ княгиней,—владимiрское; примиренiе Всеволода съ Романомъ и Ольговичами; походъ южно-русскихъ князей на Половцевъ; ссора между князьями; Ромагъ постригаетъ Рюрика съ женою—все это могло быть записано, какъ можно судить по отсутствию числовыхъ данныхъ, во Владимiрѣ, и во всякомъ случаѣ приверженцемъ Всеволода; „и услышавъ то великiй князь Всеволодъ, еже ся створи у Русской земли, и печаленъ бысть великии, за не всякiй крестьяннiй радуется о добремъ, печалуется же ся о злемъ“... „И вложи ему Богъ в сердце онечалитися Русскою землею“... „мога то мстити, но крестьянъ дѣля отложи“... Смерть Владимiра Юрьевича Муромскаго и дочери Всеволода Елены 30-го декабря; Ольговичи 6-го февраля подѣловали крестъ ко Всеволоду и его дѣтямъ „и возвратишася восвоися“—извѣстiя очевидно владимiрскiя ¹⁾).

Подъ 6714 г. находятся слѣдующiя извѣстiя, несомнѣнно записанныя во Владимiрѣ: объ отправленiи Всеволодомъ сына своего Константина въ Новгородъ 1-го марта—извѣстiе, благосклонное къ Константину и записанное очевидцемъ: „и бысть говоръ великъ аки до небеси отъ множества людей“; похвала Константину обличаетъ книжника. Запись эта сдѣлана, быть можетъ, лицомъ, сопутствовавшимъ Константину въ Новгородъ; съ точностью обозначено, когда Константинъ пришелъ въ Новгородъ, какъ его встрѣтили Новгородцы; говорится, что на встрѣчу ему вышло „с честью великою множество народа, съ епископомъ Митрофаномъ, отъ мала и до велика; и бысть радость велика Новѣградъ“. 2-го марта жена Всеволода постриглась въ монахини „и проводи ю великiй князь Всеволодъ самъ, со слезами многими... и не мочи видѣти туги“. Находится похвала ей. Послѣ краткаго извѣстiя о походѣ Рязанскихъ князей на Половцевъ находятся южно-русскiя извѣстiя, начиная со смерти Романа Галицкаго въ походѣ противъ Поляковъ. Описанiе борьбы Всеволода

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 396—400; Лѣт. Пер. Суд., 106—107; Воскр. П. С. Р. Л., VII, 107—109; Тверск., XV, 291—294; Ник., II, 273—277.

Чермнаго съ Рюрикомъ за Киевскій столъ и Галичъ въ 6714 и 6715 гг. взято, конечно, составителемъ сборника изъ южно-русскихъ источниковъ. Авторъ стоитъ на сторонѣ Рюрика; сказавъ объ изгнаніи Всеволода Чермнаго изъ Киева изгнаннымъ прежде Рюрикомъ, летописецъ говорить: „сбытсѣя надъ нимъ притча еуангельская: яко всякъ взносяся смѣритсѣя, а смѣряся взнесетсѣя; и пакы: ео же мѣроу мѣрите, възмѣритсѣя вамъ“. Южно-русскія извѣстія прерываются извѣстіями, безъ сомнѣнія, записанными во Владимірѣ; къ числу такихъ мы относимъ извѣстія о прибытіи Ярослава Всеволодовича, изгнаннаго Всеволодомъ Чернымъ изъ Переяславля Русскаго, во Владиміръ 22-го сентября, о затмѣніи солнца 28-го февраля „в среду сырное недѣли“—извѣстіе, записанное современникомъ: „мвози бо вѣрнии чловѣци зраще моляхуса Богу, дабы Богъ обратилъ знаменье то на добро“; извѣстіе о приѣздѣ Константина изъ Новгорода также записано во Владимірѣ; „отець же его“—сказано—„вставъ, обумъ и цѣлова любезно и с радостью великою, якоже Ияковъ патриархъ Иоснеа прекраснаго видѣвъ“. Походъ Всеволода на Рязань описанъ приверженцемъ Всеволода; въ Лаврентьевскомъ сводѣ Рязанскіе князья представляются вѣроломными; ихъ вѣроломство обличили Глѣбъ и Олегъ Владиміровичи ¹⁾. Что касается фактической стороны, то походъ Всеволода на Рязань излагается довольно подробно; много числовыхъ данныхъ; Всеволодъ выступилъ 19-го августа, въ недѣлю, захватилъ Рязанскихъ князей и отослалъ ихъ во Владиміръ 22-го сентября въ субботу ²⁾. Владимірцы отступили отъ Пронска въ четвергъ 18-го октября; Рязанскій епископъ и Рязанцы просятъ не опустошать Рязанской области; Всеволодъ отправляется къ Коломнѣ; затѣмъ вставка объ изгнаніи Рюрикомъ Всеволода

¹⁾ Между тѣмъ мы имѣемъ другое, совершенно противоположное извѣстіе Новгородскаго летописца, который прямо сообщаетъ, что „обадиста Володимирца братаю свою“; Володимиричи называются „клеветниками“ (Нов. П. С. Р. Л. III, 30). Въ позднѣйшихъ сборникахъ (Воскр. П. С. Р. Л. VII, 114, 115; Ник. II, 297—303) извѣстіе объ этомъ взято изъ источника, одинаковаго съ тѣмъ, который вошелъ въ Лаврентьевскій сводъ.

²⁾ Пришедши къ Пронску, Всеволодъ „не хотѣ видѣти крови пролѣтыя“, предлагаетъ Пронянамъ сдаться добровольно; „они же не внушиша глаголъ его, надѣющесе на градную твердость“. Князь Всеволодъ называется милосерднымъ. При описаніи осады Пронска видно, на чьей сторонѣ авторъ: „си же (Проняне) видѣвше полкъ наши“ „наши же поставиша противу имъ“ „возвратисѣя наши опять къ Проньску с побѣдоу ко князю великому“.

Чернига изъ Кіева; сказавъ: „и мы та оставльше, на предняя возвратимся“, лѣтописецъ продолжаетъ разказъ о Всеволодѣ: отъ Коломны князь идетъ во Владиміръ, куда и приходитъ въ среду 21-го ноября. Объ освященіи 25-го ноября перкви св. Михаила записано приверженцемъ Константина въ Ростовѣ; о знамени въ лунѣ 3-го февраля, о походѣ Ольговичей на Рюрика Кіевского—эти извѣстія могли быть записаны во Владиміръ.

Подъ 6716 годовъ находятся Владимірскія извѣстія: Рязань отдана Всеволодомъ своему сыну Ярославу, съ которымъ Рязанцы обошлись дурно. Когда Всеволодъ прибылъ къ Рязань, то „прислаша Рязанцы бурю рѣчь, по своему обычаю и непокорству“. Всеволодъ приказалъ сечь Рязань, велѣвъ предварительно жителямъ видти изъ города. Михаилъ, Рязанскій князь, воевалъ около Москвы волости князя Всеволода, но былъ побѣжденъ Юріемъ ¹⁾.

Подъ 6717 годовъ находятся извѣстія Ростовскія: о рожденіи у князя Константина сына Василия 7-го декабря: „и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ“ и о походѣ Константина съ братьями противъ Мстислава Мстиславича Торопецкаго ²⁾.

Подъ 6718 г. находятся слѣдующія извѣстія: о походѣ Кузьмы Ратьшича, меченоши Всеволодова, на Тепру, о мирѣ Всеволода съ Всеволодомъ Чернымъ и Ольговичами: „великій же князь“—сказано—„видѣвъ покоренье ихъ к собѣ, не помяна злобы ихъ, цѣлова с нимъ крестъ“; о занятіи Всеволодомъ Чернымъ Кіевского стола, о походѣ Половцевъ на Переяславль, всѣ эти извѣстія могли быть записаны во Владиміръ; извѣстіе же о рожденіи у Константина сына Всеволода 18-го іюня записано въ Ростовѣ.

Подъ 6719 годовъ находятся два извѣстія: одно: владимірское—женитьбѣ Всеволодова сына Юрія; другое несомнѣнно ростовское—

¹⁾ Лавр. сп. лѣт. 412, 413. Въ Воскр. П. С. Р. Л. VII, 116 и Ник. II, 306, походъ Рязанскихъ князей на Москву описанъ подробно; побѣда Юрія Всеволодовича надъ Изяславомъ была 26-го марта „в великой четвергъ“.

²⁾ Лавр. лѣт. 413; Воскр. П. С. Р. Л. VII, 116. Въ Пер.-С. лѣтоп. 109, объ этомъ походѣ упоминается подъ 6720 годовъ; очевидно, это тотъ самый походъ, о которомъ въ Лавр. спискѣ упоминается подъ 6717 годовъ и въ Нов. I (П. С. Р. Л. 31) подъ 6718 годовъ; поэтому утвержденіе г. Полянова, что объ этомъ походѣ въ Лавр. не упоминается (У. З. А. Н. I, 95), невярно; равно невярна его поправка правильнаго чтенія Переяславской лѣтописи: „пріиша“ на „ме пріиша“. Нужно читать именно „пріиша“, то-есть, взяли и посадили подъ стражу; съ чѣмъ согласна и Новг. лѣтопись, въ которой говорится: „Святослава посадиша въ владѣцкыи дворѣ“.

о пожарѣ въ Ростовѣ 15-го мая „въ недѣлю собора святыхъ отецъ“: по жарѣ произошелъ „Богу поущію за умноженіе грѣхъ нашихъ и неправды“. Извѣстіе это принадлежитъ, безъ сомнѣнія, современнику и очевидцу; подтвержденіемъ этого служатъ выраженія: „уже нѣдни мняху“... „видѣша вся огнемъ взята“... Авторъ—сторонникъ Константина; съ особеннымъ удовольствіемъ онъ сообщаетъ, что князь, бывшій во время пожара во Владимірѣ, услышавъ объ этомъ несчастіи, спѣшить въ Ростовъ и старается утѣшить опечаленныхъ согражданъ. Въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, конечно изъ другого источника, взято извѣстіе о распрѣ Константина съ отцемъ; Константинъ выставляется послушникомъ отцовской воли, и когда Владиміръ былъ отданъ Юрію, то „Константинъ слышавъ то, и воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братію свою, паче же на Георгія“¹⁾.

Извѣстіе о смерти Всеволода 13-го апрѣля 6720 г. съ длинною похвалою ему, безъ сомнѣнія, записано во Владимірѣ, равно какъ и извѣстіе объ освобожденіи Рязанскихъ князей, о походѣ Юрія и Ярослава на Константина и мирѣ съ нимъ; послѣднія извѣстія отличаются своею краткостью²⁾.

Итакъ, разсмотрѣвъ содержаніе Лаврентьевскаго свода за княженіе Всеволода III, мы видимъ, что, извѣстія, вошедшія въ него, записаны преимущественно во Владимірѣ и, слѣдовательно, въ интересахъ своего князя.

Всѣми ли владимірскими записями воспользовался „мнихъ Лаврентій“? Не было ли извѣстій, касающихся Владиміра, но ускользнувшихъ отъ вниманія составителя? На этотъ вопросъ дадутъ намъ указаніе позднѣйшіе сборники, изъ разсмотрѣнія которыхъ оказывается, что есть записи, сдѣланныя во Владимірѣ и не вошедшія въ сводъ Лаврентьев-

¹⁾ Воскр. П. С. Р. Л. VII, 117; Тверск. XV, 310; Ник. II, 310, 311.

²⁾ Въ Лѣт. Пер. Сузд. подъ 6731 г. находится тѣ же извѣстія, но очевидно, записанныя другою рукою и съ гораздо большею подробностью. Послѣ краткой похвалы Всеволоду сказано, что всѣ его сыновья были на похоронахъ за исключеніемъ Константина; сказано, какъ Всеволодъ раздѣлялъ между сыновьями свои земли и завѣщалъ всѣмъ князьямъ жить между собою дружно, не воевать. О враждебныхъ дѣйствіяхъ Константина и Святослава противъ Юрія и Ярослава говорится весьма подробно. Извѣстіе это очевидно записано въ Переславлѣ приверженцемъ Юрія и Ярослава Лѣт. Пер.-Сузд. 110, 111). Находящееся въ Лавр. спискѣ лѣтописное, извѣстіе о постригахъ у Константина—ростовское извѣстіе.

скій; эти извѣстія слѣдующія: о бракѣ сына Святослава Кіевскаго со свояченицей Всеволода въ 6688 г. (Лѣт. по Ип. сп. 422). Извѣстіе это по замѣчанію Погодина (Исслѣд. лекц. и зам. IV, 56)—суздальское. О враждебныхъ дѣйствіяхъ Всеволода съ Рязанскими князьями и о дождливомъ лѣтѣ въ 6694 г. (Ник. II, 253), о знаменіи на небѣ (Твер. II. С. Р. Л. XV, 281), о женитьбѣ Всеволодова сына Константина въ 6704 г. (въ Ник. II, 261, 262 перечисляются князья, бывшіе на свадьбѣ. Воскр. II. С. Р. Л. VII, 103) кратко. Лѣт. Пер. (102) съ обозначеніемъ числа); о постригахъ Всеволодова сына Владиміра (Ник. II, 262; Лѣт. Пер. 103 съ обозначеніемъ числа), объ изгнаніи Новгородцами осенью 6706 г. Ярославича Черниговскаго; по ихъ просьбѣ, Всеволодъ далъ имъ въ князи своего свояка Ярослава и о постригахъ 9-го ноября сына Всеволодова Гавріила (Лѣт. Пер.-С. 104); о знаменіи на небѣ 28-го января 6711 г. (Воскр. II. С. Р. Л. VII, 108; Тверск. XV, 293; Ник. II, 276); о примиреніи Романа Мстиславича Галицкаго съ Всеволодомъ въ 6712 году. (Ник. II, 277); о походѣ Всеволодовыхъ войскъ на Камскихъ Болгаръ (ibid. 291); о возвращеніи Константина въ Новгородъ (ibid. 296); о вторичномъ бракѣ Всеволода (Воскр. II. С. Р. Л. VII, 116; Тверск. XV, 308; Ник. II, 306. Лѣт. Пер.-С. 109). Всеволодъ отпускаетъ Рязанскую княгиню изъ плѣна II. С. Р. Л. VII, 117).

Но кромѣ Владимірскихъ извѣстій, мы найдемъ въ Лаврентьевскомъ сводѣ за время княженія Всеволода III нѣсколько извѣстій, записанныхъ въ Ростовѣ. Всѣми ли ростовскими извѣстіями воспользовался составитель? Очевидно, нѣтъ, на что указываютъ, хотя и немногочисленные извѣстія, не находящіяся въ Лаврентьевскомъ сводѣ, но помещенныя въ позднѣйшихъ сборникахъ; таковы, напримѣръ, извѣстія объ установленіи празднованія въ честь Ростовскаго епископа Лентія (Тверск. II. С. Р. Л. XV, 281) и о паденіи соборной церкви Богородицы (ibid. 294; Воскр. VII, 112; Ник. II, 289).

Разсматривая содержаніе Лаврентьевскаго свода отъ смерти Всеволода III до битвы при Сяти, мы видимъ въ извѣстіяхъ отъ 6721 г. о 6726 г. приверженца Константинова, записывавшаго лѣтописныя извѣстія въ Ростовѣ. Доказательствомъ этого служить то, что всѣ извѣстія, касающіяся Ростова, сопровождаются числовыми данными, ли излагаются со стороны интересовъ Ростовскаго князя, или говорятъ о его сторонникахъ; такъ о вторичномъ нападеніи Юрія съ Ярославомъ на Константина сказано глухо; причины не выяснены; о Переяславльскій лѣтописецъ, сторонникъ Ярослава, говоритъ, что

Константинъ сталъ отнимать волости у братьевъ: у Юрія отнялъ Соль Великую, и Нерехту у Ярослава (Лѣт. Пер.-С. III); самый походъ описанъ Переяславльскимъ лѣтописцемъ подробно; точно то же нужно сказать и о походѣ Юрія на Владиміра Всеволодовича, сторонника Константина. Также глухо сказано и о Липецкой битвѣ; причина вражды свалена на діавола, который никогда не желаетъ добра человѣческому роду. Даже въ самой формѣ изложенія мы видимъ въ лѣтописцѣ сторонника Константина; при его имени всегда стоитъ эпитетъ: или „христолюбивый“, или „благочестивый“, или „блаженный“, или „христолюбивый князь великій“, или просто „великій князь“. Всѣ извѣстія о немъ отличаются какою-то теплотою, задушевностію: съ удовольствіемъ лѣтописецъ выдвигаетъ наружу ту или другую хорошую черту своего князя, какая симпатія лѣтописца чувствуется въ извѣстіи о прибытіи Полоцкаго епископа съ разными священными реликвіями, какимъ тутъ представляется князь благочестивымъ, какая чистая душа рисуется въ завѣщаніи Константина своимъ дѣтямъ!

За эти годы есть нѣкоторыя извѣстія, которые, безъ сомнѣнія, записаны во Владимірѣ, хотя тоже сторонникомъ Константина. Извѣстія эти слѣдующія: о zaloженіи Константиномъ 6-го мая 6726 года каменной церкви во Владимірѣ въ честь Воздвиженія Честнаго Креста и объ освященіи ея 14-го сентября; во Владимірѣ же приверженцемъ Константина записано о принесеніи Полоцкимъ епископомъ въ подарокъ князю частицы страстей Господнихъ и мощей Логина сотника и Маріи Магдалины; почитатель Константина записалъ наставленіе его, данное имъ своимъ сыновьямъ при отпращиваніи ихъ на княжества. Тѣмъ же приверженцемъ Константина записано извѣстіе о его смерти 2-го февраля „въ пятницу во 7-й часъ дня“. Князю написана длинная похвала. Ростовскій лѣтописецъ слышится, хотя и не такъ часто, и послѣ смерти Константина въ различныхъ извѣстіяхъ: такъ напримѣръ, въ извѣстіи объ освященіи епископомъ Симеономъ церкви Богородицы 7-го сентября 6727 года, о смерти жены Константиновой 24-го января 6728 года (Лѣт. по сп. Лавр. 422, 423). Извѣстіе о сильномъ туманѣ въ 6731 году записано тоже въ Ростовѣ; на это указываетъ слово „аерь“ („яко и птицамъ по аеру не бѣ лѣтъ лѣтати“); прилагательное „аерскій“ употреблено тоже ростовскимъ лѣтописцемъ подъ 6739 годомъ. Ростовскимъ лѣтописцемъ записано извѣстіе о посвященіи 14-го марта 6735 г. въ воскресенье, „еда творимъ поклоненіе Честному Кресту“, Митрофана во епископы Владимірскіе.

„приключися и мнѣ грѣшному ту быти и видѣти дивна и преславна“ — эти слова, по объясненію Соловьева, именно указываютъ на случайное пребываніе въ то время лѣтописца во Владимірѣ и заставляютъ предполагать, что онъ постоянно жилъ въ Ростовѣ (Ист. Росс. IV, 368). Ростовскій лѣтописецъ видѣнъ и въ извѣстіи о свадьбѣ Василька Константиновича, который прибылъ съ женою въ Ростовъ въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста 12-го февраля 6735 года, „и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ“. Житель Ростова видѣнъ въ извѣстіи объ избраніи Константиновичами на мѣсто отказавшагося отъ кафедры епископа Кирилла, игумена Кирилла; подробно описывается его встрѣча въ Ростовѣ. Находящееся подъ 6739 г. извѣстіе о поставленіи въ Кіевѣ Кирилла въ епископы Ростовскіе записано очевидно Ростовцемъ. Василько Константиновичъ называется „христолюбомъ“, „благороднымъ княземъ“; Кириллъ былъ поставленъ 6-го апрѣля въ недѣлю св. Мирносицъ; подробно перечислены епископы и архимандриты, участвовавшіе въ посвященіи Кирилла, и князья, бывшіе при этомъ; значить, составитель записи самъ былъ въ Кіевѣ. Подробно описывается встрѣча Кириллу въ Ростовѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ; похвала Кириллу и вообще все это извѣстіе записано почитателемъ Кирилла, почитателемъ, который самъ слушалъ и записывалъ его поученія: „Любовному ученью же и тцанью дивлься сего честнаго святителя Кирилла, с страхомъ и покореньемъ послушая, въ узиѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входѣ написанье себе вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати; зѣло бо велье дѣло паче насъ вспрѣхъ, боязнью ослушанья“. Изъ этихъ словъ видно, что автору этой записи вѣроятно, было приказано самимъ Кирилломъ записывать его поученія, можетъ быть, говоренныя экспромптомъ. Поэтому-то дальше составитель этой замѣтки и обращается съ молитвою, чтобъ это порученіе исполнить хорошо: „но паче молитвы своя подажь ми, и въ крилу мѣсто раскрыи сюду и онуду, прости к Богу... да и азъ аерскимъ духомъ нахоженья избѣгну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу, начиная бесѣду сдѣ яко истинна есть повѣстьству“¹⁾). Извѣстіе объ освященіи церкви Богородицы въ Ростовѣ 14-го

¹⁾ Въ эти извѣстія о Кириллѣ вставлено Ростовское же извѣстіе о рожденіи у Василька сына Бориса 24-го іюля; вставка очевидна; слова: „не токмо бо словомъ уча, но и дѣломъ каже“, раздѣленныя этою вставкою, по смыслу соединяются съ словами, помѣщенными послѣ вставки: „и вся приходящая удивлеса“... Изъ опредѣленія времени рожденія князя Бориса видно также, что похвала Ки-

августа записано тѣмъ же авторомъ и является какъ бы продолженіемъ похвалы: „се 1-е дѣло створи Богъ изрядно Кирилломъ священнымъ епископомъ, еже нѣсть было в Ростовѣ у прежебывшихъ епископѣхъ“¹⁾). Кромѣ этихъ подробныхъ записей, сдѣланныхъ въ Ростовѣ и вошедшихъ въ Лавр. свод., въ немъ сохранено еще много мелкихъ, летучихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ тамъ же, какъ напримѣръ, о поставленіи Кирилла I въ епископы Ростовскіе и краткое упоминаніе о Липецкой битвѣ.

Послѣ ростовскихъ извѣстій самое видное мѣсто по числу занимаютъ извѣстія, записанныя во Владимірѣ, и притомъ сторонникомъ Юрія Всеволодовича; извѣстія эти: о рожденіи у Юрія сына Всеволода 23-го октября 6721 г. и о поставленіи Симона-игумена въ епископы Владимірскіе (Лѣт. по Лавр. сп. 416). Особенно много извѣстій владимірскихъ съ того времени, какъ Юрій сдѣлался великимъ княземъ Владимірскимъ; такъ, подъ 6728 годомъ находится извѣстіе о походѣ Русскихъ на Болгаръ подъ начальствомъ брата Юрія, Святослава; извѣстіе это, записанное очевидцемъ, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ авторъ указываетъ на себя; „наши же, силою креста честнаго укрѣпители, поидоша противу имъ стрѣляюще я, они же забѣгше за плоть бяхутся крѣпко, наши же разсѣкше плоть, въбиша я въ градъ“²⁾). Извѣстія о томъ, что Юрій послалъ своего сына Всеволода княжить въ Новгородъ и о заложеніи Нижняго Новгорода въ 6729 году, о возвращеніи Всеволода изъ Новгорода, о заложеніи перкви въ Нижнемъ Новгородѣ, о смерти Симеона епископа Владимірскаго 22-го мая 6734 года, о походѣ Юрія на Олега Курскаго и брата его, Іоанна, на Мордву, а сына Ярославъ на Емь „гдѣ же ни единъ отъ князь рускихъ не ввозможе бывати“, всѣ эти извѣстія, очевидно, записаны частью по слуху, частью очевидцами. Владимірецъ записалъ о пожарѣ въ городѣ Владимірѣ 11-го мая 6735 г., съ прибавленіемъ размысленій о причинахъ несчастій: „се же наводитъ

риллу писана послѣ его рожденія: „паче же наипаче внесе (Кириллъ) въ святую церковь кресты честныи, многи мощи святыхъ в ракахъ прекрасныхъ, въ заступленіе и покровъ и утверженіе граду Ростову, и христолюбцу князю Василькову, и княгинѣ его, и сынови его Борису“.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 433—437.

²⁾ Лѣт. по сп. Лав. 422. Въ Воскр. (П. С. Р. Л. VII, 126—128; Ник. II, 342—344) находится болѣе подробное описаніе этого похода на Болгаръ; записанное, можетъ быть, даже очевидцемъ; Болгары «пустыша по стрѣлѣ въ мамю... «страшно бысть видѣти», и «бысть во градѣ вопль великъ зло».

на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянне".... Тамъ же записано о смерти Владимира Всеволодовича въ скимѣ 6-го января въ четвергъ. По слуху записаны извѣстія о смерти двонхъ Муромскихъ князей и Мстислава Мстиславича въ 6736 году; Владимірецъ записалъ о двуратномъ походѣ въ 6736 г. князей на Мордовскую землю, при чемъ второе извѣстіе о походѣ сообщаетъ нѣкоторыя подробности, о рожденіи у Юрія дочери 21-го сентября, о пожарѣ княжескаго дворца 5-го января, о предоставленіи Переяславля Русскаго Святославу, о враждебныхъ дѣйствіяхъ Мордвы противъ Нижняго Новгорода въ 6737 году, и о неурожаѣ. Во Владимірѣ записано объ Аврааміѣ, замученномъ въ Болгарской землѣ, и принесеніи его во Владиміръ 9-го марта 6738 года; о женитьбѣ Юріемъ своего старшаго сына Всеволода 14-го апрѣля „въ недѣлю антипасхи“ записано во Владимірѣ; тамъ же записано о землетрясеніи и различныхъ явленіяхъ въ солнцѣ; описавъ землетрясеніе въ этомъ городѣ, авторъ замѣчаетъ: „бысть же се и во иныхъ городѣхъ, и в Кіевѣ граде велми болма того бысть потрясенне“. Описавъ землетрясеніе въ Кіевѣ и Переяславлѣ Русскомъ, лѣтописецъ заканчиваетъ такъ: „тоже все бысть по всей земли одного дни, одного часа, в годъ святны литургія, мѣсяца мая въ 3 день, в пятокъ 4 недѣли по пасцѣ; тако слышахомъ у самовидецъ, бывшихъ тамо в то время“. „Тако сказана намъ самовидці, бывши тамъ“—сказано о небесныхъ явленіяхъ въ Кіевѣ (Лѣт. по сп. Лавр. 431, 432). О прибытіи митрополита Кирилла для умиротворенія Ярослава съ Михаиломъ Черниговскимъ тоже записано во Владимірѣ; (Лѣт. по сп. Лавр. 433); во Владимірѣ же записаны извѣстія подъ 6740 г.: о походѣ князей къ Серенску, прибытіи Татаръ въ Болгарскую землю, женитьбѣ Владимира Константиновича и походѣ князей на Мордву (Лѣт. по сп. Лавр. 437). Извѣстія подъ 6744 и 6745 годовъ: о знаменнѣ въ солнцѣ 3-го августа, „в недѣлю по обѣдѣхъ бысть видѣти крѣмъ акы мѣсяцъ четьрь дни“, о раззореніи Великихъ Болгаръ Тагарами, женитьбѣ Юріемъ сыпovej своихъ Владимира и Мстислава, а также объ украшеніи епископомъ Митрофаномъ церкви Богородицы, записаны во Владимірѣ (Лѣт. по сп. Лавр. 437—438). О перенесеніи тѣла Юрія во Владиміръ записано Владимірцемъ; подробно говорится о встрѣчѣ тѣла: „и не бѣ слышати пѣнья в плачи и величю юли“; налагается подробно похвала великому князю Юрію. Что то извѣстіе писано Владимірцемъ, доказательствомъ служатъ слѣдующія заключительныя слова: „молитвою святны Богородица и блаженнаго епископа Кирилла, не презрѣ Господь молитвы его и

слезъ"; запись сдѣлана, когда на Владимірскомъ столѣ сидѣлъ Ярославъ: „тако и сихъ Богъ избави отъ руки „иноплеменникъ, благочестиваго и правовѣрнаго великаго князя Ярослава с благородными своими сныи“ (Лѣт. по сп. Лавр. 444—446).

Кромѣ ростовскихъ и владимірскихъ извѣстій, за этотъ періодъ времени—отъ смерти Всеволода до опустошенія Руси Татарами, есть много извѣстій, записанныхъ по всѣмъ признакамъ въ другихъ городахъ, какъ то: въ Суздаль, Переяславѣ Русскомъ и Переяславѣ Залѣсскомъ, Рязани, Муромѣ, Ярославѣ и др.

Бъ числу извѣстій суздальскихъ относятся слѣдующія: о заложеніи въ 6730 году Юріемъ церкви св. Богородицы „на первѣмъ мѣстѣ, разрушивъ старое зданіе, понеже учала бѣ рушиться старостью, и верхъ ея впалъ бѣ; та бо церкви создана пращѣдомъ его Володиміромъ Мономахомъ и блаженнымъ епископомъ Ефремомъ“. Церковь эта окончена и освящена 8-го сентября 6733 г. (Лѣт. по сп. Лавр. 423, 425). О сѣздѣ князей Ярослава и Юрія вмѣстѣ съ Константиновичами въ 6737 г. въ Суздаль для окончанія неудовольствій между собою; запись сдѣлана приверженцемъ Юрія, который называется „благоразумнымъ“; князья примирились 7-го сентября. Въ Суздаль же записано о прибытіи сюда въ томъ же году Ростовскаго епископа Кирилла для принятія схимы въ монастырѣ св. Дмитрія; о росписаніи церкви Богородицы въ 6738 г. тоже записано въ Суздаль, но уже другимъ лицомъ, а не тѣмъ, который записывалъ о ея постройкѣ, потому что опять повторяется: „уже бѣ рушилъ велики князь Юрги въ епископство Симона, и опять созда краснѣйшю первня: бѣ бо обетшала велии отъ многъ лѣтъ“. Окончили росписывать церковь въ 6741 г. (Лѣтоп. по сп. Лаврен. 429, 430, 433 и 437).

Извѣстій, записанныхъ въ Переяславѣ Русскомъ, весьма не много. Они суть слѣдующія: о женитьбѣ Владиміра Всеволодовича въ 6723 году и о нападеніи Половцевъ на Переяславль. Владимір Всеволодовичъ вышелъ противъ враговъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ „за умноженъе грѣхъ нашихъ“ (Лѣт. по сп. Лавр. 416 и 417). Въ Переяславѣ записано о прибытіи туда князя Всеволода Константиновича 15-го сентября 6735 года (*ibid.* 427).

Въ Переяславѣ Залѣсскомъ записаны слѣдующія извѣстія: о нападеніи Литовцевъ на Новгородскія владѣнія: рать ихъ была такъ велика, „ака же не была отъ начала миру. Слышавъ же то благовѣрный и христолюбивый князь Ярославъ, сынъ великаго князя Всеволода, внукъ Гюргевъ, сжалиси зѣло о хрестьянѣхъ, поѣха по

нихъ ис Переяслава и постиже ѿ у Всвѣта; видѣвше же Литва, исполчишася противу имъ на озерѣ, князь же Ярославъ помолившася Богу, и побѣха на нь... силою креста честнаго и молитвою святое Богородици и архангела Михаила и Гавріила, гна по нихъ, овыхъ избѣи, а иныхъ изыма... и бысть радость велика по всѣмъ землямъ тѣмъ“ (слѣдовательно, писалъ не Новгородецъ)... „Бысть же тогда день недѣля сыропустная, егда побѣди Ярославъ Литву“ (ib. 425, 426).

Въ Ярославѣ записаны извѣстія, касающіяся постройки церквей во имя Успенія Богородицы и Спаса Преображенія; онѣ построены княземъ Константиномъ—первая въ 6723 г., а вторая въ 6724 г.; церковь Преображенская освящена въ 6732 году 6-го августа; о пожарѣ въ Ярославѣ 27-го іюня 6729 г. тоже записано тамъ; почти весь Ярославъ сгорѣлъ, „дворъ же князь, силою креста честнаго и молитвою добраго Константина избѣи огня“—слова княжескаго приверженца (Лѣт. по сп. Лав. 416, 417, 423, 425).

Извѣстія о разныхъ важныхъ событіяхъ уже давно стали записываться въ Рязани; мы уже указывали выше на одно извѣстіе рязанское, именно смерть Муромскаго князя Юрія. За періодъ княженія Всеволода III въ Лаврентьевскомъ сводѣ не попадаетъ рязанскихъ извѣстій, но тѣмъ не менѣе событія въ Рязани записываются; доказательствомъ этому служатъ нѣкоторые извѣстія, несомнѣнно записанныя въ Рязани и сохранившіяся въ Никоновскомъ лѣтописномъ сборникѣ; таковы, напримѣръ, извѣстія о нападеніи Половцевъ на Рязань въ 6695 и 6703 гг. (Ник. II, 254, 260); объ убіеніи въ Кадомѣ рязанскаго тысяцкаго Матвѣя Андреевича въ 6717 г. (ib. 306). За періодъ же отъ смерти Всеволода до нашествія Татаръ и въ Лаврентьевскій сводъ, вошло нѣсколько извѣстій, очевидно записанныхъ въ Рязани; таково напримѣръ, извѣстіе о злодѣйскомъ избіеніи Глѣбомъ Владиміровичемъ Рязанскимъ другихъ Рязанскихъ князей; это извѣстіе, помѣщенное подъ 6725 г. (Лѣт. по сп. Лавр. 418, 419), вѣроятно, прежде составляло отдѣльную запись; иначе чѣмъ объяснить то обстоятельство, что извѣстіе объ этомъ злодѣйскомъ поступкѣ, почти буквально сходное, вошло въ I-ю Новгородскую лѣтопись (П. С. Р. Л. III, 36). Въ Рязани же записано и о походѣ Глѣба Всеволодовича на Ингвара: „Вожью помощю и креста честнаго силою побѣди Ингваръ“¹⁾. Извѣстіе о помощи, оказанной

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр. 422.

Юріемъ Рязанцамъ противъ Половцевъ, могло быть записано во Владимірѣ (Воскр. П. С. Р. Л. VII, 126):

Подъ 1230 г. попадаетъ извѣстіе о разрушеніи Святославомъ церкви въ Юрьевѣ и постройки ея въ 1234 г.; можетъ быть, эти извѣстія были записаны на мѣстѣ. (Лѣт. по сп. Лавр. 433, 437).

Такимъ образомъ, рассмотрѣвъ содержаніе Лаврентьевскаго свода отъ 1212 по 1238 г., мы видимъ замѣчательное явленіе: дѣти и внуки Всеволода, размѣстившись по разнымъ городамъ сѣверо-восточной Руси, даютъ толчекъ къ развитію лѣтописанія въ своихъ стольныхъ городахъ; каждый городъ, гдѣ сидитъ князь, старается сохранить въ своемъ родномъ городѣ память о важныхъ событіяхъ, какъ въ жизни княжеской, такъ и цѣлаго княжества и роднаго города. Такимъ образомъ, лѣтописаніе въ первой половинѣ XIII в. обнимаетъ собою почти уже всѣ значительные города сѣверо-восточной Россіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и за этотъ періодъ Лаврентьевскій сводъ не содержитъ въ себѣ всѣхъ извѣстій, записанныхъ въ сѣверо-восточной Руси; въ позднѣйшихъ сборникахъ мы нашли уже нѣсколько извѣстій относительно Рязани, не вошедшихъ въ Лаврентьевскій сводъ; то же можемъ сказать и о ростовскихъ и владимірскихъ извѣстіяхъ: такъ, изъ ростовскихъ извѣстій можно упомянуть о нападеніи Камскихъ Болгаръ на Устюгъ, въ 6727 г. (Воскр. П. С. Р. Л. VII, 126; Ник. II, 340), о женитьбѣ Всеволода Константиновича (ib. VII, 134, 357), о перенесеніи мощей св. Леонтія въ соборную церковь (Тверск. XV, 358, 359; Ник. II, 367) (два раза) и рожденія у Василька Константиновича сына Глѣба (ib. 370). Изъ владимірскихъ извѣстій не вошли въ составъ Лаврентьевскаго свода слѣдующія извѣстія: о знаменіи (П. С. Р. Л. VII, 119; Тверск. XV, 312; сказано: „въ Володимери“, и Ник. II, 315), о пожарѣ въ Владимірѣ (ibid.), объ отдачѣ Константиномъ Юрію Суздаля (Воскр. VII, 125; Тверск. XV, 326; Ник. II, 335, 336), о появленіи звѣзды въ видѣ копыя (Ник. II, 349). Юрій отдалъ свою дочь за Василька Романовича Галицкаго (Тверск. XV, 346). Наконецъ, Переяславскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ два факта изъ исторіи своего княжества: о женитьбѣ Ярослава Всеволодовича и голодѣ въ Суздальской землѣ „Господу наведшу на ны за безаконія наша“. Оба событія были въ 6722 году (Лѣт. Пер. С. 111, 112).

Великое событіе въ исторіи Россіи — поработченіе ея Татарами — тяжело отозвалось на всѣхъ современникахъ этого бѣдствія; тяжело отозвалось оно также и на лѣтописателяхъ русскихъ; мраченъ,

задумчивъ и неговорливъ становится лѣтописецъ со второй половины XIII в.; бѣдствіе какъ бы сковало его уста; отъ горя ли, или отъ страха онъ боится даже и писать; его записи отличаются лаконическою краткостью, однообразіемъ въ родѣ слѣдующихъ: „Въ лѣто 6749 г. Родися Ярославъ сынъ, и нареченъ бысть въ святомъ крещеніи Василій. Того же лѣта Татарове побѣдиша Угры. Того же лѣта Татарове, убиша Мстислава Рязьскаго. 6753 г. Князь Константинъ Ярославичъ приѣха ис Татаръ, отъ Кановичъ, къ отцю своему съ честью. Того же лѣта великій князь Ярославъ, и съ своимъ братьемъ и съ сыновци, поѣха въ татары къ Батневи“. Только въ рѣдкихъ случаяхъ можно замѣтить сочувствіе лѣтописца къ тому или другому лицу или событію; по этому сочувствію только и можно опредѣлить, гдѣ сдѣлана запись. Разсматривая содержаніе лѣтописи отъ нашествія Батны до смерти Александра Невскаго, мы и здѣсь можемъ отмѣтить нѣсколько извѣстій, очевидно, записанныхъ въ Ростовѣ; такъ, на примѣръ, объ освященіи церкви въ Ростовѣ во имя Бориса и Глѣба 2-го мая 6761 года, о рожденіи у Бориса Васильковича сыновей Дмитрія и Константина; при обоихъ событіяхъ стоятъ числа (Лѣт. по сп. Лавр. 450), о приѣздѣ князей Бориса и Глѣба въ Ростовъ: „и бысть радость велика о Глѣбовѣ приѣздѣ“; приѣздъ Александра Невскаго записанъ такъ, что не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что запись сдѣлана въ Ростовѣ: „приѣха ис Новгорода Олександръ къ Святѣй Богородицѣ въ Ростовъ, въ среду страстныхъ недѣли, и кланяся Святѣй Богородици и цѣлова крестъ честный, и кланяся епископу Кирилу: „отче святыи! твоею молитвою и тамо въ Новгородѣ ѣхалъ есмь здоровъ и сѣмо приѣхалъ есмь твоею молитвою здоровъ“; блаженный же епископъ Кирилъ, Борисъ и Глѣбъ, и мать ихъ Марья княгиня чтиша Олександра съ великою любовью, и поѣха въ Володимерь“ (ib. 452). Точно также явные признаки ростовской записи видны въ извѣстіяхъ объ избраніи въ помощь престарѣлому епископу Кирилу архимандрита Игнатія, о смерти Кирилла и поставленіи на его мѣсто Игнатія (оба событія обозначены числами) (ib. 452, 453). Наконецъ, въ Ростовѣ же записано извѣстіе о мятежѣ христіанъ противъ татаръ; объ этомъ записано такъ: „Въ лѣто 6770. Избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменскаго люди Ростовскія земли: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изводиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ, ис Ростова, ис Суздаля, изъ Ярославля“.... „видѣвше же челоуѣколюбецъ Богъ, послуша моленья матерни, избави люди своя

отъ великыя бѣды". Въ Ростовѣ записано объ убіеніи Исосима вѣроотступника (Лѣт. по сп. Лавр. 452 и 453). Кромѣ этихъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ по всѣмъ признакамъ въ Ростовѣ, тамъ же записывались, вѣроятно, и всѣ случаи пріѣзда и отъѣзда князей Васильковичей въ Орду, рожденія и смерти въ этой княжеской линіи; таковы извѣстія подъ 6752, 6756, 6757, 6758, 6759, 6764, 6765, 6766, 6771 гг.; однимъ словомъ, лѣтопись, веденная въ Ростовѣ до татарскаго нашествія, не прекращается и послѣ него.

Кромѣ ростовскихъ, за это время много извѣстій, записанныхъ по всѣмъ признакамъ во Владимірѣ; такъ тамъ записано о смерти Михаила Ярославича въ 6756 г., Владимира Константиновича и Василя Всеволодовича въ 6757 г., о женитьбѣ Андрея Ярославича въ 6758 году; во Владимірѣ же записано подъ 6760 г. о прібытіи Александра Ярославича изъ Татарской земли во Владиміръ: „и усрѣтоша ѿ сокресты у Золотыхъ вѣроть митрополитъ, и вси игумени и гражане, и посадиша ѿ на столѣ отца его Ярослава, тысяцю предержашю Ром.пу Михаиловичу и весь рядъ; и бысть радость велика в градѣ Володимери и во всей земли Суждальской". Во Владимірѣ записано о смерти Константина Ярославича „по Велицѣ дни порожнее недѣли... „и бысть плачь великъ, спрятавшие понесоша ѿ в Володимерь, и яко услыша Олександръ князь брата своего смерть, и усрѣтоша ѿ митрополитъ, игумени и попове, пѣвше обычныя пѣсни, положиша и у Святое Богородице в Володимери" (ib. 450). Распря Александра съ Новгородцами въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи изображается иначе, чѣмъ въ Новгородской лѣтописи. Далмать, архіепископъ Новгородскій, отправился къ Александру заключить миръ; пользуясь его отсутствіемъ, враги выгнали Василя, сына Невскаго; по Новгородской лѣтописи, Василій былъ изгнанъ; отецъ вступился за сына и пошелъ на Новгородъ. Далмать же былъ посланъ заключить перемиріе (Лѣт. по сп. Лавр. 450, 451. П. С. Р. Л., III, 55, 56). Кромѣ перечисленныхъ извѣстій, много также мелкихъ, записанныхъ во Владимірѣ. За этотъ періодъ есть извѣстіе, очевидно, записанное въ Разанѣ, именно о смерти Олега Рязанскаго въ 6766 г. на страстной недѣлѣ, въ среду 20-го мая; преемникомъ его былъ сынъ Романъ (Лѣт. по сп. Лавр. 451; Ник. III, 38).

За періодъ отъ нашествія Татаръ до смерти Александра Невскаго въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ не много найдется такихъ извѣстій, которыхъ бы не встрѣчалось въ Лаврентьевскомъ сводѣ; эти извѣстія слѣдующія: Татары напали на Рязань въ 1239 году (Ник.

III, 6); знаменіе въ лунѣ (ib. 27); Михаилъ Ярославичъ изгналъ Святослава Всеволодовича изъ Владимира (ib. 30), Татары напали на Литву въ 6766 г. (ib. 39); всѣ эти извѣстія, кромѣ перваго, записаннаго, можетъ быть, и въ Рязани,—владимірскаго происхожденія.

Разсматривая наконецъ послѣдній отдѣлъ Лаврентьевскаго свода лѣтописи отъ кончины Александра Невскаго до смерти его сыновей, мы прежде всего замѣтимъ, что здѣсь въ рукописи, вслѣдствіе потери нѣсколькихъ листовъ, значительный пропускъ, такъ что описанія годовъ отъ 1263 до 1283 нѣтъ; пропускъ этотъ пополняется извѣстіями, сохраненными въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, какъ-то: Воскресенскомъ, Софійскомъ, Никоновскомъ, а также отчасти и Суздальскою лѣтописью по Академическому списку. Подъ 1283, 1284 и отчасти подъ 1285 гг. помѣщены въ Лаврентьевскомъ сборникѣ извѣстія Курскаго происхожденія о насліи, которому подвергались Русскіе отъ одного татарскаго намѣстника; авторъ дѣлаетъ указаніе на себя: „се же зло створися великое грѣхъ ради нашихъ, Богъ бо казнить челоуѣка челоуѣкомъ; тако наведе Богъ сего бесурменина злого за неправду нашу, мню бо и князи ради, зане живяхуть в которахъ межи собою. Много о томъ писати, но то оставимъ...“. „И баше видѣти дѣло стыдно и велии страшно, и хлѣбъ во уста не идышетъ отъ страха“. Тому же автору, вѣроятно, принадлежитъ извѣстіе о нападеніи на Татаръ Святослава, Липовичскаго князя и междоусобіяхъ, возникшущъ вслѣдствіе этого. Можетъ быть, объ этихъ событіяхъ даже было составлено отдѣльное сказаніе (Лѣт. по сп. Лавр. 457—459; Воскр. VII, 176—178; Ник. III, 77—84).

Съ 6793 г. въ Лаврентьевскомъ списокѣ большинство извѣстій Тверскаго происхожденія¹⁾; Тверскихъ извѣстій здѣсь даже больше, чѣмъ въ такъ-называемой Тверской лѣтописи; они находятся подъ 6793, 6802, 6803, 6804, 6805, 6806, 6807, 6808, 6809 и 6810 гг.; подъ нѣкоторыми годами, какъ напримѣръ, подъ 6801, всѣ извѣстія тверскаго происхожденія, подъ другими—преимущественно; нѣкоторые изъ тверскихъ извѣстій отличаются величайшею точностью; такъ, напримѣръ, подъ 6807 годомъ, „мѣсяца сентября въ 15, в понедѣльникъ по вечерни и, родился князю Михаилу Тфѣрьскому сынъ, и нарѣкоша имя ему Дмитрій“, или подъ 6806 г.: „На святой недѣли в субботу, на ночь, освѣтаючи недѣли Фоминѣ, в городѣ на Тфѣри зажжесе дворъ

¹⁾ Нужно замѣтить, что съ 6794 по 6802 г. въ Лаврентьевскомъ сводѣ опять пропускъ, вслѣдствіе недостачи одного листа.

князь". Другія извѣстія, попадающіяся за это время въ весьма впрочемъ незначительномъ числѣ, касаются Смоленска, Переяславля и Рязани; но ни при одномъ изъ этихъ извѣстій нѣтъ числовыхъ данныхъ; встрѣчаются два извѣстія, по всей вѣроятности записанныя въ Костромѣ, именно: смерть князя Бориса Андреевича 25-го февраля 6811 года въ понедѣльникъ, и о громѣ, бывшемъ въ 6813 году 23-го іюня во вторникъ, въ полдень; молніей сожгло церковь св. Теодора (при чемъ въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ прибавлено: „на Костромѣ“). И за это время мы видимъ, что „Лаврентій мнихъ“ воспользовался далеко не всѣми извѣстіями; такъ въ Никоновской лѣтописи мы находимъ цѣлую серію извѣстій Ростовскихъ, не вошедшихъ въ Лаврентьевскій сводъ; таковы извѣстія о смѣнѣ хановъ въ ордѣ, смерти Дмитрія Борисовича и размѣщеніи Ростовскихъ князей по городамъ, женитьбѣ князя Андрея Александровича на дочери Василька Ростовскаго, о женитьбѣ Юрія Давиловича, вѣчѣ въ Костромѣ на бояръ, о томъ, что въ Ростовѣ разбили два колокола, о смерти епископа Тарасія и князя Константина Борисовича (Ник. IV, 91—102); затѣмъ есть владимірскія извѣстія, не вошедшія въ Лаврентьевскій сводъ: о путешествіи Андрея Александровича въ Орду, возвращеніи его оттуда и смерти его, о междоусобіяхъ князей (тамъ же); есть извѣстія тверскія: о пожарѣ, поставленіи и освященіи церкви во имя св. Афанасія, о построеніи города Зубцова (тамъ же 94, 95).

Итакъ, разсмотрѣвъ составъ Лаврентьевскаго свода, мы видимъ, что въ него, кромѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и южно-русскихъ лѣтописей, вошли извѣстія, записывавшіяся сначала по преимуществу во Владимірѣ (до смерти Всеволода III), а потомъ въ Ростовѣ, Суздальѣ и Твери; есть также нѣсколько извѣстій костромскихъ и ярославскихъ, переяславскихъ и рязанскихъ.

Ив. Тихомировъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ ¹⁾.

IX.

Колоніальная политика Испаніи.

Ревнивое, враждебное отношеніе въ сферѣ торговли проявлялось со времени открытія Америки и до конца XVIII вѣка не только въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ различныхъ государствъ, но и въ отношеніи метрополій къ ихъ колоніямъ. Древнія финикійскія и греческія колоніи имѣли по преимуществу характеръ торговый и сдѣлались центрами и передовыми постами промышленности и культуры своихъ метрополій, особенно греческія колоніи. Завоеваніе же Америки, по словамъ Рейналя, дало Европейцамъ представленіе о новомъ родѣ колоній, въ основаніе которыхъ положено было земледѣліе, добываніе свойственныхъ имъ сырыхъ продуктовъ; на обработку же ихъ имѣла право только метрополія. Правительства, основавшія эти колоніи, ставили непремѣннымъ условіемъ для переселенцевъ, чтобъ они продавали свои сырые продукты только метрополіи и не потребляли другихъ продуктовъ и мануфактуръ, кромѣ тѣхъ, которыми могла снабжать ихъ метрополія. Это двойное обстоятельство казалось всѣмъ націямъ естественнымъ, какъ бы прирожденнымъ правомъ, не зависящимъ ни отъ какого договора,

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ.

и такова была всегда (то-есть, собственно до конца XVIII вѣка) система дѣйствій Европы относительно Америки ¹⁾. Такъ, наприимѣръ, французскія колоніи въ Новомъ Свѣтѣ могли получать только изъ метрополіи всѣ предметы первой необходимости, какъ муку, вино, полотно, разныя матеріи и т. д. Что положеніе Рейналя справедливо и относительно англійскихъ колоній въ Америкѣ и въ Вестъ-Индіи, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіемъ, свидѣтельствуеъ очень ясно Макъ-Каллохъ ²⁾.

Но особенную жадность и ревность относительно своихъ колоній проявила Испанія. „Auri rabida sitis a cultura hispanos divertit“, говоритъ одинъ писатель XVI вѣка ³⁾, и дѣйствительно, со времени открытія Америки всѣ усилія Испанцевъ были обращены только на добываніе оттуда золота и серебра. Мудрая политика Изабеллы относительно испанскихъ владѣній въ Америкѣ скоро сдѣлилась пагубною политикою Карла V, и испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ было запрещено не только всякое мануфактурное производство, но даже производство сырыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ, наприимѣръ, льна, конопли и т. н., потому только, что производство этихъ продуктовъ въ испанскихъ колоніяхъ могло уменьшить цѣну ихъ въ самой метрополіи ⁴⁾. Метрополіи оставила за собою монополію продажи соли, табаку, ружейнаго пороха и пр. Всѣ предметы ввоза и вывоза въ колоніяхъ облагались высокими пошлинами.

Но, не будучи въ состояніи, вслѣдствіе упадка собственной промышленности, удовлетворить нуждамъ самой метрополіи, Испанія не могла даже, подобно Франціи и Англіи, снабжать своимъ колоніямъ всѣми необходимыми для нихъ продуктами; мало того: чтобы, вслѣдствіе вывоза нѣкоторыхъ фабричныхъ произведеній въ колоніи, цѣны на нихъ не подвинулись въ самой метрополіи, испанское правительство разрѣшало вывозъ ихъ въ колоніи только въ самыхъ ограниченнѣхъ размѣрахъ ⁵⁾.

Всякое торговое сообщеніе колоній между собою и съ чужеземными колоніями въ Америкѣ было запрещено, подъ страхомъ самихъ

¹⁾ *Raynal*, Histoire philosophique et politique des îles françaises dans les Indes occidentales, T. I, p. 292—300: «Tel a toujours été le système de l'Europe à l'égard de l'Amérique».

²⁾ *Mac Culloch*, Dictionary of commerce, p. 336.

³⁾ *Petrus Martyrus*, De insulis nuper repertis въ «Novus orbis».

⁴⁾ *Mac Culloch*, Dictionary of commerce, p. 336.

⁵⁾ *Ibidem*.

строгихъ взысканій. Само собою разумѣется, что испанское правительство закрыло непосредственный доступъ продуктовъ всѣхъ чужеземныхъ государствъ во всѣ гавани своихъ владѣній въ Америкѣ. Уже со времени Филиппа II всякое сношеніе съ чужеземцами безъ предварительнаго разрѣшенія правительства влекло за собою смертную казнь и конфискацію имущества ¹⁾. Указъ Филиппа III (отъ 1614 г.) грозитъ чужеземцамъ за не дозволенный ввозъ своихъ товаровъ въ гавани испанскихъ владѣній смертною казнью ²⁾.

Въ самой Испаніи Арагонія и Каталонія были исключены изъ торговли съ Индіями ³⁾. Это право было предоставлено только подданнымъ Кастиліи ⁴⁾. Рошеръ объясняетъ эту монополію Кастильцевъ въ отношеніи торговли съ испанскими владѣніями въ Америкѣ тѣмъ, что всѣ опасности и издержки, сопряженныя съ открытіемъ Америки, выпали на долю однихъ Кастильцевъ, и потому имъ, какъ бы по праву, принадлежали и всѣ выгоды этой торговли съ Америкой ⁵⁾.

Но и въ самой Кастиліи сначала только Севилья съ 1529 года, а потомъ еще Кадиксъ, пользовались исключительнымъ правомъ снаряжать и отправлять купеческіе корабли въ Америку. Севилья, кромѣ Кадикса, была почти единственнымъ коммерческимъ портомъ во всей Кастиліи, для котораго доступно было также и значительное рѣчное судоходство по Гвадалквивиру. Еще Карлъ V издалъ законъ ⁶⁾, въ силу котораго всякій Испанецъ, откуда бы онъ ни направился въ американскія владѣнія Испаніи, даже не могъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, вернуться въ Испанію иначе, какъ чрезъ Севилью.

Въ особенности все золото и серебро и драгоценныя камни, вывозившіяся изъ Америки, могли быть доставляемы въ Испанію только чрезъ Севилью. Значеніе Севильи, впрочемъ, постепенно переходило къ Кадиксу, и окончательно перешло къ нему въ началѣ XVIII вѣка ⁷⁾, когда Севилья много потеряла въ своемъ торговомъ значеніи вслѣд-

¹⁾ *Roscher*, Colonien, S. 179.

²⁾ *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II; Recopilacion, IX, 27.

³⁾ *Ibidem*. Ср. также *Dumont*, t. VIII, p. 150.

⁴⁾ *Dumont*, VIII, 150: «Le commerce des Indes qui n'est pas permis même à tous les vassaux de la monarchie d'Espagne, mais seulement à ceux de la couronne de Castille etc. etc.»

⁵⁾ *Roscher*, Colonien, S. 184.

⁶⁾ *Recopilacion*, IX, I, 56.

⁷⁾ *Roscher*, Colonien, S. 184: Seit 1720 trat Cadix an die Stelle Sevilias.

ствіе измельчанія русла Гвадалквивира, сдѣлавшагося негоднымъ для плаванія большихъ судовъ. Мало по малу вся торговля съ испанскими владѣніями въ Америкѣ сосредоточилась въ рукахъ ограниченаго числа коммерческихъ домовъ Севильи, а потомъ Кадиса. При такой узкой и строгой монополіи торговли съ Америкой въ самой Испаніи, иностранцамъ, конечно, нечего было и думать о полученіи права доступа къ торговлѣ съ Испанскими Индіями.

Для поддержанія во всей строгости законовъ объ исключительной торговлѣ съ испанскими владѣніями въ Америкѣ были приняты уже съ начала XVI вѣка испанскимъ правительствомъ мѣры касательно постояннаго надзора и охраны этой отрасли торговли. Контроль надъ нею ввѣренъ былъ особому учрежденію, Casa de la contratacion¹⁾, основанному въ Севильѣ съ административною и судебною властію; впоследствии оно въ свою очередь было подчинено верховному совѣту Индіи. Casa de la contratacion опредѣляла ежегодно свойство и качество товаровъ, предназначаемыхъ для колоній²⁾.

Съ цѣлю поддержанія контроля и для конвоированія торговыхъ судовъ на случай какой-либо опасности, какъ нападенія корсаровъ, или непріятельскихъ судовъ, вся торговля съ испанскими владѣніями въ Америкѣ производилась только посредствомъ двухъ военно-купеческихъ флотилій, отправлявшихся ежегодно сначала изъ Севильи, потомъ изъ Кадиса. Купеческія суда, предназначавшіяся для южно-американскихъ владѣній Испаніи (Перу, Чили) сопровождаемы были галлеонами, то-есть, военными кораблями числомъ до десяти; изъ которыхъ наибольшіе снабжены были слишкомъ ста орудіями. Но галлеоны, на которыхъ также нагружались товары, направлялись не въ Тихій океанъ, а въ Картагену и оттуда въ Портобелло, куда уже доставлялись произведенія Перу и Чили сначала моремъ, а потомъ черезъ Панаму и Панамскій перешеекъ. Тогда открывалась въ Портобелло ярмарка на 40 дней, на которой всѣ торговныя сдѣлки производились по заранее уже опредѣленнымъ цѣнамъ³⁾. Торговля съ Мексикой и другими испанскими владѣніями центральной Америки производилась посредствомъ другой военно-купеческой эскадры, то-есть, посредствомъ купеческихъ судовъ, конвоируемыхъ такъ-называемымъ флотомъ, то-есть, нѣсколькими вооруженными военными кораблями.

¹⁾ Roscher, Colonien, S. 183; Recopilacion IX, 1.

²⁾ Weiss, II, p. 113.

³⁾ Roscher, Colonien, p. 188; Recopilacion IX.

Этотъ флотъ направлялся изъ Испаніи въ Вера-Круцъ, куда стекались купцы изъ всей центральной части испанской Америки съ ихъ произведеніями. Рынокъ открывался по близости Вера-Круца въ Ялапѣ, и торгъ производился подобно тому, какъ въ Портобеллѣ ¹⁾. Уже при Филиппѣ II вся торговля съ прибывавшимъ въ Вера-Круцъ флотомъ была предоставлена въ исключительное пользованіе купечеству города Мексики, и вся эта отрасль торговли составила скоро монополію восьми или десяти купеческихъ домовъ Мексики ²⁾. Сначала при Карлѣ V и при Филиппѣ II, испанскія эскадры военно-купеческой флотилии возвращались изъ Америки, нагруженныя не однимъ только золотомъ и серебромъ, но и богатыми растительными произведеніями Америки, каковы: индиго, кошениль, сахаръ, ваниль, какао, гаванскій табакъ и проч. ³⁾, но впоследствии Испанцы стали все болѣе и болѣе пренебрегать всѣми этими продуктами, и суда возвращались, нагруженныя только золотомъ и серебромъ, да драгоценными каменьями.

Въ свою очередь Испанія снабжала свои американскія владѣнія сукнами, холстами, земледѣльческими орудіями, виномъ, масломъ и нѣкоторыми другими предметами. При этомъ прибыль испанскихъ купцовъ простиралась до 100 и даже до 300% на проданный товаръ ⁴⁾. Казалось бы, огромный рынокъ, представлявшійся для сбыта продуктовъ испанской промышленности въ обширныхъ и богатыхъ колоніяхъ Испаніи, долженъ былъ вызвать къ дѣятельности всѣ ея промышленныя силы; но вмѣсто того, при крайнемъ стѣсненіи свободы торговли, постоянный приливъ сокровищъ Америки вызывалъ только большее усиленіе промышленныхъ силъ метрополіи. Уже въ половинѣ XVI вѣка, когда еще фабрики Испаніи были довольно многочисленны, и торговля Севильи находилась въ цвѣтущемъ состояніи, Испанія не въ состояніи была удовлетворять запросу на рынкахъ американскихъ ея колоній. Въ половинѣ XVII

¹⁾ *Weiss*, II, p. 113. Такъ было до 1740 года, когда галлеоны были наконецъ уничтожены, и торговля съ испанскими владѣніями въ Америкѣ разрѣшена всѣмъ испанскимъ портамъ (*Roscher*, Colonien, S. 192). Быстрый упадокъ торговли Кадикса и многочисленныя банкротства заставили однакожъ испанское правительство взять эту полезную мѣру назадъ и опять стѣснить свободу торговли, восстановленную окончательно указомъ 1765 г. (*Roscher*, S. 193).

²⁾ *Humboldt*, *Essai politique sur la Nouvelle Espagne*, IV, p. 352.

³⁾ *Robertson*, *Hist. de l'Amérique*, III, p. 290.

⁴⁾ *Roscher*, Colonien. S. 186.

вѣка всѣ галеоны и флотъ не могли обыкновенно доставлять на рынки Америки болѣе 27,000 тоннъ различнаго рода продуктовъ ¹⁾, а потомъ и того меньше, такъ что наконецъ, испанскія фабрики оказались въ силахъ удовлетворить только 10% или даже 5% всего запроса мануфактурныхъ товаровъ на американскихъ рынкахъ ²⁾.

А между тѣмъ, населеніе американскихъ колоній возрастало, и по мѣрѣ того, какъ оно выходило изъ прежняго состоянія дикости, росла и потребность его въ продуктахъ европейской промышленности. Такимъ образомъ сама необходимость заставляла испанское купечество или, вѣрнѣе сказать, купцовъ Кадикса поступиться *de facto* своею монополіей и прибѣгнуть къ помощи чужеземной промышленности и подъ своимъ именемъ провозить товары французскихъ, англійскихъ и голландскихъ фабрикъ въ американскія колоніи, куда доступъ былъ имъ закрытъ строгостью исключительныхъ законовъ. Такимъ образомъ открылось для контрабанды широкое поле; контрабанда мало по малу какъ бы узаконилась, встрѣчая явное сочувствіе со стороны народа и тайное одобреніе правительства. Оно не хотѣло открыто поступиться строгостью своихъ запретительныхъ законовъ относительно чужеземцевъ, но сознавало свое безсиліе поддержать ихъ силой оружія, которое уже во второй половинѣ XVII вѣка не сохраняло и тѣни своего прежняго величія; при безсиліи, ничтожности испанскаго флота оказалось невозможнымъ оградить отъ контрабанды обширныя владѣнія Испанскаго короля, пограничная и береговая линіи которыхъ въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ простирались на 700 миль ³⁾.

Но для испанскаго правительства было весьма выгодно, допуская подъ рукою контрабанду, сохранять официально во всей силѣ строгость запретительной системы: такимъ образомъ, оно оставляло за собою возможность устранять всякую враждебную ей страну отъ участія въ торговлѣ съ Испанскою Америкою или вымещать нанесенную ей обиду на купечествѣ враждебной страны.

Такъ, когда Филиппъ III узналъ о настоящемъ назначеніи флота, отправленнаго Кромвелемъ въ Восточную Индію, онъ тотчасъ ве-

¹⁾ *Weiss*, II, 117; *Roscher*, Colonien, S. 188; *Robertson*, Histoire de l'Amérique, III, p. 260.

²⁾ *Roscher*, Colonien, S. 190.

³⁾ *Weiss*, II, p. 118—127. Въ правленіе Карла II Испанія имѣла на Тихомъ океанѣ только три военные корабли, сооруженные въ 1690 году.

лѣлъ арестовать англійскихъ купцовъ, находившихся въ Севильѣ и въ Кадиксѣ и конфисковать ихъ имущество. Испанскому правительству было извѣстно, что Испанія сама далеко не въ силахъ была удовлетворить возраставшимъ требованіямъ ея обширныхъ колоній, и не желая обнаруживать передъ ними несостоятельности метрополіи, оно допускало контрабанду тѣмъ охотнѣе, что само извлекало изъ нея огромныя денежныя выгоды и пріобщало къ выгодамъ чужеземныхъ купцовъ купечество Кадикса. Страшная подкупность испанскихъ чиновниковъ, высшихъ и низшихъ таможенныхъ властей также не мало благопріятствовала усиленію контрабанды. Собственно говоря, по закону всѣ товары, нагруженные въ Кадиксѣ для испанскихъ колоній въ Америкѣ и обратно для отправленія въ Кадиксѣ, должны были быть заносимы въ списки или реэстры, выданные изъ Casa de la contratación, и реэстры эти должны были пересылаться въ Америку и обратно для провѣрки прибывшихъ товаровъ. Сначала законъ этотъ соблюдался въ полной строгости, и всякій не реэстрованный товаръ тотчасъ подвергался конфискаціи; но мало по малу это сдѣлалось пустою формальностью и, наконецъ, вовсе перестало соблюдаться, и англійскіе, голландскіе и французскіе купцы нагружали свои товары прямо на галлеоны, уже не думая заносить ихъ въ реэстры.

Когда въ гавань Кадикса прибывало купеческое судно изъ Америки, таможенныя власти нарочно медлили осмотромъ прибывшихъ товаровъ, чтобы дать этимъ время заинтересованнымъ въ нихъ купцамъ выгрузить запрещенные товары; наконецъ, купцы вступали въ прямую сдѣлку съ высшими таможенными властями и условливались въ количествѣ тюковъ съ товаромъ, которые желали они предъявить въ таможи. Тогда таможня составляла оптовый счетъ, не разсматривая въ частности ни количества, ни качества нагруженнаго товара по его спеціальностямъ, и этотъ счетъ, который иногда не представлялъ и двадцатой части дѣйствительнаго количества товаровъ, представлялся въ таможи, и по немъ взимались узаконенныя пошлины; тогда только выгружались тюки для провѣрки, и если открывалось большее количество товаровъ, чѣмъ было предъявлено въ таможи, то вѣсто конфискаціи ихъ, довольствовались прибавленіемъ пошлины за не предъявленный товаръ, при чемъ нерѣдко и самый осмотръ тюковъ вовсе не производился.

Чтобы вознаградить себя за допущеніе de facto несомнѣнно существовавшей контрабанды, испанское правительство, въ лицѣ консульства Кадикса, облагало каждый разъ галлеоны и флотъ, при отпра-

влени ихъ съ товарами изъ Кадикса, особенною пошлиною подъ именемъ *indulto* въ пользу королевской казны, при чемъ купцы открыто сообщали консульству свои конторскія книги и вносили налогъ соразмѣрно съ ожидаемою прибылью. Оплата пошлиной оптоваго количества товаровъ, уплата такъ-называемаго *индульта* освобождала отъ уплаты пошлинъ съ каждаго спеціальнаго рода товаровъ. Конечно, въ дѣйствительности купцы Кадикса платили этотъ налогъ не изъ своихъ кармановъ, а на счетъ чужеземныхъ купцовъ, торговавшихъ подъ ихъ фирмами. Въ концѣ XVII вѣка *индульт* составляло въ общей сложности сумму отъ 600—700 тысячъ экю; но это только та сумма, которая поступала въ королевскую казну; въ дѣйствительности же она доходила до милліона экю, и даже болѣе; но весь этотъ излишекъ поступалъ въ высшимъ таможеннымъ властямъ, къ различнымъ членамъ консульства, которые въ свою очередь должны были богатыми подарками ублажать министровъ и покупать ихъ молчаливое согласіе на все. Мало по малу чужеземцы стали вовсе обходить посредничество купцовъ Кадикса и непосредственно сбывать свои товары въ испанскихъ колоніяхъ въ Америку. Это началось еще въ царствованіе Филиппа III. Всего легче это было, конечно, для Португальцевъ, которые легко могли провести товары другихъ западно-европейскихъ рынковъ въ Перу черезъ Бразилію и по Рио-де-ла-Платѣ.

Принадлежавшее Португальцамъ въ концѣ XVII вѣка право на *ассиенто* еще болѣе облегчало имъ контрабанду и въ остальныхъ испанскихъ колоніяхъ Америки. Но страшная подкупность испанскихъ властей во всѣхъ портахъ Америки значительно облегчала и контрабанду для всѣхъ чужеземныхъ купцовъ. Такъ какъ губернаторы портовъ, также какъ и вообще всѣ должностныя лица, кромѣ вице-королей Перу и Мексики, приобретали свои должности посредствомъ купли, то они и старались выручить съ лихою суммою, уплаченную ими совѣту Индіи¹⁾. Въ каждомъ портѣ находились спеці-

¹⁾ Подобный взглядъ на губернаторовъ высказанъ, между прочимъ, въ письмѣ директора компаніи торговли Неграми къ канцлеру Поншартрену: „On peut dire avec assurance, que les gouverneurs qui succèdent les uns aux autres au gouvernement des Indes d'Espagne, y amassent des richesses immenses pendant les cinq années de leur gouvernement par toutes sortes et de concussions envers les peuples et par les dissipations des fonds du roi, qu'ils tournent en entier à leur profit“. *Louville*, Mémoires, t. I. Pièces diverses recueillies par marquis de Louville. Lettre du directeur de l'assiento de Negros à M. le chancelier de Pontchartrain. Paris, 18 oct. 1710.

ально для контроля надъ контрабандой три коррежидора или королевскіе судьи; они присылались обыкновенно изъ Испаніи и, по истеченіи пяти лѣтъ, должны были оставлять свою должность. Не смотря на то, они успѣвали страшно обогащаться, дѣйствуя заодно съ губернаторами и не упуская случая самимъ покупать и перепродавать контрабандный товаръ. Губернаторы наживали по нѣскольку сотъ тысячъ эску, а вице-короли выручали изъ контрабанды цѣлне миллионн ¹⁾, хотя они одного жалованья получали по 60.000 піастровъ въ годъ ²⁾. Во время морскихъ войнъ вице-короли Мексики и Перу, ссылаясь на печальную необходимость и заботясь болѣе объ интересахъ подчиненныхъ имъ владѣній, чѣмъ ихъ метрополи, прямо разрѣшали своимъ подданнымъ вести открыто торговлю съ нейтральными европейскими державами на все время, по крайней мѣрѣ, на которое прерывались непосредственныя сношенія съ метрополіей.

Но особенно сильную поддержку для контрабанды составили для западно-европейскихъ народовъ тѣ завоеванія въ Восточной Индіи, которыя во второй половинѣ XVII вѣка сдѣланы были Франціей, Англіей и Голландіей. Франція еще въ началѣ правленія Людовика XIV приобрѣла Мартинику, Гваделупу и западную часть Гаити. Голландцы основали свои поселенія на островахъ св. Евстафія и Курасао; для Англичанъ же важными передовыми постами контрабанды сдѣлались острова Барбадосъ, Сентъ-Кристофъ, Антигоа и въ особенности Ямайка, приобретенная въ правленіе Кромвеля ³⁾. Отсюда отправляли Англичане къ берегамъ Мексики небольшія суда (*chalandres*) съ товаромъ, и если случалось, что испанскія суда начинали ихъ преслѣдовать, то маленькія флотиліи силою отражали нападенія Испанцевъ и не разъ заставляли ихъ удалиться. Направляясь медленно вдоль береговъ, небольшія суда съ контрабандой останавливались въ извѣстномъ разстояніи отъ берега, и по данному знаку являлись туземные жители и тутъ поспѣшно покупали необходимыя товары и тайно возвращались во свояси. Особенно много сбывали Англичане суконныхъ мануфактуръ чрезъ Ямайку. Съ каждымъ годомъ контрабанда

¹⁾ *Weiss* II, p. 126.

²⁾ *Roscher*, Colonien, S. 195.

³⁾ *Taube*, Geschichte der englischen Handelschaft, S. 71, auch S. 59. „Seit Karl's II Regierung war Iamaica Barbados, Antigua und die uebrigen Antilischen Inseln der Engländer eine Hauptquelle ihres Reichthumsevesen“. *Raynal*, t. VII, p. 265.

принимала все болѣе широкіе размѣры. Изъ одной Ямайки такъ много доставлялось товаровъ въ Америку, что обратный вывозъ изъ Ямайки въ Англію сталъ простираться до 6-ти милліоновъ піастровъ (31.200,000 франковъ) въ годъ. Мало того: утвердившись на Ямаикѣ, откуда они пріобрѣтали господство надъ всѣмъ Мексиканскимъ заливомъ, и мимо которой проходили всѣ испанскія суда, отправлявшіяся изъ Перу или изъ Мексики въ Испанію, Англичане подстерегали ежегодно возвращавшіяся галлеоны, чтобы захватывать ихъ богатую добычу или хотъ погубить испанскій флотъ. Такія нападенія на испанскіе галлеоны не разъ были предпринимаемы англійскимъ флотомъ. Такъ было во время войны Англии съ Испаніей при Кромвелѣ. Первое нападеніе на галлеоны, отправлявшіяся изъ Лимы въ Испанію, доставило англійскому флоту добычу въ два милліона фунтовъ стерлинговъ слитками золота. Второе нападеніе въ 1657 году кончилось тѣмъ, что адмиралы Блэкъ и Штейнеръ сожгли испанскій флотъ, стоявшій на якорѣ въ гавани Тенерифа ¹⁾. Но хотя Англія не надолго сохранила это временное господство на Атлантическомъ океанѣ, тѣмъ не менѣе контрабандная торговля съ Испанскою Америкою не уменьшалась, а росла также, какъ и торговля Голландіи и Франціи съ ними. Снабжаемая вдоволь всѣми необходимыми товарами путемъ контрабанды, стало быть, наиболѣе дешевымъ способомъ, испанскія колоніи въ Америку перестали покупать товары, привозимые испанскими галлеонами и флотомъ; прежнія ежегодныя армадки въ Вера-Круцѣ и Портобелло опустѣли, и уже въ концѣ правленія Филиппа IV галлеоны должны были по нѣскольку лѣтъ выжидать прибытія американскихъ кораблей.

Во избѣжаніе томительнаго выжиданія, галлеоны стали отправляться въ Америку изъ Кадикса уже не ежегодно, какъ то бывало прежде, а разъ въ пять или шесть лѣтъ, а англійскіе, голландскіе и французскіе купцы пользовались этими долгими промежутками и переполняли американскіе рынки своими товарами. Контрабандѣ открылось такимъ образомъ еще болѣе широкое поле, особенно для Англии.

¹⁾ *Villemain, Hist. de Cromwell, II, p. 135 etc.*

X.

Переговоры Людовика XIV съ Вильгельмомъ III о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства.

Людовикъ XIV до той минуты, когда онъ получилъ несомнѣнное извѣстіе о завѣщаніи Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, не былъ и не могъ быть увѣренъ въ благопріятномъ для него разрѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ.

Напротивъ того, ему было извѣстно, что Карлъ II лично симпатизировалъ курфюрсту Баварскому, и что онъ или назначить своимъ наслѣдникомъ, слѣдуя личному своему желанію, сына курфюрста Баварскаго, или, уступая вліянію королевы, невѣстки императора Леопольда, втораго сына его, эрцгерцога Карла. Поэтому, не смотря на существовавшій уже вышеизложенный договоръ о раздѣлѣ съ Германскимъ императоромъ, Людовикъ XIV, тотчасъ послѣ заключенія Рисвикскаго мира, вступилъ съ Вильгельмомъ III Оранскимъ въ переговоры о новомъ проектѣ раздѣленія Испанской монархіи.

Давно уже заключенный съ императоромъ договоръ о раздѣлѣ потерялъ свой смыслъ: въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могъ имѣть договоръ послѣ Рисвикскаго мира, когда, вопреки различнымъ статьямъ его, Людовикъ XIV систематически нарушалъ права императора и даже въ мирное время захватывалъ у Германіи различные города, опираясь лишь на беззаконныя приговоры учрежденныхъ имъ соединительныхъ палатъ?

Не говоря уже о глубокой враждѣ, которую продолжительныя войны породили между Людовикомъ XIV и Леопольдомъ за 30 лѣтъ, протекшихъ со времени заключенія между ними договора о раздѣлѣ, положеніе Европы, а также претендентовъ на испанское наслѣдство, существенно измѣнилось. Франція лишилась всѣхъ своихъ прежнихъ союзниковъ и друзей и очутилась въ совершенно изолированномъ положеніи: на англійскомъ престолѣ мѣсто занявшаго у Людовика XIV Стюартовъ занялъ заклятый врагъ его Вильгельмъ Оранскій; старинная дружба Голландіи перешла въ ненависть; постоянная союзница Франціи—Швеція была занята собственными дѣлами; Рейнскій союзъ, во главѣ котораго стояла Франція, распался, и Германія, изъ страха передъ Франціей, тѣснѣе примкнула къ Австріи. При такомъ положеніи Франціи въ средѣ европейскихъ государствъ, Леопольдъ

могъ разчитывать, по видимому, на сильную поддержку своихъ притязаній въ спорѣ за испанское наслѣдство съ Людовикомъ XIV. Но и число кандидатовъ на наслѣдство увеличилось съ рожденіемъ принца Баварскаго, внука императрицы Маргариты (сестры Французской королевы Маріи Терезіи), отъ которой, при ея вступленіи въ бракъ, не было потребовано отреченія отъ наслѣдства. Измѣнились также и наміренія императора Леопольда. Когда онъ въ 1668 году согласился на предложенный ему Людовикомъ XIV договоръ о раздѣлѣ, у него не было дѣтей. Съ тѣхъ поръ у него родилась дочь Марія-Антуанетта, которая въ 1685 году вышла замужъ за курфюрста Баварскаго, а отъ втораго брака—два сына, Иосифъ и Карлъ.

Леопольдъ считалъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Испанской монархіи и это наслѣдство желалъ передать своему второму сыну Карлу. Для осуществленія этой цѣли онъ готовъ былъ начать борьбу съ оружіемъ въ рукахъ.

Убѣдившись въ бессилии императора, Людовикъ XIV не придавалъ уже большаго значенія противодѣйствію его въ рѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, хотя онъ и былъ самымъ важнымъ соперникомъ Французскаго короля при дѣлежѣ этого наслѣдства. Людовикъ XIV зналъ, что наиболее энергичный отпоръ своимъ притязаніямъ на это наслѣдство встрѣтитъ онъ со стороны морскихъ державъ, во главѣ которыхъ стоялъ Вильгельмъ III, и потому съ нимъ-то и считалъ онъ нужнымъ вступить въ переговоры, его желалъ онъ привлечь на свою сторону, чтобы, заручившись его согласіемъ на раздѣлъ испанскаго наслѣдства, получить хотя бы часть Испанской монархіи, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, что ему удастся получить все наслѣдство путемъ дипломатическихъ интригъ или оружіемъ. Но если, съ одной стороны, для Людовика XIV, не считавшаго Францію подготовленною уже для новой войны съ обширною коалиціей, важно было предупредить эту войну переговорами съ Вильгельмомъ III о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, то, съ другой стороны, понятно, что такой проницательный и искусный политикъ, какъ Вильгельмъ III, не могъ не предвидѣть того страшнаго переворота, который долженъ былъ производиться въ политическомъ мірѣ Европы вслѣдствіе такого важнаго событія, какъ смерть послѣдняго короля Испаніи изъ дома Габсбурговъ.

Между тѣмъ, въ началѣ 1698 года болѣзненное состояніе Карла II, слабость его на столько увеличилась, что смерть его казалась уже

очень близкою. Поэтому Вильгельмъ III считалъ полезнымъ принять заблаговременно необходимыя мѣры для предупрежденія новой всеобщей войны. Противопоставить силу силѣ, то-есть, противоудѣйствовать завоевательнымъ или честолюбивымъ стремленіямъ Людовика XIV съ оружіемъ въ рукахъ, Вильгельмъ III въ это время не имѣлъ ни малѣйшей возможности, вслѣдствіе систематической оппозиціи торійскаго парламента, относившагося къ Вильгельму крайне недовѣрчиво. Такимъ образомъ, отчаяваясь въ возможности найти поддержку въ парламентѣ для вооруженнаго сопротивленія Людовику XIV, Вильгельмъ III обратился къ дипломатіи, въ которой онъ могъ смѣло потягаться съ Людовикомъ XIV. Вильгельму III въ его трудномъ положеніи казалось какъ нельзя болѣе умѣстнымъ начать по поводу испанскаго наслѣдства переговоры съ Людовикомъ XIV, согласиться съ нимъ на счетъ предстоящаго образа дѣйствія и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, выговорить извѣстныя выгоды въ пользу Англіи и Голландіи¹⁾.

Черезъ Портланда, чрезвычайнаго посла своего во Франціи, Вильгельмъ III сталъ зондировать дипломатическую почву. Портландъ сталъ завѣрять Версальскій дворъ, что государь его желалъ, искалъ случая заслужить дружбу короля Франціи. И такъ какъ этотъ посолъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Вильгельма III, то нечего было и сомнѣваться, что онъ былъ посланъ съ какимъ-либо важнымъ порученіемъ.

Эти обстоятельства, при искреннемъ желаніи поддержать миръ, побудили Людовика XIV рѣшиться предложить Вильгельму III раздѣлъ Испанской монархіи въ томъ же духѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ было это сдѣлано въ 1668 году съ императоромъ Леопольдомъ²⁾.

Веденіе переговоровъ объ упомянутомъ раздѣлѣ съ полномочнымъ посломъ Англійскаго короля было возложено Людовикомъ XIV на

¹⁾ *Mémoires du marquis de Torcy*, t. I, p. 41—42. По вопросу о томъ, кому принадлежала инициатива въ переговорахъ о раздѣлѣ Испанской монархіи, ср. также *Saint-Simon*, *Mémoires*, II, 442—445.

²⁾ Въ изложеніи переговоровъ о раздѣлѣ мы слѣдовали, главнымъ образомъ, мемуарамъ Торси, разказъ котораго, какъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ рѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, заслуживаетъ большаго довѣрія и оправдывается почти во всѣхъ подробностяхъ свидѣтельствами другихъ современниковъ.

его двухъ министровъ, Помпонна и Торси. Это было въ мартѣ 1698 года.

Графъ Талларъ, маршалъ, а потомъ и перъ Франціи, назначенный Людовикомъ XIV въ качествѣ чрезвычайнаго посла его въ Англій при Вильгельмѣ III, былъ отправленъ въ Лондонъ съ инструкціей узнать мнѣніе Англійскаго короля по поводу тайнаго предложенія, сдѣланнаго послу его Портланду. Отвѣтъ, полученный отъ Вильгельма III чрезъ посла его, гласилъ, что онъ не ожидалъ такого предложенія, какое сдѣлано было послу его, но что онъ все-таки можетъ увѣрить короля Франціи, что онъ, Вильгельмъ III, всѣми силами готовъ содѣйствовать къ поддержанію мира; онъ-де вѣритъ также искреннему горячему желанію мира со стороны Людовика XIV и подобно королю Франціи, желалъ бы найти мѣры, могущія предупредить послѣдствія предстоящей смерти испанскаго короля, но впрочемъ самъ не можетъ предложить никакой соотвѣтствующей мѣры, не зная ни того, что думаетъ Людовикъ XIV, ни того, что кажется ему наиболѣе подходящимъ средствомъ при данномъ положеніи вещей; поэтому Вильгельмъ III желалъ прежде всего получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія отъ самаго Людовика XIV относительно его предположеній. Портландъ, сообщая Людовику XIV отчетъ о полученныхъ имъ отъ Вильгельма III приказаніяхъ, увѣрилъ Людовика XIV, что король Англій будетъ хранить въ глубокой тайнѣ то предложеніе, которое его величество, король Франціи, доверитъ ему, Портланду, и что онъ надѣется болѣе, чѣмъ кто-либо, уснѣть въ этихъ переговорахъ, такъ какъ ему особенно хорошо извѣстны мысли его государя относительно вопроса, полавшаго поводъ къ переговорамъ. Черезъ нѣсколько времени министры Людовика XIV сообщили Портланду, что его величество, обсудивъ хорошо положеніе Европы, и самъ находитъ, что присоединеніе Испаніи и зависящихъ отъ нея владѣній къ Франціи ли, или къ Австріи подъ владѣтельствомъ императора, во всякомъ случаѣ возмутило бы всѣ государства Европы, что его величество, впрочемъ, и не имѣлъ въ виду вовсе такого соединенія Испаніи и Франціи, при которомъ онъ составляли бы отнынѣ какъ бы единую монархію; но такъ какъ справедливость требовала, чтобы дофина сохранены были его законныя права на испанское наслѣдство, то онъ довольствовался бы только признаніемъ его права, а затѣмъ отказался бы отъ него тотчасъ въ пользу младшаго изъ своихъ сыновей. Такимъ образомъ, монархіи Французская

и Испанская остались бы навсегда различными и раздѣльными ¹⁾. Для уснокоенія же Англіи и Голландіи относительно Испанскихъ Нидерландовъ на тотъ случай, еслибъ они перешли подъ власть государя изъ фамиліи Вурбоновъ, Людовикъ XIV предложилъ уступить Нидерланды курфюрсту Баварскому, сосѣдство котораго не могло внушить опасеній ни Голландіи, ни Англіи.

Портландъ, вслушавъ эти предложенія, просилъ, чтобъ они были сообщены ему письменно для отправленія ихъ въ Лондонъ, хотя его личное убѣжденіе было таково, что ни король Англіи, да и ни одно изъ государствъ Европы не согласится допустить правъ французскаго принца на испанское наслѣдство, что соединеніе обѣихъ монархій всегда будетъ въ глазахъ Европы предметомъ, возбуждающимъ ужасъ (*un objet formidable*), и что никакая предосторожность не успокоитъ этого справедливаго страха, какія бы условія ни предлагалъ Людовикъ XIV Европѣ, чтобы разсѣять ужасъ, который несомнѣнно вызоветъ тѣсное соединеніе Франціи и Испаніи. Портландъ заявлялъ впрочемъ, что это только его личное мнѣніе, и что истинныя намѣренія его государя ему неизвѣстны. Наконецъ, Вильгельмъ III самъ далъ отвѣтъ французскому посланнику Таллару. Онъ сказалъ, что, по общему мнѣнію, отказъ покойной королевы Маріи-Терезіи отъ правъ своихъ на испанское наслѣдство считается имѣющимъ законную силу, но, прибавилъ Вильгельмъ, — такой вопросъ будутъ рѣшать не адвокаты и законовѣды, и есть основаніе опасаться, чтобы необходимость не заставила прибѣгнуть къ оружію. Онъ увѣрялъ, что желалъ поддержать миръ, что самыя дѣла его заставляютъ уже его желать мира, но что при этомъ онъ долженъ интересы Англіи и Голландской республики ставить выше всякаго другаго соображенія. Онъ не отрицалъ того, что въ началѣ послѣдней войны съ Франціей онъ вступилъ было въ нѣкоторые переговоры съ императоромъ относительно испанскаго наслѣдства, но, не пускаясь въ подробности, онъ сказалъ, что считаетъ очень умѣстнымъ уступить курфюрсту Баварскому Испанскіе Нидерланды, вмѣстѣ еще съ нѣкоторыми пунктами, которыми Людовикъ XIV долженъ былъ бы пожертвовать для упроченія „барьера“, что такимъ образомъ можно было бы успокоить Соединенные Штаты Нидерландовъ. По мысли Вильгельма III можно было дать

¹⁾ Mémoires du marquis de Torcy, Collection *Petitot*, I, p. 41—42: „Ainsi la monarchie de France et d'Espagne demeureraient toujours distinctes et séparées“.

Испанію съ Индіями одному изъ сыновей дофина, Италію же—эрцгерцогу Карлу, затѣмъ условиться относительно торговаго договора съ Англіей и Голландіей и уступить той и другой пункты, которые могли бы обезпечить имъ торговлю въ Средиземномъ морѣ, также какъ и въ западныхъ Индіяхъ ¹⁾).

Талларъ далъ отчетъ Людовику XIV объ отвѣтѣ Англійскаго короля, и Людовикъ XIV поручилъ своему послу продолжать въ Лондонѣ и окончить начатые по вопросу о раздѣлѣ Испанской монархіи переговоры. Но успѣхъ этихъ переговоровъ зависѣлъ еще отъ того, какъ посмотрятъ на нихъ Генеральныя Штаты Нидерландовъ.

Вильгельмъ III, увѣренный въ своемъ авторитетѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Нидерландовъ, взялся побудить ихъ применить къ договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, и когда Вильгельмъ III отправился въ Голландію, Талларъ послѣдовалъ за нимъ ²⁾. Тамъ переговоры продолжались довольно успѣшно, хотя и на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, которые были допущены Вильгельмомъ III. Наконецъ, результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ явился первый договоръ о раздѣлѣ Испанской монархіи между внукомъ Людовика XIV Филиппомъ Анжуйскимъ, принцемъ Баварскимъ и эрцгерцогомъ Карломъ, сыномъ Леопольда. 11-го октября 1698 года договоръ этотъ былъ подписанъ въ Гагѣ.

Договоръ о раздѣлѣ ³⁾ состоитъ изъ 15 статей, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь только главныя. Въ силу первой статьи, договаривающіяся державы обязуются поддерживать прочность Ризвикскаго мира и дѣлать всегда другъ для друга все то, что они только въ состояніи будутъ, для содѣйствія взаимнымъ выгодамъ. Вторая статья гласитъ, что главная цѣль договаривающихся державъ есть поддержаніе спокойствія Европы. Предвидя близкую смерть короля Испаніи, они считаютъ необходимымъ предупредить ея послѣдствія,

¹⁾ *Torcy*, Mémoires, t. I, p. 43 et 44: «On pouvait, selon sa pensée, donner l'Espagne et les Indes à l'un des princes fils de M. le dauphin, les états d'Italie à l'archiduc, convenir enfin du traité de commerce avec l'Angleterre et la Hollande, et donner à l'une et à l'autre des places de sureté pour négocier dans la Méditerranée, ainsi qu'aux Indes occidentales. Cp. *Grimblot*, I, 365 et 369. Письмо Таллара къ Людовику XIV отъ 11-го апрѣля 1698 г.

²⁾ *Ibidem*, p. 47.

³⁾ *Dumont*. Corps universel diplomatique, t. III, partie II, p. 442—444... Premier traité de partage pour la succession d'Espagne, fait et conclu à la Haye le 11 octobre 1698 avec les articles secrets etc.

такъ какъ отсутствіе прямыхъ наслѣдниковъ у короля Испанскаго должно неизбежно вызвать новую войну, если Людовикъ XIV, императоръ Германскій и курфюрстъ Баварскій будутъ каждый поддерживать свои права и притязанія на все испанское наслѣдство. Итакъ, желая болѣе всего сохранить общественное спокойствіе и воспрепятствовать новой европейской войнѣ улаженіемъ споровъ и недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ-за испанскаго наслѣдства и изъ опасенія видѣть столь великія и обширныя владѣнія соединенными подъ властію одного государя, договаривающіяся державы нашли умѣстнымъ въ силу третьей статьи принять справедливыя и разумныя мѣры для предупрежденія тѣхъ несчастій, которыя могли бы произвести смерть короля Испанскаго, еслибъ онъ умеръ бездѣтнымъ. Вотъ почему — говорится въ слѣдующей статьѣ — было опредѣлено, чтобы въ случаѣ смерти Карла II, Людовикъ XIV, какъ отъ своего имени, такъ и за дофина и за все свое потомство, считалъ себя удовлетвореннымъ слѣдующими владѣніями, предоставленными ему данною статьей о раздѣлѣ, а именно: а) королевство Неаполь и Сицилія; б) пункты, зависящіе въ то время отъ Испанской монархіи, расположенные на берегу Тосканы также, какъ и близлежащіе острова (Сентъ-Этьенъ, Орбителло и др.); в) городъ и маркизатство Финаль; д) провинція Гвапускоа, преимущественно же города Фаптарабія и Санъ-Себастьянъ и проч. За все это Людовикъ XIV, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени дофина и всего своего настоящаго и даже будущаго потомства, обѣщаетъ и обязывается отказаться навсегда отъ всѣхъ правъ и притязаній на испанскую корону и всѣ зависящія отъ нея владѣнія. Въ силу пятой статьи, старшій сынъ Баварскаго курфюрста Іосифъ-Фердинандъ объявляется наслѣдникомъ всей остальной части Испанской монархіи, за исключеніемъ Милана, предоставленнаго, согласно шестой статьѣ договора, въ пользу эрцгерцога Карла. По смыслу девятой статьи, если бы Германскій императоръ или герцогъ Баварскій отказались примкнуть къ соглашенію о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, то они теряютъ право на выговоренныя въ нихъ пользы земли, которыя будутъ въ такомъ случаѣ управляться вице-королями, губернаторами или намѣстниками, назначаемыми со стороны короля Испаніи; а еслибъ устраненные такимъ образомъ отъ участія въ дѣлѣ императоръ Германскій или герцогъ Баварскій вздумали силою овладѣть тѣмъ, что выговорено было на ихъ долю или чужою долею, то короли Франціи и Англіи, совмѣстно съ

часть соххху, отд. 2.

Генеральными Штатами Нидерландовъ, воспрепятствуютъ этому всѣмъ зависящими отъ нихъ мѣрами.

Къ этому первому договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства присоединены были еще двѣ секретныя статьи слѣдующаго содержанія: 1) Въ случаѣ смерти короля Испаніи, курфюрстъ Баварскій дѣлается опекуномъ и попечителемъ (*tuteur et curateur*) своего сына до достиженія послѣднимъ совершеннолѣтія, и въ продолженіе этого времени курфюрсту будетъ предоставлено управленіе всѣми владѣніями Испанской монархіи, уступленными по договору въ пользу его сына. 2) Въ случаѣ смерти принца Баварскаго безъ наслѣдниковъ, его курфюршеское высочество будетъ ему наслѣдовать въ обладаніи и пользованіи всѣми тѣми королевствами и землями, которыя даны были его сыну, и онъ, курфюрстъ, будетъ имѣть полное право передать ихъ потомъ своимъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. Договаривающіяся державы обязываются къ тому же поддержать всѣми своими сухопутными и морскими силами порядокъ, устанавливаемый этою статьею относительно Испанской монархіи, порядокъ, относительно котораго договаривающіяся державы пришли къ единодушному соглашенію.

Но принцъ Баварскій, который по договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, долженъ былъ получить большую часть Испанской монархіи, а по желанію самаго Карла II и всю его монархію¹⁾, не воспользовался ничѣмъ: онъ умеръ четыре мѣсяца спустя послѣ заключенія перваго договора о раздѣлѣ (8-го февраля 1699 года). Теперь необходима была новая политическая комбинація, и Людовикъ XIV съ Вильгельмомъ III принялись за составленіе новаго договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Послѣ долгихъ переговоровъ между ними, 13-го марта 1700 года былъ подписанъ въ Гагѣ второй договоръ о раздѣлѣ²⁾. Договоръ этотъ состоитъ изъ 16 статей. Большинство изъ нихъ буквально сходны съ соотвѣствующими статьями

¹⁾ Известно, что 14-го ноября 1698 г. Карлъ II явился неожиданно въ государственный совѣтъ и съ твердостію, которая ему обыкновенно вовсе не была свойственна, заявилъ, что онъ рѣшился провозгласить своимъ наслѣдникомъ принца Баварскаго, и затѣмъ заставилъ своего секретаря по тайнымъ дѣламъ доиъ Антонию Убиллу прочесть завѣщаніе. Никто не возражалъ. См. *Hippelau, Avènement des Bourbons au trône d'Espagne*, I, p. 258 и 259. *Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 20 и 29 novembre 1699.*

²⁾ *Dumont, Corps universel diplomatique*, VII, p. 477—479. *Second traité de partage pour la succession d'Espagne etc.*

перваго договора о раздѣлѣ. Изъ статей, прибавленныхъ вновь и вызванныхъ переменною обстоятельствомъ вслѣдствіе смерти принца Баварскаго, важны особенно слѣдующія: Въ силу шестой статьи испанскую корону вмѣстѣ съ Индіями и Испанскими Нидерландами долженъ былъ получить эрцгерцогъ Карлъ, а герцогство Миланъ предполагалось уступить герцогу Лотарингскому въ замѣнъ его владѣній, которыя были назначены, въ силу четвертой статьи договора, дофину Франціи вмѣстѣ съ королевствами Неаполемъ и Сициліей, съ пунктами, расположенными на берегу Тосканы, съ маркизатомъ Финаль и провинціей Гвипускоа. Въ седьмой статьѣ говорится слѣдующее: „Непосредственно послѣ обмѣна ратификацій даннаго договора будетъ сдѣлано о немъ сообщеніе императору, который будетъ приглашенъ присоединиться къ договору. Но если въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня опубликованія договора, императоръ будетъ отказываться примкнуть къ договору и не согласится довольствоваться долею, выдѣленною въ пользу эрцгерцога по договору, то договаривающіяся державы сами между собою согласятся относительно того, какому государю отдать долю эрцгерцога. Въ случаѣ же, если послѣдній, помимо предлагаемаго соглашенія, захотѣлъ бы овладѣть выпавшею на его долю частью Испанской монархіи, прежде чѣмъ онъ примкнетъ къ этому договору, или тою частью, которая была назначена дофину или герцогу Лотарингскому, то договаривающіяся державы воспрепятствуютъ этому всѣми ихъ силами. Но особенно важное значеніе въ этомъ второмъ договорѣ о раздѣлѣ имѣетъ статья девятая: Еслибъ эрцгерцогъ Карлъ умеръ бездѣтнымъ до или послѣ смерти католическаго короля (то-есть, Карла II), то назначенная ему этимъ договоромъ доля переходитъ къ одному изъ остальныхъ дѣтей Германскаго императора, все равно мужскаго или женскаго пола, по назначенію самого императора. Въ случаѣ же, если бы самъ императоръ умеръ, то назначеніе должно быть сдѣлано его преемникомъ, но все это съ условіемъ, что упомянутая часть раздѣла не перейдетъ къ лицу, которое будетъ въ то же время Австрійскимъ государемъ или королемъ Священной Римской имперіи, и что точно также никогда доля свѣтлѣйшаго эрцгерцога не достанется лицу, которое будетъ королемъ Франціи или дофиномъ, все равно по наслѣдству ли, по завѣщанію ли, по брачному ли договору, или какимъ бы то ни было другимъ путемъ¹⁾).

Не смотря на таинственность, съ которою ведены были переговоры

¹⁾ Ibidem, статья IX втораго договора о раздѣлѣ.

о раздѣлѣ между Людовикомъ XIV и морскими державами, сущность этихъ переговоровъ сдѣлалась скоро извѣстною, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Мадридѣ. Понятно, что императоръ, считавшій еще со времени образованія Аугсбургской лиги Англію и Голландію своими союзниками, былъ очень возмущенъ ихъ соглашеніемъ съ Людовикомъ XIV объ испанскомъ наслѣдствѣ, право на которое было признано Императоромъ въ тайной статьѣ договора отъ 12-го мая 1689 г. ¹⁾ Не довѣряя болѣе морскимъ державамъ, императоръ рѣшился ужь обратиться непосредственно къ Людовику XIV, хотя также не имѣлъ основанія питать къ нему довѣріе. Леопольдъ чрезъ Вилчара, французскаго посла въ Вѣнѣ, а также чрезъ собственнаго посла въ Парижѣ, графа Цинцендорфа, предложилъ Людовику XIV помимо втораго договора о раздѣлѣ, имѣющаго быть обнародованнымъ, заключить съ нимъ другой тайный договоръ, въ силу котораго Миланская область была бы предоставлена Австрійскому дому, въ замѣнъ обѣихъ Индій и Нидерландовъ, которыя Вѣнскій дворъ охотно уступалъ Франціи, лишь бы приобрѣсть столь желанную и важную для Австріи Миланскую область.

Но Людовикъ XIV, видя въ этомъ предложеніи Леопольда лишь тонкій маневръ, направленный къ тому, чтобы поссорить Францію съ Англіей и Голландіей или по крайней мѣрѣ дискредитировать Французскаго короля въ глазахъ морскихъ державъ, отказался вступить съ императоромъ въ какія-либо особыя тайныя сношенія и объявилъ, что не считаетъ возможнымъ сдѣлать хоть какое-либо измѣненіе въ послѣднемъ раздѣльномъ трактатѣ иначе, какъ съ согласія морскихъ державъ. Такимъ образомъ предложеніе императора ничего не измѣнило въ общемъ положеніи дѣла.

XI.

Побѣда французской дипломатіи при Мадридскомъ дворѣ и завѣщаніе испанскаго наслѣдства въ пользу Филиппа Анжуйскаго.

Если уже императоръ имѣлъ основанія быть недовольнымъ тайными переговорами Людовика XIV съ морскими державами о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, то можно себѣ представить, что долженъ

¹⁾ *Dumont*, Corps universel diplomatique, VII, partie II, p. 241 и слѣд.

былъ испытывать несчастный, близкій къ могилѣ Карлъ II, когда онъ узналъ, что при его жизни и безъ его вѣдома другія державы уже успѣли распорядиться его добромъ! Уже узнавъ о первомъ раздѣлѣ, онъ былъ изумленъ и возмущенъ до глубины души, и тогда же, въ досадѣ на всѣхъ и въ особенности на Людовика XIV, окончательно рѣшилъ сдѣлать своимъ единственнымъ наслѣдникомъ Баварскаго принца. Когда-же затѣмъ, послѣ внезапной смерти послѣдняго, морскія державы, совмѣстно съ Людвигомъ XIV, не задумались снова раздѣлить, по собственному усмотрѣнію своему, роковое испанское наслѣдство, и когда извѣстіе объ этомъ второмъ раздѣльномъ трактатѣ пришло въ Мадридъ ¹⁾, то оно вызвало порывъ негодованія даже въ изнемогающей душѣ Карла II и, правда на минуту, возбудило въ немъ энергію. Не только, впрочемъ, для короля, но и для всей испанской націи такое безцеремонное отношеніе къ испанскому наслѣдству было очень оскорбительно. Между тѣмъ Людовикъ XIV, со свойственными ему двуличіемъ и ловкостью, сумѣлъ отклонить отъ себя весь гнѣвъ Карла II и испанскаго народа и обратить все негодованіе ихъ противъ морскихъ державъ ²⁾. Посланики Англій и Голландій получили приказаніе выѣхать изъ Мадрида, а маркизъ Гаркуръ, посланикъ Людовика XIV, принимавшаго наиболѣе дѣятельное участіе въ составленіи договоровъ о раздѣлѣ или по крайней мѣрѣ не меньшее участіе, чѣмъ Вильгельмъ III и Гейнрихъ, продолжалъ энергично свои происки при испанскомъ дворѣ, стараясь вліять на короля чрезъ наиболѣе приближеннаго къ нему архіепископа Толледскаго, кардинала Портокареро, котораго король, по словамъ маркиза Лувилля, любилъ какъ роднаго отца ³⁾. Съ другой стороны, Испанская королева, какъ невѣстка императора Леопольда, опиралась на свое личное значеніе въ глазахъ короля и поддержи-

¹⁾ *Mémoires secrets du marquis de Louville*, I, 88. По словамъ Лувилля, извѣстіе о заключеніи втораго раздѣльнаго трактата пришло въ Испанію сначала кондеценціально изъ Гаги, чрезъ посредство испанскаго резидента Квироса, а затѣмъ, оофициально, изъ Версаля, чрезъ посланника Кастиль дось Риосъ. Ср. *Torcy, Mémoires pour servir à l'histoire des négociations*, I, 93.

²⁾ О раздраженіи въ Испаніи противъ Англій уже по полученіи извѣстія о первомъ договорѣ о раздѣлѣ, см. *Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 15 avril 1699. Hirsch, Avènement des Bourbons au trône d'Espagne*, II, 63: Ср. также *Hirsch*, II, 22: *Lettre du marquis d'Harcourt au roi 11 août 1699 «On a résolu le se plaindre hautement des Anglais et des Hollandais»* etc.

³⁾ *Mémoires du marquis de Louville*, I, 85.

ваемая преданнѣе ей духовникомъ пажожнаго Карла II, старалась убѣдить послѣдняго въ необходимости составить скорѣе завѣщаніе въ пользу втораго сына императора, эрцгерцога Карла. Наконецъ, вліяніе королевы и пристрастіе самого Карла II къ родственному Австрійскому дому побудили его въ іюнѣ 1700 года подписать завѣщаніе всецѣло въ пользу эрцгерцога Карла. Такимъ образомъ, посолъ императора при Мадридскомъ дворѣ Гарракъ старшій, высококѣрный, мрачный, скупой Нѣмецъ, крайне непопулярный, не заботившійся ни о какой другой поддержкѣ, кромѣ содѣйствія королевы, могъ, по видимому, съ полнымъ основаніемъ считать дѣло императора Леопольда окончательно выиграннымъ. Но теперь, когда, казалось, все было безповоротно рѣшено въ пользу сына Леопольда, между Мадридскимъ и Вѣнскимъ дворами началась длинная переписка, выдвинувшая много щекотливыхъ вопросовъ и непредвидѣнныхъ затрудненій, которые могли только окончательно уронить въ глазахъ Мадридскаго двора авторитетъ Германскаго императора и обнаружить все его безсиліе въ сравненіи съ Франціей.

Дѣло въ томъ, что, въ виду сосредоточенія французской пятидесятитысячной арміи на сѣверной границѣ Испаніи, а также въ виду приготовленія эскадры во французскихъ портахъ Средиземнаго моря, Карлъ II обратился съ просьбою къ императору, чтобы онъ отправилъ въ Испанію вспомогательный десяти тысячный корпусъ войскъ съ эрцгерцогомъ Карломъ во главѣ¹⁾. Между тѣмъ, императоръ боялся дать поводъ къ войнѣ, которая, по его убѣжденію, непремѣнно бы вспыхнула, еслибъ онъ согласился двинуть войско въ Испанію; поэтому онъ на отрѣзъ отказалъ испанскому королю въ военной помощи. Но, не полагаясь, кромѣ того, на совѣтъ Испанскаго короля, императоръ отказался также прислать и своего сына ко двору Мадридскому. Само собою разумѣется, подобный образъ дѣйствія со стороны императора долженъ былъ произвести на Мадридскій дворъ впечатлѣніе крайняго малодушія и уронить шансы эрцгерцога Карла. Не смотря на то, дѣло, надъ которымъ трудилась французская дипломатія, все-таки должно было считаться въ это время безвозвратно проиграннымъ, и требовалось много энергіи и дипломатическаго искусства для того, чтобы разрушить существующее уже завѣщаніе въ пользу эрцгерцога Карла, мало того—заставить слабого, правда болѣзненнаго, но все-таки пассивно упорнаго Карла II самого отгѣ-

¹⁾ *Système de Grocesteins, Guillaume III et Louis XIV, t. VII, p. 360 и слѣд.*

нить, уничтожить свое прежнее рѣшеніе и составить новое завѣщаніе въ пользу принца изъ дома Бурбоновъ, на который онъ уже давно привыкъ смотрѣть самымъ враждебнымъ образомъ. Оказалось однако, что искусство французской дипломатіи и собственный интересъ испанскихъ грандовъ, особенно же опасенія за раздробленіе Испанской монархіи, въ случаѣ, если она достанется по завѣщанію эрцгерцогу Карлу, дали возможность окончательно восторжествовать при Мадридскомъ дворѣ сторонникамъ французскаго принца, именно Филиппа Анжуйскаго.

Зная честность и безкорыстіе почтеннаго старца Портокареро, рѣзко отличавшагося своимъ благороднымъ характеромъ отъ большинства испанскихъ грандовъ, ловкій Гаркуръ сумѣлъ привлечь его къ дѣлу Бурбоновъ, выставляя ему на видъ интересы самой Испаніи и то вліяніе, которое могло имѣть на цѣлость Испанской монархіи признаніе со стороны Карла II своимъ наслѣдникомъ внука Людовика XIV¹⁾. Гаркуръ старался ослѣпить Испанцевъ блескомъ и пышностью своей обстановки, старался внушить любовь къ французской націи и снискать расположеніе вельможъ своею щедростью²⁾, обходительностью и очаровательною любезностью. Интриги маркиза Гаркура направлены были также къ тому, чтобъ ослабить, а если возможно, и совсѣмъ разстроить австрійскую партію, ратовавшую за эрцгерцога Карла, партію, во главѣ которой стояла слабая, безхарактерная королева. Преданныхъ королевѣ испанскихъ вельможъ, какими были, напримѣръ, Виллафранка и Медина Сидонія, Гаркуръ старался привлечь на свою сторону; другихъ, какъ Оропезу и великаго адмирала, натравить другъ на друга; имѣвшую громадное вліяніе на королеву фаворитку ея Берленшъ, ненасытная жадность которой къ деньгамъ была хорошо извѣстна Гаркуру, удалось ему отвлечь щедрими обѣщаніями баснословныхъ наградъ; наконецъ, даже самую королеву Гаркуръ пытался привлечь на сторону Бурбоновъ, обольщая ее, въ виду неминуемо близкой смерти Карла II,

¹⁾ *Mémoires secrets du marquis de Louville*, I, 86. «Le marquis de Harcourt abordait franchement ce vertueux prélat (Portocarrero) au nom des intérêts de l'Espagne, seule consideration, qui pût le toucher»

²⁾ Относительно подкуповъ въ Испаніи со стороны Людовика XIV ср. *Haedcke*, *Die Politik Oesterreichs in der spanischen Erbfolgefrage*, I, 177, и *Hippreau*, *Avènement des Bourbons au trône d'Espagne*, I, 37. *Lettre du roi au marquis d'Harcourt du 16 mars 1698*: «Tout l'argent que je vous puis faire remettre se peut être employé qu'à des gratifications particulières»

перспективою брачнаго ложа овдовѣвшаго дофина ¹⁾). Словомъ, все было пуцено въ ходъ, чтобъ издалека и исподволь подготовить короля къ составленію новаго завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго.

Но какъ ни искусно была ведена интрига французской дипломатіи, все-таки должно признать, что успѣхъ ея обусловливался не столько маневрами тонкаго маркиза Гаркура, сколько тѣмъ рѣшительнымъ вліаніемъ, какое имѣло на окончательный исходъ дѣла объ испанскомъ наслѣдствѣ стремленіе къ сохраненію цѣлости Испанской монархіи, искренно озабочивавшее даже равнодушнаго ко всему въ мірѣ Карла II, особенно же его ближайшихъ совѣтниковъ и вообще всѣхъ испанскихъ грандовъ, которые принадлежали къ высшимъ правительственнымъ сферамъ Испанской монархіи и составляли какъ бы правительственную олигархію ²⁾). Нельзя также упустить изъ виду того, что безтактный образъ дѣйствій самой королевы и немногихъ приближенныхъ къ ней Нѣмцевъ, равно какъ высокомеріе и скарденность императорскаго посла въ Испаніи, стараго графа Гарраха, а потомъ его сына, внушали отвращеніе всей испанской націи къ мысли объ австрійскомъ владычествѣ въ Испаніи, и что, напротивъ, кандидатура французскаго принца на испанскій престолъ была очень популярна въ массѣ испанскаго народа еще въ то время, когда былъ въ живыхъ Баварскій наслѣдникъ принцъ, имѣвшій, какъ мы знаемъ, наиболѣе шансовъ на полученіе испанской короны. По наблюденіямъ Стэнгона, Испанская монархія уже въ 1698 году совершенно склонялась въ пользу кандидатуры внука Людовика XIV, считая ее возможною однако лишь при томъ условіи, чтобы признанный наслѣдникомъ испанской короны французскій принцъ никогда не могъ быть также и королемъ Франціи; въ противномъ случаѣ, они готовы были бы, говоритъ Стэнгонъ, скорѣе подчиниться діаволу, чѣмъ признать своимъ королемъ принца изъ дома Бурбоновъ ³⁾). „Если

¹⁾ *Mémoires secrets du marquis de Louville*. О готовности королевы въ половинѣ 1698 г. поддержать кандидатуру принца изъ дома Бурбоновъ см. *Haedcke*, I, 207 и *Hirream*, I, 210. *Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 7 Sept. 1698*.

²⁾ Лувилль, хорошо знавшій составъ и характеръ испанскаго правительства и испанскихъ грандовъ, которые при вступленіи на престолъ Филиппа Анжуйскаго пользовались наибольшимъ значеніемъ, характеризуетъ этихъ вельможъ, какъ «une véritable oligarchie».

³⁾ *Spain under Charles the Second*, p. 133. Письмо Стэнгона къ его сыну изъ Мадрида отъ 11-го іюня 1698 г.: «What I can discover of these people's

только Французскій король“, пишетъ Стэнгопъ своему сыну, — „удовольствуется тѣмъ, чтобъ одинъ изъ младшихъ его внуковъ сдѣлался королемъ Испаніи, отказываясь отъ всякихъ притязаній на то, чтобы слить въ одно цѣлое обѣ монархіи, то онъ не встрѣтитъ никакой оппозиціи ни со стороны вельможъ, ни со стороны массы народа“¹⁾. Въ другомъ письмѣ того же 1698 года Стэнгопъ пишетъ: „Французы съ каждымъ днемъ все болѣе выигрываютъ, а Нѣмцы теряютъ“²⁾. Супругу французскаго посланника и самого маркиза Гаркура при выѣздахъ ихъ народъ привѣтствуетъ восторженными кликами. Маркизу Гаркуръ народъ провожаетъ кликами: „Ахъ, какъ прекрасна, какъ прелестна она! Да благословитъ ее Богъ!“ (Ah que linda, que hermosa que esta! Dios la bendiga!), а Гаркура привѣтствуютъ словами: „Да здравствуетъ господинъ посланникъ Франціи!“ (Viva el señor embajador de Francia³⁾).

Но какъ бы ни проявлялось благорасположеніе массы народа къ французскому посланнику и ко всей французской націи, несомнѣнно все-таки, что не отъ него зависѣло окончательное рѣшеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, такъ какъ народъ въ Испаніи давно уже лишень былъ всякаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Кортесы давно уже не созывались, и общественное мнѣніе въ Испаніи давно уже считалось ничегו не значущимъ въ рѣшеніи судьбы родной земли. Въ дѣйствительности центръ тяжести хотя и слабой прави-

inclination is for a french prince provided they can be assured the same shall never be king of France. By that choice they think they shall secure peace and quietness at home; but they would rather have the devil than see France and Spain united». Ср. также *Torcy, Mémoires pour servir à l'histoire des négociations* etc., I, 89—91 и особенно 104. Письмо маркиза Гаркура къ Людовику XIV.

¹⁾ Spain under Charles the Second, p. 124 и 125 Alex. Stanhope to his son James Stanhope. Письмо отъ 14-го марта 1698 г.

²⁾ *Stanhope*, 139. Письмо отъ 23-го іюля 1698 г. Ср. также *Haedeke, Die Politik Oesterreichs in der Spanischen Erbfolgefrage*, I, 194 и *Hippreau, Avènement des Bourbons au trône d'Espagne*, p. XLVII.

³⁾ *Stanhope*, p. 139. Приведа эти привѣтственныя выраженія, Стэнгопъ сопровождаетъ ихъ отъ себя еще слѣдующимъ выраженіемъ: «These I look on as artifices industriated yet their being well received show's the people's inclination». О настроеніи большинства народа въ Испаніи въ пользу принца изъ дома Бурбоновъ ср. также *Haedeke, Die Politik Oesterreichs in der Spanischen Erbfolgefrage*, I, 197 и *Hippreau, Avènement des Bourbons au trône d'Espagne. Correspondance*, I, 28, Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 5 mai 1698.

тельственой власти находился въ государственномъ совѣтѣ. Члены же государственнаго совѣта, какъ и всѣ гранды, имѣвшіе значеніе въ высшей администраціи Испаніи, за исключеніемъ благороднаго кардинала Портокареро, имѣли въ виду главнымъ образомъ свои личные разчеты при рѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ: они опасались потерять свое прежнее значеніе въ государствѣ и всѣ свои высокія и столь прибыльныя мѣста въ качествѣ губернаторовъ, вице-королей и пр., въ случаѣ раздробленія Испанской монархіи или перехода ея къ принцу изъ Австрійскаго дома ¹⁾. Даже вельможи, преданные въ началѣ королевѣ и принадлежавшіе къ австрійской партіи, рѣшились применить къ группѣ вельможь, стоявшей за передачу наслѣдства французскому принцу, когда настало время рѣшить вопросъ о средствахъ къ предотвращенію раздробленія Испанской монархіи, и когда вопросъ этотъ поставленъ былъ въ государственномъ совѣтѣ ²⁾.

Сень-Симонъ въ своихъ мемуарахъ подробно передаетъ весь ходъ доказательствъ и мненьевъ, посредствомъ которыхъ партіи испанскихъ вельможь, расположенной въ пользу французскаго кандидата, удалось склонить Испанскаго короля къ уничтоженію готоваго уже завѣщанія въ пользу эрцгерцога Карла и къ составленію новаго завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго. Особенно подробно описываетъ Сень-Симонъ засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ обсуждался вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ немногими посвященными въ тайну вопроса вельможами ³⁾. Мы передадимъ здѣсь почти словами Сень-Симона главное изъ его описанія засѣданій государственнаго совѣта, имѣвшихъ столь рѣшительное вліяніе на заключительный актъ въ разыгравшейся драмѣ, связанной съ вопросомъ объ испанскомъ наслѣдствѣ.

Прежде всего члены совѣта, въ виду того, что присутствіе короля въ засѣданіяхъ совѣта и участіе въ дебатахъ могло вредно отозваться на его слабомъ здоровьѣ, убѣдили Карла разрѣшить совѣту собираться, по мѣрѣ надобности, для обсужденія важнѣй-

¹⁾ *Mémoires de Saint-Simon*, III, chap. I, p. 9. pour empêcher le demembrement de la monarchie et se conserver par là toute leur grandeur particulière à eux mêmes, en demeurant sujets d'un aussi grand roi, qui retenait toutes les parties de tant de vastes états aurait à conférer les mêmes graces. Cp. *Torcy*, *Mémoires*, I, 101—102.

²⁾ *Grémblot*, II, 553.

³⁾ *Mémoires de Saint-Simon*, III, chap. I, p. 2—33.

пихъ дѣлъ безъ участія короля, съ тѣмъ, чтобъ ему представляемы были краткіе отчеты о результатахъ засѣданій совѣта и о сѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, по мнѣнію совѣта, необходимо будетъ принять съ соизволенія короля. Когда король далъ свое согласіе, въ засѣданіи государственнаго совѣта приступлено было къ обсужденію требовавшаго безотлагательнаго рѣшенія вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ. Первый поднялъ объ этомъ вопросъ Виллафранка, который, не смотря на то, что принадлежалъ сначала къ австрійской партіи, открылъ глаза своимъ сочленамъ на причины, по коимъ, въ ихъ собственныхъ интересахъ, должно быть признано желательнымъ уничтоженіе существующаго уже завѣщанія въ пользу эрцгерцога Карла и замѣна его завѣщаніемъ въ пользу внука Людовика XIV. Виллафранкъ удалось склонить къ своему мнѣнію и Медина-Сидонію, который въ началѣ также принадлежалъ къ австрійской партіи. Медина-Сидонія такъ проникся взглядами Виллафранки, что съ своей стороны представилъ очень убѣдительные доводы въ пользу предпочтенія французскаго принца эрцгерцогу австрійскому. Доводы Медина-Сидоніи сводились къ слѣдующему: могущество Франціи велико и на сушѣ, и на морѣ и пользуется большимъ уваженіемъ въ Европѣ; кромѣ того, Франція, соприкасаясь съ нѣсколькихъ сторонъ съ владѣніями Испанской монархіи въ Испаніи, въ Италіи, въ Испанскихъ Нидерландахъ, находится въ очень выгодномъ положеніи какъ для нападенія на Испанскую монархію, такъ и для поддержанія ея дѣлости противъ слабаго императора, владѣнія котораго, не соприкасаясь вовсе съ владѣніями Испанской монархіи и будучи удалены отъ самой Испаніи, могутъ легко подвергнуться нападенію со стороны Франціи. Виллафранка и Медина-Сидонія сообщили свои мнѣнія Виллагарсіи и Вилленѣ, которые тотчасъ примкнули къ нимъ. Затѣмъ рѣшено было привлечь Сень-Эстевана, который считался наиболѣе вѣльной головой въ государственномъ совѣтѣ, и это удалось очень легко, такъ какъ Сень-Эстеванъ былъ въ большой дружбѣ съ Вилленной и Виллагарсіей. Такимъ образомъ уже пять членовъ были за кандидатуру французскаго принца. Но они поняли, что вѣчего не будутъ въ состояніи провести въ совѣтѣ, не заручившись согласіемъ Портокареро, который былъ первымъ членомъ въ совѣтѣ, и, не говоря уже о близости его къ королю, имѣлъ громадное значеніе по своему высокому сану. Открытая и взаимная вражда Портокареро съ королевой давала имъ право разчитывать на успѣхъ, и дѣйствительно, согласіе Портокареро было получено.

„Все это“, говоритъ Сентъ-Симонъ,—дѣлалось такъ, что объ этомъ во Франціи рѣшительно никто, даже самъ король не подозрѣвалъ, даже Блекуръ, представитель интересовъ Франціи въ Мадридѣ за отъѣздомъ Гаркура, не имѣлъ обо всемъ происходившемъ никакого понятія; притомъ дѣлалось это все испанскими вельможами, которые не имѣли рѣшительно никакихъ связей съ Франціей, дѣлалось Испанцами, бывшими большею частью сторонниками Австрійскаго дома“. Но для достиженія цѣли предстояло еще устранить два препятствія: во первыхъ, доказать, что формальные акты отреченія отъ испанскаго наслѣдства матери и супруги Людовика XIV потеряли уже свой смыслъ, и вторыхъ, побороть глубокую привязанность Карла II къ Австрійскому дому и то чувство неприязни, которое онъ издавна питалъ къ дому Бурбоновъ. Относительно перваго затрудненія Виллафранка доказалъ, что оно только фиктивное, такъ какъ со времени подписанія актовъ отреченія обстоятельства совершенно измѣнились: при подписанія актовъ отреченія имѣлось въ виду предупредить соединеніе испанской и французской короны въ лицѣ дофина Франціи, и тогда подобныя опасенія имѣли основаніе; теперь же, когда у дофина три сына, изъ которыхъ второй можетъ быть призванъ на испанскій престолъ, отреченіе теряетъ свой смыслъ; было бы несправедливо лишить испанской короны законнаго наслѣдника, не имѣющаго никакихъ владѣній, въ пользу претендента, имѣющаго несравненно менѣе правъ на испанскую корону, чѣмъ принцъ изъ дома Бурбоновъ, тогда какъ это не устраняетъ, а напротивъ, должно повлечь за собою раздробленіе Испанской монархіи, разрушеніе цѣлости ея, сохраненіе которой и было главною цѣлью при требованіи отъ испанскихъ инфантъ актовъ отреченія. Это знаменитое заявленіе было одобрено всѣми, и Виллафранка даже взялся развить его въ полномъ засѣданіи совѣта. Положено однако было все это хранить въ строгой тайнѣ, пока кардиналу удастся убѣдить короля. Портокареро, поддерживаемый совѣтами Сентъ-Эстевапа, искусно взялся за выполненіе своей задачи. Прежде всего ему удалось совершенно изолировать королеву устраненіемъ фаворитки ея Берленшъ и принца Дармштадтскаго, хозяйничавшаго со своимъ нѣмецкимъ полкомъ въ Мадридѣ; оставшись безъ опоры королева оказалась совершенно апатичною и бессильною, какою она въ дѣйствительности и была, потому что, какъ говоритъ Сентъ-Симонъ,—*la reine bonne et peu capable ne pourroit rien tirer d'elle-même*“. Ей нуженъ былъ всегда кто-нибудь, кто ея бы заправ-

лялъ. Бывшіе до сихъ поръ на сторонѣ королевы великій адмиралъ графъ Мельгаръ и Верагна также были привлечены на сторону французскаго принца. Гораздо болѣе важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было смѣщеніе духовника, который былъ приставленъ къ королю по желанію королевы и былъ ревностнымъ сторонникомъ Австріи (un zélé Autrichien). Портокареро назначилъ къ королю другаго духовника, котораго онъ могъ заставить говорить и дѣлать, что угодно. Когда чрезъ посредство духовника Портокареро убѣдился, что почва достаточно подготовлена для того, чтобы можно было заговорить о кандидатурѣ французскаго принца, тогда онъ, по соглашенію съ духовникомъ, и сталъ производить давленіе на слабого короля, изможденнаго тѣлесно и душевно и лишеннаго всякой нравственной поддержки въ пользу Австрійскаго дома. Какъ ни враждебно, ни недовѣрчиво относился Карлъ II къ Людовику XIV и его агентамъ, онъ все-таки не имѣлъ въ данномъ случаѣ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать хотя бы тѣмъ участіа Версальскаго двора въ томъ оборотѣ, который принимало теперь дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ. И кардиналу, и духовнику своему онъ вполне довѣрялъ; всѣ приближенные къ нему вельможи были коренные Испанцы, которые, по всей вѣроятности, не имѣли и не могли имѣть никакихъ связей во Франціи; притомъ нѣкоторые изъ окружавшихъ его вельможъ были, ему извѣстны какъ ревностные до сихъ поръ сторонники Австріи. Какъ было не поддаться Карлу II общему убѣжденію окружавшихъ его совѣтниковъ? Изнемогая въ борьбѣ съ противорѣчивыми вліяніями, не будучи въ состояніи примирить свое родственное влеченіе къ Австрійскому дому съ мыслью о необходимости уничтожить подписанное уже въ пользу эрцгерцога Карла завѣщаніе и передать все испанское наслѣдство, ради сохраненія его цѣлости, принцу изъ дома Бурбоновъ, Карлъ II рѣшился повергнуть всѣ свои сомнѣнія предъ папскимъ престоломъ и поступить согласно совѣту папы. Король сообщилъ объ этомъ кардиналу, и тотъ вполне согласился съ мнѣніемъ короля, будучи увѣренъ, что папа выскажется въ пользу наиболѣе справедливаго рѣшенія, а такимъ Портокареро считалъ лишь рѣшеніе въ пользу внука Людовика XIV.

Папа не заставилъ долго ждать своего отвѣта и высказался рѣшительно въ пользу внука Людовика XIV. Отвѣтъ папы гласилъ, что, по его мнѣнію, дѣти дофина были единственные настоящіе законные наслѣдники испанской короны, и что до тѣхъ поръ, пока хотя кто-либо изъ нихъ или изъ ихъ потомства будетъ живъ, эрцгерцогъ

Карлъ и всѣ остальные члены Австрійскаго дома не будутъ имѣть никакого права на испанское наслѣдство и должны считаться совершенно чуждыми Испаніи; что самая громадность этого наслѣдства возлагаетъ на короля Испаніи еще большую отвѣтственность предъ судомъ Всевышняго за рѣшеніе, которое приметъ онъ по отношенію къ этому наслѣдству.

Благопріятный для дома Бурбоновъ отвѣтъ папы, сохранявшійся, какъ и запросъ Карла II, до прибытія Филиппа Анжуйскаго въ Испанію въ глубокой тайнѣ, объясняется, нужно полагать, въ значительной степени тѣмъ расположеніемъ, которое долженъ былъ чувствовать глава Римской церкви къ королю Франціи послѣ отъѣзды послѣднимъ Нантскаго эдикта и ревностныхъ гоненій противъ гугенотовъ.

Такъ какъ Карлъ II всецѣло положился на рѣшеніе папы, то по полученіи отвѣта его, кардиналъ Портокареро воспользоваться настроеніемъ короля и закрѣпить его волю составленіемъ новаго завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго. Оставалось только оформить это завѣщаніе. Это было исполнено государственнымъ секретаремъ Убиллой, также примкнувшимъ къ партіи кардинала и, слѣдовательно, посвященнымъ въ ея тайну. Когда составленный Убиллой проектъ завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго со всѣми оправдательными мотивами былъ одобренъ посвященными въ тайну членами королевскаго совѣта, Убилла представилъ его Карлу II вмѣстѣ съ завѣщаніемъ, составленнымъ ранѣе въ пользу эрцгерцога; проектъ былъ одобренъ, а прежнее завѣщаніе сожжено Убиллой въ присутствіи короля, его духовника, кардинала Портокареро и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ сановниковъ.

Когда такимъ образомъ вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ былъ въ сущности окончательно рѣшенъ и пересталъ быть вопросомъ, Портокареро созвалъ совѣтъ, на которомъ дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ было подвергнуто открытому и всестороннему обсужденію. Виллафранка, Сенъ-Эстебанъ и Мансера высказались энергично за завѣщаніе въ пользу внука Людовика XIV; другіе согласились; великій адмиралъ и Верагна, видя, что дѣло безповоротно рѣшено, не стали противорѣчить. Наконецъ, Убилла предложилъ всѣмъ присутствовавшимъ въ засѣданіи совѣта подписать актъ завѣщанія, и всѣ они дали клятву соблюдать неукоснительно тайну его до смерти короля. Это засѣданіе совѣта обставлено было такою таинственностью, что, по словамъ Сенъ-Симона, даже королева и графъ Гарракъ все-таки не знали, пришелъ ли совѣтъ къ какому-нибудь опредѣленному

рѣшенію по вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, и къ какому именно. Вскорѣ затѣмъ 1-го ноября 1700 года Карлъ II умеръ сорока-двухъ лѣтъ отъ рожденія.

Разказъ Сень-Симона въ существенныхъ его чертахъ подтверждается также въ мемуарахъ Торси ¹⁾, но послѣдній не остается вліяется вовсе на совѣщаніяхъ членовъ государственнаго совѣта, а указываетъ на то, что Карлъ II въ своемъ затруднительномъ положеніи признавалъ нужнымъ выслушать мнѣніе тѣхъ, кого онъ считалъ способнымъ дать ему дѣльный совѣтъ. Главнымъ же образомъ Торси направляетъ на вліяніе Портокареро, которому Карлъ II обѣщалъ завѣщать престолъ Испаніи французскому принцу. Гораздо болѣе, чѣмъ Сень-Симонъ, Торси распространяется о перепискѣ Карла II съ папой и о вліяніи послѣдняго на окончательное рѣшеніе Испанскаго короля.

Итакъ, если вѣрить Сень-Симону, то завѣщаніе Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго было результатомъ лишь единодушнаго рѣшенія вліятельныхъ членовъ испанскаго государственнаго совѣта, при чемъ все происходившее въ совѣтѣ было неизвѣстно ни Людовику XIV, ни его дипломатическимъ агентамъ въ Мадридѣ. То же утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ и Торси, старающійся доказать, что рѣшеніе Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго не находилось ни въ какой зависимости отъ интригъ французской дипломатіи въ Испаніи ²⁾. Это мнѣніе съ особенною силою поддерживается извѣстнымъ историкомъ Морэ въ сочиненіи его: „*Quinze ans du règne de Louis XIV*“. „Завѣщаніе Карла II“, говоритъ Морэ,—„не было, какъ объ этомъ писали до сихъ поръ всѣ историки, плодомъ интригъ французской дипломатіи въ Мадридѣ. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго. Пора наконецъ отбросить несправедливое обвиненіе, содрать завѣсу и воздать каждому подобающую хвалу. Завѣщаніе Карла II было дѣломъ національнымъ, дѣломъ чисто-испанскимъ и никоимъ образомъ не французскимъ“ ³⁾.

Но, признавая за несомнѣнный фактъ, что испанскіе вельможи и даже вся испанская нація, какъ и самъ король, были искренно

¹⁾ *Torcy, Mémoires I, p. 138—140.*

²⁾ *Ibidem, p. 131: «Ce testament que les écrivains de Hollande prétendent, que le marquis d'Harcourt avait négocié ou plutôt acheté en faveur du duc d'Anjou» etc.*

³⁾ *Moret, Quinze ans du règne de Louis XIV, I, 85.*

заинтересованы въ цѣлости Испанской монархіи, и что именно опасеніе раздробленія ея служило главнымъ доводомъ для составленія завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго, какъ это видно изъ мемуаровъ Сенъ-Симона и Торси и изъ корреспонденціи Стэнгопа и Гаркура, мы все-таки смѣемъ думать, что оспариваемое Морэ мнѣніе о вліяніи интригъ французской дипломатіи на окончательное завѣщаніе Карла II остается не опровергнутымъ, хотя было бы также крайне ошибочно считать это завѣщаніе результатомъ лишь дипломатическихъ маневровъ Людовика XIV и маркиза Гаркура. Мы полагаемъ, что факты, приводимые въ мемуарахъ Лувилля, челоуѣка, стоявшаго такъ близко къ Филиппу Анжуйскому при вступленіи его на престолъ и вообще къ Версальскому кабинету и особенно близко знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Испаніи въ концѣ XVII вѣка ¹⁾, въ особенности же недавно изданная переписка между Людовикомъ XIV и его полномочнымъ посломъ въ Мадридѣ Гаркуромъ, заслуживаютъ не менѣе довѣрія, чѣмъ разказъ Сенъ-Симона или Торси. Между тѣмъ Лувилль прямо указываетъ на всѣ тонкіе маневры Гаркура, и особенно на то, какъ ловко сумѣлъ онъ, держась словно въ сторонѣ, издала направлять дѣло къ желанному концу ²⁾, заинтересовать кардинала Портокареро соображеніемъ о необходимости сохранить цѣлость Испанской монархіи при содѣйствіи своей супруги, вкловившей во всѣ его дипломатическіе разчеты, привлечь на сторону Бурбоновъ трехъ лицъ, соглашеніе которыхъ съ кардиналомъ Портокареро могло имѣть рѣшительное вліяніе на завѣщаніе Карла II, именно президента Кастиліи Манюэля Арриаса, графа Сенъ-Эстевана и маркиза Мансера ³⁾. По мнѣнію Лувилля, всѣ эти маневры заслуживаютъ серьезнаго вниманія при оцѣнкѣ дипломатіи Людовика XIV, и даютъ право думать, что интриги не имѣли цѣлью, какъ утверждаютъ обыкновенно историки, лишь маскировать договоръ о раздѣлѣ, а, напротивъ, очень вѣроятно, что договоръ о раз-

¹⁾ Сенъ-Симонъ говоритъ о маркизѣ Лувиллѣ, что до 1702 года «il fut le modérateur de la monarchie espagnole, le seul confident du roi et le distributeur des graces».

²⁾ *Louville*, Mémoires secrets, I, p. 18: «Quant à cet ambassadeur (le marquis d'Harcourt) il prépara trop bien le testament pendant son séjour à Madrid, pour qu'on puisse admettre sur la parole des historiens, qu'il ait agi sans mission expresse».

³⁾ Mémoires secrets du marquis de *Louville*, I, 86.

дѣлъ имѣлъ цѣлью подготовить и маскировать завѣщаніе ¹⁾. Мнѣніе, отставваемое теперь авторомъ сочиненія: „*Quinze ans du règne de Louis XIV*“ относительно завѣщанія Карла II, высказано было очень опредѣленно и съ твердою увѣренностью еще Вольтеромъ въ его „*Siècle de Louis XIV*“. По этому поводу издатель извлеченія изъ мемуаровъ Лувилля говоритъ: „Кто же думалъ когда-либо утверждать, что именно маркизъ Гаркуръ диктовалъ или заставилъ Карла II подписать завѣщаніе въ пользу Филиппа Анжуйскаго? Довольно того, что онъ подготовилъ это завѣщаніе издали съ большою ловкостью и последовательностью, чтобы допустить мнѣніе, что его образъ дѣйствія былъ ему внушенъ Версальскимъ дворомъ“ ²⁾. Ошибка Морэ состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ считаетъ несовѣстными интриги французской дипломатіи съ искреннимъ стремленіемъ испанскихъ грандовъ и самого короля въ сохраненіи цѣлости Испанской монархіи и съ вызваннымъ такимъ соображеніемъ окончательнымъ завѣщаніемъ Карла II. Но, кромѣ того, ошибка заключается также въ слишкомъ оптимистическомъ взглядѣ, какъ Морэ, такъ и Торси, на искренность и политическую честность Людовика XIV ³⁾. Мы не

¹⁾ *Mémoires secrets du marquis de Louville*, p. 18. «N'est-ce donc rien que toutes ces manoeuvres pour les négliger, comme a fait l'histoire, ou pour affirmer avec elle, que Louis XIV les avait ordonnées seulement afin de masquer le traité de partage qui prépara et manqua le testament». Чрезвычайно важно замѣчаніе по поводу договора о раздѣлѣ такого компетентнаго въ разсматриваемомъ намъ вопросѣ писателя, какъ Гиппо, замѣчаніе, высказанное имъ въ *Resumé de la Correspondance inédite du marquis d'Harcourt*, t. I, p. CXIX и CXX: «Ceux, qui considèrent le traité de 1699 ainsi que tous les traités du même genre, comme un moyen habile employé par la politique de Louis XIV pour faire craindre aux Espagnols le partage de leur monarchie, si le fils de l'Empereur recevait la couronne, ne s'éloignent pas beaucoup de la vérité».

²⁾ *Voltaire*, *Siècle de Louis XIV*.

³⁾ Интересно сопоставить взглядъ Морэ на Людовика XIV со взглядомъ англійскихъ историковъ Мэгона и Малюлей. Такъ Мэгонъ, въ своемъ сочиненіи «*War of succession in Spain*» (стр. 3), говоритъ по поводу втораго договора о раздѣлѣ, что есть полное основаніе предполагать, что Людовикъ XIV заключилъ договоры о раздѣлѣ съ твердымъ намереніемъ нарушить ихъ при первой возможности. Малюлей же называетъ Людовика XIV самымъ безсовѣстнымъ изъ политиковъ (*Малюлей*, Полное собраніе сочиненій, изданіе Тиблена, т. II, стр. 167). Для проверки степени безпристрастія взгляда Торси на политику Людовика XIV въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ ср. *Hirrean*, *Avènement des Bourbons au trône d'Espagne*. *Resumé de la correspondance*. I, CXL и CXLI: «Le marquis de Torcy a parfaitement raison de dire qu'en quittant Madrid le marquis d'Har-

раздѣляемъ предположеній Лувилля, что переговоры Людовика XIV съ Вильгельмомъ III о раздѣлѣ съ самаго начала были затѣяны единственно съ цѣлью подготовить и маскировать всѣ маневры для исторгнутія у Испанскаго короля завѣщанія въ пользу французскаго принца; мы думаемъ, что, послѣ Рисвикскаго мира, Людовикъ XIV, не разчитывая еще на возможность полученія всего испанскаго наслѣдства, особенно въ виду кандидатуры Баварскаго принца и не полагаясь еще на силы утомленной и разоренной Франціи и избѣгая войны со всею западною Европою, могъ дѣйствительно искренно мириться съ возможностью получить безъ борьбы, лишь путемъ договоровъ, хоть значительную часть испанскаго наслѣдства; но потомъ, когда Баварскаго принца не стало, и когда обнаружилось, что соперничество эрцгерцога Карла въ значительной степени ослабляется отвращеніемъ испанской націи отъ нѣмецкаго господства и расположеніемъ испанскихъ вельможъ, особенно наиболѣе вліятельнаго изъ нихъ, кардинала Портокареро, къ французскому принцу, Людовикъ XIV не могъ устоять предъ перспективой полученія всего испанскаго наслѣдства для своего внука; соблазнъ этого наслѣдства былъ слишкомъ великъ даже для великаго короля и оказался просто неодолимымъ. И вотъ Людовикъ XIV, оставляя пока въ полной силѣ договоры о раздѣлѣ, колеблясь еще въ возможности нарушить ихъ, пускаетъ въ ходъ всѣ

court ignorait, quelle serait la détermination du roi d'Espagne et que ce n'est pas conséquent ni lui, ni le roi de France, qui la lui avaient imposée. Mais il a tort d'affirmer, que la décision fut prise à l'insu de la cour de France et que celle-ci n'y contribua ni par ses démarches, ni par ses desirs. Il ne devait pas oublier que pendant près de trois ans, l'ambassadeur de Louis XIV n'avait eu comme son maître qu'une seule pensée celle, de gagner à la cause d'un prince français les conseillers qui devaient exercer la plus grande influence sur les volontés du roi d'Espagne, celle de parvenir à persuader à la nation elle-même qu'elle ne pourrait conserver. Lorsqu'enfin le testament de Charles II eût donné raison à la politique dont il avait été l'habile instrument, ce fut sans doute le parti espagnol, qui engagea le roi à choisir pour successeur un prince français; mais qui donc avait travaillé avec tant de persévérance et d'habileté à mettre ce parti dans les intérêts de la France, si ce n'est le monarque qui devait en profiter? Cette acceptation a fait peser sur Louis XIV une lourde responsabilité, et les désastres qui en ont été la suite ont pu porter les historiens à l'atténuer en l'attribuant exclusivement au roi d'Espagne et à son conseil. Mais l'histoire ne saurait avoir de ces complaisances: elle prend note de ce qui se dit, mais elle ne tient compte de ce qui se fait. En présence de la correspondance officielle du marquis d'Harcourt, aucun doute n'est plus possible.

средства для достиженія своей завѣтной цѣли—и дипломатическія интриги, и притворство, и даже угрозы. И когда, наконецъ, желанія Людовика XIV, можетъ быть, не совсѣмъ ожидаемо для него самого, увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, онъ почти не задумывается ухватиться за испанское наслѣдство, хотя еще не прочь выслушать въ послѣднюю минуту мнѣнія своихъ министровъ. Несомнѣнно однако, что въ этомъ послѣднемъ совѣщаніи съ министрами о принятіи завѣщанія Карла II въ пользу Филиппа Авжуйскаго, мнѣніе короля, еще такъ недавно стоявшаго за исполненіе втораго договора о раздѣлѣ, было самымъ рѣшительнымъ образомъ за принятіе завѣщанія.

Я. Гуревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ХОРВАТІИ И ДАЛМАЦІИ ВЪ X—XI ВѢКАХЪ.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи является въ настоящее время однимъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ соціальной науки, занимая одинаково и ученыхъ специалистовъ, и публику. Община изучается въ ея современномъ состояніи и тѣхъ фазисахъ развитія, которые она пережила въ теченіе своего многовѣковаго существованія. Сравнительное изученіе соціальныхъ явленій подорвало долгое время существовавшее заблужденіе, будто общинный строй составляетъ „первоначальный феноменъ генія славянскихъ народовъ“; въ настоящее время никто почти уже не оспариваетъ того, что общинный строй является фазисомъ, который переживаетъ каждый народъ въ своемъ историческомъ существованіи. Нужно сказать однако, что господствующій въ наукѣ взглядъ представляетъ въ сущности пока только плодотворную гипотезу, требующую подтвержденія отъ специальныхъ изслѣдованій въ области исторіи существующихъ формъ землевладѣнія. Исторія германской земельной общины выяснилась уже благодаря нѣсколькимъ цѣннымъ изслѣдованіямъ, внесеннымъ въ науку за послѣднія десятилѣтія; между ними первое мѣсто безспорно занимаетъ извѣстный трудъ Маурера. Юго-славянское землевладѣніе не можетъ пока еще похвалиться такимъ вниманіемъ со стороны историковъ; его настоящій строй подлежитъ непосредственному наблюденію, но прошлое выяснено еще очень незначительно. Интересъ къ прошлому возникъ у южныхъ Славянъ сравнительно недавно; дѣятельность мѣстныхъ ученыхъ направлена пока главнымъ образомъ на изданіе сырыхъ матеріаловъ, которые скры-

важились въ мѣстныхъ архивахъ и были доступны весьма немногимъ. Изданія Кукулевича-Сакцинскаго (*Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*), Рачкаго (*Documenta historiae Croaticae periodum antiquam illustrantia*), Любича (*Listine o odiajih izmedju juznoga Slavenstva i mletacke republice*) содержатъ въ себѣ, между прочимъ и драгоценныя матеріалы для исторіи юго-славянскаго землевлѣдѣнія. Со времени ихъ появленія облегчилась возможность выяснить по крайней мѣрѣ отдѣльные моменты въ его развитіи, если не создать полную исторію. Настоящій этюдъ посвящается разработкѣ матеріаловъ, находящихся въ изданіяхъ Кукулевича-Сакцинскаго и Рачкаго. Большая часть документовъ представляетъ собою дарственные грамоты на владѣніе землями церквамъ и монастырямъ отъ королей, общинъ и частныхъ лицъ. По времени они относятся къ IX—XI вѣкамъ, по мѣсту къ такъ-называемой приморской Далмаціи (города: Сплитъ, Трогиръ, Нинъ, Вѣлградъ, Задръ). Этими географическими и хронологическими данными строго ограничиваются предѣлы нашего наблюденія.

Въ теченіе трехъ указанныхъ нами столѣтій территорія Хорватіи и Далмаціи находилась во владѣніи королей, бановъ и жупановъ, церкви, городскихъ и семейныхъ общинъ (относительно деревенскихъ общинъ изданія не содержатъ почти никакихъ указаній).

Владѣнія королей. Королевскія владѣнія не были ограничены одной какой-либо мѣстностью, а были разсѣяны по всей территоріи и прилежащимъ къ ней островамъ Адриатическаго моря. Значительная часть ихъ находилась вблизи городовъ: Сплита, Задра и Вѣлграда. Размѣры ихъ были далеко не одинаковы. Иногда въ составъ ихъ входили цѣлыя селенія. Около Сплита коронѣ принадлежали восемь селеній, расположенныхъ по холмамъ и около горной группы, носившей названіе Дубрава, нѣсколько селеній въ жупахъ *Cleupa* и *Cettina* ¹⁾). Тутъ же находилась королевская территорія, носившая названіе *Bosolina*.

Между прибрежными островами нѣкоторые, по видимому, значительныя, входили въ составъ королевскихъ владѣній; таковы острова

¹⁾ Эти селенія были принесены въ даръ Сплитской церкви королями Хорватскими. Король Овкимиръ въ 1078 году снова подтверждаетъ за церковью право владѣнія ими: «ex nova donacione concedo inperpetuum». *Cod. diplom.* p. 164.

Mauni и Zuri ¹⁾). Въ другихъ случаяхъ коронными землями являются незначительные участки, рядомъ съ которыми находились участки частныхъ лицъ ²⁾). Королева имѣла собственныя земли ³⁾). Территориальные участки, принадлежавшіе коронѣ, носили общее названіе *regale territorium*, но встрѣчается и другое названіе, болѣе определенное—дворъ (*curtis*). Подъ названіемъ *curtis* въ грамотахъ разумѣется участокъ земли съ хозяйственными постройками (*cum pertinentiis*) и съ прикрѣпленнымъ къ нему несвободнымъ населеніемъ, которое отчуждалось вмѣстѣ съ землей и рабочимъ скотомъ ⁴⁾; извѣстны дворы, заключавшіе въ себѣ отъ восьми до двѣнадцати семействъ ⁵⁾). Дворы съ принадлежащимъ къ нимъ необходимымъ населеніемъ имѣли собственныя названія (*Infula, Nova sella, Butinaies* ⁶⁾) и соотвѣствуютъ вполнѣ средневѣковымъ германскимъ *Fronhöfe*. Часть королевскихъ земельныхъ владѣній перешла въ теченіе изучаемаго нами періода въ руки духовенства и дворянства, часть была роздана придворнымъ чиновникамъ, жупанамъ и городскимъ приорамамъ въ пользованіе (ленное владѣніе—могли бы мы сказать по аналогіи съ германскими порядками ⁷⁾). Последнія земли *de iure* находились въ собственности короля; владѣлецъ такой земли не могъ отчуждать ея безъ королевскаго согласія ⁸⁾). По смерти лицъ, владѣвшихъ подобными участками, король уступаетъ ихъ кому хочетъ, не обращая вниманія на притязанія родственниковъ ⁹⁾). Мелкіе участки отдавались во временное пользованіе частныхъ лицъ, которыя владѣли ими пожизненно. По смерти подобныхъ лицъ король распоря-

¹⁾ «Donamus insulam nostram *propriam* in nostro, dalmatico mari sitam, que vocatur Mauni». Cod. dipl. p. 132. Volo, ut insula Zuri cum universis illis consistentibus... cum terris arabilibus sive non, silvis, saltibus, pascuis... sit propria pretaxati monasterii. Ibid., p. 118.

²⁾ «Terra que est in Serniza... partim data est eidem monasterio a rege Ohresymero... partem vero tribuit Petrus Chalda». Ibid., p. 159.

³⁾ «Terras, que fuerunt reginae». Ibid., p. 168.

⁴⁾ «Dedi... alia curte cum duodecim familie». Ib., 112.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ «Dono terram in Tochenia, quam avus meus G. dedit cognate suo Madio» (prior Jadræ). Ibid., p. 144.

⁸⁾ «Curtem... promerui a domino meo G. rege et ipse concessit mihi hanc facere donationem». Ibid.; p. 139.

⁹⁾ «Comparavit a rege C. alodium cujusdam Barbare vidue»... Cod. diplom. 158.

жался находившимися въ ихъ владѣніи землями по усмотрѣнію ¹⁾. Правомъ пользованія такими участками обладали кромѣ свободныхъ лицъ и колонны ²⁾. Значительная часть коронныхъ владѣній находилась въ рукахъ закрѣпощеннаго населенія ³⁾, которое было прикрѣплено къ землѣ и отчуждалось вмѣстѣ съ ней ⁴⁾. За право пользованія королевскими угодьями взымалась извѣстная плата, отъ которой король могъ по желанію и освободить ⁵⁾. Поземельная собственность доставляла королю опредѣленные доходы (tributum)—въротно, плату за пользованіе—часть этихъ доходовъ шла между прочимъ на содержаніе королевскихъ родственниковъ, которые отправлялись въ опредѣленную мѣстность и жили поборами съ населенія ⁶⁾.

Владѣнія церквей и монастырей. Послѣ королей самыми крупными поземельными владѣніями пользовались церкви и монастыри. Далматинскіе епископаты и архіепископаты владѣли довольно обширными и компактными территориями, имѣли на своихъ земляхъ цѣлыя селенія ⁷⁾. Церкви и монастыри обладали островами, пахатными землями, виноградниками, дворами съ прикрѣпленнымъ къ нимъ населеніемъ (curtes cum servis et ancillis), приобретаемая или въ даръ или путемъ купли. Лица, принимавшія монашество, завѣщали монастырямъ все свое имущество или часть его; территоріальныя пожертвованія на поминъ души составляютъ значительную часть монастырскихъ владѣній.

Владѣнія бановъ и жупановъ состояли изъ пожизненныхъ леновъ короля (donatio) и наследственной поземельной собственности ⁸⁾; такъ же, какъ и королевскія, они состояли, между прочимъ,

¹⁾ «Regali auctoritate dono... terram... quam Belseicho ad suum opus coluit, dum vixit». Ibid., p. 119.

²⁾ «Dono territorium... quondam possessum a duobus colonis... Ibid., 144.

³⁾ «Dono terram in Tochenia, que regalis esse dignoscitur, vel *regalium servorum*, ibid. p. 126.

⁴⁾ «Cum servis et ancillis in eodem territorio positis atque commorantibus presentibus et futuris seu in eodem territorio in posterum residere volentibus... Ibid., 153.

⁵⁾ «Dono... absque decimatione seu collecta aliqua», ibid., 164.

⁶⁾ «Svinimir rex dederat Stresi Avunculi sui totas terras... ut ipse tolleret tributum ab eis»... p. 175.

⁷⁾ См. p. 164.

⁸⁾ «Vendo possessionem meam... terram promervi a domino meo Chresimero rege... Cod. dipl. p. 139.

изъ дворовъ (*curtis*), съ которыми неразрывно связано прикрѣпленное къ нимъ несвободное населеніе.

Предъ нами выясняется такимъ образомъ изъ всего сказаннаго существованіе подворнаго землевладѣнія, слѣды котораго восходятъ къ IX вѣку, то-есть, къ эпохѣ возникновенія самостоятельнаго Хорватскаго государства.

Рядомъ съ этой формой замѣчаются другія, черты которыхъ съ большей или меньшей ясностью выступаютъ при разсмотрѣніи актовъ, совершенныхъ городскими общинами и частными лицами.

Городскія общины Далмаціи были по преимуществу земледѣльческими уже тогда, когда началась хорватская иммиграція въ Приморье. Сохранилось преданіе о томъ, что Хорваты при своемъ вторженіи отняли земли у горожанъ Далмаціи, чѣмъ поставили ихъ въ очень большое затрудненіе¹⁾. Акты, рядъ которыхъ начинается съ IX вѣка, также изображаютъ городское населеніе преимущественно земледѣльческимъ; если среди его и встрѣчаются ремесленники, то они въ то же время являются и землевладѣльцами²⁾. Городскія общины, какъ юридическія лица, имѣютъ въ своей собственности цѣлыя острова³⁾, континентальныя пахатныя земли⁴⁾ и воды⁵⁾. Отчужденіе этой общинной собственности производилось съ согласія всего населенія общины.

Рядомъ съ этими признаками существованія общиннаго землевладѣнія замѣчается широкое развитіе частной земельной собственности. Горожане являются въ дошедшихъ до насъ актахъ владѣльцами-собственниками отдѣльных земельныхъ участковъ, отчужденіе которыхъ производится ими совершенно независимо отъ городской общины. Эти участки не велики, какъ не велика и территорія, принадлежащая тому или другому городу⁶⁾; они отдѣлялись одинъ отъ другаго межевыми знаками, которыми служили камни (*termini la-*

¹⁾ *Stritter*, *Memor. popul.* II, 398.

²⁾ «*Emi terra a Grubiso awrifco*... «*emi terram de consobrino suo awrifco*»... *Ibid.*, p. 173.

³⁾ «*Donamus Lacronomam insulam*», *ib.* 103; «*donamus cum suis utrisque insulis*», *ib.* 140.

⁴⁾ «*Terram... quia in communi erat*»... *Ib.* 135.

⁵⁾ «*Pro necessitatibus publicis fuerunt vendite piscationes*»... *Ib.* 94.

⁶⁾ Незначительность городскихъ полей очевидна изъ того, что между городами и окрестными селеніями происходили распри изъ-за выгоновъ. *Cod. dipl.* 164.

videi), столбы съ насѣчками (termini ferro signati¹⁾), старыя стѣны, кресты, деревья; границами участковъ являлись также море, ручьи, горы. Собственникомъ подобнаго участка является, впрочемъ, въ сущности не отдѣльное лицо, а семья, семейная община. Акты даютъ возможность съ достаточной опредѣленностью изучить ея составъ. Мы видимъ общины, состоящія: а) изъ братьевъ, братьевъ и сестеръ²⁾; б) изъ родителей и дѣтей³⁾; в) изъ дядей и племянниковъ⁴⁾; д) изъ дѣда, родителей и дѣтей⁵⁾; е) изъ прадѣда, дѣда, родителей и дѣтей⁶⁾. Подобная семейная община обозначается въ актахъ названіями tribus, genus⁷⁾; члены ея — consanguinei, cognati, propinqui. Въ ея владѣніи находится участокъ земли, носящій обыкновенно названіе allodium, haereditas, possessio. Въ изучаемую нами эпоху земельная собственность семейной общины раздѣляется между членами послѣдней⁸⁾, но отдѣльныя части находились de jure лишь въ пользованіи того или другаго члена семейной общины. Это видно изъ условій, которыми обставлялось отчужденіе какой бы то ни было части общинной собственности. Когда одинъ изъ членовъ семейной общины выражаетъ намѣреніе продать или подарить выдѣленный участокъ, то долженъ заручиться согласіемъ остальныхъ членовъ общины—дѣда⁹⁾, отца¹⁰⁾, братьевъ¹¹⁾, сестеръ¹²⁾. Если почему-либо въ извѣстномъ случаѣ это требованіе было нарушено и членъ семейной общины распорядился самостоятельно своею долей, то община могла отнять отчужденный участокъ у его новаго владѣльца¹³⁾. Семейная

¹⁾ Cod. dipl. 46.

²⁾ «Emi terrenum a quodam homine Slavonico... et a fratre suo»... Ib. 97. «Donavit nobis Neupret cum sorore sua». Rašky, Docum. Sp. h. s. m. 125.

³⁾ «Emi terram de Zurillo et de filio ejus». Cod. 172.

⁴⁾ «Plato cum avunculo suo... condonarunt». Cod. 158.

⁵⁾ Haec sunt nomina avorum illius, qui hoc territorium vendidit». 167. O.

⁶⁾ «Et hoc absque ulla contrarietate seu frâtrum, seu parentum, aut cognatorum, vel avorum, vel proavorum»... C. 156.

⁷⁾ «Si vero erit sacerdos de tribu nostra». Ib. 96.

⁸⁾ «Portiones de salinas, que habeo inter meos parentes». 91. Cp. p. 75, docum. LXXXIX.

⁹⁾ «Haec sunt nomina avorum illius, qui hoc territorium vendidit». Cod. dipl. 167.

¹⁰⁾ Ibid., 171—176.

¹¹⁾ «Emi terram de Bozza et fratre ejus et de totis parentibus ejus...» 172.

¹²⁾ «Donavit nobis Neupret cum sorore sua». Rašky, Docum. 125.

¹³⁾ «Preda et Vilemiro ejus fratres contra moniales proterue insurrexerunt e supradictas terras suas suorumque parentum esse dicebant». Cod. 156.

община, какъ единственный владѣлецъ принадлежащей ей земли, распоряжается самостоятельно участками своихъ членовъ, когда кто-либо изъ нихъ совершаетъ преступленіе противъ чужой собственности, возмѣщая изъ доли виновнаго причиненный имъ убитокъ¹⁾.

Одинъ и тотъ же строй землевладѣнія наблюдаемъ мы и въ хорвато-далматинскихъ деревняхъ. Деревенская община не является здѣсь, какъ у Русскихъ Славянъ, собственникомъ и пахатной земли и угодій; пахатныя земли находятся во владѣніи крестьянскихъ семейныхъ общинъ и свободно отчуждаются ихъ членами²⁾; въ коллективномъ владѣніи деревенскаго населенія состоятъ только угодья—напримѣръ луга. Предъ нами выдѣлились три формы хорвато-далматинскаго землевладѣнія: а) дворъ, б) семейная община, в) городская или деревенская (по отношенію лишь къ угодьямъ). Взаимныя отношенія и возникновеніе этихъ формъ недоступны нашему наблюденію. Возникло ли подворное и семейно-общинное землевладѣніе во время славянской иммиграціи, или оно является продуктомъ разложенія первоначально созданныхъ городскихъ и деревенскихъ земельных общинъ, при наличномъ количествѣ свѣдѣній, доставляемыхъ источниками, рѣшить положительнымъ образомъ нельзя. Если принять во вниманіе, что мы не располагаемъ фактами, доказывающими распространеніе общиннаго владѣнія кромѣ угодій и на пахатную землю; если предположить, что *allodium* въ нашихъ источникахъ имѣетъ тотъ же смыслъ, что и въ германскихъ; если наконецъ древнѣйшія извѣстія о Славянахъ указываютъ на существованіе у нихъ обычая селиться въ одиночныхъ хижинахъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга³⁾, то получается гораздо болѣе основаній противъ, чѣмъ въ пользу предположенія о возникновеніи подворнаго и семейно-общиннаго землевладѣнія изъ распада крупнаго деревенской или городской общины.

Гораздо яснѣе, чѣмъ генезисъ изучаемыхъ нами формъ землевладѣнія хорвато-далматинскаго, представляется ихъ состояніе въ данную эпоху. И общинное (по отношенію къ угодьямъ) и задружное (по отношенію къ пахатнымъ землямъ) землевладѣніе находится въ

¹⁾ «Habii ad prenomatos parentes... ita dicendo: reddite mihi damnum, que fecit vester consanguineus at ipsi responderunt: accipias, totam hereditatem illorum...» Cod. 176.

²⁾ «Vendiderunt *allodia* sua... isti villani...» С. 160.

³⁾ Прокоп. *Strit.*, II, 29.

XI вѣкѣ въ состояніи медленнаго разложенія: задружное—подъ вліяніемъ главнымъ образомъ все глубже и глубже проникающаго въ соціально-экономическія отношенія индивидуализма, общинное (городское) подъ вліяніемъ увеличивающагося городского бюджета ¹⁾). Стремленіе членовъ задруги самостоятельно распоряжаться своими участками выражается весьма сильно и находится въ открытой борьбѣ съ старымъ обычнымъ строемъ. Общинная магистратура колебалась при разрѣшеніи распрей, обусловливавшихся подобными обстоятельствами, то признавая произволь личности, то становясь на сторону обычая ²⁾). Иногда подобныя распри разрѣшались полюбовно; духовенство, на примѣръ, уступало полученную землю въ пожизненное пользованіе претендующаго родственника и его потомства за извѣстную годовичную плату ³⁾),—но уже эта плата показываетъ, что принципъ задружнаго владѣнія находился въ упадкѣ. Торжество индивидуализма на счетъ задруги обнаруживается въ существованіи завѣщанія, при помощи котораго личность совершенно освобождается отъ вліянія общины. Извѣстны случаи, когда умирающій посредствомъ завѣщанія назначалъ наследникомъ своего имущества побочнаго сына, отвергая на него, всѣ права членовъ родственнаго союза ⁴⁾). При подобныхъ условіяхъ семейная община могла держаться лишь вѣрностью древнимъ обычаямъ и размѣры ея владѣній должны были все болѣе и болѣе уменьшаться. Къ тому же результату приводили общину и имущественныя права составляющихъ ее половъ. При раздѣлѣ семейной земельной собственности правами на надѣлъ пользовались и мужчины и женщины ⁵⁾). Подобно мужчине—женщина пріобрѣтаетъ землю, виноградники, луга, рабочій скотъ и рабовъ ⁶⁾); не выходя замужъ, женщина удерживаетъ за собой свою долю и распоряжается ею по желанію ⁷⁾); поступаая въ монастырь, она завѣщаетъ монастырю свое недвижимое имущество ⁸⁾). Дочь, выходя замужъ, уноситъ съ

¹⁾ «Pro necessitatibus publicis fuerunt vendite piscationes». Cod. 95.

²⁾ «Quam socer suus suo exheridibaverat verbo filiumque suum quem cum quadam sclavoneula natum habebat moriens totius sue hereditatis heredem fecerat... Non more sua dijudicare volentes, ut ipsa sua frueretur parte...» C. 184—185.

³⁾ «Placuit mihi meisque confratribus, ut ipsas vineas ad ipso sine aliquo censu retinere concedimus... si quis ex Genere suo... reddat quartam partem...» 131.

⁴⁾ Cod. 184—185.

⁵⁾ «Haeredes ex linea mascularum sive feminarum». Cod. 96.

⁶⁾ «Terre... ut habeant filii mei et filiae meae...» C. 75.

⁷⁾ «Si vult uxor mea portionem suam possidere, observet lectum...» Cod. 76.

⁸⁾ «Paratinam Predana mater G. F. secum in monasterio adduxit...» Cod. 180.

собой въ приданное приходящійся на ея долю земельный участокъ; на это указываетъ существованіе наслѣдства отъ матери рядомъ съ наслѣдствомъ отъ отца ¹⁾. Самостоятельнымъ экономическимъ положеніемъ женщины объясняется, конечно, то видное положеніе, которое она занимаетъ въ хорвато-далматинской семьѣ изучаемаго нами періода. Женщина—дочь или сестра—подаетъ свой голосъ въ дѣлахъ, касающихся употребленія семейной собственности ²⁾. Ея голосъ принимается во вниманіе тогда, когда семья покупаетъ, напимѣръ, землю для пожертвованія ³⁾. Мать распределяетъ имущество между сыновьями ⁴⁾; жена дозволяетъ мужу при поступленіи послѣдняго въ монастырь пожертвовать часть своего имущества ⁵⁾; ея подтвержденіе важно для получившихъ отъ мужа дареніе, когда мужъ умираетъ ⁶⁾. Въ нераздѣльной семьѣ женщина на равнѣ съ мужчинами подаетъ голосъ при управленіи общимъ имуществомъ и при выборѣ лица, которому вѣряется его наблюденіе ⁷⁾.

Семейные раздѣлы и экономическая равноправность половъ, дѣйствуя разлагающимъ образомъ на семейную общину, являются въ то же время источникомъ чрезвычайной дробности земельныхъ участковъ, среди которой совершается процессъ выдѣленія крупныхъ землевладѣльцевъ и пролетаріата. Разсматривая акты, мы встрѣчаемъ упоминанія о земельныхъ участкахъ поразительно незначительныхъ размѣровъ. Нѣкто Петръ Черни пожертвовалъ одному изъ далматинскихъ монастырей около 40 земельныхъ участковъ, значительная часть которыхъ была приобрѣтена въ обмѣнъ за нѣсколько мѣръ вина (7 galeas) или хлѣба (1—5 модіевъ), за нѣсколько печеныхъ хлѣбовъ, за овощи и мелкое домашнее животное (за свинью и 300 луковицъ) ⁸⁾. Мы, очевидно, въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ такими земельными участками, которые только при высокой интен-

¹⁾ «Terre que videntur fuisse de prima uxore mea...» «terre que mihi evenerit de matre mea...» Cod. 75; cp. 106. Ego Heleniza... habeo territorium dimissum mihi a matre mea».

²⁾ «Ego Pincius... cum sorore nostra sermonem fecimus et ita ordinavimus...» Cod. 96.

³⁾ Cod. 98.

⁴⁾ Cod. 106.

⁵⁾ Cod. 105.

⁶⁾ Cod. 148. «Venit uxor ejus et affirmavit prefatas terras».

⁷⁾ «Ut tribus nostra saecularium hominum capellanum (ordinatorem) eligat quemlibet». C. Dipl. 96.

⁸⁾ Cod. diplom. 170—176.

живной культурѣ могли прокормить владѣльцевъ, становясь совершенно бесполезными при экстензивной.

Резюмируя все сказанное нами, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) Угодья (луга, лѣса) находились въ нераздѣльной собственности городскихъ и деревенскихъ общинъ (=Allmend).

б) Пахатныя земли находились во владѣніи семейныхъ общинъ, отдельные члены которыхъ de jure имѣли только право пользованія частью общинной собственности.

в) Исключительно—земледѣльческій характеръ городскихъ общинъ Далмаціи и незначительность принадлежащихъ имъ территорій являются причинами незначительности размѣровъ, которой отличались владѣнія семейныхъ общинъ.

г) При дѣлимости задружной собственности и экономической равноправности половъ возникаетъ дробленіе земли на участки ничтожной мѣнковой стоимости.

е) Дробность земельныхъ владѣній, принадлежащихъ отдельнымъ лицамъ при господствѣ экстензивнаго земледѣлія привело землевладѣльческое и земледѣльческое населеніе Далмаціи въ XI вѣкѣ къ экономическому кризису, результатомъ котораго должно было сдѣлаться сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ однихъ, и обезземеленіе подъ вліяніемъ крайней нужды другихъ.

И. Смирновъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Сношенія Рима съ Москвою ¹⁾.

(Разборъ трудовъ по русской исторіи о. Павла Пирлинга).

II.

Два труда о. Пирлинга касаются миссіи Антонія Поссевина, этого замѣчательнаго дипломата XVI вѣка, о которомъ наука не сдѣлала еще окончательныхъ заключеній. Статьей „Григорій XIII и Иванъ Грозный“ (R. des Q. N., avrıl 1883) сдѣланъ приступъ къ монографіи о Поссевинѣ. Исполненіе подобной задачи требуетъ обширной исторической подготовки, и мы ни сколько не будемъ удивлены, если авторъ замедлитъ продолженіемъ этого труда ²⁾. Не смотря на неисчерпаемая богатства Ватиканскаго архива, изъ котораго о. Пирлингъ беретъ полною рукою не бывшіе еще въ обращеніи документы, мы бы не рѣшились и съ такими, правда, весьма существенными преимуществами приступить къ общей постановкѣ вопроса о дипломатической дѣятельности Поссевина. Москва составляетъ не все въ миссіи этого іезуита. Въ послѣдней четверти XVI в. въ самомъ Римѣ значительно расширился взглядъ на Восточный вопросъ, именно въ проѣктахъ организаціи анти-оттоманской лиги и возмѣщенія попе-

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Уже послѣ того, какъ написана была наша статья, часть монографіи о Поссевинѣ появилась уже отдѣльной книгой. Un ponce du pape en Moscovie Préliminaires de la trêve de 1582. Paris 1884.

сенныхъ католическою церковью потерь стали давать значительное мѣсто не Москвѣ только, но вообще юго-восточной Европѣ. Трансильванія, Молдавія, Валахія и славянскіе народы Балканскаго полуострова начинаютъ привлекать къ себѣ взоры римскихъ дипломатовъ. Въ монографіи объ Ант. Поссевинѣ придется удѣлить значительное мѣсто внутренней и внѣшней исторіи малоизвѣстныхъ странъ, выяснитъ проекты передачи Молдавіи и Валахіи Польскому королю, равно какъ обѣщаніе тѣхъ же областей, съ прибавкой богатыхъ приобрѣтеній на Средиземномъ морѣ, Московскому царю, оцѣнитъ оказываемую въ Римѣ и Венеціи поддержку искателямъ молдавскаго и валашскаго трона, а въ связи съ этимъ постепенное проникновеніе отцовъ іезуитовъ въ Валахію и Трансильванію и множество другихъ, не менѣе важныхъ вопросовъ, къ которымъ имѣетъ отношеніе миссія Ант. Поссевина. По статьѣ „Григорій XIII и Иванъ Грозный“ можно уже судить, что это будетъ капитальный вкладъ въ историческую науку: автору удалось ввести въ изложеніе много неизвѣстныхъ доселѣ подробностей и иначе освѣтить извѣстные факты. Изложеніе, какъ впрочемъ и ведѣ, живое, увлекательное и картинное. Замѣчаній на эту статью пока мы не будемъ дѣлать, въ ожиданіи полной монографіи. Выскажемъ только одно пожеланіе—во имя научныхъ требованій. Серьезнаго читателя не можетъ удовлетворить ссылка на Ватиканскій архивъ, не сопутствуемая текстомъ документа. Нельзя быть слишкомъ скупымъ на подлинныя мѣста, въ особенности, когда говоришь о погребенныхъ въ архивѣ истинахъ. Мѣста, подобныя нижеслѣдующимъ, непременно нуждаются въ подлинномъ текстѣ таковы: мысль Ваторія, что прямая и болѣе осуществимая задача Русскихъ—взятіе Азова (р. 462), мысль Виленскаго епископа Г. Радзивилла, что лучшее средство для обращенія Литвы—введеніе русскаго языка въ школы, въ церкви и въ официальное производство (р. 465), рѣчь Поссевина въ Венеціи, въ которой введеніе католицизма въ Россіи разсматривается „au point de vue du défunt empire d'Orient, dont le tsar est censé avoir hérité les titres et les droits“ (р. 449). Мы понимаемъ, что приведеніе текстовъ иногда затруднило бы автора, желающаго быть доступнымъ для публики, но и ученый читатель, съ другой стороны, можетъ имѣть свои притязанія: нужно удовлетворить тѣ и другія требованія. На нашъ взглядъ было бы цѣлесообразнымъ издать отдѣльно болѣе важныя піеся и дать возможность разобратся въ довольно обширныхъ уже матеріалахъ, относящихся до миссіи Поссевина. И мы съ удоволь-

ствіемъ отмѣчаемъ, что авторъ обѣщаетъ отдѣльно издать *Relatione del Tebaldi Fiorentino mercante fatta al P. Possevino* (р. 464).

Что о. Пирлингъ и самъ сознаетъ важность отдѣльнаго изданія матеріаловъ, въ этомъ убѣждаетъ прекрасная его книжка, посвященная памяти Поссевина: *Antonii Possevini Missio Moscovitica, Parisiis, 1882*. Извѣстно, что результаты своей дѣятельности въ Москвѣ Поссевинъ изложилъ самъ въ двухъ запискахъ (комментаріи), изъ которыхъ одна отправлена въ Римъ въ октябрѣ 1581 года, другая 11-го февраля 1584 г., какъ это доказано теперь о. Пирлингомъ. Эти записки, равно какъ цѣлая масса депешъ и разнаго рода актовъ находятся въ доступныхъ изданіяхъ Старчевскаго, Тургенева и М. О. Козловича (*Дневникъ похода Стефана Баторія*. С.-Пб. 1867). Но остается много и не изданнаго, какъ заявляетъ о. Пирлингъ (*Missio* р. VIII): *les documents relatifs à cette mission n'ont été jusqu'ici publiés qu'en partie; nous avons l'intention de faire connaître plus tard ceux qui, malgré leur valeur historique, sont restés inédits*. На первый разъ онъ даетъ новое изданіе источника собственно второй руки. На основаніи донесенія Поссевина генералу ордена іезуитовъ Клавдію Аквалинѣ отъ 28-го апрѣля 1582 г. (напечатано у Тургенева *Supplementum*, р. 388) и записки спутника его П. Кампана, въ Римѣ составленъ былъ докладъ о Московской миссіи специально для членовъ ордена іезуитовъ, напечатанный въ 1584 г. въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Это и есть изданная о. Пирлингомъ *Missio Moscovitica*. Научное значеніе этого произведенія опредѣляется его отношеніемъ къ первоначальнымъ источникамъ. Что касается первой половины (р. 1—59), то какъ составленная на основаніи донесенія Поссевина она не можетъ замѣнить его и, слѣдовательно, за немногими и весьма не важными исключеніями, не можетъ претендовать на самостоятельное значеніе. Другая половина (р. 59—87), начинающаяся словами: *Nunc quoniam de Moscovitica missione sermo est, non alienum esse videtur de Moscorum moribus pauca ex P. Ioannis Pauli Campani litteris proronege*, указывая на заимствованіи изъ новаго и не-извѣстнаго источника (записка товарища Поссевина), тѣмъ самымъ приобретаетъ право на вниманіе. Но говоря откровенно, мы ждали большаго въ отдѣльномъ изданіи матеріаловъ, относящихся до миссіи Поссевина; виной тому можетъ быть самъ о. Пирлингъ, располагающій огромными запасами новыхъ матеріаловъ и возбуждающій въ насъ ожиданіе получить именно отъ него отвѣты на многіе широкіе и интересные вопросы, понятные специалисту. Правда, наблюденія Кам-

пана обличаютъ остроумнаго и внимательнаго путешественника. Нѣкоторыя его замѣчанія читаются съ интересомъ: таково замѣчаніе о недовѣрчивости Русскихъ къ иностраннымъ посламъ, которые *in honesta quadam custodia detinentur* (р. 60), объ устройствѣ домовъ (р. 65), о власти и авторитетѣ царя (р. 67), о ненависти къ латинской церкви (р. 72: *latinam ecclesiam odio plus quam Graeco detestantur*), о поминкахъ по умершимъ (р. 75), объ обычаяхъ слишкомъ частаго употребленія крестнаго знаменія (р. 79: *omnibus rebus agendis crucis signum praemittunt*), о множествѣ монастырей и числѣ монаховъ (р. 83). Любопытенъ и выводъ изъ всего этого (р. 86): „Вотъ что я считалъ за нужное сказать объ обычаяхъ Московитовъ, дорогие отцы и братья, дабы вы видѣли какъ малаго недостаетъ въ этомъ народѣ, чтобы быть католиками—всего только подчиненія папѣ!“ Но за всѣмъ тѣмъ, въ научномъ отношеніи изданный текстъ представляетъ слишкомъ мало; можно, впрочемъ, сказать спасибо о. Пирлингу за при мѣчанія (р. 91—100), къ которымъ съ пользою будетъ обращаться историкъ при занятіяхъ миссіей А. Поссевина.

Въ концѣ книжки помѣщенъ не бывшій еще въ печати документъ—мемуаръ кардинала ди-Комо (р. 109—120), представленный секретарю Пропанды. Нѣсколько начальныхъ строкъ дадутъ понятіе о его содержаніи. „Во время управленія св. престоломъ Григорія XIII, который не переставалъ прилагать дѣятельное и пастырское попеченіе о нуждахъ христіанства во всѣхъ странахъ, предприняты были и другія безчисленныя миссіи и посольства прелатовъ и духовныхъ лицъ, но болѣе замѣчательны между ними тѣ, которыя исполнялъ орденъ іезуитовъ патеръ Поссевинъ въ Швеціи и Московіи“ (р. 111—113). Мѣсто о Московской миссіи читается слѣдующимъ образомъ: „Князь этой провинціи, находясь въ войнѣ съ королемъ Польскимъ Стефаномъ (*il Principe di quella Provincia era molestato dal Re Stefano di Polonia con gravissima guerra*) изъ-за Ливоніи и другихъ провинцій, у Польши отнятыхъ, послалъ къ папѣ почтеннѣйшее посольство съ просьбой быть посредникомъ въ переговорахъ о мирѣ. Папа согласился на эту просьбу и отправилъ съ московскими послами патера Поссевина, возложивъ на него вмѣстѣ съ порученіемъ трактовать о перемиріи также и дѣло религіозное—возвратить этого князя и его народы изъ скиты, въ которой они упорствовали уже многіе годы. Поссевинъ пошелъ, велъ переговоры и потомъ возвратился въ Римъ; съ нимъ явилось отъ того же князя другое почетнѣйшее перваго посольство. Тогда Поссевинъ отправился во второй часть соххху, отд. 2.

разъ въ Московіи съ этимъ посольствомъ. Но такъ какъ цѣлью Московскаго князя было только освободиться отъ войны, то вопросъ о вѣрѣ ни сколько не подвинулся впередъ: Московитѣ постоянно отговаривался, что онъ не можетъ трактовать о вѣрѣ, не заключивъ предварительно перемирія. Итакъ, Посевинъ приложилъ все стараніе къ дѣлу мира и успѣлъ со многимъ трудомъ и при помощи авторитета апостольскаго престола довести его до конца въ немногіе мѣсяцы. Ливонія и другія области возвращены были Польской коронѣ. Это доставило большую честь и репутацію папѣ и апостольскому престолу (*che fu cosa di molto honore e reputatione per il Pontefice e per la Sede Apostolica*). Заключивъ этотъ миръ, папа со всѣмъ прилежаніемъ старался возобновить переговоры о вѣрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ соединить короля Польскаго и князя Московскаго въ лигу съ другими государями. Съ этою цѣлью были приняты мѣры, чтобы Московиты имѣли правильныя сношенія съ Венеціей подъ предлогомъ торговли (*e per questo effetto procurò che li Moscoviti havessero commercio assiduo in Venezia sotto pretesto di mercantie; p. 114*), и сношенія установились благодаря добрымъ расположеніямъ синьоріи Венеціанской. Но что касается до лиги и предпріятія противъ султана, по различнымъ обстоятельствамъ переговоры объ этомъ были оставлены*.

Приводимъ еще мѣсто неподобное къ характеристикѣ мало выясненныхъ предпріятій Римскаго престола въ концѣ XVI в.: „Не щадя ни труда и никакихъ издержекъ въ Римѣ организовали безчисленныя миссіи изъ менѣе важныхъ лицъ. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія двѣ миссіи въ Персію и одна къ Перекопскимъ Татарамъ для возбужденія ихъ къ войнѣ съ Турками, миссія для переговоровъ съ Константинопольскимъ патриархомъ о соединеніи съ латинской церковью, посылка многихъ іезуитовъ съ большими запасами въ Перу, чтобы располагать тамошнихъ христіанъ, миссія іезуитовъ въ Рагузу, гдѣ по близости къ Туркамъ оказывалась особенная потребность въ такихъ дѣлателяхъ. Много разъ посылались другіе іезуиты къ маронитамъ, къ христіанамъ Ливанскимъ, чтобы распространять тамъ католическую вѣру. Епископъ ди-Сидонія посланъ былъ на Востокъ, чтобы всецѣло присоединить патриарха Антиохійскаго къ Римскому престолу. Для этой цѣли его святѣйшество держалъ въ Римѣ другаго патриарха для Антиохіи, брата перваго, котораго осмылалъ ласками и которому доставлялъ содержаніе“ (p. 117—118).

Читатель можетъ понять изъ этихъ выдержекъ, какіе широкіе

виды открывались для политической и религиозной миссии в концѣ XVI в. Будущему историку предстоит много труда при оцѣнкѣ этихъ вопросовъ.

III.

Rome et Démétrius d'après les documents nouveaux. Lyon. 1877.

Сочиненіе о. Пирлинга о первомъ самозванцѣ преслѣдуетъ двоякую цѣль: съ одной стороны, авторъ полемизируетъ противъ господствующаго въ русской литературѣ воззрѣнія на отношенія папы и іезуитовъ къ самозванцу; съ другой, на основаніи новыхъ документовъ, старается бросить новый свѣтъ на характеръ этихъ отношеній и точно опредѣлить время и мѣсто первыхъ переговоровъ самозванца съ представителемъ Римскаго престола въ Краковѣ. „Кто не имѣетъ предвзятыхъ теорій, легко можетъ убѣдиться, прочитавъ нашу книгу, что Римъ и іезуиты не только не подстрекали Дмитрія, но и познакомились съ нимъ уже тогда, когда его положеніе установилось и было признано (то-есть, Польскимъ королемъ), что Римъ и іезуиты руководимы были самыми чистыми наміреніями въ ихъ сношеніяхъ съ Дмитріемъ, который съ своей стороны оказалъ себѣ благороднымъ въ поступкахъ, чѣмъ на словахъ“ (р. 5). Въ концѣ изслѣдованія авторъ такъ выражаетъ свою главную идею: „Мы льстимъ себя мыслью, что этимъ трудомъ содѣйствовали дѣлу примиренія. Участіе, принятое папами въ дѣлѣ Дмитрія, всегда было въ Россіи однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ Рима. Безпристрастный читатель, при свѣтѣ нашихъ документовъ, будетъ въ состояніи оцѣнить мудрость святаго престола и обратить въ ничто воздвигаемую противъ него клевету. Россія открывалась блистательная перспектива на томъ пути, который указывали ей Римскіе первосвященники. Еслибъ она вступила на этотъ путь, то избѣжала бы многихъ несчастій и въ настоящее время можетъ быть была бы владычицей Востока“ (р. 91).

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что о. Пирлингъ имѣлъ весьма широкія научныя и политическія задачи, далеко выходящія за предѣлы изучаемаго періода. Посмотримъ, чтѣ и какъ доказалъ онъ въ своей книгѣ, которая, вѣстакъ сказать, до сихъ поръ не подвергалась серьезной оцѣнкѣ въ нашей литературѣ.

Точка отправления автора заключается въ утвержденіи, что Дмитрій нашель себѣ покровителей помимо нунція и іезуитовъ. Сама по себѣ, эта

мысль не на столько важна для обоснованія главной идеи сочиненія, тѣмъ болѣе, что она до известной степени раздѣляется и русскими исследователями, придающими нѣкоторое значеніе интригамъ боярской партіи. Важнѣе тѣ данныя, на которыхъ эта мысль опирается, и выводимыя изъ нихъ о Пирлингомъ заключенія. Не изданныя денеши панскаго нунція Рангони удостоверяютъ, по его словамъ (р. 11), что имя Дмитрія въ первый разъ появляется въ корреспонденціи этого нунція 1 ноября 1603 г., когда Рангони при свиданіи съ королемъ въ первый разъ узналъ изъ устъ короля важную новость, начавшую циркулировать въ высшихъ сферахъ. Ближайшій же выводъ отсюда тотъ, что Римъ и іезуиты оказываются вполне чужды Дмитрію до марта 1604 года, что они вошли съ нимъ въ прямыя сношенія именно въ это время, когда польскій дворъ уже призналъ въ Дмитріѣ законнаго наследника Ивана Грознаго (р. 16).—Очень можетъ быть, что о. Пирлингъ правъ, что въ официальной корреспонденціи имя Дмитрія въ первый разъ названо не прежде 1-го ноября 1603 г.; но это еще не можетъ убѣдить насъ, чтобы Рангони и іезуиты послѣдними узнали новость, которая занимала высшее польское дворянство. Ради дѣла примиренія, автору слѣдовало внимательнѣе отнестись къ положенію, принятому русскими исследователями и находящему себѣ оправданіе въ источникахъ—что слухи о самозванцѣ стали ходить въ Польшѣ съ 1600 или 1601 года. Точно также высказать порицаніе Н. И. Костомарову за то, что онъ для освѣщенія эпохи восходитъ къ исторіи отношеній Рима къ Москвѣ при Васильѣ III и даетъ значеніе сборнику Чіампи—далеко не значить удовлетворить исследователя и расположить его въ пользу своей мысли. Напротивъ, мы жалѣемъ, что Н. И. Костомаровъ не остановился подробно какъ на разборѣ отношеній между Римомъ и Москвою въ XVI в., такъ и на самозванцахъ въ Молдавіи и Валахіи, выступавшихъ подъ ауспиціями Рима и іезуитовъ. Такъ какъ русской самозванецъ—не безпримѣрный въ исторіи фактъ, то весьма законно пользоваться аналогіями при объясненіи его исторіи. Далѣе, о. Пирлингу въ интересахъ защиты его темы слѣдовало приводить не изданныя депеши въ подлинникѣ и сполна, дабы устранить возможность иныхъ толкованій. Совершенно несправедливо затѣмъ мнѣніе, будто на убѣжденія нунція Рангони вліялъ авторитетъ составленнаго королемъ рѣшенія въ пользу самозванца: какъ будто автору не известно, что римская нунціатура въ Краковѣ всегда должна была преслѣдовать другую политику относительно Москвы, чѣмъ политика короля!

Наконецъ, ужели нужно еще доказывать, что рѣчь, которую держалъ Димитрій къ нунцію въ первое съ нимъ свиданіе 19-го марта 1604 г., была внушена традиціонною политикою Рима, „стремящагося просвѣтить обширную Россію и дать ей мѣсто въ христіанской лигѣ противъ Турокъ“ (р. 15). Къ сожалѣнію, и та депеша Рангони, въ которой сообщается объ этомъ первомъ свиданіи, не приведена авторомъ въ оригиналѣ. Такимъ образомъ, первая глава книги о Парлинга не могла разсѣять наши произвольныя догадки, что Димитрій былъ орудіемъ римской политики.

О. Парлингъ не принимаетъ на себя задачи опредѣлить происхождение и личность перваго самозванца; оставляя этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, онъ только въ самомъ концѣ книги, по видимому, склоняется къ мнѣнію академика Миллера, что въ лицѣ самозванца, можетъ быть, сидѣлъ на престолѣ дѣйствительный сынъ Грознаго, царевичъ Димитрій (р. 91—92). Известно, что такого рода воззрѣніе не чуждо было и современникамъ Смутнаго времени. Н. И. Костомаровъ (Смутное время, 1—43) даетъ выраженіе этимъ воззрѣніямъ въ связи съ теоріей о боярской измѣнѣ: „Въ судьбѣ Димитрія оставалось много таинственнаго, не разгаданнаго. Эту таинственность поддерживала двойственность представленія его смерти: приказывали вѣрить, что онъ самъ себя убилъ, и не вѣрилось этому, потому что въ оное время, близкое къ его смерти, столько людей пострадало за то, что иначе понимали его смерть. Среди этой неизвѣстности, легко могъ получить вѣру третьяго рода слухъ, что убитъ былъ не Димитрій, а подмѣненный зарабѣ мальчикъ, самъ же Димитрій здравствуетъ и готовится гласно потребовать отъ Бориса своего наслѣдія“. Борисъ также видѣлъ въ появленіи самозванца боярскую интригу: „вотъ что вышло! Я знаю, это ваше дѣло—измѣнниковъ и предателей, князей и бояръ дѣло“ (тамъ же, стр. 71).

Въ связи съ мнѣніемъ, высказаннымъ лучшимъ у насъ знатокомъ Смутнаго времени объ участіи бояръ въ подготовленіи самозванца, имѣетъ важное значеніе неизвѣстный еще въ печати документъ, относящійся къ 4-му іюля 1605 года. Это письмо изъ Архангельска, хранящееся въ государственномъ архивѣ во Флоренціи (Carteggio di Polonia № 111, fol. 49), въ подлинникѣ помѣщенное нами въ VIII томѣ Русской Исторической Библиотеки, издаваемой Археографическою комиссіею ей. Приводимъ здѣсь начало письма: „Я хотѣлъ сообщить вамъ подробныя свѣдѣнія о причинѣ и успѣхѣ великаго и неожиданнаго государственнаго переворота въ этой имперіи, но мысли мои были за-

пять другими дѣлами; притомъ же въ этой землѣ не позволяеть писать обо всѣхъ слухахъ. Такъ какъ ваша свѣтлость, можетъ быть, извѣщены уже письмами или реляціями другихъ, которые бывають здѣсь ¹⁾, то я ограничусь краткимъ описаніемъ. Да будетъ же извѣстно вашей свѣтлости, что представляется теперь довольно яснымъ. Нѣкоторые бояре страны, понявъ намѣренія и планы Бориса Ѳедоровича Годунова утвердиться на царствѣ, нашли средство удалить изъ страны младшаго сына императора Ивана Васильевича, по имени Дмитрія Ивановича, въ юношескіе его годъ, чтобы сохранить такимъ образомъ отрасль прямой императорской линіи. Они приказали умертвить вмѣсто него какое-то другое дитя и распустили слухъ, что тотъ, который умеръ, былъ именно сынъ императора, чему и вѣрила значительная часть населенія. Но съ другой стороны ходитъ слухъ, что его выслали со всевозможными предосторожностями въ сопровожденіи нѣкоторыхъ греческихъ священниковъ и воспитали его и показали ему чужія земли, напримѣръ, Италію, и что потомъ болышею частію онъ жилъ въ Польшѣ. Обо всемъ этомъ доводили до свѣдѣнія названнаго Ѳедоровича, но онъ не обращалъ вниманія и не давалъ вѣры приходившимъ со многихъ сторонъ вѣстямъ и, можетъ быть, слишкомъ полагался на свое могущество. Наконецъ, въ началѣ зимы 1604 г. этотъ Дмитрій Ивановичъ, нынѣшній императоръ всея Россіи, выступилъ въ походъ съ огромнымъ числомъ казаковъ, Поляковъ и Нѣмцевъ, къ нему скоро присоединились народъ и крестьяне этой земли "... Не беремся судить, возможно ли при настоящемъ состояніи источниковъ дѣлать выводы изъ тѣхъ слуховъ и взглядовъ, выраженіе которымъ даетъ архангельское письмо. Но то же состояніе источниковъ не можетъ оправдать приемъ, употребленный о. Пирлингомъ—пожертвовать всѣмъ въ пользу официальныхъ фактовъ.

Во второй главѣ (р. 18—31) разсматривается тоже спорный вопросъ о присоединеніи самозванца къ католической церкви. Воплѣтъ раздѣляемъ мнѣніе о. Пирлинга, что помѣщенный у Тургенева (II, р. 72; № 55) актъ не можетъ служить основаніемъ отнять у иезуитовъ честь обращенія Дмитрія. Дѣйствительно, приставленный къ

¹⁾ Не извѣстно ни имя писавшаго, ни кому писано. Титулъ V. S. не даетъ права дѣлать заключенія о лицѣ, къ которому обращается архангельскій корреспондентъ. Но заключенія о томъ, что Венеціанцы въ концѣ XVI в. имѣли торговую колонію въ Архангельскѣ, оправдываются указаціями и другихъ источниковъ.

Димитрію патеръ Савицкій получилъ большое вліаніе и достигъ того, что 17-го апрѣля 1604 г. Димитрій принялъ причастіе по католическому обряду. Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, принимая во вниманіе то обстоятельство, что папскій нунцій и иезуиты не могли бы ради однихъ обѣщаній со стороны самозванца принять такъ близко къ сердцу его дѣло. Делеша нунція Равонни отъ 24-го апрѣля ставитъ вѣдъ спора фактъ обращенія Димитрія въ католицизмъ. Подтверждая то, что происходило 17-го апрѣля, нунцій дѣлаетъ еще слѣдующія добавленія: „Пришедши сегодня утромъ проститься со мной передъ своимъ отъѣздомъ, имѣвшимъ мѣсто сегодня же вечеромъ, онъ (то-есть, Димитрій) пожелалъ прослушать обѣдню, принять причастіе и получить конфирмацію отъ моей руки, секретно, въ заранѣе приготовленной и довольно прилично для подобной церемоніи украшенной комнатѣ. Это происходило воистину при ясныхъ признакахъ искренняго благочестія и радости съ его стороны, что онъ узрѣлъ свѣтъ истинной вѣры и позналъ истиннаго вселенскаго пастыря. Относительно этого въ присутствіи отца Савицкаго и палатина Сандомирскаго онъ выразилъ мнѣ въ пространной рѣчи свою благодарность къ Господу Богу за великое его благодѣяніе и, упавъ передо мной на колѣна, заявилъ, что признаетъ власть папы и будетъ во всѣхъ дѣлахъ подчиняться его святѣйшеству, обѣщавъ вывести изъ схизмы свой народъ греческаго обряда и крестить магометанъ и язычниковъ, когда добудетъ свой отеческій тронъ. Не имѣя возможности лобызать стопы папы, онъ хотѣлъ цѣловать мои, его намѣстника, ноги и дѣйствительно сдѣлалъ къ тому попытку, но я учтиво удержалъ его“ (р. 27). Нѣтъ сомнѣнія, все это имѣло мѣсто; но о. Пирлингъ сдѣлалъ отсюда не надлежащіе выводы.

То обстоятельство, что Димитрій надавалъ много обѣщаній, и что въ Краковѣ поторопились съ его обращеніемъ въ католицизмъ—въ ближайшее же время послужило причиной многихъ затрудненій какъ для самозванца, такъ и для его покровителей.

Оцѣнить политику папы и Польскаго короля по отношенію къ самозванцу (р. 31—37) при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ авторъ довольно трудно. Что Римъ руководился возвышенными видами и желалъ только блага Россіи—съ этимъ мы спорить не будемъ. Но вопросъ въ томъ: какъ понимать возвышенные виды и что разумѣть подъ благомъ. Въ Москвѣ свое благо понимали иначе, чѣмъ въ Римѣ и Краковѣ. Риму прежде всего предстояло считаться съ соперничествомъ между Россіей и Польшей. Для насъ не можетъ быть сомнѣній въ

томъ, на чьей бы сторонѣ сталъ Римъ, ибо „искать блага обоимъ народамъ съ самымъ высокимъ безпристрастіемъ“ — было не такъ легко, какъ показываетъ исторія сношеній Рима съ Москвою при Василѣ III и Иванѣ Грозномъ. Въ томъ, что нунцій не принялъ на свою отвѣтственность разрѣшенія сомнѣній польскаго двора (р. 32), или что пала прямо не объявилъ крестоваго похода противъ Россіи — нельзя видѣть безпристрастія Римскаго престола и доказательствъ желанія блага обоимъ народамъ. Дѣло самозванца было весьма рискованное, а осторожность никогда не излишня.

Глава четвертая (р. 37—44) занимается изложеніемъ первыхъ успѣховъ Дмитрія въ Россіи, при чемъ сообщаются новыя данныя на основаніи депешъ Рангони, писемъ Ланицкаго и Чировскаго (сопутствовавшіе самозванцу іезуиты, у русскихъ изслѣдователей называемые Лавицкій и Чернецкій). Отсюда нельзя вѣрить искренности научныхъ стремленій самозванца, обнаруженныхъ въ походѣ. О. Пирлингъ опускаетъ изъ виду, что другаго средства вліять на самозванца не было у Ланицкаго, и что присутствіе на урокахъ русскихъ бояръ было не слѣдствіемъ доброй воли самозванца, а уступкой. Вообще онъ напрасно лишаетъ сопровождавшихъ Дмитрія іезуитовъ всякой инициативы.

Слѣдующая глава (р. 44—49) описываетъ смерть Бориса, измѣну Васманова и значеніе этихъ событій для самозванца. Нѣтъ нужды останавливаться на этихъ главахъ, вообще изложенныхъ живо и правильно. Присоединимъ здѣсь относящійся къ тѣмъ же событіямъ разказъ жившаго въ Архангельскѣ иностранца: „Борисъ со всею поспѣшностью послалъ величайшую армію, болѣе чѣмъ въ 200,000. Но къ чему можетъ это служить, когда у войска нѣтъ расположенія сражаться за своего царя и когда чувство склоняется на противоположную сторону? Это обнаружилось во многихъ случаяхъ до такой степени, что стыдно о томъ и разказывать. При осадѣ нѣкоторыхъ деревянныхъ стѣнъ они пускали вверхъ огонь своей артиллеріи и не смѣли или не хотѣли сдѣлать приступа. Между тѣмъ на противной сторонѣ дѣла шли совсѣмъ иначе, такъ что въ этой несчастной войнѣ погибло болѣе 70,000 человекъ. Разъ войска Бориса Ѳедоровича сдѣлали яростное нападеніе на враждебный лагерь и перебили въ немъ огромное число, устроивъ ужасную бойню и одержавъ полную побѣду. Полагаютъ навѣрное, что если бы во главѣ стоялъ преданный Борису генералъ, то не только отрядъ нынѣшняго императора былъ бы разстроены и перебиты, но и самъ онъ попался

бы въ плѣнъ и отданъ бы былъ во власть своего врага. Но Господу не угодно было, вѣроятно, допустить того. Онъ хотѣлъ отомстить за преступное намѣреніе погубить того молодаго принца и за многіе другіе насильственные поступки противъ императорскаго дома. Ибо не воспользовавшись уже одержанной побѣдой, они дали противной сторонѣ довольно времени отступить въ нѣкоторыя защищенныя мѣста и подкрѣпиться такимъ образомъ, чтобы къ началу слѣдующаго года возобновить военныя дѣйствія. Такъ со дня на день ослабѣвало могущество названнаго Бориса Ѳеодоровича Годунова частію вслѣдствіе успѣховъ храбраго противника, частію же потому, что всѣ начали признавать и считать нынѣшняго императора за своего настоящаго и законнаго повелителя. Борисъ Ѳеодоровичъ, хорошо понимая всѣ эти обстоятельства и получая кромѣ того письма отъ самого императора, въ которыхъ обѣщалося ему помилованіе, если онъ добровольно откажется отъ власти и удалится въ какой-либо монастырь, рѣшился лучше умереть отъ яду, чѣмъ сдѣлать это или украсить собой триумфъ своего врага. Почему, сдѣлавъ большой приемъ, послѣ обѣда около четырехъ часовъ онъ неожиданно оказался умершимъ, такъ что ни одинъ врачъ не могъ явиться во время, чтобы видѣть его въ живыхъ. Это случилось 18-го числа мѣсяца апрѣля. На слѣдующій день его похоронили въ императорской церкви, а потомъ, какъ я узналъ, перенесли оттуда въ простую церковь. Послѣ его смерти родственники его поспѣшно заставили присягнуть бояръ и народъ сыну умершаго, по имени Ѳеодору Борисовичу. Императрица со своимъ сыномъ овладѣла правленіемъ, отъ нихъ имени писались депеши. Они отправили въ различныя мѣста пословъ и депутатовъ своихъ, чтобы принять присягу на вѣрность и повиновеніе. Изъ нихъ главнѣйшій, Петръ Ѳеодоровичъ Васмановъ, оказавшій великую услугу Борису при защитѣ крѣпости, по имени Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ онъ велъ дѣла чрезвычайно хорошо и былъ за то осипанъ отъ Годунова милостями и благодѣяніями, былъ отправленъ привести къ присягѣ военныхъ людей. Но онъ заблагоразсудилъ принять другое рѣшеніе, и со всѣмъ войскомъ перешелъ на сторону императора, у котораго и пользуется въ настоящее время величайшимъ довѣріемъ и расположеніемъ. Между тѣмъ какъ происходило это, императоръ отправилъ много писемъ къ жителямъ Москвы съ увѣщаніемъ не сопротивляться и не давать повода къ пролитію крови. Но всѣ эти письма были перехвачены Годуновымъ, такъ что императоръ не могъ получить на нихъ никакого отвѣта, пока два знатные боярина не

приняли на себя смѣлости показаться въ виду города и не собрали вокругъ себя толпу народа. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ по всѣмъ улицамъ, образовалось огромное стеченіе народа, который по подстрекательству ихъ требовалъ, чтобы ему было показано, что писалъ императоръ. Боясь смерти, Годуновъ принужденъ былъ уступить. Когда эти письма были выданы и прочтены во всеуслышаніе, волненіе усилилось до такой степени, что толпа быстро бросилась къ Кремлю, захватила молодаго царя и его мать и передала ихъ въ руки духовенства. Толпа позволяла себѣ тысячи ругательствъ и недостойныхъ оскорбленій, разграбила дворецъ Годуновыхъ и отвела ихъ, обременивъ цѣпями, въ различныя тюрьмы. Императрица, видя все это и ожидая еще худшаго, рѣшилась на актъ романтическій, хотя страшный и весьма жестокой. Сама принявъ яду, она дала отравленнаго питья сыну и своей единственной дочери, вслѣдствіе чего сама она умерла въ объятіяхъ сына, а вскорѣ затѣмъ умеръ и царевичъ. Говорятъ, что царица быстро отлила нѣсколько яду или лучше не приняла достаточнаго количества, чтобы причинить себѣ смерть, и что она впала въ тяжелую болѣзнь, такъ что неизвѣстно еще, умерла ли она или осталась въ живыхъ. Говорятъ еще, что этотъ актъ произвелъ сильное впечатлѣніе на императора, и что онъ хотѣлъ оказать помилованіе сыну и дочери, какъ лицамъ невиновнымъ по своему возрасту, ограничившись ссылкой ихъ матери въ какую-либо отдаленную область. Между тѣмъ какъ все это происходило, были созваны выборные отъ народа для засвидѣтельствованія этого печальнаго событія. Имена выборныхъ были занесены въ списки на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ нужды они могли удостоверить, если бы кто сталъ выдавать себя за молодаго царевича, что они видѣли его мертваго собственными глазами*.

Глава шестая (р. 49—54) описываетъ вступленіе самозванца въ Москву. Мы не имѣемъ намѣренія слѣдить за повѣствованіемъ о. Ширлинга; любопытнѣе провѣрка его взглядовъ на отношенія Рима къ самозванцу. Находя значительные пропуски въ матеріалахъ для выясненія этого вопроса, онъ все же пытается отстоять слѣдующее положеніе: Римъ предоставлялъ событія ихъ собственному теченію и только направлялъ дѣйствія Димитрія, внимательно слѣдя за различными фазами этого замѣчательнаго случая съ нескрываемымъ намѣреніемъ воспользоваться имъ для торжества вѣры (р. 51).—Въ томъ-то и дѣло, что оказывалось весьма труднымъ направлять дѣйствія Димитрія, который мало по малу сталъ уклоняться отъ свиданій съ

іезуитами. Что въ Римѣ желали не слѣдить только за ходомъ событій, но и воедѣйствовать, объ этомъ свидѣтельствуеъ депеша кардинала Валенти къ Рангони отъ 16-го іюля 1605 г., приводимая о. Пирлингомъ: Исходъ дѣла уже предвидится, и Рангони дѣлается порученіе принять мѣры къ утвержденію самозванца въ католической вѣрѣ и къ сохраненію его въ подчиненіи святому престолу на тотъ случай, если ему удастся сдѣлаться государемъ на Руси. Чтò же болѣе могъ предпринять Римъ, не зная еще о событіяхъ 30-го іюня и получая извѣстія, что „горячая ревность неопита охладается“, изъ боязни компрометровать свое дѣло? Авторъ добровольно закрываетъ глаза, пытается отрицать ясныя факты. Ужели же въ самомъ дѣлѣ онъ не знаетъ, что Дмитрій не могъ никакъ обойти церемонію причастія по греческому обряду передъ коронаціей? Этого не могли бы ему посовѣтовать и руководившіе его умные іезуиты. Въ началѣ августа въ Римѣ уже дѣлается распоряженіе о назначеніи въ Москву легата, въ октябрѣ былъ въ Москвѣ Пратиссоли, посольскій нунція Рангони.

По нашему мнѣнію, въ Римѣ приняты были всѣ мѣры, чтобы руководить событіями; что эти мѣры не такъ смѣлы и рѣшительны—объясняется именно охлажденіемъ самозванца къ іезуитамъ. Собственноручное письмо Дмитрія къ папѣ отъ 17-го февраля 1606 г., которое „une chance providentielle“ доставилъ въ руки о. Пирлинга, съ начальными словами: „Вожію милостію императоръ“, конечно, не входило въ виды Рима и не обѣщало ему много выгодъ отъ будущей политики самозванца. Кромѣ обязательствъ относительно введенія въ Россію католической вѣры, самозванца связывали еще особыя денежныя и другія обязательства къ королю и къ будущему тестю его, Мнишекъ (Костомаровъ, I, 120—121, 280)—все это нашъ авторъ оставилъ безъ вниманія.

Пропуская главу о посольствѣ Аванасья Власьева въ Краковъ и Яна Вучинскаго къ кардиналу Рангони, мы переходимъ къ главѣ девятой (р. 66—71), гдѣ излагается миссія іезуита Ланицаго (у русскихъ писателей Лавицаго) въ Римъ. Инструкція, данная этому послу въ концѣ декабря 1605 г., представляетъ собою искусно составленный документъ. Ланицкому поручалось заявить папѣ о слѣдующемъ: 1) Дмитрій желаетъ объявить войну Туркамъ, и для этого проситъ оказать содѣйствіе къ заключенію лиги съ императоромъ; 2) Польскій король также долженъ присоединиться къ лигѣ; 3) просить папу повліять на короля относительно признанія

за Дмитріемъ императорскаго титула; 4) дать Рангони кардинальскій титулъ. Нѣтъ сомнѣній, что эта инструкция внушена не личными обязательствами самозванца къ Риму: скорѣе она носитъ слѣды традиціонныхъ русскихъ воззрѣній на Римъ. Такъ она и была понята папой Павломъ V, который въ отвѣтъ на ходатайство Ланицкаго, 10-го апрѣля 1606 г., давая обѣщаніе исполнить просимое, въ письмѣ на имя Дмитрія ограничивается очень тонкимъ намекомъ на обѣщанное предшественнику его подчиненіе св. престолу и увѣренностью, что Дмитрій „не забудетъ полученное благодареніе и обѣтъ“ (Тургеневъ, II, р. 88—89).

Много новыхъ подробностей сообщаетъ авторъ объ отношеніи Дмитрія къ церковному вопросу на основаніи не изданныхъ писемъ Чировскаго (Чернецкій или Черниковскій у русскихъ изслѣдователей). Эти матеріалы убѣждаютъ насъ, что иезуиты дѣйствовали довольно настойчиво, но что Дмитрій не могъ согласоваться съ ихъ желаніями изъ боязни приближенныхъ къ нему русскихъ бояръ. Прекрасная глава, посвященная миссіи Александра Рангони въ Москву (р. 71—79), даетъ на это множество доказательствъ. Дмитрій долженъ былъ нѣсколько разъ извиняться передъ посломъ черезъ Вучинскаго и Чировскаго, что онъ не могъ принять его такъ, какъ бы того хотѣлъ, что изъ боязни не понравится Москвичамъ онъ долженъ былъ привѣтствовать и папу не полнымъ титуломъ (р. 76). Всмотриваясь въ новые матеріалы, мы проникаемся сожалѣніемъ къ самозванцу, какъ къ неосторожному расточителю, надѣлавшему долговъ на честное слово и осаждаемому неумолимыми кредиторами, которые не внимаютъ его просьбѣ извинить и подождать. Въ самомъ дѣлѣ, не могли же не понимать въ Римѣ слишкомъ деликатное положеніе самозванца, не могли не видѣть, что поляки и иезуиты возбудили уже подозрѣнія въ Москвѣ: и между тѣмъ отправляютъ легата въ Москву, то-есть, хотятъ основать постоянное дипломатическое представительство, чего прежде не было, составляютъ проекты объ иезуитскихъ школахъ, жалуются на медленность въ проведеніи уніи! О. Пирлингъ доказалъ намъ не то, что онъ хотѣлъ. Изъ его книги убѣждаемся, что если не папа, то нунцій Рангони и иезуиты повинны въ быстромъ паденіи авторитета самозванца въ Москвѣ.

Александръ Рангони (это былъ племянникъ нунція въ Польшѣ) доносилъ, между прочимъ, что Дмитрій проситъ папу прислать троихъ или четверныхъ вѣрныхъ людей, способныхъ быть его секретарями, совѣтниками и повѣренными въ такихъ дѣлахъ, которыя нельзя возло-

жить на московскихъ людей ради ихъ невѣжества; что есть потребность еще въ знающихъ военное дѣло, которые бы умѣли осаждать крѣпости, строить машины и изготовлять вооруженіе. Въ случаѣ посылки такихъ, нужно имъ дать знать, чтобъ они явились въ Россію какъ бы по собственному желанію. Словомъ, самозванецъ старался встать въ Римъ въ тѣ отношенія, которыя ему были предписаны его настоящимъ положеніемъ и московскими традиціями; въ Римѣ же по видимому забывали это послѣднее, а помнили лишь легкомысленныя обѣщанія искателя престола. Римскія притязанія должны быть разсматриваемы рядомъ съ польскими, но о Пирлингъ этотъ второй вопросъ оставилъ безъ разбора (р. 78; примѣчаніе).

Тракуемая въ послѣдней главѣ „катастрофа“ съ точки зрѣнія роковыхъ силъ, направившихъ судьбу самозванца, должна была разразиться изъ взаимодействія притягательныхъ силъ въ Римѣ и Польшѣ и отталкивающихъ въ Москвѣ. У о. Пирлинга ходъ дѣла излагается слѣдующимъ образомъ. „Удача бываетъ часто гораздо опаснѣй, чѣмъ несчастіе. Димитрій и среди самыхъ жестокихъ испытаній оставался на высотѣ своего положенія; власть ослѣпила его и увлекла на фатальный путь. Между тѣмъ какъ молодая парочка вся отдалась грезамъ о счастіи и радостяхъ, Павелъ V писалъ письма, датированныя мѣсяцемъ апрѣлемъ. Одно мѣсто въ этихъ письмахъ даетъ понять, что въ Римѣ сознавали необходимость сказать строгое слово тому, къ которому доселѣ относились какъ къ представляющему самыя утѣшительныя гарантіи за будущее. Въ Римѣ знали однако не всю истину. Въ Димитрій мало по малу совершилась печальная и радикальная перемѣна. Мы замѣтили уже, что горячую ревность неофита во время похода смѣнилъ холодный расчетъ политика, который думаетъ воспользоваться религіей только какъ средствомъ просвѣтительнымъ. Въ Москвѣ стало еще хуже. Опъ не только вполне удалилъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ, хотя и очень мало, со времени вступленія на престолъ, но окружилъ себя совѣтниками-еретиками, пользовавшимися всѣмъ его довѣріемъ. Если вѣрять ходившимъ тогда слухамъ, онъ вошелъ даже въ сношенія съ падателями, которые възальтировали его воображеніе ложными предсказаніями. Соединяя низость съ лицемѣріемъ, онъ ласкалъ вниманіемъ папу и короля, когда того требовали обстоятельства; но сдѣлавшись самъ себѣ господиномъ, съ презрѣніемъ говорилъ о священной главѣ церкви и замышлялъ пагубныя намѣренія противъ Сигизмунда III. Такое политическое и нравственное заблуж-

деніе было естественнымъ плодомъ развращеннаго ослѣпленіемъ властію сердца. Слишкомъ балуемый счастьемъ Димитрій впасть въ не-сносную гордость. Онъ имѣлъ такое преувеличенное мнѣніе о своей мудрости, справедливости и могуществѣ, что считая себя выше всѣхъ другихъ государей, думалъ, что онъ призванъ наполнить міръ шумомъ своей славы и поразить однимъ ударомъ, какъ новый Гераклесъ, страшнаго врага, котораго знамя съ береговъ Босфора угрожало самымъ отдаленнымъ провинціямъ Европы. Въ то же время въ своей частной жизни онъ предавался излишествамъ, о которыхъ знаетъ исторія и которыя мы охотно пройдемъ молчаніемъ. Трудно удержаться отъ догадки, которая здѣсь приходитъ на умъ: въ этомъ сластолюбивомъ и гордомъ человѣкѣ есть что-то напоминающее героя опричинны.

„За два дня до катастрофы Димитрій еще позволялъ думать о себѣ, что онъ могъ бы переимѣнить свое поведеніе. По настояніямъ Маринны или добровольно, 25-го мая (то-есть, 13-го по старому стилю) онъ приказалъ позвать во дворецъ патера Савицкаго. Іезуитъ напелъ его здѣсь одного въ спальнѣ и сильно озабоченнымъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, когда Савицкій вручилъ ему присланные изъ Рима подарки, царь началъ поспѣшно ходить по комнатамъ, пригласивъ сдѣлать то же самое и своего собесѣдника. Разговоръ вертѣлся на двухъ темахъ. Димитрій возвратился сначала къ прежнимъ проектамъ просвѣтить Московитовъ и основать съ этой цѣлью коллегію въ возможной скорости. На почтительное замѣчаніе Савицкаго о трудности сразу открыть школу, онъ отвѣтилъ, что можно пригласить изъ другихъ мѣстъ нѣсколькихъ уже подготовленныхъ воспитанниковъ, лишь бы безъ замедленія начать дѣло просвѣщенія. Круто повернувъ ватѣмъ къ военнымъ идеямъ, онъ началъ хвастать своимъ войскомъ, которое вычислялъ во 100,000 человѣкъ, и желая получить лавры, присоединилъ, что теперь еще не рѣшилъ, куда направить свое войско: противъ невѣрныхъ или на кого другаго. Затѣмъ, и безъ всякихъ мотивовъ, онъ распространился въ тяжкихъ упрекахъ королю Польскому, который смѣлъ ему отказывать въ императорскомъ титулѣ. Состояніе возбужденія, въ которомъ находился царь, заставило Савицкаго держаться съ крайней осторожностью. Онъ довольствовался выраженіемъ твердой увѣренности, что Провидѣніе найдетъ средство къ устраненію вражды, столь пагубной между такими могущественными монархами. Но чтобы имѣть случай трактовать съ царемъ о дѣлахъ своего ордена,

онъ испросилъ позволеніе имѣть болѣе свободный доступъ во дворецъ. Димитрій сейчасъ же открылъ дверь и отдалъ приказъ своему секретарю докладывать объ о. Савицеомъ всякій разъ, какъ онъ явится“.

Мы съ намѣреніемъ привели двѣ страницы изъ послѣдней главы (р. 84—87), чтобы читатель самъ убѣдился, въ чемъ главная погрѣшность нашего автора. О. Пирлингъ не только строгій, но и лицепріятный судья самозванца. При наличности важныхъ обстоятельствъ, объясняющихъ и обусловливавшихъ поведеніе самозванца—одно онъ не хотѣлъ безпристрастно оцѣнить (обязательства данныя нунцію), другое совсѣмъ оставилъ безъ вниманія (домогательства короля и поведеніе прибывшихъ съ Мариной Поляковъ), а вмѣсто того все хочетъ свалить на сердце, развращенное опьяненіемъ власти. Авторъ утверждаетъ, что іезуиты не имѣли къ самозванцу доступа, а между тѣмъ наканунѣ катастрофы выводитъ самозванца въ интимной бесѣдѣ съ Савицеимъ, который при этомъ получаетъ разрѣшеніе являться во дворецъ когда ему угодно „для бесѣды о дѣлахъ ордена“. Авторъ энергично настаиваетъ на томъ, что іезуиты были чужды политическихъ дѣлъ, между тѣмъ почти всѣ сохранившіяся бесѣды ихъ съ самозванцемъ носятъ политическій отбѣнокъ. Онъ думаетъ, что раздраженіе противъ короля было слѣдствіемъ опьяненія властію и чрезмѣрной гордости, между тѣмъ уклоняется отъ разсмотрѣнія реальныхъ фактовъ, заключающихся въ обязательствахъ самозванца и дающихъ ключъ къ объясненію положенія. Странный по видимому переходъ въ разговорѣ самозванца отъ іезуитской школы къ стотысячной арміи, которую не рѣшилъ еще онъ какъ направить: противъ невѣрныхъ или кого другаго—является на нашъ взглядъ весьма умѣстнымъ и согласнымъ съ положеніемъ дѣла. Самозванецъ хотѣлъ дать понять своему собесѣднику, что онъ не прочь кое-что сдѣлать, но не даромъ, иначе пусть знаютъ, что онъ готовъ и на войну съ королемъ.

Въ концѣ концовъ изъ книги о. Пирлинга выносятся впечатлѣніе, что онъ слишкомъ поусердствовалъ въ пользу предвзятой теоріи и не примѣтилъ весьма важныхъ вещей въ открытыхъ имъ матеріалахъ.

IV.

La Sorbonne et la Russie (1717—1747). Paris. 1882.

Предметомъ содержанія книги „Сорбонна и Россія“ служитъ новый фазисъ „тяготѣнія Москвы къ Западу“ при Петрѣ I и въ бли-

жайшее послѣ него время. И это сочиненіе читается съ интересомъ и съ пользою, какъ написанное живымъ языкомъ и основанное на новыхъ архивныхъ изысканіяхъ. Свою задачу здѣсь мы ограничимъ краткимъ рефератомъ.

Петръ Великій въ 1717 г. посѣтилъ Парижъ; результатомъ этого былъ тройственный союзъ между Франціей, Пруссіей и Россіей. „Но политика“, говоритъ авторъ, — „никогда не чуждается религиозныхъ вопросовъ. Путешествіе царя заслуживаетъ вниманія съ этой стороны по причинѣ одного обстоятельства, которое не осталось безъ слѣда въ исторіи. Дѣло идетъ о сношеніяхъ царя съ Сорбонной, а самыя эти сношенія стоятъ въ связи съ религиозными реформами въ Россіи въ XVIII в..“. Проще говоря, Петръ, ища иностранныхъ союзомъ, не могъ не придти къ сознанию выгодъ соглашенія съ Римомъ „путемъ устраненія несходствъ въ культѣ“ (р. 12); въ этихъ видахъ онъ отличался извѣстнаго рода вѣротерпимостью къ иностранцамъ, проживавшимъ въ Россіи, и завязалъ прямыя сношенія съ Римомъ, отправивъ туда посломъ Бориса Куракина.

Доктора Сорбонны не преминули воспользоваться посѣщеніемъ этого учрежденія Петромъ и навели его на разговоръ о вѣрѣ. Но сама Сорбонна была въ это время увлечена на путь опасной борьбы съ папой, поставивъ авторитетъ соборовъ выше папскаго. Русское дѣло могло обратиться въ рукахъ ученыхъ докторовъ въ обоюдоострый мечъ, и потому начинаніе ихъ не могло увѣнчаться успѣхомъ. Краткое извѣстіе объ осмотрѣ Петромъ Сорбонны находится въ Журналѣ Петра Великаго (изд. кн. Щербатова, II, 411); о Ширлингъ дополняетъ Журналъ на основаніи другихъ источниковъ, и мы съ удовольствіемъ приведемъ это мѣсто изъ его книги (р. 24—27).

„Когда Петръ явился въ Сорбонну (это было 3-го іюня 1717 г.) въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ своей свиты, между которыми былъ Василій Долгоруковъ, тамъ былъ сначала одинъ Бурсье (Boursier). Но какъ только знаменитые посѣтители вышли изъ церкви и вступили въ библіотеку, естественное любопытство привлекло сюда и другихъ докторовъ. Въ присутствіи Русскаго самодержца римскіе священники не могли не подумать о бесплодныхъ доселѣ попыткахъ къ воссоединенію между Востокомъ и Западомъ и не питать надежду на лучшей успѣхъ, и Бурсье воспользовался первымъ поводомъ коснуться этого предмета. Было одно важное въ тому препятствіе: вслѣдствіе живости характера и, можетъ быть, желая скрыть нервныя подергиванія, иногда искажавшія его лицо, Петръ такъ быстро пере-

ходилъ отъ одного предмета къ другому, что казалось невозможнымъ вести послѣдовательный разговоръ. Но когда его вниманіе остановилось на книгахъ славянской печати, Бурсье нашелся сдѣлать замѣчаніе, что соединеніемъ церквей онъ увѣнчалъ бы свою славу, присоединивъ къ военнымъ подвигамъ этотъ триумфъ мира. Улыбка появилась на губахъ монарха, и онъ отвѣчалъ черезъ переводчика, что онъ не болѣе какъ солдатъ. Но Бурсье искусно поддержалъ рѣчь, сказавъ, что онъ не только солдатъ, но и герой и въ качествѣ государя — защитникъ вѣры. Царь понялъ эту лесть, сдѣлался болѣе доступнымъ и, взглянувъ прямо на собесѣдника, замѣтилъ, что вопросъ объ униі труденъ по причинѣ трехъ пунктовъ, по которымъ нѣтъ соглашенія: папа, происхожденіе Св. Духа и — такъ какъ онъ остановился на названіи третьяго пункта — Бурсье подсказалъ ему: опрѣсноки и чаша. „Въ этомъ“, сказалъ Петръ, — „не трудно было бы согласиться“. Доктора присоединились къ его мнѣнію, прибавляя, что таковы же по существу разности и въ другихъ пунктахъ, ибо различія въ ученіи о Св. Духѣ сводятся къ спору о словахъ, а вопросъ о главенствѣ папы примирается съ существующимъ въ Русской церкви режимомъ. Тогда Петръ сдѣлалъ свое знаменитое предложеніе о перепискѣ. „Ну“, сказалъ онъ Бурсье, — „составьте объ этомъ докладную записку, да поторопитесь, потому что я скоро уѣзжаю. Я даю слово передать эту записку на разсмотрѣніе моихъ епископовъ и обяжу ихъ дать вамъ отвѣтъ“. Обмѣнявшись потомъ нѣсколькими словами о буллѣ Unigenitus, доктора повторили просьбу объ униі, которую царь принялъ милостиво и оставилъ Сорбонну по видимому очень довольнымъ. Доктора успѣли изложить письменно свои воззрѣнія, раздѣливъ работу между всѣми и предоставивъ окончательную редакцію Бурсье. На другой день записка подписана была 18-ю лицами и черезъ три дня легализована у архіепископа Парижскаго.

Судьба доклада сорбонскихъ докторовъ, переданнаго Петру уже по выѣздѣ его изъ Парижа, разсматривается во второй главѣ (р. 39—58). Авторъ неблагоклонно смотритъ на этотъ документъ, не удовлетворяющій ни католиковъ, ни протестантовъ, но выражающій воззрѣнія крайней галликанской партіи. Какъ бы поступилъ Петръ съ этимъ документомъ, если бы не случилось происшествія, котораго никто не могъ предвидѣть, не извѣстно. Происшествіе же состоитъ въ бѣгствѣ царевича Алексѣя въ Вѣну, въ судѣ надъ нимъ и въ розыскѣ объ его соучастникахъ, который повелъ къ открытію недовольства реформами Петра среди высшаго духовенства. Въ концѣ

концовъ, въ глазахъ подозрительнаго недоувѣрія нашлись въ этомъ же дѣлѣ доказательства связи между римскими католиками и русскою ретроградною партіей. „Историки-рутинеры“, по мнѣнію о. Пирлинга (р. 47), „не заиѣтили того обстоятельства, что именно послѣ процесса Алексѣя царь вступилъ въ прямую оппозицію съ консервативною партіей русскаго духовенства... и что католики испытали почти ту же судьбу, что и эта партія, обреченная на преслѣдованіе. Злымъ гениемъ царя въ его радикальныхъ и несогласныхъ съ каноническими правилами реформахъ церкви сдѣлался Теофанъ Прокоповичъ“. Такова связь сорбоннскаго доклада съ дѣломъ царевича Алексѣя.

Петръ дѣйствительно передалъ докладъ на разсмотрѣніе епископовъ. Относительно отвѣта на этотъ докладъ въ литературѣ предмета оказываются невѣрности. Именно не два отвѣта составлено было въ Россіи, а два проекта, изъ которыхъ одинъ получилъ одобреніе царя и отправленъ въ Сорбонну, другой же признанъ менѣе удовлетворительнымъ и потому отвергнутъ, хотя послѣ напечатанъ въ Германіи (р. 50—51). Составителемъ перваго былъ Ѳ. Прокоповичъ, втораго— Стефанъ Яворскій, и первый былъ доставленъ въ Сорбонну въ 1718 г. официальнымъ путемъ, второй же присланъ былъ частнымъ образомъ во французскомъ переводѣ и много спустя послѣ перваго. При всѣхъ различіяхъ оба документа согласны въ слѣдующемъ. Русская церковь есть часть Восточной церкви, и слѣдовательно, безъ согласія восточныхъ патріарховъ она не можетъ входить въ обсужденіе дѣла такой высокой важности. Въ отвѣтѣ Теофана Прокоповича представленъ единственный путь сношеній на будущее время: переписка для обмѣна мыслями. Но это, конечно, было слишкомъ мало и неудовлетворительно.

Итакъ, собственно здѣсь и оканчиваются прямыя сношенія Сорбонны съ Россіей. Но автору вздумалось взять вопросъ нѣсколько шире и свести дѣло къ католическому движенію въ Россіи. Третья глава (р. 58—83) посвящена исторіи княгини Ирины Петровны Долгоруковой, принявшей католичество въ Голландіи въ 1727 г. Когда ей нужно было возвратиться въ Россію, она просила своихъ руководителей дать ей католическаго священника, котораго предполагала провести въ Россію въ качествѣ учителя для своихъ дѣтей. Просьба ея была доведена до свѣдѣнія Сорбонны, которая назначила для этой цѣли Жака Жюбе, по прованію де-ла-Куръ (Jacques Jubé de la Cour). Жюбе имѣлъ миссію возобновить дѣло объ униі, для чего доктора Сорбонны снабдили его ученою инструкціей (р. 77—78), а архіепис-

скопъ Утрехтскій чуть ли не епископскими полномочіями. Декабря 30-го 1728 г. княгиня Долгорукова съ дѣтьми и съ учителемъ прибыла въ Москву. „Миссія Жюбе“, заключаетъ эту главу авторъ,—„не была каноническая и правильная, и его труды не были благословлены небомъ“.

Тѣмъ не менѣе, Жакъ Жюбе могъ надѣяться на хорошую жатву (р. 83—109), не смотря на экстренныя мѣры противъ пропаганды, принятыя верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Известно, что при Петрѣ II родъ Долгоруковыхъ пользовался самымъ важнымъ значеніемъ. „Три князя Долгоруковы образовали какъ бы триумvirатъ и легко подчинили своему вліанію государя“ (р. 92). Черезъ посредство княгини Ирины Петровны Жюбе нашель доступъ къ временщикамъ, новое направленіе идей позволило ему войти въ сношенія съ нѣкоторыми духовными лицами: Теофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Вонатовичемъ и Елевѣріемъ Колетти. Въ особенности важны были для цѣлей Жюбе связи съ испанскимъ посольствомъ въ Петербургѣ, во главѣ котораго былъ герцогъ Лирія, ревностный католикъ. Чтобы поставить Жюбе въ безопасность отъ русской полиціи, герцогъ снабдилъ его паспортомъ отъ посольства, назвавъ своимъ духовникомъ.

Глава пятая (р. 109—138) рисуеть дѣятельность Жюбе въ Россіи при помощи герцога Лирія и доминиканскаго монаха Рибера. На содержаніи этой главы находимъ полезнымъ остановить вниманіе.

Жюбе написалъ два мемуара: 1) о іерархіи и церковныхъ книгахъ Московіи; 2) о способахъ обращенія Грековъ въ унию. Риберѣ принадлежитъ трактатъ *Cathectica confessio*. Янсенистъ Жюбе и папистъ и ультрамонтанъ Рибера преслѣдовали въ этомъ отношеніи одну цѣль.

Рибера, при посредствѣ герцога, отправилъ первыя главы своего сочиненія къ Теофану Прокоповичу, приложивъ еще письмо (въ ноябрѣ 1728 г.), и въ немъ хвалить ученость Теофана и излагаетъ свое мнѣніе объ униі, которая съ его точки зрѣнія не представляетъ трудностей: „Не стѣна, но тонкая перегородка раздѣляетъ двѣ церкви: тѣ же таинства, почти тѣ же догматы, чисто внѣшнее различіе въ обрядахъ, соперничество въ юрисдикціи, которое уничтожится само собою, какъ скоро Москва займетъ въ іерархіи почетное мѣсто, такъ худо занимаемое Византіей. И какую безсмертную славу стяжала бы Россія, возстановивъ на Востокѣ единство вѣри“. Теофанъ оставилъ это письмо безъ отвѣта.

Герцогъ Лирія, съ своей стороны, сдѣлалъ важный шагъ въ пользу

католической пропаганды въ Россіи. 17-го марта 1729 года онъ предложилъ своему правительству проектъ возведенія своего капеллана Рибера въ епископа, принимая на свой счетъ содержаніе его. Въ этихъ предположеніяхъ онъ встрѣтилъ поддержку въ супругѣ императора Карла VI, которая специально просила его за книжницу Долгорукову и въ частности поощрала содѣйствовать расширенію правъ католическаго исповѣданія. Герцогъ отвѣчалъ письмомъ отъ 15-го мая, имѣющимъ важный интересъ (р. 128 и слѣд.). Именно герцогъ свидѣтельствуешь, что католики-иностранцы пользуются въ Россіи полною свободой: они имѣютъ въ Москвѣ церковь, въ которой совершаются правильныя службы; принадлежащіе къ ней отцы-капуцины публично показываются на улицахъ въ монашескомъ платьѣ. Если они бѣдны и даже очень бѣдны, то щедрость императора могла бы помочь этому: можно бы имъ назначить хотя часть пенсіона, пожалованнаго прежде іезуитамъ. Въ этомъ отношеніи остается только сохранить, чтѣ есть. Что же касается книжницы Долгоруковой, дѣло представляется гораздо сложнѣе. Переходъ въ католичество считается въ Россіи очень важнымъ преступленіемъ, и заступничество посла тутъ не поможетъ. Однако Долгорукова находится въ выгодныхъ условіяхъ: она можетъ разчитывать на поддержку мужа и на протекцію князя Дмитрія Голицына. Переходы затѣмъ снова къ общему вопросу о католикахъ въ Россіи, герцогъ продолжаетъ: „Я не раздѣляю мнѣнія, будто царь Петръ I имѣлъ въ мысляхъ соединеніе церквей. Къ чему больше склонялся царь, такъ это къ лютеранству, ядомъ котораго онъ пропитался въ Голландіи...; его гордость никогда не позволила бы ему выносить главенство папы; напротивъ, его система заключалась въ томъ, чтобы самому стать главой церкви, какъ король Англіи. Доказательство—въ уничтоженіи патриаршескаго достоинства, замѣненнаго трибуналомъ, названнымъ синодомъ, подчиненнымъ его царскому величеству. Нѣтъ сомнѣнія, что воссоединеніе церквей не возможно, но оно трудно, даже совсѣмъ не возможно, пока во главѣ синода стоитъ Новгородскій архіепископъ. Это человѣкъ вполне преданный лютеранству, смѣлый, умный, врагъ католицизма, хотя и учился долго въ Римѣ; онъ имѣетъ почти абсолютный авторитетъ среди русскаго духовенства. Онъ былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ у Петра, ему поручено было составить отвѣтъ на письмо отъ Сорбонны. Но другіе архіереи не похожи на Новгородскаго архіепископа: есть между ними такіе, которые не только склонны къ католицизму, но даже подозрѣваются въ принадлежности къ католичес-

своей церкви. Единственное средство къ началу переговоровъ объ униі заключается въ удаленіи названнаго архіепископа и въ замѣщеніи его такимъ прелатомъ, съ которымъ можно было бы договориться и трактовать спокойно; затѣмъ нужно освѣдомиться о русскихъ дворянахъ, склонныхъ къ униі, чтобы съ ними условиться въ способахъ осуществленія ея, имѣть здѣсь довѣренное лицо отъ папы съ спеціальными порученіями, заручиться расположеніемъ Остермана, подкупить нѣсколькихъ дворянъ"... Письмо оканчивается общаіемъ немедленно приступить къ изслѣдованію почвы во всѣхъ отношеніяхъ.

Собраніе дѣателей пропаганды имѣло мѣсто въ имѣніи князя Голицына близъ Москвы. Результаты совѣщанія, хотя и не всѣ, сохранились въ протоколѣ. Предположено было возстановить патриаршество въ Россіи, будущимъ патриархомъ назначенъ князь Яковъ Долгоруковъ, племянникъ князя Василья, молодой человекъ 30-ти лѣтъ, воспитанникъ іезуитской школы. Перспектива видѣть патриархомъ своего племянника льстила князю Василью, и онъ далъ согласіе содѣйствовать осуществленію грандіознаго плана. Итакъ, заключаетъ авторъ, цѣль Жюбе была отдѣлать Россію отъ Греческой церкви, не соединяя вполне и съ католическою, и преобразовать ее въ галликанскій патриархатъ. Неудача, постигшая Жюбе, была вполне заслужена (р. 137).

Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны для дѣателей въ пользу униі настало очень трудное время. Въ сущности не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи герцога Лирія и Жюбе, если не говорить о тайномъ распространеніи книгъ. Въ августѣ 1731 года Жюбе получилъ приказаніе оставить домъ Долгоруковыхъ; затѣмъ и покровительница его, княгиня Ирина Петровна, была присуждена къ ссылке. Высшія духовныя лица, на содѣйствіе которыхъ, по видимому, можно было разчитывать, Лопатинскій, Вонатовичъ и архимандритъ Колетти также подверглись преслѣдованіямъ и были низложены.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе книги „Сорбонна и Россія“. Не можетъ быть сомнѣнія, что она представляетъ довольно много новыхъ и любопытныхъ страницъ, извлеченныхъ о Парлингомъ изъ испанскихъ и французскихъ архивовъ, и спеціалисты съ благодарностью воспользуются этою книгой. Но автора справедливо можно упрекнуть за планъ работы. Содержаніе книги не укладывается или, лучше сказать, не соотвѣтствуетъ заглавію. Отдѣльныя части не

приведены въ единство. Почему небо не благословило дѣло Жюбе, когда онъ работалъ вмѣстѣ съ герцогомъ Лирія и съ Риберой, также не ясно. Связи консервативной духовной партіи съ католическимъ движеніемъ въ Россіи остаются въ области смѣлыхъ догадокъ. Вообще авторъ склоненъ преувеличивать дѣло, приписывая проектамъ гораздо больше значенія, чѣмъ какое они должны имѣть. Развѣ можно серьезно считаться съ проектомъ возведенія въ патріархи Якова Долгорукова, и развѣ отсюда не ясно, что въ этомъ дѣлѣ не могла имѣть участія никакая русская духовная партія? Языкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень напыщенный, такова, напримѣръ, стр. 126.

Осдоръ Успенскій.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ III. Тифлисъ. 1888.

Намъ уже приходилось давать отчетъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія о первыхъ двухъ выпускахъ этого полезнаго кавказскаго изданія, какъ бы выступившаго съ 1881 г. на смѣну извѣстному Сборнику свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ, остановившемуся на X-мъ выпускѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что, судя по разнообразному и интересному составу первыхъ выпусковъ, редація имѣетъ подъ рукою обширный матеріалъ, доставляемый ей изъ разныхъ мѣстностей Кавказа. Можно съ удовольствіемъ отмѣтить, что третій выпускъ, не уступая по интересу первымъ двумъ, превосходитъ ихъ почти втрое по объему.

Извѣстно, что между всѣми народностями сѣвернаго Кавказа Осетины до сихъ поръ наиболѣе привлекали вниманіе изслѣдователей. Почти въ каждомъ томѣ Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ можно найти о нихъ статьи и замѣтки. Эта удача не покидаетъ ихъ и до сихъ поръ. Большая часть 3-го выпуска (20 печат. листовъ) посвящена населенной ими территоріи и историческимъ свѣдѣніямъ о ихъ прошломъ. Авторъ, г. Д. Лавровъ, скромно озаглавилъ свое обширное и добросовѣстное изслѣдованіе „Замѣтками объ Осетинъ и Осетинахъ“. Эти замѣтки имѣютъ тѣмъ болшую цѣну, что г. Лавровъ уже не первый годъ занимается Осетинами. Намъ помнятся его статьи объ Осетинахъ въ Терскихъ Вѣдомостяхъ начала 70-хъ годовъ. Притомъ г. Лавровъ ознакомился нѣсколько съ осетинскимъ языкомъ и совершилъ поѣздку по Осетинъ лѣтомъ прошлаго года.

Дѣйствительно, собранныя имъ топографическія свѣдѣнія отличаются точностью и обстоятельностью. Первая глава его замѣтокъ посвящена мѣстоположенію, орографіи и гидрографіи Осетин (стр. 3—47); затѣмъ слѣдуетъ описаніе горныхъ породъ, минеральныхъ источниковъ и почвы (стр. 47—81), свѣдѣнія климатологическія, ботаническія и зоологическія (стр. 81—168) и, наконецъ, историческія данныя (стр. 168—314). Не останавливаясь на обзорѣ естественно-историческихъ свѣдѣній, отмѣтимъ только, что для специалистовъ они представляютъ значительный интересъ, такъ какъ перечисляемые въ нихъ виды минераловъ, животныхъ и растений, конечно, свойственны не исключительно Осетин, но и другимъ частямъ Кавказа, расположеннымъ по центральному хребту на востокъ и западъ отъ Осетин на тѣхъ же широтахъ.

Отдаленное прошлое Осетинъ, какъ извѣстно, покрыто киммерійскимъ мракомъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ старается разсвѣять этотъ мракъ и начать, какъ можно ранѣе, исторію Ироновъ. Для этой цѣли ему приходится стать на скользкую почву словопроизводства, толкованія собственныхъ именъ и логическихъ комбинацій, которыя въ концѣ концовъ опять таки приводятъ къ пустому мѣсту. Дѣло начинается съ соображеній д-ра Пфаффа, который, пораженный нѣкоторымъ звуковымъ сходствомъ названія горы и аула Джимара (въ центрѣ Осетин) съ именемъ Киммерійцевъ, полагалъ, что еврейское (sic) когѣно Гамеръ или, правильнѣе, Джимеръ еще за 15 вѣковъ до Р. Х. смѣшалось съ первобытными обитателями осетинскихъ ущелій, а впоследствии это смѣшеніе пополнилось пришельцами-иранцами, и изъ этого *mixtum compositum* произошли предки нынѣшнихъ Осетинъ. Хотя авторъ, приводя это удивительное откровеніе д-ра Пфаффа, прибавляетъ, что его выводы нашли впоследствии полное научное оправданіе только относительно иранскаго происхожденія Осетинъ (стр. 169), однако онъ не можетъ съ легкимъ сердцемъ разстаться съ кавказскими Киммерійцами и ищетъ ихъ слѣдовъ въ развалинахъ осетинскихъ башенъ. Онъ припоминаетъ разказъ Геродота (IV, 12) о существовавшихъ въ его время въ Скиѣи киммерійскихъ стѣнахъ, сопоставляетъ это указаніе съ вышеприведеннымъ названіемъ горы и аула Джимара, прибавляетъ для большей прочности своей постройки мнѣніе нѣкоторыхъ (?) ученыхъ, что porta Сисапа, древнѣйшее названіе Кавказскихъ воротъ, имѣетъ нѣкоторое созвучіе съ Ким- и приходитъ къ выводу, что указанія Геродота на киммерійскія стѣны относятся къ укрѣпленіямъ, слѣды которыхъ остались до нашего времени на Кавказѣ вообще и при подошвѣ

Осетинскихъ горъ въ частности (стр. 177). Мы не будемъ затрогивать вопросъ о томъ, на сколько вѣроятно извѣстіе Геродота, что Скиѣмъ преслѣдовали Киммерійцевъ чрезъ Кавказъ, когда послѣдніе бѣжали отъ нихъ въ Азію. Въ настоящее время считается болѣе вѣроятнымъ, что Киммерійцы бѣжали отъ тѣснившихъ ихъ Скиѣовъ не на востокъ, а на западъ, перешли чрезъ Дунай во Фракію, соединились съ фракійскими Трерами и Эдонами и чрезъ Восторъ перешли въ Малую Азію¹⁾. Мы не будемъ ссылаться и на то, что киммерійскія стѣны, упоминаемыя Геродотомъ, до сихъ поръ предполагаются не на Кавказѣ, а въ Крыму, гдѣ нѣкогда жили Киммерійцы. Допустимъ, что Киммерійцы дѣйствительно бѣжали отъ преслѣдовавшихъ ихъ Скиѣовъ чрезъ Кавказъ. Неужели же они успѣли дорогой возвести въ ущельяхъ Кавказа эти прочнѣйшія сооруженія, которыми притомъ имъ не пришлось и воспользоваться, такъ какъ Скиѣмъ, по словамъ того же Геродота, прошли восточнымъ путемъ близъ Каспійскаго моря и вторгнулись въ Мидію?

Какъ названіе Джимара увлекло Пфаффа къ Киммерійцамъ, такъ осетинское слово, означающее гору, — хох — послужило барону Услару къ не менѣе фантастическимъ этимологическимъ комбинаціямъ. Оказывается, что древнѣйшія историко-географическія названія: Кавказъ, Гогъ и Магогъ — первое у Эскіла, второе у пророка Іезекіиля, находятся въ филологическомъ (sic) сродствѣ съ осетинскимъ хох — гора. Первый слогъ имени Кавказъ, по мнѣнію барона Услара, довольно близко подходитъ къ иранскому кухъ или кохъ, осетинскому хохъ; второй состоитъ изъ азы, котораго происхожденіе теряется въ недосыгаемой глубинѣ времени, но которое было употребительно у древнихъ Грековъ какъ названіе странъ и народовъ, лежащихъ отъ нихъ въ сторону Кавказа. Гогъ-азъ или Каугъ-азъ, говоритъ баронъ Усларъ, — „почти чистое Кауказосъ“. Подобныя сопоставленія объясняются полнымъ игнорированіемъ фонетическихъ законовъ: осетинское хох, котораго древнѣйшая форма хонхъ сохранилась до сихъ поръ въ дигорскомъ нарѣчій, не можетъ быть фонетически сближено съ новоперсидскимъ кухъ, а еще менѣе съ слогомъ каукъ или съ именемъ Гогъ, и не имѣетъ никакого отношенія къ географическому имени *Кауказосъ*.

Привода безъ возраженія домысли барона Услара о родствѣ осе-

¹⁾ См. *Abel, Makedonien vor König Philipp*, p. 80; *Gelzer—Rhein. Mus.* XXX, 250; *Ed. Meyer, Geschichte des Alterthums*, p. 544.

тинскаго хох съ Кавк-азомъ, г. Лавровъ и самъ пускается въ столь же опасныя фонетическія комбинаціи, именно сближаетъ Исседоновъ (Ἰσσηδώνης) у Геродота съ именемъ Осетинъ (стр. 179), при чемъ на слѣдующей страницѣ дѣлаетъ непонятное для насъ замѣчаніе: „Такое предположеніе о происхожденіи слова „Осетины“ можно, впрочемъ, видоизмѣнить еще условіемъ, что упомянутыя названія: Исседоны, Эсседоны и Исонды (у Птолема) усвоены Русскими чрезъ посредствующую среду грузинскаго названія Осетинъ „оси“ (стр. 180). Не говоря уже объ отсутствіи доказательствъ тому, что подъ Исседонами Геродота можно предполагать предковъ Осетинъ, для насъ непонятно, какимъ образомъ названіе Исседоны, пройдя чрезъ грузинскую среду, могло принять у Русскихъ форму Осетинъ. Форма Исседоны не сохранилась въ грузинскомъ, такъ какъ Грузины называли Осетинъ Оси, а страну ихъ Осеть (Oseth); къ послѣднему имени Русскіе прибавили суффиксъ -инъ и составили свое названіе Осетинъ (какъ Грузинъ, Лезгинъ, Армянинъ и т. п.). Болѣе же древнее названіе, соответствующее осетинскому оси, было у Русскихъ Яси, ед. число Ясинъ. Какимъ же образомъ имя Ἰσσηδώνης, не сохранившись въ грузинскомъ, могло отразиться въ русскомъ Осетинъ, передѣланномъ изъ грузинскаго осеть? Разгадки у г. Лаврова мы не находимъ.

На слѣдующей страницѣ г. Лавровъ считаетъ возможнымъ съ серьезнымъ видомъ повторять горячечный бредъ г. Шопена о томъ, что „древнѣйшія китайскія лѣтописи упоминаютъ о народѣ „И“, названномъ впоследствии на zendскомъ и санскритскомъ нарѣчіяхъ И-ры, А-ир-ы (ничего подобнаго въ этихъ языкахъ нѣтъ) по нѣкоторымъ (?) произношеніямъ, Виры, откуда и латинское vir. Эти Виры или Иры поклонялись зодіакальному тельцу Оссу. Въ VII в. до Р. Х. Скифы, во время вторженія въ Азію, захватили въ плѣнъ цѣлую колонію Ировъ и поселили ихъ на сѣверѣ Кавказа, гдѣ обитали „поклонники коня“. Въ отличіе отъ группы народовъ своего религіознаго культа, называвшихся „аси (отъ а-си—конь¹⁾), ази“ и т. п., послѣдніе называли пришельцевъ по предмету ихъ религіознаго культа-теляца, вола (по кабардински — ось, по дидойски — ись, по-аварски — оцъ и т. д.) „Оссами, Оси, Иссами“ и т. п. Сами же Иры сохранили на новомъ мѣстѣ свое прежнее названіе“. Возражать противъ подобныхъ фантазій нечего, но и повторять ихъ въ серьезномъ изслѣдованіи, какъ нѣчто цѣнное, едва ли умѣсто. На дальнѣйшихъ страницахъ мы на-

¹⁾ На какомъ языкѣ?

ходимъ характеристику осетинскихъ нартскихъ (богатырскихъ) сказаній: въ общемъ съ этою характеристикой можно согласиться; но мы не видимъ никакихъ основаній для двухъ предположеній, высказываемыхъ авторомъ: во первыхъ, что осетинская поэзія, получившая свое первое начало подъ вліяніемъ греческимъ — вліяніемъ временъ „вдохновеннаго Аристаръ“, впоследствии видоизмѣнилась въ своихъ герояхъ и типахъ подъ вліяніемъ иранскимъ (стр. 190); во вторыхъ, что подъ нартами можно предполагать древнихъ пришельцевъ въ Осетию, произведшихъ на аборигеновъ страны и ея сосѣдей въ началѣ впечатлѣніе доблести и превосходства (стр. 191). Мы не видимъ, чтобы нартскія сказанія представляли какое-нибудь специальное сходство съ греческими, большее, чѣмъ съ сказаніями другихъ народовъ, и не усматриваемъ, почему бы подъ нартами-богатырями слѣдовало подразумѣвать пришельцевъ. Отмѣтимъ встать, что Хамыцъ, Ватрагъ (стр. 190)—вовсе не иранскія имена.

Наконецъ, авторъ переходитъ къ изложенію грузинскихъ извѣстій объ Осетинахъ, и мы чувствуемъ не малое облегченіе, ощущая подъ ногами хоть какую-нибудь почву. Можно пожалѣть только, что авторъ удѣлялъ слишкомъ много мѣста киммерійскому мраку и не вошелъ прямо *in medias res*. Было бы излишнимъ, не ограничиваясь статьями Пфаффа, просмотрѣть въ переводѣ Броссе всю грузинскую хронику и извлечь изъ нея всѣ извѣстія объ Осетинахъ. Съ особеннымъ интересомъ читатели прочтутъ отличное изложеніе отношеній Русскихъ къ Осетинъ въ XVIII и XIX вв., основанное на Актахъ Кавказской археографической комиссіи. Авторъ кончаетъ эту главу великимъ актомъ освобожденія зависимыхъ сословій на Кавказѣ отъ власти помѣщиковъ, актомъ „окончательнаго историческаго сліянія Осетинскаго племени съ Русскимъ“.

Въ виду недавняго присоединенія Карской области, краткія замѣтки о ней г. Садовскаго представляютъ значительный интересъ (стр. 315—350). Авторъ сообщаетъ цѣнныя свѣдѣнія о границахъ, поверхности, орошеніи, климатѣ этой области, описываетъ занятія жителей, характеръ землевладѣнія, скотоводство, пчеловодство, промышленность и торговлю, характеризуетъ систему турецкаго управленія и современную русскую систему и прилагаетъ къ описанію области двѣ интересныя таблицы: 1) населенія Карской области по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ, 2) статистическія свѣдѣнія о численности населенія и экономическомъ его состояніи. Оказывается, что населеніе новой области чрезвычайно разнообразно по этногра-

фическому составу: здѣсь живутъ, кромѣ Русскихъ, Турки, Греки, Армяне, Грузины, Айсоры, Туркмены, Персіяне, Карапанахи, Осетины, Лезгинны, Кумухи, Аджарцы и Цыгане. Турокъ въ краѣ въ настоящее время считается 39,099 ч. или около 27% общаго числа населенія (145,412). До присоединенія Карской области къ Россіи число ихъ здѣсь было почти втрое болѣе, но послѣ покоренія края отсюда болѣе $\frac{2}{3}$ турецкаго населенія эмигрировало въ Турцію. Явленіе тѣмъ болѣе неутѣшительное, что, по словамъ г. Садовскаго, „по характеру своему народъ этотъ въ высшей степени симпатиченъ, кротокъ, гостепріименъ и при этомъ отличается трудолюбіемъ“ (стр. 343).

Второй отдѣлъ выпуска отеривается статьей г. Передѣльскаго: „Станица Темижбекская и пѣсни, поющіяся въ ней“ (1—90). Эта станица, расположенная на правомъ берегу Кубани, въ Кавказскомъ уѣздѣ Кубанской области, основана въ 1800 году и первоначально населена выходцами изъ Харьковской губерніи Вахмутскаго уѣзда. Переселены жители по своему желанію. Между стариками существуетъ преданіе, что они были въ „Россіи“ тоже казаками, и когда ихъ хотѣли обратить въ „мужиковъ“ (крестьянъ), то они, то-есть, ихъ отцы и дѣды, добровольно согласились переселиться на Кубань, въ это время только что начавшую заселяться Донскими казаками. Приведа рядъ статистическихъ свѣдѣній и сдѣлавъ характеристику быта Темижбековцевъ, авторъ большую часть статьи посвящаетъ ихъ пѣснямъ, изъ которыхъ приводитъ до 147 номеровъ. Въ видѣ приложенія въ концѣ выпуска мы находимъ записанные нотами напѣвы 66 пѣсень. Просмотрѣвъ сборникъ г. Передѣльскаго, мы вполнѣ убѣждаемся въ справедливости его заявленія (на стр. 32), что онъ старался представить пѣсни со всевозможною, почти фотографическою точностью и вѣрностью и со всѣми до мельчайшихъ подробностей обрядами, при которыхъ онѣ поются. Жаль только, что трудъ потраченъ на такой матеріалъ, который во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ довольно скудный интересъ. Такъ, пѣсни, сопровождающія разные моменты свадебныхъ обрядовъ, въ большинствѣ общезвѣстныхъ великорусскія, представляющія только варианты къ уже изданнымъ въ другихъ сборникахъ. То же можно сказать про пѣсни святочные, великопостныя (стихъ о Лазарѣ), щедривки, хороводныя (А ми просо сѣяли и т. д.), троицкія (черемуха), и потому весь этотъ занесенный на Кубань великорусскій пѣсенный репертуаръ не представляетъ ничего характеристическаго для станицы Темижбековской. Нѣсколько большій интересъ представляетъ отдѣлъ пѣсень, поющихъся во вся-

кое время. Пѣсни эти по содержанию можно раздѣлить на военныя и любовныя; но между ними есть и такія, содержаніе которыхъ не подходитъ ни подъ тотъ, ни подъ другой разрядъ. По происхожденію ихъ можно раздѣлить на старинныя и новѣйшія. Содержаніе первыхъ приурочено, по большей части, къ рр. Кубани и Лабѣ, а послѣднихъ—къ Закавказскому краю. Это объясняется, по словамъ г. Передѣльскаго, тѣмъ, что до замиренія кавказскихъ горцевъ, казаки служили на рр. Кубани и Лабѣ, а послѣ за Кавказомъ на турецкой и персидской границахъ. При бѣдности содержанія, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ интересно наблюдать вторженіе мѣстной горской природы въ пѣсню степняка и измѣненіе старой погудки на новый ладъ. Такъ одна пѣсня рассказываетъ, какъ

Подъ горою было, подъ крутою,
Да подъ каменною подъ стѣною,
Тамъ спали два брата.

Когда старшій братъ будитъ младшаго, тотъ отвѣчаетъ:

Не могу то я встать,
Головы, братецъ, поднять,
Су вчерашняго, было, похмѣльца.
Наполни мене князя горскіе,
Наполни мене тремя пивами.
Что первое пиво—пуля свинцовая,
А второе пиво—шанка острая,
А третье пиво—мечъ булатный.

Другая извѣстная великорусская пѣсня получила начало, соответствующее кавказской природѣ:

Ужъ вы горы мои,
Горы закавказскія!
А на тѣхъ на горахъ
Стоитъ сирѣ-зеленый дубъ:

Пересадивъ великорусскаго знакома—сирѣ-зеленый дубъ—на горы Кавказскія, авторъ пѣсни уже помѣщаетъ на немъ пѣсеннаго сизокрылаго орла, держащаго въ когтахъ чернаго ворона. Но вообще хорошихъ пѣсень крайне мало: большинство представляетъ образцы пошлаго солдатскаго творчества, въ родѣ:

Нашъ полковникъ господничъ
Себѣ орденъ получилъ

или въ родѣ пѣсни:

Распроклятая машина
Зачѣмъ дружка ты утащила?

Распролетные вагоны
Завезли дружка за городъ—

пѣсни, которая также хорошо известна московскимъ фабричнымъ и, вѣроятно, послѣ открытія Ростовско-Владикавказской линіи по чугункѣ пріѣхала на погибельный Кавказъ.

Для характеристики, впрочемъ весьма не утѣшительной, процесса народнаго творчества можетъ служить сообщенная г. Живило пѣсня про казака Луковкина, убитаго въ одномъ сраженіи съ горцами, вскорѣ послѣ обращенія жителей станицы Разшеватской, въ которой поется эта пѣсня, въ казакѣ. Не безъ удивленія мы находимъ, что къ казаку Луковкину отнесена известная старинная великорусская пѣсня:

Какъ и палъ-то туманъ
Да на синемъ море,

въ которой представляется разговоръ раненнаго на смерть добраго молодца съ его добрымъ конемъ. Только, какъ *couleur locale*, въ пѣсню внесена черная бурочка:

А на бурочкѣ—
Молодой казакъ,
Казакъ Луковкинъ—

Другія пѣсни, сообщенныя г. Живило, именно: о взятіи Кюрюк-дара (въ 1854 г.), пѣсня Кубанскаго полка (1858 г.), о походѣ за Аргунь, о Шамилѣ и объ умирающемъ казакѣ, представляютъ искаженіе литературныхъ стиховъ, сложенныхъ въ свое время какими-нибудь полковыми поэтами и, вѣроятно, напечатанныхъ въ какихъ-нибудь областныхъ вѣдомостяхъ или сборникахъ. Ничего новаго и интереснаго не представляютъ и нѣкоторыя повѣрья и легенды, живущія въ станицѣ Разшеватской (стр. 97—100). Вообще съ распространеніемъ грамотности, желѣзныхъ дорогъ и другихъ признаковъ цивилизаціи, всюду замѣчается на Руси быстрое вымирание народнаго творчества, и современныя произведенія трактирно-фабричнаго или солдатскаго пошиба до такой степени пошлы, что собирать и печатать этотъ цѣнный матеріалъ едва ли стоитъ, а тѣмъ болѣе на Кавказѣ съ его 43-мя народностями, изъ которыхъ нѣкоторыя почти поголовно ушли въ Турцію или становятся *gaga avis* на родинѣ. Въмѣсто казацкихъ и солдатскихъ пѣсень, для собиранія которыхъ всегда есть время, слѣдовало бы, по нашему крайнему разумѣнію, слѣпить собираніемъ свѣдѣній о тѣхъ племенахъ, которыя, быть можетъ, новое десятилѣтіе уже не увидитъ въ Кавказскихъ горахъ.

Слѣдующая статья, доставленная г. Вениаминовымъ, представляетъ описаніе селенія Салахъ-лу, Казахскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи. Къ обычнымъ программнымъ свѣдѣніямъ—топографическимъ, климатическимъ, статистическимъ, авторъ приложилъ описаніе нѣкоторыхъ татарскихъ обрядовъ, сопровождающихъ: обрѣзаніе, свадьбу, похороны и, что всего цѣннѣе, шесть довольно пространныхъ татарскихъ сказокъ. Конечно, сами по себѣ эти восточныя сказки еще не представляютъ большаго интереса: всѣ онѣ содержатъ мотивы, хорошо извѣстныя исследователямъ этого рода произведеній народнаго творчества: такъ, въ одной сказкѣ находимъ формулу Георгія змѣеборца, другая близко напоминаетъ русскую сказку „о свинокѣ-золотой щетинкѣ, водоторогомъ оленѣ и золотогривомъ конѣ“ и родственныя съ нею (см. сборн. Аванасьева, вып. II, №№ 28 и 25), третья—сказку о Маркѣ богатомъ, четвертая относится къ формулѣ благодарныхъ животныхъ и т. д.; но чѣмъ больше будетъ собрано подобнаго матеріала, тѣмъ большихъ результатовъ достигнетъ приложеніе сравнительнаго метода къ этой области литературы. Было бы весьма желательно, чтобы впоследствии былъ составленъ большой сборникъ исключительно кавказскихъ сказокъ, сборникъ, въ который могли бы войти отдѣльныя сказки, разсѣяныя по разнымъ изданіямъ.

Послѣдняя статья III-го выпуска—„Карачаевскія сказанія“, со-общенная г. Алейниковымъ, представляетъ цѣнное дополненіе къ статьѣ г. Урусбиева о нартскихъ сказаніяхъ Татарь-горцевъ Пятигорскаго округа, напечатанной въ I-мъ выпускѣ того же изданія. Карачаевцы, живущіе на верховьяхъ Кубани, по горнымъ отрогамъ Эльбруса, ближайшіе сосѣди татарскихъ горскихъ обществъ Кабарды. По преданію, они живутъ въ этихъ мѣстахъ около четырехъ сотъ лѣтъ. Сначала ихъ поселилось здѣсь немного, но съ теченіемъ времени численность ихъ увеличилась отъ наплыва разныхъ пришельцевъ—Сванетовъ, Мингрельцевъ, Абхазцевъ, Кабардинцевъ и русскихъ бѣглецовъ, такъ что въ настоящее время число ихъ доходитъ до 30,000. У Карачаевцевъ, по словамъ г. Алейникова, встрѣчаются почти всѣ сказанія о нартахъ, существующія у ихъ сосѣдей Пятигорскихъ Татарь. Въ этомъ отношеніи и сообщаемые г. Алейниковымъ разказы о нартахъ и эмегенахъ (исполинахъ-людобѣдахъ) не представляютъ много новаго. Всего интереснѣе преданіе о родоначальникѣ Карачаевцевъ Карчѣ, который выселился съ небольшимъ своимъ племенемъ изъ Крыма, поселился сначала на одномъ изъ вер-

ховьевъ Баксана, а затѣмъ перешелъ на верховья Кубани. Преданіе сохранило нѣкоторыя несомнѣнно-историческія черты, конечно, приукрашенныя фантазіей: таковы столкновенія съ Кабардинцами, при чемъ на сторонѣ предка Карачаевцевъ южные сосѣди—Сванеты, и родство Карчи съ Крымъ-Шамхалами. Такимъ образомъ, если давать вѣру народнымъ преданіямъ, то оказывается, что татарская колонизація въ Эльбрусу шла съ двухъ сторонъ—съ сѣверо-востока и съ сѣверо-запада, и обѣ струи сошлись у подножья этого массивнаго кряжа. По собраннымъ нами преданіямъ Татаръ Пятигорскаго округа (Балкарцевъ, Бивентійцевъ, Худамцевъ, Чегемцевъ, Урусбиевцевъ), ихъ предки пришли на Черекъ, Чегемъ и Баксанъ изъ Маджаръ, близъ р. Кумы; предки же одноязычныхъ съ ними Карачаевцевъ оказываются выходцами изъ Крыма. Прослѣживая топографическія названія (рѣкъ, ущелій, горъ и т. д.) съ востока отъ р. Уруха на западъ, до Баксана, мы убѣдились, что многія изъ нихъ до сихъ поръ чисто осетинскія (именно дигорскаго нарѣчія), что указываетъ на первоначальное осетинское населеніе, вытѣсненное отсюда Татарами или слившееся съ ними. Интересно было бы собрать топографическую номенклатуру и въ Карачаѣ. Быть можетъ, она помогла бы разъяснить, какою народностію застала татарская колонизація на этихъ мѣстахъ. Хорошо было бы, еслибы кто-нибудь изъ туземцевъ взялъ на себя эту задачу.

Весв. Миллеръ.

Русскіе помыслы объ Индіи въ старину.

Д. Кобеко. Наказъ царя Алексѣя Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному въ 1675 году къ великому Моголу Аурангебу. С.-Пб. 1884.

Г. Кобеко обнаружилъ небольшой, но весьма цѣнный документъ; всякій, кому не чужда русская исторія на азиатскомъ Востокѣ, безъ всякаго сомнѣнія, найдетъ не мало любопытнаго въ этихъ старинныхъ планахъ и предназначеніяхъ о развитіи торговыхъ сношеній между Индіей и Россіей, о сближеніи старой Руси съ имперіей Великихъ Моголовъ. То же самое, что соблазняло европейскіе умы въ XVI и XVII вѣкахъ, влекло и нашихъ предковъ въ Индію; и имъ казалось въ высшей степени заманчивымъ общеніе со страной, которая давно уже на западѣ слыла за край неисчерпаемыхъ богатствъ, золота и драгоценныхъ каменьевъ: и на Москвѣ, поэтому, стали по-

мыслятъ о томъ, что торговать съ такою страной выгодно. Попытки завязать сношенія съ Индіей дѣлались не разъ въ старой Русѣ. Нельзя не желать, какъ въ интересахъ исторической географіи, такъ и исторіи Русскихъ въ Азіи, чтобы поскорѣе явилось собраніе, по возможности полное, документовъ подобныхъ изданному г. Кобеко, или по крайней мѣрѣ тщательно и искусно сдѣланный выборъ изъ наиболѣе важныхъ наказовъ, статейныхъ списковъ, сказокъ или показаній людей бывалыхъ на востокъ. Такой сборникъ, несомнѣнно, долженъ во многихъ отношеніяхъ уяснить исторію русской миссіи на азіатскомъ Востокѣ, раскрыть передъ читателемъ ростъ и развитіе міровой задачи въ Азіи, еще подлежащей русскому рѣшенію тамъ, и которая у насъ далеко не всѣми оцѣнивается по своему значенію и достоинству.

Русскіе документы любопытны еще потому, что весьма многіе изъ нихъ относятся къ эпохѣ до начала новѣйшей исторіи Востока, то-есть, къ концу XVII и началу XVIII вѣка. Русскіе пришли въ Азію и завязали тамъ сношенія за долго до появленія тамъ тѣхъ новыхъ силъ и факторовъ, вѣдаться и считаться съ которыми и намъ, и Азіатамъ приходится въ настоящемъ столѣтіи. Русскіе не были въ Азіи новичками въ знаменательную эпоху, отмѣченную великими политическими переворотами какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, когда весь азіатскій контингентъ подпалъ подъ давленіе самыхъ разнообразныхъ европейскихъ элементовъ и силъ и какъ бы противъ воли сталъ выходить изъ вѣковаго застоя. Русскіе документы, изданіе которыхъ намъ кажется столь желательнымъ, относятся къ періоду между двумя эпохами въ исторіи Азіи. Начиная съ VI по XVI вѣкъ свершается великое движеніе завоевателей по одному направленію съ востока на западъ. Исторія сохранила намъ грозную повѣсть объ ужасныхъ нашествіяхъ съ востока, закончившихся турецкимъ преобладаніемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Затѣмъ, въ исторіи Азіи наступилъ какъ бы застой, грозныя силы пришли въ равновѣсіе и словно успокоились. Но покой Азіи въ свою очередь былъ нарушенъ движеніемъ въ противоположномъ направленіи: съ конца XVIII вѣка западная предприимчивость обратилась на востокъ и мало по малу подчинила его себѣ. Въ Азіи стали появляться не только европейскіе купцы и завоеватели, но и блудные сыны цивилизаціи, стан смѣлыхъ авантюристовъ. Азіатскій покой былъ нарушенъ; менѣе, нежели въ сто лѣтъ, свершился тамъ замѣчательный переворотъ: европейское вліяніе стало господствовать въ странахъ древней цивили-

зацін, оно проникло за вѣковыя препоны, къ народамъ издрѣвле чуждавшимся всего иноземнаго; въ земляхъ, до послѣднаго времени совершенно невѣдомыхъ на западѣ европейскія силы становятся господствующими.

Въ этомъ мировомъ по своему значенію переворотѣ въ Азіи, нынѣ не закончившемся въ своемъ развитіи дѣйствуютъ два главные фактора—Россія и Англія. Одна твердою поступью подвигается въ глубину азіатскаго континента, преимущественно въ ' страны, нынѣ обоженыя отъ природы, гдѣ культура никогда долгое время не цвѣла, появляясь тамъ урывками, время отъ времени. Въ странахъ на востокъ отъ Каспія Русскіе являются продолжателями вселенскаго дѣла Римлянъ. Великая задача предстоитъ имъ въ этихъ обездоленныхъ странахъ, откуда бѣдные всходы цивилизаціи исчезли вмѣстѣ съ удаленіемъ оттуда римскихъ легионовъ. Но историческая судьба заводитъ русскихъ піонеровъ и въ такіе края, гдѣ не было цивилизаціи даже въ тѣ времена, когда Римская имперія двинула свои полчища въ Азію.

Страна цвѣтущая, богато одаренная отъ природы, колыбель одной изъ древнѣйшихъ мировыхъ цивилизацій, выпала на долю Англіи. Въ Индіи Англія не нашла того варварства, съ каковымъ приходится встрѣчаться и вѣдаться ея соперницѣ въ Азіи, ни той скудости даровъ природы, которая досталась послѣдней въ завоеванныхъ ею странахъ... Но не всѣ выгоды все-таки на сторонѣ владѣтельницы имперіи Великихъ Моголовъ: не безъ ужаса и страха ея сыны усматриваютъ, что господствующее положеніе въ Азіи на сторонѣ соперницы; и оно зависить не столько отъ географическихъ условій, въ которыхъ находится Россія, но и въ такой же, быть можетъ, даже большей степени, отъ ея историческаго прошлаго и народнаго характера. Русскіе сильны въ Азіи, конечно, не потому только, что владѣютъ тѣмъ или другимъ пунктомъ, откуда могутъ грозить слабымъ сосѣдямъ, Персіи или Азіатской Турціи, или откуда имъ открываются пути къ Китаю и въ Индію или къ дальнѣйшимъ поступательнымъ движеніямъ... Они сильны потому, что въ этихъ поступательныхъ движеніяхъ впередъ, не отрицая своего шествія обиліемъ щедротъ отъ благъ западной цивилизаціи, они и не сѣютъ за собою, въ средѣ покоренныхъ и подвластныхъ народовъ, той грозной ненависти, которая можетъ быть такъ опасна для иноземныхъ владѣтелей. Характеръ русскихъ отношеній къ Азіатамъ выработался не со вчерашняго дня, не только съ настоящаго столѣтія: дружить и ладить часть соххху, отд. 2.

мы умѣли съ Азіатами уже давно. Русскихъ знали въ Азіи, и знали хорошо, въ тѣ времена, когда въ Европѣ никто и не помышлялъ ни о Бухарѣ, ни о Хивѣ, а гонцы Московскихъ царей тѣмъ временемъ пробирались уже въ Балхъ и въ Кабуль, а на Москву приходили бить челомъ и видѣть свѣтлыя очи Московскихъ государей послы далекихъ халатниковъ, изъ глубины Средней Азіи.

Повѣсть объ этихъ послахъ на Москву отъ далекихъ азіатскихъ халатниковъ въ высшей степени оригинальна по своимъ подробностямъ, а порою даже не лишена комизма. Но изъ-за этихъ комическихкихъ чертъ слѣдуетъ умѣть прочесть главную суть дѣла, усмотрѣть, что уже въ тѣ времена Москва входила въ роль древняго Рима по отношенію къ Азіи, Рима властнаго, но не горделиваго и ненавистнаго народамъ покореннымъ; въ этой повѣсти о сношеніяхъ старой Россіи съ Азіей намъ открывается какъ бы прологъ къ исторіи міроваго событія, свершающагося у насъ на глазахъ.

Если хорошенько порыться въ нашихъ архивахъ, то подробностей о пребываніи Средне-Азіатовъ на Москвѣ и о сношеніяхъ съ ними найдется не мало. Они приходили къ намъ даже изъ тѣхъ мѣстъ, откуда въ настоящемъ столѣтіи усиленно, хотя и не съ успѣхомъ, старались исключить русское вліяніе. На Москвѣ бывали послы изъ самаго теперешняго Афганистана. Вотъ напримѣръ, въ царствованіе Оедора Алексѣевича на Москву прибылъ балхскій посолъ отъ Сухонъ-Кули-хана. Съ нимъ была свита: хановныхъ людей 17 человекъ, да его посольскихъ 13 человекъ, и вѣдь онъ съ собою къ великому государю въ дарехъ два звѣря барса, да девять иноходцевъ. На Москвѣ въ то время знали, что Балхъ—городъ столичный, и что владѣеть тѣмъ городомъ съ придержащими къ нему городами и уѣздами Балхинскій ханъ, братъ „большой родной“ Бухарскому. Балхское посольство было отвѣтнымъ вслѣдъ за посылкою въ Балхъ и въ Кабуль того самаго Исупа Касимова, навазъ кому издалъ г. Кобеко. Балхскій ханъ, „желаючи быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ любви“, отрядилъ къ его величеству посла, „своего начальнаго человѣка Али Мурата“, о которомъ ханъ писалъ, что Али Муратъ „человѣкъ добрый и намъ вѣренъ, и между своихъ сверстниковъ честенъ“. Посылая царю подарки, ханъ и самъ намѣтилъ, чѣмъ его слѣдуетъ одарить: „Да прошу у васъ великаго государя“, писалъ онъ между прочимъ,— „чтобы изволилъ своей потѣхи прислать столько кречетовъ, сколько вы изволите“.

Въ Москвѣ балхскаго начальнаго человѣка приняли съ тѣмъ по-

четомъ, который установленъ былъ обычаемъ на Москвѣ, для пріема среднеазиатскихъ посольствъ. Царь приказалъ быть ему у себя на дворѣ, на пріѣздѣ. И принять онъ былъ у цари съ обычнымъ церемоніаломъ. Съ конюшни великаго государя послали за нимъ сани и въ нихъ привезли къ Посольскому приказу. Въ посольской палатѣ думный дьякъ объявилъ Али-Мурату, что великій государь указалъ быть ему у себя великаго государя на дворѣ, на пріѣздѣ и видѣть свои государевы пресвѣтлыя очи. Государю посолъ представлялся въ столовой избѣ. Государь былъ одѣтъ въ опашнѣй червчатомъ. Его окружали рынды, стольники, бояре и окольничіе, думные люди. Въ сѣняхъ были дворяне и дьяки, гости и всѣ въ чистомъ платьѣ. По крыльцу стояли дворяне изъ городовъ, боярскія дѣти, подъячіе, всѣ также въ чистомъ платьѣ.

Въ такой обстановкѣ балхскій посолъ правилъ великому государю своего хана челобитье. Государь изволилъ спрашивать, сида, о хановѣ здоровѣи и пожаловалъ посла къ своей царской рукѣ. Затѣмъ Али-Муратъ явилъ свою пріѣзжую грамоту и Балхскаго хана поминки; великій государь велѣлъ думному дьяку „сказать послу свое великаго государя жалованіе въ стола мѣсто кормъ и питье“, этимъ закончилась аудіенція, и посолъ былъ отпущенъ на подворье.

Понавъ въ гости къ богатому и знатному сосѣду, халатникъ, хотя и называвшійся у своего хана человѣкомъ пачальнымъ и честнымъ велъ себя истымъ восточнымъ человѣкомъ. Онъ все жаловался и попрошайничалъ. На Москвѣ эти жалобы выслушивались: онъ не былъ въ диковину. Сколько бы ни давали Али-Мурату, ему все казалось недостаточнымъ; и ѣды ему мало: меньше того—пишетъ онъ—что ему давано въ Астрахани; ему послу—жалуется Али-Муратъ—съ хановыми и своими людьми тѣмъ кормомъ не прокормиться. Не нравилось ему и питье. Вилъ онъ государю челомъ: „Вели государь мнѣ съ людшками мои мѣсто меду кислаго давать свое жалованіе медомъ сырцемъ. Царь-государь, смилуйся!“ Не только ѣды и питья было мало Али-Мурату: онъ потребовалъ придачи и къ дровамъ, которыя ему отпускались, и къ корму для кречетовъ, назначенныхъ въ даръ хану. Съ хановыми поминками не обошлось также вполне благополучно. Вмѣсто двухъ барсовъ посолъ доставилъ на потѣшный дворъ только одного, а иноходцы оказались шелудивыми и съ сапомъ; ихъ не приняли на царскую конюшню и вернули послу. Изъ этого послѣдняго обстоятельства возникла переписка. Привели шелудивыхъ

ниходцевъ къ послу и сказали ему царскій указъ. Заплакалъ посолъ и ударился о зень; принять назадъ коней онъ ни за что не хотѣлъ, потому что совершенно основательно боялся, какъ бы ему отъ хана безъ головы не быть, и молилъ онъ государя, чтобы царское величество указалъ его на Москвѣ казнить, нежели ему въ свое государство къ хану съ тѣми лошадьми на смерть ѣхать⁴.

Не смотря на всѣ эти передраги и не смотря на то, что посла, судя по одной его жалобѣ, какъ кажется, приставъ неподобными словами бранилъ и даже побилъ, Али-Муратъ пожилъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ и былъ принятъ государемъ на прощальной аудіенціи. На отпуску онъ цаловалъ царскую руку и повезъ къ своему хану грамоту великаго государя, два сорока соболей, да два кречета птицъ добрыхъ.

Много посольствъ изъ глубины центральной Азіи видѣла Москва въ своихъ стѣнахъ. Съ этихъ стародавнихъ сношеній началась великая историческая миссія Россіи на востокъ, вполне опредѣлившаяся и обозначившаяся въ настоящемъ столѣтіи. Наши связи съ Среднею Азіей обусловливались нашимъ географическимъ положеніемъ и вытекавшими отсюда потребностями политическаго характера. Не могли въ Москвѣ забывать, напримѣръ, тѣхъ несчастныхъ полоняниковъ, о которыхъ говорится такъ много въ старинной дипломатической перепискѣ съ средне-азиатскими ханами. Эта забытая исторія несчастныхъ русскихъ полоняниковъ несомнѣнно представляетъ глубокой интересъ. Этотъ русскій людъ, насильно уведенный въ Азію, былъ своего рода культуртрегеромъ на дальнемъ Востокѣ. О немъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ весьма мало извѣстно. Не подлежитъ, однакожъ, никакому сомнѣнію, что между этими страдальцами могли выдаваться люди далеко не заурядные. Нѣсколько извѣстій о скорбной исторіи одного русскаго полоняника, дополненій къ которымъ весьма желательно имѣть, сохранились въ одной изъ безобразныхъ, но очень ученыхъ статей Вильфорда. Вильфордъ, излагая свои полоумныя блужденія въ области исторической географіи, упоминаетъ, что онъ пользовался записками одного Русскаго, который въ 1780 г. прошелъ изъ Вухари въ Кашмиръ. Исторію этого Русскаго, по имени Чернышева, Вильфордъ разказываетъ такъ: „Гдѣ-то на границахъ Сибири Чернышева полонили Калмыки и продали Узбекамъ. Хозяинъ, купившій Чернышева, былъ купецъ и по своимъ торговымъ дѣламъ ходилъ не разъ въ Кашгаръ, Яркендъ и Кашмиръ. Въ этихъ странствіяхъ ему сопутствовалъ Чернышевъ. Въ знакъ своего благорасположенія къ Чер-

нышеву Узбекъ отпустилъ на волю своего раба. Освобожденный Чернышевъ въ сообществѣ съ нѣсколькими Армянами добрался до Лакнау; здѣсь судьба столкнула его съ Англичанами, которые помогли ему вернуться въ Россію. Англичане, знавшіе Чернышева въ Индіи, описывали его Вильфорду, какъ человѣка открытаго и честнаго и владѣвшаго персидскимъ языкомъ. Любопытно и важно, что Чернышевъ пробрался въ Индію путемъ, въ то время едва ли кому-либо изъ Европейцевъ извѣстнымъ. Онъ прошелъ черезъ Коканъ, Кашгаръ, Яркендъ, Кашмиръ и т. д. до Лакнау. Велъ свои записки, такъ какъ Вильфордъ утверждаетъ, что у него въ рукахъ былъ журналъ Чернышева. Словомъ, о пройденномъ имъ пути, объ истокахъ Инда Чернышевъ сообщалъ Англичанамъ въ Индіи свѣдѣнія, въ то время никому неизвѣстныя.

Едва ли нужно упоминать, что всякая подробность о странствіяхъ Чернышева была бы во всякой степени интересна. По всей вѣроятности, онъ возвращался въ Россію моремъ и былъ въ Англии. Трудно полагать, чтобы память объ этомъ любопытномъ русскомъ путешественникѣ не сохранилась въ какомъ-либо изъ нашихъ архивовъ. Высказывая это предположеніе; не думаемъ, однакожь, отрицать возможности нѣкоторой ошибки со стороны Вильфорда. Быть можетъ, Чернышевъ, о которомъ онъ разказываетъ, есть нашъ извѣстный надворный совѣтникъ Ефремовъ. Ефремовъ странствовалъ въ Азіи въ тѣ же годы и по тѣмъ же мѣстамъ. Хотя исторія его плѣненія не совсемъ похожа на разказъ Вильфорда, но съ другой стороны, извѣстно также, что Ефремовъ назывался въ Индіи маіоромъ знатной фамиліи и графа Чернышева родственникомъ. Быть можетъ, по фамиліи своего знатнаго родственника Ефремовъ и сталъ извѣстенъ въ Индіи Англичанамъ.

Исупу Касимову, какъ извѣстно, не удалось добраться до Индіи; далѣе Кабула онъ не доѣхалъ. Но и послѣ его дѣлались попытки въ Москвѣ завязать сношенія съ Индіей; Русскіе люди не разъ пытались проникать туда и моремъ, и сухимъ путемъ. Объ этихъ подвигахъ Русскихъ людей до сихъ поръ, къ сожалѣнію, обнаружено весьма мало свѣдѣній. Многое, конечно, безвозвратно погибло, но несомнѣнно также, что иное еще можетъ быть отыскано. Къ числу утраченныхъ документовъ, какъ кажется, слѣдуетъ отнести и статейный списокъ Исупа Касимова, памятникъ, который, на основаніи извѣстныхъ нынѣ отрывковъ, слѣдуетъ признать не лишенымъ значенія для исторіи географическихъ знаній; въ немъ, безъ сомнѣ-

ніа, заключалось много любопытныхъ извѣстій о теперешнемъ Афганистанѣ. Не приведены также въ извѣстность всѣ извѣстія о другомъ русскомъ путешественникѣ (конца XVII и начала XVIII вѣка) въ Индію, Семенѣ Маленькомъ. Онъ посѣтилъ Агру и въ Дельги представлялся Великому Моголу. На родину онъ не вернулся и умеръ по дорогѣ въ Россію, въ Шемахѣ. Спутники привезли въ Москву двѣ грамоты „въ двухъ мѣшечкахъ въ парчевыхъ за красными печатами“. Грамоты эти были отъ Великаго Могола. На Москвѣ въ этихъ грамотахъ современные переводчики много словъ выразумѣть не могли. Изъ одного современнаго перевода съ листа индѣйскаго письма видно, между прочимъ, что честной купчина Семенъ Маленькій былъ хорошо принятъ въ Индіи. Въ этомъ документѣ значится, что Семенъ Маленькій „былъ съ честью отправленъ назадъ. И данъ ему указъ чрезъ индѣйскіе города и земли ѣхать свободно съ будущими при немъ людьми и съ товарами. Отпускъ ему учиненъ честной для почтенія его царскаго величества“. Хотя Семенъ Маленькій, за смертью, не подавалъ въ приказъ большой казны статейнаго списка о добѣду его, но кое-какія свѣдѣнія о его страствованіяхъ сохранились.

Купчина гостиной сотни Семенъ Маленькій былъ отправленъ въ Индію для продажи царской казны и товаровъ и для покупки про царскій обиходъ всякихъ индѣйскихъ товаровъ. Съ нимъ вмѣстѣ было отправлено нѣсколько человекъ; нѣкоторые изъ нихъ вернулись на родину, а одинъ, Андрей Семеновъ, даже сообщалъ кое-какія данныя о своемъ пребываніи въ Индіи. Но еще болѣе любопытнаго сохранилось въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ отпискахъ Семена Маленькаго.

Семену Маленькому при отправленіи его изъ Москвы, въ 1695 году, были даны грамоты на татарскомъ языкѣ къ ханамъ Хивинскому, Бухарскому и Балхскому, но поѣхалъ онъ не черезъ эти владѣнія, а черезъ Персію, и его путешествіе, какъ кажется, было переполнено разнаго рода злоключеніями. Задержки и притѣсненія начались въ Шемахѣ: здѣсь—значится въ одной отпискѣ—путешественниковъ задержалъ бездѣльный Шемахинскій Залханъ три мѣсяца. Хотя русскіе купцы по приѣздѣ въ Шемаху и пошли къ Залхану съ дарами, но тому показались ихъ приношенія недостаточными. „Дали они ему Залхану гостинцевъ на двѣсти на пятьдесятъ на три рубля, да всякимъ его начальнымъ людямъ на сто на пятьдесятъ на семь рублей, и знатно де имъ той дачи показалось мало“. Вслѣдъ затѣмъ начались притѣсненія; Залханъ заарестовалъ товаръ, „взяли

у нихъ лучшую коробку соболей, и присылалъ къ нимъ людей своихъ, Назыря и иныхъ басурмановъ, и говорили имъ, чтобы они за тою коробку взяли бы тысячу пять сотъ рублей, и онъ де ихъ изъ Шемахи отпустить, и подводы, и провожатыхъ до Испагани имъ даетъ". Купцы заупрамились. По ихъ оцѣнкѣ товаръ стоилъ дороже, и коробки съ соболями „меньше двухъ тысячъ рублей отдать было невозможно". Семенъ Маленькій рѣшился двинуться безъ содѣйствія Шемахинскаго Залхана; нанялъ подъ казну и товары подводы и пошелъ по дорогѣ въ Испань. „И отошли"—говорится въ той же отпискѣ—„далѣе, отъ Шемахи три дни, до рѣки, до Куры. И на той рѣки перевозъ великой. И онъ Залханъ прислалъ людей своихъ, и ихъ купчинъ перевозить не велѣлъ, и у того перевозу на пустомъ мѣстѣ остановили и караулу имъ не дали, и держали ихъ шесть недѣль. И они де казну въ томъ мѣстѣ склади въ кучу и караулили сами со всякимъ страхомъ".

Въ концѣ концовъ путешественники должны были уступить Залхану коробъ съ соболями. „И тою коробку они за неволю ему Залхану отдали за тысячу за пять сотъ рублей. И у тѣхъ соболей не доняли четыре ста рублей". Отнявъ у купцевъ товары, Залханъ отпустилъ ихъ въ Испань. „И какъ тѣ соболи отдали, и онъ Залханъ до Испагани далъ имъ подводы и провожатыхъ". Залханъ, кромѣ того, отнял у купцевъ и другой товаръ; „взялъ у нихъ неволю всякихъ товаровъ на тысячу рублей малою цѣною. И за тѣ взятые товары противъ договору имъ не додали сто рублей".

Въ Шемахѣ купцамъ жилось очень худо; „а какъ они"—говорится въ той же отпискѣ—„въ Шемахѣ жили, и надъ ними де тамошніе жители ругались, и его Семена били, и у астраханскаго стрѣльца саблю голову въ двухъ мѣстахъ порубили".

Изъ Испагани Маленькій отправился въ Бендеръ-Абась, а оттуда въ Индію. Въ Индіи онъ, несомнѣнно, былъ, но „какимъ образомъ въ Индіи и въ другихъ тамошнихъ странахъ принять и какъ отпустить, того въ Приказѣ Большой казны не вѣдомо, для того что онъ купчина и племянникъ его въ Шемахѣ померли, а послѣ смерти его статейнаго списку о доѣзду его въ Приказъ Большой казны не подано". Сохранилась одна отписка Семена Маленькаго, изъ которой явствуетъ, что не благополучно было и его обратное путешествіе на родину. Онъ отправился изъ Сурата „въ Персидскую землю, на морскую пристань Акіяна моря въ городъ Бендеръ-Абась". Отправилъ онъ товаръ на двухъ корабляхъ бранденбургскомъ (?) и суратскомъ, а

съ товаромъ вѣстѣ астраханскихъ стрѣльцовъ, коннаго Григорія Чулкова, и пѣшаго Алексѣя Шапошникова. „И тотъ де сурядскій корабль на морѣ Акіянѣ воровскіе Мешкецкіе арапы съ товары и съ людьми взяли и товары выгрузили въ городѣ Мешкетѣ“. Спустя съ мѣсяць, разбойники возвратили часть товаровъ, то-есть, „басурманскіе“ товары (вѣроятно, индѣйскіе), а также нѣкоторыхъ людей, но не выдали великаго государя товаровъ, двухъ стрѣльцевъ и трехъ чело-вѣкъ армянъ. „Всего воровскіе Мешкецкіе арапы взяли на пригѣрь по Московской цѣнѣ на осьмнадцать тысячъ на пять сотъ на девяно-сто на одинъ рубль, на пятнадцать алтынъ, на пять денегъ“.

Не только Русскіе люди въ старину предпринимали далекія и трудныя путешествія сухимъ путемъ въ Индію, но тѣмъ же путемъ до Москвы добирались изъ Индіи туземцы. Отъ нихъ въ посольскомъ приказѣ отбирались свѣдѣнія о кратчайшихъ и наиболѣе удобныхъ путяхъ въ Индію. Индѣйцы указывали путь имъ извѣстный и не запретный; такъ какъ уже въ то время Индусы почитали оскверненіемъ для себя переплывать черезъ океанъ, то нисколько не удивительно, что, по ихъ мнѣнію, лучшая дорога въ Индію пролегла черезъ Бухар-скую землю. Изъ Бухары нужно было ѣхать до порубежнаго индѣй-скаго города Кабыла, а отъ того города идти индѣйскими городами до города Джанъ-абату (Дельги). Этотъ сухой путь, связывающій Индію и Россію, обстоятельство весьма важное для установленія прямыхъ торговыхъ сношеній съ Индіей и по нынѣ не утратившее значенія. Изъ показаній иноземцевъ Индѣйской земли на Москвѣ узна-вали также о томъ, что въ особенности дорого цѣнится въ Индіи. Въ числѣ этихъ предметовъ были такіе, которые главнымъ обра-зомъ Россія могла поставлять въ Индію, напримѣръ, соболи или кречеты, соколы, а также собаки борвыя, злобныя дворныя. Объ иноземцахъ земли Индѣйской, бывавшихъ на Москвѣ, пока, ко-нечно, приведено въ извѣстность очень мало свѣдѣній; но, смѣемъ думать, что тщательные поиски въ нашихъ архивахъ будутъ не вполне безплодными.

Въ заключеніе позволимъ себѣ напомнить объ одномъ Индѣйцѣ, по-явившемся въ Россіи въ половинѣ XVIII вѣка (въ 1734 г.). Этотъ принцъ индѣйскій Султанъ Жинъ-Аметъ—личность загадочная. Онъ называлъ себя правнукомъ того Аурензеба, къ которому изъ Москвы посла-лись Исупъ Касимовъ и Семенъ Маленькій, разказывалъ весьма по-дробно о своемъ происхожденіи и весьма много неправдоподобнаго о своей жизни въ Индіи. Въ Петербургѣ онъ явился „въ Росейско-

императорскаго величества неописанно великой въ свѣтъ прославленной милости и протекціи себя подвергнуть, всепокорнѣйше поклонъ отдать, и повсюду выхваляться, что великоръ ея императорскаго величества милостію пользовался⁴.

Принцъ показывалъ, что онъ происходитъ отъ того сына Аурензеба, который, какъ доподлинно извѣстно, умеръ въ изгнаніи, въ Персіи. Происходя отъ мусульманскихъ родителей, онъ, по его словамъ, былъ воспитанъ брахманами, и „патентомъ на семь лѣтъ отъ своего отечества отлученъ“. Эти два обстоятельства сильно изобличаютъ неумѣлое сочинительство. Въ Петербургѣ онъ попалъ съ запада, изъ Европы, гдѣ странствовалъ очень долгое время, представлялся къ разнымъ дворамъ, слушалъ лекціи въ разныхъ университетахъ, изучалъ и натуръ-философію, и философію Конфуція. Въ Галле, въ университетѣ ему данъ былъ паспортъ на латинскомъ языкѣ, „однако оный паспортъ у него обезьяна изодрала“.

Въ Петербургѣ къ индѣйскому принцу отнеслись съ крайнимъ недоброуміемъ. Ко двору онъ не былъ допущенъ и, кажется, былъ даже заарестованъ; по крайней мѣрѣ въ дополненіи къ своей реляціи индѣйскій принцъ заявляетъ, какъ „онъ зѣло печалится, что не сподобился желаніе свое исполнить и всепокорно просить, чтобы ему какъ наискорѣе революція учинена была, понеже онъ не смѣетъ безъ позволенія изъ квартиры выходить и просить, чтобы съ нимъ милосердіе показано было“.

Этѣ бѣглыя замѣтки ¹⁾ о старинныхъ сношеніяхъ Руси съ имперіей Великихъ Моголовъ, конечно, далеко не исчерпываютъ даже въ одномъ перечнѣ всего того, что можетъ быть обнаружено по этому вопросу со временемъ. Мы, однакоже, сочли умѣстнымъ высказать ихъ теперь, по поводу прекраснаго и полезнаго изданія г. Кобеко, въ надеждѣ, что и вслѣдъ за нимъ станутъ издаваться и другіе указы и статейные списки русскихъ бывалыхъ людей на Востокъ.

И. Миннаскъ.

¹⁾ Факты о Маленькомъ и о балхскомъ посольствѣ, сообщаемые въ настоящей статьѣ, извлечены изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Статья *Вильфорда*, въ которой говорится о Чернышевѣ, находится въ т. VIII *Asiatic Researches*, стр. 324 и сл.

Laot-se's Táo-té-king, nach Reinhold v. Platenkner's Uebersetzung bearbeitet von E. A. von Friede. S.-Petersburg. 1884.

Интересъ къ изученію Китая далеко еще не пробудился въ нашей публикѣ; но замѣчательно, что почти всякій, кто по той или другой причинѣ отдавался изученію китайской исторіи и китайской жизни, китайскихъ нравовъ и китайской культуры, наконецъ китайскихъ религіозныхъ и философскихъ умозрѣній, непременно увлекается Китаемъ и Китайцами. Мы не говоримъ адѣсь о спеціалистахъ-синологахъ, которыхъ такъ часто обвиняютъ въ китаефильствѣ, и хотимъ сказать даже совершенно противное, то-есть, что главныя похвалы Китаю идутъ именно со стороны дилетантовъ въ изученіи этой страны и этого народа.

Маленькая книжечка г. Фриде еще разъ подтверждаетъ это убѣжденіе, потому что отъ первой и до послѣдней строки г. Фриде показалъ себя въ ней именно завзятымъ китаефиломъ, но уже никакъ не синологомъ и не ориенталистомъ. Поводомъ къ написанію этой книжки былъ обширный трудъ Пленкнера, вышедшій лѣтъ 12 тому назадъ и заключающій въ себѣ переводъ сочиненія Лао-цзы — „Дао-цзинъ“. Г. Фриде изучалъ этотъ трудъ, по видимому, со дня появленія его на свѣтъ Божій, увлекся изложеннымъ въ немъ ученіемъ Лао-цзы, полагалъ, что также точно долженъ увлечься имъ и каждый, ожидалъ поэтому, что трудъ Пленкнера вызоветъ богатую литературу и наконецъ, на тринадцатомъ году своего безплоднаго ожиданія, пришелъ къ убѣженію, что „das edle Bestreben deutschen Uebersetzers wenig Anerkennung gefunden, fast eben so wenig, als seit mehr denn 2500 Jahren das herrliche Werk des chinesischen Philosophen selbst“.

Эти убѣжденіе, ожиданіе и разочарованіе, конечно, прежде всего обличаютъ въ г. Фриде не синолога и не ориенталиста, потому что послѣдніе въ глубинѣ души всегда и вполнѣ бываютъ убѣждены, что какой бы интересъ ни представляли собою ихъ труды и изслѣдованія, они не могутъ расходиться теперь далѣе узкаго кружка тѣхъ же синологовъ и ориенталистовъ; отсюда они естественно мирятся съ своимъ положеніемъ, работаютъ ради того, чтобы сдѣлать дѣло и никогда не питаютъ надежды произвести своими трудами шумъ въ литературѣ или обратить на нихъ всеобщее вниманіе. Придетъ пора, когда интересы европейской мысли сосредоточатся на Востоку, и тогда эти труды получатъ свое значеніе и принесутъ свою пользу; такъ

думаютъ ориенталисты и продолжаютъ работать, продолжаютъ собирать и копить тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ должны составиться, и только впоследствии, наши истинныя познанія о Востокахъ.

Но не такъ думаютъ диллетанты. Имъ кажется, что предметъ, въ данное время поразившій и увлекшій ихъ вниманіе, непременно долженъ точно также поразить и увлечь всякаго другаго, а потому—полагаютъ диллетанты—если эти другіе не увлекаются, то это зависитъ не отъ ихъ собственнаго сознанія, не отъ ихъ личныхъ симпатій, не отъ духа времени, подъ которымъ вообще живутъ и дѣйствуютъ люди, а оттого, что для этихъ людей недоступенъ самый предметъ увлеченія. Разсужденія такого рода, кажется намъ, служатъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ, по которымъ у насъ развилась за послѣднее время страсть популяризовать данныя и результаты, добытые каждою наукой. Г. Фриде также точно полагалъ, что книга Пленкнера не имѣла успѣха въ публикѣ именно оттого, что она черезъ чуръ велика, суха и научна; и вотъ, желая поправить дѣло, онъ издалъ маленькую, популярную книжку, въ которой изложилъ ученіе Лао-цзы, къ наставленію своихъ соотечественниковъ.

Трудно, конечно, предѣлшить вопросъ, найдетъ ли для себя популярная книжка г. Фриде болѣе читателей, чѣмъ объемистый трудъ Пленкнера; но, еще не издавъ ее, мы уже не сомнѣвались въ томъ, что она принесетъ гораздо менѣе пользы людямъ, чѣмъ работа нѣмецкаго синолога: за это а priori ручался намъ самый предметъ изложенія книжки. Ученіе Лао-цзы составляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ въ европейской литературѣ: наши синологи, можно сказать, и сами еще не выяснили себѣ ни времени происхожденія этого ученія, ни исторіи его развитія, не опредѣлили даже истиннаго смысла нѣкоторыхъ тезисовъ Лао-цзы, и вдругъ появляется популярное сочиненіе, которое знакомитъ публику съ этимъ ученіемъ, строитъ изъ него цѣлую систему, съ раздѣленіемъ его тезисовъ на принципы религіозно-догматическіе, моральные, политическіе и т. д. Что могло выйдти изъ всего этого, кромѣ горькаго и смѣшнаго?

Но сочиненіе г. Фриде, когда мы его прочитали, оказалось даже превосшедшимъ наши грустныя ожиданія. Авторъ, до выхода въ свѣтъ книги Пленкнера, очевидно, вовсе не былъ знакомъ съ даосизмомъ, а по выходѣ ея и даже собираясь писать свое разсужденіе объ ученіи Лао-цзы, не пожелалъ освѣдомиться, существуетъ ли въ Европѣ какая-либо литература объ этомъ предметѣ. Это не

могло быть иначе, такъ какъ въ противномъ случаѣ, г. Фриде никогда не сказалъ бы, что трудъ г. Пленкнера „открылъ намъ еще невѣдомна до сихъ поръ сокровища“. А между тѣмъ съ даосизмомъ можно было отлично познакомиться по прекрасной статьѣ о немъ, помѣщенной въ китайской литературѣ Шотта, по изслѣдованіямъ Абель-Ремюза, наложеннымъ въ его сочиненіи: *Mémoire sur la vie et les ouvrages de Lao-tseu*, по переводамъ Дао-дэ-цзина, исполненнымъ Потье и Станиславомъ Жильеномъ, наконецъ, по обильной самими обдуманнѣйшими заключеніями и полной самихъ остроумнѣйшихъ догадокъ статьѣ о даосизмѣ нашего синолога В. П. Васильева, въ его сочиненіи „Религіи Востока“. Г. Фриде не познакомился ни съ однимъ изъ этихъ сочиненій: онъ изучалъ одинъ только трудъ Пленкнера, а потому и смотритъ на все глазами Пленкнера. Онъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни Лао-цзы, хотя самое существованіе этого философа, пожалуй, еще требуетъ доказательствъ; онъ безусловно вѣруетъ во время написанія Дао-дэ-цзина, хотя содержаніе этого сочиненія ясно показываетъ, что оно явилось не сразу, а составлялось послѣдовательно, какъ оппозиція конфуціанству; мало того, самое ученіе Лао-цзы, въ передачѣ г. Фриде, явилось на столько извращеннымъ, что правовѣрный даосъ никогда не призналъ бы въ немъ изложенія основъ своей религіи. Начать хотя бы съ заголовка книги — „Дао-дэ-цзинъ“: какъ Пленкнеръ, такъ и г. Фриде, переводятъ его словами: „Weges zur Tugend“; но слова „дао-дэ-цзинъ“ не означаютъ книги о „путяхъ къ добродѣтели“, а должны быть переведены: „книга о пути и добродѣтеляхъ“. Разница громадная, ибо, въ понятіяхъ даосистовъ, путь (дао) и добродѣтели (дэ) составляютъ два совершенно отдѣльные предмета ученія. Различіе ихъ всего яснѣе видно изъ слѣдующаго положенія Лао-цзы: „Когда потерявъ путь (дао), — явятся добродѣтели (дэ)“.

Общій смыслъ характеристика ученія Лао-цзы и изложенія этого ученія въ „Дао-дэ-цзинѣ“ мы находимъ у г. Фриде переданнымъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ:

„Lao-tse's Lehre enthält tiefe geistvolle, geistesklare Philosophie, in ein klar ausgesponnenes, freifortgehendes, logisches System gebracht. Schritt für Schritt baut Lao-tse seine Doctrin auf; die logische Folgerung fehlt nie und durch das Ganze ist ein sicherer Gang bemerkenswerth. Sein Tao oder höchstes Wesen, so wie er es uns vorführt, ist: 1) das unsichtbare Tao, als Himmelsherr, der Ewige, Erhabene, unsichtbare Schöpfer des Himmels und der Erde, und 2) das sichtbar

werdende Tao, oder die fort und fort schaffende Kraft der Natur. Dieses unsichtbare Tao muss nun der Mensch zu begreifen streben, um hierdurch ihm den Einzug in sein eigenstes Innere zu ermöglichen und hierdurch 3) das Tao in ihm, dem Menschen, zu erwerben; dieses aber kann nur durch Leidenschaftslosigkeit und tugendhaften Wandel erreicht werden, der uns dem Geiste des Tao zugänglich macht" (стр. 11—12).

Все дальнейшее в книгѣ г. Фриде есть развитіе и болѣе подробное изложеніе этихъ основныхъ положеній, которыя по меньшей мѣрѣ должны показаться странными для людей, знакомыхъ съ дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялъ г. Фриде логическое построеніе въ философіи Лао-цзы? Его „Дао-дэ-цзинъ“ состоитъ изъ двухъ частей, раздѣляется на 81 главу и заключаетъ въ себѣ около 5700 словъ; но замѣчательно, что въ числѣ главъ нѣтъ ни одной, которая была бы изложена систематически сама по себѣ или логически вытекала изъ другой: Лао-цзы то углубляется въ высшія отвлеченности и толкуетъ объ абсолютномъ бытіи, то говоритъ о человѣкѣ и его природѣ, то пускается въ изложеніе истинной нравственности и жизненной мудрости, то наконецъ, старается объяснить свое ученіе примѣрами и сравненіями. Все это изложено у него отдѣльными фразами, при полномъ отсутствіи діалектическаго развитія мысли.

Основу религиозно-философской системы Лао-цзы составляетъ, конечно, его ученіе о „Дао“; но понятіе „Дао“, можно сказать, до сихъ поръ еще не выяснено европейскими синологами и менѣе всего выясняется изслѣдованіями г. Фриде, который, какъ мы видѣли, почему-то усвоилъ ему два почти противоположныя значенія, не выясняя притомъ, какимъ образомъ совмѣщаются они въ единомъ „Дао“. Буквальный переводъ слова „Дао“—путь. Абель Ремюза переводитъ „Дао“ словомъ „raison“ и говоритъ, что дао-ши (толкователи даосизма) употребляли его для обозначенія первобытнаго разума, духовнаго существа, сотворившаго міръ и управляющаго имъ, подобно тому, какъ духъ управляетъ тѣломъ. Онъ полагаетъ за сямъ, что „Дао“ вполне соответствуетъ греческому λόγος Платона, то-есть, какъ высшее существо, какъ разумъ и какъ слово. Ст. Жюльенъ не былъ согласенъ съ этимъ толкованіемъ и утверждалъ, что подъ „Дао“ никакъ не слѣдуетъ понимать первобытный разумъ (raison primordiale), или творящую и управляющую міромъ интеллигенцію; свое мнѣніе онъ основывалъ на томъ, что старшіе философы школы Лао-цзы не приписывали этому первобытному существу дѣйствія, мысли, разсуда

и интеллигенціи. Какимъ же образомъ, говорилъ С. Жюльенъ,—„Дао“, можетъ быть послѣ того признаваемо за первобытный разумъ, высшую интеллигенцію, сотворившую міръ и управляющую имъ? Самъ Лао-цзы опредѣлялъ свойства своего „Дао“ слѣдующими словами: „Дао—начало неба и земли, мать вселенной и всѣхъ тварей; всѣ твари суть развѣтвленія Дао“. Развѣ не утверждалъ здѣсь Лао-цзы, что его „Дао“, абсолютное ничто, слѣдуетъ принимать творящимъ и сохраняющимъ началомъ вселенной? Нѣсколько уклоняясь отъ мнѣній Абель Ремюза, мы полагаемъ, что подъ „Дао“ должно понимать отвлеченный разумъ, абсолютный законъ. Если Лао-цзы говоритъ, что это—существо безъ мыслей и знанія, то онъ, очевидно, желалъ показать этимъ только его безъиндивидуальность: „Дао“ не можетъ имѣть мышленія, потому что оно само есть отвлеченное мышленіе. Что имѣеть мысли и желанія, то уже есть нѣчто индивидуальное, личное. Оно также не имѣеть дѣйствій, такъ какъ, будучи вѣчнымъ закономъ вселенной, само по себѣ есть вѣчное и непрерывное дѣйствіе.

„Дао“, по словамъ Лао-цзы, пусть и все-таки неисчерпаемъ, вѣчное начало неба и земли, непостижимо чисто и спокойно; истинная его сущность понятна только тому, кто постоянно остается свободнымъ отъ всѣхъ страстей и желаній. У него нѣтъ ни начала, ни конца; онъ не превращается и не измѣняется. У него нѣтъ тѣла и нѣтъ опредѣленнаго мѣста; онъ не знаетъ ни излишества, ни недостатка, ни уменьшенія, ни увеличенія; онъ не исчезаетъ и не рождается; онъ ни желтъ, ни красенъ, ни бѣлый, ни голубой; у него нѣтъ ни внѣшности, ни внутренности, ни звука, ни запаха, ни высоты, ни глубины. Онъ произвелъ весь міръ изъ себя, создавъ сперва одно (то-есть, свое собственное самосозданіе); это одно произвело два (Янь и Инъ—мужское и женское начало природы); эти два произвели третье (начало согласія между обоими), которое своимъ сгущеніемъ дало жизнь всѣмъ тварямъ. „Дао“ одинаково держитъ всѣ твари, не имѣя пристрастія къ кому-либо; онъ управляетъ всѣмъ, не отнимая въ то же время ни у кого своей воли.

Основаніе человѣческой природы, говоритъ Лао-цзы,—пустота и спокойствіе; поэтому человѣкъ долженъ удалять отъ себя все, что можетъ мѣшать его душевному спокойствію и держать себя въ удаленіи отъ міра. Мудрый человѣкъ долженъ подавлять свои страсти, презирать мірскія наслажденія и развлеченія; онъ не долженъ покоряться честолюбію, жаднѣ славы и выгоды, но и избѣгать всякой дѣятельности; онъ долженъ придерживаться бездѣйствія, и наставленіе

его должно состоять въ молчаніи; міръ долженъ исправиться безъ его содѣйствія. Такимъ образомъ человѣкъ обязанъ привести свою природу къ первоначальному состоянію, такъ чтобы забыть различіе между прекраснымъ и дурнымъ, добромъ и зломъ. Это положеніе Лао-цзы дало поводъ Потье утверждать, будто философія Лао-цзы рекомендуетъ своимъ послѣдователямъ незнаніе; но такой выводъ изъ помнутаго тезиса едва ли можетъ быть признанъ справедливымъ. Ли-си-чжай прямо говоритъ, что Лао-цзы не оуждастъ мудрости, но только порицаетъ пустое хвастовство ея; притомъ же преданіе влагаетъ въ уста самаго Лао-цзы слѣдующія рѣчи, якобы обращенныя имъ къ Конфуцію: „Купецъ скрываетъ свои богатства, какъ будто у него ничего нѣтъ; истинно мудрый человѣкъ, не смотря на всѣ свои достоинства, все-таки какъ будто глупъ“.

О возвращеніи человѣческой души ко всемірному духу въ философіи Лао-цзы говорится очень мало. Въ главѣ 16-й сказано: „Всѣ твари происходятъ вмѣстѣ; я вижу, какъ они возвращаются (то-есть, къ началу, отъ котораго они произошли)“. Точно также въ главѣ 32-й говорится: („Всѣ твари возвращаются къ Дао), какъ ручьи и рѣки возвращаются къ потокамъ и морямъ“. Это возвращеніе къ „Дао“, кажется, есть полное, бессознательное превращеніе человѣческой души во всемірную душу: она теряетъ свою индивидуальность, свое существованіе и, какъ часть, опять вполнѣ переходитъ въ цѣлое.

Такимъ представляется ученіе Лао-цзы по „Дао-дэ-цзин’у“. Мы нарочно представили здѣсь всѣ основныя положенія этого ученія, чтобы показать читателямъ, на сколько походитъ это ученіе по своимъ основамъ на христіанство, съ которымъ силится сравнивать и сблизить его г. Фриде.

Мысль о сравненіи даосизма съ христіанствомъ высказывается однако уже не впервые. Извѣстно, что итальянскій филологъ Антоніо Моттуччи давно уже находилъ въ Дао-дэ-цзинѣ тайну Св. Троицы, упрежденное христіанское откровеніе, а Абель Ремюза полагалъ даже, что онъ нашелъ въ этомъ сочиненіи имя Іеговы и, не думая, чтобы оно пошло къ Китайцамъ сверхъестественно, старался уяснить связь Китая съ отдаленнымъ Западомъ. Мы никогда не занимались спеціально изученіемъ даосизма и знакомились съ его сочиненіями, пожалуй, больше для того, чтобы пріобрѣсти понятіе о языкѣ даосскихъ книгъ; но за всѣмъ тѣмъ, даже и это поверхностное знакомство съ „Дао-дэ-цзиномъ“ оставило въ насъ полнѣйшее убѣжденіе въ томъ, что, вопервыхъ, вѣрное пониманіе отрывочныхъ изреченій этого сочине-

нія не возможно безъ изученія его толкованій, и восторныхъ, что обстоятельное изученіе этихъ толкованій должно пролить много свѣта, какъ на происхожденіе, такъ и на развитіе ученія Лао-цзы¹⁾. О связи этого ученія съ христіанствомъ говорить очень трудно; но несомнѣнно, что въ „Дао-дэ-цзинъ“ находится много мѣстъ, совершенно соответствующихъ взглядамъ древне-классическихъ философовъ, особливо греческихъ. Ученіе о началѣ и строеніи вселенной обнаруживаетъ разительное сходство съ ученіемъ школъ Пифагора и Платона. Сократъ для истинной жизни первымъ отрицательнымъ условіемъ требуетъ отреченіе (σφροσύνη); вторымъ, положительнымъ условіемъ, является у него знаніе, которое составляетъ добродѣтель и основу всякой добродѣтели. О первомъ, отрицательномъ условіи мы не будемъ и говорить: оно составляетъ основную мысль въ ученіи Лао-цзы о человѣкѣ; касательно важности значенія въ жизни человѣческой второго условія, то-есть, знанія, толкователь „Дао-дэ-цзина“, Сю-хой говоритъ: „Знающій худыя послѣдствія дѣйствія не осмѣлится дѣйствовать“... и т. д. Демокритъ поставлялъ высшее человѣческое счастье въ состояніи душевнаго покоя, въ томъ состояніи, когда человѣкъ бываетъ свободенъ отъ всякаго волненія души, отъ всякой тревожной заботы и отъ всѣхъ страстей. Наконецъ, въ отреченіи отъ вѣшняго блеска, роскоши и богатства, о которомъ такъ часто говоритъ Лао-цзы въ своемъ сочиненіи, не трудно усмотрѣть разительное сходство съ ученіемъ циниковъ. Эти и подобныя имъ мѣста—повторяемъ—такъ рѣзко бьютъ въ глаза своимъ заимствованіемъ съ Запада, что для насъ представляется даже страннымъ, почему г. Фриде не предпочелъ сличеніе ихъ тѣмъ тяжелымъ и мало убѣдительнымъ натяжкамъ, которыя пришлось ему дѣлать при сравненіи даосизма съ христіанствомъ.

А. Педдильевъ.

¹⁾ Толкованія на «Дао-дэ-цзинъ»—великое множество: одинъ Цзяо-хунъ указываетъ 64 различныя изданія «Дао-дэ-цзина»; но главнѣйшими изъ толкователей у Китайцевъ признаются, кажется, слѣдующіе четыре: *Хэ-шань-тунъ*, жившій и написавшій свое сочиненіе около 163 года до Р. Х.; за нимъ *Вань-би*, жившій при Вейской династіи: толкованія его почитаются даосами и до настоящаго времени за лучшія; далѣе *Сю-хой* (1530 г.) и *Цзяо-хунъ* (1588 г.).

СВЯТОПИСЬ ДІТЯ НЕСТОРА (Несторова или Первоначальная лѣтопись) traduite sur le texte slavons-russe avec introduction et commentaires critiques par *Louis Leger*, professeur à l'École des langues orientales vivantes Paris. 1884.

„Повѣсть временныхъ лѣтъ“—основа русскаго лѣтописанія, памятникъ въ высшей степени важный для исторіи Восточной Европы, очень мало извѣстенъ въ западной исторіографіи, такъ какъ по церковно-славянски знаютъ очень немногіе изъ западныхъ ученыхъ, а переводы нѣмецкіе и французскій устарѣли и неточны; лучшіе же переводы польскій (Белевскаго), чешскій (Эрбена) и датскій (Смита) также мало доступны, какъ и подлинникъ. Въ виду этого нельзя не признать большой заслуги за почтеннымъ французскимъ славистомъ Луи Лежеромъ, профессоромъ русскаго языка въ Парижской школѣ живыхъ восточныхъ языковъ, который принялъ на себя трудъ передать по французски нашу первоначальную лѣтопись и передалъ ее съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ яснымъ пониманіемъ текста и прекраснымъ языкомъ.

Переводомъ своимъ г. Лежеръ занимается, по собственнымъ его словамъ, около 20 лѣтъ, и еще въ 1868 г. въ докторской его диссертациі „De Nestore rerum russicarum scriptore“ встрѣчаются уже нѣкоторые переведенные имъ отрывки и обѣщаніе вскорѣ издать переводъ. Къ великой пользѣ для своего труда почтенный ученый не торопился однако его печатаніемъ. Появленіе новыхъ изданій текста и новыхъ изслѣдованій, касающихся времени, обнимаемаго лѣтописью, побудило его заняться новымъ пересмотромъ своего перевода. Въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ этотъ послужитъ не только для ознакомленія съ средневѣковой исторіей Восточной Европы людей, съ нею незнакомыхъ, но не можетъ быть обойденъ и русскими изслѣдователями. Послѣдующее далѣе указаніе тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ мы несогласны съ новымъ переводчикомъ и изъяснителемъ первоначальной лѣтописи, да послужитъ только доказательствомъ нашего уваженія къ его труду и внимательнаго чтенія, къ которому обязывала самая важность и серьезность труда.

Труду своему переводчикъ предпосылаетъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ, указавъ важность перевода лѣтописи, разбираетъ вопросъ о томъ, кто писалъ первоначальную лѣтопись, при чемъ, справедливо отклоняя авторство Нестора, не вполне принимаетъ и принадлежность ея Сильвестру. Принимая мнѣніе Белевскаго, переводчикъ,
часть соххху, отд. 2.

не стѣсняясь припискою Сильвестра, продолжаетъ текстъ до 1113 г., указывая при этомъ, что подъ 1111 г. при описаніи чуда встрѣчаются слова: „якоже рекохомъ“, что подъ годомъ 1107 упоминается объ обычаѣ Святополка молиться у гроба Θεодосіа въ прошедшемъ времени, и что перечень хронологическій доведенъ до смерти Святополка. Въ свое время я высказалъ предположеніе, что сводъ могъ оканчиваться именно 1111 г. (О составѣ русск. лѣтописей, 25). Прибавлю къ этому теперь, что переписчикъ могъ переставить приписку; можетъ быть даже, въ подлинникѣ приписка стояла и послѣ смерти Святополка, хотя могло быть и то, что составитель, умершій послѣ смерти Святополка, все-таки почему-либо заключилъ свой трудъ раньше этого событія. Характеризуя далѣе лѣтопись и указывая ея источники въ византійской литературѣ, въ преданіяхъ и документахъ (въ родѣ договоровъ), авторъ слишкомъ мало останавливается на вопросѣ о письменныхъ русскихъ источникахъ (Іаковъ, Василій о Васильѣ), а о возможныхъ и совсѣмъ не говоритъ. Его сужденіе о Василіи (въ указателѣ) весьма нерѣшительно: онъ думаетъ, что лѣтописецъ могъ писать подъ его диктовку или списать его разказъ (что только одно и правдоподобно), или наконецъ, что это христіанское имя самаго лѣтописца. Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить присутствіе краткихъ извѣстій при этомъ подробномъ?

Предисловіе свое авторъ заключаетъ указаніемъ на важность лѣтописи по вопросу варяжскому, на трудность перевода, на особенностяхъ своего труда (объ указателѣ, о которомъ будемъ говорить далѣе) и на другіе переводы. За предисловіемъ слѣдуетъ библиографія и перечень важнѣйшихъ изданій текста, переводовъ и изслѣдованій, служащихъ пособіемъ къ лучшему его уразумѣнію.

Переводъ, по примѣру Эрбена, раздѣленъ на главы, изъ которыхъ каждая получила свой особый заголовокъ. Этотъ способъ изданія, при особомъ оглавленіи, значительно облегчаетъ чтеніе текста и пользованіе имъ. Переводъ вообще точенъ, изъясненъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно трудныхъ представляетъ удачное толкованіе текста. При внимательномъ чтеніи встрѣчаются неточности, на которыя теперь и укажемъ. Въ перечнѣ народовъ въ подлинникѣ Литва, Зимигола; въ переводѣ *la Lithuanie, la Semigalie* (р. 2), то-есть, не народы, а страны; *les Polianes vivaient isolés dans leurs montagnes* (р. 4), въ подлинникѣ „симъ“; неточная передача словъ: „ис Корсуна близъ устья Днѣпрское“ словами: *auprès de Kherson se trouvent les bouches de Dniéper* (р. 5) подала поводъ автору (р. 320) отыскивать у устьевъ Днѣ-

пра другой Корсунь, кромѣ всѣмъ извѣстнаго Крымскаго. „Умыкиваху у воды дѣвица“ переводчикъ едва ли съ пользою для дѣла распостранилъ такимъ образомъ: „*onlevaient les jeunes filles qui allaient puiser de l'eau*“ (р. 10), при чемъ пропадаетъ важность значенія воды. Городъ въ разказѣ о Рюрикѣ (р. 15) напрасно передается словами: *une petite ville*, ибо городъ здѣсь значить крѣпость. Въ разказѣ о походѣ Олега на Кіевъ (р. 17) „и посади мужъ свои“ переведено: „*il y mit garnison*“; выраженія, употребленныя объ Игорѣ, „нося“ и „вынесоша“ переданы неточно: *amenant* и *amener*, отчего теряется отгѣнокъ: Игоря несли на рукахъ; „гостье“ не *étrangers*, а купцы. Церковь Св. Николая построилъ Олма, а переводчикъ передаетъ это извѣстіе безъ имени. Говоря о Тиверцахъ лѣтописецъ прибавляетъ: „аже суть толковины“. Это загадочное слово С. П. Мижудкій весьма правдоподобно объяснилъ словомъ кочевники, но какъ бы то ни было, нельзя одобрить передачи г. Лежера: „*dont nous avons parlé*“ (р. 22). Извѣстныя слова Олегава договора: „а и жена убивнаго да имѣтъ толицѣмъ же прибудеть по закону“ переводчикъ передаетъ: „*celui qui s'empara du meurtrier reçoit autant suivant la loi*“ (р. 26). Не лучше ли было бы читать со Срезневскимъ: и жена; свое чтеніе Срезневскій подтвердилъ ссылкой на англо-саксонскій законъ. Въ первомъ походѣ Игоря на Грековъ поминается Ѳеодоръ Стратилать съ Фраки, г. Лежеръ называетъ его *Théodose* (34). Въ спискѣ пословъ есть описки: *Kapnar* вмѣсто Капицаръ, *Varchev* вмѣсто Каршевъ. Перевѣсище въ описаніи Кіева при Ольгѣ (р. 43) передается выраженіемъ *les poids publics*, вѣроятно, сообразно съ толкованіемъ Срезневскаго; но Погодинъ (Древн. Русск. Ист., II, 880, въ изд. in 8°) объясняетъ это мѣсто удачнѣе. Онъ говоритъ: „Волга Святославичъ посылаетъ свою дружину ловить звѣрей:

Вѣйте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лѣсу,
Становите веревочки по сырой землѣ.

(Вотъ перевѣсища лѣтописи и перевѣсы Русской Правды!)“. Передача лѣтописнаго „аже распасли суть Деревьскую землю“, такъ живо напоминающаго гомерическій эпитетъ „пастыръ народовъ“ прозаическимъ: *ils font prospérer la terre des Drevlianes* (ib.) не можетъ быть названа удачною. Въ описаніи тризны на курганѣ Игоря въ старыхъ спискахъ лѣтописи стоитъ „пити на ня“, Миклошичъ поправляетъ „ити“; г. Лежеръ, слѣдуя ему, переводитъ: *s'élançer* (р. 45). Въ виду уже указаннаго Котляревскимъ соотвѣтствія между мщеніемъ Ольги и погреб-

бальными обрядами, не слѣдуетъ ли видѣть и адѣсь символическаго значенія, тѣмъ болѣе, что приказаніе избивать Дремлинь выражено въ слѣдующихъ словахъ: „а сама отънде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи Деревляны“? Вообще съ поправками текста слѣдуетъ быть осторожнымъ: XVI вѣкъ ближе къ XIX, чѣмъ XII, а между тѣмъ вспомнимъ, сколько поправокъ сдѣлано было въ текстѣ Шекспира по изданію 1623 г., пока издатели не убѣдились въ томъ, что то или другое слово, встрѣчающееся въ этомъ изданіи, дѣйствительно существовало и слѣдственно поправки не требовало. Соловьевъ считалъ общими правиломъ критики старыхъ текстовъ: принимать чтеніе болѣе трудное для разумѣнія, ибо позднѣйшіе переписчики (какъ и комментаторы Шекспира) склонны осмыслять переписываемый текстъ. Въ описаніи пожара Коростена одрина передается словомъ *tours* (р. 46), также словомъ *famille* передается слово дружина (р. 47). Въ разказѣ о крещеніи Ольги слова патриарха: „во Христа крестилася еси и во Христа облечеса“ переданы невѣрно: „tu as été baptisée dans la croix, tu t'es revêtue de la croix“ (р. 48). Отвѣтъ Ольги посланъ греческимъ въ Кіевѣ: „аще ты, рыца, такоже постоиши у меня въ Пачайнѣ“ г. Лежеръ передаетъ: „si tu restes avec moi“ (р. 49); слово Ольги Святославу: „азъ, сыну мой, Бога познахъ“ передается не точно: „Mon fils j'ai connu la sagesse“ (р. 50). По тексту лѣтописи Святославъ взялъ 80 городовъ по Дунаю, а по переводу: *au delà* (р. 51). Едва ли можно согласиться съ передачею слѣдующихъ словъ лѣтописи: „отступиша Печенѣзи отъ града, и не быше лъзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи“, которыя переведены такъ: „Les Petchénègues s'éloignèrent de la ville. Et ils ne purent plus faire boire les chevaux dans la Lybed“ (р. 53); намъ же кажется, что они стали на Лыбеди, удалясь отъ града (то-есть, Вышгорода или Кремля, говоря позднѣйшимъ языкомъ, Кіевского). Въ переговорахъ Святослава съ Новгородцами по тексту онъ сказалъ: „аби кто к вамъ шелъ“, а по переводу: „quelqu'un ira chez vous“ (р. 55). Въ договорѣ Святослава съ Греками въ числѣ царей пропущенъ Цимискій и стоитъ непонятное и невозможное въ актѣ „съ всякимъ царемъ“. Срезневскимъ представлено остроумное соображеніе, что въ подлинникѣ стояло Иваномъ, но написанное глаголитскимъ письмомъ могло быть прочитано такъ, какъ читается въ спискѣ. Г. Лежеръ переводитъ „tous les grands empereurs grecs“, а Цимискія все-таки нѣтъ. Въ разказѣ о смерти Олега Святославича въ текстѣ читаемъ: „и падаху людье мнози с моста, и удавиши и кони и челоуѣци“, а въ переводѣ:

„Beaucoup de soldats tombèrent du pont et les chevaux étouffèrent les hommes“ (р. 60). Въ перечнѣ женъ Владимира текстъ говоритъ: „быша ему водимы“, а въ переводѣ читаемъ: „sa femme légitime était Rogniéda“ (р. 64); такимъ образомъ къ ней одной отнесено то, что относится къ пяти женщинамъ. Въ перечнѣ сыновей Володимира Мстиславъ поминается два раза: одинъ—въ числѣ дѣтей Рогнѣды, и другой—въ числѣ дѣтей второй Чехини. Это послѣднее извѣстіе встрѣчается только въ позднѣйшихъ сводахъ (Тверскомъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ). Берестово переводчикъ называетъ château, въ текстѣ сельце (р. 65). Въ передачѣ выписки изъ притчей Соломона встрѣчается неточность: въ текстѣ лѣтописи „да хвалятъ въ вратехъ мужа ея“ (въ новыхъ изданіяхъ славянскаго перевода Вибліи: „да хвалимъ будетъ во вратѣхъ мужъ ея“). Переводъ этотъ не точенъ: въ синодскомъ переводѣ мы читаемъ „да прославятъ у воротъ дѣла ея“; также передаютъ это мѣсто и лучшіе французскіе переводчики (у де-Саси перифразъ для большей ясности: dans l'assemblée des juges; у Женуда: aux portes de la ville, у Мартена и Остервальда буквально); но ни въ какомъ случаѣ нельзя было передать: devant les portes de son époux (р. 66), ибо здѣсь дѣло очевидно идетъ о городскихъ воротахъ. Въ разказѣ о мученикахъ-Варагахъ пропущена черта, что они были христіанами „в тайнѣ“ (р. 66), людямъ не точно переведено аих раіеис (р. 67), а сѣни—plancher (р. 67), при чемъ встрѣчается въ примѣчаніи указаніе на то, что тогда, вѣроятно, строили дома на сваяхъ, какъ палафиты: точнѣе было бы сдѣлать указаніе на подлѣтні, на каковыхъ и теперь еще строятъ въ разныхъ мѣстахъ (особенно постоянные дворы) и выяснитъ значеніе сѣней, служащихъ и до сихъ поръ лѣтомъ гостиною нашимъ крестьянамъ. Въ передачѣ рѣчи греческаго философа встрѣчаемъ нѣсколько неточностей: въ разказѣ объ Авраамѣ хранина передается словомъ temple (р. 75); по тексту Аврааму было 86 лѣтъ, когда родился Измаилъ, а въ переводѣ 80 (р. 76). Исаака Авраамъ обрѣзалъ въ осьмой день, а по переводу въ третій (р. 76); о Моисеѣ говорится, что онъ былъ оставленъ „въ лутѣ“, а въ переводѣ: sur l'eau (р. 77); въ разказѣ о бѣгствѣ Моисея, по случаю убійства Египтянина пропущены важныя слова: „бывшю царевн иному“ (Ип. и Лавр.; перевода р. 77). Въ текстѣ Израильтяне упрекаютъ Моисея, что онъ повелъ ихъ на смерть, а въ переводѣ; á la mer (р. 78). При судьяхъ Евреи начали „служить бѣсамъ“, а въ переводѣ: „adorer les idoles“ (р. 79), что, конечно, значить то же самое, но колоритъ исчезаетъ. По тексту, царство Соло-

моново раздѣлилось при Ровоамѣ, что согласно и съ Вибліей, а по переводу: *après lui* (р. 80). Въ пророчествѣ Исаинъ объ Эммануэлѣ текстъ ставить: „велика свѣта ангелъ“ (въ новыхъ изданіяхъ славянскаго перевода: „велика совѣта Агггъ“; въ синодальномъ переводѣ „совѣтникъ“, у Саси *le conseiller*, также и у Остервальда, котораго предпочитаетъ г. Лежеръ), въ переводѣ читаемъ: *conseiller des anges* (р. 82). Въ пророчествѣ Исаинъ въ текстѣ лѣтописи: свяжемъ, а въ переводѣ: *tuons* (р. 83). Въ текстѣ „где Христосъ рожается“ (у Саси: *où devait naître le Christ*), а въ переводѣ: „où le Christ est-il né“ (р. 84). При разказѣ о запечатаніи гроба текстъ указываетъ, кто запечаталъ: „люди жидовстін“, а въ переводѣ находимъ безличное *on* (р. 85). Выраженіе лѣтописца о Володимірѣ: „хотя испитати о всѣхъ вѣрахъ“ не точно передается: „*car ja voudrais mediter sur toutes les croyances*“ (р. 82). Впервыхъ, эти слова принадлежатъ не Володиміру, а лѣтописцу, и вторыхъ, относятся къ предполагаемому посольству. Про описаніи патриаршаго служенія въ церкви Софійской говорится „кадила възгоша“ (=кандилу Данила Паломника, то-есть, лампада, паникадило), а въ переводѣ находимъ: „*on brûla de l'encens*“ (р. 89). Отправляя пословъ къ царямъ, Володимірѣ, по тексту, приказываетъ сказать имъ: „есть ми любя вѣра ваша и служеніе, еже бо ми сповѣдаша посланнии нами мужи“, а въ переводѣ: „*j'aime vos croyances et vos rites tels que me les ont exposés des hommes envoyés par vous*“ (р. 91). Въ исповѣданіи вѣри, которое читаютъ Володиміру, говорится „три собства свершепа, мыслена, раздѣляема числомъ и собствомъ, а не божествомъ“, а въ переводѣ: „*trois personnes, pensantes, distinctes par le nombre et la personnalité, non par divinité*“ (р. 93). „Волею взалка“ не точно передано: „*par sa volonté qu'il a désiré*“ (ib.). Едва ли можно одобрить переводъ словъ: „вся естественная, неоклеветаны страсти человечества“, которыя переданы слѣдующимъ образомъ: „*Toutes ses souffrances ont été réelles et l'humanité ne peut même les soupçonner*“ (р. 93—94). Въ переводѣ словъ „якоже взиде съ славою и плотью“ слово съ славою пропущено. Замѣтимъ, что во всемъ „исповѣданіи“ до поученія не принимать латинскихъ новшествъ употребляется первое лицо, какъ бы говорится отъ имени Володиміра, а уже далѣе идетъ повелительное наклоненіе. Это не соблюдено въ переводѣ, и повелительное употребляется ранѣе (р. 94). По случаю крещенія Руси лѣтописецъ говоритъ: „Благословенъ Господь. Исусъ Христосъ, иже възлюбилъ новыя люди, Русьскую землю“, а въ переводѣ: „*Béni soit le Seigneur Jésus-*

Christ qui aime les peuples nouveaux" (р. 98). Володимиръ отправляется въ Новгородъ: „по верховнѣи вои" (то-есть, за ополченіемъ сѣверныхъ областей), а въ переводѣ: „de la cavalerie" (р. 106). Подъ 6511 годомъ замѣчена смерть Всеслава, переводчикъ называетъ его Vucheslav (р. 108). Въ текстѣ Глѣбъ говоритъ: „луче бы ми с тобою умрети, нежели въ свѣтѣ семь прельстнемъ жити", переводчикъ опускаетъ слово прельстнемъ (обманчивомъ, суетномъ) (р. 114). Въ похвалѣ мученикамъ говорится: „Радуйтеса, луча свѣтозарная, и явистася яко свѣтилѣ, оваряюща всю землю Рускую", а въ переводѣ стоитъ: „Vous vous êtes montrés entourés de brillants rayons comme des flambeaux illuminant toute la terre russe" (р. 118). Въ концѣ статьи говорится: „сподобите же и насъ, ноющихъ и почитающихъ вамъ честное торжество, въ вся вѣки до скончания", а въ переводѣ „jusqu'à la mort" (р. 117). Святополкъ раздавалъ въ Кіевѣ корзны (плащи) и куны (деньги), а у переводчика des pelisses и des fourrures (р. 118). Въ текстѣ „Анастаса Десятиннаго" (то-есть, служащаго при Десятинной церкви), а въ переводѣ desiatnik (décursion) (р. 121). Въ лѣтописи Мстиславъ говоритъ Ярославъ: „сиди на своемъ столѣ Кмевѣ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона" (то-есть, лѣвый берегъ Днѣпра), а въ переводѣ: „ce pays-ci m'appartiendra" (р. 126), при чемъ теряется географическій характеръ раздѣленія Днѣпромъ, о чемъ былъ частый поминъ въ удѣльную пору. О Судиславѣ текстъ говоритъ: „оклеветанъ бѣ", въ переводѣ accusé (р. 128) теряется отгѣнокъ сочувствія къ Судиславу. При упоминаніи о построении св. Софій употреблено выраженіе „въ годы обычныя" (=положенные сроки) которое передается не совсѣмъ точно: „aux fêtes" (р. 129). Всеславъ, по свидѣтельству текста, носилъ на головѣ какую-то повязку на язвиѣ, „сега ради" — прибавляетъ авторъ — „не милостивъ есть на кровопролитіи"; г. Лежерь переводитъ это такъ: „aussi il n'aima pas l'effusion du sang" (р. 131). Хотя такое толкованіе не лишено вѣроятія, но по смыслу слѣдуетъ, кажется, предпочесть противоположное. Въ извѣстіи о смерти жены Ярослава пропущено (Ипатскій списокъ) число 10-го февраля. Объ Антоніѣ въ текстѣ читаемъ: „аднѣи хлѣбъ сухъ, и то чересъ день", въ переводѣ же видимъ: „ne mangeant que son pain sec toute la journée" (р. 133). Въ томъ же сказаніи встрѣчается спорное извѣстіе, съ которымъ не знаютъ какъ и быть толкователи, о томъ, что Антоній жилъ 40 лѣтъ въ пещерѣ; переводчикъ прибѣгаетъ здѣсь къ способу Александра Македонскаго и ставитъ: „de longues années" (р. 134). Въ обращеніи

братья къ Антонію пропущены слова: „умножились братья“. Въ похвалу Печерскаго монастыря сказатель говоритъ: „Мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ боярь и отъ богатства поставлени“, а въ переводѣ: „beaucoup de monastères ont été fondés avec de rois...“ (р. 135). Имя монаха, принесшаго Студійскій уставъ, сохранено въ текстѣ: его звали Михайль, и пропущено въ переводѣ (ib.). Во время смерти Ярослава Изяславъ по тексту (Ипатскій списокъ) былъ въ Туровѣ, а по переводу—въ Новгородѣ (р. 137). Здѣсь за переводчика стоитъ авторитетъ издателя Лаврентьевскаго списка, который вставилъ въ текстъ: „Новгородѣ“, заимствовавъ изъ Воскресенскаго лѣтописнаго сборника. Но когда мы вспомнимъ, что Святополкъ Володиміровичъ княжилъ въ Туровѣ и отсюда перешелъ какъ старшій въ Кіевъ, когда мы вспомнимъ далѣе, что Туровъ былъ и поздне въ родѣ Изяслава Ярославича, то едва ли не слѣдуетъ принять чтеніе Ипатскаго списка предпочтительно передъ позднѣйшимъ. Ярославъ умеръ въ день св. Θεодора, а не Θεодосія, какъ читаемъ у г. Лежера (р. 137). Въ извѣстїи о походѣ Всеволода на Торковъ пропущено мѣсто бытвы: „к Воиню“ (ib.). Въ числѣ князей, ходившихъ противъ Торковъ въ 6568 году, пропущенъ Всеславъ (р. 138). При извѣстїи о посаженїи Глѣба Святославича въ Тмутаракани пропущено важное слово: пакы (р. 139). Въ похвалѣ кресту пропущены слова: „крестомъ бо побѣжены бывають силы бѣсовскія“ (р. 146). Въ разказѣ о „киевскомъ волхвѣ“ пропущены слѣдующія слова: „явили ми ся 5 богъ, глаголюще сицѣ: повѣдай людемъ“ (Ипатскій списокъ), и тамъ же слово погостъ переведено слишкомъ обще словомъ un pays (р. 148). Въ разказѣ о волхвѣ и Новгородцѣ въ текстѣ: „и шибѣ имъ бѣсъ“, а въ переводѣ: „le demon le fouettait (р. 151); тамъ же „бѣси же мечтавши имъ“ передано тоже: en le fouettant (р. 152). При перенесенїи мощей Бориса и Глѣба опущено имя переславскаго игумена Николы (р. 156). Въ сказанїи объ Исаакїѣ пропущено: „сей же Исаакїѣ восприятъ житие крѣпко“; выраженїе „и таже чересь день“ переведено, какъ и прежде: „toute la journée“; тамъ же проскура переведена словомъ hostile (р. 162). Въ походѣ Всеволода въ 6586 г. на Половецъ Иванъ Жирославичъ названъ Ivan Jaroslavitch (р. 168); въ разказѣ объ осадѣ Чернигова „градъ околний“ переводится „partie extérieure de la ville“, а „градъ дѣнѣшнїй“— „intérieure de la ville“ (р. 169). Это и такъ и не такъ; дѣло въ томъ, что здѣсь разумѣются двѣ ограды (стѣны, валы): кремль, дѣтинецъ и т. п. — градъ дѣнѣшнїй, а вторая ограда (въ родѣ Московскаго

Въ благо города или поздне Земланаго) — „градъ околний“. Подъ 6594 годомъ читаемъ въ текстѣ (Ипатскій списокъ): „Всеволодъ заложи церковь святаго Андрѣя, при Иванѣ преподобномъ митрополити“, а въ переводѣ: „Vsevolod fonda l'église de Saint-André du très saint métropolitain Ivan“ (р. 173). Ярополкъ Изяславичъ похороненъ въ церкви св. Петра, а не Павла, какъ въ переводѣ (р. 174); при освященіи великой церкви Печерской въ числѣ духовныхъ лицъ поминается (Ипатскій списокъ) Юрьевскій игуменъ Антоній, а въ переводѣ évêque (р. 175); церковь св. Θεодора построена по тексту въ Переяславѣ на воротахъ (что часто бываетъ, напримѣръ, на Золотыхъ Воротахъ во Владимірѣ Кляземскомъ), а въ переводѣ: à la porte (р. 176). Мономахъ, отрекаясь въ пользу Святополка отъ стола Кіевского, говоритъ въ текстѣ: „яко есть столъ прежде отца его былъ“, а въ переводѣ вмѣсто отца читаемъ frère (р. 182). По тексту Святополкъ началъ войну съ Половцами, не посовѣтовавшись „с большею дружиною отнею и стрья своею“, а г. Лежеръ бѣльшую передаетъ словами la plus nombreuse (р. 183), тогда какъ здѣсь подъ бѣльшую разумѣется старѣйшая. „Земля наша оскудѣла есть отъ рати и отъ продажъ“ говорили Святополку дружинники (продажи — судебная пѣня), а въ переводѣ читаемъ: „la guerre a arrauvri notre pays; on a vendu les habitans“ (р. 183). Въ разказѣ о взятіи Печерскаго монастыря говорится: „а другимъ възбѣгшимъ на полати“, въ переводѣ же: „d'autres se cachaient dans les greniers“ (р. 194). Въ сказаніи о происхожденіи Половцевъ читаемъ: „Аще ли бо суть отъ пустыни Етрянския межн вѣстокомъ и сѣверомъ“, а въ переводѣ: „ils sont sortis du désert d' Iatreb pour marcher sur l'Orient et le Midi“ (р. 195). Въ сказаніи о борьбѣ Олега съ сыновьями Мономаха поминается Θεодорова недѣля, а въ переводѣ „la semaine du jeûne de saint Théodose“ (р. 199); по случаю отъѣзда Мстислава въ Новгородъ текстъ прибавляетъ: въ „городъ свой“, что опущено въ переводѣ. Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька передаются слова Давида: „кто есть убилъ брата твоего Ярополка?“ а въ переводѣ говорится: son frère (р. 201, то же р. 203) Василько говоритъ: „уже есмь повелѣлъ товаромъ пойти переди“; товаръ—обозъ, а въ переводѣ soldats (р. 202). Въ текстѣ: „Святополкъ же хоташе пустити и, но Давидъ не хоташе. блюдася его“ (то-есть, боасъ, остерегаясь), а въ переводѣ: „et il le gardait“ (р. 203); конюхъ Святополка звался Сновидъ Изечевичъ, а на Tzetchevitch, какъ въ переводѣ (ib.). Давидъ поручилъ Василию предложить Васильку одинъ изъ трехъ городовъ: Всеволожъ, Шеполъ

или Перемиль, а въ переводѣ *Vsévlažd, Térébovl ou Pramysl* (Перемиль—городъ галицкій, а Перемиль—волыньскій) (р. 207). Теребовль попалъ, вѣроятно, на основаніи словъ Васильки: „но се и дивно, дасть ми градъ свой, а мой Теребовль моя волость“; но это скорѣе означаетъ покушеніе Давида на его городъ. Переводчикъ здѣсь пользуется указаніемъ Эрбена, но тѣмъ не менѣе въ исправленіи этого мѣста едва ли была надобность. Въ сраженіи при Выгрѣ Угровъ по тексту было 100,000 и убито ихъ 40,000; цифры, конечно, преувеличены, но поправлять ихъ переводчикъ не можетъ, а между тѣмъ у него показано всѣхъ Угровъ 8,000, и убитыхъ 4,000 (р. 212). Подъ годомъ 6607 пропущено извѣстіе: „в сеже, гѣто побѣдени Угры у Перемишля“. Подъ 6608 годомъ въ извѣстіи объ уходѣ на море князя Мстислава въ переводѣ читаемъ: *fihs de David* (р. 215), а въ текстѣ: „отъ Давида“; Мстиславъ былъ племянникъ, а не сынъ Давида (сл. р. 213 и приложенную къ переводу генеалогическую таблицу). При извѣстіи о походѣ въ Золотечю въ перечнѣ князей пропущено при имени Ярослава „братъ ея“ (то-есть, Давида и Олега). Подъ 6610 годомъ пропущено: „В се же гѣто преставися Володиславъ Лядскій князь“. Въ числѣ Половецкихъ князей, убитыхъ въ походѣ 6611 г., приведены повѣрно два имени: *Ougouba* вмѣсто Урусобъ и *Kuman* вмѣсто Кунамъ (р. 219). Подъ 6612 г. читаемъ въ переводѣ: „*un fihs naquit à Vladimir et on l'appela Briatcheslaw*“ (р. 220), а въ текстѣ: „и родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ“ (сл. также генеалогическую таблицу въ концѣ перевода). Подъ 6614 годомъ въ перечнѣ лицъ, посланныхъ Святополкомъ противъ Половцевъ, поминается: „*Ivan Zacharietch le Kozage*“ (р. 221), а въ текстѣ это—два разныхъ лица. Въ описаніи похода на Половцевъ 6615 г. въ текстѣ послѣ извѣстія о бѣгствѣ Шарукана встрѣчаются слѣдующія, не находящіяся въ переводѣ слова: „отбѣгоша же товара своего, еже взяша Русскии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратипася всвоися с побѣдою великою“ (Лавр.). При извѣстіи о составленіи Печерскаго синодика читаемъ въ переводѣ: „*Tous les évêques l'inscrivirent avec joie et déclarèrent qu'ils le mentionneraient dans tous leurs conciles*“ (р. 223). Въ текстѣ: „соборехъ“; подъ этимъ словомъ надо разумѣть или соборное служеніе или соборную церковь, но ни какъ не concile. Подъ 6617 годомъ Евпраксія названа дочерью Всеслава, а въ текстѣ—Всеволожа. Въ похвалѣ ангеламъ, вставленной въ сказаніе о походѣ на Половцевъ, въ упоминаніи пораженія архангеломъ Михаиломъ Персовъ (р. 231) пропущено характерное

выраженіе: „въ часъ прогнѣванья“. Подъ 6619 годомъ читаемъ въ переводѣ: „Cette année mourut la princesse, fille de Vsevolod“ (р. 233), а въ текстѣ: „княгиня Всеволожая (то-есть, жена Всеволода). Въ извѣстїи о смерти Черниговскаго епископа вмѣсто 12-го ноября надо читать 23-го (р. 233). Въ извѣстїи о поставленїи епископомъ Черниговскимъ Теофиста въ переводѣ читаемъ: „Le prince David s'en rejouit, la princesse aussi; car il était son рагgain“ (р. 234), въ текстѣ: „отецъ духовный“ (то-есть, духовникъ). По случаю смерти Святополка въ переводѣ читаемъ: „La princesse distribua de grandes richesses entre les monastère et les prêtres“ (р. 235), а въ текстѣ еще есть: „и убогимъ“. Въ томъ же извѣстїи тысячскїй переведенъ слишкомъ обще словомъ capitaine. Вообще разнообразіе терминологїи, которое допускается иногда почтеннымъ переводчикомъ, нѣсколько вредитъ ясности пониманія.

За переводомъ лѣтописи слѣдуетъ переводъ Поученія Мономаха, его письма къ Олегу и молитвы. Краткое предисловіе предшествуетъ тексту. Въ этомъ предисловіи авторъ излагаетъ біографію Мономаха: характеризуетъ его сочиненія, пользуясь статью г. Протопопова. Переводъ Мономахова Поученія—дѣло трудное, и г. Смитъ отказался отъ него; есть мѣста очень неясныя и для русскихъ ученыхъ, но г. Лежеръ вышелъ съ честью изъ этого труднаго предпрїятія; при всемъ вниманїи, съ которымъ мы слѣдили за его переводомъ, неточностей и погрѣшностей нами замѣчено очень не много, да можетъ быть (что относится и къ замѣчаніямъ на лѣтопись), въ иныхъ случаяхъ правъ и переводчикъ. Отмѣтимъ то, что считаемъ погрѣшностью. Въ самомъ заглавіи Ярославъ называется опсіе (р. 243), а онъ—дѣдъ. Въ текстѣ читаемъ: „Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохриатаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на сажѣхъ сѣдя, безмѣпциу еси молвилъ“. Переводчикъ въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ поправку и переводитъ: „но тако се рекутъ“ словами „et qu'il ne dise point“ (р. 243), чѣмъ уничтожается черта смиренія, высказанная ядѣсь Мономахомъ, который желалъ бы, чтобы несогласные съ нимъ не смѣялись, а съ сожаленіемъ высказали бы свое сужденіе, какъ онъ самъ высказалъ бы его о другомъ. У переводчика онъ какъ бы желаетъ сохранить свою непогрѣшимость, а въ подлинникѣ онъ сознаетъ возможность своей ошибки. Въ текстѣ: „вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я“; въ переводѣ слова: „в печали“ пропущено (р. 244). Въ текстѣ: „не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконіе“, въ переводѣ: „ne t'irrite point à

cause des gens malins" (ib.). Въ текстѣ: „богатство грѣшныѣхъ много“, въ переводѣ: „l'abondance de biens des plusieurs méchants“ (ib.). Знаменитое слово у не и на — сгих commentatorum — г. Лешеръ переводитъ словами mendiant (р. 250), принимая, какъ полагаемъ, вѣроятное мнѣніе Аристова, который говоритъ: „лучше объяснять такъ и не и на — малаго, слабаго, бѣднаго“ (Христоматія, 855). Въ текстѣ: „на ту весну къ Ярополку совокупляться на броды“, въ переводѣ вмѣсто Ярополка стоитъ Святополкъ (р. 252), хотя нѣсколько строчекъ ниже правильно Ярополкъ. Въ текстѣ: „Завтра, на Господинъ день“ (то-есть, въ Успенье), въ переводѣ: „jour du Seigneur“ (р. 253). Въ текстѣ: „самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю“, а въ переводѣ: „J'allai moi-même dans le domaine de mon père à Tchernigov“ (р. 253). Половецкій ханъ Итларъ въ переводѣ называется Itar (р. 254). „За Росѣ“ подлинника переводится: „au delà de la Russie“ (р. 254). Послѣ похода на Боняка въ переводѣ пропущено: „И Богъ ны поможе“; Ярославецъ въ переводѣ „le fils d'Iaroslav“, хотя это уменьшительное въ родѣ Мстиславецъ, Василько и т. п. Въ письмѣ къ Олегу отмѣтимъ счастливую мысль: по примѣру Миклошича, переводъ начать словами: „Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ“, которыя относятся обыкновенно къ „Почученью“. Но напрасно при словѣ: mon fils стоитъ въ скобкахъ spirituel, ибо относится къ Мстиславу, родному сыну Мономаха (р. 257, сл. прим. 2, р. 258). Въ самомъ переводѣ мы замѣтили только одну неточность: въ переводѣ словъ: „добра хочу братья и Русьскій земли“ слово „братья“ пропущено. Въ переводѣ „Молитвы“ встрѣчаемъ нѣкоторое недоразумѣніе: въ текстѣ читаемъ: „Андрѣа Честный, отче трблаженный, пастуше Критскій“, а въ переводѣ: „Saint André, père bienheureux, pasteur du Christ“ (р. 261), при чемъ въ примѣчаніи указывается на особенное почитаніе въ Руси св. Андрея Первозваннаго. Но здѣсь говорится не о немъ, а объ Андрѣ Критскомъ, сочинителѣ Покаяннаго Псалма.

Просмотрѣвъ наши замѣтки, читатель увидитъ, что большинство ихъ очень мелки, и мы рѣшились на нихъ только въ интересѣ дѣла; но по нашему мнѣнію, самая мелочность этихъ замѣтокъ свидѣтельствуеетъ о добросовѣстности и серьезности труда французскаго профессора. Передъ нами рѣдкій примѣръ иностранца, пристально и глубоко изучающаго старыи нашъ языкъ и памятники письменности. Отнынѣ лѣтопись первоначальная, переданная изящнымъ французскимъ языкомъ, становится общимъ достояніемъ европейской науки.

Смѣло можемъ сказать, что за исключеніемъ немногихъ легко устранимыхъ недоразумѣній, текстъ вѣрно понятъ и изящно переданъ.

Книга заключается алфавитнымъ указателемъ, который по счастливой мысли автора долженъ служить въ то же время и постояннымъ комментариемъ. Такимъ образомъ, примѣчанія не рябятъ передъ глазами читателя, не мѣшаютъ тексту, но встрѣчая недоразумѣніе, читатель обратится къ указателю и на своемъ мѣстѣ найдетъ нужна для него свѣдѣнія. Г. Лежеръ болѣе всего настаиваетъ на томъ, что его переводъ и указатель пойдутъ на пользу норманской теоріи. Мы не станемъ вдаваться въ варяжскій вопросъ, ибо на то не имѣемъ ни времени, ни мѣста; скажемъ только, что переводчикъ лѣтописи воспользовался новѣйшими трудами въ этомъ направленіи, и желающіе познакомиться съ сущностью того, что сдѣлано Томсономъ и Смитомъ, могутъ съ пользою для себя обратиться къ труду г. Лежера. Съ литературою, касающеюся лѣтописи и служащей ей объясненіемъ, г. Лежеръ знакомъ основательно; мы можемъ пожалѣть только, что онъ не обратился къ трудамъ Н. П. Барсова, въ которыхъ нашелъ бы приблизительное опредѣленіе нѣкоторыхъ затруднявшихъ его географическихъ названій, опредѣленіе если не вполне вѣрное, то по крайней мѣрѣ вѣроятное. Сколько мы замѣтили, в Атласъ Е. Е. Замысловскаго не входилъ въ число его пособій. Обратясь къ географическимъ трудамъ, онъ опредѣлялъ бы Долобскъ, Дорогобужъ, отдѣлилъ бы два Юрьева (Ливонскій и Русскій, р. 315); не искалъ бы Корсуна у устья Днѣпровскаго (р. 320); зналъ бы, что Клешино озеро есть Переяславское; внесъ бы въ указатель Кулачекъ (долженъ быть на стр. 324), опредѣлилъ бы Красно, Микулинъ (который онъ напрасно считаетъ не городомъ, а лицомъ, р. 385), Нѣмиву, Нуру, Одрьскъ, Олешье, Пѣщану, Погорыню, Прѣволоку, Радосынъ, Рожьнъ, Саковъ, Сѣтомль; не смѣшалъ бы двухъ Стародубовъ (Черниговскаго и Клязьменскаго, р. 372); указалъ бы Варинъ, Вороницу, Вырь, Засаковци, Здвиженъ. Обратимся къ другимъ сторонамъ указателя: въ немъ есть нѣсколько пропусковъ: такъ, мы не нашли ни епарха, ни октоиха, которые упоминаются въ текстѣ; встрѣтили ссылку на заподозрѣнные документы Фирковича (р. 319) безъ всякой оговорки. Вмѣсто Jaroslav fils de Vsevolod долженъ бы стоять Ярополкъ, сынъ Изяслава (см. генеалогическую таблицу—названіе Ярополка Ярославомъ непонятно, но смѣшеніе отчества возможно въ виду того, что на стр. 172 Ярополкъ безъ отчества упоминается вслѣдъ

за Володиміромъ, названнымъ сыномъ Всеволода). Жаль, что авторъ незнакомъ съ отношеніемъ Святослава сборника къ Симеонову, иначе онъ не приписалъ бы составленіе сборника приказу Святослава (р. 346). Въ концѣ позволю себѣ небольшое личное замѣчаніе: г. Лежаръ, сочувственное отношеніе котораго къ моей книгѣ я цѣню очень высоко, приписываетъ мнѣ (р. 346) мнѣніе, будто вся исторія Асеольда и Дира вымышлена. Я такъ рѣшительно не говорилъ (въ Р. Ист., I, 99). Я желалъ только сказать, что ихъ прибытіе изъ Новгорода, можетъ быть, вымыселъ, но княженіе въ Кіевѣ князей, которыхъ могла быть известна, которые ходили подъ Царьградъ (положимъ, что Греки именъ не знаютъ), изъ которыхъ одинъ по крайней мѣрѣ крестился, нельзя считать миеомъ.

Вотъ все, что мы могли сказать о замѣчательномъ трудѣ г. Лежера, дѣлающемъ честь современной французской наукѣ, которая, не смотря на неблагоприятныя для занятій времена, на вліяніе новыхъ ученій, отвлекающихъ людей отъ интересовъ чистаго знанія, не желаетъ терять своего высокаго положенія въ европейскомъ умственномъ движеніи. Намъ радуется книга г. Лежера и съ этой стороны, какъ новое подтвержденіе того, въ чемъ мы лично были увѣрены.

И. Вестумевъ-Рюминъ.

Новый журналъ по общему языковѣдѣнію.

INTERNATIONALE ZEITSCHRIFT FÜR ALLGEMEINE SPRACHWISSENSCHAFT unter Mitwirkung der Herren *L. Adam* und anderen Gelehrten des In- und Auslandes herausgegeben von *F. Techmer*, Docenten der allgemeinen Sprachwissenschaft an der Universität Leipzig. Leipzig. 1884.

Дѣйствительно научное, теоретическое изслѣдованіе слова человѣческаго вообще и отдѣльныхъ группъ языковъ началось въ Европѣ очень недавно. Тѣмъ не менѣ лингвистическая литература разрослась до такихъ размѣровъ, что самый способный и самый трудолюбивый человѣкъ не былъ бы въ состояніи слѣдить за нею, даже еслибы все свое время посвятилъ этому занятію. Впрочемъ, это общее свойство всѣхъ обособившихся въ новѣйшее время наукъ. Но въ языковѣдѣніи, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, дѣло осложняется еще тѣмъ, что съ самимъ матеріаломъ, подвергающимся изслѣдованію разныхъ лингвистовъ, нѣтъ возможности ознакомиться

хотя бы только въ самой незначительной мѣрѣ. Физикъ, химикъ, біологъ, политико-экономъ и даже историкъ. могутъ составить себѣ понятіе о всѣхъ фактическихъ данныхъ, подходящихъ подъ общее понятіе ихъ науки. Вся трудность слѣдить за развитіемъ ихъ наукъ заключается въ быстромъ развитіи частныхъ изслѣдованій и обобщеній и въ постоянно измѣняющейся постановкѣ частныхъ вопросовъ и даже, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ наукъ, общихъ точекъ зрѣнія, теорій и гипотезъ. Совсѣмъ не то въ языковѣдѣніи. Предметъ его изученія — языки. Усвоить же себѣ хотя бы только одинъ языкъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть въ состояніи вполне сознательно и критически относиться къ выводамъ, извлекаемымъ изъ теоретическаго изслѣдованія данныхъ этого языка, — дѣло далеко не легкое и требующее довольно много времени. Въ виду этого всѣ безъ исключенія лингвисты, даже самые даровитые и имѣющие очень много свободнаго времени, должны ограничиваться только незначительнымъ количествомъ языковъ, въ которыхъ они считаютъ себя полными хозяевами, и про отдѣльныя особенности которыхъ у нихъ составилось вполне определенное сужденіе. Это и дало начало столькимъ отраслямъ языковѣдѣнія съ болѣе или менѣе обширнымъ объемомъ. Благодаря тому, сложились исторически въ особую науку, напримѣръ, изслѣдованія языковъ аrioевропейскихъ (индоевропейскихъ, индогерманскихъ), ватѣмъ языковъ семитическихъ, языковъ финско-тюркскихъ (урало-алтайскихъ), собственно же говоря, отдѣльно языковъ финскихъ и отдѣльно тюркскихъ и т. д., при чемъ, конечно, весьма возможно въ одномъ и томъ же лицѣ соединеніе солидныхъ знаній изъ области тѣхъ и другихъ языковъ, напримѣръ, языковъ аrioевропейскихъ (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ) и языковъ семитическихъ. Затѣмъ, въ области отдѣльныхъ изъ названныхъ группъ обособились въ отдѣльное научное цѣлое изслѣдованія частныхъ группъ, при чемъ чистое языковѣдѣніе соединяется съ филологіей вообще. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстно специальное изслѣдованіе языковъ арийскихъ (индійскихъ и иранскихъ или персидскихъ) въ связи съ арийскою филологіей, или же только специальное изслѣдованіе древне-индійскаго языка (санскрита) въ связи съ древне-индійскою филологіей. Точно также древне-классическая филологія сдѣлана исторически съ научнымъ изслѣдованіемъ языковъ греческаго (или точнѣе, греческихъ діалектовъ) и языка латинскаго вмѣстѣ съ остальными италійскими. Затѣмъ, весьма почетное мѣсто въ исторіи научнаго движенія XIX столѣтія заняли филологіи романская, герман-

ская, славянская, гдѣ все-таки на первомъ планѣ стоитъ изслѣдованіе соответственныхъ языковъ, языковъ романскихъ, германскихъ, славянскихъ. Изслѣдованіе языковъ семитическихъ соединяется обыкновенно съ филологіей семитическою или, въ частности, съ филологіей арабскою (арабско-мусульманскою), еврейскою и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что громаднаго большинства существующихъ языковъ наука даже не тронула еще, и они все еще остаются вполнѣ неизвѣстною величиною.

Каждая изъ вышеназванныхъ отраслей лингвистики имѣетъ свои спеціальныя органы въ видѣ журналовъ и разныхъ повременниковъ. Такъ, напримѣръ, спеціально лингвистическимъ журналомъ въ области языковъ аrioевропейскихъ является *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* (Berlin, 1852 и слѣд.), основанный А. Кунемъ и посвященный сначала только языкамъ и діалектамъ германскимъ, греческимъ и древне-италійскимъ. Сообразно съ этимъ его первоначальное заглавіе было: *Zeitschrift f. vergl. Sprachf. a. d. Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*, только въ 1877 г. замѣненное вышеназваннымъ заглавіемъ. Въ настоящее время главнымъ редакторомъ этого журнала состоитъ Іоганнъ Шмидтъ. До преобразования этого журнала въ органъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, то-есть, тогда, когда онъ былъ посвященъ только тремъ группамъ индоевропейскихъ языковъ, тѣ же издатели-книгопродавцы (Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung) въ видѣ дополненія къ нему издавали *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen* (сначала) herausgegeben von A. Kuhn und A. Schleicher (и затѣмъ, со смертію Шлейхера) unter Mitwirkung von A. Leskien und J. Schmid herausg. von A. Kuhn (Berlin, 1858—1874). Подъ названіемъ „арисче Sprachen“ подразумѣвались здѣсь языки семей индійской, иранской и языкъ армянскій, подъ названіемъ же „slawische Sprachen“ — языки не только славянскіе, но и „балтійскіе“ (литовскій, древне-пруссскій, латышскій).

Затѣмъ, сравнительной грамматикѣ языковъ аrioевропейскихъ посвящены *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen* herausgegeben von Dr. Adalbert Bezenberger (Göttingen, 1877 и слѣд.). Языкамъ греческому и латинскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всей классической филологіи, посвящены въ Германіи: *Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft* herausgegeben von Conrad Bursian (Berlin.

1873 и слѣд.); *Rheinisches Museum für Philologie*. 1846 и слѣд.; *Philologische Rundschau*. Herausg. von Dr. C. Wagener und Dr. E. Ludwig (Bremen. 1881 и слѣд.); *Philologische Wochenschrift* unter Mitwirkung von G. Andresen und H. Heller herausg. von Wilhelm Hirschfelder (Berlin, 1881 и слѣд.) и т. д.; во Франціи же: *Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes*. Nouvelle série dirigée par MM. Ed. Tournier, L. Havet et Ch. Graux (Paris, 1877 и слѣд.).

За работами по части разныхъ языковъ „восточныхъ“, равно какъ и по части ориентальной филологіи вообще или, точнѣе, разныхъ ориентальныхъ филологій (индійской, иранской, семитической, турецкой, китайской и т. д.), можно слѣдить по журналамъ: *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*. Herausg. unter der verantwortlichen Redaction des Prof. Dr. Ludolf Krehl (Leipzig); *Revue orientale, journal des intérêts des orientalistes*, publié mensuellement (Paris) и т. д. — *Bollettino italiano degli studi orientali*, изданіе Андж. де Губернатиса (Angelo De Gubernatis) (Firenze, 1876—1879), имѣлъ только временный характеръ, и послѣ 4-го съѣзда ориенталистовъ во Флоренціи 1878 г. совершенно прекратился.

Филологіи романской и въ этомъ числѣ изслѣдованію языковъ романскихъ посвящены, между прочимъ: *Revue des langues romanes* (Paris, 1878 и слѣд.); *Romania*; *Zeitschrift für romanische Philologie*; *Romanische Studien*, herausg. von E. Boehmer (Turin, Florenz, Rom, Strassburg, Paris, London. 1874 и слѣд.).

Во главѣ журналовъ, посвященныхъ германской филологіи и научному изслѣдованію языковъ германскихъ въ связи съ другими аrioевропейскими съ новѣйшей точки зрѣнія, слѣдуетъ поставить: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, herausg. von H. Paul und W. Braune (Halle a. d. S. 1874 и слѣд.).

Языками романскими и германскими совместно занимаются: *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*. Herausg. von L. Herrig (und H. Viehoff) (Braunschweig, 1846 и слѣд.); *Jahrbuch für romanische und englische Sprache und Literatur*. Begründet im Verein mit F. Wolf von A. Ebert. Herausg. von Dr. L. Lemcke. Neue Folge (Leipzig, 1874 и слѣд.) (раньше: 1859—1871); *Literaturblatt*

für germanische und romanische Philologie. Unter Mitwirkung von Prof. Dr. K. Bartsch herausg. von Dr. O. Behaghel und Dr. F. Neumann (Heilbronn, 1880 и слѣд.) и пр. Даже кельтская филологія имѣетъ свой специальный органъ: *Revue celtique publiée avec le concours des principaux savants des îles Britanniques et du continent et dirigée par H. Gaidoz* (Paris, 1871 и слѣд.).

Органъ славянской филологіи вообще появился только въ новѣйшее время. Это — *Archiv für slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausg. von V. Jagić* (Berlin, 1875 и слѣд.). Журналовъ же, посвященныхъ изслѣдованіямъ по преимуществу одного какого-нибудь славянскаго языка, или же только случайно помѣщающихъ статьи и отчеты по славянской филологіи и лингвистикѣ, нельзя считать органами славянской филологіи вообще. Выходящій въ Варшавѣ *Русскій Филологическій Вѣстникъ*, основанный въ 1879 г. покойнымъ Колосовымъ, и издаваемый нынѣ А. И. Смирновымъ, только отчасти удовлетворяетъ своему назначенію — служить органомъ славянской филологіи вообще, ибо не имѣетъ для этой цѣли достаточнаго количества сотрудниковъ.

Не только для вышеназванныхъ, но и для разныхъ другихъ отраслей языковъ есть журналы, посвященные ихъ специальной обработкѣ и научному освѣщенію. Но все это — журналы специального характера. Слѣдить за ними могутъ только люди, знакомые основательно съ данными языками.

Между отдѣльными языками, соединяемыми такимъ образомъ въ одну группу на почвѣ специальныхъ журналовъ, имѣется всегда связь историческая: или генетическая связь, связь общаго происхожденія носителей этихъ языковъ (напримѣръ, языковъ аріевропейскихъ, языковъ семитическихъ, языковъ славянскихъ и т. п.), или же связь географическаго сосѣдства и культурнаго вліянія (напримѣръ, народовъ восточныхъ, народовъ мусульманскихъ, народовъ „классическихъ“ и т. п.). Въ первомъ случаѣ имѣется сравнительная грамматика въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова — сравнительная грамматика, приводящая соотвѣтственныя явленія родственныхъ языковъ къ одному общему историческому „знаменателю“; во второмъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ филологіей народовъ, связанныхъ культурнымъ взаимодействіемъ.

Но рядомъ съ этимъ сложилась, хотя пока только въ зародкѣхъ, „сравнительная грамматика“ въ болѣе обширномъ и въ болѣе воз-

вышнемомъ смыслѣ, основывающаяся на сходствѣ человѣческой природы вообще и стремящаяся отыскать общія основанія возникновенія и развитія рѣчи человѣческой у всѣхъ безъ исключенія народовъ, равно какъ опредѣлить сходства и различія этого развитія сообразно съ различіемъ обуславливающихъ обстоятельствъ. Здѣсь имѣемъ дѣло съ родствомъ племенъ и народовъ, но не съ родствомъ языковымъ (глоттическимъ, лингвистическимъ), а съ родствомъ до-языковымъ (анте-лингвистическимъ). Здѣсь имѣется общечеловѣческая подкладка, родство не предметовъ изслѣдованія, а совершающихся въ нихъ процессовъ. Такъ понятіе языковѣднія находится въ тѣсной связи съ этнологіей и исторіей рода человѣческаго вообще.

Для успѣшной дѣятельности въ только что указанномъ направленіи необходимо существованіе особаго обще-лингвистическаго журнала, который давалъ бы возможность слѣдить за результатами изслѣдованій въ разныхъ странахъ у разныхъ народовъ и въ разныхъ специальныхъ областяхъ языковѣднія. Къ подобной цѣли ведутъ два пути. Съ одной стороны, такой журналъ долженъ печатать изслѣдованія общаго свойства, изслѣдованія, или разбирающіе основные процессы возникновенія и развитія слова человѣческаго, или же дающіе обобщенія, извлекаемыя изъ частныхъ изслѣдованій въ области отдѣльныхъ языковъ и группъ языковъ. Съ другой стороны, безусловно необходимы въ подобномъ журналѣ краткіе, но полные отчеты о всѣхъ текущихъ открытіяхъ въ области лингвистики, имѣющихъ общее значеніе, а между тѣмъ разсѣянныхъ по разнымъ сочиненіямъ и разнымъ специальнымъ журналамъ разныхъ странъ и народовъ. Конечно, этого нельзя достигнуть, не имѣя въ разныхъ странахъ специальныхъ сотрудниковъ, взявшихъ на себя трудъ давать отъ времени до времени подобныя отчеты. Наконецъ, въ видѣ дополненія къ двумъ только что указаннымъ существеннымъ отдѣламъ, могли бы быть помѣщаемы въ журналѣ специальныя изслѣдованія мало извѣстныхъ языковъ (напримѣръ, американскихъ, австралійскихъ, африканскихъ).

Потребность въ подобномъ журналѣ ощущалась уже въ самомъ началѣ возникновенія научнаго языковѣднія. Вслѣдствіе этой потребности, еще въ 1808 былъ основанъ журналъ *Allgemeines Archiv für Ethnographie und Linguistik* herausg. von F. J. Bertuch und J. S. Vater. Weimar, 1808 и слѣд., довольно скоро прекратившійся. Точно также только нѣсколько лѣтъ просуществовалъ журналъ *Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache*. Herausg. von Dr. Al-

bert Hoefler. Greifswald 1849 и слѣд., не имѣвшій впрочемъ почти никакого вліянія. Основанный Бенфеємъ журналъ *Orient und Occident insbesondere in ihren gegenseitigen Beziehungen. Forschungen und Mittheilungen. Eine Vierteljahrsschrift herausg. von Theodor Benfey. Göttingen. 1862—1866*, имѣлъ другое назначеніе и продержался только до 3-го выпуска III тома.

Французскаго журнала *Revue de linguistique et de philologie comparée recueil trimestriel publié par M. Girard de Rialle avec le concours de M. M. Emile Picot et Julien Vinson. Paris. 1867* и слѣд. нельзя считать органомъ общаго языковѣднія, такъ какъ помѣщаемыя въ немъ статьи и отчеты имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Точно также случайно попадаются труды и рецензіи обще-лингвистическаго характера въ итальянской *Rivista di filologia e d'istruzione classica, direttori G. Müller et D. Pezzi (Roma. Torino. Firenze. 1873* и слѣд.), въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ (Варшава. 1879 и слѣд.), Филологическихъ Запискахъ, издаваемыхъ А. Хованскимъ (Воронежъ. 1860 и слѣд.), въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и т. п., равно какъ въ изданіяхъ академій и разныхъ специально-лингвистическихъ и филологическихъ обществъ отдѣльныхъ европейскихъ странъ и Сѣверной Америки. Во главѣ этихъ изданій слѣдуетъ, кажется, поставить *Mémoires de la Société de linguistique de Paris (1868* и слѣд.). Большую заслугу по части развитія и упроченія ясныхъ и вѣрныхъ обще-лингвистическихъ понятій имѣетъ выше названный органъ германистовъ новѣйшаго направленія, *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur herausg. v. H. Paul u. W. Braune (Halle, 1874* и слѣд.).

Въ настоящее время довольно значительно и все растетъ число ученыхъ, признающихъ, рядомъ съ сравнительною грамматикой историческаго характера, необходимость существованія тоже общаго языковѣднія. Но еще какихъ-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Германіи, напримѣръ, существовалъ только небольшой кружокъ съ подобнымъ направленіемъ. Главнымъ представителемъ этого направленія слѣдуетъ считать Штейнтала, который основательно изучилъ сочиненія величайшаго лингвиста, Вильгельма Гумбольдта, и явился продолжателемъ его ученія. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Лапарусомъ, Штейнталь основалъ обще-лингвистическій журналъ *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.*

Herausg. von Dr. M. Lazarus und Dr. H. Steinthal (Berlin. 1860 и слѣд.)

Не смотря на недоброжелательство и пренебреженіе, съ которымъ къ этому журналу относились „сравнительные грамматики“, въ особенности Шлейхеровой школы, онъ все-таки сдѣлалъ свое дѣло и имѣлъ большое вліяніе. „Новѣйшее психологическое направленіе“ языковѣдѣнія въ значительной мѣрѣ обязано своимъ возникновеніемъ протестамъ Штейнтала и его друзей противъ мертвящаго схематизма и догматизма Шлейхера и другихъ лингвистовъ того же направленія. Журналъ Штейнтала и Лазаруса существуетъ по настоящее время; но онъ никакъ не можетъ считаться центральнымъ органомъ общаго языковѣдѣнія, такъ какъ, во-первыхъ, онъ никогда не ставилъ себѣ подобной задачи, а во-вторыхъ, онъ слишкомъ подчеркиваетъ одну только психическую сторону языка, да къ тому же толкуемую съ невѣрной точки зрѣнія. „Народная“ же „психологія“ (Völkerpsychologie) есть абсурдъ, какъ это основательно доказано Паулемъ въ его „Prinzipien der Sprachgeschichte“ (Halle, 1880, стр. 9—14).

Сознавая, въ виду подобнаго положенія вещей, необходимость дѣйствительнаго обще-лингвистическаго журнала въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, доцентъ Лейпцигскаго университета докторъ Техмеръ задумалъ издавать Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Весною 1884 года появился первый выпускъ названнаго журнала, посвященный памяти Вильгельма Гумбольдта и украшенный изящнымъ портретомъ этого ученаго.

Изъ программы журнала (Vorbemerkungen, Programm der Zeitschrift, стр. XII—XVI) узнаемъ, какимъ путемъ у г. Техмера возникла мысль объ изданіи международнаго общелингвистическаго журнала. Г. Техмеръ занимался сначала философійю, математикой и естественными науками, и затѣмъ постепенно перешелъ къ изученію языковъ, въ особенности новыхъ. Видя разрозненность и разладу въ лингвистической литературѣ при отсутствіи общаго центрального органа, онъ и задумалъ основать таковой. Мысль дѣйствительно прекрасная, но на вѣдь ли осуществимая при теперешнихъ условіяхъ.

Дальше говорится въ программѣ о томъ, что, кромѣ оригинальныхъ трудовъ на нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, италянскомъ, латинскомъ (а въ исключительныхъ случаяхъ даже на другихъ) языкахъ, журналъ будетъ помѣщать перепечатки и переводы важнѣйшихъ, но мало доступныхъ разсужденій, затѣмъ извлеченія,

рецензій, бібліографію, сообщенія и объявленія книгопродавцевъ, наконецъ, въ каждомъ томѣ портретъ одного изъ главныхъ представителей языковѣднія.

Журналъ Техмера предназначенъ быть органомъ всѣхъ лингвистовъ безъ различія національности, партій или школы. Противорѣчія воззрѣній и мнѣній никогда нельзя избѣгать; напротивъ того, они даже весьма желательны, какъ признакъ жизни въ наукѣ и одно изъ условій прогресса. Но въ виду разногласія мнѣній слѣдуетъ избѣгать рѣзкости тона и неумѣстныхъ полемическихъ выходовъ: сдержанность тона и вѣжливость издатель считаетъ необходимыми прежде всего въ органѣ международномъ.

Въ концѣ программы Техмеръ даетъ подробное обзорѣніе содержанія и объема той научной области, которой посвященъ его журналъ. Прежде всего его задачей будетъ опредѣленіе понятія (какъ болѣе обширнаго знаменательныхъ движеній, „Ausdrucksbewegungen“, такъ и болѣе узкаго членораздѣльной рѣчи), исторіи, метода (индуктивнаго метода) языковѣднія. Затѣмъ, въ общелингвистическихъ вопросахъ Техмеръ отличаетъ три стороны 1) е ественно-историческую (связь языковѣднія съ антропологіей), 2) психологическую (психику), 3) историческую (историку). Къ естественно-исторической сторонѣ относятся: 1) акустическія знаменательныя движенія („Ausdrucksbewegungen“) (фонетика), 2) оптическія знаменательныя движенія (графика), 3) взаимное отношеніе акустическихъ и оптическихъ знаменательныхъ движеній. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ исчисляются подробно подходящіе подъ нихъ вопросы.

Подъ психологическою стороною (психикой) Техмеръ понимаетъ: Связь языковѣднія съ психологіей, взаимодействіе между языкомъ и душою, психологическія условія (Vorbedingungen) и законы развитія (то-есть, возникновенія и измѣненія): 1) артикуляціи, 2) звука, 3) корня, 4) слова, 5) предложенія. Рядомъ съ этимъ стоитъ психологія оптическихъ знаменательныхъ движеній. Наконецъ, къ психологической сторонѣ относится по Техмеру такъ-называемая аналогія и примѣненіе „психики“ къ этимологическимъ изслѣдованіямъ.

Историческую сторону (историку) составляютъ: 1) родовое или племенное (филогенетическое) развитіе языка, 2) индивидуальное (онтологическое) развитіе языка. Къ первому относятся начало и „до-историческое“ (?) развитіе, „историческое“ (?) развитіе, опредѣленіе понятія языковъ первичныхъ и вторичныхъ, языковъ смѣшанныхъ, характеристика языковъ на различныхъ степеняхъ развитія съ точки

зрѣнія грамматики и словаря, дѣленіе языковъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и т. д. „Онтологическое“ же „развитіе языка“ означаетъ дѣтскіе языки, изученіе отечественнаго языка и языковъ иностранныхъ, языкъ и человѣчество (?), идея всемірнаго (универсальнаго) языка и письма и т. д.

Въ этомъ исчисленіи отдѣльныхъ общихъ вопросовъ можно отмѣтить нѣсколько весьма важныхъ проблемъ. Такъ, на примѣръ, ничего не говорится объ условіяхъ историческаго развитія звуковой стороны языка, объ одинаковости фонетическихъ стремленій независимо отъ генетическаго родства языковъ. Затѣмъ, вся такъ-называемая морфологія языка, то-есть, разсмотрѣніе его психической формы, совсѣмъ упущена Техмеромъ изъ виду. Но эти и имъ подобныя проблемъ, по моему, извинительны. Техмеръ начерталъ только общую программу, затронувъ въ ней только нѣкоторые вопросы, показавшіеся ему почему-то болѣе важными. Какъ бы то ни было, уже эта программа страдаетъ общимъ недостаткомъ всѣхъ Техмеровыхъ произведеній: въ ней дается слишкомъ подробная, почти педантическая классификація, и недостаетъ ясной формулировки главныхъ руководящихъ мыслей и началъ.

Посмотримъ теперь, какъ исполнена эта программа въ первомъ выпускѣ журнала, то-есть, разберемъ отдѣльныя статьи, въ немъ помѣщенныя.

Во главѣ поставлена статья „Нестора“ языковѣдовъ, старика Потта подъ заглавіемъ: *Einleitung in die Sprachwissenschaft* (стр. 1—68). Заглавіе много обнимающее и много обѣщающее; но статья эта далеко не новость. Она была напечатана впервые въ *Jahrbücher der freien deutschen Akademie von Nauwerck und Noack* (Frankfurt a. M.) еще въ 1849 г., стало быть, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ, она была перепечатана въ „*Wurzel-Wörterbuch*“ Потта (Vd. II) и теперь, только съ незначительными измѣненіями и съ библиографическими дополненіями, является третій разъ въ журналѣ Техмера. Уже эта относительная древность первоначальнаго происхожденія статьи дѣлаетъ подозрительною ея годность для руководства современныхъ лингвистовъ. И дѣйствительно, отсталыя воззрѣнія и недостаточное пониманіе новѣйшихъ задачъ языковѣднія проглядываютъ здѣсь на каждой страницѣ. Измѣнить же существенно свой тридцать-пять лѣтъ тому назадъ написанный трудъ Поттъ оказался уже не въ состояніи. Впрочемъ, и раньше, не смотря на свою изумительную ученость и замѣчатель-

ныя способности, Поттъ всегда отличался не критичнымъ отношеніемъ къ источникамъ и кромѣ того безпорядочностью и хаотичностью изложенія. Это проявилось и въ его „Einleitung in die Sprachwissenschaft“. Онъ даетъ „научное расчлененіе языковѣдѣнія“ (стр. 3) и различаетъ: 1) философскую сторону языковѣдѣнія, философію языка (стр. 3—22), гдѣ должно говорить о началѣ слова человеческого и о философіи языка и такъ-называемой общей грамматикѣ; 2) физическую сторону языка (стр. 23—29); 3) духовную сторону языка (стр. 30—47); 4) естественно-историческо-историческую сторону (стр. 48—68), гдѣ говорится о дѣленіи и группировкѣ языковъ (стр. 51—68), какъ по фивіологическимъ (?) различіямъ въ строеніи языка, такъ и по генеалогическимъ родственнымъ связямъ или же по отсутствію родства. Но, во первыхъ, уже въ этомъ распредѣленіи языковѣдѣнія на отдѣлы нѣтъ логическаго принципа дѣленія, а за то есть какой-то хаосъ. Такъ, напримѣръ, неизвѣстно, слѣдуетъ ли противопоставлять философскую сторону одной только естественно-историческо-исторической, подчиняя первой физическую сторону и духовную сторону, или же слѣдуетъ ли эти двѣ послѣднія считать равноправными двумъ вышеназваннымъ, философской и естественно-историческо-исторической. Затѣмъ, во всѣхъ отдѣлахъ говорится по мѣрѣ силъ и возможности обо всемъ подходящемъ и не подходящемъ. Это вовсе не „введеніе въ языковѣдѣніе“, но какая-то старинная лингвистическая *silva rerum*, какая-то сокращенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ хаотическая энциклопедія языковѣдѣнія, состоящая изъ общихъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ частяхъ науки, изъ подробно изложенныхъ нѣкоторыхъ частей этимологіи и сравнительной грамматики и, наконецъ, изъ богатой библіографіи. Но рядомъ съ общими свѣдѣніями, и только свѣдѣніями, нѣтъ вовсе общихъ руководящихъ принциповъ, нѣтъ вовсе анализа основныхъ процессовъ языка. Къ разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ остроумнымъ замѣчаніямъ и интереснымъ свѣдѣніямъ всѣ отнесутся съ благодарностью. Точно также весьма цѣнными являются подробныя библіографическія данныя. Но и здѣсь иногда замѣчается свойственная Потту хаотичность и безпорядочность. Такъ, напримѣръ, трудно понять, съ какой стати въ главѣ о началѣ языка цитуются „Morphologische Untersuchungen von Osthoff und Brugman“ (стр. 3), а въ отдѣлѣ объ „измѣненіяхъ звуковъ“, о „изіаніи“ и т. п. — „Ueber die Lautabwechslung von N. Kruszewski“

(Kasan, 1881). Впрочем, эти не впадѣ цитуются сочиненія авторъ знаетъ только по заглавію.

Введеніемъ въ общую фонетику служить большая статья самаго Техмера: „Naturwissenschaftliche Analyse und Synthese der hörbaren Sprache“ (стр. 69—170), состоящая изъ передѣлки и извлеченія изъ нѣкоторыхъ главъ капитальнаго сочиненія того же автора: „Phonetik. Zur vergleichenden Physiologie der Stimme und Sprache“ (Leipzig. 1880; то же подъ заглавіемъ: Einleitung in die Sprachwissenschaft. Erster Band: Die akustischen Ausdrucksbewegungen),—значить, опять то же ничего существенно новаго. Но здѣсь, въ журналѣ, тѣ же главы изложены обширнѣе и гораздо доступнѣе, безъ многихъ подробностей, непонятныхъ не только обыкновенному образованному читателю, но даже лингвисту, не изучавшему основательно физики, анатоміи и физиологіи. Техмеръ старался быть здѣсь популярнымъ, хотя это ему не всегда удавалось. Да впрочемъ, въ подобномъ журналѣ нечего гоняться за популярностью изложенія; гораздо важнѣе ясность и точность выраженій. Нѣкоторые отдѣлы значительно распространены противъ „Phonetik“. Кроме того, сообщены въ извлеченіи изслѣдованія ученыхъ, появившіяся послѣ напечатанія „Phonetik“, или же не извѣстныя тогда ея автору.

Техмеръ различаетъ въ слышимой рѣчи (hörbare Sprache) два пути: а) изъ внутри наружу (von innen nach aussen), б) снаружи внутрь (von aussen nach innen). Первый путь состоитъ изъ слѣдующихъ стадій: 1) психическая дѣятельность, 2) дѣятельность психофизическая отъ извѣстныхъ центровъ движенія въ мозгу къ периферическимъ окончаніямъ (peripherische Endungen) нервовъ движенія, 3) физиологическое движеніе въ мускулахъ органа рѣчи. Вънѣшне-внутренній же путь составляютъ: 1) физическія колебанія (physikalische Schwingungen) вънѣшней среды, то-есть, воздуха, 2) физиологическое движеніе въ ухѣ, 3) психофизическая дѣятельность въ нервахъ чувствъ отъ периферическихъ окончаній къ акустическимъ центрамъ, 4) психическая дѣятельность. Въ настоящей статьѣ разбираются проявленія обоихъ родовъ: языкъ на пути снаружи внутрь и языкъ на пути изнутри наружу. Первый отдѣлъ состоитъ изъ физикально-акустическаго анализа тоническихъ звуковъ (Klanglaute) и шумовъ (Geräuschlaute) и изъ физикально-акустическаго синтеза. Въ составъ же втораго отдѣла входятъ: 1) анатомическій и физиологическо-генетическій анализъ прежде всего грудной полости, играющей роль музыкальных мѣховъ (Windrohr) рѣчи, затѣмъ, пер-

ваго и важнѣйшаго (?) препятствія текущему воздуху въ гортани (Erste und wichtigste Hemmungsstelle des Kehlkopfs) и, наконецъ, надставной трубы, то-есть, съ одной стороны зѣва (Shlundkopf) и полости носа, съ другой—полости рта; 2) резюме или коротенькое повтореніе результатовъ этого анализа; 3) физиологическо-генетическій синтезъ, состоящій изъ физиологическо-генетической системы звуковъ, какъ „рто-открывателей“ (? рто-раздвигателей) (Mundöffner) или гласныхъ, такъ и „рто-смыкателей“ (Mundschliesser) или согласныхъ и изъ разбора послѣдовательности артикуляцій и звуковъ одного за другимъ (Das Nacheinander der Artikulationen und Laute), гдѣ говорится о различіи простаго звука отъ дифтонга, о слогѣ (silbe), о „фонѣ“ (Phon), то-есть, главномъ звукѣ слога, и о „симфонахъ“ (Symphone), то-есть, о звукахъ второстепенныхъ (Mittelaute) въ слогѣ, и т. п.

Теоретическое изложеніе отдѣльныхъ подробностей поясняется здѣсь наглядно прекрасными рисунками, заимствованными по большей части изъ выше названной „Phonetik“ того же автора. Кромѣ рисунковъ въ самомъ текстѣ, къ статьѣ Техмера приложены въ концѣ настоящаго выпуска 7 таблицъ или 4 листа особыхъ рисунковъ, относительно тщательности отдѣлки далеко уступающихъ рисункамъ текста, и тоже заимствованныхъ изъ „Phonetik“. Рисунки эти относятся не только къ изложенному въ статьѣ Техмера, но и ко многимъ другимъ частностямъ фонетики и словесной дѣятельности челоука вообще. На стр. 186—192 и 170 настоящаго выпуска даны объясненія таблицъ.

Въ самой статьѣ Техмера много весьма интересныхъ и поучительныхъ подробностей. Нѣкоторыя положенія формулированы съ замѣчательною точностью. Вотъ примѣръ подобной формулировки: „Акустическое дѣйствіе тоническаго звука (Klanglaut) является математическою функціей не только длины (Länge), величины пространства или объема (Raumgrösse), формы объема (Raumform), величины отверстия (Mündungsgrösse) и формы отверстия (Mündungsform) надставной трубы, но точно также, вопервыхъ, силы теченія воздуха (Stärke des Luftstroms), которая не должна пасть ниже извѣстной величины, зависящей отъ прочихъ условій, затѣмъ, высоты первичнаго сложнаго тона на мѣстѣ перваго препятствія (Höhe des primären Klanges an der ersten Hemmungsstelle), и наконецъ, продолжительности (Dauer)“ (стр. 98). Кромѣ того, заслуживаютъ особеннаго вниманія: различеніе фонетическихъ явленій или слышимыхъ знаменатель-

ныхъ движеній (hörbare Ausdrucksbewegungen) на независимыя отъ дыханія и на производимыя съ помощью дыханія (стр. 106, 143); анализъ понятія артикуляціи и ея опредѣленіе (стр. 107—110 въ выноскѣ); разборъ понятія паузы и ея опредѣленіе (стр. 120, выписка 3); различеніе артикуляцій срединныхъ (in der Mittelebene stattfindenden) и боковыхъ (seitlichen) (стр. 145, 162); формулировка уравненія, выражающаго равновѣсіе силъ, дѣйствующихъ при произношеніи звуковъ человеческой рѣчи (146, ср. тоже стр. 163); ограниченіе термина гласные (Vokale) только на звуки, являющіеся въ одно и то же время тоновыми звуками (Klanglaute), рто-раздвигателями (Mundöffner) и главными звуками слога (Hauptlaute) или фонами (Phon), термина же согласные (Konsonanten)— на звуки, являющіеся въ одно и то же время шумами (Geräuschlaute), рто-смыкателями (Mundschliesser) и соввуками слога (Mitlaute) или симфонами (Symphon) (стр. 149, 167) и т. п.

Мелочность дѣленій и нѣкоторая хаотичность составляютъ главные недостатки статьи Техмера. Такъ, напримѣръ, не смотря на всю точность изслѣдованій, онъ все-таки въ классификаціи отдѣльныхъ артикуляцій и дѣльныхъ звуковъ не соблюдаетъ вовсе одного принципа дѣленія, основывая классификацію не всегда на одномъ, но иногда и на двухъ началахъ совмѣстно (стр. 140, 162). „Физиологическо-генетическая“ же „система звуковъ“ (стр. 148) построена на очень слабыхъ и несостоятельныхъ основаніяхъ.

Оставляя въ сторонѣ другіе недостатки статьи Техмера, перехожу къ другой его статьѣ, являющейся дополненіемъ только что разобранной, а именно къ статьѣ: „Transskription mittels der lateinischen Kursivschrift. Vorschlag zum möglichst einheitlichen Gebrauch in der Internationalen Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft“ (стр. 171—185).

Почти за годъ до появленія перваго выпуска Техмерова журнала статья эта въ такъ-называемыхъ „корректурныхъ листахъ“ была разослана разнымъ нѣмецкимъ и иностраннымъ ученымъ съ цѣлью получить отъ нихъ критическія замѣчанія. Частью вслѣдствіе полученныхъ замѣчаній, частью же вслѣдствіе самостоятельнаго обдумыванія частныхъ, Техмеръ измѣнилъ кое-что противъ „корректурныхъ листовъ“, въ особенности ввелъ болѣе подходящій порядокъ изложенія, облегчающій справки; все существенное однакожь осталось безъ измѣненія.

Нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ стремленіямъ Техмера, желающаго ввести во всѣ статьи своего журнала одно-

образную фонетическую транскрипцію. Но кнѣтъ съ тѣмъ, нельзя не показать, что при этомъ много труда было потрачено совершенно напрасно. Пока не будутъ указаны средства опредѣлить артикуляціи и звуковые элементы строго объективно, съ помощью физическихъ снарядовъ, не полагаясь въ большинствѣ случаевъ на одно только поверхностное, товорное наблюденіе не вооруженными органами чувствъ,—до тѣхъ поръ всѣ эти съ такою добросовѣстностью придуманные знаки и значки, крюки и крючки, всѣ эти колечка, черточки, вилки и т. д. будутъ во многихъ случаяхъ простымъ инокоснимательствомъ (Haarspaltereı). Прежде всего слѣдуетъ изобрѣсти соотвѣтственные снаряды, затѣмъ научить всѣхъ лингвистовъ обращаться съ ними, и тогда только можно будетъ подуматъ о составленіи однообразной транскрипціонной системы. Да и тогда не возможно будетъ придерживаться латинскаго или какого-нибудь другаго алфавита, но необходимо будетъ записывать по нотамъ, въ родѣ того, какъ это предлагаетъ самъ Текнеръ (см. стр. 170 и таб. VI). Надо отдать, впрочемъ, полную справедливость Текнеру. Онъ вовсе не навязываетъ своей транскрипціи и не считаетъ ее чѣмъ-то совершеннымъ. Онъ хочетъ только пока остановиться на ней и совершенствовать ее по мѣрѣ надобности.

Очень важное общее значеніе имѣетъ статьяка Фр. Мюллера (Friedrich Müller): „Sind die Lautgesetze Naturgesetze?“ (стр. 211—214). Эта статьяка направлена противъ новѣйшаго направленія въ языковѣдѣніи противъ такъ-называемыхъ „Junggrammatiker“, а главнымъ образомъ противъ мнѣнія, что изъ звуковыхъ законовъ нѣтъ никакихъ исключеній. Фр. Мюллеръ совершенно правъ, утверждая, что такъ-называемые звуковые законы не есть вовсе законы физическіе. Но вѣдь и „Junggrammatiker“ не считаютъ вовсе звуковыхъ законовъ законами физическими. Сколько мнѣ извѣстно, „Junggrammatiker“ соблюдаютъ прежде всего условія географіи и хронологіи, то-есть, утверждаютъ, что если въ извѣстномъ діалектѣ въ теченіе извѣстнаго времени какой-нибудь звукъ *x* измѣнился въ звукъ *y*, то онъ долженъ былъ измѣниться такъ во всѣхъ случаяхъ его появленія, на сколько этому не мѣшали какія-нибудь осложняющія условія. А подобное предположеніе есть необходимое логическое требованіе всякаго научнаго мышленія. Кто полагаетъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ развитія какое-нибудь *a* разъ перерождается въ *b*, другой разъ въ *c*, тотъ пусть лучше оставитъ всякія научныя соображенія. Фр. Мюллеръ, вѣроятно, такъ не думаетъ

и борется противъ безысключительности звуковыхъ законовъ только по недоразумѣнію. Частности разбираемой статьи формулированы тоже большею частью далеко не точно.

Въ статейкѣ „The person-endings of the indo-european verb“ (стр. 222—225) англійскій ученый Сейсъ (A. H. Sayce) старается доказать, что глагольныя формы языковъ аrioевропейскихъ развились изъ формъ именныхъ. Доказываетъ онъ это очень остроумно, но едва ли убѣдительно. Можно однако считать доказаннымъ, что личныя окончанія глаголовъ не произошли отъ личныхъ мѣстоименій соотвѣтственныхъ лицъ.

Статьека Люсьенъ Адама (Lucien Adam): „De la catégorie du genre“ (стр. 218—221) составлена нѣсколько поверхностно и не особенно поучительна. Она написана по поводу сочиненія Г. Опперта (G. Oppert): *On the classification of languages (Madras, 1879)* и содержитъ въ себѣ дополненія къ монографіи самаго же Адама подъ заглавіемъ: *Du genre dans les diverses langues (Paris, 1883)*.

Дѣйствительнымъ украшеніемъ перваго выпуска журнала безспорно является послѣдняя по порядку, довольно большая, статья Е. Вругмана: „Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen“ (стр. 226—256), написанная еще въ 1878 г., но только теперь появившаяся въ печати. Въ первомъ параграфѣ авторъ излагаетъ вкратцѣ исторію этого вопроса и именно говоритъ о теоріи раздѣвленій (Spaltungstheorie), Шлейхера и др., о гипотезѣ языковыхъ волнъ или лучше постепенныхъ переходовъ (Wellen- oder besser Uebergangshypothese) I. Шмидта, вѣрнѣе Г. Шухардта, съ которыми, по крайней мѣрѣ съ отрицательной стороны, сходится М. Мюллеръ, наконецъ о попыткѣ Лескина примирить эти двѣ теоріи, теорію раздѣленія и теорію постепенныхъ переходовъ.

Во второмъ параграфѣ Вругманъ ставитъ вопросъ: что слѣдуетъ считать критеріями болѣе близкаго родства двухъ изъ одного языка происшедшихъ языковъ, въ противоположность другимъ языкамъ того же происхожденія? Вполнѣ справедливо отвергая ни съ чѣмъ не сообразное мнѣніе Шмидта, что совпаденіе двухъ языковъ въ какомъ-нибудь явленіи, чуждомъ языку, не можетъ быть дѣломъ простаго случая, Вругманъ напротивъ того утверждаетъ, что именно во множествѣ случаевъ слѣдуетъ предположить игру случайности. Если напримѣръ, въ раздѣленныхъ географически языкахъ, въ пракритскомъ, въ греческомъ и въ древне-ирскомъ (кельтскомъ) одинаково исцело *o* между двумя гласными (jīa, βίος, bū—живой и т. п.),

въ германскомъ же и армянскомъ первоначальныхъ *mediae* одинаково измѣнились въ *tenues* (гот. *tahun*, арм. *tasn* — десять) и т. д., то почему же нельзя предположить, напримѣръ, независимаго другъ отъ друга измѣненія первоначальныхъ *mediae aspiratae* въ двухъ языкахъ, въ греческомъ и древне-италійскомъ, въ *tenues aspiratae* (θρός, **thimos* = *fusus*), не прибѣгая ни къ гипотезѣ о греко-италійскомъ основномъ языкѣ (праязыкѣ), ни къ гипотезѣ о постепенномъ переходѣ особенноти, зарождающейся въ одномъ мѣстѣ, въ другія смежныя мѣста? Это замѣчаніе Бругмана такъ просто и естественно, что слѣдуетъ только удивляться, какъ это оно до сихъ поръ не приходило въ голову другимъ представителямъ науки. Вѣдь это ни что иное, какъ общенаучное предположеніе, что одинаковые задатки при одинаковыхъ условіяхъ должны, а при сходныхъ условіяхъ могутъ, независимо отъ мѣста и времени, переродиться вполнѣ одинаково. Еще ранѣе совершенно въ томъ же смыслѣ высказался старикъ Поттъ въ статьѣ „*Max Müller und die Kennzeichen der Sprachverwandtschaft*“, а въ новѣйшее время, между прочимъ, Пауль въ своихъ „*Prinzipien der Sprachgeschichte*“.

Въ параграфѣ 3-мъ Бругманъ называетъ нѣкоторыя сходства въ развитіи звуковъ между сосѣдними языками, или до сихъ поръ незамѣченныя, или по крайней мѣрѣ не приводимыя въ защиту ни теоріи постепеннаго развѣтвленія языковъ, ни теоріи постепенныхъ переходовъ зарождающихся измѣненій отъ одного діалекта къ другимъ. Итакъ, между семьей арійскою (индійскою и иранскою) и греческою замѣчается одинаковое перерожденіе первоначальной „*nasalis sonans*“ (санскр. *tatá-*, греч. *τάτος*), съ одинаковымъ „исключеніемъ“ (скр. *udanyāti* — течеть, греч. *μελεδαίνω*). Обще-италійскимъ и обще-кельтскимъ является **quenque* (лат. *quinque*, др.-ир. *sbic*) изъ *penk, e* (5), равно какъ **quequō* (лат. *coquō*, др.-ир. *cucann*) изъ *pek, o* (готовлю, стряпаю). Приводимыя Бругманомъ сходства между греческимъ, италійскимъ и кельтскимъ или нѣсколько сомнительны, или же не очень важны. Какъ въ германскомъ, такъ и въ славянскомъ первичное *st* измѣнилось въ *str* (*Strom*, островъ ...). Въ балтійско-славянскомъ, въ арійскомъ (санскритъ, вендъ), равно какъ въ армянскомъ и, вѣроятно, тоже во фрягійскомъ первичные звуки *k*, ... переродились въ спиранты (санскр. *daṣa*, венд. *dasa*, арм. *tasn*, десять, лит. *dėszimtis*; фриг. *ἀζήν* „борода“ = арм. *tsnōt*, греч. *τένος*). Точно также *k*, произносившееся, вѣроятно, какъ

om, является въ видѣ *k* одинаково въ арійскомъ, армянскомъ и балтійско-славянскомъ (санскр., лит. *ka-s*, который, арм. *akn*, око ...).

Что подобныя сходства могутъ быть дѣломъ простой случайности, явствуетъ изъ того, что очень часто одинаковыя звуковыя измѣненія происходятъ въ языкахъ несомнѣнно независимыхъ другъ отъ друга. Такъ, на примѣръ, *em* измѣнилось въ *om* въ кретійскомъ греческомъ диалектѣ, въ языкахъ латинскомъ и балтійско-славянскихъ, изъ чего въ литовскомъ развилось *am*: крет. $\phi\omicron\omicron\delta\acute{\iota}\alpha = \phi\epsilon\omicron\delta\eta$, др.-лат. *duocō*, лат. *novus*; ст.-сл. *novъ*, лит. *paūjas*.... *Om* переродилось въ *p* въ греческомъ, въ оско-умбрскомъ, въ румунскомъ и въ британско-кельтскомъ: *poō*, оск. *petoga*, рум. *patru*—лат. *quattuor*, брит. *petuar*—др.-ир. *sethir*. Изъ *pt* развилось *ft*, а изъ *ft* произошло *cht* въ кельтскомъ, въ нижне-нѣмецкомъ и въ умбрскомъ: др.-ир. *necht*—*neptis*, нижн.-нѣм. *nicht*—др.-верх.-нѣм. *nift*, умбр. *screhto*—оск. *scritto* (*scriptus*). Въ пракрытѣ и въ италіанскомъ группы *kt* и *pt* перешли въ *tt*: пракр. *mutta*, *satta*—санскр. *muktá-*, *saptá*; итал. *cotto*, *sette*—лат. *coctus*, *septem*... и т. д. и т. д.

Въ § 4 Вругманъ разсматриваетъ подобныя сходства между сосѣдними аріо-европейскими языками въ области темообразования (словообразования) и флексіи, именно между языками и группами языковъ арійскою и греческою, греческою и италійскою, италійскою и кельтскою, кельтскою и германскою, германскою и балтійско-славянскою. Изъ этихъ сходствъ особеннаго вниманія заслуживаетъ одинаковое образование средне-страдательнаго залога съ помощью *r* въ италійскомъ и кельтскомъ (лат. *sequitur*-г, др.-ир. *sechetha-r*); повтореніе этой формы въ кельтскомъ не позволяетъ выводить ее изъ сложенія дѣйствительной (активной) формы съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *se*. Затѣмъ, изъ приводимыхъ Вругманомъ явленій назову будущее съ *b* глаголовъ производныхъ тоже въ италійскомъ и кельтскомъ (др.-ир. по *chagub*, лат. *amābō*), падежныя окончанія съ *m* (*m*) въ германскомъ и балтійско-славянскомъ (гот. *thri-m*, лит. *aki-m*), ст. сл. *пѣтьмь*...) и т. п. Между семью арійскою и балтійско-славянскою Вругманъ не находитъ вовсе подобныхъ сходствъ въ области словообразования и флексіи.

Какъ сходства фонетическія, также точно и только что указанныя сходства морфологическія между сосѣдними языками и группами языковъ не могутъ вовсе имѣть доказательной силы ни въ пользу теоріи развѣтвленія языковъ, ни въ пользу гипотезы о постепенномъ волнообразномъ распространеніи измѣненій, зарождающихся

въ извѣстномъ мѣстѣ обще-языковой территоріи. Вѣдь точно такіе же морфологическія сходства замѣчаются и между языками географически раздѣленными. Такъ, напримеръ, свойственное славянскимъ языкамъ снѣженіе такъ называемыхъ основъ средн. р. на *o* съ основани на *es* (ст.-сл. слова *иѣсто* словесе, *дѣлесе* иѣсто *дѣла*) повторяется тоже въ области индійской (пракрит. *маве* иѣсто санскритскаго *мапазі*, въ языкѣ *пали* *тарена* иѣсто санскритскаго *тараса*; наоборотъ, пракр. *јогаза* иѣсто санскритскаго *уѣгена*) и т. и.

§ 5-й посвященъ подобному же разбору сходствъ синтаксическихъ, а § 6 — сходствъ лексическихъ, то-есть, сходствъ въ запасѣ словъ (Wortschatz).

Опровергнувъ въ § 7-мъ предположеніе, что сходства, иѣбующіеся даже между отдаленными языками, произошли во время прежняго сосѣдства этихъ языковъ, что, конечно, вело бы къ заключенію о безирегантныхъ странствованіяхъ всѣхъ аrioевропейскихъ племенъ и народовъ,— въ § 8-мъ Вругманъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, что именно даетъ намъ право соединять языки индійскіе и иранскіе въ одну обще-арійскую, а языки балтійскіе и славянскіе въ одну обще-балтійско-славянскую группу. Доказательствомъ болѣе близкаго родства служатъ здѣсь не одна какая-нибудь особенность и даже не нѣсколько немногочисленныхъ явленій, общихъ двумъ или же болѣе областямъ, но только большая масса совпаденій въ новообразованіяхъ звуковыхъ, флексійныхъ, синтаксическихъ и лексикальныхъ, большая масса совпаденій, исключаящая мысль о простой случайности (стр. 253). Такая масса совпаденій найдена-де, по мнѣнію Вругмана, между обѣими семьями арійской группы и между семьей балтійскою и славянскою. Намъ кажется однако, что и Вругманъ довольствуется здѣсь слишкомъ малымъ. Какъ бы то ни было, онъ требуетъ установленія и между другими семьями столькихъ совпаденій, сколько ихъ замѣчено между семьей индійскою и иранскою или же между балтійскою и славянскою, для того, чтобы признать ихъ ближайшее родство, напримеръ, ближайшее родство греческой и италійской семей. Вругманъ сомнѣвается въ возможности найти когда-нибудь столько сходныхъ новообразованій, за исключеніемъ развѣ семей италійской и кельтской, показывающихъ нѣсколько поразительныхъ совпаденій.

Последній, 9-й параграфъ посвященъ разсмотрѣнію вопроса объ условіяхъ, необходимыхъ для того, чтобы извѣстное явленіе, встречающееся въ одномъ или нѣсколькихъ языкахъ аrioевропейскихъ

перенести въ періодъ пра-аріоевропейскій. Рѣшать подобные вопросы большинствомъ языковъ, то-есть, полагать, на примѣръ, что изъ двухъ параллельныхъ формъ та древнѣе, которая встрѣчается въ большемъ числѣ родственныхъ языковъ,—не имѣетъ, конечно, ни малѣйшаго смысла. Единственнымъ мѣриломъ древности являются въ области звуковъ антропофоническія (звуко-физиологическія) соображенія, въ области же формъ — соображеніе, можно ли считать известную форму „аналогическимъ“ новообразованиемъ позднѣйшаго, не пра-аріоевропейскаго времени, или же нѣтъ.

Я позволялъ себѣ остановиться такъ долго на статьѣ Вругмана, потому что считаю ее самую важною и самую интересною изъ всего выпуска. Остается упомянуть еще о двухъ статьяхъ.

Одна изъ нихъ, маленькая статейка мнѣологическаго содержанія, „Zephyros und Gahusha“ (стр. 215—217), написана Максомъ Мюллеромъ, который старается въ ней доказать, что греческій Зефиръ (Zephyros) и ведическій Джагуша- (Gahusha-) произошли изъ одного пра-аріоевропейскаго божества. Доказывается это по преимуществу этимологическимъ родствомъ этихъ двухъ названій. Однако съ лингвистической стороны потребовались для этого нѣкоторыя натяжки. И соотвѣтствіе греческаго ζ санскритскому *g* (j, дж), и соотвѣтствіе ε — а, и соотвѣтствіе ρ — *sh* = *s* — все это вещи довольно сомнительныя.

Другая статья, произведение Гэррика Мэллери (Garrick Malley): „Sign language“ (стр. 193—210), состоитъ изъ двухъ отрывковъ, перепечатанныхъ изъ большаго сочиненія того же автора, „Sign language among North American Indians“ (Washington, 1881), значить не представляющихъ ничего новаго. Нельзя однако пенять на Техмера за эту перепечатку, такъ какъ изслѣдованія Мэллери очень мало известны въ Европѣ. Мэллери весьма основательно изучилъ языкъ жестовъ у сѣверо-американскихъ автохтоновъ. Подобныя изслѣдованія не входятъ прямо въ область языковѣднія, по все-таки, касаясь видимаго выраженія мыслей человѣка, могутъ пролить много свѣта и на слышимое выраженіе этихъ мыслей. Прекрасные рисунки служатъ поясненіемъ теоретическихъ выводовъ Мэллери.

Изъ статей перваго выпуска значительное большинство по числу и по объему написано по нѣмецки, двѣ по англійски и только одна по французски. Въ числѣ же сотрудниковъ, общавшихъ раньше другихъ ученыхъ свое содѣйствіе и поименованныхъ въ заглавіи, значится 12 человѣкъ Нѣмцевъ, изъ нихъ 9 въ Германіи (Fleischer, von der Gabelentz, Lepsius [теперь уже покойникъ], Leskien, Paul, часть соххху, отд. 2.

Pott, Scherer, Steinthal, Wundt), 1 въ Вѣнѣ (Fr. Müller), 1 въ Англіи (Max Müller) и 1 въ Россіи (Radloff), затѣмъ одинъ Англичанинъ (Sauce), 4 Американца (Gatschet, Mallery, March, Whitney), 1 Норвежець (Storm), 3 Француза (Adam, de Rosny, Vinson), 1 Италианецъ (Ascoli), 1 Португалець (Coelho), 1 славянскій ученый (von Miklosch), 1 финскій ученый (Donner), 1 ученый неизвѣстной національности (Oppert) — итого 26 человекъ.

Обозрѣвъ подробно отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ первомъ выпускѣ журнала Техмера, имѣемъ право спросить: исполнилъ ли этотъ выпускъ поставленную во главѣ его программу журнала? Да, исполнилъ, но только отчасти, коснувшись весьма немногихъ вопросовъ и держа въ себѣ тоже кое-что совершенно лишнее. Дѣйствительно новыми, помѣщенными впервые въ журналѣ Техмера, являются только статьи Фр. Мюллера, Сейса, Бругмана и Макса Мюллера. Важнѣе всѣхъ и замѣчательнѣе всѣхъ остальныхъ по новизнѣ излагаемыхъ въ ней идей — статья Бругмана, хотя и въ ней есть повторенія раньше извѣстнаго. То, что говорятъ Фр. Мюллеръ и Сейсъ, было высказываемо раньше, хотя заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя новыя болѣе или менѣе остроумныя соображенія. Статейка Макса Мюллера представляетъ, правда, новость, но имѣющую весьма малое значеніе. Статейка Адама состоитъ собственно изъ дополненій къ его же собственному сочиненію. Большая статья самого Техмера состоитъ большею частью изъ передѣлки и извлеченій изъ раньше обнародованнаго сочиненія того же автора. Новаго въ ней относительно не много. Наконецъ, просто перепечатаны статьи Потта и Мэллери, первая съ незначительными библиографическими прибавленіями, вторая въ извлеченіи.

О литературномъ движеніи въ области общаго языковѣдѣнія журналъ Техмера не сообщилъ пока ничего. Всѣ критическія статьи и отчеты о новѣйшихъ сочиненіяхъ отложены до втораго выпуска перваго тома. Два письма В. Гумбольдта къ Ренненкамифу 1812 и 1832 гг., помѣщенныя въ началѣ выпуска сейчасъ послѣ предисловія (стр. VI — IX), имѣютъ только біографическій интересъ безъ всякаго научнаго значенія.

Хотя первый выпускъ международнаго журнала для общаго языковѣдѣнія заставляеть еще желать многого, хотя въ немъ относительно мало новаго, а много повтореній, тѣмъ не менѣе, въ виду трудности подобныхъ предпріятій, и въ виду важности одного центрального, объединяющаго органа для успѣшнаго развитія языковѣдѣнія, а ни-

сколько не сомнѣваюсь, что всѣ ученые, интересующіеся успѣхами этой науки, отнесутся съ признательностью къ повременнику Техмера и постараются помогать ему какъ доставленіемъ подходящихъ для журнала трудовъ, такъ и возможнымъ распространеніемъ самаго журнала между образованною публикой ¹⁾.

И. Боуэнъ-де-Шуртезъ.

¹⁾ Журналъ Техмера будетъ появляться выпусками въ 15 листовъ приблизительно. Стоитъ онъ 12 марокъ (по курсу 6 рублей) за одинъ томъ, состоящій изъ двухъ такихъ выпусковъ, появляющихся по мѣрѣ возможности каждыя шесть мѣсяцевъ. Первый выпускъ даетъ 17 печатныхъ листовъ (стр. XVI, 256) на прекрасной бумагѣ, съ изящными рисунками въ текстѣ, съ 7-ю таблицами отдѣльныхъ рисунковъ, съ артистически отдѣланнымъ портретомъ В. Гумбольдта, вообще съ безукоризненною внѣшностью. Адресъ издателя-книгопродавца Барта: *Joh. Ambr. Barth in Leipzig, Johannisgasse 34.* Адресъ же издателя-редактора: *Dr. F. Techmer in Leipzig, Löhrs-Platz 5.*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Русскія народныя пословицы и пѣсни. Въ курсѣ русскаго языка и словесности VI класса гимназій. Составилъ *Семенъ Шафрановъ* (директоръ Полтавской гимназій). Въ 8-ю д. л., стр. III и 135. Полтава. 1884.

По учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія (изд. 1877 г.), программа преподаванія русскаго языка и словесности въ VI классѣ гимназій предписываетъ практическія упражненія не только письменныя, но и устныя, состоящія въ устномъ изложеніи мыслей на данную или разъясненную тему (послѣ домашняго къ тому приготовленія). Такъ какъ народная словесность представляетъ очень богатый источникъ такихъ темъ въ бытовыхъ пѣсняхъ, а всего болѣе въ пословицахъ, то авторъ подлежащей книжки — опытный педагогъ и знатокъ какъ отечественнаго, такъ и многихъ иностранныхъ языковъ, — издалъ 24 великорусскія народныя пѣсни и до 200 русскіихъ пословицъ, которыя и служили предметомъ его занятій съ воспитанниками Полтавской мужской гимназій и съ воспитанницами Полтавской Маріинской женской гимназій. При этихъ занятіяхъ, по словамъ „предварительнаго объясненія“, имѣлось въ виду „знакомить учащихъ съ задушевною жизнію роднаго народа и съ изящною простотою исто-русской рѣчи“ (стр. 111).

Первый отдѣлъ книги — „Русскія пословицы“, расположенъ по предметамъ, въ 16-ти отдѣлахъ: Богъ; вѣра, суевѣріе, молитва, набожность, постъ; человекъ, стыдъ, совѣсть; жизнь, смерть; любовь, себялюбіе, человеколюбіе, дружба; ненависть, вражда, мстительность,

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученыхъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

миролюбіе; терпѣніе; надежда; добро, зло; родина, чужбина, Русь, Русскій; законъ, начальство, служба; трудолюбіе, лѣность; богатство, бѣдность, довольство, бережливость; правда, кривда, божба, ложь, сплетни; родители, дѣти, родня; языкъ, слово, рѣчь.

Истолкованы и объяснены пословицы, во первыхъ, опредѣленіемъ ихъ смысла, а во вторыхъ, сравнительнымъ способомъ, то-есть, подборомъ къ нимъ тождественныхъ или сходственныхъ по значенію чужеземныхъ пословицъ (греческихъ, латинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, а также приведеніемъ текстовъ Священнаго Писанія. „Этимъ“, по справедливому замѣчанію г. Шафранова,— „облегчается самое запоминаніе пословицъ, а также выясняются для ученика особенности русскаго склада мыслей и рѣчи, и, что всего важнѣе, юноши могутъ поучаться у Русскаго народа соглашать уроки жизни съ ученіемъ своей вѣры православной“. Для показанія, какъ авторъ ведетъ дѣло толкованія пословицъ, представляемъ два примѣра:

Стр. 8: Пословица 1. Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море.

Помощь Божія нужна въ магійшихъ нашихъ дѣлахъ, какъ и въ важнѣйшихъ (объясненіе смысла).

Господь сохрани твое вхожденіе твое и исхожденіе твое. Пс. 120, ст. 8. — Господь пасетъ мя и ничтоже мя лишитъ. Пс. 22, ст. 1 (тексты изъ Св. Писанія).

Oh il n'y a point Dieu, il n'y a point d'aide.

Ohne Gebet wage Nichts, mit Gebet scheue Nichts.

Wen Gott nicht hält, der fällt (иностр. пословицы).

Стр. 21: Пословица 74. Утро вечера мудренѣе.

Не слѣдуетъ съ вечера принимать окончательно важныхъ рѣшеній, потому что къ утру могутъ измѣниться обстоятельства (разъясненіе).

Не хвалися о утрѣ; не вѣси бо, что родитъ находяй день. Притч. гл. 27, ст. 1; Не печытеса убо на утрѣ; утрѣ бо собою печетса; довгѣеть днени злоба его. Матѣ. гл. 6, ст. 34. (Тексты Св. Писанія).

De nocte consilium.—La nuit porte conseil.—Morgenfrühe Rathschläge thue. (Иностран. пословицы).

Иногда пояснительнымъ средствомъ служить какой-либо отрывокъ изъ поэзіи народной или художественной. Такъ при пословицѣ: „Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“ (№ 16, стр. 8) кромѣ толкованія, принадлежащаго самому автору, двухъ текстовъ и латинской пословицы, есть стихи изъ русскои былинны:

А и кто на морѣ не бывалъ,
Морской волны не видалъ,

Не видавъ дѣла ратнаго—человѣка кроваваго,
Отъ желанья тотъ Богу не маливался;

а за пословицей: „Золото не въ золото, не побывавъ подъ молотомъ“ (№ 64, стр. 19), кромѣ параллельныхъ ей изреченій чужезычныхъ, приведены стихи Пушкина:

Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь; такъ тяжкій мнать,
Дробя стекло, куеть булатъ.

Нѣкоторые тексты Св. Писанія могли быть не вполне поняты или поняты превратно. И на этотъ случай авторъ не оставилъ учащихся безъ помощи. Такъ, напримѣръ, тексты при пословицахъ 2-й, 4-й, 5-й, 9-й, 12-й, 40-й и многихъ другихъ переложены на русскій языкъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Даже слова, встрѣчающіяся въ пословицахъ, но почти никогда не употребляемыя въ языкѣ литературномъ (напримѣръ, обложиться, не плошись—пословицы 4-я и 13-я), не пропущены авторомъ безъ объясненія. Короче, все, могущее поселить въ головѣ учащагося какую-либо неясность или недоразумѣніе, принято авторомъ во вниманіе: онъ вездѣ является съ нужною помощью.

Ошибокъ мы не замѣтили, а нашли только излишекъ: однѣ и тѣ же пословицы—„Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“; „Назвался груздемъ, полезай въ кузовъ“, помѣщены вдвойнѣ, подъ № 66-мъ, въ отдѣлѣ Терпѣніе, и подъ № 99-мъ, въ отдѣлѣ Законъ, Начальство, Служба).

Съ такимъ же знаніемъ дѣла и основательностью изложенъ второй отдѣлъ книги—„Русскія народныя пѣсни“, раздѣленныя на семь видовъ: духовныя, историческія, обрядовыя, бытовыя, солдатскія, удалыя, сатирическія. Разсмотрѣніе каждой пѣсни слѣдуетъ такому порядку: сначала излагается ея содержаніе, потомъ распредѣляется она на части, наконецъ объясняются отдѣльныя слова и выраженія. Послѣдній пунктъ обработанъ съ особенною тщательностью. Авторъ не пропускаетъ ни одного слова и выраженія, если они представляютъ что-либо отличительное какъ по внѣшнему виду, то-есть, по формѣ этимологической или синтаксической, такъ и по внутреннему значенію, то-есть, по понятію или дѣлому сужденію, ими выражаемому. При каждомъ случаѣ сообщается учащимся много полезнаго и любопытнаго для фразеологіи, метафорическаго языка, синонимии. Встрѣчаются, напримѣръ, въ духовной пѣснѣ выраженія: „на шестой на недѣлѣ“, „возносился Христось на небеса“, „какъ расплакалась нищая братія“,

и авторъ тотчасъ объясняетъ, для чего повторенъ предлогъ иа, почему длительная форма глагола (возносился) употреблена вмѣсто совершенной (возпелся), затѣмъ къ глаголу „расплакалась“ присоединена частица какъ (стр. 44, пункты 2, 3 и 4), и т. п. Разборъ пополняется иногда сличеніемъ пѣсни съ другою подобною, только новаго времени: такъ послѣ обрядовой пѣсни „Слава Богу на небѣ“ (стр. 64) помѣщена „Пѣснь Русскому Царю“ Жуковского (стр. 68); къ пѣспѣ „Пантелей-государь“ (стр. 71) приложена написанная въ подражаніе ей сатира на нигилистовъ, графа А. Толстаго, подъ названіемъ „Пантелей-Цѣлитель“ (стр. 74). Иногда, разбору литературнаго произведенія предшествуетъ его переложеніе, пересказъ (стр. 77 и 96), какъ образецъ учащимся при ихъ собственныхъ упражненіяхъ этого рода. И здѣсь, слѣдовательно, мы должны заключить нашу отзѣву тѣми же словами, какими заключили отзѣву о первомъ отдѣлѣ труда г. Шафранова.

Къ вышесказанному присоединимъ слѣдующія небольшія замѣтки:

а) Выше было указано напрасное повтореніе одного и того же объясненія. И во второй половинѣ есть такое же излишество. На стр. 44, содержаніе 4 пункта, повторено въ 9 — 10 пунктахъ на 67-й стр. (о частицахъ дополнительныхъ); то же надобно сказать о пунктахъ 25-мъ (стр. 46) и 20-мъ (стр. 53, касательно выраженій: „словочко сказать“, „слово вымолвить“).

б) Слѣдовало бы, по моему мнѣнію, не помѣщать пѣсни: „Всѣмъ сердцемъ сухусь-крушусь“ (стр. 89), какъ такой, которая, по тону, не принадлежитъ къ народнымъ въ строгомъ смыслѣ, и притомъ не представляетъ ничего интереснаго. Можно бы и другую пѣсню: „Осада Варны“ (стр. 113), безъ ущерба для дѣла, исключить при новомъ изданіи книги.

в) Не совсѣмъ понятны слова „Баринъ для человѣка“ (стр. 88, пунктъ 12), а на стр. 112, въ пунктѣ 14-мъ, и вовсе непонятно слово геграфа.

Учвиныиъ историн. *Александра Трачевскаго*, профессора Одесскаго университета. Древняя исторія. С.-Петербургъ. Изданіе Карла Риквера. 1883.

Книга, о которой мы будемъ говорить, не принадлежитъ къ зауряднымъ явленіямъ нашей педагогической литературы — уже по имени своего автора. Профессоръ А. С. Трачевскій и помимо того высокаго мѣста, которое онъ занимаетъ въ учебномъ вѣдомствѣ,

именно на университетской кафедрѣ, хорошо извѣстенъ всякому, интересующемуся судьбами и успѣхами русской науки. У него есть права на уваженіе и вниманіе. Довольно припомнить два большія его сочиненія, имѣющія ближайшее отношеніе къ русской исторіи: „Польское безкорольевѣ“ и „Союзъ князей“. Одно изъ нихъ удостоено Уваровской преміи: высшая рекомендація и наибольшій почетъ, котораго у насъ достигаютъ ученые труды. Любимую область занятій профессора Трачевскаго всегда составляла новая исторія; сюда относятся „Испанія XIX вѣка“ и послѣднія публикаціи его на французскомъ языкѣ въ связи съ открытыми имъ же документами въ парижскихъ архивахъ. Впрочемъ и здѣсь г. Трачевскій не былъ ученымъ космополитомъ, а всегда имѣлъ въ виду отношеніе избираемыхъ вопросовъ къ русскому отечеству: исторія Испаніи отчасти написана по депешамъ русскаго посланника въ Мадридъ; даже его „La France et l'Allemagne sous Louis XVI“ (Paris, Germer Baillière, 1881) обсуждаетъ вопросы европейской политики прошлаго вѣка не безъ касательства и примѣненія къ русскимъ дѣламъ. Однимъ словомъ, въ своей научной дѣятельности г. Трачевскій всегда былъ человѣкомъ живымъ и современнымъ, что, конечно, представляетъ много хорошихъ и привлекательныхъ сторонъ, во многихъ отношеніяхъ желательна, но въ то же время соединено съ разными опасностями и неудобствами. Кто отмежевалъ для своихъ спеціальныхъ занятій болѣе далекія отъ прямыхъ вопросовъ настоящаго учения сферы, кто тѣмъ или другимъ путемъ зашелъ въ безобидную область археологій и чистой учености, тотъ бываетъ иногда склоненъ пожимать плечами при неудачахъ своего болѣе ретиваго и бойкаго товарища и осуждать самыя его успѣхи. Этого не должно быть: и въ царствѣ науки обитателей много; каждый можетъ трудиться по своему, и даже недостатки одного служатъ иногда къ исправленію односторонностей другаго. Не говоримъ о различіяхъ въ общихъ взглядахъ и направленіи, въ религиозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Поводъ, по которому мы начали говорить о трудахъ г. Трачевскаго, не даетъ права и возможности на этомъ останавливаться; замѣтимъ только одно, что и такія различія не должны мѣшать справедливой научной оцѣнкѣ заслугъ противника, и что, съ другой стороны, когда дѣло идетъ объ учебной книгѣ, требованія науки находятъ себѣ нѣкоторое ограниченіе въ требованіяхъ педагогическихъ. Составитель учебника есть нѣкотораго рода уполномоченный—хотя часто самоизбранный и даже самозванный—отъ лица науки и ученыхъ къ юношеству; онъ

долженъ говорить не отъ своего только лица, а отъ имени всѣхъ или большинства своихъ товарищей, только то, на что могутъ согласиться всѣ или громадное большинство. Тутъ нѣтъ мѣста для распространенія какихъ-либо личныхъ своихъ взглядовъ, хотя бы и передовыхъ; не должно быть ни либеральнаго, ни консервативнаго учебника. Относительно руководства, составленнаго профессоромъ Трачевскимъ, уже высказаны были нѣкоторыя обвиненія съ этой точки зрѣнія; но дальше мы увидимъ, что эти обвиненія мало основательны и во всякомъ случаѣ крайне преувеличены.

Сколько извѣстно, до сихъ поръ г. Трачевскій не занимался спеціально древнею исторіей; обнаруживалось только нѣкоторое его расположеніе къ занятіямъ доисторической археологіей. Но въ этомъ, конечно, не заключалось какого-нибудь прямо отрицательнаго условія для составленія хорошей учебной книги по исторіи классической. Напротивъ, научный духъ и привычки, пріобрѣтенныя долговременными занятіями въ сродныхъ и близкихъ областяхъ науки, должны были выгодно отразиться и на новомъ трудѣ профессора Трачевскаго, хотя онъ и отличается нѣсколько по своему характеру и назначенію отъ прежнихъ его изслѣдованій; это такъ и на самомъ дѣлѣ. Достаточное количество частныхъ промаховъ и неточностей, конечно, указываетъ все-таки на отсутствіе предварительныхъ спеціальныхъ занятій исторіей Греціи и Рима и отчасти извиняется такимъ обстоятельствомъ; но съ другой стороны, строгая и серьезная мысль, обдуманнй выборъ фактовъ, прекрасное систематическое ихъ группированіе обличаютъ опытную въ историческихъ работахъ руку; учебникъ г. Трачевскаго вѣренъ себѣ отъ начала до конца, одушевленъ однимъ духомъ, построенъ по одному строго обдуманному плану; это не есть случайная компиляція, а трудъ мыслящаго и научно-образованнаго человѣка. Отличительную черту его составляетъ между прочимъ и то, что въ немъ обращено серьезное вниманіе на внутреннюю или такъ-называемую культурную исторію; относящіяся сюда отдѣлы послѣдовательно проходятъ по всей книгѣ, и всѣ они написаны въ одномъ стилѣ. Нельзя сказать, чтобы гдѣ-нибудь они слишкомъ разрастались или чтобы вообще подавляли внѣшнюю политическую исторію; авторъ благоразумно избѣгалъ модныхъ крайностей въ этомъ отношеніи и—по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ планѣ и намѣреніи, удѣлялъ достаточное вниманіе и политической сторонѣ исторіи, которая въ общеобразовательномъ гимназическомъ курсѣ, конечно, всегда будетъ оставаться главною и основ-

ноу. Если посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія внѣшняго объема книги, то можно сказать, что желательное равновѣсіе между внутреннимъ и внѣшнимъ въ учебникѣ г. Трачевскаго почти не нарушено; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было бы пожелать болѣе пространнаго и обстоятельнаго изложенія фактовъ политической исторіи, но мы не думаемъ, чтобы для этого слѣдовало требовать коренныхъ измѣненій въ общемъ планѣ и основномъ построеніи книги. Правда, что промахи и ошибки, о которыхъ мы упомянули, чаще всего встрѣчаются именно въ изложеніи политической исторіи; но они болѣею частію могутъ быть устранены простыми измѣненіями въ существующемъ текстѣ изложенія, болѣе внимательною его редакціей. Несомненно, что гораздо менѣе подлежатъ упрекамъ страницы, посвященныя культурной исторіи; очень можетъ быть, что эта часть руководства обработана съ особенною любовью и особеннымъ тщаніемъ, но многое здѣсь зависитъ и отъ самаго существа дѣла, отъ того, что такъ-называемая внутренняя исторія обыкновенно излагается въ общихъ очертаніяхъ и не требуетъ частнаго вниманія къ отдѣльнымъ индивидуальнымъ фактамъ, къ ихъ строгой послѣдовательности, къ точной хронологіи.

Съ точки зрѣнія литературнаго изложенія новая книга профессора Трачевскаго тоже отличается обычными достоинствами, а отчасти даже и недостатками его прежнихъ трудовъ. Г. Трачевскій — любитель хорошаго, изящнаго слога; онъ всегда старается писать красиво и по возможности образно. Несомнѣнно, что это ему почти всегда удается, но иногда онъ переступаетъ мѣру; иногда его эпитеты слишкомъ громки и рѣзки, выраженія слишкомъ искусственны и затѣйливы. Примѣры намъ встрѣтятся ниже; но уже теперь можно указать на характеристику Платона словами „красивый и дю жій Афинянинъ“ (стр. 240), какъ на нѣчто неудачное и неловкое; то же самое можно сказать и о выраженіяхъ: „Александръ звѣрски истреблялъ Фиванцевъ“ (стр. 238); дикіе Лигуры (стр. 286); бумажная казуистика, бумажное крючкотворство у Римлянъ (стр. 326, 327), когда еще не было и бумаги; могильный покой, который будто бы доставила людямъ Римская имперія (стр. 406). Сюда же относится стремленіе автора обрисовывать древнихъ дѣятелей и древнія отношенія краткими приравненіями къ современности, что то же не всегда выходитъ удачно. Развѣ много служитъ къ объясненію дѣла названіе Цицерона „даровитымъ Французомъ классической древности“ (стр. 402) и т. п.?

Чтобы ближе познакомиться съ отличительными чертами изложенія въ книгѣ г. Трачевскаго, а также и съ основными его воззрѣніями, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ, наиболѣе важныхъ и характерныхъ, и прибавимъ къ этому свои замѣчанія. Нужно прежде всего замѣтить, что, не стѣсняясь существующею гимназическою программой, г. Трачевскій въ своемъ учебникѣ, назначаемомъ для старшихъ классовъ гимназій, излагаетъ не только исторію классическаго міра, но и исторію Востока, присоединивъ въ началѣ еще общее введеніе. Мы далеки отъ того, чтобы на этомъ основаніи считать книгу непригодною въ качествѣ учебника; ничего не мѣшало бы начинать классное преподаваніе по книгѣ съ того мѣста, гдѣ начинается исторія Греціи, при чемъ другіе отдѣлы вперед могли бы служить любознательнымъ ученикамъ для чтенія, для справокъ, для собственнаго свободнаго изученія. Въ введеніи и потомъ въ исторіи Востока весьма много хорошаго и полезнаго. При развитіи у насъ любви къ русской донсторической археологіи полезно, на примѣръ, получить правильное и точное понятіе о томъ, что такое каменный, бронзовый вѣкъ и т. д. Прекрасный отвѣтъ на это можно найти на стр. 12—16 учебника. Исторія Востока, какъ само собою разумѣется, изложена согласно съ современнымъ состояніемъ науки, по новѣйшимъ сочиненіямъ Масперо и другихъ. Заимствуемъ отсюда общую заключительную характеристику историческаго значенія Семитовъ (стр. 87, 88, 89).

„Преимники Кушитовъ, Семиты, дѣйствовали въ древней исторіи около 1500 лѣтъ (2000—538 г.). Они уступили мѣсто Арійцамъ, которымъ съ тѣхъ поръ принадлежитъ исторія. Изъ нихъ Вавилоняне, Ассирійцы и Финикійяне исчезли навсегда; Евреи исчезли, какъ нація, но сохранились въ Азіи и Европѣ, какъ части чуждыхъ государствъ. Одни Арабы, не имѣвшіе значенія въ древней исторіи, выступили, 600 лѣтъ послѣ Р. Х., какъ важная нація, но не надолго. Арабы создали магометанство, но скорѣ возвратились въ свою пустыню, гдѣ и теперь живутъ также первобытно, какъ жили до Р. Х.; свою новую религію они передали многимъ народамъ Туранскаго и отчасти Арійскаго племени. Магометанство — монотеизмъ; монотеизмъ также еврейская религія и христіанство, возникшее среди Евреевъ. Такимъ образомъ, главное значеніе Семитовъ состоитъ въ религіозномъ развитіи. Они мало сдѣлали для остальныхъ сторонъ идеальной культуры: у нихъ не процвѣтали науки, искусства и письменность, которыя они лишь временно заимствовали у Кушитовъ, Халдеи и Египта да у Арійцевъ (арабская образованность заимствована у Грековъ).

Семиты не проявили и государственных способностей. Их народы вечно враждовали между собою, и внутри каждого из них происходили революціи. Это особенно замѣтно у Евреевъ, самыхъ яркихъ представителей семитства. Такъ, Семиты сами себя пожирали, вмѣсто того, чтобы организовать сильное цѣлое. Одна Ассирія стремилась къ такой организаціи, но хотѣла достигнуть ея путемъ смерти и рабства. Она не организовала, а погубила Семитовъ: разрушая ихъ царства, истощая ихъ народность войнами, она пролагала путь господству Арійцевъ; этимъ объясняются быстрыя завоеванія Кира, этого бойкаго представителя свѣжаго Арійскаго племени. Изъ всѣхъ Семитовъ одни Ассирійцы проявили воинственную энергію, какъ самые сѣверные обитатели горныхъ странъ. Остальные, южные Семиты отличались мирными свойствами. За исключеніемъ Евреевъ, занимавшихся земледѣліемъ, они проявляли особенную способность къ торговлѣ и промысламъ: въ этомъ смыслѣ Вавилоняне и Финикіяне были космополитами, соединявшими весь тогдашній міръ, отъ Индіи до Великобританіи. Но это зависѣло отъ ихъ географическаго положенія. По духу же всѣ Семиты были исключительны, нетерпимы и потому консервативны: имъ недоставало гибкости и многосторонности натуры, которыми отличаются Арійцы. Семиты упорно сохраняютъ даже свой физическій типъ; ихъ языки неподвижны, вслѣдствіе чего ихъ такъ мало; въ ихъ идеальной культурѣ также мало развитія. Лучшие представители семитства—Евреи, въ особенности же ихъ пророки, съ ихъ національною исключительностью, религіозною нетерпимостью и крайнимъ бытовымъ консерватизмомъ. Ихъ исторія доказываетъ, что этотъ духъ приводитъ, съ одной стороны, къ невѣжеству и застою, съ другой — къ внутреннимъ волненіямъ и къ враждѣ съ иностранцами, то-есть, къ гибели независимости. Евреямъ осталось только ожидать Мессію, который въ будущемъ спасетъ „избранный народъ Божій“.

Полагаемъ, что съ литературной точки зрѣнія приведенныя строки можно назвать безукоризненными: такъ наши учебники не пишутся. Со стороны содержанія подлежитъ сомнѣнію и даже упреку то, что говорится объ Евреяхъ, то-есть, въ частности о пророкахъ. Не здѣсь только г. Трачевскій представляетъ ихъ главными носителями религіозной нетерпимости. На страницѣ 69 мы читаемъ такую ихъ характеристику: „Во главѣ этой (то-есть, духовной и мирной еврейской) партіи стояли нетерпимые и пылкіе пророки. То были идеалисты, люди убѣжденных, выходившіе изъ народа; но у нихъ,

какъ у представителей еврейской націи, не было ничего, кромѣ религіи и узкаго патріотизма: презирая чуждую культуру, они не признавали ничего, кромѣ еврейства и Іеговы... Они восставали противъ пороковъ правительства... Цари жестоко преслѣдовали этихъ революціонеровъ* и т. д. Однимъ словомъ, о пророкахъ сказано много невѣрнаго; они обличали не столько царей, сколько самый народъ еврейскій; именно они были менѣе исключительны, чѣмъ вообще еврейство и юдаизмъ. Самъ же г. Трачевскій, противорѣча себѣ, ниже говоритъ объ Исаіѣ, что онъ хотѣлъ развить религію Моисея, объявилъ, что Іегова — Богъ не Евреевъ только, но всего человѣчества. Опять тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе, но вѣрно то, что Исаія, да и не одинъ Исаія, а и другіе пророки были представителями извѣстной такъ-называемой универсальности религіозной въ противоположность націонализму; именно въ нихъ скъзывается то начало, которое сдѣлало возможнымъ превращеніе религіи іудейской въ общечеловѣческую. Вообще страницы 69 и 70 могутъ подать поводъ къ большимъ нареканіямъ противъ книги г. Трачевскаго и непремѣнно требуютъ исправленія.

Приводимъ еще одинъ параграфъ (§ 267), озаглавленный „значеніе древняго міра“ и представляющій общій заключительный взглядъ на древнюю исторію.

„Прежде подъ древнимъ или античнымъ міромъ разумѣли только Грецію и Римъ, такъ какъ, не зная Востока, не придавали ему значенія. Теперь Востокъ занимаетъ почетное мѣсто въ древней исторіи, какъ отецъ европейскаго развитія, и слово античный стало означать не „древній“, а греко-римскій міръ, притомъ съ отгѣнкомъ похвалы, превосходства (наше „антикъ“ — нѣчто рѣдкое, изящное); этимъ же отгѣнкомъ отличается слово классическій, въ приложеніи къ исторіи Греціи и Рима. Не смотря на великое значеніе Востока, его исторія и теперь выдѣляется лишь какъ подготовительная школа въ развитіи древняго человѣчества, которое сосредоточивается въ классическомъ мірѣ. Въ ней господствуетъ однообразіе и застой, отсутствіе общественнаго и личнаго развитія (§ 84). Сѣмена цивилизаціи, возросшія на Востокѣ, дали плоды, когда ихъ перенесли на европейскую почву. Эти плоды замѣчательны: они до сихъ поръ лежатъ въ основаніи человѣческаго прогресса. Нѣтъ стороны жизни, которая не была бы затронута и даже значительно развита въ древности. Въ политикѣ были испробованы почти всѣ, извѣстныя до сихъ поръ, формы общезитія; въ социальномъ отношеніи выработались всѣ

классы общества, и борьба между ними соответствует тому, что происходит въ исторіи до нашихъ дней. Основы матеріальной культуры господствовали въ жизни Европы и Азіи до прошлаго вѣка; а плодами идеальной культуры до сихъ поръ живетъ интеллигенція. У насъ первыя главы важнѣйшихъ наукъ, а также основы искусствъ—греческія; а правовѣдѣніе и драма, ваяніе и зодчество до сихъ поръ идутъ лишь по слѣдамъ древности, не представляя ничего существенно новаго; но за то во всѣхъ областяхъ жизни классическая древность представляетъ важные пробѣлы, благодаря которымъ она служитъ лишь такою же подготовительною школою для насъ, какою былъ для нея Востокъ. Такъ, во внѣшней политикѣ древніе не знали равновѣсія: ни одна держава не терпѣла подлѣ себя другихъ большихъ государствъ. Отсюда вѣчныя и жестокия войны между значительными государствами. Во внутренней политикѣ древніе не дошли до представительства (парламентаризма), которое составляетъ душу современныхъ государствъ. Отчасти вслѣдствіе этого, ихъ политическая борьба отличалась крайне жестокимъ характеромъ: они почти не знали реформъ, жили среди постоянныхъ революцій. Древніе не придумали также средствъ къ облегченію общественного неравенства: у нихъ не было иной филантропіи, кромѣ раздачи хлѣба, которая была въ то же время политическимъ подкупомъ. Они и не подозрѣвали другой общественной несправедливости: въ ихъ глазахъ рабство было естественнымъ, вѣчнымъ явленіемъ; рабство ослабляло язву нашего времени, пролетаріатъ, но лишь потому, что со-всѣмъ истребляло средній классъ и свободное крестьянство, приготовляя, такимъ образомъ, гибель всего государства. Въ матеріальной культурѣ въ древности только начиналось приложеніе машинъ, такъ какъ точныя науки развились лишь незадолго до Р. Х.; тогда никто не могъ и помыслить о парѣ и электричествѣ, которые произвели переворотъ во внѣшнемъ быту человѣчества. Точно также древніе не могли и мечтать о современномъ развитіи научныхъ теорій, живописи и въ особенности музыки. Наконецъ, былъ великій нравственный пробѣлъ у древняго человѣка, какъ у восточнаго, такъ равно и у западнаго: это—узкій, эгонстическій взглядъ на все чужое, или отсутствіе гуманности. Грекъ или Римлянинъ, подобно Египтянину, Ассирійцу или Еврею, смотрѣлъ съ презрѣніемъ и злобой на другіе народы, считая ихъ низшею, рабскою породой. Даже у себя дома онъ былъ единственнымъ господиномъ, которому все должно было служить безпрекословно: женщина и ребенокъ были его рабами

и вещами. Согласно съ этимъ барскимъ взглядомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивались извѣженность, чувственность и матеріализмъ въ жизни, а также риторство или отсутствіе простоты и погоня за вѣшностью. Только къ концу древняго міра появились проблески простоты, идеализма и космополитизма. Они обнаруживаются при Александрѣ Великомъ и у діадочовъ, роль которыхъ продолжалъ Римъ. Завоеванія Александра и Римлянъ сглаживали мѣстныя, національныя особенности, разчищали путь мировымъ интересамъ и тѣмъ подготавливали новую религію гуманности и идеализма—христіанство. Классическій міръ былъ такъ богатъ умственными силами, что, при дальнѣйшемъ развитіи, самъ могъ бы отчасти восполнить указанныя пробѣлы; но его жизнь была остановлена вторженіемъ новыхъ элементовъ въ исторію. Подлѣ него стали, съ одной стороны, христіанство, возникшее на Востокѣ, съ другой—варвары или новые народы, пришедшіе оттуда же. Изъ сліянія этихъ трехъ элементовъ образовалось новое время въ исторіи, смѣнившее древность. Отдаленнѣйшая часть этого времени, первая 15 столѣтій нашей эры, называются средними вѣками“ (введ. § 17).

Здѣсь опять, при всевозможныхъ похвалахъ изложенію, нужно сдѣлать нѣсколько оговорокъ, безъ которыхъ мы, пожалуй, обошлись бы, еслибы книга не предназначалась служить ученикамъ. Не совсѣмъ вѣрно то, что древніе такъ-таки и не дошли до представительства: начала его были въ прежнихъ амфиціоніяхъ, и особенно въ провинціальныхъ (религіозныхъ, а затѣмъ и политическихъ) сеймахъ, связанныхъ съ культомъ Августа. Но справедливо, что представительство не составляло существенной стороны въ древней политической жизни; за то опять неправильно отождествленіе представительства съ парламентаризмомъ, при чемъ напрашивается и то еще замѣчаніе, что въ такомъ видѣ оно совсѣмъ не составляетъ души современныхъ государствъ, развѣ только немногихъ и нѣкоторыхъ. Что Римлянинъ, хотя бы и республиканскаго періода, смотрѣлъ на другіе народы съ презрѣніемъ и злобой—это сказано уже слишкомъ сильно. Космополитизмъ, появленіе проблесковъ котораго замѣчается въ концѣ древней исторіи, конечно, у г. Трачевскаго, какъ явствуетъ изъ связи, употребляется въ смыслѣ настроенія, противоположнаго узкой народной исключительности, которая не допускаетъ чужеземца и иноплеменика къ участию въ гражданскихъ правахъ и въ общей культурѣ. Римскій космополитизмъ былъ особаго рода, онъ означалъ римское господство, приобщеніе покорен-

ныхъ народовъ и провинцій къ общей жизни, подчиненіе ихъ римскому языку и культурѣ. Изъ того, что слова г. Трачевскаго были неправильно поняты однимъ рецензентомъ, какъ одобреніе такого направленія, которое совсѣмъ не знаетъ отечества и отрицаетъ собственный народъ, становится очевиднымъ, что здѣсь нужна какая-нибудь оговорка, какое-нибудь разъясненіе... Въ этомъ же направленіи, можетъ быть, придется сдѣлать измѣненія и въ другихъ соответствующихъ мѣстахъ. Недостатки, которые мы отмѣтили въ этой послѣдней главѣ, вполнѣ однако уравниваются прекрасными и сильно выраженными замѣчаниями объ образовательномъ значеніи древности...

Переходимъ теперь къ частнымъ замѣчаніямъ, къ указанію отдѣльныхъ промаховъ и недосмотровъ; дѣлаемъ это съ тѣмъ большею внимательностію, что книга внушаетъ намъ уваженіе, и мы думаемъ, что она можетъ быть во всякомъ случаѣ полезною для гимназическаго преподаванія. Самъ авторъ предупреждаетъ въ предисловіи, что въ ожиданіи серьезной критики со стороны ученыхъ и педагоговъ изданіе сдѣлано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Мы думаемъ, что только исполнимъ его желаніе, если будемъ строги и даже придирчивы. Впрочемъ мы только слегка касаемся Востока и больше останавливаемся на Греціи и Римѣ.

Стр. 49. „Набу-хадур-уссуръ (Навуходоносоръ) далъ Египту вмѣсто Неко новаго фараона Амеца (Амазиса)“. Затѣмъ говорится объ извѣстномъ Амазисѣ. Не знаемъ, было ли вторженіе Навуходоносора въ Египетъ, но во всякомъ случаѣ послѣ Неко былъ Псаммисъ (Псамметихъ II) и Априй (Гофра, Угабра); обнаруживается довольно странная ошибка.

Авторъ пишетъ патриархъ Яковъ (стр. 69), пророкъ Илья (стр. 79); нѣтъ, кажется, нужды измѣнять принятому обычаю отличать уважаемую и священную древность написаніями, болѣе соответствующими славянскому и греческому произношенію. Не хорошо также написаніе Ціаксаръ (стр. 113).

На стр. 75 озеро Тритонъ показано близъ мыса Бона, а на стр. 92 „озеро Тритонъ у Кирены“; разстояніе и разница слишкомъ большія.

Стр. 86. Станнымъ образомъ говорится о пѣсни на стѣнахъ вавилонскихъ (вмѣсто: на рѣкахъ).

Стр. 180. Діона названа Діаною, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки.

Стр. 148. „Ефоры отдавали царя на судъ сходки“, то-есть, народъ

наго собранія. Но царя въ Спартѣ судилъ другой царь, ефоры и герусія.

Стр. 144. „Періеки были легковооруженные“; но при Платеяхъ было 5,000 оплитовъ—періековъ.

Стр. 146. О Ликургѣ напрасно сказано по старому преданію, что онъ запретилъ деньги. Приговоръ, что Спарта не принесла пользы человечеству, слишкомъ рѣшительнъ; замѣчаніе о воспитаніи спартанскомъ, что оно служитъ отрицаніемъ педагогін, не ясно и неумѣстно—какой педагогін? Если нинѣшней, то не удивительно, что Спартянцы отрицали то, чего не существовало въ ихъ время.

Стр. 147. Невѣрно, что сподвижники Аристомена основали Мессину и Тарентъ; они не основывали ни той, ни другаго.

Стр. 154. Конституція Солона изложена такъ, какъ это принято теперь и въ лучшихъ нѣмецкихъ руководствахъ (напримѣръ, Давида Мюллера); но есть неисправности, какихъ, конечно, не встрѣчается въ нашихъ образцахъ. Не понятно, напримѣръ, что можетъ означать слово *τιμή*, начертанное въ концѣ страницы (вѣроятно—*τιμήματα*). Противникомъ Писистрата назвать только Мильтиадъ, и пѣтъ Мегакла съ Ликургомъ.

Стр. 156. „До сихъ поръ сохранился водопроводъ Писистрата съ колоннадами“. Здѣсь заключаются двѣ неточности, которыя могутъ быть источникомъ недоумѣнія для людей свѣдущихъ и причиною недоразумѣнія для несвѣдущихъ. Изъ существующихъ до сихъ поръ афинскихъ водопроводовъ нельзя указать ни одного, который именно принадлежалъ бы Писистрату, но предполагаютъ, что большая часть ихъ относится по своему происхожденію къ его времени; извѣстно, что Писистратъ украсилъ колоннадою городской источникъ (не водопроводъ) Каллирою, и вотъ въ этомъ-то и заключается указаніе на то, что онъ вообще заботился о снабженіи города водою; впрочемъ самая колоннада извѣстна только по историческому преданію и тоже не сохранилась до нашего времени. Объ этомъ можно читать въ исторіи Курціуса.

— Объ услугѣ Алкмеонидовъ Дельфійскому храму на той же страницѣ говорится неточно; сказано, что они задобрили пнею, давъ огромную сумму денегъ на возобновленіе сгорѣвшаго храма; на самомъ дѣлѣ деньги, 300 талантовъ, на возобновленіе храма были собраны помимо Алкмеонидовъ, а они взяли на себя только завѣдываніе постройками—какъ бы подрядъ, но правда, что

они исполнили его въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ были обязаны, приложивъ къ тому и собственные средства.

— Остракизмъ, по мнѣнію г. Трачевскаго, предполагаетъ, что подающіе голосъ царпали на покрытыхъ воскомъ раковинкахъ: обыкновенно и, конечно, вѣрнѣе разумѣютъ при этомъ просто черепки, обломки сосудовъ. Неужели покрывали воскомъ 6,000 кусковъ?

Стр. 157. Въ дѣлѣ Клизеена дается участіе Аристиду и Ксаноппу: любопытно было бы знать, на какомъ основаніи.

Стр. 159. Дориды азіатская показана состоящею изъ 12 городовъ вмѣсто 6.

Стр. 165. О разныхъ родахъ олимпійскихъ состязаній говорится неудовлетворительно. Разныя части пентагола, одного изъ агоневъ или состязаній, названы главными пятью агонами олимпійскими.

Стр. 168. Выходитъ, что Іонійцы (въ 500 году) съ начала сожгли Сарды, а потомъ выпросили помощь у Афинянъ; разореніе Іоніи и Эолиды Персами при усмирении возстанія очень преувеличено: „погибла и вся малоазійская Еллада“.

Стр. 169. У Датица и Артаферна при походѣ на Грецію было будто бы 1,000 кораблей; у Геродота мы находимъ цифру 600, и не знаемъ, откуда взялась цифра г. Трачевскаго. Совсѣмъ нѣтъ нужды предполагать, что Мильтиадъ, Аристидъ иThemistocle избраны въ стратеги послѣ переправы Персовъ въ Аттику: они избраны были вмѣстѣ со всѣми другими обычными чинами въ обычное время.

Стр. 170. Сказано, что Аристидъ оставилъ сыновей своихъ въ нищетѣ: странно, что эту старую сказку повторяетъ авторъ учебника, совсѣмъ не расположенный къ историческому суевѣрію.

Стр. 171. По тому взгляду на развитіе афинскаго государственнаго устройства, которому слѣдуетъ г. Трачевскій, архонты и послѣ реформы Клизеена избирались не по жребію (см. стр. 157); между тѣмъ здѣсь (на стр. 171) объ Аристидѣ говорится слѣдующее: „его выбрали первымъ архонтомъ, и никто не хотѣлъ баллотироваться рядомъ съ нимъ“; но послѣднее, то-есть, отказъ конкурентовъ отъ баллотировки, нуженъ былъ только для того, чтобы объяснить возможность избранія Аристида въ данный моментъ по жребію; съ такою цѣлью это предположеніе и придумано учеными, которые думали, что жребій введенъ уже Клизееномъ; для г. Трачевскаго оно совсѣмъ не нужно.

— О построеніи кораблей и возникновеніи аэинскаго флота разказывается такъ: когда Фемистоклъ сдѣлался первымъ архонтомъ, „въ это время пнеія сказала, что Грековъ спасутъ деревянные стѣны. Фемистоклъ понявъ, что это корабли, и потребовалъ немедленно устроить флотъ“ и т. д. На самомъ дѣлѣ флотъ былъ устроенъ независимо отъ пнеіи, и ея изреченіе относилось или было отнесено уже къ существующимъ кораблямъ.

Стр. 173. Спарта прислала съ Леонидомъ только триста Спартанцевъ, да и то пожилыхъ; спрашивается, чѣмъ же пожилые въ военномъ дѣлѣ будутъ хуже молодыхъ?

Стр. 175. Аэиняне назначили адмираломъ Ксанонппа: такой должности собственно не существовало у Аэинянъ; флотомъ командовали стратеги.

— Послѣ сраженія при Микале „въ честь этого событія (Греки) воздвигли роскошный храмъ Артемиды въ Ефесѣ“. Но храмъ былъ основанъ еще въ 590 году, сто-двадцать лѣтъ ранѣе; онъ долго строился; Крезъ Лидійскій, подчинивъ себѣ Іонію, принималъ участіе въ постройкѣ своими щедрыми приношеніями, хотя дѣло все-таки не было доведено до конца; правда только то, что теперь снова приступили къ выполненію первоначальнаго плана, и въ 470 г. храмъ дѣйствительно былъ достроенъ.

Стр. 178. Переходъ гегемоніи къ Аэинямъ объясненъ неудовлетворительно: „Выдумали такое правило, будто вождь Греціи Спарта поручаетъ Аэинянамъ военное и политическое предводительство морскими государствами Еллады. Всѣ эти государства (за исключеніемъ вѣчныхъ соперниковъ Аэинъ — Коринѳа, Мегары и Егинны) составили союзъ дельійскій“. Значить, прочіе Пелопоннесцы, кромѣ трехъ названныхъ городовъ, признали аэинскую гегемонію, по крайней мѣрѣ приморскіе города. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, Пелопоннесцы не участвовали въ союзѣ.

Стр. 179. Основаніе Амфиполя приписывается Кимону или его времени; но Амфиполь основанъ только въ 436 году, то-есть, спустя 13 лѣтъ по смерти Кимона. Порядокъ разказа, принятый здѣсь авторомъ, ведетъ къ разнымъ неудобствамъ; неловко, напри- мѣръ, то, что объ изгнаніи Фемистокла разказывается послѣ смерти Кимона.

На стр. 180 и 181 можно отмѣтить нѣсколько рѣзкихъ безъ надобности выраженій: „спартанскіе и аэинскіе сыщиги“ вмѣсто послы; недалекій Кимонъ, недалекіе Спартанцы.

Стр. 183. Жалованье за присутствіе на ектисіи приписано Периклу, что не может быть признано правильнымъ или даже послѣдовательнымъ.

Стр. 184 начинается страннымъ написаніемъ ψεφίσμα, будучи посвящена нововведеніямъ Перикла, содержитъ въ себѣ нѣсколько неточностей. Обвиненіе въ противозаконіи, γραφή παρανόμων, по объясненію г. Трачевскаго, состояло въ томъ, что каждый могъ привлечь къ суду автора новаго, уже принятаго закона, доказывая, что послѣдній вреденъ. Но вѣрнѣе, что такое толкованіе соответствуетъ только позднѣйшему злоупотребленію, а первоначально законъ имѣлъ другое значеніе, какъ это было прекрасно объяснено Гротомъ. Первоначально это было обвиненіе не противъ закона, уже изданнаго, а противъ авторовъ, дѣлающихъ новыя предложенія, не согласныя съ существующими законами, безъ указанія этого противорѣчія. Во всякомъ случаѣ не правильно показаніе о штрафѣ обвинителя по γραφή παρανόμων: этотъ штрафъ налагался только тогда, когда не нашлось даже одной пятой голосовъ въ пользу новаго предложенія.

Стр. 185. „Онъ улучшилъ постановку театральныхъ пьесъ или хоррегію“. Хоррегія — нехорошее написаніе. „Хораги или корифеи отъ cadaго дема состязались передъ выборными судьями“. Во первыхъ, хорагъ и корифеи не одно и то же: первый — поставщикъ пьесы, второй — первый пѣвецъ или танцоръ; во вторыхъ, не отъ дема ставились хоры, а развѣ отъ филы, в третьихъ, состязаніе происходило не предъ избранными судьями, а на праздникахъ предъ цѣлымъ народомъ. — Тутъ же находимъ странное объясненіе слова симпосіонъ.

— „Но Периклъ успѣлъ образовать только тонкій слой общества, интеллигенцію. Толпѣ же онъ могъ только передать свой художественный вкусъ: она еще востыла въ невѣжествѣ, была полна предразсудковъ, особенно религіозныхъ, подчинялась жрецамъ и политическимъ интриганамъ“. Это выдѣленіе изъ среды аѳинскаго народа какой-то особой интеллигенціи, нужно думать — чуждой всякихъ предразсудковъ, особенно религіозныхъ и т., д., — довольно характеристично для книги г. Трачевскаго, но едва ли основательно. Вообще авторъ постоянно употребляетъ самыя рѣзкія выраженія, какихъ мы совсѣмъ не желали бы слышать въ устахъ ученика; рядомъ съ невѣжественною толпою являются тутъ же закоренелые въ предразсудкахъ епатриды-аристократы, а

часть осххху, отд. 3.

за аристократовъ стояли ханжествующіе жрецы. Г. Трачевскій не замѣчаетъ, что если толпа въ Афинахъ времени Перикла была такою, какою онъ ее изображаетъ, то въ этомъ уже заключается нѣкоторое оправданіе свпатридамъ, желавшимъ удержать власть за собою или же вновь возвратитъ ее себѣ, и тогда не зачѣмъ клеймить ихъ востолжно такими звучными бранными эпитетами; да и жрецы, конечно, далеко не всѣ были ханжами, тѣмъ болѣе, что они вовсе не составляли какого-нибудь особеннаго духовнаго класса, какъ это можно подуматъ по изложенію г. Трачевскаго.—Подстрекательная жреца, невѣжественная толпа, „которой не нравилось свободомысліе философа (Анаксагора) и его теорія, основанная на естествознаніи, приговорила его къ смерти“. Какая это теорія, основанная на естествознаніи? Напротивъ извѣстно, что Анаксагоръ первый призналъ невозможнымъ объяснять сущее изъ одной физической природы и провозгласилъ идею миростроительнаго ума или духа, существующаго отдѣльно. У самого г. Трачевскаго говорится объ этомъ ниже гораздо лучше и правильнѣе (стр. 210).

О соперничествѣ Эукидда съ Перикломъ говорится два раза—на стр. 126 и 127, и во второй разъ такъ, какъ будто оно случилось предъ самымъ началомъ Пелопоннеской войны, въ концѣ поприща Перикла; на самомъ дѣлѣ оно относится къ 443—442 годамъ. Исторія *εἰς τὸ θεόν* (стр. 127) передана совершенно въ извращенномъ видѣ.

На стр. 188 вмѣсто ликійская дань нужно читать карійская. Тутъ же опять черезчуръ рѣзкіе эпитеты: „устарѣлый Аргось и полудикая Фессалія“; по Пиндару, это была блаженная Фессалія.

— „Почти весь материкъ повиновался Спартѣ, которой принадлежала при томъ лучшая въ мѣрѣ армія (60 т. голлитовъ). На ея сторонѣ были еще Коринѣ, Мегара, Эгина“. Все это очень неловко выражено, не говоря о томъ, что Эгина была въ данное время подъ властью Афинъ; выходитъ, что Коринѣ и Мегара—острова, такъ какъ союзъ еще исключаетъ ихъ изъ состава материка.

Совсѣмъ непонятнымъ для насъ остается загадочный намекъ, заключающійся въ слѣдующихъ словахъ учебника; „Въ республикахъ, враждебныхъ Афинамъ, стали появляться золотые дарки, которыми signals одна умная и красивая Іонійка изъ Малой Азіи“.

Стр. 190. Вслѣдствіе не совсѣмъ ладнаго порядка изложенія выходитъ, что сверженіе тиранновъ въ Сициліи было во время Пе-

лопоннеской войны, а оно было гораздо ранѣе. Каннибальскій, по выраженію г. Трачевскаго, характеръ Пелопоннеской войны объясняется тѣмъ, что въ эллинскомъ мірѣ было тогда разомъ четыре рода борьбы: политическая, племенная, идеальная и социальная. Явное дѣло, что объясненіе недостаточно.

Стр. 191. Клеонъ будто бы ввелъ подоходный налогъ: вѣроятно, разумѣется *сісфора*, но это не есть постоянная подать, а только чрезвычайный взносъ.

Стр. 192. Клеонъ будто бы прямо требовалъ разрушить Спарту до основанія; на самомъ дѣлѣ онъ никогда не былъ столь безуменъ, и никогда дѣло не доходило до того, чтобы можно было поднимать объ этомъ рѣчь.

Стр. 193. Въ главѣ объ Алкивіадѣ и походѣ въ Сицилію сказано, что ближайшею причиною отправленія экспедиціи было стѣсненное положеніе Леонтина, тогда какъ въ данномъ случаѣ рѣчь должна идти объ Егестѣ; затѣмъ ничего не сказано объ осадѣ Сиракузъ, и выходитъ, что сейчасъ же послѣ удаленія Алкивіада „аѳинская армія была перебита, какъ стадо“—не извѣстно гдѣ и какъ; далѣе ничего не сказано о занятіи Декеліи: вообще весь разказъ слишкомъ коротокъ и отъ того неясенъ, неудовлетворителенъ.

Стр. 194. При заключеніи союза между Спартой и Персидскимъ царемъ, устроеннаго Алкивіадомъ, будто бы „Персы снова получили Грековъ Малой Азіи съ прибавкой острововъ, которыми никогда не владѣли“. Но даже въ первомъ договорѣ, на дѣлѣ не исполненномъ, было прямо сказано, что царю будетъ возвращено только то, что ему прежде принадлежало. „Самосъ единственный островъ, гдѣ демократы сохранили власть“—это невѣрно; кромѣ Самоса, и Лезбосъ оставался вѣрными Аѳинянамъ, хотя Митилена на время поколебалась.

Стр. 193 и 194. Въ главѣ объ олигархіи въ Аѳинахъ и возвращеніи Алкивіада очень много невѣрнаго и неточнаго. Не съ Аѳинянами прямо и тамошними аристократами Алкивіадъ вступилъ первоначально въ сношенія, а именно съ вождями флота при Самосѣ; олигархическое движеніе перенесено было въ Аѳины отсюда, то-есть, съ Самоса (посольство Пизандра), и потомъ переговоры съ Алкивіадомъ велись не изъ Аѳинъ, а съ Самоса; они были прерваны по винѣ Алкивіада; переворотъ въ Аѳинахъ все-таки состоялся, такъ какъ однажды начатое движеніе тамъ развивалось своимъ чередомъ; самосскій флотъ не призналъ переворота и олигархіи 400, но все-

такъ, по предложенію Фразибула, рѣшилъ призвать Алкивіада, чего не хотѣли олигархи, достигшіе власти въ Аѣннахъ. Все это изложено въ изложеніи г. Трачевскаго, который постоянно говоритъ объ интригахъ Алкивіада въ Аѣннахъ. На стр. 193: еще во время пребыванія Алкивіада въ Спартѣ, по его интригамъ—тамъ, то-есть, въ Аѣннахъ, побѣждали сегодня аристократы, завтра демократы: ничего подобнаго не было. Затѣмъ сказано, что такъ какъ проклявшая его демократія не могла простить ему (ее представлялъ самосскій флотъ), то онъ вступилъ въ сношенія съ аѣнскими аристократами; тайное общество изъ аристократическихъ гетерій съ помощію Алкивіада произвело мятежъ въ Аѣннахъ, и запуганная толпа приняла новое правительство; олигархи укрѣпились въ Пирей и рѣшили не принимать такого опаснаго соперника, какъ Алкивіадъ; тогда онъ явился къ демократамъ самосскаго флота, не знавшаго его тайныхъ сношеній съ аѣнскою олигархіей. Все, что здѣсь отмѣчено разрядкой, невѣрно и требуетъ исправленія. Еще далѣе сказано въ учебникѣ, что послѣ побѣды при Кизикѣ, одержанной Алкивіадомъ, въ Аѣннахъ отвѣчали на этотъ подвигъ низверженіемъ олигарховъ: на самомъ дѣлѣ низверженіе четырехсотъ послѣдовало ранѣе битвы при Кизикѣ.

Стр. 196. Глава „Лизандръ и паденіе Аѣннъ“ опять неудовлетворительна и заключаетъ въ себѣ много невѣрнаго. Краткость здѣсь доходитъ до того, что даже нѣтъ имени Аргинузъ; а объ исходѣ процесса противъ стратеговъ-побѣдителей невѣрно сказано, что отъ смерти спаслись только двое, въ томъ числѣ Кононъ; на самомъ дѣлѣ Кононъ вовсе не подлежалъ обвиненію, одинъ изъ стратеговъ умеръ, двое не явились на судъ, и только шесть были судимы и казнены. Послѣ Аргинузъ „были назначены дурные полководцы, которые проводили время въ праздности при Эгоспотами“. Но въ числѣ полководцевъ былъ Кононъ, а онъ принадлежалъ къ тѣмъ десяти стратегамъ предыдущаго года изъ демократовъ, которые только что названы были хорошими. Если они когда проводили время въ праздности, то развѣ раньше, а къ Эгоспотами они прибыли тогда, когда рѣшились дѣйствовать и ради того чтобы дѣйствовать. Послѣ побѣды при Эгоспотами „Лизандръ свободно вступилъ въ беззащитный Пирей; стѣны Аѣннъ и сооруженія въ Пирей были разрушены“. Такимъ образомъ осады Аѣннъ какъ будто совсѣмъ не было, а вмѣсто длинныхъ стѣнъ говорится о какихъ-то сооруженіяхъ въ Пирей. Глава заключается сообщеніемъ о смерти Алки-

віада подъ ножами убійць. Но разказъ о смерти Алкивіада хорошо извѣстенъ изъ Плутарховой біографіи и Корнелія Непота, а тамъ совершенно другія подробности: спасшись изъ подожежнаго дома, Алкивіадъ былъ пораженъ издали пущенною стрѣлою.

Не все хорошо и въ главѣ о тиранніи тридцати и восстановленіи демократіи (§ 134 стр. 196 и 197). Декархія изъ тридцати олигарховъ—выраженіе не ловкое; можно было развѣ сказать: по аналогіи съ декархіями учреждена была олигархія изъ тридцати. Далѣе сказано, что тиранны закрыли школы; можно было сказать только то, что они запретили преподаваніе высшихъ наукъ—риторики и діалектики (λόγων τέχνην μὴ διδάσκειν). Θραзибулъ такъ внезапно напалъ на тиранновъ, что перебилъ ихъ. И неловко выражено, и невѣрно фактически: Θραзибулъ велъ довольно долгую борьбу съ тридцатію съ начала въ Филѣ, потомъ въ Пирей; въ сраженіи, которое здѣсь можетъ подразумеваться, пали только двое изъ тридцати (Критій, Иппомахъ), остальные уцѣли. Восстановленіе демократіи относится къ 403 году, а не къ 400, какъ показано въ книгѣ. Общая характеристика положенія Аѳинъ послѣ войны заключаетъ въ себѣ нѣсколько слишкомъ рѣшительныхъ и слишкомъ общихъ выраженій, дѣлающихъ ее совсѣмъ неудачною: „Въ обществѣ развивалось паденіе нравовъ, начавшееся послѣ Перикла; толпа погрязала въ невѣжествѣ и суевѣріяхъ (опять!), а интеллигенція подчинялась вырождавшимся софистамъ“. Не долго же эта аѳинская интеллигенція процвѣтала—отъ Перикла до Сократа; да и какъ уловить ея самобытное существованіе, если на ряду съ законными въ предразсудкахъ аристократами, ханжествующими жрецами, изъ среды ея придется еще исключить софистовъ, хотя бы и вырождавшихся. Что касается до толпы, то погрязать въ невѣжествѣ для нея всегда было привычнымъ дѣломъ, даже и при Периклѣ (см. стр. 125).

Отдѣлы, посвященные внутренней культурной исторіи, обработаны съ гораздо большимъ вниманіемъ. Это слѣдуетъ признать относительно всѣхъ параграфовъ, носящихъ общее заглавіе: „Культура V-го вѣка“ (§ 136—141 включ.), хотя и тутъ есть нѣкоторые промахи. По изложенію на стр. 204 выходитъ, что Геродотъ читалъ свою исторію на Пнейскихъ играхъ; этого никто не говорилъ ни изъ древнихъ, ни изъ новыхъ историковъ. Съ гораздо большимъ правомъ на стр. 211 предполагается, что первые отрывки своей

исторіи Геродотъ прочелъ на Панаэоннеяхъ. Историкъ Фукидидъ не былъ остракизованъ (стр. 211), а удаленъ въ изгнаніе.

Понятіе о греческой трагедіи и комедіи, чему посвященъ § 140, даю весьма недостаточное, и только съ вѣшной стороны. Не лишнее было бы разказать сюжетъ одной или нѣсколькихъ драмъ Софокла и Эсхила. Отецъ Еврипида названъ зеленщикомъ уже слишкомъ примѣнительно къ нашему новѣйшему быту. Притомъ же это и сомнительно. Собственно только о матери Еврипида существовавшее сказаніе, что она снискивала себѣ пропитаніе продажей овощей, но Свида, главный нашъ источникъ для біографіи Еврипида, замѣчаетъ, что это не вѣрно, что она принадлежала къ весьма знатному роду.

На стр. 212 авторъ возвращается къ политической исторіи, и въ первомъ же относящемся сюда параграфѣ (§ 142) заключается рядъ несправностей и неточностей: „Спарта стала требовать теперь свободы мелкихъ городовъ, подчинившихся болѣе крупнымъ. Это значило уничтожить непопавшія Персамъ (!) мелкія гегемоніи или союзы. Такъ Спартяне уничтожили Мантинею, то-есть, Аркадскій союзъ, и освободили Элидецевъ. Затѣмъ на очереди были болѣе крупныя союзы—Фивскій, Коринтскій и Аргосскій“. Здѣсь совершенно неправильно образъ дѣйствій Спарты послѣ Анталидова мира отнесенъ къ началу IV вѣка. Мантинея не то же, что Аркадскій союзъ; а союзомъ Коринтскаго и Аргосскаго совсѣмъ не существовало.

Въ параграфѣ 143-мъ (стр. 213) не точно обозначенъ годъ заговора Кинадона: это было въ 392 году, а не въ 396. Затѣмъ мы читаемъ такія строки: Лизандръ „посадилъ на тронъ—Агезилая, ничтожнаго, хромаго шута, угодившаго ему, какъ своему господину“. Никто и никогда не считалъ Агезилая за ничтожнаго шута, и не такимъ онъ оказывается на слѣдующихъ страницахъ книги. Тамъ онъ уже заставляетъ Лизандра возвратиться въ Спарту, предложивъ ему должность главнаго повара (стр. 219). Вотъ вамъ и шуты! Однако, и главнымъ поваромъ не ловко называть Лизандра; у Плутарха сказано, что Агезилая ἀπέδαξε (Лизандра) κρεοδάκτην, а новыя объясняютъ, что это была старинная придворная и почетная должность (въ родѣ обер-форшнейдера), сохранившаяся еще отъ Ахейскаго періода, но конечно, мало соответствующая положенію Лизандра и роли, которую онъ игралъ до тѣхъ поръ (см. у Курціуса и Грота). Не видно, чтобъ Агезилая ефоры обвиняли въ демагогіи, и не пять лѣтъ онъ

одерживалъ побѣды въ Азін, а всего два года. Здѣсь же (стр. 215) въ исторіи Коринтской войны сказано „матери пугали ребятъ именовъ пельтастовъ“; между тѣмъ у Ксенофонта, откуда ведетъ начало и данное сообщеніе, Спартанцы смѣются надъ своими мало воинственными союзниками, говоря, что они боятся аѳинскихъ пельтастовъ, какъ дѣти—пугаль (Hellen., 4, 11. ἄσπερ πορρῖνας παιδάρια), а это совсѣмъ другое дѣло. По Анталкидову миру Кипръ будто бы впервые подчиненъ былъ формально Персамъ. Но Кипръ призналъ свою зависимость отъ Персіи еще при Поликратѣ; онъ участвовалъ въ Іонійскомъ возстаніи, покорился изъ первыхъ и снова вернулся подъ власть Дарія; затѣмъ въ самомъ учебникѣ говорилось выше о походѣ Кимона для освобожденія Кипра изъ-подъ власти Персовъ; наконецъ даже Еваторъ, другъ Аѳинянь и Конона, не отказывалъ въ покорности Персамъ—по крайней мѣрѣ первоначально.

Въ главѣ о Пелопидѣ и Эпаминондѣ (§ 145, стр. 216) Мантиней названа главою Аркадскаго союза, котораго даже и не существовало въ то время; а метрополіей Олинеа признаются Аѳины, тогда какъ Олинея основанъ мѣстными жителями, Воттіеями, которымъ онъ и принадлежалъ до начала Персидскихъ войнъ, когда подчиненный Мардонію персидскій вождь по завоеваніи передалъ его Халкидцамъ. Пелопидъ пробрался въ Фивы во главѣ не 50 отважныхъ товарищей, какъ сказано въ учебникѣ, а только 12-ти.

Въ главѣ о гегемоніи Фивъ (§ 147) неправильно сказано, что Эпаминондъ возобновилъ Аркадскій союзъ и построилъ Мегалополь. Совсѣмъ не вѣрно, что при Мантиней Фиванцамъ помогали Аѳиняне и даже Сиракузцы. Аѳиняне были на спартанской сторонѣ, также какъ и Сиракузы, но сиракузскаго войска не было при Мантиней въ 362 году. Агезилай умеръ не на дорогѣ въ Египетъ, а на возвратномъ пути оттуда. Кровавая война Мантиней съ Мегалополемъ и разграбленіе Олимпійскаго храма Аркадцами во время праздника суть два совершенно извращенные факта: Мантиней воевала съ Тегеей, а не съ Мегалополемъ; Пизаты, имѣвшіе старыя притязанія на предсѣдательство при Олимпійскихъ играхъ, въ союзѣ съ Аркадцами дѣйствительно захватили священную мѣстность; когда онѣ отправляли здѣсь игры, явились Елейцы, и произошло столкновеніе, при чемъ послѣдніе должны были уступить, распоряженіе играми осталось за союзниками Аркадцевъ, и тогда-то возникла мысль воспользоваться священными сокровищами для уплаты недоимокъ войску, но это предложеніе было все-таки отвергнуто. Скитализмъ

Аргосскій и война Аркадовъ съ Елейцами поставлены послѣ 362-го года, но то и другое было раньше.

Въ параграфѣ 155-мъ (стр. 230) идетъ рѣчь объ Александрѣ Македонскомъ, и дается слѣдующая характеристика его личности: „Онъ задушилъ почтеннаго философа Каллисѳена“; онъ „собственно ручно казнилъ своихъ главныхъ помощниковъ, въ томъ числѣ Филота“. Это совсѣмъ не вѣрно относительно Филота, который былъ судимъ и осужденъ за признанную доказанною измѣну и заговоръ на жизнь Александра, и казненъ былъ обыкновеннымъ порядкомъ; о Каллисѳенѣ же сказано слишкомъ положительно и рѣзко: онъ заключенъ былъ въ темницу и тамъ умеръ—не извѣстно отъ болѣзни или насильственно; вѣроятнѣе—первое.

На стр. 233 говорится, что всѣ арміи деспота, то-есть, Артаксеркса III, не могли усмирить Кипра; напротивъ, Кипръ съ Египтомъ именно были усмирены.—Мавволь основалъ независимое владѣніе; Ариобарзанъ основалъ Понтійское царство: то и другое не вѣрно.

На стр. 233 въ числѣ вождей Александра при началѣ азиатскихъ походовъ показанъ Селевкъ; но въ 334 году онъ былъ еще 21-го года и ничего не значилъ. Александровы походы разказаны слишкомъ кратко; вмѣсто фактовъ лишніа фразы, какъ наприимѣръ: нравственное паденіе Александра начинается послѣ битвы при Гавгамелахъ. Обстоятельства смерти Александра переданы неточно.

„Со смертію Александра окончилось господство Македоніи въ древнемъ мірѣ; тогда же изчезли послѣдніе проблески гелленизма“ (стр. 237). Извѣстное сочиненіе Дройзена „Исторія гелленизма“ именно и начинается со смерти Александра, такъ что кончина Александра считается не концемъ его, а только началомъ. Чтѣ правильнѣе?

Потомъ слѣдуютъ параграфы, посвященные культурѣ IV вѣка. Хотя не столь часто, какъ въ политической исторіи, но и здѣсь встрѣчаются ошибки. Платонъ училъ, что на дѣлѣ живетъ только душа и порождаемая ею идеи (стр. 242): такіа слова отзывались бы совершеннымъ незнакомствомъ съ философіей Платона, еслибъ у самого г. Трачевскаго ниже не встрѣчалось болѣе точныхъ выраженій о томъ же самомъ предметѣ. Понятія Платона о физическомъ мірѣ названы отсталыми: но кто же ранѣе его имѣлъ болѣе правильныя представленія? Вѣдь нельзя же было отъ него требовать, чтобъ онъ не оставался позади Коперника или астрономіи XIX

вѣка... „Сочиненія Аристотеля долго валялись въ погребѣ и на половину сгнили“ (стр. 243): стремленіе къ изобразительности выраженія повредило здѣсь не только достоинству рѣчи, но и ясности смысла.—Анабазисъ не значитъ отступленіе, какъ объяснено на стр. 246.

Достоинство книги г. Трачевскаго составляетъ то, что и послѣдній періодъ исторіи Греціи изложенъ здѣсь съ такою же подробностью и съ такими же—говоря относительно—вниманіемъ и тщательностью, какъ и предыдущіе. Отмѣчаемъ здѣсь слѣдующія неудачныя мѣста на стр. 263 и 264: „Филиппъ III подавалъ большія надежды; но потомъ воскликнулъ: никого небожсь, кромѣ боговъ! и сталъ самонадѣянъ“ и т. д... На самомъ дѣлѣ неизвѣстно, чтобы когда-нибудь на Филиппа нашелъ такой припадокъ, заставившій его ни съ того ни съ сего закричать „никого не боюсь“ и т. д.: фраза эта произнесена была имъ въ разговорѣ съ Титомъ Фламининномъ.

„Жестокая союзническая война между Этолийцами и Ахейцами, при чемъ Этолийцы напоминали Фокейцевъ своими разбоями и ограбленіемъ Дельфъ. Аратъ призвалъ на помощь Филиппа, который уничтожилъ Этолійскій союзъ, но затѣмъ внезапно захватилъ Коринѣъ и Исоме“. Впервые, тогда Дельфы принадлежали Этолийцамъ, такъ что Этолийцы, ограбивъ Дельфы, ограбили бы себя самихъ; во вторыхъ, Филиппъ не уничтожилъ Этолійскаго союза; втретьихъ, Филиппъ не захватывалъ Коринѣа, потому что Коринѣъ и безъ того принадлежалъ ему.

— „Филиппъ объявилъ, что большія рыбы должны пожирать мелочь“: это изреченіе историка Поливіа, а не слова Филиппа.

На стр. 265 по старому преданію говорится о коварной политикѣ римскаго сената по отношенію къ Греціи, которой будто бы даже не подозрѣвалъ Фламининъ: „Римляне сохранили только Этолійскій и Ахейскій союзы, именно съ тѣмъ, чтобы они окончательно погубили Грецію своими раздорами. Дѣйствительно между союзами возобновилась борьба“. Впервые, Римляне сохранили и Вiotійскій союзъ, и Фессалійскій, вновь ими организованный, и Акарнанскій, и другіе союзы; во вторыхъ, такой цѣли—возбужденія греческихъ раздоровъ, они въ 196 году не имѣли; втретьихъ, борьба между Этолійскими и Ахейскими союзами послѣ 196 года не возобновлялась кромѣ, конечно, Антиоховой войны: но объ этой послѣдней въ книгѣ г. Трачевскаго говорится отдѣльно, она была „сверхъ того“.—Филопемень попалъ въ плѣнъ къ Мессен-

намъ, а не къ Спартанцамъ. — Въ концѣ параграфа о паденіи Македоніи сказано, что Римляне послѣ побѣды надъ Персеемъ раздѣлили Македонію на четыре провинціи: нужно было сказать на четыре отдѣльныя государства, что совсѣмъ другое дѣло. — Правильнѣе говорить и писать Эмилиѣ Павелъ, а не Павелъ Эмилиѣ (L. Aemilius Paullus).

Переходимъ къ римской исторіи.

Въ параграфѣ 185-мъ, посвященномъ описанію природы Италіи (стр. 283), сказано, что Фуцинское озеро и теперь поднимается и выходитъ изъ береговъ; оно теперь высушено.

На стр. 205 въ исторіи похищенія Сабиняновъ и его послѣдствій встрѣчается неловкое выраженіе: „жены Римлянъ бросились съ ребѣнками въ рукахъ между сражающихся“.

На стр. 302 (во главѣ объ учрежденіи республики) сказано, что диктатора назначали консулы; надобно было сказать: одинъ изъ консуловъ.

Стр. 311. 312. „Когда назначали диктатора, трибуны слагали свое званіе, подобно консуламъ и всѣмъ вообще чиновникамъ“. На самомъ дѣлѣ никто не слагалъ званія и всего менѣе народныя трибуны.

Стр. 312. „Трибуны могъ только говорить veto, вообще отмигнуть распоряженія правительства, но самъ не могъ распоряжаться; притомъ въ важныхъ дѣлахъ требовалось единогласіе всѣхъ трибуновъ“. Не столько отмигнуть, сколько препятствовать приженію, исполненію правительственныхъ распоряженій, если они нарушали права отдѣльныхъ лицъ; единогласія же трибуновъ ни въ какомъ случаѣ не требовалось, а существовало правило, что голосъ отрицательный имѣетъ преимущество предъ положительнымъ, такъ что если бы девять трибуновъ говорили „да“, а одинъ „нѣтъ“, то послѣдній имѣлъ перевѣсъ надъ всѣми.

Стр. 315. Несовсѣмъ удачно авторъ учебника называетъ военныхъ трибуновъ съ консульскою властію трибунами-консулами; и показаніе относительно ихъ числа не точно: восемь бывало ихъ весьма рѣдко, а избирались чаще всего 4 и 6, а иногда только три.

Стр. 316. Совсѣмъ не правда, что квесторы послѣ заведенія цензуры обратились въ ничтожныхъ письмоводителей цензора.

Стр. 318. „Небольшой отрядъ укрѣпился въ Капитоліи подъ начальствомъ доблестнаго друга народа, отставнаго консула, Манлія, котораго прозвали теперь Капитолійскимъ“. Манлій не начальство-

валъ въ Капитолин, бывшего консула не слѣдуетъ называть отставнымъ; прозваніе Капитолійскій было не личное, а родовое.

— „Побѣда Гелона при Гимерѣ была началомъ паденія не только Каррагена, но и его союзницы, Этруріи“. Сказано уже слишкомъ много, такъ что противорѣчатъ даже простымъ соображеніямъ здраваго смысла.

— „Діонисій Старшій захватилъ восточные берега Италіи (примѣчаніе: онъ основалъ здѣсь колонію Гатрію—и Ионическое море стало называться Адриатическимъ), этрусскую Кампанію, Корсику, даже берега самой Этруріи“. Выходитъ порядочная путаница. На самомъ дѣлѣ, Діонисій иногда грабилъ Этрурію, но ничего не захватывалъ, развѣ на одинъ день; о Кампаніи и Корсики ничего не говорится въ источникахъ; восточныхъ береговъ Италіи Діонисій не покорялъ (Анкона основана изгнанниками сиракузскими); Гатрія была основана Римлянами въ 280—260 годахъ; имя Адриатическаго моря встрѣчается еще у Геродота.

На стр. 321 странная фраза: „измѣнниками-трибунами оказывались первоклассники“.

На стр. 322 *auctoritas senatus* смѣшивается съ куріатскими комиціями; не утверженіе куріатскихъ комицій, а утверженіе сената требовалось первоначально для плебисцитовъ.

Стр. 324. „Если консулы не слушались (сената), онъ жаловался на нихъ центуріямъ“. Никогда этого на самомъ дѣлѣ не бывало и быть не могло.

Стр. 330. „Влестѣщій юный герой Рудліанъ“ названъ юнымъ уже тогда, когда его сынъ былъ консуломъ, въ третью Самнитскую войну.

Статья о войнѣ съ Пирромъ (стр. 330. 331) не можетъ быть признана удовлетворительною; не упомянуто о посольствѣ Фабриція, не названъ Аускулумъ, какъ мѣсто сраженія; кое-что перепутано: два изреченія Пирра, сказанныя въ двухъ случаяхъ, слиты въ одно, и притомъ съ ослабленіемъ ихъ выразительности. Ближе всего къ Риму (около 50 верстъ) Пирръ подходилъ послѣ перваго, а не послѣ втораго сраженія.

Стр. 336 „Римскія провинціи управлялись проконсулами“. Прежде всего и больше всего преторами.

Стр. 337 и сл. О второй Пунической войнѣ опять разказано слишкомъ кратко и неудовлетворительно для учебника; даже не упомянуты битвы при Требин, при Тразименскомъ озерѣ; подъ Кан-

нами у Римлянъ показано 76 тысячъ войска вмѣсто 90 приблизительно; осада Сиракузъ продолжается три года вмѣсто двухъ; Сципионъ ступевывается предъ Ганнибаломъ; одушевленіе Сципиона склоняло къ нему самого Ганнибала (стр. 340).

Стр. 343. Безстрашный Газдрубалъ: слѣдуетъ еще провѣрить (по Поливію), имѣетъ ли онъ право на такой эпитетъ.

Стр. 349. „Катонъ съ такою энергіей и безпощадностью ополчился противъ всего новомоднаго, что заслужилъ прозвище *Sensorius* (строгий)“. Но прозвище *sensorius* можно было заслужить гораздо проще и легче: оно означаетъ собственно бывшаго цензора.

Стр. 358. „Фламиній преодолѣлъ всѣ козни сенаторовъ, занимая 15 лѣтъ должность трибуна“. Трудно даже понять, какъ могло произойти такое крайне странное показаніе. Не отсюда ли оно ведетъ свое начало, что Фламиній былъ народнымъ трибуномъ за 15 лѣтъ до своей смерти при Тразименѣ? Онъ былъ трибуномъ въ 232 году, а битва при Тразименѣ—въ 217.

Стр. 359. Гракхъ названъ незнатнымъ; напротивъ, фамилія Тиберіевъ была очень знатная; Сципионъ Эмилианъ приходился (по усыновленію) не дядею, а двоюроднымъ братомъ Тиберію и Гаю Гракхамъ. Другъ Сципиона Лелій, прованный *Sapiens*, почему-то лишень этого своего прозвища: въ учебникѣ оно перенесено на Сципиона, который нисколько въ томъ не нуждался.

Стр. 365. Въ параграфѣ о Союзнической войнѣ сказано: „Марій былъ валь, а Сулла носился по всей Италиі... Отличался также ихъ помощникъ, Юлій Цезарь“. Помимо преувеличенной и напрасной живописности выраженія, недостаточно правильно характеризовано положеніе Юлія Цезаря; не мѣшало бы даже для избѣжанія соблазна означить его *praepos. L. Julius Caesar* былъ консуломъ 90 года, а Сулла его легатомъ и помощникомъ.

Стр. 367. При началѣ Миерадатовой войны въ 88 году Сулла былъ консуломъ, и слѣдовательно, не за чѣмъ было оптиматамъ назначать его проконсуломъ.

— „Здѣсь (въ Африкѣ) долго жилъ Марій—на развалинахъ Кареагена... Однажды онъ получилъ приказаніе отъ Суллы уйдти отсюда“. Совсѣмъ иначе разказывается эта исторія въ источникахъ. Марій только посѣтилъ развалины Кареагена, и требованіе покинуть римскую Африку пришло не отъ Суллы, а отъ мѣстнаго чиновника-правителя (Секстилія). Дальнѣйшій разказъ о борьбѣ Марія и Суллы также подаетъ поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ и

замѣчаніямъ: ничего не сказано о войнѣ Цинны и его походѣ на Римъ; неправильно показано, что Сулла воротился въ Италію въ 84 году (вмѣсто 83), и только тогда будто бы Цинна сталъ собирать армию для борьбы съ нимъ; но на самомъ дѣлѣ это было уже поздно, между прочимъ и потому, что Цинна былъ убитъ въ 84 году, до возвращенія Суллы. На той же страницѣ имя Цинны, уже убитаго, встрѣчается еще разъ; онъ бѣжитъ вмѣстѣ съ Серторіемъ; впрочемъ, эта послѣдняя ошибка уже исправлена въ спискѣ опечатокъ, находящемся впереди книги.

Стр. 370. Консулы были избираемы каждый годъ и во время диктатуры Суллы, а потому то, что читается о внезапномъ избраніи консуловъ черезъ три года, подлежитъ исправленію.

Затѣмъ, нѣсколько строкъ, объясняющихъ законодательство Суллы, кажутся намъ совсѣмъ недостаточными; пропущено многое очень важное (увеличеніе числа преторовъ до восьми, умноженіе числа квесторовъ до 20, ежегодное восполненіе сената изъ среды ихъ и т. д.).

Стр. 378. Юлій Цезарь „отправился въ Галлію, гдѣ пробылъ около 10 лѣтъ“. Въ учебникѣ умѣстно было бы озаботиться болѣе точнымъ опредѣленіемъ.

Стр. 383. „Цезарь поставилъ военный элементъ ниже гражданскаго“. Не мѣшало бы объяснить, какъ онъ это сдѣлалъ; безъ того самый фактъ кажется сомнительнымъ.

Стр. 393. „Августъ принялъ названіе Цезаря, какъ титулъ“; послѣднее невѣрно.

Стр. 394. „Августъ сражался со Славянами“: вотъ неожиданная новость, которая можетъ иныхъ обрадовать, но только совсѣмъ не желанная въ серьезной книгѣ.

Стр. 395. Не ясно, что значать слова „коварный Тиберій хитростію создалъ намѣстничество между Рейномъ и Везеромъ“. Названный здѣсь коварнымъ, императоръ Тиберій присоединенъ на стр. 418 къ числу бездарныхъ—конечно, съ большою смѣлостію, но съ весьма малою основательностію.

Стр. 398. „Большія имѣнія погубили Римъ, какъ выразился Колумелла, писатель временъ серебряной латни“. Изреченіе *latifundia perdidere Italiam* принадлежитъ не Колумеллѣ, а Плинію Старшему.

— „Аристократы ненавидѣли самое имя царя, которое означало конецъ ихъ господства, демократы же, выдвинувшіе Цезаря, вдругъ поняли съ ужасомъ, что ихъ потоки крови ведутъ лишь къ ти-

раннія, какъ понимали тогда цезаризмъ". Нехорошо выражено, да кажется, невѣрно и фактически. Гдѣ же доказательства и примѣры демократической оппозиціи противъ цезаризма? Въ учебникѣ мы ихъ не находимъ.

Стр. 420. Что Маркъ Аврелій отбивался (въ Маркоманнской войнѣ, конечно) не только отъ Германцевъ, но также и отъ Славянъ, это насъ не удивляетъ послѣ того, какъ даже Августъ имѣлъ дѣло съ послѣдними.

Стр. 421. „Слогъ Тацита простъ и кратокъ иногда до темноты". Если даже причину темноты относить къ одной только краткости, а не къ простотѣ также, и тогда характеристика будетъ невѣрною и неудачною. Слово простота никакъ не идетъ къ стилю Тацита.

Стр. 424. Неудовлетворительно объяснено различіе между епископами и митрополитами.

Стр. 427. Не Днѣпръ отдѣлялъ Вест-Готовъ отъ Ост-Готовъ, а Днѣстръ.

— Но совсѣмъ удачно и ясно выраженіе „изъ мелкихъ народовъ образовались цѣлыя народы".

Стр. 429. „Столица Вест-Готовъ, Тулуза, стала заальпійскимъ Римомъ, и здѣсь варвары превзошли Римлянъ въ цивилизаціи". Сказано слишкомъ много.

— „Борьба между соперниками дошла до того, что Авцій убилъ Бонифація, а самъ бѣжалъ". Дѣло было такъ, что между Авціемъ и Бонифаціемъ дошло до открытой междоусобной войны и до сраженія, въ которомъ Авцій былъ разбитъ, а Бонифацій получилъ рану и отъ нея вскорѣ умеръ. Когда это припомнимъ, то конечно, намъ покажется, что выраженія учебника не точны и могутъ подать поводъ къ недоразумѣнію.

Стр. 430. „Борьба съ Гуннами была окончательнымъ ударомъ для Западной Римской имперіи. Чтобы отразить ихъ, она отозвала свои войска изъ Британіи". Римскіе легіоны отозваны были изъ Британіи гораздо ранѣе гуннскаго нашествія на Италію и Галлію. Послѣ Валентиніана III „Римомъ управляли царедворцы, носившіе титулъ патриціевъ; между ними происходили кровавыя распри, въ которыя вмѣшивались Вандалы, истребившіе послѣдніе остатки античнаго искусства". Лица, управлявшія имперіей съ титуломъ патриціевъ, суть вожди германскихъ дружинъ на римской службѣ—Рицимеръ, Орестъ и Одоакръ; къ нимъ не особенно идетъ названіе царедворцевъ; сверхъ того, важнѣйшій актъ вандалскаго вмѣша-

тельства, съ которыми можетъ быть соединяемо и истребленіе памятниковъ античнаго искусства — хотя бы и не послѣднихъ его остатковъ (этого сказать нельзя), есть нашествіе Гензериха на Италію и произведенный имъ грабежъ въ занимаемомъ двѣ недѣли Римѣ; но это случилось ранѣе возвышенія перваго изъ вышеназванныхъ патриціевъ и не вслѣдствіе распри именно между царедворцами-патриціями, какъ можно подуматъ по изложенію въ учебникѣ. Оно слишкомъ кратко и неясно.

Общее наше заключеніе о книгѣ г. Трачевскаго таково: она заключаетъ въ себѣ много данныхъ для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ учебнымъ пособіемъ, но требуетъ внимательнаго пересмотра со стороны автора съ цѣлью устраненія частныхъ промаховъ, неточностей и ошибокъ, которыхъ теперь въ ней оказывается довольно много. Обязанностью рецензента было указать ихъ, и мы думаемъ, что исполнили ее, нисколько не нарушая подобающаго уваженія къ личности автора и имѣя въ виду одни только равно намъ дорогіе интересы русской школы и русскаго образованія.

Братскій учебникъ географіи. *И. Янчина*, преподавателя Московскаго реальнаго училища. Курсъ I-й, для учениковъ I-го класса среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 8-е, исправленное. Москва. 1884. Цѣна 60 коп.

— Курсъ II-й: Африка, Азія, Австралія и Америка, съ приложеніемъ картъ въ текстѣ. Изданіе 7-е, исправленное. Москва. 1884. Цѣна 60 коп.

— Курсъ III-й: Европа, съ приложеніемъ картъ въ текстѣ. Изданіе 6-е, исправленное. Москва. 1884. Цѣна 60 коп.

Учебникъ г. Янчина, въ разсматриваемыхъ изданіяхъ трехъ его частей, является сравнительно съ прежними изданіями въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Наибольшему измѣненію подверглась 1-я часть книги. Неточности во многихъ мѣстахъ устранены; расширена глава о движеніи земли вокругъ солнца; внесены краткія свѣдѣнія изъ географіи Россіи, согласно учебному плану министерства народнаго просвѣщенія. Сверхъ того, въ текстѣ увеличено число политипажей, съ цѣлью сдѣлать болѣе нагляднымъ выясненіе понятій изъ физической географіи; въ концѣ книги приложена карта Европы, и помѣщены задачи, расположенныя по параграфамъ учебника; послѣднее сдѣлано съ цѣлью показать, какъ долженъ быть обработанъ предлагаемый учебникомъ матеріалъ. Поправки и дополненія несомнѣнно увеличиваютъ достоинство 1-й части учебника. Во 2-й и 3-й частяхъ внесены незначительныя, но полезныя до-

полненія, и исправлены неточности, но это послѣднее сдѣлано далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требуетъ учебникъ. Такъ, во 2-й части почти всѣ статьи о климатѣ остались не исправлены, хотя въ нихъ есть опущенія, рѣзко бросающіяся въ глаза; напримѣръ, говоря о климатѣ Африки, стр. 7, авторъ вовсе не упоминаетъ о морскихъ теченіяхъ и о вѣтрахъ. Руководяція карты, внесенныя въ текстъ обѣихъ частей, всѣ остались въ прежнемъ видѣ, между тѣмъ какъ онѣ далеко не всѣ безъ крупныхъ погрѣшностей; такъ, напримѣръ, на картѣ Африки неправильно намѣчены рѣка Конго, озеро Танганьика, Лунныя горы; на той же картѣ обозначена неправильно рѣка подъ № 32, къ тому же въ текстѣ соответствующей рѣки не оказывается. Нѣкоторыя карты вообще недостаточно наглядны, какъ, напримѣръ, Малая Азія, на стр. 39. Въ 3-й части статистическія данныя вѣдены, но онѣ не всѣ могутъ быть названы вполне новыми. Въ таблицѣ, помѣщенной на стр. 24, количество народонаселенія романскаго и германскаго происхожденія осталось въ прежнемъ видѣ, слѣдовательно, безъ прироста, что не сообразно съ дѣйствительностью, а равно и съ текстомъ учебника.

Изданъ учебникъ вообще опротно, на хорошей бумагѣ; типографскихъ ошибокъ, по видимому, мало, и къ разряду ихъ нужно отнести число жителей въ Парижѣ, изведенное до 1 милліона; между ошибками есть такія, которыя повторены уже въ четырехъ изданіяхъ. Такъ, въ 3-й части, на стр. 22, островъ Тазо названъ Тассо; на картѣ онъ, впрочемъ, поименованъ подъ литерами Тз. Оглавленія, по прежнему, учебникъ не имѣетъ.

Дм. Кайгородовъ. Краткій обзоръ растительнаго царства по климатическимъ поясамъ. Учебное пособіе по ботаникѣ, для городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, женскихъ учебныхъ заведеній и т. п. Съ 66 рисунками. С.-Пб. 1884. Ц. 70 к.

Заглавіе этой книги весьма точно выражаетъ ея содержаніе. Прибавимъ только, что книга раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой на 22 страницахъ дается общее понятіе объ анатоміи и физиологіи растений, а вторая (стр. 23—117) содержитъ въ себѣ обзоръ растений. Подъ климатическими поясами разумѣются извѣстные обширные пояса—холодный, умѣренный и жаркій. Въ этихъ рамкахъ и въ такомъ краткомъ объемѣ профессоръ Кайгородовъ изложилъ съ большою ясностью и занимательностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла обзоръ растительнаго царства и пояснилъ свое изложеніе прекрасными

и очень поучительными рисунками, очевидно, сдѣланными ad hoc. Понятно, что въ силу своей спеціальности авторъ далъ большее мѣсто лѣсу и деревьямъ, но и въ другихъ областяхъ имъ не упущено ничего существеннаго, такъ что книга могла бы хорошо служить для прохожденія краткаго курса ботаники, еслибъ учебныя плапы, согласно съ сущностью дѣла, не требовали болѣе систематическаго изложенія. Естественная исторія должна очень тщательно внушать учащимся свою особую точку зрѣнія; ботаника, напримѣръ, научаетъ раздѣлять растенія не по мѣстонахожденію, не по величинѣ, не по употребленію и т. п., а по нѣкоторымъ чертамъ организаци, наиболѣе важнымъ, ближе всего опредѣляющимъ природу растенія, и въ этомъ состоитъ существенное расширеніе и обогащеніе понятій учащагося. Тѣмъ не менѣе книга г. Кайгородова можетъ быть съ удовольствіемъ и пользою прочитана всѣмъ изучающимъ ботанику въ болѣе систематической формѣ; при начальномъ же обученіи она можетъ быть особенно пригодна.

Домашнее воспитаніе. Руководство для родителей и воспитателей къ воспитанію и обученію дѣтей. Составлено по сочиненіямъ Ушинскаго, Водозова и другихъ педагоговъ. Съ приложеніемъ руководства къ Фребелевскимъ играмъ. С.-Пб. 1883. Стр. 232. Цѣна 1 р. 50 к.

Первая глава этой книги посвящена гигиенѣ дѣтскаго возраста; въ составъ ея входятъ: здоровье родителей и дѣтей; вырожденіе человѣческой расы; вредное вліяніе школъ; вредное вліяніе закрытыхъ заведеній на дѣвушекъ; одежда женщинъ; послѣдствія употребленія корсета; зависимость здоровья ребенка отъ здоровья матери во время утробной жизни; рожденіе ребенка; предрасположеніе новорожденнаго къ заболѣваніямъ; обмываніе новорожденнаго; ванны (купанье); обливанія; выдѣленія на головѣ ребенка; уходъ за пуповиною; одежда ребенка; обычай пеленанья; укачиванье ребенка; постель ребенка; кормленіе ребенка грудью; первое кормленіе; молозивъ; порядокъ кормленія; отнятіе отъ груди; переходный періодъ; искусственное кормленіе дѣтей; кормилица; нянька; второе дѣтство; прорѣзываніе зубовъ; начало ходьбы; искусственныя мѣрмы; игры; игрушки; развитіе способности рѣчи.

Въ пользу всѣхъ этихъ разумно изложенныхъ авторомъ свѣдѣній для родителей и воспитателей, а равно и для учащагося юношества, едва ли кто можетъ сомнѣваться, и нельзя не поблагодарить его за то, что онъ помѣстилъ ихъ въ первой главѣ книги. Въ науч-
часть сокхху, отл. 3.

помѣ отношенія, за исключеніемъ немногихъ, указанныхъ ниже, мѣсть, все изложено вѣрно, языкомъ безукоризненнымъ, удобопонятнымъ. Типографскія качества книги удовлетворительны, хотя опечатокъ, впрочемъ маловажныхъ, встрѣчается довольно много.

Позволяемъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующія неточности:

Стр. 31. Въ статьѣ объ обмываніи новорожденнаго сказано: „Недурно при этомъ прибавлять въ водѣ, въ которой моятъ, питательныя вещества, какъ молоко, бульонъ и т. д.“ Этотъ взглядъ лишешъ физиологическаго основанія, такъ какъ самыми тщательными опытами послѣдняго времени доказано неопровержимо, что никакіе растворы, никакіе питательные элементы, соли и т. п. черезъ непрещденную кожу человѣческую не проникаютъ, и что всѣ минеральныя ванны обязаны своимъ дѣйствіемъ на организмъ не способностью кожи всасывать, а другимъ условіямъ (температурѣ своей, возбужденію въ человѣческомъ тѣлѣ электрическихъ токовъ, рефлексу).

Стр. 32. „Послѣ первыхъ трехъ педѣль, кромѣ ежедневныхъ ваннъ, ребенка должно разъ въ день обливать прохладною водою“. Какъ общее правило, эта мѣра едва ли разумна.

Стр. 44. „Можно постановить за общее правило, что ребенку нужно приблизительно полчаса времени для того, чтобы насосаться до сыта“. Это также не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ многія дѣти вполне насыщаются въ болѣе короткое время (10—15 минутъ), что зависитъ отъ индивидуальнаго развитія губныхъ мышцъ, податливости сосковъ, размѣра дѣтскаго желудка и т. п.

Стр. 52. Въ статьѣ объ искусствѣнномъ кормленіи дѣтей сказано: „Въ первые дни и недѣли достаточно для ребенка 6—8 полныхъ столовыхъ ложекъ молока въ день. А затѣмъ можно прибавлять по одной ложкѣ въ мѣсяцъ и т. д.“ Совершенно непонятно; очевидная опечатка.

Стр. 53. „Необходимо, чтобы ребенокъ медленно тянулъ молоко—отъ быстрого наполненія страдаетъ желудокъ и можетъ быть рвота. По этой причинѣ такъ называемыя дѣтскіе рожки не годятся въ первые 4—5 мѣсяцевъ“. Авторъ не указываетъ на то, чѣмъ замѣнить эти рожки.

Стр. 59. „Во многихъ случаяхъ послѣ 5-го года слѣдуетъ давать преобладаніе растительной пищѣ. Особенно это справедливо относительно дѣтей лимфатическаго сложения, блѣдныхъ, слабыхъ, но впечатлительныхъ, съ сильно развитымъ мозгомъ“ и т. д. Этотъ

взглядъ ни на чемъ не основанъ; питаніе дѣтскаго организма должно строго приравниваться къ индивидуальнымъ особенностямъ.

Стр. 60. „Уже на третьемъ или четвертомъ мѣсяцѣ (зимю) ребенка, если онъ не боленъ, и погода стоитъ тихая, слѣдуетъ выносить гулять на открытый воздухъ, конечно, укрывши его такъ, чтобъ онъ не могъ простудиться. Лѣтомъ же, весной и осенью слѣдуетъ выносить гулять на пятой или шестой недѣлѣ послѣ рожденія“. При такомъ режимѣ едва ли поздоровится дѣтямъ, особенно въ сѣверномъ климатѣ.

Стр. 64. „Если въ головѣ жаръ, то помогаютъ ежедневныя втиранія въ голову миндальнаго масла и ножныя ванны изъ теплой воды съ солью и уксусомъ“. Благоразумнѣе было бы избѣгать подобныхъ ни на чемъ не основанныхъ умствованій, особенно въ популярной книгѣ. Такіе совѣты, кромѣ вреда, ничего не принесутъ, что въ особенности слѣдуетъ сказать о предлагаемыхъ авторомъ ножныхъ ваннахъ.

Стр. 65. „Впрочемъ, для золотушныхъ дѣтей паденіе можетъ быть опасно“. А для не золотушныхъ?

Духовному воспитанію въ книгѣ посвящены вступленіе и главы II-я, III-я, IV-я. Весь этотъ отдѣлъ изложенъ безъ надлежащаго и опредѣленнаго плана. Во вступленіи, послѣ краткихъ замѣчаній о роли матери въ воспитаніи, составитель слегка касается развитія внѣшнихъ чувствъ въ дѣтскомъ возрастѣ, значенія темперамента въ воспитаніи, затѣмъ поверхностно очерчиваетъ задачи умственнаго развитія въ младшемъ возрастѣ, говоритъ о роли сердца въ жизни человека и болѣе подробно останавливается на наказаніяхъ въ младшемъ возрастѣ. II-я глава вся посвящена вопросу о привычкахъ. Въ III-й главѣ авторъ снова возвращается къ вопросу объ умственномъ воспитаніи, останавливаясь довольно долго на роли воображенія въ дѣтскомъ возрастѣ и на значеніи игръ. Въ IV-ю главу входятъ слѣдующія рубрики: характеръ, впечатлительность дѣтей, память, вредъ заучиванія наизусть, раздражительность, вліаніе впечатлѣній жизни на характеръ. Въ V-ю главу входятъ слѣдующія статьи: склонность къ лѣни, кажущаяся лѣнь, отдохъ.

Изъ этого перечня содержанія видно, что составитель не считалъ своею задачею обозрѣть умственную дѣятельность во всѣхъ ея проявленіяхъ, а выдѣлилъ изъ нея только, такъ-сказать, пластическія силы, развитіе которыхъ въ дѣтяхъ подлежитъ большому на-

блюденію, именно — воображеніе и память. Этимъ, конечно, можно объяснить то обстоятельство, что составитель во вступленіи касается вопроса объ умѣ только слегка, какъ бы мимоходомъ. Воображенію же и памяти посвящены особыя главы, именно III-я и IV-я. Изъ того же перечня видно, что составитель изъ той области духовной жизни, которую называютъ нѣкоторые психологи „практическою дѣятельностью“, взялъ только существенные вопросы, именно о волѣ, характерѣ и о нѣкоторыхъ дѣтскихъ наклонностяхъ. Но если авторъ, въ виду своей цѣли, имѣлъ достаточное основаніе ограничиться только отрывочными, психологическими и педагогическими свѣдѣніями, то при изложеніи онъ необходимо долженъ былъ бы, хоть сколько-нибудь, сообразоваться съ системою, принятою въ курсахъ психологіи и педагогики. Вопросъ о наказаніяхъ естественно связывается съ вопросомъ о волѣ; въ разсматриваемой же книгѣ, онъ помѣщенъ выше, во „вступленіи“, и ни къ чему логически не приуроченъ. Вопросъ о памяти долженъ предшествовать вопросу о воображеніи, и т. п. Главы о привычкахъ, воображеніи, играхъ и характерѣ составлены на основаніи сочиненія Ушинскаго „Опытъ педагогической антропологіи“. Нашъ авторъ пользовался не только мыслями упомянутаго педагога, но и примѣрами, выраженіями и ссылками на разныхъ авторитетныхъ писателей, которые, замѣтимъ, кстати, совсѣмъ неумѣстны въ такомъ скромномъ трудѣ, какъ разсматриваемая книга. Но во всякомъ случаѣ эти главы составляютъ лучшія страницы разсматриваемаго отдѣла.

Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „вступленіе“, авторъ болѣе самостоятеленъ, но за то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ умственномъ воспитаніи, встрѣчаются неточныя опредѣленія, неясность, положительныя ошибки, а иногда простой наборъ словъ. Представимъ нѣсколько примѣровъ. Стр. 2: „Ребенку нужно извѣстное время для того, чтобы вполне воспринять предметъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ“. Изъ этого явствуетъ, будто бы ребенокъ воспринимаетъ посредствомъ чувствъ самое свойство вещи. Стр. 8: „Имѣя свои корни въ чувственности, сердце возвышается“ и т. д. Слово чувственность, конечно, употреблено вмѣсто чувствованіе, что не одно и то же. Стр. 11: „Лучшее время для занятія умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ ребенка — утро и вечеръ“. И форма, и мысль въ данномъ мѣстѣ не вполне вѣрны. Умѣстность совѣтовъ, увѣщаній и даже наказаній обусловливается не временемъ дня, а исключительно настроеніемъ воспитанника и обстановкой въ данный

моментъ; поэтому вѣтъ никакого психологическаго основанія отдавать предпочтеніе вечеру или утру для нравственнаго воздѣйствія на дѣтей. А вотъ два мѣста, представляющія почти простой наборъ словъ: Стр. 5: „Понятіе, то-есть, ясное сознаніе. какого-нибудь предмета, образуется посредствомъ внутренняго сліянія въ одно цѣлое однородныхъ впечатлѣній, имѣющихъ между собою взаимное соотношеніе“. Стр. 8: „Все пространство, заключающееся между сферою тѣла и сферою духа, составляетъ область сердца“, и т. д.

Вторая половина книги посвящена искусству обученія дѣтей въ младшемъ возрастѣ. Сюда входятъ: „наглядное обученіе“, „обученіе отечественному языку“, „арметикѣ“, „начальной географіи“; здѣсь же помѣщены статьи о „воспитательномъ значеніи ремесленныхъ занятій“ и „искусствъ“, и въ видѣ приложения, двѣ статьи: „О дѣтскихъ играхъ“, какъ орудіи воспитанія и „о садовыхъ работахъ“. Этотъ отдѣлъ долженъ быть признанъ лучшею частью труда. Основы обученія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, правильны, совѣты для практическихъ исполненій этихъ основъ цѣлесообразны, изложеніе ясное, и чтó рѣдко встрѣчается въ курсахъ педагогикн, довольно сжатое. Противъ нѣкоторыхъ частныхъ нельзя однако не возразить. Такъ на стр. 164 авторъ доказываетъ, что пословицы, для ознакомленія съ духомъ народа, имѣютъ преимущество передъ сказками. На дѣлѣ важны пословицы и сказки, но все должно быть употребляемо на своемъ мѣстѣ. Ушинскій, первый изъ педагоговъ, ввелъ въ азбуку пословицы, но онъ же принялъ для своей элементарной грамматики сказку „О рыбахъ и рыбкѣ“. Помимо невѣрности мысли, въ педагогической книгѣ заслуживаетъ упрека слѣдующее мѣсто: „Важно, чтобы при чтеніи учащійся непосредственно усвоивалъ всѣ богатства родной рѣчи; освоившись съ нею въ пословицахъ, онъ лучше проникнется духомъ языка, чѣмъ еслибы изучилъ 20 грамматикъ“.

На стр. 177 составитель возражаетъ противъ заучиванья таблицы умноженія. А какъ же можно узнать ее, какъ не заучивъ на память? можетъ спросить читатель.

На стр. 178 говорится: „Когда приходится имѣть дѣло съ сложными числами, воспитатель можетъ учить на счетахъ, только не съ горизонтальными проволоками, а съ вертикальными“. Какъ извѣстно, вертикальныхъ счетовъ не существуетъ, а то, чтó составитель называетъ такими счетами, есть не что иное, какъ прибавленіе къ обы-

новенный счетамъ десяти проволокъ, но всего только съ десяткомъ шариковъ. Такое прибавленіе дѣлается въ видахъ ознакомленія учениковъ съ единицами, а отнюдь не для счета сложныхъ чиселъ, какъ предполагаетъ составитель.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВЯТАГО ВЛАДИМИРА.

Въ настоящемъ году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени основанія въ Возѣ почишимъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ университета въ матери городовъ русскихъ, въ Кіевѣ. 8-го минувшаго сентября въ университетѣ св. Владиміра состоялся торжественный актъ, которымъ отпразднованъ былъ означенный юбилей.

Начиная съ 12 часовъ обширная актовая зала университета, украшенная портретами Русскихъ императоровъ, стала наполняться лицами, приглашенными на это торжество. Подъ портретомъ цинѣ благополучно дарствующаго Императора Александра III, роскошно убраннымъ зеленью, возвышалось нѣсколько ступеней, устланныхъ коврами: съ этого мѣста представители различныхъ учреждений читали привѣтственные адреса, присланные университету св. Владиміра по случаю его юбилея. Надѣво отъ этихъ ступеней находился столъ, покрытый краснымъ сукномъ; за нимъ помѣщались члены совѣта университета; на правой же сторонѣ отъ ступеней возвышалась изящная деревянная кафедра, съ вырѣзанными на ней числами: „1834—1884“, съ которой читались рѣчи. Сверхъ того, были отведены особлыя мѣста для митрополичьихъ пѣвчихъ и для оркестра военной музыки. Все остальное мѣсто въ залѣ было занято креслами и стульями, приготовленными для депутацій и почетныхъ гостей университета, въ числѣ которыхъ находились, между прочими, оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ, митрополитъ Сербскій Михаилъ, всѣ прибывшіе на съѣздъ епископы, начальникъ края, Кіевскій губернаторъ, губернский предводитель дворянства, членъ государственнаго совѣта Н. И.

Столяновскій, отецъ Іоаннъ Наумовичъ и многіе другіе представителямъ различныхъ вѣдомствъ.

Ровно въ часъ, когда вся зала наполнилась просвѣтителями, въ залу вошелъ преосвященнѣйшій Платонъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, встрѣченный пѣніемъ духовнаго хора: *Εἰς κολλὰ ἐστὶ δέσποτα*. Затѣмъ тотъ же хоръ пропѣлъ: „Днесъ благодать Святаго Духа насть собра“, и на кафедрѣ взошелъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа С. П. Голубцовъ. Всѣ поднялись съ мѣстъ, и среди благоговѣйнаго молчанія прочтенъ былъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ Государя Императора:

Нашему Императорскому университету св. Владимира.

Пользѣка тому назадъ въ Востѣ почивающій дѣдъ Нашъ императоръ Николай I призналъ за благо учредить въ Кіевѣ высшаго образованія, наименовавъ университетомъ Св. Владимира. Воздвигнутый у колыбели духовнаго просвѣщенія Россіи, украшенный именемъ великаго просвѣтителя ея, университетъ Св. Владимира, по мысли Державнаго Основателя его, долженствовалъ не только служить къ подготовленію образованнаго юношества на полезное и вѣрное служеніе Россіи, но и быть проводникомъ духовнаго единенія въ общемъ трудѣ русскихъ умственныхъ силъ на пользу наукъ и русскаго слова. Университетъ Св. Владимира исполнилъ свое призваніе, и въ настоящій торжественный день Мнѣ пріятно вспомнить о заслугахъ бывшихъ и настоящихъ полезныхъ дѣятелей его и изъявить университету Мое благоволеніе и Мою признательность.

Я увѣренъ, что университетъ Св. Владимира, вѣрный своему прошлому и памятуя великое значеніе, какое кіевскія учебныя заведенія имѣютъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, будетъ и впредь съ прежнимъ рвеніемъ посвящать труды свои на благо отечественнаго просвѣщенія и въ многочисленныхъ питомцахъ своихъ образовывать людей твердыхъ въ вѣрѣ и нравственности, преданныхъ Престолу и отечеству, готовыхъ честно трудиться на поприщѣ государственной и общественной дѣятельности.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Сентября 8-го дня 1884.

Едва кончилъ попечитель чтеніе Высочайшаго рескрипта, какъ оркестръ и хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ огласили залу звуками гимна „Боже, Царя храни“, по окончаніи котораго своды залы были потрясены громогласными, неумолкаемыми кликами ура! Когда воцарилась снова тишина, г. попечитель сообщилъ о новой царской милости университету Св. Владиміра, переданной слѣдующею телеграммой г. министра народнаго просвѣщенія: „Высочайше разрѣшено отпустить 265,555 руб. на устройство клиникъ университета Св. Владиміра, начиная съ 1885 года. Деляновъ“. Снова раздались восторженные клики ура, продолжавшіеся непрерывно въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

Затѣмъ на кафедрѣ поднялся ректоръ университета Н. К. Ренненкампфъ и прочелъ полученную имъ телеграмму отъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ которой указывалось, между прочимъ, на счастливое совпаденіе юбилея университета св. Владиміра съ началомъ новой, лучшей эры для русскихъ университетовъ, открывшейся благодаря Верховной волѣ Государя Императора, даровавшаго русскимъ университетамъ новый усовершенствованный уставъ. По прочтеніи этой телеграммы ректоръ обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ привѣтственною рѣчью и въ ней, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые недостатки въ теперешнемъ состояніи нашихъ университетовъ и старался объяснить причины этого прискорбнаго явленія, которое, конечно, со временемъ исчезнетъ, давъ мѣсто лучшему процвѣтанію университетской науки. Рѣчь ректора была покрыта рукоплесканіями.

Когда ректоръ сошелъ съ кафедры, преосвященнѣйшій митрополитъ Платонъ поднялся со своего мѣста и, благословивъ ректора святою иконой, обратился къ нему съ привѣтственною рѣчью, въ коей изложилъ тѣ требованія, которыя государство въ правѣ предложить университетамъ вообще и университету Св. Владиміра въ особенности, ожидая отъ него образованія истинно русскихъ людей, готовыхъ трудиться на пользу отечества съ непоколебимою преданностью вѣрѣ и самодержавному престолу.

Ректоръ, выслушавъ слово владыки, приложился къ иконѣ и низко поклонился преосвященному. Затѣмъ онъ приступилъ къ раздачѣ дипломовъ на званіе почетныхъ членовъ университета св. Владиміра тѣмъ изъ удостоенныхъ этого званія лицъ, которыя присутствовали на торжественномъ актѣ; между прочимъ, дипломы были вручены преосвященному митрополиту Платону, еще раньше избранному въ почет-

ные члены университета, оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву, Киевскому генералъ-губернатору А. Р. Дрентельну, попечителю Киевскаго учебнаго округа С. П. Голубову, члену государственнаго совѣта Н. И. Стояновскому, профессору Вѣнскаго университета Бенедикту и профессорамъ Н. С. Таганцеву, Н. Н. Бекетову, И. Ѡ. Леваковскому и А. О. Ковалевскому.

Послѣ сего начался приемъ депутацій. Всѣхъ депутацій было семьдесятъ-шесть, всѣхъ же депутатовъ болѣе ста человекъ. Каждая депутація вызывалась съ кафедры профессоромъ Субботиннымъ по заранѣе определенной очереди, подходила къ профессорскому столу и, взойдя на возвышеніе подъ портретомъ Государя Императора, привѣтствовала университетъ св. Владимира въ лицѣ его ректора и профессоровъ.

За невозможностью прочесть всѣ привѣтственные адреса, прочтена была только часть ихъ, вполнѣ или въ сокращеніи. Депутаціи отъ нѣкоторыхъ университетовъ передавали, вмѣстѣ съ адресами, и дипломы на званіе почетныхъ членовъ своихъ университетовъ нѣкоторымъ профессорамъ университета св. Владимира. Появленіе депутацій встрѣчалось рукоплесканіями присутствующихъ, которыя затѣмъ возобновлялись по прочтеніи адресовъ¹⁾. Въ числѣ произнесенныхъ привѣтствій нельзя не отмѣтить одно — отъ лица нынѣ здравствую-

¹⁾ Вотъ перечень учреждений, приславшихъ депутаціи: всѣ русскіе университеты; военно-медицинская академія; духовныя академіи Киевская и Московская; римско католическая академія; С.-Петербургскій технологическій институтъ; Императорское училище правовѣдннхъ; Демидовскій юридическій лицей; Петровская академія сельскаго хозяйства; институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи; Нѣжинскій историко-эпидиологическій институтъ; лицей Цесаревича Николая; всѣ Киевскія и Каменецъ-Подольская мужскія гимназіи; оба Киевскія женскія гимназіи; коллегія Павла Галагана; Московское техническое училище; Императорская Публичная Библиотека; ученые общества: Русское археологическое, Одесское исторіи и древностей, Русское техническое, вольное экономическое, Московское любителей естествознанія, антропологн и этнографіи, Московское испытателей природы, Киевское юридическое, сельскаго хозяйства южной Россіи, врачей кievскихъ, ярославскихъ, полтавскихъ, кишиневскихъ, одесскихъ, тульскихъ, Одесское бальнеологическое; медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ; Киевскія отдѣленія обществъ классической эпидиологн и педагогикн, Русскаго техническаго и музыкальнаго; общества славянское благотворительное, пособія бѣднымъ студентамъ Петербургскаго, Одесскаго, Киевскаго и пр.; Киевское городское общество; иностранныя университеты Римскій и Хорватскій въ Загребѣ.

щихъ студентовъ Кіевскаго университета 1-го выпуска; оно было произнесено г. Глушановскимъ.

Послѣ передачи адресовъ на возвышеніе взошелъ митрополитъ Сербскій Михаилъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на постоянное жительство въ Кіево-Печерской лаврѣ, и обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами: „Радуюсь, что могу лично поздравить университетъ св. Владиміра въ день его пятидесятилѣтія отъ лица многихъ моихъ земляковъ. Здѣсь, въ университетѣ св. Владиміра, нѣскольکو Сербовъ получили образованіе, и затѣмъ на родинѣ своей они съ пользой распространяли науку и похвально трудились и теперь еще трудятся для науки. Отсюда одушевлялось здѣшнее патріотическое общество въ славную пору движенія и освобожденія южныхъ Славянъ. Желаю университету св. Владиміра и въ слѣдующемъ пятидесятилѣтіи высоко держать знамя науки, полезной Славянству къ чести и славѣ Россіи, науки, озаренной христіанствомъ. Желаю сему университету хранить взаимное братское общеніе между учеными сродныхъ племенъ и тѣмъ содѣйствовать дружною силою славянскаго ума, чтобы великое племя Славянское, чтобы Славянство заняло достойное его силъ мѣсто въ ряду народовъ, славящихся просвѣщеніемъ“. Привѣтственное слово это было произнесено съ необыкновенно теплымъ, сердечнымъ чувствомъ и нашло себѣ отголосокъ въ душѣ каждаго изъ слушавшихъ.

Послѣ пріема депутацій профессоръ сообщилъ съ кафедръ перечень ста-восьмидесяти адресовъ, привѣтствій и телеграммъ, присланныхъ университету по случаю его юбилея¹⁾.

¹⁾ Въ томъ числѣ были привѣтствія отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго; отъ бывшаго воспитанника и профессора университета св. Владиміра министра финансовъ Н. Х. Бунге; отъ военнаго министра П. С. Ванновскаго; отъ министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго; отъ товарища министра народнаго просвѣщенія князя М. С. Волконскаго; отъ бывшаго ректора университета св. Владиміра Р. Э. Траутсеттера; отъ академика Н. И. Кожарова; отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія барона Николаи; отъ непреміаннаго секретаря академіи наукъ К. С. Веселовскаго; отъ главномачальствующаго на Кавказѣ князя А. М. Дондукова-Корсакова; отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго; отъ Оренбургскаго учебнаго округа; отъ военно-ученаго медицинскаго комитета; отъ служащихъ въ Кавказскомъ учебномъ округѣ; отъ Императорской академіи наукъ; отъ 2-го отдѣленія академіи наукъ за подписью председательствующаго академика Я. К. Грота; отъ Императорскаго историко-этнологическаго института; отъ археологическаго института въ С.-Петербургѣ; отъ Московскаго архива министерства юстиціи; отъ Лазарев-

Профессора Субботина на кафедрѣ смѣнилъ профессоръ Фортинскій, который прочелъ краткій очеркъ исторіи университета св. Владимира, составленный ординарнымъ профессоромъ М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, по болѣзни не имѣвшимъ возможности прочесть его лично. Чтеніе этого очерка было покрыто единодушными рукоплесканіями.

Затѣмъ ректоръ университета, взоидя на кафедру, возвѣстилъ о новой Царской милости университету, заключавшейся въ томъ, что Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія удостоилъ университетъ св. Владимира высокой чести—принять званіе почетнаго члена этого учрежденія. За симъ были провозглашены почетными членами его слѣдующія, избранныя въ это званіе по случаю юбилея лица: владѣтельный князь княжества Черногорскій Николай I, министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа С. П. Голубцовъ, генераль-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ; члены государственнаго совѣта: Н. И. Стояновскій, баронъ А. П. Николаи, А. В. Головинъ, графъ Д. А. Милютинъ, К. П. Побѣдоносцевъ, сенаторъ Н. И. Ланге; профессора: В. И. Ламанскій, Н. С. Таганцевъ, И. Е. Андреевскій, К. Д. Кавелинъ, В. Н. Чичеринъ, С. В. Пахманъ, Ф. Ф. Бейльштейнъ, А. А. Бунге, Ф. Ф. Петрушевскій, А. Г. Столѣтовъ, А. Н. Коркинъ, Н. Н. Бекетовъ, И. Ф. Леваковскій, А. О. Ковалевскій, Л. С. Ценковский, К. И. Гревингъ, К. Г. Шмидтъ, А. Ю. Давидовъ; академики: Ф. И. Буслаевъ, А. К. Наукъ, В. Г. Имшенецкій, М. И. Сухомлиновъ; члены-корреспонденты академіи наукъ: графъ Д. Н. Толстой, И. А. Гончаровъ, А. Ф. Миддендорфъ, Н. И. Косто-

скаго института восточныхъ языковъ; отъ С.-Петербургскаго дѣснаго института; отъ Каванской духовной академіи; отъ института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I; отъ Николаевской инженерной академіи; отъ политехнической школы въ Ригѣ; отъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи; отъ Волынской духовной семинаріи; отъ Московскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества; отъ горнаго института; отъ геологическаго кабинета; отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба; отъ военно-юридической академіи; отъ Императорской академіи художествъ; отъ Михайловской артиллерійской академіи; отъ университетовъ: Эдинбургскаго, Берлинскаго, Лейпцигскаго, Вѣнскаго, Геттингенскаго, Львовскаго, Страсбургскаго и Черновицкаго; отъ королевской академіи dei Lincei въ Римѣ; отъ юго-славянской академіи въ Загребѣ; отъ института Оссолинскихъ; отъ Сербской высшей школы въ Вѣлградѣ и пр.

маровъ, А. Н. Островскій; директоръ горнаго института В. Г. Ерофьевъ, иностранные ученые: Францъ Миклошичъ, Иванъ Кукулевичъ-Сакцианскій, Георгъ Курциусъ, Мишель Бреаль, Теодоръ Моммзенъ, Иоаннъ Мадвигъ, Леопольдъ Ранке, Георгъ Вайцъ, Адольфъ Жири, Вильямъ Стеббсъ, Паскуале Виллари, Германъ Вейсъ, Германъ Гельмгольцъ, Густавъ Кирхгофъ, Германъ Кольбе, Рудольфъ Лейкартъ, Станиславъ Канницаро, Вильгельмъ Рошеръ, фонъ-Лангенбекъ, Карлъ Вестфаль, Теодоръ Мейнертъ, Морицъ Бенедиктъ, Германъ Нотнагель, Карлъ Лангеръ, Эрнестъ Врюке, Вильгельмъ Кюне, Готте-Зейлеръ, Карлъ фонъ-Фойтъ, Максъ фонъ-Петтенкоферъ, Теодоръ Вильротъ, Шарко, Генрихъ фонъ-Цимсенъ, Францъ Дондерсъ, Джемсъ Листеръ, Юлій Конгеймъ. Независимо отъ того, во уваженіе къ ученымъ трудамъ по различнымъ отраслямъ наукъ, въ ученую степень доктора университета возведены слѣдующія лица: Анатолій Петрушевичъ, Исидоръ Шараневичъ, Альфредъ Рамбо, Адольфъ Патера, Филиппъ Фортунатовъ, Николай Неклюдовъ и Густавъ Бунге.

Послѣднимъ отдѣломъ торжества было объявленіе о сдѣланныхъ по случаю юбилея пожертвованіяхъ и выпущенныхъ въ свѣтъ юбилейныхъ изданій и раздача золотыхъ и серебряныхъ медалей за сочиненія, представленныя студентами на темы, заданныя факультетами для соисканія наградъ медалями. Пожертвованій поступило четыре: 1) заслуженный ординарный профессоръ университета св. Владиміра Рахманиновъ представилъ 5,000 руб. на учрежденіе на проценты съ этого капитала премій въ 500 р. съ цѣлью способствовать самостоятельной дѣятельности воспитанниковъ университета св. Владиміра; 2) членъ военно-медицинскаго совѣта, тайный совѣтникъ В. В. Бессеръ пожертвовалъ 14,000 рублей на учрежденіе на проценты съ этого капитала двухъ стипендій въ университетѣ св. Владиміра: одной на историко-филологическомъ факультетѣ имени бывшаго профессора Нейкирха, а другой на медицинскомъ факультетѣ имени бывшаго профессора В. Г. Бессера; каждая стипендія опредѣлена въ 300 р.; 3) Т. В. Кибальчичъ принесъ въ даръ альбомъ рисунковъ, составляющихъ оригинальныя произведенія извѣстныхъ художниковъ; 4) бывшій воспитанникъ университета св. Владиміра врачъ А. Ворштейнъ принесъ въ даръ коллекцію мотыльковъ.

Къ дню пятидесятилѣтняго юбилея университета св. Владиміра изготовлены и выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія:

- 1) Исторія университета св. Владиміра. Составилъ профессоръ

М. Ф. Владимірскій-Будановъ Т. І. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе императора Николая І (45 печатныхъ листовъ).

2) Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра (1834—1884 гг.). Составленъ и изданъ подъ редакціей профессора В. С. Иконникова и заключаетъ въ себѣ 231 биографію (52½ печатные листа).

3) Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета св. Владиміра (1834—1884 гг.). Изданы подъ редакціей профессора В. С. Иконникова. Въ это изданіе вошло до 50 записокъ о всѣхъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ, существующихъ при университетѣ со времени его основанія (25 печатныхъ листовъ, со многими таблицами и планами).

4) Академическіе списки университета св. Владиміра (1834—1884 гг.). Списки эти заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о почетныхъ членахъ, о лицахъ, удостоенныхъ ученыхъ степеней и званій, о сочиненіяхъ, предложенныхъ на медали, о лицахъ, удостоенныхъ ихъ, и т. п. (16 печатныхъ листовъ).

Независимо отъ того отпечатаны или въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ: 1) Сочиненія профессора В. А. Незабитовскаго. Изданы подъ редакціей профессора А. В. Романовича-Славатинскаго, съ портретомъ автора, 20 печатныхъ листовъ; напечатаны на счетъ университета. 2) Отчеты по хирургической клиникѣ университета св. Владиміра съ основанія ея до 1882 года, профессора В. А. Караваева, до 50 печатныхъ листовъ, съ 55-ю таблицами. 3) Опытъ русской исторіографіи, профессора В. С. Иконникова. Т. І. Источниковѣдѣніе; отпечатано 30 печатныхъ листовъ. Сверхъ того, въ № 8 Университетскихъ Извѣстій войдутъ небольшія статьи профессоровъ Фортинскаго, Михна, Дашкевича, Флоринскаго и др., изготовленныя по случаю юбилея. Наконецъ, бывший ординарный профессоръ римскихъ и русскихъ гражданскихъ законовъ А. А. Фодотовъ-Чеховскій во дню юбилея принесъ въ даръ университету два изданія, которыя вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ. Одно изъ нихъ будетъ заключать въ себѣ собраніе не изданныхъ еще актовъ, относящихся до гражданскаго судопроизводства въ древней Руси, а другое — сборникъ патентовъ Кіевскихъ митрополитовъ и малороссійскихъ гетмановъ, относящихся къ греческому Нѣжинскому церковному братству и гражданскому обществу; сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ 24 церковныхъ и 34 мирскихъ акта; первые начинаются 1680 и оканчиваются 1782 годомъ, а вторые продолжаютъ съ 1657 по 1751

годъ; въ ряду первыхъ два даны братству греческими іерархами на греческомъ языкѣ и напечатаны съ переводомъ издателя на русскій языкъ.

Изъ студентовъ, представившихъ сочиненія на заданныя темы, золотой медали удостоились: Никандръ Молчановскій—за сочиненіе на тему „Реформы цеховныя и ремесленныя въ Пруссіи Штейна и Гарденберга въ связи съ состояніемъ цеховъ и ремесленнаго класса въ Пруссіи въ началѣ XIX вѣка“; Николай Лятошинскій—за сочиненіе на тему: „Августъ Шлэцеръ и его историческая критика“; Михаилъ Мерингъ, Семенъ Морозовскій и Алексѣй Кобеляцкій—за сочиненія на тему: „Вычислить по десяти наблюденіямъ вѣроятнѣйшую орбиту кометы Вельса (1882 г.) и показать при этомъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ теперь способовъ рѣшенія уравненія Ламберта“ (кромя медали, Кобеляцкій удостоенъ и денежной преміи Николая Ивановича Пирогова во 100 р.); Сергѣй Гогоцкій и Моисей Мазоръ—за сочиненія на тему: „Начало двухсторонности, состязательности и дѣятельности суда по должности въ гражданскомъ процессѣ по уставу гражданского производства 1864 года“; Иванъ Колбасенко—за сочиненіе на тему: „О строеніи и развитіи надпочечныхъ железъ“. Серебряною медалью награждены: Кириллъ Царевскій—за сочиненіе на тему: „О сенсуализмѣ Кондильяка“; Василій Городецкій — за сочиненіе на тему: „Августъ Шлэцеръ и его историческая критика“; Сергѣй Шарко—за сочиненіе на тему: „Вычислить по десяти наблюденіямъ вѣроятнѣйшую орбиту кометы Вельса (1882 г.) и показать при этомъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ теперь способовъ рѣшенія уравненія Ламберта“; Адрианъ Подушко—за сочиненіе на тему: „О вліяніи податей на народное хозяйство вообще и на цѣны товаровъ въ частности“. Молодые люди, вызываемые съ кафедръ, подходили къ попечителю учебнаго округа, къ начальнику края и къ митрополиту Сербскому Михаилу, изъ рукъ которыхъ они получали присужденныя имъ награды.

Торжество заключилось въ 4 часа исполненіемъ народнаго гимна „Воже, Царя храни“, покрытымъ продолжительными рукоплесканіями и криками ура!

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Институтъ сельскаго хозяйства и гдсоводства въ Новой Александріи въ 1883 г.

Личный составъ служащихъ въ институтѣ къ 1-му января 1884 г. былъ слѣдующій: директоръ, инспекторъ, 2 профессора, 9 доцентовъ, 2 преподавателя, лаборантъ химической лабораторіи, помощникъ ученаго садовника, управляющій институтскимъ имѣніемъ, врачъ, секретарь, бухгалтеръ и помощникъ секретаря, смотритель зданій и старшій пекарь. Вакантными были должности: три профессорскія, учителя рисованія и черченія, двухъ сверхштатныхъ лаборантовъ, ученаго садовника и помощника инспектора. Обязанности по нѣкоторымъ изъ сихъ должностей возложены были на наличныхъ служащихъ съ вознагражденіемъ ихъ за дополнительный трудъ.

Преподаваніе положенныхъ по уставу института учебныхъ предметовъ производилось въ слѣдующемъ порядкѣ: бывший директоръ института Важановъ читалъ энциклопедію сельскаго хозяйства по одному часу въ недѣлю для студентовъ I курса; профессоръ Малевскій—минералогію 2 часа на I курсѣ, геогнозію и почвовѣдѣніе по 3 часа въ недѣлю вмѣстѣ на обоихъ отдѣленіяхъ II курса; практическія занятія по почвовѣдѣнію, по 6-ти часовъ въ недѣлю, велись въ земледѣльческой лабораторіи; профессоръ Карпинскій: а) зоологію на I курсѣ въ обоихъ полугодіяхъ по 3 часа въ недѣлю; практическія по этому предмету занятія происходили въ зоологическомъ кабинетѣ: въ 1-мъ полугодіи по 3 часа, во 2-мъ по 2 часа въ недѣлю, б) физиологію животныхъ—на II курсѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія по 2 часа; в) анатомію животныхъ—во 2-мъ полуго-

дін по 1-му часу для I курса; г) лѣсную энтомологію — по 1-му часу въ обоихъ полугодіяхъ для II курса лѣснаго отдѣленія; практическія по этому предмету занятія происходили по 1-му часу въ недѣлю во 2-мъ полугодіи для II курса, и въ 1-мъ полугодіи для III курса лѣснаго отдѣленія; бывшій профессоръ Антоновичъ: а) политическую экономію и статистику—въ 1-мъ полугодіи вмѣстѣ для обоихъ отдѣленій II курса по 3 часа, б) законовѣдѣніе—въ 1-мъ полугодіи для обоихъ отдѣленій III курса по 2 часа, и в) лѣсные законы—въ 1-мъ полугодіи для лѣснаго отдѣленія III курса по 1-му часу въ недѣлю. Доценты: Вагнеръ: а) общую химию—по 3 часа въ недѣлю для I курса: б) аналитическую химию (ежедневно въ лабораторіи отъ 2 до 7-ми часовъ вечера)—въ 1-мъ полугодіи съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ II курса и во 2-мъ полугодіи съ тѣмъ же отдѣленіемъ и со студентами I курса, в) органическую химию—на II курсѣ по 2 часа въ недѣлю вмѣстѣ для обоихъ отдѣленій; Зининъ: а) механику—по 3 часа, б) математику—по 4 часа въ недѣлю для I и II курсовъ вмѣстѣ, в) начертательную геометрію—для I курса по 1 часу въ недѣлю; Будринъ—растениеводство для студентовъ II курса обоихъ отдѣленій и III курса сельско-хозяйственного отдѣленія: въ 1-мъ полугодіи по 2 часа, во 2-мъ—по 3 часа въ недѣлю; практическія занятія производились во 2-мъ полугодіи для III курса сельско-хозяйственного отдѣленія по 3 часа въ недѣлю; Скворцовъ—сельско-хозяйственную экономію по 4 часа въ недѣлю для III курса сельско-хозяйственного отдѣленія, и для тѣхъ же студентовъ производились практическія занятія по 3 часа; Краузе—лѣсныя науки, именно: а) лѣсную таксацію на лѣсныхъ отдѣленіяхъ II и III курсовъ: на II въ 1-мъ учебномъ полугодіи по 2 часа лекцій, во 2-мъ—по 1 часу, при 3 часахъ практическихъ занятій въ обоихъ полугодіяхъ, а на III курсѣ—по 3 часа лекцій и по столько же часовъ практическихъ занятій; б) лѣсоводство—на III курсѣ сельско-хозяйственного отдѣленія во 2-мъ полугодіи по 2 часа лекцій; практическія занятія велись преподавателемъ въ принадлежащей институту Кемпской рощи; Заичевскій—физику и метеорологію съ климатологіей по 4 часа въ недѣлю для I курса; практическія занятія въ физическомъ кабинетѣ производились по 3 часа; Хлюдинскій: а) скотоводство: въ 1-мъ полугодіи по 3 часа въ недѣлю для II и III курсовъ сельско-хозяйственного отдѣленія, во 2-мъ полугодіи—для II курса того же отдѣленія по 2 часа и для III курса этого отдѣленія по 3 часа въ недѣлю; практическія занятія производились: въ 1-мъ полугодіи по

3 часа для III курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія, во 2-мъ полугодіи—по 3 часа въ недѣлю для II и III курсовъ того же отдѣленія; б) пчеловодство—во 2-мъ полугодіи для обоихъ отдѣленій III курса по 1 часу въ недѣлю; в) строительное искусство—во 2-мъ полугодіи для обоихъ отдѣленій III курса по 3 часа въ недѣлю; Павлиновъ—технологію сельско-хозяйственную и лѣсную, преподаваніе конхъ, по случаю назначенія преподавателя на эту кафедру только во второмъ полугодіи, могло начаться лишь въ концѣ учебнаго года прочтеніемъ вступительной лекціи; Быковъ—геодезію съ нивелировкой по 2 часа на I курсѣ, а также по 1 часу въ недѣлю въ 1-мъ полугодіи и по 2 часа во 2-мъ полугодіи на II и III курсахъ лѣснаго отдѣленія; практическія занятія въ 1-мъ полугодіи на I курсѣ и на II курсѣ лѣснаго отдѣленія по 3 часа и III курса по 6 часовъ, во 2-мъ же полугодіи на I курсѣ и на II и III курсахъ лѣснаго отдѣленія по 3 часа въ недѣлю происходили въ чертежномъ залѣ и состояли въ самостоятельномъ изготовленіи студентами плановъ на задаваемые преподавателями темы; независимо отъ сего, студенты III курса, въ концѣ учебнаго года, снимали планы съ натуры; Бердау: а) ботанику для I курса по 2 часа въ недѣлю; практическія занятія въ 1-мъ полугодіи по 2 часа, а во 2-мъ по 3 часа въ недѣлю происходили въ ботаническомъ кабинетѣ; б) лѣсную ботанику—въ обоихъ полугодіяхъ для студентовъ II курса лѣснаго отдѣленія по 2 часа въ недѣлю; практическія занятія въ 1-мъ полугодіи по 3 часа въ недѣлю для студентовъ того же курса производились также въ ботаническомъ кабинетѣ; учитель Татаровъ—русскій языкъ и словесность: въ 1-мъ полугодіи по 1 часу на I курсѣ и по 2 часа въ недѣлю для II и III курсовъ вмѣстѣ, во 2-мъ полугодіи по 2 часа въ недѣлю на каждомъ курсѣ; преподаватель Евтушевскій—лѣсныя науки съ 2-го полугодія, на II и III курсахъ лѣснаго отдѣленія: а) лѣсоводство—на II курсѣ по 1 часу, а съ 1-го апрѣля по 2 часа и на III курсѣ по 2 часа лекцій, при 3 часахъ практическихъ занятій на обоихъ курсахъ, и б) лѣсные законы и лѣсную технологію—на III курсѣ по 1 часу каждого изъ обоихъ предметовъ; практическія занятія велись главнымъ образомъ въ лѣсныхъ питомникахъ; бывшій ученый садовникъ Маевскій: фивіологію и анатомію растений—для I курса по 2 часа въ недѣлю, и садоводство—въ 1-мъ полугодіи для III курса обоихъ отдѣленій вмѣстѣ по 1 часу въ недѣлю; бывшій лаборантъ Колесниковъ—земледѣльческую химію, по которой производились практическія занятія на сельско-хозяйственномъ отдѣленіи III курса:

въ 1-мъ полугодіи по 12 часовъ, а во 2-мъ—по 9 часовъ въ недѣлю. Независимо отъ практическихъ занятій по преподаваемымъ предметамъ въ теченіе года, въ концѣ учебнаго года таковыя производились по нѣкоторымъ предметамъ исключительно съ демонстративной цѣлью, а именно: на I курсѣ — по зоологій и ботаникѣ, на II курсѣ сельскохозяйственнаго отдѣленія — по земледѣлію и зоотехніи, на томъ же курсѣ лѣснаго отдѣленія—по лѣсной ботаникѣ, лѣсоводству, лѣсной таксаціи и геодесіи, на III курсѣ сельскохозяйственнаго отдѣленія— по ботаникѣ, зоотехніи и земледѣлію, на томъ же курсѣ лѣснаго отдѣленія — по лѣсной энтомологіи, лѣсной ботаникѣ, лѣсоводству и лѣсной таксаціи. Эти занятія производились подъ руководствомъ преподавателей соответственныхъ предметовъ и состояли: по ботаникѣ и зоологій — въ лѣтнихъ экскурсіяхъ въ окрестностяхъ Новой Александріи, а по другимъ, чисто-спеціальнымъ предметамъ—на опытной фермѣ въ имѣніи, въ лѣсныхъ питомникахъ, въ Кампской рошѣ, а также въ ближайшихъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ; послѣднія занятія состояли въ ознакомленіи студентовъ съ практической стороной специальныхъ наукъ, на сколько это было возможно въ короткое время, съ 11-го по 28-е іюня. Вслѣдствіе незамѣщенія четырехъ преподавательскихъ должностей, нѣкоторые предметы институтскаго курса или вовсе не читались, или читались въ сокращенномъ видѣ.

Переводныя и окончательныя испытанія производились въ два срока: передъ лѣтними вакаціями и передъ началомъ курса, при чемъ чтеніе лекцій на III курсѣ было прекращено въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а на остальныхъ курсахъ—во второй половинѣ мая.

Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе 1883 года 25 засѣданій. Важнѣйшіе изъ обсуждавшихся совѣтомъ вопросовъ и состоявшіяся по онымъ постановленія были слѣдующіе: а) предположенное совѣтомъ раздѣленіе преподаванія химіи между двумя отдѣльными преподавателями осуществлено назначеніемъ особаго преподавателя органической и земледѣльческой химіи; б) о чтеніи по кафедрѣ анатоміи и физиологій растений; в) о новыхъ программахъ по нѣкоторымъ предметамъ; г) о планѣ практическихъ занятій для всѣхъ курсовъ по специальнымъ предметамъ, произведенныхъ послѣ экзаменовъ, передъ наступленіемъ лѣтнаго вакаціоннаго времени, при чемъ постановлено: практическія занятія произвести на институтской фермѣ, въ питомникахъ и въ ближайшихъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ; экскурсій же въ отдаленныя мѣста не производить; д) о приглашеніи для помощи преподавателямъ при демонстраціяхъ на лекціяхъ сту-

дентовъ за особое вознагражденіе; е) о правилахъ контроля надъ занятіями студентовъ, въ видахъ усиленія учебной дѣятельности ихъ; ж) о соединеніи химической и землѣдѣльской лабораторій въ одну; з) о новыхъ правилахъ для библіотеки института; е) объ окончательномъ устройствѣ при зоологическомъ кабинетѣ комнаты для микроскопическихъ изслѣдованій.

Нѣкоторые изъ преподавателей института издали отдѣльно и напечатали въ повременныхъ изданіяхъ ученые труды, а именно: профессоръ Малевскій помѣстилъ въ появившемся въ 1883 году VI томѣ Записокъ института „Отчетъ о практическихъ занятіяхъ студентовъ по почвовѣдѣнію въ 1881—1882 учебномъ году“. Доценты: Хлюдвинскій издалъ брошюру „Матеріалы для изученія техническихъ свойствъ немериносовыхъ шерстей“ и помѣстилъ статьи: въ Запискахъ института—„Вѣсовой лектометръ“, въ Журналѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства — „Объ улучшеніи южно-русскаго скота“, въ Землѣдѣльской Газетѣ—„О бонитировкѣ шерстей по образцамъ“; Краузе издалъ свой трудъ „Успѣхи польской лѣсной литературы въ области древоизмѣренія“; Заіончевскій помѣстилъ въ Запискахъ института статью „О предсказаніи погоды“; Скворцовъ напечаталъ въ Трудахъ вольно-экономическаго Общества статью: „Нѣсколько замѣчаній по поводу новаго метода опредѣленія кормовой площади, предложеннаго г. Будаевскимъ“. Бывшій преподаватель Маевскій издалъ: а) Таблицу для опредѣленія древесныхъ растений по листьямъ для западной и средней Россіи“ и „Таблицы для опредѣленія древесныхъ растений въ ихъ зимнемъ состояніи для западной и средней Россіи“; объ таблицы помѣщены въ Запискахъ института. Лаборантъ Орловскій помѣстилъ въ тѣхъ же Запискахъ „Ежемѣсячные и годовые выводы изъ наблюденій на метеорологической станціи Ново-Александрійскаго института за 1881 годъ“.

Къ 1-му января 1883 года въ институтѣ состояло 211 студентовъ; въ теченіе 1883 года поступило 88 (бывшихъ студентовъ института 18, получившихъ въ гимназіяхъ аттестаты зрѣлости 5, окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ по основному отдѣленію съ дополнительнымъ классомъ, или выдержавшихъ удовлетворительное испытаніе въ этомъ объемѣ 62, окончившихъ курсъ Лодзинскаго реального училища и выдержавшихъ въ институтѣ повѣрочное испытаніе 2, окончившихъ другія среднія учебныя заведенія, по особому разрѣшенію 1); въ теченіе года выбыло 153 (за окончаніемъ курса 57, удаленныхъ по случаю бывшихъ безпорядковъ и оставив-

шихъ университетъ по другимъ причинамъ 96); затѣмъ къ 1-му января 1884 года оставалось на лицо 146, которые распредѣлялись: а) по отдѣленіямъ: въ общемъ отдѣленіи 84, въ отдѣленіи сельскаго хозяйства 37, въ отдѣленіи лѣсоводства 25; б) по курсамъ: въ I курсѣ 84, во II—33, въ III—29; в) по сословіямъ: дворянъ потомственныхъ 75, дворянъ личныхъ 36, духовнаго званія 4, купцовъ 8, мѣщанъ и городскихъ обывателей 17, крестьянъ и сельскихъ обывателей 6; г) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 70, римско-католическаго 72, армяно-григоріанскаго 1, евангелическаго 2, еврейскаго (караимъ) 1; д) по предварительному образованію: поступившихъ изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній 6, изъ классическихкихъ гимназій 9, изъ реальныхъ училищъ 122, изъ другихъ средне-учебныхъ заведеній 9; е) по мѣсту рожденія: уроженцевъ Царства Польскаго 34 (23, 29⁰/_о), сѣверо-западнаго и юго-западнаго края 49 (33, 56⁰/_о), прочихъ мѣстностей Россіи 63 (43, 15⁰/_о), то-есть, мѣстныхъ губерній почти 23⁰/_о, а изъ внутреннихъ 77⁰/_о, слѣдовательно сравнительно съ прежними годами процентъ поступившихъ въ институтъ изъ внутреннихъ губерній увеличился. Общее число студентовъ въ 1883 году сравнительно съ предыдущимъ годомъ уменьшилось на 65 человѣкъ, вслѣдствіе того, что изъ числа удаленныхъ за безпорядки институтъ не нашелъ возможнымъ допустить обратно 70 человѣкъ, а съ окончившими курсъ и выбывшими по собственному желанію оставило институтъ около 150 человѣкъ, на первый же курсъ пріемъ болѣе 80-ти новыхъ оказался невозможнымъ. Результаты переводныхъ и окончательныхъ испытаній, происходившихъ въ 1883 году предъ лѣтнимъ вакаціоннымъ временемъ и послѣ онаго, выражаются слѣдующими данными: осталось къ началу 1882—1883 учебнаго года 166, принято въ теченіе учебнаго года и перешло въ слѣдующія отдѣленія 72, выбыло въ теченіе года по разнымъ причинамъ и перешло изъ одного отдѣленія въ другое 104; выдержали испытанія и удостоились: перевода въ высшій курсъ 43, аттестатовъ 57, не выдержали испытаній и остались на 2-й годъ въ томъ же курсѣ и перешли изъ одного отдѣленія въ другое 34, оставалось къ началу 1883—1884 учебнаго года и перешло изъ одного отдѣленія въ другое 77. Въ теченіе 1883 года производились стипендіи: а) частныхъ лицъ и обществъ, коиими пользовались: въ 1-мъ полугодіи 7 студентовъ, въ 4-мъ—4, въ размѣрѣ отъ 50 до 300 руб. включительно, и б) стипендіи профессорскія, то-есть, изъ взноса преподавателей, которыхъ назначено было: въ 1-мъ полугодіи 3 студен-

тамъ, и во 2-мъ—1-му, въ размѣрѣ отъ 6 до 9 руб. въ мѣсяць. Единновременныя пособія студентамъ оказаны были въ слѣдующемъ видѣ: 16 студентамъ выдано изъ казенныхъ суммъ 515 руб., главнымъ образомъ для облегченія имъ взноса платы за право слушанія лекцій; изъ сбора этой платы выдано: 100 руб.—на пособія крайне-нуждающимся въ матеріальной поддержкѣ, 54 руб.—для уплаты издержекъ по лѣченію въ студенческомъ отдѣленіи мѣстной больницы, 50 руб.—на покупку обѣденныхъ билетовъ въ существовавшей при институтѣ студентской столовой и 150 руб.—на вспомошествованіе и лѣченіе студентовъ; изъ специальныхъ средствъ употреблено 150 р. на вознагражденіе студентовъ за сочиненія и выдавалась плата студентамъ за помощь преподавателямъ при практическихъ занятіяхъ, въ видѣ поощренія къ научнымъ занятіямъ и облегченія содержанія въ институтѣ. Отъ взноса платы за слушаніе лекцій освобождено 10% общаго числа студентовъ, именно: въ 1-мъ полугодіи 10, во 2-мъ—14 человекъ. Сверхъ того, институтскимъ врачомъ даны были на дому совѣты студентамъ въ 212 случаяхъ, а въ 52 случаяхъ институтскій врачъ удостовѣрялъ въ дѣйствительности болѣзней студентовъ, непосѣщавшихъ лекцій. Полный курсъ института окончили 57 студентовъ, въ томъ числѣ 35 по сельско-хозяйственному и 22 по лѣсному отдѣленію; они получили право на званія: первые — агронома, вторые — лѣсничаго, а окончившій въ 1881 году курсъ по лѣсному отдѣленію института Корнацкій, по выдержаніи въ институтскомъ совѣтѣ устнаго и письменнаго испытаній и защищеніи представленнаго имъ разсужденія, удостоенъ званія лѣсничаго.

На заданныя совѣтомъ института для соисканія наградъ медалями темы по сельско-хозяйственнымъ наукамъ, къ началу мая представлены были три сочиненія, но окончательнаго рѣшенія по этимъ сочиненіямъ совѣтъ въ 1883 году не постановилъ. На 1884 годъ темъ съ этою цѣлю не назначено, а на 1885 годъ одобрены слѣдующія темы: а) по растеньеводству—„Фосфорныя удобрения и ихъ значеніе“, б) по лѣсоводству—„О лѣсной подстилкѣ“ и в) по химіи—„Опредѣлить годность для питья воды, доставляемой въ институтъ водопроводомъ“.

Еще въ концѣ 1882 года возникли корпоративныя движенія студентовъ института, которыя въ началѣ 1883 года приняли болѣе серьезный характеръ и окончились, въ мартѣ того года, крупными беспорядками въ институтскомъ зданіи, послѣдствіемъ которыхъ была временная пріостановка учебныхъ занятій. Правленіе института, об-

судить, въ 22 засѣданіяхъ, степень виновности лицъ, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, и отнесся къ нимъ и тѣхъ, которые хотя и не принимали лично участія въ безпорядкахъ, но извѣстны были по своему прежнему поведенію, какъ неблагонадежныя, раздѣлило всѣхъ сихъ лицъ на пять категорій. Первоначально къ 1-й категоріи (безъ права поступленія на всегда въ какое-либо учебное заведеніе) было отнесено 53 человекъ, ко 2-й (безъ права поступленія въ теченіе одного года въ какое-либо учебное заведеніе)—40, къ 3-й (съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія кромѣ Новоалександрійскаго института)—36, къ 4-й (могущихъ, по усмотрѣнію правленія и совѣта, поступить обратно въ институтъ)—14, къ 5-й (признанныхъ вредными для обратнаго приѣма въ институтъ) 22; всего же зачислено въ эти категоріи 165 студентовъ. Но въ виду полнаго и чистосердечнаго раскаянія нѣкоторыхъ изъ провинившихся, а также прежняго ихъ поведенія и другихъ смягчающихъ обстоятельствъ, правленіе нашло возможнымъ 86 обратно принять въ институтъ, а 12 принять обратно только на время окончательныхъ экзаменовъ; за симъ числилось не принятыхъ къ 1-му января 1884 года изъ числа удаленныхъ за безпорядки 67; но изъ нихъ намѣчено принять 6 человекъ, если о томъ будутъ ходатайства. Предъ открытіемъ ученія послѣ происшедшихъ въ институтѣ безпорядковъ, выработаны были правленіемъ новыя правила для студентовъ, въ виду контроля за ихъ поведеніемъ и исправнымъ посѣщеніемъ лекцій, а также и инструкція для инспектора, имѣющаго ближайшій надзоръ за дисциплинарною частью по отношенію къ воспитанникамъ. По утвержденіи начальствомъ Варшавскаго учебнаго года означенныхъ правилъ и инструкцій и по введеніи оныхъ, съ возобновленіемъ занятій въ институтѣ, въ дѣйствіе, а равно при недопущеніи обратно въ институтъ тѣхъ изъ бышихъ воспитанниковъ онаго, которые оказались наиболѣе виновными въ происходившихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ безпорядкахъ, — поведеніе студентовъ института сдѣлалось нормально.

Денежныя средства Ново-Александрійскаго института находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: отъ 1882 года оставалось 4,065 руб. 37 коп., въ теченіе 1883 года ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства 46,790 руб., въ теченіе года израсходовано 46,174 руб. 44 коп., затѣмъ къ 1-му января 1884 года имѣлось на лицо 4,707 руб. 87 коп.; б) сборъ со студентовъ за право слушанія лекцій: къ началу 1883 года имѣлось остатка 2,727 руб. 2 коп., въ 1883 году поступило 8,023 руб. 87 коп., въ расходѣ часть соххху, отд. 4.

было 7,718 руб. 59 коп., къ началу 1884 года оставалось 3,032 руб. 30 коп.; в) общія спеціальныя средства (остатки по имѣнію, опытной фермѣ, садовымъ учрежденіямъ, аренднымъ и другимъ случайнымъ поступленіямъ института): остатка отъ 1882 года имѣлось 7,879 руб. 56 коп., въ теченіе 1883 года поступило 23,578 руб. 89 коп., въ 1883 году израсходовано 28,428 руб. 97 коп., къ 1-му января 1884 года имѣлось въ остаткѣ 3,029 руб. 48 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на учебно-вспомогательныя учрежденія, въ дополненіе къ штатной суммѣ, 1,452 руб. 68 коп., на жалованье двумъ сверхштатнымъ лаборантамъ 762 руб. 50 коп., на жалованье помощнику инспектора 724 руб. 97 коп., на вознагражденіе за чтеніе лекцій по лѣсоводству 533 руб. 34 коп., на добавочное вознагражденіе бібліотекарю 533 руб. 33 коп., на изданіе VI тома Записокъ института и печатаніе правилъ для студентовъ 463 руб. 30 коп., на вознагражденіе за чтеніе лекцій математики 399 руб. 96 коп., на вознагражденіе за чтеніе лекцій по физиологій и анатоміи растений 450 руб., въ пособіе одному изъ служащихъ на лѣченіе 400 руб., на вознагражденіе за чтеніе лекцій строительнаго искусства 300 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились въ довольно-удовлетворительномъ состояніи. Вслѣдствіе уменьшенія въ 1883 году числа учащихся, плата отъ которыхъ поступаетъ на учебныя расходы института, улучшенія должны были ограничиться самыми необходимыми приобрѣтеніями новыхъ предметовъ, и только по тѣмъ учрежденіямъ, которыя въ томъ крайне нуждались, какъ-то по бібліотекѣ—выпиской спеціальныхъ книгъ и журналовъ, по геодезическому кабинету—приобрѣтеніемъ необходимыхъ инструментовъ, и по физическому кабинету—приобрѣтеніемъ выписанныхъ въ 1882 году приборовъ на суммы прежнихъ лѣтъ. Ближайшія свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности отдѣльныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений въ 1883 году таковы: Въ институтской бібліотекѣ съ профессорской читальней къ началу 1884 года числилось 9,009 названій въ 20,104 томахъ, всего, считая съ другими принадлежностями бібліотеки, на сумму 42,130 руб., въ томъ числѣ поступившихъ въ 1883 году 353 названій въ 649 томахъ на 1,305 руб. Существовавшая въ прежніе годы студентская бібліотека съ читальной присоединена къ основной бібліотекѣ, съ закрытіемъ читальни и съ оставленіемъ при основной бібліотекѣ особаго отдѣла книгъ для пользованія студентовъ, при чемъ они могутъ пользоваться вообще книгами институтской бібліо-

теки, на основаніи новыхъ, утвержденныхъ начальствомъ Варшавскаго учебнаго округа въ 1883 году правилъ. Профессорская читальня, составляющая часть институтской бібліотеки, снабжается, на основаніи новыхъ правилъ, исключительно только ежедневными газетами, всѣ же прочія періодическія изданія разсылаются преподавателямъ для пользованія ими на дому. Химическая и земледѣльческая лабораторіи располагали на свои надобности суммою въ 3,915 руб.; на счетъ этой суммы приобрѣтено для химической лабораторіи новыхъ приборовъ и на обѣ лабораторіи разныхъ матеріаловъ и товаровъ и произведено разныхъ расходовъ всего на 2,967 руб., затѣмъ оставалось 947 руб., которые должны быть употреблены на уплату по заказамъ 1883 года. Въ химической лабораторіи, въ 1-мъ полугодіи, занимались, подъ руководствомъ доцента и двухъ лаборантовъ, студенты младшихъ двухъ курсовъ сельско-хозяйственнаго отдѣленія и часть III курса, а во 2-мъ полугодіи, подъ руководствомъ двухъ доцентовъ, студенты II курса обонхъ отдѣленій и часть III курса. Въ земледѣльческой лабораторіи занятія происходили въ 1-мъ полугодіи подъ руководствомъ лаборанта, а подъ руководствомъ профессора—занятія студентовъ II курса по почвовѣдѣнію, студенты же III курса сельско-хозяйственнаго отдѣленія занимались по растениеводству. Въ физическомъ кабинетѣ числилось по долгосрочному инвентарю 370 нумеровъ приборовъ, на сумму 8,299 руб. Въ метеорологической обсерваторіи, на которой съ начала года до септября производились ежедневно правильныя и постоянныя наблюденія, находилась 21 предметъ на 606 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ отдѣломъ для микроскопическихъ изслѣдованій, содержалось къ концу года 1,011 названій 1,460 предметовъ на 2,685 руб. и служилъ для демонстрацій и практическихъ занятій по зоологіи и лѣсной энтомологіи. Въ ботаническомъ кабинетѣ по долгосрочному и краткосрочному инвентарямъ находилось 4,377 предметовъ на 1,646 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ — 11.720 предметовъ на 3,277 руб. Въ механическомъ кабинетѣ — 267 предметовъ на 8,746 руб. Въ геодезическомъ и рисовальномъ кабинетахъ — 112 названій, 507 предметовъ на 3,660 руб. Земледѣльскій кабинетъ содержалъ въ себѣ 1,479 предметовъ на 2,481 руб., но въ немъ недостаеъ еще очень многого для настоящей демонстраціи предмета. Въ зоотехническомъ кабинетѣ находилось 328 названій на 3,179 руб. Въ строительномъ кабинетѣ—100 названій 328 предметовъ на 3,518 руб. Въ ветеринарной клиникѣ и ветеринарномъ кабинетѣ—1,092 пред-

мета на 3,611 руб. Въ лѣсномъ кабинетѣ—1,318 предметовъ на 3,076 руб. Въ пасѣкѣ, шелководнѣ и рыбоводнѣ—185 предметовъ на 510 руб. Пасѣка служила матеріаломъ для демонстрацій студентамъ практической стороны пчеловодства; по шелководству выкармивка червей тутоваго и айлантоваго шелкопрядовъ и всѣ операціи шелководства были демонстрированы студентамъ наглядно во время практическихъ занятій; по рыбоводству—разведеніе рыбъ для демонстративныхъ цѣлей производимо не было за неимѣніемъ соотвѣтственнаго помѣщенія, аппаратовъ и необходимыхъ денежныхъ средствъ. Садовыя заведенія имѣли 25,510 предметовъ на 3,052 руб.; доходъ, вмѣстѣ съ штатной суммой, арендой сада и другими поступлениями простирается до 2,466 руб., отъ продажи овощей, цвѣтовъ, кустарниковъ поступило 622 руб. Въ лѣсномъ питомникѣ всѣ производившіяся работы были строго соединяемы съ практическими занятіями студентовъ, постоянно руководимыхъ личнымъ наблюденіемъ преподавателя. Въ участкѣ на Горной нивѣ отведено было 100 квадратныхъ сажени для полныхъ посадокъ, съ чисто-учебною цѣлью, самими студентами, что и было ими исполнено подъ руководствомъ завѣдующаго участка. На опытной фермѣ находилось мертваго инвентаря 252 названія 490 предметовъ на 2,505 руб.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Октябрь 1884.

Мнѣ часто приходилось сообщать вамъ о нормальной школѣ, имѣющей такое важное значеніе въ нашей учебной организаціи, такъ какъ она даетъ главный контингентъ преподавателей для нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Но я не имѣлъ еще случая посвятить ей спеціальнй очеркъ. Пользуюсь теперь недавно вышедшею въ свѣтъ книгою, изданною самою школою, гдѣ заключается вся ея исторія съ 1810 по 1883 годъ ¹⁾. Книга эта, кромѣ краткой исторіи школы, содержитъ въ себѣ списокъ всѣхъ ея питомцевъ, окончившихъ въ ней курсъ за все время ея существованія, и перечень ихъ трудовъ. Это любопытный документъ для исторіи общественнаго образованія во Франціи XIX вѣка.

Хотя официальное открытіе школы состоялось только въ 1810 году, но происхожденіе ея относится къ концу XVIII вѣка. Послѣ изгнанія иезуитовъ, надо было подумать объ образованіи разсадника свѣтскихъ учителей. Нѣсколько стипендіатовъ, собранныхъ въ коллегіи Людовика Великаго, готовилось для полученія званія учителя грамматики, риторики и философіи. Подъ этимъ послѣднимъ словомъ разумѣлась тогда, какъ собственно философія, такъ и естественныя и математическія науки. Въ 1808 году Наполеонъ, создавъ „французскій университетъ“, положилъ основаніе нормальному закрытому заведенію на 300 юношей для образованія изъ нихъ преподавателей гуманитарныхъ и точныхъ наукъ. Подъ руководствомъ репетиторовъ они должны были

¹⁾ L'école Normale 1810—1883. Одинъ томъ въ 8-ку, въ 415 стр. (librairie Cerf).

слушать лекціи во Французской коллегіи, въ политехнической школѣ и въ музеѣ естественныхъ наукъ; курсъ былъ двухгодичный; по истеченіи перваго учебнаго года, воспитанники школы получали званіе бакалавра (требуемое теперь при поступленіи въ школу), а по истеченіи втораго года—званіе магистра. Ученики пользовались въ ту воинственную эпоху рѣдкою и завидною привилегіей: они увольнялись отъ военной службы. Образъ жизни ихъ былъ почти монашескій. Въ школѣ не было своихъ лекцій, ученики слушали ихъ въ школѣ, а затѣмъ обсуждали эти лекціи у себя на конференціяхъ. Во время реставраціи учебный курсъ школы увеличенъ былъ еще на годъ, и назначены были преподаватели-руководители. Такимъ образомъ школа перестала быть какимъ-то придаткомъ къ факультетамъ: ей дана была самостоятельная жизнь. Но вскорѣ духовенство стало недовѣрчиво относиться къ успѣху школы, и правительство Людовика XVIII, желая ослабить ея значеніе, создало ей конкуренцію въ провинціи. Затѣмъ въ 1822 году школа была закрыта, но четыре года спустя вновь открыта въ министерство умнаго и просвѣщеннаго епископа Фрейссипуса, опять сократившаго учебный курсъ на годъ; тогда школа приняла и сохранила до революціи 1830 года названіе приготовительной. Затѣмъ она снова получила названіе нормальной и трехгодичный учебный курсъ. Ученики ея, получавшіе въ концѣ третьяго года занятій званіе адъюнкта, могли оставаться въ ней еще на годъ въ званіи репетитора. До 1834 года составъ учениковъ школы опредѣлялся по выбору учебной администраціи: для поступления туда попечители учебныхъ округовъ избирали изъ лицеевъ и коллегій молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ по ихъ мнѣнію къ преподаванію. Съ 1834 года въ школу стали поступать воспитанники по конкурсу, открытому между учениками всѣхъ учебныхъ округовъ по выдержаніи экзамена письменнаго и устнаго. Съ 1837 года стали требовать отъ всѣхъ желавшихъ поступить въ школу дипломъ на бакалавра. Въ 1838 году рѣшено было послать воспитанниковъ 3-го курса на шесть недѣль въ лицей и коллегіи для упражненія въ преподаваніи. Этотъ обычай сохранился и теперь, но сокращенъ до двухнедѣльнаго срока. Только въ 1839 году назначенъ въ нормальную школу особый преподаватель французскаго языка, а до тѣхъ поръ этотъ предметъ считался добавочнымъ къ греческому и латинскому языкамъ. Преподаваніе живыхъ языковъ установлено было еще позже: въ 1841—нѣмецкаго и въ 1848—англійскаго. Въ 1845 году школа окончательно приняла названіе высшей нормальной школы въ отличіе

отъ второстепенныхъ, предназначенныхъ для приготовленія учителей элементарнаго преподаванія. Во время имперіи школа начала приходить въ упадокъ, и программа ея сократилась при реакціонномъ министерствѣ Фортуля. Въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ въ ней значительно увеличилось количество профессоровъ. Во главѣ ея управленія стояли за послѣднее время выдающіеся люди: философъ Берсо и знаменитый историкъ Фюстель де-Куланжъ; теперь ея управляетъ отличный эллинистъ и археологъ Перро. Приложенные къ исторіи нормальной школы списокъ фамилій всѣхъ ея питомцевъ съ 1810 по 1882 годъ и перечень всѣхъ трудовъ, изданныхъ бывшими ея воспитанниками за этотъ періодъ времени, занимаютъ около 300 страницъ и даютъ высокое понятіе о научномъ и литературномъ образованіи питомцевъ школы, которые почти всѣ стали отличными преподавателями. Съ 1810 года школа дала 10 членовъ французской академіи (въ томъ числѣ Кузенъ, Патенъ, Каро, Тэнъ, Пастеръ), 19 членовъ академіи наукъ, 1 члена академіи художествъ и 21 члена академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Представителями философіи изъ ея питомцевъ были: Кузенъ, Жюффруа, Дамиронъ, Курпо, Вашро, Томасть-Аври Мартенъ, Жюль Симонъ, Булье, Берсо, Барни, Левекъ, Ваддингтонъ, Жане, Боссиръ, Каро, Тэнъ, Жоли, Рибо, Маріонъ, всѣ лучшія силы нашей новой философіи. Изъ числа историковъ и археологовъ изъ нея вышли: Гиньо, Огюстенъ Тьерри, Шерюэль, Дюрюи, Валлонъ, Александръ Бертранъ, Жеффруа, Буассье, Перрансъ, Бёле, Левассеръ, Фюстель де-Куланжъ, Жоржъ Перро, Фукаръ, Альбертъ Дюмонъ, Рамбо, Лависсъ, Моно, Масперо; по литературѣ—Жерюае, Денуа, Дешанель, Марта, Эдмонъ Абу, Поль Альберъ, Францискъ Сарсе, Прево-Парадолъ; по филологіи—Дегекъ, Венсанъ, Луи Кишра, Эмиль, Вюрнуфъ, Туро, Фурнье, Бенуа, Бреаль, Риманиъ и пр. За то изъ бывшихъ учениковъ школы вышло только два извѣстныхъ поэта—Эженъ Манюэль и Жанъ Ришпенъ, пользующійся у насъ теперь нѣкоторою популярностью; но онъ оставилъ школу до окончанія курса.

Конечно, всѣ названные мною талантливые люди заявили бы себя и безъ существованія школы, но все же она имѣла благотворное вліяніе на ихъ карьеру и упрочила за ними съ юныхъ лѣтъ *otium cum dignitate*, необходимыя для созданія крупныхъ произведеній ума; она научила ихъ философскому методу, вкусу и особенно весьма чтимой у насъ способности писать хорошимъ слогомъ. Я упомянулъ только наиболѣе выдающіяся имена, но есть еще много другихъ; изъ дѣль-

ныхъ журналовъ нѣтъ у насъ ни одного, въ числѣ сотрудниковъ котораго не находилось бы бывшихъ питомцевъ нормальной школы.

Revue de l'enseignement напечаталъ въ своей сентябрьской книжкѣ статью о высшемъ преподаваніи во Франціи, составленную Альбертомъ Дюмономъ, смерть котораго оплакиваетъ наше учебное вѣдомство. Дюмонъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывалъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія отдѣломъ высшаго образованія, лучше всѣхъ могъ знать чтò сдѣлано и чтò остается сдѣлать по этой части. Статья эта даетъ краткую статистику нашего высшаго преподаванія, общіе выводы которой заслуживаютъ вниманія. Вотъ наши теперешнія высшія образовательныя учрежденія и число ихъ слушателей. Мы имѣемъ 5 факультетовъ католическаго богословія. Въ Германіи ихъ существуетъ семь на 16 милліоновъ католиковъ. Но у насъ эти факультеты не имѣютъ слушателей, и ихъ питомцы не входятъ въ составъ нашего духовенства. У насъ 2 факультета по протестантскому богословію, имѣющихъ 85 слушателей, изъ числа которыхъ избираются пасторы. Юридическихъ факультетовъ 13, съ 5,849 слушателями; изъ нихъ болѣе половины приходится на Парижъ (2,549), по 15 студентовъ на 100,000 жителей. Эти юридическіе факультеты обходятся правительству въ 1.700,000 франковъ, но плата за экзаменъ даетъ дохода 1.300,000 франковъ, такъ что правительство расходуетъ на нихъ только 400,000 франковъ. Число студентовъ медицинскихъ факультетовъ 5,386, въ томъ числѣ въ Парижѣ 4,544 (не считая второстепенныхъ медицинскихъ и фармацевтическихъ учреждений): Дюмонъ сѣтуетъ о чрезмѣрномъ сосредоточіи медицины въ Парижѣ, но не указываетъ никакого способа измѣнить этотъ порядокъ. Статистика даетъ намъ только число настоящихъ студентовъ 15 словесныхъ и физико-математическихъ факультетовъ, оставляя въ сторонѣ вольнослушающихъ, которые однако составляютъ по большей части главную численность аудиторій. Общее число студентовъ естественниковъ и математиковъ 1090 (изъ нихъ на Парижъ приходится 431), а словесниковъ 1,584 (780 на Парижъ). Профессоровъ всѣхъ факультетовъ 1,540. Дюмонъ замѣчаетъ, что въ Германіи ихъ 2,111, но онъ не причисляетъ къ факультетамъ спеціальныя школы, существующія въ Парижѣ (école des chartes, школу восточныхъ языковъ, нормальную и т. д.), которыхъ Германія не имѣетъ. Вторая часть его статьи посвящена спеціальнымъ парижскимъ учрежденіямъ: 1) естественно-историческому музею (14 кафедръ), 2) Французской коллегіи (40 кафедръ), 3) школѣ высшихъ знаній (30 кафедръ), 4) высшей

нормальной школѣ, 5) школѣ живыхъ восточныхъ языковъ (17 кафедръ и около 80 студентовъ), 6) école des chartes, гдѣ 8 кафедръ, но число студентовъ не указано. Къ этимъ специальнымъ учрежденіямъ надо еще присоединить наши заграничныя школы—Афинскую, Римскую и Каирскую, гдѣ число слушателей не значительно, но наукъ онѣ приносятъ огромную пользу. Въ концѣ своей статьи Дюмонъ касается важнаго вопроса—объ университетахъ; въ 1789 году мы имѣли 22 университета, которые — надо сознаться — не процвѣтали. Они пали вмѣстѣ со старымъ порядкомъ, и Дюмонъ одобряетъ то, что ихъ не возобновляли. Съ XVI вѣка духъ истиннаго научнаго прогресса держался въ специальныхъ учрежденіяхъ—во Французской коллегіи, музеѣ, обсерваторіяхъ. Революція и не подумала о возстановленіи университетовъ; она затѣвала завести большія специальныя учреждения, посвященныя отдѣльнымъ отраслямъ наукъ. Этотъ-то принципъ и далъ начало школамъ политехнической, нормальной, восточныхъ языковъ и т. п. Единство знаній выражалось 5 классами института, высшимъ изъ нашихъ ученыхъ учреждений. Тѣ же принципы господствуютъ у насъ еще и теперь; Дюмонъ не находитъ умѣстнымъ возставать противъ нихъ; кажется, онъ склоненъ болѣе улучшать существующее, чѣмъ рисковать неизвѣстнымъ, вводя преобразованія. Улучшенія же вводились непрерывно въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Въ Парижѣ осталось сдѣлать уже не многое; но въ провинціи еще предстоитъ большая работа. Такъ напримѣръ, кафедры по восточной филологіи существуютъ только въ двухъ провинціальныхъ факультетахъ—въ Ліонѣ и Монпелье; ей необходимо открытъ болѣе широкій путь. Положимъ, что извѣстный ученый сначала имѣлъ бы лишь одного или двухъ слушателей, за то онъ могъ бы предаться трудамъ, двигающимъ науку впередъ. Къ сожалѣнію, все это требуетъ большихъ средствъ, а положеніе нашего бюджета теперь уже не то, что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, собиравшійся въ іюлѣ, много занимался обсужденіемъ вопросовъ по среднему образованію. Я уже сообщалъ вамъ программу 1880 года, пытавшуюся сократить занятія классическими языками для того, чтобы усилить занятія болѣе практическими, болѣе реальными, какъ говорятъ въ Германіи, предметами. Вотъ уже три года, какъ примѣнена эта программа въ лицейяхъ; ее находятъ слишкомъ сложною, требующею слишкомъ усиленной работы отъ учениковъ и потому

часть сссхху, отд. 4.

слишкомъ утомительною. Совѣтъ отложилъ до будущаго декабря болѣе подробное разсмотрѣніе программы, а пока рѣшили сократить занятія учениковъ: число уроковъ не должно превышать 20 часовъ въ недѣлю; изученіе греческаго языка отодвинуто на годъ, но вообще классическіе предметы снова берутъ верхъ надъ реальными. Декабрьскія засѣданія, на которыхъ предстоитъ всестороннее обсужденіе программъ, будутъ, вѣроятно, весьма оживленныя.

Министръ народнаго просвѣщенія только что издалъ въ свѣтъ статистическія данныя о начальномъ обученіи за 5-лѣтній періодъ съ 1876 по 1881 годъ. Этотъ отчетъ представляетъ особый интересъ по совпаденію своему съ обсужденіемъ вопроса о начальномъ обученіи даровомъ и обязательномъ въ палатахъ. Судя по цифрамъ, оказывается успѣхъ такого рода: въ 1877 году во Франціи было 71,547 начальныхъ училищъ, съ 4.716,935 учащимися; въ 1882 году оказалось уже 75,635 училищъ, съ 5.341,211 учащимися. Изъ 4,000 вновь открытыхъ школъ болѣе половины женскихъ; для женскаго образованія и слѣдовало сдѣлать болѣе. Въ послѣдніе годы было основано 570 высшихъ начальныхъ училищъ, и число учащихся въ нихъ доходитъ почти до 30,000. Нельзя, конечно, сдѣлать всего въ два или три года. У насъ въ арміи приходится еще на сто человекъ 13 рекрутовъ, не знающихъ ни читать, ни писать; напротивъ того, число неграмотныхъ женщинъ уменьшилось съ 30 до 15%. Въ 5 лѣтъ основано 4 мужскихъ учительскихъ и 23 женскихъ семинарій, не считая двухъ высшихъ педагогическихъ институтовъ — женскаго въ Fontenay-aux-Roses и мужскаго въ Saint-Cloud. Введеніемъ бесплатнаго обученія государственный бюджетъ или бюджетъ департаментовъ по народному образованію увеличился до 40 милліоновъ. Многія школы устроены очень роскошно.

Университетъ и наука понесли большую утрату въ лицѣ Альбера Дюмона, члена института, стоявшаго во главѣ высшаго образованія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Ему было только 43 года, и его карьера была замѣчательно блестяща. Бывшій ученикъ нормальной школы и Аеннской, онъ рано обратилъ на себя вниманіе своими превосходными трудами по археологіи. Лѣтъ десять тому назадъ, на него возложено было устройство археологической школы въ Римѣ; затѣмъ онъ управлялъ Аеннскою школою; наконецъ, Жюль Ферри вызвалъ его въ Парижъ для завѣдыванія высшимъ образованіемъ, и на этомъ поприщѣ Дюмонъ и выказалъ себя отличнымъ администраторомъ. Я уже не разъ говорилъ вамъ о его сочиненіяхъ; главныя изъ

нихъ слѣдующія: опытъ о хронологіи аѳинскихъ архонтовъ, опытъ объ аттической ефебіи, „Балканы и Адриатика“, множество статей въ *Révue archéologique* и *Bulletin de correspondance hellénique*. Внезапная кончина постигла его за огромнымъ сочиненіемъ о греческой керамикѣ.

Не менѣе сожалѣній вызвала смерть Станислава Гюара, только что назначеннаго на катедру арабскаго языка во Французской коллегіи. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ ориенталистовъ. Гюаръ умеръ 38 лѣтъ; кромѣ Французской коллегіи, онъ преподавалъ въ школахъ высшихъ знаній и принималъ участіе въ восточной комиссіи, учрежденной при національной типографіи. Онъ напечаталъ въ *Азіатскомъ журналѣ* замѣчательныя статьи по исторіи Ассасуновъ, объ арабской метрикѣ и др., сотрудничалъ въ большомъ изданіи лѣтописи Табары и окончилъ переводъ Абуль-феды, начатый Рено. Воспитанный отчасти въ Россіи, Гюаръ зналъ прекрасно русскій языкъ и перевелъ на французскій языкъ палійскую грамматику профессора Минаева. Послѣдніе годы онъ много занимался ассириологіей, и конечно, смерть помѣшала ему сдѣлать многое по этой наукѣ. Усиленные труды сломили его; болѣзнь мозга привела его къ самоубійству: онъ застрѣлился.

Л. Л—ръ.

ЭПИДИКЪ.

Комедія Марка Акція Плавта.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Теренцій, выступившій на литературное поприще черезъ двадцать-восемь лѣтъ послѣ смерти Плавта и наслѣдовавшій публику, воспитанную на комедіяхъ своего предшественника, неоднократно въ прологахъ къ своимъ піесамъ излагаетъ отвѣты на возраженія своихъ литературныхъ „недоброжелателей“ и на недовольство публики, чѣмъ обнаруживаетъ отчасти современный ему взглядъ на искусство. Плавтъ, любимецъ публики, не прибѣгалъ къ оправданіямъ; стало быть, его не обвиняли, хотя и его произведенія, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, страдали однимъ общимъ недостаткомъ, а именно нѣсколькими заимствованными, типами и драматическими пружинами, избитыми въ римскомъ репертуарѣ.

Въ прологѣ къ „Евнуху“ Теренція, поставленному на сцену за 160 лѣтъ до Р. X., опровергаются улики, вѣроятно, Люція Ланувія въ томъ, что новая комедія Теренція „Eunuchus“ есть произведение не поэта, а вора ¹⁾, что личности паразита и вонна заимствованы изъ піесъ Невія и Плавта. Теренцій говоритъ, что онъ дѣйствительно знаетъ піесу Менаандра „Colax“, гдѣ выведены эти два лица, но что ему не извѣстно существованіе латинскихъ передѣлокъ Менаандра „Льстеца“ (Colax). „Если“, говоритъ Теренцій, — „одни и тѣ же характеры не могутъ выводиться на сцену разными писателями, то какимъ же образомъ можно представлять проворныхъ рабовъ, честныхъ

¹⁾ Тер. Еун. в. 23—24.

женщинъ, безчестныхъ прелестницъ, прожорливаго паразита, хвастливаго война, подкинутое дитя, старика, обманываемаго рабомъ, любовь, ненависть, подозрѣнiе? Наконецъ, не можетъ быть ничего сказаннаго, что не было сказано прежде. Итакъ, нужно сознавать и снисходить къ тому, что дѣлать новые комикъ, если позволялось то же дѣлать прежнимъ¹⁾.

Однѣ изъ этихъ прежнихъ драматурговъ, именно Плавтъ, тоже много заимствовавшій изъ греческаго репертуара, встрѣтилъ—что и естественно—публику, еще менѣе подготовленную къ уразумѣнiю сценическихъ представленiй, и въ прологахъ къ своимъ комедiямъ еще долженъ былъ разказывать содержанiе ихъ и объяснять самую постановку пiесы, а иногда и самый смыслъ драматическаго произведенiя, независимо отъ содержанiя. Такъ, въ прологѣ къ пiесѣ „Плѣнники“ онъ говоритъ, что „въ ней не встрѣчается непристойныхъ стиховъ, достойныхъ забвенiя, нѣтъ ни вѣроломнаго сводника, ни дурной прелестницы, ни хвастливаго война“²⁾; а въ окончательныхъ словахъ труппы (grex), послѣ той же самой пiесы, мы читаемъ еще слѣдующее: „Зрители! Въ этой комедiи взяты для образца только нравственные характеры. Нѣтъ въ ней никакой поворной любви, ни подкинутаго дитяти, ни обманомъ выманенныхъ денегъ, ни юноши, тихонько отъ отца доставляющаго свободу прелестницѣ: повты рѣдко пишутъ такiя комедiи, отъ которыхъ хорошия люди дѣлаются еще лучшими“³⁾.

Признавая многозначительность всѣхъ прологовъ у римскихъ комиковъ для исторiи литературы и гражданственности классической древности, мы думаемъ, что отрывки изъ нихъ, приведенные сейчасъ въ переводѣ, по преимуществу соотвѣтствуютъ нашей цѣли—указать на постоянное присутствiе въ древнихъ комедiяхъ тѣхъ или другихъ характеровъ, изображенiе которыхъ какъ будто надоѣдало самимъ изобразителямъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что эти постоянные типы весьма удавались комикамъ. Дѣйствительно, въ латинскихъ комедiяхъ, дошедшихъ до насъ, за небольшими исключенiями, читателя поражаетъ какъ бы необходимое присутствiе въ нихъ проворнаго, ловкаго на всѣ руки раба, старика, обманываемаго юношей-сыномъ, прелестницы, сводника и паразита. Особенно рабы, унижен-

¹⁾ Ter. Eun. v. 33—43.

²⁾ Plant. Capt. v. 56—58.

³⁾ Ibid., v. 1022—1028.

ные въ Греціи и Римѣ до состоянія „бичуемой статуи“ (*statua verberata*), по словамъ Плавта, въ классическихъ комедіяхъ играютъ самыя важныя роли. Двѣ комедіи Плавта—*Pseudolus* (обманщикъ) и *Epidicus* (интриганъ) получили свои названія по именамъ ихъ героевъ—рабовъ, напоминающихъ русскую поговорку „по шерсти и ключа“.

„Рабъ, привязанный къ дому, часто къ интересамъ господина, — самая дѣятельная, самая необходимая, самая коварная личность въ римскомъ обществѣ“, говоритъ М. Мейеръ, прослѣдившій типъ раба по латинскимъ комедіямъ; — „это типъ, объясняющій намъ пороки римскаго юношества, потому что онъ поддерживаетъ ихъ и самъ живетъ ими. Онъ является какою-то необходимостью, поставленный между брезгливыми отцами и мотоватыми сынками; онъ бросаетъ яркій свѣтъ на самыя интимныя семейныя отношенія свободнаго Римлянина“¹⁾.

Вотъ почему типъ раба почти вросъ въ латинскую комедію, съ одной стороны, а съ другой—пристрастіе къ этому типу въ Плавтѣ нѣкоторые объясняютъ его близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ раба: думаютъ, что въ различныхъ отбѣнкахъ этого типа Плавтъ обрисовалъ разныя стороны собственнаго характера; думаютъ даже, что въ словахъ Гарпакса, въ комедіи *Pseudolus*, вѣроятно, можно видѣть портретъ самого Плавта. Вотъ они:

Rufus quidam, ventriosus, crassis suris, subniger,
Magno capite, acutis oculis, ore rubicundo, admodum
Magnis pedibus²⁾.

То-есть: Рыжій, пузатый, съ жирными краями, смуглый, съ большою головою, съ быстрымъ взоромъ, краснорожій и съ большими ногами.

Какъ бы то ни было, мы знаемъ, что Плавтъ, уроженецъ умбрійскаго городка Сарвини³⁾, былъ низкаго происхожденія. Вѣроятно, желаніе составить себѣ какую-нибудь карьеру привело его въ Римъ, гдѣ онъ сдѣлался работникомъ въ труппѣ актеровъ. Нажитый здѣсь небольшой капиталъ онъ пустилъ въ торговые обороты и предпринялъ путешествія, но скоро потерпѣлъ неудачи и принужденъ былъ наняться къ хлѣбнику вертѣть ручной мельничный жерновъ. Въ этомъ состояніи Плавтъ принялся за драматургію: онъ написалъ три, не дошедшія до насъ комедіи⁴⁾. Эти преданія по крайней мѣрѣ от-

¹⁾ М. Meyer, *Etudes sur le théâtre latin*, p. 198.

²⁾ *Plaut. Pseud.*, v. 1220—1222.

³⁾ Плавтъ родился около 500 года и умеръ въ 570 л. отъ П. Р.

⁴⁾ *Saturnio* и *Addictus*; названіе третьей не известно.

части объясняют намъ то обстоятельство, почему Плавтъ лучше всего изображаетъ въ своихъ пьесахъ положеніе невольника и его изворотливость, изощренную суровую необходимостью ¹⁾. По словамъ преданія, талантъ Плавта вторично вывелъ его въ люди изъ рабскаго униженія: онъ выступилъ на римскую сцену съ рядомъ пьесъ. Изъ 130 комедій, приписываемыхъ Плавту, по словамъ Варрона, только 21 дѣйствительно принадлежали ему. Можно съ вѣроятіемъ предполагать, что имененъ Плавта, любимаго народа, прикрывались другіе, мало извѣстные писатели, что было весьма удобно при списываніи рукописей. Между прочимъ Плавта, по словамъ Варрона, смѣшивали съ комикомъ Плавціемъ. Впрочемъ, возможно допустить и то, что не всѣ пьесы Плавта, названныя подложными, достойны этого названія. При очевидной неутомимости и талантѣ, при обиліи греческихъ образцовъ, Плавту не трудно было перевести и передѣлать болѣе 21 комедіи. У него могли быть подъ руками творенія Эпихарма, Сузаріона Мегарійскаго, Братина, Эвполиса, Теофила, Мещандра, Филемона, Дифила, Посидиппа, Демофила и Антифана. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаются въ прологахъ къ его комедіямъ. Нѣкоторые изъ этихъ комиковъ служили образцами и для предшественниковъ и преемниковъ Плавта, а именно — для Ливія Андроника, Гн. Невія, Эвнція, Пакувія и Л. Аттія. Конечно, эта подражательная и переводная дѣятельность мало привлекательная для ученаго, знакомаго съ аттическими оригиналами, и заставила Квинтиліана сказать, что „Римляне весьма хромають въ комедіи“ ²⁾. Но мы позволяемъ себѣ не вполне согла-

¹⁾ Впрочемъ, не одна дурная сторона раба рисуетъ Плавтъ въ своихъ комедіяхъ: честность и преданность своему господину, находятъ въ нихъ своихъ представителей въ Стазимѣ (Trinummus) и Мессеніонѣ (Menaechmi).

²⁾ Вотъ отзывъ Квинтиліана: «Въ комедіи мы очень слабы, хотя и свидѣтельствуемъ Варронъ, что, по мнѣнію Элія Столона, сами музы не иначе бы говорить стали, какъ нарѣчіемъ Плавта, если бы только захотѣли употребить латинскій языкъ,—хотя древніе и превозносятъ Целія похвалами, хотя изъ уваженія къ комедіямъ Теренція и приписывали ихъ даже Сципіюву Африканскому. Писатели сіи безспорно въ родѣ своемъ превосходны, но были бы еще лучше, еслибъ ограничили только шестистопными стихами.» При всемъ томъ мы едва нѣдемъ тѣмъ греческой комедіи; да мнѣ кажется, и съ свойствомъ латинскаго языка не совмѣстимъ тѣ аттическія врасеты, до которыхъ не достигаютъ и самые Греки, коль скоро стануть говорить другимъ нарѣчіемъ. Аэраній отличался римскими, часто на отечественный вкусъ писанными комедіями: желательное только, чтобъ онъ содержанія ихъ не осквернилъ чертами тусклой любви, которыя подаютъ худое свидѣтельство о его нравахъ» (кн. X, гл. I, переводъ Ни-

ситься съ его словами, отзывающимися одностороннею стилистикой: вѣдь и вся римская литература—сколокъ съ греческой, да и могло ли быть иначе, когда

Graecis capta ferum victorem cepit et artes
Intulit agrasti Latio?

когда одинъ изъ даровитѣйшихъ поэтовъ этого Лациума говорилъ своимъ согражданамъ:

Vos exemplaria graeca
Nocturna versate manu, versate diurna!

Латинскіе комикки, судя по дошедшимъ до насъ остаткамъ ихъ произведеній, не только не менѣе другихъ имѣютъ права на вниманіе, но едва ли не болѣе другихъ, слывущихъ великими, представителей римской литературы. „Чтобы хорошо узнать народъ римскій“, говорить одинъ ученый, — „нужно дать себѣ отчетъ не только въ дѣяніяхъ, но и въ нравахъ; нужно столь же часто бывать въ театрѣ, какъ и въ сенатѣ, также изучить его комиковъ, какъ и историковъ“. Ораторы, поэты эпическіе и отчасти лирическіе даютъ намъ чаще всего образъ Римлянина-героя въ его торжественной, болѣе или менѣе не естественной позѣ: только Плавтъ рисуется предъ нами обыденную жизнь Римлянина *en négligé*, предъ его домашнимъ очагомъ, на форумѣ, съ прелестницей..

Намъ скажутъ, что въ нашихъ словахъ есть противорѣчіе, что ранѣе мы уже назвали греческій театръ моделью для римскаго; но кто читалъ даже тѣ произведенія Плавта, въ которыхъ онъ прямо указываетъ на свой греческій образчикъ, и тотъ согласится, что много національныхъ чертъ проведено поэтомъ, что много мелочныхъ римскихъ атрибутовъ разбросано всюду по греческой канвѣ произведенія. Да кромѣ того, если во времена Плавта римскіе нравы не совпадали съ греческими, то вскорѣ затѣмъ славіе принимало все большіе и большіе размѣры. И если комедіи Менандра и Дифила были вѣрнымъ отраженіемъ современной поэтамъ дѣйствительности—какъ утверждали древніе,—то для насъ вопросъ о главномъ, о сущности, объ интригѣ, о характерахъ въ латинскихъ комедіяхъ, передѣланныхъ съ греческаго, становится разрѣшеннымъ: не сомнѣваясь,

когда). Эта похвала Аэрацію даетъ замѣтить, что Квинтиліанъ, при всемъ уваженіи къ греческимъ комикамъ, умѣлъ оцѣнить и національность комедій римскаго драматурга.

подъ многими изъ нихъ можно прочесть вмѣсто: *res agitur Athenis—scena est Romae...*

Живой латинскій языкъ Плавта, обиліемъ архаизмовъ поражающій читателя, воспитаннаго на извѣстномъ, какъ говорятъ, стилѣ поэтовъ золотого вѣка, пересыпанный множествомъ каламбуровъ и пословидцъ, по достоинству оцѣненъ древними. Чтобы показать значеніе Плавта въ ряду другихъ комиковъ, бывшихъ прежде и послѣ него въ Римѣ, по понятіямъ древнихъ, мы приводимъ мнѣнія Варрона и Вулкація Седигита. Первый такъ передаетъ мнѣніе Элія Столона о нашемъ писателѣ: „Цецилій имѣетъ пальму первенства за выборъ сюжетовъ и завязку въ комедіяхъ, Теренцій—за нравственность ихъ, Плавтъ—за языкъ: если бы сами музы захотѣли говорить по латини, то выбрали бы для этого рѣчь Плавта“. Вулкацій Седигитъ даетъ Плавту второе мѣсто въ ряду римскихъ комиковъ послѣ Цецилія. Цицеронъ шутовскость и веселость Плавтовыхъ пьесъ сравниваетъ съ аттическими.

Вотъ эпитафія Плавту, написанная въ древности:

*Postquam est mortem aptus Plautus, Comoedia luget,
scena est deserta ac Dein Risus, Ludus, Iocusque
et numeri Innumeri simul omnes collacrimarunt.*

Обратимся теперь къ „Эпидику“.

Комедія отличается отъ большей части другихъ отсутствіемъ пролога: мы не знаемъ, откуда заимствована эта пьеса, и на сколько она оригинальна; но кажется, она нравилась римской публикѣ и самому поэту: иначе онъ не вложилъ бы въ уста Хризала, одного изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи „*Vaschides*“, слѣдующаго отъыва: на вопросъ Пистоклера, другаго дѣйствующаго лица, почему Хризаль такъ не охотно слушаетъ разказъ о подвигахъ своего господина, Хризаль отвѣчаетъ: „Не господинъ, а актеръ (играющій его роль) задѣваетъ меня за живое: вѣдь и Эпидика я люблю какъ самого себя, а не могу смотрѣть безъ принужденія, если эту роль играетъ Полліонъ“¹⁾. Эпидикъ былъ отчасти моделью для Мольера въ его „*Les fourberies de Scapin*“; да и многія комедіи Плавта нашли себѣ гениальнаго толкователя въ Мольерѣ. Вполнѣ признавая значеніе великаго француз-

¹⁾ *Vasch.* v. 215.

скаго комика, не можемъ не замѣтить, что не все то, что дѣлалось въ Аѳинахъ и было возможно въ Римѣ, было умѣстно и въ Парижѣ. Если „подкинутое дитя“ и „проворный рабъ“ такъ часто играли важныя роли въ классическихъ странахъ и твореніяхъ Менандра и Дифила, Плавта и Теренція, то во Франціи, въ произведеніяхъ Мольера, конечно, поражаетъ грубымъ диссонансомъ пронзительный скрипъ такихъ ржавыхъ пружинъ и обнаруживаетъ порою нехитрую (или скорѣе—очень хитрую) механику иного скопированнаго произведенія Мольера. Если бы всѣ поклонники Мольера короче были знакомы съ образцами нѣкоторыхъ его комедій, то разумнѣе цѣнили бы и талантъ замѣчательнѣйшаго изъ французскихъ комиковъ, и заслуги его учителей въ драматургіи. *Suum cuique...*

ЭПИДИЕЪ ¹⁾.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эпидиѣъ	}	рабы, слуги Стратиппокла.
Теспріонъ		
Стратиппоклъ	}	молодые люди.
Херибулъ		
Перифанъ, отецъ Стратиппокла	}	старикъ.
Апедидъ		
Воннъ.		
Филиппа.		
Телестина, дочь ея.		
Цитаристъ.		
Ростовщикъ.		

Дѣйствіе происходитъ въ Афинахъ.

Большинство издателей относятъ сцены I—III къ 1-му акту; IV—VI къ II-му; VII—X къ III-му; XI—XII къ IV-му и XIII—XIV—къ V-му.

I.

ЭПИДИЕЪ И ТЕСПРИОНЪ.

ЭПИДИЕЪ.

Эй, малый!...

ТЕСПРИОНЪ.

Тутъ торонишься, а кто-то
За палліумъ хватаетъ... ²⁾

¹⁾ Переводчикъ держался изданія *Гейперта*: M. A. Plauti Epidicus. Cum variis lectionibus codicis Ambrosiani, Paganorum et codicis Parisini in usum lectio- num edidit C. E. Geppert. Berolini. A. MDCCCLXV.

²⁾ Pallium—верхняя одежда Римлянъ, въ родъ плаща; у Грековъ оная назы- вался гиматіонъ (ἱμάτιον). Переводчикъ удерживаетъ названіе, вѣсто неточнаго «плащъ» и турецкаго «сманча».

Эпидикъ.

63

Эпидикъ.

Твой пріятель...

Теспріонъ.

И видно это: такъ фамиліарно
Обходишься, несносный!

Эпидикъ.

Теспріонъ!

Да обернись же!

Теспріонъ.

Кажется, Эпидикъ?

Эпидикъ.

Глаза твои тебя не обманули.

Теспріонъ.

Такъ здравствуй же!

Эпидикъ.

И да исполнять боги
Твое желаніе! Я радъ, что самъ ты
И здоровъ и невредимъ...

Теспріонъ.

И только?

Эпидикъ.

Нѣтъ!

Тебѣ готовится, конечно, ужинъ ¹⁾.

Теспріонъ.

Дамъ обѣтъ....

¹⁾ Coena tibi dabitur. . v. 7. Римское обмѣнованіе угощать прибывшихъ.
Стаяхъ, въ комедіи Плавта Stichus, говоритъ Эпиганому: «Ты ужинаешь у меня
по поводу своего благополучнаго прибытія» (v. 462).

ЭПИДИКЪ.

ЭПИДИКЪ.

Какой обѣтъ?

ТЕСПРИОНЪ.

Что я
Приму предложенный тобой ужинь.

ЭПИДИКЪ.

А какъ идутъ твои дѣлшки? Ладно?
И это ясно видно! Молодецъ!
Ты смотришь корпулентнѣе, плотнѣе...

ТЕСПРИОНЪ (указывая на лѣвую руку).

По милости ея ¹⁾.

ЭПИДИКЪ.

Давно пора бы
Отсѣчь ее.

ТЕСПРИОНЪ.

Ужь я вѣдь не ворую,
Какъ прежде.

ЭПИДИКЪ.

Почему же?

ТЕСПРИОНЪ.

Да публично
Таскаю я.

¹⁾ *Нис gratia*. v. 10. Лѣвая рука считалась синонимомъ воровства. Въ комедіи Плавта *Perca* (v. 224) Соеклидида говоритъ Пегниону, держащему письмо въ лѣвой рукѣ подъ паллиумомъ: «А гдѣ же твоя другая вороватая лѣвая рука?». Кутулль называетъ Сократіона и Порція двумя лѣвыми руками Пивона (*Caerm.* XLVII); агентовъ честнаго проконсула онъ называетъ правыми руками (*Caerm.* XII); лѣвая рука у Римлянъ уже потому была въ подозрѣніи, что держалась постоянно подъ одеждой.

Эпидикъ.

65

Эпидикъ.

Чтобы тебѣ!... Какіе
Ты дѣлаешь огромные шаги!
Когда тебя у пристани я встрѣтилъ,
Вѣгомъ пустился тотчасъ за тобой,
Чтобы догнать тебя, во что ни станеть.

Тесприонъ.

Вѣдь ты лѣнивый горожанинъ!

Эпидикъ.

Знаю,
Что ты военный человѣкъ!

Тесприонъ.

Конечно,
Ты можешь это мнѣ сказать.

Эпидикъ.

Такъ вотъ какъ!
И постоянно въ дѣйствіи?

Тесприонъ.

Да всяко!

Эпидикъ.

Я не люблю со всячиной людей,
Которые то слабы, будто козы,
То дерзки, словно барсы.

Тесприонъ.

Что же дѣлать!
Вѣдь ты желалъ узнать, какъ было дѣло!

Эпидикъ.

И обо всемъ другомъ расскажешь?

Тесприонъ.

Можно.

Эпидикъ.

Эпидикъ.

Ну, какъ сынокъ хозяйскій поживаетъ?

Тесприонъ.

Здоровъ онъ, какъ боецъ или атлетъ!

Эпидикъ.

Ты мнѣ приносишь радостную вѣсть.

Но гдѣ же онъ?

Тесприонъ.

Со мной онъ вмѣстѣ прибылъ.

Эпидикъ.

Такъ гдѣ же онъ? Вѣдь не въ своемъ же ранцѣ,

Не въ сумкѣ же съ собой его принесъ?

Тесприонъ.

Чтобы тебя скажили боги!

Эпидикъ.

Нужно

Мнѣ разузнать черезъ тебя: ты скажешь—

Такъ и тебѣ, что надобно, расскажутъ.

Тесприонъ.

Законно говоришь.

Эпидикъ.

Какъ мнѣ и должно.

Тесприонъ.

Ужь ты у насъ не преторомъ ли сталъ?

Эпидикъ.

Кого же ты достойнѣе меня

Для этого найдешь теперь въ Афинахъ?

Тесприонъ.

Лишь одного не достасть, Эпидикъ,
Твоей претурѣ...

Эпидикъ.

А чего?

Тесприонъ.

Понятно:

Двухъ ликторовъ съ двумя пучками палокъ
Вязовыхъ ¹⁾

Эпидикъ.

Ну, тебя!... Такъ что же началъ
Разказывать?

Тесприонъ.

О' чемъ же знать ты хочешь?

Эпидикъ.

А гдѣ же Стратиппокловы доспѣхи? ²⁾

Тесприонъ.

Клянусь тебѣ, они перенеслись
Къ врагамъ.

Эпидикъ.

Доспѣхи?

Тесприонъ.

Да! и очень быстро!

Эпидикъ.

Серьезно говоришь ты, Тесприонъ?

¹⁾ Lictores duo, v. 28. Въ комедіи Плавта Miles Gloriosus упоминаются bini custodes, прибавленные къ посту Невію; въ этомъ смыслѣ, конечно, Тесприонъ говоритъ, что не мѣшало бы двоихъ ликторовъ приставить и къ Эпидику.

²⁾ Ubi arma sunt? v. 29. Тесприонъ былъ, очевидно, оруженосцемъ Стратиппокла.

ЭПИДИКЪ.

ТЕСПРИОНЪ.

Серьезно! У враговъ они.

ЭПИДИКЪ.

Позоръ!

ТЕСПРИОНЪ.

Вѣдь и съ другими такъ бывало! Это
Когда-нибудь ему послужитъ къ славѣ.

ЭПИДИКЪ.

Но какъ?

ТЕСПРИОНЪ.

Да также, какъ другимъ служило.
Конечно, тѣ доспѣхи Стратиппола
Копалъ Вулканъ, когда перенеслись
Они къ врагамъ ¹⁾.

ЭПИДИКЪ.

Какъ новнй сынъ Оетиды,

Онъ можетъ и терять свои доспѣхи:
Вѣдь Нериды—новне доставятъ. ²⁾
А все не худо и о томъ подумать,
Чтобы у мастеровъ хватило вдоволь
Материала на доспѣхи, если
Онъ будетъ ихъ врагамъ всегда бросать.

ТЕСПРИОНЪ.

Да ужъ довольно толковать объ этомъ.

ЭПИДИКЪ.

И самъ объ этомъ больше не толкуй.

¹⁾ Mulciber, credo arma fecit: v. 34. Вулканъ надѣвалъ свои произведенія
жизнью или движеніемъ.

²⁾ У Гомера (Илиада, XVIII, XIX) Оетиды, дочь Нерей, приноситъ оружіе
Ахиллесу (см. по переводу Гнѣдича, пѣснь XVIII, ст. 134—145, и пѣснь XIX,
ст. 6—13).

Эпидикъ.

Тесприонъ.

Не спрашивай.

Эпидикъ.

А гдѣ же Стратиппоклъ?

Тесприонъ.

Да есть причина, вслѣдствіе которой
Идти со мною вмѣстѣ онъ боялся.

Эпидикъ.

Какая же причина?

Тесприонъ.

Онъ не хочетъ
Теперь съ отцомъ столкнуться.

Эпидикъ.

Почему?

Тесприонъ.

Сейчасъ узнаешь: изъ числа плѣнныхъ
Онъ дѣвушку-красавицу купилъ.

Эпидикъ.

Что слышу!

Тесприонъ.

То, о чемъ я повѣствую.

Эпидикъ.

Купилъ!... Зачѣмъ?

Тесприонъ.

Да по сердцу пришлась.

Эпидикъ.

Да сколько же сердцецъ у Стратиппокла?
Вѣдь прежде, чѣмъ отправился въ походъ,

Онъ мнѣ велѣлъ у одного Ленона ¹⁾
 Купить ему дѣвицу, цитаристку,
 Которую любилъ онъ; ну, и я
 Исполнилъ это.

ТЭСИРІОНЪ.

Какъ подуетъ вѣтеръ
 Въ открытомъ морѣ, такъ и паруса
 Вѣдь ставятъ.

ЭПИДИКЪ.

Ну!... За что ее купилъ онъ?

ТЭСИРІОНЪ.

За пустяки.

ЭПИДИКЪ.

Я не о томъ спросилъ.

ТЭСИРІОНЪ.

О чемъ же?

ЭПИДИКЪ.

А за сколько минъ купилъ онъ?

ТЭСИРІОНЪ.

Да цѣлыхъ сорокъ минъ онъ заплатилъ;
 И эти деньги занялъ на проценты
 У евскаго ростовщика; за сутки
 Онъ платитъ цѣлый нуммъ на мину ²⁾.

¹⁾ Гешпертъ читаетъ:

*Ireus mandavit mi ab legione, ut fidicina,
 Quam amabat, emeretur sibi... v. 46—47.*

Но едва ли не вѣрнѣе чтеніе *Lenone*, потому что въ послѣдующихъ стихахъ (v. 280 sqq.) прямо говорится о Ленонѣ.

²⁾ sumsit foenore

In dies minasque argenti singulas nummia. v. 52—53.

Мина равнялась почти 25 талерамъ—92 франкамъ; нуммъ—почти ¹/₂ талера—
 1 ¹/₂ франка. Сорокъ минъ составляли почти 1000 талеровъ, а 60 минъ составляли
 талантиъ.

ЭПИДИКЪ.

ЭПИДИКЪ.

Боги!

ТЕСПРИОНЪ.

И ростовщикъ за деньгами съ нимъ прибылъ.

ЭПИДИКЪ.

О боги, я торжественно погибъ!

ТЕСПРИОНЪ.

Да въ чемъ же дѣло? Чтò съ тобой, Эпидикъ?

ЭПИДИКЪ.

Онъ погубилъ меня!

ТЕСПРИОНЪ.

Кто—онъ?

ЭПИДИКЪ.

Да тотъ же,

кто и свои доспѣхи погубилъ.

ТЕСПРИОНЪ.

Но какъ же?

ЭПИДИКЪ.

Такъ, что каждый день съ похода

Писалъ онъ мнѣ.... а впрочемъ умолчу.

Вѣдь рабъ обязанъ больше дѣлать и меньше

болтать: благоразуміе велитъ ¹⁾).

¹⁾

..... Plus scire satius quam loqui
Sergom hominem: ea sapientia est. v. 58—59.

Въ комедіи Плавта *Vaschides* (v. 831 sqq.) Хризалъ на вопросъ Нико-
була отвѣчаетъ въ томъ же смыслѣ: „Не знаю, мнѣ ничего не должно знать; и
все забывъ; зная, что я рабъ; даже и того не знаю, чтò знаю“.

ЭПИДИКЪ.

ТЕСПРИОНЪ.

Клянусь тебѣ, Эпидикъ, я не знаю,
Изъ-за чего ты и дрожишь, и трусишь!
Я вижу только то, что безъ меня
Ты на себя бѣду накликалъ.

Эпидикъ.

Будеть:

Не мучь меня.

ТЕСПРИОНЪ.

Сейчасъ уйду, пожалуй....

Эпидикъ.

Постой, я не пущу тебя отсюда.

ТЕСПРИОНЪ.

Зачѣмъ же не пускаешь ты меня?

Эпидикъ.

И любить Стратипполъ свою покушеу?

ТЕСПРИОНЪ.

Какой вопросъ!... Безъ памяти влюбленъ.

Эпидикъ.

Съ моей спины сдеруть же гладко кожу!

ТЕСПРИОНЪ.

Тебя онъ никогда такъ не любилъ,
Какъ эту цитаристку...

Эпидикъ.

Пусть же боги

Тебя накажутъ...

ТЕСПРИОНЪ.

Ну, теперъ пусть:
Онъ запретилъ мнѣ заходить домой;

Велѣлъ идти мнѣ прямо къ Херибулу
И дожидаться тамъ его прихода.

Эпидикъ.

Зачѣмъ?

Твесприонъ.

Чтобы не встрѣтиться съ отцомъ,
Покуда долгъ не выплатить.

Эпидикъ.

Влянусь

Тутъ дѣло трудное....

Твесприонъ.

Теперь пусти меня;

Пора идти мнѣ.

Эпидикъ.

Ежели старикъ
Узнаетъ снова обо всемъ, погибла
Моя спина.

Твесприонъ.

Да мнѣ-то что за дѣло,
Что ты погибнешь.

Эпидикъ.

Я вѣдь не хочу
Пропастъ одинъ; хочу, чтобы ты со мною
Погибъ, какъ не раздѣльный вѣрный другъ.

Твесприонъ.

Пошелъ ты прочь съ затѣями своими!

Эпидикъ.

Вѣдь ты слѣшишь, такъ лучше самъ бы шелъ!

Эпидикъ.

Тесприонъ.

Я не встрѣчалъ другаго человѣка,
Съ которымъ такъ пріятно разставаться.

II.

Эпидикъ.

Ушелъ онъ..... Ты одинъ теперь, Эпидикъ!
Пора подумать о твоихъ дѣлахъ...
И если самъ себѣ помочь не можешь,
Погибнешь ты! Такъ велики напасти,
Которыя грозятъ тебѣ, что если
Теперь себя ты не поддержишь прочно,—
Не устоишь, падешь, какъ горы зла
Обрушатся вдругъ на голову, сразу....
Подумаешь, какъ выпутаться тутъ!...
Несчастный, я обманами достигъ
Того, что нашъ старикъ воображаетъ,
Что выкупилъ онъ собственную дочь,
А онъ купилъ для сына цитаристку,
Въ которую влюбился Стратипонокъ.
Онъ наказалъ мнѣ это, уѣзжая,
Да новую, что по сердцу пришлась,
Съ собою изъ похода и привезъ!
А я теряю не купленную шкуру....
Едва старикъ узнаетъ объ обманѣ,
Онъ пальцами съ меня всю кожу сниметъ.
Подумай же, Эпидикъ, хорошенько....
Да какъ ни думай, ничего не выйдетъ!
Такъ голова разстроена моя;
Ты никуда негодный человѣкъ,
Эпидикъ!.... Впрочемъ, что же за охота
Такъ дурно отзываться о себѣ?
Вѣдь ты себя, Эпидикъ, не забудешь.....
„Что дѣлать!“.... Ты ли спрашиваешь это,
Другимъ дававшій столько разъ совѣты!
Хоть что-нибудь, а надо же придумать....

Но что же я на встрѣчу Стратиппоклу
 Не иду, чтобы хоть что-нибудь узнать
 О дѣлѣ?..... А, да встаетъ вотъ и онъ!
 И что-то мраченъ! Вмѣстѣ съ Херивуломъ,
 Своимъ товарищемъ, идетъ онъ..... Отойду
 Пока сюда..... послушать ихъ бесѣду.....

 III.

СТРАТИППОКЪ, ХЕРИВУЛЬ и ЭПИДИКЪ.

СТРАТИППОКЪ.

Теперь я разказалъ тебѣ все дѣло,
 Всѣ горести и радости мои.

ХЕРИВУЛЬ.

Въ твои лѣта, съ твоимъ умомъ ты жалокъ!
 Чего стыдиться тутъ, что ты купилъ
 Дѣвицу изъ хорошаго семейства,
 Попавшую въ числѣ добычи, плѣвна.
 Да кто жъ тебя за это упрекнетъ?

СТРАТИППОКЪ.

Что проку въ томъ, кто думаетъ словами
 Въ бѣдѣ утѣшить несчастливца! Другомъ
 Лишь тотъ имѣетъ право называться,
 Кто дѣломъ при бѣдѣ намъ помогаетъ..

ХЕРИВУЛЬ.

Чего же ты желаешь отъ меня?

СТРАТИППОКЪ.

Да сорокъ минъ, которыя я долженъ
 Ростовщику, ссудившему меня,
 Конечно, за проценты.

ЭПИДИКЪ.

ХИРИВУЛЬ.

Право далъ бы,
Да если нѣтъ ихъ?

СТРАТИППОКЪ.

Ну, такъ что же толку
Въ твоей одной словесной добротѣ,
Когда помочь не можешь ты на дѣлѣ!

ХИРИВУЛЬ.

Клянусь тебѣ! Повѣрь, мнѣ самому
Ужасно падоули кредиторы!

СТРАТИППОКЪ.

О, если бы подобныя друзья
Въ печи, а не на рынкѣ прогорали! ¹⁾
А надобно къ Эпидику прибѣгнуть,
Во что бы то ни стало! Будеть онъ
Избить и къ жернову привязанъ, если
Сегодня же мнѣ сорокъ минъ не сыщеть,
И даже раньше, чѣмъ проговорю
Послѣдній слогъ изъ слова деньги...

ЭПИДИКЪ.

Славно!

Благое общаніе! И онъ
Его исполнить: въ этомъ я увѣренъ.

¹⁾ *Malim istiusmodi mi amicos furno mergos quam foro.* v. 114.

Форумъ былъ мѣстомъ вѣчныхъ коммерческихъ сдѣлокъ: тамъ встрѣчались и кредиторы съ должниками. Для выраженія понятія о комъ-либо изъ разорившихся, говорили, что онъ *mergus foro*, что соответствуетъ нашему «проваляться», «прогорѣть». *Mergus furno* ученые комментаторы Плавта объяснили весьма забавно: говорили, будто провинившіеся рабы подвергались заключенію въ горячую печь, основываясь на словахъ Олимпіона, въ комедіи Плавта *Casina* (v. 289—291): «Клянусь, господа мои, что я скорѣе позволю запереть себя въ горячую печь и тамъ замарить вмѣсто печенаго хлѣба, нежели соглашусь на твоё требованіе». Очевидно, слова Олимпіона—простая гиперболы, а въ словахъ Стратиппокла видно желаніе автора построятъ каламбуръ.

Моей спинѣ готово угощенье,
И за него не буду я платить.
Пойдти къ нему....

Привѣтствуетъ невольникъ
Эпидикъ господина Стратиппоклъ
Съ счастливымъ возвращеніемъ домой.

СТРАТИППОКЛЪ.

Но гдѣ онъ?

Эпидикъ.

Здѣсь, и очень радъ, что ты
Счастливо возвратился.

СТРАТИППОКЛЪ.

Да и я
Тому же радъ не менѣе, чѣмъ ты.

Эпидикъ.

Здорово ли ты прожилъ тамъ?

СТРАТИППОКЛЪ.

Не тѣломъ,
Душой болѣю я.

Эпидикъ.

Что до меня
Басается, я для тебя старался:
Исполнилъ то, что ты мнѣ поручилъ.
Невольница, что въ письмахъ безпрестанно
Ты мнѣ писалъ, ужь куплена.

СТРАТИППОКЛЪ.

Напрасно
Труды свои потратилъ.

Эпидикъ.

Какъ напрасно?

Эпидикъ.

Стратиппоклъ.

Ужъ мнѣ она теперь не по душѣ.

Эпидикъ.

Зачѣмъ же ты и письменно, и лично
Приказывалъ, чтобъ я ее купилъ?

Стратиппоклъ.

Тогда вѣдь я любилъ ее; теперь же
Другая страсть душою овладѣла.

Эпидикъ.

Досадно, что желаешь угодить,
А сдѣлаешь тѣмъ самымъ неприятно!
Добро я дѣлалъ, а надѣлалъ зла,
Все оттого, что у тебя любовь
Переиѣнила прежнее жилище.

Стратиппоклъ.

Но я совсѣмъ сходилъ съ ума въ то время,
Когда писалъ тебѣ такіа письма.

Эпидикъ.

И быть мнѣ очистительной жертвой
Твоихъ дурачествъ, и моя спина
Должна вознаграждать твое безумство!

Стратиппоклъ.

Зачѣмъ болтать напрасно? Сорокъ минъ
Необходимо мнѣ, чтобъ развязаться
Съ ростовщикомъ немедленно, сейчасъ.

Эпидикъ.

Но ты подумай, гдѣ же ихъ стануть-то?
Какой мнѣ ихъ повѣрить ростовщикъ?

СТРАТИППОКЪ.

Бери, гдѣ хочешь! Если до заката
Ты не найдешь, не заходи домой,
Прамехонько иди на толчею.

ЭПИДИКЪ.

Ты безопасно, беззаботно можешь
Такъ разсуждать; а я вѣдь нашихъ знаю,
Я чувствую, когда меня колотать.

СТРАТИППОКЪ.

Такъ что жь? Ты хочешь, чтобы я покончилъ
Съ собой?.....

ЭПИДИКЪ.

Постой! Я смѣло пойду
Къ твоей бѣдѣ!

СТРАТИППОКЪ.

Давно бы такъ! Похвально!

ЭПИДИКЪ.

Все, что угодно, я перенесу!

СТРАТИППОКЪ.

Такъ что же будемъ дѣлать съ цитаристкой?

ЭПИДИКЪ.

Да что-нибудь придумаемъ: тебя
Я вытащу и выпутаюсь самъ.

СТРАТИППОКЪ.

Ты очень ловокъ! Я тебя вѣдь знаю.

ЭПИДИКЪ.

Идетъ еврейскій воинъ—адѣсь, богачъ,
Онъ пропасть золота имѣетъ; знай онъ,

Эпидикъ.

Что ты купилъ сначала цитаристку,
И что потомъ привезъ съ собой другую,
Онъ умолять бы сталъ тебя, чтобъ ты
Ему ту цитаристку уступилъ.
Но гдѣ же та, что ты привезъ съ собой?

Стратиппоклъ.

Она сейчасъ же будетъ здѣсь.

Херивулъ.

Такъ что же

Теперь намъ дѣлать здѣсь?

Стратиппоклъ.

Пойдемъ въ тебѣ,

Чтобъ весело закончить этотъ день.

Эпидикъ.

Ступайте! Я же въ голову къ себѣ
Свою теперь сенатъ на совѣщанье—
Потолковать о денежныхъ дѣлахъ,
О томъ, кому бы объявить войну,
И у кого бы вытянуть деньжонокъ....
Смотри же у мени, Эпидикъ, въ оба:
Нежданный трудъ возложенъ на тебя!
Теперь дремать и медлить ужъ не время.
Пришлось опять за старика приняться!
Впередъ!.... Сказать хозяйскому сыну,
Чтобы на улицу не выходилъ онъ,
А то вѣдь разомъ встрѣтитъ старика.

IV.

Апецидъ и Перифанъ.

Апецидъ.

Вѣдь большинство людей того стыдится,
Въ чемъ вовсе нѣтъ постыднаго, и ихъ же

Стыдливость оставляетъ часто тамъ,
Гдѣ кстатѣ было бы краснѣть. Къ примѣру
Веру тебя: ну, что же тутъ за стыдъ
Жениться хотѣ на женщинѣ и бѣдной,
Но изъ семья хорошей, и притомъ,
Какъ самъ ты говоришь мнѣ, отъ которой
Имѣешь дочь, живущую съ тобой.

Перифанъ.

Все изъ-за сына....

Апецидъ.

А вѣдь я-то думалъ,
Что память чтѣшь покойницы жены.
Вѣдь какъ ни взглянешь на могилу,
Ты каждый разъ приносишь жертвы Орку.
Конечно, такъ и слѣдовало дѣлать
Ужъ потому, что было суждено
Тебѣ свою супругу пережить.

Перифанъ.

Пока она жила со мной, повѣрь мнѣ,
Я смѣло могъ считаться Геркулесомъ!
И для него не столько труденъ былъ
Его шестой, нелегкій, правда, подвигъ,
Какъ для меня жить съ нею ¹⁾).

Апецидъ.

А не дурно
Приданое большое получить!

Перифанъ.

Да, если бы безъ женъ его давали!

¹⁾ Neque sexta aegumna acerbius Herculi.... v. 170.
Шестой подвигъ Геркулеса—очистка конюшенъ царя Авгіа.

V.

ЭПИДИКЪ, АПЕЦИДЪ И ПЕРИФАНЪ.

ЭПИДИКЪ (обращается къ лону Херибула, откуда
выходитъ).

Тс, тс! Молчите и не беспокойтесь;
Я выхожу съ хорошимъ предвѣщаньемъ ¹⁾.
Мой ножъ остеръ на столько, что мѣшокъ
Родительскій я вынотрошить въ силахъ.
Да вотъ и онъ! А вотъ и Апецидъ...
Вотъ этихъ-то обонъ старикашекъ
И нужно мнѣ: я тотчасъ превращусь
Въ пѣвку, чтобы высосать всю кровь
У сихъ столповъ сената.

Апещидъ.

Хорошо бы
Женить его немедленно.

Перифанъ.

И дѣло
Ты говоришь.

Апещидъ.

Я слышалъ, будто онъ
Въ какую-то влюбился цитаристку.

Перифанъ.

Вотъ это-то меня и беспокоитъ.

Эпидикъ (сначала въ сторону).

Клянусь, ко мнѣ всѣ боги благосклонны
И всѣ во всемъ готовы помогать.

¹⁾ Liquido exeo foras
Auspicio, avi sinistra.

При гаданіяхъ по птичьему полету, видѣть птицу съ лѣвой стороны счита-
лось благоприятнымъ предзнаменованіемъ, съ правой—неблагоприятнымъ.

Вѣдь сами старцы кажутъ мнѣ дорогу,
 Которой я до денегъ ихъ дойду.
 Готовься, снаряжайся же, Эпидикъ,
 И палліумъ закинь себѣ за плечи ¹⁾.
 Привинься, будто ищешь ты повсюду
 Кого-то... Думай обо всемъ... О боги!
 Ахъ, если бы былъ дома Перифанъ!
 Измучился, вездѣ его искавши:
 И въ лавочкахъ съ лѣкарствами я былъ,
 Въ цирюльняхъ, въ заведеніяхъ гимнастовъ,
 На форумѣ и въ лавочкахъ съ мазиами,
 Въ мясномъ ряду и около мѣняль;
 Совсѣмъ охрипъ я отъ однихъ расиросовъ,
 Едва могу стоять отъ бѣготни.

Перифанъ.

Эпидикъ!

Эпидикъ.

Кто Эпидика зоветъ?

Перифанъ.

Я—Перифанъ...

Апецидъ.

Я—Апецидъ...

Эпидикъ.

А я—

Эпидикъ! Ахъ, ховиниъ, какъ же кстати

Вы оба мнѣ попались!

¹⁾ Palliolum in collum conice... v. 186.

Эргавилъ, въ комедіи Плавта Captivi (v. 771—772) говоритъ:

Nunc certa res est, eodem pacto, ut comici servi solent,

Coniciam in collum pallium,

то-есть: «Закину плащъ за плечо, какъ невольникъ въ комедіи», по переводу Кро-
 неберна (*Библ. для чтенія*, томъ 98).

Рабы въ комедіяхъ обыкновенно бѣгали, и Теренцій въ отрывкѣ, указан-
 номъ мною въ предисловіи, называетъ ихъ *suggentes*. Чтобы ловчѣ быть на
 ходу, они подбирали или закидывали назадъ палліумъ, который долженъ былъ
 спускаться по модѣ ниже коленъ и мѣшалъ быстрой ходьбѣ.

ЭПИДИКЪ.

ПЕРИФАНЪ.

Въ чемъ же дѣло?

ЭПИДИКЪ.

Постой, прошу тебя: я отдохну!

ПЕРИФАНЪ.

Ну, что же—отдохни.

ЭПИДИКЪ.

Мнѣ очень душно!

Мнѣ надо раздышаться...

АПЕЦИДЪ.

Успокойся.

ЭПИДИКЪ.

Такъ слушайте же: тѣ войска, что въ Фивы
Отправились, распущены домой.

АПЕЦИДЪ.

Откуда же объ этомъ ты провѣдалъ?

ЭПИДИКЪ.

Я говорю, что это такъ.

ПЕРИФАНЪ.

И это

Тебѣ извѣстно?

ЭПИДИКЪ.

Вѣрно это знаю.

ПЕРИФАНЪ.

Но какъ же ты узналъ теперь объ этомъ?

ЭПИДИКЪ.

Да всѣ дороги заняты войсками.
Несутъ оружіе... обозы идутъ...

ПЕРИФАНЪ.

Прекрасно!

Эпидикъ.

А ужь сколько съ ними плѣнныхъ...

И юношей, и дѣвушекъ! Кто двухъ,
 Кто трехъ, кто четырехъ ведетъ съ собою.
 На улицахъ теперь вездѣ толпы:
 Всѣ къ сыновьямъ своимъ бѣгутъ на встрѣчу.

ПЕРИФАНЪ.

Клянусь, война окончена на славу!

Эпидикъ.

На встрѣчу вышло множество прелестницъ,
 Что въ городѣ ни есть ихъ—собрались
 Къ своимъ любовникамъ... и разошлись,
 Чтобъ ихъ завлечь; и даже я замѣтилъ,
 Что всѣ онѣ подъ платьями своими
 Имѣли сѣти. Также я замѣтилъ
 На пристани извѣстную особу,
 А съ ней четыре флейтщицы тащились.

ПЕРИФАНЪ.

Да съ кѣмъ же, съ ней, Эпидикъ?

Эпидикъ.

Съ той же самой,
 Въ которую твой сынъ давно влюбленъ,
 Съ которой онъ готовъ забыть и честь,
 И деньги, и себя, съ тобою вмѣстѣ.
 Она его у пристани ждала ¹⁾.

ПЕРИФАНЪ.

Смотри, пожалуй! Вѣдь обворожила!

¹⁾ У Гауперта: ea praestolabatur illum apud portam (v. 213), но я предпочелъ чтение: apud portum.

ЭПИДИКЪ.

И какъ была роскошно разодѣта!
Разражена! Вся въ золотѣ! Какъ пышно.
Щеголевато все на ней и ново!

ПЕРИФАНЪ.

Такъ что жъ на ней на самомъ дѣлѣ было ¹⁾:
Регилла?... Нѣтъ! Мендикула, быть можетъ?

¹⁾ *Periphanes*: Quid erat induta? an regillam induculam an mendiculam?

Epidicus: Impluviatam, ut istae faciunt vestimentis nomina.

Periphanes: Utin impluvium induta fuerit?

Epidicus: Quid istuc tam mirabile est?

Quasi non fundis exornatae multae incedant per vias,
[At tributus cum imperatus est, negant pendi potesse:
Illis, quibus tributus malor penditur, pendi potest.]
Quid istae, quae vesti quot annis nomina inveniunt nova?
Tunicam rallam, tunicam spissam, linteolum caesicium,
Indusiatam, patagiatam, caltulam aut crocotulam,
Supparum aut subminiam, ricam, basilicum aut exoticum,
Cumatile aut plumatile, carinum aut geminum: gergae maximae.

Canl quoque etiam adeptum est nomen: quin vocant Laconicum. 215—226.

По поводу этихъ стиховъ Вейсъ (Визшній бытъ народовъ, т. I, стр. 268) говоритъ, что названія этихъ одежды для насъ не переводимы, но крайней мѣрѣ въ своемъ тогдашнемъ модномъ значеніи, что «существующіе переводы произвольны». По крайней мѣрѣ, являющіеся въ моихъ рукахъ переводы Ранпа (*Die Plautinischen Lustspiele*. Stuttgart, 1852) и Бандера (Т. М. *Plautus Lustspiele*. Stuttgart, 1868), не только произвольно, но даже забавно передаютъ вышеприведенные стихи Плавта. Беккеръ (*Gallus*, III Theil, S. 139 sqq.) замѣчаетъ, что наряды Римлянъ были всегда одного покроя; мѣнялись только, слѣдуя модѣ, матеріи или ихъ дѣлѣ или только незначительные аксессуары наряда. Поэтому—говоритъ Беккеръ—прочитывая въ «Эпидикѣ» вышеприведенные стихи, не смотря на всю неясность названій, легко замѣтить, что все различіе заключалось единственно въ матеріи.

Регилла и *мендикула*—какъ противоположности только seasons между «дворянскою» и «нищенскою» одеждою, такъ какъ и *мендикула* была дорогимъ нарядомъ, судя по предварительному сообщенію Эпидика. Комментаторы думаютъ, что здѣсь Плавтъ хотѣлъ построить каламбуръ изъ понятій *typica*, *gesta* и *medicula*—нарядъ правительственныхъ лицъ на языкѣ Осковъ. *Impluvium*—стокъ въ римскомъ домѣ. Такъ какъ *impluvium* былъ четверугольной формы, то комментаторы думаютъ, что въ seasons наряда играла роль четверугольная форма.

Слова: «Да развѣ и цѣлыхъ выгъ не носить на себѣ!» напоминаютъ жалобы римскихъ писателей на пышность нарядовъ Римлянъ. Лукрецій (IV, 1122),

ЭПИДИКЪ.

Имплувій былъ, какъ говорятъ онѣ.

ПЕРИФАЦЪ.

Ужели стокъ дѣйствительно надѣла?

ЭПИДИКЪ.

Такъ что же въ этомъ страннаго? Да развѣ
 И цѣлыхъ вилъ не носить на себѣ?
 У насъ, когда потребуется подать,
 Кричать, что нѣтъ возможности платить,
 А женщинамъ готовы дань вносить
 И большую: онѣ же съ каждымъ годомъ
 Придумываютъ новыя наряды..
 То рѣдкая, то частая туника,
 То платье темно-голубаго цвѣта,
 То съ яркою пурпуровой обшивкой,
 То цвѣта ноготковъ или шафрана;
 А тамъ сунгаръ, субминій, покрывало,
 Наряды—царственный и чужеземный,
 То вышитый нарядъ, то платье цвѣта
 Морской воды, то восковаго цвѣта,
 Двуличневныя платья!.. Словомъ, вздоры!
 И отъ собакъ заимствовали даже
 Названіе нарядовъ: вѣдь зовутъ же
 Одинъ нарядъ лаконскимъ!... Имена

Проперцій (Eleg. III, 13, v. 11) и Сенека говорятъ то же. Последний сообщаетъ, что ушныя украшенія Римлянокъ стоить двухъ-трехъ наслѣдствъ (de Benef. VII, 6).

Сунгаръ и *субминій*—видъ рубашки.

Виса—вуаль, продолговатое покрывало, не рѣдко окаймленное бахромю, прикрывавшееся на верхушкѣ головы и спускалось внизъ то спереди, то сзади; служило скорѣе головнымъ украшеніемъ.

«Наряды царственный и чужеземный».—*basilicum aut exoticum*.

«И отъ собакъ заимствовали даже

Названіе наряда: вѣдь зовутъ же

Одинъ нарядъ лаконскимъ!... (*vocant Laconicum*).

Всего вѣроятнѣе, платье изъ лаконской шерстяной матеріи. У Плавта здѣсь выразилось желаніе соотнѣсти на счетъ сходства въ названіяхъ наряда и породы собакъ; всѣ писатели, касавшіеся охоты, хвалятъ лаконскихъ собакъ (Грацій Фалискъ, Немеціанъ, Виргилій, Гораций).

Нарядовъ этихъ часто принуждаютъ
Мужей свои имѣнья продавать...

ПЕРИФАНЪ.

Но продолжай, о чемъ ты прежде началъ.

ЭПИДИКЪ.

Вдругъ слышу, позади меня болтаютъ
Между собой двѣ женщины, и я,
Какъ и всегда, подвинулся къ сторонкѣ
Отъ нихъ и притворился, будто
Не слушаю, о чемъ идетъ ихъ рѣчь.
И точно: хорошо я не разслушалъ,
Но кажется, что понялъ ихъ бесѣду.

ПЕРИФАНЪ.

О чемъ же рѣчь-то шла?

ЭПИДИКЪ.

Одна другой,
Съ которой шла она, сказала...

ПЕРИФАНЪ.

Что же?

ЭПИДИКЪ.

Молчи же, если хочешь все услышать...
Едва онѣ замѣтили въ толпѣ
Ту дѣвушку, въ которую влюбился
Твой сынъ, какъ стали тотчасъ разсуждать:
„Какое счастье женщинѣ, которой
„Свободу можетъ выкупить любовникъ!“
Одна изъ нихъ другой и говоритъ.
„А кто же онъ?“ другая говоритъ ей.
А первая и отвѣчаетъ: „Это
„Сынъ Перифана, Стративноуль!“

ПЕРИФАНЪ.

О боги!

Что слышу я!

Эпидикъ.

Да только то, что было.

Услышавши, о чемъ онъ толкуютъ,
 Я началъ по немногу подходить,
 Все ближе къ нимъ и ближе подаваясь,
 Какъ будто бы толпа меня тѣснитъ.

Перифанъ.

Понятно!

Эпидикъ.

Тутъ опять одна изъ нихъ
 Спросила: „Какъ же это ты узнала?
 „Кто могъ тебѣ объ этомъ разказать?“
 А та въ отвѣтъ: „Письмо сегодня было
 „Отъ Стратиппола; въ томъ письмѣ онъ пишетъ,
 „Что занялъ въ Оивахъ у ростовщика
 „И денегъ за проценты, и что съ ними
 „Прибудетъ онъ и самъ!“

Перифанъ.

Убить я!

Эпидикъ.

Послѣ

Прибавила, что обо всемъ узнала
 Изъ устъ самой любовницы его,
 И что сама его письмо читала.

Перифанъ.

Такъ что же мнѣ-то остается дѣлать?
 Пожалуй, посоветуй, Апецидъ!

Апецидъ.

Тутъ надобно придумать что-нибудь
 Скорѣе и вѣрнѣе ¹⁾: онъ вѣдь скоро,

¹⁾ Эта сцена можетъ считаться прототипомъ 9-й сцены 1-го акта въ Мольеровомъ l'Etourdi.

ЭПИДИКЪ.

Я думаю, сюда прибудеть или,
Быть можетъ, здѣсь ужь.

ЭПИДИКЪ.

Если бы я могъ
Мудрѣе васъ обонкъ быть, то далъ бы
Такой хорошей вамъ совѣтъ, что оба
Остались бы довольны имъ, надѣюсь.

ПЕРИФАНЪ.

Такъ что же это за совѣтъ, Эпидикъ?

ЭПИДИКЪ.

Какъ разъ полезный въ этомъ дѣлѣ!

АПЕЦИДЪ.

Сейчасъ его не сообщаешь? Что же

ЭПИДИКЪ.

Вы,
Какъ мудрые, высказывайтесь прежде,
А наше дѣло—послѣ говорить.

АПЕЦИДЪ.

Да говори же!

ЭПИДИКЪ.

Будете смѣяться.

АПЕЦИДЪ.

Клянусь тебѣ, не будемъ.

ЭПИДИКЪ.

Хорошо!
Понравится—употребите въ дѣло,
А если нѣтъ—снщите сами лучше.

Не для себя я сѣю тутъ и мѣрю:
Хочу, чтобы для васъ же было лучше.

Перифанъ.

Благодарю! Такъ подѣлись же съ нами
Премудростью своей.

Эпидикъ.

Сейчасъ же нужно
Тебѣ сыскать жену для Стратиппокла,
Чтобъ этимъ цитаристѣ отомстить:
Она его испортила въ конецъ.
Онъ ей желалъ свободу предоставить,
А тутъ придется ей остаться въ рабствѣ.

Апицидъ.

И быть тому.

Перифанъ.

А я на все согласенъ,
Выла бы только польза.

Эпидикъ.

Такъ пора
За это взяться прежде, чѣмъ придеть
Къ намъ въ городъ Стратиппоклъ, а онъ вѣдь завтра,
А не сегодня будетъ здѣсь.

Перифанъ.

Но какъ же
Ты могъ узнать объ этомъ?

Эпидикъ.

Знаю вѣрно:

Одинъ изъ возвратившихся сюда
Мнѣ сообщилъ, что завтра Стратиппоклъ
Сюда придеть.

Эпидикъ.

Перифанъ.

Ты ужь посоветуй,
Что дѣлать намъ?

Эпидикъ.

Я полагаю вотъ что:
Прикинься самъ влюбленнымъ въ цитаристку
И выкупи свободу ей, какъ будто
До страсти ты въ нее влюбился.

Перифанъ.

Что же
Отсюда выйдеть?

Эпидикъ.

Вотъ еще вопросъ!
Ты раньше, чѣмъ сюда прибудеть смѣлъ,
Внесешь за цитаристку разомъ деньги,
И скажешь, что свободу ей купишь.

Перифанъ.

Теперь понятно.

Эпидикъ.

А купивши, можешь
Ее, куда угодно, отвести....
Быть можетъ, ты иное что придумаешь?

Перифанъ.

Отлично!

Эпидикъ.

Ты что скажешь, Апецидъ?

Апецидъ.

Что я скажу? Да развѣ то, что ты
Весьма хитро придумаешь это дѣло.

Эпидикъ.

98

Эпидикъ.

Черезъ это уничтожится его
Затѣя такъ жениться безразсудно,
И все пойдетъ по твоему желанью.

Перифанъ.

Весьма умно! Прекрасно!

Эпидикъ.

Ну, смотри же,
Обдѣлывай ловчѣе это дѣло.

Перифанъ.

Клянусь, ты дѣло говоришь.

Эпидикъ.

Есть средство
Освободить тебя отъ подозрѣній.

Перифанъ.

Позволь и мнѣ узнать.

Эпидикъ.

Узнаешь, слушай.

Апецидъ.

Вотъ умница-то!

Эпидикъ.

Нужно человѣка,
Который бы отнесъ леному деньги
За цитаристку; самому тебѣ
Неловко сдѣлать это.

Перифанъ.

Почему же?

Эпидикъ.

Эпидикъ.

Да вѣдь леновъ подумаетъ, пожалуй,
Что ты предупредить желаешь сына....

Перифанъ.

И правда!

Эпидикъ.

Чтобы раздѣлить влюбленныхъ:
Тутъ можетъ подозрѣніе заврасться.

Перифанъ.

Кого же бы для этого сыскать намъ?

Эпидикъ.

Да кто же будетъ лучше Апецида!
Онъ это дѣло ловко поведетъ;
Онъ знаетъ всѣ порядки и законы.

Апецидъ.

Благодарю, Эпидикъ.

Эпидикъ.

Я готовъ

Стараться: я пойду сейчасъ въ ленову,
А возвращусь оттуда съ цитаристкой
И деньги съ Апецидомъ отнесу.

Перифанъ.

Во сколько же, по самой меньшей мѣрѣ,
Она придется?

Эпидикъ.

Да по меньшей мѣрѣ
Заплатишь ты, быть можетъ, сорокъ минъ.
Но если дать и больше, возвращу я

Безъ всякаго обмана. И не дольше
Какъ дней чрезъ десять возвратятся деньги
Къ тебѣ.

ПЕРИФАНЪ.

Но какъ?

ЭПИДИКЪ.

Да въ эту цитаристку
Еще влюбился юноша одинъ,
Весьма богатый, воинъ изъ Родоса,
Гроза враговъ, хвастунъ.... ¹⁾ И цитаристку
Онъ перекупить у тебя съ охотой.
Отдай ему: ты пользу наживешь.

ПЕРИФАНЪ.

Молю боговъ!

ЭПИДИКЪ.

Получишь....

АПЕЦИДЪ.

Что же ты
Нейдешь домой и денегъ не выносишь?
А я пойду на форумъ: ты, Эпидикъ,
Приди туда же.

ЭПИДИКЪ.

Ты не уходи,
Пока тебя я не найду

АПЕЦИДЪ.

Побуду.

¹⁾ *Auro opulentus, magnus miles, Rhodius, raptor hostium,
Gloriosus....* v. 292—293.

Родосцы въ древности пользовались такою репутаціей. Ранѣе (сцена III) Эпидикъ говоритъ, что претендентомъ на цитаристку будетъ евбейскій воинъ.

ЭПИДИКЪ.

Перифанъ (Эпиду).

Ступай за мной.

ЭПИДИКЪ.

Иди и отсчитай;

Я долго ждать себя ужь не заставлю.

(Апекидъ отправляется на форумъ; Перифанъ идетъ въ свой домъ).

VI.

ЭПИДИКЪ.

Такого плодороднаго участка,
 Какъ Перифанъ, и въ Аттікѣ-то нѣтъ!
 Хотя его сундукъ и подъ замкомъ
 И за печатью, все же сколько нужно
 Мнѣ денегъ, а таскаю изъ него....
 Но ежели старикъ смекнетъ объ этомъ,
 Клянусь, приставитъ онъ ко мнѣ такихъ
 Вязовыхъ и здоровыхъ паразитовъ,
 Что объѣдятъ всего меня до тла....
 Да тутъ еще одно меня тревожитъ:
 Какую изъ наемныхъ цитаристокъ
 Придется Апекиду указать?...
 А впрочемъ, это сдѣлать мнѣ не трудно:
 Мнѣ утромъ наказалъ еще старикъ,
 Чтобы къ нему привелъ я цитаристку,
 Которая должна при немъ играть,
 Пока онъ жертвы будетъ приносить... ¹⁾
 Найму и научу ее, какъ должно
 Хитрить со старикомъ. Но ужь пора
 За деньгами идти къ нему, бѣднагѣ.

1)

.... Ut domi,

Dum rem divinam faceret, cantaret sibi. v. 307—308. (1)

Музыка была въ числѣ принадлежностей при жертвоприношеніяхъ (Ovid. Fasti l. VII, v. 867 sqq.). При обѣдахъ, даваемыхъ богамъ (lectisternia), бывали цитаристы (fideicini) или цитаристки (fideicinae).

VII.

СТРАТИНПОКЪ И ХЕРИВУЛЬ.

СТРАТИНПОКЪ.

Истерзанъ я, измученъ я совсѣмъ
 Отъ ожиданій—что на дѣлѣ выйдетъ
 Изъ льстивыхъ словъ Эпидика... Такъ долго
 Страдаю я!... Хотѣлось бы узнать,
 Удача будетъ, или неудача?

ХЕРИВУЛЬ.

И вромѣ словъ Эпидика, не худо
 Тебѣ бы заручиться чѣмъ-нибудь:
 Ужъ я подумалъ съ самаго начала,
 Что на него плоха надежда.

СТРАТИНПОКЪ.

Боги!
 Погибъ я!

ХЕРИВУЛЬ.

Безразсудно поступаешь.
 Тревожась такъ.

СТРАТИНПОКЪ.

Клянусь тебѣ, какъ только
 Миѣ въ руки попадется этотъ рабъ,
 Онъ больше безнаказанно не будетъ
 Надъ нами издѣваться.... Впрочемъ, что же
 И требовать отъ жалкаго раба,
 Когда такой богатнй человѣкъ,
 Какъ ты, теперь ни нумма не имѣешь,
 Чтобы помочь товарищу.

ХЕРИВУЛЬ.

Клянусь,
 Охотно я ссудилъ бы, еслибъ могъ!

Но ты ужь будешь удовлетворенъ
Откуда бы то ни было и какъ бы,
Какимъ бы способомъ и чрезъ кого бы
То ни было...

СТРАТИЦКОЕЛЪ.

Да постыдись, несчастный!

ХЕРИВУЛЪ.

И что тебѣ приходитъ за охота
Такъ дурно отзываться обо мнѣ.

СТРАТИЦКОЕЛЪ.

Да потому, что эта болтовня—
„Откуда бы то ни было, и какъ бы,
„Какимъ бы способомъ, и чрезъ кого бы
„То ни было“—не значить ничего;
Я вовсе не желаю это слушать!
Ни въ чемъ не можешь ты мнѣ быть полезнымъ,
Какъ будто бы и нѣтъ тебя на свѣтѣ...

VIII.

Эпидикъ, Стратицкоелъ и Херивулъ.

Эпидикъ (обращается сначала къ Перифану при выходе).

Исполнилъ ты обязанность свою:
Теперь моя ужь очередь работать.
Ты можешь положиться на меня!...
А этихъ денегъ (съ собою) больше не увидишь,
На нихъ и не рассчитывай ни мало.
Ужь только понадѣйся на меня:
Всегда веду я такъ свои дѣла,
Всегда такъ поступаетъ наша братья...
О, божества безсмертныя! Клянусь,
Вы ниспослали мнѣ денегъ прелестный:
И легкой, и притомъ какой счастливый!

Но что же я не ухожу. отсюда?
 Пора запасъ въ колоніи снести,
 А я стою и медлю... Это что же?
 Вѣдь эти два пріятели стоятъ—
 Хозяинъ мой и Херибулъ..... Ну, что же
 Стоите вы? (отдаетъ деньги Стратиппоклъ) Не хочешь ли ты взять?

СТРАТИППОКЛЪ.

А сколько тутъ?

Эпидикъ.

Да ужь довольно, даже
 И больше чѣмъ довольно, слишкомъ будетъ:
 Десятькомъ мнѣ побольше, чѣмъ ты долженъ
 Ростовщику. И вотъ тебѣ въ угоду,
 Изъ послушанія, я ни во что
 Не ставлю собственную спину.....

СТРАТИППОКЛЪ.

Что?

Эпидикъ.

Да только то, что я изъ Перифана
 Устрою Перофона ¹⁾).

СТРАТИППОКЛЪ.

Что за слово?

Не нужно мнѣ ни старыхъ словъ, ни новыхъ,
 А лучше бы на дѣлѣ ты таскалъ
 Мѣшками деньги...

¹⁾ Въ текстѣ: «ego tuum patrem faciam perenticidam» (v. 340). Обыкновенно комментаторы думаютъ, что здѣсь игра словъ—perenticida (см. pericida—мошенникъ, пронзывающій карманы) и perenticida—parricida (отцеубійца, убійца родственника). Но Дасье едва ли не остроумнѣе предполагаетъ, что въ греческомъ оригиналѣ Плавта игра словъ заключалась въ имени Пориеана (славный, известный, видный), которое Эпидикъ передѣлываетъ въ Перофона (= pericida—perenticida). См. Les oeuvres de Plaute en latin et en françois. Par H. P. de Linniers. Amsterdam, 1719, t. III, p. 414—415. Переводчикъ воспользовался догадкою Дасье.

Херипулъ.
 слова изъ Перифана
 юю:
 ютатъ.
 мена!..
 яне не уидиъ,
 ни яло.
 мена:
 дѣла,
 ала браты..
 Клауусъ,
 съ прелестни:
 ой счастливъ!

Эпидикъ.

Эпидикъ.

Нѣтъ, ужь не мѣшками—

Мѣхами я начну тебѣ таскать!
 Леновъ за цитаристку получилъ
 Сполна (я самъ раздѣливался съ нимъ
 И деньги самъ отсчитывалъ); на счастье
 Родитель твой повѣрилъ, что она
 Родная дочь ему. Теперь, чтобъ снова
 Помочь тебѣ и обмануть отца
 Нашелъ я средство: убѣдилъ рацеей,
 Что ты, по возвращеніи домой,
 Желанной цитаристки не увидишь.

Стратипполъ.

А между тѣмъ она у старика
 Другую замѣняетъ.... Понимаю.

Эпидикъ.

Въ помощника мѣѣ приданъ Апецидъ:
 На форумѣ меня онъ ожидаетъ,
 Чтобъ наблюдать притомъ за мной.

Стратипполъ.

Не дурно.

Эпидикъ.

Да наблюдатель самъ попалъ въ ловушку.
 На шею мѣѣ повѣсилъ твой отецъ
 Собственноручно денежную сумку;
 Готовится, какъ только ты вернешься,
 Женить тебя.

Стратипполъ.

Единственно тогда
 Успѣеть въ этомъ, если Оркъ суровый
 Отниметъ ту, съ которой прибылъ я.

Эпидикъ.

Теперь такую хитрость я придумалъ:
 Къ ленову на домъ я одинъ отправлюсь,

И научу его сказать, что деньги
 Получены, когда къ нему, быть можетъ,
 Придутъ спросить! [Вѣдь онъ за цитаристку
 Уже имѣетъ пятьдесятъ-то минъ].
 Вѣдь я ему, два дня назадъ, платилъ
 За ту твою любовницу, которой
 Отцемъ себя считаетъ Перифанъ.
 Да самъ ленокъ, не зная, въ чемъ тутъ дѣло,
 При этомъ, отвѣчая, поклонится
 Своей проклятой головой, что деньги
 Онъ взялъ за ту, что ты съ собой привезъ.

ХЕРИВУЛЬ.

Ты изворотливѣе колеса
 Гончарнаго!

ЭПИДИКЪ.

Пойду, чтобъ запасться
 Какой-нибудь лукавой цитаристкой,
 Которая за деньги къ намъ пойдетъ
 И купленной прикинется. Она
 Надъ стариками ловко посмѣется.
 Притомъ же къ твоему отцу доставить
 Ту цитаристку Апецидъ.

СТРАТИППОКЪ.

Отлично!

ЭПИДИКЪ.

А я пришлю ее ужъ обученной,
 Обремененной хитростью моею.
 Да что же я болтаю! Слишкомъ долго
 Меня вы задержали! Вамъ извѣстно
 Теперь ужъ все, что выйдетъ... Я пойду (уходить).

СТРАТИППОКЪ.

Счастливыи путь!

ХЕРИВУЛЬ.

ЭПИДИКЪ слишкомъ ловокъ

На все дурное...

ЭПИДИКЪ.

СТРАТИННОКЪ.

Все-таки лишь отъ
И спасъ меня совѣтами своими.

ХЕРИВУЛЬ.

Пойдемъ ко мнѣ.

СТРАТИННОКЪ.

Охотнѣ войду я,
Чѣмъ вышелъ отъ тебя; благодаря
Эпидиковой храбрости и счастью
Съ добычей возвращаюсь я въ нашъ лагерь.

IX.

ПЕРИФАНЪ, АПЕЦИДЪ И РАВЪ.

ПЕРИФАНЪ.

Какъ хорошо бы людямъ завести
Такия зеркала, чтобъ въ нихъ смотрѣться
Не ради внѣшности одной, а съ цѣлью,
Заглядывать и въ тайники души;
По крайней жѣрѣ я вполнѣ увѣренъ,
Что тутъ была бы польза людямъ: каждый
Уразумѣлъ бы пройденную жизнь,
Жизнь юности. Вотъ напримѣръ, хоть я,
Какъ только пораздумаю о сынѣ,
Крушиться начинаю, будто онъ
Во многомъ провинился предо мною,
Какъ будто бы въ дни юности и самъ
Не дѣлалъ я проступковъ крупныхъ, большихъ!
И въ старости подъ часъ съ ума мы сходимъ!
А вотъ и другъ мой Апецидъ съ добычей!
Какъ радъ, что ты ко мнѣ благополучно
Являешься, посредникъ мой! Ну что?

АПИЦИДЪ.

Пусть боги и богини помогаютъ
Тебѣ во всемъ!

ПЕРИФАНЪ.

Хорошее начало!

АПИЦИДЪ.

Да будетъ также счастливъ и конецъ!
(Указываетъ на цитаристку). Да прикажи ввести ее въ свой домъ.

ПЕРИФАНЪ.

Эй! Кто тамъ есть! Скорѣ выходите!
(Невольнику). Ступай, вотъ эту женщину сейчасъ же
Въ мой домъ введи... да слушай...

РАВЪ.

Что угодно?

ПЕРИФАНЪ.

Смотри же, чтобы съ дочерью моею
Она не сообщалась, не видалась.
Ты понял? Я хочу, чтобы отдѣльно
Она была заключена. Вѣдь нравы
У дѣвушекъ и у такихъ прелестницъ
Не схожи вовсе.

АПИЦИДЪ.

Мудро разсуждаешь:

Ужъ лучше не возможно охранить
Невинность дочери!. Клянусь, мы въ пору
Перекусили эту цитаристку
У Стратиппокла.

ПЕРИФАНЪ.

Что же?

АПИЦИДЪ.

То, что здѣсь
Давно ужъ Стратиппоклъ, какъ мнѣ сказалъ
Одинъ знакомый.

ЭПИДИЕЪ.

ПЕРИФАНЪ.

Можетъ, такъ казалось...

Ему?

АПЕЦИДЪ.

Возможно! А ужъ твой Эпидиеъ
И ловкій, и безцѣнный человекъ!
Подобнаго на золото не купишь!
Устроилъ такъ, что цитаристка вовсе
Не знаетъ, что тебѣ ее купилъ:
Такъ весело она сюда пошла
И все смѣялась...

ПЕРИФАНЪ.

Какъ же это было?

АПЕЦИДЪ.

Да онъ сказалъ, что дома ты желаешь
Благодарить боговъ безсмертныхъ жертвой
За счастливый возвратъ сына изъ Оивъ.

ПЕРИФАНЪ.

Задумано прекрасно!

АПЕЦИДЪ.

Цитаристкѣ

Сказалъ, что нанята она затѣмъ,
Чтобы при этомъ жертвоприношенъ
Служить тебѣ.... А я ужъ притворяюсь,
Какъ будто глупъ и ничего не смыслю.

ПЕРИФАНЪ.

И встать было!

АПЕЦИДЪ.

Дѣло есть у друга
На форумѣ: я долженъ защищать.

ПЕРИФАНЪ.

Да возвратись, прошу тебя, скорѣе,
Какъ только будетъ можно...

АЛЕЦИДЪ.

Непремѣнно!

ПЕРИФАНЪ.

Ну, что же въ этомъ свѣтѣ лучше дружбы?
И безъ труда со стороны твоей
Вершится все! И еслибъ въ этомъ дѣлѣ
Былъ избранъ мной не Алецидъ — иной
Не столь ученый, умный человекъ —
Меня помазали бы по губамъ,
И сынъ мой зубы скалилъ бы не даромъ
На мой же счетъ.... Но это кто идетъ
И такъ шумить своей хламидой пышной?

X.

Войнъ, Перифанъ и цитаристка.

Войнъ (своему рабу).

Смотри же, не пройди ты мимо дома,
Чьего бы ни было, не разпросивъ —
Гдѣ проживаетъ Перифанъ Плотенскій ¹⁾.
Не смѣй ко мнѣ и шагу сдѣлать, если
Объ этомъ не узнаешь....

ПЕРИФАНЪ.

Ну, а чѣмъ бы

Ты выразилъ мнѣ благодарность, еслибъ
Я указалъ тебѣ сейчасъ того,
Кого ты ищешь?

¹⁾ Periphanes Plothenius. v. 423.

Въ некоторыхъ кодексахъ «Platenius». Стефанъ Византийскій говоритъ, что Плотение были изъ трибы Αἰγῆς.

ЭПИДИКЪ.

Воинъ.

Доблестью военной
Я заслужилъ, чтобъ смертные лишь мнѣ
Повсюду выражали благодарность.

Перифанъ.

Ну, не въ такое мѣсто ты попалъ,
Гдѣ могъ бы доблести свои повѣдать,
Какъ ты желаешь! Знаешь, если слабый
Сильнѣйшему разказывать рѣшится
О подвигахъ своихъ, въ его устахъ
Они ничтожны!... Перифанъ Плотенскій,
Котораго ты ищешь, это я,
Когда тебѣ угодно.

Воинъ.

Ты, который
Въ дни юности, на службѣ у царей,
Какъ говорятъ, военнымъ ремесломъ
Стяжалъ себѣ огромныя богатства?

Перифанъ.

Конечно, если бы ты слышалъ
О подвигахъ моихъ военныхъ, вѣрно,
Со всѣхъ бы ногъ пустился во свояси.

Воинъ.

Клянусь, нищу охотнѣе того,
Кому бы могъ о собственныхъ побѣдахъ
Повѣствовать, а вовсе не того,
Кто о своихъ разказывать мнѣ станетъ.

Перифанъ.

Не мѣсто здѣсь: нищи кого другаго,
Предъ кѣмъ бы могъ ты хвастать... А вѣдь глуно,
Что я въ вину ему вмѣняю то,
Что въ юности и самъ нерѣдко дѣлалъ.
Когда служилъ, я всѣмъ до глухоты
Надоудалъ разказами своими
О подвигахъ воинственныхъ моихъ.

Воинъ.

Но выслушай и ты сейчасъ узнаешь,
Зачѣмъ къ тебѣ пришелъ я: ты купишь,
Какъ слышалъ я, любовницу мою...

Перифанъ.

Та-та-та-та!... Теперь ужъ знаю — кто онъ...
О немъ-то мнѣ и говорилъ Эпидикъ...
Ну, юноша, ты правду говоришь:
Купишь ея...

Воинъ.

Хочу тебѣ два слова
Сказать, но чтобъ тебя не разсердить.

Перифанъ.

Клянусь, не знаю! Разсердить не можешь,
Пока не скажешь мнѣ, чего желаешь.

Воинъ.

Отдай мою любовницу—и деньги
Сполна получишь: Здѣсь онѣ со мной.
Намѣренія своего не скрою:
Сегодня же я сдѣлалъ бы ее
Моей отпущенницей, чтобы тотчасъ
Она моей сожительницей стала ¹⁾.

Перифанъ.

Въ два слова я раздѣляюсь съ тобой:
Она пришлась мнѣ въ пятьдесятъ вѣдъ минъ,
И если шестьдесятъ ты отсчитаешь,
Такъ пусть она и тѣшится съ тобой.
Такъ по рукамъ и прочь ее отсюда ²⁾.

¹⁾ *Mihi concubina quae sit.* v. 455.

Concupinatus заключался обыкновенно съ отпущенницами. Concubina—сожигательница—могла отойти отъ своего сожигателя противъ его желанія. Она была члвкъ-то среднимъ между любовницей и женой.

²⁾ *Ut eam et hoc exoptes agro.* v. 459.

Въ некоторыхъ кодексахъ «exoptes», которое здѣсь и предпочитается.

ЭПИДИКЪ.

Воннѣ.

Итакъ, она за мною остается?

ПЕРИФАНЪ.

Да, на такихъ условіяхъ—твоя!

Воннѣ.

Отлично порѣшилъ!...

ПЕРИФАНЪ (рабагъ, обращаясь къ дому).

Эй, вы! Скорѣе

Ту цитаристку, что ввели недавно,

Подайте намъ сюда.... (вонну) А съ ней цитару

Со всѣми принадлежностями, въ даръ

Отдамъ тебѣ (выходитъ цитаристка, прибывшая съ Ассидонъ).

Ну вотъ, бери ее.

Воннѣ.

Мнѣ кажется, ты не въ своемъ умѣ!

Зачѣмъ ты мнѣ туманъ въ глаза пускаешь?

Зачѣмъ же не велишь ты привести

Оттуда цитаристку!

ПЕРИФАНЪ.

Цитаристку!

Да вотъ она: другой здѣсь вовсе нѣтъ.

Воннѣ.

Ты надо мной не долженъ насмѣхаться!

Я цитаристку Акрополистиду

Желаю видѣть.

ПЕРИФАНЪ.

Вотъ она!

Воннѣ.

Не правда!

Могу ли я любовницы своей

Не знать!

ПЕРИФАНЪ.

Я снова повторю, что сынъ мой
Вотъ въ эту цитаристку и влюбленъ.

Войнъ.

Нѣтъ, это не она!

ПЕРИФАНЪ.

Какъ, не она?

Войнъ.

Да нѣтъ!

ПЕРИФАНЪ.

Ну, да откуда жь будетъ эта?
Вѣдь за нее я деньги заплатилъ,
Клянусь тебѣ.

Войнъ.

И очень глупо сдѣлалъ!
Огромная ошибка!

ПЕРИФАНЪ.

Нѣтъ, она!

Вѣдь я за нее послалъ раба,
Который сына всюду провожаетъ,
И онъ намѣтилъ эту цитаристку.

Войнъ.

Повѣрь, старикъ, твой рабъ тебя подрѣзалъ!

ПЕРИФАНЪ.

Подрѣзалъ? Какъ?

Войнъ.

Да, кажется, что такъ!
Въ замѣнь одной ты получилъ другую:
Лишь по губамъ помазали тебя!

ЭПИДЕВЪ:

ПЕРИФАНЪ.

Сыщу ее, во что бы то ни стало..
 Прощай, вонпель!.. Молодецъ Эпидевъ!
 Ужь обработалъ же меня мерзавецъ!
 (Цитаристкѣ) Ты куплена сегодня у ленона
 Черезъ Апецида?

ЦИТАРИСТКА.

Въ первый разъ и слышу
 Объ этомъ человѣкѣ; да никто
 Ни за какія деньги и не могъ бы
 Купить меня: вѣдь слишкомъ ужь пять лѣтъ,
 Какъ я свободна.

ПЕРИФАНЪ.

Такъ скажи, зачѣмъ же
 И какъ ты въ домъ ко мнѣ попала?

ЦИТАРИСТКА.

Слушай:

Я по найму пришла, чтобы играть,
 Покуда жертвы будутъ приносить
 Какой-то старецъ.

ПЕРИФАНЪ.

Сознаюсь: глупѣе
 Меня въ Аеннахъ нѣтъ и человѣка!
 Но ты вѣдь знаешь Акрополистиду?

ЦИТАРИСТКА.

Да какъ себя.

ПЕРИФАНЪ.

Такъ гдѣ она живетъ?

ЦИТАРИСТКА.

Не знаю, съ той норы, какъ только стала
 Она свободной.

ПЕРИФАНЪ.

Такъ она свободна?
А кто же ей свободу предоставилъ?
Скажи, пожалуй, если только знаешь.

ЦИТАРИСТКА.

Что знаю, то тебѣ и сообщу:
Я слышала, что будто Стратиппоклъ,
Сынъ Перифана, по своему отъѣздѣ,
Старался ей свободу предоставить.

ПЕРИФАНЪ.

Клянусь, погибъ я, если это правда!
Эпидикъ выпотрошилъ мой кошель.

ЦИТАРИСТКА.

И это все, что знаю я; чего же
Еще желаешь...

ПЕРИФАНЪ.

Чтобъ тебѣ на пыткѣ
Издокнуть... Убирайся прочь сейчас!

ЦИТАРИСТКА.

А развѣ не отдашь цитару?

ПЕРИФАНЪ.

Нѣтъ!
Ни дудокъ, ни цитары не отдамъ я...
Сейчасъ же прочь отсюда, если боги
Попустятъ.

ЦИТАРИСТКА.

Я отправлюсь, только помни:
Отдашь же все мое еще съ позоромъ (уходить).

ПЕРИФАНЪ.

И что теперь я буду дѣлать?... Я,
Дѣла другихъ рѣшавшій? И позволить

Себя такъ явно, дерзко обмануть!
 Я унижалъ себя предъ челоуѣкомъ,
 Который слылъ творцомъ и знаткомъ
 И всякихъ правъ, и всяческихъ законовъ!
 И онъ себя считаетъ мудрецомъ...
 Какъ видно, оба мы другъ друга стоимъ... ¹⁾.

XI.

Филиппа и Перифанъ.

Филиппа.

О, если есть у челоуѣка горе,
 Которое достойно состраданья,
 То горе это я переношу:
 Такъ много бѣдъ собралось разомъ вмѣстѣ
 И сердце надрываютъ всѣ за разъ.
 Со всѣхъ сторонъ меня постигли скорби:
 И бѣдность, и страхъ, мутящій умъ!
 Нигдѣ не вижу прочнаго угла,
 Чтобы найдти приютъ моимъ надеждамъ!
 Родная дочь уже въ рукахъ враговъ,
 И гдѣ теперь—я этого не знаю.

Перифанъ.

Что тамъ за женщина? Такъ боязливо,
 Печально приближается она,
 И такъ скорбитъ...

Филиппа.

Сказали, будто гдѣ-то
 Недалеко живетъ мой Перифанъ...

1)

..... malleum

Sapientioreni vidi excusso manubrio. v. 510—511

Ламбинъ, по поводу этого сомнительнаго стиха, замѣчаетъ слѣдующее: «Significat comice et εἰρωνικῶς; Periphanes Apoecidem se esse sapientioreni, ut malleus plus sapit quam manubrium. Ambo igitur aequè stulti ac stolidi».

ПЕРИФАНЪ.

Зоветь меня по имени. Конечно,
Пріята ожидаетъ у меня.

ФИЛИППА.

Охотно заплатила бы тому,
Кто указалъ бы мнѣ на Перифана
Или на домъ, въ которомъ онъ живетъ.

ПЕРИФАНЪ.

Всмотрѣться нужно... Кажется, что я,
Не помню гдѣ ужъ, прежде съ ней встрѣчался.
Ужели эта женщина—предметъ
Моихъ всегдашнихъ помышлений!

ФИЛИППА.

Боги!

Я съ нимъ видалась? Или не видалась?

ПЕРИФАНЪ.

Она, она! При встрѣчѣ въ Эпидаврѣ
Я погубилъ бѣняжку...

ФИЛИППА.

Это онъ!

Онъ самый, въ Эпидаврѣ поборовшій
Мою стыдливость!

ПЕРИФАНЪ.

Отъ меня невольню

Она произвела на свѣтъ ту дочь,
Которая живетъ теперь со мною.

ФИЛИППА.

Что, если подойти къ нему?

ПЕРИФАНЪ.

Не знаю,

Не подойти ли къ ней? Она ли это?

ЭПИДИКЪ.

ФИЛИППА.

Да онъ ли это? Столько лѣтъ прошло!

ПЕРИФАНЪ.

Давно ужъ! Не могу не сомнѣваться...
Но ежели дѣйствительно она,
То подойду, начну издаലെка...

ФИЛИППА.

Теперь мнѣ хитрость женская поможетъ.

ПЕРИФАНЪ.

Спрошу...

ФИЛИППА.

Сумѣю я отвѣтить.

ПЕРИФАНЪ.

Здравствуй!

ФИЛИППА.

Благодарю за твой привѣтъ и мнѣ,
И всѣмъ моимъ.

ПЕРИФАНЪ.

И только?... Только?

ФИЛИППА.

Здравствуй!

Что далъ ты мнѣ въ кредитъ, то возвращаю.

ПЕРИФАНЪ.

Не сомнѣваюсь въ честности твоей.
Быть можетъ, мы когда-нибудь встрѣчались?

ФИЛИППА.

Ужъ если мы знакомы, то могу
Тебѣ припомнить это.

ЭПИДИКЪ.

ПЕРИФАНЪ.

Только гдѣ же

Мы видѣлись?

Филиппа.

Какъ ты несправедливъ!

Перифанъ.

Но въ чемъ?

Филиппа.

Въ своемъ желаніи, чтобъ я
Тебѣ же все на память приводила...

Перифанъ.

Прекрасно ты сказала!

Филиппа.

Такъ-то лучше!

Перифанъ.

Не вспомнишь ли?

Филиппа.

Не вспомню ли? Чего?

Перифанъ.

А въ Эпидаврѣ...

Филиппа.

Ахъ, твои слова—
Роса для увядающаго сердца!

Перифанъ.

Я облегчилъ отчасти нищету
Одной дѣвицы съ матерью.

Филиппа.

Ты тотъ,
Кто на меня обрушилъ столько горя
Изъ-за своей потѣхи...

ЭПИДИКЪ.

ПЕРИФАНЪ.

Точно, я!

Будь счастлива отнынѣ...

Филиппа!

Да, съ тѣхъ поръ,

Какъ и тебя счастливымъ увидала.

ПЕРИФАНЪ.

Дай руку мнѣ.

Филиппа.

Возьми ее: съ тобой

Несчастнѣйшая женщина на свѣтѣ!

ПЕРИФАНЪ.

Что значить это? Что тебя тревожить?

Филиппа.

Та дѣвочка, что отъ тебя была...

ПЕРИФАНЪ.

Ну, что жь?

Филиппа.

Воспитанная мной, погибла:

Она добычей сдѣлалась враговъ.

ПЕРИФАНЪ.

Утѣшься, успокойся: у меня

Она живетъ, счастлива и здорова!

Какъ только я услышалъ чрезъ раба,

Что въ плѣнъ она попалась, тотчасъ выдалъ

И деньги, чтобы выкупить ее.

И это онъ на столько честно сдѣлалъ,

На сколько онъ безчестенъ въ остальномъ.

Филиппа.

Позволь взглянуть мнѣ ради самой жизни...

ПЕРИФАНЪ (невольницъ).

Кантара! эй! Скажи, чтобъ Телестида
Скорѣе шла обнять родную мать.

ФИЛИППА.

Такъ снова жизнь мѣ въ душу возвратится!

ХІІ.

ЦИТАРИСТКА, ПЕРИФАНЪ и ФИЛИППА.

ЦИТАРИСТКА.

Зачѣмъ ведѣль мѣ, батюшка, сюда
Прийти?

ПЕРИФАНЪ.

Зачѣмъ, чтобы съ матерью своей,
Которая пришла, ты повидалась,
Поцѣловалась....

ЦИТАРИСТКА.

Съ матушкой? Съ моею?

ПЕРИФАНЪ.

Которая въ свиданіи съ тобой
Души не часть....

ФИЛИППА.

Кто она такая?
Ты ей велишь здороваться со мной?

ПЕРИФАНЪ.

Кто? Дочь твоя!

ФИЛИППА.

Она-то?

ПЕРИФАНЪ.

Да, она!

ЭПИДИЙЪ.

ФИЛИППА.

Такъ съ ней велишь мнѣ цѣловаться?

ПЕРИФАНЪ.

Что же,
Не цѣловаться съ дочерью своей?

ФИЛИППА.

Да ты помѣшанъ!

ПЕРИФАНЪ.

Я?

ФИЛИППА.

Ты самнй!

ПЕРИФАНЪ.

Что ты!

ФИЛИППА.

Да то, что я въ глаза ея не знаю,
Не знала, не видала никогда!

ПЕРИФАНЪ.

Я понимаю, въ чемъ твоя ошибка:
Ея наружность вѣрно, измѣнилась
Отъ новаго наряда!

ФИЛИППА.

Отъ котятъ

И духъ не тотъ, что духъ отъ поросаты!
Не знаю, кто она! ¹⁾

ПЕРИФАНЪ.

Клянусь богами,
Клянусь людьми! Я дѣлаюсь ленономъ!
Въ моемъ дому чужіе завелись!...

¹⁾ Aliter felis catuli longe olent, aliter suis. v. 564.

Въ большаинствѣ изданій читается: „aliter catuli longe olent, aliter sues“.
Очевидно, поговорица.

ЭПИДИКЪ.

Я изъ дому выбрасываю деньги!...
Ну, ты, что „батьюшкой“ меня зовешь,
Цѣлуешься!... Ну, что ты отупѣла?
Что ты молчишь?

ЦИТАРИСТКА.

О чемъ же говори
Я буду?

ПЕРИФАНЪ.

Вотъ она сказала, будто
Не мать тебѣ!

ЦИТАРИСТКА.

Не хочеть, такъ не буде
А все-таки я дочерью останусь
Для матери. Не должно принуждать,
Чтобъ противъ воли матерью моею
Она считалась.

ПЕРИФАНЪ.

Такъ скажи, зачѣмъ же
Меня-то ты отцемъ своимъ звала?

ЦИТАРИСТКА.

И въ этомъ не моя вина—твоя!
И не зови ты дочерью меня,
И я тебя отцемъ не назвала бы.
Вѣдь и ее бы матерью звала я,
Лишь дочерью меня зови она;
А не считаетъ дочерью меня,
Я матерью считать ее не буду.
Въ концѣ концовъ, тутъ не моя вина:
Я говорила то, что заучила:
Эпидикъ былъ учителемъ моимъ.

ПЕРИФАНЪ.

Совсѣмъ погибъ! Надѣлалъ же я дѣла!

ЭПИДИКЪ.

ЦИТАРИСТА.

Да въ чемъ же предъ тобой я провинилась?

ПЕРИФАНЪ.

Клянусь тебѣ, хоть разъ еще услышу,
Что ты зовешь меня своимъ отцемъ,
Убью тебя!

ЦИТАРИСТА.

Не назову: угодно
Отцемъ моимъ считаться, такъ и будь;
Не хочешь—и не будешь.

ФИЛИППА.

Ты вѣдь думалъ,
Что покупалъ, конечно, дочь свою!
На чемъ же ты основывался въ этомъ?

ПЕРИФАНЪ.

Да ни на чемъ!

ФИЛИППА.

Съ чего-нибудь ты взялъ,
Что это наша дочь?

ПЕРИФАНЪ.

Мой рабъ, Эпидикъ,
Меня увѣрилъ въ этомъ.

ФИЛИППА.

Ну, положимъ,
Что такъ рабу и показалось; какъ же
Ты самъ-то разузнать не могъ? Подумай!

ПЕРИФАНЪ.

Какъ въ первый разъ я увидалъ ее,
Такъ больше съ ней уже и не видался.

ФИЛИППА.

Несчастіе!

ПЕРИФАНЪ.

Не плачь, ступай ко мнѣ
И успокойся! Нашу дочь найду я.

ФИЛИППА.

Ее купилъ афинскій гражданинъ:
Онъ—юноша, при этомъ говорили.

ПЕРИФАНЪ.

Найду ее! Ты только успокойся,
Иди ко мнѣ, да посмотри за этой
Цирцеей, дочкой солнца... ¹⁾ Все оставлю,
Чтобъ только мнѣ Эпидика сыскать:
Тотъ день, какъ мнѣ онъ попадется въ руки,
И будетъ для него послѣднимъ днемъ!

XIII.

СТРАТИППОКЪ, ЭПИДИКЪ, РОСТОВЩИКЪ И ТИВЕСТИДА.

СТРАТИППОКЪ.

Досадно мнѣ, что ростовщикъ неидетъ
За деньгами и не приводитъ ту,
Которую купилъ я изъ добычи
Военной.... Вотъ подходитъ и Эпидикъ....
Наморщилъ что-то лобъ! Что значить это?

ЭПИДИКЪ.

Да если бы теперь и самъ Юпитерь
Привелъ другихъ одиннадцать боговъ,
И всё-то вмѣстѣ, право, не смогли бы
Спасти меня отъ петли. Видѣлъ самъ,
Какъ Перифанъ ремни купилъ; при этомъ
И Апецидъ, конечно, былъ. Теперь

¹⁾ *Observe Circam, Solis filiam.* v. 589.
Думаютъ, что здѣсь Цирцея употреблено въ смыслѣ „чародейка“, „обманщица“.

ЭПИДИКЪ.

Они меня отыскивають вѣрно!
Знать, поняли, что ихъ я обманулъ.

СТРАТИППОКЪ.

Ну, что съ тобой, прибѣжище мое?

ЭПИДИКЪ.

Несчастіе!

СТРАТИППОКЪ.

Да что же, говори!

ЭПИДИКЪ.

А что же мнѣ ты не готовишь денегъ
На путь-дорогу, прежде чѣмъ погибну?
Вѣдь оба безволосныхъ старика
По городу меня усердно ищутъ;
Въ рукахъ у нихъ толстѣйшія веревки.

СТРАТИППОКЪ.

Не бойся же...

ЭПИДИКЪ.

Да станеть ли бояться
На вольномъ свѣтѣ вольный человекъ!

СТРАТИППОКЪ.

Я буду охранять тебя...

ЭПИДИКЪ.

Покрѣпче

Они меня сумѣютъ охранить,
Какъ только въ руки ихъ я попадусь.
А это что за женщина идетъ,
И съ ней сѣдой старикъ! ¹⁾

¹⁾ Sed quis haec muliercula, et illic gravastellus qui venit? v. 605.

У Генперта: „et ille graculus bellus; въ переводѣ удержано первое чтение.

СТРАТИППОКЪ.

Да ростовщикъ,
А съ нимъ и та, которую купилъ я
Изъ взятыхъ на войнѣ.

ЭПИДИКЪ.

Такъ вотъ она!

СТРАТИППОКЪ.

Ну, да! Смотри: вѣдь точно такова,
Какъ я тебѣ разказывалъ, Эпидикъ.
Ты посмотри, она отъ ноготка
До волоска красавица! Вѣдь правда?
Вѣдь это совершенная картинка!

ЭПИДИКЪ.

Ты скажешь, что и кожа у меня
Прелестна вскорѣ будетъ, какъ Зевесисъ
И Апеллесъ вдвоемъ ее распишутъ
Вязовыми цвѣтами.

СТРАТИППОКЪ.

Удивляюсь,

Клянусь богами, быстро же ты шелъ!
Да вѣдь иной съ распухшими ногами
Сюда пришелъ скорѣ бы, чѣмъ ты!

Ростовщикъ (показываетъ на Телестиду).

Клянусь, задержка вышла отъ нея.

СТРАТИППОКЪ.

Ну, ежели по этому замедлилъ,
То въ самомъ дѣлѣ слишкомъ ты спѣшилъ!

Ростовщикъ.

Ужь поскорѣ ты меня раздѣлай,
И денежки отсчитывай, а то
Своихъ я задержу, пожалуй...

ЭПИДИКЪ.

СТРАТИНПОКЪ.

Деньги

Отсчитаны.

Ростовщикъ..

Такъ вотъ для нихъ мѣшокъ!

СТРАТИНПОКЪ.

И дѣло! Подожди, сейчасъ же деньги
Я вынесу.

Ростовщикъ.

Скорѣ...

СТРАТИНПОКЪ.

Да вѣдь дома... (уходитъ).

ЭПИДИКЪ (Телестида).

Не знаю, вѣрять ли своимъ глазамъ?..
Сдается: ты изъ Фивъ, ты дочь Филиппа,
Родилась въ Эпидаврѣ... Телестидой
Тебя зовутъ. Ты дочка Перифана?

ТЕЛЕСТИДА.

Но кто же ты? Ты знаешь, какъ зовутъ
Монхъ родителей, меня?

ЭПИДИКЪ.

Не знаешь?

ТЕЛЕСТИДА.

Теперь я начинаю вспоминать...

ЭПИДИКЪ.

А помнишь ли: въ день твоего рожденья
Тебѣ принесъ я золотую лунку
И перстенецъ золотенькій... ¹⁾.¹⁾ Lunulam atque anellum... v. 626.

Calceus et soleae составили обувь Римлянокъ. Calceus закрывалъ всю ступню, или большую часть ея, и былъ въ родѣ башмака. Soleae—собственно

Телестида.

Теперь

Припомнила! Такъ это ты былъ?

Эпидикъ.

Я!

А тотъ—другой—былъ братъ твой по отцу,
А не по матери...

Телестида.

А мой отецъ?

Онъ живъ?

Эпидикъ.

Ужь будь покойна.

Телестида.

Если правду

Ты говоришь, то вѣрно, сами боги
Хотятъ меня, погребшую, спасти!

Эпидикъ.

Зачѣмъ же мнѣ обманывать тебя?

домашняя обувь. Она состояла изъ подковы или искусственной подошвы, подкладываемой подъ ногу; дѣлались изъ кожи, пробковаго или другаго дерева и прикрѣплялась къ ногѣ ремнями. Верхняя часть ноги оставалась открытою и переплетенною только ремнями отъ искусственной подошвы. Ремень проходилъ между большимъ и вторымъ пальцами и пряжкой въ еорнѣ сердца, язычка или *луми* (*lunata ligula, lunula*); онъ прикрѣплялся къ другому ремню, идущему къ верхней части ступни во всю ея длину, и соединялся сзади съ подошвой около лодыжекъ. Иногда же вѣсто одного ремня шли отъ пряжки (*ligula*) два ремня по обѣимъ сторонамъ ступни и соединялись съ подошвою по бокамъ ступни между пальцами и пяткой; другіе же два ремня проходили къ лодыжкамъ, тутъ обвязывались и поддерживали обувь сзади. Иногда прикрѣпляли нѣсколько ремней, которые, проходя по бокамъ ступни, то сверху во всю длину ея, сходились около лодыжекъ, завязывались узломъ и поддерживали обувь. См. Проппен, кн. II, стр. 230. *Calceus*—высокій башмакъ, перевязывался на верху ремешками и на подъемѣ украшался серебрянымъ *полумѣсяцемъ* (*lunula*), *луночкой*.

ЭПИДИКЪ.

СТРАТИППОКЪ (возвращаясь).

Вотъ деньги, ростовщикъ! Тутъ сорокъ мнѣ;
И ежели въ какой-нибудь монетѣ
Ты усомнишься, я переменяю.

Ростовщикъ.

Благодарю! Счастливо оставаться!

СТРАТИППОКЪ (Телестида).

Вотъ, наконецъ моя ты!

Телестида.

Да, сестра!

Вѣдь и тебѣ объ этомъ должно знать...
Здорово, братецъ!

СТРАТИППОКЪ.

Что она? Въ умѣ ли?

Эпидикъ.

Ужъ, знать, въ умѣ, когда такъ назвала.

СТРАТИППОКЪ.

Какъ? Я успѣлъ ей братомъ стать въ то время,
Покуда въ домъ входилъ и выходилъ?

Эпидикъ.

А ты бы лучше радовался молча!

СТРАТИППОКЪ.

Чтобъ потерять, ты вновь меня нашла.

Эпидикъ.

Молчи, безумный: дома цитаристка
Вѣдь ждетъ тебя по милости моей;
Да и сестрѣ-то я же постарался
Свободу предоставить...

СТРАТИППОКЪ.

Сознаюсь,

Эпидикъ, виновать!

Эпидикъ.

Теперь ступай,

Да прикажи, чтобъ ей воды нагрѣли ¹⁾.
Объ остальномъ узнаешь на досугѣ.

СТРАТИППОКЪ.

Итакъ, сестра, иди теперь за мной.

Эпидикъ.

Я Теспріона къ вамъ сюда пришлю.
Да только если старцы разъярятся,
Ужъ вмѣстѣ вы вступитесь за меня.

СТРАТИППОКЪ.

И это такъ легко! (уходитъ съ Телестидой).

Эпидикъ.

Эй, Теспріонъ!

Скорѣе, черезъ садъ пройди... Ты долженъ
Помочь мнѣ дома: важныя дѣла!
Ужъ стариковъ я не боюсь, какъ прежде!
Я въ домъ войду, чтобъ предварить гостей.
Тамъ Стратиппоку все скажу, что знаю.
Я не бѣгу: останусь дома... Пусть же
Старикъ меня не укоряетъ, будто
На скорость ногъ своихъ я полагался...
Пойдти домой! Ужъ слишкомъ заболтался.

¹⁾ iube hinc aquam calefieri v. 639.

У древнихъ путникамъ омывали ноги, а впоследствии предлагалось и полное омовеніе. Уже Цецеронъ пишетъ одному изъ своихъ друзей: «Я тебя уведомляю о своемъ пріѣздѣ, чтобы ты приготовилъ баню» (Ер. fam. lib. IX, ep. V).

XIV.

ПЕРИФАНЪ, АПЕЦИДЪ И ЭПИДИКЪ.

ПЕРИФАНЪ.

Ужь, кажется, надъ нами, стариками,
Натѣшился Эпидикъ въ волю!

АПЕЦИДЪ.

Право,
Совсѣмъ ужь ты меня измучилъ.

ПЕРИФАНЪ.

Полю!
Вотъ только дай его мнѣ отыскать!

АПЕЦИДЪ.

Ужь я тебѣ сказала свое, а тамъ
Какъ знаешь! Лучше понщи другого
Товарища: отъ этой бѣготни
Съ устатка ноги до колѣнъ распухли.

ПЕРИФАНЪ.

И какъ ужь надо мною и надъ тобой
Онъ не натѣшился сегодня! Даже
Повытанулъ всѣ денежные средства.

АПЕЦИДЪ.

Пусть будетъ онъ подальше отъ меня!
Онъ просто сынъ взбѣшеннаго Вулкана:
Сжигаетъ все, къ чему ни прикоснется;
Поближе подойди—такъ онъ изжарить.

ЭПИДИКЪ.

Не дюжина безсмертныхъ Олимпійцевъ,
А всѣ, какіе только существуютъ,
Всѣ за меня и ратуютъ со мной!
Хоть я и напроказилъ, все же дома

Есть помощь и защита у меня.
Враговъ своихъ я смѣло полираю.

Перифанъ.

И гдѣ теперь его искать?

Апецидъ.

Гдѣ хочешь,
Ищи, но безъ меня; по мнѣ, пожалуй,
Ищи на днѣ морскомъ...

Эпидиѣвъ.

Меня ты ищешь?
Трудяшься самъ и мучишь Апецида!
Ну, вотъ и а! Вѣжаль я, что ли? Или
Изъ дому отлучился? Или скрылся?
Не буду у тебя просить прощенья.
Связать меня ты хочешь—вотъ и руки:
Я знаю, у тебя вѣдь есть ремни;
Я видѣлъ самъ, какъ ты и покупалъ ихъ!
Чего же ждать теперь еще? Вязи!

Перифанъ.

Да онъ меня, пожалуй, въ судъ потянетъ!

Эпидиѣвъ.

Ну, что жъ меня не вяжешь ты?

Перифанъ.

Клянусь!

Разбойникъ—рабъ!

Эпидиѣвъ.

Тебя же, Апецидъ,
И не прошу я за меня вступаться...

Апецидъ.

Ну, этого легко достигнемъ!

Эпидикъ.

Эпидикъ.

Что жь?

Перифанъ.

По твоему рѣшенію и будетъ!

Эпидикъ.

Клянусь, ты мнѣ сегодня свяжешь руки
Не по своей, а по моей же волѣ.

Перифанъ.

Не хочется: я не свяжу тебя.

Апецидъ.

Смотри: онъ что-то замышляетъ; вѣрно,
Готовить вновь какой-нибудь обманъ.

Эпидикъ.

Чего ты ждешь? Зачѣмъ я на свободѣ?
Скрути меня, вѣдь говорю...

Перифанъ.

Да мнѣ

Желательно допрашивать тебя,
Покуда ты не связанъ.

Эпидикъ.

Ничего

Ты не узнаешь этакъ.

Перифанъ.

Что же дѣлать?

Апецидъ.

Что? Выполнить желаніе его.

Эпидикъ.

Какой добрякъ ты, Апецидъ!

Перифанъ.

Дай руки.

ЭПИДИКЪ.

Ужь долго не заставать ждать себя...
Важн покрѣиче... Не зачѣмъ щадить!

ПЕРИФАНЪ.

Когда свяжу, поговоримъ объ этомъ.

ЭПИДИКЪ.

Ну, хорошо! Допрашивай теперь:
Разпрашивай, о чемъ тебѣ угодно.

ПЕРИФАНЪ.

Вопервыхъ, какъ ты смѣлъ меня увѣрить,
Что дѣвушка, которую купилъ я
Два дня тому назадъ, мнѣ дочь?

ЭПИДИКЪ.

Да такъ

Хотѣлось мнѣ, поэтому и смѣлъ.

ПЕРИФАНЪ.

Тебѣ „хотѣлось“—смѣешь говорить?

ЭПИДИКЪ.

Хотѣлось! Объ закладѣ готовъ побиться,
Что дочь—она.

ПЕРИФАНЪ.

Да мать-то говорить,
Что знать ее не знаетъ!

ЭПИДИКЪ.

Впрочемъ, если

Ужь матери своей она не дочь,
За твой талантъ готовъ я нуммъ поставить
Въ закладъ...

ПЕРИФАНЪ.

И тутъ какой-нибудь обманъ...
Да что жъ она за женщина?

Эпидикъ.

Эпидикъ.

Такъ знай же:

Возлюбленная сына твоего.

Перифанъ.

Вѣдь тридцать минъ тебѣ я прежде выдалъ
За дочь свою.

Эпидикъ.

Дѣйствительно, ты далъ;

А я тогда купилъ на эти деньги
Совсѣмъ не дочь твою, а цитаристку,
Которую твой сынъ любилъ, и этихъ
Съ тебя стануль я тридцать минъ.

Перифанъ.

Зачѣмъ

Дурачилъ насъ взаимной цитариствой?

Эпидикъ.

И это такъ, и это было нужно.

Перифанъ.

И наконецъ, куда дѣвалъ ты деньги,
Которыя тебѣ я далъ?

Эпидикъ.

Скажу:

Я далъ ихъ не дурному человѣку,
Не недостойному какому, словомъ,
Я далъ ихъ твоему же Стратиппоглу.

Перифанъ.

Да какъ же смѣлъ ты?

Эпидикъ.

Такъ ужь мнѣ хотѣлось.

Эпидикъ.

133

Перифанъ.

Что за безстыдство у тебя, бездѣльникъ!

Эпидикъ.

И на меня кричать, какъ на раба!

Перифанъ.

А ты свободенъ? Съ чѣмъ и поздравляю!

Эпидикъ.

По крайней мѣрѣ заслужилъ свободу!

Перифанъ.

Ты заслужилъ?

Эпидикъ.

Войди въ свой домъ, узнаешь,

Что правъ я.

Перифанъ.

Что же тамъ я стану дѣлать?

Эпидикъ.

На дѣлѣ все увидишь, лишь войди.

Перифанъ.

Тутъ что-нибудь не даромъ!.. Апецидъ,
Понаблуди за нимъ (уходитъ).

Апецидъ.

Зачѣмъ, Эпидикъ,

Спровадилъ Перифана?

Эпидикъ.

Да, клянусь!

Я выношу ужасныя обиды!

Эпидикъ.

И связанъ я, я, чьими хлопотами
Отыскана сегодня дочь его!

Апецидъ.

Ты говоришь, что дочь его сыскалъ ты?

Эпидикъ.

Сыскалъ! Она ужь въ домъ Перифана,
И какъ несправедливо—за добро
Подобнымъ зломъ отплачивать въ награду!

Апецидъ.

Такъ вотъ кого по городу сегодня
Искали мы! Измучились, искавши!

Эпидикъ.

Измучились вы въ поискахъ за мной,
А я усталъ не меньше, Перифану
Отыскивая дочь!

Перифанъ (возвращаясь, говоритъ дѣтямъ).

И не просите!

Онъ заслужилъ, я это понимаю...
(Эпидику) Иди ко мнѣ, дай руки развязать.

Эпидикъ.

Не трогай!

Перифанъ.

Дай же руки...

Эпидикъ.

Не желаю.

Перифанъ.

Но ты не правъ!

ЭПИДИКЪ,

Клянусь тебѣ, пока
Я удовольствованъ вполне не буду,
И развязать себя я не позволю.

ПЕРИФАНЪ.

Вполнѣ законно требуешь: и соеки,
И палліумъ, и тунику дарю! ¹⁾

ЭПИДИКЪ.

И къ этому еще дарить...

ПЕРИФАНЪ.

Свободу.

ЭПИДИКЪ.

А послѣ?... Вновь-отпущенному нужно
И закусить...

ПЕРИФАНЪ.

И это будетъ: я
Объ этомъ позабочусь.

ЭПИДИКЪ.

Если только
Просить меня не будешь, ни за что
Развязывать меня я не позволю.

ПЕРИФАНЪ.

Прошу тебя, прости меня, Эпидикъ,
Въ чемъ невзначай я провинился такъ.
Въ награду будь свободенъ!

9)

... soccos, tunicam, pallium

Tibi dabo. v. 708—709.

Soccos—нижній башмакъ.

№ 10.

ЭПИДЕМЪ:

ЭПИДЕМЪ.

Противъ воли—
 Нужда велитъ—прощай тебѣ.
 Теперь меня развязывать ты можешь...

ТРУИНА:

Вотъ человекъ, сумѣвшій отыскать—
 Благодаря лукавству лишь—свободу...
 И вы должны ему рукоплескать
 И уходить, себя и намъ въ угоду.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ПЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной высочайшій указъ.

	СТРАН.
О приведеніи въ дѣйствіе общаго устава и временныхъ штатовъ Императорскихъ російскихъ университетовъ	23

Высочайшій рескриптъ.

Нашему Императорскому университету св. Владимира	74
--	----

Высочайшія повелѣнія.

1. (1-го мая 1884 г.). По положенію объ Александровскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ въ гор. Киржачѣ	3
2. (6-го іюля 1884 г.). Объ утвержденіи проекта устава пенсіонной кассы главнаго нѣмецкаго училища св. Петра въ С.-Петербургѣ. . .	—
3. (13-го іюля 1884 г.). О размѣрѣ пенсій лицамъ русскаго происхожденія, перешедшимъ изъ имперіи на учебную службу въ губерніи царства Польскаго, при выходѣ ихъ въ отставку по болѣзни прежде вслуги 5 лѣтъ въ царствѣ и 3 лѣтъ въ должности	75

Высочайшія приказы.

13-го іюля 1884 года (№ 7)	76
--------------------------------------	----

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

	СТРАН.
1. (8-го іюля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Констанціи Федоровны Гросвальдъ при Тверской Маріинской женской гимназій	4
2. (17-го іюля 1884 г.). Правила о преміи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Рахманинова	5
3. (18-го іюля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Перискомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ	6
4. (18-го іюля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о выпискѣ третьяго прибавленія къ Почтовому дорожнику, изданіе 1880 года	7
5. (18-го іюля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей „Отънной классной таблицы“ К. А. Шмидта	8
6. (24-го іюля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о содѣйствіи духовенству въ дѣлѣ церковно-приходскихъ школъ	—
7. (26-го іюля 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей изданнаго Настюковымъ „Альбома фотографическихъ группъ волостныхъ старшинъ, бывшихъ на Священномъ Коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ“	12
8. (14-го августа 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о сношеніяхъ предварительно открытія училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ церковно-приходская школа, съ мѣстными преосвященными архіереями	13
9. (15-го іюля 1884 г.). Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія начальникамъ учебныхъ округовъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Оренбургскаго, Дерптскаго и Кавказскаго о порядкѣ приѣма еврейскихъ дѣтей въ учебныя заведенія	77
10. (21-го іюля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Томской губернской гимназій и училищъ Томской губерніи, статскаго совѣтника Ивана Кузьмича Смирнова	78
11. (4-го іюля 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Маркса Аріановича Данцига при Виленской мужской прогимназій	79
12. (15-го августа 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта, адмирала Козакевича, при Кронштадтской Александринской женской гимназій	80
13. (18-го августа 1884 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о пособіяхъ законоучителямъ народныхъ школъ	81
14. (19-го августа 1884 г.). Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Ивана Алексѣевича Петровскаго при Зѣньковской женской прогимназій	82

15. (28-го августа 1884 г.). Положеніе о преміи имени Андреа Штрауса при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ	83
16. (28-го августа 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго управляющаго Фастовскою желѣзною дорогою барона Оскара Федоровича Гана при Бѣлоцерковской гимназій	84
17. (7-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта, адмирала Козакевича, при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ	85
18. (7-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта, адмирала Козакевича, при Кронштадтской мужской гимназій	86
19. (7-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени дворянки дѣвicy Каролины Петровны Сварской при 1-й Виленской мужской гимназій	87
20. (12-го сентября 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи въ министерство отчетовъ о народныхъ школахъ	88
21. (14-го сентября 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Георгіевича Иващенко при Черниговской мужской гимназій	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Священная исторія Ветхаго Заветъ. II. <i>Смирнова</i> “	13
О книгѣ: „Священная исторія Новаго Заветъ. II. <i>Смирнова</i> “	14
О книгѣ: „Пособіе при изученіи исторій русской словесности. Составилъ <i>П. Смирновскій</i> “	—
О книгѣ: „Методическая русская хрестоматія. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> “	—
О книгѣ: „Русская хрестоматія. Для 3-го и 4-го класса. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> “	—
О книгѣ: „Русская хрестоматія. Для двухъ первыхъ классовъ. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> “	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики. Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> “	—
О книгѣ: „Краткій учебникъ русской грамматики. Синтаксисъ и Этимологія, Составилъ <i>Левъ Поливановъ</i> “	—
О книгѣ: „Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. <i>А. Федорова</i> “	15
О книгѣ: „Русскія народныя пословицы и пѣсни. Составилъ <i>Семенъ Шафрановъ</i> “	80
О книгѣ: „ <i>Др. Кайгородовъ</i> . Краткій обзоръ растительнаго царства по климатическимъ поясамъ“	—
О книгѣ: „Домашнее воспитаніе. Составлено по сочиненіямъ <i>Умми-</i>	—

скаю, <i>Водовозова</i> и других педагоговъ	90
О книгѣ: „Концетрической учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Составилъ <i>В. С. Игнатевичъ</i> “ . . .	91
О книгѣ: „Климаты земнаго шара, въ особенности Россіи. <i>А. И. Востыкова</i> “	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Протоіерея <i>Иоакима Романова</i> “	15
О книгѣ: „Жизнь и ученіе Іисуса Христа. Евангельскіе разказы“.	—
О книгѣ: „Книга для назидательнаго чтенія.“ Изъ журнала „Воскресное чтеніе“	—
О книгѣ: „Для народныхъ школъ“. Сборникъ статей изъ „Воскреснаго чтенія“	—
О книгѣ: „Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Протоіерея <i>Петра Смирнова</i> “	—
О книгѣ: „Наставленіе въ Законъ Божіемъ. Протоіерея <i>Петра Смирнова</i> “	—
О книгѣ: „Вънчаніе Русскихъ государей на царство. Изданіе <i>Г. Гюппе</i> “	16
О книгѣ: „Краткая отечественная географія. <i>И. Михайлова</i> “ . . .	—
О книгѣ: „Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. <i>А. Герда</i> . . .	—
О книгахъ: <i>Н. Бунакова</i> : 1) „Азбука и уроки чтенія и письма“.	
2) „Книжка-первынка“. 3) „Въ школъ и дома, ч. I“.	
4) „Въ школъ и дома, ч. II“.	
5) „Грамматическія и орфографическія упражненія въ начальной народной школъ“.	
6) „Въ школъ и дома, ч. III“	—
О книгѣ: „Книга для чтенія. Составилъ <i>А. Барановъ</i> “	—
О книгѣ: „Картофель. Составилъ <i>В. Д. Кренке</i> “	—
О книгѣ: „Методика обученія письму въ народной школъ. Составилъ <i>С. Миропольскій</i> “	—
О книгѣ: „Родной языкъ. Составилъ <i>Н. Бунаковъ</i> “	17
Объ изданіяхъ редакціи журнала „Мірской Вѣстникъ“: 1) „О земной жизни Пресвятой Богородицы“.	
2) „Преподобный Исаакій Далматскій“.	
3) „Житіе св. преподобномученика и исповѣдника Теодора“.	
4) „Житіе св. великомученика Пантелеймона“.	
5) „Жизнь и страданіе св. мученика Михаила князя Черниговскаго“.	
6) „Житіе св. мучениковъ Адриана и Натали“.	
7) „Объясненіе всемогущаго бдѣнія“.	
8) „Христіанскій подвигъ солдата“	—
О книгѣ: „Жизнь преподобнаго Θεодосія Печерскаго. Составилъ <i>И. Бмалецъ</i> “	—
О книгѣ: „Сказаніе о подвигахъ св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго. Сочиненіе <i>И. Ремезова</i> “	—
О книгѣ: „Митрополитъ Филиппъ. <i>Т. Толмачевой</i> “	—

О книгѣ: „Для народнаго чтенія. О Киевской старинѣ. Составилъ *В. Щербина*“ 1

Объ заданияхъ постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ: 1) „Церковь Христа со временъ апостоловъ. Два чтенія: I. Св. апостолы. Св. мученики. Свящ. *Оттомча*. II. Св. отцы и учителя церкви. Св. первоучители славянскіе *Кирилл* и *Меоодій*. *А. Кочетова*“ . 2) „Соловецкій монастырь. *С. Максимова*“ . 3) „Нашествіе Татаръ и князь Михаилъ Тверской“ . 4) „Какъ изъ смѣчка вырастаетъ растеніе, какъ оно питается, какъ живетъ и чѣмъ полезно человеку. *Кн. В. М.*“ . 5) „Бесѣда о флотѣ. *Д. Шишарова*“ . 6) „Мореходъ Никитинъ. Пересказъ повѣсти *Марлиискаго*“ . 7) „Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ“

Изданныя Киевскимъ отдѣломъ Россійскаго Общества покровительства животнымъ книги подъ заглавіями: 1) „О вредѣ разоренія дѣтми птичьихъ гнѣздъ. Свящ. *Іоанна Граціанскаго*“ . 2) „Для народнаго чтенія. Изъ бесѣды о любви къ животнымъ (Отхотворенія Пушкина, Кольцова и Некрасова)“ 11

О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ. Составилъ *В. А. Естухескій*. Ч. I“

О книгѣ: „Сборникъ ариметическихъ задачъ и числительныхъ примѣровъ. Составилъ *В. А. Естухескій*. Ч. II“

О книгѣ: „Протоіерей Іоаннъ Исидоровичъ Кумпанъ, бывшій настоятель Свято-Троицкаго собора въ г. Керчи. Составилъ священникъ *Дмитрій Говоровъ*“

О книгахъ, составленныхъ священникомъ *В. Плясовымъ*: 1) „Языческая вѣра до Христа Спасителя и обращеніе ко Христу язычниковъ трудами святыхъ апостоловъ“; 2) „О трудахъ святыхъ апостоловъ въ распространеніи вѣры Христовой“; 3) „Гоненія христіанъ отъ язычниковъ и святые мученики, ч. I“; 4) Гоненія на христіанъ отъ язычниковъ и святые мученики, ч. II“

О книгѣ для чтенія *Н. Бунакова* подъ заглавіемъ: „Въ школѣ и дора, чч. I и II“ 92

О книгахъ, составленныхъ протоіереемъ *Гр. Дебольскимъ*: 1) „Почтеніе православной церкви о спасеніи міра“; 2) „Дни богослуженія православной церкви“; 3) „О любви къ отечеству и труду по слову Божию“ 93

О книгахъ: 1) „Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученія архіепископа Черниговскаго *Филарета*“; 2) „Поученія, сказанныя воспитанникамъ Смольнаго Александровскаго училища. Прот. *І. Романова*“; 3) Слова, бесѣды и поученія. Архимандрита *Макарія*“; 4) „Поученія на великіе праздники православной церкви и на первую недѣлю великаго поста. Архимандрита *Іосифа*“; 5) „Катихизическія поученія на символъ вѣры, молитву Господню, блаженства евангельскія и на десять заповѣдей Божіихъ. Свящ. *Петра Макарова*“; 6) „Поученія къ простому народу. Свящ. *Іоанна Архангельскаго*“

О книгахъ: 1) „О терпѣннѣ скорбей. Ученіе святыхъ отцовъ, собранное епископомъ *Иенатіемъ*“; 2) „О кончинѣ міра“; 3) „Кающійся грѣшникъ“; 4) „Причастникъ святыхъ Христовыхъ Тайнъ“ 94

О книгѣ: „О священномъ вѣчаніи православныхъ царей на царство. <i>Е. Тихомирова</i> “	94
О книгѣ: „Книга для чтенія, призначенная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по „Родному Слову“ К. Ушинскаго. Составилъ <i>А. Барановъ</i> “	—
О книгѣ: „Разказы о землѣ и небѣ. <i>Александра Иванова</i> “	—
Официальныя извѣщенія	18 и 94
Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣ- щенія	20

ОТДѢЛЪ НАУБЪ.

В. Г. Дружининъ. О житіи Корнилія Выгопустинскаго, написан- номъ Пахоміемъ	1
А. Н. Веселовскій. Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрія. V—VIII. (<i>Окончаніе</i>)	16
И. А. Тихомировъ. О Лаврентьевской гѣтониси	289
Я. Г. Гуревичъ. Происхожденіе войны за Испанское наслед- ство и коммерческіе интересы Англій. IX—XI	271
И. А. Смирновъ. Землеуладѣніе въ Хорватіи и Далмаціи въ X—XI вѣкахъ.	306

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Левицкій. Болгарская дума древней Руси. <i>В. Ключевскаго</i> . М. 1883	86
И. А. Козеко. Введеніе христіанства въ Лифляндіи. <i>Г. Трус- мана</i> . С.-Пб. 1884	123
А. И. Соболевскій. Къ исторіи звуковъ ново-болгарскаго языка	155
В. П. Ш. Древности вавилоно-ассирійскія. <i>Н. Астафьева</i> . С.-Пб. 1882	160
К. О. Мережковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи	177
И. П. Минаевъ. Великій русскій миссіонеръ	219
Н. И. Петровъ. Вліяніе церковнаго ученія и духовной письмен- ности на міросозерцаніе Русскаго народа. <i>А. Попова</i> . К. 1883	237
Е. Н. А. Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ. <i>А. Федорова</i> . С.-Пб. 1884	238
Die Stundenpläne für Gymnasien, Realgymnasien und Realschulen Deutschlands. Von <i>Ullig</i> . Halle 1884.	236
Ө. И. Успенскій. Сношенія Рима съ Москвою (разборъ трудовъ по русской исторіи о П. Пирлинга) (<i>Окончаніе</i>)	316
В. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа.	340

	СТРАН.
И. П. Минаевъ. Русскіе помыслы объ Индіи въ старину.	349
А. М. Позднѣевъ. Lao-tse's Tao-té-King, bearb, v. <i>Friede</i> . 1884.	360
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Chronique dite de Nestor, traduite par L. Leger. 1884	367
И. А. Водуевъ-де-Куртенэ. Новый журналъ по общему языковѣдѣнію	380

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ семи книгъ)	1
--	---

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Московскій публичнй и Румянцевскій музеи съ 1879 по 1882 годъ	1
Пятидесятилѣтній юбилей Императорскаго университета Святаго Владиміра	23
Издвстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній 10 и 32 Л. Д.—рѣ. Письмо изъ Парижа	48

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. В. Никитскій. Одна изъ ненаданныхъ надписей Олимпіи (со снимкомъ)	1
Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. III (продолженіе)	16
Э. М. Шульце. Новые раскопки на Делосѣ	38
М. П. П—скій. Эпидикъ. Комедія М. А. Плавта	55

Въ приложеніи:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (продолженіе)	193
--	-----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Вязьмы“, „Картина взятія Плевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

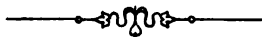
Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разслана подписчикамъ X-я,
ОКТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Посмертныя записки Ник. Иван. Пирогова. Гл. VII—XX.—
II. Василий Васильевичъ Самойловъ. Пятидесятилѣтіе его артистической дѣятель-
ности: 1834—1884 гг.—III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: рукописи поэта, хра-
нящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.—IV. Николай Васильевичъ Бергъ:
Московскія его воспоминанія. — Очеркъ его жизни. — V. Поэтъ-крестьянинъ
Спиридонъ Дромишинъ въ воспоминаніяхъ о его жизни и поэзіи, 1848—1884 гг.—
VI. Въ Правительствующемъ Сенатѣ въ 1840—1862 гг.—VII. Русско-турецкая война
за Кавказомъ въ 1853 и 1854 гг. Изъ записокъ ген. отъ инф. М. Я. Ольшев-
скаго.—VIII. Гатчинскій дворецъ, 1784—1884 гг.—IX. Андрей Никифоровичъ Воро-
нхинъ, профессоръ архитектуры. — X. Дворянство Ростовскаго уѣзда, Ярослав-
ской губ. въ 1806—1812 гг.—XI. Матеріалы и замѣтки: „Партизанъ“, стихотво-
р. Дениса Давыдова.—Анастасія Пушкина.—Авраамъ Веселовскій.—Петръ Ив.
Ривордъ. — Н. И. Пироговъ. — Сотвореніе секретаря, сатира XVIII в.—
XII. Памятникъ на могилѣ Волянского.—XIII. Библиографическія листки.

Приложенія: I. Портретъ Василя Васильевича Самойлова, гравированъ на
мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣрляпъ. — II. Судъ на Руси до реформы, каррика-
тура XVIII-го вѣка.

Вышло второе изданіе первыхъ шести книгъ „Русской
Старины“ 1884 года, а потому подписка продолжается и гг.
подписчики получаютъ всѣ двѣнадцать книгъ этого журнала
за 1884 г. съ гравюрами и портретомъ А. С. Пушкина,
отпечатаннымъ красками.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Открыта подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1885 г.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Лица, подписавшіяся на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г. по 1-ое декабря 1884 г., получаютъ за одинъ руб. съ пересылкою новое изданіе книги М. И. Семевскаго: «ЦАРИЦА КАТЕРИНА АЛЕКСОВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ».

Цѣна этой книги для прочихъ лицъ 2 руб. 50 коп.

Продаются книги:

I. „Царица Прасковья“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, очеркъ М. И. Семевскаго, цѣна два рубля съ пересылкою; для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ цѣна одинъ рубль.

II. „Записки сельскаго священника“, изданіе исправленное, цѣна одинъ рубль.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТЪ

Императора Александра III,

изданный художникомъ А. И. Авнатомовымъ, вышелъ 2-мъ изданіемъ и поступилъ въ продажу; грудной въ натуральн. велич. (овальный) выш. 18, шир. 15 вершк. Цѣна въ листахъ накатаннаго на скалку 10 руб. съ пересылкой. Наклеенный на холстъ и патанутый на подрамникъ 12 р. За укладку въ ящикъ съ обшивкой 3 руб., итого 15 р.; въ-сомъ отъ 30 до 40 фунт. По пересылкѣ, во сколько таковая обойдется, будетъ высланъ подробный счетъ.

Олеограф. портретъ, поправленный отъ руки масляными красками, отъ 25 до 50 р.

Также принимаю заказы на портреты, писанные на холстѣ вышеозначенныхъ размѣровъ отъ 50, 75 до 100 р. и во весь ростъ, смотря по величинѣ и работѣ, отъ 200 до 300 р. и дороже. Золотныя рамки для грудн. портретовъ отъ 25 до 50 руб., а во весь ростъ отъ 125 до 200 рублей.

На дняхъ вышли и поступили въ продажу литограф. портреты министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого и министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова. Вышина портр. 15 и шир. 9 вершк. (овальные). Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.—Означенные портреты можно получать и по заказу, наклеенные на картонъ и писанные масл. красками, цѣною 35 р., съ укладкой въ ящикъ и перес. 40 р., а въ золот. рамѣ 50 р. Эти же портреты, писанные на холстѣ маслян. красками въ натуральн. величину, грудной 100 р., въ золот. рамѣ 130 р., съ укладкой въ ящикъ и пересылкой 140 руб.

Просить обращаться исключительно только къ самому издателю-художнику, А. Н. Авнатому, въ С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 40—42, кв. 7.

- л. 564. О Каландахъ.
- л. 568. «Лѣтописецъ въскорѣ» Никифора патр. съ прибавленіями Русскими.
- л. 576. Епифанія о пророкахъ.
- л. 578. Дороея объ апостолахъ.
- л. 580. Никифора патриарха объ «епискупьяхъ».
- л. 581. Правила 6-го собора о поущихъ въ церквяхъ.
- л. 588. Василія великаго о священническомъ чинѣ.
- л. 589. Объ апостольской церкви.
- л. 590 и 597. О божественной службѣ.
- л. 598 и 600. «О сѣни 1-го закона».
- л. 601. О ризахъ архіерейскихъ и священническихъ.
- л. 604. Кирилла Туровскаго. О черноризчествѣ чину (до 1174 и послѣ¹⁾).
- л. 611. Чинъ погребенія братіи.
- л. 613. «Рѣчь Жидовскаго языка преложена на Русскую»²⁾.
- л. 613. «Соудъ Ярославль Володимирица Правда Русьскаго»³⁾.
- л. 628. Уставъ св. к. Владимира (до 1011 г.)⁴⁾.
- л. 630. Уставъ о десятинѣ Новгородскаго князя Святослава. 1137 г.⁵⁾.

Само собою разумѣется, Русскія статьи, помѣщенныя въ этой Кормчей, особенно важны: это древнѣйшій списокъ ихъ, а нѣкоторые и сохранились только въ этомъ спискѣ.

Кормчая 1284 г.

Хранится въ Импер. Пуб. б—кѣ: въ л. 407 лл. въ два столбца.
Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И І К Л М Н О П
 Ѡ
 Р С Т Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Ю Я Ѡ
 Ѡ

¹⁾ Пам. XII в.—Рус. гр. Ув. 11.—Мах. Ист. Рус. Ц. III. 99.

²⁾ Иоан. Екз. Волг. изсѣд. Калайдовича стр. 193.

³⁾ Рус. Дост. I. 28.

⁴⁾ Доп. Ант. Ист. I. 1.—Макар. Ист. Рус. Ц. I. 118, 267. Невол. VI. 270.

⁵⁾ Рус. Дост. I. 82.

Въ записъ, находящейся на оборотѣ послѣдняго листа и написанной съ сокращеніями и частью вязью, читаемъ:

«Въ дні бѣгвѣрнаго Ѳолюба княза Іарова(а) і бра его Феодора. Разаньскихъ князь. і вѣкыѣ князи нѣре Іхъ. Анастасъ. бѣгъ и исти Іс Хъ Га Спса наг. носѣтивши стую цркъвъ Разаньскую і в совокоуплвнне сбпращащї съ единогѣсьмъ. і дѣомъ нѣрно. і вѣроваши Хѣв бѣгѣ і стму дѣу. бѣговѣрныа. князи ре ^{дана въ стѣ} дати за трудъ съ нбсѣми покоі. не прѣзрѣ Бѣ в державѣ нашеі цркъвъ. вдовѣстующъ. сирѣ безъ еппа и безъ оучѣныа стѣхъ оцѣ. бѣгримъ о сѣ Бѣ і прсвѣцного Маз(и)ма нѣтр(о)полѣта. Ісполнї бо жѣніа. Бомъ Ізбраноу пастырю і оучїю словеснѣ стѣ. правовѣрныа вѣрмъ нашеа оцѣо нѣму по дѣсїцїму еппу Іосѣ бснпсноѣ обла Разанѣѣ. о сѣ бѣгрї гѣство на прѣбство твое Іосѣе. еже о Хѣ прїавъ пѣше се о вѣкаго вѣчства прѣславнаго гра^м Кїева. Ѳ него же Ѳра нѣмъ бѣмѣ. азъ епѣ (Іо)сѣ ^{протопресвитеръ} Разанѣ и нспрѣвъ Ѳ нѣтрополѣ пренїсахъ. на увѣдѣнне разуму. і на просвѣщенїе вѣрнѣ і слушающїмъ і за стѣ повннхъ князь Разаньскѣ. і прѣсцѣнѣ епѣ. бѣ в любви пѣнне се гдѣству. князи нашї. нрѣ ти о Гѣ прѣсцѣнѣ еппе Іосѣе. нѣмъ же раздѣливше. на .е. чѣ Іспнсахомъ .н. днїнї. почахѣ нѣобра. .а. а кончахѣ декѣ .ѣ. В іѣ .ѣ. .ѣ. чѣ. слѣчного кру .е. а луньног .гї. законнѣ .ѣ. Індикѣ въ .гї. нѣмъ же грѣшннї. і худооумннї, мола вѣмъ сѣзно оцї и брамъ чтущїа а прѣписующїа легко Ісправлающе чѣтѣ. а не злословѣте. но на бѣгѣте і помїнайте...¹⁾»

Годъ 6792 въ соединенїи съ индиктомъ 13 указываетъ на мартовскїй годъ: сентябрьскому 6792 г. соотвѣтствуетъ индиктъ 12; годъ мартовскїй 6792 продолжался до марта, когда уже наступилъ сентябрьскїй 6793 г. и индиктъ 13.

Почтенїя Ефрема Сїрина до 1288 г.

Рукопись Импер. Публ. б—ки, написанная въ 1. на 225 лл. въ два столбца крупнымъ уставомъ, широко отставленными одна отъ другой строками.

¹⁾ Повторена съ измѣненїями запись Коричей, присланный изъ Болгарїи и писанной въ 6770 (См. О. Р. М. 292).

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И Ї Я К К
 Ѡ ѡ ѣ ѓ
 Л М Н О П Р С Т ОУ Ф Х
 Н О Р У Ф Х
 Ѡ ѡ
 Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Ю Я
 У

Часто употреблено у вм. оу, е вм. к, г на мѣстѣ послѣ согласныхъ
которые должны выговариваться мягко, к и ѣ вм. древняго а.

На послѣднемъ листѣ есть записъ, въ которой между прочимъ
написано слѣдующее:

В лѣто семокъ тысящѣ на
 писашася книги сѣи при
 црѣтѣ блгѣвѣрнаго цра
 Володимѣра свѣ Василю
 ва. оунука Романова. бллю
 бивому тивуну кго Петрови
 да аще приключится ко
 му сѣи книги прочита
 ти. то первомъ помани стро
 ители ихъ(.) написа же сѣи
 книги на сѣиѣ своиѣ дши
 и чадомъ своимъ. Лаврѣ
 итьми. Варварѣ. да и азѣ
 грѣшныи худыи Икъвѣ
 ѡверзѣ сквернаѣ своиѣ оу
 ста похвалю избраника
 бѣга. списавшаго книги сѣи....
 Семокъ тысящѣ оу коне
 чномъ родѣ бѣи мужѣ в та
 лѣта кму же издѣно бѣи
 оу стѣмъ крѣпныи Петрѣ

сынъ баше оу та времена
тивунъ оу князи Воло
димѣра(.) и бѣи оу него сѣ
именемъ Лаврѣнтнн. е
гоже оуда оучити стѣмъ
книгамъ. наказываш(е)
ѣплькыми заповѣдм(и)
на вса часы. самъ же сы(и)
строѣшеть снѣ книги с(ъ)
многомъ тцанькм. на
вса дѣи милуа мастера(.). . . .
. написа
кму снѣ книги худы
и недостонныи. и много
грѣшныи и чересъ силу
безаконныи худогъ Ие
въ.
. многа
лѣта князю Володимѣру
и княгини Волзѣ. и стро
ителю книгамъ симъ.

Князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, супругъ Ольги княгини, цесарь, упоминаемый въ этой записи, очевидно есть князь Владимірскій Волынскій, двоюродный братъ Льва Даниловича князя Галицкаго, сдѣлавшійся княземъ Владимірскимъ въ 1271 г. женатый на дочери Романа Михайловича кн. Брянскаго, Ольгѣ, умершій 10-го декабря 1288 года (въ пятницу). Если взять во вниманіе, что князь Владимиръ Васильковичъ послѣдніе четыре года жизни страдалъ отъ жестокой болѣзни, а въ записи выражено въ отношеніи къ нему простое пожеланіе многихъ лѣтъ безъ упоминанія о нездоровьи, то можно допустить предположеніе, что эта записъ, а слѣдовательно и книга писаны не позже 1284 г. Во всякомъ случаѣ она писана не позже конца 1288 г., не позже 6796 г. по обычному счету отъ сотворенія міра.

Книга эта извѣстна изъ многихъ списковъ, только болѣе позднихъ, XIV вѣка и слѣдующихъ: это выборъ изъ поученій Ефрема Сирина, сдѣланный въ Греціи, съ Греческаго переведенный. Вотъ его обычное Славянское заглавіе: «Книгы стаго Ефрѣма глаголемыи Грьчскыи языкыи Паренесисъ (Παραίεσις). Сказакъ же са паренесисъ притѣча. оутѣшеник. моленик. поученик. наказаниа потреб'на».

Переводъ этого выбора, судя по языку, нельзя не отнести къ числу древнѣйшихъ памятниковъ Старо-славянской письменности. По частямъ выборъ этотъ сохранился и въ другихъ памятникахъ письма столѣтнемъ болѣе древнихъ, чѣмъ разсматриваемый Волынской списокъ.

Такъ, одинъ отрывокъ сохранился въ глаголическомъ списокѣ древняго письма. Нѣсколько статей внесено въ Сборникъ XII вѣка, принадлежащій Троицко-Сергіевской лаврѣ. Въ разсматриваемомъ списокѣ Волынскомъ, по древности стоящемъ впереди всѣхъ полныхъ списковъ Паренесиса, находимъ Поученія Ефрема Сирина въ обычномъ порядкѣ, за исключеніемъ очень немногихъ и съ прибавленіемъ нѣсколькихъ, не находящихся въ другихъ спискахъ. Въ немъ, между прочимъ, есть и вставка статьи, не принадлежащей ни къ Паренесису, ни вообще Ефрему Сирину: это—«штъ грѣшного Геѡргіа черноризца Зарубьскыа пещеры повчѣнымъ дѣѡвному чаду»—сочиненіе Русское.

Зарубская пещера, то-есть, монастырская обитель съ пещерою, находилась на правой сторонѣ Днѣпра противъ устья Трубежа. Теперь тамъ деревня Монастырокъ, и остатки пещеры. Изъ этой обители вызванъ чернецъ Климъ Смолятичъ и поставленъ митрополитомъ въ 1147 г.: въ лѣтописяхъ сказано «изъ Заруба». По заглавію вышеозначеннаго поученія яснѣе становится, что въ Зарубѣ былъ монастырь.

Въ поученіи старецъ Георгій наставляетъ свое чадо, пожелавшее имѣть его своимъ вождемъ и принадлежавшее, какъ кажется знатному роду—помнить о смерти и о томъ, что готовить она человѣку, дать въ сердцѣ мѣсто страху божьему, любить Бога, украшать себя смиреніемъ, милостынею, защитою сиротъ и вдовъ, любить всѣхъ, хранить тайны друзей, убѣгать клеветанья, беречь себя отъ клятвъ, отъ зависти, отъ всякаго суетнаго веселья, замѣнивъ гусли Псалтыремъ и книгами повѣстей и ученій св. отецъ, пострадавшихъ за Господа. Замѣтить слѣдуетъ, что не упомянуто ни о пьянствѣ и объядѣніи, ни о рѣзахъ, поборгахъ и т. п. Нѣтъ ничего, что бы давало знать о Татарахъ.

Разсматриваемая книга очень важна для изученія древняго языка. (См. Свѣд. и Зам. VI, 37—50).

Грамота Новгородскаго князя Андрея Александровича 1294 г. или позже.

Подлинникъ хранится въ Рижскомъ архивѣ. Писанъ на длинномъ лоскутѣ пергамина, длиною около 6 верш., шириною около 1½ верш. Занимаетъ всего 7¼ строкъ.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И І К Л М Н О П Р
 С Т О Ц У Ч Ъ Ы Ь Ъ Ю Я

Въ написаніи замѣчательно, кромѣ сокращенія окончанія им. множ. ове о, употребленіе о вм. ѣ и е вм. ѣ, и на оборотъ ѣ вм. о: ко крѡльвино, моужьно, к вамо;

Новгорѣдскыи, молвате;

Новогорѣда, крѡльвино, горѣдоу, великогѣ;

Употребленіе е вм. ѣ (вероу), и вм. ѣ (днеть).

Грамота писана къ королевскимъ мужамъ въ Кольвань, въ слѣдствіе того, что они присылали пословъ къ князю и къ Новгороду; ею князь и Новгородъ увѣдомляютъ, что послагъ князь для заключенія мира своего сына Володимира, а отъ Новгорода «Козуму и Илію». Упоминается посадникъ Андрей.

Князь Андрей Александровичъ былъ княземъ съ 1294 г.; въ этомъ же году упоминается и посадникъ Андрей.

При грамотѣ печать.

Псалтырь съ покаянными и съ молитвами 1296 г.

Рукопись Синодальной б—ки въ б. 4-у 338 лл. (последніе два въ два столбца) очень крупнымъ красивымъ уставомъ, съ многими раскрашенными буквами и съ заставками. Общій рисунокъ письма отличается отъ предыдущихъ памятниковъ, какъ будто и очинъ пера другой; впрочемъ, буквы отличаются болѣе длиннотою и рѣзкою разницею между толстыми и тонкими чертами.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И І К Л
 М Н О П Р С Т О Ц У Ч
 Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Ю Я

О употребляется часто въ началѣ словъ и слоговъ; о вм. ъ, е
вм. ъ; у вм. оу (въ записи).

Запись, помѣщенная въ концѣ книги, къ сожалѣнію, въ первой
строкѣ подрѣзанная болѣе чѣмъ до половины буквъ, обозначаетъ
время написанія книги:

ЛѢ . З̄ . Ѡ . Д̄ . Ма (въ кѣ?)

въ великъ дѣнь бѣи блго

вѣщение. і висікоств

причте. повелѣ собѣ

болюбивамъ кнагѣи

Мари^{ма} списати кни

сига. псалтырю с пока^{ма}

ныи и мѣтами Зарі

ма писе^{ма} о Гѣ Бѣе вседе

ржиин мола Гѣви и пре

чѣви кго мѣри. Имѣ

ма из дѣтска Собыча^а

мно^{ма} написавъ бослови

ма стѣи книгѣ. оуже

при старости ему бывѣ^{ма}

списа на Воло^{ма} еоуангле

опрако болюбивѣ Анѣ

тоннию игоуме^{ма} к Покро

воу стѣи Гѣи Бѣи. і сию

пѣстроу написа^{ма} много тру

дивѣ о Гѣ Бѣе

. должны бо ксмѣ

за са и за весь родѣ

крѣтъаньскѣи и(о)

литвы сѣ псалты (рѣ)

ю възносити рекоу

ще. поцади Гѣи по (ща)

ди Гѣи люди свои. и(е)

дажѣ достогании с(во)

кго в поношеникѣ ъ

бладати иноплем(е)

нѣникомѣ. да не ре

коуть кде кствѣ Бѣи и

Хѣ.

Въ 6804=1296 г. пасха дѣйствительно была марта 25-го въ день Благовѣщенія и годъ былъ високосный.

Псалтырь эта по церковному употребленію раздѣлена на 20 каизмъ. Въ концѣ каждой каизмы написаны покаянные тропари и молитвы, не такъ и частію не тѣ, что нынѣ. Въ концѣ XVII-й каизмы помѣщена (л. 275—277):

Мѣтва сѣго Феодосіа Печерскаго за вса крѣтныи....

Въ самой молитвѣ, впрочемъ, помянуто: моления ради сѣго оца нашего Антоніа и Феодосіа всемъ Роуси свѣтилника обѣщавшаго молитиса за ны.—

Текстъ псалмовъ тотъ же, что и въ другихъ древнихъ псалтыряхъ, съ небольшими измѣненіями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поляхъ или же въ пробѣлѣ написаны приписки. Такъ, на оборотѣ 336 л. въ низу:

«Гѣ помози рабу своему Кюру Костантиновицю»,
и ниже, рукою нѣсколько болѣе позднею:

«А далъ сию пѣтръ Кюръ Костантиновъ. сѣви Бѣи Бѣгвѣщѣю въ дшѣвную часть. а въ мѣтвхъ поманите Костантина. неза....»
далѣе отрѣзано при переплетѣ.

Патерикъ скитскій 1296 г.

Рукопись Синодальной бібліотеки въ 4-у 183 л. Написано не все сочиненіе, но съ записью въ концѣ. Написана книга не крупно и тѣсно.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

Въ концѣ книги записъ:

Въ лѣ. сѣ. ѿ. д. кончанъ быша книги.
сид. мѣа. нѣла. въ ал. на пѣ стой мѣ Еуѣинь
того. лѣта бы по скоудоу хлѣба. а въ
Свѣдальской земли голодъ баше. мно

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М
 Н П Р С Т О У Х Ч Ъ Ы Ь Ъ
 Ю Я
 Ѧ

А В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т Х
 Ч У Ш Ъ Ь Ъ Ю Я Ѧ ѡ Ѱ
 у
 ы

Вотъ все это подтвержденіе:

Се азъ князь Смоленскій, Александръ, докончалъ, есмь
 с Немьци
 по давнему докончанью, како то докончали ѡтци наши дѣди,
 наши
 на техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать.

Рядная Грамота Тѣпаты и Якіма до 1299 г.

Хранится въ Рижскомъ архивѣ. Написана на небольшомъ ло-
 skutkѣ пергамина длиною въ 3, шириною въ 2 вершка, на 14 1/2
 строкахъ.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н
 О П Р С Т О У Х Ч У Ш Ц Х Ъ Ы Ь
 Я Я

у попадается часто вм. оу; ѡ послѣ ѡ опускается: Смоленанинъ;
 км удержано.

Послѣднія слова этой рядной:

ѡ псалъ Довмонтовъ писецъ.

Печать при грамотѣ Довмонтова съ ликомъ св. Тимофея, ангела

Довмонтова. А такъ какъ князь Псковскій Довмонтъ-Тимоеей умеръ 20 мая 1299 г., то слѣдовательно рядная писана до 1299 г.

Этотъ памятникъ любопытенъ какъ древнѣйшій изъ удѣлѣнныхъ частныхъ договоровъ изъ роду рядныхъ.

Вотъ она вся:

«Се порадиша. Тѣшата. съ Іакымомъ
 про. складство. про. первую. и про. задъ
 немъ. и на двѣдѣ. Іакымъ. серебро. взя
 лъ. а. мониста. Тѣшатина. у Іакымо
 вы. жены. свобода. Тѣшатѣ. взати.
 и роцетъ. оучинила. промежи. себе. а
 бо. гѣ. не. надобѣ. Іакыму. Тѣшата. нѣ
 Тѣшатѣ. Іакымъ. а. на. томъ. послуши.
 Дѣдъ. попъ. Дорожка. Домославъ.
 Вѣкопкинъ. Бонанъ. Кузма. Лойко
 вичъ. Жидило. Жихновичъ. Иванъ. Смо
 ланинъ. а. кто. снѣ. радъ. переступи
 ть. Іакымъ. ли. Тѣшата. ли. тотъ. дастъ
 рѣ. гри. серебра. а. псалъ. Довмонтовъ
 писецъ.»

Вещи.

Церкви по прежнему расписывались, и разумѣется при изображеніяхъ писались разныя записи.

Употребляются въ церквахъ и изваянія священныя. Одно изъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи касается церкви св. Георгія въ Юрьевѣ Польскомъ: по сказанію Лаврентьевской лѣтописи она была совершена и украшена кн. Святославомъ Всеволодовичемъ въ 6742 г. Какъ украшена, объ этомъ читаемъ въ Воскресенской лѣтописи «Бѣ бо изовиѣ около всея цркви по камению рѣзанымъ святымъ чудымъ вельми иже есть и до сего дни». Часть этихъ изваяній сохранилась доселѣ: каменное распятіе со святыми вокругъ. Сохраняется и часть записи на камнѣ:

Мѣца июня .в. І. д.
 памѣ стго іуѣ воини
 ка поставленъ крѣтъ
 Стославъмъ Всево
 лодичемъ амн

Буквы:

А В Г Д Е Ж И К Л
М Н О П Р С Т Ц Ч
Ш А Ю Ъ Ы

Другого рода кресты изваянные находятся въ Никольской часовнѣ въ Новгородѣ по бокамъ древней настѣнной иконы свят. Николая, у бывшихъ Владимирскихъ Кремлевскихъ воротъ. Крестъ на право въ три аршина, на немъ высѣчена надпись:

Гди спси и по
милби раба с
воего съмеш
на грешнаг
о чьрньца. ор
кажа. манас
тыря. аминь
а поставленъ
ст. ть сн
в лѣо § . ѱ . м̄ в . е.
мця. авгѣста

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж И К
Л Г
А

Л П Н О П Р С Т Ъ

М

Ч У Ш Ъ Ъ Ъ А Ч

Ѡ ѡ †

Нельзя упустить изъ виду и чеканныхъ украшеній храмовъ, какія представляются на вратахъ. Таковы Новгородскія такъ-называемыя Корсунскія врата (см. о нихъ Аделунга: Корсун. врата. Рус. пер. 1834 г.;—Пр. П. Соловьева: Описаніе Новгор. Соф. соб. 1856: стр. 128; Арх. Макарія: Археол. Опис. церк. древ. въ Новгородѣ 1860. II стр. 269 и слѣд.; Древ. Рос. Госуд. VI, № 21—26). Врата эти дѣревянныя (выш. 5 ар. шир. 1³/₄), но обложены съ лицевой стороны мѣдными дощечками.

Каждая половинка вратъ кругомъ, по краямъ, обложена богатой коймой и раздѣлена коймою же поперекъ на 7 отдѣленій; въ каждомъ отдѣленіи на дощечкахъ вычеканены изображенія и нарѣзаны написи Латинскія, Нѣмецкія и Славяно-Русскія. На одной половинѣ главныя изображенія касаются Рождества Спасителя и перваго Его возраста, а на другой—входъ Его въ Іерусалимъ, страсти, смерть и сошествіе во адъ. Кромѣ того есть и другія изображенія. Едва ли впрочемъ Славяно-Русскія написи относятся къ XIII вѣку, судя по буквѣ и вм. н.

Изъ священныхъ вещей церковныхъ до очень недавняго времени сохранялся воздвизальный крестъ архіеп. Новг. Антонія, длиною 15 верш., шириною въ верхней части 5 верш., въ нижней части 6 верш., толщиною въ вершокъ и въ ¹/₂ верш., обложенный серебромъ чеканнымъ съ рисунками и изображеніями Спасителя и святыхъ. Главная надпись по толщинѣ съ боку:

господи помози рабу свѣмѣ Антонѣ архі

— 8 Новгородскѣмъ давшомѣ крѣ стонѣ ѣни .: крестъ.

Буквы:

А Б В Г Д З Н Ю К Л П О
П Р С Т У Х Ш Ъ Ы Ю Ф

При изображеніяхъ святыхъ: ѿ агнос навьло~

ѿ агнос петороз—ѿ агнос сонъонъс—ѿ агнос пѿ:—

Въ 1848 г. серебряная обложка была передана (Оп. Соф. соб. 168)

Изъ вещей свѣтскихъ сохранился шлемъ, найденный на погѣ Липецкой битвы близъ Юрьева Польскаго (Владимірской губер.) и хранящійся въ Оружейной палатѣ. Въ передней части его наложено золоченое изображеніе архистратига Михаила съ написью, и на верху изображеніе Спасителя, Георгія, Василія и Теодора. Главная записъ такова:

въликити архистратиге ги
лиханге помози рабѣ своемѣ ѿеу
до рѣ

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З Н К Л М
Н О П Р С Т У Х З Д Ф Ш

При грамотахъ привѣщивались обыкновенно печати. Отъ XIII в. сохранились Смоленскія, Новгородскія, Псковскія.

Русская письменность XIV вѣка.

Отъ XIV вѣка, и по относительной близости его къ нашему времени, и потому что письменность Русская въ этотъ вѣкъ была болѣе дѣятельна, осталось памятниковъ гораздо болѣе, нежели отъ вѣковъ предыдущихъ. Тѣмъ не менѣе и изъ памятниковъ этого вѣка многіе извѣстны только изъ списковъ болѣе позднихъ, многіе же только по упоминаніямъ.

Изъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ въ позднѣйшихъ спискахъ, болѣе достойны памяти:

— Лѣтописный сводъ, заключающій въ себѣ «Повѣсть Временныхъ лѣтъ» съ продолженіями, относящимися большею частью къ сѣверной Руси, продолжающійся до 1304 года включительно. Онъ сохранился въ спискѣ XIV же вѣка, но не начала, а конца, именно 1377 года. Это такъ называемая Лаврентьевская лѣтопись, получившая такое названіе отъ писца мниха Лаврентія. Лѣтописи продолжаемы были почти всюду, гдѣ ведены были въ XIII в. Новгородскія лѣтописи, сохраняя по прежнему характеръ мѣстный, были ведены разомъ разными лицами, судя по различію свѣдѣній объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ. Псковская лѣтопись ведена была также съ намѣреніемъ ограничиваться въ кругѣ тѣхъ событій, которыя важны были исключительно для Пскова; но представляетъ и другія свѣдѣнія, между прочимъ о событіяхъ Новгородскихъ, Литовскихъ и др. О событіяхъ Московскихъ ведено было нѣсколько лѣтописей, включавшихъ и событія другихъ частей Русской земли. Новгородскія, лѣтописи и лѣтопись Псковская сохранились и въ отдѣльныхъ спискахъ; Московскія почти исключительно въ сводахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Софійскаго временника, лѣтописи Троицкой, Воскресенской, Никоновской и пр. Нѣкоторые списки XV вѣка, болѣшая часть писана позже.

Во второй половинѣ XIV в. начата лѣтопись Литовско-Русская, сохранившаяся въ спискѣ XVI в. и болѣе позднихъ.

Изъ отдѣльныхъ сказаній стоитъ упомянуть:

— Сказаніе о убіеніи кн. Михаила Ярославича Тверскаго въ 1318 г.: современность написанія доказывается нѣкоторыми подробностями; списки XV в. и болѣе поздніе.

— Сказаніе о жизни и смерти кн. Александра Михайловича Тверскаго 1339 г.

— Повѣсть о житіи и успеніи Алексѣя митрополита, ум. въ 1378 г.

— Слова, повѣсти и сказанія о битвѣ на Куликовомъ полѣ 1380 г.: слово о Задонщинѣ; Сказаніе о побойщѣ съ Мамаемъ, Повѣсть о побойщѣ в. к. Дмитрія Ивановича, и пр.—важны частью по подробностямъ историческимъ, частью по поэтическому изложенію.

— Повѣсть о Митяи въ глгописи подъ 1380 г.

— Повѣсть о прихожденіи Тохтамышевъ на Москву въ 1382 г.

— Житіе Петра митрополита, написанное митр. Кипріяномъ послѣ 1389 г.

— Память о житіи и преставленіи пр. Сергія 1392 г.

— Сказаніе о житіи и преставленіи в. к. Дмитрія Ивановича, написанное послѣ 1393 г.

— Сказаніе о приходѣ Тамерлана на Русь и о чудеси иконы Богоматери Владимірской послѣ 1395 г.

— Житіе Стефана Пермскаго 1396 г.

— Повѣсть о побойщѣ к. Витовта съ царемъ Темиръ Кутлуемъ 1399 г.

— Повѣсть о житіи и преставленіи в. к. Михаила Александровича Тверскаго 1399 г.

Большая часть ихъ нашла себѣ мѣсто въ сборникахъ и глгописяхъ XVI и XVII вв.

Изъ записокъ путешественниковъ извѣстны изъ позднихъ списковъ: Странникъ Стефана Новгородца, сказаніе о Царьградѣ послѣ 1347 г.; Хоженіе Пименово въ Царьградъ и въ Іерусалимъ, записки чернеца Ігнатія 1392; Хоженіе дьяка Александра въ Царьградъ 1395 г.

Изъ правилъ церковныхъ, вносимыхъ въ кормчія позднѣе:— Вопросы Сарайскаго еп. Теоноста Констант. собору съ отвѣтами 1301 г.; Правила митр. Максима до 1305 г.; Уставная грамота Діонисія Суздальскаго Псковскому Свѣтогорскому монастырю октября 1382; Отвѣтъ митр. Кипріяна 1390 г. или позже; Уставная грамота митр. Кипріяна Константиновскому монастырю 1392; Уставная грамота в. к. Василія Дмитріевича о церковныхъ судахъ 1392.

Изъ поученій: Поученія митр. Петра до 1326 г., Пастырское посланіе еп. (позже митр.) Алексѣя 1352 г., Поученіе Матвея Сарайскаго ок. 1377, Выписки изъ книги Пчела Правовѣрія митр. Михаила до 1379 г.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

включаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критическія и библиографическія, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

6021
5

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

